

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аккиева С.И., Теммоев И.Ю. Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа 8

Глазырин В.А. «Сила» этики в юриспруденции..... 13

Москаленко Г.Е., Шевцова К.А. Юрисдикция и юридические коллизии: теоретико-правовое осмысление и практическое применение 19

Мошкова А.Д., Игнатенко В.А., Шанихина Н.Н. История правового регулирования семейных отношений нормами гражданского права в советском и современном обществе в РФ 24

Собанина Д.В. Возможности применения методологии планирования в правовой системе 27

Трофимов В.В., Родионова А.А., Турсина В.А., Житнева А.М. Правоотношения в сфере правотворчества как способ реализации права: юридический парадокс или объективная данность правовой жизни 31

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Возик Н.Р. Подходы к реализации конституционно-правовых принципов регулирования деятельности средств массовой информации 39

Ерофеев Д.А. Географические и геополитические факторы формирования государственной границы России в Арктике 43

Золотухина М.С. «Регуляторная гильотина» в системе государственного контроля в сфере управления строительством и градостроительной деятельности 49

Иванов Р.М. Основные проблемы конституционной защиты детей в современных российских реалиях..... 53

Ерофеев Д.А. История становления государственной границы советской России в Арктической зоне: правовое регулирование защиты и охраны 60

Исаев Д.А. Проблемы парламентского контроля: парламентское расследование и иные формы..... 65

Курьякова В.Ф. Вопросы правового регулирования зон охраны объектов культурного наследия: современные вызовы 69

Липски С.А. Землеустроительное обеспечение реосвоения заброшенных сельхозугодий: правовой аспект..... 74

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОВ ВО «Российский университет дружбы народов»; профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор Кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джидждолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Матей Е.В.</i> Решение о выпуске цифровых финансовых активов: проблемы и практика юридической конструкции 79	<i>Давудмагомедова Л.Г., Ильина Е.В., Захарья И.Т.</i> Сравнительно-правовая характеристика института наследования России и Германии 163
<i>Махьянова Р.М.</i> Роль тактики в оценке эффективности надзорной деятельности прокуратуры и профессиональной деятельности прокурорских работников 83	<i>Емельянов Е.А.</i> Оборот земельных участков и необходимость его регулирования 167
<i>Павлов И.С., Павлов С.И., Трифионов В.А., Сычкин А.С., Дробышевская М.В.</i> Формирование системы регулирования применения искусственного интеллекта в медицине: этико-правовые аспекты 87	<i>Ефимова Л.А.</i> Портрет современного мецената и наследственный механизм 171
<i>Поталова Л.В.</i> Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства 93	<i>Журавлева М.А.</i> Механизм межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права на примере признания недействительными антисоциальных сделок по коррупционным делам 176
<i>Семякин Н.К.</i> Проблема отнесения муниципального права собственности на ГТС и пути ее решения 96	<i>Иккерт А.В.</i> О вопросах привлечении к административной ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности 183
<i>Скаридов А.С.</i> Дело «Lotus» в условиях современного международно-правового ландшафта 100	<i>Киселёв В.В.</i> Особенности реализации имущества гражданина как процедуры банкротства физических лиц: проблемы правоприменительной практики 188
<i>Хван И.И.</i> Правовой статус цифрового рубля: трансформация законодательства в условиях цифровой экономики 106	<i>Клепикова О.Г., Климова А.Н., Кошкина И.Г.</i> К вопросу о привлечении к административной ответственности за допущение произрастания сорной растительности на земле сельскохозяйственного назначения 194
<i>Шафеева Э.И., Мифтахов И.Р., Лукаманова А.Д.</i> Разработка правовых механизмов защиты геологического наследия: на примере геопарка «Торатау» Республики Башкортостан 110	<i>Клещева И.А.</i> Личный закон международных компаний 199
<i>Денисенко В.В., Шевченко В.М.</i> О целесообразности перераспределения полномочий между субъектами административной юрисдикции в сфере интеллектуальной собственности 114	<i>Ковалёв И.А.</i> Гражданско-правовое регулирование частных инвестиций: проблемы и перспективы включения специализированного транспорта в контракты жизненного цикла 203
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Акманов Д.Р.</i> Определение наличия свойства гражданской процессуальной правоспособности при предъявлении в суд требований, вытекающих из залоговых правоотношений 117	<i>Андреевская А.Н., Косторнов Д.А.</i> Регистрация имени в качестве товарного знака: проблемы теории и правоприменительной практики 208
<i>Аламова С.М.</i> Цифровые технологии и правовой ландшафт в сфере интеллектуальной собственности 121	<i>Лимонов П.В.</i> Манипулятивное воздействие на деловую репутацию как форма недобросовестной конкуренции на цифровом рынке 211
<i>Антонов М.А.</i> Презумпция недобросовестности как инструмент защиты прав кредиторов в банкротстве 129	<i>Мамаев А.А.</i> Принцип преимущественной защиты прав взыскателя и классификация прав взыскателей в принудительном исполнении 216
<i>Федоренко Ю.В., Баборики Т.Н.</i> Современные проблемы доказывания в арбитражном процессе 134	<i>Мелихов И.С.</i> Информация как объект гражданских прав 221
<i>Васильев А.О.</i> Гражданско-правовая охрана фирменного наименования в международной практике и цифровой среде 140	<i>Мельников О.О.</i> Правовая категория «максимальная мощность» в договоре технологического присоединения к электрическим сетям 225
<i>Воронова О.Н.</i> Недостатки правового регулирования деятельности руководящих работников организаций оптовой торговли лекарственными средствами 146	<i>Никиенко К.Г.</i> Разработка оснований концепции миграционной политики: аспекты соотношения инструментов регулирования на федеральном и региональном уровне 231
<i>Вронская М.В.</i> Отдельные проблемы квалификации гражданско-правовых договоров, заключаемых в период проведения избирательной компании и пути их решения 151	<i>Никонорова Е.С.</i> Роль косвенных доказательств при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) должника 235
<i>Выборова Я.Е.</i> Майнинг цифровой валюты в рамках бытового потребления электроэнергии: признаки, особенности доказывания 157	<i>Озмаян Ю.З.</i> Способы защиты патентных прав обладателя зависимого объекта 241

<i>Орлов А.В.</i> Правовое регулирование упрощенного порядка утверждения плана реструктуризации долгов при банкротстве микро- и малых предприятий.....	245	<i>Бурняшева В.В.</i> Расследование незаконного оборота наркотических средств с использованием информационных технологий (сети Интернет)	322
<i>Осипова А.Ю.</i> Соотношение обязательного основания заключения договора и юридической обязанности.....	252	<i>Васильченко К.В.</i> Квалификация нежелательной деятельности: аспекты разграничения со смежными составами преступлений	325
<i>Озмаян Ю.З.</i> Сравнение института зависимых объектов с иными категориями права интеллектуальной собственности.....	255	<i>Волколупов В.Г., Волколупова В.А.</i> Квалификация насильственных преступлений, сопряженных с бандитизмом: теоретические и правоприменительные аспекты.....	329
<i>Саратов А.С.</i> О некоторых аспектах моделей корпоративного управления.....	259	<i>Горячева А.К., Родина А.Д.</i> Совершенствования законодательной регламентации института освобождения от уголовной ответственности.....	334
<i>Саяпин С.П.</i> О правовом регулировании инвестирования с использованием цифровых платформ в Китайской Народной Республике (КНР).....	263	<i>Жохова Н.А.</i> Объективное вменение в отечественном уголовном праве: исторический аспект.....	339
<i>Соловяненко Н.И.</i> Юридические проблемы цифрового неравенства и его преодоления при реализации задач цифровизации экономической деятельности.....	266	<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М.</i> Роль принципов криминологии в уголовной политике.....	344
<i>Сосорин К.Д.</i> Развитие системы регулирования института защиты авторских прав в условиях цифровой трансформации.....	271	<i>Ильин Ю.И.</i> Использование беспилотных летательных аппаратов для обеспечения охраны общественного порядка в зоне СВО.....	350
<i>Стоянов Н.А.</i> Основные тенденции в области саморегулирования страховых компаний РФ.....	276	<i>Пантюхина И.В., Кольцова Е.Ю.</i> Особенности регламентации, проявления и толкования последствий экологических преступлений.....	358
<i>Саяпин С.П.</i> Формирование правового регулирования товарных цифровых платформ на цифровых рынках в Великобритании.....	281	<i>Лаптев А.С.</i> Применение интеграционного подхода при реализации регионального криминологического планирования: аспекты профилактики преступлений	362
<i>Бояндина В.В., Сыровацкая Ю.Е.</i> Развитие правового регулирования раскрытия информации корпорациями: аспекты выявления факторов прозрачности.....	284	<i>Лугинец Е.А., Железкин А.С., Мамишева С.Р.</i> Хищение электроэнергии: проблемы административной и уголовной ответственности	367
<i>Тамаев А.В.</i> Значение и препятствия в правильной квалификации режима искусственного интеллекта.....	287	<i>Маторина О.С., Удавцова Е.Ю., Шавырина Т.А., Меретукова О.Г., Трещин Е.С.</i> Ретроспективные аспекты развития российского уголовного права в сфере здоровья в советский и современный периоды.....	370
<i>Титов М.В.</i> Понятие бенефициарного владельца при банкротстве в законодательстве и судебной практике ...	291	<i>Плотников Г.Г.</i> О подготовке кадров в области защиты информации для технических подразделений безопасности	379
<i>Фарков Д.О.</i> Последующий бюджетный контроль исполнения государственных контрактов на строительство объектов транспортной инфраструктуры	296	<i>Рязанова Е.Н.</i> Кражи и мошенничества, совершаемые бесконтактным способом в структуре преступлений против собственности.....	382
<i>Хорошенький Ю.А.</i> Правовые аспекты несостоятельности юридических лиц: проблемы и перспективы совершенствования.....	299	<i>Салихов М.М.</i> Формирование критериев разграничения состава преступлений нарушения требований промышленной безопасности и актов терроризма.....	387
<i>Циндяйкина Е.П., Цыпкина И.С.</i> О некоторых вопросах, возникающих при применении дисциплинарных взысканий.	305	<i>Степанова М.Е.</i> О стратегиях борьбы с коррупцией: компаративный обзор.....	391
<i>Шохова В.А.</i> Выявление направлений развития института корпоративного договора в России	310	<i>Бояндина В.В., Сыровацкая Ю.Е.</i> Проблемы квалификации общественно опасных деяний, совершенных лицами в состоянии невменяемости	397
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		<i>Тарасова А.А.</i> Становление института специальных знаний.....	401
<i>Абдыкалыков А.А.</i> Социальные сети. Как использовать их в качестве доказательства в суде.....	313		
<i>Богунова Г.В.</i> Вопросы, возникающие при уголовной ответственности за каннибализм в Российской Федерации	318		

<i>Черявко Е.Д.</i> Правовая природа уголовной ответственности за создание и участие в диверсионном сообществе.....	406
<i>Эльдарова С.А., Федорова Ф.А., Гаджимагомедова Ш.С.</i> Правовые основы медицинской экспертизы и медицинского освидетельствования.....	409
<i>Яблоков А.М.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве. Проблематика и перспективы развития. Через медиацию к уголовно-правовому договору	413
<i>Яралиев М.М., Кольев А.А.</i> Актуальные вопросы предупреждения коррупционных преступлений в УИС	417

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Дао Ле Минь Чанг.</i> Проблемы квалификации зонтичной оговорки в международных инвестиционных соглашениях Вьетнама.....	421
<i>Лозовицкая Г.П., Краевская А.Г.</i> Индивидуальная и коллективная ответственность за массовые преступления: международный опыт и национальный подходы.....	429
<i>Овсеян Р.Р.</i> Административно-правовое регулирование социального страхования от безработицы в странах БРИКС	434

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Akkieva S.I., Temmoev I.Yu.</i> Constitutional and legal rehabilitation of the repressed peoples of the north caucasus.....	8
<i>Glazyrin V.A.</i> The “Power” of Ethics in Jurisprudence.....	13
<i>Moskalenko G.E., Shevtsova K.A.</i> Jurisdiction and legal conflicts: theoretical and legal understanding and practical application.....	19
<i>Moshkova A.D., Ignatenko V.A., Shanikhina N.N.</i> History of legal regulation of family relations by civil law norms in Soviet and modern society in the Russian Federation.....	24
<i>Sobanina D.V.</i> Possibilities of applying planning methodology in the legal system.....	27
<i>Trofimov V.V., Rodionova A.A., Tursina V.A., Zhitneva A.M.</i> Legal relations in the field of lawmaking as a way of realizing law: a legal paradox or an objective reality of legal life.....	31

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Vozik N.R.</i> Approaches to the implementation of constitutional and legal principles for regulating the activities of the media.....	39
<i>Erofeev D.A.</i> Geographical and geopolitical factors in the formation of the state border of russia in the arctic region....	43
<i>Zolotukhina M.S.</i> “Regulatory Guillotine” in the System of State Control in the Sphere of Construction Management and Urban Development.....	49
<i>Ivanov R.M.</i> Main problems of constitutional protection of children in modern Russian realities.....	53
<i>Erofeev D.A.</i> History of the formation of the state border of Soviet Russia in the Arctic zone: legal regulation of protection and security.....	60
<i>Isaev D.A.</i> Problems of parliamentary control: parliamentary investigations and other forms.....	65
<i>Kuryakova V.F.</i> Issues of legal regulation of cultural heritage protection zones: modern challenges.....	69
<i>Lipski S.A.</i> Land management support for the development of abandoned farmland: a legal aspect.....	74
<i>Matei E.V.</i> Digital financial assets prospectus: problems and practice of document’s legal construction.....	79
<i>Makhyanova R.M.</i> The role of tactics in assessing the effectiveness of supervision activities of the prosecutor’s office and the professional activity of prosecutorial workers.....	83
<i>Pavlov I.S., Pavlov S.I., Trifonov V.A., Sychkin A.S., Drobyshevskaya M.V.</i> Formation of a system for regulating the use of artificial intelligence in medicine: ethical and legal aspects.....	87
<i>Potapova L.V.</i> Some issues of implementation of prosecutorial supervision over the implementation of migration legislation.....	93

<i>Semyakin N.K.</i> The problem of attributing municipal ownership to the hydraulic engineering structure and ways to solve it.....	96
<i>Skaridov A.S.</i> The «Lotus» case in the current International legal Landscape.....	100
<i>Hvan I.I.</i> Legal status of the digital ruble: transformation of legislation in the context of the digital economy.....	106
<i>Shafeeva E.I., Miftakhov I.R., Lukmanova A.D.</i> Development of legal mechanisms for the protection of geological heritage: using the example of the Toratau geopark of the Republic of Bashkortostan.....	110
<i>Denisenko V.V., Shevchenko V.M.</i> Expediency of redistribution of powers between subjects of administrative jurisdiction in the field of intellectual property.....	114

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Akmanov D.R.</i> Determining the presence of the property of civil procedural legal capacity when presenting to the court claims arising from pledge legal relations.....	117
<i>Alamova S.M.</i> Digital Technologies and the Legal Landscape in Intellectual Property.....	121
<i>Antonov M.A.</i> Presumption of Bad Faith as a Tool for Protecting Creditors’ Rights in Bankruptcy.....	129
<i>Fedorenko Yu.V., Baboriko T.N.</i> Contemporary problems of evidence in arbitration process.....	134
<i>Vasilyev A.O.</i> Civil protection of a trade name in international practice and the digital environment.....	140
<i>Voronova O.N.</i> Disadvantages of legal regulation of activities managers of wholesale organizations trade in medicines.....	146
<i>Vronskaya M.V.</i> Some problems of qualification of civil law contracts concluded during the election campaign and ways to solve them.....	151
<i>Vyborova Ya.E.</i> Mining of digital currency within the framework of household electricity consumption: signs, features of proof.....	157
<i>Davudmagomedova L.G., Ilyina E.V., Zakharya I.T.</i> Comparative legal characteristics of the institution of inheritance in Russia and Germany.....	163
<i>Yemelyanov E.A.</i> Land turnover and the need for its regulation.....	167
<i>Efimova L.A.</i> Portrait of a modern sponsor and hereditary mechanism.....	171
<i>Zhuravleva M.A.</i> The mechanism of intersectoral interaction of civil and criminal law on the example of invalidation of antisocial transactions in corruption cases...	176
<i>Ikkert A.V.</i> On the issues of bringing to administrative responsibility persons operating personal mobility vehicles.....	183
<i>Kiselev V.V.</i> Peculiarities of realization of citizen’s property as a procedure of bankruptcy of individuals: problems of law enforcement practice.....	188

<i>Klepikova O.G., Klimova A.N., Koshkina I.G.</i> On the question of bringing to administrative liability for allowing weeds to grow on agricultural land.....	194	<i>Tamaev A.V.</i> The importance and obstacles in the correct qualification of the artificial intelligence regime.....	287
<i>Kleshcheva I.A.</i> The personal law of international companies	199	<i>Titov M.V.</i> The Concept of the Beneficial Owner of the Debtor in Legislation and Judicial Practice	291
<i>Kovalev I.A.</i> Civil law regulation of private investments: problems and prospects of including specialized transport in life cycle contracts.....	203	<i>Farkov D.O.</i> Subsequent budgetary control over the execution of state contracts for the construction of transportation infrastructure facilities.....	296
<i>Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.</i> Registration of a name as a trademark: problems of theory and law enforcement practice	208	<i>Khoroshenkiy Iu.A.</i> Legal aspects of insolvency of legal entities: problems and prospects for improvement	299
<i>Limonov P.V.</i> Manipulative impact on business reputation as a form of unfair competition in the digital marketplace... ..	211	<i>Tsindyaykina E.P., Tsypkina I.S.</i> On some issues arising in the application of disciplinary sanctions	305
<i>Mamaev A.A.</i> The principle of preferential protection of the rights of the claimant and the classification of the rights of claimants in compulsory execution	216	<i>Shokhova V.A.</i> Identification of development directions of the corporate contract institution in Russia	310
<i>Melikhov I.S.</i> Information as an object of civil rights.....	221	CRIMINAL LEGAL SCIENCES	
<i>Melnikov O.O.</i> Legal category of maximum capacity in the grid connection agreement.....	225	<i>Abdykalykov A.A.</i> Social Networks: How to Use Them as Evidence in Court.....	313
<i>Nikienko K.G.</i> Development of the foundations of the concept of migration policy: aspects of the relationship between regulatory instruments at the federal and regional levels.....	231	<i>Bogunova G.V.</i> Issues arising when criminal liability for cannibalism in the Russian Federation.....	318
<i>Nikonorova E.S.</i> The role of indirect evidence in the consideration of insolvency (bankruptcy) cases of the debtor	235	<i>Burnyasheva V.V.</i> Investigation of illicit drug trafficking using information technology (Internet)	322
<i>Ozmanyany Yu.Z.</i> Ways to protect the patent rights of the owner of a dependent object.....	241	<i>Vasilchenko K.V.</i> Qualification of undesirable activities: aspects of differentiation from related crimes	325
<i>Orlov A.V.</i> Legal Regulation of Simplified Reorganization Plan Approval Mechanism in Micro- and Small Enterprises Insolvency.....	245	<i>Volkolupov V.G., Volkolupova V.A.</i> Qualification of violent crimes associated with banditry: theoretical and law enforcement aspects	329
<i>Osipova A.Yu.</i> The ratio of the mandatory basis for concluding a contract and the legal obligation.....	252	<i>Goryacheva A.K., Rodina A.D.</i> Improving legislative regulation of the institute of exemption from criminal liability	334
<i>Ozmanyany Yu.Z.</i> Comparison of the institution of dependent objects with other categories of intellectual property law.....	255	<i>Zhokhova N.A.</i> Objective imputation in domestic criminal law: historical aspect	339
<i>Saratov A.S.</i> Some aspects of corporate governance models.....	259	<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.</i> The role of the principles of criminology in criminal policy.....	344
<i>Sayapin S.P.</i> On the legal regulation of investment using digital platforms in the People's Republic of China (PRC) ...	263	<i>Ilyin Yuri Ivanovich</i> Use of Unmanned Aerial Vehicles to Ensure Public Order in the Special Military Operations Zone.....	350
<i>Solovyanyanenko N.I.</i> Legal problems of digital inequality and its overcoming in the implementation of the tasks of digitalization of economic activity.....	266	<i>Pantyukhina I.V., Koltsova E.Yu.</i> Peculiarities of regulation, manifestation and interpretation of the consequences of environmental crimes	358
<i>Sosorin K.D.</i> Development of a regulatory system for the institution of copyright protection in the context of digital transformation	271	<i>Lapteva A.S.</i> Application of an integrated approach in the implementation of regional criminological planning: aspects of crime prevention.....	362
<i>Stoyanov Nikita Aleksandrovich</i> Main trends in the sphere of self-regulation of insurance companies of the Russian Federation.....	276	<i>Luginets E.A., Zhelezkin A.S., Mamisheva S.R.</i> Electricity theft: issues of administrative and criminal liability	367
<i>Sayapin S.P.</i> Shaping the legal regulation of commodity digital platforms in digital markets in the UK.....	281	<i>Matorina O.S., Udavtsova E.Yu., Shavyrina T.A., Meretukova O.G., Evgeny S.T.</i> Retrospective aspects of the development of russian criminal law in the field of health in the soviet and modern periods.....	370
<i>Boyandina V.V., Syrovatskaya Yu.E.</i> Development of legal regulation of information disclosure by corporations: aspects of identifying transparency factors	284	<i>Plotnikov G.G.</i> On training personnel in the field of information security for technical security units.....	379
		<i>Ryazanova E.N.</i> Thefts and frauds committed by non-contact methods in the structure of crimes against property	382

<i>Salikhov M.M.</i> Formation of criteria for distinguishing between the elements of crimes of violation of industrial safety requirements and acts of terrorism	387
<i>Stepanova M.E.</i> Regarding measures against corruption, a comparative study.....	391
<i>Boyandina V.V., Syrovatskaya Yu.E.</i> Problems of qualification of socially dangerous acts committed by persons in a state of insanity	397
<i>Tarasova A.A.</i> Formation of the institute of special knowledge	401
<i>Cheryavko E.D.</i> The legal nature of criminal liability for the creation of and participation in a subversive community.....	406
<i>Eldarova S.A., Fedorova F.A., Gadzhimagomedova Sh.S.</i> Legal basis of medical examination and medical examination	409

<i>Yablokov A.M.</i> Pre-trial cooperation agreement. Problems and prospects of development. Through meditation to a criminal law contract.....	413
<i>Yaraliev M.M., Kolev A.A.</i> Current issues of prevention corruption crimes in the criminal code	417

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Dao Le Minh Trang.</i> Problems of qualification of the umbrella clause in Vietnam's international investment agreements	421
<i>Lozovitskaya G.P., Kraevskaya A.G.</i> Individual and Collective Responsibility for Mass Crimes: International Experience and National Approaches.....	429
<i>Ovsepyan R.R.</i> Administrative and legal regulation of social insurance against unemployment in the BRICS countries.....	434

Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа

Аккиева Светлана Исмаиловна,

доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
E-mail: asisma@yandex.ru

Теммиев Ислам Юсупович,

кандидат политических наук, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет (КБГАУ)
E-mail: temmiev@bk.ru

В статье рассматривается процесс конституционно-правовой реабилитации народов Северного Кавказа, подвергшихся массовым репрессиям в советский период. Подобные мероприятия направлены на восстановление исторической справедливости и укрепление национального согласия в многонациональном государстве. Исследуется правовая база, сформировавшаяся в постсоветский период, а также анализируются основные законодательные акты, которые сыграли ключевую роль в реабилитации этих народов.

Статья включает в себя исторический обзор репрессий, подчеркивая роль, которую они сыграли в дестабилизации социальной и культурной ткани региона. Автор подробно исследует правовые механизмы, использованные для восстановления национального статуса репрессированных этнических групп, такие как возвращение автономий, предоставление компенсаций и меры по возрождению национальных культур.

В рамках исследования был проведен сравнительный анализ конституционного опыта различных республик Северного Кавказа в сфере реабилитации, а также выявлены общие тенденции и различия в реализации правовых реформ. Особое внимание уделено современным вызовам, стоящим перед региональными правительствами, и пути преодоления остатков исторической несправедливости с помощью права.

Формируется вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и политик в контексте исторической справедливости и человеческих прав, чтобы обеспечить устойчивый мир и развитие на Северном Кавказе. Статья может служить аналитическим инструментом для исследователей в области конституционного права, историков и политиков, заинтересованных в вопросах межэтнических отношений и правовой реабилитации репрессированных народов.

Ключевые слова: Конституция, реабилитация, правовая защита, репрессированные народы, Северный Кавказ, историческая справедливость, национальная политика, этнические группы, права человека, восстановление.

Введение

Историческое прошлое народов Северного Кавказа отмечено рядом трагических событий, имеющих своими корнями репрессивную политику, проводимую государством в различные исторические периоды. Репрессии, депортации и дискриминация серьезно сказались на демографической и культурной картинах региона, оставив глубокий отпечаток на общественном сознании. В последние десятилетия предпринимаются усилия по восстановлению справедливости и обеспечению правовой реабилитации пострадавших народов. Однако процесс реабилитации до сих пор остается сложной и многогранной задачей, требующей внимательного анализа и системного подхода. Настоящая статья посвящена исследованию конституционно-правовой реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа в историческом и современном контексте.

Целью данного исследования является детальное изучение историко-правовых аспектов репрессий народов Северного Кавказа, а также анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей процесс их реабилитации. Особое внимание уделяется международному и российскому опыту правового регулирования, а также перспективам и стратегиям правовой поддержки репрессированных народов в условиях текущих правовых реформ. Комплексный подход к рассмотрению обозначенных вопросов позволит выработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию механизмов правовой реабилитации.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе исторических причин и последствий репрессий в отношении народов Северного Кавказа с акцентом на их правовое измерение. Впервые проводится сопоставление международной и российской нормативно-правовой базы реабилитации, что позволяет выявить как положительные практики, так и проблемные зоны в текущем правовом регулировании. Кроме того, исследование вносит вклад в разработку стратегий правовой поддержки репрессированных народов в условиях модернизации правовой системы России.

Материалы и методы исследований

Исследование основывается на обширном круге источников, включая архивные документы, законодательные акты международного и национального уровня, а также научные публикации, посвященные изучаемой проблеме. Методологическая

база статьи включает историко-правовой анализ, сравнительное правоведение, а также методы прогнозирования правовых реформ. Особое внимание уделяется анализу текущих правовых инициатив и их потенциальному влиянию на защиту прав репрессированных народов Северного Кавказа. Такой подход обеспечивает комплексное освещение темы и возможность выработки обоснованных рекомендаций для совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Результаты и обсуждения

Историко-правовые аспекты репрессий народов Северного Кавказа: анализ причин и последствий

Историко-правовые аспекты репрессий народов Северного Кавказа представляют собой сложный и многослойный феномен, обусловленный рядом политических, социальных и этнических факторов, взаимодействие которых привело к трагическим событиям XX века. Понимание причин и последствий этих репрессий требует глубокого анализа исторических условий, политических решений и правовой базы, которые служили оправданием для жестоких действий со стороны государства.

В первой половине XX века Советский Союз переживал эпоху радикальных трансформаций, которая сопровождалась интенсивной централизованной политикой в отношении национальных меньшинств. Исторически сложилось так, что Северный Кавказ был регионом, населенным многими этносами, каждый из которых имел собственную культуру, традиции и образ жизни. Для Советского правительства важным элементом политики стала идея формирования единой социалистической нации, которая должна была превзойти этническую разобщенность. Однако вместо ожидаемой интеграции, такая политика провоцировала конфликт и недоверие.

Одной из значительных причин репрессий стало стремление центрального правительства сокрушить возможное сопротивление и укрепить свою власть. Исторически Северный Кавказ всегда отличался независимостью и сопротивлением внешним влияниям, что вызывало настороженность со стороны Москвы. Политические лидеры опасались сепаратизма и формирования национальных движений, которые могли бы угрожать территориальной целостности государства.

Правовая база для проведения репрессий была хорошо подготовлена карательными органами. Легитимация государственных действий через принятие постановлений и указов, нацеленных на борьбу с «врагами народа», позволяла властям действовать в рамках формально законных процедур. Однако эти правовые акты были намеренно расплывчатыми, предоставляя широкие полномочия органам правопорядка, что приводило к произволу и бескомпромиссной жестокости.

Последствия репрессий народов Северного Кавказа проявились на многих уровнях: демографическом, социальном и культурном. Массовые

депортации, затронувшие такие народы, как чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы, сопровождались физическими страданиями и массовыми смертями. Эти события оставили глубокий шрам на исторической памяти народов, вызвав демографические потери и разрушение социально-экономической структуры регионов.

Социальные последствия также включают разрыв семейных связей и разрушение традиционного уклада жизни, что затрудняет процесс интеграции депортированных народов в новые условия. Вдобавок, культурные последствия выразились в уничтожении и утрате уникальных форм народного творчества, языков и обычаев, жизненно важных для сохранения идентичности [5, с. 2; 1].

На политическом уровне репрессии породили долгосрочное недоверие к центральной власти, которое сохраняется и до нашего времени, затрудняя процессы по налаживанию диалога и установлению устойчивого мира в регионе. В юридическом контексте, репрессии приводят к вопросам о восстановлении справедливости и реабилитации пострадавших, что требует как правового, так и морального осмысления.

Имея в виду историко-правовые аспекты репрессий народов Северного Кавказа, современное российское общество сталкивается с задачей переосмысления и интеграции этого опыта в процесс формирования общенациональной памяти. Важно признать трагическую природу репрессий и активно работать над восстановлением справедливости для пострадавших народов через официальное признание ошибок прошлого и предоставление возможности для развития их культурной и этнической идентичности. Только таким образом возможно заложить основу для мирного сосуществования и стабильного развития региона в будущем.

Современная нормативно-правовая база реабилитации репрессированных народов: международный и российский контекст

Современная нормативно-правовая база реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа представляет интерес как в российском, так и в международном контексте, поскольку она отражает стремление к восстановлению исторической справедливости и признанию прав тех, кто пострадал от репрессий в прошлом [10, с. 55–56]. Репрессированные народы Северного Кавказа, такие как ингуши, чеченцы, балкарцы и карачаевцы, подверглись насильственному переселению и другим жестоким мерам в середине XX века. Сегодня важно оценить, как формировалась и функционирует нормативно-правовая база, способствующая их реабилитации и интеграции в современное общество.

В Российской Федерации процесс реабилитации репрессированных народов начался еще в 1950-е годы, однако наибольший размах он приобрел после распада Советского Союза. В 1991 году был принят закон «О реабилитации репрессированных народов», который утверждает принципы восстановления их прав, возвращения на искон-

ные земли и компенсации нанесенного вреда [7; 2]. Этот закон создал основу для более конкретных нормативных актов и программ, направленных на решение проблем репрессированных общин.

Российская правовая система продолжает адаптироваться к новым вызовам и реалиям, связанным с вопросами реабилитации. В рамках местных правовых инициатив разрабатываются программы, ориентированные на социальную поддержку, обеспечение доступом к образованию и здравоохранению, а также развитие инфраструктуры в регионах, где проживают реабилитированные народы. Однако, несмотря на эти усилия, существуют серьезные проблемы, такие как нехватка финансирования, административные барьеры и сложности с восстановлением исторических границ земель репрессированных народов.

В международном контексте нормативно-правовая база реабилитации рассматривается через призму прав человека и борьбы с дискриминацией. Международные организации, такие как ООН и Совет Европы, активно занимаются мониторингом и поддержкой процессов в сфере прав репрессированных народов [8, с. 272]. Они подчеркивают важность соблюдения международных стандартов в отношении прав меньшинств и акцентируют внимание на необходимости интеграции репрессированных этносов в социально-экономическую и культурную жизнь современного общества.

Одним из ключевых международных документов является Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, на основании которой государство-участники обязаны обеспечивать защиту и восстановление прав дискриминируемых групп. И хотя Россия является подписантом этой Конвенции, имплементация её положений в национальную правовую систему вызывает некоторые трудности. Важную роль в этом процессе играют рекомендации международных организаций, которые могут стимулировать улучшение законодательства и практик на национальном уровне [3, с. 16].

Кроме того, международное право может стать важным инструментом для привлечения внимания к ситуации репрессированных народов Северного Кавказа на глобальной арене. Использование международных платформ позволяет обсуждать вопросы репатриации, культурного возрождения и поддержки репрессированных общин в более широком контексте и формировать давление на национальные правительства с целью ускорения реформ [11, с. 1].

Таким образом, современная нормативно-правовая база реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа является сложной и многослойной системой, интегрирующей как национальные законодательные инициативы, так и международные обязательства. Успех в этой области возможен только при условии комплексного подхода, который включает учет исторических, культурных и социальных особенностей репрессированных народов, а также активное сотрудниче-

ство с международным сообществом. Продвижение прав и свобод для репрессированных групп требует постоянного внимания и обновления правовых механизмов, обеспечивающих их полноценное участие в жизни общества.

Перспективы и стратегии правовой поддержки репрессированных народов в условиях текущих правовых реформ

Процесс правовой поддержки репрессированных народов Северного Кавказа приобрел особую значимость в свете современных правовых реформ, направленных на укрепление демократических институтов и защиту прав человека в Российской Федерации. Эти народы, имеющие богатую историю и культурное наследие, сталкиваются с рядом специфических трудностей, связанных с восстановлением их прав и обеспечением достойных условий для жизни и развития.

Исторически сложилось так, что народы Северного Кавказа подвергались различным формам репрессий, начиная с периода Российской империи и до советской эпохи. Эти репрессии варьировались от депортаций и конфискации имущества до ограничения культурных и языковых прав [4, с. 141]. Современные реформы в области прав человека в России ставят своей целью исправление прошлого и построение справедливого общества, однако на практике эти изменения нередко сталкиваются с серьезными препятствиями.

Перспективы правовой поддержки репрессированных народов связаны с несколькими ключевыми направлениями. Во-первых, важной задачей является разработка и принятие специальных законодательных актов, которые будут отражать историческую специфику и потребности этих народов. Например, на федеральном уровне может быть предложено создание отдельного закона о реабилитации репрессированных народов, который будет включать положения о компенсации за ущерб, а также меры по поддержанию и развитию их культуры и языка.

Во-вторых, в условиях правовых реформ необходимо уделить особое внимание развитию механизмов правоприменения и контроля. Это включает совершенствование судебной системы, повышение прозрачности и доступности правосудия, а также создание специализированных органов или комиссий, которые будут заниматься вопросами репрессированных народов и отслеживать соответствие текущих мер правовой поддержки международным стандартам.

Стратегии правовой поддержки также должны включать активное привлечение самих представителей репрессированных народов к процессу реформирования [6, с. 1]. Это может быть достигнуто через создание консультативных советов и рабочих групп при органах власти, которые будут включать представителей различных народностей Северного Кавказа. Такое взаимодействие позволит учесть реальные потребности и проблемы этих со-

обществ, обеспечивая более эффективную реализацию правовых мер.

Еще одним важным аспектом является международное сотрудничество. Россия может использовать опыт других стран, которые успешно провели процесс реабилитации и поддержки репрессированных народов [9, с. 127]. Например, сотрудничество с международными организациями в области прав человека может способствовать ускорению правовых реформ и их гармонизации с мировыми стандартами [12, с. 33–35].

Особое значение имеет и образование в области прав человека и истории народов Северного Кавказа. Разработка и внедрение образовательных программ, направленных на повышение правовой грамотности и сохранение культурного наследия, будет способствовать укреплению идентичности и самосознания этих народов. Это, в свою очередь, может способствовать уменьшению социальной напряженности и укреплению межнационального взаимопонимания.

Итак, перспективы и стратегии правовой поддержки репрессированных народов Северного Кавказа требуют комплексного подхода, который будет учитывать историческую справедливость, специфику текущих правовых реформ и необходимость устойчивого развития. Это долгий и сложный процесс, требующий сотрудничества между государством, гражданским обществом и международными партнерами, но его успешная реализация может стать ключом к обеспечению стабильности и благополучия в регионе.

Выводы

В заключении статьи подводятся итоги проведенного исследования, подчеркивается важность глубинного анализа историко-правовых аспектов и последствий репрессий, пережитых народами Северного Кавказа. Особое внимание уделяется выявлению причин, которые стали основой для массовых репрессий, что является ключевым элементом для понимания глубины и масштаба этих трагических событий.

Выявлено, что современная нормативно-правовая база в России и на международном уровне предоставляет определенные механизмы для восстановления справедливости и поддержки репрессированных народов, однако требует дальнейшего совершенствования. В статье акцентируется внимание на том, что важную роль в процессе реабилитации играют как международные стандарты в области прав человека, так и российские законодательные инициативы, направленные на интеграцию и подиум к полному восприятию культурного и исторического контекста.

Анализируя стратегические направления правовой поддержки репрессированных народов в современных условиях, авторы предлагают ряд рекомендаций. Среди них – необходимость усиления международно-правового сотрудничества, обеспечение доступа к правосудию и компенсационные

меры для пострадавших, развитие образовательных программ, направленных на повышение правосознания и исторической грамотности.

Не менее важным аспектом является инклюзивная политика, направленная на интеграцию и признание культурного наследия этих народов, что в целом способствует формированию устойчивой общественно-политической стабильности в регионе. В условиях текущих правовых реформ первоочередной задачей становится активное вовлечение репрессированных народов в процесс принятия юридически значимых решений, что позволяет не только минимизировать риски повторения негативных исторических сценариев, но и способствует развитию демократических институтов общества.

В заключение, подчеркивается необходимость пересмотра существующих правовых подходов и разработки новых стратегий, которые должны основываться на принципах справедливости, равенства и уважения прав человека, что в перспективе обеспечит устойчивое развитие и гармонизацию межэтнических отношений на Северном Кавказе.

Литература

1. Аккиева С.И. К 20-летию Закона «О реабилитации репрессированных народов» // Вестник Российской нации. – 2011. – № 4–5. – С. 113–123.
2. Аккиева С.И. Социокультурные традиции репрессированных народов Северного Кавказа в 1940–1990-е годы. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Институт гуманитарных исследований, 2019. – 128 с.
3. Алибегиллов Ш.А. О полной политической и правовой реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2011 г. С. 15–18.
4. Бердинских И.В. Депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // И.В. Бердинских // Вестник Вятского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 141–142.
5. Бугай Н.Ф.. Проблемы реабилитации этносов Союза ССР в Российской историографии. История и историки: историогр. вестн. – М.: Наука, 2005. – 5 с.
6. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. М., 1991. № 18. С. 1–3.
7. Закон от 18 октября 1991 года № 1761–1 «О реабилитации жертв политических репрессий» / Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1991. 31 октября. № 44. С. 1428.
8. Корчагина Л.И. О некоторых аспектах содержания понятия «Реабилитация» в отечественном законодательстве и юридической литературе // Л.И. Корчагина // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 272.

9. Омарова М. Политическая история реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов» в Ингушетии // Репрессированные народы: история и современность. Карачаевск, 1994. – С. 126–129.
10. Правозащитники репрессированных народов / Сост. Б. Лайпанов. – М., 1996. – 134 с.
11. Савина Л.М. Правовые основы реабилитации репрессированных народов СССР в 1950–60-е годы /Л.М. Савина// Армия и общество. – 2014 – № 1. – С. 1.
12. Экономика и право: Монография / А.А. Ардинба, В.В. Новиков, В.В. Новиков [и др.]; Гл. редактор Э.В. Фомин. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – 172 с.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REHABILITATION OF THE REPRESSED PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

Akkieva S.I., Temmoev I.Yu.

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kabardino-Balkarian State Agrarian University (KBGAU)

This article examines the process of constitutional and legal rehabilitation of the peoples of the North Caucasus who were subjected to mass repression during the Soviet period. Such events are aimed at restoring historical justice and strengthening national accord in a multinational state. The article examines the legal framework formed in the post-Soviet period, as well as analyzes the main legislative acts that played a key role in the rehabilitation of these peoples.

The article includes a historical overview of the repressions, highlighting the role they played in destabilizing the social and cultural fabric of the region. The author examines in detail the legal mechanisms used to restore the national status of repressed ethnic groups, such as the return of autonomy, the provision of compensation and measures to revive national cultures.

The study conducted a comparative analysis of the constitutional experience of various republics of the North Caucasus in the field of rehabilitation, as well as identified common trends and differences in the implementation of legal reforms. Special attention is paid to the modern challenges facing regional governments and ways to overcome the remnants of historical injustice with the help of law. A conclusion is being formed about the need for further improvement of legislation and policies in the context of historical justice and

human rights in order to ensure sustainable peace and development in the North Caucasus. The article can serve as an analytical tool for researchers in the field of constitutional law, historians and politicians interested in issues of interethnic relations and legal rehabilitation of repressed peoples.

Keywords: Constitution, rehabilitation, legal protection, repressed peoples, North Caucasus, historical justice, national politics, ethnic groups, human rights, restoration.

References

1. Akkieva S.I. To the 20th anniversary of the Law “On rehabilitation of repressed peoples” //Bulletin of the Russian Nation. –2011.- No. 4–5. – pp.113–123.
2. Akkieva S.I. Sociocultural traditions of the repressed peoples of the North Caucasus in the 1940s-1990s. Nalchik: Publishing House of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Humanitarian Studies, 2019.-128 p.
3. Alibegilov S.A. On the complete political and legal rehabilitation of the repressed peoples of the North Caucasus // Bulletin of St. Petersburg university. Oriental Studies and African Studies, 2011, pp. 15–18.
4. Berdinskikh I.V. Deportations of the peoples of the USSR during the Great Patriotic War /I.V. Berdinskikh // Bulletin of Vятка State University. – 2006. – No.5. – pp. 141–142.
5. Bugai N.F. Problems of rehabilitation of ethnic groups of the USSR in Russian historiography. History and historians: historiogr. vestn. – М.: Nauka, 2005. – 5 p.
6. Vedomosti of the Congress of People’s Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. М., 1991. No. 18. pp. 1–3.
7. Law No. 1761–1 of October 18, 1991 “On the rehabilitation of victims of political repression” / Vedomosti SND and VS RSFSR, 1991. October 31. No. 44. p.1428.
8. Korchagina L.I. On some aspects of the content of the concept of “Rehabilitation” in domestic legislation and legal literature /L.I. Korchagina //Gaps in Russian legislation. Law Journal. – 2013. – No. 1. – p. 272.7.
9. Omarova M. The political history of the implementation of the Law “On the rehabilitation of repressed peoples” in Ingushetia // Repressed peoples: history and modernity. Karachaevsk, 1994. – pp. 126–129.
10. Human rights defenders of repressed peoples / Comp. B. Lайпанов. – М., 1996. – 134 p.
11. Savina L.M. The legal foundations of rehabilitation of the repressed peoples of the USSR in the 1950s and 60s / L.M. Savina// The army and society. – 2014 – No. 1. – p. 1.
12. Economics and Law: Monograph / A.A. Ardinba, V.V. Novikov, V.V. Novikov [et al.]; Editor-in-chief E.V. Fomin. Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing House “Wednesday”, 2023. – 172 p.

Глазырин Валерий Алексеевич,

доктор социологических наук, доцент, профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева
E-mail: glazur@olympus.ru

Юридическая этика выступает значимой институцией в юриспруденции, представляет в своём роде симбиоз этики и права в их практическом преломлении в профессиональной работе и внеслужебном поведении юристов. Этико-юридические вопросы можно обсуждать в разных плоскостях. Обычно их изучение сводится к постатейному освоению профессиональных этических кодексов. Безусловно, нужно знать положения кодексов. Тем не менее юридическая этика – это не механическая сумма правовых и этических правил. Они образуют своеобразный «нормативный тандем» в профессиональной деятельности юристов. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть ключевые грани структурной связи компонентов этики адвокатов и прокурорских работников. Вначале в статье рассматриваются взгляды А.Ф. Кони, основоположника отечественной юридической этики, уделявшего пристальное внимание нравственным основам в деятельности юристов. Затем приводится основной «багаж» положений юридической этики. После этого сопоставляются структурообразующие элементы, выделенных видов юридической этики и подводятся итоги работы.

Ключевые слова: этика, юридическая этика, право, мораль, правосудие, этический кодекс, служебный долг.

Введение

Юридическая этика выступает значимой институцией в юриспруденции. Работа юристов сложна, ответственна, связана с разрешением множественных юридико-правовых проблем, сопряжена с различными этико-профессиональными коллизиями, для их предупреждения и преодоления требуется применение стандартов и правил юридической этики.

В официальном плане юридическая этика в первую очередь представлена профессиональными этическими кодексами. Обычно их освоение сводится к постатейному изучению. Несомненно, нужно знать положения профессионально-этических кодексов. Но этого недостаточно для уяснения этических начал юридических профессий. Без учёта важных в идентичности юристов моментов, таких как «принадлежность» их профессий к юридическим институтам, понимания соотношения этических кодексов и законодательных актов, насущности чести, достоинства, долга в юридической работе, овладение положений этических кодексов обедняется, они словно бы становятся книгами для чтения, понижается интеллектуально-смысловой и практический потенциал юридической этики.

Обсуждать этические кодексы, юридическую этику можно в разных плоскостях. Их рассмотрение в этой статье учитывает тот факт, что одни этические кодексы приняты профессиональными сообществами юристов – «Кодекс судейской этики», «Кодекс профессиональной этики адвоката», «Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации», а другие, в частности, «Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации», «Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации» установлены ведомственными нормативными документами. В работе эти разновидности этики в юриспруденции рассматриваются на примере этики адвокатов и прокурорских работников. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть ключевые грани структурной связи компонентов этики адвокатов и прокурорских работников. Соотноительную специфику этики адвокатов и прокурорских работников не следует в «автоматическом режиме» переносить на другие виды юридической этики, упуская из виду общие и отличительные черты между ними.

Вначале в статье рассматриваются взгляды А.Ф. Кони, основоположника отечественной юридической этики, 180-летие которого отмечается в 2024 году, уделявшего пристальное внимание нравственным основам в деятельности юристов, в том числе прокуроров и адвокатов. Затем рас-

крываются базовые элементы юридической этики. После этого анализируются структурные компоненты этики адвокатов и прокурорских работников и подводятся итоги работы.

Методология и методы

Методологическая основа работы связана с сформированным в научной мысли представлении о морально-нравственных аспектах социальных взаимодействий [Алексеев 2024; Железнов 2018; Игер 2019; Кант 2007; Разин 2003; Рябцева 2000; Соловьёв 2005; Хэзлит 2019], значении прикладной этики в юридической деятельности [Бакштановский, Согомонов 2007: 39–49; Похоровская 2012: 79–92], в рассмотрении материала исследования применяются общенаучные методы сравнения и анализа, индукции и дедукции.

Обсуждение

Рассмотрим описание этики прокурорских работников и адвокатов А.Ф. Кони. Русский юрист был разносторонне эрудированным человеком, обладал глубокими познаниями в юриспруденции и этике, внушительным опытом работы судьёй, прокурором, руководителем расследований по уголовным делам, государственным и общественным деятелем, был наделён блистательным литературным даром и владел мастерством судебного красноречия. Размышления об этических проблемах в юриспруденции всегда оставались в центре его научного, литературного творчества и юридической практики. Этическая сторона деятельности юристов им понималась неотъемлемой частью их профессионального кредо.

Внимание А.Ф. Кони к вопросам юридической этики не было сугубо умозрительным. У него этика в сфере юриспруденции – это «живая» этика, рассматривалась в историческом контексте Судебной реформы 1864 года в России. Кроме судей, учреждённым судебными уставами судопроизводству на состязательных началах, потребовались прокуроры-обвинители и адвокаты-защитники [Кони 1967: 59–60]. Для этого были созданы должность прокурора в новом качестве и адвокатура.

С петровских времён в России существовал пост губернского прокурора, «Блюстителя закона» и «Царского ока». Им велась многообразная деятельность. Но у него не было судебных прений. Нужен был обвинитель, действующий не в тиши «присутствия», а в условиях публичного «столкновения», с оппонировавшей стороной защиты, посредством «живого слова» [Кони 2018: 37]. При этом стал складываться, указывал А.Ф. Кони, особый тип русского прокурора, отличный от европейских прокуроров: французских, немецких, английских [Кони 2018: 37–38]. В свою очередь, учреждение присяжной адвокатуры пришло на смену «ходатаев, крючкотворцев, челобитчиков с заднего крыльца» [Кони 1967: 64], было встречено значительным общественным одобрением.

Судебные уставы, закрепив официальные требования, предъявляемые к прокурорским работникам и адвокатам, также обозначили нравственные очертания их деятельности. Этическое ядро прокурора-обвинителя А.Ф. Кони связывал с его пониманием «публично говорящим судьёй» [Кони 2018: 38], а адвоката с «идеалом защитника», к которому, подчёркивал он, стремились многие русские адвокаты, включающий наряду с их работой по юридической защите доверителей, имеющей правовые и этические грани, нуждаемость пробуждать «кроткие звуки милости к человеку» [Кони 2018: 45], оказавшемуся в сложных жизненных обстоятельствах.

Рассматривая этические аспекты прокурорской работы, А.Ф. Кони отмечал, что на государство возложена обязанность «охранения общества», охватывая уголовное преследование правонарушителей [Кони 2018: 39]. Её воплощение в судебном процессе выпадает на прокурора-обвинителя. «Исполняя свой тяжёлый долг, он служит обществу» [Кони 2018: 39]. Служение прокурора-обвинителя предполагает нравственную максиму, заключающуюся в том, что интерес государства и человеческое достоинство подсудимого необходимо соблюдать «с равным усердием» [Кони 2018: 39]. Представитель обвинения, исходя из своего статуса, не может быть лично заинтересован в исходе дела [Кони 2018: 50]. Если у прокурора-обвинителя, ознакомившего и проверившего всё то, что обличает и говорит в пользу подсудимого, сложится убеждение в его виновности, то ему надлежит заявить суду об этом [Кони 2018: 38]. Это нужно сделать в последовательном изложении с достоинством исполняемого долга, без пафоса, не преследуя никакой другой цели, кроме правосудия [Кони 2018: 38]. Мерилом отказа от обвинения тоже выступает убеждение прокурора [Кони 2018: 52]. В тех случаях, когда «оправдания» подсудимого «уважительны» и обвинительный акт опровергнут судебным следствием [Кони 2018: 52]. В судебной практике, писал А.Ф. Кони, отказы от обвинения не часты. Такой отказ не должен быть поспешным, непродуманным, нуждается в мотивировке [Кони 2018: 52–53]. Добавим то, что важные стороны этики прокурора-обвинителя, как публично говорящего судьи, у А.Ф. Кони также составляли риторика и правила общения прокурора с участниками судебных прений [Кони 2018: 37–148]. Конечно, исключить проявления этических коррозий непросто. К ним в прокурорской деятельности А.Ф. Кони, в частности, относил: поспешное и огульное обвинение, запугивание присяжных заседателей последствиями оправдательного приговора, неподобающее отношение к адвокатам [Кони 2018: 42, 47–49].

Наличие этических устоев в работе адвокатов не подлежит сомнению. Что не отрицает необходимость их осмысления, приложения усилий в разрешении юридико-этических противоречий в их профессиональной деятельности. Адвокат, подчёркивал А.Ф. Кони, не слуга клиента, он его советник

и помощник по юридическим вопросам, защищая доверителя, выполняет «завидную обязанность» [Кони 2018: 45]. В суде, оглашая, по внутреннему убеждению, свою позицию в отношении обвинения, предъявленного его доверителю, держится той точки зрения, что его подзащитный «не виновен вовсе или не так и не в том виновен, как в чём его обвиняют» [Кони 2018: 45]. Адвокаты, отмечал А.Ф. Кони, выполняя значительное число дел по назначению, заслуживают глубокого уважения [Кони 2018: 47].

Русские присяжные адвокаты не были едины в понимании предназначения этики в их профессиональной деятельности. Что, по мнению А.Ф. Кони, усиливало потребность достижения и институционализации этических правил в адвокатуре [Кони 1967: 64]. Среди адвокатов им выделены две группы с разными представлениями об адвокатской этике. Одна, следуя объяснениям составителей судебных уставов, рассматривала уголовную защиту как «общественное служение» [Кони 2018: 45]. Так, в «Правилах адвокатской профессии в России» говорится, что «профессия присяжного поверенного не есть только средство для кормления; закон, общество и сама корпорация наша видят в ней благородную арену для подвигов высокого общественного служения. Регулировать свою профессиональную деятельность одними только соображениями меркантильного характера ни один уважающий себя присяжный поверенный не будет» [Марков 1913: 3]. Другая считала, что уголовный защитник осуществляет оплачиваемую работу, имеющую ценность для клиента, обеспечивает ему юридическую защиту и не заглядывает «на далёкий горизонт общественного блага» [Кони 1967: 64]. В 1874 году кроме поверенных присяжных в адвокатской среде появились частные поверенные. А.Ф. Кони писал о них, как о не имеющих надлежащего юридического образования и понимания нравственных критериев адвокатской работы, чуждых адвокатуре людей, рассматривавших адвокатскую работу ремеслом за деньги. Ими был нанесён заметный урон репутации адвокатскому сообществу и адвокатуре [Кони 2018: 46].

Что сближает этику прокуроров и адвокатов в описании А.Ф. Кони? Прокурор и адвокат оппонировали друг другу в судебном расследовании, но предназначение их деятельности связано с правосудием как общественным благом. Этическое измерение позиций, отстаиваемых прокурором и адвокатом в судебных прениях, состоит в том, что они основаны на их внутреннем убеждении в отношении обстоятельств рассматриваемого дела. Статусно-деятельностные модели прокурора и адвоката привнесены в российское правосудие с Запада. Между тем, подчёркивал А.Ф. Кони, они не стали копиями иностранных прототипов, а обрели русский облик. Прокурорская и адвокатская этика сходны в том отношении, что этико-профессиональные предписания референтны законодательным установлениям. Общим в этике прокуроров и адвокатов является требование

следовать правилам поведения в суде и владеть судебной речью [Судебные речи великих русских юристов 2023].

Говоря об отличиях этики прокурора и адвоката, А.Ф. Кони указывал на то, что в работе адвоката по уголовным делам значительно больше поводов для нарушения этических норм, чем в деятельности прокурора-обвинителя [Кони 1967: 63]. И не только он высказывался об этом. Так, Е.В. Васьковский, известный дореволюционный адвокат, отметил, что ни одна профессия не представляет для нравственности таких соблазнов как адвокатская работа. Он писал, что «в качестве защитника прав и интересов судящихся лиц, он постоянно находится в самом центре борьбы права с неправом, дозволенного с недозволенным, нравственного с безнравственным. Вдобавок, он принимает в этой борьбе деятельное участие, помогая своим знанием и красноречием одерживать верх той или другой стороне и каждую минуту рискуя оказаться союзником беззакония, пособником безнравственности, укрывателем преступления, врагом правосудия. Это для него легче, что, будучи специалистом в правоведении, он может облечь в законную форму любую уловку, любой подвох и, разукрасив их цветами красноречия, достигнув порою законным путём безнравственной цели» [Васьковский: 1895: I]. Понятно, что адвокатское сообщество, адвокатура, отвечая на эти вызовы, принуждены устанавливать профессиональные правила, добиваться их исполнения и привлекать нарушителей к дисциплинарной ответственности [Васьковский: 1895: III].

Перед тем как перейти к соотношению современной этики адвокатов и прокурорских работников, представим утверждения, которые в своей совокупности раскрывают первоначальное представление об юридической этике:

- юридическая этика – есть «встроенная» в юриспруденцию институция, представляет в своём роде симбиоз этики и права в их практическом преломлении в профессиональной работе и внеслужебном поведении юристов;
- деятельность юристов, связанная с обеспечением правового порядка, предполагает соблюдение ими стандартов и правил профессиональной этики, исполнение служебного долга, поддержание их чести и достоинства, репутации государственных и юридических институтов, профессиональных сообществ;
- юридическая этика вбирает общеморальные нормы и профессионализированные правила. Работа юристов имеет непреложную общественную значимость, поэтому в юридических профессиях устанавливаются более высокие этические стандарты, чем нормы, действующие в повседневной жизни людей;
- обязательность соблюдения этических стандартов, правил определяется фактом обретения лицом статуса судьи, адвоката, нотариуса и т.д.
- этико-профессиональные предписания комплексны законодательным установлениям.

Этические кодексы являются нормативными, но не правовыми законодательными актами;

- в юридической этике отторгается подход, состоящий в том, что стихийный способ разрешения этико-профессиональных проблем, противоречий является правилом;
- этические «регуляторы» поведения людей «спаяны» с их личностной структурой, поэтому возможности юридического инструментария в преодолении этических противоречий ограничены, иначе юридическая этика была не нужна. Профессиональные этические правила предполагают их добровольное исполнение теми, на кого они распространяются;
- факты несоблюдения этических стандартов и правил побуждают юридические сообщества и институты разрабатывать меры дисциплинарной ответственности. При этом они по-разному представлены в этических кодексах, например, в «Кодексе судейской этики» отсутствуют, а «Кодекс профессиональной этики адвоката» почти на треть состоит из статей, касающихся дисциплинарной ответственности адвокатов. Также нужно учитывать то, что различные аспекты дисциплинарной ответственности юристов прописаны в законодательных актах. Одна из проблем применения дисциплинарных мер в юридической этике состоит в том, чтобы они не использовались в качестве «орудия» давления, внешних воздействий на юристов, подрывающих их статус;
- в юридической этике выделяют кодексы профессиональных сообществ и государственных органов;
- социальный и юридический миры не пребывают в неизменном состоянии, юридическая этика тоже находится в движении, чтобы соответствовать переменам, происходящим в обществах, государствах, сфере права, юридической деятельности.

Имеются трудности «погружения» в юридическую этику. В связи с тем, что деятельность юристов осуществляется в правовом поле и регулируется законодательными актами, у внешнего наблюдателя может сложиться мнение о том, что этические правила в юриспруденции являются избыточными. Однако существо вопроса заключается в том, что юридическая этика – это не механическая сумма правовых и этических правил, они образуют своеобразный «нормативный тандем» в профессиональной деятельности юристов. Рассмотрим узловые грани структурной связи компонентов этики адвокатов и прокурорских работников (сознаём, что их изложение не является полным), которые образуют, условно говоря, «ДНК-код» этих видов профессиональной этики.

Базовые аспекты «ДНК-кода» этики адвоката. Стержневую основу этики адвоката составляют соотносимые между собой положения Конституции Российской Федерации, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и «Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА). Положения п.п. 1,

2 Ст. 48 Конституции РФ утвердили гарантии получения каждым квалифицированной юридической помощи, включая бесплатную, в предусмотренных законом случаях, создают конституционную опору деятельности адвокатов и адвокатуры. В ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» помимо того, что прописаны правовые рамки работы адвокатуры, статус, права и обязанности адвоката, п. 2. Ст. 4 законодательно закреплён КПЭА, согласно закону, принимается Всероссийским съездом адвокатов (п. 2. 2 Ст. 36 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). В свой черёд, в КПЭА прописаны правила, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, ими дополняются законоустановления, содержащиеся в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре. Этический кодекс содержит предписание, что никакое из его положений не должно толковаться как предполагающее или допускающее совершение деяний, противоречащих требованиям законодательства (п. 1, 2 Ст. 2 КПЭА).

Далее, раскрывая «ДНК-код» этики адвоката, отметим то, что адвокатура является профессиональным сообществом, институтом гражданского общества, действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов (п.п. 1, 2 Ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), поэтому КПЭА выступает значимым нормативным инструментом в работе адвокатуры и адвокатов. Этот кодекс необходим для наиболее полноценного воплощения их общественного и профессионального призвания.

Раскрывая основы этики адвоката, необходимо отметить, что адвокатская тайна – краеугольный камень адвокатской деятельности. Её цельное осмысление и практическое применение предполагает сопряжение положений и установлений, содержащихся в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре, и этическом кодексе.

Ещё один структурный компонент этики адвоката состоит в том, что адвокат, как независимый профессиональный советник по правовым вопросам, не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности (п. 1, Ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является при этом членом профессионального сообщества и состоит в одной из адвокатских палат, потому адвокат, действуя в рамках закона, также в своей профессии руководствуется КПЭА. Отметим то, что в обеспечении единой практики применения правил адвокатской профессии, сформулированных в законодательстве и КПЭА, существенная роль принадлежит Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов.

Статус адвокатуры обуславливает её прерогативу в применении мер дисциплинарной ответственности к адвокатам, включая прекращение адвокатского статуса (п. 6. Ст. 18 КПЭА), потому нормативная база ведения дисциплинарных дел

в значительной части представлена в КПЭА, документах адвокатуры (Кипнис Н. 2023). «Первенство» правил КПЭА перед другими нормативными документами, регулирующими деятельность адвокатов, также распространяется на отношения адвоката с доверителем, между адвокатами, адвокатской палатой и адвокатами.

Рассмотрим отправные составляющие «ДНК-кода» этики прокурорских работников. Исходным и существенным в осмыслении этики прокурорских работников является то, что «Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации (КЭПР РФ)» – это ведомственный документ Прокуратуры Российской Федерации, утверждён Приказом Генерального прокурора от 17 марта 2010 года № 114. Почему КЭПР РФ не является нормативным актом профессионального сообщества подобно КПЭА и некоторым другим юридическим этическим кодексам? Понимание статуса прокуратуры и прокурорских работников позволяет ответить на этот вопрос. Прокуратура Российской Федерации это единая федеральная централизованная система органов и организаций, действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации, а прокурорские работники – это федеральные государственные служащие (п. 1 Ст. 4, п. 1 Ст. 40 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»). Кратко говоря, КЭПР РФ содержит правила поведения прокурорских работников как государственных служащих.

Что такое этика государственных служащих и отличается ли этика прокурорских работников как государственных служащих от этики юристов, не являющихся государственными служащими? Скажем то, что основополагающие требования, не исключая профессионально-этические, предъявляемые к государственным служащим, определяются государственными институтами. КЭПР РФ соответствует этой модели.

Какие базовые этико-профессиональные ориентиры в деятельности работников прокуратуры «заложены» в законодательных и нормативно-этических документах? Разумеется, нужно сказать о ценностной (правовой и этической) основе в работе прокурорских работников, состоящей в признании того, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание их профессиональной деятельности (п. 1.2 Ст. 18 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», п. 2.1.1 КЭПР РФ). Специфика же этики прокурорских работников берёт начало в требованиях, установленных законодательством: о необходимости исполнения ими служебных обязанностей, соблюдения ограничений и запретов, связанных с гражданской службой, противодействия проявлениям коррупции, предупреждения и преодоления конфликта интересов (Ст. 15, 16, 17, 18, 19 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», п. 1. Ст. 40.2 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»). Следом отметим,

что нормативными «первообразами» КЭПР РФ являются Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» и «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (Одобрено решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. Протокол № 21). Наконец, значительное звено в этике прокурорских работников составляет «Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (Приложение № 2 к Приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114).

Заключение

Признавая, что юридическая этика имеет значение в юриспруденции, нужно отстраняться от различных предположений, искажающих её понимание. Юридическая этика не имеет общего с морализаторством и не направлена на формирование из юристов неких идеальных людей. Профессии юристов востребуют высокий интеллектуализм, ответственность, способность оценивать проблемные ситуации, принимать решения и действовать в рамках закона и этических правил. Юристы – не роботы, ясно, что этические «регуляторы» в их деятельности не работают в режиме цифрового программного обеспечения. А общественное предназначение деятельности юристов не позволяет полагаться на спонтанное разрешение этических коллизий в их профессиях.

В чём заключается «сила» этики в юриспруденции? Обдумывая это вопрос, недостаточно сослаться на золотое правило морали: «не делайте другим то, что вы не желаете для себя; поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с вами», нужно отразить специфику юридической деятельности. Юристы работают в юридической сфере социумов, их деятельность направлена на утверждение законности, правового порядка в публично-правовых и частноправовых противоречивых отношениях социального существования людей. Юридическая этика нужна для того, чтобы повысить возможности юристов в их профессиональной работе. Что же ею прибавляется в их деятельности? Этика кроме общих моральных норм привносит в юриспруденцию и работу юристов три существенных момента: этическое измерение права (закона); правила, стандарты профессиональной деятельности; исполнение профессиональных обязанностей в качестве служебного долга.

Литература

1. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблема права в современную эпоху. СПб.: Норма, 2024. 448 с.

2. Железнов А. Трактат об этике. Москва, Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2018. 204 с.
3. Игер Л. Этика как общественная наука: моральная философия общественного сотрудничества. М.: Мысль; Социум, 2019. 479 с.
4. Кант И. Метафизика нравов. В 2 частях. М.: Мир книги, Литература, 2007. 400 с.
5. Кипнис Н. Рекомендации по рассмотрению дисциплинарных дел в отношении адвокатов (с образцами документов). М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2013. 304 с.
6. Разин А.В. Нравственный мир человека. М.: Академический Проект, 2003. 432 с.
7. Рябцева Н.К. Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 178–183.
8. Соловьёв Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.
9. Хэзлит Г. Основания морали. М.: Мысль, 2019. 556 с.
10. Бакштановский В. И, Согомонов Ю.В. Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 39–49.
11. Похоровская Т.И. Прикладная этика // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 3. С. 79–92.
12. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 4. М.: Издательство «Юридическая литература», 1967. 544 с.
13. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы А.Ф. Кони. М.: Издательство Юрайт, 2018. 148 с.
14. Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации сословия присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Типография О.Л. Сомовой, 1913. 429 с.
15. Судебные речи великих русских юристов. М.: Эксмо, 2023. 432 с.
16. Васильковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб: Типография М. Меркушева. 46 с.

THE “POWER” OF ETHICS IN JURISPRUDENCE

Glazyrin V.A.

Ural State University named after V.F. Yakovlev

Legal ethics is a significant institution in jurisprudence, representing in its own way a symbiosis of ethics and law in their practical application in the professional work and off-duty behavior of lawyers. Ethical and legal issues can be discussed in different planes. Usually, their study is reduced to the article-by-article mastery of professional ethical codes. Of course, it is necessary to know the provisions of the codes. Nevertheless, legal ethics is not a mechanical sum of legal and ethical rules. They form a kind of “normative tandem” in the professional activities of lawyers. The purpose of the work is to consider the key aspects of the structural connection of the components of the ethics of lawyers and prosecutors. The article first examines the views of A.F. Koni, the founder of Russian legal ethics, who paid close attention to the moral foundations of lawyers’ activities. Then the main “baggage” of the provisions of legal ethics is presented. After this, the structure-forming elements of the identified types of legal ethics are compared and the results of the work are summed up.

Keywords: ethics, legal ethics, law, morality, justice, code of ethics, official duty.

References

1. Alekseev S.S. Samoe svyatoe, chto est u Boga na zemle. Immanuel Kant i problema prava v sovremennuyu epohu, Saint Petersburg, Norma, 2024, 448 s.
2. Zheleznov A. Traktat ob etike, Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnii uchyonii, 2018, 204 s.
3. Iger L. Etika kak obshchestvennaya nauka: moralnaya filosofiya obshchestvennogo sotrudnichestva, Moscow, Misl, Sotsium, 2019, 479 s.
4. Kant I. Metafizika nravov. V 2 chastyah, Moscow, Mir knigi, Literatura, 2007, 400 s.
5. Kipnis N. Rekomendatsii po rassmotreniyu distsiplinarnikh del v otnoshenii advokotov (s obraztsami dokumentov), Moscow, Federalnaya palata advokatov RF, 2013, 304 s.
6. Razin A.V. The Moral World of Man. Moscow: Academic Project, 2003. 432 p.
7. Ryabceva N.K. Eticheskie znaniya i ih «predmetnoe» voploshenie, Logicheskij analiz yazyka: Yazyki etiki, отв. red.: N.D. Arutyunova, T.E. Yanko, N.K. Ryabceva, Moscow, Yazyki russkoj kultury, 2000, S. 178–183.
8. Solovyov E. Yu. Kategoricheskii imperativ nravstvennosti i prava, Moscow, Progress-Traditsiya, 2005, 416 s.
9. Hezlit G. Osnovaniya morali, Moscow, Mysl, 2019, 556 s.
10. Bakshtanovskij V. I., Sogomonov Yu.V. Prikladnaya etika: ideya, osnovaniya, sposob sushestvovaniya, Voprosy filosofii, 2007, № 9, S. 39–49.
11. Pohorovskaya T.I. Prikladnaya etika, Vestnik moskovskogo universiteta, Ser. 7, Filosofiya, 2012, № 3, S. 79–92.
12. Koni A.F. Sbranie sochinenij v vosmi tomah. Tom 4, Moscow, Izdatelstvo «Yuridicheskaya literatura», 1967, 544 s.
13. Koni A.F. Nravstvennie nachala v ugovnom protsesse. Izbrannie raboti A.F. Koni, Moscow Izdatelstvo Yurait, 2018, 148 s.
14. Markov A.N. Pravila advokatskoi professii v Rossii. Opit sistem-atizatsii sosloviya prisyzhnikov poverennikh po voprosam professionalnoi etiki, Moscow, Tipografiya O.L. Somovoi, 1913, 429 s.
15. Sudebnie rechi velikikh russkikh yuristov, Moscow, Eksmo, 2023, 432 s.
16. Vaskovskii Ye.V. Osnovnie voprosi advokatskoi etiki, Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, 46 s.

Юрисдикция и юридические коллизии: теоретико-правовое осмысление и практическое применение

Москаленко Глеб Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: glmos55@yandex.ru

Шевцова Кристина Александровна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России
E-mail: Kirilenko89601101581@yandex.ru

Предметом исследования являются категории «юрисдикция» и «юридические коллизии», их теоретико-правовые аспекты, признаки, взаимосвязи, а также подходы к определению и методам разрешения. Анализ охватывает как национальные, так и международные правовые системы, затрагивая аспекты правоприменения, правотворчества и межгосударственного взаимодействия. Цель состоит в раскрытии сущности исследуемых категорий, выявлении теоретических основ и практических подходов к эффективному правовому регулированию и устранению юридических противоречий. Для достижения целей исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сопоставление и сравнение) и частнонаучные (конкретно-исторический, формально-юридический, метод системного анализа). По результатам исследования дано понятие и выявлены признаки юрисдикции, показана взаимосвязь между юрисдикцией и юридическими коллизиями, предложены три основные группы методов разрешения юридических коллизий: унификация законодательства, международные соглашения и разработка коллизионных норм.

Ключевые слова: юрисдикция, юридическая коллизия, конкуренция правовых норм, коллизионная норма права, норма права, правоприменение.

Юрисдикция и юридические коллизии занимают ключевое место в юридической науке и практике, являясь предметом теоретико-правовых и отраслевых исследований, а также инструментом эффективного правоприменения. Эти понятия отражают важнейшие аспекты функционирования правовой системы, обеспечивая регулирование общественных отношений и разрешение споров. Однако, несмотря на важность данных категорий, в отечественной юридической науке отсутствует единое понимание терминов «юрисдикция» и «юридические коллизии», что порождает множество дискуссий и теоретических разногласий.

Актуальность исследования обусловлена значением этих категорий для правопорядка и стабильности правовых систем. В условиях современных вызовов, включая глобализацию, транснациональную преступность и интеграционные процессы, изучение юрисдикции и юридических коллизий приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. Решение этих вопросов способствует совершенствованию механизмов правоприменения, укреплению международного сотрудничества и развитию эффективной правовой политики.

В отечественной юридической науке нет единого подхода к определению термина «юрисдикция». В связи с этим «юрисдикция» является одной из самых дискуссионных юридических категорий, это связано и с определением ее понятия, и с выявлением ее сущности, и с тесно связанной проблемой определения места правоотношения. В целях более полного уяснения понятия, сущности и содержания юрисдикции, хотелось бы уделить внимание вопросу общетеоретических разработок в сфере понятия и признаков юрисдикции по российскому праву.

Обращаясь к этимологии термина «юрисдикция», следует отметить, традиционно считается, что он происходит от латинских «*jus*» – право и «*disco*» – говорю [3, с. 710]. В переводе с латинского «юрисдикция» (лат. *jurisdictio*) означает судопроизводство, также в юридической литературе отмечается, что данному латинскому слову соответствует термин «*justitio*», толкуемый как разрешение конфликта, либо как применение определенных правил властным субъектом [6, с. 15].

Обращаясь к определению термина «юрисдикция» в современной отечественной юридической науке, следует отметить, что ряд ученых под юрисдикцией понимают определенную совокупность полномочий органов правосудия, определенную системой нормативных правовых актов, нацеленную на разрешение юридических споров и выне-

сение решений по делам о правонарушениях [14, с. 414]. По сути, данное понятие является узким, так как связывает юрисдикцию исключительно с органами судебной власти, исключая при этом представителей власти исполнительной, на плечи которой, в значительной степени, возлагается обязанность обеспечения законности и правопорядка в обществе.

Другой подход предполагает определение «юрисдикции», как возможность оценивать действие властного субъекта в вопросе применения санкций к правонарушителю [5, с. 14]. Таким образом, данный термин рассматривается в тесной связи с разрешением конфликта, то есть юрисдикция – государственно-властная деятельность полномочного органа, состоящая в правоприменительной деятельности, связанная с вынесением индивидуальных правовых актов (актов правоприменения). Данной точки зрения придерживался выдающийся советский и российский теоретик права С.С. Алексеев, который отмечал: «юрисдикция означает деятельность компетентных органов, уполномоченных на рассмотрение юридических дел и на вынесение по ним юридически обязательных решений» [2, с. 148].

В современной науке признана справедливой точка зрения, согласно которой исследование и разрешение споров лежит в основе юрисдикционной деятельности, из этого вытекает ее связь с правоприменением, с правовой оценкой деяний, с применением мер государственного принуждения, предусмотренных законодательством [7, с. 5].

Существуют и перечислительные определения, которые включают в юрисдикцию подведомственность и подсудность, совокупность полномочий по разрешению юридических споров и применением санкций, в некоторых определениях юрисдикция отождествляется с правоохранительной деятельностью государственных органов, осуществлением деятельности направленной на отправление правосудия, сферой общественных отношений на которые распространяются полномочия властного субъекта.

Анализ изложенных подходов позволяет сделать вывод, согласно которому, содержание юридической категории «юрисдикция» связано с определенным кругом полномочий властного субъекта, нацеленных на юридическую оценку, рассмотрение и разрешение каких-либо юридически значимых общественных отношений. Представители отечественной юридической науки наделяют «юрисдикцию» следующими признаками:

- 1) подведомственность или сфера общественных отношений, на которые распространяются полномочия властных субъектов;
- 2) компетенция или полномочия властного субъекта;
- 3) связь с деятельностью, направленной на разрешение юридических споров и конфликтов;
- 4) связь с деятельностью, направленной на принятие юридически значимых решений, применение санкций;

5) осуществление деятельности по отправлению правосудия.

Значительная часть проанализированных понятий рассматривают юрисдикцию в тесной связи с категорией «полномочие». При этом под полномочием в юридической науке следует понимать компетенцию, либо же совокупность прав и обязанностей уполномоченной стороны, либо же правовой статус субъекта (органа или должностного лица), который осуществляет правоприменительные функции. Таким образом, в теоретико-правовом значении юрисдикцию следует понимать, как основанную на нормах права совокупность полномочий властного субъекта по урегулированию юридически значимых общественных отношений.

Юрисдикционная деятельность властного субъекта предполагает рассмотрение трех основных аспектов:

- 1) Материально-правовой аспект, который непосредственно связан с установлением пределов действия закона в пространстве;
- 2) Процессуальный аспект, связанный с разграничением компетенции властных субъектов внутри страны;
- 3) Международно-правовой аспект, связанный с определением компетенции международных органов, а также международно-правовой регламентацией действия уголовного закона в пространстве при разрешении конкретных случаев [13, с. 40].

Отдельное внимание следует уделить вопросу взаимосвязи юрисдикции и юридических коллизий. Как уже было отмечено, юрисдикция отражает полномочия государственных органов по осуществлению правоприменительной деятельности в рамках определённого пространства. В свою очередь, юридическая коллизия возникает в ситуации противоречия или конкуренции правовых норм при урегулировании конкретного правоотношения. Эти категории неразрывно связаны в контексте правоприменительной деятельности, особенно в условиях многоуровневого регулирования современных международных и национальных отношений.

Особенно ярко теоретико-правовая взаимосвязь юрисдикции и юридической коллизии проявляется в трансграничных и межведомственных спорах, в условиях, когда необходимо четко установить правоприменительный субъект или же норму права, подлежащую применению.

Следует отметить, что в отечественной юриспруденции существует несколько различных, порой совершенно противоположных подходов к определению понятия юридических коллизий [11, с. 65]. Не вдаваясь в данную дискуссию, мы полагаем, что за основу следует взять подход к понятию, сформулированный Н.А. Власенко, согласно которому под коллизией следует понимать: «отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения» [4, с. 86].

Также в теории отечественного права имеет место проблема соотношения содержания понятий «коллизия норм права» и «конкуренция норм пра-

ва». Необходимо отметить, что существует четыре подхода в решении вышеизложенной проблеме:

1) Коллизия норм права и конкуренция норм права являются сходными по своему значению понятиями. Различие между ними не является существенным, категории могут употребляться в качестве синонимов [8, с. 33];

2) Коллизия норм права и конкуренция норм права являются совершенно различными юридическими терминами, не имеющими ничего общего [12, с. 84–85];

3) Коллизия норм права является разновидностью конкуренции норм права [10, с. 95];

4) Конкуренция норм права является разновидностью коллизии норм права [4, с. 86].

Анализ современной отечественной и зарубежной юридической науки дает основание полагать, что на сегодняшний день в большинстве исследований понятия коллизии и конкуренции правовых норм рассматриваются в качестве равнозначных.

Самым главным вопросом, имеющим как теоретическое, так и прикладное значение, является вопрос о способах разрешения юридических коллизий. Обращаясь к теории права, мы обнаруживаем два основных способа: устранение коллизии правотворческим органом, а также преодоление коллизии в результате вынесения акта правоприменения (правоприменительная деятельность) [9, с. 21].

Юридическая доктрина детализирует способы разрешения коллизий исходя из конкретных практических обстоятельств и условий. К данным способам относятся следующие:

1) Урегулирование на основе унификации нормативно-правовой базы, регламентирующей конкретные правоотношения;

2) Урегулирование при помощи заключения межгосударственных соглашений (международных договоров);

3) Урегулирование посредством закрепления юрисдикционных коллизионных норм в национальном законодательстве.

Рассмотрим каждый из вышеуказанных способов более подробно. Так, унификации нормативно-правовой базы представляет собой достаточно сложную процедуру, встречающую на своем пути целый комплекс политических, юридических, экономических, социально-культурных преград. При этом, в условиях современных тенденций глобализации имеются примеры таких способов преодоления юридических коллизий. В частности, речь идет о странах ЕС в которых были предприняты успешные попытки унификации законодательства в условиях единого правового пространства. Наднациональная система права позволила создать относительно эффективный механизм унификации нормативно-правовой базы в отраслях уголовного права, уголовного-процесса и уголовно-исполнительного права [1, с. 133–139]. Также преодолены коллизии в отношениях, связанных со взаимодействием правоохранительных органов (полиции, прокуратуры, судов, исправительных учреждений). Однако, следует отметить, что

такая унификация не имеет «всепоглощающего» характера и осуществляет вторжение в сферу национального правового регулирования. Правовая интеграция касается лишь определенных, секторальных сфер.

Рассматривая второй способ разрешения юридических коллизий, следует отметить, что международные соглашения являются достаточно разноплановыми по своему содержанию. При этом, в большинстве своем они содержат два типа юридических предписаний:

1) предписания, устанавливающие нормы права, которые подлежат имплементации, либо закрепляющие нормы, признанные международными;

2) предписания коллизионного характера, предполагающие идентичность судебных решений по своему содержанию, независимо от государства, судебный орган которого данное решение вынес.

Далее приведем примеры международных актов, содержание которых позволяет разрешать проблемы юрисдикционного характера. 14 сентября 1963 г. в Токио была принята «Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов», устанавливающая определенные правила действия закона на борту воздушного судна. Согласно ст. 3 «Страна регистрации воздушного судна имеет право осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений и иных деяний, совершенных на борту». В настоящее время данное правило получило широкое распространение, в связи с чем, территория воздушного судна, находящегося в открытом воздушном пространстве, признается квазитерриторией государства регистрации.

Принятая в Женеве 29 апреля 1958 г. «Конвенция об открытом море» содержит предписания, дополняющие национальный уголовный закон государств. В частности, в ее тексте содержатся правила определения границ территориального моря. Следует отметить, что данный нормативный правовой акт непосредственно не содержит прямых юрисдикционных предписаний, однако его положения позволяют более четко определять границы на пространство которых распространяется юрисдикция того или иного государства.

«Венская конвенция о дипломатических сношениях», принятая 18 апреля 1961 г. устанавливает исключения, на основании которых имеют место изъятия из юрисдикции государств, принятые в отношении дипломатических агентов, пользующихся иммунитетом.

Рассматривая такой способ разрешения коллизий, как урегулирование посредством закрепления юрисдикционных коллизионных норм в национальном законодательстве, хотелось бы исследовать его на примере теории коллизионных норм уголовного закона.

В качестве основного способа устранения юридических коллизий значительная часть правоведов называет создание и использование коллизионных норм, которые позволяют оперативно и еди-

нообразно устранять возникающие противоречия между юридическими предписаниями. Юрисдикционные коллизионные нормы, нашедшие свое отражение в уголовном законе характеризуются рядом особенностей. Во-первых, такие нормы регулируют достаточно широкую сферу общественных отношений, при том, что они весьма немногочисленны и носят обобщенный абстрактный характер.

Во-вторых, коллизионные нормы сконструированы таким образом, что определяют конкретную сферу общественных отношений (территорию, субъектов, интересы государства), подпадающих под суверенитет государства (позитивное регулирование). За редким исключением, такие нормы устанавливают случаи, когда те или иные общественные отношения выпадают из юрисдикции государства (негативное регулирование).

В-третьих, коллизионные нормы уголовного закона нацелены на преодоление коллизий, возникающих между нормами права национального и иностранного государства («межгосударственных» коллизий). Для абсолютного большинства современных государств не характерно установление коллизионных норм, регламентирующих уголовно-правовые отношения внутри страны, редким исключением является США и ФРГ.

В-четвертых, коллизионные нормы уголовного закона направлены на приоритет применения национального уголовного законодательства, так как суды не нацелены на вынесение решения по делу на основании права зарубежных стран.

Анализируя структуру логической юрисдикционной нормы с точки зрения теории права, следует отметить, что такая норма состоит из двух основных элементов: гипотезы и диспозиции. Гипотеза указывает на конкретные общественные отношения, подлежащие урегулированию, а диспозиция указывает на тип законодательства, которым следует руководствоваться. Так, можно выделить три типа: национальное право, международное право и право иностранного государства.

Очевидно, что законодательство всех без исключения государств, в первую очередь устанавливает необходимость использования норм национального права. При этом, возможен учет юридических последствий, вызванных решениями судебных органов иностранных государств. В данном случае, речь идет о преюдиции, используемой, ради достижения принципа *non bis in idem*, который закреплен в ряде международных актов, в числе которых: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 14), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1984 г. (Пр. 7, ст. 4) и др.

В отдельных случаях, юрисдикционные нормы отсылают правоприменителя к нормам международного права. Такая отсылка может быть реализована в трех формах:

1) ограничение некоторой сферы действия национального законодательства нормами международного права;

2) исключение некоторых общественных отношений из сферы регулирования национального законодательства;

3) регулирование некоторых аспектов национального законодательства при помощи норм международного права.

Так, первая форма широко распространена в современном законодательстве различных стран мира. Как правило, такие юрисдикционные нормы связаны с ограничениями территориального объема и персонального объема. Вторая форма, предполагающая исключение некоторых общественных отношений из сферы регулирования национального законодательства связана с наличием правовых иммунитетов.

Третья форма связана с регулированием некоторых аспектов национального законодательства при помощи норм международного права. Важно отметить, что в таких случаях юрисдикция государства не ограничивается, правоотношения регулируются на основе норм национального права, при этом нормы международного права лишь уточняют объем коллизионной нормы, таким образом, нормы международного права применяются лишь в дополнение к праву национальному.

Исследование таких категорий как «юрисдикция» и «юридические коллизии» демонстрирует их ключевое значение для функционирования правовой системы и развития юридической науки. Анализ современных подходов к определению понятия и признаков юрисдикции выявил ее многогранность и разнообразие интерпретаций.

Юридические коллизии, возникающие в национальных и международных правоотношениях, требуют эффективных методов их разрешения. Среди таких методов особое внимание заслуживают унификация законодательства, заключение международных соглашений, а также создание и реализация коллизионных норм. Эти инструменты позволяют не только устранять противоречия, но и обеспечивать предсказуемость и стабильность правоприменения.

Литература

1. Vogel J. The European Integrated Criminal Justice System and its Constitutional Framework // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2005. Vol. 12. № 2. P. 125–147.
2. Алексеев С.С. Государство и право: Нач. курс / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрид. лит., 1994. 189 с.
3. Большой юридический энциклопедический словарь / авт. и сост.: А.Б. Барихин. М.: Кн. мир, 2005. 719 с.
4. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / Н.А. Власенко. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 99 с.
5. Власенков В.В., Власов В.В., Лозбяков В.П., Разаренов Ф.С., Телегин А.С. Административная юрисдикция: Курс лекций. М., 1994. 118 с.

6. Головки В.В. Понятие и признаки юрисдикции по российскому праву // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (23). Омск, 2006. С. 14–18.
7. Денисенко В.В., Позднышев А.Н., Михайлов А.А. Административная юрисдикция органов внутренних дел: Учеб. для курсантов и слушателей образоват. учреждений МВД России юрид. профиля / В.В. Денисенко, А.Н. Позднышев, А.А. Михайлов; М-во внутр. дел Рос. Федерации. Гл. упр. кадров. Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 174 с.
8. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: дис. ... докт. юр. наук. Екатеринбург, 1995. 372 с.
9. Поляков О.А. Юридические коллизии в сфере деятельности органов внутренних дел по обеспечению и защите прав граждан: авт. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2003. 24 с.
10. Сенякин И.Н. Конкуренция норм российского права = Russian law rules competition = Russian law rules competition / И.Н. Сенякин, А.Э. Арзуманян; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Саратовская гос. акад. права». Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2011. 219 с.
11. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М.: Юриформцентр, 2000. 393 с.
12. Хахулина К.С. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление в процессе их применения: дис. ... канд. юр. наук. Казань. 1984. С. 84–85.;
13. Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дис. ... канд. юр. наук. М.: 2017. 312 с.
14. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 414.

JURISDICTION AND LEGAL CONFLICTS: THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING AND PRACTICAL APPLICATION

Moskalenko G.E., Shevtsova K.A.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The subject of the study is the categories of “jurisdiction” and “legal collisions”, their theoretical and legal aspects, features, relationships, as well as approaches to definition and methods of resolution. The analysis covers both national and international legal systems,

touching upon aspects of law enforcement, lawmaking and inter-state interaction. The goal is to disclose the essence of the categories under study, identify the theoretical foundations and practical approaches to effective legal regulation and the elimination of legal contradictions. To achieve the objectives of the study, general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison and contrast) and specific scientific (specific historical, formal legal, system analysis method) methods were used. Based on the results of the study, the concept and features of jurisdiction are given, the relationship between jurisdiction and legal conflicts is shown, three main groups of methods for resolving legal conflicts are proposed: unification of legislation, international agreements and development of conflict rules.

Keywords: jurisdiction, legal conflict, competition of legal norms, conflict rule of law, rule of law, law enforcement.

References

1. Vogel J. The European Integrated Criminal Justice System and its Constitutional Framework // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2005. Vol. 12. No. 2. P. 125–147.
2. Alekseev S.S. State and Law: Beginning Course / S.S. Alekseev. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Legal Literature, 1994. – 189 p.
3. Large Law Encyclopedic Dictionary / author and compiler: A.B. Barikhin. Moscow: Kn. mir, 2005. 719 p.
4. Vlasenko N.A. Conflict of Laws Rules in Soviet Law / N.A. Vlasenko. Irkutsk: Irkutsk Publishing House. University, 1984. 99 p.
5. Vlasenkov V.V., Vlasov V.V., Lozbyakov V.P., Razarenov F.S., Telegin A.S. Administrative jurisdiction: Lecture course. Moscow, 1994. 118 p.
6. Golovko V.V. Concept and features of jurisdiction under Russian law // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (23). Omsk, 2006. Pp. 14–18.
7. Denisenko V.V., Pozdnyshov A.N., Mikhailov A.A. Administrative jurisdiction of internal affairs bodies: Textbook for cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia with a legal profile / V.V. Denisenko, A.N. Pozdnyshov, A.A. Mikhailov; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Chief of Personnel Department. Moscow: IMC GUK MVD of Russia, 2002. – 174 p.
8. Neznamova Z.A. Collisions in criminal law: diss. ... doctor of legal sciences. Ekaterinburg, 1995. 372 p.
9. Polyakov O.A. Legal collisions in the sphere of activities of internal affairs bodies to ensure and protect the rights of citizens: author's diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2003. 24 p.
10. Senyakin I.N. Competition of Russian law norms = Russian law rules competition = Russian law rules competition / I.N. Senyakin, A.E. Arzumanyan; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, State educational institution of higher prof. education “Saratov State Academy of Law”. Saratov: Saratov State Academy of Law. rights, 2011. 219 p.
11. Tikhomirov Yu.A. Conflict of Laws: Textbook. and scientific-practical manual / Yu.A. Tikhomirov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Yurinformcenter, 2000. 393 p.
12. Khakulina K.S. Competition of Criminal Law Norms and Its Overcoming in the Process of Their Application: Diss. ... Cand. of Law. Kazan. 1984. Pp. 84–85.;
13. Tsai K.A. Criminal Law Jurisdiction: Theoretical Issues of the Action of Criminal Law in Space: Dis. ... Cand. of Law. Moscow: 2017. 312 p.
14. Legal Encyclopedic Dictionary. M., 1984. P. 414.

История правового регулирования семейных отношений нормами гражданского права в советском и современном обществе в РФ

Москова Анастасия Дмитриевна,

студент, Ишимский педагогический институт им П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
E-mail: moskovaanastasia033@gmail.com

Игнатенко Валерия Алексеевна,

студент, Ишимский педагогический институт им П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
E-mail: valeriya.ignatenko.04@mail.ru

Шанихина Надежда Николаевна,

старший преподаватель, Ишимский педагогический институт им П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
E-mail: op-8jk@mail.ru

Цель статьи заключается в изучении истории правового регулирования семейных отношений в стране, а именно в советский и современное время в РФ. Актуальность работы: современное государство уделяет значительное внимание регулированию брачных и семейных отношений, поскольку семья является основой общества. Авторы ставят цель раскрыть отличительные особенности правового регулирования семейных отношений в советское и в современное время. В статье используются такие методы, как историко-правовой, сравнительный, анализ статистических данных. Результат работы заключается в том, что авторы раскрыли тему истории правового регулирования семейных отношений нормами гражданского права, а также бракоразводного процесса в стране. Бракоразводный процесс на протяжении всего времени претерпевал изменения. Вследствие изменений требовались новые пути решения проблем, с которыми сталкивалась общество.

Ключевые слова: семейные отношения, семья, брак, нормы права, гражданский и семейный кодекс РФ, общества, права и обязанности, интересы, развод, брак, современное общество, расторжения брака, заключения брака.

Введение

Что же такое семья? Семья – социальная группа, обладающая исторически определённой организацией, члены которой связаны брачными или родственными отношениями (а также отношениями по взятию детей на воспитание).

Современная и советская семья отличались друг от друга, а именно в советском обществе до революции 1917 года брак заключался по религиозному, социальному и национальному, конфессиональному признаку. Во главе семьи стоял мужчина и все решения принимал только он. Касаемо заключения браков, то союз был через церковь, в следствии чего при необходимости расторжения брака невозможно или запрещено. Развод возможен только если имелись весомые причины. В советское время разводы стали более распространённым явлением, поскольку коммунистическое правительство стремилось к равенству между мужчинами и женщинами, признавая за каждым человеком право на свободу выбора между партнерами и образом жизни.

Семейные отношения в стране строятся на принципах свободного волеизъявления и независимости сторон. В Российской Федерации законодательство также устанавливает минимальные стандарты для супругов и всех членов семьи, которые впоследствии не могут быть изменены или изъяты из семейных договоров.

Результаты

В Российской Федерации законы о браке и семье подпадают под юрисдикцию гражданского законодательства, включая его раздел, посвященный семейным вопросам. Основными документами, определяющими правовую основу семейных отношений, являются Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и другие нормативные правовые акты, устанавливающие правовую основу семейных отношений.

Семейное право охватывает широкий спектр аспектов, включая супружескую ответственность, процедуры расторжения брака, усыновления, вопросы опеки и попечительства, а также вопросы финансовой поддержки. Также стоит отметить, что современный взгляд на семью как на ценность, при котором на первый план выдвигаются морально-этические качества партнеров, отражает гуманизацию семейных отношений.

Обсуждения

В процессе исследования в история разводов в России от XIX века до начала XXI века мы выяснили, что произошли изменения в процедуре развода, а также количество разводов в России.

В XIX веке развод регулировался законодательством Русской империи, основанным на исторических традициях русского права, развод был доступен только при наличии оснований, таких как измена, насилие, безумие или бесплодие, развод требовал разрешения церкви, и чаще всего требовалось привлечение свидетелей или улик для подтверждения фактов нарушения брачных обязанностей. Выше перечислены некоторые положения закрепленные в «*Брачно-семейные отношения в России в XIX веке: правовые основы реализации церковью делегированных ей полномочий*» (<https://moluch.ru/archive/95/21525/>)

В XX веке принят новый семейный кодекс, в котором внесены изменения по заключению браков и разводов, а именно в 1917 году после Октябрьской революции, с отменой церковной власти, введение гражданских браков и системы судебного развода, вступила в силу кратковременная реформа в 1918 году, позволявшая разводиться без участия суда, с 1926 года супружеское право упразднено, и браки рассматриваемыми государством контрактами, в период Советской эпохи развод упрощен и доступен в результате политических и социальных изменений, в 1968 году принят семейный кодекс РСФСР «*Нововведения в семейном законодательстве РСФСР в 1920-е годы*» (<https://moluch.ru/archive/413/91124/>), который повысил возможность получения развода.

В 1995 году вступил в силу семейный кодекс Российской Федерации «*Семейный кодекс Российской Федерации*» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023)» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/), который позволил разводиться без установления вины сторон, развод стал доступным процессом и супружеские споры, включая развод, обычно рассматриваются в суде, отдельные аспекты развода, такие как раздел имущества и определение опекуна и родительской ответственности, регулируются Семейным кодексом Российской Федерации, сроки развода, требуемые для получения окончательного развода, также изменились, и в настоящее время развод может быть завершен в течение нескольких месяцев или даже недель, в зависимости от обстоятельств, также появились альтернативные пути разрешения супружеских споров, такие как семейные медиаторы или арбитраж.

В ходе новых социально-экономических изменений в семейном праве требовали нового семейного законодательства от 19 ноября 1926 года, который вступил в силу с 1 января 1927 года «*Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г.*» (https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_26?ysclid=m11xdq1eki431150337). В данном законодательстве го-

ворится о том, что появилась возможность признания юридической силы за фактическими брачными отношениями, ввел режим совместной собственности, установил единый брачный возраст для мужчин и женщин (18 лет), восстановил усыновление, также процедура развода и бракосочетания была изменена, прописаны права и обязанности супругов и т.д.

Вплоть до 1930-х годов в стране государство не возлагала задачи, связанные с браком и семьей. В это время в стране стояло остро проблема безнадзорных детей, из-за этого происходит увеличение преступности в государстве, тогда правительство думает о решении данного вопроса и приходят к тому, что необходимо укрепления семьи, как социального института в обществе. В результате пересмотра политики в семейные отношения, происходят ряд изменений в обществе, а именно появления новых механизмов о воспитании и содержании детей в семьях. Вследствие данных изменений задача семья теперь стала предпочтительной средой для воспитания ребенка, а задачей брака стало основа для формирования данной среды.

Рассмотрим особенности семейных отношений в настоящее время и меры его правового регулирования. Современное общество значительно отличается от предыдущих тем, что происходит быстрое развитие технологий, науки, а также потребительской жизни и семья превращается в постмодернистскую с новыми аспектами, то есть в такой семье люди сталкиваются с разными реальностями, которые взаимодействуют между собой и каждый из партнеров пытается приспособиться к этой реальности или навязать свой вариант реальности.

В современном мире произошел рост ценности семьи, а также поддержание атрибутов таких как, нуклеарная семья; брак по выбору самого себя; равноправные отношения в браке, а не как раньше, где главные мужчина, сейчас же равноправия, главным может быть, как мужчина, так и женщина; также имеет место быть поздние вступления в брак в поздний возраст.

Заключение

Подводя итоги всему выше сказанному, можно сделать определенные выводы. Семья является неотъемлемой частью общества, благодаря семье в стране баланс, уменьшение детской преступности и т.д. Условия заключения браков и бракоразводный процесс претерпел значительные изменения в законодательстве. Что касаясь законодательства, то регулирования семейных отношений стало более усложненная политика развода (если общие дети, нажитое имущество и т.д.), что вынуждает вести супругов более осознанную политику при разводе.

Бракоразводный процесс в России от XIX до начала XXI века отражал изменения в обществе и семейном законодательстве страны. Он прошел путь от сложной и ограниченной процедуры, основанной на церковных законах, к более легкой и совре-

менной процедуре, признающей права и свободу выбора для каждого гражданина.

Таким образом, история разводов в России от XIX века до XXI века показывает прогрессивные изменения в отношении к браку и разводу, а также в правовых и социальных нормах. Развод становится доступным и социально приемлемым событием, признавая индивидуальную свободу и право на счастливые и здоровые отношения.

Литература

1. Григорян К.Г., Васильева Н.А. Прекращение брака и признание брака недействительным в современной России // Григорян К.Г., Васильева Н.А. В сборнике: Состояние и перспективы развития юридической науки на современном этапе. материалы II всероссийской конференции. 2016. С. 38–43.
2. Гузенина С.В., Кулакова И.С. Причины браков и разводов глазами студенческой молодежи г. Тамбова // Гузенина С.В., Кулакова И.С.. 2020. № 3 (80). С. 94–104.
3. Звенигородская Н.Ф. проблема правовой природы договоров в семейном праве в свете межотраслевых связей гражданского и семейного права // Звенигородская Н.Ф. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 72–75.
4. Клёцина И.С. Ситуация развода как предмет отечественных социологических и социально-психологических исследований семейных отношений // Клёцина И.С. Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 30–45.
5. Мамаев А.А. Новое в гражданском законодательстве: вопросы, проблемы, предложения. проблемы гражданского права, международного частного права и семейного права // Мамаев А.А. сб. материалов науч.-практ. конф., 2001–2002 гг. / Хабаровск, 2004.
6. Никулин В.В. Эволюция института брака в советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Никулин В.В. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 7–8 (159–160). С. 104–109.
7. Сайгутин И.И. Понятие и структура семейного права как отрасли права // Сайгутин И.И. Аллея науки. 2023. Т. 1. № 4 (79). С. 638–641.
8. Ульбашев А.Х. Пределы осуществления семейных прав и злоупотребление правом в брачно-семейных отношениях // Ульбашев А.Х. Научный поиск. 2017. № 3.1. С. 59–66.
9. Ульянова М.В. Соглашения в семейном праве как предпосылка осуществления семейных прав // Ульянова М.В. В книге: Семейный бизнес & качество правовой среды. Монография. Ответственные редакторы И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. Москва, 2022. С. 545–552.

10. Ярошенко В.В. Принципы семейного права в системе основных начал российского права // Ярошенко В.В. Вестник науки. 2023. Т. 5. № 6 (63). С. 235–238.

HISTORY OF LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS BY CIVIL LAW NORMS IN SOVIET AND MODERN SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Moshkova A.D., Ignatenko V.A., Shanikhina N.N.

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University

The purpose of the article is to study the history of legal regulation of family relations in the country, namely in Soviet and modern times in the Russian Federation. Relevance of the work: the modern state pays considerable attention to the regulation of marital and family relations, since the family is the foundation of society. The authors aim to reveal the distinctive features of the legal regulation of family relations in Soviet and modern times. The article uses such methods as historical and legal, comparative, analysis of statistical data. The result of the work is that the authors revealed the topic of the history of legal regulation of family relations by civil law, as well as the divorce process in the country. The divorce process has undergone changes throughout time. Due to the changes, new ways of solving the problems faced by society were required.

Keywords: family relations, family, marriage, legal norms, civil and family code of the Russian Federation, society, rights and obligations, interests, divorce, marriage, modern society, dissolution of marriage, marriage.

References

1. Grigoryan K.G., Vasilyeva N.A. Termination of marriage and recognition of marriage as invalid in modern Russia // Grigoryan K.G., Vasilyeva N.A. In the collection: State and prospects for the development of legal science at the present stage. materials of the II all-Russian conference. 2016. Pp. 38–43.
2. Guzenina S.V., Kulakova I.S. Causes of marriages and divorces through the eyes of student youth of Tambov // Guzenina S.V., Kulakova I.S.. 2020. No. 3 (80). Pp. 94–104.
3. Zvenigorodskaya N.F. The problem of the legal nature of contracts in family law in the light of intersectoral relations of civil and family law // Zvenigorodskaya N.F. Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2010. No. 2. P. 72–75.
4. Kletsina I.S. The divorce situation as a subject of domestic sociological and socio-psychological studies of family relations // Kletsina I.S. Social Psychology and Society. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 30–45.
5. Mamaev A.A. New in civil legislation: issues, problems, proposals. Problems of civil law, international private law and family law // Mamaev A.A. collection of materials of scientific and practical. conf., 2001–2002 / Khabarovsk, 2004.
6. Nikulin V.V. Evolution of the institution of marriage in Soviet Russia: from the dying out of marriage to the conservative family (1917–1920s) // Nikulin V.V. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2016. Vol. 21. No. 7–8 (159–160). Pp. 104–109.
7. Saygutin I.I. Concept and structure of family law as a branch of law // Saygutin I.I. Alley of science. 2023. Vol. 1. No. 4 (79). Pp. 638–641.
8. Ulbashev A. Kh. Limits of the exercise of family rights and abuse of rights in marital and family relations // Ulbashev A. Kh. Scientific search. 2017. No. 3.1. Pp. 59–66.
9. Ulyanova M.V. Agreements in family law as a prerequisite for the exercise of family rights // Ulyanova M.V. In the book: Family business & quality of the legal environment. Monograph. Editors-in-Chief I.V. Ershova, A.N. Levushkin. Moscow, 2022. Pp. 545–552.
10. Yaroshenko V.V. Principles of Family Law in the System of Basic Principles of Russian Law // Yaroshenko V.V. Science Bulletin. 2023. Vol. 5. No. 6 (63). Pp. 235–238.

Собанина Дарья Вадимовна,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России
E-mail: dasha_cobanina@mail.ru

Статья посвящена месту и роли планирования в правовой системе России. Автор определяет целесообразность интеграции категории «планирования» из экономического пространства в специально-юридическую область. Планирование в праве рассматривается в нескольких аспектах: в качестве элемента юридической деятельности и в качестве самостоятельного метода юридической технологии. Автор анализирует различные подходы, высказанные в юридической литературе по вопросу занимаемого места и роли планирования в праве и, приходит к выводу о том, что планирование в нормотворческой и правореализационной деятельности имеет особое место в российском праве. В заключении автор акцентирует внимание на необходимости использования планового начала в правовой сфере. Закладывание данных основ позволит повысить качество правоприменения и реализации субъектами закрепленных прав и интересов.

Ключевые слова: планирование в праве, элемент юридической деятельности, метод юридической технологии, нормотворческая деятельность, правореализационная деятельность.

Вопросы планирования, особенно сегодня, привлекают к себе пристальное внимание представителей различных сфер жизни общества. Всеми известное выражение: «Завтра принадлежит тем, кто готовится к нему сегодня» отражает основную идею о долгосрочном планировании, вдохновляет на проактивный подход к жизни и устраняет разрыв между тем, «где мы находимся сейчас» и тем, «куда мы хотим попасть». Бесспорно, планирование позволяет: – оптимизировать использование ресурсов; – эффективно решать задачи для достижения цели с минимальными затратами; – определять текущие проблемы и подготавливать меры с целью недопущения нежелательных событий в будущем; – координировать работу исполнителей посредством выполнения обозначенных мероприятий в установленный срок.

Важно отметить, что категория «планирование» не является юридической, а заимствована из экономики, преимущественно хозяйственной деятельности. Отсюда многомерность данного феномена, который вынуждает раскрывать его сущность на основе принципа дополнительности: изучать объект с разных сторон. Вместе с тем, вопросам планирования как в отечественной литературе, так и за рубежом уделяется много времени и посвящено большое число работ в связи с чем, данная область исследования может быть объектом новых идей и разработок.

Понимание «планирования» в экономике сформировалось из известного постулата о том, что указанный феномен является неотъемлемым компонентом процесса принятия управленческих решений, поскольку каждое принимаемое сегодня решение оказывает влияние на функционировании системы в будущем и, следовательно, позволяет предвидеть влияние внешних факторов и обеспечить согласованность действий субъектов организации. Иначе говоря, планирование – это основной инструмент, повышающий эффективность любой деятельности и направленный на достижение общей цели, координируя усилия и учитывая потенциальное влияние внешней среды [1]. Невозможно представить случаи, в рамках которых планирование осуществляется в целях снижения эффективности или дезорганизации деятельности.

В русле таких рассуждений необходимо обратить внимание на целесообразность перевода данной экономической категории в специально-юридическую плоскость, ведь рассмотрение вопросов должного планирования в правовой сфере имеет важное теоретическое и практическое значение.

Исследователями ранее уже отмечалась данная проблематика в отечественном праве.

Научная и теоретическая значимость внедрения планового начала в законодательство отражалась еще в позиции сотрудников ИГПАН СС-СР. Так, по мнению С.В. Полениной, плановость является основой дальнейшего расширения демократии в сфере законодательной деятельности. М.И. Пискотин в своем выступлении на расширенном заседании Ученого совета акцентировал внимание на вопросе необходимости создания модели очередности разработки и принятия законодательных актов [2]. Важность внедрения планирования в нормотворческую деятельность осознавали и современные представители государственной власти. Так, Е.С. Строев, являющийся членом Совета Федерации, определил, что «если не будет согласованного законодательского плана, то мы все время будем блуждать в хаосе мутного потока случайных законов...». По мнению И.В. Погодиной, организованное планирование в правовой сфере (в целом) позволяет обеспечить повышение эффективности права, а, значит, и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления [3]. Ю.А. Тихомиров в своей научной статье «Прогнозы и риски в правовой сфере» указал на то, что интерес к планированию в последние двадцать лет совершенно утрачен, а научный потенциал планирования (прогнозирования) в юридической сфере совершенно не обнадеживает [4]. Указанное дает основание полагать, что планирование в праве явление не новое, а существующее постоянно, однако вопреки своей значимости, область планирования в юридической деятельности остается недостаточно исследованной.

Учеными-правоведами сделана попытка дать определение исследуемому термину с юридических позиций. Так, А.В. Старовойтов, исследуя планирование законодательской деятельности, рассматривает его как специфический вид управленческой деятельности, связанной с выбором приоритетов функционирования и развития объекта управления, обладающих достаточным ресурсным обеспечением; разработкой мероприятий, обеспечивающих достижение результатов, соответствующих поставленным целям, а также последовательности, сроков реализации этих мероприятий и ответственных исполнителей [5]. Более краткое определение дано Е.А. Никчемной: «планирование как юридическая категория представляет собой управленческую деятельность специализированных субъектов по разработке системы целей развития того или иного объекта на определенный период времени и средств их реализации, проходящую в правовых формах и осуществляемую правовыми средствами» [6].

Определив трактовку понятия «правовое планирование» вполне закономерно возникает вопрос, каковы сферы применения планирования в праве?

Правовое планирование следует рассматривать в качестве поэтапной реализации субъектом закрепленного права или обязанности в нормативном акте. Считаем, что к подобным относится любой установленный в нормативных актах порядок

действий субъекта для достижения какой-либо цели.

Например, планирование семьи как комплекс различных мероприятий, включает в себя совершение правовых действий [7]. Так, главой 3 Семейного кодекса Российской Федерации¹ установлены условия и порядок вступления в брак. Тем самым, лица, желающие заключить брак, для достижения своей цели должны осуществить последовательные действия на основе положений нормативного акта (обратиться в орган записи актов гражданского состояния; не иметь обстоятельств, препятствующих заключению брака; заявить о добровольном взаимном согласии на вступление в брак; зарегистрировать брак путем личного присутствия в государственном органе), т.е. реализовать существующий план, прямо не зафиксированный, но подразумеваемый. По итогам реализации плана по заключению брака субъекты достигают цели, в результате чего издается правовой акт – свидетельство о заключении брака, который регистрируется в соответствии с положениями норм права.

Еще одним примером будет являться обращение лица в суд с целью восстановления нарушенных прав. Механизм защиты прав и охраняемых законом интересов осуществляется субъектом не хаотично, а осознанно и спланированно, поскольку это связано с рядом действий, реализация которых требует тщательной подготовки и, в определенных случаях, специальных знаний: определение наличия предпосылок права на предъявление иска, подготовка иска в соответствии с требованиями к оформлению, выбор конкретного способа защиты, определение выдвигаемых требований к ответчику, уточнение обстоятельств выдвигаемых требований и доказательств, опротестование решения. Т.е. реализовать свое право на защиту гражданских прав с помощью обращения в суд в иной форме у субъекта не получится без выполнения определенных последовательных действий, что и следует считать реализацией плана.

Аналогичный порядок существует и в сфере защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий (на основании Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации²).

При такой постановке вопроса необходимо признать, что индивид вряд ли будет прибегать к научным приемам планирования, поэтому, говоря о правовом планировании стоит отметить, что ос-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ: текст в редакции от 31 июля 2023 года // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ: текст в редакции от 8 августа 2024 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

новным субъектом его осуществления выступает государство.

Именно государство, в лице уполномоченных должностных лиц, используя технику юридического планирования, способно творчески смотреть на закон, восполнять правовые пробелы тех отраслей правовой системы, где имеется разрозненное или противоречивое законодательство, создавать акты стратегического планирования, отражающие как общее видение будущих направлений развития страны, так и конкретные средства, необходимые для движения в этих направлениях (задачи, ресурсы, сроки, исполнители, контроль и др.).

Важно отметить, что эффективность стратегии правотворчества зависит от имеющихся объективных данных о состоянии общественных отношений, состоянии правовой системы и должна опираться, по мнению О.А. Гаврилова, на долгосрочные юридические и социальные прогнозы [8]. Именно качественное прогнозирование, опирающееся на объективные данные об обществе и правовой системе, позволит определять те общественные отношения, которые нуждаются в правовом регулировании

Отмечается, что планирование в правовой сфере является отдельным элементом юридической деятельности (наряду с субъектами, юридическими действиями, операциями, принятыми решениями), представляющим собой процесс достижения цели нормотворческой инициативы с помощью определения задач и реализации их осуществления. Результатом грамотного планирования в правовой сфере будет являться принятие нормативного акта, должным образом регламентирующего общественные отношения в какой-либо сфере, в том числе и акта, определяющего общую стратегию нормотворческой деятельности на конкретном уровне. Благодаря созданию и принятию нормативного акта, у субъектов возникает возможность правореализации, в ходе которой также имеет место планирование.

В современной юридической литературе также встречается точка зрения, согласно которой планирование следует считать самостоятельным методом юридической технологии.

В.Н. Карташов определяет юридическую технологию как основанную на определенных принципах, прогнозах и планах (стратегии) систему мыслительных и внешне актуализированных действий и операций компетентных физических и должностных лиц (органов), связанную с изданием (толкованием, реализацией, систематизацией и т.п.) юридических решений (актов), в ходе которой оптимально используются необходимые ресурсы (материальные, трудовые, финансовые, организационные и т.п.), общесоциальные, технические и специально-юридические средства (техника), приемы, способы, методы и правила (тактика), процессуальные формы (стадии, производства и т.п.) и соответствующие типы, виды и подвиды контроля за деятельностью субъектов и участников юридической практики.

Автор также относит к юридической технологии следующие составляющие [9]:

- систему средств (юридическая техника);
- систему приемов, способов, методов юридической деятельности (юридическая тактика);
- систему научно обоснованных принципов, планов, прогнозов и методов (юридическая стратегия);
- систему действий по разработке, принятию, опубликованию и реализации нормативных актов;
- систему показателей эффективности юридической деятельности;
- систему форм, средств и методов контроля и надзора за принятыми юридическими решениями.

В.М. Баранов определяет юридическую технологию как совокупность принципов, приемов, процедур формирования и реализации всех видов юридической практики, последовательность способов целенаправленного преобразования социально значимой информации в новый эффективно действующий правовой акт [10]. Преобразование «социально значимой информации» в нормативный акт представляет собой многоуровневый процесс, в ходе которого субъекты осуществляют последовательные действия, которые возможно считать реализацией плана по нормотворчеству, целью которого является совершенствование общественных отношений.

В этой связи правовое планирование следует рассмотреть в двух контекстах: как элемент юридической деятельности и как прием юридической тактики и юридической стратегии, выступающие самостоятельными методами юридической технологии.

Используя планирование как метод юридической технологии, возможно:

- формировать желаемое состояние общественных отношений;
- намечать пути развития общественных отношений и правовой системы, их регламентирующей;
- определять конкретные действия, направленные на достижение формируемых в правовой сфере целей и задач.

Планирование позволяет упорядочить совершение каких-либо действий, а в правовой сфере – предусмотреть необходимость затраты ресурсов на регламентацию общественных отношений для обеспечения нормального функционирования общества, государства, организации, в соответствии с предъявляемыми к этому требованиям законодательства и особенностями общественного развития. Таким образом, планирование в правовой сфере одновременно следует считать и методом и процессом достижения целей.

Объектом правового планирования могут являться любые области общественных отношений.

Кроме указанных областей, где феномен «планирование» проявляется в праве (в нормотворческой и правореализационной деятельности) эту

категорию можно выделить и в других правоотношениях. Например, планирование расследования преступления как комплекс различных мероприятий, включает в себя совершение правовых действий. Положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ устанавливают порядок производства следственных действий в рамках расследования преступлений. Т.е. следователь или дознаватель для расследования преступления должен осуществить последовательные действия на основе положений нормативного акта (прямо не зафиксированный в нем план), подразумевающие планирование.

Завершая анализ особенностей правового планирования, можем отметить, что само планирование в праве – неизбежный спутник процесса правового регулирования. Учитывая огромное количество нормативных актов различного уровня, регламентирующих почти все сферы жизни граждан, их взаимодействие с организациями и государством, именно плановая работа по совершенствованию законодательства позволяет преодолевать существующие и возникающие пробелы и развивать правовую сферу согласно объективно складывающимся факторам. Закладывание данных целей позволит повысить качество правоприменения и реализации субъектами закрепленных прав и интересов.

Степень внедрения планового начала в правовую сферу требует дальнейшего обсуждения и теоретического осмысления.

Литература

1. Петров, А.Н., 2023. Теория планирования: первое приближение. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургского государственного экономического университета, С. 8.
2. Поленина С.В. Советское государство и право. – 12 изд. – СССР: Наука, 1978. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – М.: Юрайт, 2024. – 352 с.
3. Погодина, И.В. Проблемы планирования в российской юридической практике: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2004. – С. 6.
4. Ю.А. Тихомиров Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 5.
5. Румянцев М.Б. Планирование и прогнозирование в российской правотворческой деятельности // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 5А. С. 62–71.

6. Никчемная Е.А. Планирование как юридическая категория // Современное право. – 2010. – № 9.
7. Хромова, Т.В. Политика планирования семьи в России // Вестник МГУ. – 2012. – № 1. – С. 175–178.
8. Баранов, В.М. Вступительная статья // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С. 11.
9. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика и технология (проблемы соотношения) // Юридическая техника. Н.Новгород, 2000. С. 8.
10. Гаврилов, О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. – Москва, 1993. – С. 27.

POSSIBILITIES OF APPLYING PLANNING METHODOLOGY IN THE LEGAL SYSTEM

Sobanina D.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the place and role of planning in the Russian legal system. The author determines the expediency of integrating the category of “planning” from the economic space into a special legal field. Planning in law is considered in several aspects: as an element of legal activity and as an independent method of legal technology. The author analyzes various approaches expressed in the legal literature on the issue of the place and role of planning in law and comes to the conclusion that planning in rule-making and law-realization activities has a special place in Russian law. In conclusion, the author focuses on the need to use a planned beginning in the legal field. Laying these foundations will improve the quality of law enforcement and the realization by subjects of their rights and interests.

Keywords: planning in law, an element of legal activity, a method of legal technology, normative activity, legal realization activity.

References

1. Petrov, A.N., 2023. Planning theory: the first approximation. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, p. 8.
2. Polenina S.V. The Soviet state and Law. – 12th ed. – USSR: Nauka, 1978. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. – Moscow: Yurait, 2024. – 352 p.
3. Pogodina, I.V. Problems of planning in Russian legal practice: dis. ... cand. Jurid. sciences'. – Vladimir, 2004. – p. 6.
4. Yu. A. Tikhomirov Forecasts and risks in the legal sphere // Journal of Russian Law. – 2014. – No. 3. – S. 5.
5. Rumyantsev M.B. Planning and forecasting in Russian law-making activities // Issues of Russian and international law. 2019. Volume 9. No. 5A. pp. 62–71.
6. Worthless E.A. Planning as a legal category // Modern law. – 2010. – № 9.
7. Khromova, T.V. Family planning policy in Russia // Bulletin of Moscow State University. – 2012. – No. 1. – pp. 175–178.
8. Baranov, V.M. Introductory article // Problems of legal technique: collection of articles / edited by V.M. Baranov. – Nizhny Novgorod, 2000. – p. 11.
9. Kartashov V.N. Legal technique, tactics and technology (problems of correlation) // Legal technique. N.Novgorod, 2000. p. 8.
10. Gavrilov, O.A. Strategy of lawmaking and social forecasting. – Moscow, 1993. – p. 27.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ: текст в редакции от 2 октября 2024 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

Правоотношения в сфере правотворчества как способ реализации права: юридический парадокс или объективная данность правовой жизни

Трофимов Василий Владиславович,

доктор юридических наук, доцент, начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и прав, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: iptgutv@mail.ru

Родионова Александра Андреевна,

студент магистратуры Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: rodionovaonline@mail.ru

Турсина Виктория Андреевна,

студент магистратуры Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: tursina.v@mail.ru

Житнева Ангелина Михайловна,

студент бакалавриата Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: angelinazhitneva@yandex.ru

Предметом исследования выступают правоотношения в правотворческой сфере государства в качестве способа реализации права. На основе теории правовых отношений развивается идея о том, что в сфере правотворчества складывается специфическая разновидность правоотношений с характерной для них структурой. Раскрывается доктринальный контекст проблемы, выявляются различные научные позиции относительно феномена правоотношений на уровне правотворчества. Отмечается, с одной стороны, возможная парадоксальность право-реализационных практик в процессе правотворчества, с другой стороны, аргументируется необходимость признания данных фактов как объективных проявлений социально-правовой жизни. Устанавливается, что данный вид правовых отношений, имея известную специфику, проистекающую из властного уровня принятия политико-правовых решений, на котором эти правовые отношения осуществляются, подчиняется стандартным параметрам динамики правовых отношений вообще. Излагается опыт формулирования дефиниции понятия правотворческих правоотношений. Характеризуется правотворческое право в качестве нормативного базиса правотворческих правоотношений. Определяется элементный состав правоотношений в сфере правотворчества. Резюмируются некоторые теоретические обобщения применительно к правоотношениям в сфере правотворчества, особенностям их реализации.

Ключевые слова: правотворчество, государство, правовая жизнь, правоотношения, правотворческие отношения, реализация права, правотворческое право и его нормативное содержание, структура правотворческих отношений.

Правотворчество, наполняя социальную жизнь нормативными формами, выступает в правовой системе как уровень, которым определяются все прочие правовые явления (правовая идеология, юридическая практика и др.). В то же время это не исключает тот аспект, что правотворческая активность, как и любая другая активность в правовой сфере, сама выступает в качестве предмета правового регулирования, и здесь также складываются свои (может быть – специфические) правовые отношения, связанные с реализацией соответствующих нормативных основ (элементов) правового регулирования собственно правотворческой деятельности, или *правотворческие правоотношения*.

На регламентируемые общественные отношения, сопутствующие правотворческой деятельности, соответственно также должны распространяться правила действия права, алгоритмы его реализации или применения, связанные с динамикой возникновения, изменения и прекращения правовых отношений, в данном случае – в области правотворчества (правотворческих правоотношений). Такой взгляд на феномен правотворчества (в параметрах конструкции правовых отношений с характерным набором элементов, юридической фиксированностью и пр.) позволит выводить правотворческую активность на необходимый уровень юридической упорядоченности, предсказуемости и определенности.

Данный исследовательский акцент представляется вполне актуальным, в достаточной мере новым и неординарным. Научно-исследовательская работа в данном направлении, на наш взгляд, позволит создать эвристические основания для формирования оригинальной концепции правотворческих отношений в государстве, раскрывающей специфику и роль правотворческой динамики в правовой жизни современного общества.

Следует заметить, что в современной российской юридической науке категория «правотворческие отношения» если и используется, но довольно фрагментарно. Объясняется это разными обстоятельствами, но в их числе одним из главных является то, что в юридическое мировоззрение с трудом вмещается представление о том, что сфера властных правотворческих полномочий органов государства (публичной власти) может быть каким-либо образом «ограничена», а формат правовых отношений в этом качестве во многом и выступает, предполагая набор статусных правовых характеристик субъектов отношений, их субъек-

тивные права, юридические обязанности, а также ответственность¹ и пр.).

В правовом государстве область осуществления властных полномочий должна подвергаться правовому опосредованию. Формат *правоотношений в сфере правотворчества* содержит необходимый эвристический инструментарий и соответствующий методологический потенциал для проведения грамотной политики опосредования правотворческой деятельности². Во многом это обусловлено функциональностью правоотношений как формы реальных юридических связей (взаимодействия) между конкретными субъектами права. По мнению С.С. Алексеева, правоотношение в механизме правового регулирования служит инструментом перевода общих моделей поведения в плоскость конкретных мер поведения применительно к данным субъектам³. Н.Н. Вопленко верно также подмечает: «Правовые отношения – одна из важнейших и конкретных форм социального бытия права. Они раскрывают, опредмечивают процесс воплощения правовых норм в общественную жизнь»⁴. В свете данной категории намного отчетливее воспринимаются характеристики участников (субъектов) правовых отношений, корреляция прав и обязанностей, правовых (юридических) фактов и их последствий. В такой же степени это может относиться и к отношениям в сфере правотворческой деятельности.

Советский ученый-юрист Б.В. Дрейшев, предполагая соответствующие научные резоны и где-то преследуя именно эти теоретико-практические юридические цели, поставил вопрос о применении модели правоотношений к правотворческим связям и процессам. В своих работах автор уверенно обосновывает необходимость изучения правовых отношений в сфере правотворчества, определяет понятие правотворческих отношений, выделяет их основные особенности, формирует представление об особом типе правовых норм – норм правотворческих. Давая общее представление о различных правовых отношениях, автор говорит о том, что имеются все «основания дополнить классификацию отношений их *правообразующим* (курсив и выделение наши. – В. Т., А. Р., В. Т., А. Ж.) видом – правотворческими отношениями»⁵.

¹ См.: Трофимов В.В. Проблема ответственности публичной власти за результаты своего правотворчества в свете категории «правотворческие отношения» // Юридическая орбита. 2022. № 2. С. 99–105.

² См.: Трофимов В.В. Правотворческие правоотношения как форма осуществления планомерно-рационального способа формирования права: проблемы теории и практики // Юридическая техника. Ежегодник. № 6: «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация». Нижний Новгород, 2012. С. 566–577.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 27.

⁴ Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГ У. Серия 5. Вып. 6. 2003–2004. С. 76.

⁵ Дрейшев Б.В. Правотворчество в советском государственном управлении. М., 1977. С. 38; см. также: Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л., 1978; Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения

Безусловно, специфика правовых отношений в области правотворчества есть, она определяется теми властными полномочиями субъектов правового творчества, предполагающими их возможность создавать позитивное право (принимать его, изменять и отменять) и таким образом властно детерминировать правовое развитие государства. Но это все же не означает (не должно означать), что данные субъекты, создавая позитивное право, не обязаны выполнять процедурно-процессуальные предписания, связанные с прохождением тех или иных стадий правотворческого процесса, правовые и юридико-технические правила, которые вытекают из законодательства, регламентирующего правотворческую деятельность.

Эта двойственность правового состояния субъектов в сфере правотворчества во многом и вызвала рассуждения, которые констатировали «привилегированные» особенности положения субъектов, наделенных правотворческими полномочиями, специфический характер той системы отношений, которая между данными субъектами складывалась.

В частности, В.Н. Протасов в своей концепции «юридической процедуры» исходит из того, что особенности той или иной процедуры определяются характером правового отношения, реализации которого данная разновидность процедуры служит, основного правоотношения. Для правотворческой процедуры таким правоотношением является «правоотношение, находящееся вне сферы общей, “массовой” реализации правовых норм, правоотношение, в рамках которого существует и реализуется специфическое юридическое «право на правотворчество» и которое имеет особое целевое назначение – формирование правовых норм»⁶.

В.Н. Протасов справедливо фиксирует парадоксальность ситуации, которая складывается в связи с правотворческой процедурой. «С одной стороны, правотворчество – это такая же регулируемая правом сфера деятельности, как и любая другая. В ней можно найти все атрибуты и компоненты правового регулирования: юридические нормы, регламентирующие правотворчество, правоотношения, акты реализации права, юридическую ответственность... Но, с другой стороны, не следует забывать и об относительности такого подхода. Ведь правотворчество – не просто регулируемая правом деятельность, а особый компонент системы правового регулирования, имеющий свою цель. Поэтому, если проблему брать в целом, рассматривать в масштабе правовой системы, на первый план выдвигается содержательная и целевая специфика правотворчества, а не то обстоятельство, что и в нем можно найти акты реализации правовых норм»⁷.

Модель правотворческих отношений как проявления действующего механизма реализации пра-

в советском государственном управлении // Правоведение. 1975. № 2. С. 54–61.

⁶ Протасов В.Н. Юридическая процедура. М., 1991. С. 8.

⁷ Там же.

ва в силу присущей внутренней сложности и неоднозначности не случайно встретила в науке как оправданный интерес и определенную долю поддержки (В.А. Юсупов¹), так и весьма заметное отрицание, выражающего несогласие рассматривать правотворческую деятельность в качестве части структуры механизма правореализации (В.К. Бабаев, В.М. Баранов² и др.). Последнее в чем-то выражало господствующую точку зрения, характерную для государственно-правового подхода того периода времени.

Такой научный контекст, образовавшийся с момента опыта введения рассматриваемой теоретической конструкции (правотворческих правовых отношений) в поле научных и практических правовых исследований (разработок), наверное, в определенной мере и не позволил выразить этой теоретико-практической моделью весь возможно присущий ей потенциал, а область правотворчества, в свою очередь, так и осталась во многом, вне сферы общей («массовой») реализации правовых норм.

В связи с этим, получается, что в силу своей особой роли и предназначения правотворческая деятельность и соответственно те, кто ее осуществляют, может быть вообще поставлена за скобки правового воздействия, правового контроля и т.д. Однако вряд ли, в том числе с учетом декларирования правового государства, задачи его реального построения, такое состояние может быть приемлемым.

Раскрывая эту проблему, вполне весомый аргумент, на наш взгляд, приводит Б.В. Дрейшев: «Правотворчество – процесс, имеющий юридический характер, поэтому создание правовых норм протекает в рамках строгой правовой регламентации, а следовательно, и правореализации. Если рассматривать правотворчество за пределами правореализации, правового регулирования общественных отношений, то практически невозможно объяснить наличие основных компонентов механизма правового регулирования в правотворческом процессе... каким образом могут действовать правовые нормы, регламентирующие правотворческие отношения, вне сферы правореализации»³.

Выводы ученого справедливы и их логический итог, как представляется, достаточно очевиден: правотворческие отношения (несмотря на их явную специфичность) необходимо рассматривать и исследовать по правилам, применимым ко всем разновидностям правовых отношений (и уже в ходе этого изучения выделять соответствующие особенности).

¹ См.: Юсупов В.А. [Рец. на кн.:] Б.В. Дрейшев. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1978. 176 с. // Правоведение. 1979. № 6. С. 88–89.

² См.: Бабаев В.К., Баранов В.М. [Рец. на кн.:] Ю.С. Решетов. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 167 с. // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 146.

³ Дрейшев Б.В. Правотворчество и правовое регулирование // Правоведение. 1985. № 1. С. 33.

Правоотношения в сфере правотворчества как и в иных подобных случаях есть непосредственная форма реализации (применения) лежащих в основе механизма правового регулирования юридических норм. Н.Н. Вопленко здесь справедливо замечает: «Практическое действие правовой нормы влечет за собой возникновение, изменение или прекращение правовых связей между субъектами. И это позволяет заключить: правовое отношение – есть норма права в действии. Другими словами, правовое отношение есть специфически юридическая форма реализации нормы права»⁴.

Следует отметить, обращение к категории правотворческих отношений в науке права встречается (Н.С. Соколова⁵, В.В. Трофимов⁶, В.Н. Самсонов, Е.Ф. Лукьянчикова⁷, Ю.Г. Арзамасов⁸, Д.С. Дерхо⁹, И.В. Куртяк¹⁰, Д.В. Осинцев, А.С. Домченко¹¹ и некоторые др.), вместе с тем, как представляется, в настоящее время требуется более четкое и детальное определение категории правотворческих отношений, причем не как существующего вне общепринятого правового режима порядка юридически значимых отношений, а как порядка отношений, подчиняющихся в целом стандартным (с определенной спецификой) юридическим правилам и схемам их реализации.

Аргументируем эту гипотезу следующими позициями.

1) Отношения, урегулированные правовыми нормами¹², объективно перетекают в плоскость правовых отношений. Правотворческая сфера, какой бы она не казалась базовой и определяю-

⁴ Вопленко Н.Н. Указ. соч. С. 80.

⁵ Соколова Н.С. Особенности правотворческих отношений субъектов Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 10–16.

⁶ Трофимов В.В. Правообразующие отношения и юридическая ответственность: проблемы теории и практики реализации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 14–18.

⁷ Самсонов В.Н., Лукьянчикова Е.Ф. Особенности нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. 2012. № 8. С. 129–134.

⁸ Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М.: Юрлитинформ, 2013. 480 с.

⁹ Дерхо Д.С. Правоотношения в сфере конституционного правотворчества: вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 38–44.

¹⁰ Куртяк И.В. Нормотворческие правоотношения в системе правотворчества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 56–62; Куртяк И.В. Нормотворческие отношения в МВД России. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. 213 с.; Куртяк И.В. Некоторые вопросы механизма правового регулирования нормотворческих правоотношений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 17–20.

¹¹ Осинцев Д.В., Домченко А.С. Административное нормотворчество: правоотношение или организационно-деятельностная технология функционирования органа публичного управления // Российский журнал правовых исследований. 2019. Том 6. № 1. С. 64–72.

¹² Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 7.

щей в структуре правовой системы, также не свободна от регламентации со стороны объективного права. В каждом (или практически каждом) современном (правовом) государстве есть законодательство (в широком смысле – массив источников (форма) права), которым в том числе регулируется правотворческая деятельность¹. Наличие таких актов для правотворческой сферы уже своим фактом предопределяет, что отношения в этой области будут строиться не сами по себе, а в силу реализации (применения) норм позитивного права, целенаправленно регулирующего правотворческий процесс (назовем его – правотворческого права). Таким образом, мы имеем в этой части юридические основания правотворческих отношений.

2) Правоотношения складываются и возникают не только в силу наличия юридических оснований, но и в силу юридически значимых фактов (юридических фактов – социальных обстоятельств, с которыми право связывает те или иные юридические последствия, возникновение соответствующих правовых отношений) как выражения ключевых звеньев собственно фактических общественных отношений, лежащих в основе отношений правовых. В структуре правотворчества таким определяющим юридически значимым фактом, который способен привести в действие всю систему правовых отношений в правотворчестве, может считаться факт выражения правотворческой инициативы², выступающей отправной точкой актуализации правотворческих отношений.

3) Для инициации правотворческих отношений важен еще один компонент – наличие в правовой жизни тех субъектов³, которые способны брать на себя ответственность за разработку и принятие нормативных правовых актов. Как отмечает Н.Н. Вопленко: «правовое отношение представляет собой реализованную в фактическом взаимодействии сторон связь между субъектами, урегулированную нормами права»⁴.

4) Для правовых отношений важен объект, по поводу которого эти отношения могут складываться⁵. Для правотворческих отношений таким объектом, на наш взгляд, может выступать правотворческая активность – деятельность (действия) правотворческих субъектов по достижению соответствующих текущих и итоговых целей правового творчества.

¹ Например, в Республике Беларусь принят и действует Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 31.07.2018. 2/2568.

² Редько А.А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 5.1.1. М., 2023.

³ Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19. № 2. С. 5–14.

⁴ Вопленко Н.Н. Указ. соч. С. 78.

⁵ См.: Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М., 1960. С. 284–308; Кучинский В.А. Объекты правовых отношений // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2006. № 4. С. 21–34.

5) В связи с вышесказанным помимо некоего иницирующего звена правовых отношений, любые правовые отношения могут иметь смысл, если перед ними (или в их природе) есть зримое целеполагание, есть четкая и ясная цель – зачем эти правоотношения необходимы, к чему они могут привести, какой от них может быть эффект⁶. У правотворческих отношений такая цель, безусловно, есть: создание и воспроизводство права. Ради этой итоговой цели работает весь правотворческий механизм.

Исходя из сказанного, постараемся сформулировать некую общую дефиницию правотворческих правовых отношений (учитывая и сложившийся научный опыт (прежде всего, благодаря работам Б.В. Дрейшева), и некоторые собственные наработки в этой области науки).

Правообразующие (правотворческие) правоотношения – это основанные на нормах правотворческого права специфические по содержанию и характеру правовые отношения, связанные с разработкой, принятием и изданием правотворческими органами правовых актов различной формы, а также участием граждан и организаций в данном процессе посредством выражения волеизъявления относительно характера и содержания принимаемых правовых норм⁷. Главное назначение (функция) указанных отношений состоит в том, что они выступают средством создания (изменения, отмены) норм права. Этим и определяется во многом их особое место среди остальных правовых отношений, которые непосредственно связаны с реализацией уже созданных правовых норм.

Раскрывая далее концепцию правотворческих правовых отношений, обратимся, прежде всего, к их нормативной юридической основе, наличие которой своим фактом подтверждает, что отношения (юридические связи и процессы), возникающие на этой базе не могут не иметь правового характера и не могут не выступать формой реализации (применения) соответствующих правовых норм (правотворческих норм).

Такой основой выступает система правотворческих норм, которые направлены на регулирование общественных отношений, складывающихся в сфере правотворчества (от этапа инициирования законодательного проекта до этапа опубликования и вступления в силу принятого нормативного правового акта).

О данном типе правовых норм – норм правотворческих – также пожалуй первым (или одним из первых) поставил вопрос в своих работах Б.В. Дрейшев. Характеризуя значение этих норм, автор отмечает, «нормам, регулирующим правотворческую деятельность, принадлежит важная роль в совершенствовании правовой системы. Именно с их помощью осуществляется регламен-

⁶ Орлов О.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 22–29.

⁷ См. также: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.01. СПб., 2011. С. 28.

тация «технологического» процесса создания новых правовых норм, изменения или отмены действующих»¹.

Совокупность (комплекс) этих норм составляет вполне специфическое нормативное образование, которое имеет довольно отчетливо устанавливаемый собственный предмет регулирования в виде специфических по содержанию и характеру отношений в сфере правового творчества. Эти отношения «направлены на создание новых норм права (изменение или отмену действующих)»². В этом смысле данная правовая общность имеет необходимое внутреннее единство, что позволяет считать эту совокупность правовых (правотворческих) норм самостоятельным элементом системы права, как минимум ее целостным правовым институтом, который условно можно именовать как «*правотворческое право*» (*совокупность правотворческих норм, регулирующих общественные отношения, связанные с созданием, изменением или отменой норм права*).

Итак, *правовое регулирование* отношений в сфере правотворчества имеет своей нормативной основой и предпосылкой правотворческое право, выраженное системой соответствующих нормативных правовых актов (иных источников права), и может осуществляться лишь при наличии такой основы. Нормы правотворческого права (правотворческие нормы) предписывают пределы возможного и должного поведения в предусмотренных ими правовых ситуациях – в рамках определенных стадий правотворческого процесса, в контексте тех или иных предметных правотворческих зон, где осуществляются соответствующие правотворческие действия и развиваются правотворческие связи. В соответствии с их предписаниями осуществляется поведение субъектов правоотношения. Это положение распространяется и на правотворческие правоотношения: нормы права предписывают совершение тех или иных правотворческих действий.

Если говорить о российской правотворческой практике, то система источников правотворческого права довольно разнообразная и многоуровневая. Первое вытекает из того, что формировалась данная система источников (форм) правотворческого права на разных отрезках становления российской государственности, отсчитывая с начала 1990-гг., и пока еще не претерпела какой-либо целенаправленной систематизации, вплоть до кодификации в рамках единого законодательного акта. Второе связано с федеративным характером российского государства. В этой связи, на наш взгляд, существенным и принципиальным шагом в развитии системы правового регулирования правотворческих отношений на федеральном (и в целом – на общегосударственном) уровне мог бы стать «Закон о нормативных правовых актах» или так называемый «Закон о законах», принятие которо-

¹ Дрейшев Б.В. Правотворческие нормы в системе советского права // Правоведение. 1976. № 5. С. 26.

² Там же. С. 27.

го в Российской Федерации все еще не состоялось и пока непонятно, состоится ли в перспективе, хотя были готовы и проекты³, да и «перьев» ученых-правоведов на этот счет стерто немало⁴.

Характеризуя правотворческие правоотношения, уместно также посмотреть на их внутреннее строение (структуру), выделив соответственно в ней объект, субъектов данных правоотношений, и их юридическое содержание.

Определяя *объект* правотворческих отношений, приведем классическое понимание данного компонента правовой реальности, которое было выработано отечественной теоретико-правовой наукой. Как характеризовал этот аспект С.С. Алексеев, объект правоотношения – это те явления (предметы) окружающего мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности⁵. Объектом правотворческого отношения, соответственно, является все то, что находится вне субъективных прав и юридических обязанностей участников данных правоотношений. В широком смысле в нашем понимании в данной сфере отношений таким внешним по отношению к субъектам правотворчества явлением выступает «правотворческая активность» или правотворческая деятельность, относительно которой каждый из субъектов имеет либо субъективное право ее осуществлять (осуществлять какую-то из ее составляющих – например, выражать правотворческую инициативу, участвовать в обсуждении проекта нормативного правового акта, голосовать за проект нормативно-правового акта и т.п.), либо юридическую обязанность выполнять те или иные правотворческие действия (проводить оценку регулирующего воздействия проекта нормативно-правового акта, проводить антикоррупционную экспертизу нормативно-правового акта, принимать на рассмотрение поправки к проекту нормативно-правового акта и т.п.).

Если же иметь в виду, что как и большинство отраслевых правовых отношений имеют как материальный, так и процессуальный сегменты, то в плане объекта правотворческих правовых отношений соответствующую градацию также допустимо провести. В этом случае для материальных правотворческих правоотношений (собственно правотворческая активность, ее различные проявления) таким объектом будут различные предложения, поправки, документы, материалы, содержащие информацию о подготовке текста проекта нормативно-правового акта, подготовке проекта нормативно-правового акта к коллегиальному обсуждению, непосредственно нормативный правовой акт, под-

³ См.: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2019.

⁴ См., например: Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.

⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. С. 137.

лежащий опубликованию, и др. Для процессуальных правотворческих правоотношений – это материальные правотворческие отношения, необходимость осуществления которых вызывает потребность в процессуальном сопровождении и соответствующих процессуальных отношениях.

Субъектами правотворческих правоотношений выступают индивидуальные лица (граждане России, а также должностные лица) и коллективные лица (прежде всего, российский народ – главный источник власти в стране (часть 1 статьи 3 Конституции РФ), органы государственной и муниципальной публичной власти, а также институты гражданского общества в виде общественных объединений, иных организационных социальных общностей), реализующие в соответствии с законом или иным нормативным правовым актом свои правомочия и обязанности в правоотношении, связанном с изданием нормативно-правовых актов.

По своему содержанию правосубъектность в сфере правотворчества охватывает правомочия по изданию нормативно-правовых актов, внесению предложений и проектов в вышестоящие органы в порядке осуществления правотворческой инициативы, по участию в обсуждении проектов нормативно-правовых актов и т.п. Правосубъектность может дифференцироваться в зависимости от объема закрепленных за лицом или организацией полномочий и обязанностей в области осуществления правотворческих функций. В данном случае имеет смысл говорить о «полной» и «неполной» правосубъектности, где полная рассматривается как такая совокупность прав и обязанностей, которая обеспечивает участие органа публичной власти (имеются в виду официальные правотворческие органы государственного и муниципального уровней) в любых по содержанию правотворческих отношениях и, прежде всего, включает его право на разработку и издание (принятие) правовых актов «от» и «до», охватывающее все стадии правотворчества, а неполная правосубъектность включает лишь отдельные полномочия и обязанности, определяющие статус субъекта только на некоторых стадиях правотворческого производства (например, осуществление правотворческой инициативы, обсуждение проекта правового акта, участие в публичных слушаниях, проведение экспертизы проекта нормативно-правового акта и подготовка экспертного заключения и т.д.). Общество (представленное гражданами, общественными организациями и т.п.), его форма – гражданское общество, участвуя в правотворческих правоотношениях, не обладает так называемой полной правосубъектностью, обеспечивающей возможность его участия на всех стадиях правотворческого производства, но оказывает, тем не менее, важнейшее социальное влияние на правотворческий процесс в государстве.

Содержанием правотворческих правовых отношений выступает совокупность *субъективных прав и юридических обязанностей*, отражающих «зая-

тость» субъекта правотворчества в процессах правотворчества.

Норма права, регулирующая то или иное правотворческое отношение, обеспечивает в нем участие определенного субъекта, регламентируя его правомочия и обязанности. По своему содержанию правомочия и обязанности участников правотворческих правоотношений разнообразны. Цель каждого *правомочия* и каждой *обязанности* – совершение необходимых действий в определенный момент правотворческого процесса.

Содержание правотворческих отношений есть фактическое поведение участников этих отношений, их правотворческая деятельность в соответствии с предусмотренными правовой нормой правами и обязанностями, т.е. их правомерная практическая реализация¹.

Правотворческие правоотношения в своей динамике развиваются, исходя из присущей процессу правового творчества стадийности, начиная от так называемой предправотворческой стадии (где на основе общегражданского «чутья» и / или научно-правовых исследований (теоретических и эмпирических) зарождаются правовые идеи, правовые замыслы, правовые проекты и правовые инициативы), проходя через стадии обсуждения и принятия в рамках соответствующих властных инстанций, и завершая стадией опубликования нормативного правового акта.

Таким образом, если резюмировать проведенный анализ проблемы правотворческих отношений как формы применения (реализации) права, можно сделать некоторые обобщения: а) научная рефлексия конструкции правотворческих отношений продемонстрировала, что в системе властной правотворческой деятельности также могут складываться соответствующие правовые отношения, выражающие собой реализацию (применение) норм правотворческого права, регулирующего общественные отношения в сфере правотворчества государства (что далеко не есть какой-либо юридический парадокс, а объективная данность правовой жизни); б) введение категории правотворческих правоотношений в более активный научный оборот оправдано потребностью видеть в правотворчестве деятельность, осуществляемую по правилам, согласно нормативным требованиям и предписаниям (что в существенной мере выступает предпосылкой повышения качества правотворческих результатов); в) это теоретическое видение не направлено каким-либо образом на ограничение возможности творчества права соответствующими управомоченными субъектами, а скорее способствует обеспечению надлежащего порядка в организации процесса правотворчества.

Литература

1. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского

¹ Дрейшев Б.В. Правотворчество в советском государственном управлении. С. 32–33, 36.

- права: сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. С. 284–308.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 359 с.
 3. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1964. 226 с.
 4. Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М.: Юрлитинформ, 2013. 480 с.
 5. Бабаев В.К., Баранов В.М. [Рец. на кн.:] Ю.С. Решетов. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 167 с. // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 145–146.
 6. Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.
 7. Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГ У. Серия 5. Вып. 6. 2003–2004. С. 76–89.
 8. Дерхо Д.С. Правоотношения в сфере конституционного правотворчества: вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 38–44.
 9. Дрейшев Б.В. Правотворческие нормы в системе советского права // Правоведение. 1976. № 5. С. 25–31.
 10. Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 175 с.
 11. Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении // Правоведение. 1975. № 2. С. 54–61.
 12. Дрейшев Б.В. Правотворчество в советском государственном управлении. М. Юрид. лит., 1977. 159 с.
 13. Дрейшев Б.В. Правотворчество и правовое регулирование // Правоведение. 1985. № 1. С. 30–36.
 14. Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19. № 2. С. 5–14.
 15. Куртяк И.В. Некоторые вопросы механизма правового регулирования нормотворческих правоотношений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 17–20.
 16. Куртяк И.В. Нормотворческие отношения в МВД России. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. 213 с.
 17. Куртяк И.В. Нормотворческие правоотношения в системе правотворчества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 56–62.
 18. Кучинский В.А. Объекты правовых отношений // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2006. № 4. С. 21–34.
 19. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 88 с.
 20. Орлов О.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 22–29.
 21. Осинцев Д.В., Домченко А.С. Административное нормотворчество: правоотношение или организационно-деятельностная технология функционирования органа публичного управления // Российский журнал правовых исследований. 2019. Том 6. № 1. С. 64–72.
 22. Протасов В.Н. Юридическая процедура. М.: Юрид. лит., 1991. 79 с.
 23. Редько А.А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 5.1.1. М., 2023.
 24. Самсонов В.Н., Лукьянчикова Е.Ф. Особенности нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. 2012. № 8. С. 129–134.
 25. Соколова Н.С. Особенности правотворческих отношений субъектов Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 10–16.
 26. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.01. СПб., 2011.
 27. Трофимов В.В. Правообразующие отношения и юридическая ответственность: проблемы теории и практики реализации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 14–18.
 28. Трофимов В.В. Правотворческие правоотношения как форма осуществления планомерно-рационального способа формирования права: проблемы теории и практики // Юридическая техника. Ежегодник. № 6: «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация». Нижний Новгород, 2012. С. 566–577.
 29. Трофимов В.В. Проблема ответственности публичной власти за результаты своего правотворчества в свете категории «правотворческие отношения» // Юридическая орбита. 2022. № 2. С. 99–105.
 30. Юсупов В.А. [Рец. на кн.:] Б.В. Дрейшев. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1978. 176 с. // Правоведение. 1979. № 6. С. 88–89.

LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF LAWMAKING AS A WAY OF REALIZING LAW: A LEGAL PARADOX OR AN OBJECTIVE REALITY OF LEGAL LIFE¹

Trofimov V.V., Rodionova A.A., Tursina V.A., Zhitneva A.M.
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

The subject of the study is legal relations in the law-making sphere of the state as a way of realizing the right. On the basis of the theory of legal relations, the idea is developing that in the field of lawmaking, a specific kind of legal relations with a characteristic structure develops. The doctrinal context of the problem is revealed, various scientific positions on the phenomenon of legal relations at the level of lawmaking are revealed. It is noted, on the one hand, the possible paradoxical nature of law-realization practices in the process of law-making, on the other hand, the need to recognize these facts as objective manifestations of social and legal life is argued. It is established that this type of legal relations, having a well-known specificity arising from the authoritative level of political and legal decision-making at which these legal relations are carried out, is subject to the standard parameters of the dynamics of legal relations in general. The experience of formulating the definition of the concept of law-making legal relations is presented. Law-making law is characterized as the normative basis of law-making legal relations. The elemental composition of legal relations in the field of lawmaking is determined. Some theoretical generalizations are summarized in relation to legal relations in the field of lawmaking, the peculiarities of their implementation.

Keywords: law-making, the state, legal life, legal relations, law-making relations, the realization of law, law-making law and its normative content, the structure of law-making relations.

References

1. Alekseev, S.S. About the object of law and legal relations. Questions of the general theory of Soviet law: collection of articles. Bratus S.N. (ed.) Moscow: Gosyurizdat, 1960. Pp. 284–308 (in Russian).
2. Alekseev S.S. General theory of law. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1982. 359 p. (in Russian).
3. Alekseev S.S. General theory of socialist law. Issue 2: Norms of law and legal relations. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute publ., 1964. 226 p. (in Russian).
4. Arzamasov Yu.G. Theory and practice of departmental rulemaking in Russia. Moscow: Yurilitinform, 2013. 480 p. (in Russian).
5. Babaev V.K., Baranov V.M. Review of the book: Yu.S. Reshetov. The mechanism of legal realization in the conditions of developed socialism. Kazan, 1980. 167 p. // Soviet state and law. 1983. No. 3. Pp. 145–146 (in Russian).
6. Boshno S.V. Draft law on normative legal acts: the clash of law-making, theory and practice. State and law. 2015. No. 11. Pp. 14–23 (in Russian).
7. Voplenko N.N. Legal relations: concept and classification // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5. 2003–2004. Issue 6. Pp. 76–89 (in Russian).
8. Derkho D.S. Legal relations in the field of constitutional lawmaking: questions of theory // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. No. 17. Pp. 38–44 (in Russian).
9. Dreyshev B.V. Lawmaking and legal regulation // Pravovedenie. 1985. No. 1. Pp. 30–36 (in Russian).
10. Dreyshev B.V. Lawmaking in the Soviet state administration. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1977. 159 p. (in Russian).
11. Dreyshev B.V. Law-making norms in the system of Soviet law // Pravovedenie. 1976. No. 5. Pp. 25–31 (in Russian).
12. Dreyshev B.V. Law-making relations in the Soviet state administration. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University, 1978. 175 p. (in Russian).
13. Dreyshev B.V. Law-making relations in the Soviet state administration // Pravovedenie. 1975. No. 2. Pp. 54–61 (in Russian).
14. Ivanov R.L. Subjects of lawmaking: concept and types // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2022. Vol. 19. No. 2. Pp. 5–14 (in Russian).
15. Khabrieva T.Ya. & Tikhomirov Yu.A. (ed.) On regulatory legal acts in the Russian Federation (initiative draft federal law). 5th ed., revised and expanded. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. 88 p. (in Russian).
16. Kuchinsky V.A. Objects of legal relations. Socio-economic and legal studies. 2006. No. 4. Pp. 21–34 (in Russian / in Belarusian).
17. Kurtyak I.V. Normative legal relations in the system of law-making // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1. Pp. 56–62 (in Russian).
18. Kurtyak I.V. Normative relations in the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 213 p. (in Russian).
19. Kurtyak I.V. Some questions of the mechanism of legal regulation of normative legal relations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. Pp. 17–20 (in Russian).
20. Orlov O.N., Ekimov A.I. The goal in the norm of Soviet law // Pravovedenie. 1968. No. 5. Pp. 22–29 (in Russian).
21. Osintsev D.V. & Domchenko A.S. Administrative rulemaking: legal relationship or organizational and activity technology of functioning of a public administration body // Russian Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 64–72 (in Russian).
22. Protasov V.N. Legal procedure. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 79 p. (in Russian).
23. Redko A.A. Legal initiative in the mechanism of action of modern Russian law: Abstract. dis. ... doct. Jurid. sciences'. 5.1.1. Moscow, 2023 (in Russian).
24. Samsonov V.N., Lukyanchikova E.F. Features of normative relations of legislative (representative) public authorities of the subjects of the Russian Federation // Scientific bulletin of Belgorod State University: Philosophy. Sociology. Law. 2012. No. 8. Pp. 129–134 (in Russian).
25. Sokolova N.S. Features of law-making relations of the subjects of the Russian Federation // Bulletin of the Russian University of Friendship University. Series: Legal Sciences. 2007. No. 3. Pp. 10–16 (in Russian).
26. Trofimov V.V. Law-forming relations and legal responsibility: problems of theory and practice of implementation // Constitutional and municipal law. 2010. No. 4. Pp. 14–18 (in Russian).
27. Trofimov V.V. Law-making legal relations as a form of implementation of a planned and rational way of forming law: problems of theory and practice. Legal technique. The yearbook. 6: "The technique of modern law-making: condition, problems, modernization". Nizhny Novgorod Publ., 2012. Pp. 566–577 (in Russian).
28. Trofimov V.V. Legal education in modern society: theoretical and methodological aspect. Author's abstract. dis. ... doct. Jurid. sciences'. 12.00.01. St. Petersburg, 2011 (in Russian).
29. Trofimov V.V. The problem of responsibility of public authorities for the results of their law-making in the light of the category "law-making relations" // Legal Orbit. 2022. No. 2. Pp. 99–105 (in Russian).
30. Yusupov V.A. Review of the book: B.V. Dreyshev. Law-making relations in the Soviet state administration. Leningrad. Publishing House of the Leningrad University, 1978. 176 p. // Pravovedenie. 1979. No. 6. Pp. 88–89 (in Russian).

¹ The study has been conducted at Derzhavin Tambov State University as an activity under the "Priority 2030" program.

Подходы к реализации конституционно-правовых принципов регулирования деятельности средств массовой информации

Возик Никита Романович,

старший преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и В.Т. Кабышева, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: n.vozik@mail.ru

Введение: вопросы оптимального правового регулирования массовой информации в условиях построения информационного общества продолжают занимать центральное место в современной науке конституционного права. **Цель:** провести анализ действующих нормативных правовых актов, в которых заложены конституционно-правовые принципы деятельности средств массовой информации. **Методологическая основа:** в ходе исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Помимо этого, применялись сравнительно-правовой и формально-юридический методы, метод системного анализа. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно реализации на практике базовых принципов правового регулирования в сфере массовой информации. **Выводы:** развитие информационного общества и электронных средств массовой информации не повлияло на конституционно-правовые принципы в данной сфере.

Ключевые слова: массовая информация, средства массовой информации, принципы правового регулирования средств массовой информации.

Правое регулирование оборота массовой информации строится на принципах, то есть основополагающих началах, отражающих его направленность, сущность, базовые и характерные черты. Принципы – это мыслимые ориентиры, идеальные образы, к которым должно стремиться явление. Б.С. Эбзеев отмечает, что данные нормы особого рода, которые занимают главенствующее место во всей отечественной конституционно-правовой системе и определяют содержание всего отечественного правопорядка, включая юридические характеристики иных принципов Конституции [1, с. 198].

В контексте проводимого исследования особого внимания заслуживает оценка возможности применения конституционных принципов к исследуемым общественным отношениям.

По мнению В.Т. Кабышева, конституционные принципы взаимоотношения человека и власти следует разделять на несколько уровней. На первом уровне располагаются такие принципы как: приоритет прав и свобод человека, верховенство права, взаимная ответственность человека и власти, судебная защита прав и свобод человека. Второй уровень связан с принципами, характеризующими юридическую природу самих конституционных прав и свобод, к ним относятся: всеобщность, единство, равноправие и гарантированность самих конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина [2, с. 54].

Основополагающим началом, на котором базируется правовое регулирование массовой информации, является свобода массовой информации, которая, по нашему мнению, является производной от гарантированной государством свободы слова (ст. 29 Конституции РФ).

В юридической науке можно выделить три основных подхода к пониманию соотношения этих категорий. Сторонники первого полагают, что свобода информации выступает общим принципом по отношению к таким правам как свободы слова, печати или права на получение общественно значимой информации [3, с. 13]. Второй подход подразумевает, что и свобода информации, и свобода слова и мысли являются выражениями какого-то более общего права или свободы [4, с. 3]. Иными словами, и свобода мысли и слова, и свобода информации являются равнозначными категориями [5]. Вместе с тем данные категории взаимосвязаны и не могут существовать независимо друг от друга. Третий подход предполагает, что свобода мысли и слова выступают родовой категорией по отношению к иным правам, закрепленным в статье 29 Кон-

ституции РФ. Авторы-сторонники данного подхода полагают, что перечисленные в иных пунктах рассматриваемой статьи права лишь конкретизируют проявления свободы мысли и слова [6, с. 23].

Свобода массовой информации выступает неотъемлемым элементом демократического режима (ст. 1 Конституции РФ 1993 г.), а также необходимым условием политического многообразия, плюрализма мнений (ст. 13 Конституции РФ), обеспечения лиц, с ограниченными возможностями, культурного разнообразия.

С представленным принципом тесную связь обнаруживает принцип невмешательства в деятельность средств массовой информации (далее – СМИ). Демократические государства должны стремиться к наименьшему вмешательству в деятельность, связанную с массмедиа, на их территории должна отсутствовать цензура (и прямая, и косвенная), ограничения на свободу информации могут использоваться лишь в пределах и порядке, предусмотренном Конституцией РФ [7, с. 4–5]. Так, к примеру, Конституция РФ допускает ограничение права лишь на основании федерального закона и только в прямо установленных целях (часть 3 статьи 55).

В Российской Федерации проявление принципа невмешательства в деятельность СМИ можно отследить в упрощенной процедуре регистрации, простых требованиях, предъявляемых к СМИ, простой и открытой процедуре контроля (статья 56.1 Закона РФ «О средствах массовой информации»). При этом превалирует именно последующий контроль, как реакция на уже свершенное нарушение прав.

Свобода массовой информации обнаруживает связь с еще одним важнейшим принципом права, таким как баланс публичных и частных интересов (интересов государства, общества и личности). По мнению С.М. Шахрай, А.А. Клишас, баланс интересов личности и государства является неотъемлемым принципом правового статуса личности. Вместе с тем ими указывается на то, что конечным результатом развития общества выступает наиболее полное удовлетворение интересов личности [9, с. 166].

Поддерживая мнение ученых, следует отметить, что помимо положительного и нейтрального выражения, свобода слова, выраженная в свободе массовой информации, включает в себя и отрицательные проявления (диффамационные сведения (порочащие честь, достоинство или деловую репутацию), клевета, оскорбление и т.п.). Излишняя свобода приводит к нарушению баланса интересов и порождает необходимость установления правовых пределов. Баланс интересов состоит во взаимном корреспондировании прав и обязанностей участников соответствующих информационных правоотношений. Указанный принцип состоит во взаимном сдерживании общества (личности) и государства: с одной стороны, государство обязуется предоставлять информацию и не допускать нелегитимных ограничений свободы массовой информации, а с другой – общество обязуется ис-

пользовать, предоставленные ему свободы в пределах, установленных государством и не нарушающих публичные интересы.

Идея баланса интересов в правовом регулировании СМИ прослеживается, например, в статьях 38–40 и 49 Закон РФ «О средствах массовой информации». Указанные статьи закрепляют ограничения власти в виде установления обязанности предоставлять достоверные сведения о своей деятельности, то есть установления обязанности отвечать на вопросы и корреспондирующего ей права задавать вопросы.

Конституционная реформа 2020 г. способствовала появлению в Основном Законе ст. 75.1, указывающей в качестве магистральной цели формирование «взаимного доверия государства и общества». В связи с этим, особое значение приобретает такой принцип предоставляемой информации как достоверность. Обязанность по проверке достоверности сообщаемой информации возлагается на массмедиа, как на субъекта, контролирующее соблюдение баланса интересов населения и государства, СМИ и личности. При распространении недостоверной информации о деятельности государственных органов, они вправе потребовать замены указанной информации в определенные сроки. Кроме того, за отказ от замены информации (опровержения) может быть предусмотрена ответственность.

Принцип идеологического многообразия в праве массовой информации вытекает из конституционного права на свободу мысли и слова, а также положения статьи 13 Конституции РФ, устанавливающий запрет на государственную или обязательную идеологию.

Идеологическое многообразие в теоретическом аспекте можно рассмотреть как принцип права [10, с. 3–4], основу конституционного строя [11, с. 10], а также особый институт [12, с. 4–5], и по этой причине им пронизывается также и правовое регулирование организации и деятельности СМИ. В контексте права массовой информации принцип идеологического многообразия следует отразить через установленную законом возможность фактического массового распространения разных идей и взглядов.

Данный принцип обеспечивается через право практически любого субъекта учреждать СМИ (статья 18), через отсутствие на законодательном уровне каких-либо идеологических ограничений, в том числе связанным с распространяемой информацией, через запрет вмешательства в профессиональную деятельность редакций (не только со стороны государственных структур, но и со стороны учредителей), посредством права журналиста свободно излагать свою личную позицию, без угроз привлечения к ответственности за это и т.д.

Необходимо указать, что обеспечение принципа идеологического многообразия должны должны осуществляться также через антимонопольные меры, которые в настоящее время не учитывают данного обстоятельства (фактически отсутствуют).

В последние годы намечается тенденция отхождения от судебной защиты в пользу иного разрешения (урегулирования) конфликтов (к примеру, создание специальных организаций, уполномоченных на разрешение конфликтов, использование досудебного урегулирования споров и т.д.).

К примеру, в пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» специально указано, что несмотря на то, что при обращении в суд за защитой чести, достоинства и деловой репутации не предусмотрено обязательное досудебное урегулирование спора, «гражданин вправе обратиться с требованием об опровержении ... к редакции соответствующего средства массовой информации» [13]. Кроме того, важно отметить, что в настоящее время в Российской Федерации проводится, а отчасти уже произошла реформа примирительных процедур, позволяющих урегулировать спор до судебного разбирательства. По этой причине целесообразно говорить о принципе гарантированности судебной защиты, а не о ее приоритете.

Отступлением от судебной защиты служат и закрепленные в российском Законе РФ «О средствах массовой информации» права на опровержение и ответ, которые также можно считать альтернативными способами урегулирования спора. Помимо этого, законодатель не исключает возможности обращения в контролирующие государственные органы исполнительной власти.

Не менее значим и вопрос реализации судебной защиты посредством обращения в Конституционный Суд РФ. Соответствие нормативных положений, регламентирующих организацию и функционирование СМИ, Конституции РФ также становилось предметом рассмотрения высшей судебной инстанции. В качестве примеров можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2000 г. № 14-П [14], Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 г. № 4-П [15].

К числу принципов регулирования в сфере массовой информации считаем необходимым отнесение принципа конфиденциальности источника информации. Указанный принцип берет свое начало в конституционном праве каждого на тайну переписки и иных сообщений (статья 23 Конституции РФ) и в дальнейшем трансформируется с учетом специфики правоотношений. Он также обнаруживает связь с иными принципами. Например, посредством принципа конфиденциальности источника достигается баланс государственных и общественных интересов.

Право не раскрывать источник получения информации выступает одной из важнейших гарантий профессиональной деятельности СМИ. В отечественном законодательстве конфиденциальность источника информации является одновременно и правом источника, и обязанностью ре-

дакции (ст. 41 Закона РФ «О средствах массовой информации»). Любое требование о раскрытии источника информации должно быть оформлено соответствующим образом (мотивированное определение суда).

Следует отметить, что перечисленные принципы, как основополагающие начала в полной мере учитывают тенденции развития СМИ, выраженные, в частности в их цифровизации. В связи с чем можно сказать, что развитие информационного общества и электронных СМИ хотя и сказалось на правовом регулировании создания, распространения и хранения массовой информации, однако не повлияло на базовые идеи правового регулирования в этой сфере.

Литература список

1. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учеб. – М.: Проспект, 2019. – С. 198.
2. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. С. 54.
3. Бусленко Н.И. Конституционные основы профессиональной деятельности журналиста в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000. С. 13.
4. Елизаров В.Г. Свобода массовой информации в Российской Федерации: конституционные основы и правовые ограничения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 3.
5. Комментарий к Статье 29 Конституции РФ // Конституция РФ. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-29-krf> (дата обращения: 15.08.2023).
6. Эктумаев А.Б. Соотношение свободы слова и свободы информации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 4. С. 23.
7. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России / под редакцией Г.Н. Комковой. Москва: Проспект, 2017. С. 4–5.
8. Шахрай С. М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации. 3-е издание, доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011 С. 166.
9. Лебедев В.А. Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышление о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 3–4.
10. Зырянов И.А. Политическое многообразие в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 10.
11. Кононов К.А. Идеологическое многообразие как институт российского конституционного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4–5.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан

и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2000 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 49. Ст. 4861
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4. Ст. 359.

APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PRINCIPLES FOR REGULATING THE ACTIVITIES OF THE MEDIA

Vozik N.R.

Saratov State Law Academy

Introduction: issues of optimal legal regulation of the media in the context of building the information society keep taking to occupy a central place in the modern science of constitutional law. The purpose: conduct an analysis of legislative normative legal acts that lay down the constitutional and legal principles of activity and means of disseminating information. The methodological basis: the study used such general scientific methods as analysis and synthesis. In addition, comparative legal and formal-legal methods, a method of system analysis were used. Results: the author's position regarding the implementation in practice of the basic principles of legal regulation in the field of mass media is argued. Conclusions: the development of the information society and electronic media has not affected the constitutional and legal principles in this area.

Keywords: mass information, mass media, principles of legal regulation of mass media.

References

1. B.S. Jebzeev. Constitutional Law of Russia // M.: Prospekt, 2013. P. 155.
2. Kabyshev V.T. With the Constitution Through Life: selected works. M.: Formula prava, 2013. P. 54.
3. Buslenko N.I. Constitutional foundations of professional activity of a journalist in the Russian Federation: dis. ...cand. legal Sci. Rostov-on-Don, 2000. P. 13.
4. Elizarov V.G. Freedom of mass information in the Russian Federation: constitutional foundations and legal restrictions: Ph. D. thesis. M., 2002. P. 3.
5. Commentary on Article 29 of the Constitution of the Russian Federation // Constitution of the Russian Federation. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-29-krf> (access date: 08.15.2023).
6. Ektumaev A.B. Correlation between freedom of speech and freedom of information // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2011. № . 4. P. 23.
7. Kulikova S.A. Constitutional ban on censorship in Russia / edited by G.N. Komkova. Moscow: Prospekt, 2017. pp. 4–5.
8. Shakhrai S. M., Klishas A.A. Constitutional law of the Russian Federation. 3rd edition, add. M.: OLMA Media Group, 2011. P. 166.
9. Lebedev V.A. Ideological diversity and Russian multi-party system: reflection on the fate of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2010. № . 11. P. 3–4.
10. Zyryanov I.A. Political diversity in the Russian Federation: constitutional and legal issues: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Saratov, 2015. P. 10.
11. Kononov K.A. Ideological diversity as an institution of Russian constitutional law: dis. ...cand. legal Sci. M., 2009. P. 4–5.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 № . 3 «On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № . 4.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 22, 2000 № . 14-P «On the case of verifying the constitutionality of part three of Article 5 of the Federal Law «On State Support of Mass Media and Book Publishing of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. № . 49. Art. 4861
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 17, 2019 № . 4-P «In the case of verifying the constitutionality of Article 19.1 of the Law of the Russian Federation «On the Mass Media» in connection with the complaint of citizen E.G. Finkelstein» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № . 4. Art. 359.

Географические и геополитические факторы формирования государственной границы России в Арктике

Ерофеев Денис Андреевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
E-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru

В статье рассмотрены основные подходы к определению границ Арктики. Особенно важным этапом для определения территориальных притязаний России в Арктике следует считать период с 1918 по 1941 г., во время которого, во-первых, были впервые закреплены северные границы России, а во-вторых – обнаружены многие факторы, которые определили дальнейшие территориальные стратегии страны. Обозначены основные факторы, которые определили государственную границу советского Севера в период с 1918 по 1941 г. Описаны основные события, повлиявшие на формирование государственной границы СССР. Сделан вывод о том, что на формирование государственной границы советского Севера оказывали влияние многие факторы научного, географического, военно-оборонного, исторического, геополитического, законодательного характера.

Ключевые слова: Арктика, полярный сектор, СССР, геополитика, северный ледовитый океан, научная экспедиция, государственная граница

Арктика представляет собой уникальный, стратегически важный регион Российской Федерации. Безусловно, значимость Арктики – в геополитическом, военно-оборонном, экономическом, географическом, ресурсном аспектам – в дальнейшем будет только возрастать. Научный анализ и систематизация имеющихся данных об историческом прошлом Арктики обусловлен как потребностями в углублении исторического знания, так и переосмыслением роли региона в формировании пространственно-географических факторов развития страны [13, с. 6]. В данной связи особенно актуальной представляется задача по анализу и обобщению исторического опыта присутствия Российского государства в Арктике и Северном Ледовитом океане с целью идентификации объективных и субъективных факторов, естественных констант, оказавших влияние на формирование государственной границы северных территорий России.

Несмотря на то, что термин «Арктика» известен в научно-историческом, географическом и обиходном сознании уже давно, единства мнений в отношении границ этой территории до сих не наблюдается. На данный момент существует несколько подходов к определению границ Арктики: (1) *астрономический* – в основе лежит критерий показателей широты и долготы по Северному полярному кругу; (2) *подход, основанный на критерии дискомфорта условий проживания*: учитывается несколько показателей – сумма отрицательных температур воздуха, характер распространения криолитозоны (мёрзлых пород), глубина залегания верхней поверхности данных пород и проч.; (3) *климатический*, основанный на показателях изотермы, величины радиационного баланса, среднего положения между изотермами среднемноголетней июльской температурой воздуха, продолжительность периода с температурами ниже -30°C , общий показатель суммарного ветро-холодового воздействия; (4) *введенный Арктическим советом подход CAFF* (Conservation of Arctic Flora and Fauna), основанный на параметрах сохранения арктической флоры и фауны, северной границы произрастания лесов на суше и максимальной протяжённости морского льда; (5) *подход, в основе которого находятся административные границы* [6, с. 6].

Кроме того, отметим: границы внутри Арктической зоны также существенно варьируются. Северный Ледовитый океан, разделенный на сектора, выступает основой для выделения Арктического региона. Границы секторов Арктики зафиксированы в национальных законодательствах арктических государств. На международном уровне эти

границ пока не определены; исключением из этого выступает архипелаг Шпицберген, закрепленный за Норвегией в рамках Парижского договора от 1920 г. [6, с. 7–8].

Особенно важным этапом для определения территориальных притязаний России в Арктике следует считать период с 1918 по 1941 г., во время которого, во-первых, были впервые закреплены северные границы России, а во-вторых – обнаружилось многие факторы, которые определили дальнейшие территориальные политики страны. Рассмотрим эти факторы более подробно.

Исторический фактор

Следует сказать, что мероприятия по расширению российского (советского) присутствия в Арктике в начале XX в. во многом обусловлены историческим бэкграундом – Россия с древнейших времен присутствовала на арктических территориях.

Считается, что впервые научные изыскания, направленные на осмысление и оценку значимости Арктики для государственного развития, были произведены М.В. Ломоносовым. Исследователь рассматривал Арктику и Северный Ледовитый океан с точки зрения внешних торгово-экономических связей России с другими странами, а также с позиции ресурсного потенциала данного региона. Многие из идей и умозаключений М.В. Ломоносова были использованы в последующем – во время экспедиционных исследований XIX–XX вв. [13, с. 7].

Уже к 1880-м гг. пассивное отношение политических элит Российской Империи к Арктике сменилось на активный интерес к освоению Севера. На данном этапе проводилось гидрографическое изучение морей Северного Ледовитого океана, осуществлялась подготовка к судоходному освоению сибирских рек, началась эксплуатация некоторых участков трассы Северного морского пути [13, с. 9]. Кроме того, в конце XIX в. произошло усиление охраны морских границ Российской Империи и расширилось ее военное присутствие в арктическом регионе.

Несмотря на революционные события 1917 г. и радикальные политические и социально-экономические трансформации, интерес к Арктике не только не угас, но и существенно усилился. Можно сказать, что советская власть продолжила территориальные, политические, транспортные и ресурсные стратегии, реализуемые Империей на Севере. Все это позволяет считать, что досоветский период стал подготовительным к последующему развитию региона и заложил основы государственной территориальной политики. Мероприятия, проводимые советской властью на Севере, стали логичным продолжением начинаний предыдущих эпох.

Геополитический фактор: включение новых игроков в «борьбу за Север»

В начале XX в. наблюдался беспрецедентный интерес к Арктике со стороны многих игроков мировой

политической арены. Это обстоятельство обусловило потребность в защите национальных интересов России в Арктике. Согласно имеющимся данным, на российские северные территории стали активно посягать разные страны – даже те, которые не имели границ с Арктикой. К примеру, в 1873 г. полярники из Австрии Юлиус Пайер и Карл Вейпрехт открыли архипелаг Земля Франца-Иосифа, назвав его в честь императора Австро-Венгрии – эти земли стали частью Российской Империи лишь в 1914 г. [4]. Все это повлекло за собой активизацию дискуссий на тему расширения и укрепления государственных границ российского Севера.

Так, в частности, в 1905 г. Норвегия расторгла унию со Швецией и обрела суверенитет. В стремлении в укреплении своих геополитических позиций и расширении территории Норвегия стала предпринимать шаги в направлении расширения влияния в Арктике. К началу XX в. предметом столкновений Норвегии и России стали архипелаги Новая Земля и Шпицберген. Эскалация напряжения привела к тому, что 15 ноября 1909 г. МИД Норвегии получил ноту протеста в связи с пребыванием норвежцев на Новой Земле; в тексте документа было выражено требование об исключении пресечения российских границ в последующем [1, с. 22]. Еще одна нота протеста поступила в адрес Норвегии 20 сентября 1916 г. – в ней указывалось, что все земли и острова, расположенные на территориях, примыкающих к арктическому побережью, принадлежат Российской Империи. Тем не менее, в последующем Норвегии все же удалось сохранить за собой многие территории Арктики: так, в 1925 г. Норвегия объявила Шпицберген частью своей территории, и в дальнейшем неоднократно расширяла свою юрисдикцию над ним и прилегающими территориями. Изначально Россия не принимала участие в подписании Шпицбергенского трактата; однако, установление норвежской власти на архипелаге к 1930-м гг. было очевидно и неоспоримо, и в 1935 г. СССР присоединился к трактату [1, с. 26].

В рассматриваемый нами период о претензиях на расширение северных границ заявляли, помимо прочего, Канада и Дания. Территориальные споры, затрагивающие нескольких участников политической арены, продолжались и в последующие десятилетия (1920–1940-е гг.). С целью нейтрализации потенциальных конфликтов в 1920х гг. совместными усилиями СССР, Норвегии, Дании, США и Канады была выработана концепция т.н. «полярных секторов», согласно которой все земли и острова, находящиеся в пределах полярного сектора государства, а также территории постоянного оледенения прибрежных вод, считаются территорией соответствующего государства. Полярный сектор представляет собой пространство, основанием которого является северная граница государства, вершиной – Северный полюс, боковыми границами – меридианы, соединяющие Северный полюс с крайними точками береговой линии данного государства.

В период с 1918 по 1941 г. многие страны мира заявили свои претензии на Арктику, и с этой целью ими были организованы мероприятия по освоению, научному изучению, расширению военного присутствия и в целом – укреплению геополитических позиций в регионе. Так, с 1922 г. Канада организовала Арктический военный патруль для охраны вод Канадской Америки. В 1924 г. США заявило о намерении присоединить Северный полюс к североамериканским владениям. СССР, в свою очередь, инициировал множество масштабных программ по освоению Арктики, сочетающих научные исследования и экспедиции, добычу полезных ископаемых, строительство гражданского и военного флота, наращивание военной мощи [1, с. 26].

Фактор нормотворчества: документирование фактических границ государства

В условиях активизации геополитической борьбы за северные территории крайне важно было организовать законотворческий процесс – т.е. официально зафиксировать территориальные притязания страны и, по возможности, согласовать их на международном уровне.

По итогам разработки и принятия вышеописанной концепции полярных секторов наибольший полярный сектор был закреплен за СССР. В тексте меморандума Народного комиссариата иностранных дел от 4 ноября 1924 г., адресованного всем арктическим государствам, утверждалась территориальная принадлежность РСФСР всех земель и островов, расположенных в северной части Сибирского материкового плоскогорья.

Наиболее значимым официальным документом, утвержденным в рассматриваемый нами период в отношении фиксации государственных границ советского Севера, выступает Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. («Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»). Данный документ определил границу советского сектора от Кольского полуострова через Северный полюс до Берингова пролива. Самая северная погранзастава находилась на одном из островов Земли Франца Иосифа.

В тексте вышеупомянутого Постановления было указано, что все земли и острова, открытые и ещё не открытые в секторе, прилегающем к северному побережью страны до Северного полюса, являются территорией СССР. С запада и востока границами являются меридиональные линии, проведенные к точке Северного полюса от крайней северо-западной точки материковой территории СССР (полуостров Рыбачий) и от линии разграничения между Россией и США в Беринговом проливе [13, с. 5]. Учитывая тот факт, что Шпицберген с 1925 г. был территорией Норвегии, западная граница советского сектора огибает этот архипелаг. Тем не менее, на основании особого статуса СССР сохранил за собой право на добычу угля на о. Западный Шпицберген [14].

Институциональный фактор

Учитывая острую потребность в удержании геополитических позиций СССР на Севере, обусловленную политическими, экономическими, социальными, ресурсными и военно-оборонными факторами, крайне важно было иметь эффективные управленческие структуры, занятые вопросами легитимации государственных границ. В данной связи можно отметить деятельность Комитета Северного морского пути при Сибревкоме, созданного в качестве директивного органа советского правительства в Сибири (с 1920-х гг.). Комитет сформулировал основные начала государственного подхода к северным проблемам. В 1928 г. Комитет был реорганизован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта (Комсверопуть), в сферу компетенции которого вошло создание базиса для социального, промышленного и экономического развития советской Арктики и включение ее территорий в единый хозяйственный механизм Союза.

С положительной точки зрения можно также оценить работу Главного управления Северного морского пути, учрежденного в начале 1930-х гг. и наделенного полномочиями и компетенциями министерства. Деятельность Главного управления выстраивалась, во-первых, вокруг военно-мобилизационных мероприятий, а во-вторых – концентрировалась на колонизации и хозяйственном освоении Арктики. В период с 1930 по 1941 г. Управление выполняло функции разработчика и исполнителя государственных планов в Арктике, затрагивающих вопросы научных изысканий, развития транспортных коммуникаций, инфраструктуры, промышленности, социальных и социокультурных вопросов [10, с. 147].

Можно также говорить об укрупнении организаций, занимающихся арктическими вопросами. К примеру, Главсевморпути в 1935 г. были переданы функции Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК по хозяйственному и культурному обслуживанию районов Крайнего Севера [7, с. 467].

Благодаря этим и иным институциям советской власти удалось существенно укрепить собственные геополитические позиции на Севере и, таким образом, внести вклад в легитимизацию фактических границ советского Севера [12, с. 5]. Безусловно, присутствие – научное, военное, промышленное, популяционное – государства на какой-либо территории является решающим фактором в процессах закрепления за ним определенных границ.

Фактор научных изысканий: роль мероприятий по изучению и описанию северных территорий в процессе укрепления присутствия СССР в Арктике

Формирование государственной границы советской, а позднее – российской Арктики косвенно связано

с мероприятиями по научному изучению, картографированию и географическому описанию местности.

Впервые систематические описи северных границ России стали появляться еще в 1820–1830-е гг. [3, с. 10]. Научные экспедиции были важным компонентом освоения Севера еще во времена Российской Империи: так, в 1900–1902 гг. Императорская Академия наук снарядила Русскую полярную экспедицию о главе с бароном Э. Толлем и лейтенантом флота А. Колчаком. Эта и многие другие экспедиции имели не только научное, но и геополитическое значение и напрямую определили территориальный состав русского Севера. Так, экспедиция 1900–1902 гг. позволила добавить на карту Арктики около 200 новых географических названий и, соответственно, включить их в состав Российской Империи. Позднее, в рамках вышеотмеченного Постановления от 1926 г., эти территории были включены в состав СССР.

Советское правительство достаточно быстро осознало значимость стратегий по пионерному освоению северных районов, богатых природными ресурсами. Освоение Арктики считалось приоритетной целью государства даже в период Гражданской войны. Так, в частности, в 1918 г. В.И. Ленин утвердил постановление об ассигновании 1 млн рублей на экспедицию по исследованию Северного Ледовитого океана. В 1921 г. был опубликован Декрет Совета народных комиссаров, посредством которого был учрежден Плавучий Морской научный институт «для изучения Северного Ледовитого океана с его морями, устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями Европы и Азии» [9, с. 162].

Попытка провести масштабное гидрографическое и описательное исследование Арктики при новой власти датируется началом 1918 г., когда было предложено снарядить комплексную экспедицию в западный сектор Северного морского пути, где на тот период большую активность проявляли норвежцы. Тем не менее, обострение геополитических противоречий и начавшаяся интервенция воспрепятствовали проведению экспедиции [2, с. 49]. В 1926 г. состоялась экспедиция на остров Врангеля под руководством Г. Ушакова, участники которой основали населенный пункт и полярную станцию. В 1933 г. состоялось прохождение ледокола «Красин» до Новой Земли – первый зимний рейс в Арктике. В 1929 г. началась колонизация Земли Франца-Иосифа, где были оборудованы полярные станции и организовано авиасообщение. В 1937 г. советские лётчики В. Чкалов и М. Громов совершили первый перелёт через Северный полюс. Кроме того, в 1937 г. под руководством И. Папанина начала работу первая в мире дрейфующая исследовательская станция «Северный полюс».

В 1920–1940-е гг., таким образом, осуществлялось интенсивное промышленное, географическое (картографическое), научное изучение Арктики, что в последующем позволило начаться заселять эти территории, посредством чего позиции СССР в Арктике были усилены [4]

Фактор военного присутствия играл ключевую роль в освоении Арктики СССР в период с 1918 по 1941 гг. Арктика была стратегически значимой территорией, учитывая её геополитическое положение, наличие значительных природных ресурсов и возможность обустройства транспортных маршрутов для проведения военно-морских операций [5, с. 28].

Как показывал имевшийся опыт, далеко не всегда доказывать свое право на акваторию океана и побережье Арктики получалось дипломатическим путем. В результате многолетней борьбы и в условиях возрастающего интереса к региону со стороны многих стран советское руководство пришло к выводу о том, что обеспечить военное присутствие в Арктике крайне необходимо – требуется иметь военный флот, авиацию, пограничные посты, поселения полярников, научно-исследовательские станции и населенные пункты [11, с. 51].

СССР рассматривал Арктику как потенциальную зону контроля над северными границами страны. Арктическая зона обеспечивала защиту северных границ от возможного вторжения, поскольку климат и сложные условия сдерживали потенциального противника. Помимо оборонительного значения, Арктика предоставляла СССР возможность контролировать Северный морской путь, что позволяло оперативно перемещать флот и войска между западной и восточной частями страны. Северный морской путь, будучи самым коротким маршрутом между Европейской частью СССР и Дальним Востоком, был особенно важен в условиях потенциального конфликта, когда традиционные маршруты могли быть заблокированы противником.

Для обеспечения контроля над территориями Севера и защиты арктических территорий СССР вёл активное строительство военной инфраструктуры в регионе. Создавались военно-морские базы и аэродромы, позволяющие быстро развернуть войска и технику в случае угрозы. Также развивался ледокольный флот, который имел не только гражданское, но и военное значение, поскольку такие суда могли обеспечивать поддержку военным кораблям в арктических водах в зимний период.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что в период с 1918 по 1941 гг. освоение Арктики и укрепление геополитических позиций на северных территориях стало одной из приоритетных задач для советского руководства. На формирование государственной границы советского Севера оказывали влияние многие факторы научного, географического, военно-оборонного, исторического, геополитического, законодательного характера.

Литература

1. Голдин, В.И. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века:

- вехи истории и современность / В.И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 22–34.
2. Журавлёв, П.С. Арктическая геополитика России в исторической ретроспективе / П.С. Журавлёв // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 4–51.
 3. Иванов, Г.В. Военно-исторические аспекты освоения российского арктического пространства / Г.В. Иванов, А.Д. Костюков, С.Л. Ташлыков // ВИЖ. – 2020. – № 6. – С. 4–12.
 4. История освоения русской Арктики: от поморских кочевий к атомным ледоколам // Русская Арктика. – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arctic-russia.ru/article/istoriya-osvoeniya-russkoy-arktiki-ot-pomorskikh-kochey-k-atomnym-ledokolam/>. – Дата доступа: 04.11.2024.
 5. Косов, Ю.В. Политическое управление развитием Арктики (анализ основных этапов становления) / Ю.В. Косов, А.В. Николаенко // Управление консультирование. – 2018. – № 1 (109). – С. 23–33.
 6. Мартынов, В.Л. Границы Арктики и границы в Арктике / В.Л. Мартынов, В.Ю. Кузин // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (16). – С. 4–17.
 7. Немченко, С.Б. Арктическая зона Российской Федерации: развитие законодательства в советский период / С.Б. Немченко, О.И. Цеценевская // Вестник МГТУ. – 2016. – № 2. – С. 466–475.
 8. Освоение территорий // Чистая Арктика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cleanarctic.ru/development-history>. – Дата доступа: 04.11.2024.
 9. Семенова, К.А. Историко-правовой опыт закрепления территориальных прав России в Арктике / К.А. Семенова // Terra Linguistica. – 2010. – № 111. – С. 161–165.
 10. Тимошенко, А.И. Россия в Арктике: проблемы исторического изучения / А.И. Тимошенко // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: [УрФУ], 2014. – Т. 1. – С. 143–148.
 11. Тимошенко, А.И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. (к вопросу о стратегической преемственности) / А.И. Тимошенко // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 48–52.
 12. Тимошенко, А.И. Российский опыт изучения и освоения арктических пространств / А.И. Тимошенко // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 1. – С. 3–6.
 13. Тимошенко, А.И. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения реги-

она / А.И. Тимошенко, А.Х. Элерт // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23. – № 3. – С. 5–12.

14. 1918–1940. Освоение Арктики в СССР. Северный путь // Семейный архив. Издательство «Летучая мышь», Редактор: Н.М. Михайлова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.domarchive.ru/history/part-2-construction-of-socialism/10061>. – Дата доступа: 04.11.2024.

GEOGRAPHICAL AND GEOPOLITICAL FACTORS IN THE FORMATION OF THE STATE BORDER OF RUSSIA IN THE ARCTIC REGION

Erofeev D.A.

Murmansk Arctic University

The article describes the main approaches to defining the boundaries of the Arctic. The period from 1918 to 1941 is considered a particularly important stage for defining Russia's territorial claims in the Arctic, because during the period, firstly, the northern borders of Russia were secured for the first time, and secondly, many factors were discovered that determined the country's further territorial policies. The main factors that determined the state border of the Soviet North in the period from 1918 to 1941 are outlined. The main events that influenced the formation of the state border are described. The conclusion is made that the formation of the state border of the Soviet North was influenced by scientific, geographical, military and defense, historical, geopolitical, legislative factors.

Keywords: Arctic, polar sector, USSR, geopolitics, arctic ocean, scientific expedition, state border.

References

1. Goldin, V.I. The Arctic in International Relations and Geopolitics in the 20th – Early 21st Century: Milestones in History and Modernity / V.I. Goldin // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2011. – No. 2. – P. 22–34.
2. Zhuravlev, P.S. Arctic Geopolitics of Russia in Historical Retrospect / P.S. Zhuravlev // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2011. – No. 2. – P. 4–51.
3. Ivanov, G.V. Military-historical aspects of the development of the Russian Arctic space / G.V. Ivanov, A.D. Kostyukov, S.L. Tashlykov // VIZH. – 2020. – No. 6. – P. 4–12.
4. History of the development of the Russian Arctic: from Pomor koches to nuclear icebreakers // Russian Arctic. – 2020. [Electronic resource]. – Access mode: <https://arctic-russia.ru/article/istoriya-osvoeniya-russkoy-arktiki-ot-pomorskikh-kochey-k-atomnym-ledokolam/>. – Access date: 04.11.2024.
5. Kosov, Yu.V. Political management of the development of the Arctic (analysis of the main stages of formation) / Yu.V. Kosov, A.V. Nikolaenko // Management consulting. – 2018. – No. 1 (109). – P. 23–33.
6. Martynov, V.L. Arctic boundaries and boundaries in the Arctic / V.L. Martynov, V. Yu. Kuzin // Arctic XXI century. Humanities. – 2018. – No. 2 (16). – P. 4–17.
7. Nemchenko, S.B. Arctic zone of the Russian Federation: development of legislation in the Soviet period / S.B. Nemchenko, O.I. Tsetsenevskaya // Bulletin of Moscow State Technical University. – 2016. – No. 2. – P. 466–475.
8. Development of territories // Clean Arctic. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cleanarctic.ru/development-history>. – Access date: 04.11.2024.
9. Semenova, K.A. Historical and legal experience of consolidating Russia's territorial rights in the Arctic / K.A. Semenova // Terra Linguistica. – 2010. – No. 111. – P. 161–165.
10. Timoshenko, A.I. Russia in the Arctic: problems of historical study / A.I. Timoshenko // Industrial Ural. Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th-21st Centuries. XII All-Russian Scientific Conference. Materials. Ekaterinburg, December 4–5, 2014: in 2 volumes. – Ekaterinburg: [UrFU], 2014. – Vol. 1. – P. 143–148.

11. Timoshenko, A.I. Soviet initiatives in the Arctic in the 1920s. (on the issue of strategic continuity) / A.I. Timoshenko // Humanities in Siberia. – 2010. – No. 2. – P. 48–52.
12. Timoshenko, A.I. Russian experience of studying and developing Arctic spaces / A.I. Timoshenko // Humanities in Siberia. – 2012. – No. 1. – P. 3–6.
13. Timoshenko, A.I. Russia in the Arctic: problems of studying the historical experience of developing the region / A.I. Timoshenko, A. Kh. Elert // Humanities in Siberia. – 2016. – V. 23. – No. 3. – P. 5–12.
14. 1918–1940. Development of the Arctic in the USSR. The Northern Sea Route // Family Archive. Publisher “Bat”, Editor: N.M. Mikhailova. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.domarchive.ru/history/part-2-construction-of-socialism/10061>. – Access date: 04.11.2024.

«Регуляторная гильотина» в системе государственного контроля в сфере управления строительством и градостроительной деятельностью

Золотухина Мария Сергеевна,

аспирант Российской таможенной академии

E-mail: 7848933@mail.ru

Статья посвящена реформе контрольно-надзорной деятельности в строительной и градостроительной сфере Российской Федерации, осуществляемой в рамках проекта «регуляторной гильотины». Предметом исследования является процесс оптимизации нормативно-правовой базы строительной отрасли, нацеленный на устранение избыточных требований, снижение административных барьеров для бизнеса и создание более прозрачной, предсказуемой системы регулирования. Реформа в данной сфере имеет особое значение, поскольку строительная отрасль традиционно сталкивается с множеством нормативных актов, которые не только устарели, но и зачастую противоречат друг другу, затрудняя использование современных технологий и инноваций. В статье рассматриваются такие проблемы, как сложность согласовательных процедур, высокий уровень коррупционных рисков, возникающих из-за непрозрачности требований, а также барьеры для инвесторов, которые сталкиваются с длительными и запутанными согласованиями. Автор анализирует, как реформа может помочь упростить законодательные нормы и сделать их более соответствующими текущим технологическим стандартам и требованиям рынка, что, в свою очередь, будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности отрасли и ускорению строительства безопасных объектов.

Метод исследования заключается в анализе текущих нормативных актов и оценке ключевых направлений реформы, таких как инвентаризация и отмена устаревших норм, унификация требований и переход на риск-ориентированный подход. Автор также рассматривает примеры внедрения цифровых платформ и систем для автоматизации контрольно-надзорных процессов. Исследование основано на официальных данных и мнениях специалистов в области строительного регулирования, что позволяет оценить, как реформа влияет на динамику отрасли и инвестиционный климат.

Научная новизна данной работы заключается в комплексном рассмотрении реформы «регуляторной гильотины» применительно к строительной сфере и выявлении ключевых особенностей ее влияния на процесс государственного контроля и надзора. Авторская концепция направлена на расширение понимания того, как обновление нормативной базы и введение новых стандартов могут способствовать модернизации строительной отрасли в России. В статье впервые делается акцент на системном подходе к унификации и цифровизации контрольно-надзорных процедур, что позволяет формировать более гибкую и адаптивную систему регулирования, готовую к внедрению инноваций и современных технологий. Также автор выявляет недостатки текущих изменений, такие как возможные пробелы и противоречия в новых регламентах, и акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к повышению квалификации специалистов и разъяснительной работе с бизнесом. Данное исследование предоставляет рекомендации, которые могут быть полезны не только для совершенствования российской нормативной базы, но и для формирования лучших практик в области государственного регулирования строительной сферы, что делает его актуальным вкладом в научную литературу по модернизации государственного управления в данной отрасли.

Ключевые слова: Регуляторная гильотина, строительство, градостроительство, государственный контроль, контрольно-надзорная деятельность, нормативно-правовая база, риск-ориентированный подход, цифровизация, саморегулирование, административные барьеры.

Реформа контрольно-надзорной деятельности, проходящая в Российской Федерации под эгидой «регуляторной гильотины», представляет собой масштабный проект, направленный на кардинальное преобразование системы государственного регулирования [1]. В сфере строительства и градостроительной деятельности, традиционно характеризующейся сложной и зачастую противоречивой нормативной базой, эта реформа приобретает особое значение. Цель – создание прозрачной, эффективной и предсказуемой системы регулирования, стимулирующей развитие отрасли, снижающей административное давление на бизнес и обеспечивающей безопасность строительства. Данная статья анализирует применение «регуляторной гильотины» в строительстве и градостроительстве, рассматривает достигнутые результаты, выявляет проблемы и намечает перспективы дальнейшего развития.

Сложности прежней системы и предпосылки реформы

Долгое время строительная отрасль функционировала в условиях чрезмерно сложной и запутанной нормативной базы. Множество нормативных актов, принятых в разные периоды, часто дублировали друг друга, содержали противоречия и не соответствовали современным требованиям и технологиям [2]. Такая ситуация приводила к ряду негативных последствий:

Увеличение сроков и стоимости строительства: Прохождение многочисленных согласований и проверок затягивало строительный процесс и увеличивало его стоимость. Застройщики сталкивались с необходимостью получения разрешений от различных инстанций, что требовало значительных временных и финансовых затрат.

Рост коррупции: Непрозрачность и сложность процедур создавали благоприятную почву для коррупционных проявлений. Избыточное регулирование и дискреционные полномочия чиновников открывали возможности для злоупотреблений.

Снижение инвестиционной привлекательности: Избыточные административные барьеры отпугивали инвесторов и тормозили развитие отрасли. Непредсказуемость и длительность процедур согласования делали инвестиции в строительство высокорискованными.

Затруднение внедрения инноваций: Жесткие и устаревшие нормы затрудняли внедрение новых технологий и материалов. Нормативная база не успевала за развитием технологий, что

сдерживало внедрение инновационных решений в строительстве. Например, использование BIM-технологий сталкивалось с отсутствием четкой нормативной базы [3].

Ключевые направления реформы в строительной сфере

Реформа контрольно-надзорной деятельности в строительстве охватывает несколько важных направлений:

- **Инвентаризация и отмена устаревших норм:** Проведена масштабная инвентаризация нормативных актов, в результате которой значительное количество документов были признаны устаревшими и отменены. Например, были отменены СНиПы и введены в действие актуализированные СП (Своды правил) [4]. Этот процесс направлен на избавление от устаревших и избыточных требований, не соответствующих современным реалиям. Примером может служить отмена СНиП 2.08.01–89* «Жилые здания» и введение в действие СП 54.13330.2016 «Здания жилые многоквартирные».
- **Разработка новых технических регламентов:** Вместо отмененных нормативных актов разрабатываются новые технические регламенты, основанные на современных подходах к обеспечению безопасности и качества строительства. Эти регламенты должны быть более четкими, прозрачными и соответствовать международным стандартам. Например, Технический регламент о безопасности зданий и сооружений (Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. N 384-ФЗ) [5] является ключевым документом, регулирующим требования к безопасности объектов капитального строительства.
- **Унификация и систематизация требований:** Создаются единые и четкие правила для всех участников строительного процесса, что позволяет снизить риски неоднозначного толкования норм и упростить взаимодействие бизнеса с государством. Унификация требований способствует повышению предсказуемости и прозрачности процедур согласования и контроля.
- **Внедрение риск-ориентированного подхода:** Фокус контрольно-надзорной деятельности смещается с тотального контроля на выявление и управление рисками [6]. Это позволяет оптимизировать использование ресурсов и снизить нагрузку на добросовестный бизнес. В рамках риск-ориентированного подхода объекты строительства классифицируются по уровню риска, и интенсивность контроля определяется в зависимости от присвоенной категории риска.
- **Цифровизация контрольно-надзорной деятельности:** Активно внедряются цифровые технологии, которые позволяют автоматизировать процессы, повысить прозрачность и эффективность контроля, а также снизить коррупционные риски [7]. Например, использование электронных платформ для подачи документации и про-

ведения проверок упрощает взаимодействие бизнеса с государственными органами. Внедрение информационной системы обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД) способствует цифровизации отрасли.

- **Развитие механизмов саморегулирования:** Повышается роль саморегулируемых организаций в строительной отрасли, что способствует повышению ответственности и профессионализма участников рынка [8]. Саморегулируемые организации принимают на себя часть функций государственного контроля, что позволяет разгрузить государственные органы и повысить эффективность регулирования.

Достижения и проблемы реформы

Внедрение «регуляторной гильотины» в строительстве привело к определенным положительным результатам: сократилось количество нормативных актов, упростились некоторые административные процедуры, началось внедрение цифровых технологий.

Однако реформа столкнулась и с рядом серьезных проблем. Качество новых технических регламентов вызывает опасения. В некоторых случаях новые документы оказались недостаточно проработанными, содержат пробелы и противоречия, что создает трудности для их практического применения. Отсутствие четких и однозначных формулировок приводит к разночтениям и спорам между участниками строительного процесса. Кроме того, наблюдается неготовность контрольно-надзорных органов к работе в новых условиях. Переход к риск-ориентированному подходу требует изменения менталитета и подготовки сотрудников контрольно-надзорных органов. Не все инспекторы обладают необходимыми знаниями и навыками для эффективной работы в новых условиях [9]. Требуется проведение обучающих программ и повышение квалификации кадров.

Бизнес также сталкивается со сложностями адаптации. Многие компании испытывают трудности с пониманием и применением новых правил. Изменения в законодательстве происходят достаточно быстро, и бизнесу сложно адаптироваться к новым требованиям. Необходима более активная разъяснительная работа со стороны государственных органов. Затрудняет внедрение реформы и недостаточная информационная поддержка. Не всегда бизнес получает своевременную и полную информацию об изменениях в законодательстве. Отсутствие единого информационного ресурса и сложность доступа к информации создают дополнительные трудности для бизнеса. Наконец, существует риск формального подхода. Реформа может быть проведена формально, без реального изменения подходов к контролю и надзору. Важно не только изменить нормативную базу, но и обеспечить реальное изменение практики применения законодательства.

Перспективы и рекомендации

Для успешной реализации «регуляторной гильотины» в строительстве необходимо:

1. Повысить качество разработки нормативных актов: Новые документы должны быть четкими, однозначными и соответствовать современным требованиям. Необходимо привлекать к разработке нормативов широкий круг экспертов, представителей бизнеса и научного сообщества. Важно учитывать международный опыт и лучшие практики в области регулирования строительной деятельности.
2. Обеспечить подготовку контрольно-надзорных органов: Необходимо проводить обучение сотрудников по применению риск-ориентированного подхода и использованию цифровых технологий. Следует разработать специальные программы повышения квалификации для инспекторов, которые позволят им эффективно выполнять свои функции в новых условиях.
3. Усилить информационную поддержку бизнеса: Важно создать эффективные каналы коммуникации между государством и бизнесом для своевременного информирования об изменениях в законодательстве. Необходимо разработать единый информационный портал, где бизнес сможет получить доступ ко всем необходимым нормативным документам и разъяснениям.
4. Развивать механизмы общественного контроля: Общественные организации должны активно участвовать в мониторинге реформы и выработке рекомендаций по ее совершенствованию [10]. Общественный контроль позволит повысить прозрачность и эффективность реформы, а также учесть интересы всех заинтересованных сторон.
5. Проводить регулярный мониторинг и оценку эффективности реформы: Необходимо отслеживать реальные результаты реформы и вносить необходимые корректировки в ее проведение. Мониторинг должен охватывать все аспекты реформы, включая качество новых нормативных актов, готовность контрольно-надзорных органов и уровень адаптации бизнеса.

«Регуляторная гильотина» в строительстве имеет потенциал существенно улучшить инвестиционный климат и стимулировать развитие отрасли. Однако для достижения этих целей необходимо преодолеть существующие проблемы и обеспечить комплексный и системный подход к реализации реформы. Только в этом случае «регуляторная гильотина» сможет стать эффективным инструментом модернизации государственного управления в строительной отрасли и способствовать созданию комфортной и безопасной среды для жизни граждан.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2491 «Об утверждении единого перечня контрольных (надзорных) мероприятий, осуществляемых органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101050024> (дата обращения: 10.11.2024)
2. Статья 8.1 «Применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/58672404e5897f38d20be06de33c4570c75d2897/?ysclid=m3cnnzk4ws216643779 (дата обращения: 10.11.2024)
3. ГОСТ Р ИСО 19650–1–2022. Организация информации о строительных работах. Методы моделирования информации. Часть 1. Понятия и принципы // – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181353> (дата обращения: 10.11.2024)
4. СП 48.13330.2019 «СНиП 12–01–2004 Организация строительства» // КонсультантПлюс – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=STR&n=4503&dst=1000000001&demo=1> (дата обращения: 10.11.2024)
5. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений (Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99645/ (дата обращения: 10.11.2024)
6. Постановление Правительства РФ от 27.10.2021 № 1844 «Об утверждении требований к разработке, содержанию, общественному обсуждению проектов форм проверочных листов, утверждению, применению, актуализации форм проверочных листов, а также случаев обязательного применения проверочных листов» – URL: <https://base.garant.ru/402987948/?ysclid=m3co1ithbe556862130> (дата обращения: 10.11.2024)
7. Документ Правительства Москвы от 12.08.2021 № 1257-ПП «О Единой цифровой платформе градостроительной деятельности» – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/46942220/?ysclid=m3co6cx9qn705485394> (дата обращения: 10.11.2024)
8. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 28.06.2023) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=m3co9rdf1v832841507 (дата обращения: 10.11.2024)
9. «Проблемы подготовки кадров для органов государственного строительного надзора» – URL: <https://dpo.mgsu.ru/news/Universitet/Kakreshitproblemypodgotovkikadrovvstroitelstve/?ysclid=m3codkbpjz323143021> (дата обращения: 10.11.2024)
10. «Общественный контроль за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации» – URL: <https://cyberleninka.ru/arti>

cle/n/obschestvennyy-kontrol-za-deyatelnostyu-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.11.2024)

“REGULATORY GUILLOTINE” IN THE SYSTEM OF STATE CONTROL IN THE SPHERE OF CONSTRUCTION MANAGEMENT AND URBAN DEVELOPMENT

Zolotukhina M.S.

Russian Customs Academy

The article is devoted to the reform of control and supervisory activities in the construction and urban development sphere of the Russian Federation, carried out within the framework of the “regulatory guillotine” project. The subject of the study is the process of optimizing the regulatory framework of the construction industry, aimed at eliminating excessive requirements, reducing administrative barriers for business and creating a more transparent, predictable regulatory system. Reform in this area is of particular importance, since the construction industry traditionally faces many regulations that are not only outdated, but also often contradict each other, making it difficult to use modern technologies and innovations. The article examines such issues as the complexity of approval procedures, the high level of corruption risks arising from the lack of transparency of requirements, as well as barriers for investors who face lengthy and confusing approvals. The author analyzes how the reform can help simplify legislative norms and make them more consistent with current technological standards and market requirements, which, in turn, will help increase the investment attractiveness of the industry and accelerate the construction of safe facilities.

The research method consists of analyzing current regulations and assessing key areas of reform, such as inventory and cancellation of obsolete standards, unification of requirements and transition to a risk-based approach. The author also considers examples of the implementation of digital platforms and systems for the automation of control and supervisory processes. The study is based on official data and opinions of specialists in the field of construction regulation, which allows us to assess how the reform affects the dynamics of the industry and the investment climate. The scientific novelty of this work lies in the comprehensive consideration of the “regulatory guillotine” reform as applied to the construction sector and the identification of key features of its impact on the process of state control and supervision. The author’s concept is aimed at expanding the understanding of how updating the regulatory framework and introducing new standards can contribute to the modernization of the construction industry in Russia. The article for the first time focuses on a systems approach to the unification and digitalization of control and supervisory procedures, which allows for the formation of a more flexible and adaptive regulatory system ready for the introduction of innovations and modern technologies. The author also identifies the shortcomings of current changes, such as possible gaps and contradictions in the new regulations, and focuses on the need for an integrated approach to improving the skills of specialists and explanatory work with businesses. This study provides recommendations that can be useful not only for improving the Russian regulatory framework, but also for the formation of best practices in the field of state regulation of the construction sector, which makes

it a relevant contribution to the scientific literature on the modernization of public administration in this industry.

Keywords: Regulatory guillotine, construction, urban development, state control, control and supervisory activities, regulatory framework, risk-oriented approach, digitalization, self-regulation, administrative barriers

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.12.2020 No. 2491 “On approval of a unified list of control (supervisory) measures carried out by state control (supervision) bodies, municipal control bodies” // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101050024> (date of access: 10.11.2024)
2. Article 8.1 “Application of a risk-oriented approach in organizing state control” // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/58672404e5897f38d-20be06de33c4570c75d2897/?ysclid=m3cnnzk4ws216643779 (date of access: 10.11.2024)
3. GOST R ISO 19650–1–2022. Organization of information on construction works. Information modeling methods. Part 1. Concepts and principles // – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181353> (date of access: 11/10/2024)
4. SP 48.13330.2019 “SNiP 12–01–2004 Organization of construction” // ConsultantPlus -URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=STR&n=4503&dst=1000000001&demo=1> (date of access: 11/10/2024)
5. Technical regulations on the safety of buildings and structures (Federal Law of 12/30/2009 No. 384-FZ) // Official Internet portal of legal information. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99645/ (date of access: 10.11.2024)
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.10.2021 No. 1844 “On approval of requirements for the development, content, public discussion of draft forms of checklists, approval, application, updating of forms of checklists, as well as cases of mandatory use of checklists” – URL: <https://base.garant.ru/402987948/?ysclid=m3co1ithbe556862130> (date of access: 10.11.2024)
7. Document of the Government of Moscow dated 12.08.2021 No. 1257-PP “On the Unified Digital Platform for Urban Development Activities” – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/46942220/?ysclid=m3co6cx9qn705485394> (date of access: 11/10/2024)
8. Urban Development Code of the Russian Federation of 12/29/2004 N 190-FZ (as amended on 06/28/2023) // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=m3co9rd1f1v832841507 (date of access: 11/10/2024)
9. “Problems of training personnel for state construction supervision bodies” – URL: <https://dpo.mgsu.ru/news/Universitet/Kakreshitproblemypodgotovkikadrovvstroitelstve/?ysclid=m3codkbpjz323143021> (date of access: 11/10/2024)
10. “Public control over the activities of government bodies in the Russian Federation” – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-za-deyatelnostyu-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 10.11.2024)

Основные проблемы конституционной защиты детей в современных российских реалиях

Иванов Роман Михайлович,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: lawman10@mail.ru

Научная работа посвящена конституционным аспектам права несовершеннолетних на защиту прав и свобод, а именно рассмотрению выявленных проблем организационно – правового толка, связанных с деятельностью организаций системы ювенальной опеки. Автор подчеркивает неоднозначность правоприменительной практики в части протекции детей, используя в работе актуальные научные изыскания последних лет. При этом, упоминаются и положительные стороны законодательного закрепления приоритета политики в отношении детей, разработки стратегии комплексной безопасности несовершеннолетних, а также внесение изменений в федеральное законодательство в части наставничества несовершеннолетних, совершивших правонарушение или оказавшихся в трудной жизненной ситуации. На основании полученных данных предложено продолжить исследовательскую деятельность в намеченном направлении и выработать предложения по оптимизации правоприменения о защите детей в Российской Федерации.

Ключевые слова: ребенок, защита, конституционный, протекция, органы, родители, права, проблемы, правовой акт.

Введение

В 2023 году ЮНИСЕФ (United Nations International Children's Emergency Fund) – международная организация по оказанию помощи детям, действующая под эгидой ООН, выпустила очередной доклад о состоянии защищённости детей во всём мире. В этом докладе содержатся следующие заголовки и подзаголовки, которые можно перевести с английского на русский язык так: «Перспективы детей в условиях глобального кризиса. Поскольку мир вынужден столкнуться с взаимосвязанностью рисков, негативных тенденций и событий, будем ли мы, наконец, уделять приоритетное внимание комплексным решениям для улучшения положения детей?» [16].

И действительно, положение детей, а если говорить точнее, их защищённость, в настоящее время остаётся далекой от совершенства. Это не только национальная проблема России, но и многих других стран мира. Наша страна, в отличие от значительного количества иных государств, так или иначе предпринимает попытки стабилизировать механизмы защиты прав несовершеннолетних, проживающих на её территории, и, кроме этого, активно участвует в разработке мер по протекции детей, которые проживают на других континентах. Однако, многие проблемы нам ещё предстоит разрешить ввиду того, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики и это, наконец, нашло отражение в главном нормативно-правовом акте Российской Федерации [1, ч. 4 ст. 67.1].

Обозначенный выше тезис о приоритете государственной политики по отношению к лицам, не достигшим возраста 18 лет, позволяет судить о необходимости разработки комплекса мер, в первую очередь, правовых, которые бы служили в помощь повестке сохранения и укрепления детского населения, проживающего в Российской Федерации.

Между тем, Конституция России не определяет статус личности несовершеннолетнего в отрыве от основных свобод человека, поскольку в данном случае действует принцип равенства всех людей перед законом и судом (ч. 1 ст. 19). Однако, можно выделить наиболее важные из прав, присущих становлению и развитию личности ребёнка: право на образование (ст. 43); право воспитываться в семье (ч. 2 ст. 38); право на социальное обеспечение по возрасту (ст. 39); право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22); право на защиту со стороны государственных органов (ч. 1 ст. 38).

Отдельно стоит остановить своё внимание на таком праве несовершеннолетних как возмож-

ность быть защищёнными со стороны государства. Данный аспект является ключевым для реализации остальных прав детей, поскольку является базовым для появления на свет и развития юного индивида. От степени защищённости ребёнка зависит и уровень удовлетворения иных потребностей.

Конкретизировать и оптимизировать право несовершеннолетних на защиту учёные и политики предпринимают и по сей день.

Законодательно право несовершеннолетних на защиту относится к личным неимущественным правам детей и обеспечено, в первую очередь, семейным законодательством [2, ч. 1 ст. 56]. Как пишет Р.Е. Петрова, право несовершеннолетних на защиту реализуется через право (а в некоторых случаях и обязанность) родителей (иных законных представителей) защищать их интересы в отношениях со всеми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах [14, с. 52]. Здесь стоит упомянуть об обязанности родителей представлять интересы детей в государственных органах, например, при доставлении последних в территориальные отделы полиции за совершенное правонарушение / преступление.

Следуя этой логике, родители или иные законные представители считаются главными «реализаторами» конституционного права детей на протекцию. При этом, как не раз было отмечено, защита прав может быть разделена на два больших блока – защита физической целостности (здоровья) и защита духовной составляющей (мышление, нравственность, культура общения и проч.).

Исходя из этого, закон допускает применение любых средств достижения цели защиты прав несовершеннолетних, если они прямо не противостоят предусмотренным нормативам поведения. Об этом, в частности, говорится в части 2 статьи 45 Конституции России. Благо, зачастую законным представителям приходится представлять интересы своих чад лишь в рамках изъявления воли, отстаивания интересов своего отпрыска путём вербального взаимодействия с тем или иным уполномоченным лицом.

Зачастую бывают ситуации, когда родители сами являются нарушителями прав ребёнка при исполнении своих обязанностей. В первую очередь речь идёт о злоупотреблении родительскими правами. Е.И. Мозговая так характеризует злоупотребления со стороны родителей: «В первую очередь это трата финансовых средств, принадлежащих ребёнку на собственные нужды, применение в отношении ребёнка непедагогических методов воспитания – угрозы, оскорбления, грубое обращение, психическое воздействие, физические наказания» [13, с. 35]. Прискорбно осознавать, но в Российской Федерации на сегодняшний день нет официального учёта фактов домашнего насилия законных представителей по отношению к несовершеннолетним детям. И необходимо понимать, что это вовсе не означает его отсутствие.

Например, ряд изыскателей утверждают о повышении в последние годы уровня домашнего на-

силия в России (Ларина Т.И., Старостина А.А., 2023) и связывают это с определённым социокультурным кодом российских представителей сильного пола, на протяжении столетий, возвращённом на патриархальном укладе семьи [11]. Так или иначе, крайне печально наблюдать ситуацию, при которой лицо, которое должно защищать ребёнка всеми силами, само становится агрессором. И ещё большее разочарование вызывает слабо развитая система противодействия этому явлению со стороны государственных органов.

Деятельность правомочных государственных учреждений основана на законодательной базе, которая, в свою очередь, включает в себя как нормы национального, так и международного права. И здесь, бесспорно, есть позитивные моменты в свете быстро пополняющейся базы законных и подзаконных актов, направленных на защиту прав юных россиян. Однако, уже не раз были отмечены организационные проблемы в работе подобных инстанций. К примеру, мы неоднократно приходим к неразрешимой проблеме межведомственного взаимодействия структур, прямо или косвенно задействованных в защите прав несовершеннолетних. Подробнее об этом будет указано ниже.

Беря в расчёт законодательный аспект защиты прав российских детей, то в 2023 году президентом России был подписан указ «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – стратегия о комплексной безопасности детей). Суть данного нормативно – правового акта сводится к установлению приоритетных задач для органов государственной власти и местного самоуправления в части обеспечения защиты прав несовершеннолетних. Основными целями Стратегия обозначает: 1) снижение уровня смертности и травматизма детей; 2) защита и обеспечение интересов детей и семей с детьми во всех сферах жизнедеятельности; 3) воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности; 4) развитие современной и безопасной инфраструктуры для детей; 5) профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении них [3].

Как видим, стратегия комплексной безопасности детей содержит в себе основополагающие направления деятельности органов исполнительной власти, а также оценку методов контроля эффективности проводимых мероприятий (в первую очередь статистических). О предпринятых мерах в сфере обеспечения безопасности детей каждый год председатель Правительства лично должен докладывать президенту России.

С одной стороны, разработка подобных нормативно-правовых актов устанавливает цели и задачи, которые необходимо достигнуть в ограниченный период времени, что, несомненно, эффективно в силу психологического элемента – наличия «дедлайна». С другой стороны, это создаёт предпосылки сведения всего объема работы органов исполнительной власти к простой бюрократии, выраженной в предоставлении руководству отчё-

тов с данными, порой не соответствующих реальной действительности.

В продолжение темы нельзя не упомянуть недавно принятый проект закона о наставничестве, который активно освещался в средствах массовой информации [17]. В настоящее время данный закон ещё остаётся «сырым» в части реализации закрепленных в нём норм, однако, общая его концепция предполагает введение специального государственного реестра наставников и возможности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав закреплять безнадзорных детей за конкретными наставниками. Эти наставники в свою очередь будут прививать подопечным законопослушный образ поведения.

Например, вот как пишет о наставничестве В.Н. Педан, «...актуальной формой профилактической работы с несовершеннолетними выступает практика наставничества как универсальная, комплексная модель сопровождаемой совместной деятельности. В педагогической практике данный метод зарекомендовал себя как эффективная модель передачи позитивного опыта, воспитания в работе с «трудными подростками...» [15, с. 192].

Доктор педагогических наук О.В. Гукаленко, в свою очередь, выявила как минимум три основные проблемы института наставничества на современном этапе его становления: 1) дефицит квалифицированных кадров, готовых вести целевую подготовку наставников; 2) медленный рост численности наставников в рамках профессионально-педагогических сообществ; 3) недостаточно разработанная теоретико-методологическая основа наставнической деятельности с учетом современных экономических, геополитических и социально-культурных условий [6, с. 20–21].

К вышесказанному следует добавить и отсутствие универсальной системы поощрения труда наставников, которая могла бы предусматривать не только справедливое денежное довольствие за непростой труд, но и иные социальные гарантии, например, льготы по уплате налогов, устройстве детей в дошкольные учреждения и прочее.

И так, при всей кажущейся на первый взгляд наполненности законодательной базы в части обеспечения защиты прав несовершеннолетних, есть ряд нерешённых проблемных сторон, которые влияют на общую целостность и эффективность проводимой работы. В этой связи исследование основных проблем реализации конституционного права детей на защиту представляется весьма актуальным в силу недоработанности механизма привлечения третьей стороны в лице уполномоченных органов, которые могут оказать содействие ребёнку в реализации этой гарантии.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты, такие как: Конституция России, Семейный Кодекс, Федеральный Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правона-

рушений среди несовершеннолетних», Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года».

Кроме этого, большой пласт информации для исследования был получен из периодических научных изданий. В работе использованы труды таких авторов, занимающихся проблемами ювенальной юстиции и защиты прав детей в России как: А.А. Беженцев, Р.М. Иванов, В.Н. Медведев и др.

В данном исследовании применен, в первую очередь, диалектический метод познания, поскольку в рассматриваемых ситуациях производится поиск причинно-следственных связей, вещи и явления рассматриваются гибко и критически, с учетом их внутренних изменений и противоречий, определяются закономерности развития явлений и их интерпретация через призму мнений специалистов.

Сам диалектический метод, как известно, включает в себя ряд операций, которые связаны с умственной деятельностью. В данной работе используются такие операции как: анализ (есть необходимость в разложении известной информации на составные части и отдельное изучение каждой из них), дедукция (рассуждение от общего положения к частным выводам), индукция (обратный дедукции процесс), аналогия (форма познания с переносом известных свойств уже изученного явления на малоизученное).

Результаты и обсуждение

Рассмотрение современных конституционных проблем защиты несовершеннолетних, увы, невозможно без обращения к отраслевому законодательству, так как оно фактически является пролонгацией основного закона государства. В этой связи в ряде случаев будут произведены отсылки к законодательным актам, регулирующим общественные отношения в области протекции детей.

Стоит разобрать фактические проблемы защиты прав детей в современной России по отдельности, уделяя внимание наиболее существенным, с авторской позиции, из них.

Проблема 1 – отсутствие комплексного подхода к защите прав детей: разрозненность и неэффективность деятельности различных государственных органов и общественных организаций.

В современной России насчитывается довольно большое количество учреждений, деятельность которых направлена на защиту прав детей. Все эти организации можно условно разделить на два больших блока: с узконаправленной деятельностью и с широким спектром направлений работы. К примеру, учреждения по делам молодёжи зачастую представляют собой совокупность структурных подразделений с различными направлениями деятельности, в то время как главная задача социальных гостиц для несовершеннолетних является предоставление возможности временного проживания несовершеннолетним, находящимся

в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации.

Еще одним способом условного деления вышеназванных объединений является определение масштаба их деятельности – общенациональный или региональный. Как не сложно догадаться, в первом случае число подобных учреждений будет меньше, чем во втором. Однако, если сложить полученные цифры, то мы придём к однозначному выводу, что их будет свыше тысячи на всю страну. При этом из всего многообразия протекционистских структур государственных бюджетных учреждений будет на порядок больше, нежели частных.

О чем это нам говорит? Ответ таков: государство создало целую систему учреждений правоохранения, молодёжной политики, спорта и обучения, органов опеки и попечительства, которые по факту должны составлять целостный механизм защиты детей. На практике мы видим, что их работа носит абстрагированный от участия внешних сил характер. Проявляется это, в первую очередь, отсутствием комплексного взаимодействия между такими заведениями. По факту, нет единых установленных правил обмена информацией, взаимопомощи и совместной работы между подобного рода инстанциями. Действуя изолированно, каждая такая структура начинает создавать свою среду, неписанные правила поведения сотрудников и руководства без возможности применять на практике принцип «сдержек и противовесов».

Особенно печален тот факт, что это происходит в системе профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. В одной из ранних научных работ, разработанной совместно с коллегой, имеющим большой опыт работы в этой сфере, был сделан акцент на проблеме в организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних (далее в тексте возможен такой вариант – КДНиЗП). Было констатировано, что действующее Постановление Правительства от 06.11.2013 N 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» не удовлетворяет запросу времени и на это есть несколько причин.

1. Данный нормативный акт носит лишь рекомендательный характер, отдавая всю прерогативу формирования КДНиЗП субъектам федерации и муниципальным образованиям (то есть создавая двухуровневую систему). Даже количество членов комиссий в муниципальных образованиях законодательно не определено. Заседания КДНиЗП проходят, как правило, два раза в месяц, что не позволяет оперативно решать многие задачи. Комиссии по большей части рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных как самими несовершеннолетними, так и их родителями (законными представителями) и назначают ответственных субъектов профилактики для осуществления индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении. Однако зачастую работа ведется лишь формально, так

что координация и взаимодействие всех учреждений, входящих в перечень субъектов профилактики детской преступности, не осуществляется в полной мере.

Всё это ставит под сомнение эффективность их деятельности. С данным тезисом соглашается и А.А. Беженцев, который пишет, что вследствие подобных проблем комиссии по делам несовершеннолетних фактически превратились в карательные органы, где зачастую их члены не пытаются разобраться в конкретной ситуации [5, с. 13–14], а выносят все решения, что называется, «конвейерным методом» (прим. автора).

2. Нет четкого понимания того, каким образом комиссия проводит работу по устранению причин и условий, способствующих преступному поведению детей и подростков. Федеральным Законом № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних» установлены права комиссии, которые позволяют эти задачи выполнить. Однако, не понятен механизм работы «на практике», когда ни у родителей ребенка, ни у самого ребенка нет желания участвовать в социальной работе с субъектами профилактики. На практике мы видим, что если у ребёнка и его законного представителя нет желания взаимодействовать с субъектом профилактики, то закон не может принудить его к этому.

3. За неявку на заседание комиссий по делам несовершеннолетних не предусмотрено никакой юридической ответственности, что создаёт удобную возможность для детей и их родителей не являться по вызову. Таким образом, рассмотрение дела об административном правонарушении будет каждый раз переноситься на следующее заседание комиссии, пока не истечет срок давности [7].

Проблема 2 – бюрократическая загруженность системы защиты прав несовершеннолетних.

О ситуации с бумажной волокитой в органах детской правозащиты уже ходят легенды, поскольку внедряемая цифровизация деятельности таких учреждений не только не упростила их работу, но и усложнила ввиду дублирования всей отчётной документации с бумажного на цифровой носитель. Подобного рода проблему отмечали: К.А. Таран [4, с. 312], Р.М. Иванов [8], В.Н. Медведев, Т.К. Кириллова [12] и другие.

Среди признаков бюрократической волокиты необходимо назвать установление обязанности для должностных лиц предоставлять руководству различной отчётной документации по запросу контролирующих и исполняющих запросы органов. Это, в свою очередь, предполагает трату самого ценного ресурса – времени. Из-за нехватки времени на непосредственное взаимодействие с несовершеннолетними и их семьями у специалистов правозащитных учреждений появляется крайне сомнительное искушение – проводить всю работу лишь «на бумаге». Де-факто, всеобъемлющей работы непосредственно с гражданами не происходит.

В этой связи единственной движущей силой всей системы правовой защиты детей в стране являются самоотверженные работники, готовые работать фактически за идею. Такие сотрудники за не слишком высокое материальное вознаграждение тратят своё личное время, перерабатывают ради защиты, а порой и спасения несовершеннолетних. К сожалению, такой когорты людей становится всё меньше. У молодых специалистов в настоящее время основная цель – заработок денег.

Проблема 3 – низкий уровень правовой грамотности среди детей и их родителей: незнание своих прав и способов их защиты.

В соответствии с Семейным Кодексом России защита прав и интересов несовершеннолетнего первоначально осуществляется родителями или лицами, которые их замещают (опекуны, попечители и усыновители) [2, ч. 1 ст. 56]. Соответственно, при возникновении факта посягательства на права ребёнка, который не достиг полной дееспособности, деятельность в его защиту осуществляют законные представители, могущие в силу опыта, знаний, возможностей разрешить сложившуюся ситуацию.

Всё это создаёт необходимость для родителей знать свои права и обязанности в соответствии с действующим законодательством. Практика показывает, что далеко не все законные представители знают основы семейного, административного, уголовного законодательства. И этим очень любят пользоваться недобросовестные сотрудники государственных структур, вводя родителей детей в заблуждение. Особенно отчётливо это прослеживается при разбирательствах относительно совершенного несовершеннолетним правонарушения или преступления.

Также необходимо отметить низкий уровень правовых знаний среди детей и подростков. Как пишут С.А. Костин, А.А. Тыртышный и К.Г. Касс: «...отмечается, что распространённым способом вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений выступает обман в отношении их безнаказанности, в том числе по поводу возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации: вовлечённые в преступления несовершеннолетние во всех исследованных случаях не знали, что уже достигли возраста уголовной ответственности. Это свидетельствует о низком уровне правовой грамотности подростков» [10].

Хочется отметить, что необходимо более пристальное внимание уделять проведению правовых лекций, курсов, тренингов для подростков и их родителей. Как пишет в своей работе Ю.О. Карпышева «...немаловажную роль прокурор играет при проведении работы по правовому просвещению и правовому информированию граждан, в том числе несовершеннолетних, что во многом позволяет сократить риск для таких лиц стать правонарушителем либо жертвой правонарушения.» [9] Нельзя не согласиться с мнением автора, так как в прокуратуре работают профессиональные юристы, кото-

рые могут проводить подобного рода мероприятия в тех же образовательных учреждениях на регулярной основе. Одно из направлений деятельности прокуратуры как раз – таки состоит в обеспечении защиты прав детей.

Проблема 4 – как защитить тех, кто призван защищать детей?

В последние годы мы часто сталкиваемся с довольно щепетильной ситуацией относительно задержаний и посадок российских правозащитников. Общественные деятели, адвокаты, публицисты, которые встали на путь защиты прав человека неминуемо сталкиваются с определённого рода противодействием со стороны государственной системы правосудия. И это вполне понятно, ведь не будет тот же адвокат просто номинальной фигурой по делу, его задача – рассуждать, утверждать, обосновывать и доказывать невиновность вслух. А за слова порой нужно ответ держать.

В среде детских омбудсменов и общественных правозащитников чаще всего обходится отстранениями от должностей ввиду утраты доверия. Одним из ярких примеров является российский правозащитник и детский омбудсмен (с 2009 по 2016 гг.) Павел Астахов. Павел Астахов покинул должность уполномоченного по правам ребенка в России после нескольких скандалов и критики в адрес его работы. В одной из своих работ Павел Алексеевич неоднократно критиковал действующую систему защиты прав ребёнка, в первую очередь – детские дома и интернаты.

Безусловно у лиц, занимающих должности по защите прав и интересов ребёнка, должны быть в большей степени «развязаны руки». Они должны смотреть правде в лицо и не бояться говорить правду, которая порой бывает не слишком сладкой. В идеале, должен быть отдельно разработанный нормативно-правовой акт, который обеспечивал бы детским защитникам гарантии безопасности наряду с судьями и прокурорами.

Проблема 5 – сложность у подростков в самостоятельной защите своих прав.

Согласно части 2 статьи 45 Конституции России каждый человек может защищать свои права любыми не запрещёнными способами (самозащита прав). Кроме этого, согласно Семейному Кодексу несовершеннолетние при невозможности защитить себя самостоятельно могут обратиться в органы опеки и попечительства, а при достижении возраста 14 лет – в суд (ч. 2 ст. 56 СК РФ).

В реальной жизни всё намного сложнее, нежели прописано в законе. Детям крайне тяжело признать тот факт, что в отношении них совершаются противоправные действия со стороны взрослых. Особенно тяжело это, когда речь идёт о собственных родителях или близких родственниках. Маленький ребёнок или подросток вряд ли найдёт в себе силы пойти в те же органы опеки за помощью, потому что это страшно, непонятно для него. Именно поэтому целесообразно рассмотреть возможность упростить способы обращения детей в защитные учреждения. Сделать это можно, например, за счёт

привлечения наставника, который может представлять интересы ребёнка в любых государственных учреждениях или внедрения цифровой возможности отправлять уведомления о факте нарушения прав в надзорные инстанции.

Выводы

Подводя итог исследованию необходимо отметить несколько ключевых моментов. Во-первых, Конституция Российской Федерации содержит ряд ключевых догм, гарантирующих защиту прав детей, проживающих на территории страны. Выделим некоторые из них: 1) часть 1 статьи 38 обеспечивает защиту детства со стороны государства; 2) часть 4 статьи 67.1 говорит о приоритетности государственной политики в отношении детей.

Во-вторых, в продолжении конституционно закреплённых норм действует федеральное законодательство, которое призвано расширить и уточнить декларативный характер конституционных принципов. В первую очередь, в рамках рассматриваемой темы, необходимо обратиться к семейному законодательству, которое чётко определяет границы защиты прав детей. Основная ответственность за обеспечение прав ребёнка лежит на законных представителях. Иные нормативно-правовые акты в той или иной степени регламентируют отдельно встречающиеся на практике случаи.

В-третьих, существует ряд организационно-правовых трудностей с реализацией конституционных принципов протекции несовершеннолетних. Вот некоторые из них: отсутствие комплексного подхода, а также эффективной координации деятельности со стороны субъектов профилактики и защиты прав ребёнка; высокая бюрократическая загруженность органов защиты прав детей; отсутствие правовых знаний у детей и их родителей при решении сложных жизненных задач; отсутствие действенных механизмов защиты прав тех лиц, которые в силу своих должностных обязанностей сами должны охранять права и интересы несовершеннолетних; практическая сложность в защите своих прав несовершеннолетними.

В-четвертых, стоит заметить, что были названы лишь некоторые из выявленных трудностей в системе детской протекции. Вполне понятно, что их может быть куда больше. Но этот вопрос на данный момент пока что оставим за скобками. В дальнейшем необходимо продолжить исследование в этом направлении и предложить целесообразные решения сложившихся проблем. Предлагается вынести эту тему на обсуждение в момент очередной студенческой конференции Юридического факультета СПб ГУАП, которая состоится в 2025 году.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Проспект. 2023. 64 с.

- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021). М.: Проспект. 2022. 96 с.
- Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/#review>
- Актуальные проблемы защиты прав ребенка: социальные, педагогические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции. (г. Липецк, 2 ноября 2023 года): материалы конференции. – Липецк: Липецкий ГПУ. 2023. С. 311–312.
- Беженцев А.А. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73).
- Гукаленко О.В. Современное состояние и проблемы реализации системы наставничества в условиях непрерывного образования // Высшее образование сегодня. 2023. № 3. С. 18–23.
- Иванов Р. М., Новиков В.Н. Практические проблемы уличной социальной работы в сегменте противодействия молодёжной девиантности и пути их решения (на примере Санкт-Петербурга) // Научный аспект. № 4 (2024).
- Иванов Р.М. Проблемы российской системы профилактики преступлений среди несовершеннолетних и пути их решения // Студенческий форум. 2020. № 36–2 (129). С. 33–37.
- Карпышева Ю.О. Осуществление прокурором профилактики правонарушений // Законность. 2020. N 3. С. 40–44.
- Костин С. А., Тыртышный А.А., Касс К.Г. Современные подходы к правовому просвещению молодежи в Российской Федерации: опыт реализации проектных технологий // Конституционное и муниципальное право. 2020. N 7. С. 55–61.
- Ларина Т. И., Старостина А.А. Социокультурные особенности проблемы домашнего насилия в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6 (110). С. 33–39.
- Медведев В. Н., Кириллова Т.К. Проблемы российской системы профилактики преступлений среди несовершеннолетних и пути их решения // В сборнике: Актуальные вопросы экономики и управления, права, психологии и образования: межкультурный диалог. Сборник научных статей ежегодной Всероссийской конференции с международным участием научно-педагогических работников. СПб., 2022. С. 84–95.
- Мозговая Е.И. Деятельность органов опеки и попечительства: учебное пособие. Белгород: НИУ БелГ У. 2023. 94 с.

14. Петрова Р.Е. Современные акценты правового регулирования взаимоотношений родителей и несовершеннолетних детей: учебное пособие / Р.Е. Петрова, В.В. Ревина. М: РТУ МИРЭА. 2021. 156 с.
15. Педан В.Н. Практика наставничества в работе с детьми, находящимися в социально опасном положении // В сборнике: Социально-педагогическая и психолого-педагогическая деятельность: актуальные проблемы, достижения, инновации. материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Костромской государственной университет. Кострома, 2022. С. 191–194.
16. Prospects for Children in the Polycrisis: A 2023 Global Outlook / Будущее детей в условиях поликризиса: глобальный анализ за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/innocenti/reports/prospects-children-polycrisis-2023-global-outlook> Дата обращения: 20.04.2024
17. В законодательство внесены изменения о правовом регулировании института наставничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/74737> Дата обращения: 17.09.2024
2. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 N 223-FZ (as amended on 02.07.2021). Moscow: Prospect. 2022. 96 p.
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 17, 2023 No. 358 "On the Strategy for Comprehensive Child Safety in the Russian Federation through 2030" [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/#review>
4. Actual problems of protecting the rights of the child: social, pedagogical and legal aspects: materials of the All-Russian scientific and practical conference. (Lipetsk, November 2, 2023): conference materials. – Lipetsk: Lipetsk GPU. 2023. Pp. 311–312.
5. Bezhtsentsev A.A. The role of commissions on minors and the protection of their rights in the prevention of juvenile delinquency, prospects for the modernization of administrative activities // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (73).
6. Gukalenko O.V. Current state and problems of implementing the mentoring system in the context of continuous education // Higher education today. 2023. No. 3. P. 18–23.
7. Ivanov R. M., Novikov V.N. Practical problems of street social work in the segment of combating youth deviance and ways to solve them (on the example of St. Petersburg) // Scientific aspect. No. 4 (2024).
8. Ivanov R.M. Problems of the Russian system of crime prevention among minors and ways to solve them // Student forum. 2020. No. 36–2 (129). P. 33–37.
9. Karpysheva Yu.O. Implementation of offense prevention by the prosecutor // Legality. 2020. N 3. P. 40–44.
10. Kostin S. A., Tyrtshny A.A., Kass K.G. Modern approaches to legal education of young people in the Russian Federation: experience in implementing project technologies // Constitutional and municipal law. 2020. N 7. P. 55–61.
11. Larina T. I., Starostina A.A. Sociocultural features of the problem of domestic violence in Russia // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. No. 6 (110). P. 33–39.
12. Medvedev V. N., Kirillova T.K. Problems of the Russian system of crime prevention among minors and ways to solve them // In the collection: Actual issues of economics and management, law, psychology and education: intercultural dialogue. Collection of scientific articles of the annual All-Russian conference with international participation of scientific and pedagogical workers. SPb., 2022. P. 84–95.
13. Mozgovaya E.I. Activities of guardianship and trusteeship authorities: a tutorial. Belgorod: National Research University Belgorod State University. 2023. 94 p.
14. Petrova R.E. Modern accents of legal regulation of relations between parents and minor children: a tutorial / R.E. Petrova, V.V. Revina. M: RTU MIREA. 2021. 156 p.
15. Pedan V.N. Mentoring practice in working with children in socially dangerous situations // In the collection: Social-pedagogical and psychological-pedagogical activity: current problems, achievements, innovations. materials of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation. Kostroma State University. Kostroma, 2022. P. 191–194.
16. Prospects for Children in the Polycrisis: A 2023 Global Outlook / The Future of Children in the Polycrisis: A Global Analysis for 2023 [Electronic resource]. URL: <https://www.unicef.org/innocenti/reports/prospects-children-polycrisis-2023-global-outlook> Date of access: 20.04.2024
17. Amendments to the legislation on the legal regulation of the institution of mentoring have been made [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/74737> Date of access: 17.09.2024

MAIN PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL PROTECTION OF CHILDREN IN MODERN RUSSIAN REALITIES

Ivanov R.M.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

This scientific work is devoted to the constitutional aspects of the right of minors to protection of rights and freedoms, namely, consideration of the identified problems of organizational and legal nature related to the activities of organizations of the juvenile guardianship system. The author emphasizes the ambiguity of law enforcement practice in terms of protection of children, using relevant scientific research of recent years in the work. At the same time, positive aspects of legislative consolidation of the priority of policy towards children, development of a strategy for the comprehensive safety of minors, as well as amendments to federal legislation in terms of mentoring minors who have committed an offense or found themselves in a difficult life situation are also mentioned. Based on the data obtained, it is proposed to continue research activities in the intended direction and develop proposals for optimizing law enforcement on the protection of children in the Russian Federation.

Keywords: child, protection, constitutional, protection, bodies, parents, rights, problems, legal act.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Moscow: Prospect. 2023. 64 p.

История становления государственной границы советской России в Арктической зоне: правовое регулирование защиты и охраны

Ерофеев Денис Андреевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Юридический факультет, ФГАОУ ВО «Мурманский
арктический университет»
E-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru

В статье рассмотрены основные нормативные акты и меры, направленные на защиту и охрану государственных границ в Арктике. Определены основные международные акты и принципы, на основании которых фиксировались государственные границы и определялся государственный суверенитет. Выявлены характерные черты доктрины «эффективной оккупации». Ключевым нормативным правовым актом в рассматриваемой нами области, по мнению автора, является Постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г., которое провозгласило советскими территориями все открытые на момент принятия документа или открытые в будущем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса, примыкающие к побережью СССР. Сделан вывод о том, что советское руководство принимало ряд нормативных актов, направленных на поддержание государственного суверенитета над Арктикой военными методами.

Ключевые слова: Арктика, СССР, правовое регулирование, государственная граница, «эффективная оккупация», государственный суверенитет, Шпицберген, арктический сектор, национальное законодательство, охрана государственной границы, международный договор.

Потребность обеспечения правовой политики на Арктических территориях, входящих в компетенцию Российской Федерации, обусловлена рядом причин: строительство новых промышленных и транспортных потоков, разработка природных ископаемых, повышение уровня защищенности и безопасности окружающей среды, защита проживающего на российском Севере населения. В данной связи организационно-управленческая, оборонная и законодательная политика, затрагивающая Арктическую зону, является крайне значимой. Центральную роль в реализации вышеперечисленных мер играет система правового регулирования. Правовые нормы, как известно, обеспечивают легитимное участие в установлении прав, полномочий и обязанностей отдельных органов, должностных лиц, государственной власти на территории, входящей в государственную границу [9, с. 34]. Государственный суверенитет, таким образом, закрепляется фактическим пространственным положением государственных границ и соответствующим актом законодательства, фиксирующим данную территорию и определяющим порядок ее защиты и охраны.

В рассматриваемый нами период – с 1918 по 1941 гг. – состоялось принятие ключевых нормативно-правовых актов, касающихся защиты и охраны государственных границ в Арктике. Следовательно, изучение основных направлений правового регулирования государственных границ и мер по расширению территориальных притязаний на данном этапе представляется весьма *актуальным*.

В Советском Союзе первым нормативным документом, который определил понятие о государственных границах, стало Постановление ЦИК СССР от 7 сентября 1923 г., утвердившее «Положение об охране государственных границ Союза ССР» [14]. Положение утверждало как сухопутные, так и морские границы государства. Морские границы, в частности, закреплялись на удалении 12 морских миль от линии наибольшего отлива от морских побережий СССР, как на материке, так и на островах. Исключение составляли территории и границы, определенные международными соглашениями, участником которых является СССР и двусторонние соглашения СССР с иностранными государствами.

Последующим документом, определившим государственные границы СССР и порядок их защиты, стало аналогичное постановление от 15 июня 1927 г., текст которого, по существу, принципиально не отличался от предыдущей версии [6,

с. 55]. Существенным недостатком Постановления от 1927 г. является то, что оно не содержит положений о морских границах, в нем не упоминаются арктические границы СССР – несмотря на то, что они были утверждены годом ранее – в рамках Положения ЦИК СССР от 1926 г.

Защита и охрана государственной границы регламентированы в рамках декрета «Об учреждении пограничной охраны», утвержденного Совнарком РСФСР 28 мая 1918 г. [4]. В компетенцию пограничной охраны были включены следующие задачи: (1) борьба с контрабандой и нарушениями государственной границы; (2) защита от расхищения водных богатств в пограничных и территориальных водах; (3) надзор за соблюдением на пограничных реках правил международного судоходства; (4) охрана рыбаков и промышленников на пограничных территориях; (5) защита населения от нападения банд и кочевых племён и др. Декрет зафиксировал систему мер, ведомств и институтов, ответственных за охрану государственной границы. При этом вопросы вооруженной охраны государственной границы в Декрете не были рассмотрены, так как они оставались в ведении военного ведомства.

В 1918 г. служба пограничной охраны имела следующую структуру: Народный комиссариат торговли и промышленности – Совет пограничной охраны – ГУПО – пограничные округа – районы – подрайоны – дистанции – заставы – посты. На территориях, прилегающих к границе, создавались специальные оперативные органы – окружные, участковые и пунктовые пограничные чрезвычайные комиссии [4]. 1 февраля 1919 г. пограничная охрана была преобразована в пограничные войска, которые, в свою очередь, позже вошли в состав действующей армии. 24 ноября 1920 г. охрана государственных границ была передана в ведение особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по охране границ. 10 июля 1921 г. Комиссия утвердила приняла Положение об охране границ РСФСР.

Во многом система правового регулирования правоотношений, возникающих в связи с фиксацией, защитой и охраной государственных границ северных территорий СССР, формировалась под влиянием существующих на тот момент норм международного права. К 1920-м гг. уже функционировала система международного права, в рамках которой предполагалось распределение арктических территорий на секторы по принципу примыкания их к побережьям приполярных государств. «Секторальный» подход предусматривал выделение каждому из полярных государств сектора, на который распространялся суверенитет государства. Секторальное разделение территорий Арктики было введено с целью удовлетворения устремлений арктических государств по исключению из действия международного права значимых для них районов.

Нормативное закрепление секторального разделения арктических территорий на уровне национального законодательства состоялось десятиле-

тием ранее – в 1907 г., когда в Канаде был принят Закон «О северо-западных территориях». В 1916 г. аналогичный акт был принят и в Российской Империи [3, с. 93]. К 1920-х гг. посредством дипломатических усилий представителя СССР, Норвегии, Дании, США и Канады пришли к соглашению о том, чтобы арктические сектора следует считать постоянными государственными границами. Данное обстоятельство привело к тому, что секторальный принцип получил статус общепризнанного – несмотря на то, что на уровне международных договоров он закреплен не был [3, с. 94].

Само по себе секторальное разделение Арктики было принято как полярными государствами, так и мировой общественностью «де-факто». Кроме того, еще до момента введения концепции секторов в мировой практике доминировала доктрина владения территориями на основании т.н. «эффективной оккупации». Принцип эффективной оккупации был утвержден в рамках международной Берлинской конференции 1884–1885 гг. и касался изначально африканских территорий, которыми владели различные колониальные державы. Легитимация принципа эффективной оккупации осуществилась 5 апреля 1933 г., когда Лигой Наций был утвержден суверенитет Дании над Гренландией, которая, в отличие от Норвегии, более эффективно и продуктивно «оккупировала» (освоила) эту территорию. В СССР индикаторами эффективной оккупации становились поселения, полярные станции, промысловые артели, арктические экспедиции, установка памятных знаков и флагов, картографирование местности, введение новых топографических наименований и проч. [6, с. 52].

К 1918 г. ключевыми направлениями правовой политики СССР в Арктической зоне были следующие: укрепление геополитических, экономических, политических, военных, интересов в Арктической зоне; развитие возможностей Северного морского пути. Для того, чтобы реализовать соответствующие мероприятия, государственные ведомства и учреждения сфокусировались на выработке правового инструментария [9, с. 35].

На законодательном уровне права владения континентальным шельфом, акваториями и природными ресурсами Арктики были зафиксированы еще в Российской Империи; так, в 1912–1913 гг. установлена двенадцатимильная ширина территориальных вод [12, с. 7], что впоследствии было подтверждено в 1918 г. [10].

В период Первой мировой войны многие иностранные государства игнорировали государственный суверенитет Российской Империи и фактически игнорировали нормативные правовые акты, утвержденные в России в отношении государственных границ на Севере. Наступление трудного исторического периода – события гражданской войны, Первая мировая война, революционные события, смена государственной власти 1917 г. – усугубило практики нарушения государственной границы со стороны иностранных акторов. По имеющимся сведениям, Норвегия, Великобритания, Канада

и США в последующее десятилетие неоднократно нарушали суверенитет советских арктических территорий, проводя промысловые операции в водах Баренцева, Белого и Чукотского морей, на островах и побережье [6, с. 50].

Территориальные притязания страны были выражены в официальной ноте Министерства иностранных дел России иностранным государствам от 20 сентября 1916 г., в которой объявлялся перечень островов и земель, являющихся территорией Империи. Кроме того, уже после 1917 г. были разработаны и приняты документы, положения которых предусматривали, что вновь открытые острова и земли включались в территорию РСФСР. Отметим, помимо прочего, тот факт, что в рамках акта Министерства иностранных дел Российской империи от 1916 г. устанавливалась принадлежность островов, составляющих продолжение на север Сибирского континентального плоскогорья, а также островов, расположенных вблизи европейского побережья России. В последующем эти положения были утверждены уже советским правительством в 1926 г.

Советское государство во многом продолжило территориальную и оборонную стратегию Российской Империи. Так, 4 ноября 1924 г. в целях закрепления территориальной целостности и предотвращения международных споров МИД СССР утвердил ноту Народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина, сопровождаемую Заявлением Управляющего делами Советского правительства, в которой дублировались положения ноты от 1916 г. Документ от 1924 г., опубликованный Народным Комиссариатом иностранных дел СССР, назывался «Меморандум о полярных владениях РСФСР» и был принят с целью утверждения государственного суверенитета над указанными арктическими островами и архипелагами. Тем не менее, данный документ едва ли можно считать полноценным актом, регулирующим государственные границы СССР в Арктике: в нем не был описан правовой статус вод, омывающих советские острова, также не был определен и правовой статус разграничительных линий [13, с. 113–114].

Ключевым нормативным правовым актом, утвержденным на данном этапе, следует считать Постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. [8]. Текст Постановления провозгласил советскими территориями все открытые на момент принятия документа или открытые в будущем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса в пределах между меридианами 32 градуса 4 минуты 35 секунд восточной долготы и 168 градусов 49 минут 35 секунд западной долготы [9, с. 36]. Данное Постановление позволило СССР присоединить в 1930-е – 1940-е гг. большое число вновь открытых арктических островов в Карском и Баренцевом морях [6, с. 47].

Помимо законодательной фиксации государственных границ в Арктике, в 1920–1930 гг. советское руководство принимало ряд нормативных актов, направленных на поддержание государ-

ственного суверенитета над Арктикой военными методами [11, с. 220]. С целью укрепления обороноспособности Севера был поднят вопрос о создании постоянного военно-морского формирования. 20 февраля 1931 года И.В. Сталиным в адрес Политбюро ВКП (б) была направлена записка «Об охране северного побережья», где был описан план по созданию военно-морской базы на Кольском полуострове. Комиссия обороны при Совете Народных Комиссаров (СНК), в качестве реакции на записку, приняла ряд актов в области безопасности и охраны границ Арктического сектора (один из подобных актов, к примеру, учредил в 1933 г. Северную флотилию) [2].

Кроме того, на данном этапе были предприняты попытки урегулирования пограничных споров посредством заключения соглашений с иностранными государствами [7, с. 467]. Одним из примеров подобных соглашений является мирный договор, заключенный в октябре 1920 г. Советской Россией и Финляндией. Договор зафиксировал заполярные границы двух государств: Финляндии была передана Печенгская волость (Петсамо), западная часть полуострова Рыбачий, часть полуострова Средний. Финляндия, в свою очередь, отказывалась от содержания военного флота в непосредственной близости от северных границ Союза. Также в 1924 г. СССР признал за Норвегией архипелаг Шпицберген, поддерживая таким образом условия Парижской конференции (1920 г.).

Шпицберген, в частности, в первой половине XX в. являлся наиболее дискуссионной с точки зрения государственных границ территорией. Так, Норвегия, согласно Договору от 1920 г, реализовала государственный суверенитет над архипелагом Шпицберген, но при этом ей вменили обязательство о свободном допуске представителей участников международного договора на территорию Шпицбергена [1, с. 136]. Речь в данном случае идет о Договоре, подписанном 9 февраля 1920 г. в Париже, по условиям которого Норвегия получила суверенитет над архипелагом, и одновременно с этим в его отношении установлен уникальный правовой режим. Суверенитет, предоставленный Норвегии в отношении Шпицбергена, обладает рядом ограничений, среди которых особенно важным можно считать предоставление гражданам стран-участниц права «одинаково свободного доступа на архипелаг и возможности ведения там хозяйственно-экономической деятельности» [5, с. 99].

Следует сказать, что во многом защита и охрана государственных границ, а также определение территорий, входящих в нее, на территории Арктики реализовывались по-иному – не так, как на других территориях. Речь идет о вышеописанном принципе «эффективной оккупации», а также о широких полномочиях местных исполнительных органов и иных институций, учреждаемых государством.

Таким образом, в силу специфики Севера – его малозаселенности, ресурсного потенциала,

наличия белых пятен в картографировании многих северных территорий, продолжительного периода отсутствия правового регулирования государственных границ арктических государств – регулирование защиты осуществлялось не на базе законодательных положений, а «на местах». К примеру, 31 июля 1928 г. было утверждено Постановление, согласно которому была создана Арктическая комиссия (Комиссия для организации и финансовой проработки пятилетнего плана научно-исследовательских работ в арктических владениях Союза ССР). Несмотря на то, что де юре комиссия не вела деятельность в оборонной сфере и защите государственных границ, ее возглавляли военные кадры, что позволяет предположить то, что в компетенцию Комиссии могли входить также мероприятия по разведке и охране границ. В частности, С. Каменев, один из руководителей Комиссии, в 1919–1924 гг. являлся главнокомандующим вооружёнными силами РСФСР, в 1925 г. он возглавлял штаб РККА, далее занимал должность заместителя наркома по военным и морским делам [9, с. 36].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Сразу же после учреждения советское государство стало предпринимать попытки по урегулированию защиты и охраны государственных границ посредством принятия соответствующих актов законодательства. Тем не менее, северные границы в данных актах не были урегулированы в полной мере.
2. Система правового регулирования правоотношений, возникающих в связи с фиксацией, защитой и охраной государственных границ северных территорий СССР, формировалась под влиянием норм международного права. К 1920-м гг. функционировала система международного права, в рамках которой предполагалось распределение арктических территорий на секторы.
3. До момента введения концепции секторов в мировой практике доминировала доктрина владения территориями на основании т.н. «эффективной оккупации». В СССР индикаторами эффективной оккупации становились поселения, полярные станции, промысловые артели, арктические экспедиции, установка памятных знаков и флагов, картографирование местности, введение новых топографических наименований и проч.
4. Ключевым нормативным правовым актом в рассматриваемой нами области выступает Постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г., которое провозгласило советскими территориями все открытые на момент принятия документа или открытые в будущем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса, примыкающие к побережью СССР.
5. Советское руководство принимало ряд нормативных актов, направленных на поддержание

государственного суверенитета над Арктикой военными методами и установление военного присутствия на территории Севера.

6. В период с 1918 по 1941 гг. советское руководство предприняло попытки урегулирования пограничных споров посредством заключения соглашений с иностранными государствами (Финляндия, Норвегия).

Литература

1. Авхадеев, В.Р. Многосторонние международные соглашения, регулирующие правовой режим Арктики / В.Р. Авхадеев // Журнал российского права. – 2016. – № 2 (230). – С. 135–143.
2. Бей, Е.В. Обеспечение военной безопасности России в Арктике: история вопроса / Е.В. Бей // Военная мысль. – 2020. – № 12. – С. 14–25.
3. Быковский, В.К. Арктическая зона Российской Федерации: правовой режим развития, обеспечения безопасности, охраны природы, защиты национальных интересов / В.К. Быковский // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – № 1. – С. 88–96.
4. Декрет СНК РСФСР от 28.05.1918 «Об учреждении пограничной охраны» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37839#1lzlUTU1kvZceYdR>. – Дата доступа: 12.11.2024.
5. Журавель, В.П. Шпицберген: прошлое, настоящее и будущее / В.П. Журавель, Д.С. Тимошенко // Современная Европа. – 2022. – № 6 (113). – С. 98–111.
6. Лукин, В.В. Полярные владения СССР – утраченные иллюзии или исторический пример расширения советских арктических территорий / В.В. Лукин // Полярные чтения на ледоколе «Красин». – 2022. – № . – С. 46–66.
7. Немченко, С.Б. Арктическая зона Российской Федерации: развитие законодательства в советский период / С.Б. Немченко, О.И. Цеценевская // Вестник МГТУ. – 2016. – № 2. – С. 466–475.
8. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане. 15 апреля 1926 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/286349-postanovlenie-prezidiuma-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-sssr-ob-obyavlenii-territoriey-soyuza-ssr-zemel-i-ostrovov-raspolozhennyh-v-severnom-ledovitom-okeane-15-aprelya-1926-g>. – Дата доступа: 12.11.2024.
9. Смирнова, А.А. Основные направления правовой политики Российской Федерации в Арктической зоне / А.А. Смирнова, К.В. Шевченко //

Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7 (223). – С. 34–37.

10. Собрание законодательства РФСР. – 1918. – № 44. – Ст. 539.
11. Тимошенко, А.И. Государственная политика СССР в Арктике в 1920–1930-е гг. / А.И. Тимошенко // Полярные чтения на ледоколе «Красин». – 2019. – № . – С. 219–236.
12. Шамаев, А.В. Проблемы правового регулирования Арктической зоны Российской Федерации / А.В. Шамаев // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (17). – С. 3–13.
13. Шеломенцев, В.Н. Правовые аспекты освоения разработки и защиты Арктики / В.Н. Шеломенцев // Научный вестник МГТУ ГА. – 2015. – № 216 (6). – С. 113–117.
14. 7 сентября 1923 года – ЦИК СССР принял «Положение об охране границы СССР» // Морполит. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mropolit.ru/7-sentyabrya-1923-goda-cik-sssr-prinyal-polozhenie-ob-oxrane-granicy-sssr/>. – Дата доступа: 12.11.2024.

HISTORY OF THE FORMATION OF THE STATE BORDER OF SOVIET RUSSIA IN THE ARCTIC ZONE: LEGAL REGULATION OF PROTECTION AND SECURITY

Erofeev D.A.

Murmansk Arctic University

The article contains a review on the main regulations and measures aimed at protecting and securing state borders in the Arctic. The main international acts and principles on the basis of which state borders were fixed and state sovereignty was determined are defined. The characteristic features of the doctrine of effective occupation are revealed. The key normative legal act in the area under consideration, according to the author, is the Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of April 15, 1926, which proclaimed all lands and islands located in the Arctic Ocean up to the North Pole, adjacent to the coast of the USSR, which were open at the time of the adoption of the document or would be discovered in the future, as Soviet territories. It is concluded that the Soviet leadership adopted a number of normative acts aimed at maintaining state sovereignty over the Arctic by military means.

Keywords: Arctic, USSR, legal regulation, state border, “effective occupation”, state sovereignty, Spitsbergen, arctic sector, national legislation, protection of the state border, international treaty.

References

1. Avkhadeev, V.R. Multilateral international agreements regulating the legal regime of the Arctic / V.R. Avkhadeev // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 2 (230). – P. 135–143.
2. Bey, E.V. Ensuring military security of Russia in the Arctic: history of the issue / E.V. Bey // Military Thought. – 2020. – No. 12. – P. 14–25.
3. Bykovsky, V.K. Arctic zone of the Russian Federation: legal regime for development, ensuring security, protecting nature, protecting national interests / V.K. Bykovsky // International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law. – 2019. – No. 1. – P. 88–96.
4. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of May 28, 1918 “On the establishment of border guards” // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37839#1zluTU1kvZceYdR>. – Access date: November 12, 2024.
5. Zhuravel, V.P. Spitsbergen: past, present and future / V.P. Zhuravel, D.S. Timoshenko // Modern Europe. – 2022. – No. 6 (113). – P. 98–111.
6. Lukin, V.V. Polar possessions of the USSR – lost illusions or a historical example of the expansion of Soviet Arctic territories / V.V. Lukin // Polar readings on the icebreaker “Krasin”. – 2022. – No. . – P. 46–66.
7. Nemchenko, S.B. Arctic zone of the Russian Federation: development of legislation in the Soviet period / S.B. Nemchenko, O.I. Tsetsenevskaya // Bulletin of Moscow State Technical University. – 2016. – No. 2. – P. 466–475.
8. Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR on declaring the lands and islands located in the Arctic Ocean the territory of the USSR. April 15, 1926 // Electronic library of historical documents. [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/286349-postanovlenie-prezidiuma-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-sssr-ob-obyavlenii-territoriy-soyuzas-sr-zemel-i-ostrovov-raspolozhennyh-v-severnom-ledovitom-okeane-15-aprelya-1926-g>. – Access date: 11/12/2024.
9. Smirnova, A.A. Main directions of legal policy of the Russian Federation in the Arctic zone / A.A. Smirnova, K.V. Shevchenko // Agrarian and land law. – 2023. – No. 7 (223). – P. 34–37.
10. Collection of legislation of the RSFSR. – 1918. – No. 44. – Art. 539.
11. Timoshenko, AI State Policy of the USSR in the Arctic in the 1920–1930s / AI Timoshenko // Polar Readings on the Icebreaker Krasin. – 2019. – No. . – P. 219–236.
12. Shamaev, AV Problems of Legal Regulation of the Arctic Zone of the Russian Federation / AV Shamaev // Arctic in the 21st Century. Humanities. – 2019. – No. 1 (17). – P. 3–13.
13. Shelomentsev, VN Legal Aspects of Development, Development and Protection of the Arctic / VN Shelomentsev // Scientific Bulletin of MSTU GA. – 2015. – No. 216 (6). – P. 113–117.
14. September 7, 1923 – the Central Executive Committee of the USSR adopted the “Regulation on the Protection of the Border of the USSR” // Morpolit. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://mropolit.ru/7-sentyabrya-1923-goda-cik-sssr-prinyal-polozhenie-ob-oxrane-granicy-sssr/>. – Access date: 11/12/2024.

Проблемы парламентского контроля: парламентское расследование и иные формы

Исаев Данила Антонович,

студент, Институт философии и права, Новосибирского государственного университета
E-mail: 1isaevdaniila0@gmail.com

В статье рассматривается практика реализации отдельных форм парламентского контроля в период с 2009 по 2023 год. Выделяются проблемы, связанные с реализацией парламентского контроля в Российской Федерации. Обнаружены сложности в определении предмета парламентских расследований, недостаточная прозрачность работы парламентских палат, а также недостаточность проверок при назначении членов Правительства. Особое внимание уделяется анализу предмета парламентского расследования с обоснованием, что не все теоретические предложения исследователей могут быть эффективны на практике. Целью исследования является выявление проблем, связанных с различными формами парламентского контроля, а также выработка путей их решения. Работа состоит из шести разделов, каждый из которых посвящен отдельной форме парламентского контроля. В заключении подчеркивается, что институт парламентского контроля в России обладает значительным потенциалом, однако существует ряд проблем, препятствующих его полноценному функционированию.

Ключевые слова: парламентский контроль, парламентское расследование, недоверие правительству, поправка к конституции 2020, разделение властей.

Усиление ответственности выборных должностных лиц перед парламентом способствует развитию института конституционной репрезентации, в основе которого лежит народное представительство [1, С. 187–195]. Парламентский контроль, осуществляемый через специальные формы, а также в процессе формирования Правительства (общий парламентский контроль), способствует повышению уровня подотчетности избранных должностных лиц перед избирателями. В России юридически признаны следующие формы парламентского контроля:

1. Парламентское расследование Федерального Собрания РФ. В соответствии с Федеральным законом «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» от 27.12.2005 N 196-ФЗ, инициирование парламентского расследования начинается с обращения не менее одной пятой членов любой из палат (депутатов или сенаторов) к Председателю соответствующей палаты. Однако в редакции 2013 года закон не учитывает существенную разницу в числе членов палат: Государственная Дума, которая в 2,5 раза больше по составу, для этого обращения должна заручиться поддержкой как минимум 90 депутатов. Внесённый 1 ноября 2017 года проект закона № 302144–7, предложенный депутатом В.В. Сысоевым, предусматривал снижение порога для нижней палаты до одной десятой от общего числа депутатов, что, по его мнению, могло бы сделать парламентское расследование более действенным инструментом контроля, а не просто формальностью. Однако через год проект был отозван после того, как Правительство России признало доводы депутата «неубедительными». На наш взгляд, неудачи в попытках инициировать парламентские расследования [2] связаны с нарушением принципа недопустимости проведения парламентских расследований по вопросам, которые относятся к компетенции правоохранительных органов, а также с трудностями в разграничении таких сфер ответственности.

Например, неизбежно возникает вопрос о том, насколько «массовым» должно быть нарушение прав человека и гражданина, чтобы расследование было отнесено к ведению парламента [3], т.е. требуется соответствующая конкретизация правовых норм. Например, С.С. Абгаров в недавнем исследовании [4: С. 21] указывает, что предмет парламентского контроля должен быть открытым; примеры 2015 и 2017 годов показывают, что даже при отсутствии юридических оснований предпринимались попытки инициировать парламентские

расследования, что, по всей видимости, служило лишь способом привлечь внимание СМИ и общественности к депутатам.

Предложенный законопроект, как представляется, является необходимым шагом для снижения порога, что позволит более активно и часто проводить парламентские расследования. Это сделает публичной информацию по множеству вопросов, связанных с чрезвычайными ситуациями (ЧС) техногенного и природного характера, нарушениями финансовой дисциплины и другими проблемами, имеющими важное значение для населения. Такое решение расширит предмет парламентских расследований, сделав их более частыми и охватывающими менее глобальные, но не менее значимые события. Кроме того, помимо необходимости детализации предмета расследования, следует закрепить не только обстоятельства возникновения и последствий ЧС, но и факторы, угрожающие их возникновению, как это было в случае расследования, начатого 22 марта 2022 года и оформленным постановлением № 102-СФ.

На первый взгляд, предмет парламентского расследования действительно должен быть ограничен закрытым перечнем оснований, как этого требует принцип правовой определённости. Однако практика показывает, что невозможно заранее предусмотреть все случаи, когда расследование может стать необходимым. В связи с этим, предмет расследования следует формулировать через условия, при которых оно должно проводиться, а также устанавливать соответствующие запреты и ограничения.

К таким условиям можно отнести: 1) значительный масштаб противоправных действий или угроз, наносящих серьёзный ущерб государству, 2) последствия, вызванные недостатками в законодательном регулировании, которые парламент должен устранить после их расследования, 3) политический характер событий.

Законодатель, вместе с тем, пошел по пути введения норм как управомочивающих (ч. 1 ст. 4 ФЗ N 196), так и запрещающих (ч. 2, 3, 4, 5 ст. 4 ФЗ N 196). Как было сказано выше, такой подход чрезмерно сужает возможности парламентского расследования, что неизбежно ведет к выходу за пределы его предмета. Например, так произошло 23 марта 2022 года, когда было возбуждено парламентское расследование обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины. Это основание не отвечает ни одному пункту ч. 1 ст. 4 ФЗ N 196, хотя соответствует парламентскому расследованию по своей природе. Представляется, что в ч. 1 ст. 4 ФЗ N 196 управомочивающие нормы следует заменить условиями для возбуждения парламентского расследования (см. выше). Основания (ст. 6) остаются прежними.

Остается вопрос о том, в отношении какой деятельности парламентское расследование осуществляться не может.

1. Деятельность Президента РФ. В доктрине часто критикуют исключение Президента РФ

из сферы парламентского расследования. Приводятся доводы, что «Президент и его Администрация участвуют в ключевых государственных событиях» (С.А. Авакьян), а также что «Президент, являясь гарантом прав и свобод граждан, должен быть подвержен расследованию в случае массовых нарушений этих прав» (И.В. Гранкин). Такая позиция требует внесения изменений в Конституцию РФ, чтобы запретить Президенту распускать Государственную Думу во время парламентского расследования.

Представляется, что исключение деятельности Президента из предмета парламентского расследования не означает «нейтрализацию» самого расследования, особенно учитывая, что уже существует отдельная процедура привлечения Президента к ответственности, закреплённая в статье 93 Конституции РФ. Подход законодателя в данной ситуации представляется обоснованным, так как функции Президента в качестве гаранта прав и свобод человека ограничиваются вопросами, связанными с конституционным статусом личности (например, предоставление гражданства, политического убежища, помилование). Сомнительно, что такие действия могут привести к серьёзным противоправным последствиям с большим ущербом для государства.

2. Правосудие и правоохранительная деятельность. На примере итогового доклада парламентской комиссии по расследованию обстоятельств чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 30.12.2009 года и приговоров в отношении её должностных лиц, вынесенных в 2014 году, подтверждается вывод, что парламентское расследование имеет политическую направленность, а его результаты могут не совпадать с выводами правоохранительных органов и судебных решений. Это свидетельствует о том, что предмет парламентского расследования (вопреки утверждениям отдельных исследователей) необязательно должен быть строго отделён от деятельности правоохранительных органов и правосудия. Главное – чтобы парламентское расследование не замещало собой эти другие формы контроля.

Таким образом, ограничения в предмете парламентского расследования оправданы в целом, однако нормы, сужающие полномочия парламента, необоснованно ограничивают его контрольные функции. Подход же, предложенный выше, позволит привести компетенцию российского парламента в сфере расследований в соответствие с его реальными потребностями.

3. Осуществление палатами Федерального Собрания Российской Федерации парламентского контроля в сфере бюджетных правоотношений. Закон «О Правительстве РФ» устанавливает общее правило, согласно которому федеральные министры подотчетны Президенту и Правительству (статья 29); упоминания о Федеральном Собрании отсутствуют. При этом парламентский контроль в отношении Президента, согласно закону «О пар-

ламентском контроле”, осуществляться не может. Это значительно ослабляет контрольные полномочия Федерального Собрания, поскольку министры, в соответствии с положениями о парламентском и депутатском запросах, а также о «правительственном часе», не подлежат личной ответственности. Наибольшее, что может предпринять парламентская палата – это повторно обратиться с запросом. Отметим, что в области парламентского контроля участвуют не только палаты Федерального Собрания, но и Счетная палата, создаваемая парламентом совместно. Основная цель такого контроля заключается в обеспечении дополнительных сдержек и противовесов. В связи с этим Б.А. Страшун отмечал, что федеральный бюджет исполняет Правительство РФ, подчиняющееся Президенту, и что Счетная палата, контролирующая расходование бюджетных средств, не должна зависеть от кадровых решений главы государства [5: С. 601]. Тем не менее, конституционная реформа 2020 года подтвердила участие Президента в формировании этого органа.

4. Один из самых распространённых методов парламентского контроля – заслушивание на заседаниях палат Федерального Собрания отчетов и заявлений членов Правительства и других официальных лиц, которые отвечают на вопросы сенаторов и депутатов. Несмотря на то, что «правительственный час» носит консультативный характер и не обладает обязательной силой для Правительства, он оказывает определённое воздействие на его работу. Например, в докладе от 21 декабря 2021 года один из депутатов поднял проблему устаревшего городского транспорта и предложил замену старых транспортных средств [6]. От фракций было внесено предложение выделить дополнительные средства на обновление автопарка, что было учтено в федеральном проекте «Развитие общественного транспорта» в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги», направленного на модернизацию общественного транспорта в регионах. Основная проблема заключается в том, что без таких предложений парламентарии лишены возможности эффективно воздействовать на членов Правительства в случае ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей.

5. Использование парламентских и депутатских запросов в качестве форм парламентского контроля может быть усовершенствовано в части устранения недостаточной прозрачности. На сайте Государственной Думы можно найти информацию о ФИО инициатора запроса, должностном лице, подписавшем его, сроках ответа и выходных данных ответа. Однако сам текст запроса и ответ на него остаются недоступными для публичного просмотра. Что касается депутатских запросов и запросов сенаторов, то информация о них полностью отсутствует на официальных сайтах палат Федерального Собрания, аналогично подход применяется в отношении решений комитетов палат, что противоречит принципу гласности, закреплённому в статье 3 ФЗ «О парламентском контроле».

В соответствии с этим законом, информация о парламентском контроле должна быть доступна обществу и СМИ, в том числе через интернет. В связи с этим целесообразно ввести обязательное требование о публичности отчетности палат Федерального Собрания в информационной сети, заменив диспозитивную норму на императивную.

6. Парламентский контроль при формировании Правительства РФ. Законодательство не получает должного юридического закрепления соответствующей процедуры, несмотря на то, что участие парламента в этом процессе можно рассматривать как проявление контрольной функции. Конституция РФ устанавливает недельный срок для рассмотрения представлений Государственной Думы по назначениям на все должности в Правительстве (ч. 3 ст. 111, ч. 2 ст. 112). Однако такой ограниченный срок и поверхностное изучение кандидатов не позволяют провести полноценную проверку на предмет наличия коррупционных связей, имущества за рубежом, уклонения от налогов и других важных аспектов.

Чтобы улучшить реализацию парламентского контроля в данном вопросе, следует наделить Комитет Государственной Думы по контролю обязанностью готовить соответствующие заключения. Для этого комитет должен иметь: 1) право на оперативное получение информации от правоохранительных органов и федеральных исполнительных структур, например, в течение 7 дней с момента подачи депутатского запроса (вместо стандартных 30 дней); 2) право собирать информацию из открытых источников и обязаны её проверять; 3) право проводить консультации непосредственно с кандидатами на должности и другие меры.

Введение такой обязанности может потребовать увеличения сроков рассмотрения кандидатур (больше одной недели), что потребует усовершенствования порядка преемственности Правительства. При этом важным аспектом является понимание порядка формирования комитетов Государственной Думы. Как подчеркивает Е.В. Коврякова, эффективность парламентского контроля значительно возрастает, когда политические силы, представленные в парламенте и в Правительстве, находятся в оппозиции друг к другу [7: С. 13]. В этой связи несостоятельна, по замечанию этого же автора [7: С. 169], статья 21 Регламента Государственной Думы, в которой закрепляется, что комитеты образуются, как правило, на основе принципа пропорционального представительства фракций – норма не детализирует случаи отступления от общего правила, что позволяет произвольно нарушать действительное представление народных интересов в отдельном комитете. Пример проверки кандидатов при их назначении подчеркивает необходимость строгого пропорционального состава комитетов Государственной Думы, что поможет уменьшить риск неэффективности парламентского контроля, особенно в ситуациях, когда его роль может стать ключевой, например, при наличии оппозиции между правительством и парламентом.

В качестве заключения можно сослаться на мысль И.Г. Шаблинского о том, что ключевым все же является вопрос о полномочиях, дающих контроль над правительством [8: С. 178]. Из данной работы следует, что Президент сохраняет за собой право формировать большинство контрольно-исполнительных органов и принимать решения об их отставке. Это существенно ограничивает контрольные полномочия палат парламента, которые не могут привлечь министров к ответственности, вынуждены принимать решения о назначении членов Правительства в сжатые сроки, сталкиваются с высоким порогом для инициирования парламентского расследования и другими ограничениями. С учетом поправок 2020 года следует признать, что возможности парламентского контроля остаются ограниченными. Расширение же контрольных полномочий парламента будет благоприятно сказываться на уровне подотчетности Правительства, и тенденция на такие изменения в статусе парламента неслучайно подчеркивалась Президентом РФ в ходе проведения конституционной реформы.

Литература

1. Кравец И.А. Конституционная репрезентация: проблемы идентификации и совершенствования публичного политического представительства / И.А. Кравец // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 433. С. 186–197.
2. 2015 год: “КПРФ: готово обращение о парламентском расследовании дела Сердюкова” (URL: <https://ria.ru/20150618/1075573096.html?in=t>) (дата обращения: 22.11.2024), 2017 год: “В Госдуму внесен проект решения о парламентском расследовании после фильма ФБК о Медведеве” // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3253341> (дата обращения: 22.11.2024).
3. “Госдума не поддержала инициативу КПРФ начать парламентское расследование пыток в колониях” // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5031054> (дата обращения: 22.11.2024).
4. Абгаров С.С. Институт парламентского контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. 23 с.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. 3-е изд. М.: Проспект, 2009. 816 с.
6. “В Государственной Думе прошел «правительственный час» с участием Дениса Мантурова” // URL: <http://duma.gov.ru/news/53073/> (дата обращения: 22.11.2024).

7. Коврякова Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М.: ОАО «Издательский дом “Городец”», 2005. 192 с.
8. Шаблинский И. Г. К модели управляемого парламентаризма: некоторые исторические ве- хи // Конституционный вестник. 2020. № 5(23). С. 175–189.

PROBLEMS OF PARLIAMENTARY CONTROL: PARLIAMENTARY INVESTIGATIONS AND OTHER FORMS

Isaev D.A.

Novosibirsk State University

The article considers the practice of implementation of certain forms of parliamentary control in the period from 2009 to 2023. The problems associated with the implementation of parliamentary control in the Russian Federation are highlighted. Difficulties in determining the subject of parliamentary investigations, insufficient transparency of the work of parliamentary chambers, as well as insufficient checks when appointing members of the Government are found. Special attention is paid to the analysis of the subject of parliamentary investigation with the justification that not all theoretical proposals of researchers can be effective in practice. The purpose of the study is to identify the problems associated with various forms of parliamentary scrutiny, as well as to work out ways to solve them. The work consists of six sections, each of which is devoted to a separate form of parliamentary control. The conclusion emphasizes that the institution of parliamentary control in Russia has significant potential, but there are a number of problems that hinder its full-fledged functioning.

Keywords: parliamentary control, parliamentary investigation, motion of no confidence, amendment to the constitution 2020, separation of powers.

References

1. Kravets, I.A. Constitutional representation: problems of identification and improvement of public political representation / I.A. Kravets // Vestnik Tom. gosudarstvennyi gosudarstvennyi unsta. 2018. № 433. P. 186–197.
2. 2015: “CPRF: an appeal on the parliamentary investigation of the Serdyukov case is ready” (URL: <https://ria.ru/20150618/1075573096.html?in=t>) (date of address: 22.11.2024), 2017: “A draft decision on the parliamentary investigation after the FBK film about Medvedev was submitted to the State Duma” // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3253341> (date of address: 22.11.2024).
3. “The State Duma did not support the initiative of the CPRF to start a parliamentary investigation into torture in colonies” // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5031054> (date of address: 22.11.2024).
4. Abgarov S.S. Institute of parliamentary control in the Russian Federation: autoref. diss. ... kand. juridical sciences. Belgorod, 2019. 23 p.
5. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / ed. by L.V. Lazarev. 3rd ed. M.: Prospect, 2009. 816 p.
6. “In the State Duma was held “government hour” with the participation of Denis Manturov” // URL: <http://duma.gov.ru/news/53073/> (date of address: 22.11.2024).
7. Kovryakova E.V. Parliamentary control: foreign experience and Russian practice. Moscow: OJSC “Publishing House ‘Gorodets’”, 2005. 192 p.
8. Shablinsky I.G. To the model of managed parliamentarism: some historical milestones // Constitutional Herald. 2020. № 5(23). P. 175–189.

Вопросы правового регулирования зон охраны объектов культурного наследия: современные вызовы

Курьякова Венера Фердинандовна,

преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург)

В статье проводится анализ правового регулирования зон охраны объектов культурного наследия (далее – ОКН) в Российской Федерации, как это предусмотрено соответствующим Положением «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации».

Исследование выявляет недостатки нормативно-правового регулирования, включая неопределенность в стадии принятия решения уполномоченным органом охраны объектов культурного наследия о разработке проекта зон охраны, с указанием параметров утверждения границ территорий, а также критериев определения предметов охраны ОКН. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с установлением предельных параметров для объединенных зон охраны, исчерпывающего перечня предельных показателей градостроительных регламентов, которые могут быть установлены в границах данных зон, что может негативно сказываться на сохранении исторической среды объектов. Автор подчеркивает значимость установления зон охраны ОКН, как инструмента, обеспечивающих защиту и сохранение культурных и исторических ценностей в условиях современного градостроительства. Статья акцентирует внимание на необходимости совершенствования правового регулирования для более эффективного сохранения объектов культурного наследия в их историческом контексте. Анализируются проблемы, связанные с отсутствием конкретизации в нормах Положения о зонах охраны ОКН, в части общих принципов установления особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам.

Существующие недостатки в правовом регулировании зон охраны ОКН нуждаются в тщательном рассмотрении и проработки со стороны законодателей и органов власти. Важно разработать процедуры, которые будут учитывать современные условия и обеспечивать гармоничный баланс между сохранением историко-культурного потенциала и устойчивым развитием территорий. Это позволит не только защитить культурное наследие, но и способствовать эффективному использованию пространственного потенциала в интересах общества.

Ключевые слова: территория объектов культурного наследия, правовой режим зон охраны объекта культурного наследия, охранная зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта, режим использования земель, утверждение границ, предельные параметры зон охраны, объединённая зона охраны ОКН.

Введение

В последние десятилетия вопросы правового регулирования зон охраны объектов культурного наследия приобрели особую актуальность в связи с динамичным развитием урбанистических процессов в городах и изменением социально-экономических условий.

Объекты культурного наследия представляют собой неотъемлемую часть историко-культурного потенциала любой страны, отражая ее уникальное прошлое и способствуя формированию национальной идентичности. Историко-культурные территории требуют особого внимания для обеспечения сохранности памятников истории и культуры и их интеграции в современную жизнь. Для обеспечения сохранения этих объектов в их исторической среде на прилегающих территориях устанавливаются зоны охраны.

Зоны охраны объектов культурного наследия (далее ОКН) – это определенные территории, призванные посредством установленного режима защитить и сохранить культурные и исторические ценности, обеспечивая их гармоничное сосуществование с современными градостроительными и инфраструктурными процессами. Эти зоны не совпадают с границами самих территорий объектов культурного наследия, но играют ключевую роль в поддержании их целостности и аутентичности, создавая условия для их надлежащей интеграции в окружающую среду.

В пределах территории зон охраны объектов культурного наследия устанавливаются особые режимы использования земель и земельных участков, которые предполагают запрет или ограничение на осуществление хозяйственной деятельности, а также требования к градостроительным регламентам в границах данных зон. Исключение составляют комплекс мер, направленный на сохранение и восстановление историко-градостроительной или природной среды, связанной с объектом культурного наследия. Эти мероприятия преследуют цель обеспечить долговременное сохранение культурной и исторической ценности объекта, минимизируя потенциальное негативное воздействие от антропогенной деятельности.

Для охраны территории объектов культурного наследия в зависимости от вида и значимости историко-культурного потенциала законодатель установил зоны. Состав зон охраны ОКН определяется проектом, в основе которого лежит историко-культурное обоснование.

К таким зонам относятся охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, а также зона охраняемого природного ландшафта. Каждая из зон охраны ОКН обладает уникальным режимом, который необходимо учитывать при планировании и осуществлении градостроительной деятельности. Это означает, что любая хозяйственная и иная деятельность в пределах территории таких зон должна проводиться с учётом их особых требований и ограничений, чтобы сохранить историческую и культурную ценность охраняемых объектов.

Охранный зона объекта культурного наследия является территория с наиболее строгим по содержанию правовым режимом. Она непосредственно прилегает к объекту и обеспечивает его физическую сохранность. В этой зоне запрещаются любые действия, которые могут нанести ущерб объекту, включая строительство, земляные работы и изменения ландшафта. Правовое регулирование охранной зоны направлено на предотвращение любых воздействий, которые могут изменить или исказить исторический облик объекта.

Если охранный зона направлена на сохранение непосредственно ОКН и его историко-культурной среды, то правовой режим зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности (далее – ЗРЗ) устанавливает нормы и правила, регулирующие градостроительные отношения за пределами ТОКН. При определении границ зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности необходимо учитывать композиционные связи объекта культурного наследия с окружающей застройкой и ландшафтом. Здесь допускается строительство и развитие инфраструктуры, но с определенными ограничениями по высоте зданий, их архитектурному стилю и использованию материалов. Правовое регулирование этой зоны направлено на гармонизацию новых объектов с исторической средой.

Зона охраняемого природного ландшафта включает территории, которые имеют природную ценность и тесно связаны с объектом культурного наследия. Эта зона обеспечивает сохранение природного окружения, которое может иметь историческое или эстетическое значение. Правовой режим данной зоны направлен на предотвращение деградации природных ландшафтов, сохранение биоразнообразия и поддержание экологического равновесия.

Отличия в правовом регулировании между этими зонами заключаются в степени строгости ограничений и характере допустимых действий. Охранный зона имеет наиболее жесткие ограничения, тогда как зоны регулирования застройки и охраняемого природного ландшафта допускают большее разнообразие видов деятельности, но с учетом определенных условий.

Возникает дублирование правовых режимов зон охраны с территорией самого объекта культурного наследия в случае недостаточно прозрачного регулирования между правовыми режимами состава зон охраны ОКН. Это может привести к из-

быточному наложению ограничений, что усложняет использования земель и может вызывать конфликт интересов между сохранением культурных ценностей и развитием городской инфраструктуры.

С целью эффективной хозяйственной деятельности в пределах территории зон охраны объектов культурного наследия необходимо понимание их функционального назначения и прозрачности правовых аспектов. Это позволит не только сохранить исторические памятники, но и обеспечить устойчивое развитие окружающих территорий.

Основная часть

В условиях стремительного развития городов и изменения ландшафта правовое регулирование зон охраны становится актуальной задачей, требующей комплексного подхода и учета современных вызовов.

Современные вызовы, такие как урбанизация, технологический прогресс и изменение климата, ставят перед правовыми институтами новые задачи в области охраны и использования культурных ценностей. Их сохранение и защита требуют конкретизированного правового регулирования, особенно в отношении зон охраны ОКН, которые призваны сохранять эти объекты в их исторической среде от негативного воздействия.

Важно отметить, что действующее Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (далее – Положение [1]) регламентирует процесс разработки, согласования и утверждения проектов, касающихся зон охраны объектов культурного наследия, которые включают памятники истории и культуры народов Российской Федерации. В рамках данного Положения определяются методики создания проектов объединенных зон охраны, а также устанавливаются требования к режимам использования земель в пределах этих зон. Кроме того, документ формулирует общие принципы для установления градостроительных регламентов, которые должны соблюдаться в границах указанных территорий. Эти мероприятия направлены на обеспечение сохранности культурного наследия при учете современных потребностей градостроительства и развития инфраструктуры. В действительности

Требования, изложенные в Положении о зонах охраны объектов культурного наследия, сталкиваются с рядом проблем в процессе их практической реализации. Эти вопросы обусловлены тем, что положения документа не учитывают изменения правового и иного характера, произошедшие в последние годы. В частности, развитие градостроительной политики, изменения в законодательстве и эволюция общественных приоритетов требуют пересмотра существующих норм. Недостаточная адаптация к современным условиям может приводить к конфликтам между необходимостью сохранения культурного наследия и потребностями развития городского пространства. Таким образом, возникает необходимость в пересмотре и корректировке некоторых аспектов Положения для обеспечения их соответствия актуальной си-

туации и эффективной защиты объектов культурного наследия.

Одной из ключевых проблем является неопределенность в классификации ОКН и отсутствие определенного перечня объектов, для которых зоны охраны не устанавливаются. Это создает правовой вакуум, в результате которого ОКН, обладающие специфическими характеристиками или выявленные объекты остаются уязвимыми перед хозяйственным освоением и градостроительной деятельностью. Установление критериев позволит определить, какие объекты требуют создания зон охраны, а какие могут обойтись без них.

Мнение научного сообщества, в частности, Авенина Л.В. и Мямина И.С., подчеркивает, что требование об установлении зон охраны к выявленному ОКН не предъявляется. Следовательно, до внесения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия сведений о подобном объекте он слабо защищен от негативного влияния в результате нового хозяйственного освоения прилегающих земельных участков и активной градостроительной деятельности [2, с. 51]. Либо рассмотреть возможность введения защитной зоны для объектов культурного наследия, с момента их выявления. Это позволит обеспечить охрану памятника на раннем этапе, минимизируя риски разрушения или утраты ценных характеристик, до момента установления правовых режимов объекта истории и культуры и границ его зон охраны.

Определение перечня ОКН, для которых зоны охраны не устанавливаются, связано с рядом факторов и обусловлены их особенностями и характером.

Во-первых, объекты, полностью скрытые в земле или под водой, такие как археологические находки, часто находятся в условиях, где стандартные меры охраны не применимы или избыточны. Их защита обычно осуществляется через специализированные археологические исследования и консервационные мероприятия.

Во-вторых, мемориальные квартиры, как правило, расположены в жилых зданиях и не требуют отдельной зоны охраны, так как их культурная ценность сосредоточена в интерьере и личных вещах, а не в окружающем пространстве.

Третий вид – произведения монументального искусства, для которых не требуется разрешение на строительство. Эти объекты зачастую имеют временный характер или расположены в местах, где их присутствие не нарушает существующую застройку и инфраструктуру.

Четвертый вид – объекты археологического наследия, которые обычно защищаются на уровне законодательства о раскопках и научных исследованиях, что делает установление зон охраны излишним.

Достопримечательные места и некрополи также выделяются в отдельные категории. Для них важнее сохранить общий контекст и атмосферу, чем устанавливать строгие границы охраны. Это же касается памятников и ансамблей в пределах та-

ких мест: их ценность определяется интеграцией в ландшафт или историческую среду.

Таким образом, необходимость установления зон охраны для указанных видов объектов отсутствует по причине их уникальных характеристик и существующих альтернативных механизмов защиты.

Следующим, не менее важным моментом, является отсутствие регламентации порядка, с указанием параметров утверждения границ территорий, а также критерии определения предметов охраны ОКН. Это касается, как включенных в реестр объектов, так и выявленных, расположенных в пределах зон охраны. Отсутствие конкретизации в этих вопросах, до утверждения зон охраны ОКН создает правовую неопределенность и приводит к конфликтам интересов и юридическим спорам.

В действующей редакции Положения любое лицо может инициировать разработку проекта зон охраны ОКН, что создает риск злоупотреблений правом использования данного механизма. Необходимо определить перечень лиц, имеющих право на подачу заявления о выдаче решения о разработке проекта зон охраны. Это позволит ограничить круг инициаторов и повысить ответственность за предлагаемые изменения, а также улучшить процесс согласования и обсуждения проектов с учетом мнения заинтересованных сторон.

В соответствии со ст. 34 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» необходимый состав зон охраны объекта культурного наследия определяется проектом зон охраны объекта культурного наследия и далее принимается решения об установлении, изменении зон охраны объектов культурного наследия, в том числе объединенной зоны охраны объектов культурного наследия [3].

Отсутствие стадии принятия решения уполномоченным органом охраны объектов культурного наследия о разработке проекта зон охраны приводит к ряду проблем. Во-первых, уполномоченный орган оказывается лишённым информации о разрабатываемых проектах зон охраны, что затрудняет координацию действий между различными государственными и муниципальными структурами, а также усложняет осуществление надлежущего контроля. Во-вторых, это приводит к недостаточной информированности заинтересованных сторон о планируемых изменениях в правовых режимах зон охраны и их возможных последствиях. Таким образом, отсутствие данного этапа негативно сказывается на эффективности управления охраной культурного наследия.

Пробелы существуют в правовом регулировании вопросов с установлением предельных параметров зон охраны ОКН. Так, в Положении не определено установление предельных размеров зон охраны ОКН, отсутствует и их порядок. Это может привести к произвольному определению размеров зон, что, в свою очередь, затрудняет планирование и реализацию мероприятий государ-

ственной охраны. При определении предельных размеров зон охраны ОКН важно учитывать необходимость предотвращения негативного техногенного воздействия, а также сохранения историко-градостроительной и природной среды, включая композиционно-видовые связи и панорамы. Однако в текущем правовом регулировании остается неурегулированным вопрос о том, как действовать в случаях, когда историческая среда объекта полностью утрачена, или когда отсутствуют его композиционные связи с окружающей застройкой. В таких ситуациях границы зоны охраны должны определяться исходя из замкнутого контура, который формируется линиями, соединяющими контуры ближайших зданий и сооружений. Этот контур должен обеспечивать визуальное восприятие объекта культурного наследия в контексте его историко-градостроительной и природной среды, несмотря на утрату первоначальных связей.

В соответствии с абзацем 3 части 3 статьи 34 Федерального закона № 73-ФЗ [3], зоны охраны объектов культурного наследия (ОКН) утрачивают свою значимость автоматически при исключении ОКН из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (ЕГРОКН), без необходимости принятия дополнительного решения. В связи с этим возникает необходимость законодательно закрепить конкретные основания для прекращения существования зон охраны ОКН. К таким основаниям следует отнести: исключение ОКН из ЕГРОКН и установление новой зоны охраны, взамен ранее установленной для соответствующего ОКН.

Необходимо обратить внимание на пробел в правовом регулировании ситуаций, требующих обязательного утверждения объединённой зоны охраны ОКН. Несмотря на то, что законодательство предусматривает возможность создания таких зон, чтобы сохранить несколько объектов культурного наследия в их исторической среде, оно не устанавливает обязательности их утверждения. Объединенная зона охраны ОКН формируется, когда между объектами культурного наследия существуют композиционные и/или видовые связи, либо они расположены в непосредственной близости друг от друга. Это обстоятельство подчеркивает необходимость разработки нормативных положений и введения обязательного порядка утверждения подобных зон, при наличии композиционных и (или) видовых связей между ОКН и (или) их территориально близком расположении.

Кроме того, согласно абз. 2 п. 21 Положения изменение объединенной зоны охраны, в том числе ее границ, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон, осуществляется путем корректировки только в случае отнесения объекта недвижимого имущества, расположенного в пределах территории объединенной зоны охраны объектов культурного наследия, к памятникам истории и культуры [1]. Необходимо конкретизировать основания для изменения объединенной зоны охраны ОКН (корректировки):

- отнесение объекта, расположенного в границах объединенной зоны охраны, к ОКН, выявленным ОКН;
- изменение (утверждение) предмета охраны ОКН в части облика и объемно-планировочных решений ОКН, границ территории объекта культурного наследия, выявленного ОКН;
- исключение ОКН, расположенного в границах объединенной зоны охраны ОКН, из ЕГРОКН;
- перемещение ОКН;
- исключение выявленного ОКН, расположенного в границах объединенной зоны охраны ОКН, из перечня выявленных ОКН.

Такие меры способствовали бы комплексной защите культурных ценностей, обеспечивая сохранение их историко-культурного контекста и взаимосвязей ОКН.

В настоящее время пробелы в правовом регулировании приводит к недостаточной защите объектов, находящихся в непосредственной близости друг к другу.

В Положении о зонах охраны ОКН наблюдается недостаточная конкретизация принципов установления особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам. В частности, пункты 9, 10 и 11 данного документа [1] содержат нормы, которые формулируют общие требования к использованию земель и градостроительным регламентам в пределах охранной зоны, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности, а также зоны охраняемого природного ландшафта. Однако, как отмечают авторы Аверин Л.В. и Мямин И.С., дифференциация общих требований в зависимости от вида зон охраны условна и не в полной мере отражает принципы и задачи сохранения исторического градостроительного окружения ОКН [2, с. 53]. Это не в полной мере отражает принципы и задачи, направленные на сохранение исторического градостроительного окружения объектов культурного наследия и приводит к правовой неопределенности применения норм законодательства на практике. В результате, органы местного самоуправления и застройщики сталкиваются с трудностями при определении видов разрешенного использования земельных участков, что может негативно сказаться на сохранности объектов культурного наследия и их окружения.

В Положении о зонах охраны ОКН отсутствует исчерпывающий перечень предельных показателей градостроительных регламентов, которые могут быть установлены в границах данных зон. Это создает дополнительные сложности в планировании и реализации градостроительных проектов, поскольку отсутствие определенных предельных размеров затрудняет учет специфики охраняемых объектов.

Для обеспечения более эффективной охраны культурного наследия необходимо разработать и установить дополнительный перечень показателей градостроительного регламента, которые мо-

гут быть применены в зонах охраны объектов культурного наследия.

Градостроительные регламенты в пределах зон охраны должны включать такие предельные параметры разрешенного строительства и реконструкции объектов капитального строительства, как максимальная высота зданий и сооружений, а также максимальный процент капитальной застройки (наземная часть) земельного участка.

Заключение

Таким образом, недостатки правового регулирования зон охраны объектов культурного наследия, предусмотренные Положением о зонах охраны, требуют внимания со стороны законодателей и органов власти. Необходимость создания прозрачных процедур, а также определение критериев для различных аспектов охраны объектов культурного наследия является актуальной задачей для обеспечения эффективного управления и защиты культурного наследия. Важно, чтобы правового регулирования в этой области было адаптировано к современным условиям и обеспечивало баланс между сохранением историко-культурного потенциала и развитием территорий.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 № 972 (ред. от 20.10.2021) «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации»
2. Аверина Л.В., Мямина И.С. Проблемы установления зон охраны объектов культурного наследия и пути их решения//Имущественные отношения в РФ № 4 (199) 2018
3. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CULTURAL HERITAGE PROTECTION ZONES: MODERN CHALLENGES

Kuryakova V.F.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

This article analyzes the legal regulation of zones for the protection of cultural heritage objects (hereinafter – OKN) in the Russian Federation, as provided for by the relevant Regulation “On Approval of the Regulations on Zones for the Protection of Cultural Heritage Objects (historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation and on invalidation of certain provisions of regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation”.

The study reveals the shortcomings of regulatory regulation, including uncertainty at the stage of decision-making by the authorized body for the protection of cultural heritage sites on the development of a draft protection zones, indicating the parameters for approving the boundaries of territories, as well as criteria for determining the objects of protection of windows. Special attention is paid to the problems associated with the establishment of limit parameters for integrated protection zones, an exhaustive list of limit indicators of urban planning regulations that can be established within the boundaries of these zones, which can negatively affect the preservation of the historical environment of objects. The author emphasizes the importance of establishing window protection zones as a tool to ensure the protection and preservation of cultural and historical values in the conditions of modern urban planning. The article focuses on the need to improve legal regulation for more effective conservation of cultural heritage objects in their historical context.

The problems associated with the lack of specification in the norms of the Regulations on the protection zones of windows, in terms of the general principles of establishing special land use regimes and requirements for urban planning regulations, are analyzed.

The existing shortcomings in the legal regulation of window protection zones need careful consideration and elaboration by legislators and authorities. It is important to develop procedures that will take into account modern conditions and ensure a harmonious balance between the preservation of historical and cultural potential and the sustainable development of territories. This will not only protect cultural heritage, but also contribute to the effective use of spatial potential in the interests of society.

Keywords: the territory of cultural heritage objects, the legal regime of the zones of protection of the cultural heritage object, the security zone, the zone of regulation of development and economic activity, the zone of protected natural landscape, the regime of land use, the approval of borders, the limit parameters of the protection zones, the combined protection zone of the window.

References

1. RF Government Resolution of 12.09.2015 No. 972 (as amended on 20.10.2021) “On Approval of the Regulation on the Protection Zones of Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation and on Recognizing as Invalid Certain Provisions of Regulatory Legal Acts of the Government of the Russian Federation”
2. Averina L.V., Myamina I.S. Problems of Establishing Protection Zones for Cultural Heritage Sites and Ways to Solve Them// Property relations in the RUSSIAN FEDERATION No. 4 (199) 2018
3. Federal Law of 25.06.2002 No. 73-FZ (as amended on 08.08.2024) “On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation”

Землеустроительное обеспечение реосвоения заброшенных сельхозугодий: правовой аспект

Липски Станислав Анджеевич,

д.э.н., доцент, врио проректора по научной работе, заведующий кафедрой аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»
E-mail: lipski-sa@yandex.ru

Землеустройство находится на развилке своего дальнейшего развития. Причем ближайшие год-два в зависимости от того, как поступит федеральный законодатель, этот вопрос решится, что неизбежно скажется и на смежных сферах. В статье рассмотрен ход работы над новой редакцией соответствующего закона, а также подходы Госуниверситета по землеустройству к решению этого вопроса. Затягивание с принятием этой новой редакции чревато усугублением как ряда проблем в сельхозземлепользовании, таких как забрасывание ранее освоенных продуктивных сельхозугодий и выделение в участки невостребованных земельных долей, которые с 2025 г. окончательно перейдут к муниципалитетам (а те обязаны оперативно формировать из них участки). На предстоящую актуализацию законодательной базы землеустройства Университет намерен ориентировать и образовательный процесс.

Ключевые слова: земельные участки, сельскохозяйственные угодья, законодательство, землеустройство.

В статье, опубликованной ранее¹, нами были рассмотрены меры правового характера, обеспечивающие реализацию Госпрограммы вовлечения в оборот заброшенных земель сельхозназначения (в целом по стране площадь неиспользуемых сельхозземель сейчас более 43 млн га (11,4% всех земель данной целевой категории), а практически по всем регионам наблюдается сокращение площадей земель сельхозназначения²).

В заключительной части той статьи отмечено, что среди первоочередных мер по усовершенствованию правового механизма, обеспечивающего реализацию этой госпрограммы скорейшее принятие новой редакции Федерального закона «О землеустройстве»³ (далее – Закон о землеустройстве). Данная статья по своей сути является развитием и конкретизацией этого тезиса. Также после выхода указанной статьи в ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» состоялась Международная научно-практическая конференция «Землеустроительное обеспечение сохранения в обороте земель сельскохозяйственного назначения и реосвоение заброшенных угодий: организационно-правовой аспект», целью которой стало обсуждение дискуссионных вопросов, связанных с тенденциями и проблемами в сфере оборота и реосвоения земель сельхозназначения и, главное, – с правовой базой обеспечивающего это землеустройства.

Переходя непосредственно к данному вопросу важно указать, что Главой государства четко поставлена задача увеличить к 2030 году по сравнению с уровнем 2021 года: 1) объем производства продукции АПК не менее чем на 25%; 2) экспорт агропродукции не менее чем в полтора раза⁴.

Это требует не только новых сортов и технологий, но и более эффективного использования

¹ Липски С.А. Меры правового характера, обеспечивающие реализацию Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации. // Юридическая наука, 2024, № 10, с. 72–77.

² Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 году. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2023. – 372 с.; Волков С.Н., Хлыстун В.Н. и др. Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2018. – 344 с.

³ Федеральный закон от 18 июня 2001 года № 78-ФЗ «О землеустройстве» (с послед. доп. и изм.) // Рос. газ. – 2001–23 июн.

⁴ Пп. г) п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Рос. Газ. – 2024–11 мая.

в АПК главного средства сельхозпроизводства – земельных ресурсов, и как раз реосвоения таких сельхозугодий, которые в ходе реформирования земельных отношений на рубеже XX в. – XXI в. оказались заброшены. Причем развитие экспортной составляющей предъявляет дополнительные требования к условиям производства поставляемой за рубеж продукции (органическое земледелие, недопущение роста нагрузки на окружающую среду – карбоновое земледелие), также нужно оценить пригодность тех или иных земель под выращивание экспортно-ориентированной сельхозпродукции, организовать рациональное перераспределение (реосвоение) этих земель.

Ключевой инструмент решения этих – землеустройство¹. Не случайно действующий Закон о землеустройстве был принят даже раньше, чем федеральный Земельный кодекс² (в условиях так называемой пробельности федерального земельного законодательства³). Да и федеральное Правительство именно совершенствование землеустройства определило в качестве одного из основных направлений госполитики в области управления земельным фондом⁴. Причем относительно направлений такого совершенствования за минувшие 5–6 лет выдвинуты альтернативные варианты, процедурно все они достаточно проработаны, и для их анализа имеются практически завершённые в разработке законопроекты (формализованные с достаточной степенью завершенности) – варианты новой редакции Закона о землеустройстве. Однако окончательного варианта его новой редакции все еще нет, тогда как эта неопределённость, в свою очередь, сказывается не только на ходе реализации различных федеральных программ, но и проявляется в том, что многие из регулирующих землеустройство региональных законов, принятых раньше федерального Закона о землеустройстве, затем пришлось корректировать и даже отменять.

Это сильно мешает, так как к настоящему времени действуют отнюдь не все ключевые положения изначальной редакции Закона о землеустройстве. Причем особенность трансформации этого Закона (в сравнении с большинством других, ре-

гулирующих земельные вопросы, также во многом измененных со временем) заключается в том, что все вносимые в него изменения были «в одну сторону» – исключение из него тех либо иных видов работ, документов и требований к ним (тогда как для других, также действующих длительный срок, в той или иной мере выдерживается баланс – что-то также исключается, но при этом они дополняются и чем-то новым).

То есть новая редакция становится не столько регулятором текущих землеустроительных работ, сколько обозначением вектора дальнейшего развития отечественного землеустройства.

В этой связи уместно напомнить, как шла работа над этой редакцией и почему этот процесс оказался так затянут. Ее первый вариант был разработан и представлен для обсуждения в 2018 г. еще федеральным Минэкономразвития (это ведомство тогда регулировало вопросы землеустройства, наряду со всем комплексом земельных отношений). Однако профессиональное сообщество его отвергло.

Так, представители землеустроительной школы Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Сулин М.А., Павлова В.А. и Ефимова Г.А.⁵) оценивая этот вариант, указали, что в настоящее время недостаточно полно и эффективно используются сложившиеся за последнее столетие механизмы, включающие теорию и практику проведения сложных, но необходимых государству работ по изучению и оценке состояния земель, формированию и межеванию землевладений, внутрихозяйственному землеустройству сельхозпредприятий и ряду других весьма востребованных в прошлом работ. Они убеждены, что землеустройство и впредь должно сохранить статус госмероприятия, аргументируя это тем, что без земельного участка нельзя начать строительство зданий и сооружений, невозможно организовать производство каких-либо материальных благ. Процесс труда в производственных и непроизводственных сферах обычно начинается с земли как территориальной основы. Без земли одинаково невозможно развитие сельского хозяйства, транспорта, промышленности, строительство городов и иных объектов инфраструктуры. Разница состоит лишь в том, насколько активную или пассивную роль выполняет земля. Именно государственный характер землеустроительных мероприятий гарантирует постоянный контроль за распределением земельных ресурсов, стабильность землепользования и систему организации использования земельного фонда страны по единому утвержденному законодательством плану. Тогда как принятие предложенного Минэкономразвития варианта законопроекта о землеустройстве, по их мнению, приведет к разрушению прежней системы землеустройства, потере государственного статуса землеустроительных меро-

¹ Мисник Г.А. Землеустроительное проектирование в правовом механизме охраны земель. // Аграрное и земельное право. 2018. № 4 (160). С. 52–56.; Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель: Монография / под научн. ред. В.Н. Хлыстуна и А.А. Мурашевой. – М.: ФГБОУ ВО ГУЗ, 2020. – 568 с.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (с послед. дополн. и изм.). // Рос. газ. – 2001–30 окт.;

³ Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.; Волков С.Н., и др. Землеустроительное обеспечение вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2022, № 3, С. 220–225.

⁴ См. подробнее: Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: монография. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2020–296 с.

⁵ Сулин М.А., Павлова В.А., Ефимова Г.А. Землеустройство как механизм реализации государственной земельной политики. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2019, № 4, С. 42–50.

приятый, а также к разрушению территориальной платформы социально-экономического развития.

Рогатневым Ю.М. (Омский государственный аграрный университет)¹ было указано на ошибочность ограничения землеустройства только сельхозсферой, поскольку признанным объектом его деятельности является земля в совокупности ее свойств. Именно комплексное восприятие земли отличает землеустройство от других мероприятий, в той или иной степени ее затрагивающих. Он же отмечает, что к настоящему времени коренным образом изменилась ситуация с субъектами землеустройства (законопроект относил к ним только лиц, имеющих отношение к соответствующим земельным участкам). Тогда как объект землеустройства сложен и заинтересованными в нем являются также собственники земельных долей, и расположенных на участке ОКС, ведомства по профилю которых введены публичные ограничения и обременения. Государство и муниципалитет (через уполномоченный орган), частный собственник, пользователь (непосредственно) являются участниками землеустройства, которое может быть обязательным (государственным, муниципальным) или инициативным (частным). Вариант же Минэкономразвития России этого не учитывал. Также, по его мнению, к числу участников следовало бы отнести разработчиков проекта и организации, осуществляющие реализацию землеустроительных мероприятий, а систему взаимоотношений всех участников в процессе осуществления землеустройства дополнительно проработать.

Что касается непосредственно сельхозземлепользования, то его основными целями, а значит, и целями землеустройства по мнению Омской землеустроительной школы должны быть признаны: 1) сохранение, восстановление и развитие свойств земли как незаменимого природного ресурса сельского хозяйства; 2) обеспечение системой землепользования (методами землеустройства) решения всех задач устойчивого, развивающегося и эффективного производства сельхозпродукции; 3) формирование и обеспечение устойчивости земельно-имущественного комплекса как экономического территориального каркаса сельхозпроизводства.

Представителями Донского государственного технического университета (Чешев А.С., Поляков В.В.²) было указано на то, что вариант Минэкономразвития России не соответствует реальной действительности в области обустройства участков с точки зрения их эффективного и рационального использования.

Изложение аналогичных оценок можно продолжить, но, главное, что практически никто из про-

фессионалов вариант федерального Минэкономразвития не поддержал по причине того, что его положения не соответствовали ни прежней многовековой практике отечественного землеустройства, ни передовому зарубежному опыту, ни текущим запросам различных сфер экономики страны и регионов, ни сложившимся за постсоветский период нормам регионального законодательства о землеустройстве. Впрочем, сам факт разработки новой редакции Закона на смену принятым четверть века назад положениям (да еще и в значительной мере позже урезанным) позитивен.

После реформы федерального Правительства, прошедшей в начале 2020 г. бал анонсирован новый вариант законопроекта, теперь уже – от Росреестра (к нему перешло курирование ранее закрепленного за Минэкономразвития земельного блока), который отличался от предыдущего весьма незначительно.

Отрицательное отношение большей части землеустроителей к вариантам Минэкономразвития России (2018) и Росреестра (2020) привело к инициативе разработать «свой» законопроект – от профессионального сообщества (во всяком случае – от его большинства), выразителем интегрированного мнения которого стал Государственный университет по землеустройству (ГУЗ), а результатом работы – Вариант ГУЗа (2020)³.

Работа на ГУЗовском варианте была завершена к маю 2020 г. После чего он был опубликован⁴ и направлен для последующего обсуждения и использования в работе в различные структуры (заинтересованные ФОИВ, профильные комитеты Государственной Думы, Совета Федерации). Впрочем, в определенной мере Вариант ГУЗа (2020) разрабатывался лишь в качестве альтернативы вариантам Минэкономразвития России (2018) и Росреестра (2020) – чтобы лишь показать возможность иного законодательного пути дальнейшего развития землеустройства в стране – без особых надежд на его реализацию в качестве основного варианта. Однако осенью 2021 г. федеральным Правительством был переопределен головной исполнитель разрабатываемого с 2018 г. законопроекта (от ФОИВ и, соответственно, – от Правительства) – вместо Росреестра им стал Минсельхоз России⁵, который принял за основу своей позиции⁶ именно Вариант ГУЗа.

К настоящему времени именно вариант федерального Минсельхоза становится основным и консолидирующим.

Затягивание с принятием новой редакцией Закона о землеустройстве чревато усугублением как минимум двух проблем.

¹ Рогатнев Ю.М. Содержание землеустроительных мероприятий в системе современного земельного строя России в связи с новым законопроектом «О землеустройстве». // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2019, № 4, С. 51–58.

² Чешев А.С., Поляков В.В. Землеустройство как инструмент управления земельными ресурсами страны. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2019, № 4, С. 63–66.

³ Федеральный закон «О землеустройстве» (проект). Под ред. академика РАН С.Н. Волкова. – М.: ГУЗ, 2020. – 144 с.

⁴ Федеральный закон «О землеустройстве» (проект). Под ред. академика РАН С.Н. Волкова. – М.: ГУЗ, 2020. – 144 с.

⁵ Согласно поручению Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № ВА-П11–15058

⁶ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=126300>.

Во-первых, согласно официальным данным в 2022 г. по стране в целом заброшенными были 45 млн га земель сельхозназначения (12,9% от общей площади этой категории земель)¹ [5]. Для решения этой проблемы даже принята специальная Госпрограмма – к 2030 г. порядка 13 млн га должны быть возвращены в сельхозпроизводство. Но без землеустроительного обеспечения имеется ряд рисков в реализации этой программы (невывявления заброшенных земель, сложность доказывания в судах, опасность не найти покупателя/арендатора или то, что он также повторит негативный опыт хозяйствования). Решить все это и должно землеустройство: 1) регулярные инвентаризации и обследования земель; 2) четкие, убедительные для судов землеустроительные решения/предписания; 3) экономически обоснованные, увязанные с запросами рынка и возможностями агрохозяйств – собственников/арендаторов участков, выгодные им проектные разработки.

Во-вторых, с 2025 г. все невостребованные земельные доли переходят в собственность муниципалитетов и в сжатый срок (1 год) должны быть выделены в участки. За 2011–2024 гг. были выявлены и выделены в участки половина таких долей. Безучастия землеустроителей выполнить эту работу не удастся либо участки будут сформированы «на скорую руку», не оптимально по конфигурации и площадям, что вызовет пролонгированные негативные последствия для обеспечения рациональности сельхозземлепользования.

Полагаем, что новая редакция федерального закона о землеустройстве должна предусматривать:

землеустроительные меры окончательного и экономически обоснованного и организационно реализуемого характера по решению проблем заброшенных и невостребованных угодий, в т.ч. реализацию соответствующей госпрограммы (реосвоение 13 млн га; а по ее завершении за счет наработанных и легко масштабируемых технологий вовлечение в хозоборот к 2040 г. еще порядка 30 млн. га);

определение через землеустроительные схемы (генеральную – всей страны, региональные, местные) и сельхозрегламенты правил сельхозземлепользования, что позволит более четко регламентировать процесс землепользования в АПК и повысить его эффективность;

увязать организацию использования сельхозугодий с текущей повесткой в сельхозземлепользовании – комплексное развитие сельских территорий, технологии карбонового земледелия (университет разрабатывает теорию и методы карбонового землеустройства), применение no-til технологий;

осуществлять легальную, экономически и экологически обоснованную трансформацию сельхозугодий, в т.ч. и в целях более полного реосвоения заброшенных земель;

¹ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 году. – М.: Росинформагротех, 2023. – 384 с.

проинвентаризировать и поставить на кадастровый учет земельных участков (всего порядка 110 млн и иных объектов, связанных с землей, из них 53 млн. в сельской местности;

расширить сферы применения цифровых землеустроительных и кадастровых решений.

Университет намерен активно участвовать в реализации всех этих мер, которые по нашим подсчетам, позволят:

наработать технологии и методику подготовки землеустроительных проектов для всех агрохозяйств (разных масштаба и типов), а также непосредственно выполнить силами ученых и преподавателей Университета пилотные проекты (ожидаемый ежегодный доход: 110–120 млн рублей);

разработать легко масштабируемую технологию проектирования карбоновых полигонов и развития органического земледелия (ожидаемый ежегодный доход: 30 млн рублей)

обеспечить сопровождение Госпрограммы вовлечения земель в оборот (ожидаемый ежегодный доход: 50 млн рублей);

актуализировать методические рекомендации по установлению границ и выполнить по этой методике работы в 3–4 регионах (ожидаемый ежегодный доход: 20 млн рублей).

На это Университет намерен ориентировать и образовательный процесс. В частности, уже с 2024–2025 учебного года согласно программе развития ВУЗа² открыты новые направления и профили подготовки землеустроителей: судебная землеустроительная экспертиза, инженер защиты грунта, лесовосстановление и агролесомелиорация. На это же следует ориентировать и все ВУЗы, входящие в федеральный учебно-методический совет «Землеустройство и кадастры», – это 116 отечественных университетов и академий и более десятка зарубежных.

Литература

1. Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.
2. Волков С.Н., и др. Землеустроительное обеспечение вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2022, № 3, С. 220–225.
3. Волков С.Н., Хлыстун В.Н. и др. Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2018. – 344 с.
4. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Россий-

² Программа развития ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» на 2022–2030 годы / Колл. авторов. – 3-е изд-е, перераб. и доп. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2023. – 156 с.

ской Федерации в 2022 году. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2023. – 372 с.

5. Липски С.А. Меры правового характера, обеспечивающие реализацию Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации. // Юридическая наука, 2024, № 10, с. 72–77.
6. Мисник Г.А. Землеустроительное проектирование в правовом механизме охраны земель. // Аграрное и земельное право. 2018. № 4 (160). С. 52–56.
7. Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель: Монография / под научн. ред. В.Н. Хлыстуна и А.А. Мурашевой. – М.: ФГБОУ ВО ГУЗ, 2020. – 568 с.
8. Рогатнев Ю.М. Содержание землеустроительных мероприятий в системе современного земельного строя России в связи с новым законопроектом «О землеустройстве». // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2019, № 4, С. 51–58.
9. Сулин М.А., Павлова В.А., Ефимова Г.А. Землеустройство как механизм реализации государственной земельной политики. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2019, № 4, С. 42–50.
10. Федеральный закон «О землеустройстве» (проект). Под ред. академика РАН С.Н. Волкова. – М.: ГУЗ, 2020. – 144 с.
11. Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М.: ГУЗ, 2020. – 296 с.
12. Чешев А.С., Поляков В.В. Землеустройство как инструмент управления земельными ресурсами страны. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель, 2019, № 4, С. 63–66.

LAND MANAGEMENT SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF ABANDONED FARMLAND: A LEGAL ASPECT

Lipski S.A.

University of Land use Planning

Land use planning is at the fork of its further development. Moreover, in the next year or two, depending on how the federal legislator will arrive, this issue will be resolved, which will inevitably affect related areas. The article considers the progress of work on the new edition of the relevant law, as well as the approaches of the State University of Land Use Planning to solving this issue. The authors point out that delaying the adoption of this new version is fraught with aggravation of a number of problems in agricultural land use, such as the abandonment of previously developed productive farmland and the allocation of unclaimed land shares to plots, which from 2025 will finally pass to municipalities (and those are obliged to promptly land plots from them). The University intends to orient the educational process towards the upcoming updating of the legislative base of land use planning.

Keywords: land plots, agricultural land, legislation, land use planning.

References

1. Adamenko A.P. et al. Actual problems of business, corporate, environmental and labor law: monograph. – М.: RG-Press, 2019. Vol. 2. – 608 p.
2. Volkov S.N., et al. Land management support for the involvement of unused agricultural lands in circulation. // International Agricultural Journal, 2022, No. 3, pp. 220–225.
3. Volkov S.N., Khlystun V.N. et al. The main directions of agricultural land use in the Russian Federation for the future. – М.: State University of Land Management. 2018. – 344 p.
4. Report on the state and use of agricultural lands of the Russian Federation in 2022. – М.: FGBNU “Rosinformagrotech”, 2023. – 372 p.
5. Lipskiy S.A. Legal measures ensuring the implementation of the State Program for the effective involvement of agricultural land into circulation and the development of the melioration complex of the Russian Federation. // Legal science, 2024, No. 10, pp. 72–77.
6. Misnik G.A. Land management design in the legal mechanism of land protection. // Agrarian and land law. 2018. No. 4 (160). P. 52–56.
7. Organizational and economic mechanisms for the involvement in circulation, use and protection of agricultural land: Monograph / edited by V.N. Khlystun and A.A. Murasheva. – М.: FGBOU VO GUZ, 2020. – 568 p.
8. Rogatnev Yu.M. The content of land management activities in the system of the modern land system of Russia in connection with the new bill “On land management”. // Land management, cadastre and land monitoring, 2019, No. 4, pp. 51–58.
9. Sulin M.A., Pavlova V.A., Efimova G.A. Land management as a mechanism for implementing state land policy. // Land management, cadastre and land monitoring, 2019, No. 4, pp. 42–50.
10. Federal Law “On Land Management” (draft). Ed. by Academician of the Russian Academy of Sciences S.N. Volkov. – М.: GUZ, 2020. – 144 p.
11. Khlystun V.N. et al. Legal aspects of involving unused and unclaimed agricultural lands in economic circulation: Monograph. – М.: GUZ, 2020. – 296 p.
12. Cheshev A.S., Polyakov V.V. Land management as a tool for managing the country's land resources. // Land management, cadastre and land monitoring, 2019, No. 4, pp. 63–66.

Решение о выпуске цифровых финансовых активов: проблемы и практика юридической конструкции

Матей Евгений Викторович,

аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: eugenymatei@gmail.com

Статья посвящена анализу правовых и практических аспектов выпуска цифровых финансовых активов (ЦФА) в контексте частных и публичных интересов. Автор рассматривает подходы к содержанию решения о выпуске ЦФА, роль операторов информационных систем в обеспечении прозрачности рыночного обращения ЦФА. Особое внимание уделяется кредитному скорингу эмитентов для защиты интересов инвесторов, важности баланса между частными и публичными интересами в правовом регулировании. Также, в статье поднимается вопрос возможности проведения не только кредитного скоринга эмитента, но и иного, например, на соответствие ESG-принципов. Автор подчеркивает проблему ясности и простоты решений о выпуске ЦФА и ее решение с помощью новой юридической конструкции документа: наличие общей (статической) и уникальной (динамической) частей решения о выпуске ЦФА.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы (ЦФА); скоринг эмитентов цифровых финансовых активов (ЦФА); финансово-правовые ограничения; юридическая конструкция; публичный и частный интерес.

Рынок обращения ЦФА включает в себя три основные группы рыночных участников. В терминологии закона о ЦФА таковыми являются операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (операторы ИС), первые обладатели, последующие обладатели. Для наибольшего отражения практико-ориентированного подхода далее будем использовать понятия, которые повсеместно используются в локальных актах операторов ИС: эмитенты – лица, осуществляющие выпуск ЦФА (первые обладатели), инвесторы – лица, осуществляющие приобретение ЦФА (последующие обладатели).

Решение о выпуске ЦФА является одним из основных документов для всех субъектов правоотношений в сфере обращения ЦФА. Закон о ЦФА, принимая во внимание другие структурные единицы нормативного акта, в статье 3 содержит закрытый перечень требований, предъявляемых к содержанию решения о выпуске. Их условно можно разделить на три группы. К первой относятся наиболее различительные для инвесторов – сведения об эмитенте индивидуальном предпринимателе или юридическом лице. Потенциальный инвестор, обладая информацией об эмитенте, может беспрепятственно найти сведения о его коммерческом опыте, деловой репутации и имущественном положении в публичных реестрах и системах, его сайте и иных страницах в интернете.

Важной проблемой, по мнению автора, в этом аспекте является реверанс в пользу крупного бизнеса и критика операторов ИС за отсутствие скоринга эмитентов. Противовесом в этой позиции является точка зрения С.Т. Адамянц, которая отмечает, что в научной литературе выделяется проблема, основанная на феномене юридикации: «право начинает регламентировать, формализовать те сферы жизнедеятельности общества, равно как и активность участников общественных отношений, которая традиционно находилась вне сферы государственно-правового воздействия» [1, с. 89]. Следует обратить внимание, что рынок ЦФА является перспективным для малого и среднего бизнеса, чьи интересы по привлечению финансирования находят отклик со стороны операторов ИС и инвесторов [4]. В поиске баланса интересов в необходимости скоринга лиц, потенциально выпускающих ЦФА, предпочтительно выделить два существующих аспекта:

– каждый инвестор принимает кредитный риск эмитента и несет имущественные последствия в случае его дефолта. Операторы ИС публикуют в открытом доступе уведомления о рисках,

связанных с общими рисками инвестирования в ЦФА и в отношении конкретного решения о выпуске. Операторы ИС заинтересованы в полном выполнении эмитентом своих обязательств, так как диспропорция соотношения спроса и предложения в обращении ЦФА у определенного оператора увеличивает его рыночный риск.

- операторы ИС в целях обеспечения устойчивого развития и отражения ESG-процессов могут направить скоринг на отражение экологических, социальных ценностей и культуры мотивации сотрудников. Например, проект «Цифровой инвестор» ПАО ГМК Норильский никель [7].
- Отражение названных аспектов является видением автора на отсутствие необходимости в юрисдикции проблемы скоринга, так как каждый оператор ИС находится в условиях поиска возможностей для усиления рыночных позиций: удобство и доступность продукта; формирование предложения с позиции уникальных решений; привлечение клиентов головной организации в обращении ЦФА. Аналогично, эмитент так же находится в условиях конкуренции и может в решении о выпуске установить ограничение своей ответственности перед инвесторами. Например, обозначить максимальный размер ответственности или установить, что эмитент несет ответственность только в зоне своего разумного контроля. Такое указание в решении о выпуске имеет вес при принятии потенциальным инвестором намерения о приобретении ЦФА и может быть аргументом в маркетинговой кампании выпуска.

Вторая группа условно включает в себя следующие требования, которые составляют инвестиционную составляющую выпуска ЦФА, иными словами, уникальные параметры выпуска: вид и объем прав, удостоверяемых выпускаемыми ЦФА; количество выпускаемых ЦФА; условия признания выпуска состоявшимся; цена приобретения; даты начала и окончания размещения. Эмитент при подписании решения о выпуске обязательно указывает названные сведения и обозначает о неприсоединении к общим условиям решения о выпуске в соответствующей части при необходимости.

Сведения об операторе ИС, в которой выпускаются ЦФА, указание на использование смарт-контракта, а также общие условия признания выпуска состоявшимся, ограничения оснований или размера ответственности эмитента, досрочного погашения по требованию эмитента или инвестора составляют третью группу требований. Эмитент присоединяется к этим условиям выпуска, если иное не определено в решении о выпуске.

Разделение требований, предъявляемых к решению о выпуске на общие и уникальные условия, создает новое видение правовой конструкции. Суммарно, правовой эффект позволяет:

- оценивать риски и факторы инвестиционной привлекательности;
- привлекать инвесторов за счет снижения когнитивного искажения (склонность к подтверж-

дению своей точки зрения) и акцентирования внимания на наиболее подходящие ЦФА-продукты.

Исходя из названного, далее следует обратить внимание на правовые подходы и выявить легальные ограничения к содержанию юридической конструкции решения о выпуске ЦФА.

Как отмечено ранее, рассмотренные группы требований Закона о ЦФА, находят свою практическую реализацию в решении о выпуске. Целью этого документа является создание юридической конструкции, которая соответствует частно-правовым и публично-правовым нормам. Банк России неоднократно отмечал, что убытки в результате инвестиций приводят к снижению доверия к финансовым институтам и ЦФА в том числе [3]. Правовая конструкция, разделяющая решение о выпуске на общую и уникальную части, связана с языковыми особенностями. Как отмечает Н.И. Хабибулина, важным требованием официально-делового стиля изложения правовых актов является ясность и простота языка [1, с. 92]. Этот подход применим и к разработке документов, которые регулируют обращение ЦФА.

Юридическая конструкция решения о выпуске с точки зрения эмитента и инвестора представляет наибольший интерес с позиции гносеологической, интерпретационной и нормативной функций. Анализ существующей практики позволяет сделать вывод о недостаточном внимании операторов ИС к логичности и простоте решений о выпуске ЦФА.

Обобщая названное, следует отметить смысл и пользу статической и динамической частей решения о выпуске. Статическая часть – общие условия решения о выпуске содержат неизменяемую информацию, обеспечивают стабильности и правовую ясность. Это особенно важно для интерпретации документа эмитентами и инвесторами. Динамическая часть – уникальные условия решения включают изменяемую информацию и позволяют адаптировать общие условия к изменяющимся обстоятельствам без необходимости отражения условий, которые не изменились. Однако, такой подход, несмотря на кажущуюся ясность и простоту необходимо рассматривать с позиции сущности требований, предъявляемых к решению о выпуске: позволяет ли такая правовая конструкция защищать публичный и частный интересы? Существует ли дисбаланс?

Актуальность обозначенной проблематики тесно связана с ролью операторов ИС в функционировании обращения ЦФА. Рассмотренные требования отражают существо правового регулирования финансово-правовых отношений на примере решения о выпуске ЦФА. Обязывающие и запрещающие нормы традиционно рассматриваются в качестве ограничений деятельности частно-правовых субъектов и реализации частного интереса. В качестве противовеса этой позиции, в науке финансового права выделяется подход о запретах, как важной части финансово-правовых отношений.

Именно с помощью запретов устанавливается обязанность субъекта правоотношений отказаться от совершения определенных действий. Защита публичного интереса реализуется с помощью такого рода ограничений. Однако, запрет на выделение общих и специальных условий в решении о выпуске в Законе о ЦФА и нормативных актах Банка России отсутствует. Таким образом, законодатель не предъявляет требований к форме решения в отличие от известных в гражданском праве подходов. Например, договор номинального счета (пункт 1 статьи 860.2. ГК РФ), страхования (пункт 2 статьи 940 ГК РФ).

В целом, можно сделать вывод о не выраженности публичного интереса в юридической конструкции решения о выпуске ЦФА. Так подход к оценке проблематики представляется наиболее интересным в совокупности с позицией А.А. Ситника, который отмечает, что государство в силу социальной важности в публичном интересе устанавливает повышенные требования к деятельности субъектов правового регулирования [6, с. 55–56]. На первый взгляд, может показаться, что доверие инвесторов и ясность решений о выпуске ЦФА не входит в цели регулирования этих общественных отношений. Однако, как отмечал Леон Дюги, «публичное и частное право должны быть изучаемы в одном духе и по одному методу» [2, с. 892].

Классическое стремление финансового права к запретам не должно исключать из центра внимания деятельность операторов ИС с позиции важности социальной направленности финансово-правового регулирования [5, с. 5]. В таком противопоставлении существование финансово-правовых ограничений ЦФА не направлено на сдерживание развития рынка. Рынок самостоятельно определяет плюсы и минусы каждого из подходов. Например, на данный момент отсутствует установленная и легально закреплённая форма решения о выпуске. Каждый оператор, соблюдая требования закона о ЦФА вправе самостоятельно определять достаточность и целесообразность применяемых форм документов с учетом законодательных требований.

Такой подход полностью соответствует принципам соразмерности и эффективности финансового контроля. Как отмечал Роберт К. Мертон, правовые системы могут ограничивать или стимулировать творческий и инновационный потенциал субъектов рыночных отношений. Жесткое правовое регулирование и чрезмерная юридикация влияют на все общественные отношения и оборот экономических благ: инновационные и новые подходы начинают восприниматься рискованными и подавляются. Этот процесс не всегда связан с действиями регуляторов. Сами участники общественных отношений начинают отдавать предпочтение досконально урегулированными и упорядоченным экономическим благам [8, с. 282–320]. Позиция законодателя и Банка России в отсутствии требований к форме решения о выпуске может рассматриваться с позиции недостаточности правового

регулирования в данной части или отсутствием необходимости введения таких дополнительных ограничений.

Подводя итог статьи, можно выделить основные выводы, которые следует актуализировать и критически оценивать с учетом изменения законодательства и совершенствования рыночных практик участников обращения ЦФА. Операторы ИС играют ключевую роль в функционировании ЦФА и должны обеспечивать прозрачность и доступность информации о параметрах выпуска, их особенностях и рисках для инвесторов. Однако, такая прозрачность не должна становиться препятствием в виде обязательного скоринга с точки зрения легальных требований. Операторы ИС вправе самостоятельно определять свою модель рыночной активности, в частности обращать внимание инвесторов на экологические, социальные и корпоративные ценности.

Роль операторов ИС в функционировании ЦФА в первую очередь отражается в юридической конструкции решения о выпуске: поиск баланса между частным и публичным интересами; важность ясности и простоты наряду с правовой точностью. Решением этой проблемы может быть двухступенчатая конструкция решения о выпуске о ЦФА, которая содержит общую (статическую) и уникальную (динамическую) часть. Существующие финансово-правовые ограничения позволяют внедрить этот подход на уровне каждого оператора ИС и рынка в целом.

Изложенные выводы подчеркивают важность комплексного подхода к регулированию рынка ЦФА и рыночной активности операторов ИС, учитывающего частные и публичные интересы.

Литература

1. 7 ключевых проблем развития ЦФА // Банковское обозрение. Иордани Д. – 2023. – № 11 (297). – С. 89.
2. Конституционное право. Общая теория государства. Дюги Л. / История государственно-правовых учений / авт.-состав. С.В. Липень / под общ. Ред. В.В. Лазарева. М.; Спарк, 2006. – С. 892.
3. Криптовалюты: тренды, риски, меры доклад для общественных консультаций // Банк России: Центральный банк Российской Федерации URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 07.10.2024)
4. Малый и средний бизнес начал использовать ЦФА // Российская газета. – 2024, 11 сент. URL: <https://rg.ru/2024/09/11/malyj-i-srednij-biznes-nachal-ispolzovat-cfa.html> (дата обращения: 28.09.2024).
5. Отзыв официального оппонента: д-р юрид. наук. // Арзуманова Л.Л., М. 2016., – С. 5.
6. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения

в Российской Федерации дис. ... д-ра юрид. наук. Ситник А.А., М. 2020., – С. 55.

7. Решение о выпуске цифровых финансовых активов № 105 (цифровых прав, включающих денежные требования), общество с ограниченной ответственностью «Цифровые активы» // Атомайз. URL: <https://www.atomyze.ru/files/20240911-RoV-MINETOKEN-2-0-5.zip> (дата обращения: 20.09.2024).
8. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 282–320.
9. Юридификация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования. Право и управление. XXI век. // Адамьянц С.Т. 2022;18(4):47–54. URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-47-54> (дата обращения: 28.09.2024).
10. Юридическая техника и язык закона. Монография / Н.И. Хабибулина. – СПб, 2000. – С. 92.

DIGITAL FINANCIAL ASSETS PROSPECTUS: PROBLEMS AND PRACTICE OF DOCUMENT'S LEGAL CONSTRUCTION

Matei E.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to the analysis of the legal and practical aspects of issuing digital financial assets (DFAs) in the context of private and public interests. The author considers approaches to the content of the prospectus on the issuance of digital financial assets, the role of operators' information system in ensuring the transparency of market circulation of digital financial assets. Particular attention is paid to the scoring of issuers to protect the interests of investors, the importance of the balance between private and public interests in legal regulation and compliance with ESG principles.

The author emphasizes the problem of clarity and simplicity of prospectus on the release of digital financial documents and its solution using a new legal structure of the document: the presence of a common (static) and unique (dynamic) part of the digital financial assets' prospectus.

Keywords: digital financial assets (DFA); credit scoring of issuer; financial and legal limitations; documents legal construction.

References

1. 7 Key Problems of Digital Financial Assets Development // Banking Review. Jordan D. – 2023. – No. 11 (297). – P. 89.
2. Constitutional Law. General Theory of the State. Dyugui L. / History of State and Legal Doctrines / author-group. S.V. Lipen / under the general editorship of V.V. Lazarev. Moscow; Spark, 2006. – P. 892.
3. Cryptocurrencies: trends, risks, measures, report for public consultations // Bank of Russia: Central Bank of the Russian Federation URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (date of access: 10/07/2024)
4. Small and medium-sized enterprises have started using digital financial assets // Rossiyskaya Gazeta. – 2024, September 11. URL: <https://rg.ru/2024/09/11/malyj-i-srednij-biznes-nachal-ispolzovat-cfa.html> (date of access: 09/28/2024).
5. Review of the official opponent: Dr. of Law. // Arzumanova L.L., M. 2016., – P. 5.
6. Legal regulation of financial control and supervision in the sphere of money circulation in the Russian Federation dis. ... Dr. of Law. Sitnik A.A., M. 2020., – P. 55.
7. Prospectus of the issue of digital financial assets No. 105 (digital rights, including monetary claims), limited liability company "Digital Assets" // Atomyze. URL: <https://www.atomyze.ru/files/20240911-RoV-MINETOKEN-2-0-5.zip> (date of access: 09/20/2024).
8. Social theory and social structure / Robert Merton. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – P. 282–320.
9. Juridification of modern Russian society and the limits of legal regulation: general theoretical aspect of the study. Law and management. XXI century. // Adamyants S.T. 2022;18(4):47–54. URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-47-54> (date of access: 09/28/2024).
10. Legal technique and language of law. Monograph / N.I. Khaibulina. – St. Petersburg, 2000. – P. 92.

Роль тактики в оценке эффективности надзорной деятельности прокуратуры и профессиональной деятельности прокурорских работников

Махьянова Римма Мубараковна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: R@9099177842.ru

В статье обоснована целесообразность проведения оценки эффективности надзорной деятельности прокуратуры и профессиональной деятельности прокурорских работников через призму практического использования тактики при организации и проведении проверок. Автор полагает, что использование такого предложения на практике будет способствовать усовершенствованию организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, осуществлению на качественно новом уровне прокурорско-надзорного процесса, укреплению законности и правопорядка в государстве; развитию знаний и навыков прокурорских работников в целях повышения уровня их профессиональной компетентности.

Ключевые слова: оценка эффективности надзорной деятельности прокуратуры и профессиональной деятельности прокурорского работника, тактика, профессиональная компетентность.

Эффективность является одним из главных критериев оценки профессиональной деятельности, а ее достижение осуществляется путем использования всевозможных инструментов, приводимых в действие субъектами конкретной сферы деятельности.

По нашему мнению, при оценке эффективности конкретной общественно полезной деятельности важно учитывать планируемые и достигнутые результаты, а также затраченные для этого ресурсы (временные, интеллектуальные, психологические, физические и т.д.).

Термин «эффективный» означает – дающий эффект, действенный, что подразумевает совершение активных действий, дающих конкретный результат. Под деятельностью понимается занятия, труд. Оценить – означает установить качество чего-нибудь, степень, уровень. Качество трактуется как свойство, признак, определяющий достоинство чего-нибудь [1].

Таким образом, эффективная деятельность характеризуется такими основными свойствами, как качество и результат.

Современная действительность требует новых подходов к осуществлению профессиональной деятельности, использованию новых технологий для достижения ее качества и результативности.

В этих целях, на наш взгляд, представляется целесообразным:

- на постоянной основе проводить работу по усовершенствованию процесса осуществляемой профессиональной деятельности;
- использовать на практике результаты последних научных достижений;
- внедрять инновации (продукты интеллектуального труда, изобретения), активно применять информационные технологии в целях оптимизации труда;
- принимать необходимые меры по обеспечению предприятия (учреждения) компетентными сотрудниками и дальнейшему повышению их квалификации;
- систематически проводить оценку эффективности осуществляемой деятельности и эффективности сотрудников во взаимной связи в зависимости от планируемого и полученного результата с учетом затраченных для этого сил и средств.

Указанные предложения в дальнейшем могут быть скорректированы.

Вышеизложенное вполне обоснованно относится и к надзорной деятельности органов прокуратуры, эффективное осуществление которой способствует обеспечению верховенства закона.

Прокуратура Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации наделена функцией осуществления надзора за исполнением законов [2]. Такое исключительное право налагает определенные обязанности на прокурорских работников и предъявляет повышенные требования к их личностным и профессиональным качествам [3], которые надлежит постоянно развивать при прохождении службы в органах прокуратуры в целях соответствия занимаемой должности, повышения квалификации и поддержания надлежащего уровня профессиональной компетентности.

Профессиональная компетентность прокурорского работника, по нашему мнению, это знания, умения и навыки, использование которых в ходе реализации возложенных на него законом полномочий обеспечивают достижение эффективности осуществляемой деятельности.

Вопрос оценки эффективности отдельных категорий должностных лиц регламентирован в документах Президента Российской Федерации [4].

Анализ советского и современного законодательства о прокурорской деятельности свидетельствует о том, что вопросы оценки эффективности прокурорского надзора и деятельности прокурорских работников не были предметом правового регулирования.

Вместе с тем актуальность отмеченной проблематики подтверждается проведенными исследованиями ученых и практиков в области проблем, связанных с повышением эффективности прокурорского надзора.

Так, ученые предлагали определять эффективность прокурорского надзора во взаимосвязи с состоянием законности, т.е. исходя «не из выполненной прокуратурой работы, а как отразилась деятельность прокурора на укреплении законности» [5].

Другие выдвигали ряд предложений, связанных с совершенствованием законодательства о прокурорском надзоре, форм, методов и тактики его осуществления; с устранением недостатков в подборе, воспитании и расстановке прокурорских кадров [6]. Также предлагалось постоянно проверять результативность актов прокурорского реагирования и периодически определять успешность общенадзорной деятельности в целях установления единообразного понимания законности [7].

Некоторые ученые выделяли в качестве важнейшего фактора эффективности прокурорского надзора – наличие объективной информации о состоянии законности. Они полагали, что уровень эффективности определяется степенью достижения целей, поставленных в законе [8].

В 1991 году Ю.Е. Винокуровым была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Проблемы повышения эффективности общего надзора военной прокуратуры». Позднее издана авторская монография, в которой исследованы теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением

законов, в результате чего, определены предпосылки повышения эффективности (в том числе, использование тактики при осуществлении надзорной деятельности), поддержана стадийность прокурорско-надзорного процесса, обращено внимание на профессионализм прокурорских работников, их умение организовать работу на научной основе и др. Под «эффективностью прокурорского надзора за исполнением законов понимается соотношение целей, поставленных перед ним, и результатов их достижения, которые выражаются в реально достигнутом уровне состояния законности» [9].

Также в научных трудах отмечалось, что оценка эффективности надзорной деятельности напрямую зависит от профессионального мастерства прокуроров и его совершенствования в ходе их обучения на курсах повышения квалификации, использования при этом научных разработок по направлениям надзора [10].

Таким образом, эффективность прокурорского надзора зависит от многих факторов, которые представляется целесообразным свести воедино в целях оптимизации ее оценки. Разработка различных схем и многочисленных критериев, как предлагается некоторыми учеными, только усложняют данный процесс. Так, направления надзора отличаются своей спецификой и требуют предметного и ситуационного подхода.

Кроме того, вопросы оценки эффективности затрагивают такие важные элементы, как организация работы и управление в органах прокуратуры, от которых, в том числе, зависит принятие рациональных решений в конкретной ситуации не только при осуществлении надзорной, но и иной деятельности.

Резюмируя вышеизложенное, и разделяя приведенную позицию ученых в части необходимости оценки эффективности надзорной деятельности и профессиональной деятельности прокурора, можно заключить, что эффективность прокурорского надзора является сложным и неоднозначным понятием. По нашему мнению, для его оценки потребуется проведение фундаментальных научных исследований, связанных с вопросами основ тактики и методики надзорной деятельности.

Общеизвестно, что практическое использование тактики в профессиональной и иной деятельности позволяет добиваться целей наиболее оптимальными методами и способами, и способствует достижению успеха [11].

Результаты проведенного нами теоретического исследования основ тактики надзорной деятельности органов прокуратуры дают основание полагать о том, что сам процесс разработки тактики в ходе организации и проведения проверок способствует повышению их качества и достижению ожидаемого результата.

Во-первых, это связано с тем, что разработка тактики предполагает поиск идей о принятии рационального решения в той или иной ситуации; во-вторых, процесс разработки тактики осуществ-

вляется в соответствии с разработанным нами алгоритмом последовательных действий, предполагающих, в том числе: анализ обстоятельств надзорной ситуации, содержание которой составляют не только данные статистического и аналитического характера о состоянии законности в конкретной сфере надзора, но и воздействие внешних и внутренних факторов, которые также подлежат оценке прокурором; оценка рисков при принятии тактических решений, прогнозирование ситуации; разработка надзорной гипотезы; выбор наиболее эффективной формы реагирования и др.

Указанный алгоритм действий при разработке и реализации тактики рекомендуется использовать в соответствии с целями и задачами каждой надзорной стадии, что позволит оценить эффективность каждой стадии отдельно и выявить проблемы, которые также необходимо решать тактическим путем. Сама система разработки тактики устроена так, что поиск осуществляется столько, сколько того требует ситуация и ее динамические условия, вплоть до принятия необходимого решения, что позволяет улучшить качество процесса проводимой проверки и достигнуть ее результативности.

На наш взгляд, постоянный мониторинг надзорной ситуации и ее дальнейшая оценка с учетом надзорных характеристик поднадзорного объекта способствует всестороннему и полному выявлению, устранению и предупреждению нарушений законности, им способствующих обстоятельств.

В-третьих, алгоритм действий прокурора подчинен, прежде всего, отличительным свойствам его мышления, которыми он наделен от природы, например, обоснованность, доказательность, логичность. Кроме того, посредством личностных и профессиональных данных прокурор анализирует и оценивает надзорную ситуацию, от объективности такой оценки зависит поиск и принятие наиболее рационального решения, реализация которого приведет к достижению эффективности.

В результате исследования мы также пришли к обоснованному выводу о том, что в прокуратуре любого звена необходимо иметь полную картину надзорных характеристик объектов и субъектов надзора (желательно в электронном виде с постоянно изменяющейся информацией). Это позволит не только владеть объективным состоянием законности на постоянной основе, но и планировать надзорные мероприятия, разрабатывать тактику и методические рекомендации о проведении проверок по направлениям надзора.

В указанном перечне сведений, на наш взгляд, должны быть не только сведения о проведенных проверках, полученных результатах, но и о прокурорских работниках, их проводивших и реализовавших их результаты. В обязательном порядке должны указываться проблемы, с которыми сталкивались прокуроры в ходе прокурорско-надзорного процесса, в том числе, касающиеся профессионального опыта, организационных вопросов, процесса разработки и реализации тактики.

Представляется, что алгоритм разработки тактики надзорной деятельности и перечень надзорных характеристик (поднадзорных объектов и субъектов) целесообразно использовать с помощью программного обеспечения в целях оптимизации деятельности прокурорских работников. В дальнейшем это может стать базовой основой для внедрения в надзорную деятельность органов прокуратуры искусственного интеллекта.

Таким образом, посредством практического использования тактики возможно оценить не только эффективность (качество и результативность) конкретной проверки, направления надзора, но и профессиональную компетентность конкретного прокурорского работника. Полезным такой опыт будет для принятия управленческих решений, связанных с воспитанием и расстановкой кадров, повышением их квалификации.

Основными оценочными критериями здесь будут выступать: *достижение целей проверки* (всех ее надзорных стадий) на условиях *принятия тактически обоснованных решений*; *уровень состояния законности* (в сравнении с конкретным прошлым периодом). Здесь представляется целесообразным заметить, что объективность картины состояния законности складывается у прокурора в процессе проверки, которая может отличаться от информационных сведений (статистика и аналитика), поступающих от поднадзорного объекта, что, в свою очередь, потребует проведения прокурором их совокупного анализа и выработки тактического решения.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.. Толковый словарь русского языка. 4-е издание дополненное. Москва. 2014. С. 849, 146, 152, 451, 251.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ч. 1. Ст. 129. Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»).

4. Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов».
5. Мелкумов В.Г. Некоторые тенденции совершенствования прокурорского надзора. Издательство «ИРФОН». Душанбе. 1968. С. 62–81.
6. Сафонов А.П.. Резервы повышения эффективности прокурорского надзора / Проблемы прокурорского надзора. Научная конференция, посвященная 50-летию советской прокуратуры. (Тезисы сообщений). 20–21 апреля 1972 г. Москва – 1972. С. 98–102.
7. Берензон А.Д., Мелкумов В.Г.. Работа прокурора по общему надзору. Вопросы общей методики. «Юридическая литература». Москва – 1974. 144 с.
8. Проблемы эффективности прокурорского надзора. Москва: Юрид. лит., 1977. – 159 с.
9. Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов: монография / Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – 102 с.
10. Бакаев Д.М.. О роли профессионального мастерства прокуроров в повышении эффективности высшего надзора / Проблемы прокурорского надзора. Научная конференция, посвященная 50-летию советской прокуратуры. (Тезисы сообщений). 20–21 апреля 1972 г. Москва – 1972. С. 103–106.
11. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры: учебное пособие / Махьянова Р.М.. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2023. С. 8–28.

THE ROLE OF TACTICS IN ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF SUPERVISION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AND THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF PROSECUTORIAL WORKERS

Makhyanova R.M.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article substantiates the feasibility of assessing the effectiveness of the supervisory activities of the prosecutor's office and the professional activities of prosecutors through the prism of the practical use of tactics in organizing and conducting inspections. The author believes that the use of such a proposal in practice will help

improve the organization and activities of bodies the prosecutor's office of the Russian Federation, the implementation of the prosecutorial and supervisory process at a qualitatively new level, the strengthening of law and order in the state; development of knowledge and skills of prosecutors in order to increase the level of their professional competence.

Keywords: assessment of the effectiveness of the supervisory activities of the prosecutor's office and the professional activities of the prosecutor's employee, tactics, professional competence.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th edition expanded. Moscow. 2014. pp. 849, 146, 152, 451, 251.
2. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). Part 1. Art. 129. The official text of the Constitution of the Russian Federation, which includes the new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, the Zaporozhye region and the Kherson region, was published on the official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 10/06/2022.
3. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated March 17, 2010 No. 114 "On the approval and implementation of the Code of Ethics for Prosecutor's Workers of the Russian Federation and the Concept of Educational Work in the Prosecutor's Office of the Russian Federation." Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated September 14, 2017 No. 627 "On approval of the Concept of digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office until 2025" (together with the "Concept of digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation until 2025").
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/04/2021 No. 68 "On assessing the effectiveness of the activities of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation"; Decree of the President of the Russian Federation dated April 28, 2008 No. 607 "On assessing the effectiveness of the activities of local governments of municipal, city districts and municipal districts."
5. Melkumov V.G.. Some trends in improving prosecutorial supervision. Publishing house «IRFON». Dushanbe. 1968. pp. 62–81.
6. Safonov A.P.. Reserves for increasing the efficiency of prosecutorial supervision / Problems of prosecutorial supervision. Scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Soviet prosecutor's office. (Abstracts of messages). April 20–21, 1972 Moscow – 1972. P. 98–102.
7. Berenзон A.D., Melkumov V.G.. Work of the prosecutor on general supervision. Questions of general methodology. «Legal Literature». Moscow – 1974. 144 p.
8. Problems of the effectiveness of prosecutorial supervision. Moscow: Legal. lit., 1977. – 159 p.
9. Theoretical foundations of the effectiveness of prosecutorial supervision over the implementation of laws: monograph / Vinokurov A.Yu., Vinokurov Yu.E. – M.: Publishing house Mosk. humanist University, 2008. – 102 p.
10. Bakaev. D.M.. On the role of professional skills of prosecutors in increasing the efficiency of higher supervision / Problems of prosecutorial supervision. Scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Soviet prosecutor's office. (Abstracts of messages). April 20–21, 1972 Moscow – 1972. P. 103–106.
11. Tactics of supervisory activities of prosecutors: textbook / . Makhyanova R.M. – Moscow: Military University named after Prince Alexander Nevsky Russian Ministry of Defense, 2023. P. 8–28.

Формирование системы регулирования применения искусственного интеллекта в медицине: этико-правовые аспекты

Павлов Иван Сергеевич,

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации; ассистент кафедры публичного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
E-mail: pavlov-rubinsky@mail.ru

Павлов Сергей Иванович,

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: pavlov-med.projects@mail.ru

Трифонов Виктор Александрович

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: trifonov-vicktor-1966@yandex.ru

Сычкин Александр Степанович

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: alexsychkin@gmail.com

Дробышевская Марина Владимировна

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: drobyshevski@mail.ru

В статье исследуются морально-этические аспекты правового регулирования искусственного интеллекта (далее – ИИ) через медицинско-правовой ракурс. Авторами разбираются общие положения о правовом статусе ИИ, а также анализируются морально-этические основания для его развития в юридической науке, медицине и системе российского национального права. Название работы выбрано с целью подчеркнуть междисциплинарный и межотраслевой характер рассматриваемой проблематики. ИИ является одним из социально-культурных, правовых, экономических, этических и иных рисков и вызовов для человечества, начиная с образовательного процесса в условиях дополненной и виртуальной реальности и заканчивая автоматизацией судопроизводства. Однако в научной литературе крайне редко встречаются исследования, рассматривающие данное явление не только с точки зрения конкретной отрасли права, науки или учебной дисциплины, что данное исследование пытается нивелировать. В данном исследовании, во-первых, был определен генезис общеправовых проблем использования данной технологии, во-вторых, приведен анализ философских, социо-культурных и юридических предложений по формированию путей их решения, в-третьих, описана не только проблематика, но и приведены примеры приносимой пользы в рамках использования интеллектуальных систем в машинном обучении, робототехнике, информатике, медицине, правоприменении. Исследование показало, что использование ИИ является эффективным средством достижения высоких результатов для медицины, этики, права, несмотря на наличие существующих проблем, что подтверждает эффек-

тивность данной технологии и необходимости её использования в рамках этических и правовых стандартов. Результаты исследования расширяют знания о существующих морально-этических проблемах, вызовах, пробелах правового регулирования, привнесут предложения по их устранению.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; мораль; этика; медицина.

Введение

Исходя из понимания, что тематика Искусственного интеллекта (ИИ) обширна, в данной статье мы рассмотрели лишь ту её часть, которая относится к компьютерному (машинному) зрению [1] и возможным этическим проблемам с существующей нормативной правовой базы российского национального права.

Материалы и методы

Методологической основой исследования являются эмпирический метод – описание, теоретические методы – гипотетико-дедуктивный, системный и идеализация, общелогические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Наибольшая степень вовлечения ИИ в медицину, на сегодняшний день представлена следующими направлениями: лечебно-профилактическое обеспечение (диагностика и контроль лечения различных патологических процессов, диагностика функционального состояния систем организма человека (пациента), фармация (в производстве и контроле лекарственных препаратов)).

Диагностика заболеваний

Самое широкое применения представлено в лучевой диагностике.

1. Рентгенологические исследования, методы компьютерной томографии (СТ-сканы), магнитно-резонансной томографии (МРТ), ультразвуковые исследования [2]. Данные методы предполагают возможность определения патологических образований, не фиксируемых врачом. Возникают этические проблемы постановки диагноза. Учитывая, что на данный момент используемое направление «телемедицина» не в полной мере соответствует национальному праву, формирование новых проблем только ухудшат ситуацию.
2. Офтальмологические исследования [6]. Сегодня в основе исследования глаза и глазного дна используются – офтальмоскопия, проводимая врачом-окулистом. Наряду с этим, существуют инновационные методы: ретинальная камера (фундус-камера). Оценка изображений, максимально эффективная расшифровка доступна при применении компьютерного (машинного) зрения [3]. Машина, по существу, формирует диагноз.
3. Гистологическое исследование при помощи машинного зрения. Гистохимия (или гистохимический исследования) сегодня широко применяется для исследования характера, потенциала, а также динамики антигенных клеток. Итогом использования машинного зрения и «обучаемых» математических алгоритмов, появилась возможность системы сделать предварительный гистологический диагноз.

Применение машинного зрения на фармацевтических производствах [4]

Уже сегодня, системы компьютерного (машинного) зрения динамично используются в производственных процессах создания лекарственных препаратов. Основным направлением является контроль качества произведенной продукции, отличные показатели метод демонстрирует в определении повреждения упаковки и правильности нанесения установленной маркировки [5].

Обоснованием рационального применения метода являются следующие моменты:

1. Скорость современных конвейерных линий достаточно велика. При большом потоке продукции, визуальный контроль оператором – человеком затруднен или невозможен.
2. Определение мелких дефектов (при критической зависимости от состояния зрительно анализатора и общего утомления оператора) усложнено или невозможно.
3. Системы компьютерного (машинного) зрения позволяют стандартизировать контроль и повысить качество детектирования брака.

В данном направлении медицины можно говорить об отсутствии морально-этических проблем, но изменения правовой базы на различных уровнях (в т.ч. профильных министерств и ведомств РФ) – может быть необходимо.

Начать освещение особенностей системы анализируемых проблем правового регулирования стоит с периода после падения Западной римской империи и развития высших учебных заведений в Западной Европе, когда среди представителей и выходцев из самых старых факультетов университетов того времени – философского, юридического и богословского – в публикациях, а позднее – в стихах и прозе, предшествующим эпохе первых компьютеров, вычислительных машин и открытия электрического тока. Так, среди наиболее ранних источников рассматриваемой проблематики, выделяется перечень трактатов специалиста в области медицины и любомудрия (так в то время называли философию) того временного промежутка – Ибн Сина. Наравне с ним стоит отметить произведения математика и по совместительству ещё одного специалиста в любомудрии –Аверроэса. Спустя время, интерес к рассматриваемой проблематике прослеживается в работах первых схоластов и в первую очередь – блаженного Аврелия Августина Иппонийского. В них содержатся рассуждения о природе интеллекта, который представляется читателю в качестве скудного, узкого разума. Знакомство с содержанием публикаций представителей любомудрия позволяет провести компаративистическое сопоставление общенаучных и философских категорий: рассудка (ratio) и разума (intellectus) – соответственно вторичной и перво-степенной направлениями ментальной деятельности ЦНС индивида. Вышеупомянутая бинарность направлений ментальной деятельности центральной нервной системы человека будет упоминаться

в работах по онтологии, начиная с эпохи Ренессанса и до т.н. «Долгого XIX века». Исследователи-рационалисты под интеллектом подразумевали далеко не то, что привычно встречалось в научных работах их предшественников. Для рационалистов он интерпретировался в качестве «способности к формированию правил метода (Декарт), к отысканию опосредствующих идей и выведению заключений (Локк), как постижение необходимых и вечных истин (Лейбниц) и т.п. С точки зрения Канта интеллект расценивался как высшая познавательная способность, дающая принципы рассудку» [7., с. 127].

В Новое время выходят в свет писательские работы, предугадывающие возникновение и интеграцию изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, свойственных второй половине Новейшего времени. В частности, в романе В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» находят отражение фантазии об «электродвижатель, «гальваностатах» – воздушных кораблях-предшественник авиации и ракетной техники, «гальванических фонарями» – символе повсеместного использования электрического тока в обществе, «магнетических ваннах» – сеансах гипнотерапии, электрографии или ксерокопирования, «камер-обскур» – предшественников зеркальных, плёночных и цифровых фотоаппаратов. В работе появляются высказывания о том, что в будущем «между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далёком расстоянии общаются друг с другом» – предшественники телефонной, сотовой связи, видео-конференц-связи и IP-телефонии. Автор предсказывает использование ИТС Интернет, Больших данных и блогов, говоря о «домашних газетах», издающихся «во многих домах, особенно между теми, которые имеют большие знакомства» [8].

По завершении т.н. «Долгого XIX века», проводя параллель с представителями науки и философии предыдущих эпох, можно отметить, что воззрение представителей схоластики и рационализма с прошлого века стало содержать в себе более комплексное и детальное определение интеллекта. Так, одновременно с бинарностью *intellectus – ratio*, ранее относимых лишь к *Homo sapiens*, начинают предприниматься попытки распространить границы интеллекта на другие биологические виды. Видя предпосылки изменения вектора научной мысли прошлого в части идентификации категории «Интеллект», мы можем исходить из действительной практико-ориентированной потребности заимствования средств, способов, приёмов и методов, используемых в юриспруденции, медицине, других науках, и как следствие – внедрение и распространение в междисциплинарных исследованиях оных приёмов, которые используют какое-либо числовое значение анализируемой категории. Например, в 1920-е гг. была представлена концепция установления уровня интеллекта человека с помо-

щью прохождения опроса, которая позднее стала носить имя «IQ» (*Intelligence Quotient*). Наряду с данным подходом, также был представлен т.н. «психологический подход» Жана Пиаже, по мнению которого «интеллект – это высшая форма духовного приспособления к среде путем мгновенной организации стабильных пространственно-временных логических структур» [7]. Указанные ранее позиции представителей различных школ философии стали фундаментом для становления и оформления самобытной междисциплинарной теории искусственного интеллекта [9] (далее – теория ИИ).

Данная область научной мысли получила развитие в конце 50-х гг. XX в. после оформления в самостоятельное направление научной мысли, отличное от кибернетики. В рамках текущего периода – 00–20-е гг. XXI в. – получили дальнейшее развитие суперкомпьютеры [10], занимающиеся машинным обучением, творчеством, нелинейным управлением и прогнозированием, а также иные интеллектуальные системы, которые уже можно охарактеризовать не только как «слабый ИИ», но и как промежуточный этап к достижению т.н. «сильного ИИ».

Спустя больше шести десятилетий с момента внедрения в научно-категориальный аппарат концепта «искусственный интеллект». К настоящему времени правоведа, кибернетики, антропологи, биологи, психологи, логики и прочие учёные не смогли выработать единого подхода к определению *artificial intelligence* (ИИ). Даже если бы эта задача была выполнена, то данное положение вещей, тем не менее, не способствовало бы разрешению существующей проблематики в части этики использования ИИ и соответствия нормам морали фактов развития, использования и правового регулирования анализируемой технологии.

Причина сложившейся ситуации видится в следующем: под этикой подразумевается учение о морали, нравственности; соответствующая дисциплина или срез нравственного сознания, соотносимый с уровнем моральных представлений индивида (потенциального разработчика, собственника или пользователя ИИ) [11]. Под моралью же подразумеваются нравственные отношения как социальный регулятор или же как универсальная форма общественного сознания [11]. Стоит отметить, что система норм морали в каждом государстве и социуме отличается друг от друга из-за нетождественного, неидентичного уяснения и оценки категорий «должного и справедливого в отношениях между людьми» в разных народах, нациях, этносах, конфессиях, территориальных образованиях, общинах, сословий, классов, каст и иных социальных страт с одной стороны, и у каждого физического лица – с другой. Если исходить из дифференциации т.н. «морального компаса» людей и их объединений, то согласование их воли в анализируемом комплексе проблем – не выглядит как тривиальная задача.

Вне зависимости от результатов машинного обучения или процесса моделирования, у ИИ не получается достичь уровня или хотя бы направленности мышления его создателей.

Так, Алан Тьюринг [12] предложил тест для ИИ: при обмене текстовыми сообщениями компьютер должен научиться быстро переключаться между двумя языками, чтобы уяснить человеческий язык на должном уровне.

Такие мультипарадигмальные высокоуровневые языки программирования общего назначения с динамической строгой типизацией и автоматическим управлением памятью как Python, Java, Assembler и др могут выступать в качестве средства для создания таких объектов, как: 1) «искусственная нейронная сеть» (далее – ИНС), 2) модель по принципу идентификации объектов – Shape Recognition, 3) Самоорганизующаяся карта Кохонена.

Пожалуй, стоит начать с первого объекта и будущего ИНС и искусственного интеллекта. Данные произведения науки и техники стали частью нашей повседневной жизни. Из этого можно заключить, что человечеству требуется сформировать чёткое понимание границ полезного практического применения данных явлений. Необходимо перестать повсеместно выдавать желаемое за действительное. На сегодняшний момент, рассматриваемые технологические решения не могут быть оценены как сильный или слабый искусственный интеллект.

Прикладные и теоретические науки во многом похожим образом расширяют границы предмета и объекта, путём нахождения решения той или иной проблемы, с которой встречаются. При помощи алгоритмов и методологии поисков неведомый искомый результат предполагается потенциально достижимым.

Прогнозируемо допустимым видится перспектива воздействия на головной мозг человека. Потенциально этот вариант развития науки, техники, медицины, анатомии и других отраслей знаний несёт в себе общественную пользу и коммерческий успех в силу своей востребованности. Следовательно, это может быть как раз тот путь, который приведёт к появлению настоящего т.н. Сильного ИИ.

Программирование в области искусственного интеллекта прогрессирует в сторону воспроизводства и копирования жизнедеятельности человека. В частности, интеллектуальные системы в виде цифровых помощников-консультантов способны поддержать беседу на достаточном уровне, чтобы оставаться неидентифицированными живыми собеседниками в качестве таковых.

В чём причина развития правового регулирования общественных отношений с участием интеллектуальных систем? Право регулирует наиболее важные общественные отношения, от которых зависит комфортное и безопасное существование личности, общества и государства. Поэтому, мы считаем, что призвание медицины – это комфорт и продление жизни, новеллы в амбулаторном, стационарном и оперативном лечении.

Перспективный вектор совершенствования медицины – киборгизация значимой части человеческого тела с последующей заменой едва ли не всей органики физического лица на аугментации, протезы и прочие заменители, из которых будет состоять искусственное тело за исключением жизненно важных незаменимых органов, будь то головной мозг.

Нам кажется, что этому вектору совершенствования медицины суждено повлиять на развитие науки и техники.

Закономерным следствием следования данному вектору совершенствования медицины будет намерение замещения центральной нервной системы искусственным аналогом.

Учитывая вышеизложенное, медицина, программирование и кибернетика обозримого будущего станут совместно отыскивать пути достижения бессмертия.

В научной фантастике, которая зачастую служит источником вдохновения для науки, встречаются сюжеты, в которых человечество научилось выращивать органы и ткани человека. На сегодняшний день регенеративная медицина добилась успехов в выращивании органоидов – «прототипов» искусственно созданных органов. Следовательно, спустя определённый временной промежуток станет возможным выращивание и регенерация повреждённого головного мозга человека. Тем не менее, мозг это лишь форма, но что для него есть содержание?!

Ответ прост. Это сведения и полезная информация, поведенческие модели, которые человек получает в процессе познания. Безотносительно логического, метафизического, аксиологического, в т.ч. этического аспектов анализируемой проблематики и онтологии знания, тем не менее, видится необходимость принятия в расчёт упомянутого далее фактора. До того момента, пока нейропатологи, хирурги, бихевиористы и прочие специалисты не смогут точно уяснить весь комплекс работы ЦНС и архитектуры сознания человека, мы объективно не будем точно понимать, в каком ключе нам стоит создавать искусственный интеллект. Ведь в противном случае мы можем воссоздать человеческого предшественника вопреки желанию, либо наоборот – для нас будет недостижима данная цель в силу отсутствия точно прогнозируемого результата моделирования.

В случае дальнейшего совершенствования ИНС, мы рискуем закономерно упереться в потолок эффективности данной технологии. В таком случае эта ситуация потенциально может поставить крест на пути конструирования интеллектуальных систем различной степени автоматизации.

Стоит заострить внимание на данном аспекте, однако повторимся: среди прочих задач ИИ немалое значение имеет следующая – выработка неизвестной информации. ИНС не могут рассматриваться в качестве самобытного полноценного ИИ, следовательно, их не касается данный критерий. Всё потому, что ИНС выступают в качестве

предтеч интеллектуальных систем различной степени автоматизации, а впоследствии – ИИ. Они не являются равнозначными.

Подтвердить точность данного суждения мы сможем лишь спустя годы. Не исключена вероятность того, что следует сконцентрировать усилия научной и технической мысли человечества на разработке биопрототипов, биологических компьютеров, молекулярных компьютеров, биоавтоматов и ДНК-компьютеров прежде, чем мы сможем реализовать на практике полноценный ИИ, т.е. на постепенном, безрывковом комплексном переходе от привычного нам природного биологического интеллекта в его эклектику с рукотворным аналогом, а в заключении – на конверсию к сильному ИИ, находящемуся на службе у человеческого предшественника.

Результаты

В данном исследовании, во-первых, был определен генезис общеправовых проблем использования данной технологии, во-вторых, приведен анализ философских, социо-культурных и юридических предложений по формированию путей их решения, в-третьих, описана не только проблематика, но и приведены примеры приносимой пользы в рамках использования интеллектуальных систем в машинном обучении, робототехнике, информатике, медицине, правоприменении.

Заключения и выводы

Исследование показало, что использование искусственного интеллекта и интеллектуальных систем разной степени автономности является эффективным средством достижения высоких результатов для медицины, этики, права, несмотря на наличие существующих проблем, что подтверждает эффективность данной технологии и необходимости её использования в рамках этических и правовых стандартов.

Результаты исследования расширяют знания о существующих морально-этических проблемах, вызовах, пробелах правового регулирования, привносят предложения по их устранению.

Таким образом, авторским коллективом была проделана работа по определению правового статуса искусственного интеллекта в действующем отечественном законодательстве, а также были проанализированы морально-этические основания для его развития в юридической науке, медицине и российском национальном праве.

Литература

1. Как устроено компьютерное зрение? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/droider/articles/538750/>, свободный. – (дата обращения 5.11.2024)
2. Компьютерное зрение: технологии, рынок, перспективы [Электронный ресурс] – Режим до-

ступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Компьютерное_зрение:_технологии,_рынок,_перспективы,_свободный.](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерное_зрение:_технологии,_рынок,_перспективы,_свободный.) – (дата обращения 5.11.2024)

3. Компьютерное зрение: от распознавания текста до изучения космоса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud.yandex.ru/blog/posts/2022/05/computer-vision>, свободный. – (дата обращения 5.11.2024)
4. Как мы бактерии измеряли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/ai/142667-kak-my-bakterii-izmeryali>, свободный. – (дата обращения 5.11.2024)
5. Мобильное приложение для определения чувствительности микроорганизмов к антибиотикам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nordclan.com/projects/bacterium>, свободный. – (дата обращения 5.11.2024)
6. Кутарева А.А. Применение машинного зрения в сфере медицины // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018025336> (дата обращения: 05.11.2024).
7. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – с. 127.
8. В. Ф. Одоевский. «Повести и рассказы». Примечания Е.Ю. Хин // Государственное издательство художественной литературы. – 1959.
9. Лорьер Ж.П. Системы искусственного интеллекта. – М.: Мир, 1991. – 568 с.
10. K.D. Ashley. – Artificial intelligence and legal analytics. New Tools for Law Practice in the Digital Age. – USA.: Sheridan Books, Inc., 2017. – 426 с.
11. Сорокотягин, И.Н. Профессиональная этика юриста: учебник для бакалавриата и специалитета / И.Н. Сорокотягин, А.Г. Маслеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 262 с. – (Бакалавр и специалитет). – ISBN 978-5-534-05401-9. – С.
12. Turing A. Computing machinery and intelligence (англ.) // Mind: журнал. – Oxford: Oxford University Press, 1950. – No. 59. – P. 433–460.

FORMATION OF A SYSTEM FOR REGULATING THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE: ETHICAL AND LEGAL ASPECTS

Pavlov I.S., Pavlov S.I., Trifonov V.A., Sychkin A.S., Drobyshevskaya M.V.
Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

The article examines the moral and ethical aspects of the legal regulation of artificial intelligence (hereinafter – AI) through a medical and legal perspective. The authors analyze the general provisions on the legal status of AI, as well as analyze the moral and ethical grounds for its development in legal science, medicine and the system of Russian national law. The title of the work was chosen in order to emphasize the interdisciplinary and intersectoral nature of the issue under consideration. AI is one of the socio-cultural, legal, economic, ethical and other risks and challenges for humanity, starting with the educational process in augmented and virtual reality and ending with the automation of legal proceedings. However, in the

scientific literature, it is extremely rare to find studies that consider this phenomenon not only from the point of view of a specific branch of law, science or academic discipline, which this study tries to neutralize. In this study, firstly, the genesis of the general legal problems of using this technology was determined, secondly, an analysis of philosophical, socio-cultural and legal proposals for the formation of ways to solve them was given, thirdly, not only the problems were described, but also examples of benefits brought within the framework of the use of intelligent systems in machine learning were given, robotics, computer science, medicine, law enforcement. The study showed that the use of AI is an effective means of achieving high results for medicine, ethics, and law, despite the existence of existing problems, which confirms the effectiveness of this technology and the need for its use within the framework of ethical and legal standards. The results of the study expand knowledge about existing moral and ethical problems, challenges, gaps in legal regulation, and make suggestions for their elimination.

Keywords: artificial intelligence; legal regulation; morality; ethics; medicine.

References

1. How does computer vision work? [Electronic resource]. – Access mode: <https://habr.com/ru/companies/droider/articles/538750/>, free. – (date of access 11/5/2024)
2. Computer vision: technologies, market, prospects [Electronic resource] – Access mode: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Компьютерное_знание:_технологии,_ рынка,_ перестивы, free. – (date of access 11/5/2024)
3. Computer vision: from text recognition to space exploration [Electrons resource]. – Access mode: <https://cloud.yandex.ru/blog/posts/2022/05/computer-vision>, free. – (date of access 11/5/2024)
4. How we measured bacteria [Electrons resource]. – Access mode: <https://vc.ru/ai/142667-kak-my-bakterii-izmeryali>, free. – (date of access 11/05/2024)
5. Mobile application for determining the sensitivity of microorganisms to antibiotics [Electrons resource]. – Access mode: <https://nordclan.com/projects/bacterium>, free. – (date of access 11/05/2024)
6. Kutareeva A.A. Application of machine vision in the field of medicine // Proceedings of the XIII International student scientific conference “Student Scientific Forum” URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018025336> (date of access: 11/05/2024).
7. Online version of the publication: New philosophical encyclopedia: in 4 volumes / Institute of Philosophy RAS; Nat. soc.-nauch. fund; Pred. scientific editorial board V.S. Stepin. 2nd ed., corrected and supplemented. – M.: Mysl, 2010. – p. 127.
8. V.F. Odoevsky. “Stories and Short Stories”. Notes by E. Yu. Khin // State Publishing House of Fiction. – 1959.
9. Laurier J.P. Artificial Intelligence Systems. – M.: Mir, 1991. – 568 p.
10. K.D. Ashley. – Artificial intelligence and legal analytics. New Tools for Law Practice in the Digital Age. – USA.: Sheridan Books, Inc., 2017. – 426 p.
11. Sorokotyagin, I.N. Professional Ethics of a Lawyer: a textbook for undergraduate and specialist degrees / I.N. Sorokotyagin, A.G. Masleev. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2019. – 262 p. – (Bachelor and Specialist). – ISBN 978-5-534-05401-9. – P.
12. Turing A. Computing machinery and intelligence (English) // Mind: journal. – Oxford: Oxford University Press, 1950. – No. 59. – P. 433–460.

Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства

Потапова Лариса Валерьевна

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Научная статья посвящается рассмотрению одной из наиболее актуальных тем для современной России, вызывающих интерес как со стороны научного сообщества, так и практических работников. В тексте отмечается, что процессы миграции выступают необъемлемым элементом современного мироустройства.

Подчеркивается, что непрерывная надзорная работа прокурорских органов за исполнением миграционного законодательства РФ является действенным средством укрепления состояния законности и правопорядка в сфере миграционных правоотношений, вместе с тем, Генеральный прокурор Российской Федерации не раз акцентировал особое внимание на важность дальнейшего усиления эффективности надзорных усилий в этом направлении.

В условиях повышения до критического уровня террористических угроз крайне важно обеспечить сильный государственный надзор, реализуемый через применение разнообразных правовых средств, в том числе и органами прокуратуры Российской Федерации.

Полномочия прокуратуры распространяются на законность действий и решений поднадзорных объектов при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях, связанных с нарушением миграционного законодательства, проверять соблюдение законодательства при использовании бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных и муниципальных программ в сфере поддержки переселения соотечественников из-за рубежа и реализовывать иные полномочия, предоставленные законодательством Российской Федерации.

В статье сделан вывод важнейшей роли прокуратуры в этой сфере, которые, выступая важнейшим элементом механизма противодействия незаконной миграции, обязаны добиваться от всех участников миграционных процессов неукоснительного исполнения требований законодательства Российской Федерации, используя при этом весь арсенал правовых средств, предоставленных им законодательством о прокуратуре.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; незаконная миграция; правовые средства.

Миграционные процессы выступают необъемлемым элементом современного мироустройства, вместе с тем, их активизация несет в себе не только позитивный заряд, но и может приводить к негативным последствиям для государственного устройства и общественного порядка.

Современная Россия в последние годы сталкивается с посягательствами на национальную безопасность, среди таких угроз особое звучание приобретают такие, которые являются порождением незаконных миграционных процессов, поэтому установление порядка в обозначенной сфере – максимально важное, приоритетное направление деятельности отечественной прокуратуры.

Постоянная надзорная работа прокурорских органов за исполнением миграционного законодательства РФ является действенным средством укрепления состояния законности и правопорядка в сфере миграционных правоотношений, вместе с тем, Генеральный прокурор РФ не раз акцентировал особое внимание на важность дальнейшего усиления эффективности надзорных усилий в этом направлении.

Регулирование всех аспектов прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства осуществляется с помощью значительного перечня организационно-распорядительных документов Генерального прокурора РФ, среди которых ключевую роль играют положения приказа «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195[1], а также приказом Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» от 12.04.2024 № 273[2].

Реализации полномочий органами прокуратуры осуществляется с учетом Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 г.г., утвержденной Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622[3].

Актуальность прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства обусловлена комплексом обстоятельств прежде всего, это существенное влияние на изменение подходов в сторону усиления внимания к органам прокуратуры в данной области по причине социально-политической ситуации, сложившейся в последние годы в мировом пространстве, а на внутригосударственной арене; значительный рост правонарушений, совершаемых мигрантами и пр.

В условиях повышения до критического уровня террористических угроз крайне важно обеспе-

чить сильный государственный надзор, реализуемый через применение разнообразных правовых средств, в том числе и органами прокуратуры РФ.

Полномочия прокуратуры распространяются на законность действий и решений поднадзорных объектов при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях, связанных с нарушением миграционного законодательства, проверять соблюдение законодательства при использовании бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных и муниципальных программ в сфере поддержки переселения соотечественников из-за рубежа и реализовывать иные полномочия, предоставленные законодательством РФ.

Пристальным вниманием прокуроров должны охватываться все многообразные взаимосвязанные и взаимообусловленные миграционные отношения и процессы, происходящие на поднадзорных территориях, – вопросы иммиграции, эмиграции, расселения и т.д. [4].

Необходимо на должном уровне организовывать и поддерживать осуществление соответствующей информационно-аналитической работы, в ходе которой, как правило, налаживается получение сведений из различных источников о возможных нарушениях миграционных правовых актов.

К примеру, в качестве ключевых источников информации на практике служат сведения, полученные от органов внутренних дел, располагающих основными данными о состоянии исполнения законов в сфере миграции; из финансовых, налоговых органов, владеющих данными о доходах мигрантов и их работодателей; из различных интернет – ресурсов; из материалов уголовных дел; из обращений граждан в органы прокуратуры о нарушении их прав мигрантами и прочее.

Вопросы, подлежащие выяснению при проведении проверки органами прокуратуры, зависят от того, что именно проверяется и каков конкретно объект надзора. Если речь идет об исполнении ОВД РФ законов, устанавливающих порядок пребывания иностранных граждан на территории РФ, то проверке подлежит работа поднадзорных объектов в связи с реализацией ими необходимых мер по водворению иностранных граждан за пределы РФ, законность оснований для отказа гражданам в регистрации по месту жительства или пребывания; если в фокусе внимания прокурора исполнение региональными органами власти законодательства РФ о беженцах и вынужденных переселенцах – устанавливается в рамках проверочного мероприятия наличие незаконных ограничений на въезд беженцев в регион, доведение до сведения беженцев и вынужденных переселенцев информации об условиях проживания и т.д. [5].

Ежегодно органами прокуратуры РФ выявляются десятки тысяч нарушений миграционного законодательства РФ, применяются многочисленные правовые средства реагирования. Вместе с тем, представляется необходимым усилить реализацию

превентивного потенциала прокуратуры в рассматриваемой области.

Основным акцентом работы прокуратуры в сфере противодействия незаконной миграции является систематический надзор за реализацией органами государственной власти своих полномочий, эффективностью мер, направленных на предупреждение и пресечение нарушений миграционного законодательства.

Прокуратура следит за законностью возбуждения и последующего расследования преступлений в сфере незаконной миграции поскольку, несмотря на усиленные меры, предпринимаемые для противодействия незаконной миграции, не всегда в качестве результата этой работы можно констатировать снижение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства.

В сложившейся ситуации прокурору важно вникать в ситуации, когда работодатели, получившие разрешение на привлечение и использование мигрантов, заключившие с ними соответствующие договоры, тем не менее, не направляют соответствующие сведения об этом в уполномоченные органы власти, не соблюдают периодичность выплаты заработной платы [6]. Имеется предположение, что реализация этой меры позволит в некоторой степени повысить эффективность надзора за исполнением миграционного законодательства.

Работа в сфере надзора за исполнением миграционного законодательства и соблюдением прав мигрантов должна быть максимально системной; взаимодействие прокуратуры с другими органами требует оптимизации для более оперативного информационного обмена в части оценки состояния законности в сфере миграции; нуждается в усилении надзора за исполнением законодательства, устанавливающего требования санитарно-эпидемиологического благополучия и пожарной безопасности в специальных организациях, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению или депортации.

Представляется, позитивно скажется на состоянии законности усиление ответственности работодателя за приглашенного в страну работника, поскольку нередко иностранные граждане по завершении срока разрешения на работу остаются в России в статусе «нелегалов». Работодатель должен отвечать за то, чтобы работник выехал из страны, если нет больше легальных оснований для его присутствия в стране – а прокуратура будет по данной части обеспечивать законность исполнения работодателями законодательства.

Также нужно обеспечить действенный контроль со стороны правоохранительных, контролирующих органов за иностранными гражданами, получившими патент на осуществление трудовой деятельности, поскольку именно они формируют ряды нелегальных мигрантов.

Таким образом, незаконная миграция представляет существенную угрозу государственной безо-

пасности, первоочередной задачей компетентных органов является принятие и реализация всего комплекса мероприятий, направленных на ее устранение и минимизацию. Органы прокуратуры, выступая важнейшим элементом механизма противодействия незаконной миграции, обязаны добиваться от всех участников миграционных процессов неукоснительного исполнения требований законодательства РФ, используя при этом весь арсенал правовых средств, предоставленных им законодательством РФ о прокуратуре.

В сложившейся непростой ситуации действительно немаловажно продолжать стремиться к системности в проведении надзора, укреплению взаимодействия прокуратуры с иными органами, активнее использовать превенцию в качестве правового способа воздействия.

Литература

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195 // Законность, № 3, 2008;
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» от 12.04.2024 № 273 // Законность, № 5, 2024;
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 г.г., утвержденной Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622;
4. Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан: сб. методических материалов / под общ. ред. первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, государственного советника юстиции 1-го, заслуженного юриста Российской Федерации А.Э. Буксмана. – М.: Ген. прокуратура Рос. Федерации // Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – 560 с.;
5. Добыш М.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере миграционных отношений: диссертация канд. юрид. наук. М., 2012. С. 149–16.;
6. Честных Н.Н. Противодействие торговле людьми средствами прокурорского надзора // Материалы Всероссийского совещания органов прокуратуры – М. 2015 г.

SOME ISSUES OF IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF MIGRATION LEGISLATION

Potapova L.V.

Ural State Law University

This scientific article is devoted to the examination of one of the most pressing topics for modern Russia, which is of interest to both the academic community and practitioners. The text highlights that migration processes are an integral element of the contemporary world order.

It is emphasized that the continuous supervisory work of prosecutorial bodies over the implementation of migration legislation in the Russian Federation serves as an effective means of strengthening the rule of law and order in the sphere of migration legal relations. The Prosecutor General of the Russian Federation has repeatedly underscored the importance of further enhancing the effectiveness of supervisory efforts in this area.

In light of the increasing terrorist threats at a critical level, it is crucial to ensure robust state supervision, implemented through various legal means, including the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

The powers of the Prosecutor's Office extend to overseeing the legality of actions and decisions made by supervised entities when receiving, registering, considering, and resolving reports of crimes related to violations of migration legislation. This includes checking compliance with legislation regarding the use of budgetary funds allocated for state and municipal programs aimed at supporting the resettlement of compatriots from abroad, as well as exercising other powers granted by Russian legislation.

The article concludes that the Prosecutor's Office plays a critical role in this domain, acting as a key element in the mechanism for combating illegal migration. It is obligated to ensure that all participants in migration processes strictly adhere to the requirements of Russian legislation, utilizing the full arsenal of legal means available under the law governing the Prosecutor's Office.

Keywords: Prosecutor's Office; prosecutorial supervision; illegal migration; legal means.

References

1. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation «On the Organization of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Laws, Observance of Human and Civil Rights and Freedoms» dated 07.12.2007 No. 195 // Legality, No. 3, 2008.
2. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation «On the Organization of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Laws in the Field of Migration» dated 12.04.2024 No. 273 // Legality, No. 5, 2024.
3. Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 31.10.2018 No. 622.
4. Prosecutor's Supervision over Observance of Social Rights of Citizens: Collection of Methodological Materials / under general editorship of A.E. Buksman, First Deputy Prosecutor General of the Russian Federation, 1st State Justice Counselor, Honored Lawyer of the Russian Federation. – М.: Prosecutor General's Office of the Russian Federation // Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2013. – 560 p.
5. Dobysh M.A. Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in the Sphere of Migration Relations: Dissertation for Candidate of Law. M., 2012. Pp. 149–16.
6. Chestnykh N.N. Combating Human Trafficking through Prosecutorial Supervision // Materials of the All-Russian Conference of Prosecutor's Office Bodies – М., 2015.

Проблема отнесения муниципального права собственности на ГТС и пути ее решения

Семякин Никита Константинович,

соискатель учёной степени кандидата наук Государственного университета по землеустройству
E-mail: semyakinnk@mail.ru

Предметом статьи является анализ действующего законодательства о принадлежности права собственности на земельные участки, занятые гидротехническими сооружениями (далее – ГТС). Целью работы является формулирование изменений в законе, которые позволят снизить риски возникновения чрезвычайных ситуаций по причине ненадлежащей эксплуатации ГТС, предотвратить ЧС и пересмотреть действующие регламенты по содержанию гидротехнических сооружений и подготовке к паводкам, определить уровни ответственности.

В соответствии с законом, ГТС могут быть в федеральной, муниципальной собственности, но закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не выделяет объекты гидротехнического назначения в перечне объектов, которые в принципе могут быть в качестве имущества муниципальных властей. То есть муниципальной власти имеют обязанность по участию в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций на своей территории, но в составе своего имущества объекты ГТС иметь не могут, следовательно не могут финансировать деятельность по их эксплуатации и/или ремонту. Назрела необходимость включения в состав имущества органов муниципальной власти объектов ГТС, с целью закрепления обязанности по содержанию таких объектов за счет органов муниципальной власти и исполнению обязанностей по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: земли водного фонда; гидротехнические сооружения; Российский регистр гидротехнический сооружений; объекты водной инфраструктуры; оборотоспособность земельного участка.

В связи с растущим числом чрезвычайных ситуаций в регионах, вопрос об отнесении ГТС к муниципальной собственности становится особенно острым в последнее время.

Ранее этот вопрос поднимался в статье Шугриной Е.С.¹, однако лишь в августе 2024 года этот вопрос окончательно разрешился благодаря в том числе позиции Верховного суда.

Судебная практика по этому вопросу начала формироваться Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 11.04.2019 № 864-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Мостовского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности пунктов 1 и 2 подраздела 5 раздела 1 приложения 6 к Закону Краснодарского края «О разграничении имущества, находящегося в собственности муниципального образования Мостовский район, между вновь образованными городскими, сельскими поселениями и муниципальным образованием Мостовский район, в состав которого они входят».

Суд отметил, что решение вопроса о допустимости нахождения в муниципальной собственности конкретного имущества, а именно отдельных берегоукрепительных дамб, расположенных на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, в которой в силу положений статьи 8 (часть 1) Водного кодекса Российской Федерации по общему правилу водные объекты и находятся, должно приниматься с учетом целевого назначения муниципальной собственности и, соответственно, не должно включать имущество, не предназначенное для решения вопросов местного значения, содержание которого для муниципального образования является нецелесообразным и обременительным.

ФЗ № 131 ссылается на полномочия муниципальных властей по предупреждению и ликвидации последствий в случае чрезвычайных ситуаций п. 8 и п. 23.

Однако п. 23 скорее относится к вопросам территориальной и/или гражданской обороны.

Пункт 8 сформулирован как механизм «участия» – органы местного самоуправления участвуют в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения. Иными словами, речь идет о смежных полномочиях, осуществляемых одновременно органами го-

¹ Шугрина Е.С., «Должны ли гидротехнические сооружения находиться в составе муниципального имущества: подходы органов прокуратуры, судов общей юрисдикции и Конституционного суда РФ».

сударственной власти и органами местного самоуправления.

В таких случаях важно четко определить объем полномочий каждого уровня публичной власти. Термин участие на мой взгляд является чрезмерно объемным и не способен уместить в себя конкретные права или обязанности органов муниципальной власти, но скорее речь идет о содействии органам государственной власти выполнять возложенные на них функции. Из этого следует, что все-таки основной объем работы и формирование видимого результата осуществляют органы государственной власти, как обладающие приоритетным влиянием.

Зачастую использование такой размытой терминологии как «участие» приводит к вольным трактовкам и, как следствие, перекалывание обязанностей, а вместе с ними и ответственности, на органы местного самоуправления.

Органы местного самоуправления занимаются решением вопросов местного значения самостоятельно, это следует в том числе из Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», из анализа ст. 130, 132 Конституции Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 8 статьи 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) к вопросам местного значения городского поселения относится участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения.

Однако термин «участие» является слишком всеобъемлющим, может трактоваться по-разному и скорее нарушает права органов местного самоуправления, которые в конечном итоге становятся виновными во всех чрезвычайных ситуациях.

Остается непонятным, что относится к полномочиям местного самоуправления в контексте участия в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: выполнение информационных мероприятий (смс-рассылки, оповещения по телевизору/радио) по извещению населения о чрезвычайных ситуациях, формирование бюджетных средств для ликвидации последствий ЧС или все-таки содержание имущества, которое непосредственно связано с созданием чрезвычайной ситуации?

По моему мнению итоговую правоприменительную точку в этом вопросе поставил Арбитражный суд Ростовской области по решению от 24.06.2024 г. по делу № А53–39792/22, по иску органа местного самоуправления к Федеральному органу об обязанности принять в федеральную собственность имущество, а именно дамбу. Решение суда таким образом подготовило необходимую почву для внесения изменений в законодательную базу.

Арбитражный суд Ростовской области сначала удовлетворил требование муниципального органа

власти, однако Верховный суд с этим не согласился и вернул дело на новое рассмотрение.

Итоговым решением, установлено следующее, на мой взгляд важное положение в области гидротехнических сооружений: гидротехническое сооружение является самостоятельным предметом гражданского оборота, являются объектами недвижимости, в отношении которых осуществляется государственная регистрация права¹.

Гидротехнические сооружения предназначены не для обслуживания водного объекта, а для его использования. При таких обстоятельствах, гидротехническое сооружение не должно следовать судьбе водного объекта, следовательно, собственность на такое сооружение может быть не только федеральное.

Вместе с этим, суд отнес и расходы по содержанию такого имущества на органы муниципальной власти.

Ст. 9 ФЗ № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» устанавливает обязательное финансирование мероприятий по эксплуатации ГТС, обеспечению его безопасности, а также работы по предотвращению и ликвидации последствий аварий гидротехнического сооружения.

Также предусмотрено заключение договора обязательного страхования гражданской ответственности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте. Собственник гидротехнического сооружения также обязан осуществлять капитальный ремонт, реконструкцию, консервацию и ликвидацию гидротехнического сооружения в случае его несоответствия обязательным требованиям.

Осуществление мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в границах поселения, на территории муниципального района, городского округа является полномочием органов местного самоуправления, установленным федеральными законами от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в связи с чем, у муниципального образования имеется возможность финансового обеспечения (расходные обязательства) на проведение мероприятий по обеспечению безопасности гидротехнических сооружений. Так, согласно Постановлению Правительства Ростовской области от 29.12.2016 № 904 «Об утверждении региональной программы «Обеспечение безопасности гидротехнических сооружений в Ростовской области» на обеспечение

¹ письмо Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 23.08.2012 № 03–14–33/13260 «О праве собственности на водных объектах»; Липски, С.А. Правовое регулирование кадастровых отношений в постсоветской России: тенденции, проблемы, пути их решения // Нотариус. – 2013. – № 6. – С. 20–25.

защищенности населения и объектов экономики от негативного воздействия вод посредством повышения уровня безопасности гидротехнических сооружений предусмотрено финансирование.

Таким образом, органам местного самоуправления, как участникам программы, для обслуживания гидротехнических сооружений выделяются денежные средства из федерального бюджета, при этом в состав имущества ГТС согласно закону не входят.

Однако как таковой нормативной базы для отнесения ГТС к имуществу органов муниципальной власти в настоящий момент нет.

Ст. 50 ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» как не содержала прямого указания на включение в состав имущества органов муниципальной власти объектов ГТС, так и не содержит.

Сейчас органы местного самоуправления не могут осуществлять хоть какие-то действия по имуществу, которое не соответствует требованиям 131-ФЗ. Только отчуждения, реперофилирование или изменения целевого назначения, в том числе не вправе нести расходные обязательства по финансированию ГТС, их эксплуатации, ремонту и тд, в том числе по имуществу, непосредственно связанному с обеспечением безопасности граждан.

В связи с этим имеет смысл дополнить полномочия органов местного самоуправления в части несения расходов по содержанию муниципального имущества, в том числе имущества, непосредственно связанного с обеспечением безопасности граждан.

Более того, нет прямого и регламентированного порядка финансирования деятельности по эксплуатации гидротехнического сооружения, обеспечению его безопасности и прочее.

И органы муниципальной власти по-прежнему ограничены п. 5 ч. 1 ст. 50 закона № 131-ФЗ, согласно которой, они лишь могут отчуждать, реперофилировать или изменять целевое назначения такого имущества.

Исходом такой коллизии будет обращение за разрешением такого вопроса в судебном порядке. А суд, исходя из сложившейся судебной практики, подкрепленной позицией ВС РФ, будет выносить соответствующие решения.

Такая позиция лишь усилит нагрузку на судебную систему, а также замедлит эффективную эксплуатацию объектов ГТС, т.к. судебное разбирательство может длиться долго, а риски возникновения ЧС по причине ненадлежащего обслуживания объектов ГТС будут расти.

В связи с вышеизложенным, стоит на основании последних выводов судов дополнить ст. 14 ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положением об обязанности в проведении мероприятий по обеспечению безопасности при эксплуатации гидротехнических сооружений, находящихся в собственности муниципального образования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
3. Федеральный закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности гидротехнических сооружений» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
4. Федеральный закон от 29.05.2023 № 191-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности гидротехнических сооружений» и статью 48.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 864-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Мостовского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности пунктов 1 и 2 подраздела 5 раздела 1 приложения 6 к Закону Краснодарского края «О разграничении имущества, находящегося в собственности муниципального образования Мостовский район, между вновь образованными городскими, сельскими поселениями и муниципальным образованием Мостовский район, в состав которого они входят».
6. Определение Верховного суда Российской Федерации № 308-ЭС23–21596 от 01.02.2024 г.
7. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 24.06.2024 г. по делу № А53–39792/22.
8. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: концепция природы как народного достояния // Экологическое право. 2021. №
9. Васильева М.И. О правовом обеспечении доступности водных объектов и береговых полос для граждан // Правовые вопросы недвижимости. 2013. № 1. С. 29–32);
10. Липски С.А. Правовое регулирование кадастровых отношений в постсоветской России: тенденции, проблемы, пути их решения. // Нотариус. – 2013. – № 6. – С. 20–25.
11. Шугрина Е.С. «Должны ли гидротехнические сооружения находиться в составе муниципального имущества «подходы органов прокуратуры, судов общей юрисдикции и Конституционного суда Российской Федерации».

THE PROBLEM OF ATTRIBUTING MUNICIPAL OWNERSHIP TO THE HYDRAULIC ENGINEERING STRUCTURE AND WAYS TO SOLVE IT

Semyakin N.K.
State University of Land Use Planning

The problem of attributing municipal ownership to the GTS and ways to solve it» The subject of the article is an analysis of the current legislation on ownership of land plots occupied by hydraulic structures (hereinafter – GTS). The purpose of the work is to formulate amendments to the law that will reduce the risks of emergencies due to improper operation of the GTS, prevent emergencies and review the

current regulations on the maintenance of hydraulic structures and preparation for floods, determine the levels of responsibility. Currently, the law allows that GTS can be both in federal and municipal ownership, however, the law «On General Principles of organization of Local Government in the Russian Federation» does not contain information that such objects can be part of the property of a local government body. That is, municipal authorities are obliged to take part in the prevention and elimination of the consequences of emergencies

Keywords: water fund land; hydraulic facilities; Russian register of hydraulic facilities; water infrastructure facilities the turno-ver of the land.

References

1. Constitution of the Russian Federation
2. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 08.08.2024) "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024).
3. Federal Law of 21.07.1997 No. 117-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the Safety of Hydraulic Structures" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024).
4. Federal Law of 29.05.2023 No. 191-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Amendments to the Federal Law "On the Safety of Hydraulic Structures" and Article 48.1 of the Urban Development Code of the Russian Federation".
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.04.2019 No. 864-O "On refusal to accept for consideration the request of the Mostovsky District Court of Krasnodar Krai to verify the constitutionality of paragraphs 1 and 2 of subdivision 5 of section 1 of appendix 6 to the Law of Krasnodar Krai "On the delimitation of property owned by the municipality of Mostovsky District between newly formed urban, rural settlements and the municipality of Mostovsky District, of which they are part".
6. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES23–21596 dated 01.02.2024
7. Decision of the Arbitration Court of the Rostov Region dated 24.06.2024 in case No. A53–39792/22.
8. Brinchuk M.M. Special legal regime of natural resources: the concept of nature as a national heritage // Environmental law. 2021. No.
9. Vasilyeva M.I. On legal support of the accessibility of water bodies and coastal strips for citizens // Legal issues of real estate. 2013. No. 1. P. 29–32);
10. Lipsky S.A. Legal regulation of cadastral relations in post-Soviet Russia: trends, problems, ways to solve them. // Notary. – 2013. – No. 6. – P. 20–25.
11. Shugrina E.S. "Should hydraulic structures be part of municipal property? Approaches of the prosecutor's office, courts of general jurisdiction and the Constitutional Court of the Russian Federation."

Дело «Lotus» в условиях современного международно-правового ландшафта

Скаридов Александр Станиславович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и морского права ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова
E-mail: alexskar@oceanlaw.ru

Интерес к истокам формирования основных принципов международного права тем выше, чем ожесточеннее споры по поводу его неспособности эффективно регулировать складывающиеся международные отношения. Минуло практически 100 лет с даты вынесения судебного решения по делу S.S. Lotus и сложившийся в экспертном сообществе утверждение о том, что «все, что не запрещено международным правом, разрешено» уже не выглядит правомерным и уж, во всяком случае, его широкая интерпретация, если она когда-либо точно отражала рассуждения суда в деле Lotus, больше не кажется обоснованной.

Ключевые слова: Международное право, «принцип Lotus», национальный закон, решение судебных органов, суверенитет, позитивизм.

2 августа 1926 года французский пароход S.S. Lotus столкнулся в открытом море с турецким угольщиком Boz-Kourt, который раскололся надвое и затонул, и восемь членов его экипажа погибли. Команда Lotus оказала помощь выжившим, включая его капитана, Хасана Бея, а затем продолжил путь в Константинополь. Турецкие власти впоследствии потребовали, чтобы лейтенант Демоне, вахтенный офицер на борту Lotus, когда произошло столкновение, сошел на берег для дачи показаний. По завершении допроса турецкие власти поместили Демонса и Хасана Бея под арест до суда по обвинению в непредумышленном убийстве. На суде защита Демоне утверждала, что турецкий суд не обладает юрисдикцией над французским моряком, но суд признал Демонса и Хасана Бея виновными, приговорив каждого к сроку тюремного заключения [1]. Французское правительство опротестовало арест и осуждение своего гражданина и потребовало, чтобы дело было передано во французский суд. Турция предложила, и Франция согласилась, передать дело на рассмотрение в *Постоянную палату международного правосудия (далее ППМП)*, которой был задан вопрос не нарушила ли Турция принципы международного права, осудив иностранного гражданина за деяния, совершенные вне турецкой территории.

Создание Постоянной палаты международного правосудия, предшественника Международного суда, было предусмотрено в Статуте Лиги Наций. Она провела свое первое заседание в 1922 г. и была распущена в 1946 г. Работа ППМП позволила прояснить ряд аспектов международного права и способствовала его развитию. В период с 1922 по 1940 гг. ППМП рассмотрела 29 спорных дел между государствами и вынесла 27 консультативных заключений.

Французское правительство утверждало, что турецкие суды, чтобы иметь юрисдикцию, должны были сослаться на общепризнанную норму международного права и что в рассматриваемом деле должен применяться «закон флага», то есть та страна которая предоставила судну флаг и должна обладать уголовной юрисдикцией в отношении членов его экипажа. В свою очередь Турция, утверждала, что было бы неправомерно и несправедливо по отношению к гражданам Турции, если бы она не смогла возложить на французского офицера ответственность за смерть 8 погибших граждан Турции. Турецкое правительство придерживалось мнения, что статья 15 Лозанского мирного договора [1] допускала юрисдикцию Турции всякий раз, когда такая юрисдикция не вступает в противоре-

чие с ее международными обязательствами [12]. В конечном итоге Суд постановил (разделив голоса шестью на шесть, при этом решающий голос был за президентом Хубером), что Суд не может определить норм или принципов международного права, препятствующих Турции осуществлять юрисдикцию в открытом море и что при таких обстоятельствах Франция и Турция имели «параллельную юрисдикцию» [2]. Иными словами поскольку Франция не может доказать существование правила, запрещающего Турции распространить свою уголовную юрисдикцию на экипаж иностранного судна в указанных выше условиях, то она (Турция) вправе распространить на лиц французского экипажа свою «государственную волю» [3].

Впоследствии эксперты стали достаточно широко толковать решение суда, допуская в специальной литературе отношение к нему как к «принципу Lotus» в соответствии с которым государство вправе расширять юрисдикцию, если это не противоречит международным актам [2]. Эксперты полагали, что смысл сформулированного ПМПП решения был по сути ответом на вопрос «является ли международное право разрешительным или запретительным» [4], хотя, на самом деле суд лишь определил что международное право регулирует отношения между независимыми государствами исходя из собственной воли, выраженной в подписанных соглашениях и общепризнанных международных обычаях [1]. Однако, заметим для наших последующих суждений, что ПМПП, вынося решение в пользу Турции указал на то, что «закон – это единственная сила, которая вытекает из воли государств» [5], и при отсутствии каких-либо существующих правил в международных водах государство вправе осуществлять свою полную юрисдикцию [6].

После столетия академических обсуждений, решение по делу Lotus было фактически упразднено на основании Конвенции об открытом море 1958 года, фактически утвердившей «правило флага» (см., например, статьи 5, 11 Конвенции 1958 г.). Однако, в дальнейшей практике «принцип Lotus» вновь стал объектом ссылок в судебных решениях Международного трибунала по морскому праву (МТМП) 2019 года по делу M/V *Norstar* (Панама против Италии) и в решении арбитражного суда ad hoc по делу *Enrica Lexie Incident* (Италия против Индии).

Напомним, что 10 апреля 2019 года МТМП вынес решение по делу судна «*Norstar*» (Панама против Италии). Это был первый случай, когда международный трибунал вынес решение непосредственно по принципу свободы судоходства в международных водах. В частности, трибунал постановил (пятнадцатью голосами против семи), что, арестовав и задержав судно «*Norstar*» под панамским флагом, Италия нарушила статью 87(1) Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. При этом Трибунал, вероятно, опирался на довольно широкое понимание принципа исключительной юрисдикции государства флага, изложенного в статье 92

КМП-82. В дополнение к этому трибунал отклонил денежные требования Панама (за упущенную выгоду судовладельца, выплату заработной платы, выплату сборов и налогов, ущерб фрахтователю, материальный и нематериальный ущерб физическим лицам) присудив в ее пользу лишь менее одного процента от первоначального требования (таким образом, окончательная присужденная сумма составила 285 000 USD плюс предварительные проценты, начисленные с 1998 года, что в общей сложности составило около 500 000 USD). Италия рассматривала решение трибунала как «ограничивающее» ее право на арест судна. Однако, по мнению трибунала, спор касался «не только постановления об аресте и запроса на его исполнение», предпринятых Италией, ответчиком, но «также ареста и задержания «*Norstar*», предпринятых третьей стороной – Испанией.

С 1994 по 1998 год «Norstar» занималась поставками газойля на яхты в открытом море «у берегов Франции, Италии и Испании». Продажа газойля судам в море известна как «бункеровка» или «офшорная бункеровка». В 1997 г. итальянская налоговая полиция начала расследование в отношении «Norstar» и ее аффилированной брокерской компании, зарегистрированной в Италии. Расследование показало, что деятельность «Norstar» нарушала действующее налоговое законодательство: Т/х «Norstar» занималось продажей топлива, приобретенного в Италии, с освобождением от налоговых пошлин клиентам итальянских и других прогулочных судов ЕС в международных водах у берегов итальянского города Сан-Ремо. Итальянские власти возбудили уголовное дело против ряда лиц, причастных к этому, включая капитана «Norstar». 11 августа 1998 г. прокурор суда Савоны, Италия, вынес постановление о наложении ареста на «Norstar», объявив, что судно «а также перевозимые на нем нефтепродукты должны быть изъяты как вещдоки преступления». В тот же день итальянская прокуратура также направила запрос об оказании судебной помощи испанским властям для обеспечения исполнения постановления об аресте. Запрос был основан на Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Европейская конвенция). 25 сентября 1998 г. испанские власти в Пальма-де-Майорке арестовали судно «Norstar». В 2003 г. итальянский суд оправдал обвиняемых, а также отменил арест «Norstar», постановив, что судно должно быть возвращено его владельцу.

В деле *Enrica Lexie* особенность правовой стороны конфликта составляет вопрос о правомочности индийского правосудия давать юридическую оценку происшествию, свершившемуся вне территориальных вод Индии. Если очень коротко, то 15 февраля 2012 года танкер *Enrica Lexie* под итальянским флагом находился у побережья индийского штата Керала, следуя в Египет с экипажем из 34 человек, шестеро из которых были военнослужащими полка морской пехоты с задачей охранять судно от возможного пиратского нападения, поскольку

его маршрут пролегал через опасные воды в районе Сомали. В дальнейшем индийское рыболовное судно «St. Antony», приблизилось к танкеру примерно на 300 метров, и двое итальянских военных, сочтя его манёвры агрессивными, открыли огонь на поражение и убили двоих граждан Индии. После этого Enrica Lexie был перехвачен береговой охраной Индии и его заставили прибыть в порт Кочи. Позднее итальянские офицеры, открывшие огонь были арестованы индийскими властями по обвинению в убийстве. Дело было рассмотрено МТ-МП (передача дела в Международный Суд (МС) была практически невозможна поскольку Индия не признавала его юрисдикцию в делах отнесенных к компетенции Трибунала по морскому праву), который решил избежать любого решения относительно как нематериального ущерба, понесенного двумя морскими пехотинцами, так и материального ущерба, понесенный судоходной компанией из-за задержания Enrica Lexie. Не станем описывать перипетии с итальянцами в Индии, но заметим, что окончательные результаты этого довольно сложного процесса были достигнуты лишь 9 лет спустя 15 июня 2021 года. Когда Верховный суд Индии официально принял компенсацию, предложенную итальянским правительством, в размере 1,1 млн. € и объявил о прекращении всех уголовных разбирательств в отношении двух итальянских морских пехотинцев и урегулировал все связанные с этим нерешенные вопросы в суде.

Хотя и Norstar, и Enrica Lexie имели разную фактическую подоплеку – Norstar касался «бункеровочной» деятельности, осуществляемой в открытом море, а Enrica Lexie – инцидента со стрельбой и объединение этих двух дел для анализа, на первый взгляд может показаться произвольным, но при более близком рассмотрении между ними есть много общего:

- заявители выиграли в обоих случаях (Италия участвовала в обоих спорах, выиграв одно и проиграв другое);
- двое из пяти арбитров в деле Enrica Lexie – в разное время – также были судьями в Морского трибунала (ITLOS), поэтому имеется частичное совпадение в идентичности арбитров;
- в обоих случаях речь шла о признании юрисдикции государства-флага.

Оба решения в той или иной мере учитывали решение Постоянной палаты международного правосудия по делу Lotus. Так, если выбор национальной юрисдикции в деле Enrica Lexie, было принято в противоречие указанному решению, но в соответствии положениями действующего международного права (См.: положения Брюссельской конвенции 1952 г., затем Конвенции об открытом море 1958 г. и принявшей, в этой части, свою окончательную форму в статье 97(1) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (КМП-82), предусматривающую исключительную юрисдикцию государства флага для уголовного или дисциплинарного разбирательства «в случае столкновения или любого другого инцидента судоходства, касающегося

судна в открытом море»), то признание юрисдикции Итальянского суда в деле Norstar, имевшего панамский флаг полностью соответствовало ранее принятому по делу Lotus решению.

Долгое время западные комментаторы из дела Lotus делали выводы далеко выходящие за пределы указанных споров широко толкуя «принцип Lotus», рассматривая последний как имеющий отношение к исполнительной, судебной и перспективной юрисдикции (enforcement, adjudicative, and perspective jurisdiction), как основу юрисдикционной трихотомии в международном праве.

Современный международно-правовой ландшафт представляет достаточно сложную картину. Он сложился в ответ на конкретные кризисы и инциденты, будь то войны, пандемии, экологические катастрофы, экономические сбои или технологические достижения. События недавнего прошлого взяли на себя основополагающую роль в эволюции международного права, направляя его траекторию развития, формируя форму и содержание международных норм и институтов и определяя права и обязанности международных субъектов. В этом процессе важную функцию призваны выполнять и международные судебные инстанции. Однако, в том, что касается применимости решения по делу Lotus в международной судебной практике, в дальнейших решениях, Международного суда ООН оно учитывалось (хотя и не формально) весьма ограниченно [7]. Однако, применительно к текущей международной повестки весьма примечательными, на наш взгляд, являются, как минимум два решения: одно связано с применимостью ядерного оружия, а другое с признанием права народов на самоопределение.

В декабре 1994 года Генеральная Ассамблея ООН передала Международному суду следующий вопрос: «Разрешена ли угроза или применение ядерного оружия при каких-либо обстоятельствах международным правом?» Полученное консультативное заключение включало в себя наиболее обширное рассмотрение принципа Lotus в истории Международного Суда ООН (МС). Заключение Суда породило многочисленные академические дебаты, некоторые из которых имели диаметрально противоположные точки зрения по применению т.н. принципа Lotus и его толкования. Известно, что в своем решении МС указал на то, что ни строгое толкование принципа Lotus, ни общая презумпция законности при отсутствии запрета не соответствуют взгляду Суда на международное право..., однако в его как договорных, так и в обычных нормах отсутствует общий запрет (В пункте (2) В МС также пришел к выводу (одиннадцатью голосами против трех), что ни в обычном, ни в договорном международном праве нет всеобъемлющего и универсального запрета на угрозу его применения) на применение ядерного оружия [8]. Поэтому Суд постановил, что международное право не дает конкретного ответа на вопрос о законности угрозы или применения ядерного оружия как такового.

Хотя, справедливости ради надо привести и положения параграфа (2) Е, где Суд пришел к выводу (семью голосами против семи, решающим голосом Президента), что «угроза или применение ядерного оружия в целом противоречили бы нормам международного права, применимым в вооруженном конфликте, и в частности принципам и нормам гуманитарного права».

В заключении МС сделал вывод о том, что, «учитывая нынешнее состояние международного права... суд не может прийти к окончательному выводу о том, будет ли угроза или применение ядерного оружия законным или незаконным в экстремальных обстоятельствах самообороны, когда на карту поставлено само выживание государства» [9].

Исследуя это решение сегодня, в условиях складывающегося международно-правового ландшафта следует отметить, что воззрения, в первую очередь, Западных держав на то, что массированные поставки оружия одной из воюющих сторон (например, Украине), не принимая при этом формального объявления войны, но угрожая уничтожению другой противоборствующей стороне (например РФ) есть не только угроза, но и применение силы, порождающие применение национального закона в ущерб норм международного права, сложившихся до начала вооруженного противостояния. В полном соответствии с угрозой Президент России В.В. Путин объявил о пересмотре ядерной доктрины. Он заявил, что агрессия неядерного государства, поддержанная ядерным государством, будет рассматриваться как совместное нападение на Россию. Он также заявил о возможности использования ядерного оружия в ответ на агрессию против РФ и Беларуси в защиту их суверенитета.

В другом деле, связанном с определению независимости Косово, очевидно влияние принципа Lotus на целостность государственной территории. В соответствии с Резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН 10 июня 1999 года Косово было передано под управление ООН.

Резолюция была направлена на создание «временной администрации для Косово», которая «обеспечит переходное управление, одновременно создавая и контролируя развитие временных демократических институтов самоуправления».

Это произошло вслед за так называемой гуманитарной интервенцией НАТО в Косово с целью обеспечения ее существенной автономии в составе Союзной Республики Югославии. Были большие надежды на то, что Косово и Сербия под патронажем Совета Безопасности ООН достигнут рабочего соглашения о территориальном статусе Косово. Детально не рассматривая в настоящей статье негативную, на наш взгляд, роль специального посланника Генерального секретаря ООН М. Ахтисаари по процессу определения будущего статуса Косово, заметим, что стороны не смогли договориться по большинству вопросов именно благодаря его участию в переговорах.

Выводы и рекомендации Ахтисаари были поддержаны Генеральным секретарем ООН, но не по-

лучили единогласного одобрения в Совете Безопасности. Однако Члены Ассамблеи Косово были избраны и первая сессия Ассамблеи состоялась в начале 2008 года.

Большинство государств ссылаясь на роль Международного Суда как главного судебного органа ООН, подтвердили его ответственность за урегулирование правовых споров, а также привилегию каждого государства запрашивать консультативные заключения по вопросам, имеющим для них значение приняли резолюцию ГА ООН (Принята 77 голосами «за», 6 «против» и 74 воздержавшихся), запросив у МС консультативного заключения по вопросу «было ли одностороннее провозглашение независимости Косово (...) сделано в соответствии с международным правом».

Многие эксперты выразили мнение, что вопрос был поставлен крайне узко и неумело. Его можно было бы задать и по-другому, например, «давало ли международное право Временным институтам самоуправления Косово право односторонне провозгласить независимости Косово от Сербии». Примерно так федеральное правительство Канады запросило в Верховный суд Канады в отношении отделения Квебека, на что Верховный суд ответил, что нет законного права на одностороннее отделение от территории государства

Применяя в консультативном заключении по Косово принципа Lotus суд поощрил свободу негосударственного субъекта (Косово), в ущерб суверенному государству (Сербия), что свидетельствовало об эволюцию принципа, который стал применим не только к государствам, но и к другим субъектам. МС приравнял отсутствие запрета к разрешению и, хотя формально он не использовался в пользу государственного суверенитета, но фактически вместо этого привел к содействию независимости Косово от Сербии. Немногие международные судебные решения привлекли столько внимания и критику к указанному решению МС, но, несомненно, оно имеет и современное значение.

В качестве выводов позволим себе следующие констатации.

1. Сторона не могущая доказать существование правила, запрещающего поведение другой не может считаться нарушителем международного права. Примечательно, что в течение долгого времени это считалось классической артикуляцией международного правового позитивизма и было основано на общем представлении о том, что «закон следует считать единой системой правил, которые исходят из воли государства». Иными словами решение Постоянной палаты международного правосудия было основано на представлении о том, что «там, где есть воля государства, существует международное право и наоборот». В пределах своей территории государство может осуществлять свою юрисдикцию по любому вопросу, даже если нет конкретной нормы международного права, разрешающей ему это делать. Оно не только не устанавливает

общего запрета на то, что государства не могут распространять применение своих законов и юрисдикцию своих судов на лиц, имущество и действия за пределами их территории, но и оставляет им в этом отношении широкую меру дискреции, которая ограничивается лишь в некоторых случаях запретительными нормами; в других случаях каждое государство остается свободным принимать принципы, которые оно считает наилучшими и наиболее подходящими...» (пункты 46 и 47 дела Lotus).

2. Ограничение, налагаемое международным правом на государство, заключается в том, что при отсутствии разрешающей нормы, устанавливающей иное, оно не может осуществлять свою власть в какой-либо форме на территории другого государства. В этом смысле юрисдикция является территориальной и не должна осуществляться государством за пределами его территории, кроме как в силу разрешающей нормы, вытекающей из международного соглашения [1]. Вместе с тем, современная практика свидетельствует том, что в случае отсутствия соглашения, но возникновения угрозы со стороны иностранного государства или в целях защиты граждан и иных национальных интересов государство обязано принять любые необходимые меры для демпфирования угроз.
3. Решение международного судебного органа не обязательно формулирует обычное право или закрывает проблемы в нормативном регулировании. Решение может быть изменено последующей договорной нормой или судебной практикой. Однако, ограничения не налагаются «правилами» – при отсутствии разрешающей нормы об обратном. Противостоять пробелу или двусмысленности, которая существует в нормах международного права, может лишь новая норма, основанная на согласовании воли государств.

Решение по делу SS Lotus отражало для своего времени общепринятое и традиционное толкование международного права. Последующие судебные решения были приняты в период спокойной и довольно осмысленной политико-дипломатической деятельности и их выводы в меньшей мере политизированы нежели в текущем периоде межгосударственных отношений, когда Запад не оставляет попыток расшатывания действующих международно-правовых норм в угоду своим интересам [10]. Тем ценнее их правовое содержание и практика применения к которым несомненно придется вернуться в будущем.

Литература

1. The Case of the S.S. Lotus // Permanent Court of International Justice, Series A. – 1927. – № 10. – P. 18.
2. Murphy F. John, Atik Jeff, International Legal Education // The international lawyer. – 2003. – VOL. 37. – № 2. – P. 623–629.
3. Brownlie Ian, Principles of public international law. – Publisher. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. – P. 301/
4. Lotus Principle in ICJ Jurisprudence: Was the Ship Ever Principle in ICJ Jurisprudence: Was the Ship Ever Afloat? // Michigan Journal of International Law. – 2007. – Vol.29. – № 1. <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1145&context=mjil> (дата обращения 15.11.2024)
5. Report on the work of the seventy-second session – International Law Commission, 2021. https://legal.un.org/avl/pdf/ha/sicj/sicj_ph_e.pdf. (дата обращения 01.11.2024)
6. Michigan Law Review, Recent Books // University of Michigan Law School Scholarship Repository. – 2021. <https://repository.law.umich.edu/> (дата обращения 01.11.2024)
7. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion // International Court of Justice. – 1996. – July 8. – P. 226, 238–39; Military and Paramilitary Activities (Nicar.v. U.S.) // International Court of Justice. – 1986. – June 27. – P. 14, 24; North Sea Continental Shelf (F.R.G. v. Den., FR.G. v. Neth.) // International Court of Justice. – 1969. – Feb. 20. – P. 3, 44.
8. Written Statement of the Government of the United States of America Concerning Request of United Nations General Assembly for Advisory Opinion on Legality of Threat or Use of Nuclear Weapons // Nuclear Weapons. – 1996. – P. 8.; International Court of Justice. – June 20, 1995. – P. 226
9. Путин назвал применение Россией ядерного оружия крайней мерой. <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2024/6720e2859a7947b8fcd9038e> (дата обращения 01.11.2024)
10. Лавров: система международного права проходит проверку на прочность из-за шагов Запада. <https://tass.ru/politika/16288475> (дата обращения 01.11.2024)
11. Treaty of Lausanne – World War I Document Archive. – Wwi.Lib.Byu.Edu, 2021. https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne#:~:text=No%20power%20or%20jurisdiction%20in,Powers%20signatory%20of%20the%20present (дата обращения 01.11.2024)
12. Bin Cheng, General principles of law as applied by international courts and tribunals. – Cambridge 1987. – P. 29.

THE «LOTUS» CASE IN THE CURRENT INTERNATIONAL LEGAL LANDSCAPE

Skaridov A.S.

Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Interest in the origins of the formation of the basic principles of international law is the greater the more heated the debates over its inability to effectively regulate emerging international relations. Almost 100 years have passed since the court decision in the S.S. Lotus case, and the assertion that has developed in the expert community that “everything that is not prohibited by international law is permitted” no longer seems legitimate, and, in any case, its broad interpretation, if it ever accurately reflected the court’s reasoning in the Lotus case, no longer seems justified.

Keywords: International law, «Lotus principle», national law, judicial decisions, sovereignty, positivism.

References

1. The Case of the S.S. Lotus // Permanent Court of International Justice, Series A. – 1927. – № 10. – P. 18.
2. Murphy F. John, Atik Jeff, International Legal Education // The international lawyer. – 2003. – VOL. 37. – № . 2. – P. 623–629.
3. Brownlie Ian, Principles of public international law. – Publisher. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. – P. 301/
4. Lotus Principle in ICJ Jurisprudence: Was the Ship Ever Principle in ICJ Jurisprudence: Was the Ship Ever Afloat? // Michigan Journal of International Law. – 2007. – Vol.29. – № 1. <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1145&context=mjil> (дата обращения 15.11.2024)
5. Report on the work of the seventy-second session – International Law Commission, 2021. https://legal.un.org/avl/pdf/ha/sicj/sicj_ph_e.pdf. (дата обращения 01.11.2024)
6. Michigan Law Review, Recent Books // University of Michigan Law School Scholarship Repository. – 2021. <https://repository.law.umich.edu/> (дата обращения 01.11.2024)
7. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion // International Court of Justice. – 1996. – July 8. – P. 226, 238–39; Military and Paramilitary Activities (Nicar.v. U.S.) // International Court of Justice. – 1986. – June 27. – P. 14, 24; North Sea Continental Shelf (F.R.G. v. Den., FR.G. v. Neth.) // International Court of Justice. – 1969. – Feb. 20. – P. 3, 44.
8. Written Statement of the Government of the United States of America Concerning Request of United Nations General Assembly for Advisory Opinion on Legality of Threat or Use of Nuclear Weapons // Nuclear Weapons. – 1996. – P. 8.; International Court of Justice. – June 20, 1995. – P. 226
9. Putin called Russia’s use of nuclear weapons an extreme measure. <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2024/6720e2859a7947b8fcd9038e> (accessed 01.11.2024)
10. Lavrov: the system of international law is being tested for strength due to the West’s steps. <https://tass.ru/politika/16288475> (accessed 01.11.2024)
11. Treaty of Lausanne – World War I Document Archive. – Wwi. Lib.Byu.Edu, 2021. https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne#:~:text=No%20power%20or%20jurisdiction%20in,Powers%20signatory%20of%20the%20present (дата обращения 01.11.2024)
12. Bin Cheng, General principles of law as applied by international courts and tribunals. – Cambridge 1987. – P. 29.

Правовой статус цифрового рубля: трансформация законодательства в условиях цифровой экономики

Хван Иван Игоревич,

аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления

Сейчас во всем мире происходит глобальная цифровизация, которая затронула и Россию. Эта тенденция упростит и автоматизирует рутинные задачи. Благодаря транзакциям с использованием цифровых рублей операции станут прозрачными и безопасными. Снижение уровня коррупции и нецелевых трат сделает российскую экономику более эффективной. Цифровизация рубля может помочь в борьбе с мошенничеством. Цифровой рубль в гражданском обороте будет выполнять функцию денег, как наличные, имея свой идентификационный знак на каждом рубле, так и безналичные, выполняя платежи и расчеты удаленным способом. Цифровизация потребует внесения многочисленных поправок в российское законодательство, поскольку изменения коснутся многих отраслей права. Цель исследования заключается в том, чтобы определить, как правовые нормы влияют на функционирование цифрового рубля и какие изменения или дополнения могут потребоваться для эффективного регулирования его использования. В работе используются системный подход, методы анализа и синтеза. Результатами исследования являются какие изменения необходимо внести в нормативно-правовые акты, какое правовое место будет занимать в законодательстве цифровой рубль. Исследована технология цифрового рубля и проведено сравнение понятий цифрового рубля с цифровой валютой. Выводом является, что цифровой рубль может упростить и ускорить процесс проведения платежей. Цифровая валюта может снизить издержки на проведение платежей и расчетов, что может привести к снижению стоимости финансовых услуг. Цифровой рубль позволит отслеживать все операции с ним, что повысит прозрачность финансовой системы и снизит риск мошенничества. С введением цифрового рубля Центральный банк получит больше контроля над финансовой системой. Цифровизация денег может способствовать к исчезновению наличных денег, поэтому требуется тщательная проработка с правовой точки зрения цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, национальная платежная система, Центральный банк РФ.

За последние несколько лет наблюдается стремительное развитие и интеграция цифровых валют по всему миру. В настоящее время уже 36 стран разрабатывают собственные национальные цифровые валюты, среди которых Казахстан, Китай, Турция, Иран, в том числе и Россия. В общей сложности 134 страны активно занимаются внедрением или уже внедрили цифровые валюты.

Китайская Народная Республика занимает лидирующие позиции в создании электронной валюты. Государство активно развивает цифровую валюту, которая используется для различных транзакций и интегрируется в экономику страны.

По данным на конец июня 2023 года, в обращении находится около 16,5 миллиарда юаней (это примерно 2,3 миллиарда долларов) в виде цифровых юаней. Однако пока что эта цифра составляет лишь 0,16% от общей денежной массы страны [1, с. 59]. Это говорит о том, что популярность цифрового юаня среди населения пока не слишком высока. В основном он используется для розничных покупок.

В Европе главным приоритетом внедрения цифровой валюты является экономическая интеграция, которая позволит упростить транзакции между странами. Со своей стороны, США видят в цифровой валюте инструмент для предотвращения финансовых потрясений, таких как мировой экономический кризис 2008 года, за счет более прозрачного мониторинга и управления денежными потоками.

В 2023 году в Российской Федерации Центральный банк РФ утвердил Положение от 03.08.23 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» [13], что стало важным шагом в создании национальной цифровой валюты. Основные моменты, связанные с платформой цифрового рубля, заключаются в следующем:

Платформа цифрового рубля представляет собой информационную систему, с помощью которой пользователи, операторы и участники могут совершать операции с цифровыми рублями. Это программное обеспечение для хранения и передачи средств.

Центральный банк РФ является оператором этой платформы, создавая и регулируя правила обращения цифровой валюты.

Пользователи платформы могут создавать кошельки через Банк России, который будет единственным эмитентом цифровых рублевых кошельков. Для регистрации потребуются идентификация пользователя по паспорту.

Участниками платформы выступают коммерческие банки, которые будут предоставлять услуги по проведению операций с цифровыми рублями.

По концепции Центрального банка РФ цифровой рубль получит уникальный номер, который позволит, например, запрограммировать условия расходования средств. Это может быть полезно для контроля целевых расходов. Например, когда молодой семье выделяют материнский капитал, то денежные средства они могут потратить исключительно лишь на детский сад, школу или ВУЗ и т.д. Потратить материнский капитал на другие цели молодая семья не сможет. Такие меры обеспечат более прозрачное использование средств, сократят бумажный документооборот и снизят время на рассмотрение заявок.

Либо из регионально бюджета были выделены денежные средства на развитие здравоохранения. Они будут реализованы, например, на покупку медицинского оборудования для учреждения здравоохранения.

Таким образом, чтобы контролировать, как используются средства, цифровые рубли получают специальную метку. Она будет указывать, на какие цели разрешается тратить эти деньги.

Благодаря цифровому рублю государство сможет автоматически отслеживать, как перемещаются деньги, которые выделяют по государственным контрактам или в рамках других бюджетных платежей. Если кто-то попытается потратить их не по назначению, система это зафиксирует и заблокирует операцию.

Управлять такими ограничениями можно через специальный элемент платёжной системы или с помощью «умного контракта».

Благодаря цифровизации возникают цифровые отношения, которые должны быть урегулированы цифровыми правами. Согласно новой статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. [2, с. 164]. Таким образом, цифровое право является важным инструментом для обеспечения безопасности и стабильности в цифровом пространстве. Оно способствует развитию цифровой экономики, защите прав и интересов участников цифровых отношений, а также формированию эффективной системы регулирования в этой области.

Цифровое право способствует интеграции цифровой валюты с другими цифровыми системами, такими как системы электронного документооборота, системы электронной коммерции и другие системы, использующие цифровые технологии.

Российское право не позволяет цифровую валюту использовать как денежную единицу. Согласно пункту 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации» [12], цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных, которые хранятся в информационной системе и могут использоваться как средство платежа, не привязанное к какой-либо национальной или международной денежной единице. Кроме того, электронная валюта используется в качестве инвестиции. Данная валюта не контролируется никаким образом со стороны государства.

Уникальность цифровой валюты состоит в том, что она не имеет единого эмитента, который несёт бы ответственность перед каждым её держателем. При этом оператор и узлы информационной системы должны следить за тем, чтобы выпуск и операции с электронными данными соответствовали правилам системы.

В связи с этим законодателю необходимо чётко разграничить понятия «цифровая валюта» и «цифровой рубль» [3, с. 159–160]. Вероятно, путаница возникла из-за недостаточного понимания самим законодателем специфики цифрового пространства. Использование термина «цифровая валюта» по отношению к цифровому рублю происходит на основе дословного перевода зарубежного термина Central Bank Digital Currencies (CBDC), который обозначает цифровой аналог денежных средств. При этом не учитывается уже существующее в национальном законодательстве понятие «цифровая валюта», которое определено в федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Центральный банк России видит в цифровом рубле не только средство платежа, но и объект гражданских прав. Законодательство признало цифровой рубль индивидуально-определённой вещью и закрепило его статус на правовом уровне, включив в статью 128 ГК РФ [6] как имущественное право. Возможность расчётов с помощью цифровых рублей уже предусмотрена статьёй 140 ГК РФ.

Внедрение цифрового рубля как национальной валюты затронет многие виды законодательства, которые со временем претерпят кардинальные изменения. В налоговое законодательство потребуются принятие процедуры фискальной системы, бюджетным законодательством следует предусмотреть процесс субсидирования и поступления цифрового рубля в бюджет и уголовным правом предусмотреть ответственность за преступления, связанные с цифровым рублем. Поправки понадобятся во многие нормативно-правовые акты, т.к. цифровой рубль охватывает большую область российского законодательства. Это затронет ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [10], «О национальной платёжной системе» [11], «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [9], «О Центральном банке РФ» [8] и «О банках и банковской деятельности» [7] и многие другие законы».

Изучая вопрос о цифровом рубле, можно задать логичный вопрос: возможно ли подделать либо

взломать цифровой рубль? И так, при транзакции цифрового рубля указываются следующие данные: уникальный номер транзакции, дата и время транзакции, идентификатор участника платформы (банка), сумма перевода цифровых рублей, наименование участника платформы, наименование плательщика, идентификатор плательщика, получатель средств, идентификатор получателя средств, счет цифрового рубля получателя и назначение платежа. Благодаря этим сведениям система сможет моментально отследить транзакцию.

Цифровой рубль – это высокотехнологичные инновационные умные деньги, что позволяет в процессе их обращения использовать функционал смарт-контракта. Цифровой рубль, согласно Концепции цифрового рубля, – это токен, имеющий уникальный код, следовательно, токенизация рубля также приведет к утрате конфиденциальности расчетов, что может быть негативно воспринято участниками рынка [4, с. 6].

Многие ученые высказывают мнение, что цифровой рубль является криптовалютой [5, с. 250]. Между данными понятиями есть огромное отличие. Криптовалюта не владеет никакого легального контроля, тогда как цифровой рубль будет полностью контролироваться Центральным банком РФ.

Массовое внедрение цифрового рубля планируется ввести с 1 июня 2025 года. Пользователи смогут пополнять, переводить электронные деньги. В настоящее время действует тестовый режим, где в транзакциях задействованы до 9 тысяч человек и до 1200 торговых и сервисных предприятий. Участники платформы на данный момент являются 12 банков. В 2026 году планируется выдавать специальную лицензию некоторым банкам, а через год уже всем кредитным организациям.

Чтобы предотвратить коррупцию, государственные и межбюджетные трансферы переведут на платформу Центрального банка. Это позволит контролировать целевое использование средств.

Таким образом, цифровая валюта Центрального банка РФ – это закономерное развитие финансовых технологий, которое обещает принести удобство всем участникам экономических отношений. Благодаря ей физические лица смогут осуществлять переводы между своими кошельками без комиссии. Прослеживаемость транзакций приведет к предупреждению мошенничества. Юридические лица получают конкурентные условия для переводов и безналичной оплаты. Кроме того, будут введены «умные контракты», которые позволят автоматизировать процесс.

Государство будет знать о текущем положении экономики в стране. Цифровой рубль позволит снизить нецелевое использование средств, и приведет к снижению уровня коррупции.

Литература

1. Мамаева, Ю.А. Цифровой юань e-CNY: перспективы развития государственной цифровой

валюты Китая / Ю.А. Мамаева // Современная Азия: политика, экономика, общество. – 2024. – № 1. – С. 59.

2. Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р.Б. Головкин, О.С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С. 164.
3. Шумилова, В.В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты / В.В. Шумилова // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 159–160.
4. Шапсугова, М.Д. Анализ модели цифрового рубля, предложенной в концепции цифрового рубля банка России / М.Д. Шапсугова // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 2(16). – С. 6.
5. Невская, Н.А. Место криптовалют в монетарной политике ЕЦБ и Банка России / Н.А. Невская // ЦИТИСЭ. – 2019. – № 4(21). – С. 250.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 г.) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492.
8. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ: принят Гос. Думой 27 июня 2002 г.: [ред. от 30 дек. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
9. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
10. Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
11. Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 01.12.2021 г.) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
12. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.
13. Положение Банка России от 03.08.2023 N 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») [Текст]. – Москва: Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023, N 74716.

LEGAL STATUS OF THE DIGITAL RUBLE: TRANSFORMATION OF LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

Hvan I.I.

Novosibirsk State University of Economics and Management

Currently, the world is undergoing global digitalization, which has also affected Russia. This trend will simplify and automate routine tasks. Transactions using digital rubles will make operations transparent and secure. Reducing the level of corruption and inappropriate spending will make the Russian economy more efficient. Digitalization of the ruble can help in the fight against fraud. The digital ruble in civil circulation will perform the function of money, both cash, having its own identification mark on each ruble, and non-cash, making payments and settlements remotely. Digitalization will require numerous amendments to Russian legislation, since the changes will affect many branches of law. The purpose of the study is to determine how legal norms affect the functioning of the digital ruble and what changes or additions may be required to effectively regulate its use. The work uses a systematic approach, methods of analysis and synthesis. The results of the study are what changes need to be made to regulatory legal acts, what legal place the digital ruble will occupy in the legislation. The technology of the digital ruble is studied and the concepts of the digital ruble and digital currency are compared. The conclusion is that the digital ruble can simplify and speed up the process of making payments. Digital currency can reduce the costs of making payments and settlements, which can lead to a decrease in the cost of financial services. The digital ruble will allow tracking all transactions with it, which will increase the transparency of the financial system and reduce the risk of fraud. With the introduction of the digital ruble, the Central Bank will gain more control over the financial system. Digitalization of money can contribute to the disappearance of cash, so careful development from a legal point of view of the digital ruble is required.

Keywords: Digital ruble, national payment system, Central Bank of the Russian Federation.

References

1. Mamaeva, Yu.A. Digital yuan e-CNY: development prospects of the state digital currency of China / Yu.A. Mamaeva // *Modern Asia: politics, economics, society*. – 2024. – No. 1. – P. 59.
2. Golovkin, R. B. “Digital rights” and “digital law” in the mechanisms of digitalization of the economy and public administration / R.B. Golovkin, O.S. Amosova // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. – 2019. – No. 2 (51). – P. 164.
3. Shumilova, V.V. Digital ruble of the Bank of Russia as a new form of national currency / V.V. Shumilova // *Legal paradigm*. – 2022. – Vol. 21, No. 2. – P. 159–160.
4. Shapsugova, M.D. Analysis of the digital ruble model proposed in the concept of the digital ruble of the Bank of Russia / M.D. Shapsugova // *Law and digital economy*. – 2022. – No. 2 (16). – P. 6.
5. Nevskaya, N.A. The place of cryptocurrencies in the monetary policy of the ECB and the Bank of Russia / N.A. Nevskaya // *CITISE*. – 2019. – No. 4 (21). – P. 250.
6. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – December 5, 1994. – No. 32. – Art. 3301.
7. Federal Law of December 2, 1990 No. 395–1-FZ (as amended on December 30, 2021) “On Banks and Banking Activities” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 1996. – No. 6. – Art. 492.
8. On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of July 10, 2002 No. 86-FZ: adopted by the State Duma on June 27, 2002: [as amended on December 30, 2021] // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2002. – No. 28. – Art. 2790.
9. Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ (as amended on July 31, 2023) “On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2001. – No. 33 (Part I). – Art. 3418.
10. Federal Law of 10.12.2003 No. 173-FZ (as amended on 02.07.2021) “On Currency Regulation and Currency Control” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2003. – No. 50. – Art. 4859.
11. Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ (as amended on 01.12.2021) “On the National Payment System” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2011. – No. 27. – Art. 3872.
12. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2020. – No. 31. – Art. 5018.
13. Bank of Russia Regulation of 03.08.2023 N 820-P “On the Digital Ruble Platform” (together with the “Procedure for Settling Disputes and Disagreements”) [Text]. – Moscow: Registered with the Ministry of Justice of Russia on 10.08.2023, N 74716.

Разработка правовых механизмов защиты геологического наследия: на примере geopарка «Торатау» Республики Башкортостан

Шафеева Элина Ильгизовна,

доцент кафедры кадастра недвижимости и геодезии,
Башкирский государственный аграрный университет
E-mail: shafeeva20081@rambler.ru

Мифтахов Ильнур Ринатович,

младший научный сотрудник НОЦ, Башкирский
государственный аграрный университет
E-mail: ugt-ufa@bk.ru

Лукаманова Альфия Данисовна,

доцент кафедры землеустройства, Башкирский
государственный аграрный университет
E-mail: lyk_alfiya@mail.ru

Статья рассматривает вопросы правовой защиты и рационального использования геологического наследия на примере geopарка «Торатау» в Республике Башкортостан. Геологическое наследие региона, представленное древними рифовыми образованиями, требует комплексного подхода к сохранению, который объединяет правовые, экологические и экономические аспекты. В исследовании акцентируется необходимость разработки правовых механизмов, обеспечивающих долгосрочную охрану геологических объектов и одновременно позволяющих использовать их потенциал для социально-экономического роста. Примененные методы включают сравнительный правовой анализ, экономико-статистическую оценку и социологические опросы для анализа социально-экономического влияния geopарка на местное сообщество. Результаты исследования показывают, что внедрение правовых структур, экологических принципов сохранения и экономически устойчивого туризма способствует эффективной охране геологического наследия, принося при этом значительные выгоды для регионального развития. Опыт geopарка «Торатау» подчеркивает важность согласования местного управления с международными стандартами ЮНЕСКО для эффективного управления geopарками, способствуя устойчивому развитию туризма и сохранению природного наследия.

Ключевые слова: геологическое наследие, geopарк «Торатау», правовая защита, устойчивое развитие, экономическое воздействие, социально-экономическое развитие, охрана природы, ЮНЕСКО, экологический туризм, правовые механизмы.

Введение

Геологическое наследие является важнейшей частью природного и культурного наследия человечества. Особую значимость оно приобретает в местах с уникальными геологическими формациями, такими как шиханы Башкортостана – древние рифовые образования возрастом более 230 миллионов лет. Сохранение таких объектов требует не только усилий со стороны государства, но и эффективно-го правового регулирования, чтобы «обеспечить долгосрочную сохранность и одновременно позволить их рациональное использование для нужд общества» [1].

Geopарк «Торатау» в Республике Башкортостан был официально образован в 2018 году [2]. Его создание представляет собой попытку найти баланс между охраной уникальных природных объектов и их использованием для устойчивого социально-экономического развития. Это требует изучения правовых, экономических и социальных аспектов управления geopарками.

Основная проблема, затронутая в статье, заключается в необходимости разработки правовых и управленческих механизмов, способствующих защите уникальных геологических объектов и их рациональному использованию. Как отмечает Раев (2022), что без четко структурированных правовых и управленческих механизмов охраны геологических объектов существует значительный риск утраты их научной, культурной и туристической ценности. Для обеспечения устойчивого управления такими объектами необходимо создание правовой базы, регулирующей их охрану и использование, а также внедрение механизмов, способствующих мониторингу и контролю их состояния [3]. Geopарк «Торатау» может служить моделью для устойчивого взаимодействия правовых и экономических инструментов, направленных на сохранение природного наследия.

Материалы и методы исследования

В исследовании применялись методы сравнительного правового анализа, анализа статистических данных, социологического опроса и методов оценки социально-экономического воздействия. Для анализа нормативно-правовой базы были изучены законодательные акты, регулирующие создание и функционирование geopарков как в России, так и за рубежом. Изучение практики управления geopарками осуществлялось путем анализа отечественных и международных публикаций, а также рекомендаций ЮНЕСКО [4].

Исследование основывалось на данных, полученных из отчетов Министерства предпринимательства и туризма Республики Башкортостан, а также на результатах опросов местного населения, работников туристической сферы и администрации геопарка «Торатау». Данные о числе туристов, посещавших геопарк в период с 2018 по 2023 годы, были использованы для анализа динамики посещаемости. Применение экономико-статистического анализа позволило оценить доходы от туризма и их влияние на местное сообщество [4].

Для наглядного представления роста числа посетителей использовались методы графической визуализации данных. На основе полученных данных о посещаемости геопарка была построена временная диаграмма, отображающая увеличение числа туристов в геопарке «Торатау» с 2018 по 2023 годы (рисунок 1). Для создания диаграммы использовалось программное обеспечение Python с библиотеками matplotlib и pandas.

Результаты и их обсуждение

Для эффективной защиты и рационального использования геологического наследия были сформулированы следующие требования:

1. Юридическая защита. Геопарки требуют формирования правового статуса, исключающего промышленную эксплуатацию территорий геологического наследия. По оценке, «правовой статус геопарков является основой их существования и гарантирует защиту от негативных воздействий» [5]. В рамках геопарка «Торатау» эта защита достигнута через указ главы Республики Башкортостан.
2. Экологический баланс. Необходимо минимизировать воздействие на экосистему. Научные исследования показывают, что возраст шиханов превышает 230 млн лет, и их экосистема является крайне уязвимой [6]. По словам Иванова, «экологическая устойчивость должна стать приоритетом в управлении геологическими объектами, чтобы предотвратить их деградацию».
3. Экономическая устойчивость. Для обеспечения долгосрочной охраны геопарка требуется развивать экономические механизмы, такие как экотуризм и образовательные проекты. «Экономическая устойчивость необходима для того, чтобы геопарки могли обеспечивать собственное финансирование и привлекать инвестиции» [7].
4. Международное признание. Интеграция геопарка в глобальные сети, такие как ЮНЕСКО, позволяет привлечь внимание к объекту и улучшить финансирование и управление. Исследования показывают, что «включение в международные сети способствует развитию геопарков, привлекая туристов и инвестиции» [8].

Для создания правовой базы и разработки управленческих механизмов, направленных на за-

щиту геологических объектов, предложены многочисленные подходы. В статье Владимирова И.А. и Иксанова Р.А. (2022) отмечается, что правовое обеспечение сохранения геологического разнообразия в геопарках Российской Федерации сталкивается с рядом трудностей. Авторы подчеркивают, что богатое геологическое наследие страны требует выработки специфических критериев для охраны уникальных геологических объектов и привлечения местного населения к их сохранению. Исследование также указывает на недостаточность существующих правовых и административных инструментов для комплексного управления геопарками. В работе предлагается усиление законодательной базы и внедрение механизмов, способствующих не только защите геологического наследия, но и его рациональному использованию, что будет способствовать развитию геотуризма и экономическому росту в регионах [9].

Тем не менее, большинство подходов не охватывают полностью аспект экологического баланса и сохранности геологических объектов, требующий комплексного подхода [10]. Научная новизна предлагаемого метода состоит в интеграции правовой защиты и концепции устойчивого использования геологического наследия в рамках единого управленческого подхода. «Существующие методы защиты природных объектов нуждаются в улучшении, чтобы включить элементы, поддерживающие устойчивое развитие и долгосрочную охрану» [11].

Геопарк «Торатау» получил правовую защиту в 2018 году указом главы Республики Башкортостан. Анализ законодательства показал, что включение объекта в список культурного наследия повысит уровень защиты, обеспечив доступ к дополнительным финансам на охрану территории.

Экологический туризм и образование. Геопарк активно развивает экологический туризм и образовательные программы. Число экскурсий и количество туристов растет с каждым годом. На диаграмме ниже показано увеличение числа посетителей геопарка «Торатау» за период с 2018 по 2023 год (см. рисунок 1) [14].

Рис. 1. Количество посетителей геопарка Торатау (2018–2023) [14]

Особенно заметен резкий рост в 2023 году, когда геопарк посетили свыше 600 тысяч туристов, что свидетельствует о растущем интересе к его природным и культурным объектам.

Егорышев С.В. (2020) подчеркивает, что экономическая устойчивость и развитие регионов во многом зависят от активного включения местного населения в процессы, поддерживающие социальную и экономическую стабильность. Рост доходов от туризма, как это видно из примера 2022 года с доходами в размере 12 млн рублей и созданием 35 рабочих мест, способствует укреплению местной экономики и социальной интеграции. Экономическая деятельность, ориентированная на развитие туризма и защиту природного и культурного наследия, способствует не только финансовому благополучию, но и формированию устойчивых социальных связей, что, как отмечает Егорышев, является важным аспектом социализации экономики региона [12].

Включение геопарка «Торатау» в сеть ЮНЕСКО планируется в 2025 году, что позволит привлечь международное внимание и дополнительно 2–3 млн рублей грантовых средств [13].

В 2023 году геопарк «Торатау» провел мероприятия для развития туризма и вовлечения местных жителей. В рамках этих мероприятий Министерство предпринимательства и туризма Республики Башкортостан зафиксировало увеличение числа туристов до 600 тысяч, что стало результатом активной работы по популяризации объекта. Эксперты ЮНЕСКО провели встречи с местным населением для обсуждения перспектив развития геопарка и подготовки к международному статусу.

Выводы

Исследование демонстрирует необходимость интеграции правовой защиты, экологической устойчивости и экономического развития для эффективного управления геопарками. Такой комплексный подход позволяет не только сохранить уникальные природные объекты, но и обеспечить социально-экономическую выгоду для региона.

Получение геопарком «Торатау» охраняемого статуса в 2018 году закрепило правовые основы его защиты. Включение в реестр объектов культурного наследия может повысить юридическую значимость и открыть доступ к дополнительным ресурсам для реализации природоохранных мероприятий.

Рост посещаемости геопарка подчеркивает его потенциал как экономического ресурса, способствующего созданию рабочих мест и развитию инфраструктуры региона. Экотуризм, внедренный в управленческую стратегию, позволяет геопарку функционировать как устойчивый экономический объект.

Включение геопарка «Торатау» в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО предоставит дополнительный уровень охраны и доступ к международным ресурсам, что укрепит его роль в глобальном экологическом туризме и поддержит долгосрочное развитие.

Геопарк способствует распространению геологических знаний и формированию экологического

сознания среди туристов и местных сообществ, что усиливает его долгосрочную роль в охране природного наследия.

Таким образом, геопарк «Торатау» демонстрирует модель устойчивого сочетания правовой охраны и рационального использования природного наследия, создавая основу для успешного развития аналогичных проектов на

Литература

1. Путрик Ю. С., Тюрина Е.В. Пути актуализации объектов культурного наследия средствами туризма и социокультурного проектирования // Журнал института наследия. – 2023. – № . 4 (35). – С. 8–12.
2. Шагапова Р.А. Становление и развитие правовых основ геопарков //Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № . 10 (265). – С. 65–74.
3. Раев Ю.В. Стратегический документ территориального планирования: содержание и основы разработки //Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2021 году. – 2022. – С. 286–295.
4. Котова Т. П., Хамадеева З.А. О туристском потенциале геопарков Башкортостана // Восточно-европейский научный журнал. – 2021. – № . 12–1 (76). – С. 17–23.
5. Злотникова Т.В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства //Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № . 4 (66). – С. 28–46.
6. Чукова, Е.И. Характеристика текстурно-структурных особенностей и коллекторских свойств пород Шихана Торатау / Е.И. Чукова, А.С. Рахматуллина // Пустоваловские чтения 2022: материалы традиционной конференции, посвященной 120-летию Леонида Васильевича Пустовалова, Москва, 20–23 декабря 2022 года. – Москва: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2022. – С. 157–159. – EDN UBPTVG.
7. Рубан Д.А. Государственное управление геонаследием //Ростов-на-Дону: ДГТУ-Принт. – 2022.
8. Кочеева, Н.А. Возможности использования зарубежного опыта работы с брендом для территории геопарка Алтай / Н.А. Кочеева, А.А. Кузуков // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Том 15. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2020. – С. 34–41. – EDN GPOOUO.
9. Владимиров, И.А. Проблемы правового обеспечения развития геологического разнообразия в геопарках / И.А. Владимиров, Р.А. Иксанов // Вестник БИСТ (Башкирского института

социальных технологий). – 2022. – № 3(56). – С. 78–81. – DOI 10.47598/2078–9025–2022–3–56–78–81. – EDN JHFGAJ.

10. Лунева, Е.В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима / Е.В. Лунева // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2021. – Т. 74, № 9(178). – С. 32–43. – DOI 10.17803/1729–5920.2021.178.9.032–043. – EDN JQMKUX.
11. Кинёва А. С. и др. Фортификационный комплекс середины XIX века в Калининградской области как перспективный объект ЮНЕСКО // *Современные проблемы сервиса и туризма*. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 122–131.
12. Егорышев С. В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ // «Стратегические приоритеты социально-экономического развития региона в условиях цифровой трансформации» Сборник. – 2020. – С. 85.
13. Голубчиков, Ю.Н. Значение геотуризма в сохранении геонаследия / Ю.Н. Голубчиков, В.И. Кружалин // *LXXVI Герценовские чтения. География: развитие науки и образования: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2023 года / Отв. редакторы Д.А. Субетто, А.Н. Паранина. Том I. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2023. – С. 24–30. – EDN EEXZMS.*
14. Почему туристы приезжают в Башкирию: в фокусе – геопарк Торатау // *Газета Выбор*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gazetavibor.ru/news/novosti/2024–06–23/pochemu-turisty-priezzhayut-v-bashkiriyu-v-fokuse-geopark-toratau-3819397> (дата обращения: 23.06.2024).

DEVELOPMENT OF LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF GEOLOGICAL HERITAGE: USING THE EXAMPLE OF THE TORATAU GEOPARK OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Shafeeva E.I., Miftakhov I.R., Lukmanova A.D.
Bashkir State Agrarian University

This article addresses the legal protection and sustainable use of geological heritage, focusing on the Toratau Geopark in the Republic of Bashkortostan. The region's geological heritage, represented by ancient reef formations, requires an integrated conservation approach that combines legal, ecological, and economic aspects. The study emphasizes the need to develop legal mechanisms that ensure long-term protection of geological sites while allowing their potential to contribute to socio-economic growth. Methods used in this study include comparative legal analysis, economic and statistical assessment, and sociological surveys to evaluate the socio-economic impact of the geopark on the local community. The research results demonstrate that implementing legal frameworks, conservation principles, and economically sustainable tourism practices effectively protects geological heritage while yielding substantial benefits for regional development. The experience of the Toratau Geopark highlights the importance of aligning local management

with UNESCO international standards to foster sustainable tourism development and preserve natural heritage.

Keywords: geological heritage, Toratau Geopark, legal protection, sustainable development, economic impact, socio-economic development, nature conservation, UNESCO, ecotourism, legal mechanisms.

References

1. Putrik, Y. S., Tyurina, E.V. Ways of Revitalizing Cultural Heritage Sites through Tourism and Sociocultural Design // *Journal of the Institute of Heritage*. – 2023. – No. 4 (35). – pp. 8–12.
2. Shagapova, R.A. The Formation and Development of Legal Foundations for Geoparks // *Property Relations in the Russian Federation*. – 2023. – No. 10 (265). – pp. 65–74.
3. Raev, Y.V. Strategic Document for Territorial Planning: Content and Development Foundations // *Fundamental, Exploratory, and Applied Research by RAASN for Scientific Support of Architecture, Urban Planning, and Construction in the Russian Federation in 2021. – 2022. – pp. 286–295.*
4. Kotova, T. P., Khamaeva, Z.A. On the Tourism Potential of Geoparks in Bashkortostan // *Eastern European Scientific Journal*. – 2021. – No. 12–1 (76). – pp. 17–23.
5. Zlotnikova, T.V. International and Regional Experience in Geopark Development as a Legal Basis for Environmental Legislation Changes // *Rule of Law: Theory and Practice*. – 2021. – No. 4 (66). – pp. 28–46.
6. Chukova, E. I., Rakhmatullina, A.S. Characteristics of Textural and Structural Features and Reservoir Properties of Toratau Shihan Rocks // *Pustovalov Readings 2022: Proceedings of the Traditional Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Leonid Vasilyevich Pustovalov, Moscow, December 20–23, 2022. – Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), 2022. – pp. 157–159. – EDN UBPTVG.*
7. Ruban, D.A. State Management of Geoheritage // *Rostov-on-Don: DSTU-Print*. – 2022.
8. Kocheeva, N. A., Kuzukov, A.A. Using International Branding Experience for the Altai Geopark Territory // *Scientific Bulletin of Gorno-Altai State University*. Vol. 15. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altai State University, 2020. – pp. 34–41. – EDN GPOUO.
9. Vladimirov, I. A., Iksanov, R.A. Legal Issues in Developing Geological Diversity in Geoparks // *Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. – 2022. – No. 3 (56). – pp. 78–81. – DOI 10.47598/2078–9025–2022–3–56–78–81. – EDN JHFGAJ.
10. Luneva, E.V. Organization of Geoparks in Russia and the Features of Their Legal Regime // *Lex Russica (Russian Law)*. – 2021. – Vol. 74, No. 9 (178). – pp. 32–43. – DOI 10.17803/1729–5920.2021.178.9.032–043. – EDN JQMKUX.
11. Kineva, A. S. et al. Fortification Complex of the Mid-19th Century in the Kaliningrad Region as a Prospective UNESCO Site // *Contemporary Issues in Service and Tourism*. – 2023. – Vol. 17. – No. 1. – pp. 122–131.
12. Egoryshev, S.V. Economic Crime and the Socialization Process of the Economy // *Strategic Priorities of Socio-Economic Development of the Region in the Conditions of Digital Transformation. Collection*. – 2020. – pp. 85.
13. Golubchikov, Y. N., Kruzhlina, V.I. The Importance of Geotourism in Geoheritage Conservation // *LXXVI Herzen Readings. Geography: Development of Science and Education: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, Saint Petersburg, April 19–21, 2023 / Chief editors D.A. Subetto, A.N. Parinin. Volume I. – Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 2023. – pp. 24–30. – EDN EEXZMS.*
14. Why Tourists Visit Bashkiria: Focus on Toratau Geopark // *Gazeta Vior*. [Electronic resource]. – Available at: <https://gazetavibor.ru/news/novosti/2024–06–23/pochemu-turisty-priezzhayut-v-bashkiriyu-v-fokuse-geopark-toratau-3819397> (accessed: 23.06.2024).

О целесообразности перераспределения полномочий между субъектами административной юрисдикции в сфере интеллектуальной собственности

Денисенко Виктор Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России
E-mail: profdenisenko@mail.ru

Шевченко Виктор Михайлович,

директор ООО «Юридическая компания «Шевченко и партнеры»
E-mail: M.davidenko78@mail.ru

Эффективная охрана интеллектуальной собственности выступает неотъемлемым и необходимым атрибутом современного общества и предполагает наличие и совершенствование системы регулирования и охраны относящихся к этой сфере объектов, одним из элементов которой выступает административная ответственность за нарушение авторских и смежных прав. В статье рассматривается проблема, наличие которой не позволяет авторам либо правообладателям на объекты авторских прав реализовать в полной мере гарантированное им конституционное право на защиту их интеллектуальной собственности. На основе анализа действующего административно-деликтного законодательства обосновано предложение о перераспределении полномочий по документированию нарушений и рассмотрению дел об административных правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности между уполномоченными административно-юрисдикционными органами, что позволит устранить названную проблему. Его реализация предполагает внесение изменений в часть 2 статьи 28.3 КоАП РФ и статьи, закрепляющие подведомственность дел об административных правонарушениях за органами, наделенными административно-юрисдикционными полномочиями в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: административные правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, полномочия субъектов административной юрисдикции

Правовая охрана интеллектуальной собственности – одна из ведущих функций любого государственного образования, реализующего функцию гармоничного политико-экономического и социально-культурного развития, создания условий для прогрессивного развития общественных институтов. Российская Федерация занимает приоритетное место в этом смысле. В соответствии со ст. 44 Конституции РФ интеллектуальная собственность охраняется законом. Следовательно, любой правообладатель может рассчитывать на защиту своей интеллектуальной собственности со стороны государства в лице его государственных структур в том числе путем реализации инструментов административно-правового регулирования, одним из которых, как показывают многочисленные исследования, выступает институт административной ответственности за нарушение авторских и смежных прав [1, с. 135–144; 2, 29 с., 3, 25 с., 4, с. 114–118; 5. С. 76–81; 6, с. 113–116].

Под административно-правовой охраной интеллектуальной собственности мы предлагаем понимать механизмы воздействия на общественные отношения, реализуемое специальными субъектами при помощи административно-правовых средств с целью обеспечения системы соблюдения интеллектуальной собственности, выраженной в интеллектуальных правах, прекращения нарушения таких прав, их восстановления, а также недопущения таких нарушений в дальнейшем.

Важным направлением административно-правовой охраны интеллектуальной собственности является государственная контрольно-надзорная и административно-юрисдикционная деятельность. В связи с тем, что институт интеллектуальной собственности в Российской Федерации испытывает значительный прогресс, объекты интеллектуальной собственности приобретают особый смысл в экономическом развитии хозяйствующих субъектов, являются немаловажной гарантией инвестиционной привлекательности бизнеса на всех уровнях. На государство ложится ответственность за высокоэффективную реализацию контрольно-надзорной деятельности в данной сфере, которая, помимо прочего, включает в себя полноценную реализацию правоохранительной функции специальными субъектами.

К таким субъектам, согласно действующего законодательства относятся прокуратура, таможенные органы, органы полиции, органы, осуществляющие государственный надзор в области защиты прав потребителей до внесения изменений 14.10.2024 года в КоАП РФ (территориальные

управления Роспотребнадзора), органы в области защиты патентных прав (Роспатент).

Указанный перечень субъектов государственного регулирования выбран не случайно, в силу положений ст. 28.3 КоАП РФ (редакция от 14.10.2024 (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2024 года) именно данные структуры были уполномочены на вынесение постановлений по делам об административных правонарушениях по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного статьями 14.10 КоАП РФ («Незаконное использование товарного знака») и 7.12 КоАП РФ («Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав»), которые и составляют нормативную основу для привлечения нарушителей к административной ответственности за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что 21.10.2024 года в законную силу вступили изменения в КоАП РФ, которыми прекращены полномочия полиции в части вынесения постановлений по делам об административных правонарушениях по статьям 7.12 и 14.10 КоАП РФ.

По мнению законодателя данное событие исключило подмену функций контрольно-надзорных органов в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, однако, рассмотрев существующее положение системы административно-правовой защиты объектов интеллектуальной собственности через предмет охраны, под которым понимаются конкретные объекты посягательства со стороны нарушителей, можно констатировать ряд значительных проблем, затрудняющих процесс реализации данной функции.

В частности, положение ст. 28.3 КоАП РФ свидетельствуют о том, что полномочиями по вынесению постановлений по делам об административных правонарушениях по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.10 КоАП РФ обладают органы таможи и органы Роспотребнадзора, тогда как аналогичные полномочия в части ст. 7.12 КоАП РФ вменены органам, уполномоченным в области защиты патентных прав.

Говоря относительно таможенных органов, принципиальным является тот факт, что последние осуществляют контрольно-надзорную функцию, как правило, при пересечении участниками экономического оборота государственной границы, тогда как потребительский рынок внутри страны находится в ведении органов Роспотребнадзора и органа по регулированию патентных прав – Роспатента.

Следовательно, учитывая, что Роспатент как субъект не представлен в субъектах РФ, то, фактически, контрольно-надзорную функцию по пресечению фактов незаконного использования объектов интеллектуальной собственности на местах может осуществить лишь Роспотребнадзор.

Согласно п. 63 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ органы Роспотребнадзора вправе выносить постановления по делам об административных правонарушениях

по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ («Незаконное использование товарного знака»), тогда как ст. 7.12 КоАП РФ («Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав») не нашла свое отражение в данной норме в качестве прерогативы Роспатента.

Если говорить о незаконном использовании интеллектуальной собственности путем продажи контрафактных товаров, то, как правило, предмет материального мира (игрушка, предмет сельскохозяйственного назначения, и т.д.) содержат в себе свойства как товарные знаки (ст. 14.10 КоАП РФ), так и объекты авторского права (ст. 7.12 КоАП РФ), то есть нарушитель, одним действием по продаже контрафактного товара посягает на несколько объектов интеллектуальной собственности, правовая охрана которым предоставлена в соответствии с двумя нормами права – ст.ст. 7.12 и 14.10 КоАП РФ.

В настоящее время, с учетом последних изменений в КоАП РФ (от 21.10.2024 года) законодательно не урегулирован механизм процессуальной деятельности Роспотребнадзора при выявлении таких «двойных» нарушений, следовательно, действия нарушителей в части незаконного использования объектов авторского права останутся без надлежащей правовой оценки, а производство по делу об административном правонарушении, осуществленное Роспотребнадзором по материалу будет не полным.

Наряду с вышеназванной проблемой отметим, что авторы, либо правообладатели на объекты авторских прав не реализуют гарантированное им конституционное право на защиту их интеллектуальной собственности.

Ранее, до вступления в силу данных изменений функции по выявлению и документированию административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 7.12 и 14.10 КоАП РФ, находились в ведении органов полиции, но и в тогда полиция не документировала факты незаконного использования объектов авторских прав, ограничиваясь лишь товарными знаками.

Так, в рамках производства отделом МВД «России «Шпаковский» Ставропольского края по факту незаконного использования объектов интеллектуальной собственности индивидуальным предпринимателем Великородним Д.С. в Арбитражный суд Ставропольского края был направлен административный материал (дело А63–24792/23)¹ в рамках которого органом дознания был составлен административный протокол о привлечении к административной ответственности ИП Великородного Д.С. по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст 14.10 КоАП РФ.

Из материалов дела следует, что нарушитель при организации бизнеса по продаже игрушек про-

¹ https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/33cea974-a6ef-4d91-848e-8f2f91310770/4eec9fad-de05-493b-8813-99ec59f46e79/A63-24792-2023_20240418_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

дал контрафактные товары различных отечественных и иностранных правообладателей, таких как: АО «Киностудия Союзмультфильм» – персонажи «Чебурашка», «Крокодил Гена», АО «Сеть телевизионных станций», которое является правообладателем на персонажи «Три кота» и др.

В данных персонажах – объектах материального мира – игрушках были заключены, помимо товарных знаков объекты авторского права – рисунки этих персонажей, ответственность за незаконное использование которых предусмотрена ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ.

Следовательно, орган административной юрисдикции при рассмотрении данного материала не усмотрел признаков нарушения интеллектуальных прав на объекты авторского права, чем фактически и юридически, лишил правообладателя правовой охраны на эти объекты, соответственно контрольно-надзорная функция выполнена в части защиты авторских прав не была в полном объеме.

Данная неполнота расследования наблюдалась во всех случаях, когда сотрудники полиции документировали аналогичные факты даже при том, что «в руках» полиции были полномочия на вынесение постановлений по обоим рассматриваемым статьям.

В настоящее время Роспотребнадзор располагает возможностью выносить постановления по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ, тогда как ст. 7.12 КоАП РФ остается в ведении иных ведомств, следовательно, процесс защиты объектов интеллектуальной собственности после вступивших изменений в КоАП при аналогичных ситуациях становится невозможным. Не урегулирован процесс выделения материалов в части авторских прав и передачи этого материала по подведомственности, кроме того, отсутствует нормативно-урегулированный процессуальный порядок взаимодействия между заинтересованными ведомствами для данных ситуаций.

Для разрешения данной ситуации целесообразно рассмотреть вопрос о передаче полномочий относительно вынесения постановлений как по ст. 14.10 КоАП РФ, так и по ст. 7.12 КоАП РФ в «одни руки» и в обязательном порядке создать действенный административно-процессуальный механизм для эффективной реализации контрольно-надзорной функции в данной отрасли.

Литература

1. Гогин А.А., Джалилов Э.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018, № 4. Т. 2. С. 135–144.
2. Зайцева И.Л. Административная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, М., 2006. 29 с.
3. Лохбаум В.А. Административная ответственность за нарушение авторских и смежных

прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, М., 2008. 25 с.

4. Медведев П.С., Ратаев Д.П. Административная ответственность за нарушение авторских прав // Проблемы экономики и юридической практики. 2017, № 3, С. 114–118.
5. Тарн А.А., Золотова Е.П. Ответственность за нарушение авторских прав // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 1, № 1 (36). С. 76–81.
6. Шевченко В.М. Авторские и смежные права как объект административного правонарушения // Теория и практика административного права и процесса: материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 6 октября 2022 года, Краснодар. 2022. С. 113–116.

EXPEDIENCY OF REDISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

Denisenko V.V., Shevchenko V.M.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Shevchenko and Partners Law Firm

Effective protection of intellectual property is an integral and necessary attribute of modern society and presupposes the existence and improvement of a system for regulating and protecting objects related to this area, one of the elements of which is administrative liability for violation of copyright and related rights.

The article examines the problem, the presence of which does not allow authors or copyright holders to objects of copyright to fully implement their constitutional right to protect their intellectual property, guaranteed to them.

Based on the analysis of the current administrative-tort legislation, a proposal is substantiated to redistribute powers to document violations and consider cases of administrative offenses in the field of intellectual property between authorized administrative-jurisdictional bodies, which will eliminate the said problem. Its implementation involves amending Part 2 of Article 28.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and articles that assign jurisdiction over cases of administrative offenses to bodies vested with administrative-jurisdictional powers in the field of intellectual property.

Keywords: administrative offenses in the field of intellectual property, powers of subjects of administrative jurisdiction.

References

1. Gogin A.A., Jalilov E.A. Administrative responsibility for offenses in the field of intellectual property // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2018, № 4. Т. 2. С. 135–144.
2. Zaitseva I.L. Administrative responsibility for the violation of copyright and related rights: autoref. diss. ... kand. jurid. nauk, M., 2006. 29 с.
3. Lohbaum V.A. Administrative responsibility for infringement of copyright and related rights: author's dissertation. ... kand. jurid. nauk, M., 2008. 25 с.
4. Medvedev P.S., Rataev D.P. Administrative responsibility for violation of copyright // Problems of economics and legal practice. 2017, № 3, С. 114–118.
5. Tarn A.A., Zolotova E.P. Responsibility for copyright infringement // Bulletin of the Council of young scientists and specialists of the Chelyabinsk region. 2022. Т. 1, № 1 (36). С. 76–81.
6. Shevchenko V.M. Copyright and related rights as an object of administrative offense // Theory and practice of administrative law and process: materials of the international scientific-practical conference, Krasnodar, October 6, 2022, Krasnodar. 2022. С. 113–116.

Определение наличия свойства гражданской процессуальной правоспособности при предъявлении в суд требований, вытекающих из залоговых правоотношений

Акманов Дмитрий Рустемович,

магистрант ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: dakmanov01@mail.ru.

В статье рассматривается проблема определения наличия свойства гражданской процессуальной правоспособности как предпосылки права на предъявление иска у лиц, предъявляющих в суд иски, содержащие в себе требования, вытекающие из залоговых правоотношений. Исходя из правовой природы указанных правоотношений, характеристики гражданской правоспособности их участников, автором делаются выводы, касающиеся особенностей определения судами свойства гражданской процессуальной правоспособности в соответствующих случаях. В частности, в работе отмечается, что в силу акцессорной природы залогового обеспечения характер описываемого в исковом заявлении залогового обязательства, предмета залога сам по себе, в отрыве от характеристики обеспечиваемого обязательства, не может свидетельствовать о наличии или отсутствии у истца – юридического лица свойства гражданской процессуальной правоспособности, необходимого для участия в судебном производстве по делам, возникающих из залоговых споров.

Ключевые слова: гражданская процессуальная правоспособность, предпосылка права на предъявление иска, возбуждение производства по делу, залог, залоговое правоотношение.

В процессуальной науке высказывается мнение о том, что к заявлениям, не подлежащим рассмотрению в судебном порядке, следует, помимо прочего, относить также заявления, поданные процессуально неспособными лицами [2, с. 72]. Такое расширение содержания категории заявлений, не подлежащих рассмотрению в судебном порядке, можно связать с тем, что в действующей системе предусмотренных процессуальными кодексами оснований для отказа в принятии искового заявления формально не нашлось места основанию, связанному с отсутствием у заявителя гражданской процессуальной правоспособности. При этом вряд ли можно не согласиться с утверждением о том, что наличие у заявителя гражданской процессуальной правоспособности, определяемой в качестве установленной законом возможности иметь гражданские процессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности, следует рассматривать в качестве предпосылки права на предъявление иска [3, с. 319]. Иное бы означало наделение возможностью быть истцом или иным лицом, участвующим в деле, субъектов, не имеющих даже абстрактной возможности иметь гражданские процессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности, что уже само по себе выглядит как оксюморон.

Гражданская процессуальная правоспособность представляет собой самостоятельный институт гражданского процессуального права и в этом смысле ее значение не совпадает по объему с категорией гражданской материальной правоспособности. Правоспособность в широком смысле означает возможность иметь те или иные права и обязанности, быть участником правоотношений. Наделение лица гражданской материальной правоспособностью говорит, о его возможности участвовать в гражданских правоотношениях, являющихся по своей природе частноправовыми. В свою очередь в сфере гражданского судопроизводства возникают публичные правоотношения между участниками судебного процесса с одной стороны и судом с другой. Отсюда напрашивается вывод о том, что гражданская правоспособность не может быть тем основанием, которое бы открывало перед лицом возможность участвовать в публичных правоотношениях. Кроме того, содержание гражданско-процессуальной правоспособности, как отмечала М.С. Шакарян, значительно шире содержания гражданской правоспособности, ибо предмет судебной защиты (права, возникающие из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений,

согласно ст. 22 ГПК РФ, ст. 27 АПК РФ) по своему содержанию значительно шире, чем субъективные права и обязанности, возникающие из гражданской правоспособности [3, с. 323]. Следует также учитывать, что участниками гражданских процессуальных правоотношений являются помимо собственно сторон, связанных материальными правоотношениями, еще и иные лица, содействующие осуществлению правосудия (свидетели, эксперты, специалисты и т.д.), которые, ввиду возможности их участия в соответствующих правоотношениях, также законом наделяются гражданской процессуальной правоспособностью.

Приведенные выше тезисы прямо свидетельствуют о том, что категории гражданской и гражданской процессуальной правоспособности не являются тождественными. Однако вместе с тем, содержание ст. 36 ГПК РФ, ст. 43 АПК РФ позволяет выявить известную связь между правоспособностью в материальном смысле и гражданской процессуальной правоспособностью. Так, обе нормы в общем виде закрепляют правило, согласно которому гражданская или же арбитражная процессуальная правоспособность признаются за теми лицами, которые обладают правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов. Содержание указанных норм наталкивает на рассуждение о том, может ли наделяться правом на судебную защиту материального права лицо, которое, очевидно, обладать этим материальным правом не может (если речь, конечно, не идет об органах государственной власти и прокуратуры, имеющих так называемый служебный или же общественный интерес к делу). При переводе обозначенных рассуждений в практическую плоскость могут возникать вопросы, связанные, например, с возможностью принятия судом к производству заявлений малолетних граждан о защите их трудовых прав, заявлений юридических лиц о защите их прав, вытекающих из брака и т.д. Конечно, очевидна абсурдность приведенных примеров заявлений. Возбуждение производства по таким заявлениям означало бы инициирование судебной защиты того, чего нет и быть в природе не может. Отсюда логически вытекает обозначенная выше связь между категориями материальной и гражданской процессуальной правоспособности, заключающаяся в том, что в определенных случаях материальная правоспособность может рассматриваться в качестве предпосылки гражданской процессуальной правоспособности лиц, участвующих в деле, которая, в свою очередь, представляет собой предпосылку права на предъявление иска.

При этом по ряду дел определение наличия у заявителя материальной правоспособности может связываться с необходимостью установления фактов материального права, что возможно только на стадиях судопроизводства, следующих после возбуждения производства по делу [3, с. 331]. Потому приобретать процессуальные права и обязанности могут лица неправоеспособные в материально-

правовом смысле, что еще раз говорит различиях в содержании материальной и гражданской процессуальной правоспособности.

Таким образом, можно заключить, что в случаях, когда из искового заявления, поданного заявителем в суд, и приложенных к нему документов следует, что заявитель или лицо, обозначенное в исковом заявлении в качестве ответчика, не могут даже теоретически обладать правами и обязанностями, по поводу которых, как следует из искового заявления, возник спор, суду следует отказывать в принятии такого искового заявления к производству со ссылкой на отсутствие у заявителя или же у лица, обозначенного в исковом заявлении в качестве ответчика, гражданской процессуальной правоспособности.

Возможность граждан независимо от возраста, физического и психического состояния быть стороной залогового правоотношения, обладателем права залога вряд ли может вызывать разумные сомнения. Гражданским кодексом Российской Федерации прямо устанавливается в ст. ст. 17, 18 общая гражданская правоспособность всех граждан вне зависимости от каких-либо обстоятельств, предусматривается возможность каждого гражданина иметь имущество на праве собственности, совершать любые непротиворечащие закону сделки, участвовать в обязательствах, иметь иные имущественные и личные неимущественные права. Поэтому при подаче гражданином искового заявления, требования которого основываются на обязательствах, обеспеченных залогом, залоговых и связанных с ними правоотношениях, у суда не должно возникать сомнений об обладании таким гражданином свойством гражданской процессуальной правоспособности.

На первый взгляд несколько иначе дело должно обстоять при подаче искового заявления в суд юридическим лицом. Причина этому заключается в том, что законом или учредительными документами юридического лица могут предусматриваться положения, ограничивающие его правоспособность определенной целевой направленностью осуществляемой им деятельности. В указанных случаях юридическое лицо не может приобретать гражданские права и обязанности, совершать сделки, противоречащие целям или установленным видам его деятельности. Логично в этой связи предположить, что в определенных случаях юридические лица не могут приобретать права и обязанности залогодержателя или же залогодателя, если это противоречит установленным законом или учредительными документами целям деятельности таких юридических лиц. Однако вместе с тем думается, что в данном случае важно принимать во внимание и саму правовую природу конструкции залога, её акцессорный, зависимый от основного обязательства характер. Залог, как, впрочем, и иные способы обеспечения исполнения обязательств, имеет своей целью обеспечение надлежащего исполнения основного обязательства. Таким образом, целевая направленность договорного

или же установленного законом залогового обязательства определяется целевой направленностью обеспечиваемого обязательства. В связи с этим, представляется, что характер описываемого в исковом заявлении залогового правоотношения, предмета залога сам по себе в отрыве от характеристики обеспечиваемого обязательства не может свидетельствовать о наличии или отсутствии у истца – юридического лица свойства гражданской процессуальной правоспособности, необходимого для участия в судебном производстве по соответствующей категории дел.

Другое дело, что вопрос о том, может ли юридическое лицо, заявленное в иске в качестве истца или ответчика, быть обладателем субъективных прав и юридических обязанностей, возникающих из обязательства, обеспеченного залогом, навряд ли может быть решен на этапе возбуждения производства по делу. Для установления границ специальной гражданской правоспособности юридического лица суду необходимо, как правило, изучить его учредительные документы, что возможно осуществить только в рамках процесса доказывания, который может иметь место исключительно на стадиях производства по делу, следующих после принятия искового заявления к производству. Тем не менее, от этого не теряет своего практического значения вывод об отсутствии у залоговой конструкции (её характеристик) самостоятельного значения при определении наличия у юридического лица свойства гражданской процессуальной правоспособности необходимого для участия в судебном производстве по соответствующей категории дел. Объясняется это тем, что отсутствие у истца свойства гражданской процессуальной правоспособности согласно абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ является не только основанием для отказа в принятии иска к производству, но и может служить причиной прекращения производства по уже возбужденному делу.

Отдельный интерес вызывает вопрос о возможности участия в качестве сторон по делам, возникающих из залоговых споров, различных квазисубъектных образований: объединений граждан, органов юридических лиц, иных коллективных субъектов, не наделенных статусом юридического лица. С точки зрения материального права такие субъекты не могут являться сторонами залогового обязательства, обладателями права залога. Предметом залога, как известно, может быть исключительно имущество (вещи, иные имущественные права). В связи с этим субъект залогового правоотношения или связанного с ним правоотношения должен обладать возможностью быть носителем имущественных прав. Признание же указанной возможности за квазисубъектными образованиями, не способными иметь на своем балансе обособленное имущество, представляется, очевидно, неверным. Более того, исторически за ними (образованиями, не способными иметь на каком-либо праве обособленное имущество) не признавался

статус субъектов гражданского права, что означало невозможность приобретения ими гражданских прав и обязанностей [1]. Такое положение вещей сохраняется и сегодня, что прямо следует из содержания абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ, устанавливающего закрытый перечень лиц – участников гражданских правоотношений.

Действующим процессуальным законодательством предусмотрены механизмы, препятствующие возбуждению судебного производства по заявленным квазисубъектными образованиями искам, содержащим в себе «залоговые» требования. Так, не прибегая к процессу доказывания, суд еще на этапе проверки поданного заявителем искового заявления может установить, что заявитель, очевидно не являющийся гражданином или же публично-правовым образованием, не указал свою организационно-правовую форму, индивидуальный номер налогоплательщика (квазисубъектное образование, очевидно, по подобию юридического лица не может наделяться организационно-правовой формой, индивидуальным номером налогоплательщика). Отсутствие в исковом заявлении обозначенной информации влечет за собой, согласно нормам процессуальных кодексов, оставление искового заявления без движения с дальнейшим его возвращением при неуказании истцом в установленный судом для этого срок отсутствующей информации. Таким образом, имеются основания полагать, что в большинстве случаев производство по подобным исковым заявлениям не может быть возбуждено.

Литература

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры. 1950. 368 с.
2. Остроумов А.А. Отсутствие административной процессуальной правоспособности как основание для признания административного иска не подлежащим рассмотрению в судах // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 2. С. 72–79.
3. Шакарян М.С. Избранные труды / Вступительная статья д-ра юр. наук, проф. МГЮА А.Т. Боннера и доц. М.Э. Мирзоян. 2-е изд. СПб.: Издательство «Юридический центр». 2024. 878 с.

DETERMINING THE PRESENCE OF THE PROPERTY OF CIVIL PROCEDURAL LEGAL CAPACITY WHEN PRESENTING TO THE COURT CLAIMS ARISING FROM PLEDGE LEGAL RELATIONS

Akmanov D.R.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the problem of determining the presence of the property of civil procedural legal capacity as a background of the right to sue among persons, who submit statements of claim to the court containing claims arising from pledge legal relationships. Based on the legal nature of these legal relations and the characteristics of the civil legal capacity of their participants, the author draws conclusions regarding the peculiarities of determining by the courts the property of civil procedural legal capacity in appropriate cases. In particular, it is noted in the work that, due to the accessory nature of the pledge security, the nature of the pledge obligation de-

scribed in the statement of claim, the subject of the pledge, in itself, in isolation from the characteristics of the secured obligation, cannot indicate the presence or absence of civil procedural capacity in the plaintiff – a legal entity, necessary to participate in court proceedings in cases arising from pledged disputes.

Keywords: civil procedural capacity, background of the right to sue, initiation of proceedings, pladge, pladge legal relationship.

References

1. Bratus' S.N. Subjects of civil law. Moscow.: State publishing house of legal literature. 1950. 368 p.
2. Ostroumov A.A. Lack of Administrative Procedural Legal Capacity as a Ground to Recognize an Administrative Claim as not subject to Consideration in the Courts // Actual problems of Russian law. 2024. Volume 19. № 2. pp. 72–79.
3. Shakaryan M.C. Selected works / Introductory article by A.T. Bonner, Doctor of Law, professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and associate professor M.E. Mirzoyan. Second edition. Saint Petersburg.: Publishing house «Law Center». 2024. 878 p.

Цифровые технологии и правовой ландшафт в сфере интеллектуальной собственности

Аламова Светлана Мухаметовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Учреждения высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: sm-alamova@mail.ru

В статье на основе генерационного подхода установлено, что правообразующий потенциал цифровых технологий в сфере интеллектуальной собственности определяется временем их создания, сложностью и синхронизацией технологического и правового развития общества; способствует диверсификации цивилистического правового регулирования в целом, расширяя круг охватываемых отношений и степень детализации интеллектуальных прав; модернизирует и мультиплицирует запрос на этизацию права в информационном обществе. Обоснована трактовка цифровых технологий в категориях индивидуальной творческой самореализации и общего блага. Выявлены семь поколений цифровых технологий и показано, что каждое из них строилось на достижениях предыдущего и вносило свой вклад в изменение и развитие правового ландшафта.

Ключевые слова: цифровые технологии, интеллектуальная собственность, правообразование, правовое регулирование, этизация права.

Исследовательский интерес к правообразующей роли цифровых технологий обусловлен очевидными обстоятельствами. В современном мире цифровые технологии составляют столь же естественное и комфортное окружение человека, как вода или воздух. Едва ли не общим местом выглядит тезис, что цифровые технологии кардинально изменили нашу жизнь – ведь ещё лет тридцать тому назад никто и помыслить не мог, что одним нажатием на кнопку смартфона открывается свободный доступ не только к общению с друзьями, находящимися за тысячи километров, но и к разнообразным справочным ресурсам, удалённой консультации с лечащим врачом, управлению домашней техникой или заводским оборудованием, банковскому обслуживанию, покупкам, отслеживанию авиаперелётов и другим полезнейшим опциям, вплоть до развлечений и весьма экзотических хобби.

В цифровой среде обитания привычные социальные институты и связи преобразуются так интенсивно, что обширные области действующего правового регулирования срочно нуждаются в модернизации. «Подобно тому, как правила дорожного движения, рассчитанные на регулирование езды на лошадях, сменились правилами автомобильного движения, правилами авиаперевозок и космических полётов, так и сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта», – утверждает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин [5].

В своего рода заочный диалог с ним вступает Председатель Суда по интеллектуальным правам Л.А. Новосёлова: «Жизнь меняется на наших глазах: привычные «вечные» ценности – золото, недвижимость и т.д. – уходят на второй, а то и на третий план. Пройдя период промышленных революций, по сути, породивших само понятие интеллектуальной собственности, мир переживает революцию информационную, когда интеллектуальный труд становится основной производительной силой, двигателем экономического и социального развития. ... Право интеллектуальной собственности создаётся здесь и сейчас, на наших глазах и нашими собственными усилиями» [11, с. 13–14].

Полагаем, эти авторитетные высказывания известных учёных и практиков, обладающих признанной высокой квалификацией в области права, весьма показательны в плане рефлексии о роли суда в любой устойчивой и стабильно развивающейся

ся правовой системе. Так, судьи, своевременно реагируя на социальные и экономические преобразования, «отыскивают» право непосредственно в жизни, в реальных отношениях людей, а в настоящее время и с «поправкой» на цифровую среду, и тем самым вносят в правовую систему инновации и гармонизируют её [9].

Однако не менее актуален и другой аспект. Если цифровые технологии уже получили официальное признание в качестве правообразующего фактора по отношению к российской правовой системе в целом, то методологически допустимо и корректно рассматривать часть этого целого, а именно – правообразующее влияние цифровых технологий в отдельно взятой сфере интеллектуальной собственности, в последние годы эволюционирующей в сторону комплексной отрасли законодательства [14].

Попутно зададимся практической целью внести минимум упорядоченности в специальную терминосистему. По нашим наблюдениям, обозначение технологических реалий в юридических литературных источниках по объективным причинам далеко от единообразия, и в итоге не совсем ясно, например, чем цифровизация отличается от цифровой трансформации, а технологии искусственного интеллекта – от информационных технологий, когнитивных технологий, цифровых технологий, токенов, big data и т.д. и т.п. Не претендуя на исчерпывающие решения, мы, тем не менее, акцентируем технологический аспект, с тем, чтобы прояснить некоторые ключевые реалии.

Предвидя критику по поводу избыточности неюридических деталей, которые в данном контексте могут показаться нерелевантными, категорически возразим потенциальным оппонентам. Убеждены, что без ясного понимания регулируемых реалий облечь их в надлежащую правовую форму не получится. Отнюдь не случайно наиболее продуктивным стилем законотворческой работы считается объединение усилий профессионалов, сведущих в предметной области предстоящего правового урегулирования, и специалистов-юристов, владеющих специфическим юридическим языком для адекватного перевода общих социальных идей, требований и пожеланий в чёткие и строгие формулировки законодательного акта. В противном случае слишком велик риск зайти в тупик и в очередной раз принять бесполезные нормы, заранее обречённые на бездействие ввиду их непродуманности и технико-юридической дефектности [7].

Итак, рабочая гипотеза состоит в том, что правообразующий потенциал цифровых технологий в сфере интеллектуальной собственности:

а) определяется временем их создания, сложностью и синхронизацией технологического и правового развития общества;

б) способствует диверсификации цивилистического правового регулирования в целом, расширяя круг охватываемых отношений и степень детализации интеллектуальных прав;

в) модернизирует и мультиплицирует запрос на этизацию права в информационном обществе.

Проверим эту гипотезу путём синхронного анализа эволюции цифровых технологий и правового ландшафта в сфере интеллектуальной собственности (< нем. Landschaft = 1) общий вид местности; 2) природный комплекс, в котором все основные компоненты: рельеф, климат, воды, почвы, растительность и животный мир – находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности, образуя единую неразрывную систему) [15], под которым подразумеваем текущее состояние и динамику законодательства, правоприменительной практики и теории как системы, отражающей развитие и адаптацию сферы интеллектуальной собственности в ответ на изменения в обществе и технологиях.

Вначале определим, что к цифровым относятся любые технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определённой последовательности и с определённой частотой [3]. Такая последовательность выстроена по двоичной системе счисления с цифрами «ноль» («нет сигнала») и «единица» («есть сигнал»), разработанной Готфридом Лейбницем в XVII веке, а в середине XX века заложенной в основу всех современных компьютеров [8].

Специфическое описание цифровых технологий содержится в нормативном правовом документе рекомендательного характера – статье 2 Модельного закона о цифровой трансформации отраслей промышленности государств-участников СНГ, принятого 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55–9 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ:

цифровая технология – взаимно интегрированные с помощью средств электронной среды метод, способ, производственная операция, информационная и (или) информационно-телекоммуникационная технология либо совокупность таких методов, способов, производственных операций, информационных и (или) информационно-телекоммуникационных технологий, применяемые при работе с информацией, а также при анализе и синтезе решений на основе использования электронных средств коммуникации (в том числе, телекоммуникации) и связи при персональном либо комплексном применении средств вычислительной техники (или их совокупности, в том числе, в виде соответствующих программных комплексов) [10].

Как видно из этих определений, цифровые технологии являются составной частью технологий информационных, а по сравнению со своими предшественниками, аналоговыми технологиями, заметно усовершенствованы. Например, в стационарных телефонах (аналоговые технологии) информация не унифицирована и передаётся в разных формах, приспособляемых под каждый тип носителя, тогда как в смартфонах с интернетом (цифровые технологии) информация оцифрована, то есть

переведена в универсальный цифровой формат, обеспечивающий передачу сверхбольших объёмов с максимальной точностью и скоростью [6].

Кроме того, из приведённых выше определений следует, что цифровые технологии – собирательный и ёмкий термин, соотносимый со стремлящимся к бесконечности множеством устройств, алгоритмов и систем, которые предназначены для хранения, обработки и передачи данных и в любом случае обладают двумя взаимосвязанными качествами: во-первых, этим технологиям изначально свойственно личностное начало, поскольку они создаются, развиваются и совершенствуются усилиями одарённых людей, увлечённых идеей прогресса и свободных в выборе траектории своей творческой самореализации; во-вторых, эти технологии, как и прочие достижения разума, рано или поздно выходят за рамки индивидуальности творца, объективируются в артефактах, приобретают экономическую ценность и становятся общим благом в том смысле, что имеют цель принести и приносят пользу для всех и каждого, так как отвечают универсальным интересам и предпочтениям, обеспечивают материальную выгоду и нужны обществу для достижения им благосостояния [4].

Экстраполируя на цифровые технологии генерационный подход, обоснованный Карелом Васаком в авторской концепции трёх поколений прав человека [20], получим следующие результаты.

Первое поколение цифровых технологий (1940-е годы – 1960 год) представлено электронными вычислительными машинами, в которых использовались вакуумные трубки; эти машины занимали большие пространства, требовали значительного количества энергии и применялись командами учёных и инженеров для сложных расчётов [16].

Одними из первых ЭВМ в мире стали ENIAC (Электронный числовой интегратор и компьютер), а также советская МЭСМ (Малая Электронная Счётная Машина), созданная в 1951 году под руководством академика Сергея Лебедева. Хотя изобретатели и называли её «малой», размещалась она на площади 60 кв.м., а 6 тысяч электронных ламп и трехадресная система команд позволяли ей выполнять 50 операций в секунду [21].

Второе поколение цифровых технологий (1960-е годы) – более мощные и универсальные ЭВМ на основе транзисторов и интегральных схем. Модели вычислительной техники уменьшились в размерах, а скорость вычислений намного повысилась. ЭВМ второго поколения по-прежнему не были массовыми и предназначались для промышленного использования.

Появление первых ЭВМ и программного обеспечения вызвало необходимость в правовых механизмах для защиты новых технологий и изобретений, но на начальных этапах конкретная правовая база была развита недостаточно, что ограничивало возможности создателей защищать свои права.

Так, в 40-е – 60-е годы XX века патенты на изобретения в СССР регулировались несколькими основными документами и законодательными акта-

ми. Ключевым из них был Закон о патентах на изобретения, принятый в 1946 году и действовавший вплоть до принятия в 1965 году нового закона.

Основные аспекты регулирования патентов включали:

- 1) патентную систему (патенты выдавались на изобретения, которые были новыми, имели изобретательский уровень и были промышленно применимыми);
- 2) процедуру получения патента (для получения патента необходимо было подать заявку в патентное ведомство, которое проводило экспертизу на соответствие заявленного изобретения установленным требованиям);
- 3) срок действия патента (патенты, как правило, действовали в течение 15 лет с момента их регистрации, после чего изобретение становилось общедоступным);
- 4) государственный контроль (все патенты находились под контролем государственных органов, и изобретения, связанные с государственной безопасностью или обороной, могли иметь особые условия);
- 5) права патентообладателя (патентообладатели имели право на исключительное использование своего изобретения, а также на получение вознаграждения за его использование другими лицами);
- 6) систему поощрений (вводились различные формы поощрений для изобретателей, включая денежные премии и признание их заслуг).

Такое правовое регулирование стимулировало изобретательскую деятельность в СССР, способствовало развитию науки и техники.

Первым официально зарегистрированным в СССР документом в сфере развития вычислительной техники стало авторское свидетельство за номером 10475 от 4 декабря 1948 года, выданное И.С. Бруку и Б.И. Рамееву Государственным комитетом Совета Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство [13].

Вместе с тем важно отметить, что в советский период регуляторный подход к сфере интеллектуальной собственности в целом характеризовался партийно-государственным монополизмом, избыточным контролем и нигилистическим отношением к исключительным правам, что повлекло за собой внедрённое в сознание нескольких поколений неуважительное отношение к интеллектуальной собственности, основанное на непонимании её сути [12, с. 37].

В цифровых технологиях третьего поколения (1970-е годы) был осуществлён переход на новую архитектуру ЭВМ, состоящую из соединения большого числа транзисторов между собой. Введён байт как стандартизированный размер данных, равный восьми битам. Большой объём памяти ЭВМ этого поколения позволил размещать в компьютерах соответствующее количество одновременно работающих задач, и теперь они были связаны не только с научными вычислениями, но и с управленческими процессами в широком

смысле. При этом каждая из задач работала в своём адресном пространстве, формируемом аппаратным обеспечением компьютера, и было введено в обиход понятие виртуальной памяти – её можно было разбивать на страницы, а те, что в данный момент не нужны – откачивать на дисковые накопители информации.

Цифровые технологии третьего поколения ещё не были массовыми. Поскольку новая архитектура ЭВМ предполагала периодическую смену программного обеспечения, пользователю приходилось и покупать компьютер, и самому писать для него программы. Развитие интегральных схем и программного обеспечения привело к созданию первых законов, регулирующих авторские права на программные продукты. Тем самым было положено начало системе правовой охраны интеллектуальной собственности в современном её понимании.

В четвёртом поколении цифровых технологий (1980-е – 1990 год) появились персональные компьютеры (ПК) с графическими пользовательскими интерфейсами (GUI), доступные для широкой аудитории, не имеющей специальной подготовки в области вычислительной техники. Теперь цифровые технологии стали массовыми.

У первой модели ПК – PC 5150 – объём памяти составил 64 килобайта, а вместо жёсткого диска были установлены маленькие дисководы. В СССР первым персональным компьютером считается ПЭВМ «Агат» 1982 года, в то время не получивший широкого распространения. Популярность персональных компьютеров за рубежом привела к увеличению пиратства программного обеспечения и несанкционированного использования защищённых произведений. В ходе реформирования законов об интеллектуальной собственности были выработаны более строгие нормы в сфере регулирования использования и распределения компьютерных программ.

Пятое поколение цифровых технологий (1990-е – 2000 г.) – это компьютерные сети и Всемирная паутина (World Wide Web), их объединяющая. Инфраструктуру интернета составляют оборудование (кабели, маршрутизаторы, сети) и программное обеспечение, которое на нём работает. С помощью интернета можно осуществлять глобальную коммуникацию и регулярный обмен информацией в реальном времени.

Возмездный доступ пользователей к сети Интернет организуют компании – провайдеры, связанные друг с другом в точках обмена трафиком. Крупнейшим отечественным провайдером является «Ростелеком».

С возникновением и развитием интернета существенно повысились риски воспроизведения и распространения контента без ведома и согласия правообладателей, что потребовало специального урегулирования интеллектуальных прав в цифровой среде.

Стоит добавить, что проект интернета в Советском Союзе был разработан ещё в 1959 году тру-

дами одного из основателей кибернетики Виктора Глушкова и создателя первых советских ЭВМ Анатолия Китова. Известный под аббревиатурой ОГАС (ОбщеГосударственная Автоматизированная Система), этот проект предполагал, что каждый советский гражданин будет иметь доступ к сети в случае рабочей необходимости решать определённые управленческие и прочие служебные задачи. Но ввиду бюрократических формальностей и огромного бюджета проект так и не был реализован [21].

К цифровым технологиям шестого поколения (2000 год – настоящее время) относятся мобильные устройства (смартфоны, планшеты), облачные вычисления и веб-сервисы, сделавшие возможным доступ практически к любой информации из практически любой точки мира.

Интенсивное использование мобильных технологий и облачных сервисов привело к появлению новых объектов защиты в сфере интеллектуальной собственности – например, таких, как базы данных и программные приложения.

В этот новейший период в России была принята часть четвертая Гражданского кодекса (2006 г.), целиком посвящённая отношениям, складывающимся в связи с созданием и использованием многообразных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Тем самым были решены неотложные на тот момент задачи: – включение результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в гражданский оборот; – расширение и усиление защиты прав авторов и иных правообладателей, с акцентом на расширение круга объектов интеллектуальной собственности и защиту интересов граждан – создателей результатов интеллектуальной деятельности (авторов, исполнителей, изобретателей, селекционеров); – усиление ответственности за нарушение прав авторов и иных правообладателей [18].

В новом законодательном регулировании был закреплён предложенный В.А. Дозорцевым термин «интеллектуальные права». Так, в силу статьи 1226 ГК РФ на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальную собственность) признаются интеллектуальные права, которые включают в себя исключительное право, являющееся имущественным правом, а также личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование, право на отзыв, право на неприкосновенность исполнения) и иные права (например, право следования, право доступа, право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, право на защиту фонограммы от искажения при её использовании, право на получение патента и др.). При этом личные неимущественные и иные права возникают и подлежат защите только в случаях, когда они специально поименованы и их охрана установлена положениями части четвертой ГК РФ о конкретном

виде результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. Эти ключевые нормативные положения ориентируют правоприменительную практику по спорам, возникающим в связи с развитием цифровых технологий шестого поколения.

Наконец, седьмое поколение цифровых технологий, о котором можно говорить преимущественно в прогностическом плане, представлено стремительно развивающимися технологиями искусственного интеллекта.

Термин «искусственный интеллект» был предложен в 1950 году Аланом Тьюрингом и общепризнанного определения до сих пор не имеет. Опущая технологические подробности, можно считать, что искусственный интеллект создан для решения когнитивных задач, обычно свойственных человеку: обучения, создания и распознавания образов. В распоряжении современных организаций есть большие объёмы данных, собранных с помощью инструментов мониторинга, интеллектуальных датчиков, системных журналов и контента, сгенерированного человеком. С помощью технологий искусственного интеллекта создаются самообучающиеся системы, которые могут извлечь смысл из этих данных, а затем применить полученные знания для решения новых задач – подобно тому, как это сделал бы человек, когда он реагирует на речь собеседника, играет в шахматы, создаёт оригинальные тексты и рисунки либо принимает решения на основе получаемых в реальном времени данных [17].

В российском правовом порядке легальная дефиниция искусственного интеллекта и соответствующих технологий была впервые закреплена в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490. В новой редакции названного документа от 15.02.2024 № 124 начальная формулировка была приведена в соответствии с частью 1 статьи 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», согласно которой: – искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску

решений; – технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта).

Для сравнения приведём дефиницию искусственного интеллекта (далее также – ИИ), предложенную в качестве модельной в марте 2024 года Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, в английском варианте OECD = the Organisation for Economic Co-operation and Development):

Система ИИ – это машинная система, которая для достижения явно или неявно поставленных целей на основе полученных входных данных определяет, каким образом генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, способные влиять на физическую или виртуальную среду. Системы ИИ различаются по уровню автономности и способности к адаптации после развёртывания [19]. В зависимости от таких технических характеристик, как требуемые для обучения модели ИИ вычислительные мощности, общая эффективность и сложность, результативность приобретения новых навыков, универсальность в применении, различаются системы ИИ общего назначения и генеративные системы ИИ. Системы ИИ общего назначения могут обрабатывать большие объёмы данных, на основе которых выявляют закономерности, идентифицируют информацию и дают ответы, а также помогают решать различные прикладные проблемы – от обнаружения мошенничества до медицинской диагностики и бизнес-анализа. Важная особенность систем ИИ общего назначения заключается в том, что компании-разработчики (уровень разработки) могут предоставить доступ к этим системам другим участникам рынка, чтобы они интегрировали их в свои сервисы (уровень применения) – например, использовали готовые обученные модели или дообучали их, настраивая под свои специфические задачи.

Следующий шаг в разработке искусственного интеллекта – это генеративный искусственный интеллект (генеративный ИИ): тип ИИ, который может имитировать интеллект человека в решении таких нетрадиционных для вычислительных машин задач, как создание нового контента и идей, будь то разговоры, истории, изображения, видео или музыка.

Таким образом, в порядке обобщения предпринятого нами обзора можно заключить, что каждое поколение цифровых технологий строилось на достижениях предыдущего и вносило свой вклад в изменение и развитие правового ландшафта в сфере интеллектуальной собственности.

С эволюцией цифровых технологий неразрывно связаны такие ключевые аспекты правообразующего влияния, как:

противодействие пиратству и незаконному копированию (пиратство программного обеспечения и цифрового контента резко увеличилось с появлением персональных компьютеров и интернета, а некоторая степень невежества по вопросам авторских прав способствовала восприятию копирования как безвредного явления; в качестве правовой реакции последовали новые, более строгие меры борьбы с пиратством и незаконным копированием, а также установление формальных критериев – пиратство сопряжено с коммерческим распространением защищённого контента, а незаконное копирование может иметь как личный, так и коммерческий характер);

развитие цифрового законодательства (в порядке адаптации к технологическим изменениям были приняты законодательные новеллы, касающиеся интеллектуальной собственности в цифровой среде);

принятие международных обязательств и адаптация к международным нормам (Россия присоединилась к Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и подписала несколько международных направленных на гармонизацию законодательства об интеллектуальной собственности на глобальном уровне, что, в свою очередь, способствовало более благоприятной среде для инноваций);

новые формы правовой защиты (поскольку ИИ становится неотъемлемой частью создания контента, возникает критически важный вопрос, кто владеет авторскими правами на созданное машинной производение);

формирование культуры уважения к интеллектуальной собственности (повышение осведомлённости о правах на интеллектуальную собственность способствует признанию ценности инноваций и творческого подхода).

Так, например, бизнес российской компании Яндекс, основанной в 1997 году и ставшей одной из наиболее успешных интернет-компаний в России и СНГ, неразрывно связан с развитием права интеллектуальной собственности: – как технологическая компания, Яндекс активно разрабатывает новые алгоритмы, программное обеспечение и сервисы, патентует инновации и исключает конкурентов в использовании своих разработок; – Яндекс стремится расширять своё присутствие на международных рынках, что требует соответствия международным стандартам защиты интеллектуальной собственности; – с запуском таких сервисов, как Яндекс.Новости, Яндекс.Маркет и других, компания сталкивается с вопросами, связанными с авторскими правами на контент.

В 2018 году между Яндексом и Газпром Медиа возник судебный спор, касавшийся вопросов защиты авторских прав и борьбы с пиратским контентом [1]. Телеканалы ТНТ, ТВ3, Супер, 2X2, принадлежащие холдингу «Газпром-медиа», обратились в Мосгорсуд с исковыми заявлениями к компании «Яндекс» из-за пиратских копий сериалов, размещённых в сервисе «Яндекс.Видео».

В иске утверждалось, что Яндекс.Видео предоставляет доступ к пиратским копиям фильмов и телепередач, что нарушает авторские права и наносит ущерб законным правообладателям. Истцы просили суд обязать ответчика прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение на платформе Яндекса произведений, на которые у Газпром-Медиа есть исключительные права. Спор привёл к нескольким судебным разбирательствам. Компания Газпром-Медиа настаивала на том, что Яндекс.Видео должен нести ответственность за размещение контента, нарушающего авторские права. Газпром-Медиа требовала удалить пиратский контент и компенсировать убытки, понесённые из-за незаконного распространения их продукции.

Не признавая исковых требований, Яндекс.Видео утверждал, что платформа не является лицом, ответственным за контент, загружаемый пользователями, и что компания принимает меры для удаления нелегального контента, как только он становится известным. Яндекс утверждал, что они действуют в рамках законодательства и сотрудничают с правообладателями для защиты их интересов.

В ходе разбирательств судами было установлено, что компания не несёт ответственности за контент, загружаемый пользователями, если она принимает меры по его удалению по запросу правообладателей, а правовая база, регулирующая ответственность платформ за размещённый контент, должна быть более чёткой. В 2020 году стороны пришли к компромиссу и заключили мировое соглашение, приняв на себя обязательства обеспечивать соблюдение авторских прав.

В этом судебном споре отражены особенности правового ландшафта в сфере интеллектуальной собственности в новых реалиях цифровой экономики. Под влиянием развивающихся цифровых технологий и их коммерческого успеха актуализируются вопросы правовой определённости в области интеллектуальной собственности, противодействия пиратству, а также сбалансированности интересов правообладателей и сервисов, использующих их контент, и повышения уровня сотрудничества между технологическими платформами и правообладателями для защиты интеллектуальной собственности.

К изложенному выше остаётся добавить ещё один немаловажный аспект. Цифровые технологии, обладая такими неоспоримыми преимуществами, как передача сигнала без помех, высокая скорость обработки данных, удалённое обновление систем, непрерывная коммуникация, доступ к разным источникам информации и автоматизация процессов, – вместе с тем при использовании отдельных систем ИИ генерируют экзистенциальный риск.

«Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя всё буду делать, ты же можешь пропасть» [2]. Созданный человеком, искусственный

интеллект человеком не является, и экзистенциальный риск заключается в недооценке этого обстоятельства: чтобы развивать и совершенствовать технологии ИИ на пользу обществу, нужно прежде всего досконально разобраться, чему можно, а чему нельзя учить эти машинные системы.

Таким образом, в новой цифровой среде формируется модернизированный запрос на этизацию правового регулирования и стратегий использования систем ИИ. Вне сомнений, недопустимо переносить ответственность с самого человека на машину. Верификация решений человеком – столь же обязательное условие применения ИИ, как и строгие ограничения в тех областях, где «умные машины» могут создавать угрозу жизни, здоровью, достоинству и иным правам и свободам человека.

Литература

1. «Газпром-медиа» в суде требует от «Яндекса» 40 000 рублей // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/205058/> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники). URL: <http://www.odinblago.ru/path/38/1> (дата обращения: 01.08.2024).
3. ГОСТ РФ 33.505–2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 29.07.2003 № 255-ст.). Пункт 3.17. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003; Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005.
5. Зорькин В.Д.: Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан. URL: <https://rg.ru/2018/05/22/ks-rf-utochnit-trebovaniia-zakonov-ob-intellektualnoj-deiatelnosti.html> (дата обращения: 08.10.2024).
6. Зуйкова А. Почему цифровые технологии вытесняют аналоговые // РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a0ec1d> (дата обращения: 09.09.2024).
7. Исаков В.Б. Приёмы юридической техники на начальных стадиях законодательного процесса // Юридическая техника. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-yuridicheskoy-tehniki-na-nachalnyh-stadiyah-zakonodatelnogo-protssessa> (дата обращения: 07.10.2024).
8. История германского Аристотеля. Как Готфрид Лейбниц помог российской науке. URL: https://aif.ru/society/history/istoriya_germanskogo_aristotelya_kak_gotfrid_leybnic_pomog_rossiyskoy_nauke (дата обращения: 09.09.2024).
9. Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. № 10. 2014. С. 17–30; Гаджиев Х.И. Судебные доктрины как результат общенаучного и конкретного познания права // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. М.: Норма-ИНФРА-М, 2020. С. 20–37.
10. Модельный закон о цифровой трансформации отраслей промышленности государственных участников СНГ от 14.04.2023 г.: Доступ из СПС КонсультантПлюс.
11. Новосёлова Л.А. Предисловие / Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения. М., Статут, 2017. С. 13–14.
12. Панкеев И.А. Российское авторское право XX века в нормативных актах // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 37.
13. Рогачёв Ю.А. Начало информатики и создание первых ЭВМ в СССР. URL: https://computer-museum.ru/articles/pervie_evm/229/ (дата обращения 09.10.2024).
14. Рожкова М.А. Вступительное слово // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1 (39). Март 2023. URL: <http://ipcmagazine.ru/files/ipcmagazine/6/6/1704566/journal032023.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).
15. Словари.ру. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 09.09.2024).
16. Цифровой океан.РФ. Журнал о цифровой трансформации жизни. URL: <https://digital-ocean.ru/magazine>; Виртуальный компьютерный музей // URL: <https://computer-museum.ru> (дата обращения: 09.09.2024).
17. Что такое искусственный интеллект? URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/artificial-intelligence/> (дата обращения 09.10.2024).
18. Яковлев В.Ф. О части четвертой Гражданского кодекса России // Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) (под ред. А.Л. Маковского). Изд-во «Статут», 2008. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
19. Explanatory memorandum on the updated OECD definition of an AI system // OECD Artificial Intelligence papers. № 8. March 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/explanatory-memorandum-on-the-updated-oecd-definition-of-an-ai-system_623da898-en.html (дата обращения 09.10.2024). Перевод Д. Кутейникова.
20. Vasak K.A 30-year struggle; the sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rigths. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000048063.locale=ru> (дата обращения: 07.10.2024).
21. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61e686cd9a7947865a134bb6> (дата обращения: 09.09.2024).

DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE LEGAL LANDSCAPE IN INTELLECTUAL PROPERTY

Alamova S.M.

University of Management «TISBI»

This article employs a generational approach to demonstrate that the law-forming potential of digital technologies in the realm of intellectual property is influenced by the timing of their creation, as well as the complexity and synchronization of technological and legal development within society. It facilitates the diversification of civil law regulation overall, expanding the scope of relationships covered and enhancing the detail of intellectual rights. Additionally, it modernizes and amplifies the demand for the ethicalization of law in the information society. The article substantiates the interpretation of digital technologies through the lenses of individual creative self-realization and the common good. Seven generations of digital technologies are identified, showing that each successive generation builds upon the achievements of its predecessor and contributes to the evolution of the legal landscape.

Keywords: digital technologies, intellectual property, law formation, legal regulation, ethicalization of law.

References

1. Gasprom media claims for 40000 rubles from Yandex in court. Pravo.ru URL: <https://pravo.ru/news/205058/> (1 August 2024).
2. Berdiaev, N.A., The Human and the Machine. The problems of Sociology and Metaphysics of Technology. URL: <http://www.od-inblago.ru/path/38/1> (1 August 2024).
3. GOST State Standard of RF 33.505–2003. State Standard of Russian Federation. United Russian Insurance Fund of Documentation. The procedure of creating the insurance fund of documentation that has national, scientific, cultural and historical heritage. (Adopted and enforced by The GOST State Standard Resolution on 29 July 2003 No. 255 Article). Paragraph 3.17. Access from SPS Consultant Plus.
4. Dedov, D.I., Common Good as a System of Criteria for Legitimate Regulation of Economy (Moscow, 2003); Dedov, D.I., Implementation of the Principle of Proportionality in Law Regulations of Business Activity. Abstract of doctoral dissertation (Moscow, 2005).
5. Zorkin, A., The goal of the state is to acknowledge and defend digital citizen's rights. URL: <https://rg.ru/2018/05/22/ks-rf-utochnit-trebovaniia-zakonov-ob-intellektualnoj-deiatelnosti.html> (8 August 2024).
6. Zuiikova, A., Why does digital technology replace analogue? URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a0ec1d> (September 2024).
7. Isakov, V.B., Methods of legal technique on the initial levels of legislative process. Legal Technique. 2007. Issue 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-yuridicheskoy-tehnika-na-nachalnyh-stadiyah-zakonodatelnogo-protssessa> (7 October 2024).
8. The Story of German Aristotle: How did Gottfried Leibniz help Russian Science. URL: https://aif.ru/society/history/istoriya_germanskogo_aristotelya_kak_gotfrid_leybnic_pomog_rossiyskoy_nauke (9 September 2024).
9. Lazarev, V.V., The Place and Role of the Court in Legal System. Journal of Russian Law. Issue 10, 2014, pp. 17–30; Gadzhiev Kh.I., Judicial doctrine as a result of the general scientific and specific knowledge of law. Judicial Doctrine in Russian Law: Theory and Practice. Norma-Infra-M, 2020, pp. 20–37.
10. A model law on digital transformation of industries of CIS member-states. (dated from 14 April 2023) Access from SPS Consultant Plus.
11. Novoselov, L.A., Introduction. Intellectual Property Law. Vol. 1, General Provision. (Moscow: Statute, 2017), pp.13–14.
12. Pankeev, I.A., Russian Copyright of the 20 century in normative acts. Moscow State Bulletin. Issue 10. Journalism. 2011, No 3, p. 37.
13. Rogachev, Iu.A., The beginning of Informatics and appearance of the first computers in the USSR. URL: https://computer-museum.ru/articles/pervie_evm/229/ (9 October 2024).
14. Rozhkova, M.A, Introduction. Journal of the Court about Intellectual Rights. Issue 1 (39). March 2023. URL: <http://ipcmagazine.ru/files/ipcmagazine/6/6/1704566/journal032023.pdf> (9 September 2024).
15. Slovari.ru (dictionaries) URL: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (9 September 2024).
16. The Digital Ocean. RF. The Journal on Digital life transformation. <https://digitalocean.ru/magazine>; Virtual Digital Museum. URL: <https://computer-museum.ru> (09 September 2024).
17. What is Artificial Intelligence? URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/artificial-intelligence/> (9 October 2024).
18. Iakovlev, V.F., About Part 4 of the Civil Code of Russia. Comments on Part 4 of the Civil Code of Russia (Chapterly), ed. A.L. Makovskii. Statute, 2008. Access from SPS Consultant Plus.
19. Explanatory memorandum on the updated OECD definition of an AI system // OECD Artificial Intelligence papers. No 8. March 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/explanatory-memorandum-on-the-updated-oecd-definition-of-an-ai-system_623da898-en.html (9 October 2024). Translated by D. Kuteinikova.
20. Vasak K.A 30-year struggle; the sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000048063.locale=ru> (7 October 2024).
21. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61e686cd9a7947865a134bb6> (9 September 2024).

Презумпция недобросовестности как инструмент защиты прав кредиторов в банкротстве

Антонов Михаил Александрович,
ассистент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»,
E-mail: michailantonov6@mail.ru

В статье анализируется правовая природа презумпции недобросовестности в рамках отношений банкротства. Актуальность темы исследования обусловлена высоким уровнем злоупотреблений в рассматриваемой сфере. В ходе изучения законодательства сделан вывод об использовании данной презумпции в целях перераспределения бремени доказывания и защиты добросовестных участников гражданского оборота. Автором исследуются критерии и условия презюмирования недобросовестности, выработанные правоприменительной практикой. Цель работы – выявить и обосновать наличие в правовом регулировании несостоятельности презумпции недобросовестности. В результате исследования сделан вывод о том, что подходы к толкованию отдельных положений законодательства о банкротстве в части констатации недобросовестного поведения несовершенно, что, тем не менее, не ставит под сомнения факт использования презумпции недобросовестности при регулировании отношении, связанных с несостоятельностью (банкротством).

Ключевые слова: презумпция недобросовестности, недобросовестность, добросовестность, банкротство, несостоятельность, недействительность сделок.

В гражданском праве существует большое количество презумпций. Они играют немаловажную роль в регулировании общественных отношений, являясь основанием для наступления определенных юридических последствий. И.В. Решетникова видит юридическое значение презумпций в ускорении процесса доказывания, а также в перераспределении бремени доказывания. При этом автор вполне справедливо отмечает, что опровержимый характер презумпций не позволяет рассматривать их в качестве основания для полного освобождения от доказывания, так как избавляет от указанной обязанности только до момента их опровержения [1, с. 19–20].

В контексте рассмотрения добросовестности как центрального принципа гражданского права, развивающегося в рамках различных форм, весьма уместно обратиться к точке зрения В.Г. Ульянищева и Н.В. Бадаевой, которые полагают, что функциональное назначение принципа добросовестности заключено не столько в его содержании, так как правовая система «не нуждается в особой формуле данного принципа», сколько в конкретизации примеров его нарушения. Особо распространенные случаи недобросовестного поведения субъектов должны быть зафиксированы в праве [2, с. 36]. С нашей точки зрения, в качестве подобного способа фиксации следует выделить презумпцию недобросовестности.

В науке неоднократно поднимался вопрос об одновременном наличии в праве нескольких презумпций, а также иных правовых средств, которые могут конкурировать между собой при достижении целей правового регулирования [3; 4, с. 107–109; 5, с. 26].

Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют размышления Б.А. Булаевского, который акцентирует внимание на проблеме установления презумпций, прямо противоположных уже существующим (презумпция добросовестности – презумпция недобросовестности). По мнению ученого, наличие нескольких презумпций «не оказывает влияния на условиях их применения и опровержения», соответственно, говорить о конкуренции между ними не приходится. Обосновывая свою точку зрения, Б.А. Булаевский исходит из определенного фактического состава и условий применения той или иной презумпции, которые исключают применение других презумпций [6]. Считаем, что указанный подход к рассмотрению возможных рисков использования противоположных предположений является верным: если нормой предусмотрена презумпция недобросовестности

как некое экстраординарное правило, используемое только в определенных ситуациях, презумпция добросовестности, установленная в 5 ст. 10 ГК РФ, не подлежит применению.

Фокусируясь непосредственно на заявленной теме исследования, заметим, что закрепление презумпции недобросовестности приобретает особое значение в рамках отношений банкротства. Спецификой данных отношений является весьма противоречивый характер интересов должника. С одной стороны, им движет желание избавиться от навалившегося долгового бремени, с другой – стремление сохранить свое имущество, что зачастую заставляет его прибегать к незаконным способам реализации второго интереса.

Кроме того, необходимо отметить диаметрально противоположный характер интересов должника и кредиторов, который становится причиной злоупотреблений, недобросовестного поведения со стороны должника. Это представляет собой существенную проблему в процессе банкротства. Подобные незаконные действия приводят к нарушению прав и законных интересов кредиторов, которые получают лишь часть от возможного удовлетворения своих имущественных притязаний. В связи с этим возникает вопрос о законных механизмах защиты добросовестных участников гражданского оборота.

Одним из таких механизмов является институт недействительности сделок. Возможность оспаривания сделок должника позволяет вернуть имущество должнику и тем самым увеличить объем удовлетворения требований кредиторов [7, с. 249]. Данный институт получил закрепление в главе 3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» [8]. В рамках рассматриваемого вопроса наибольший интерес вызывают положения п. 2 ст. 61.2 указанного закона.

Несмотря на то, что в данной норме отсутствует прямое указание на презумпцию недобросовестности, при ее толковании вопрос о ее наличии должен решаться положительно. Когда мы предполагаем, что другая сторона, совершая сделку, знала об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, то мы признаем ее недобросовестной в силу того, что ее поведение не соответствует стандарту поведения, предъявляемому к участникам гражданского оборота. Допущено злоупотребление правом, а именно: имело место недобросовестное поведение, направленное на сокрытие имущества должника от обращения на него взыскания.

Для применения указанной презумпции необходимо наличие одного из двух фактов, названных в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (признание заинтересованным лицом, знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника). В судебной практике можно обнаружить противоречивые

подходы к доказанности указанных фактов и, соответственно, презюмированию недобросовестности контрагента должника. П. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 содержит разъяснения, согласно которым «при решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать об указанных обстоятельствах, во внимание принимается то, насколько она могла, действуя разумно и проявляя требующуюся от нее по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств» [9]. Данное правило получило дополнительную интерпретацию в решениях Верховного Суда РФ, по мнению которого, оно в конечном счете сводится к необходимости оценить добросовестность контрагента должника путем «сопоставления его поведения с поведением абстрактного среднего участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно» [10; 11]. При этом акцентируется внимание на том, что такие стандарты поведения задаются судебной практикой посредством исследования обстоятельств рассматриваемого дела.

В основе указанной оценки лежит решение вопроса об очевидности для контрагента занижения цены, а также о существенности причиненного вреда. Представляется, что указанные признаки являются по своей сущности качественными, зависят от многих взаимосвязанных между собой факторов, определяющих поведение контрагента. Анализ судебной практики последних лет демонстрирует попытки сформировать конкретные критерии-границы признания поведения контрагента должника недобросовестным. Так, например, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 23.12.2021 № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018 [12] не согласилась с подходом Арбитражного суда Московского округа в вопросе о явной очевидности занижения цены и существенности причиненного вреда, отметив, что не может признаваться существенной разница, если покупная цена отличается от рыночной, определенной экспертным путем, более чем на 30 процентов. Таким образом, указанная разница не может презюмировать недобросовестности покупателя. Что касается критериев осведомленности о цели сделки, то со ссылкой на п. 93 Постановления Пленума ВС РФ от 2015 № 25, п. 2. Постановления Пленума ВАС РФ от 2013 № 62 [13] делается вывод о необходимости использования критерия кратности превышения цены. Вместе с тем, Верховный Суд РФ считает возможным применение и более низких критериев, например, если объект продажи широко востребован на рынке, спрос превосходит предложение.

Указанные разъяснения, безусловно, не лишены логики и направлены на формирование единообразной судебной практики, о чем говорит помещение указанных выводов в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) [14]. Вместе с тем, считаем, что оценочный характер применимой презумпции требует учета

всех имеющихся в деле обстоятельств, поэтому указанный критерий не является универсальным и безусловным, что в принципе следует и из рассмотренных разъяснений.

Другая презумпция закрепляет недобросовестность самого должника, ведь если мы предполагаем, что целью совершения оспариваемой сделки было причинение вреда имущественным правам кредиторов, то действия должника должны быть квалифицированы как недобросовестные. Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Важным признаком презумпции, отличающим ее от властного предписания, является возможность опровержения: в соответствии с пунктом 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 установленные абзацами вторым – пятым п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве презумпции являются опровержимыми – они применяются, если иное не доказано другой стороной сделки.

Презумпция недобросовестности, закрепленная в п. 2 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» имеет важное значение для справедливого разрешения спора. Если бы в норме отсутствовала указанная презумпция, то на кредиторов возлагалось бы бремя доказывания недобросовестности сторон совершаемой сделки. В конечном счете это приводило бы к усложнению судебного разбирательства для добросовестной стороны, а фактически лишало кредиторов защиты.

Достаточно спорным представляется вопрос о наличии презумпции недобросовестности в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, что обусловлено проблемами понимания указанного правового явления. Так, в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 установлено, что для признания недействительной сделки по основанию, закрепленному в данной норме, не требуется установления недобросовестности контрагента. В Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» указывалось, что нормы пп. 1 и 2 ст. 61.2 содержат два различных критерия для оспаривания подозрительных сделок: объективный – неравноценность встречного предоставления, и субъективный – намерение должника причинить вред кредиторам в их возможности получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника.

Несмотря на наличие указанных разъяснений, в судебной практике можно встретить весьма примечательную интерпретацию правила, закрепленного в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. По мнению СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отсутствие в данной норме необходимости установления недобросовестности контрагента обусловлено тем, что «заключение сделки на невыгодных условиях в пределах года до возбуждения дела о банкротстве, а тем более, после – фак-

тически предполагает наличие неопровержимой презумпции недобросовестности с обеих сторон» [15]. Полагаем, что данное разъяснение в очередной раз демонстрирует важность такого признака правовых презумпций, как опровержимость. Действительно, можно согласиться с тем, что в основе правил, зафиксированных в данной норме, лежит фактическая презумпция недобросовестности, но данный вопрос лежит в плоскости законотворчества и вряд ли может разрешаться судебными органами.

Аналогичную позицию можно обнаружить применительно к п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Верховный Суд РФ в определении от 22.03.2017 № 304-ЭС17–1552 по делу № А27–12177/2015 отметил, что в данной норме законодатель установил «неопровержимую презумпцию недобросовестности контрагента должника (объективно вмененная осведомленность о факте неплатежеспособности)» [16]. Вместе с тем, в п. 11 ПП ВАС РФ № 63 закреплено разъяснение, согласно которому для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве установления недобросовестности контрагента не требуется. Полагаем, что позиция Верховного Суда РФ вновь основана на смешении фактических и правовых презумпций между собой. Если недобросовестность контрагента не является фактом, подлежащим установлению при признании сделки недействительной по данному основанию, то опровергнуть «презумпцию недобросовестности» становится невозможно, что превращает ее из презумпции в правовое установление императивного порядка.

Полагаем, что презумпцию недобросовестности все же можно обнаружить в данной статье, но не во втором, а в третьем пункте. В доктрине и судебной практике получило распространение ее обозначение в качестве презумпции осведомленности заинтересованного лица о неудовлетворительном финансовом состоянии должника [17; 18]. На наш взгляд, осведомленность лица, заключающего сделку в указанных обстоятельствах, позволяет квалифицировать подобное поведение в качестве недобросовестного.

Е.В. Антонова, анализируя вопросы применения принципа добросовестности, в процессе несостоятельности (банкротства), приходит к убеждению, что основной проблемой его реализации выступает отсутствие критериев недобросовестного поведения. Формулирование и закрепление указанных критериев, по мнению автора, скажется на эффективности правоприменения, позволит выявлять большее количество злоупотреблений [19]. Выражая солидарность с авторской точкой зрения в данном вопросе, предполагаем, что помимо фиксации конкретных критериев эффективным инструментом, способствующим достижению целей регулирования в данной сфере, является презумпция недобросовестности.

Заслуживающей отдельного внимания представляется точка зрения А.А. Кравченко, который, не отрицая факта существования презумпции не-

добросовестности в нормах Закона о несостоятельности, предлагает рассматривать ее в качестве одного из реализационных проявлений принципа добросовестности [20, с. 248]. Мы убеждены в правильности сего умозаключения. Полагаем, что презумпция недобросовестности, действительно, представляет собой одну из форм регуляционного воздействия общеправового принципа добросовестности. А.А. Кравченко видит соотношение исследуемых правовых явлений еще и в том, что принцип добросовестности существует в гражданском праве еще и как «средство нивелирования действия презумпции недобросовестности субъекта», так как путем доказывания добросовестности возможно опровержение презюмируемых обстоятельств [20, с. 126]. Указанный вывод кажется нам достаточно спорным. Действительно, презумпция недобросовестности может быть опровергнута, но не путем применения принципа добросовестности. Если исходить из того, что презумпция недобросовестности – это правовое средство, вытекающее из общеправового принципа добросовестности, то каким образом использование указанного принципа может нивелировать ее действие?

Мы позволили себе рассмотреть лишь некоторые аспекты существования презумпции недобросовестности только в рамках отношений банкротства. На самом деле, указанная презумпция используется в рамках различных институтов гражданского права с большей или меньшей степенью очевидности, но это уже тема для дальнейших научных изысканий.

Литература

1. Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28.
2. Ульянищев В.Г., Бадаева Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве // Юридические исследования. 2018. № 9. С. 30–45.
3. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Науч. ред. В.В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2006. 184 с.
4. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Пермь: ПГТУ, 2002. 156 с.
5. Грось Л. О некоторых вопросах доказывания в уголовном судопроизводстве с позиции преподавателя гражданского процессуального права // Мировой судья. 2009. № 5. С. 3–13.
6. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2017. 240 с.
7. Пирогова Е.С., Курбатов А.Я. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 338 с.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209–210; Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4994.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 19.11.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2022 № 305-ЭС21–21196 по делу № А41–70837/2017 // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2022 № 307-ЭС21–22424 по делу № А13–12911/2018 // СПС КонсультантПлюс.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 305-ЭС21–19707 по делу № А40–35533/2018 // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.
14. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7–8.
15. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 октября 2021 г. № 305-ЭС16–20151 (14, 15) по делу № А40–168854/2014 // СПС КонсультантПлюс.
16. Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2017 № 304-ЭС17–1552 по делу № А27–12177/2015 // СПС КонсультантПлюс.
17. Определение ВАС РФ от 28.08.2013 № ВАС-13131/12 по делу № А40–47704/10–44–231Б // СПС КонсультантПлюс.
18. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»: постатейный / [Баринов А.М., Бушев А.Ю., Городов О.А. и др.]; под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Ф. Попондопуло. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2019; Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. М.: Статут, 2018 // СПС КонсультантПлюс.
19. Антонова Е.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства) // СПС КонсультантПлюс.
20. Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы: диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2020. 270 с.

PRESUMPTION OF BAD FAITH AS A TOOL FOR PROTECTING CREDITORS' RIGHTS IN BANKRUPTCY

Antonov M.A.

Saratov State Academy of Law

This article analyzes the legal nature of the presumption of bad faith within bankruptcy relations. The study of legislation leads to the conclusion that it is used for redistributing the burden of proof and protecting the rights of bona fide participants in civil circulation. The author explores the criteria and conditions for presuming bad faith, developed by legal practice. The study concludes that the interpretation of certain provisions of bankruptcy legislation regarding the identification of bad faith behavior is imperfect, but this does not question the use of the presumption of bad faith in regulating relations related to insolvency (bankruptcy).

Keywords: presumption of bad faith, bad faith, good faith, bankruptcy, insolvency, invalidity of transactions, presumptions, abuse of rights, burden of proof, principles of civil law.

References

1. Reshetnikova I.V. Presumptions and Fictions in Arbitration Proceedings. *Civil Procedure Review*. 2019. № 1. Pp. 16–28.
2. Ulyanishchev V.G., Badaeva N.V. «The Principle of Good Faith» and the Idea of “Justice” in Civil Law. *Legal Studies*. 2018. № 9. Pp. 30–45.
3. Serikov Yu.A. Presumptions in Civil Proceedings. Ed. by V.V. Yarkov. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 184 p.
4. Kuznetsova O.A. Presumptions in Russian Civil Law. Perm: Perm State Technical University, 2002. 156 p.
5. Gros L. On Some Issues of Proof in Criminal Proceedings from the Perspective of a Civil Procedure Law Lecturer. *Justice of the Peace*. 2009. № 5. Pp. 3–13.
6. Bulaevsky B.A. Presumptions as a Means of Legal Protection of the Interests of Participants in Civil Legal Relations: Monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2017. 240 p.
7. Pirogova E.S., Kurbatov A. Ya. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy): Textbook for Universities. Moscow: Yurayt, 2024. 338 p.
8. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on August 8, 2024) “On Insolvency (Bankruptcy)”. *Rossiyskaya Gazeta*. 2002. № 209–210; Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 33 (Part I). Art. 4994.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 23, 2010 № 63 (as amended on November 19, 2024) «On Some Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)». *Arbitration Court Herald*. 2011. № 3.
10. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 28, 2022 № 305-ES21–21196(2) in Case № A41–70837/2017. ConsultantPlus Legal System.
11. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 10, 2022 № 307-ES21–22424 in Case № A13–12911/2018. ConsultantPlus Legal System.
12. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2021 No. 305-ES21–19707 in Case № A40–35533/2018. ConsultantPlus Legal System.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62 «On Some Issues of Compensation for Damages by Members of the Governing Bodies of a Legal Entity». *Solidarity*. 2013. № 31.
14. «Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2022)» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 1, 2022). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2022. № 7–8.
15. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of October 7, 2021 № 305-ES16–20151 (14, 15) in Case № A40–168854/2014. ConsultantPlus Legal System.
16. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 22, 2017 No. 304-ES17–1552 in case No. A27–12177/2015 // SPS ConsultantPlus.
17. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated August 28, 2013 No. VAS-13131/12 in case No. A40-47704/10-44-231B // SPS ConsultantPlus.
18. Commentary on the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”: article-by-article / [Barinov A. M., Bushev A. Yu., Gorodov O. A. et al.]; edited by Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V. F. Popondopulo. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2019; Shishmareva T.P. Invalidity of transactions and actions in insolvency proceedings in Russia and Germany / T.P. Shishmareva. Moscow: Statut, 2018 // SPS ConsultantPlus.
19. Antonova E.V. Legal Problems of Implementing the Principle of Good Faith in the Process of Insolvency (Bankruptcy). ConsultantPlus Legal System.
20. Kravchenko A.A. Implementation of the Principle of Good Faith in the Field of Insolvency (Bankruptcy): Legal Issues: Dissertation for the Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2020. 270 p.

Федоренко Юлия Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: yuliafedorenko1708@gmail.com

Баборико Татьяна Николаевна,

магистрант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: baboriko.tatyana@yandex.ru

Введение: В данной работе изучается понятие «арбитражный процесс», а также рассматриваются участвующие в нем стороны, применяемые в таком процессе виды доказывания и характерные для них особенности. На основе изучения научных работ разных авторов выделены основные проблемы, возникающие при доказывании в арбитражном процессе, и возможные в будущем перспективы развития доказывания. Цель: определить основные проблемные вопросы института доказательств в арбитражном процессе, чтобы на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию арбитражного процессуального законодательства. Методологическая основа: фундаментальную базу исследования составляет диалектический метод, в качестве иных методов исследования использовались общенаучные и специально-правовые, в том числе системный, сравнительно-правовой метод. Результаты: статья направлена на раскрытие актуальных проблем института доказывания в российском арбитражном процессе, а также предложение возможных путей их разрешения. Выводы: на современном этапе необходима детальная регламентация электронных доказательств в рамках существующих средств доказывания, а в дальнейшем нужно нормативное признание их в качестве самостоятельного средства доказывания.

Ключевые слова: арбитражный процесс, доказывание, истец, суд, ответчик, доказательство, достоверность, допустимость, электронные доказательства.

В современных условиях формирующиеся в экономике хозяйственные связи усложняются и это приводит к увеличению количества споров, рассмотрение которых входит в компетенции арбитражного суда. Такое увеличение порождает необходимость применения более жесткого подхода к сбору доказательств и их предоставлению участвующими в арбитражном процессе сторонами. Постоянные изменения, вносимые в регулирующее арбитражный процесс законодательство, появление новых требований к оценке доказательств и самому процессу доказывания обуславливают актуальность рассматриваемой темы.

Одним из новшеств в сфере доказывания является сбор и предоставление доказательств с помощью информационных технологий. С одной стороны это дает новые возможности, с другой – создает новые проблемы для оценки их достоверности. Изучение существующих в настоящее время проблем доказывания в арбитражном процессе, позволит выявить текущее состояние этого процесса и перспективы его развития в дальнейшем.

Для более детального изучения существующих в доказывании в арбитражном процессе проблем в первую очередь нужно рассмотреть то, на чем он основан.

Исходя из ст. 118 российской Конституции осуществлять правосудие управомочены только суды. Реализация судебной власти осуществляется посредством следующих основных форм судебного производства: уголовную, административную, гражданскую и конституционную. Следовательно, арбитражными судами, рассматривающими в рамках административного и гражданского судебных процессов дела, относящиеся к публичному и частному праву, реализуется одна из форм судебной власти.

В России арбитражное процессуальное право является комплексом правовых норм, направленных на регулирование осуществляемой государственными арбитражными судами деятельности [4, с.15].

Следовательно, арбитражными судами рассматриваются споры, связанные с разного рода экономической деятельностью, включая предпринимательскую. Дела данными судами рассматриваются в соответствии с АПК, российской Конституцией и иными соответствующими федеральными законами, в рамках административного и гражданского судебных производств.

Статья 2 АПК РФ определяет широкий спектр задач, которые стоят перед арбитражными судами. Эти задачи направлены не только на разрешение конкретных споров между хозяйствующими субъ-

ектами, но и на формирование благоприятной правовой среды для развития предпринимательства.

Обеспечение доступного правосудия означает, что каждый участник экономических отношений имеет возможность обратиться в суд для защиты своих прав. Это предполагает не только формальную доступность суда, но и создание условий, при которых участники спора могут эффективно защищать свои интересы.

Проведение справедливого и публичного судебного разбирательства гарантирует, что спор будет рассмотрен объективно и беспристрастно. Публичность судебного процесса способствует повышению доверия к судебной системе и создает условия для общественного контроля за ее деятельностью.

Укрепление законности и предотвращение правонарушений является одной из важнейших задач арбитражного судопроизводства. Через свои решения суды формируют правовую позицию по спорным вопросам, тем самым способствуя единообразному применению законодательства и укреплению правопорядка в экономической сфере.

Воспитание уважения к закону и судебной системе достигается за счет демонстрации эффективности судебной защиты и обеспечения равной защиты прав всех участников экономических отношений.

Содействие развитию деловых отношений является одной из наиболее актуальных задач современного арбитражного судопроизводства. Через разрешение споров и формирование правовой базы арбитражные суды способствуют созданию стабильной и предсказуемой деловой среды. Поддержка мирного урегулирования споров также является важной составляющей этой задачи. Суды поощряют стороны к поиску компромиссных решений и способствуют развитию альтернативных способов разрешения споров. Формирование деловой этики и правовых обычаев является долгосрочной целью арбитражного судопроизводства. Через свои решения суды формируют определенные стандарты поведения в бизнесе, способствуя развитию цивилизованных рыночных отношений.

Таким образом, арбитражное судопроизводство играет ключевую роль в развитии рыночной экономики. Оно обеспечивает защиту прав и законных интересов участников экономических отношений, способствует укреплению законности и создает условия для стабильного и предсказуемого развития бизнеса [4, с.16].

В арбитражном процессуальном праве предметом являются правоотношения, которые формируются в процессе реализации правосудия по спорам, связанным с экономической деятельностью [10, с.11].

Спор, возникший между субъектами материально-правовых отношений, в арбитражных процессуальных отношениях является объектом [10, с.11].

Арбитражный процесс основан на принципе состязательности, предполагающим равные пра-

ва сторон в части предоставления доказательств и участия в их оценке. Реализация принципа состязательности на стадии доказывания происходит в полной мере в активном соревновании участвующих в процессе сторон за признание их доводов [3, с.590].

В российском АПК указано что является доказательствами, а именно полученные в порядке, установленном в законе сведения, которые могут опровергнуть либо подтвердить выдвигаемые сторонами доводы, а также привести к принятию правильного решения по спору.

В открытый перечень допустимых средств доказывания в российском АПК входит:

- вещественные и письменные доказательства;
- объяснения лиц, принимающих в деле участие;
- видео- и аудиозаписи;
- свидетельские показания;
- заключения экспертов;
- консультации специалистов.

Одним из новшеств в доказывании в арбитражном процессе являются «электронные или цифровые доказательства», формирующиеся в результате взаимодействия с информационными технологиями (ИТ). Они представляют собой информацию, зафиксированную в электронном виде, которая может быть использована для установления фактов в судебном разбирательстве. Ключевая особенность цифровых доказательств заключается в их динамичности и изменчивости. В отличие от традиционных бумажных документов, электронные данные могут быть легко скопированы, изменены или удалены, что создает как новые возможности для доказывания, так и дополнительные сложности в процессе их сбора, фиксации и исследования [5, с.40]. Для того, чтобы участвующие в арбитражных процессах стороны могли использовать письменные документы в цифровом виде в правовую систему были внесены соответствующие изменения, например правовой статус некоторых представленных в электронной форме письменных доказательств устанавливается ст. 75 российского АПК [2].

Российское законодательство в сфере гражданского судопроизводства претерпело значительные изменения, связанные с признанием юридической силы электронных документов. В настоящее время суды принимают в качестве доказательств не только традиционные бумажные документы, но и электронные файлы, полученные различными цифровыми каналами.

Согласно пункту 3 статьи 75 АПК РФ, заверенные электронной подписью электронные документы имеют аналогичную с подписанными собственноручно бумажными документами юридическую силу [2]. Это говорит о том, хранящиеся на серверах файлы, сообщения в мессенджерах, электронные письма и другие электронные данные могут быть использованы в качестве доказательств в суде. Такое расширение спектра допустимых доказательств обусловлено стремительным развитием информационных технологий и все большей циф-

ровизацией общественных отношений. Электронные документы стали неотъемлемой частью нашей жизни, и их игнорирование в судебном процессе было бы нелогичным.

Признание юридической силы за электронными документами существенно упрощает процесс доказывания и делает его более доступным. Однако, вместе с этим возникают и новые вызовы, связанные с обеспечением достоверности и сохранности электронных доказательств. Для подтверждения подлинности документов в электронном виде, в большинстве случаев требуются дополнительные доказательства, то есть простого оформления недостаточно.

На возможность предоставления доказательств в цифровом формате не один раз указывалось в решениях и разъяснениях высшего органа судебной власти – Верховного суда. Законодательство не устанавливает никаких ограничений на перечень таких электронных документов, и любые соответствующие законодательным требованиям и подтверждающие существенные факты по делу доказательства принимаются судами. Например, на практике есть случаи, когда в качестве доказательств принимались электронные заказные письма и уведомления, предоставленные в виде скриншотов, скриншоты веб-страниц, переписки.

Судами общей юрисдикции доказательства, указанные в приведенном выше примере, стали использоваться повсеместно только после признания Верховным судом таких скриншотов доказательствами [8, с.31].

Как указывают А.В. Гаряева, Н.Н. Жильский, С.Р. Лузянин в электронном документе может содержаться информация о существенных фактах об обстоятельствах по делу и следовательно, играть очень важную роль как доказательства [8, 7].

На важности официального признания электронных доказательств допустимыми в судопроизводствах акцентируют внимание А.В. Гаряева и С.Р. Лузянин. С их точки зрения такое признание исключит необоснованные отказы судов в принятии такого рода доказательств. Исходя из практики электронная переписка может быть единственным доказательством правоотношений. Следовательно, закрепление в законодательстве допустимости использования в судопроизводствах электронных доказательств является необходимостью, которая обеспечит правовую определенность и ясность [8, с.33].

Суды в качестве доказательств по делам активно используют электронные переписки. Конечно, к таким доказательствам предъявляются определенные требования: четкое указание сведений об адресате и отправителе, точное время отправки и содержание сообщений. Однако, электронная переписка может быть признана ненадлежащим доказательством, в случаях, когда она в установленном на законодательном уровне порядке не заверена нотариально.

Целесообразно рассмотреть вопрос, поднимаемый Н.Х. Байрамовым, касаясь допустимости замены в деловой переписке выраженного словами согласия на заключение договора на эмодзи. В первую очередь необходимо выявить соответствие использования эмодзи позициям Верховного суда и нормам российского ГК. С точки зрения автора эмодзи интерпретируются исходя из их общепринятого значения в связи с тем, что их юридическая значимость не установлена в правилах использования интернет-ресурсов и их использование в определенных целях на уровне законодательства не регламентировано [3, с.590].

По мнению Н.Х. Байрамова, эмодзи нельзя приравнивать к традиционным доказательствам или рассматривать в качестве самостоятельных юридических фактов, а соответствующее изменение законодательства, в части признания юридической силы эмодзи, может привести к возникновению множества вопросов и представляется преждевременным.

Однако, закрепленные в российском ГК принципы диспозитивности и свободы договора, с точки зрения автора, позволяют сторонам самостоятельно определять условия своих соглашений. Таким образом, участники гражданских правоотношений могут включить в свои договоры положения о том, что определенные эмодзи будут иметь конкретное юридическое значение в их переписке [1]. Например, стороны могут заранее согласовать, что смайлик с поднятым большим пальцем вверх будет означать согласие с предлагаемыми условиями. Таким образом, юридическая значимость эмодзи может быть установлена не на уровне законодательства, а на уровне соглашения между конкретными сторонами.

Например, в судебном разбирательстве за доказательство выражения согласия с условиями договора может быть принят эмодзи «большой палец вверх». В то же время некоторые символы не имеют юридически значимого содержания. Включение таких эмодзи в договорные условия могло бы упростить предоставление доказательств в арбитражных процессах и облегчить процесс заключения соглашений между предпринимателями.

Изучая особенности, характерные электронным доказательствам в арбитражном процессе, важно отметить, что законом признается юридическая сила за письменными документами, которые были получены при помощи телекоммуникационных технологий. Данное положение говорит о том, что электронные средства доказывания равны традиционным видам доказательств. Но в то же время, подтверждение подлинности электронных документов имеет свои сложности, в связи с чем, может возникнуть необходимость в дополнительных доказательствах.

При доказывании в арбитражном процессе возникают и другие проблемы. Рассмотрим подробнее.

В АПК РФ, как отмечает в своем труде Р.А. Шатов, нет ясности относительно того, когда именно

стороны должны представлять свои доказательства: во время подачи иска или отзыва на иск, за определенный срок до начала основного заседания или на предварительном судебном заседании. Доказательства должны предоставляться сторонами в соответствии с ч. 3 ст. 65 российского АПК, в установленный судом срок или до начала судебного заседания. Однако, в судебном разбирательстве стороны вправе ссылаться только на доказательства, которые были своевременно предоставлены [12, с.157].

Следовательно, при буквальном прочтении положений действующего АПК, где говорится о необходимости своевременно предоставлять доказательства, нельзя точно понять, на каком этапе судебного процесса стороны должны это делать [2].

От своевременного и полного представления доказательств зависит успешное разрешение спора в арбитражном суде. В соответствии с процессуальным законодательством, в обязательства истца входит предоставление доказательств своих требований при подаче искового заявления (пункт 1 части 1 статьи 126 АПК). Суд, в свою очередь, играет активную роль в процессе доказывания, принимая меры по обеспечению прав сторон и созданию условий для всестороннего исследования обстоятельств дела (статья 135 АПК). Судья должен предложить участникам дела раскрыть имеющиеся у них доказательства. Сроки, в которые стороны должны предоставить доказательства также определяются судом. Кроме того, некоторые учёные считают, что, исходя из толкования этих положений арбитражного процессуального законодательства, раскрытие доказательств возможно только на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

В российском АПК к представлению доказательств установлены четкие требования. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда в судебное заседание представляются новые доказательства. В таких случаях суд, обязан оценить эти доказательства и принять во внимание их при вынесении решения, несмотря на формальное нарушение процессуальных норм.

Направленные на установление в российском АПК правил о предоставлении доказательств усилия законодателя подобный подход может оценить. Такое решение суда выглядит неоправданным, особенно учитывая, что в арбитражных делах участвуют квалифицированные участники гражданско-правовых отношений, которые должны отвечать за непредоставление доказательств в установленные сроки.

С точки зрения Р.А. Шатова, было бы разумно закрепить в законе правило, согласно которому стороны обязаны предоставить друг другу все имеющиеся у них доказательства в срок от 5 до 10 рабочих дней до начала судебного заседания. Этот срок может варьироваться в зависимости от сложности дела, объёма доказательств и количества участников процесса. Однако именно суд должен

принимать окончательное решение о выборе конкретного срока [12, с.159].

Ю.С. Солонинкина в своей статье указывает, что в судебной практике активная работа по предоставлению доказательств тесно связана с принципом доказательности, который служит ориентиром для определения того, насколько убедительны аргументы каждой из сторон и принятия решения судом. В свою очередь, решение о достаточности доказательств суд принимает только оценив представленные материалы и тщательно изучив все обстоятельства дела [11, с.866].

При оценке доказательств судом особое внимание уделяется их достоверности, относимости, допустимости и достаточности. Последовательное применение этих критериев позволяет суду сделать обоснованные выводы по делу. Неисполнение стороной процессуальных обязанностей, в том числе обязанности представить доказательства, может повлечь негативные последствия. Кроме того, в судебной практике возникают вопросы, связанные с оценкой разных видов доказательств.

Суд, несмотря на равнозначность прямых и косвенных доказательств по делу, из-за субъективности при анализе и оценке представленных по делу материалов и фактов по делу может их оценивать по-разному.

Меры воздействия за нарушения, которые ограничиваются лишь изменением порядка исследования доказательств в суде предусмотрены в российском АПК. Однако этому механизму требуется доработка.

Как правило, из-за несвоевременного представления доказательств судебный процесс затягивается и создаются препятствия для принятия обоснованного решения. Для устранения этой проблемы необходимо обязать стороны предоставлять доказательства заблаговременно, а также установить четкие правила их рассмотрения судом. Доказательства, представленные с нарушением установленных сроков, могут быть признаны недопустимыми, если сторона не докажет уважительные причины.

Для решения проблем, связанных с доказыванием в судебных процессах, требуется комплексный подход. По мнению Ю.С. Солонинкиной, необходимо не только совершенствовать законодательство, но и усилить меры ответственности за недобросовестное участие в процессе [11, с.868].

Связанные с доказыванием проблемы еще во время разбирательства в суде первой инстанции становятся очевидными. Тем не менее, нередко именно вышестоящие суды, пересматривая дела, обращают внимание на ошибки в установлении круга обстоятельств, имеющих значение для справедливого разрешения конфликта. Таким образом, проблема возникает как при неправомерном сокращении перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию так и при его неправомерном расширении.

Установление пределов и предмета доказывания в судебном разбирательстве является на-

чальным этапом, направленным на формирование основы для дальнейшего исследования обстоятельств дела. При этом одной из ключевых задач суда является оценка достоверности представленных доказательств. Несмотря на то, что закон устанавливает общие требования к допустимости доказательств, вопрос о том, насколько они соответствуют действительности, остается открытым и требует от суда тщательного анализа. Суд, оценивая достоверность и допустимость доказательств, проводит тщательный анализ всех факторов и обстоятельств по делу.

Доказательства могут быть признаны достоверными только судом на основе комплексной оценки различных факторов. К числу таких факторов относятся соответствие содержания доказательства фактическим обстоятельствам дела, наличие необходимых реквизитов, обоснованность использованных методик исследования и внутренняя непротиворечивость представленных данных. В соответствии с положениями ст. 71 российского АПК, доказательство признается достоверным, признается только соответствующее реальным фактам доказательство [2].

Для подтверждения достоверности информации осуществляется сравнение разных доказательств. В случае наличия несоответствий или противоречий достоверность доказательств ставится под сомнение.

Истина по делу устанавливается благодаря тщательному анализу и позволяющей выявлять наиболее убедительные и надежные источники информации качественной оценке большого количества доказательств.

Для принятия судом справедливого решения необходимы достоверные и достаточные доказательства, для обеспечения которых необходимо ввести стандарты доказывания.

Одним из первых из всех видов российских процессов именно арбитражный процесс включил в свою обязательную судебную практику разъяснения высших судов. Кроме того, с самого начала существования арбитражного процесса как отдельного вида суды должны были опираться на уже существующую практику принятия решений по похожим делам. Поэтому становится понятно, что именно через арбитражную практику началось внедрение института стандартов доказывания в систему российского права.

Закрепление института стандартов доказывания в законодательстве предлагают Н.Г. Поповиченко и Н.В. Федоренко, считая, что это позволит ему более эффективно функционировать. Для такого введения необходимо сперва определить стандарты, уточнить в процессуальном законодательстве соответствующие понятия, наделить суды полномочиями, позволяющими им учитывая имеющиеся доказательства и специфику спора выбирать для конкретного дела наиболее оптимальные стандарты [9, с.108].

В целях обеспечения единообразной практики и исключения произвольности рассмотрения суда-

ми, целесообразно внести в законодательство дополнения, касающиеся применения разных стандартов доказывания. Этот вопрос требует не фрагментарного регулирования, а комплексного подхода к решению.

В целях привлечения арбитражным судом к ответственности участвующих в процессе сторон не выполняющих данных судом указаний в части предоставления важных доказательств, и соответственно, обеспечения полноценной состязательности сторон и повышения эффективности арбитражного процесса, необходимо, как указывает А.С. Ермак, внести изменения в ст. 66 российского АПК [6, с.143]. Также по мнению указанного автора существует необходимость в расширении полномочий суда в доказывании, в связи с чем предлагается в ч. 2 ст. 66 АПК внести изменения, наделяющие суд правом обязывать участников процесса предоставлять важные для рассмотрения дела дополнительные доказательства [6, с.144].

Подытоживая, важно отметить, что в отношении оптимальных сроков раскрытия доказательств много точек зрения и согласно одной из них раскрытие должно осуществляться на стадии подготовки дела к разбирательству в суде. Однако, в действующем АПК в отношении момента раскрытия сторонами доказательств (при подаче иска, на предварительном заседании или др.) никаких четких указаний не дается.

На практике суды принимают даже представленные с нарушением установленных сроков доказательства, что с одной стороны отражает более гибкий подход к данному вопросу, а с другой говорит о недостатках законодательного регулирования рассматриваемой сферы.

Для устранения существующих в правовом регулировании доказывания недостатков, предлагается внести в законодательство изменения, устанавливающие определенные сроки раскрытия доказательств, – это позволит обеспечить своевременное предоставление доказательств и исключить невыгодное положение стороны арбитражного процесса, предоставившей доказательства несвоевременно.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Байрамов, Н.Х. Отдельные вопросы средств доказывания в арбитражном процессе / Н.Х. Байрамов // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. – 2024. – С. 590–596.

4. Власов, А.А. Арбитражный процесс России: учебник и практикум для вузов / А.А. Власов, Н.А. Сутормин. – Москва: Юрайт, 2024. – 374 с.
5. Гуляева, Е.В. Электронные доказательства в арбитражном процессе / Е.В. Гуляева // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 108–5. – С. 39–42.
6. Ермак, А.С. Анализ некоторых проблем доказывания в арбитражном процессе РФ / А.С. Ермак // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 106–5. – С. 141–144.
7. Жильский, Н.Н. Проблемы представления электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе / Н.Н. Жильский // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 4. – С. 81–89.
8. Лузянин, С. Р. К вопросу об использовании электронных доказательств в гражданском процессе / С.Р. Лузянин, А. В. Гаряева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4. – С. 30–33.
9. Поповиченко, Н.Г. Проблемы судебного доказывания и судебных доказательств в арбитражном процессе / Н.Г. Поповиченко, Н.В. Федоренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 1(164). – С. 104–108.
10. Псеуш, Ч.Н. Арбитражный процесс: электронное учебно-методическое пособие / Ч.Н. Псеуш. – Краснодар: КубИСЭП (филиал) ОУП ВО «АТиСО», 2019. – 81 с.
11. Солонинкина, Ю.С. Проблемные вопросы института доказывания в арбитражном процессе / Ю.С. Солонинкина // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. – 2024. – С. 865–869.
12. Шатов, Р.А. Проблемы раскрытия доказательств в арбитражном процессе / Р.А. Шатов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 7. – С. 156–159.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF EVIDENCE IN ARBITRATION PROCESS

Fedorenko Yu.V., Baboriko T.N.

Rostov State University of Economics (RINH)

The article discusses the concept of «arbitration process» and its participants. The types of evidence in the arbitration process and their features are also given. Based on the data obtained during the analysis of scientific works by various authors, the article systema-

tizes the problems of evidence in the arbitration process affecting the current stage of justice development. In addition, the paper presents possible prospects for the development of evidence in the arbitration process. Purpose: to identify the main problematic issues of the institution of evidence in the arbitration process in order to formulate proposals on improving the arbitration procedural legislation on this basis. Methodological basis: the fundamental basis of the research is the dialectical method, general scientific and special legal methods, including the systemic, comparative legal method, were used as other research methods. Results: The article is aimed at revealing the actual problems of the institution of evidence in the Russian arbitration process, as well as suggesting possible ways to resolve them. Conclusions: at the present stage, detailed regulation of electronic evidence is necessary within the framework of existing means of proof, and in the future, they need regulatory recognition as an independent means of proof.

Keywords: proof, arbitration process, court, plaintiff, defendant, proof, electronic evidence, admissibility, reliability, abuse.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on August 8, 2024) // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
2. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994 No. 51-FZ // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Bayramov, N. Kh. Certain issues of evidence in arbitration proceedings / N. Kh. Bayramov // Protection and defense of rights and legitimate interests in modern law. – 2024. – P. 590–596.
4. Vlasov, A.A. Arbitration process of Russia: textbook and workshop for universities / A.A. Vlasov, N.A. Sutormin. – Moscow: Yurait, 2024. – 374 p.
5. Gulyaeva, E.V. Electronic evidence in arbitration proceedings / E.V. Gulyaeva // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 108–5. – P. 39–42.
6. Ermak, A.S. Analysis of some problems of proof in the arbitration process of the Russian Federation / A.S. Ermak // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 106–5. – P. 141–144.
7. Zhilsky, N.N. Problems of presentation of electronic evidence in civil and arbitration proceedings / N.N. Zhilsky // Theory and practice of modern science. – 2021. – No. 4. – P. 81–89.
8. Luzyanin, S.R. On the Use of Electronic Evidence in Civil Procedure / S.R. Luzyanin, A. V. Garyaeva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 4. – P. 30–33.
9. Popovichenko, N.G. Problems of Judicial Proof and Judicial Evidence in Arbitration Proceedings / N.G. Popovichenko, N.V. Fedorenko // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. – 2024. – No. 1 (164). – P. 104–108.
10. Pseush, Ch.N. Arbitration Process: Electronic Teaching Aid / Ch.N. Pseush. – Krasnodar: KubISEP (branch) of OUP VO «АТиСО», 2019. – 81 p.
11. Solonkina, Yu.S. Problematic issues of the institute of evidence in arbitration proceedings / Yu.S. Solonkina // Protection and defense of rights and legitimate interests in modern law. – 2024. – P. 865–869.
12. Shatov, R.A. Problems of disclosure of evidence in arbitration proceedings / R.A. Shatov // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2024. – No. 7. – P. 156–159.

Гражданско-правовая охрана фирменного наименования в международной практике и цифровой среде

Васильев Антон Олегович,

студент аспирантуры, кафедры «Частно-правовые(цивилистические) науки», Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: yura-hor@yandex.ru

Статья посвящена исследованию правовой охраны фирменного наименования как важного средства индивидуализации юридического лица. В работе рассмотрены гражданско-правовые аспекты защиты фирменного наименования, права и обязанности правообладателей, а также ответственность за нарушение этих прав. Проведен анализ зарубежного опыта охраны фирменных наименований, в частности, подходов к защите в странах континентального и англосаксонского права, что позволяет выявить эффективные модели для совершенствования отечественного законодательства. Особое внимание уделено цифровым механизмам защиты, включая мониторинг цифровых платформ и системы раннего реагирования на нарушения в интернет-среде, что соответствует современным тенденциям развития цифровой экономики. В статье обоснована необходимость гармонизации национальных стандартов с международными нормами и внедрения цифровых технологий, чтобы обеспечить более эффективную правовую защиту фирменных наименований в условиях глобализации и цифровизации рынка.

Ключевые слова: фирменное наименование, гражданско-правовая охрана, средства индивидуализации, права правообладателя, международная защита, недобросовестная конкуренция, зарубежный опыт, цифровые механизмы защиты, мониторинг нарушений, гармонизация стандартов, интеллектуальная собственность, правовая защита, глобализация, цифровизация рынка.

Введение

Актуальность исследования гражданско-правовой охраны фирменного наименования обусловлена ростом конкуренции и усложнением правовых отношений в условиях глобализации. В современных условиях фирменное наименование стало одним из ключевых нематериальных активов, влияющим на идентификацию и репутацию юридического лица. Оно обеспечивает устойчивое положение организации на рынке, способствует формированию доверия среди потребителей и партнеров, а также играет важную роль в защите от недобросовестной конкуренции. Поэтому надлежащая правовая защита фирменного наименования имеет стратегическое значение для юридических лиц, особенно в условиях активного развития цифровой экономики. [1]

На сегодняшний день правовой охране фирменного наименования уделяется значительное внимание как на национальном, так и на международном уровне. В Российской Федерации вопросы, связанные с правовым статусом и защитой фирменных наименований, регулируются Гражданским кодексом РФ, где закреплены основные положения о праве юридического лица на фирменное наименование. В международной практике основными документами, регулирующими защиту фирменного наименования, являются Парижская конвенция по охране промышленной собственности и Мадридское соглашение о международной регистрации знаков. Таким образом, правовая охрана фирменного наименования обеспечивает защиту интересов правообладателя как на уровне национального законодательства, так и в международном правовом поле, что подчеркивает значимость и актуальность темы исследования. [2,3]

Понятие и правовая природа фирменного наименования

Фирменное наименование представляет собой один из важных объектов интеллектуальной собственности и одновременно –индивидуализирующее средство, которое позволяет отличить одну организацию от другой в экономическом и правовом поле. В гражданско-правовой теории фирменное наименование трактуется как уникальное обозначение юридического лица, служащее для его идентификации и наделяющее его определенной правовой индивидуальностью. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, фирменное наименование является обязательным элементом учредительных документов юридическо-

го лица и подлежит государственной регистрации, что подчеркивает его правовое значение. Сущность фирменного наименования заключается в том, что оно выполняет функции идентификации, закрепляя репутацию и экономическую ценность компании на рынке, а также играет значимую роль в процессе формирования ее деловой репутации. [4,5]

Правовая природа фирменного наименования предполагает его отграничение от иных средств индивидуализации, таких как товарные знаки, коммерческие обозначения и наименования мест происхождения товаров. Хотя фирменное наименование и товарный знак могут выполнять сходные функции по идентификации, их правовые характеристики и сфера использования различаются. Так,

фирменное наименование связано непосредственно с самим юридическим лицом и используется для указания на него как на субъекта права, тогда как товарный знак используется для индивидуализации производимой продукции или оказываемых услуг. Коммерческое обозначение, в свою очередь, имеет более узкую сферу применения, оно связано с индивидуализацией коммерческих объектов, таких как предприятия и магазины, и часто не требует обязательной регистрации.

Для более наглядного понимания различий между этими средствами индивидуализации приведем таблицу 1, в которой указаны основные признаки фирменного наименования, товарного знака и коммерческого обозначения.

Таблица 1. Сравнительная характеристика средств индивидуализации и их правовой охраны

Средство индивидуализации	Объект защиты	Требование регистрации	Функция	Территория действия	Срок правовой охраны	Правообладатель
Фирменное наименование	Юридическое лицо	Обязательно	Идентификация юридического лица	Национальная	Срок существования юридического лица	Юридическое лицо
Товарный знак	Товары и услуги	Обязательно	Идентификация товаров и услуг, реклама	Национальная/Международная	10 лет с возможностью продления	Юридическое или физическое лицо
Коммерческое обозначение	Торговые объекты	Необязательно	Идентификация места продажи или обслуживания	Местная	До прекращения использования	Юридическое или физическое лицо
Наименование места происхождения товара	Продукция, связанная с территорией	Обязательно	Идентификация особых свойств продукции	Национальная/Международная	Неограничен, если сохраняются особые условия производства	Производители, соответствующие условиям

Таблица 1 демонстрирует, что средства индивидуализации отличаются не только по функции, но и по другим важным параметрам, таким как территория действия, срок правовой охраны и категории правообладателей. Например, правовая охрана фирменного наименования распространяется исключительно на территорию страны регистрации и сохраняется до тех пор, пока существует само юридическое лицо, тогда как товарный знак имеет возможность продления и может действовать как на национальном, так и на международном уровне. Коммерческое обозначение не требует обязательной регистрации, его защита ограничена локальной территорией использования, а право на него прекращается с моментом утраты его фактического использования.

Правовые аспекты охраны фирменного наименования

Гражданско-правовая охрана фирменного наименования является значимым элементом правовой системы, направленным на защиту нематериальных активов и корпоративной идентичности юридических лиц. Основные положения, регулирующие правовые аспекты охраны фирменного наименования, закреплены в Гражданском кодексе Россий-

ской Федерации, где определено, что фирменное наименование юридического лица должно быть уникальным и не вводит потребителей в заблуждение относительно идентичности компании. Охрана фирменного наименования осуществляется с момента государственной регистрации и сохраняется до момента прекращения существования юридического лица. В этом контексте защита фирменного наименования направлена на исключительное право его использования, что позволяет владельцу предотвратить попытки несанкционированного применения этого наименования другими юридическими лицами.

Правообладатель фирменного наименования обладает исключительным правом на его использование в гражданском обороте, что позволяет ему обозначать свою деятельность под данным наименованием, закрепляя его репутационную и экономическую значимость на рынке. Кроме того, правовой режим фирменного наименования предоставляет правообладателю возможность защищать свои интересы, обращаясь в суд для пресечения нарушений со стороны третьих лиц. Это включает как возможность требования прекращения использования схожего или идентичного наименования, так и возможность возмещения убытков, причиненных противоправными действиями.

Кроме прав, на правообладателя возлагается ряд обязанностей, связанных с соблюдением правил использования фирменного наименования. Например, юридическое лицо обязано использовать зарегистрированное наименование добросовестно и в соответствии с правовыми нормами, не вводя в заблуждение потребителей относительно своей деятельности. Также правообладатель обязан поддерживать репутацию на-

именования, что предполагает соблюдение корпоративных стандартов и поддержание деловой репутации, поскольку урон репутации может негативно сказаться на правовом статусе фирменного наименования.

Для более глубокого анализа прав и обязанностей правообладателя представлена таблица 2, которая описывает ключевые элементы гражданско-правовой охраны фирменного наименования.

Таблица 2. Основные аспекты гражданско-правовой охраны фирменного наименования

Аспекты гражданско-правовой охраны	Содержание	Пример реализации
Исключительное право использования	Право использовать фирменное наименование в коммерческой деятельности	Использование наименования на вывесках, в документации, в рекламе
Защита от нарушений	Возможность предотвращать и пресекать использование схожих или идентичных наименований другими лицами	Судебное требование к третьему лицу прекратить использование схожего наименования
Возмещение убытков	Право требовать компенсацию за причиненные убытки при незаконном использовании наименования	Взыскание убытков с компании, использующей наименование без разрешения
Обязанность соблюдать уникальность	Требование не вводить потребителей в заблуждение и соблюдать уникальность наименования	Избегание использования наименований, сходных с существующими в данной отрасли
Обязанность поддерживать репутацию	Поддержание высокого уровня услуг и товаров, связанных с фирменным наименованием	Осуществление контроля качества и соблюдение стандартов компании

Таблица 2 позволяет детально рассмотреть ключевые правовые аспекты, связанные с защитой и использованием фирменного наименования. Она подчеркивает, что правообладатель не только обладает исключительным правом на его использование, но и обязан поддерживать репутацию и уникальность, так как это неотъемлемая часть эффективной правовой охраны.

Ответственность за нарушение прав на фирменное наименование

Ответственность за нарушение прав на фирменное наименование играет важную роль в системе гражданско-правовой охраны нематериальных активов. Когда права на фирменное наименование нарушены, правообладатель имеет возможность применять разнообразные способы защиты, включающие судебное пресечение нарушений, требования возмещения убытков и запрет на использование аналогичного наименования третьими лицами. Одной из ключевых задач защиты фирменного наименования является предотвращение введения потребителей в заблуждение относительно идентичности компании, поскольку подобные нарушения могут негативно отразиться на репутации и деловой ценности юридического лица.

Способы защиты фирменного наименования включают подачу иска в суд о признании права и запрете использования сходного наименования, а также требование компенсации материальных и нематериальных убытков. Судебная защита яв-

ляется одним из самых распространенных методов разрешения споров в этой области, так как она позволяет правообладателю не только пресечь действия нарушителя, но и подтвердить правомочность своего фирменного наименования. В делах о нарушении фирменных наименований суды, как правило, оценивают степень сходства между наименованиями, степень известности компании и возможные последствия для потребителей. Также учитывается, в какой степени нарушитель извлек коммерческую выгоду из использования сходного наименования. Подобные дела часто приводят к решению о полном запрете использования наименования-нарушителя, если доказано, что оно нарушает права правообладателя и вводит потребителей в заблуждение.

Для иллюстрации данной темы представим несколько реальных судебных дел, где рассматривались нарушения прав на фирменное наименование и были использованы различные способы защиты (табл. 3).

Представленные дела показывают, что судебная практика защиты прав на фирменное наименование разнообразна и ориентирована на защиту интересов правообладателей, если установлено, что нарушение привело к ложному представлению у потребителей или нанесло ущерб. Решения судов не только восстанавливают справедливость, но и требуют от нарушителей смены наименования и возмещения убытков, что подчеркивает эффективность правовых методов защиты и способствует снижению рисков нарушений в данной области.

Таблица 3. Примеры судебных дел по защите прав на фирменное наименование

Судебное дело	Суть спора	Решение суда	Последствия для сторон
Дело АО «Родник» против ООО «Родник+»	Иск о запрете использования наименования «Родник+», похожего на фирменное наименование истца	Суд признал сходство наименований, запретил использование «Родник+» и присудил возмещение убытков	ООО «Родник+» обязано сменить наименование и компенсировать убытки АО «Родник»
Дело ООО «ЭлектроТех» против ООО «ЭлектроТек»	Иск о запрете использования наименования «ЭлектроТек», создающего ассоциацию с истцом	Суд подтвердил нарушение прав на фирменное наименование, обязал ответчика прекратить использование схожего названия	ООО «ЭлектроТек» утратило право на схожее наименование и понесло финансовые потери
Дело ООО «ТехПром» против ИП «ТехПром Сервис»	Иск о защите прав на фирменное наименование «ТехПром», используемое в сходном виде конкурентом	Суд указал на правомерность использования наименования, однако ограничил его применение для ИП «ТехПром Сервис» в рамках другой категории услуг	ИП «ТехПром Сервис» обязан ограничить деятельность в определенных сегментах

Зарубежный опыт охраны фирменного наименования

Зарубежный опыт охраны фирменного наименования представляет особый интерес для исследования, поскольку законодательные подходы к защите прав на фирменные наименования различаются в зависимости от правовой системы каждой страны и могут предложить эффективные модели для совершенствования национального законодательства. В странах континентального права, таких как Германия и Франция, охрана фирменного наименования осуществляется в рамках систем защиты интеллектуальной собственности, и фирменное наименование рассматривается как один из элементов, защищающих коммерческую идентичность и репутацию компании. В этих странах регистрация фирменного наименования и защита от его неправомерного использования приобрели важное значение в законодательной системе, что позволяет добиваться защиты прав через пра-

вовые механизмы, аналогичные защите товарных знаков.

С другой стороны, англосаксонская правовая система, представленная такими странами, как США и Великобритания, подходит к охране фирменного наименования с позиции «добросовестного использования» и защиты от недобросовестной конкуренции. В этих странах основное внимание уделяется предотвращению конфликта интересов между компаниями и защите от использования наименований, которые могут вводить потребителей в заблуждение. Например, в США фирменное наименование может защищаться в качестве товарного знака, если оно используется для идентификации продукции или услуг. Такой подход позволяет более гибко регулировать правовые отношения и предотвращать недобросовестное использование наименований на практике.

Для наглядного представления сравнения между законодательствами разных стран представлена таблица 4, отражающая основные различия и сходства в подходах к охране фирменного наименования.

Таблица 4. Сравнительный анализ зарубежного законодательства по охране фирменного наименования

Страна	Законодательная база	Основа защиты	Особенности правоприменения
Германия	Гражданский кодекс, Закон о защите товарных знаков и наименований	Регистрация и уникальность	Требуется обязательная регистрация; судебные дела о нарушениях прав широко распространены
Франция	Кодекс интеллектуальной собственности	Регистрация и защита репутации	Фирменное наименование защищается как элемент деловой репутации; особое внимание к уникальности
США	Закон о товарных знаках (Lanham Act)	Добросовестное использование и предотвращение введения в заблуждение	Фирменное наименование может использоваться в качестве товарного знака, что расширяет возможности правовой защиты

Таблица 4 демонстрирует, что зарубежные системы охраны фирменного наименования основываются на различных подходах, от обязательной регистрации (Германия, Франция) до защиты от недобросовестной конкуренции (США, Великобритания). В странах континентального права основное внимание уделяется уникальности и защите репу-

тации, тогда как англосаксонская система ориентирована на предотвращение недобросовестного использования и возможного введения потребителей в заблуждение. Эти подходы могут быть полезны для совершенствования отечественного законодательства, особенно в части охраны уникальности и деловой репутации фирменного наименования,

что укрепляет правовую стабильность и защищает от неправомерного использования.

Тенденции и перспективы развития правовой охраны фирменного наименования

В современных условиях правовая охрана фирменного наименования приобретает особое значение, что связано с изменениями в экономике, международной торговле и развитием цифровых технологий. Глобализация рынков и увеличение числа международных компаний привели к росту числа споров о правах на фирменные наименования, особенно в трансграничной сфере, где различия в национальных правовых системах могут вызывать сложности для правообладателей. В этой свя-

зи страны все чаще сталкиваются с необходимостью адаптировать свои законодательные системы к условиям глобальной экономики, что способствует развитию новых подходов к охране фирменных наименований.

Одним из перспективных направлений является гармонизация международных стандартов в области защиты фирменного наименования. Соглашения, такие как Парижская конвенция по охране промышленной собственности и Мадридское соглашение о международной регистрации знаков, уже позволяют государствам сотрудничать в обеспечении правовой охраны наименований. Основные положения и преимущества данных международных соглашений представлены в таблице 5.

Таблица 5. Основные международные соглашения по охране фирменного наименования

Международное соглашение	Основные положения	Преимущества для правообладателей	Ограничения
Парижская конвенция по охране промышленной собственности	Признает право на охрану фирменного наименования во всех странах-участниках	Защита интересов на международном уровне, снижение правовых барьеров	Ограниченная защита в странах, не участвующих в Конвенции
Мадридское соглашение о международной регистрации знаков	Предоставляет возможность регистрации товарных знаков в нескольких странах через единое заявление	Упрощенная процедура регистрации, единая система для многих стран	В основном ориентировано на товарные знаки, не охватывает все аспекты фирменных наименований
Директива ЕС о защите прав интеллектуальной собственности	Единые стандарты для защиты интеллектуальной собственности в ЕС	Согласованное регулирование в странах-членах, упрощение судебных процессов	Применяется только на территории стран-членов ЕС

Таблица 5 показывает, что международные соглашения и нормативные акты обеспечивают значительные преимущества для правообладателей, предлагая унифицированные механизмы защиты фирменных наименований и других средств идентификации. Однако присутствуют ограничения, в частности, зависимость от участия стран в соответствующих международных соглашениях, что может снижать эффективность глобальной защиты.

Цифровизация и развитие онлайн-рынков также требуют новых механизмов защиты фирменного наименования. Онлайн-пространство, включая со-

циальные сети и цифровые платформы, стало еще одной ареной для нарушения прав на фирменные наименования. Правообладатели все чаще сталкиваются с необходимостью защиты своего имени не только в физическом пространстве, но и в интернете. С этим связано развитие таких инструментов, как мониторинг цифровых платформ, система раннего уведомления о нарушениях и оперативное реагирование через механизмы цифровых жалоб и ограничений доступа к контрафактным материалам. Современные цифровые механизмы защиты представлены в таблице 6.

Таблица 6. Современные цифровые механизмы защиты фирменного наименования

Механизм защиты	Описание	Преимущества	Примеры применения
Мониторинг цифровых платформ	Постоянный контроль за использованием фирменного наименования в интернете	Позволяет выявлять нарушения в режиме реального времени	Использование автоматических систем мониторинга на платформах и сайтах
Система раннего уведомления	Оперативное информирование правообладателей о попытках нарушений	Сокращает время реагирования на потенциальные нарушения	Уведомления о попытках регистрации схожих доменных имен
Цифровые механизмы подачи жалоб	Прямой доступ к подаче жалоб и ограничению контента, нарушающего права	Облегчает и ускоряет процесс удаления контрафактного контента	Жалобы на неправомерное использование фирменного наименования на платформах
Ограничение доступа к контрафакту	Блокировка или удаление контрафактного контента, нарушающего права	Обеспечивает быстрый отклик и защиту прав правообладателя в интернете	Удаление контента в социальных сетях и маркетплейсах

Таблица 6 демонстрирует современные цифровые механизмы защиты, которые позволяют правообладателям оперативно реагировать на нарушения фирменного наименования в интернете. Эти методы повышают скорость реагирования и обеспечивают эффективное устранение неправомерного использования, что важно в условиях стремительного развития цифровой экономики.

Таким образом, перспективы развития правовой охраны фирменного наименования связаны с усилением сотрудничества на международном уровне, разработкой новых цифровых механизмов защиты и адаптацией правовой системы к условиям цифровой экономики. Гармонизация законодательства и внедрение цифровых решений помогут минимизировать риски правонарушений и укрепить доверие потребителей, создавая более надежную правовую основу для защиты фирменного наименования в глобальной экономике.

Заключение

Правовая охрана фирменного наименования играет важную роль в обеспечении конкурентоспособности и репутации юридических лиц. В статье рассмотрены гражданско-правовые аспекты защиты, права и обязанности правообладателей, а также ответственность за нарушения. Проанализирован зарубежный опыт охраны фирменных наименований, выявлены эффективные модели из континентального и англосаксонского права, которые могут служить ориентиром для совершенствования отечественного законодательства. Особое внимание уделено цифровым механизмам защиты, таким как мониторинг интернет-платформ и система раннего реагирования на нарушения, что особенно важно в условиях цифровизации рынка.

Таким образом, правовая охрана фирменного наименования нуждается в адаптации к вызовам глобализации и цифровой экономики, что может быть достигнуто путем гармонизации национальных стандартов с международными нормами и внедрения современных цифровых технологий.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»

3. Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022–521 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06539-
4. Матюхин С.В. ГК РФ. Гражданский кодекс Части 1, 2, 3 и 4 по сост. на 05.11.21 с таблицей изменений и с путеводителем по судебной практике Матюхин С.В., Романовский В.А. – Из-во: Проспект – 2021–1347 с.
5. Рузакова О.А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: практическое пособие для магистров. М.: Проспект, 2021 144 с.

CIVIL PROTECTION OF A TRADE NAME IN INTERNATIONAL PRACTICE AND THE DIGITAL ENVIRONMENT

Vasilyev A.O.

Moscow financial and industrial university “Synergy”

This article focuses on the legal protection of trade names as a key means of individualizing legal entities. The study examines civil-legal aspects of trade name protection, the rights and obligations of holders, and the liability for violations of these rights. The analysis includes international approaches to trade name protection, particularly contrasting models in civil law and common law countries, which help to identify effective frameworks for improving domestic legislation. Special attention is given to digital protection mechanisms, including digital platform monitoring and early response systems for violations in the online environment, aligning with modern trends in the digital economy. The article substantiates the need for harmonizing national standards with international norms and integrating digital technologies to ensure more effective legal protection of trade names amid the globalization and digitalization of markets.

Keywords: trade name, civil-legal protection, means of individualization, holder rights, international protection, unfair competition, foreign experience, digital protection mechanisms, violation monitoring, standards harmonization, intellectual property, legal protection, globalization, market digitalization.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 29, 2020) (as amended on August 6, 2021) [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on December 28, 2020) [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”
3. Lazarev, V.V. Theory of State and Law: textbook for universities / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. – 5th ed., corrected. and additional – Moscow: Yurait Publishing House, 2022–521 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-06539-
4. Matyukhin S.V. Civil Code of the Russian Federation. Civil Code Parts 1, 2, 3 and 4 as of 05.11.21 with a table of changes and a guide to judicial practice Matyukhin S.V., Romanovsky V.A. – Publisher: Prospect – 2021–1347 p.
5. Ruzakova O.A. Agreements on the creation of the results of intellectual activity and the disposal of exclusive rights: a practical guide for masters. M.: Prospect, 2021 144 p.

Недостатки правового регулирования деятельности руководящих работников организаций оптовой торговли лекарственными средствами

Воронова Ольга Николаевна,

старший преподаватель кафедры управления и экономики фармации-базовой кафедры «Аптеки Плюс», ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: o.n.voronova@samsmu.ru

В статье проведен анализ действующего законодательства в вопросах нормирования деятельности фармацевтических работников организаций оптовой торговли лекарственными средствами. Автором выявлены недостаточная проработанность и несогласованность отдельных правовых актов по данному направлению, что обуславливает наличие правовой неопределенности при решении некоторых кадровых вопросов в отношении вышеуказанных фармацевтических работников. Действующий в настоящее время правовой комплекс, регулирующий различные аспекты фармацевтической деятельности провизоров и фармацевтов, не может в полной мере обуславливать внутриотраслевую системность и единство в вопросах кадрового нормирования. Исследование нормативных правовых документов по данному направлению показало, что в основном эти документы затрагивают регламентацию осуществления фармацевтической деятельности работников розничного сектора фармацевтического рынка, но не охватывают в достаточной степени деятельность работников оптового звена, в частности, провизоров и фармацевтов управленческого уровня, работающих в организациях оптовой торговли лекарственными средствами. Так, отдельные нормативные правовые акты признают все ныне утвержденные отраслевым регулятором должности работников организаций оптовой торговли лекарственными средствами, другие дают их «размытую характеристику», не отделяя от работников розничной торговли лекарственными средствами, в третьих устанавливают правовые нормы только для части должностей руководителей оптовых фармацевтических организаций, а в четвертых должности таких работников полностью игнорируются.

Ключевые слова: фармацевтический работник, руководитель организации, должности фармацевтических работников, квалификационные требования к фармацевтическим работникам, организация оптовой торговли лекарственными средствами, нормативные правовые документы.

Правовая регламентация трудовой деятельности фармацевтических работников имеет большое значение для организации, координации, контроля, оценки, документирования и прочих аспектов фармацевтической деятельности.

В данной статье рассматриваются недостатки нормативного регулирования работы руководителей различного уровня, деятельность которых связана с оптовой торговлей лекарственными средствами.

В настоящее время номенклатура должностей фармацевтических работников утверждена приказом Минздрава России от 02.05.2023 № 205н [4]. В нем, среди прочих, определены должности лиц, осуществляющих фармацевтическую деятельность в организациях оптовой торговли лекарственными средствами (ООТЛС), а именно:

- 1) должности руководителей фармацевтических организаций
 - заведующий складом ООТЛС
 - заместитель заведующего складом ООТЛС
- 2) должности руководителей структурных подразделений фармацевтических организаций
 - заведующий медицинским складом мобилизационного резерва
 - заведующий (начальник структурного подразделения (отдела) ООТЛС
 - заместитель заведующего (начальника) структурного подразделения (отдела) ООТЛС.

Качественное исполнение своих должностных обязанностей, проявление инициативы, высокая ответственность и оперативность в работе обуславливают квалификацию специалиста. Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) формулирует квалификацию работника как уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника [7, ст. 195.1].

Требования к квалификации провизоров установлены приказом Минздрава России от 02.05.2023 № 206н, требования к квалификации фармацевтов – приказом Минздрава России от 10.02.2016 № 83н. Оба приказа являются основными нормативными документами, которые утверждают перечень всех квалификационных требований, предъявляемых ко всем фармацевтическим работникам, осуществляющим деятельность в рамках всех действующих фармацевтических специальностей.

Однако в приказе Минздрава России от 02.05.2023 № 206н квалификационные требования к специалистам, осуществляющим деятельность по специальности «Управление и экономика фармации» утверждены только для работников

аптечных организаций – директора (заведующего, начальника) аптечной организации, заместителя директора (заведующего, начальника) аптечной организации, заведующего (начальника) структурного подразделения (отдела) аптечной организации [2]. Квалификационные требования к руководителям ООТЛС в данном приказе отсутствуют. Все нормативные документы, предшествующие ныне действующему приказу Минздрава России от 02.05.2023 № 206н и ранее утверждавшие квалификационные требования к фармацевтическим работникам с высшим фармацевтическим образованием (приказы Минздрава России от 08.10.2015 № 707н, от 07.07.2009 № 415н), также не включали требования к руководящим работникам ООТЛС.

В этом случае, на наш взгляд, имеет место инерционный подход к формированию перечня квалификационных требований к руководящим работникам, осуществляющим фармацевтическую деятельность, т.е. нормативный документ, который должен утверждать квалификационные требования ко всем провизорам, как это следует из названия приказа «Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием», на самом деле по специальности «Управление и экономика фармации» систематически устанавливает требования исключительно к руководящим работникам аптечных организаций, а к провизорам-руководителям ООТЛС – не устанавливает. Это, в свою очередь, противоречит определению фармацевтического работника, утвержденному федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ: «фармацевтический работник – физическое лицо, которое имеет фармацевтическое образование, работает в фармацевтической организации и в трудовые обязанности которого входят оптовая торговля лекарственными средствами, их хранение, перевозка и (или) розничная торговля лекарственными препаратами для медицинского применения, их изготовление, отпуск, хранение и перевозка» [8].

Приказ Минздрава России от 10.02.2016 № 83н включает единственно возможную должность фармацевта и квалификационные требования к этой должности [3]. Данным приказом руководящие должности для фармацевтов не предусмотрены, хотя фармацевтические работники со средним фармацевтическим образованием, имеют право на замещение руководящих должностей в организациях розничного и оптового фармацевтического сектора [1].

Начиная с 2016 года, в фармацевтическую практику были внедрены утвержденные министерством труда и социальной защиты Российской Федерации профессиональные стандарты для провизоров, провизоров-аналитиков, фармацевтов и руководителей фармацевтических организаций.

Профессиональные стандарты включают характеристику квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности [7, ст. 195.1]. Обязательность применения профстандартов для

упорядочения наименований должностей и квалификационных требований к ним наступает только в том случае, если в соответствии с ТК РФ или иными федеральными законами выполнение работ по этим должностям связано с предоставлением компенсаций и льгот, либо с наличием ограничений [7, ст. 195.3]. Осуществление фармдеятельности не предполагает получение работниками каких-либо компенсаций и льгот, а ограничения для работников в процессе трудовой деятельности установлены. Следовательно, требования профессиональных стандартов актуальны для всех юридических и физических лиц, осуществляющих фармдеятельность.

В структуре каждого профессионального стандарта, кроме прочего, указаны группы занятий с перечнем должностей работников, для которых разработан профстандарт. Группы занятий указаны по «ОК 010–2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий».

Так, в приказе Минтруда России от 22.05.2017 № 428н, утвердившем профессиональный стандарт «Специалист в области управления фармацевтической деятельностью» представлены следующие, объединенные в группы, должности руководителей: группы занятий 1324 «Руководители служб по снабжению, распространению товаров и аналогичным видам деятельности» и 1420 «Руководители (управляющие) в розничной и оптовой торговле». В приказе также указаны возможные наименования должностей, чьи трудовые функции и трудовые действия в нем перечислены. Кроме руководящих работников аптечных организаций, в профстандарт вошли только две из возможных пяти должностей руководителей ООТЛС – заведующего складом ООТЛС и заместителя заведующего складом ООТЛС [5]. Должности руководителей структурных подразделений ООТЛС отсутствуют.

Аналогичный содержательный дефект полноты нормативного регулирования имеет место в приказе Минтруда России от 31.05.2021 № 349н, утвердившем профессиональный стандарт «Фармацевт». В нем возможной должностью для специалистов среднего уровня квалификации – группа занятий по ОКЗ 3213 – является только должность фармацевта. Трудовые функции и действия приведены также только для этой должности [6]. Регламентация деятельности фармацевтов, замещающих должности руководителей ООТЛС или руководителей структурных подразделений ООТЛС, этим нормативным документом не осуществляется.

Кроме того, требования профессионального стандарта, предъявляемые к специалистам, осуществляющим руководящую деятельность в области оптовой фармацевтической торговли, не полностью соответствуют требованиям, утвержденным приказами Минздрава России №№ 206н, 83н, а также лицензионным требованиям, предъявляемым к соискателям лицензии (лицензиатам) на осуществление фармдеятельности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 547 [1].

На наш взгляд, по данному вопросу сложилась юридическая коллизия, в частности – пробел в праве, в результате чего имеется частичное или полное отсутствие законодательных норм, необходимых для разрешения рассматриваемого вопроса.

В данном случае налицо проблема соотношения правовых норм документов, утвержденных по коррелируемым кадровым вопросам, а именно:

- утверждены должности фармацевтических специалистов оптового звена, но отсутствуют утвержденные на них квалификационные характеристики и квалификационные требования к ним
- приняты нормативные документы, регламентирующие фармацевтическую деятельность разного уровня руководителей фармацевтических организаций, но включенные в них перечни должностей руководителей организаций и структурных подразделений ООТЛС отличаются по составу.

Полагаем, что субъективной причиной выявленной правовой проблемы может являться недостаточная проработанность органами правотворчества принимаемых норм, а к объективным причинам расхождений между имеющимися нормами относятся активное развитие фармацевтического законодательства и общая консервативность правовых норм, не успевающих за динамикой отношений. В результате появляется необходимость изменения или дополнения правовых норм, регулирующих те или иные профессиональные отношения, но сами коррективы вносятся несвоевременно. При этом возникает противоречие между ранее действовавшими юридическими нормами и потребностями нового правового регулирования изменившейся ситуации.

Обнаруженное несоответствие нормативных документов по вопросу установления классификационных требований к руководящим фармацевтическим работникам оптового звена, наглядно представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ квалификационных требований, предъявляемых к руководителям оптовых фармацевтических организаций

Квалификационные требования	Приказ Минздрава России от 02.05.2023 № 206н	Приказ Минтруда России от 22.05.2017 № 428н	Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 547	Приказ Минздрава России от 10.02.2016 № 83н	Приказ Минтруда России от 31.05.2021 № 349н
Требования к уровню профессионального образования	Высшее образование по специальности «Фармация» Интернатура/ординатура по специальности «Управление и экономика фармации»	Высшее образование – специалитет Среднее профессиональное образование Интернатура/ординатура по специальности «Управление и экономика фармации»	Высшее фармацевтическое образование Среднее фармацевтическое образование	Среднее профессиональное образование по специальности «Фармация»	Среднее профессиональное образование по специальности «Фармация»
Требования к наличию дополнительного профессионального образования	Профпереподготовка по специальности «Управление и экономика фармации» Повышение квалификации 1 раз в 5 лет	Профессиональная переподготовка по специальности «Управление и экономика фармации»	–	Повышение квалификации 1 раз в 5 лет	Повышение квалификации 1 раз в 5 лет
Требования к дополнительному обучению	–	Обучение по охране труда, пожарной безопасности, защите от чрезвычайных ситуаций	–	–	–
Требования к стажу работы	–	Не менее 2 лет работы по специальности «Фармация» при наличии высшего фармобразования Не менее 5 лет работы по специальности «Фармация» при наличии среднего фармобразования	–	–	–
Дополнительные требования для допуска к работе	–	Обязательное прохождение медицинских осмотров (при поступлении на работу и в процессе осуществления трудовой деятельности) Наличие свидетельства об аккредитации/ сертификата специалиста	Наличие сертификата специалиста/ пройденной аккредитации специалиста	–	Наличие сертификата специалиста/ свидетельства об аккредитации специалиста

Проведенный анализ нормативных документов, регламентирующих отдельные аспекты деятельности руководителей оптовых фармацевтических организаций, показал наличие ряда существенных недостатков, как в правовом регулировании, так и в несогласованности правовых норм по данному вопросу.

Сложившаяся юридическая коллизия не только оказывает негативное влияние на функционирующую правовую систему, но и в результате существующих противоречий ущемляет права граждан и должностных лиц.

Полагаем, что необходима целенаправленная работа по повышению качества разрабатываемых юридических документов, устранению юридических противоречий между нормативными документами, как отраслевого, так и межотраслевого уровня, федеральным законодательством и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, а также тесное взаимодействие разработчиков нормативных документов с фармацевтическим сообществом.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 547 «Об утверждении положения о лицензировании фармацевтической деятельности» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=490201&dst=1000000001&cacheid=F2E852287A986F03C2BED-425DE3311ED&mode=splus&rnd=0s2pbQ#B-0gwHUU3TEFXYWuN> (Дата обращения 11.11.2024).
2. Приказ Минздрава России от 02.05.2023 № 206н «Об утверждении квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=472970&dst=1000000001&cacheid=A61DE93C53A0B95E3665B-42490F2ECB8&mode=splus&rnd=0s2pbQ#Nrjx-HUUP7yHjtKrC> (Дата обращения 11.11.2024).
3. Приказ Минздрава России от 10.02.2016 № 83н «Об утверждении квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам со средним медицинским и фармацевтическим образованием» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=195259&cacheid=DFEBA954BCD72DDDB54B9F27A536B126&mode=splus&rnd=0s2pbQ#M6X7IUUW-MPfchpIO1> (Дата обращения 11.11.2024).
4. Приказ Минздрава России от 02.05.2023 № 205н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=465385&d->

st=1000000001&cacheid=3491A6445B8AA53F47377647172E8F6F&mode=splus&rnd=0s2pbQ#gBu7IUUoUYFXRgkm (Дата обращения 11.11.2024).

5. Приказ Минтруда России от 22.05.2017 № 428н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области управления фармацевтической деятельностью»» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=217941&cacheid=A718F99DBA0E4F75169E4CB9757FA089&mode=splus&rnd=0s2pbQ#K868IUU0c6RU-pkzq> (Дата обращения 11.11.2024).
6. Приказ Минтруда России от 31.05.2021 № 349н «Об утверждении профессионального стандарта «Фармацевт»» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389037&cacheid=DB557B42F15795F2D278AF62F09FB2ED&mode=splus&rnd=0s2pbQ#zEM8IUU4PknX-SZ101> (Дата обращения 11.11.2024).
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=475114&dst=1000000001&cacheid=6758E2B92DB4B7FAE00B7B-521B92EC09&mode=splus&rnd=0s2pbQ#gK-7wHUUQf0QbILOb1> (Дата обращения 11.11.2024).
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Консультант Плюс» – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=454225&dst=1000000001&cacheid=90EB12EB82F5BBF4A95AEB-01965B2411&mode=splus&rnd=0s2pbQ#GEQvHUUW81BOh7TP1> (Дата обращения 11.11.2024).

DISADVANTAGES OF LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES MANAGERS OF WHOLESALE ORGANIZATIONS TRADE IN MEDICINES

Voronova O.N.

Samara State Medical University Ministry of Health of the Russian Federation

The article analyzes the current legislation on the regulation of the activities of pharmaceutical workers in wholesale drug trade organizations. The author has identified insufficient elaboration and inconsistency of individual legal acts in this area, which causes legal uncertainty in resolving some personnel issues with respect to the above-mentioned pharmaceutical workers. The current legal complex regulating various aspects of the pharmaceutical activities of pharmacists and chemists cannot fully determine the intra-industry consistency and unity in matters of personnel regulation. The study of regulatory legal documents in this area has shown that these documents mainly affect the regulation of the implementation of pharmaceutical activities of employees in the retail sector of the pharmaceutical market, but do not sufficiently cover the activities of wholesale workers, in particular, pharmacists and chemists of the management level working in wholesale drug trade organizations. Thus, some regulatory legal acts recognize all positions of employees of wholesale drug trade organizations currently approved by the industry regulator, others give them a “vague description”, without separating them from employees of retail drug trade, others establish legal norms only for some positions of heads of wholesale pharma-

ceutical organizations, and in others the positions of such employees are completely ignored.

Keywords: pharmaceutical worker, head of the organization, positions of pharmaceutical workers, qualification requirements for pharmaceutical workers, organization of wholesale trade in medicines, regulatory legal documents.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 03/31/2022 No. 547 "On approval of the Regulations on licensing of pharmaceutical activities" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=490201&dst=1000000001&cacheid=F2E852287A986F03C2BED425DE3311ED&mode=splus&rnd=0s2pbQ#B0gwHUU3TEFXyWuN> (Accessed 11.11.2024).
2. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 05/02/2023 No. 206n "On approval of qualification requirements for medical and pharmaceutical workers with higher education" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=472970&dst=1000000001&cacheid=A61DE93C53A0B95E3665B-42490F2ECB8&mode=splus&rnd=0s2pbQ#NrjxHUUP7yHJt-KrC> (Accessed 11.11.2024).
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 02/10/2016 No. 83n "On approval of qualification requirements for medical and pharmaceutical workers with secondary medical and pharmaceutical education" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=195259&cacheid=DFEBA954BCD-72DDDB54B9F27A536B126&mode=splus&rnd=0s2pbQ#M6X-7IUUWMPfchpIO1> (Accessed 11.11.2024).
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 05/02/2023 No. 205n "On approval of the Nomenclature of positions of medical workers and pharmaceutical workers" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=465385&dst=1000000001&cacheid=3491A6445B8AA53F47377647172E8F6F&mode=splus&rnd=0s2pbQ#gBu7IUUoUYFXRgkm> (Accessed 11.11.2024).
5. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 05/22/2017 No. 428n "On approval of the professional standard "Specialist in the field of pharmaceutical management" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=217941&cacheid=A718F99D-BA0E4F75169E4CB9757FA089&mode=splus&rnd=0s2pbQ#K868IUU0c6RUpkzq> (Accessed 11.11.2024).
6. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 05/31/2021 No. 349n "On approval of the professional standard "Pharmacist" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389037&cacheid=DB557B42F15795F2D278AF62F09FB2ED&mode=splus&rnd=0s2pbQ#zEM8IUU4PknXSZ101> (Accessed 11.11.2024).
7. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 12/30/2001 // Consultant Plus – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=475114&dst=1000000001&cacheid=6758E2B92DB4B7FAE00B7B-521B92EC09&mode=splus&rnd=0s2pbQ#gK7wHUUQf0Q-bLOb1> (Accessed 11.11.2024).
8. Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 "On the basics of public health protection in the Russian Federation" // "Consultant Plus" – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=454225&dst=1000000001&cacheid=90EB12EB82F5BBF4A95AEB01965B2411&mode=splus&rnd=0s2pbQ#GEQvHUUW81BOh7TP1> (Accessed 11.11.2024).

Отдельные проблемы квалификации гражданско-правовых договоров, заключаемых в период проведения избирательной кампании и пути их решения

Вронская Мария Владимировна,

доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
E-mail: m.vronskaya@mail.ru

Договор как универсальный инструмент регулирования получил свое широкое применение не только в сфере частно-правовых отношений, но и для реализации публичных интересов. Однако, несмотря на легально закрепленную в 2002 г. возможность применения договоров в избирательном процессе, правореализационная и правоприменительная практика изобилует спорами в части верной квалификации, проблем исполнения подобных договоров.

Цель научного исследования – проанализировать и обобщить юридические ситуации, возникающие в связи с заключением и исполнением гражданско-правовых договоров в избирательных кампаниях, сформулировать круг правовых проблем и способов их разрешения. Предметом исследования стала система общественных отношений в период с 2000 г по настоящее время, связанная с практикой заключения и исполнения договоров, в период проведения избирательной кампании.

Ключевые слова: избиратели, избирательная кампания, договор, агитационные услуги, лицензионный договор, проблемы надлежащего исполнения, заказчик, исполнитель

Введение

Сам порядок проведения избирательной кампании на территории российского государства регламентирован положениями действующего избирательного законодательства, в том числе Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ [1]. Именно указанный законодательный акт урегулировал своими положениями возможность заключения ряда гражданско-правовых договоров в целях проведения избирательной кампании.

Между тем, сформированная судебная практика свидетельствует, что заключение и исполнение договоров в период проведения избирательной кампании происходит не единообразно, имеют место правовые проблемы и юридические споры. Подобного рода факты, в свою очередь, сопряжены с отсутствием точного законодательного подхода к ответственности сторон данных гражданско-правовых договоров, заключенных в период избирательной кампании, а также к порядку их исполнения. Собственно, существующая потребность в научном поиске решений проблематики квалификации гражданско-правовых договоров, заключаемых в период проведения избирательной кампании, и обуславливает собой актуальность выбранной темы настоящего исследования, в особенности учитывая значимость конституционно-провозглашенных положений о принципе народовластия для обеспечения нормального функционирования российского государства в целом.

Основная часть

Юридическое значение гражданско-правовых договоров, заключаемых в период проведения избирательной кампании трудно переоценить, оно играет существенную роль для практической реализации избирательного процесса в целом, обеспечению принципа народовластия в Российской Федерации. Между тем, анализ правовых основ для договорных обязательств в рамках избирательного процесса, определяемый положениями ст.ст. 50–54 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ носит абстрактный характер, определяющий лишь право кандидатов на выборах, в целях проведения предвыборной агитации в пользу конкретного кандидата заключение различных видов гражданско-правовых договоров, не поименовывая их разновидности,

особенности заключения и исполнения[1]. Отметим, что выявленная правовая неопределенность определила и то, что вопросы значимости, юридической природы и разновидностей договоров в период избирательной кампании не были предметом научного осмысления на доктринальном уровне в рамках правовой науки. В этой связи, как нам представляется, определение юридической значимости таких договоров необходимо, поскольку определяет характер, цель и направленность как признак и правовое основание заключения любого гражданско-правового договора в период избирательной кампании, может служить основанием для типологизации гражданско-правовых договоров в рамках избирательного процесса.

Проведенный нами анализ сформированной правореализационной практики, а также положений действующего федерального и регионального законодательства, продемонстрировал в результате, что главным юридическим назначением и правовым основанием заключения любых видов гражданско-правовых договоров в период избирательной кампании выступает проведение успешной предвыборной агитации и убеждения, лиц, являющихся избирателями, отдать их голос в пользу конкретного кандидата. В обеспечение реализации этой цели и направленности, типичными разновидностями гражданско-правовых договоров, заключаемых в период избирательной кампании выступают:

1 Договор о возмездном предоставлении печатной площади для проведения предвыборной агитации [2].

2 Договор о предоставлении платного эфирного времени для проведения предвыборной агитации заключается в целях воспроизведения или прямой трансляции на радио или телевидении выступления лица, являющегося кандидатом при проведении тех или иных выборов, проводимого для агитации лиц, являющихся избирателями, общения и дистанционных встреч с ними [3], [4], [5].

3 Договор об оказании агитационных услуг в распространении предвыборных агитационных материалов в поддержку кандидата заключается в целях получения помощи на возмездной основе.

4 Договор аренды помещения для проведения агитационных мероприятий заключается в целях обеспечения доступа заказчиков (чаще всего самих кандидатов) к нежилым помещениям, выступающим площадками для проведения собраний-встреч лиц, являющихся кандидатами в тех или иных выборах, с лицами, являющимися избирателями [6].

5 Лицензионный договор об использовании объектов интеллектуальной собственности в агитационных целях заключается в целях обеспечения возможности правомерного использования различных объектов интеллектуальной собственности (например, объектов авторского права, объектов смежного права) лицами, являющимися кандидатами при той или иной избирательной кампании, для проведения предвыборной агитации и склонения лиц,

являющихся избирателями, к голосованию за конкретного кандидата при проведении выборов.

Рассмотренные выше виды договорных конструкций, получили наибольшее применение в контексте избирательных компаний кандидатов, при этом проведенный нами в контексте настоящего исследования научный анализ сформированной правоприменительной и правореализационной практики, продемонстрировал наличие ряда проблемных аспектов в юридической квалификации рассмотренных видов отдельных гражданско-правовых договоров, заключаемых в период проведения избирательной кампании, которые усложняют собой формирование единообразного подхода к их применению, и будут предметом дальнейшего научного повествования.

Ниже, определим два крупные группы правовых проблем, связанных с гражданско-правовыми договорами, заключаемыми в период проведения избирательной кампании.

Проблемы, возникающие при привлечении к ответственности сторон договора о возмездном оказании агитационных услуг

Так, в соответствии с положениями действующего российского гражданского законодательства, стороны договора возмездного оказания услуг, по общему правилу, могут быть привлечены к имущественной ответственности, только в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения взятых на себя обязательств, в качестве обязательного условия возможности привлечения лица, являющегося стороной договора возмездного оказания услуг, к ответственности, выступает его вина в ненадлежащем исполнении взятых на него обязательств. Такого мнения придерживается ряд именитых ученых-цивилистов, в частности, Ю.В. Романец [7, с. 402], О.С. Иоффе [8, с. 484]. Между тем, сформированная судебная практика по спорам, из возмездного оказания услуг позволяет установить взаимозависимость вины исполнителя и качества оказываемых услуг, что ставит дополнительный вопрос, о том, каким же образом должно оцениваться качество агитационной услуги, каким критериям она должна соответствовать, если в положениях действующего российского гражданского и избирательного законодательства не имеется никаких предписаний относительно качества агитационных услуг (например, услуг по предоставлению эфирного времени для размещения агитационных материалов, услуг по распространению агитационных материалов, иных) [9, с. 149].

Так, ряд отечественных ученых-цивилистов предлагают в содержании собственных научных трудов производить оценку качества оказанных услуг, в том числе и услуг, носящих агитационный характер, по субъективно определенным показателям, заранее согласованных сторонами договора возмездного оказания услуг, в виду отсутствия законодательной определенности по данному вопросу (в частности, подобного рода позиции придерживается К.М. Арсланов [10, с. 86]). В свою очередь,

другая группа российских ученых-цивилистов, напротив, утверждают, что оценку качества оказанных услуг необходимо производить в зависимости от объективных показателей, которым, в частности, является возможность удовлетворить интересы и желания заказчикам (например, сторонником такого видения выступает Л.Б. Ситдикова [11, с. 12]).

Мы полагаем, что разрешение данной проблемы возможно только лишь при условии определения четких критериев качества агитационных услуг в положениях действующего российского (гражданского или избирательного) законодательства, где в качестве допустимых и рекомендованных к законодательной фиксации критериев оценки качества агитационной услуги нами выделяются следующие:

- добросовестность деятельности по оказанию агитационных услуг, осуществляемой лицом, являющимся исполнителем (в том числе и ее полное соответствие требованиям, установленным положениями действующего российского законодательства, в особенности избирательного, административного и уголовного);
- высокий уровень профессионализма лица, являющегося исполнителем по договору возмездного оказания агитационных услуг, заключенного в период проведения избирательной кампании;
- степень полноты, точности, достоверности информационных сведений в поддержку конкретного кандидата, который, как правило, и выступает в роли заказчика по заключенному в период избирательной кампании договору возмездного оказания агитационных услуг, донесенных исполнителем до лиц, являющихся избирателями;
- степень точности выполнения задания по оказанию агитационных услуг, заблаговременного предоставленного лицом, являющимся заказчиком по договору возмездного оказания агитационных услуг, заключенного в период проведения избирательной кампании.

Помимо прочего, при привлечении сторон договора возмездного оказания агитационных услуг также выявлены споры, сопряженные с внесением в их содержание «потестативных» условий, определяющих осуществление выплаты вознаграждения в случае достижения определенного результата, то есть, например, в случае набора определенного числа голосов лиц, являющихся избирателями, в пользу конкретного кандидата, или в случае победы конкретного кандидата на выборах по результатам итогового подсчета голосов [12, с. 279]. Такие сделки, на наш взгляд являются недействительными, носят притворный характер, когда реально действительная, которую намеревались заключить стороны прикрывается иной.

К слову, подобного видения придерживается также и отечественный ученый в области избирательного права А.А. Фролов, который считал, что заключение подобного рода гражданско-правовых

договоров в период проведения избирательной кампании по сути своей является очевидной фикцией, фактически прикрывающей подкуп лиц, являющихся избирателями, поскольку предполагает обязательное склонение исполнителями к голосованию в пользу конкретного кандидата собственных родственников, друзей, знакомых, и, к большому сожалению, противостоять такой преступной или, как минимум, противоправной, техники практически невозможно. По мнению указанного ученого, подавляющее большинство договоров возмездного оказания агитационных услуг носит сугубо фиктивный характер и собой покрывают подкуп избирателей взамен того, что они обязательно отдадут присущий им голос в пользу конкретного кандидата при проведении голосования в рамках выборов [Цит.по: 13, с. 110].

Разрешение данной проблемы видится нам, в частности, в двух направлениях. Во-первых, необходимо на законодательном уровне запретить внесение в содержание договора оказания агитационных услуг «потестативного» условия об оплате услуг лица, являющегося исполнением, исключительно при достижении определенного результата в виде сбора определенного количества голосов лиц, являющихся избирателями, в пользу конкретного кандидата при проведении голосования в рамках выборов.

Во-вторых, следует ограничить круг лиц, которые могут выступать исполнителями в рамках оказания агитационных услуг в период проведения избирательной кампании. Предоставить такое право субъектам, которые пройдут лицензирование собственной деятельности в государственных органах, и будут внесены в специально разработанный реестр компаний и частных лиц, которым разрешается осуществлять указанный вид предпринимательской деятельности. При этом, за деятельностью таких частных лиц и компаний необходимо обеспечить усиленный контроль со стороны государства, в лице правоохранительных органов и органов юстиции. Указанное позволит исключить фиктивный и мнимый характер договоров возмездного оказания агитационных услуг, заключенных в период проведения избирательной кампании.

Определяя круг вопросов проблемного поля надлежащего исполнения договора оказания агитационных услуг, хотелось бы выделить невозможность взыскания компенсации морального вреда в пользу заказчика-кандидата или же граждан, являющихся избирателями, в случае ненадлежащего оказания агитационных услуг по рассматриваемому договору, заключенному в период избирательной кампании. При этом, отдельные нарушения их в рамках оказания агитационных услуг на основании заключенного договора о возмездном оказании услуг данного вида могут сами по себе явиться основанием для взыскания компенсации морального вреда, поскольку вследствие их нарушения лицо может испытывать нравственные и моральные страдания. Собственно, разделяя научные взгляды Э.И. Девицкого, который пишет

о том, что любые нарушения пассивного или активного избирательного права граждан выступают в качестве основания взыскания компенсации морального вреда [14, с. 2–11], полагаем возможным на легальном уровне закрепить положения, устанавливающие возможность взыскания компенсации морального вреда в случаях нарушения активного и пассивного права граждан, являющихся избирателями и кандидатами, при исполнении договора возмездного оказания агитационных услуг (например, путем предоставления заведомо ложных сведений о личности того или иного лица, являющегося кандидатом, или, например, посредством совершения незаконных мероприятий в период предвыборной агитации, которые могут привести к аннулированию регистрации того или иного кандидата).

Проблемы, сопряженные с исполнением лицензионных договоров об использовании объектов интеллектуальной собственности в агитационных целях

Одной из форм договорных конструкций, позволяющих обеспечить фактическое вовлечение объектов интеллектуальной собственности в проведение избирательной кампании выступает лицензионный договор, легальное определение которого сформулировано ст. 1286 ГК РФ, Если обратиться к этимологическому значению термина «лицензия», то под ним в переводе с латинского происхождения понимается «разрешение, дозволение совершать определенные действия» [Цит. по: 15, с. 113], что, в целом, коррелируется с той смысловой нагрузкой, которую вложил в данное понятие и отечественный законодатель.

По общему правилу, любой лицензионный договор должен быть заключен в простой письменной форме, однако, в случае с открытыми лицензиями, размещенными в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», допускается их заключение в упрощенном порядке, путем совершения каких-либо обозначенных в ее содержании действий, при которых требуемая форма ее заключения будет считаться соблюденной, исходя из чего, возможно неверное толкование разновидности договора и отнесения его к договору присоединения с условием неисключительной лицензии, поскольку все множество, охватываемых им условий, доступны широкому и неопределенному кругу лиц, а их фактическое размещение осуществляется таким образом, чтобы каждый из потенциальных лицензиатов в агитационных целях мог беспрепятственно и в любой момент перед началом использования конкретного результата интеллектуальной деятельности, ознакомиться с ними.

Здесь усматривается проблема неверного толкования условий договора и факта заключенности данного вида лицензионного договора. Для разрешения рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, следует в положениях ст. 1286.1 Гражданского кодекса РФ, закрепить правило о признании отображаемого на экране персонального компьютера или

иного технического носителя текста открытой лицензии в качестве письменной оферты.

С целью защиты собственных прав, лицензиар может в одностороннем порядке отказаться от дальнейшего исполнения договора, полностью или в некоторой части, в тех случаях, когда лицензиат допустил нарушения порядка или условий предоставления третьим лицам права на использование данного результата интеллектуальной деятельности лицензиара (например, лицам, оказывающим агитационные услуги). Однако, здесь неизбежно встает необходимость обязательного досудебного порядка урегулирования спора между сторонами лицензионного договора, сопряженная с проблемой идентификации пользователей (в данном случае - лицензиатов), ведь ни реальная личность лицензиара, ни его адрес почтовой корреспонденции (адрес электронной почты) могут быть не установлены, до нарушения использования данных объектов в агитационных целях. Для разрешения данной проблемы, на наш взгляд, требуется урегулировать на законодательном уровне либо отказаться от соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования возникшего спора между сторонами открытой лицензии, либо предпринять дополнительные меры по идентификации пользователей в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (последнее может быть реализовано путем установления в законе правила о регистрации пользователей на сайтах, содержащих размещенные открытые лицензии, только при введении ими персональных (паспортных) данных.

Заключение

Проведенный в контексте настоящего научного исследования, анализ сформированной правоприменительной и правореализационной практики, заключения договорных конструкций в рамках обеспечения и реализации избирательного процесса кандидатами на выборах, позволил сформулировать круг вопросов, составляющих проблемы правового характера, предложения по устранению которых, позволят придать совершенный и единообразный характер порядку заключения и исполнения отдельных гражданско-правовых договоров в период проведения избирательной кампании.

Выводы

Завершая настоящее исследование, сформулируем ключевые авторские выводы и предложения законотворческого характера. К отдельным проблемам исполнения гражданско-правовых договоров, заключаемых в период проведения избирательной кампании относятся:

1. Проблема оценки качества агитационных услуг, возникающая при привлечении к ответственности исполнителя по договору о возмездном оказании агитационных услуг. Сам факт существования такой проблемы обусловлен отсутствием ле-

гально определенных критериев оценки качества оказанных агитационных услуг в положениях действующего российского гражданского или избирательного законодательства, а также отсутствием достаточного количества судебных решений, вынесенных по результатам рассмотрения споров о ненадлежащем оказании агитационных услуг.

В этой связи, авторскими предложениями являются законодательная формулировка критериев оценки качества агитационной услуги: добросовестность деятельности по оказанию агитационных услуг, осуществляемой лицом, являющимся исполнителем (в том числе и ее полное соответствие требованиям, установленным положениями действующего российского законодательства, в особенности избирательного, административного и уголовного); высокий уровень профессионализма лица, являющегося исполнителем по договору возмездного оказания агитационных услуг, заключенного в период проведения избирательной кампании; степень полноты, точности, достоверности информационных сведений в поддержку конкретного кандидата, который, как правило, и выступает в роли заказчика по заключенному в период избирательной кампании договору возмездного оказания агитационных услуг, донесенных исполнителем до лиц, являющихся избирателями; степень точности выполнения задания по оказанию агитационных услуг, заблаговременного предоставленного лицом, являющимся заказчиком по договору возмездного оказания агитационных услуг, заключенного в период проведения избирательной кампании.

2. Проблема притворности договоров возмездного оказания агитационных услуг, заключаемых в период проведения избирательной кампании, может быть устранена путем запрета на внесение в содержание договора оказания агитационных услуг «потестативных» условий об оплате услуг лица, являющегося исполнением, исключительно при достижении определенного результата в виде сбора определенного количества голосов лиц, являющихся избирателями, в пользу конкретного кандидата при проведении голосования в рамках выборов.

3. Проблема отсутствия единообразного подхода относительно возможности взыскания компенсации морального вреда при нарушении активного или пассивного избирательного права граждан в результате ненадлежащего исполнения договора возмездного оказания агитационных услуг может быть устранена путем закрепления соответствующих положений в действующем российском законодательстве, регламентирующие возможность взыскания компенсации морального вреда в случаях нарушения активного и пассивного права граждан, являющихся избирателями и кандидатами, при исполнении договора возмездного оказания агитационных услуг.

4. Проблемы, сопряженные с исполнением лицензионных договоров об использовании объектов интеллектуальной собственности в агитационных

целях требуют дополнений ст. 1286.1 Гражданского кодекса РФ, о признании в качестве письменной оферты отображаемого на экране персонального компьютера или иного технического носителя текста открытой лицензии. Кроме того, на законодательном уровне следует отказаться от соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования возникшего спора между сторонами открытой лицензии, либо предпринять дополнительные меры по идентификации пользователей в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (последнее может быть реализовано путем установления в законе правила о регистрации пользователей на сайтах, содержащих размещенные открытые лицензии, только при введении ими персональных (паспортных) данных.

Литература

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (посл. ред. от 08.08.2024 № 60-ФЗ) // Доступно на сайте: СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 16.10.2024).
2. Публицистическое издание «Приморская газета» // Примгазета.Ру: [сайт]. – URL: <https://primgazeta.ru/> (дата обращения: 16.10.2024).
3. Общественное телевидение Приморья // ОТВ-Прим: [сайт]. – URL: <https://otvprim.tv/> (дата обращения: 16.10.2024).
4. Радиостанция «Владивосток FM» // Владивосток FM: [сайт]. – URL: <http://vladivostok.fm/> (дата обращения: 16.10.2024).
5. Радиостанция «Радио DFM» // Радио DFM: [сайт]. – URL: <https://dfm.ru/> (дата обращения: 16.10.2024).
6. О порядке предоставления помещений, пригодных для проведения агитационных публичных мероприятий в форме собраний, зарегистрированным кандидатам на дополнительных выборах депутата Законодательного собрания Тверской области шестого созыва для встреч с избирателями: постановление Избирательной комиссии Тверской области от 9 июня 2020 года № 64/824–6 // СПС «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/450244504> (дата обращения: 01.11.2024).
7. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю.В. Романец. – М.: Норма: Инфра-М, 2019. – 496 с.
8. Иоффе О.С. Избранные труды. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 837 с.
9. Кратенко М.В. Услуги: проблемы правового регулирования и судебной практики / М.В. Кратенко. – М.: Волтерс Клувер, 2021. – 228 с.
10. Арсланов К.М. К вопросу о правовой природе договора возмездного оказания услуг /

К.М. Арсланов // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 82–90.

11. Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.03 / Ситдикова Любовь Борисовна. – Москва, 2009. – 50 с.
12. Ильин И.В. Механизмы юридической ответственности за избирательные правонарушения / И.В. Ильин, К.М. Мушкетов // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной Академии. – 2005. – № 1 (23). – С. 279–304.
13. Голышева А.В. К вопросу об ответственности по договору возмездного оказания агитационных услуг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 4. – С. 108–115.
14. Девицкий Э.И. Проблемы применения института компенсации морального вреда за нарушение избирательных прав граждан / Э.И. Девицкий // Избирательное право. – 2022. – № 1 (29). – С. 2–11.
15. Гончарова Я.А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Гончарова Яна Анатольевна. – Москва, 2018. – 242 с.

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CIVIL LAW CONTRACTS CONCLUDED DURING THE ELECTION CAMPAIGN AND WAYS TO SOLVE THEM

Vronskaya M.V.

Vladivostok State University

The agreement as a universal regulatory instrument has been widely used not only in the field of private law relations, but also for the realization of public interests. However, despite the possibility of using contracts in the electoral process legally established in 2002, law enforcement and law enforcement practice is replete with disputes regarding the correct qualification and problems with the execution of such contracts. The purpose of the research is to analyze and summarize the legal situations arising in connection with the conclusion and execution of civil law contracts in election companies, to formulate a range of legal problems and ways to resolve them. The subject of the study was the system of public relations in the period from 2000 to the present, related to the practice of concluding and executing contracts during the election campaign.

Keywords: voters, election company, contract, campaign services, license agreement, problems of proper execution, customer, contractor.

References

1. On the basic guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to participate in a Referendum: Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002 (post-ed. dated 08.08.2024 No. 60-FZ) // Available on the website: SPS "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (date of circulation: 10/16/2024).
2. The journalistic publication "Primorskaya Gazeta" // Primgazeta.<url>: [website]. – URL: <https://primgazeta.ru/> (date of access: 10/16/2024).
3. Public Television of Primorye // REL-Note: [website]. – URL: <https://otvprim.tv/> (accessed: 10/16/2024).
4. Vladivostok FM radio station // Vladivostok FM: [website]. – URL: <http://vladivostok.fm/> (date of access: 10/16/2024).
5. Radio station "Radio DFM" // Radio DFM: [website]. – URL: <https://dfm.ru/> (accessed: 10/16/2024).
6. On the procedure for providing premises suitable for campaigning public events in the form of meetings to registered candidates for by-elections of a deputy of the Legislative Assembly of the Tver Region of the sixth convocation for meetings with voters: resolution of the Election Commission of the Tver Region dated June 9, 2020 No. 64/824–6 // SPS "Electronic Fund of Legal and Regulatory documents". – URL: <https://docs.cntd.ru/document/450244504> (date of application: 01.11.2024).
7. Romanets Yu.V. The system of contracts in the civil law of Russia: monograph / Yu.V. Romanets. – M.: Norm: Infra-M, 2019. – 496 p.
8. Ioffe O.S. Selected works. The law of obligations / O.S. Ioffe. – St. Petersburg: Law Center Press, 2004. – 837 p.
9. Kratenko M.V. Services: problems of legal regulation and judicial practice / M.V. Kratenko. – M.: Walters Kluwer, 2021. – 228 p.
10. Arslanov K.M. On the question of the legal nature of the contract for the provision of paid services / K.M. Arslanov // Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities. – 2020. – No. 4. – pp. 82–90.
11. Sitdikova L.B. Legal regulation of relations in the field of information and consulting services in the Russian Federation: abstract. ...doc. Jurid. sciences': 12.00.03 / Sitdikova Lyubov Borisovna. – Moscow, 2009. – 50 p.
12. Ilyin I.V. Mechanisms of legal responsibility for electoral offenses / I.V. Ilyin, K.M. Musketov // Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. – 2005. – № 1 (23). – Pp. 279–304.
13. Golysheva A.V. On the issue of liability under the contract for the provision of paid propaganda services // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2022. – No. 4. – pp. 108–115.
14. Devitsky E.I. Problems of applying the institute of compensation for moral damage for violation of citizens' electoral rights / E.I. Devitsky // Electoral law. – 2022. – № 1 (29). – Pp. 2–11.
15. Goncharova Ya.A. Problems of realization and protection of intellectual rights to audiovisual works on the Internet: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.03 / Yana Anatolyevna Goncharova. – Moscow, 2018. – 242 p.

Майнинг цифровой валюты в рамках бытового потребления электроэнергии: признаки, особенности доказывания

Выборова Яна Евгеньевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Байкальский государственный университет

Статья исследует изменения в регулировании майнинга цифровых валют в России, акцентируя внимание на регистрации деятельности по майнингу и различиях в подходах к физическим, индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам. В контексте потребления электроэнергии рассматриваются правовые аспекты разделения бытового и коммерческого использования, а также судебные споры, связанные с неправильным применением тарифов. В статье освещаются методы доказывания в судебных разбирательствах, включая использование специализированных актов, тепловизионного анализа и данных о потреблении интернет-трафика, подчеркивая необходимость индивидуального рассмотрения каждого дела в суде.

Ключевые слова: майнинг цифровых валют, потребление электроэнергии, регистрация майнинга, судебная практика, доказывание в суде.

Длительное время термин «Майнинг» (от английского mining, что означает добыча, минирование, горный или горнорудный) не имел четкого законодательного определения в Российской Федерации. Однако, с принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», произошли значительные изменения в законодательстве, касающемся цифровых финансовых активов. В частности, в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была внесена новая часть 3.1 к статье 1. Этой частью установлено, что деятельность по «Майнингу цифровой валюты» включает выполнение математических вычислений с использованием технических и программно-аппаратных средств для создания записей в информационной системе, применяющей технологии, включая технологию распределенного реестра. Целью такой деятельности является как выпуск цифровой валюты, так и получение вознаграждения в форме цифровой валюты за подтверждение записей в информационной системе. Таким образом, в новом законе было закреплено официальное определение «Майнинга цифровой валюты», что является значимым шагом в правовом регулировании данной сферы деятельности.

Майнинг определяется как технологический процесс, активируемый с помощью специализированного оборудования. Анализ термина «Майнинг цифровой валюты» позволяет выявить ключевые аспекты, характеризующие этот процесс:

1 – Майнинг представляет собой вид деятельности.

2 – Эта деятельность осуществляется с использованием технических и программно-аппаратных ресурсов, включая специальное оборудование и программное обеспечение, без которых деятельность невозможна.

3 – Целью майнинга является создание цифровой валюты и/или получение вознаграждения в форме цифровой валюты за верификацию записей в информационной системе, что делает его целенаправленной деятельностью.

Майнинг цифровой валюты, таким образом, является процессом, направленным на выпуск цифровой валюты и/или получение вознаграждения, что представляет собой «совокупность электронных данных (цифрового кода или символов), содержащихся в информационной системе, которые используются или могут быть использованы

в качестве средства платежа или инвестиций». Эти данные обладают определенной стоимостью и ценностью, что придает майнингу черты предпринимательской деятельности, определяемой как «независимая деятельность, осуществляемая на собственный риск, направленная на систематическое получение прибыли через использование имущества, продажу товаров, выполнение работ или предоставление услуг» (пункт 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]).

Основываясь на законодательных определениях, предпринимательская деятельность, аналогично добыче цифровых валют, характеризуется несколькими ключевыми аспектами:

1 – это независимая деятельность, подразумевающая автономность в принятии решений и управлении процессами,

2 – это деятельность, проводимая на основе личной ответственности за возможные риски, что подчеркивает её рискованный характер,

3 – это деятельность, ориентированная на регулярное извлечение прибыли, где ключевым элементом является стремление к систематическому получению финансовых результатов, а не случайностью единичных операций, приводящих к прибыли.

Как было указано, добыча цифровых валют проявляет черты предпринимательской деятельности, однако вопрос о том, являются ли эти характеристики исключительными для майнинга, остаётся открытым. Представляется, что каждый из закреплённых законом признаков предпринимательской деятельности может быть применим к майнингу цифровой валюты при определённых обстоятельствах.

Кроме того, начиная с 14 ноября 2024 года, Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит новую статью 14.2, касающуюся регистрации лиц, занимающихся майнингом цифровых валют, и операторов майнинг-инфраструктуры. Согласно этому закону, право на занятие майнингом (включая участие в майнинг-пулах) предоставляется юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям после их включения в соответствующий реестр. Физические лица могут осуществлять майнинг без включения в реестр, но при условии соблюдения установленных правительством лимитов на потребление энергии [2].

В соответствии с действующим законодательством, различие между субъектами, занимающимися добычей цифровых валют, устанавливается путем их классификации на юридические лица, индивидуальных предпринимателей и физических лиц. Для последней категории закон предусматривает возможность заниматься майнингом без необходимости регистрации в специализированном реестре лиц, осуществляющих такую деятельность. Это новшество, позволяющее физическим лицам, не имеющим статуса индивидуальных предпринимателей, заниматься майнингом в рамках опреде-

ленных лимитов по потреблению электроэнергии, было введено на фоне увеличения потребления электроэнергии гражданами, превышающего бытовые нужды.

Иркутская область, благодаря низким тарифам на электроэнергию, стала одним из наиболее привлекательных регионов Российской Федерации для добычи цифровых валют. Анализ судебной практики за период с 2021 по 2024 годы выявил значительное увеличение количества споров, связанных с взысканием платы за электроэнергию, потребляемую не для бытовых нужд, а именно для майнинга цифровых валют.

Согласно нормативным положениям российского законодательства, под бытовым потреблением энергии понимается использование энергетических ресурсов для личных, семейных или домашних нужд, не связанных с коммерческой или профессиональной деятельностью (п. 4 Приложения № 1 к Основам ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» [3], п. 6 ст. 2 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]).

Таким образом, применение электроэнергии в рамках предпринимательской деятельности, которая не связана с личными, семейными или домашними потребностями, а направлена на систематическое извлечение прибыли согласно законодательно установленному определению, не подпадает под категорию бытового использования энергии. Определение применимости тарифов для различных групп потребителей зависит от цели использования электроэнергии, которая служит критерием для классификации потребителей. В случаях, когда электроэнергия используется в коммерческих (профессиональных) целях, а не для удовлетворения коммунально-бытовых потребностей, применение регулируемого тарифа, предназначенного для категорий потребителей, приравненных к населению, является недопустимым.

Важность точного учета объемов потребления электроэнергии для коммерческих и бытовых нужд отдельными гражданами проистекает из необходимости корректного начисления платежей. Разграничение этих объемов позволяет исключить начисление оплаты за коммерческое потребление по тарифам, предназначенным для бытовых нужд.

В контексте споров о взыскании платы за потребление электроэнергии, не предназначенной для бытового использования, ключевым аспектом является взыскание оплаты не по тарифу для населения, а по тарифу для других категорий потребителей, например, в случаях осуществления деятельности по «майнингу цифровой валюты». Это подчеркивает важность правильной классифика-

ции потребления энергии для обеспечения справедливого и законного начисления тарифов.

В процессе судебного разбирательства по гражданским делам, связанным с использованием электроэнергии не по назначению, ключевым аспектом является установление факта осуществления деятельности, такой как «Майнинг цифровой валюты». Это определяется на основе анализа характерных признаков, которые могут быть выявлены в ходе тщательного изучения потребления электроэнергии в рамках бытового использования.

Для доказательства в суде рассматриваются следующие элементы:

- наличие заключенного договора об энергоснабжении, который помогает определить объем электроэнергии, предоставляемой гражданину;
- подтверждение факта использования электроэнергии не для бытовых нужд;
- предоставление расчета суммы, подлежащей взысканию за потребление электроэнергии вне бытового использования.

В случае, когда существуют договоры, устанавливающие конкретный объем поставляемой электроэнергии, истец обязан доказать, что ответчик использовал электроэнергию сверх установленной максимальной мощности не для бытовых целей. Ответчик же, в свою очередь, должен представить доказательства того, что превышение мощности было использовано именно на бытовые нужды.

В ситуациях, когда договоры отсутствуют, например, в случае с гаражными кооперативами или садоводческими некоммерческими товариществами, где подключение осуществляется без четко определенного объема поставляемой электроэнергии, истец должен не только доказать использование электроэнергии не по назначению, но и предоставить расчет необходимого объема электроэнергии для бытовых нужд конкретного объекта. Кроме того, необходимо обосновать применение определенного тарифа для подтверждения суммы долга.

Исследование судебной практики выявило, что для подтверждения использования электроэнергии гражданами не по бытовым целям, что служит основанием для перехода с тарифа «население» на тариф «Первая ЦК. Прочие потребители», стороны представляют обширный комплекс доказательств. К таким доказательствам относятся письменные материалы, данные фото- и видеосъемки на специализированных носителях, разъяснения участников процесса и свидетельские показания. В случаях, когда электроэнергия используется исключительно для бытовых нужд, аналогичные доказательства также активно применяются для подтверждения данного факта.

Дополнительно, для подтверждения права собственности на объект недвижимости, такой как электроустановка, у которой обнаружены признаки нарушения тарифного статуса, обе стороны предоставляют правоустанавливающие документы. Это подтверждает законность владения и использова-

ния объекта в рамках действующего законодательства.

В подтверждение законности подключения объекта к электросетям предоставляются документы, свидетельствующие о технологическом присоединении. К ним относятся заявления физических лиц о присоединении к источнику электроснабжения, акты о выполнении технологического присоединения, которые подтверждают оказание услуг по присоединению к сетям, а также акты о выполнении технических условий и акты допуска в эксплуатацию приборов учета электроэнергии. Эти документы содержат детальные характеристики и условия присоединения, подтверждающие законность и корректность подключения объекта к электрическим сетям.

Доказательства, представляемые сторонами в судебном процессе или исключительно истцом в случае отсутствия ответчика при сборе материалов, подтверждающих факты нарушения или соблюдения установленных тарифов на потребление электроэнергии, включают в себя различные документы, связанные с использованием электричества. Основным из них является «Акт осмотра электроустановки», который фиксирует результаты инспекции установки и выявляет признаки, характерные для деятельности, такой как майнинг цифровых валют. В акте указываются данные о применении методов фото- и видеосъемки, а также использовании тепловизора. Обычно акт составляется представителями организации без участия потребителя, однако при повторной проверке представители потребителя могут присутствовать, и в этот момент первоначально выявленные признаки могут быть не обнаружены.

Другой важный документ – «Акт целевой проверки», который также документирует осмотр электроустановки и может отражать признаки, указывающие на майнинг цифровой валюты. При составлении этого акта могут присутствовать представители обеих сторон.

Кроме того, существует «Акт о целях потребления коммунальной услуги по электроснабжению», который содержит информацию о количестве проживающих (как постоянно, так и временно), количестве собственников, количестве комнат в жилом помещении и наличии электроприборов на земельном участке и в расположенных на нем постройках.

В дополнение к документам, фото- и видеоматериалы, полученные в ходе проверок, служат доказательствами, подтверждающими характер потребления электроэнергии. Эти материалы могут включать изображения, например, вентиляторов, установленных на фасаде объекта, что может указывать на майнинг, или бытового оборудования, что свидетельствует о коммунально-бытовом использовании электроэнергии.

В качестве доказательств, предъявляемых истцом, выступают данные о тепловом излучении, зафиксированные в ходе инспекционного осмотра. Этот процесс обычно сопровождается составлением документа, известного как «Акт осмотра

электроустановки для определения характера использования электроэнергии (бытовое или небытовое)». Основным элементом акта является термограмма, созданная независимой организацией для выявления тепловых утечек объекта. Термограмма отображает температуры в различных точках измерения, которые, как правило, значительно превышают температуру окружающего воздуха. Дополнительно предоставляется заключение, основанное на данных термограммы, и документация на тепловизор, подтверждающая его соответствие требованиям на момент проведения проверки. В ответ, сторона ответчика представляет данные о метеорологических условиях во время проверки, включая почасовые изменения температуры внешнего воздуха, или заявляет ходатайство о предоставлении доказательств.

Кроме того, истец предоставляет аналитические данные, включая «Сравнительный анализ потребления электрической энергии электроустановки». Этот анализ проводится путем сравнения уровней потребления электроэнергии данной установки с установками, расположенными в той же климатической зоне и населенном пункте, и имеющими схожие условия предоставления коммунальных услуг. Результаты анализа могут указывать на превышение потребления электроэнергии, что свидетельствует о ее использовании не по назначению. Дополнительно представляется «Анализ динамики объемов потребления электроэнергии» за рассматриваемый период, который отражает как резкие колебания, так и стабильные пики потребления, что не характерно для бытовых электроприборов, используемых для обеспечения повседневной жизнедеятельности.

Также истец заявляет ходатайство об истребовании информации в отношении ответчика, касающейся заключения договоров на предоставление интернет-услуг с такими провайдерами, как ПАО «Ростелеком» и операторами мобильной связи, включая ПАО «МегаФон», по объекту недвижимости. Требуется предоставление данных о количестве использованного интернет-трафика в период занятий майнингом цифровых валют, а также информации о доступе к интернет-платформам, таким как Binance (<https://www.binance.com/en/exchange-request/new>), поскольку деятельность по майнингу требует значительных объемов ресурсов.

В качестве подтверждения использования электроэнергии на бытовые нужды ответчиком предоставляются данные о количестве и площади объектов, потребляющих электроэнергию, будь то жилые или нежилые помещения, а также информация о численности лиц, фактически проживающих в данных объектах, включая сведения о регистрации по месту жительства и наличии родственных связей с потребителем электроэнергии. Это позволяет оценить объем необходимого потребления электроэнергии для бытовых нужд.

Кроме того, ответчик предоставляет сведения о наличии в объекте электроприборов, включая пе-

речень устройств, таких как тепловые пушки, различные обогреватели и бытовая техника, а также документы, подтверждающие покупку этих приборов (договоры купли-продажи, гарантийные талоны, инструкции по эксплуатации, квитанции об оплате), а также доказательства того, что эти приборы находятся в объекте и используются на постоянной и непрерывной основе в быту (материалы фото- и видеофиксации). Дополнительно ответчиком предоставляются документы, подтверждающие, что эти устройства являются бытовыми энергопринимающими устройствами, исключая некоторые виды тепловентиляторов, информация о происшествиях, связанных с авариями, а также данные о проведении строительных и ремонтных работ в объекте, требующих использования электроприборов в указанный период (договоры на выполнение работ, акты выполненных работ, квитанции об оплате работ, доказательства приобретения строительных материалов, материалы фото- и видеофиксации).

Для точного определения объема потребления электроэнергии на заданном объекте, а также для анализа использования электроэнергии в рамках установленной максимальной мощности технологического присоединения, стороны предоставляют детализированные расчеты. Истец предьявляет расчеты потребления электроэнергии, основанные на технических параметрах имеющихся электроприборов, что позволяет оценить общий объем потребляемой энергии за месяц. Эти расчеты учитывают фактическое потребление, различие в потреблении (бытовое против небытового), а также количество людей, фактически проживающих в объекте, и общую площадь помещений, потребляющих электроэнергию. Ответчик предоставляет контррасчеты.

Кроме того, обе стороны предоставляют расчеты стоимости потребленной электроэнергии, применяя не стандартный тариф «население», а специализированный тариф «Первая ЦК. Прочие потребители». Истец предоставляет расчеты объема потребления по лицевому счету с использованием этого тарифа, в то время как ответчик предоставляет соответствующие контррасчеты.

Заключение о стоимости всего объема потребленной электроэнергии по данной электроустановке по тарифу «Первая ЦК. Прочие потребители» формируется на основании итогов заседания Комиссии по рассмотрению актов нарушения тарифного статуса. В ходе этого заседания составляется Протокол, и в исключительных случаях, по требованию ответчика, истец может предоставить данный Протокол в качестве доказательства.

Как подчеркивается, одним из ключевых доказательств является «Акт осмотра электроустановки», который определяет характер потребления электроэнергии (бытовое или небытовое). Этот документ, наряду с другими актами и Протоколом заседания комиссии, может быть оспорен в судебном порядке с предьявлением соответствующих исковых требований.

В действующем законодательстве отсутствует чёткая регламентация процедуры составления «Акта осмотра электроустановки для определения характера потребления электроэнергии (бытовое или небытовое)». Форма данного акта разрабатывается на местном уровне, что обусловлено особенностями правовых отношений, возникающих в процессе определения тарифного статуса потребления электроэнергии. Кроме того, законодательство не устанавливает требований к составу лиц, проводящих осмотр электроустановок в указанных целях.

Отсутствуют также законодательные требования к уведомлению потребителей о проведении осмотра. Поскольку осмотр осуществляется исполнителем визуально и не требует доступа внутрь объекта, он может проводиться индивидуально. Следовательно, составление акта происходит в одностороннем порядке, и участие потребителя в этом процессе не является обязательным.

Дополнительным доказательством в процессе осмотра служит заключение, основанное на данных тепловизионного обследования. Тепловизоры используются для фиксации тепловых полей, которые могут указывать на наличие оборудования с высоким энергопотреблением, например, установок для майнинга цифровых валют. Такое оборудование не только потребляет значительные объёмы электроэнергии, но и выделяет много тепла, что требует установки специализированного вентиляционного оборудования для его отвода и поддержания оптимальных условий работы, что сопровождается характерным шумом.

Аналитические данные должны быть сформированы в отношении определенных объектов, на которых обнаружены характеристики, типичные для деятельности, связанной с «Майнингом». Необходимо точно определить объекты, имеющие признаки, свойственные для данного вида деятельности, будь то жилые или нежилые помещения, изолированные или примыкающие к другим строениям. Важно учитывать назначение помещений, обладающих данными характеристиками, например, при наличии множественных подключений к электросети, потребление электроэнергии может осуществляться несколькими объектами, однако признаки, свойственные для «Майнинга», могут быть выявлены у одного объекта. Объекты для сравнения потребления электроэнергии должны находиться в одной климатической зоне и одном населенном пункте, а также иметь схожие условия коммунального обслуживания, включая электроснабжение, использование для освещения, приготовления пищи и другие совпадающие параметры, такие как перечень используемых электроприборов, количество проживающих лиц и т.д.

Кроме того, в качестве доказательств стороны представляют свидетельские показания, обычно от лиц, составляющих акты, а также от лиц, присутствующих при их составлении. Также заявляются ходатайства о проведении судебной экспертизы, в частности, для определения объема фактически

потребляемой электроэнергии с учетом наличия строений, проживающих лиц, наличия оборудования, способного функционировать круглосуточно, и соблюдения технических условий безопасной эксплуатации для бытовых нужд.

При анализе данных о потреблении электроэнергии необходимо учитывать временные рамки, в которых происходит изменение объемов потребления, включая резкие всплески или снижения. Эти периоды следует коррелировать с временем проведения различных работ, изменения численности лиц, фактически проживающих в объекте, и другими событиями. Важно, чтобы документация, такая как фото- и видеоматериалы, включала точные даты их создания, а платежные документы – даты осуществления платежей. Это позволяет точно сопоставить временные интервалы с изменениями в объемах потребления электроэнергии.

Изменение тарифов на электроэнергию может быть обосновано уровнем потребления, который значительно превышает обычное бытовое использование. Для подтверждения такого уровня потребления требуется собрать и проанализировать комплекс доказательств.

В случае перехода с тарифа для населения на тариф для первой категории потребителей, который включает другие типы потребителей, начисление нового тарифа происходит с момента подтверждения факта небытового использования электроэнергии. Это устанавливается в ходе проведения осмотра электроустановок с целью определения характера потребления энергии (бытовое или небытовое) и оформляется соответствующим актом осмотра.

Предмет доказывания определяет ключевые параметры для выявления использования электроэнергии не в бытовых целях, а для деятельности, связанной с майнингом цифровых валют. Эти параметры включают в себя следующие характеристики, типичные для майнинга:

1 – значительный объем потребления электроэнергии, который проявляется в виде стабильно высокой почасовой нагрузки в течение всего дня, как в дневное, так и в ночное время. Это отличается от потребления электроэнергии бытовыми приборами, где нагрузка обычно снижается и не остается на пиковых значениях постоянно.

2 – повышенное тепловыделение, при котором температура в помещении значительно превышает температуру окружающей среды. Это связано с работой оборудования для майнинга и сопровождается шумом от вентиляционных систем, установленных для отвода избыточного тепла и обеспечения стабильности работы оборудования для майнинга.

3 – интенсивное использование интернет-трафика, характеризующееся непрерывным доступом к сетевым ресурсам, аналогично непрерывному потреблению электроэнергии, включая активное использование интернет-платформ.

Анализ судебной практики за последние годы показывает, что подходы к оценке доказательств,

представленных в суде, изменились. В частности, доказательства, представленные истцом, такие как акты, составленные без уведомления и участия потребителей о проверке, содержащие данные о тепловом излучении и шуме вентиляционного оборудования, а также о повышенном уровне потребления электроэнергии, стали недостаточны для подтверждения факта использования электроэнергии в бытовых целях и изменения тарифной группы для потребителя. Суды теперь оценивают каждый случай индивидуально, учитывая конкретные обстоятельства дела и представленные доказательства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая: офиц. текст: по состоянию на 1 окт. 2013 г. – М.: Омега-Л, 2013. – 494 с.. 3
2. Федеральный закон от 08.08.2024 N 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», статья 5, пункт 11
3. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике»
4. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изме-

нений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

MINING OF DIGITAL CURRENCY WITHIN THE FRAMEWORK OF HOUSEHOLD ELECTRICITY CONSUMPTION: SIGNS, FEATURES OF PROOF

Vyborova Ya.E.
Baikal State University

The article examines changes in the regulation of cryptocurrency mining in Russia, focusing on the registration of mining activities and the differentiation in approaches to individuals, individual entrepreneurs, and legal entities. It discusses the legal aspects of distinguishing between residential and commercial electricity consumption, as well as judicial disputes related to improper tariff application. The article highlights methods of evidence in court proceedings, including the use of specialized acts, thermal imaging analysis, and internet traffic consumption data, emphasizing the need for individual case consideration in court.

Keywords: cryptocurrency mining, electricity consumption, mining registration, judicial practice, evidence in court.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Parts One, Two, Three, Four: official text: as of October 1, 2013 – Moscow: Omega-L, 2013. – 494 p.. 3
2. Federal Law of August 8, 2024 N 221-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», Article 5, paragraph 11
3. RF Government Resolution of December 29, 2011 N 1178 «On Pricing in the Field of Regulated Prices (Tariffs) in the Electric Power Industry»
4. Federal Law of November 23, 2009 N 261-FZ «On Energy Saving and Improving Energy Efficiency and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation»

Сравнительно-правовая характеристика института наследования России и Германии

Давудмагомедова Лианат Гасановна,

студент ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»)

E-mail: d.liana.00@mail.ru,

Ильина Екатерина Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистической техники УНК ЭКД, Волгоградская академия МВД России

Захарья Ильяс Тюлюгенович,

старший преподаватель кафедры криминалистической техники УНК ЭКД, Волгоградская академия МВД России

Введение: Наследственное право выступает фундаментальным институтом юридической системы любой развитой страны. Его универсальное признание и применение в мировой юриспруденции обусловлено ключевой ролью в защите имущественных прав как отдельных лиц, так и социума в целом. В данной проанализирована специфика наследования в германском и российском законодательстве. Цель: произвести сравнительно-правовой анализ института наследования в Германии и России. Методологическая основа: представлена общенаучными и частнонаучными, сравнительным методами познания. Результаты: дано понятие наследственному договору, выявлены схожие и отличительные черты наследования в России и Германии. **Выводы:** Германии и России относятся к континентальной правовой системе, что говорит о кодификации норм и некой их аналогичности, но при учете различий в связи с историческим, экономическими и иными аспектом.

Ключевые слова: институт наследования, завещание, налог, Германия, Россия, обязательная доля.

В современном мире институт наследования играет важную роль в регулировании имущественных и нематериальных отношений между гражданами. Особенно это касается стран с давними юридическими традициями, таких как Россия и Германия. Сравнение правовых норм, регулирующих наследственные отношения в этих странах, позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности, характерные для каждой из правовых систем. Важность такого анализа сложно переоценить, ведь он способствует лучшему пониманию глобальных правовых процессов и формированию эффективной международной правовой практики.

Российское и германское наследственное право имеют как сходства, так и различия, обусловленные историческим развитием, культурными и социальными факторами. Анализируя эти аспекты, можно глубже понять, как принципы и нормы наследования влияют на распределение имущества, права и обязанности наследников и другие ключевые аспекты социально-экономических отношений. Сравнительно-правовой подход открывает новые возможности для улучшения законодательства и наследственной практики, способствуя формированию более справедливого и эффективного правопорядка.

Институт наследования в России и Германии обладает длительной историей, корни которой уходят в глубь веков, и претерпел значительные изменения под влиянием экономических, социальных и правовых факторов. Рассмотрение исторических аспектов этих систем позволяет лучше понять их современное состояние и особенности.

В России до принятия Свода законов 1649 года основные правила наследования были урегулированы Русской Правдой и другими древнерусскими правовыми актами, которые опирались на общинное начало и патриархальные порядки. Собственность передавалась в наследство по родословной в семье от поколения к поколению, главенствующую роль играли устные завещательные распоряжения. С развитием феодальных отношений и закрепощением крестьян начинают складываться основы сословного наследования. Характерной чертой российского наследственного права стало стремление законодателя обеспечить сохранение помещной земельной собственности в пределах одного сословия – дворянства.

В Германии же развитие института наследования шло другим путем и было отмечено ранним дифференцированным подходом к наследственным правам в разных регионах. В период раннего Средневековья значительную роль в развитии

правил наследования сыграло германское племенное право, предполагавшее переход имущества по кровной линии при строгом разделении наследственных прав между мужчинами и женщинами. Со временем, под влиянием канонического и римского прав, в региональных правовых системах стали зарождаться принципы равенства наследников, формироваться система завещательного наследования. В эпоху Просвещения начинается процесс кодификации права, завершением которого стало принятие Гражданского уложения Германии в 1896 году, унифицировавшее правила наследования на всей территории Германии.

Таким образом, историческое развитие института наследования в России и Германии демонстрирует различные подходы к регулированию перехода прав и обязанностей после смерти. Если в России акцент делался на сохранении имущества внутри сословия и семейной общности, то в Германии – на развитии принципов равенства наследников и унификации правил наследования. Эти различия в историческом развитии оставили отпечаток на современном положении наследственного права в обеих странах.

При сравнительно-правовом анализе института наследования в России и Германии на первый план выходят как общие принципы, так и значительные отличия. Обе страны относятся к континентальной правовой системе, что предполагает наличие кодифицированных норм, регулирующих наследственные отношения. В России основным источником наследственного права является Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), главы 61–65 которого устанавливают правовые рамки наследования [1]. В Германии соответствующее регулирование обеспечивает Пятая книга Гражданского кодекса Германии (*Bürgerliches Gesetzbuch, BGB*), охватывающая статьи 1922–2385 [2].

В основе регулирования наследственных прав лежат коллизионные нормы, которые разнятся в зависимости от страны. В контексте России, правила определения применимого законодательства отличаются для разных категорий имущества: в случае движимой собственности учитывается либо закон страны последнего проживания наследодателя, либо его гражданство, тогда как для недвижимости ключевым является закон места, где она находится. В отличие от этого, в Германии действует универсальная система, согласно которой все вопросы наследования решаются в соответствии с национальным законом наследодателя или законом его последнего места жительства, не делая различий между типами имущества. К примеру, наследодатель является немецким гражданином и постоянно проживал в России на момент смерти, обладал квартирой, расположенной в Германии. Следуя раздельной системе наследования, российскому нотариусу следовало бы оформлять наследование этого недвижимого имущества, применяя немецкое право. Однако, если наследодатель оставил завещание в России, регулируемое нормами российского права, то наследование этой

квартиры возможно по нормам российского права, что допускается национальным законом наследования Германии.

Одним из ключевых различий является подход к определению круга наследников. В ГК РФ преимущественное право на наследование имеют родственники умершего, распределенные по очередям. Германское право также признает приоритет родственного наследования, но уделяет большее внимание завещательному наследованию, позволяя более широко распоряжаться собственностью посмертно.

Существенное отличие заключается также в регулировании обязательной доли наследства (*Pflichtteil*). В Германии обязательная доля представляет собой минимальную часть наследства, которая гарантируется определенным категориям наследников (детям, супругу, родителям), даже если завещание исключает их участие. Российское законодательство тоже предусматривает обязательную долю, но ее категории наследников значительно уже.

Еще одним фундаментальным различием становится порядок наследования по закону. В ГК РФ четко определено восемь очередей наследников, каждая из которых имеет право на наследство при условии отсутствия предыдущей. В Германии система наследования по закону также структурирована, но более сконцентрирована на близких родственниках, что упрощает определение круга наследников.

Кроме того, в России и Германии различается подход к исполнению завещаний. В России исполнение завещаний, как правило, ложится на наследников или завещательных исполнителей после принятия наследства. В Германии же завещатель может назначить исполнителя завещания (*Testamentsvollstrecker*), который обладает более широкими полномочиями в управлении наследством до его раздела среди наследников.

Таким образом, несмотря на общие принципы континентальной правовой системы, российское и германское наследственное право имеют ряд значительных различий. Эти отличия касаются прежде всего степени свободы в распоряжении имуществом после смерти, порядка определения наследников и исполнения завещаний, что необходимо учитывать при международном планировании наследования.

Процедура наследования как в России, так и в Германии включает в себя множество этапов, однако при ближайшем рассмотрении заметны как значимые различия, так и существенные сходства. Основой для процесса наследования в обеих странах является наличие завещания либо его отсутствие, что влечет за собой применение законного порядка наследования.

В России, согласно Гражданскому кодексу РФ, при наличии завещания наследование происходит в соответствии с волеизъявлением умершего. В отсутствие завещания применяется система очередей наследования, установленная законом.

В Германии процедура регулируется Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), где также предусмотрены оба пути наследования.

В Германии ведение наследственных дел возложено на специальные суды. Суды по наследственным делам выдают Свидетельство о праве на наследство по ходатайству наследника. При этом суд возбуждает производство по делу, собирает и исследует доказательства, заслушивает заинтересованных лиц и устанавливает юридические факты, обосновывающее ходатайство о выдаче свидетельства. Например, свидетельство о праве на наследство, выданное российским нотариусом, в Германии подлежит признанию через суд по наследственным делам. В российском законе имеется пробел в регулировании процедур наследования, поскольку правила ведения наследственного дела не установлены. В компетенции российского нотариуса находится выдача Свидетельства о праве на наследство и отдельные полномочия по охране наследственного имущества. Юрисдикция российского нотариуса и немецкого наследственного суда ограничены национальным правом. Полномочия по наследственным делам в международном праве закреплены за консульскими службами. Несмотря на действующий Консульский договор между Россией и Германией (Бонн, 1958) [3], эти полномочия консулов обеих стран ограничены функциями по охране наследства и прав наследников и передаче наследства. Например, консулы не уполномочены представлять по наследственным делам и распоряжаться наследственной массой.

Сходство законодательств обеих стран проявляется в признании права на обязательную долю в наследстве для некоторых категорий наследников, включая несовершеннолетних детей умершего и его супруга. Однако, в Германии размер такой доли может быть значительно больше за счет строгих ограничений, налагаемых на возможность лишения наследства.

Ключевым сходством процедур в обеих странах является необходимость прохождения процесса принятия наследства. В России существует установленный срок в шесть месяцев со дня смерти наследодателя для этого. В Германии этот срок также предусмотрен, но его длительность может меняться в зависимости от конкретных условий наследования.

Сравнение процедур наследования в России и Германии показывает, что несмотря на наличие общих принципов и норм, существуют значительные различия, обусловленные как историческим развитием законодательства в каждой из стран, так и особенностями национального правового понимания.

Основопологающим аспектом в практике вступления в наследство является обложение его налогом, что существенным образом влияет на принципы распределения наследственного имущества. Вместе с тем, данный аспект регламентируется законодательствами России и Германии по-разному,

что влечет за собой различия в финансовых обязательствах наследников.

В Российской Федерации налогообложение наследства имеет весьма щадящий характер. Согласно Налоговому кодексу РФ, для близких родственников (супруги, дети, родители, внуки) предусмотрена 100% налоговая льгота, то есть наследование имущества происходит без уплаты налогов. Для других наследников ставка составляет 13%, что также можно расценивать как относительно небольшую финансовую нагрузку [4]. Таким образом, в России процесс наследования в большинстве своем не сопряжен с существенными налоговыми отчислениями, что стимулирует более легкое и быстрое оформление прав на наследство.

Ситуация в Федеративной Республике Германия отличается более строгим подходом к налогообложению наследства. Здесь налог на наследство варьируется в зависимости от степени родства и размера наследства. Наследство делится на три налоговых класса, где первый класс (наиболее близкие родственники) облагается налогом на наименьшую сумму, что может начинаться от 7% и достигать 30% для очень крупных наследств. Для наследников второго и третьего классов ставки значительно выше. В Германии также существуют льготы, например, налоговый вычет, но его размер также зависит от степени родства и общей величины наследуемого имущества. Такой подход обуславливается стремлением государства регулировать распределение богатства и препятствовать его чрезмерной концентрации [5].

Таким образом, особенности налогообложения наследства в России и Германии не только отражают различные подходы к налогообложению, но и демонстрируют разную социально-экономическую политику, налагаемую на процедуру перехода прав собственности после смерти наследодателя.

Институт наследования в России и Германии, несмотря на различия в подходах и традициях, оба стремятся к модернизации и упрощению процедур наследования с целью адаптации к изменчивым условиям современного общества. Эволюция наследственного права в обеих странах идет к тому, чтобы учитывать интересы наследников и волеизъявления наследодателей, а также внедрить новые технологии для упрощения и ускорения процессов.

В России перспективы развития наследственного права связывают, прежде всего, с дальнейшей цифровизацией юридических процедур. Внедрение электронных наследственных дел, возможность онлайн-консультирования по вопросам наследования и электронное завещание станут реальностью уже в ближайшем будущем. Кроме того, обсуждается усиление защиты прав наследников, в том числе несовершеннолетних и инвалидов, что предусматривает более строгий контроль за действиями исполнителей завещания и органами опеки [6].

Германия, со своей стороны, также делает акцент на использовании цифровых технологий в на-

следственном праве. Вдобавок, активно ведутся работы по совершенствованию законодательства для решения вопросов международного наследования, что становится всё более актуальным в условиях глобализации.

Обе страны стоят перед необходимостью адаптации своих наследственных систем к современным вызовам: от цифровизации общества до миграционных процессов. Однако при всех различиях подходов, цель остается общей – сделать процесс наследования более прозрачным, доступным и справедливым для всех участников. При этом выделяется важность баланса между инновациями и традициями, а также между защитой прав наследников и уважением к воле наследодателя.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // Собрании законодательства Российской Федерации. 2001 г. № 49. Ст. 4552.
2. Германское гражданское уложение *Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einfuhrungsgesetz* (1900) // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://web.archive.org/web/20110703094521/http://constitutions.ru/archives/3687>
3. Консульский договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии от 25 апреля 1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. № 17. 1959.
4. Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть вторая) // Российская газета. 2000 г. № 153–154.
5. Семилютин Н.Г., Соловьева С.В., Шайдаенко Шер Н.И.: Актуальные проблемы наследственного права зарубежных стран. Монография // Инфотропик. 2021. С. 272.

6. Зенин И.А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов / И.А. Зенин. – 20-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 526 с.

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTION OF INHERITANCE IN RUSSIA AND GERMANY

Davudmagomedova L.G., Ilyina E.V., Zakharya I.T.

Dagestan State University; Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Introduction: Inheritance law is a fundamental institution of the legal system of any developed country. Its universal recognition and application in world jurisprudence is due to its key role in protecting the property rights of both individuals and society as a whole. This article analyzes the specifics of inheritance in German and Russian legislation. Purpose: to make a comparative legal analysis of the institute of inheritance in Germany and Russia. Methodological basis: presented by general scientific and private scientific, comparative methods of cognition. Results: the concept of an inheritance contract is given, similar and distinctive features of inheritance in Russia and Germany are revealed. Conclusions: Germany and Russia belong to the continental legal system, which indicates the codification of norms and some of their similarity, but taking into account differences in connection with historical, economic and other aspects.

Keywords: institute of inheritance, will, tax, Germany, Russia, mandatory share.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, entered into force on August 4, 2023) // Collections of Legislation of the Russian Federation. 2001 No. 49. Art. 4552.
2. German Civil Code *Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einfuhrungsgesetz* (1900) // Russian legal portal: Pashkov Library. URL: <https://web.archive.org/web/20110703094521/http://constitutions.ru/archives/3687>
3. Consular Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Federal Republic of Germany of April 25, 1958 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. No. 17. 1959.
4. Tax Code of the Russian Federation of August 5, 2000 No. 117-FZ (part two) // *Rossiyskaya Gazeta*. 2000 No. 153–154.
5. Semilyutina N.G., Solovieva S.V., Shaidaenko Sher N.I.: Actual problems of inheritance law of foreign countries. Monograph // *Infotropic*. 2021. P. 272.
6. Zenin I.A. Civil law. General part: textbook for universities / I.A. Zenin. – 20th ed., revised. and additional. – Moscow: Publishing house Yurait, 2024. – 526 p.

Емельянов Евгений Александрович.

аспирант Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет При Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС»

В статье рассматривается понятие и основные элементы оборота земельных участков. Поднимается вопрос о необходимости регулирования оборота земель, в том числе земель сельскохозяйственного назначения, в доктрине гражданского и земельного права. Отмечена роль административно-правовых норм в обеспечении законности оборота земельных участков.

Цель данной статьи заключается в поиске решений, направленных на совершенствование правового регулирования оборота земель.

В качестве основных методов исследования использованы: анализ нормативно-правовых актов, системный и комплексный подходы.

Результаты: проведенный автором анализ статистических данных по составу земельного фонда Российской Федерации, формам собственности, а также обзор изменений российского законодательства приводит к выводу о необходимости постоянного совершенствования правовых норм земельного и гражданского законодательства. Обзор данных по государственному земельному контролю позволяет выявить основные виды нарушений требований соблюдением земельного законодательства в РФ, и предпринять необходимые меры юридической ответственности, в целях вовлечения неиспользуемых участков в оборот.

Выводы: Сделан вывод о том, что необходимо системное решение по вопросам регулирования оборота земельных ресурсов. Предлагается оптимизировать систему правовой охраны отношений в сфере оборота земель путем: принятия Концепции развития земельного законодательства; модернизации существующей судебной системы; контролем по установлению экономически обоснованной кадастровой стоимости; наделением большей самостоятельностью органов местного самоуправления в вопросах распоряжения земельными участками.

Ключевые слова: земельный участок; оборот земельных участков; земли сельскохозяйственного назначения; органы местного самоуправления; ответственность за нарушения законодательства.

Современное российское законодательство и сложившаяся уже судебная практика рассматривают земельный участок как особый объект гражданских прав, оборот которых требует особого правового регулирования. Общественные отношения в сфере использования и охране земель, регулируются не только нормами земельного и гражданского законодательства, но и экологического, градостроительного, административного.

В процессе формирования и регулирования земельных отношений в России, понятие «земельный оборот» стало все чаще употребляться как синоним «рынок земли». отождествлять эти понятия представляется ошибочным. Оборот земли выступает, конечно, определяющим, но является лишь элементом более широкого понятия рынка земли.

До сих пор в юридической литературе не сформирован единый подход к пониманию оборота земельных участков, что не позволяет создать целостную правовую базу его регулирования.

Вовлечение земель в гражданский оборот, создание при этом необходимых условий охраны земли, как важнейшего компонента окружающей среды, требуют поиска новых доктринальных и законодательных решений.

Ученые-юристы, такие как Романова Вероника Васильевна, Бритвин Сергей Николаевич в исследованиях указывали, что в узком понимании земельный оборот представляет собой «совокупность сделок», предметом которых выступают земельные участки. В ходе этих гражданско-правовых сделок возникают обязательственные правоотношения. В широком понимании земельный оборот включает в себя все действия и события, вследствие которых возникают, прекращают либо видоизменяются права субъектов на землю.

Россия – самая большая по территории страна мира. По данным государственной статистической отчетности, опубликованным Росреестром, общая площадь земель Российской Федерации на 01.01.2024 составляет – 1 723.4 млн га. [10]. Земли сельскохозяйственного назначения занимают 374967.5 тыс. га, что составляет 21.8% от общей площади. Российская Федерация входит пятерку стран с максимальной площадью пахотных земель в расчете на человека. И на сегодня, когда продовольственная безопасность в Российской Федерации находится под влиянием зарубежных санкций, аграрное производство, рыночные процессы и эффективное использование земель необходимо особенно регулировать.

Для государственного контроля оборота земли установлены определенные правовые основы регулирования особой ответственности субъектов

земельных отношений. Основным нормативно-правовым актом, координирующим рынок сельхозземель, считается Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ, нормами которого установлена специфика оборота земель сельскохозяйственного назначения при купле-продаже, аренде, выделе земельных долей, на принципе сохранности целевого использования. Федеральный закон дополняют другие региональные нормативные акты.

Эксперты в области земельного права к принятию Закона N 101-ФЗ отнеслись одобрительно. Однако отмечали, что из сферы его действия выпали отношения по садоводческим и огородническим участкам, предоставленными для ИЖС и ведения ЛПХ, а также занятыми гаражами и другими объектами капитального строительства. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального закона N 101-ФЗ, «оборот указанных земельных участков регулируется Земельным кодексом Российской Федерации» [5]. Индивидуализированный правовой подход к обороту земельных участков с различным целевым использованием из состава земель сельскохозяйственного означает необходимость установления различия правового режима земель в одной категории.

В ходе реализации земельной реформы начиная с 90-х годов, а также принятия впоследствии ряда законов и подзаконных актов, в нашей стране была проведена приватизация земельных участков. Это обстоятельство и послужило началом вовлечения земли в гражданский оборот. Поэтапно был осуществлен переход к множественности форм собственности на землю; состоялось первичное перераспределение земли и была сформирована относительно устойчивая структура землепользования. Основным итогом преобразований стало то, что изменились методы регулирования земельных отношений, в полном объеме внедрены рыночные отношения.

Однако, продолжают оставаться актуальными проблемы земельного права, связанные с межеванием участков, вовлечением их в гражданский оборот, привлечением нарушителей земельного законодательства к юридической ответственности. По сведениям Росреестра чуть более 60% всех участков в РФ имеют точные границы. Что считается серьезной проблемой, как для граждан, так и для органов местного самоуправления. Существование достаточно большого количества «неразмежеванных» участков искажает сведения о площадях, категориях, разрешенном использовании участков, ведет к возникновению судебных споров. Установление точных границ придает устойчивость землепользованию, обеспечивает защиту прав и интересов собственников недвижимости, допускает вовлечение в гражданский оборот земельных участков, в соответствии с действующим законодательством.

Правовая система Российской Федерации предоставляет правообладателям земельных участ-

ков большие полномочия по использованию и распоряжению землей. При этом не должны быть нарушены права других лиц. Одной из важных функций государства является осуществление контроля за соблюдением земельного законодательства. По итогам проведения проверок Управлением Росреестра в 2024 году на территории РФ было выявлено более 120 тыс. нарушений [10]. Самовольное занятие земельного участка, а также нецелевое использование земель, либо неиспользование земель в течение установленного срока входит в тройку наиболее распространенных. Штрафные санкции определены нормами КоАП РФ и устанавливаются в процентах от кадастровой стоимости участка. А также зависят от характера правонарушения. На основании п. 1 ст. 23.21 КоАП РФ органы госконтроля рассматривают дела об административных правонарушениях по ст. 7.1 за самозахват участка; по ст. 7.34 за использование на правах ПБП без переоформления в аренду или приобретения в собственность; по ст. 8.8 за использование участка не по целевому назначению; по ст.ст. 10.9–10.10 за нарушение проекта и систем мелиорации.[4].

В результате проведенной инспекторами Росреестра работы в 2023 году было устранено более 13 тыс. нарушений. В хозяйственный оборот вовлечено 116 тыс. га неиспользуемых под строительство земель. Данная статистика обуславливает необходимость дальнейшего проведения исследований по проблемам земельных правонарушений и ответственности за их совершение.

В связи с постоянным реформированием органов местного самоуправления, предстоящим укрупнением муниципалитетов, и как следствие, формированием новых границ муниципальных образований, предстоит совершенствование правового регулирования полномочий в сфере земельных отношений.

В соответствии с данными статотчетности, в структуре земель РФ преобладает государственная и муниципальная собственность. На 01.01.2024 г. их доля составляет 91.8% (1.6 млрд га) от площади земельного фонда страны. На правах собственности у физических лиц находится 110412.3 тыс. га, у юридических – 25698.7 тыс. га. [10].

В существующих условиях важными критериями регулирования земельных отношений для органов государственной и муниципальной власти становятся: обеспечение рационального и эффективного использования земли; комплексный подход к совершенствованию законодательной базы; создание земельного рынка различных форм собственности.

В последнее время принят ряд важных документов в области земельных отношений. Внесены изменения в Гражданский кодекс РФ в части определения понятия недвижимых вещей. Теперь в ст.ст. 141.2–141.4 ГК РФ определено, что «Земельный участок является недвижимой вещью» [1].

Предприниматели, налаживающие производство импортозамещающей продукции, по упро-

ценному регламенту смогут получить государственные и муниципальные земельные участки в аренду без проведения торгов [7].

Теперь по упрощенному порядку садоводы, огородники и граждане, ведущие подсобные хозяйства смогут оформить в собственность за плату участки без проведения аукциона. Существенными условиями для выкупа являются: ранее участок находился в аренде; отсутствуют административные нарушения в отношении арендуемого участка.

Верховный Суд РФ представил ряд прецедентных решений в сфере оборота земельных участков. В Постановлении Пленума ВС РФ вновь упомянули о позиции признания права на самовольную постройку, которая расположена на земельном участке [8].

В результате принятия и неоднократного обновления Земельного Кодекса РФ, Гражданского Кодекса РФ иного законодательства в России сформирован достаточно эффективный и целостный массив норм, регулирующих оборот земельных участков. Вместе с тем следует констатировать, что необходимо решить следующие вопросы:

1. Разработать Концепцию развития земельного законодательства, по подобию Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 года.
2. Активизировать работу по выявлению земельных участков, не используемых по назначению, либо неэффективно используемых, и принять меры для вовлечения их в оборот.
3. Для отнесения земельных участков к категории земель сельскохозяйственного назначения надлежит учитывать не только площади и их месторасположение, но и качество земель, а также плодородие почв.
4. Расширить полномочия муниципалитетов, наделив их большей самостоятельностью в вопросах распоряжения земельными участками. При этом предусмотреть ответственность должностных лиц за предоставление гражданам участков, не отвечающих предъявляемым требованиям.
5. Предусмотреть контроль по установлению экономически обоснованной кадастровой стоимости земельных участков, составляющей налоговую базу по земельному налогу.
6. Модернизация существующей судебной системы, путем создания специализированных судов по рассмотрению земельных споров.

Таким образом, необходимо системное решение по вопросам регулирования оборота земельных ресурсов, направленное на устойчивое социально-экономическое развитие страны, стабилизацию наиболее важных видов хозяйственной деятельности и охрану окружающей среды.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3018.
5. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.
6. Федеральный закон от 23.06.2014 N 171-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 26. – Ст. 3377.
7. Постановление Правительства РФ от 09.04.2022 N 629 (ред. от 02.11.2024) «Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022–2024 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы» // СЗ РФ. . – 2022. – № 16. – Ст. 2671.
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. N 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 1.
9. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е.Н. Абанина, Н.Н. Аверьянова, Е.С. Болтанова; под общ. ред. А.П. Анисимова. – Москва: Юстицинформ, 2020. – 800 с.
10. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 году // Росреестр, сост. Скуфинский О.А. [и др.] // Москва: Росреестр, 2024.
11. Еремеев, В.Ф. Повышение экономической эффективности сельскохозяйственных предприятий путем ввода в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения / В.Ф. Еремеев, Н.А. Желтовских. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 4 (451). – С. 375–377.
12. Калинин, Д.Н. Понятие и элементы оборота земельных участков / Д.Н. Калинин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 16 (515). – С. 195–197.

LAND TURNOVER AND THE NEED FOR ITS REGULATION

Yemelyanov E.A.

University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC

Annotation The article discusses the concept and the main elements of land turnover. The question is raised about the need to regulate

the turnover of land, including agricultural land, in the doctrine of civil and land law. The role of administrative and legal norms in ensuring the legality of land turnover is noted. The purpose of this article is to find solutions aimed at improving the legal regulation of land turnover. The main research methods used are: analysis of normative legal acts, systematic and integrated approaches. Results: the author's analysis of statistical data on the composition of the land fund of the Russian Federation, forms of ownership, as well as a review of changes in Russian legislation leads to the conclusion that it is necessary to constantly improve the legal norms of land and civil legislation. A review of data on state land control allows us to identify the main types of violations of the requirements of compliance with land legislation in the Russian Federation, and take the necessary measures of legal responsibility in order to involve unused land in circulation. Conclusions: It is concluded that a systematic solution is needed to regulate the turnover of land resources. It is proposed to optimize the system of legal protection of relations in the sphere of land turnover by: adopting the Concept of Development of land Legislation; modernization of the existing judicial system; control over the establishment of an economically justified cadastral value; granting greater independence to local governments in matters of land management.

Keywords: land plot; turnover of land plots; agricultural lands; local governments; responsibility for violations of legislation.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // SZ RF. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // SZ RF. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
3. The Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001, No. 136-FZ // SZ RF. – 2001. – No. 44. – Art. 4147.
4. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ // SZ RF. – 2002. – No. 1. – Art. 3018.
5. Federal Law of 24.07.2002 N 101-FZ (as amended on 08.08.2024) «On the Circulation of Agricultural Land» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3018.
6. Federal Law of 23.06.2014 N 171-FZ (as amended on 13.06.2023) «On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SZ RF. – 2014. – No. 26. – Art. 3377.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 09.04.2022 N 629 (as amended on 02.11.2024) «On the specifics of regulating land relations in the Russian Federation in 2022–2024, as well as on cases of establishing preferential rent under lease agreements for land plots in federal ownership, and the amount of such rent» // SZ RF. . – 2022. – No. 16. – Art. 2671.
8. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 December 2023 N 44 «On some issues arising in judicial practice when applying the rules on unauthorized construction» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2024. – No. 1.
9. Actual problems of the theory of land law in Russia: monograph / E.N. Abanina, N.N. Averianova, E.S. Boltanova; under the general editorship of A.P. Anisimov. – Moscow: Yustitsinform, 2020. – 800 p.
10. State (national) report on the state and use of land in the Russian Federation in 2023 // Rosreestr, compiled by Skufinsky O.A. [and others] // Moscow: Rosreestr, 2024.
11. Ereemeev, V.F. Increasing the economic efficiency of agricultural enterprises by putting unused agricultural land into circulation / V.F. Ereemeev, N.A. Zheltovskikh. – Text: direct // Young scientist. – 2023. – No. 4 (451). – P. 375–377.
12. Kalinin, D.N. Concept and elements of land turnover / D.N. Kalinin. – Text: direct // Young scientist. – 2024. – No. 16 (515). – P. 195–197.

Ефимова Любовь Андреевна,

аспирант кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по фандрайзингу Фонда поддержки инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата «Преодолей-ка»
E-mail: zubarevo@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках исследования наследственного механизма, организованного Благотворительным фондом «Лаборатория ДОБРА» и является его неотъемлемой частью. Цель исследования – изучить организационные, правовые и финансовые особенности применения наследственного механизма в некоммерческой сфере. 25 октября 2024 года прошла первая конференция в рамках проекта «Наследственный механизм». Цель конференции – познакомить участников с особенностями передачи наследства на благотворительные цели и обсудить возможности внедрения наследственного механизма в организационные процессы некоммерческих организаций.

В статье представлены основные данные о социально важном для России явлении – меценатстве, о его трансформации и ответе на активно развивающийся некоммерческий сектор. Затронуты вопросы мотивации меценатов, особенностях взаимодействия с НКО и взаимных ожиданиях от сотрудничества. Рассмотрены особенности меценатства и наследственного механизма в странах БРИКС. При подготовке статьи использованы открытые данные отчетов и исследований Frank RG, Private Benchmark, 2021. Frank RG, Philin Philgood, 2022. Sber Private Banking и Frank RG, 2023. Sber Private Banking, Philin Philgood и Frank RG, 2022. Филантропия и социальные инвестиции стран БРИКС, 2022. Учитывая, что дореволюционная Россия имеет богатый опыт и традиции меценатства и филантропии, данная статья не исследует исторический период до 1917 года, а охватывает современный горизонт.

Ключевые слова: НКО, наследственный механизм, благотворительность, современный меценат, особенности применения наследственного механизма в некоммерческой сфере.

Введение

В России неуклонно растет размер средств, направляемых меценатами на благотворительные цели. Так, согласно отчетам Sber Private Banking и Frank RG в 2021 году некоммерческий сектор получил 380 млрд руб., в 2022 году – 405 млрд руб., а в 2023 году уже 436 млрд руб. Вместе с тем, отмечается, что до 37% на КСО и благотворительность тратят владельцы капитала, размером от 1 млн. долларов США. От 20% до 40% объемов сборов некоммерческих организаций составляют пожертвования от крупных доноров. А с ростом капитала мецената растет вовлеченность в филантропическую активность и размер средств, направляемый частными лицами на благотворительность (рис. 1).

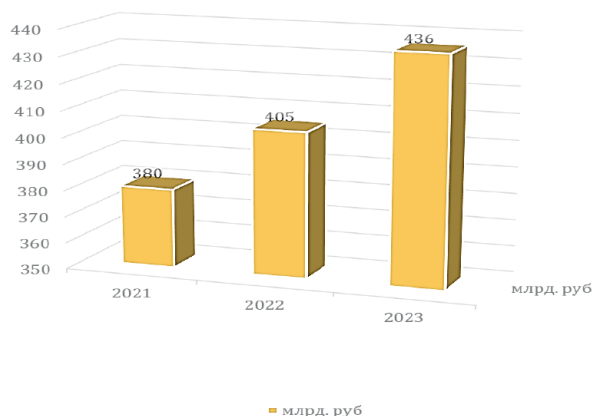

Рис. 1. «Размер средств, направленных на благотворительные цели»¹

В связи с этим наиболее интересно рассмотреть портрет современного мецената. Это позволяет понять, кто именно поддерживает НКО, какими мотивациями руководствуются эти люди и как их предпочтения меняются со временем.

Характеристика современного мецената

Меценат – это не обязательно обладатель очень крупного капитала, в современных условиях можно выделить следующую градацию благосостояния:

- UHNWI-филантропы с размером капитала от 30 млн долларов США, размещенным на банковских счетах и в инвестиционных инструментах;
- HNWI-филантропы с размером капитала от 1 млн долларов США, размещенным на бан-

¹ Источники данных Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней, 2022. Профессиональная благотворительность в России 2023. <https://frankrg.com/>

ковских счетах и в инвестиционных инструментах;

- Состоятельные филантропы с размером капитала от 6 млн рублей, размещенным на банковских счетах и в инвестиционных инструментах. Возраст и пол меценатов на протяжении последних двух лет изменился:

Так в 2022 году 65% меценатов это мужчины и 25% женщины, при это основная возрастная группа 46–60 лет – 41%, 31–45 лет – 28%, старше 60 лет–27%, до 30 лет –4%. В 2023 году портрет сместился в женскую аудиторию и составил 59%, против 41% мужской.

При этом неизменным остается способ поддержки и участия в проектах и инициативах некоммерческих организаций:¹

- 70% меценатов предпочитают жертвовать денежные средства;
- 66% предпочитают оказывать прямую помощь;
- 62% участвуют в мероприятиях;
- 41% организывают гуманитарную помощь;
- 36% помогают экспертизой;
- 31% участвуют в управлении НКО;
- 28% отдают предпочтение социальному предпринимательству;
- 23% вкладывают время.

Мотивация мецената

Мотивация участия российских состоятельных меценатов представлена многообразием социальных факторов, чувством автономии, стимулами, внешними и внутренними факторами, религиозными убеждениями, представленными в Рис. 2. При этом, преобладающими мотивационными составляющими являются желание помочь решить определенную проблему (58%) и пожертвования на лично важную для мецената тематику (35%). Что может говорить о российских меценатах, как исключительно неравнодушных, вдумчивых людях, способных к сопереживанию.

Рис. 2. «Мотивация для участия в благотворительности»²

¹ Примечание автора. Данные исследуемых групп пересекаются в различных формах участия. Один и тот же меценат может принимать участие в нескольких формах.

² Источники данных. Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней,

Направления поддержки

Интересы и направления поддержки российских меценатов вариативны, меняются в связи с личными приоритетами и внешними факторами. Меценатство постепенно переходит к осознанию работы в публичном пространстве, с целью «заразить идеей» знакомых, привлечь единомышленников, обеспечить обмен опытом и практиками в благотворительности. Филантропы готовы объединяться, так как считают, что это позволит масштабировать благотворительные проекты. Вовлечение семьи в благотворительность также становится немаловажной составляющей, когда принятие решений происходит на «семейном совете», а передача интереса к благотворительности следующим поколениям, наследникам, как залог того, что начатое дело продолжится даже после кончины самого мецената.

Основные направления поддержки включают лечение заболеваний детей и детей-инвалидов, медицину, образование, науку и искусство, экологические проекты, помощь животным, развитие спорта. Основным фокус поддержки российскими меценатами представлен на Рис. 3. Следует отметить, что в 2022–2023 годах тренды сместились в сторону поддержки уязвимых групп населения и территорий после ликвидации чрезвычайных ситуаций. Это может свидетельствовать о чувствительности меценатов как к турбулентности внешней среды, так и к смене внутренних мотивов поведения. Кроме того, появился интерес к поддержке системных проектов, уменьшился фокус на адресную помощь, что может говорить о смене парадигмы меценатства в сторону осознанности и бизнес-подхода. Это подтверждают данные интервью состоятельных филантропов³, которые задумываются о построении благотворительной стратегии, при выборе фонда для поддержки на первое место становится доверие и репутация фонда.

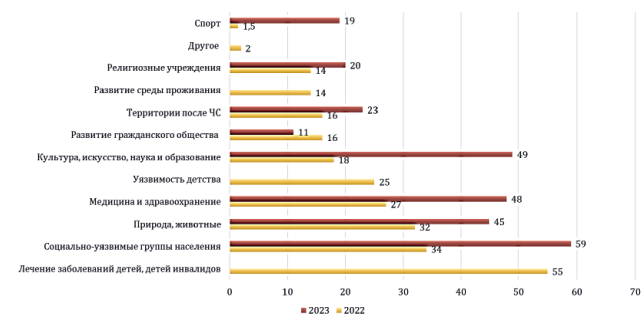

Рис. 3. «Фокус поддержки 2022–2023»⁴⁵

2022. Профессиональная благотворительность в России 2023. <https://frankrg.com/>

³ Источник данных: Frank RG, Philin Philgood, результаты интервью с состоятельными филантропами: 2 UHNWI, 6 HNWI, 2 владельца бизнеса, топ-менеджера.

⁴ Источники данных: Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней, 2022. Профессиональная благотворительность в России 2023. <https://frankrg.com/>

⁵ Примечание автора. Диаграмма показывает фокус меценатов по направлениям поддержки в 2022 и 2023 гг. При этом исходя из специфики ответов опрашиваемых меценатов неко-

Зарубежный опыт меценатства

В сравнении со странами БРИКС у российских меценатов огромный выбор направлений поддержки некоммерческих организаций и отсутствие как таковых законодательных ограничений при выборе направления и вида НКО. Рассмотрим некоторые особенности меценатства в БРИКС.

При нынешнем составе БРИКС в странах объединения проживает более 45% населения планеты, и на долю их экономик приходится почти 36% мирового ВВП. На начало 2024 года в странах БРИКС насчитывалось 1,6 миллиона физических лиц с инвестиционными активами более 1 млн долларов США (рис. 4). Ожидается, что число миллионеров в БРИКС в течение следующих десяти лет вырастет на 85%. Вместе с ростом числа лиц с высоким уровнем дохода ожидается, что участие в благотворительности также увеличится¹. Вместе с тем меценаты стран БРИКС занимаются благотворительностью в своем, отличном от российского, правовом поле, с рядом особенностей и ограничений. Например, в Бразилии 80% поддержки приходится на образование, социальное обслуживание и экологические проекты. Среди подписантов Клятвы дарения – два представителя страны. В Индии на благотворительность состоятельных семей и людей приходится около 20%. Большую их часть обеспечивает Азим Премджи. Среди подписантов Клятвы дарения – четыре представителя страны. В Китае можно поддерживать НКО, одобренные Правительством. Среди подписантов Клятвы дарения – три представителя страны. В ЮАР наблюдается непрозрачность донорского сектора. Ключевые направления пожертвований частных доноров – удовлетворение базовых потребностей бедного населения. Среди подписантов Клятвы дарения – один представитель страны².

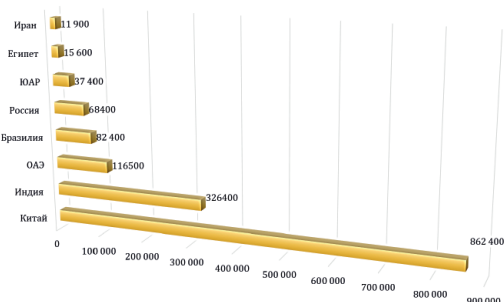

Рис. 4 «Количество состоятельных людей в странах БРИКС»³

торые направления поддержки 2022 г. в опросе 2023 г. названы иначе или объединены в одну группу. Например, «лечение заболеваний детей, детей инвалидов и «уязвимость детства» 2022 г., частично перешли в группы «медицина и здравоохранение», «социально-уязвимые группы населения». Поэтому диаграмма не свидетельствует о том, что фокус 2023г не включает направления 2022 г.

¹ Источник данных консалтинговая фирма по инвестиционной миграции Henley & Partners

² Источник данных Филантропия и социальные инвестиции стран БРИКС, 2022

³ Источник данных консалтинговая фирма по инвестиционной миграции Henley & Partners

Клятва дарения – это инициатива, призывающая состоятельных людей, предпринимателей и меценатов обязываться перед обществом жертвовать значительную часть своего состояния на благотворительность. По состоянию на август 2020 года это обязательство подписали 241 человек из 29 стран. Обещания оцениваются не менее чем в 600 миллиардов долларов. В списке подписавших клятву один представитель России – Владимир Потанин⁴.

Особенности российского меценатства

Исходя из проанализированных данных портрета российского мецената, мотивах поведения, способах взаимодействия с НКО можно говорить о том, что современное меценатство в РФ это:

- не донорство, а социальное инвестирование;
- проявление интереса к эффективности пожертвований;
- осознание важности вклада в развитие общества;
- ожидания профессионального роста некоммерческого сектора;
- выстраивание взаимоотношений на принципах партнерства;
- ожидание абсолютной прозрачности поддерживаемых НКО;
- построение новых моделей финансирования через фонды целевого капитала;
- включение в благотворительную стратегию наследственного механизма.

Наследственный механизм в России и зарубежом

Наследственный механизм в России явление достаточно новое, находится на этапе развития и становления. Некоммерческий сектор приводит лишь единичные примеры принятия в наследство различного имущества и денежных средств. Например, Фонд «Подари жизнь», который использует передаваемые в наследство квартиры для проживания лиц, приезжающих на лечение. Опыт НКО в построении взаимодействия в сфере наследования недостаточен, чтобы говорить о массовости данного механизма. Так, только 4 из 14 опрошенных НКО имели опыт с получением завещания в пользу фонда, при этом 1 НКО имела негативный опыт. Лишь 6% опрошенных состоятельных филантропов составляли завещание в пользу благотворительного фонда. Тогда как, завещания в пользу НКО стали ключевой частью британской благотворительной деятельности и ежегодно приносят 3,4 миллиарда фунтов стерлингов, что составляет 16% от всех сборов британскими благотворительными организациями. В США завещания составляют 9% от всех пожертвований или 46 млрд долл. За последние 20 лет средняя доля завещаний, включающих благотворительное пожертвование, выросла на 24%.

⁴ Источник данных https://ru.wikipedia.org/wiki/Клятва_дарения

И как итог, наследственные пожертвования включены в 16% (каждое шестое) завещаний.

Зарубежный опыт показывает, что наследственный механизм может быть эффективным средством долгосрочного финансирования для НКО, особенно в тех случаях, когда меценаты желают продолжать свою филантропическую деятельность и после ухода из жизни. Для этого НКО необходимо включать в фандрайзинговую стратегию фонда этот новый для российских реалий инструмент.

Направления внедрения наследственного механизма в стратегию развития НКО

Для успешного интегрирования наследственных пожертвований в стратегическое планирование и организационные процессы НКО необходимо выстраивать как взаимоотношения с меценатом, так и обеспечить свое развитие по следующим направлениям:

- обеспечение финансовой и организационной устойчивости НКО, способности к долгосрочному управлению активами. Это основа выстраивания последовательного фандрайзинга. НКО должна быть как финансово, так и организационно устойчива, чтобы меценат был уверен в том, что его средства будут использоваться эффективно и в соответствии с его волей. Для этого необходимо разрабатывать долгосрочные планы и цели по привлечению наследственных пожертвований, что помогает сделать организацию более устойчивой и независимой от внешних факторов. Оптимизировать организационную структуру, что позволит наиболее эффективно управлять внутренними активами, минимизируя риски нецелевого использования средств. Инвестировать в профессиональное развитие сотрудников – обучение специалистов в области управления активами и созданием личных фондов;
- прозрачность и подотчетность деятельности. Современные меценаты ждут от НКО полной прозрачности в использовании средств и профессионального подхода к управлению активами. НКО должна регулярно публиковать отчеты о проделанной работе, демонстрировать результаты реализации проектов, проводить оценку эффективности реализации проектов, показывая какой социальный эффект несет деятельность организации и обеспечивать аудит финансовой деятельности. Это не только повышает доверие меценатов, но и помогает привлечь новых социальных инвесторов;
- формирование долгосрочных и доверительных отношений с меценатом. При этом важно работать не только с самим меценатом, но и с его окружением, наследниками, чтобы обеспечить долгосрочную поддержку и после ухода мецената из жизни. НКО может использовать успешные примеры работы с наследственными пожертвованиями, чтобы продемонстрировать меценатам и наследникам возможности и преимущества такого влияния;

- адаптивность и гибкость подходов при работе с разными типами меценатов. Современные меценаты значительно различаются по своим мотивам, размеру капитала и постоянным направлениям поддержки. Чтобы эффективно взаимодействовать с ними, НКО должна адаптировать свои подходы в зависимости от характеристик меценатов. Например, меценаты старшего поколения часто отдают предпочтение традиционным формам поддержки, таким как передача недвижимости или денежных средств. С этим поколением важно усилить доверие, обеспечить стабильность и долгосрочные результаты работы. Молодое поколение всё больше склоняется к поддержке социально-ориентированных проектов, креативных инициатив. Для них важно видеть непосредственное влияние их вложений на общество и прозрачность процессов, поэтому для этой группы будет важна быстрая обратная связь и информация об использовании средств;
- стимулирование наследственного пожертвования через программы партнерства. Одним из перспективных направлений является создание партнерских программ, в которых НКО может взаимодействовать с юридическими лицами для привлечения наследственных пожертвований. В этом случае НКО играет роль посредника и консультанта, предоставляя меценатам информацию о юридических инструментах для передачи активов, таких как завещания, наследственные договоры и личные фонды. При этом партнерские программы можно разрабатывать с такими организациями как: юридические компании – предоставляют правовое ядро для меценатов при создании завещаний и передачи активов, финансовые организации – предложения по управлению активами и инвестированию средств меценатов, страховые компании – разработка договоров страхования жизни, включающих благотворительные условия для наследников и НКО. Именно партнёрские отношения позволяют НКО предлагать меценатам комплексные решения, которые охватывают все этапы последующего планирования и обеспечат долгосрочную поддержку;
- повышение осведомленности о наследственном механизме с помощью образовательных инициатив. Наследственный механизм в России пока не получил широкого распространения, и во многом это связано с недостаточной осведомленностью как меценатов, так и НКО о возможных преимуществах наследственных пожертвований. Поэтому одной из задач НКО является повышение образованности посредством образовательных программ и инициатив.

Заключение

Таким образом, интеграция наследственного механизма позволит НКО выстраивать стабильную модель развития, способную обеспечить долгосроч-

ную поддержку общественных инициатив. Наследственный механизм может стать не только основанием для финансирования НКО, но и новым этапом в развитии благотворительности в России, который позволит меценатам более активно включаться в системные, долгосрочные проекты некоммерческих организаций. С учетом того, что в РФ 68400 состоятельных людей, чьи капиталы исчисляются миллионами долларов, то «рынок наследования» является ограниченным, поэтому НКО, претендующие на наследование, должны быть конкурентны и привлекательны для потенциального мецената.

Литература

1. Sber Private Banking и Frank RG «Профессиональная благотворительность в России», 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii-2023> (Дата обращения: 20.10.2024)
2. Sber Private Banking, Philin Philgood и Frank RG «Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней», 2022 URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii> (Дата обращения: 20.10.2024)
3. Ассоциация грантодающих организаций «Форум Доноров» и Центр исследований филантропии и социальных программ бизнеса Уральского федерального университета «Филантропия и социальные инвестиции стран БРИКС», 2022 URL: <https://www.donorsforum.ru/materials/brics-philanthropy/> (Дата обращения: 20.10.2024)
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Клятва_дарения (Дата обращения: 20.10.2024)
5. Henley & Partners «Отчет о благосостоянии стран БРИКС», 2024 URL: <https://www.henleyglobal.com/publications/brics-wealth-report> (Дата обращения 20.10.2024)
6. India Philanthropy Report 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bain.com/insights/india-philanthropy-report-2021/> (Дата обращения: 20.10.2024)
7. Hurun China Philanthropy List 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=TUP87P75SEX3> (Дата обращения: 20.10.2024)
8. Spero, Joan E. Charity and Philanthropy in Russia, China, India and Brazil. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (Дата обращения: 20.10.2024)
9. Tendai Murisa, Global Philanthropy Tracker 2020: South Africa, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/26132/south-africa-report21.pdf> (Дата обращения: 20.10.2024)
10. The Secret Sauce of Asian Philanthropy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chandlerfoundation.org/social-investor/the-secret-sauce-of-asian-philanthropy>

saucе-of-asian philanthropy (Дата обращения: 20.10.2024)

PORTRAIT OF A MODERN SPONSOR AND HEREDITARY MECHANISM

Efimova L.A.

Lomonosov Moscow State University

The article was prepared as part of research of the hereditary mechanism, organized by the Charity Foundation "Laboratory of GOOD" and is an integral part of it. The purpose of the research is to study the organizational, legal and financial features of the application of the hereditary mechanism in the non-profit area. The first conference was held on October 25, 2024, as part of the Hereditary Mechanism project. The purpose of the conference is to introduce the specifics of heritage transfer for charitable purposes to participants and to discuss the possibilities of introducing hereditary mechanism into the organizational processes of non-profit organizations.

The article presents main data about charity which is socially important in Russia, about its transformation as a response to the actively developing non-profit sector. The article covers issues of motivation of sponsors, the specifics of interaction with NPOs and mutual expectations from cooperation. The features of sponsorship and the hereditary mechanism in the BRICS countries are considered. The article uses open data from Frank RG reports and research, Private Benchmark, 2021. Frank RG, Philin Philgood, 2022. Sber Private Banking and Frank RG, 2023. Sber Private Banking, Philin Philgood and Frank RG, 2022. Philanthropy and social investments of the BRICS countries, 2022. Pre-revolutionary Russia has a rich experience and traditions of patronage and philanthropy, this article does not explore the historical period before 1917, but covers the modern horizon.

Keywords: NPO, hereditary mechanism, charity, modern sponsor, features of the application of the hereditary mechanism in the non-profit area.

References

1. Sber Private Banking and Frank RG "Professional Charity in Russia", 2023 [Electronic resource]. URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii-2023> (Accessed: 20.10.2024)
2. Sber Private Banking, Philin Philgood and Frank RG "The Sphere of Professional Philanthropy in Russia and the Role of Major Philanthropists in It", 2022 URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii> (Accessed: 20.10.2024)
3. Association of Grant-Giving Organizations "Donors Forum" and the Center for Research on Philanthropy and Social Programs of Business of the Ural Federal University "Philanthropy and Social Investments of the BRICS Countries", 2022 URL: <https://www.donorsforum.ru/materials/brics-philanthropy/> (Accessed: 20.10.2024)
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Одѣтва_данія (Accessed: 20.10.2024)
5. Henley & Partners «BRICS Wealth Report», 2024 URL: <https://www.henleyglobal.com/publications/brics-wealth-report> (Accessed: 20.10.2024)
6. India Philanthropy Report 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.bain.com/insights/india-philanthropy-report-2021/> (Accessed: 20.10.2024)
7. Hurun China Philanthropy List 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=TUP87P75SEX3> (Accessed: 20.10.2024)
8. Spero, Joan E. Charity and Philanthropy in Russia, China, India and Brazil. [Electronic resource]. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (Accessed: 20.10.2024)
9. Tendai Murisa, Global Philanthropy Tracker 2020: South Africa, 2021. [Electronic resource]. URL: <https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/26132/south-africa-report21.pdf> (Accessed: 20.10.2024)
10. The Secret Sauce of Asian Philanthropy. [Electronic resource]. URL: <https://www.chandlerfoundation.org/social-investor/the-secret-sauce-of-asian-philanthropy> (Accessed: 20.10.2024)

Механизм межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права на примере признания недействительными антисоциальных сделок по коррупционным делам

Журавлева Мария Александровна,

аспирант Института государственной службы и управления
РАНХиГС (г. Москва)
E-mail: ZhuravlevaMA16@yandex.ru

В статье рассматриваются практические и теоретические аспекты межотраслевого взаимодействия норм гражданского и уголовного права на примере судебной практики о признании антисоциальных сделок недействительными; Автор рассматривает вопросы соотношения реституции как меры гражданско-правовой ответственности и конфискации как меры уголовно-правовой ответственности с точки зрения действия принципа «*non bis in idem*» а также духа и буквы гражданского и уголовного закона. Рассматриваются проблемы гражданско-правовой квалификации антисоциальных сделок, соотношения реституции и конфискации как меры уголовно-правового воздействия, а также применения к таким сделкам сроков исковой давности. Приводятся примеры использования межотраслевого метода правового регулирования в практике Верховного и Конституционного суда Российской Федерации. Делается вывод о формировании в современном гражданском праве института частноправовой защиты публичных интересов, нарушенных в результате совершения преступлений.

Ключевые слова: межотраслевое взаимодействие, гражданское право, уголовное право, принцип «*non bis in idem*», антисоциальная сделка, основы правопорядка и нравственности, ничтожная сделка, коррупционная сделка, получение взятки, исковая давность, реституция, конфискация, публичный интерес, частноправовая защита публичных интересов.

Со времен римского права известен общеправовой принцип – «*non bis in idem*» (того же самого), недопустимости двойной ответственности за одно и то же преступление. Он происходит из общей концепции справедливости и является аналогом гражданско-правовой концепции *res judicata*.

Во многих странах этот принцип не позволяет повторно преследовать человека за одно и то же правонарушение (а иногда и за то же поведение, факты или основание для иска). Пятая поправка к Конституции США гласит: «никто не должен подвергаться повторному уголовному преследованию за одно и то же правонарушение». [6] В Конституции Российской Федерации содержится аналогичное правило: «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (часть 1 статьи 50). На практике указанный принцип был подробно отражен в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 19 марта 2003 года № 3-П¹. В указанном постановлении разъяснено действие принципа исключительно в рамках уголовного законодательства когда не допускается двойной учет одних и тех же обстоятельств при одновременном применении общих и специальных норм.

Вышеуказанный принцип неверно понимается некоторыми авторами, как невозможность считать одно деяние преступлением и иным правонарушением, поскольку они взаимно исключают друг друга. Отчасти это верно, например, в вопросах разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений. Однако, в сфере гражданско-правового регулирования, событие преступления одновременно может быть основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности. Это связано с тем, что восстановление нарушенных прав и интересов, в том числе публичных, не всегда достигается исключительно привлечением виновного лица к уголовной ответственности, а, зачастую, требует и компенсации причиненного ущерба.

Традиционно, в науке гражданского и уголовного права широко разработана тема деликтных обязательств, в рамках которых преступление признается классическим деликтом, влекущим гражданско-правовую ответственность. Однако, гражданское право регулирует не только деликт-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. N 3-П <https://internet.garant.ru/#/document/1352925/paragraph/23/doclist/3769/1/0/0/Постановление%20Конституционного%20суда%20от%2019%20марта%202003%20года%20№%203-П:2>

ные обязательства, но и договорные. Вот взаимодействие уголовного права с договорным правом в том контексте, что преступление одновременно признавалось бы сделкой, хоть и противоправной, всегда сталкивалось с теоретическими и практическими проблемами. Решение этих проблем видится в более широком применении межотраслевого метода правового регулирования.

В последнее десятилетие получила широкое распространение практика признания коррупционных преступлений, в частности взяток, в качестве ничтожных сделок и применения последствий их недействительности в форме не классической реституции, а изъятия в публичных интересах. Такие иски заявляются прокуратурой в интересах государства и вытекают из двух основных норм:

1. из гражданского права: в соответствии со ст. 169 ГК РФ, сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 Кодекса. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

2. из уголовного права: Статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность конфисковать (принудительно безвозмездно изъять и обратить в собственность государства) у обвиняемого имущество в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных, в том числе и ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации на основании обвинительного приговора суда.

Поскольку в определенных случаях возможность конфискации предмета взятки в порядке уголовного судопроизводства по разным причинам может быть утрачена, по мнению правоприменителя, выход на «конфискацию» в гражданско-правовом смысле является единственным рабочим механизмом восстановить нарушенные права.

Однако, с момента формирования подобной практики в науке гражданского права ведутся споры о соотношении реституции и конфискации (статья 243 Гражданского кодекса РФ), как мер гражданско-правовой ответственности и конфискации, являющейся мерой уголовно-правовой ответственности. Большинство авторов, небезосновательно, утверждают, что разная правовая природа этих явлений не позволяет применять в гражданском процессе конфискационные нормы уголовного права.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо, рассмотреть гражданско-правовую природу взятки как гражданско-правовой сделки.

К сожалению, гражданское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих вопросы недействительности коррупционных сделок, в том числе не предусматривает специальные правила применения сроков исковой давности или

особые условия изъятия всего полученного по такой сделке в доход государства.

Вместе с тем, нет и оснований, препятствующих признанию таких преступлений сделками в гражданско-правовом смысле. Дело в том, что в соответствии со ст. 153 Гражданского кодекса РФ сделками признаются «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Действия по передаче взятки и ее получению соответствует гражданско-правовой природе сделок, поскольку создают для лица возможность владеть, пользоваться и распоряжаться предметом взятки. Между взяткодателем и взяткополучателем действительно создается целый комплекс прав и обязанностей, несмотря на то что форма такой сделки, как правило, не является письменной, а совершается в форме, своего рода, конклюдентных действий. В этом смысле такая сделка, как и любая другая, может быть признана недействительной. Это порождает определенные проблемы в правоприменительной практике:

Во-первых, если мы рассматриваем взятку как гражданско-правовую сделку, возникает резонный вопрос какие именно действия есть сделка? действия по передаче взятки? или по ее получению? Или обе составляющие имеют место быть, поскольку сделка двусторонняя? В этом вопросе в судебной практике нет единства. Одни суды придерживались следующего подхода: «передача взяткодателем денег или ценного имущества взяточнику означает передачу возможностей по владению, пользованию и распоряжению ими. Следовательно, коррупционное действие имеет гражданско-правовую составляющую, которая позволяет привести в действие правовой механизм недействительности сделок». Указанный подход, присутствует, в частности и в деле, рассмотренном Верховным судом Российской Федерации (определение от 13.06.2023 № 88-КГ23-2-К8), в котором прокурор оспаривал в качестве антисоциальной сделки действия по передаче сделке, и нижестоящие суды указанные требования удовлетворили. При этом сам Верховный Суд в указанном деле не высказался в части неверности подхода нижестоящих судов, и это можно понимать, как согласие с позицией: сделкой стоит считать одностороннее действие по передаче взятки.

В других делах, суды признают в качестве антисоциальной сделки действия по получению взятки и такие решения так же не отменяются вышестоящими судами.

Во-вторых, важно разобраться необходимо ли для признания наличие противоправного умысла обеих сторон? Многие авторы справедливо полагают, что один из участников может быть не осведомлен о противоправности своих действий, будучи введенным в заблуждение.

Во-третьих, необходимо четко разграничить оспоримые сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта (ст. 168 Гражданского кодекса РФ) и ничтожные сделки, совершен-

ные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (статья 169 Гражданского кодекса РФ). Если в первом случае мы говорим о недействительной сделке, то во втором случае мы изначально исходим из ее ничтожности. Верховный суд исходит из того, что если на совершение действия наложен уголовно-правовой запрет, то к сделке однозначно применяется правило ст. 169 Гражданского кодекса РФ

В-четвертых, основной проблемой применения статьи 169 Гражданского кодекса РФ всегда была определенная терминологическая неясность в части двух базовых терминов: «основы правопорядка» и «нравственность». Если в первом случае мы можем обратиться к общей теории права, то в случае с «нравственностью» речь идет скорее о философском термине. Это делает процесс толкования субъективным и, не удивительно, что еще 5–10 лет назад суды эту норму или не применяли, или проявляли особую осторожность в трактовках. Что было обоснованно, учитывая особо жесткие санкции статьи.

Спор о терминах возник не на пустом месте. Некоторые авторы, например, Покровский И.А. выступали с жесткой критикой вышеуказанных критериев, считая их неправовыми с момента их введения [4. С. 251, 253].

Безусловно, и сама конструкция статьи 169 Гражданского кодекса не совсем удачна. По нашему мнению, основным правовым критерием недействительности должны быть не столько цель, сколько последствия в виде ущерба, нанесенного объекту правовой охраны (основы правопорядка и нравственности). Такие последствия могут иметь место и в отсутствие указанной цели.

В современных социально-экономических условиях не все сделки соответствуют законодательству, а некоторые прямо нарушают нормы международного права. Речь идет, прежде всего, о сделках, заключаемых в обход режима экономических санкций. С одной стороны, эти сделки формально противоречат основам правопорядка, с другой стороны государство относится к ним как к инструменту обеспечения экономической стабильности, которая была бы нарушена, если режим санкций заработал в соответствии с основным замыслом. Учитывая количество таких сделок, заключенных в последние годы, массовое признание их антисоциальными привело бы к нарушению стабильности гражданского оборота.

Безусловно, взятка – явление социально опасное, противоречащее как закону, так и нормам морали и нравственности. Согласно Определению Конституционного суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О «квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит – заведомо и очевидно для участников гражданского оборота – основам правопорядка и нравственности».

Вернемся к Определению Верховного суда Российской Федерации от 13 июня 2023 года по делу № 88-КГ23–2-К8¹. В указанном деле суды нижестоящих инстанций признали действия ответчика по получению взятки – ничтожной сделкой и применили последствия недействительности в форме изъятия всего полученного по сделке в доход государства. Как указал Верховный суд: «в соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В силу части 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное данным кодексом под угрозой наказания. При этом признание лица виновным в совершении преступления и назначение ему справедливого наказания по нормам Уголовного кодекса Российской Федерации сами по себе не означают, что действиями осужденного не были созданы изменения в гражданских правах и обязанностях участников гражданских правоотношений, а также не означают отсутствия необходимости в исправлении таких последствий... если сделка совершена с целью, противной основам правопорядка и нравственности, что очевидно в случае ее общественной опасности и уголовно-правового запрета, такая сделка является ничтожной в силу статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна».

Суды в подобных делах ссылаются на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 8 июня 2004 г. № 226-О², в котором разъяснено понятие антисоциальной сделки. Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ «статья 169 ГК Российской Федерации особо выделяет опасную для общества группу недействительных сделок – так называемые антисоциальные сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности. Квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит – заведомо и очевидно для участников гражданского оборота – основам правопорядка и нравственности. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий».

В целом, перспективы применения норм о недействительности ничтожных сделок как некое «продолжение» уголовных дел – весьма обширны. Как разъяснено в пункте 85 постановления

¹ https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2264750

² <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039688>

Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», «в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми»¹.

То есть любое уголовное дело по вышеуказанным составам, при наличии в нем материальной составляющей, в перспективе будет рассмотрено в рамках гражданского процесса, а все полученное по таким «сделкам» будет изъято в доход государства.

Перспективы широкого применения гражданско-правовых норм к уголовным преступлениям вызывают определенное беспокойство в части соблюдения принципа законности.

Во-первых, правовой анализ большинства судебных решений по гражданским делам, связанным с признанием коррупционных сделок недействительными и взысканию всего полученного по ним в доход государства свидетельствует о том, что в основной массе они основаны на преюдициальных фактах, усыновленных вступившим в законную силу приговором суда по уголовному делу. Суды практически не обращаются к иным видам доказательств, предусмотренным в ст. 55 ГПК РФ, что существенно снижает стандарт доказывания по гражданскому делу.

Во-вторых, в указанных случаях мы наблюдаем пример неестественного межотраслевого взаимодействия, когда гражданско-правовые нормы используются для чисто уголовно-правовых задач, ведь большинство таких дел рассматривается в условиях, когда предмет взятки утрачен и не может быть конфискован в рамках уголовного дела.

В-третьих, многие авторы полагают, что применение взыскания по гражданскому делу и одновременная конфискация по уголовному делу является классическим случаем двойной ответственности и нарушением принципа «*non bis in idem*».

В-четвертых, не совсем ясно как применять к указанным правоотношениям правила о сроках исковой давности, поскольку одни суды применяют сроки, а другие нет.

Верховный суд Российской Федерации указанные опасения уловил, о чем свидетельствует судебная практика пересмотра указанных дел в 2023–2024 году.

Не подвергая сомнению возможность признания действий по получению взяток антисоциальными сделками, Верховный суд обратился к вопросу о соотношении реституции и конфискации, как мер гражданско-правовой ответственности и конфискации, как уголовно-правовой меры.

В обоих случаях имеет место фактическое изъятие в доход государства.

Юридически предметом конфискации являются «деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступлений», а предметом реституции – «все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно».

При этом в статье 169 Гражданского кодекса РФ сделана важная оговорка, в соответствии с которой изъять все полученное по такой сделке возможно, только «в случаях, установленных законом». Таким образом, мы видим отсылочную норму, свидетельствующую о том, что должен быть определен закон, устанавливающий основания такого изъятия. Является ли таким законом по смыслу статьи 169 ГК РФ, Уголовный кодекс Российской Федерации? Верховный суд ответил на этот вопрос отрицательно и в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 13.06.2023 № 88-КГ23–2-К8 и по иным аналогичным делам.

На примере таких дел можно проиллюстрировать практическое применение межотраслевого метода на практике.

В указанном определении Верховный суд подробно обосновал правовое отличие гражданско-правовой конфискации (статья 243 ГК РФ), как меры гражданско-правовой ответственности от конфискации, являющейся мерой уголовно-правовой ответственности. Основание для такого подробного толкования явилось то, что истец по рассмотренному гражданскому делу (Прокуратура Томского района Томской области) произвел расчет суммы компенсаций в доход государства в форме разницы между, собственно, суммой взятки и суммой конфискованных у ответчика ранее по уголовному делу денежных средств, ошибочно полагая, что одно идет в зачет другого.

В другом Определении от 12 марта 2024 года по делу № 69-КГ23–15-К7 Верховный суд указал следующее: «Конфискация имущества относится к иным мерам уголовно-правового характера (глава 15.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и согласно части 1 статьи 104.1 названного кодекса состоит в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, установленного в законе <...> Конфискация имущества, переданного в виде взятки, является мерой уголовно-правового характера и применяется на основании постановления суда, вынесенного по результатам рассмотрения уголовного де-

¹ <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8435/>

ла, а не решения суда по гражданскому делу. Применение принудительных мер уголовно-правового характера в порядке гражданского судопроизводства, тем более после вступления в законную силу приговора суда, которым определено окончательное наказание лицу, осуждённому за совершение преступления, является недопустимым, поскольку никто не может быть повторно осуждён за одно и то же преступление (часть 1 статьи 50 Конституции Российской Федерации)¹. Судом сделан однозначный вывод, что «гражданское судопроизводство не может использоваться для исправления недостатков и упущений уголовного процесса, если таковые имели место. Предусмотренная же статьёй 243 Гражданского кодекса Российской Федерации конфискация, не является мерой уголовно-правового характера, однако применяется только в случаях, предусмотренных законом».

Такой подход, по нашему мнению, будет способствовать более взвешенному и законному подходу правоприменителя к вопросам признания антицивицильных сделок, имеющих уголовно-правовую природу, недействительными и применению последствий их недействительности.

Однако Верховный суд так и не поставил точку в вопросах применения исковой давности по таким сделкам.

Совершенно неожиданно это сделал Конституционный суд Российской Федерации. Причем часть его выводов в части соотношения гражданско-правовых и уголовно-правовых механизмов защиты нарушенных прав и интересов вступает в некое противоречие с последней позицией Верховного суда.

31 октября 2024 года вышло Постановление Конституционного суда РФ № 49-П, в рамках которого проверялась конституционность гражданско-правовых норм, регулирующих сроки исковой давности, применительно к антицивицильным сделкам, в котором суд указал: «с одной стороны, целью установления сроков давности является обеспечение эффективности реализации публичных функций, стабильности правопорядка и рационализации деятельности правоприменителя; сохранение стабильности правовых отношений и гарантирование конституционных прав лица, совершившего деяние, влекущее правовые последствия»². При этом с другой стороны, суд полагает, что, если допустить использование сроков исковой давности в целях ухода от ответственности, без учета специфики конкретных правоотношений, это нарушит баланс частных и публичных интересов.

По мнению Конституционного суда, коррупционные преступления, являясь наиболее общественно опасными, требуют введения в законодательство особо жестких санкционных мер, среди которых основное место занимает обращение в доход государства имущества, приобретенного вследствие нарушения антикоррупционных требований. Поскольку на предмет соответствия Конституции рас-

сматривались нормы гражданского законодательства, то рассуждая о правовой природе обращения имущества в доход государства, Конституционный суд имел ввиду именно санкцию статьи 169 Гражданского кодекса РФ, а не конфискацию в ее уголовно-правовом понимании.

По мнению суда, в указанных делах очень важно исходить из презумпции незаконности происхождения имущества или денежных средств, если нет доказательств законности их происхождения. Обращение в доход государства такого «незаконного дохода», по сути своей, есть особая форма правового принуждения, которая, не являясь уголовно-правовой или административной, тем не менее направлена на борьбу с коррупцией. В указанной борьбе реализуется публичный интерес, это не ретитутция или какой-то иной способ защиты гражданских прав, который направлен исключительно на восстановление имущественного положения участников. Соответственно и применение к указанной мере публичного принуждения классических институтов гражданского права, например, исковой давности, в том виде в котором она применяется сейчас является не обоснованным.

По мнению Конституционного Суда, обращение в доход государства всего полученного по антицивицильной сделке, не отвечает признакам классической гражданско-правовой защиты субъективных прав. В широком смысле Конституционный суд поднял проблему соотношения частных и публичных интересов, которая давно разрабатывается в науке. [3. С. 5]

Однако, чем обоснован в данном случае выбор исковой формы гражданского судопроизводства для защиты публичных прав? Стоит предположить, что суд в данном случае исходил из того, что именно в рамках данной формы публичный интерес может быть защищён наиболее полно, что, однако, не свидетельствует по мнению суда о «частноправовой природе» указанных правоотношений. Это в свою очередь только подтверждает вывод М.Ю. Чельшева о том, что «гражданское право не является единственным регулятором экономической сферы». [5. с. 6]

Таким образом, можно сделать вывод, что Конституционный суд констатирует дуальную природу антикоррупционных сделок, относя их к особому виду ничтожных сделок, которые требуют специального правового регулирования, поскольку защищают не частный, а публичный интерес. По мнению суда, несмотря на то, что в случае изъятия имущества фактически прекращается право собственности на него, это вовсе не означает что институт обращения носит частноправовой характер.

Вместе с тем поскольку изъятие является принудительной мерой защиты публичного интереса, гарантии судебной защиты должны применяться в полном объеме. Однако, если говорить о сроках исковой давности, то в силу своей непродолжительности они в указанных правоотношениях не только не играют балансирующей роли, но и способствуют нарушению принципа неотвратимости ответ-

¹ https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2353824

² https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/

ственности. Они просто не рассчитаны на ситуации, при которых в гражданском обороте имеют место антисоциальные сделки коррупционной направленности.

По мнению Конституционного суда лица, совершающие коррупционные преступления не могут рассчитывать на законные средства защиты своих незаконных интересов.

Возникает обоснованный вопрос о соотношении сроков исковой давности по таким требованиям и сроков давности по самим преступлениям. На этот вопрос Конституционный суд не дает однозначный ответ, вместе с тем из совокупности выводов следует, что уголовно-правовой срок давности не может быть распространен на гражданско-правовые отношения. В связи с чем можно сделать вывод о том, что новые сроки исковой давности по антисоциальным сделкам, если они будут введены в законодательство, могут не только не совпадать со сроками давности по преступлениям, а, что весьма вероятно, превышать эти сроки. В связи с чем? В связи с тем, что, если в силу срока давности будет утрачена возможность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, публичный интерес будет в любом случае восстановлен в гражданско-правовом порядке. Что полностью соответствует принципу неотвратимости наказания.

Суд указал, что, применяя к антикоррупционным искам исковую давность в текущем виде, без учета их антикоррупционного профилактического значения, создается угроза нанесения вреда балансу конституционных ценностей. Суд рекомендовал законодателю при установлении соответствующих сроков учитывать тот факт, что они должны значительно превышать уже установленные сроки. Определяя лишь направление законодательного совершенствования, Конституционный суд оставил за законодателем право решать какими правовыми инструментами и в каком виде будут внесены новые специальные правила.

В связи с этим следует ожидать внесения соответствующих поправок в гражданское законодательство и изменение судебной практики в ближайшем будущем.

Таким образом, на примере правового регулирования антисоциальных сделок можно последовательно проследить межотраслевые связи гражданского и уголовного права. Являясь, по сути, двумя сторонами одной медали, такие сделки отражают механизм защиты публичного интереса государства уголовно-правовыми средствами с одной стороны и гражданско-правовыми с другой. В настоящей статье показано, как высшие судебные инстанции, истолковали нормы гражданского и уголовного закона по делам о взятках, используя не только букву, ну и дух закона, что, безусловно, является ярким примером применения межотраслевого метода на практике.

Однако, когда мы говорим об антисоциальных сделках, речь идет не только о взятках или коммерческих подкупах. Преступления в сфере отмы-

вания денег, финансирования терроризма, киберпреступления, совершенные в одной финансовой сфере, вызывают цепную реакцию во всей экономике, приводя к неожиданным последствиям, влияющим на её рост и стабильность. В этих условиях государство должно иметь действенный механизм восстановления своих прав соразмерный самому преступлению.

Институт недействительности сделок, частноправовой по своей природе, в современных условиях испытывает на себе колоссальное влияние императивных норм, заимствованных из публичных отраслей.

На наш взгляд, мы являемся свидетелями формирования совершенно нового межотраслевого института – института частноправовой защиты публичных интересов, нарушенных в результате совершения преступлений.

Перспективы его становления и специального правового регулирования – весьма широки. А единственный метод, позволяющий сделать такое регулирование эффективным и законным – это межотраслевой метод, который сам по себе имеет большой исследовательский потенциал. [2. с. 219]

Литература

1. Горяев Т.М. Конфискационные меры уголовной и гражданско-правовой ответственности и общие условия их применения // Адвокатская газета. № 4 (405) от 13 февраля 2024 года
2. Кузнецова О.А. Межотраслевой метод цивилистического познания / О.А. Кузнецова // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 206–225.
3. Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права – 6-е изд., стер. – Москва: Статут, 2013. – 349, ISBN 978-5-8354-0934-1 С. 251,253.
5. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.
6. M. Cherif Bassiouni, Human Rights in the Context of Criminal Justice: Identifying International Procedural Protections and Equivalent Protections in National Constitutions, 3 Duke J. Comp. & Int'l L. 235, 288 (1993).

THE MECHANISM OF INTERSECTORAL INTERACTION OF CIVIL AND CRIMINAL LAW ON THE EXAMPLE OF INVALIDATION OF ANTISOCIAL TRANSACTIONS IN CORRUPTION CASES.

Zhuravleva M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the practical and theoretical aspects of the intersectoral interaction of the norms of civil and criminal law on the example of judicial practice on the recognition of antisocial transactions invalid; The author examines the relationship between restitution as a measure of civil liability and confiscation as a measure of

criminal liability from the point of view of the principle of “non bis in idem” and the spirit and the letters of the civil and criminal law. The problems of civil law qualification of antisocial transactions, the ratio of restitution and confiscation as a measure of criminal legal impact, as well as the application of limitation periods to such transactions are considered. The conclusion is made about the formation in modern civil law of the institution of private law protection of public interests violated as a result of the of the commission of crimes.

Keywords: intersectoral interaction, civil law, criminal law, the principle of “non bis in idem”, antisocial transaction, fundamentals of law and order and morality, void transaction, corrupt transaction, bribery, statute of limitations, restitution, confiscation, public interest, private law protection of public interests.

References

1. Goryaev T.M. Confiscation measures of criminal and civil liability and general conditions of their application // Advocate newspaper. No. 4 (405) dated February 13, 2024
2. Kuznetsova O.A. Intersectoral method of civilistic cognition / O.A. Kuznetsova // Methodological problems of civil studies. 2022. No. 4. pp. 206–225.
3. Motin O.A. Private interest in the system of objects of criminal law protection. Volgograd, 2005.
4. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law – 6th ed., ster. – Moscow: Statute, 2013. – 349, ISBN 978-5-8354-0934-1 pp.251,253.
5. Chelyshev M. Yu. The system of intersectoral relations of civil law: a civilistic study: Kazan, 2008. 501 p.
6. M. Cherif Bassiouni, Human Rights in the Context of Criminal Justice: Identifying International Procedural Protections and Equivalent Protections in National Constitutions, 3 Duke J. Comp. & Int'l L. 235, 288 (1993).

О вопросах привлечении к административной ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности

Иккерт Андрей Викторович,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского Юридического института МВД России, подполковник полиции
E-mail: sibli@mvd.ru,

В статье анализируются основные вопросы и проблемы, возникающие в процессе квалификации действий и привлечения к ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности и допустивших административные правонарушения. Указанный перечень вопросов рассмотрен с позиций недостаточной правовой определенности участия отмеченных лиц в дорожном движении, а также ряда других аспектов данной проблематики, в последние несколько лет приобретшей существенную актуальность. С учетом противоречивости существующей на данный момент времени правоприменительной практики по данному кругу вопросов и её расширительного характера, включающего в себя применения соответствующих юридических норм по аналогии, авторами сделан вывод о необходимости и высокой общественной значимости совершенствования правовой основы участия средств индивидуальной мобильности в дорожном движении, а также о необходимости законодательного регулирования вопросов, связанных с техническими параметрами средств индивидуальной мобильности и минимально допустимым возрастом лиц, такими средствами управляющих.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, квалификация ответственность, деликт, административное правонарушение, участники дорожного движения, безопасность дорожного движения.

Введение

Административная ответственность представляет собой один из важнейших и наиболее эффективных инструментов, способствующих обеспечению безопасности участников дорожного движения, снижения аварийности на дорогах. Одновременно с этим, указанная форма ответственности является комплексным правовым институтом, обладающим множеством внутренних и внешних связей с другими юридическими конструктами, что существенно усложняет процедуры, связанные с внесением в неё тех или иных корректировок при возникновении объективной необходимости.

Важно отметить, что административной ответственности в области обеспечения безопасности участников дорожного движения принадлежат не только пресекательные и наказательные, но и профилактические функции. При этом то, насколько эффективным является применение административной ответственности, в значительной степени определяется способностью законодателя к оперативному учету изменений, протекающих в соответствующих аспектах общественных отношений.

Одним из таких изменений являются появившиеся сравнительно недавно, но быстро завоевавшие свою популярность средства индивидуальной мобильности. При этом сколь-либо существенных изменений, учитывающих наличие таких средств на дорогах общего пользования, в институт административной ответственности до сих пор не вносилось. Данное обстоятельство снижает эффективность использования указанного комплекса правовых норм и не позволяет должным образом осуществлять правовое регулирование использования средств индивидуальной мобильности. Что свидетельствует о высокой актуальности исследований в указанной области.

Анализ литературных источников

Проблемы, связанные с правовым регулированием использования средств индивидуальной мобильности и применения административной ответственности к лицам, таким средствами управляющими, являлись предметом исследования значительного числа отечественных ученых, среди которых можно выделить Соловьеву А.К., Агапова А.Б., Кудрявич С.Б., Гриненко М.А., Тарышкина В.В., Капустину Е.Г., Мишину Ю.В., Верещак А.В., Майорова В.И., Ирошникова Д.В., Илькевич С.В. и многих других.

Между тем, основная масса перечисленных авторов в своих трудах рассматривала лишь отдельные аспекты проблематики привлечения к административной ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, без их обобщения. Данное обстоятельство указывает на необходимость комплексного рассмотрения вопросов административной ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности.

Методология

В ходе осуществления настоящего исследования использовался ряд общенаучных методов и подходов, к числу которых относятся анализ научных публикаций и правоприменительной практики по вопросам, связанным с административной ответственностью лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности; метод аналогии; сравнение и метод логической индукции.

Основная часть

Экспоненциальное увеличение популярности использования средств индивидуальной мобильности лицами, проживающими на территории Российской Федерации, привело к столь же значительному повышению числа дорожно-транспортных происшествий с участием таких средств, а также количества людей, пострадавших либо погибших в указанных происшествиях. В частности, только за период 2022–2024 гг. количество соответствующих дорожно-транспортных происшествий возросло в 4,6 раза, а с 2018 г. указанный показатель продемонстрировал более чем стократный прирост (рисунок 1).

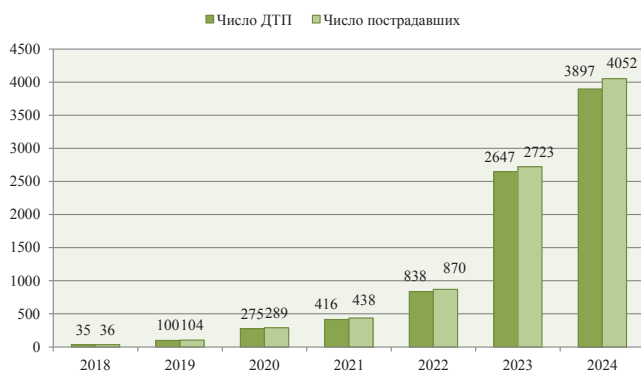

Рис. 1. Количество зафиксированных ДТП с участием средств индивидуальной мобильности и пострадавших в таких ДТП в 2018–2024 гг., ед. (источник – составлено автором на основании данных Научного центра БДД МВД РФ)

Аналогичная картина наблюдается в отношении числа жертв дорожно-транспортных происшествий, участниками которых являлись лица, управлявшие средствами индивидуальной мобильности. Если в 2019 г. жертвами подобных ДТП стало лишь 2 человека, то по состоянию на 2024 г. их число составило уже 44 человека (рисунок 2).

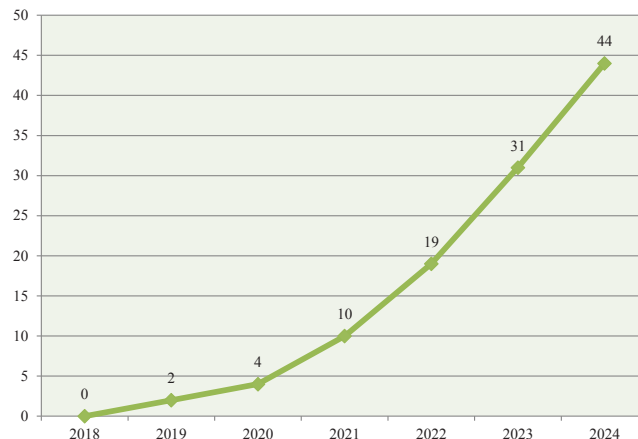

Рис. 2. Число погибших в ДТП с участием средств индивидуальной мобильности в 2018–2024 гг., чел. (источник – составлено автором на основании данных Научного центра БДД МВД РФ)

Указанные обстоятельства вызвали к жизни объективную необходимость правового регулирования сферы общественных отношений, связанной с использованием средств индивидуальной мобильности, и, в частности, привели к введению в Правила дорожного движения понятия «средство индивидуальной мобильности», к перечню которых относятся электросамокаты и электроскейтборды, гироскутеры, моноколеса и ряд аналогичных средств передвижения.

Между тем, правоприменение в отношении привлечения к административной ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, в настоящее время является в значительной степени противоречивым и, в силу недостаточной проработанности законодательных норм, связанных с регулированием соответствующего раздела общественных отношений, зачастую порождает парадоксальные ситуации.

Так, существенное сходство, обнаруживаемое между техническими характеристиками основной массы средств индивидуальной мобильности и мопедами (или велосипедами, оборудованными электрическими двигателями мощностью до 0,25 кВт) в целом ряде случаев не предоставляет правоприменителям однозначно отнести участника дорожно-транспортного происшествия к той или иной категории участников дорожного движения[1].

Кроме этого, согласно новеллам, введенным в ПДД[2], средства индивидуальной мобильности должны оборудоваться целым рядом приспособлений (например, тормозной системой, передней фарой и звуковым сигналом), наличие которых позволяет отнести их к транспортным средствам. Одновременно с этим соответствующие положения ПДД в последней редакции приравнивают лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, к пешеходам, что влечет за собой, например, невозможность привлечения таких лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

Содержащееся в правилах дорожного движения ограничение максимальной разрешенной скоро-

сти средств индивидуальной мобильности (п. 24.6 ПДД), на наш взгляд, также является примером несовершенства законодательных норм, требующего внесения корректировок. Об этом свидетельствует как отсутствие в ПДД требования об обязательном оборудовании средств индивидуальной мобильности устройствами, позволяющими определять скорость движения таких средств и, кроме того отсутствие в КоАП РФ норм, позволяющих привлекать лиц, превышающих установленное скоростное ограничение, к ответственности. В этой связи достаточно важным представляется и отсутствие у средств индивидуальной мобильности государственных регистрационных знаков, что также лишает возможности автоматизированного контроля совершаемых управляющими такими средствами нарушений установленного скоростного режима.

Согласно данным, публикуемым Научным центром безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации, значительную долю дорожно-транспортных происшествий с участием средств индивидуальной мобильности в 2024 г. составили ДТП, местом локализации которых являлись прилегающие территории и перегоны (рисунок 3).

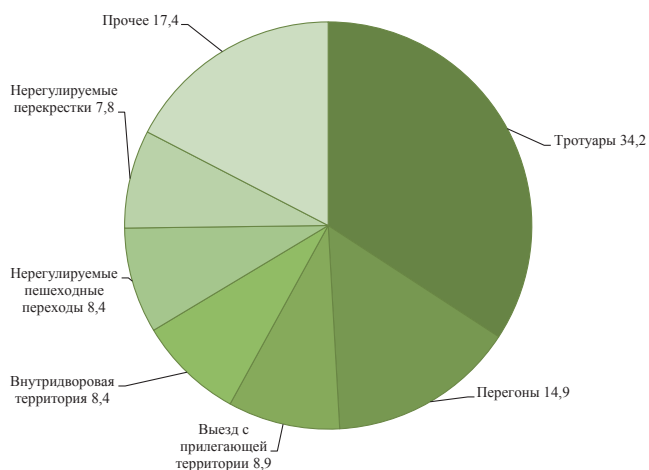

Рис. 3. Структура локализации ДТП с участием средств индивидуальной мобильности по категориям объектов дорожной сети в 2024 г., % (источник – составлено автором на основании данных Научного центра БДД МВД РФ)

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что лица, управляющие средствами индивидуальной мобильности достаточно часто становятся участниками ДТП, происходящих на проезжей части, что указывает на необходимость совершенствования механизмов привлечения к административной ответственности таких лиц и уточнения их административно-правового статуса.

С учетом изложенного также представляется целесообразным ввести обязательную регистрацию средств индивидуальной мобильности в органах ГИБДД, предусматривающую выдачу свидетельства о такой регистрации, содержащего сведения о соответствующем средстве индивидуальной мобильности, его технических характеристиках и проч. При этом эксплуатация таких средств при отсутствии их регистрации в установленном зако-

ном порядке необходимо расценивать как административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 12.1 КоАП РФ.

Совокупность изменений, касающихся детализации правового статуса средств индивидуальной мобильности и лиц управляющих такими средствами лиц, следует формировать и инкорпорировать в систему норм, составляющих действующее сегодня в данном отношении законодательство, с учетом возникающих в процессе правоприменения проблем привлечения к ответственности лиц, осуществляющих эксплуатацию средств индивидуальной мобильности в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

В частности, достаточно очевидным представляется то, что за совершение указанных правонарушений такие лица, с учетом того, что средства индивидуальной мобильности представляют собой источник повышенной опасности, должны подлежать ответственности не как пешеходы либо иные участники дорожного движения, а как лица, управляющие транспортными средствами, т.е. водители.

Проведенный выше анализ свидетельствует о необходимости незамедлительного применения следующих мер, направленных на совершенствование законодательства в сфере использования средств индивидуальной мобильности и привлечения лиц, управляющих такими средствами, к административной ответственности (рисунок 4).

Внести дополнения в Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, в ст. 6 указать конкретные транспортные средства, подлежащие государственному учету. Возложить на собственника СИМ обязанность обратиться в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации СИМ

Обязать лиц, передвигающихся на СИМ, иметь шлем, для максимального снижения последствий дорожно-транспортного происшествия. За передвижение без шлема на СИМ применять к нарушителям санкцию ст. 12.6 КоАП РФ

Внести изменения в ПДД и закрепить в них исчерпывающий перечень СИМ

В городах федерального значения регулярно вводить сезонные ограничения на использование СИМ при температуре ниже 0 градусов по Цельсию

Внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ и изложить следующим образом: «Управление транспортным средством, средством индивидуальной мобильности водителем или лицом, передвигающимся на средстве индивидуальной мобильности, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, — влечет наложение административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления транспортными средствами, средствами индивидуальной мобильности на срок от полутора до двух лет»

Распространение на лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, предусмотренной ст.ст. 12.1 и 12.27 КоАП РФ обязанности оставаться на месте ДТП

Рис. 4. Меры совершенствования законодательства в сфере использования средств индивидуальной мобильности (источник – составлено автором на основании [4,6,7,9])

Таким образом, правовая неопределённость, имеющая сегодня место в отношении правового статуса средств индивидуальной мобильности и лиц, управляющих такими средствами, служит не только затруднению установления обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, участниками которых являются средства индивидуальной мобильности, но и существенно услож-

няет привлечение указанных лиц к административной ответственности.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует указать на то, что решение задачи устранения отмеченных выше, а также иных пробелов в правовом регулировании совокупности общественных отношений, возникающих в процессе использования средств индивидуальной мобильности, и формирования системы правовых норм, позволяющих установить адекватную административную ответственность для лиц, использующих такие средства, с учетом взрывного роста их популярности, является одной из первоочередных и наиболее актуальных проблем, которые законодателю надлежит решить в самое ближайшее время.

Литература

1. Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.05.2023) (утвержден решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 (ред. от 21.04.2023) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.11.2024).
2. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.11.2024).
3. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для вузов / А.Б. Агапов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2023. 483 с.
4. Вербицкая М. А., Техов Д.Н. Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: некоторые вопросы административной ответственности. *Философия права*, 2022. № 1 (100). С. 119–124.
5. Гриненко М.А. Проблемы правового регулирования административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения. *Инновационная наука/ под ред. А.А. Сукиасяна. Уфа: Международный научный журнал*, 2022. № 10–1. С. 31–35.
6. Ирошников Д.В. Правовые проблемы обеспечения безопасности личности на транспорте в условиях использования индивидуального электротранспорта // *Правовое государство: теория и практика*. 2019. № 4 (58).
7. Калюжный Ю.Н. Современные проблемы законодательного регулирования использования отдельных видов электротранспорта // *Вестник Административного права и практика администрирования*. 2019. № 5. С. 27–33.
8. Капустина Е.Г. Административно-правовой статус отдельных субъектов административно-правовых отношений в сфере безопасности дорожного движения // *Закон и право*. 2020. № 2.
9. Кудрявич С.Б. Основные проблемы установления и применения административной ответственности за нарушение правил дорожного движения. *Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т)*, 2022. Т. 8. № 2 (18). С. 34–42.
10. Тарышкин В.В. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*, 2019. № 19–1. С. 100–101.
11. Якимов А.Ю. Анализ определений понятий и терминов, касающихся различных субъектов и объектов, которые участвуют в дорожном движении // *Безопасность дорожного движения*. 2023. № 1. С. 24–26.

ON THE ISSUES OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY PERSONS OPERATING PERSONAL MOBILITY VEHICLES

Ikkert A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the main issues and problems that arise in the process of qualifying actions and holding accountable persons who manage personal mobility equipment and have committed administrative offenses. The specified list of issues is considered from the standpoint of insufficient legal certainty of the participation of the mentioned persons in traffic, as well as a number of other aspects of this issue, which has acquired significant relevance in the last few years. Taking into account the inconsistency of the currently existing law enforcement practice on this range of issues and its expansive nature, including the application of relevant legal norms by analogy, the authors conclude that it is necessary and of high public importance to improve the legal basis for the participation of personal mobility aids in road traffic, as well as the need for legislative regulation of issues related to technical the parameters of the means of individual mobility and the minimum allowable age of persons, such funds are managed.

Keywords: means of individual mobility, qualification responsibility, tort, administrative offense, road users, road safety.

References

1. Technical Regulations of the Customs Union TR CU 018/2011 “On the safety of wheeled vehicles (with amendments and additions, intro. effective from 05/20/2023) (approved by the decision of the Customs Union Commission dated December 9, 2011 No. 877 (ed. dated 04/21/2023) // SPS Consultant Plus (date of application: 11/10/2024).
2. Federal Law No. 196-FZ of December 10, 1995 “On Road Safety” // SPS Consultant Plus (date of application: 10.11.2024).
3. Agapov A.B. Administrative responsibility: textbook for universities / A.B. Agapov. 9th ed., reprint. and additional M.: Yurayt Publishing House, 2023. 483 p.
4. Verbitskaya M. A., Techov D.N. Non-compliance with the requirements for compulsory insurance of civil liability of vehicle owners: some issues of administrative responsibility. *Philosophy of Law*, 2022. No. 1 (100). pp. 119–124.
5. Grinenko M.A. Problems of legal regulation of administrative responsibility for offenses in the field of traffic. *Innovative Science/ edited by A.A. Sukiasyan. Ufa: International Scientific Journal*, 2022. No. 10–1. pp. 31–35.
6. Iroshnikov D.V. Legal problems of ensuring personal safety in transport in the conditions of using individual electric transport // *The rule of law: theory and practice*. 2019. № 4 (58).
7. Kalyuzhny Yu.N. Modern problems of legislative regulation of the use of certain types of electric transport // *NB: Administrative law and practice of administration*. 2019. No. 5. pp. 27–33.

8. Kapustina E.G. The administrative and legal status of individual subjects of administrative and legal relations in the field of road safety // Law and law. 2020. № 2.
9. Kudryavich S.B. The main problems of establishing and applying administrative responsibility for violation of traffic rules. Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T), 2022. Vol. 8. No. 2 (18). pp. 34–42.
10. Taryshkin V.V. Actual problems of bringing to administrative responsibility persons driving vehicles in a state of intoxication. Actual problems of combating crimes and other offenses, 2019. No. 19–1. pp. 100–101.
11. Yakimov A. Yu. Analysis of definitions of concepts and terms concerning various subjects and objects that participate in road traffic // Road safety. 2023. No. 1. pp. 24–26.

Особенности реализации имущества гражданина как процедуры банкротства физических лиц: проблемы правоприменительной практики

Киселёв Владислав Вячеславович,

аспирант, Частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте»
E-mail: vladislavkiselev2797@gmail.com

В статье исследуются актуальные проблемы института банкротства физических лиц в российском праве, в частности, особенности процедуры реализации имущества гражданина-должника. На основе анализа научной доктрины предложено авторское определение понятия «банкротство физического лица». Выявлены и проанализированы две ключевые проблемы правоприменительной практики: недостатки в процедуре оценки имущества должника финансовым управляющим и несовершенство механизмов реализации имущества. На основе анализа судебной практики и действующего законодательства предложен комплекс мер по совершенствованию правового регулирования процедуры банкротства физических лиц, направленных на повышение эффективности оценки и реализации имущества должника, а также обеспечение баланса интересов всех участников процедуры банкротства.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, реализация имущества, финансовый управляющий, оценка имущества, конкурсная масса, электронные торговые площадки, должник, кредиторы, арбитражный суд, правоприменительная практика.

Актуальность исследования особенностей реализации имущества гражданина как процедуры банкротства физических лиц обусловлена рядом важных факторов. В условиях современной экономической нестабильности и роста закредитованности населения институт банкротства физических лиц приобретает особую значимость как механизм освобождения добросовестных должников от непосильного долгового бремени. Процедура реализации имущества является ключевым этапом банкротства граждан, однако ее применение сопряжено с множеством практических проблем и правовых коллизий, требующих детального научного анализа и выработки путей решения. Актуальность темы усиливается постоянным ростом количества дел о банкротстве физических лиц, что создает необходимость совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере. Особую значимость приобретают вопросы обеспечения баланса интересов должника и кредиторов, защиты прав добросовестных участников процедуры банкротства, определения состава конкурсной массы и исключения из нее имущества, необходимого для нормальной жизнедеятельности гражданина-должника и членов его семьи. Актуальны также проблемы оспаривания сделок должника, реализации залогового имущества, взаимодействия финансового управляющего с должником и кредиторами. Научное осмысление данных вопросов и выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики имеет важное теоретическое и практическое значение для развития института банкротства физических лиц в России.

В современной российской правовой доктрине существуют различные подходы к определению сущности термина «банкротство физического лица», среди которых особого внимания заслуживают позиции таких исследователей как С.А. Карелина и О.М. Свириденко.

Согласно точке зрения С.А. Карелиной, банкротство физического лица представляет собой комплексный правовой институт, характеризующийся особым правовым механизмом и направленный на удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника-гражданина путем применения к нему реабилитационных или ликвидационных процедур под контролем арбитражного суда [6]. При этом автор подчеркивает, что данный институт носит социально-ориентированный характер и направлен на предоставление добросовестному должнику возможности освободиться от долгов и начать новую экономическую жизнь [7].

О.М. Свириденко, в свою очередь, рассматривает банкротство физического лица как особое правовое состояние гражданина, признанное арбитражным судом, которое характеризуется неспособностью удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом акцентируя внимание на процессуальной составляющей данного института и его направленности на максимальное удовлетворение требований кредиторов [10], [9].

Анализируя данные подходы, можно выделить их общие черты: оба автора признают судебный характер процедуры банкротства, ее направленность на урегулирование отношений между должником и кредиторами, а также наличие специального правового механизма реализации. Основные различия заключаются в том, что С.А. Карелина делает акцент на социальной направленности института банкротства и его реабилитационном характере, в то время как О.М. Свириденко фокусируется на процессуальных аспектах и защите интересов кредиторов.

На основании проведенного анализа можно предложить следующее авторское определение: банкротство физического лица – это комплексный правовой институт, представляющий собой признанную арбитражным судом неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, предусматривающий применение специальных процедур, направленных на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов, с целью максимального удовлетворения требований последних при одновременном обеспечении социальных гарантий и возможности реабилитации добросовестного должника.

Что касается проблем правоприменительной практики, то о них следует сказать следующее. Современное российское законодательство предусматривает возможность признания банкротом как организаций, так и физических лиц. Специфика процедуры банкротства граждан заключается в применении особых механизмов: реструктуризации задолженности, реализации активов должника, а также возможности заключения мирового соглашения. Правоведы отмечают значительное сходство данных процедур с механизмами, применяемыми при банкротстве юридических лиц, в частности, с конкурсным производством и внешним управлением [8].

Ключевая роль в процессе банкротства физического лица отводится финансовому управляющему, который осуществляет инвентаризацию, оценку имущества должника, определяет временные рамки процедур и взаимодействует с судебными органами и кредиторами [1]. Наибольшее количество разногласий возникает именно на этапе реализации имущества, особенно в вопросах его оценки.

Законодательство устанавливает четкие временные рамки: после завершения процедур описи

и определения стоимости имущества должника физического лица финансовый управляющий обязан в 30-дневный срок разработать и представить на рассмотрение кредиторам документ, регламентирующий механизм реализации имущественных активов. В данном документе должна быть отражена стартовая стоимость реализуемого имущества, а также детально прописаны все процедурные аспекты его продажи. При разработке положения необходимо руководствоваться нормативными требованиями, закрепленными в статьях 110–112 и 139 действующего Федерального закона. Кредиторы, действуя через собрание или специально сформированный комитет, располагают 60-дневным периодом для принятия решения по представленному проекту. При этом они наделены полномочиями как утвердить предложенную финансовым управляющим схему реализации имущества, так и разработать альтернативный порядок его продажи.

Процедура оценки имущества проводится финансовым управляющим с обязательным документальным оформлением. При этом кредиторы имеют право инициировать привлечение профессионального оценщика. Стандартной формой реализации имущества являются торги, однако возможны альтернативные варианты по решению кредиторов или определению суда.

Таким образом, процедура оценки имущества должника осуществляется финансовым управляющим и оформляется документально в виде отчета, составленного в соответствии с требованиями законодательства об оценочной деятельности и содержащего все необходимые структурные компоненты, что сопряжено с рядом сложностей, так как в действительности финансовый управляющий может не принадлежать одновременно с этим к саморегулируемой организации оценщиков, что следует из содержания статьи 11 Федерального закона от 29 июля 1998 года № 135 «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [2]. Очевидно, что кредитор или собрание кредиторов также могут не являться оценщиками. Согласно указанной статье, при составлении отчета об оценке обязательным является включение исчерпывающей информации о специалистах, проводивших оценочные мероприятия. В документации должны быть детально отражены персональные и профессиональные данные каждого оценщика, включая полные идентификационные сведения (фамилию, имя, отчество), актуальные контактные данные для оперативной связи (телефонный номер, почтовый и электронный адреса), а также информацию о профессиональной принадлежности к саморегулируемой организации оценщиков. Такая детализация обеспечивает прозрачность процедуры оценки и позволяет верифицировать квалификацию привлеченных специалистов.

Обратимся к примерам из судебной практики. При рассмотрении дела № А37–1860/2020 Шестой арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 27.08.2021 № 06АП-4731/2021

выявил существенные недостатки в документации по оценке имущества [3]. Нижестоящая инстанция обнаружила, что документ финансового управляющего об оценке от 28.05.2021 не соответствовал базовым требованиям к оформлению подобных решений. В частности, отсутствовала важнейшая аналитическая составляющая: не были раскрыты применяемые методики оценки, отсутствовал сравнительный анализ аналогичных объектов, не были указаны источники первичной информации как об оцениваемом объекте недвижимости, так и об объектах сравнения. Особое внимание суд обратил на отсутствие информации о техническом состоянии оцениваемой квартиры, что делало невозможным верификацию заявленной рыночной стоимости. Документальное сопровождение ходатайства финансового управляющего ограничивалось лишь проектом положения, решением об оценке и описью имущества, датированными 28.05.2021. Суд первой инстанции особо подчеркнул необходимость применения федеральных стандартов оценки при определении стоимости имущества должника. Это требование обусловлено тем, что корректная оценка напрямую влияет на эффективность реализации имущества, степень удовлетворения требований кредиторов и, как следствие, на дальнейшую судьбу должника.

Анализируя Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-865/2018 от 26.03.2018 по делу № А40–85144/16, можно отметить, что судебная инстанция не поддержала инициативу финансового управляющего об утверждении разработанного им положения, регламентирующего процедуру реализации имущества должника [4]. В качестве обоснования предложенной стартовой цены реализуемого имущества финансовый управляющий представил свое решение об оценке. Однако суд первой инстанции выявил существенные недочеты в представленной документации. В частности, в решении отсутствовали ключевые элементы оценочной документации: не были отражены методологические аспекты расчета стоимости, не приведен перечень примененных мультипликаторов и источники их формирования, отсутствовали ссылки на нормативно-правовую базу, определяющую качественные и количественные параметры оцениваемого объекта. Дополнительным существенным нарушением стало отсутствие подписи финансового управляющего на приложении к решению об оценке. Совокупность выявленных нарушений привела суд первой инстанции к обоснованному заключению о том, что представленная документация не может служить надежным доказательством корректности определения начальной стоимости реализуемого имущества ввиду ее недостоверности, недостаточности и нерелевантности.

Анализ вышеприведенных судебных решений позволяет утверждать, что проблема отсутствия надлежащих полномочий на проведение оценки финансовым управляющим требует решения.

Учитывая существующие проблемы в процедурах банкротства физических лиц, связанные с оценкой имущества должников, представляется целесообразным рассмотреть альтернативные решения для повышения эффективности и экономической обоснованности процедуры оценки. Наиболее рациональным видится внедрение одного из двух механизмов: либо установление обязательного требования к финансовым управляющим о получении ими статуса профессионального оценщика, либо включение в состав кредиторов специалиста-оценщика. Данное предложение обусловлено тем, что текущая практика привлечения независимых оценщиков сопряжена с существенными финансовыми затратами, которые зачастую не могут быть покрыты из конкурсной массы должника. Более того, нередки ситуации, когда стоимость услуг по оценке превышает реальную рыночную стоимость оцениваемого имущества, особенно в случаях с поврежденным или дефектным имуществом. Предлагаемые изменения позволят оптимизировать расходы на проведение процедуры банкротства, избежать необоснованного прекращения процедур из-за недостатка средств на оплату услуг независимого оценщика, а также обеспечить более гибкий подход к оценке имущества с учетом его реального состояния и рыночной конъюнктуры. При этом наличие компетентного специалиста по оценке либо в лице самого финансового управляющего, либо в составе кредиторов гарантирует соблюдение профессиональных стандартов оценочной деятельности и защиту интересов всех участников процедуры банкротства.

В соответствии со статьей 213.26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», финансовый управляющий обладает широкими полномочиями в отношении выбора способов и каналов реализации имущества должника, при этом законодательно установленные механизмы контроля за его действиями в данной сфере представляются недостаточными [1]. Финансовый управляющий самостоятельно определяет порядок реализации имущества, включая выбор торговых площадок, формирование лотов, установление сроков реализации и определение начальной цены, что создает риски злоупотреблений и неэффективного управления активами должника.

Согласно статье 213.25 указанного закона, все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения суда о признании его банкротом и выявленное или приобретенное после этой даты, составляет конкурсную массу, однако отсутствие четких критериев выбора оптимальных каналов реализации для различных видов имущества может приводить к его продаже по заниженным ценам.

При этом должник, являясь наиболее заинтересованным лицом в максимизации выручки от продажи своего имущества (поскольку это напрямую влияет на объем погашения его обязательств перед кредиторами), фактически лишен эффективных механизмов влияния на процесс реализации.

Действующее законодательство не предусматривает обязательного согласования с должником выбранных финансовым управляющим способов и каналов реализации имущества, что может привести к ситуациям, когда имущество реализуется через неэффективные торговые площадки, с недостаточным информационным освещением торгов, в неудобное время или неподходящим способом для конкретного вида имущества.

Это особенно критично при реализации специфических активов, требующих особого подхода к поиску потенциальных покупателей, таких как предметы искусства, антиквариат, специализированное оборудование или бизнес-активы. В результате, отсутствие учета мнения должника и его знаний о специфике реализуемого имущества может существенно снижать эффективность процедуры реализации и приводить к получению меньшей выручки, чем могло бы быть достигнуто при более тщательном подходе к выбору способов и каналов реализации имущества.

Наличие указанной проблемы подтверждается в результате анализа российской судебной практики. При рассмотрении дела № А40–32986/2019 Девятый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 11.04.2024 № 09АП-11298/2024, 09АП-11301/2024 обнаружил существенные недостатки в выборе электронной торговой площадки для реализации имущества должника [5]. Апелляционная инстанция пришла к выводу, что утвержденная нижестоящим судом площадка «МЕТА-ИН-ВЕСТ» применяет экономически необоснованную тарифную политику, которая может негативно сказаться на эффективности процедуры реализации имущества.

Суд особо отметил, что система комиссионных сборов данной площадки включает два компонента: базовый платеж в размере 3000 рублей за каждый лот и дополнительную комиссию в диапазоне 2,5–3% от итоговой стоимости реализации лота. При этом максимальный размер комиссионного вознаграждения по отдельному лоту может достигать 337 076,2 рублей.

В ходе сравнительного анализа условий работы других электронных торговых площадок было установлено, что подобная двухкомпонентная система оплаты услуг не является рыночным стандартом. Большинство конкурирующих площадок ограничиваются только фиксированным сбором, размер которого, как правило, не превышает 3000 рублей. Таким образом, утвержденные условия реализации имущества не соответствовали интересам должника и его кредиторов, поскольку необоснованно высокие комиссионные сборы уменьшали потенциальную выручку от реализации имущества.

Для максимально эффективной реализации имущества должника и защиты его интересов целесообразно внести следующие изменения в действующее законодательство о банкротстве: установить обязательное требование о согласовании с должником выбора электронной торговой площадки и способов реализации имуще-

ства, предусмотрев право должника представлять свои обоснованные возражения и альтернативные предложения; ввести четкие критерии отбора электронных торговых площадок, включая установление предельных размеров их комиссионного вознаграждения и требований к информационному освещению торгов; предусмотреть обязательное проведение независимой оценки имущества должника с привлечением профессиональных оценщиков, специализирующихся на конкретных видах активов; установить дифференцированный подход к выбору способов реализации различных категорий имущества с учетом их специфики (например, для предметов искусства, антиквариата, специализированного оборудования предусмотреть возможность реализации через специализированные торговые площадки или аукционные дома); обязать финансового управляющего представлять должнику и кредиторам детальное обоснование выбранного способа реализации имущества с указанием предполагаемой экономической эффективности; ввести механизм предварительного судебного контроля за существенными условиями реализации имущества, включая обязательную проверку экономической обоснованности комиссионного вознаграждения торговых площадок; предусмотреть возможность привлечения специализированных организаций для реализации отдельных видов имущества по предложению должника с обоснованием экономической целесообразности такого решения; установить требование о проведении маркетингового исследования рынка перед реализацией крупных или специфических активов для определения оптимальных каналов их реализации; ввести обязательное страхование ответственности торговых площадок и организаторов торгов; предусмотреть возможность комбинирования различных способов реализации имущества для достижения максимальной эффективности (например, сочетание электронных торгов с адресным предложением потенциальным покупателям); установить механизм оперативного пересмотра условий реализации имущества в случае их неэффективности по результатам первых торгов. Данные меры позволят обеспечить баланс интересов всех участников процедуры банкротства и максимизировать выручку от реализации имущества должника.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам:

1. Предложено авторское определение банкротства физического лица как комплексного правового института, представляющего собой признанную арбитражным судом неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, предусматривающий применение специальных процедур, направленных на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов, с целью максимального удовлетворения требований последних при одновременном обеспечении социальных гарантий

и возможности реабилитации добросовестного должника;

2. Выявлены две ключевые проблемы правоприменительной практики:

- Проблема оценки имущества финансовым управляющим, заключающаяся в отсутствии у него необходимых полномочий и компетенций для проведения профессиональной оценки, что приводит к недостоверности результатов оценки и рискам занижения стоимости имущества;
- Проблема недостаточной эффективности реализации имущества должника, обусловленная широкими полномочиями финансового управляющего при отсутствии действенных механизмов контроля за его действиями и учета мнения должника при выборе способов реализации имущества.

3. Предложены следующие пути решения выявленных проблем:

- В части совершенствования процедуры оценки: внедрить один из двух механизмов: либо установление обязательного требования к финансовым управляющим о получении ими статуса профессионального оценщика, либо включение в состав кредиторов специалиста-оценщика;
- В части повышения эффективности реализации имущества: ввести обязательное согласование с должником способов реализации имущества, установить четкие критерии отбора торговых площадок, внедрить дифференцированный подход к реализации различных категорий имущества, обеспечить предварительный судебный контроль за существенными условиями реализации, предусмотреть возможность привлечения специализированных организаций и проведения маркетинговых исследований.

Реализация предложенных мер позволит существенно повысить эффективность процедуры банкротства физических лиц и обеспечить баланс интересов всех участников данного процесса.

Литература

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 19.11.2024).
2. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 № 135-ФЗ (последняя редакция). Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 19.11.2024).
3. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2021 № 06АП-4731/2021. Доступ: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/b78f5bf1-596d-4d26-bef0-cb06a7277906/0c-990c7b-0699-4d14-b4b6-15d025f34d8b/A37-1860-2020_20210827_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 19.11.2024).
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-865/2018 от 26.03.2018 по делу № А40-85144/16. Доступ: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/6df-69ca8-173f-46ff-8453-d22372ac0938/ce180a76-6300-4e34-8582-f011e17842ce/A40-85144-2016_20180328_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 19.11.2024).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2024 № 09АП-11298/2024, 09АП-11301/2024. Доступ: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/0241f079-5425-4fa2-bc12-f4968a3c8f89/f2912390-d502-4fc6-85e5-c3601b145c80/A40-32986-2019_20240411_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 19.11.2024).
6. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) в механизме устойчивого развития рыночной экономики РФ: проблемы совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 1. – С. 13–17.
7. Карелина С.А. Особенности реализации конституционных принципов в процессе несостоятельности (банкротства) // Право и бизнес. – 2019. – № 1. – С. 7–14.
8. Кочкалов С.А. Институт банкротства физических лиц в системе гражданского права. роль, проблемы, перспективы развития в современной России // В сборнике: ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. Сборник докладов. XXII Международная научно-практическая конференция Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, 2023. – С. 27–31.
9. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 12 (145). – С. 18–24.
10. Свириденко О.М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2 (111). – С. 105–112.

PECULIARITIES OF REALIZATION OF CITIZEN'S PROPERTY AS A PROCEDURE OF BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Kiselev V.V.

Moscow University named after S. Yu. Witte

The article investigates topical problems of the institute of bankruptcy of individuals in Russian law, in particular, the peculiarities of the procedure of realisation of the property of a citizen debtor. On the basis of the analysis of scientific doctrine the author's definition of the concept 'bankruptcy of a physical person' is offered. Two key problems of law enforcement practice are identified and analysed: shortcomings in the procedure of debtor's property valuation by the

financial manager and imperfect mechanisms of property sale. On the basis of the analysis of judicial practice and current legislation a set of measures to improve the legal regulation of the bankruptcy procedure of individuals, aimed at improving the efficiency of the assessment and realisation of the debtor's property, as well as ensuring the balance of interests of all participants of the bankruptcy procedure, is proposed.

Keywords: bankruptcy of individuals, property realisation, financial manager, property valuation, bankruptcy estate, electronic trading platforms, debtor, creditors, arbitration court, law enforcement practice.

References

1. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (accessed on 19.11.2024).
2. Federal Law "On Appraisal Activities in the Russian Federation" dated 29.07.1998 No. 135-FZ (latest revision). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (accessed on 19.11.2024).
3. Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated 27.08.2021 No. 06AP-4731/2021. Access: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/b78f5bf1-596d-4d26-bef0-cb06a7277906/0c990c7b-0699-4d14-b4b6-15d025f34d8b/A37-1860-2020_20210827_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (date of access: 19.11.2024).
4. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal No. 09AP-865/2018 dated 26.03.2018 in case No. A40-85144/16. Access: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/6df69ca8-173f-46ff-8453-d22372ac0938/ce180a76-6300-4e34-8582-f011e17842ce/A40-85144-2016_20180328_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (date of access: 19.11.2024).
5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 11.04.2024 No. 09AP-11298/2024, 09AP-11301/2024. Access: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/0241f079-5425-4fa2-bc12-f4968a3c8f89/f2912390-d502-4fc6-85e5-c3601b145c80/A40-32986-2019_20240411_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (date of access: 19.11.2024).
6. Karelina S.A. Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Mechanism of Sustainable Development of the Market Economy of the Russian Federation: Problems of Improvement // Gaps in Russian Legislation. – 2019. – No. 1. – P. 13–17.
7. Karelina S.A. Features of the implementation of constitutional principles in the process of insolvency (bankruptcy) // Law and business. – 2019. – No. 1. – P. 7–14.
8. Kochkalov S.A. Institute of bankruptcy of individuals in the civil law system. role, problems, development prospects in modern Russia // In the collection: STATE AND LAW OF RUSSIA IN THE MODERN WORLD. Collection of reports. XXII International Scientific and Practical Conference of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). XXIII International Scientific and Practical Conference of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2023. – P. 27–31.
9. Sviridenko O.M. Actual issues of subsidiary liability of controlling persons in bankruptcy of the debtor // Lex Russica (Russian law). – 2018. – No. 12 (145). – P. 18–24.
10. Sviridenko O.M. Challenging transactions to the detriment of creditors outside of bankruptcy proceedings (non-competitive challenging) // Actual problems of Russian law. – 2020. – No. 2 (111). – P. 105–112.

К вопросу о привлечении к административной ответственности за допущение произрастания сорной растительности на земле сельскохозяйственного назначения

Клепикова Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: o.klepikova@365.rsu.edu.ru

Климова Анна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: a.klimova@365.rsu.edu.ru

Кошкина Ирина Геннадьевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента, организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань)
E-mail: ig.koshkina@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования института проведения обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв сельскохозяйственного назначения. Исследование правоприменительной практики показало, что лицо признается виновным при совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 8.7 КоАП РФ в области охраны окружающей среды и природопользования, за нахождение на земельном участке сорной растительности (видовой состав сорной растительности: пырей ползучий, пижма обыкновенная, полынь полевая, тысячелистник, чертополох и др.). Авторами предложено правовое обоснование неконституционности применения части 2 статьи 8.7 КоАП РФ в рассматриваемом случае для обращения к органу конституционного контроля в целях оказания воздействия на правоприменительную практику в вопросе правильной квалификации административного правонарушения.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, охрана окружающей среды и природопользования, обязательные мероприятия по улучшению земель, сорная растительность, конституционный судебный контроль.

Положения статей 13, 42 ЗК РФ, статьи 8 Федерального закона № 101-ФЗ от 16.07.1998 г. «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» устанавливают для собственника земельного участка обязательные требования по содержанию данного имущества [1, 2].

Исследование судебной практики по делам о привлечении лица к административной ответственности при квалификации по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ показало, что в области правового регулирования о содержании, использовании земель сельскохозяйственного назначения возникают неопределенности в вопросе при определении состава административного правонарушения, и собственники земельных участков обращаются в суд с жалобами на незаконное привлечение их к административной ответственности за произрастание на земельной участке сорной травы.

Так, например, решением Московского районного суда г. Рязани от 12 июля 2022 года по делу № 12–122/2022 гражданин был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 8.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях за нахождение на земельном участке сорной и отдельно стоящей древесно-кустарниковой растительности (видовой состав древесно-кустарниковой растительности: дикая яблоня; видовой состав сорной растительности: пырей ползучий, пижма обыкновенная, полынь полевая, тысячелистник, чертополох и др.) [3]. Во всех других случаях, лица были также привлечены к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 8.7 КоАП РФ, за нахождение на земельном участке сорной и отдельно стоящей древесно-кустарниковой растительности. Однако, согласно сведениям с сайта Верховного Суда Российской Федерации 02 марта 2023 года по делу № 12–122/2022 гражданином были исчерпаны все стадии [4], предусмотренные для данной категории дела, что позволяло гражданину обратиться к органу конституционного контроля для проверки конституционности применения части 2 статьи 8.7 КоАП РФ в рассматриваемом случае, в том смысле, как он толкуется административным органом и судом, и выявления истинной воли законодателя [5].

Итак, положения части 2 статьи 8.7 КоАП РФ, которая называется «Невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных меропри-

ятий по улучшению земель и охране почв» устанавливают, что наступает административная ответственность за невыполнение требований и обязательных мероприятий по улучшению земель от всякого негативного воздействия на окружающую среду, которое ухудшает качественное состояние земель. И данное деяние предусматривает, например, наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей» [6].

Поэтому возникает неопределенность в вопросе о том, позволяют ли положения части 2 статьи 8.7 КоАП РФ привлекать гражданина (организацию, должностное лицо) к административной ответственности в области охраны окружающей среды и природопользования за нахождение на земельном участке сельскохозяйственного назначения такой растительности как пырей ползучий, пижма обыкновенная, полынь полевая, тысячелистник, чертополох и др., а также древесно-кустарниковой растительности: береза, дикая яблоня и др., и такая ли была воля законодателя при создании данной нормы права.

Полагаем, что необходимо предоставить следующее правовое обоснование неконституционности применения части 2 статьи 8.7 КоАП РФ и нарушения указанных норм Конституции Российской Федерации, так как считаем, что воля законодателя при создании нормы права была иной, и правоприменитель неверно истолковывает закон.

Нарушение статей 19, 55 Конституции РФ. В соответствии с комментарием к статье 8.7 КоАП РФ устанавливается иное истолкование указанного состава правонарушения, чем применяется в правоприменительной практике: так, объектом административных правонарушений являются общественные отношения в сфере пользования землями, имеющими определенное целевое назначение. При этом в конструкцию комментируемой статьи законодателем включены два самостоятельным формальных состава административных правонарушений, различающихся по объективной стороне.

Объективная сторона первого состава характеризуется невыполнением виновным лицом возложенных на него обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению, в результате проведения различных работ. Под невыполнением обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования их по целевому назначению, понимается бездействие лица, обязанного заботиться о состоянии земель, заключающееся в несовершении предусмотренных законом. В качестве таких обязанностей может рассматриваться, например, рекультивация земель – комплекс мероприятий технического и биологического характера, направленных на восстановление нарушенных земель, возобновление обитания животных, растений, микроорганизмов.

В качестве второго самостоятельного формального состава административного правонарушения выступает несвоевременное выполнение обязан-

ностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению. Объективную сторону данного правонарушения составляют действия, направленные на приведение земель в пригодное состояние. Так, земли должны быть приведены в порядок по завершении изыскательских работ, в том числе проводимых путем почвенных, агрохимических, геоботанических, геоморфологических, геологических, химических и иных необходимых обследований [7].

Таким образом, такое истолкование части 2 статьи 8.7 КоАП РФ, как применяется в судебной практике, свидетельствует о том, что нахождение на земельном участке таких растений как пырей ползучего, пижмы обыкновенной, полыни полевой, тысячелистника, и др. не позволяют использовать земельный участок по целевому назначению, что не соответствует действительности.

Так, в соответствии с положениями статьи 79 ЗК РФ устанавливаются особенности использования сельскохозяйственных угодий, это могут быть – пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями.

Пырей ползучий, пижма обыкновенной, полынь полевая, тысячелистник пригодны для произрастания на пастбище, кормовые качества данных растений позволяют применять их в корм животным. Например, листья пижмы обыкновенной в сене поедаются удовлетворительно, в небольших количествах полезно для животных, так как способствует возбуждению аппетита и как хорошее противоглистное средство. Полынь обыкновенная в небольших количествах поедается всеми видами скота, особенно овцами. Несмотря на сравнительно высокое содержание протеина (13,1%) и невысокое – клетчатки (27,5%), относится к малоценным кормовым растениям, так как плохо переваривается. Полынь полевая широко используются и для силосования [8].

Произрастание на земельном участке пижмы обыкновенной, полыни обыкновенной, злаковых сорняков не наносят вред окружающей среде. Нахождение на земельном участке сельскохозяйственного назначения указанных растений не ухудшает качественное состояние земель.

На наш взгляд, для квалификации деяний по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ «Невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв» необходимо установить факт ухудшение качественного состояния земли.

Административный орган не доказал и суд не отразил в своей правоприменительной практике, что в результате нахождения на земельном участке пижмы обыкновенной, полыни полевой и т.д. наступает негативное воздействие на окружающую среду, ухудшающее качественное состояние земель.

Имеется устойчивая судебная практика, которая свидетельствует о том, что для определения ухудшения качественного состояния земли используется измерение проб почвы (например, ре-

шение Арбитражный суд Волгоградской области от 28.01.2021 года по делу А12–14830/2020 [9], решение Томского районного суда Томской области от 29.01.2019 года по делу № 12–9/2019 [10], постановление Верховного Суда РФ от 05.05.2017 года по делу 41-АД17–16 [11]).

Поэтому за данный вид правонарушения «Невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв», который относится к главе 8 КоАП и регулирует правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования, установлены такие высокие суммы штрафа, в отличие от нарушений главы 10 КоАП РФ, регулирующей правонарушения в сельском хозяйстве по борьбе с дикорастущими растениями.

В данном случае при квалификации деяний по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ речь идет о свалках, бытовых отходах, работы по гидроизоляции на накопителях открытого типа и перекрытии земельного участка и т.д., в рамках дела производится осмотр с отбором проб почвы, экспертизы.

Объектом правонарушения являются общественные отношения по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению, или по их рекультивации после завершения разработки месторождений полезных ископаемых, включая общераспространенные полезные ископаемые, строительных, мелиоративных, лесозаготовительных, изыскательских и иных работ, в том числе осуществляемых для внутрихозяйственных или собственных надобностей.

Произвольное ограничение прав гражданина (юридического лица) по использованию земли сельхозназначения в виде пастбища и сенокоса, произвольное его наказание за произрастание на земельном участке пижмы обыкновенной и полыни обыкновенной при наличии только визуального осмотра, при фотографировании только одной точки земельного участка, в виду отсутствия событий и состава правонарушения, свидетельствует о нарушении прав человека, намерении административного органа незаконно пополнить бюджет и не отвечает целям административного производства.

Кроме того, в рассматриваемом случае в решении Московского районного суда г. Рязани от 12 июля 2022 года по делу № 12–122/2022 указано, что подлежат применения положения Постановления Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» [3]. Однако, указанный документ определяет признаки для квалификации правонарушения по одноименной статье 8.8 КоАП РФ «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению» и не подлежит применению в рассма-

триваемом деле при квалификации состава правонарушения по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ.

При квалификации состава правонарушения по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ не применяется и не используется процентное соотношение произрастания сорной растительности. При этом в указанном Постановлении Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1482 предложен количественный метод, чтобы избежать произвольного применения. Из этого следует, административный орган и суды неправильно квалифицируют обстоятельства дела.

В рассматриваемом деле при квалификации правонарушения по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ не подлежит применению Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации».

В рассматриваемом нами конкретном деле в решении суда [3] указано, что вопреки доводам жалобы заявителя, суд не усматривает оснований для несогласия с правовой оценкой, данной административным органом, о том, что зарастание сорной растительностью было выявлено на всей площади земельного участка 59 га, что подтверждается лишь только одной точкой фотографирования, поскольку на законность постановления должностного лица это не влияет и не исключает ответственность собственника земельного участка за невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв. Из этого следует, что для привлечения к административной ответственности по части 2 статьи 8.7 КоАП РФ не имеет значения на какой площади и в каком количестве произрастает сорная растительность, административная ответственность и административное наказание наступает за произрастание любого вида сорняковой растительности в любом количестве, и подтверждается лишь одним фотоснимком, сделанного с земельного участка.

Нарушение статьи 19 и 54 Конституции РФ. Правоприменитель подменяет понятия «качественное состояние земель» и «плодородие земельного участка», поэтому административным органом и судами неверно определены составы правонарушения главы 8 и главы 10 КоАП РФ.

Глава 8 КоАП РФ называется «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Статья 8.7 КоАП РФ называется «Невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв».

Глава 10 КоАП РФ называется «Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель».

Отсутствие пашни на земельном участке сельхозназначения не свидетельствует о нарушении правил охраны окружающей среды, не наносит

вред окружающей среде и не ухудшает качественное состояние земель, иное толкование части 2 статьи 8.7 КоАП РФ свидетельствует о дискриминации прав граждан (организации) и обязывает их использовать землю сельхозназначения только в виде пашни.

Даже за непринятие мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (статья 10.5 КоАП РФ), за нарушение правил борьбы с карантинными, особо опасными и опасными вредителями растений, возбудителями болезней растений, растениями-сорняками (статья 10.1 КоАП РФ) за правонарушения в сельском хозяйстве предусмотрен штраф гораздо ниже, чем за произрастание на земельном участке пижмы обыкновенной, полыни обыкновенной, которые являются хоть и малоценными культурами в сельском хозяйстве, но являются кормовыми растениями, используются в сельском хозяйстве.

Административный орган квалифицирует произрастание на земельном участке малоценной травы в сельском хозяйстве как вред окружающей среде, за который предусмотрен значительно высокий административный штраф, при этом за произрастание карантинных растений, наркотических, опасных, вредоносных растений в сельском хозяйстве квалифицируется по положениям главы 10 КоАП РФ (административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель) и административный штраф предусмотрен гораздо ниже в 20 раз, чем по составам главы 8 КоАП РФ.

Обращение к органу конституционного контроля является импульсом к качественным изменениям в сфере правового регулирования, выступает в качестве резервного и исключительного способа защиты прав гражданина, когда у заявителя исчерпаны все другие возможности судебной защиты [12]. Поэтому полагаем, что в рамках конституционного судебного контроля может быть выявлен истинный конституционно-правовой смысл законоположений, регламентирующих привлечение к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 8.7 КоАП РФ, что позволит оказать воздействия на правоприменительную практику в вопросе правильной квалификации административного правонарушения.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=m3fwyur7uq631030020 (дата обращения: 19.11.2024).
2. Федеральный закон «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» от 16.07.1998 № 101-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19434/?ysclid=m3fx3fjvq5534296823 (дата обращения: 19.11.2024).
3. Решение Московского районного суда г. Рязани по делу № 88–26322/2023 // Сайт Московского районного суда г. Рязани. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» URL: https://moskovsky-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=64093472&delo_id=1502001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 19.11.2024).
4. Карточка производства 6-АФ23–9-К2 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21–34254472#21–34254472> (дата обращения: 19.11.2024).
5. Клепикова О.Г., Гладун А.Н. Потенциал конституционного контроля в области защиты прав и свобод гражданина // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток. 2023. С. 50–54.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=m3fwli77mg687874447 (дата обращения: 19.11.2024).
7. Кодекс об Административных Правонарушениях РФ (действующая редакция с Комментариями) // Сайт «Бесплатная Юридическая Помощь 24/7». URL: <https://stkoaprf.ru/8–7> (дата обращения: 19.11.2024).
8. Прозорова Т.А., Черных И.Б. Кормовые растения Казахстана: Книга- Павлодар. 2004. 278 с.
9. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 28.01.2021 года по делу А12–14830/2020 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a1c8526–0ecf-431e-8aa4-a1e-a9bfba10d/615fbdd1–32ff-4a84-be85–5bb09b-2c431a/A12–14830–2020_20210128_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 19.11.2024).
10. Решение Томского районного суда Томской области от 29.01.2019 года по делу № 12–9/2019 // Сайт Томского районного суда Томской области. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://tomsky-tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11175408&delo_id=1502001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 19.11.2024).
11. Постановление Верховного Суда РФ от 05.05.2017 года по делу 41-АД17–16 // Официальная страница (сайт) Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1539962 (дата обращения: 19.11.2024).
12. Клепикова О.Г. Жалоба в Конституционный суд России: возможности и правовые последствия // Юридическая гносеология. 2017. № 2. С. 50–57.

ON THE QUESTION OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ALLOWING WEEDS TO GROW ON AGRICULTURAL LAND

Klepikova O.G., Klimova A.N., Koshkina I.G.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan)

The article examines the problems of legal regulation of the institution of mandatory measures to improve land and protect agricultural soils. A study of law enforcement practice has shown that a person is found guilty when committing an administrative offense under Part 2 of Article 8.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the field of environmental protection and nature management, for the presence of weeds on a land plot (species composition of weeds: creeping wheatgrass, common tansy, field wormwood, yarrow, thistle, etc.). The authors propose a legal justification for the unconstitutionality of the application of Part 2 of Article 8.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the case under consideration to appeal to the constitutional control body in order to influence law enforcement practice in the matter of the correct qualification of an administrative offense.

Keywords: agricultural land, environmental protection and nature management, mandatory land improvement measures, weeds, constitutional judicial review.

References

1. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=m3fwyy-p7uq631030020 (date of access: 19.11.2024).
2. Federal Law "On State Regulation of Ensuring Fertility of Agricultural Lands" dated 16.07.1998 No. 101-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19434/?ysclid=m3fx3fjq5534296823 (date of access 19.11.2024).
3. Decision of the Moscow District Court of Ryazan in case No. 88–26322/2023 // Website of the Moscow District Court of Ryazan. State Automated System of the Russian Federation "Justice" URL: [https://moskovsky-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_](https://moskovsky-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=64093472&delo_id=1502001&new=0&text_number=1)
4. Production card 6-AF23–9-K2 // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21–34254472#21–34254472> (date of access: 11/19/2024).
5. Klepikova O.G., Gladun A.N. Potential of constitutional control in the field of protection of rights and freedoms of a citizen // Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference. Vladivostok. 2023. Pp. 50–54.
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001 No. 195-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=m33fwli77mg687874447 (date of access: 11/19/2024).
7. Code of Administrative
1. Offenses of the Russian Federation (current version with Comments) // Website "Free Legal Aid 24/7". URL: <https://stkoaprf.ru/8–7> (date of access: 11/19/2024).
8. Prozorova T.A., Chernykh I.B. Forage Plants of Kazakhstan: Book – Pavlodar. 2004. 278 p.
9. Decision of the Arbitration Court of the Volgograd Region dated 01/28/2021 in case A12–14830/2020 // Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a1c8526–0ecf-431e-8aa4-a1ea9b-fba10d/615fbdd1–32ff-4a84-be85–5bb09b2c431a/A12–14830–2020_20210128_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of access: 19.11.2024).
10. Decision of the Tomsk District Court of the Tomsk Region dated 29.01.2019 in case No. 12–9/2019 // Website of the Tomsk District Court of the Tomsk Region. State automated system of the Russian Federation "Justice". URL: [https://tomsky-tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_](https://tomsky-tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11175408&delo_id=1502001&new=0&text_number=1)
11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 05/05/2017 in case 41-AD17–16 // Official page (website) of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1539962 (date of access: 11/19/2024).
12. Klepikova O.G. Complaint to the Constitutional Court of Russia: possibilities and legal consequences // Legal gnoseology. 2017. No. 2. P. 50–57.

Клещева Ирина Александровна,

старший преподаватель кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии
E-mail: irkuleshova@yandex.ru

Статья посвящена проблемам деятельности юридических лиц в международном торговом обороте. Мировой экономический кризис и влияние санкционной политики оказали влияние на регулирование корпоративных отношений. В РФ создаются условия для развития бизнеса и привлечения инвестиций, возвращения капиталов российских компаний с «иностранной пропиской». Для этого российский законодатель выработал ряд мер, предоставивших возможность иностранным юридическим лицам приобрести статус международной компании, перейдя под российскую юрисдикцию. Личным законом такой компании становится российское право. Через вышеперечисленное будет раскрыта актуальность данной проблематики.

Ключевые слова: международные компании, редомициляция, инкорпорация, государство, личный закон.

Мировой экономический кризис, изменения в социально-политической и международной сфере последних нескольких лет, влияние санкционной политики ряда западных стран на возможность осуществления российскими компаниями инвестиционной и внешнеэкономической деятельности, оказали влияние на регулирование корпоративных отношений.

В Российской Федерации создаются условия для развития бизнеса и привлечения инвестиций, возвращения капиталов российских компаний с «иностранной пропиской».

Основные причины существовавшего раньше интереса российских компаний к оффшорным зонам – доступ к иностранным инвестициям и выгодные условия налогообложения. Однако в течение последних нескольких лет данные налоговые преимущества были нивелированы в связи с тем, что многие соглашения об отсутствии двойного налогообложения с участием РФ, были денонсированы [6, с. 44–45].

Кроме того, в условиях санкций, российские юридические лица столкнулись с проблемой ограничения финансовых операций, невозможностью выведения денежных средств для выплаты дивидендов своим акционерам.

Для преодоления указанных проблем деятельности компаний, связанных с действиями недружественных стран, российский законодатель выработал ряд мер, предоставивших возможность иностранным юридическим лицам приобрести статус международной компании, перейдя под российскую юрисдикцию. Таким образом, личным законом иностранной компании становится российское право.

В августе 2018 года на территории России созданы специальные административные районы (САР) в Приморском крае (остров Русский) и Калининградской области (остров Октябрьский) [7].

На данных территориях в соответствии с Федеральным Законом от 3 августа 2018 года «О международных компаниях и международных фондах» могут быть созданы международные компании.

Международная компания – иностранная компания, которая является коммерческой корпоративной компанией, принявшая решение об изменении своего личного закона путем редомициляции или инкорпорации в РФ в специально созданных административных районах.

В литературе подчеркивается, что целью создания международных компаний является перемещение под российскую юрисдикцию контролируемых российскими гражданами оффшорных компаний. Также иностранные компании, оказавшиеся под

санкциями, в связи с тем, что они контролируются российскими гражданами, имеют возможность стать международной компанией, осуществив редомицилирование в Россию [4, с. 104–108].

Российский законодатель предоставляет комфортные условия для перемещения бизнеса в Россию, создавая благоприятные условия для свободного осуществления предпринимательской деятельности и развития бизнеса на территории РФ.

Стоит отметить, что в течение последних нескольких лет возможностью редомициляции в Россию воспользовалось достаточное число иностранных компаний, что говорит об эффективности и применимости новых положений российского законодательства о международных компаниях.

Так, в период с 2021 по январь 2024 года в Российской Федерации зарегистрировано не менее 313 действующих международных компаний (из них 231 в САР о. Октябрьский и 82 в САР о. Русский) [1, с. 105].

Представляется, что данная динамика будет еще более выраженной, в связи с увеличением санкционного давления.

В соответствии с ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» [8], международная компания может быть зарегистрирована двумя способами: во-первых, путем регистрации в порядке редомициляции и, во-вторых, путем регистрации в порядке инкорпорации.

В первом случае компания считается созданной с момента первоначальной регистрации иностранного юридического лица, во втором – с момента государственной регистрации создаваемого хозяйственного общества.

Стоит особо отметить, что при создании международной компании с порядком редомициляции не возникает правопреемства между редомицилируемым иностранным юридическим лицом и международной компанией, поэтому к вопросам ответственности иностранной компании перед кредиторами будет применяться иностранное право.

При создании международной компании не возникает необходимости досрочного исполнения обязательств, в отличие, например, от процедуры реорганизации юридического лица. В некотором роде, данная ситуация схожа с процедурой изменения наименования юридического лица, при которой также не возникает отношений правопреемства [5, с. 31–37].

Подобная ситуация возникла при внесении сведений о юридических лицах о. Крым в российский ЕГРЮЛ. При этом отмечалось, что данный факт не является реорганизацией юридических лиц, соответственно он не влечет возникновение у кредиторов прав, предусмотренных в связи с процедурой реорганизации.

Одним из важных вопросов при создании международной компании является вопрос изменения личного закона юридического лица. Принятие ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» повлекло изменения в положениях Граж-

данского Кодекса РФ о личном законе юридического лица [9].

Статья 1202 Гражданского кодекса РФ в качестве основного критерия определения личного закона юридического лица ранее устанавливала критерий инкорпорации, то есть места учреждения юридического лица. Местом учреждения международных компаний, создаваемые в порядке редомициляции, является территория иностранного государства. Однако, с момента государственной регистрации международной компании в РФ, ее личным законом является российское право. Таким образом, правила определения личного закона международной компании являются новеллой российского законодательства.

При этом представляется важным обратить внимание на следующее обстоятельство. Учредительными документами международной компании может быть допущено применения к вопросам ее правового статуса и деятельности законодательства иностранных государств. Это допустимо при соблюдении следующих условий.

Во-первых, положения зарубежного законодательства применялись к иностранной компании до принятия решения о регистрации в качестве международной компании и, во-вторых, в уставе компании должно содержаться условие о том, что все корпоративные споры данного юридического лица, будут рассматриваться третейским судом при постоянно действующем арбитражном учреждении.

При этом, если российское законодательство предоставляет условия более благоприятные по сравнению с иностранным законодательством, применяются нормы российского права. Также законодательство РФ будет применяться к созданной в порядке редомициляции международной компании при отсутствии в ее уставе указаний на применимое право в отношении определенных вопросов.

Личным законом международной компании с момента ее регистрации является законодательство РФ. Это правило применимо к компаниям, созданным в порядке инкорпорации.

Вместе с тем, к компаниям, созданным в порядке редомициляции, относительно ряда вопросов, возникших до регистрации международных компаний, применяется иностранное право государства при условии, что это предусмотрено учредительными документами (уставом) международной компании, и включении в них арбитражного соглашения.

Стоит отметить, что все права и обязанности по ранее заключенным контрактам и иные вопросы, связанные с деятельностью иностранной компании до момента ее регистрации в РФ, остаются неизменными и сохраняются в полном объеме.

Аналогичное решение можно встретить в зарубежном законодательстве. Например, в Законе Сейшельских островов о международных бизнес-компаниях 2016 года [3], в соответствии с которым иностранная компания, редомицилированная

на Сейшельских островах, продолжает отвечать по всем обязательствам компании.

Еще один важный аспект успешной редомициляции иностранной компании в РФ – возможность смены юрисдикции компании должна быть предусмотрена законодательством страны, в котором данное юридическое лицо было изначально создано.

В соответствии со ст. 1 ФЗ «О международных компаниях и международных фондах», иностранное юридическое лицо, желающее получить статус международной компании, должно принять «... решение об изменении своего личного закона в установленном таким личным законом порядке».

Стоит также отметить, что для международных компаний статья 11 ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» допускает возможность сменить российскую юрисдикцию на иностранную посредством регистрации в государстве, предусматривающем возможность редомициляции.

По общему правилу, после регистрации в РФ в порядке редомициляции, международная компания должна быть исключена из реестра юридических лиц государства первоначального учреждения. При этом на практике может возникнуть ситуация, когда даже при условии своевременного обращения в компетентный орган соответствующего государства, международной компании отказывают в ликвидации путем исключения из реестра юридических лиц. В этом случае двухлетний срок исключения из реестра, установленный законом, может быть продлен по решению Правительственной комиссии.

Таким образом, может сложиться ситуация, при которой международная компания будет иметь права и нести обязанности сразу в двух государствах, если в законодательстве иностранного государства не содержится норм о возможности редомициляции компании и изменении его личного закона, а также отсутствует международный договор данного иностранного государства с РФ [2, С. 125].

После исключения международной компании из реестра юридических лиц иностранного государства, в управляющую компанию в течение 10 дней необходимо предоставить подтверждающий данный факт документ.

Таким образом, целью создания международных компаний является преодоление негативных последствий западных санкций в отношении России, развитие отдельных территорий, привлечение иностранных инвестиций и возвращение компаний с российским капиталом под юрисдикцию РФ.

Личным законом международной компании с момента ее регистрации является законодательство РФ. Это правило, безусловно, применимо к международным компаниям, созданным в порядке инкорпорации. Вместе с тем, к компаниям, созданным в порядке редомициляции, относительно ряда вопросов, возникших до регистрации международных компаний, применяется иностранное право государства при условии, что это предусмо-

рено уставом международной компании и включении в устав международной компании арбитражного соглашения.

Международная компания – коммерческая корпоративная компания, созданная посредством редомициляции или инкорпорации в РФ иностранной компаний, личным законом которой является российское право.

Литература

1. Арнаутов Р.А. Особенности права, применимого к редомицилированным международным компаниям//Вестник экономического правосудия. № 7. 2024. С. 105
2. Блинова Ю.В., Ворокосова Л.И., Чигарова А.С., Зобина И.А. Правовой статус международной компании по российскому законодательству// Российский внешнеэкономический вестник.2019. № 3. С. 125
3. Clause 216(3) of the International Business Companies Act, 2016. URL: https://www.actoffshore.com/files/IBC_Act_2016.pdf.
4. Канашевский В.А. Международная компания как особый вид юридического лица в России//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 104–108
5. Колобов Р.Ю. Изменение национальности и личного закона юридического лица (к вопросу о международных компаниях)//Пролог: журнал о праве. 2018. № 4. С. 31–37
6. Кондукторов А.С. Правовое регулирование редомициляции в Российской Федерации//Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 44–45
7. Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».
8. ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» от 24 августа 2018 года (в ред. 08.08.2024)
9. Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 292-ФЗ О внесении изменений в статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации.

THE PERSONAL LAW OF INTERNATIONAL COMPANIES

Kleshcheva I.A.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the problems of the activity of legal entities in international trade. The global economic crisis and the impact of sanctions policy have had an impact on the regulation of corporate relations. Conditions are being created in the Russian Federation for business development and attracting investments, as well as the return of capital of Russian companies with a "foreign residence permit". To do this, the Russian legislator has developed a number of measures that have provided an opportunity for foreign legal entities to acquire the status of an international company by passing under Russian jurisdiction. Russian law becomes the personal law of such a company. Through the above, the relevance of this issue will be revealed.

Keywords: international companies, redomiciliation, incorporation, state, personal law.

References

1. Arnautov R.A. Features of the law applicable to redomiciled international companies//Bulletin of Economic Justice. No. 7. 2024. p. 105
2. Blinova Yu.V., Vorokosova L.I., Chigarova A.S., Zobina I.A. The legal status of an international company in Russian legislation// Russian Foreign Economic Bulletin.2019. No. 3. p. 125
3. Clause 216(3) of the International Business Companies Act, 2016. URL: https://www.actoffshore.com/files/IBC_Act_2016.pdf.
4. Kanashevsky V.A. International company as a special type of legal entity in Russia//Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 6. pp. 104–108
5. Kolobov R.Y. Change of nationality and personal law of a legal entity (on the issue of international companies)//Prologue: Journal of Law. 2018. No. 4. pp. 31–37
6. Konduktorov A.S. Legal regulation of redomiciliation in the Russian Federation//Current problems of Russian law. 2023. No. 9. pp. 44–45
7. Federal Law No. 291-FZ dated August 3, 2018 “On Special Administrative Regions in the Territories of the Kaliningrad Region and Primorsky Krai”.
8. Federal Law “On International Companies and International Funds” dated August 24, 2018 (as amended on 08.08.2024)
9. Federal Law No. 292-FZ dated August 3, 2018 On Amendments to Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation.

Гражданско-правовое регулирование частных инвестиций: проблемы и перспективы включения специализированного транспорта в контракты жизненного цикла

Ковалёв Илья Алексеевич,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, кафедра правового обеспечения рыночной экономики, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС)
E-mail: Danikeev89@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о включении специализированного транспорта, такие как автомобили скорой медицинской помощи, школьные автобусы в контракты жизненного цикла, а также обозначены основные преимущества заключения контрактов жизненного цикла в отношении специализированного транспорта для государственных заказчиков и для исполнителей. Выявлено, что в настоящее время Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 года № 1087 не позволяет заключать контракты в отношении специализированного транспорта. В рамках настоящей статьи автором предлагается внести изменение в действующее законодательство, которое поспособствует увеличению частных инвестиций в социальную инфраструктуру и которое позволит заключать контракты жизненного цикла для автомобилей скорой медицинской помощи и школьных автобусов.

Ключевые слова: специализированный транспорт, закон о контрактной системе, социальная инфраструктура, инвестиционная деятельность, правовое регулирование, инвестор, государственно-частное партнерство, государственный заказчик, инвестиции, контракт жизненного цикла.

Инвестиции являются важнейшим фактором, влияющим на экономическое развитие государства, поскольку они обеспечивают не только рост капитала, но и создание новых рабочих мест, внедрение инновационных технологий и улучшение социальной инфраструктуры. Успешное привлечение инвестиций, особенно иностранных, напрямую зависит от наличия сильной и стабильной правовой системы, которая предоставляет инвесторам уверенность в их безопасности и защите интересов. Однако анализ существующего законодательства выявил существенные проблемы в сфере инвестиционной политики, особенно касающиеся социальных объектов и специализированного транспорта. Основной причиной этих трудностей является отсутствие необходимых правовых рамок и четких механизмов, регулирующих инвестиционные процессы в этих областях, что делает такие проекты менее привлекательными для инвесторов. Как правильно замечает И.А. Вдовина «механизм правового регулирования инвестиционной деятельности представляет собой гармоничную систему, включающую в себя юридические инструменты, методы, субъекты и объекты, которые с помощью правовых средств влияют на общественные отношения в сфере инвестиций» [1].

Современное государственно-правовое регулирование инвестиционной деятельности включает широкий спектр мер, охватывающих экономическую, социально-политическую, организационную и другие сферы воздействия. Ключевым элементом этого регулирования является нормативно-правовое воздействие, которое выполняет роль основного механизма закрепления и определения ключевых параметров для всех участников инвестиционных процессов. Юридические нормы, являющиеся неотъемлемой частью правового механизма регулирования, помогают детализировать и формализовать действия субъектов инвестиционной деятельности, что обеспечивает прозрачность и предсказуемость процессов. Важнейшей основой для этих норм служат действующие нормативно-правовые акты, которые, в свою очередь, регулируют специфические инвестиционные правоотношения. Эти правоотношения, воплощая нормы в конкретных действиях, становятся основным инструментом для реализации законодательно предусмотренных сценариев поведения участников инвестиционного процесса. Механизм государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности включает в себя не толь-

ко структурные элементы, но и временную составляющую, поскольку представляет собой непрерывный процесс. Для более глубокого анализа можно выделить два основных этапа этого процесса: издание нормативных актов и их практическая реализация. Такой подход позволяет чётко определить место и роль каждого компонента в общей системе правового регулирования.

Именно государство занимает центральное место в механизме правового регулирования инвестиционной деятельности, играя ключевую роль в создании благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности путем: совершенствования системы налогов, механизма начисления амортизации и использования амортизационных отчислений; установления субъектам инвестиционной деятельности специальных налоговых режимов, не носящих индивидуального характера; «метод рекомендаций», который представляет собой рекомендации, используемые при формировании учетной политики или в сфере образования [3, с 119–126]; защиты интересов инвесторов; предоставления субъектам инвестиционной деятельности льготных условий пользования землей и другими природными ресурсами, не противоречащих законодательству Российской Федерации; расширения использования средств населения и иных внебюджетных источников финансирования жилищного строительства и строительства объектов социально-культурного назначения; увеличение доступности использования залогов при осуществлении кредитования; создания возможностей формирования субъектами инвестиционной деятельности собственных инвестиционных фондов.

Все перечисленные правовые инструменты способствуют формированию благоприятной среды, что, в свою очередь, гарантирует эффективное функционирование частноправовых механизмов. Инвестиционные правоотношения, как динамичные элементы правового поля, возникают, эволюционируют и прекращаются в рамках норм, принадлежащих различным отраслям права. Одним из ключевых факторов, определяющих эффективность правовых норм, является их логичность, последовательность и отсутствие внутренних противоречий [4, с 86–95].

Для повышения эффективности финансово-правового регулирования инвестиционной деятельности на региональном уровне Российскому государству важно внедрить комплекс механизмов, направленных на улучшение инвестиционного климата. Важно не ограничиваться лишь предоставлением налоговых льгот и других преференций, но и активно работать над созданием системы правовых норм, которые бы минимизировали административные преграды для бизнеса и одновременно способствовали бы развитию региональной инфраструктуры.

Современные рыночные реалии, в условиях старения населения и увеличение процента инвалидов, настоятельно требуют организации взаимодействия государства с коммерческими орга-

низациями в части оказания социальной помощи населению. Поэтому актуализируется проблема расширения перечня и объемов оказываемых государством социальных услуг. Соответственно, необходима надлежащая правовая база подобного взаимодействия. Государство заинтересовано в решении социальных проблем, существующих в обществе, и одновременной экономии бюджетных денежных средств. Кроме того, подобное взаимодействие будет являться прекрасной основой для становления в России базы социального партнерства между государством и негосударственным сектором экономики, что несомненно будет одним из существенных воплощений социального государства, провозглашенного в качестве конституционного принципа.

Рассмотрение вопроса о путях совершенствования теории и практики привлечения инвестиций в социальную инфраструктуру предполагает многовариантность способов и методов улучшения соответствующей сферы. В связи с этим ниже предлагается рассмотрение указанного вопроса в разрезе перспектив использования контрактов жизненного цикла при обеспечении государственных заказчиков в сфере здравоохранения специализированным транспортом.

С 2013 года в ряде российских регионов реализуется проект обновления автопарка автомобилей скорой медицинской помощи для государственных медицинских учреждений, при этом финансирование обеспечивается за счет частных инвестиций. В рамках данного проекта частные инвесторы предоставляют автомобили, а также оказывают услуги по их управлению и эксплуатации. Такой подход был привлекателен для инвесторов благодаря трехлетним государственным контрактам, которые обеспечивали возврат вложенных средств, однако не покрывали всех потребностей инвесторов. Причина кроется в том, что полная амортизация автомобилей скорой помощи происходит лишь за пять лет, в то время как краткосрочные контракты ограничивают возможности для полного использования ресурсов. Кроме того, специфическая направленность транспортных средств делает невозможным их использование на других рынках в случае прекращения контракта.

Еще одним примером потенциально сложного проекта для привлечения инвестиций в рамках действующего законодательства является идея вовлечения частных операторов в эксплуатацию школьных автобусов. Однако инвесторы сталкиваются с юридическими ограничениями, установленными действующими нормативными актами. Согласно пункту 3 Правил организованной перевозки детей автобусами, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17.12.2013 года № 1177, срок эксплуатации школьных автобусов не может превышать 10 лет, что ставит под сомнение жизнеспособность такого инвестиционного проекта [5].

Обновление автопарка без необходимости значительных одноразовых вложений в его закупку, повышение качества обслуживания граждан и сни-

жение затрат на содержание специализированного транспорта возможно через аутсорсинг услуг по предоставлению таких транспортных средств частным партнерам. В данном случае частный инвестор берет на себя покупку транспортных средств, а оплата услуг происходит поэтапно на протяжении всего срока действия контракта. Эти проекты, обладая умеренной капиталоемкостью, могут быть реализованы в краткие сроки, что способствует их высокой социальной и экономической эффективности. Подобный подход, основанный на принципах государственно-частного партнерства, делает такие инициативы особенно привлекательными для реализации в условиях ограниченных бюджетных ресурсов.

Действительно, законодательный барьер, существующий на сегодняшний день, ограничивает возможности для успешной реализации проектов, направленных на привлечение частных инвесторов в сферу предоставления специализированного транспорта. Главная проблема заключается в отсутствии правовой основы для заключения долгосрочных договоров с частными партнерами, которые могли бы обеспечить окупаемость их инвестиций в приобретение новых транспортных средств. Согласно Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», возможность заключения долгосрочных контрактов с частными инвесторами в теории существует. Однако, как указано в части 16 статьи 34 этого закона, перечень таких контрактов ограничен, и спецификация возможных услуг и работ, для которых может быть заключен контракт жизненного цикла, четко обозначена в Постановлении Правительства РФ от 28.11.2013 № 1087. Этот перечень, в свою очередь, не включает услуги по предоставлению специализированного транспорта на длительный срок, что препятствует привлечению частных инвестиций в обновление транспортного парка.

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» ограничивает продолжительность контрактов, поскольку Бюджетный кодекс Российской Федерации устанавливает рамки бюджетных обязательств, которые напрямую влияют на сроки и порядок оплаты государственных и муниципальных контрактов. В соответствии с этим кодексом, такие обязательства должны быть утверждены в рамках двухлетнего планового периода, а также в бюджете текущего финансового года. Однако существует исключение, предусмотренное в части 3 статьи 72 Бюджетного кодекса, которое касается отдельных видов государственных и муниципальных контрактов. Эти контракты могут быть заключены на более длительные сроки, чем те, что ограничены утвержденными лимитами бюджетных средств, при условии, что они касаются работ и услуг, выходящих за рамки установленного бюджета. Заключение таких контрактов возможно

только на основании специального Постановления Правительства РФ или иных нормативных актов, принятых высшими исполнительными органами власти.

Заключение долгосрочного контракта в рамках Закона о контрактной системе возможно через использование контрактов жизненного цикла, что прописано в части 16 статьи 34 данного закона. Перечень работ и услуг, по которым может быть заключен контракт жизненного цикла, уточняется в Постановлении Правительства РФ от 28.11.2013 № 1087 [6]. Введение легальной дефиниции «контракт жизненного цикла» стало результатом интенсивных дискуссий в экспертных кругах, где рассматривалась его роль как инновационной формы взаимодействия между государством и частным сектором [7]. Контракт жизненного цикла был предложен как механизм, способствующий снижению финансовой нагрузки на государственный (муниципальный) бюджет, предоставляя возможность растянутого на длительный срок финансирования товаров, работ и услуг. Это позволяет не только повысить эффективность использования бюджетных средств за счет оплаты только при достижении необходимых функциональных параметров, но и обеспечить подрядчику стабильность финансирования, что выходит за рамки обычных краткосрочных бюджетных обязательств. Кроме того, данный механизм упрощает конкурсные процедуры, позволяя объединить разнородные объекты в одном лоте и предоставляя возможность выбора единого заказчика, что повышает прозрачность и снижает административные затраты.

Контракт жизненного цикла характеризуется рядом уникальных признаков, которые определяют его ключевые свойства. Во-первых, это гражданско-правовой договор, представляющий собой сделку, заключаемую между двумя или более сторонами. В основе контракта жизненного цикла лежит либо договор поставки, либо договор подряда, что обеспечивает его юридическую основу. Во-вторых, важным элементом такого контракта является обязательство сторон, направленное на дальнейшую деятельность, которая включает обеспечение долгосрочной функциональности и работоспособности предмета поставки или объекта подряда. Контракт жизненного цикла, таким образом, охватывает не только начальную поставку или выполнение работ, но и предполагает продолжение взаимодействия сторон на протяжении всего срока эксплуатации объекта. В рамках такого контракта одна из сторон – обычно публично-правовое образование, будь то государственное или муниципальное учреждение – несет расходы за счет бюджета, оплачивая услуги, связанные с использованием объекта, предоставляемого для нужд граждан. Не имеет принципиального значения для действия контракта жизненного цикла, в чьей собственности будет находиться имущество и объекты, создаваемые за счет средств частных инвесторов.

Государственные образовательные учреждения сталкиваются с необходимостью обновления свое-

го специализированного транспорта (парка школьных автобусов, автомобилей скорой медицинской помощи) за свой счет. Это вызывает значительные финансовые затраты из бюджетных средств, которые могут быть ограничены. Иными словами, контракты жизненного цикла представляют собой эффективный инструмент для реализации государственно-частного партнерства, особенно в условиях ограниченности бюджетных средств. Даже после наступления обязанности осуществить оплату, размер платежей будет существенно ниже, если бы государственный заказчик одновременно расходовал бюджетные денежные средства. Также поставщики услуг, специализирующиеся на предоставлении специализированного транспорта, могли бы обеспечить высокий уровень качества и надежности транспортных средств за счет опыта и знаний специализированных поставщиков услуг. Это включало бы регулярное техническое обслуживание, диагностику и ремонт, а также соблюдение всех необходимых стандартов безопасности. В результате государственные организации могли бы быть уверены в безопасной и эффективной работе своего транспортного парка. Так же передача ответственности за управление и обслуживание транспортного парка поставщику услуг позволила бы снизить административную нагрузку на государственные организации. Они освободились бы от задач, связанных с закупкой, техническим обслуживанием, ремонтом и утилизацией транспортных средств. Вместо этого они могли бы сосредоточиться на своих основных функциях и задачах.

Исполнитель, в свою очередь, извлекает значительные выгоды из использования контракта жизненного цикла. Такой контракт предоставляет ему доступ к крупным государственным заказам, а также свободу в выборе проектных и технических решений, что повышает гибкость реализации проекта. Кроме того, наличие обязательств государства по контракту открывает возможности для привлечения финансирования на более выгодных условиях, поскольку государственные гарантии служат залогом для получения заемных средств. Важным преимуществом является также отсутствие риска, связанного с спросом на услуги: частный партнер не несет ответственности за колебания потребительского спроса, поскольку государство берет на себя обязательства по оплате услуг, независимо от их рыночного спроса. Преимущество также выражается в виде стабильных и регулярных выплат по контракту в течение нескольких лет и при этом исполнитель избегает простоев в работе организации и обеспечивает стабильной работой своих сотрудников.

Постановление Правительства РФ № 1087 не включает возможность заключения контрактов жизненного цикла для школьных автобусов или других специализированных транспортных средств, таких как автомобили скорой медицинской помощи. В то же время, в перечне указан пункт з), который касается закупки железнодорожного подвижного состава и других видов го-

родского транспорта, таких как метрополитен или внеуличный транспорт. Однако, как уже было рассмотрено, эти виды транспорта не могут быть сопоставимы с автобусами или специализированными медицинскими автомобилями, что создаёт юридическую пробел в возможностях применения контрактов жизненного цикла в этих областях.

Исходя из изложенного, можно заключить, что действующее законодательство не предоставляет достаточных механизмов для защиты интересов частных инвесторов, желающих участвовать в оказании услуг по предоставлению, управлению и эксплуатации специализированного транспорта. Основная проблема заключается в том, что максимальный срок действия контракта ограничен тремя годами, в то время как срок амортизации транспортных средств составляет, как правило, 5 лет, а для школьных автобусов – до 10 лет. Это создаёт значительный риск для инвесторов, поскольку, по истечении трехлетнего периода, существует высокая вероятность не только непродления контракта, но и изменения технических условий эксплуатации, что может привести к убыткам. В рамках таких условий частный инвестор вынужден не только приобретать транспортные средства, но и инвестировать в создание материально-технической базы и привлечение персонала, что делает участие в подобных проектах экономически неоправданным.

В связи с вышеизложенным, для эффективного привлечения частных инвестиций в проекты по обновлению специализированного транспорта целесообразно внести изменения в Постановление Правительства РФ № 1087. В частности, предлагается переформулировать пункт «з» части 1 следующего образом: «з) закупка, обслуживание, ремонт и эксплуатация железнодорожного подвижного состава, транспортных средств городского наземного и метрополитена, внеуличного транспорта, а также транспорта, обеспечивающего регулярные перевозки детей для государственных и муниципальных образовательных учреждений, а также специализированного транспорта для экстренных служб». Кроме того, необходимо рассмотреть возможность расширения перечня, включая в него другие виды специализированного транспорта, срок амортизации которых превышает три года. Это позволит повысить привлекательность таких проектов для частных инвесторов, учитывая, что использование таких транспортных средств в рамках государственных контрактов является зачастую единственным экономически обоснованным вариантом.

Реализация предложенных законодательных инициатив откроет возможность заключения контрактов жизненного цикла в соответствии с нормами Закона о контрактной системе, что обеспечит необходимую длительность контрактов для покрытия всех затрат частных инвесторов. Это позволит государственным учреждениям сосредоточиться на выполнении своих основных функций, освободив их от дополнительных финансовых и операционных обязательств, связанных с управлением

специализированным транспортом. В свою очередь, это приведет к сокращению единовременных расходов из бюджета, обеспечит долгосрочную экономию и повысит эффективность расходования государственных средств. К тому же, создание благоприятных условий для частных инвесторов через такие механизмы повысит привлекательность проектов государственно-частного партнерства, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению частных вложений в инфраструктурные проекты и укреплению партнерских связей между государством и бизнесом.

Литература

1. Вдовин И.А. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности (исторический и теоретико-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 388 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002302264>.
2. Петросянц В. З., Дохолян С.В., Деневицук Д.А. Проблемные регионы: экономическая политика в условиях федерализма // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы развития национальной экономики в условиях глобальных инновационных преобразований». Под ред. Казиевой Ж.Н. – 2018. – С. 7–22.; Пьянов Н.А. Еще раз о государственно-правовом и государственном регулировании // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 4. – С. 10–14.
3. Михайлов А.В. Методы правового регулирования отношений с участием предпринимателей // Ученые записки Казанского университета. 2012. Гуманитарные науки. № 154/4. С. 119–126.
4. Михайлов А.В. Эффективность норм предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 156/4. С. 86–95.
5. Постановление Правительства РФ от 17.12.2013 года № 1177 «Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами» // Сборник законодательства РФ, 30.12.2013, № 52 (часть II), ст. 7174.
6. Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 года № 1087 «Об определении случаев заключения контракта жизненного цикла» // Сборник законодательства РФ, 09.12.2013, № 49 (часть VII), ст. 6430.
7. Изосимов Д.А., Громова Е.Г. Долгосрочные контракты в дорожном строительстве как инструмент мотивации, оптимизации рисков и бюджетных расходов // *Ars administrandi*. Ис-

кусство управления. 2010. N 2. С. 84–92; Зусман Е.В., Аракелян К.М. Новые механизмы государственно-частного партнерства в России (контракты жизненного цикла) // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2010. N 4. С. 117–128.

CIVIL LAW REGULATION OF PRIVATE INVESTMENTS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF INCLUDING SPECIALIZED TRANSPORT IN LIFE CYCLE CONTRACTS.

Kovalev I.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article considers the issue of including specialized transport, such as ambulances, school buses in life cycle contracts, and also identifies the main advantages of concluding life cycle contracts in relation to specialized transport for government customers and for performers. It has been revealed that currently the Decree of the Government of the Russian Federation dated 11.28.2013 № 1087 does not allow to conclude contracts in relation to specialized transport. Within the framework of this article, the author proposes to amend the current legislation, which will contribute to an increase in private investment in social infrastructure and which will allow the conclusion of life cycle contracts for ambulances and school buses.

Keywords: specialized transport, contract system law, social infrastructure, investment activity, legal regulation, investor, public-private partnership, state customer, investment, life cycle contract.

References

1. Vdovin I.A. The mechanism of legal regulation of investment activities (historical and theoretical-legal analysis): dis. ... Doctor of Law. St. Petersburg, 2002. 388 p. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002302264>.
2. Petrosyants V.Z., Dokholyan S.V., Denevizyuk D.A. Problem regions: economic policy in the context of federalism // Materials of the All-Russian scientific and practical conference “Problems of development of the national economy in the context of global innovative transformations”. Ed. Kazieva Zh.N. – 2018. – P. 7–22.; Pyanov N.A. Once again on state-legal and state regulation // *Siberian Legal Bulletin*. – 2010. – No. 4. – P. 10–14.
3. Mikhailov AV Methods of legal regulation of relations with the participation of entrepreneurs // *Scientific notes of Kazan University*. 2012. Humanities. No. 154/4. P. 119–126.
4. Mikhailov AV Efficiency of business law norms // *Scientific notes of Kazan University*. Series Humanities. 2014. No. 156/4. P. 86–95.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.12.2013 No. 1177 “On approval of the Rules for the organized transportation of a group of children by buses” // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 30.12.2013, No. 52 (part II), art. 7174.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.11.2013 No. 1087 “On Determining Cases of Concluding a Life Cycle Contract” // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 09.12.2013, No. 49 (Part VII), Art. 6430.
7. Izosimov D.A., Gromova E.G. Long-term contracts in road construction as a tool for motivation, risk optimization and budget expenditures // *Ars administrandi*. The art of management. 2010. N 2. pp. 84–92; Zusman E.V., Arakelyan K.M. New mechanisms of public-private partnership in Russia (life cycle contracts) // *STAGE: economic theory, analysis, practice*. 2010. N 4. pp. 117–128.

Регистрация имени в качестве товарного знака: проблемы теории и правоприменительной практики

Андриевская Арина Николаевна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: a.andrievskaya@g.nsu.ru

Косторнов Денис Алексеевич,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.kostornov@g.nsu.ru

В статье рассматривается вопрос регистрации имени в качестве товарного знака. Раскрывается содержание права на имя. Представлены наиболее частые основания отказа в регистрации таких обозначений. По итогам анализа судебной практики были обозначены три главные проблемы регистрации имени в качестве товарного знака. Выявлены критерии, на основе которых суды делают выводы о распространенности фамилии в контексте возможности их регистрации в качестве товарного знака. Критически освещается проблема регистрации имени исторических личностей. Исследуется опыт регистрации псевдонимов. Делается вывод о сложности регистрации псевдонима, состоящего из фамилии и имени физического лица, не совпадающего с заявителем. Сформулированы рекомендации о том, что включение в состав товарного знака художественных элементов, добавление дизайнерского оформления значительно повысят шансы на его регистрацию.

Ключевые слова: право на имя, средства индивидуализации, товарные знаки, различительная способность, введение потребителя в заблуждение.

Право на имя это важнейшее, неотчуждаемое право человека, которое возникает с момента рождения. В статье 19 ГК РФ законодатель закрепил трехэлементную структуру имени: непосредственно имя, фамилия и отчество. Будучи по своей природе личным неимущественным благом, значение имени в гражданском обороте состоит в том, что оно является средством индивидуализации личности.

Представляется возможным говорить о том, что содержанием права на имя являются правомочия по владению, пользованию, распоряжению именем. Одним из способов распоряжения именем в разрезе рассматриваемой темы является его использование в товарном знаке, которое, как правило, сопряжено с определенными проблемами.

Так, наиболее частыми основаниями для отказа в регистрации товарных знаков, которые содержат в себе имя определенного лица, являются введение потребителя в заблуждение относительно изготовителя товара (п.п.1 п. 1 ст. 1483 ГК РФ) и тождество с именем, псевдонимом известного в Российской Федерации на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника (п.п.2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ).

Вопросы, возникающие в связи с оценкой охраноспособности таких обозначений, являются, как правило, одними из самых сложных и дискуссионных в теории и практике экспертизы товарных знаков [1, 28]. Совокупность связанных с этим проблем можно разделить на три группы:

- 1) проблемы регистрации имени известного в Российской Федерации или в мире лица;
- 2) проблемы регистрации распространенной на территории Российской Федерации фамилии;
- 3) проблемы регистрации псевдонима.

Предлагаем рассмотреть каждую из названных проблем.

Проблемы регистрации имени известного в Российской Федерации или в мире лица

Граждане, которые приобрели широкую известность в определенной сфере, регистрируют товарные знаки со своим именем, как правило, не только для осуществления публичной деятельности, но и для реализации продукции под собственным именем. Так, например, российский актер и телеведущий Дмитрий Нагиев зарегистрировал свое имя в качестве товарного знака для товаров и услуг 3,13, 14, 18, 25, 35 и 41 классов МКТУ (товарный знак № 106040, регистрация от 2 ноября 2024 года). Зарегистрировать товарный знак с фамили-

ей знаменитости рядовому заявителю не удастся, поскольку такие действия имеют очевидную недобросовестную цель – привлечение широкого круга потребителей за счет чужого имени. Единственным исключением, при котором такая регистрация будет возможна, будет получение письменного согласия от носителя известного имени или его наследника.

Важно отметить, что оценочное понятие «известность» нередко становится камнем преткновения для разрешения вопроса о возможности регистрации товарного знака. Представляется верным говорить о том, что при решении такого вопроса, целесообразно ориентироваться на среднестатистического потребителя, а не представителя определенного, узкоспециализированного сообщества. Данная позиция нашла свое отражение в практике. Так, Палата по патентным спорам не согласилась с решением Роспатента об отказе в регистрации товарного знака «Maldini» [2]. По мнению Роспатента, заявленное обозначение воспроизводит фамилию известного футболиста – Паоло Мальдини, в силу чего оно способно ввести в заблуждение потребителя относительно лица, оказывающего услуги. Действительно, для представителей футбольного сообщества, основу которого составляют болельщики со всего мира, данное имя является известным. Однако, как справедливо отметила Палата по патентным спорам, вышеуказанный футболист может быть известен в России лишь узкому кругу потребителей, увлекающихся футболом. Плюс ко всему, было констатировано отсутствие ассоциативной связи между самим футболом и родом услуг (гостиничный бизнес), в отношении которых заявитель истребовал правовую охрану.

Не менее сложной остается ситуация с регистрацией товарных знаков, содержащих в качестве словесных элементов имя и (или) фамилию знаменитой исторической личности, которой уже нет в живых. Отсутствие единообразной практики в этом вопросе проявляется в следующем. Достаточно часто Роспатент обосновывает отказ в регистрации таких товарных знаков через противоречие общественным интересам и несоответствие нормам морали и нравственности. Особенно распространена такая позиция, когда правовая охрана истребуется для алкогольной и табачной продукции. Так, по вышеуказанным причинам Палата по патентным спорам поддержала отказ Роспатента в регистрации товарного знака «Семен Дежнев» [3]. При этом, в другом деле заявитель, предоставив официальное письменное согласие от Государственного литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, смог добиться регистрации товарного знака «Достоевский» (товарный знак № 438329, регистрация от 1 июня 2011 года). По мнению авторов, аргумент о том, что производители, маркируя товары и услуги именами великих личностей, преследуют цель сохранения исторической памяти и способствуют их популяризации, представляется не в полной мере оправданным. Подобное обоснование использования товарных знаков релевантно лишь для благотворительных

организаций или организаций, которые занимаются сохранением исторической памяти. Иные субъекты, в первую очередь, преследуют цель влияния на потребителей и выделения собственного товара (услуги) среди аналогичных посредством указания на известную историческую личность.

Проблемы регистрации распространенной на территории РФ фамилии

Как известно, товарный знак должен обладать свойством различительной способности. Применительно к товарным знакам, одним из элементов которых является фамилия, различительная способность раскрывается через способность самостоятельно индивидуализировать товары и услуги только лишь одного (единственного) конкретного лица среди многочисленных равноправных носителей этой фамилии.

В связи с этим, наиболее частый отказ в регистрации товарного знака получают заявители, в чем обозначении распространенная фамилия (например, Иванов, Петров, Сидоров) используется в качестве единственного элемента товарного знака. Для решения вопроса о наличии различительной способности и, соответственно, возможности регистрации таких обозначений суды руководствуются, в том числе, статистическими данными. Так, Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу о том, что распространенность фамилии «Долгалев», упоминаемой в отношении мужчин и женщин в общей сложности 108 раз, с учетом численности населения Российской Федерации не подтверждена [4].

В другом деле Палата по патентным спорам обосновала отсутствие различительной способности фамилии «Маринич» через перечисление ее известных носителей, как живших ранее, так и ныне живущих [5]. Более того, Палата обратила внимание на широкую распространенность фамилии среди индивидуальных предпринимателей (на сайте ФНС России, согласно которым с фамилией «Маринич» было зарегистрировано 187 индивидуальных предпринимателей). В связи с чем, целесообразным выглядит вывод о том, что данный словесный элемент должен оставаться свободным для использования любым участником предпринимательской деятельности. При этом, лишь количественный фактор вне контекста характера осуществляемой предпринимателями деятельности, а также территориальной сферы их деятельности, также не должен быть безусловным условием для отказа в регистрации товарного знака.

Суды также обращаются и к результатам поисковых запросов в социальных сетях, например, «ВКонтакте», «Одноклассники». Так, предоставленная информация в данных социальных сетях (по запросу «Ширман» в сети «ВКонтакте» найдено 793 человека с указанной фамилией), по мнению коллегии, не может свидетельствовать об исключительной редкости данной фамилии [6].

Для приобретения такими обозначениями различительной способности рекомендуется регистрировать изобразительный (графический) товарный знак с высоким уровнем художественного оформления.

Проблемы регистрация псевдонима

Учитывая, что в сфере творчества и культуры, гражданам все чаще выступают от своего вымышленного имени, важно рассмотреть вопрос о том, возможно ли зарегистрировать псевдонимы в качестве товарных знаков.

В том случае, если заявитель на протяжении долгого времени использовал псевдоним в своей деятельности, и он приобрел различительную способность и, как следствие, ассоциацию у потребителя с конкретным лицом, проблем при регистрации, как правило, не возникает. Так, Василий Вакуленко, известный в музыкальной индустрии как «Баста», зарегистрировал товарный знак, воспроизводящий его псевдоним (товарный знак № 657729, регистрация от 28 мая 2018 года). В дальнейшем, он сумел сохранить право на его использование, несмотря на то, что иностранное юридическое лицо WINE-TRADEMARKS S.R.L., производящее алкогольную продукцию с такой же маркировкой, требовало признать решение о регистрации недействительным и прекратить правовую охрану товарного знака. Суд по интеллектуальным правам, разрешая спор, обратил внимание на то, что исполнитель на протяжении 15 лет выступал под псевдоним «Баста», получал престижные музыкальные премии, проводил концерты на известных в России музыкальных площадках и стадионах [7].

При этом, в случае, если псевдоним состоит из фамилии и имени физического лица, не совпадающего с заявителем, возникает проблема введения потребителя в заблуждение относительно производителя товара.

В таком случае, заявителю необходимо доказать, что выбор словесного обозначения имел конкретные причины, связанные не с намерением нарушить права конкретного лица с таким именем и фамилией, а со стремлением зарегистрировать свой творческий псевдоним, который уже многократно использовался ранее. Рекомендуется также представить историю создания псевдонима, а также результаты творческой или иной деятельности в открытом доступе, подтверждающие факт принадлежности заявителя к псевдониму. Однако даже таких действий будет недостаточно, если псевдоним воспроизводит имя и фамилию известного на территории Российской Федерации лица. Роспатент предлагает следующий способ преодоления возникшего правового конфликта – получение письменного согласия от физического лица. При этом, остается нерешенным вопрос о том, от какого конкретно носителя имени и фамилии, требуется получение этого согласия, если фамилия является распространенной на территории РФ и ее обладателями являются сотни человек.

Таким образом, несмотря на то, что регистрация своего имени в качестве товарного знака, чаще всего, выступает удачным маркетинговым ходом, далеко не всем заявителям удастся добиться правовой охраны выбранного им обозначения. Чаще всего такие товарные знаки не обладают различительной способностью, либо воспроизводят фамилии известных лиц. На основе анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что включение в состав товарного знака художественных элементов, добавление дизайнерского оформления значительно повысят шансы на его регистрацию.

Литература

1. Погребинская Т.Ю. Товарные знаки – фамилии: некоторые вопросы правовой охраны в РФ. – Система ГАРАНТ, 2013. – 138 с.
2. Заключение Палаты по патентным спорам от 25.06.2020.
3. Заключение Палаты по патентным спорам от 05.03.2009.
4. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.11.2019 по делу № СИП-454/2019.
5. Заключение Палаты по патентным спорам от 28.04.2023.
6. Заключение Палаты по патентным спорам от 14.03.2024.
7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 05.07.2022 по делу № СИП-46/2022.

REGISTRATION OF A NAME AS A TRADEMARK: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.
Novosibirsk State University

The article deals with the issue of registering a name as a trademark. The content of the right to the name is disclosed. The most common grounds for refusal to register such designations are presented. Based on the results of the analysis of judicial practice, three main problems of registering a name as a trademark were identified. The criteria on the basis of which the courts draw conclusions about the prevalence of the surname in the context of the possibility of their registration as a trademark are revealed. The problem of registering the names of historical figures is critically highlighted. The experience of registering pseudonyms is being investigated. It is concluded that it is difficult to register a pseudonym consisting of the surname and first name of an individual who does not match the applicant. Recommendations are formulated that the inclusion of artistic elements in the trademark, the addition of design design will significantly increase the chances of its registration.

Keywords: the right to a name, means of individualization, trademarks, distinctiveness, misleading the consumer.

References

1. Pogrebinskaya T. Yu. Trademarks – surnames: some issues of legal protection in the Russian Federation. – GARANTEE System, 2013. – 138 p.
2. Opinion of the Patent Dispute Chamber of 25.06.2020.
3. Opinion of the Patent Dispute Chamber of 05.03.2009.
4. Decision of the Intellectual Property Court of 26.11.2019 in case No. SIP-454/2019.
5. Opinion of the Patent Dispute Chamber of 28.04.2023.
6. Opinion of the Patent Dispute Chamber of 14.03.2024.
7. Decision of the Intellectual Property Court of 05.07.2022 in case No. SIP-46/2022.

Манипулятивное воздействие на деловую репутацию как форма недобросовестной конкуренции на цифровом рынке

Лимонов Павел Владимирович,

аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: limonov.pv@yandex.ru

Внедрение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта внесли значительный вклад в усложнение ранее существовавших общественных отношений, в частности, сложившихся в рамках антимонопольного регулирования, обозначив необходимость его адаптации. Заданный вектор стал одним из наиболее актуальных направлений антимонопольной политики. Результатами её реализации можно считать разработку и принятие «пятого антимонопольного пакета», расширение взаимодействия с антимонопольными органами зарубежных стран и с международными организациями (Евразийский экономический союз, Содружество Независимых Государств, БРИКС), а также развитие сотрудничества с частными компаниями, направленное на разработку эффективных механизмов регулирования новых для науки и практики интеракций. Пространство реализации товаров и услуг приобрело «цифровой» характер, вследствие чего, возник новый, пока ещё официально не закреплённый термин «цифровой рынок», ставший производным от дефиниции «товарного рынка», закреплённой статьёй 4 Федерального закона «О защите конкуренции». Однако, опираясь на введенную упомянутым «пятым антимонопольным пакетом» дефиницию «сетевых эффектов», можно сделать вывод о том, что образующим цифровой рынок элементом являются цифровые платформы, предназначенные для организации взаимодействия продавцов и покупателей в сети «Интернет», посредством которых обеспечивается заключение сделок. Тем не менее, антимонопольное регулирование предпринимательской деятельности на цифровых платформах (в частности, крупнейших агрегаторов) в настоящий момент находится лишь на этапе зарождения. Введение инновационного инструментария осуществления торговли предопределяет также и возникновение новых вариантов злоупотреблений, ранее не известных практик нечестной конкурентной борьбы. При этом, деловая репутация предпринимателей является одним из ключевых объектов манипулятивного воздействия, формы которого требуют фиксации и изучения в целях сокращения образовавшегося разрыва между практикой и наукой конкурентного права.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, цифровые рынки, фиктивные отзывы, манипулирование рынком, деловая репутация, гудвилл.

Заданный вектор формирования цифровой экономики в Российской Федерации предопределил задачу модернизации административного законодательства¹. Переориентация торговой деятельности в область онлайн-взаимодействия в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» поспособствовала появлению концептуально новых общественных отношений в сфере предпринимательства, конкуренции и ее защиты, что в свою очередь потребовало переосмысления устоявшихся в науке и практике конкурентного права категорий, их понятий и признаков.

Одной из таких категорий является деловая репутация хозяйствующих субъектов. Данное понятие используется в ряде действующих законодательных и правовых актов, включая Гражданский кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О защите конкуренции» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Тем не менее, ни один из них не раскрывает содержания указанного термина². До недавнего времени деловая репутация относилась к нематериальным активам организации³. Однако, принятый 30 мая 2022 г. Приказ Минфина России исключил её из данного перечня⁴.

Гражданским кодексом Российской Федерации деловая репутация отнесена к нематериальным благам, но в контексте ст. 150 рассматриваемая категория используется применительно к гражданам. Тем не менее, *de facto* возможно использование по аналогии и в отношении организаций. Рассматривая понятие деловой репутации в данном

¹ Абакирова А.М., Абдыраев М.А., Василевич Г.А. и др. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления): монография /; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018. – С. 269.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 4, 2005.

³ Приказ Минфина России от 27.12.2007 N 153н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2008 N 10975) // «Российская газета», N 22, 02.02.2008.

⁴ Приказ Минфина России от 30.05.2022 N 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2022 N 69031) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2022.

ключе, можно сформулировать следующее толкование.

Деловая репутация организации – это нематериальное благо, которое представляет собой оценку профессиональных качеств и деятельности организации со стороны клиентов, партнёров, конкурентов и иных участников рынка.

При этом, деловая репутация с позиции экономической теории, в которой она именуется как «гудвилл» (от англ. «goodwill» – добрая воля), имеет конкретное стоимостное выражение, исчисляемое по формуле (гудвилл = цена покупки компании – балансовая стоимость активов – обязательства) и относится к числу неотделимых от предприятия нематериальных активов, вопреки нормативно-правовой базе¹.

Непрерывный процесс экспансии интернет-торговли и расширения цифровых рынков привел к возникновению нового понимания деловой репутации – «цифровой» репутации, под которой подразумевается представление о компании или продукте, зафиксированное в интернете. Будучи фактором, образующим «цифровую» репутацию, отзывы о деятельности продавцов и их товарах являются элементом, характеризующим эффективность взаимодействия хозяйствующих субъектов и приобретателей на цифровых платформах. Согласно данным исследования потребительского рынка, проведенным агентством Markway совместно с сервисом Anketolog.ru в 2023 году, 98,9% покупателей изучают отзывы перед совершением покупки, и наиболее часто делают это именно на маркетплейсах². Из приведенной статистики следует закономерный вывод о том, что для потребителей отзывы имеют определяющее значение при выборе товара или продавца. Поскольку отзывы обоснованно считать инструментом для продвижения на рынке, с этим связана проблема их недобросовестного использования.

Казус фиктивных отзывов не самый новый для общественных отношений, складывающихся в рамках ведения предпринимательской деятельности. Тем не менее, с учётом популярности маркетплейсов, он приобретает все большую актуальность и массовость. Учитывая уже отмеченную ранее однородность товаров на цифровом рынке, «цифровая» репутация предстает в качестве одного из решающих критериев при выборе товара, услуги или контрагента в целом.

Фиктивный отзыв можно охарактеризовать как отзыв, который содержит недостоверную информацию о продукте или услуге, как положительную, так и отрицательную. В зависимости от содержа-

¹ Крымов С.М., Аникина Н.А. Гудвилл как инструмент управления стоимостью компании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2010. № 26 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gudvill-kak-instrument-upravleniya-stoimostyu-kompanii> (дата обращения: 09.09.2024).

² СТАТИСТИКА ПО ОТЗЫВАМ: ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ПОКУПАТЕЛЕЙ В 2023 ГОДУ // [Электронный ресурс] / Markway.ru. Режим доступа: <https://markway.ru/research/issledovanie-kak-pokupateli-otnosyatsya-k-otzyvam-v-2023-godu/> (дата обращения: 09.09.2024)

ния они подпадают под действие положений о дискредитации, если содержащиеся в отзыве сведения направлены на причинение ущерба деловой репутации хозяйствующего субъекта-конкурента, или о введении в заблуждение, в случаях, когда в отзывах содержится информация, приукрашивающая свойства собственного товара или услуги. При этом, существует несколько способов создания фиктивных отзывов:

- Наём подставных лиц для написания отзывов;
- Использование ботов для автоматического создания отзывов;
- Манипуляция с реальными отзывами путём их редактирования или удаления.

Указанный инструментарий позволяет более крупным «игрокам» манипулировать соответствующим рынком и создавать барьеры к выходу на него новых хозяйствующих субъектов.

Важным вопросом является создание эффективного механизма выявления и противодействия распространению фиктивных отзывов, для чего потребуется консолидация усилий ФАС России и разработчиков цифровых платформ. В качестве превентивных мероприятий можно использовать:

- Применение системы подтверждения личности для создания и входа в учетные записи позволит предотвратить использование ботов для оставления отзывов;
- Программное ограничение времени на редактирование и удаление оставленных отзывов;
- Разработка вопроса о применении мер ответственности организаций и физических лиц за оставление фиктивных отзывов, в частности, при оказании данных услуг на возмездной основе.

Эффективность правоприменительной практики в данной сфере в значительной мере зависит от методической базы, содержащей рекомендации по выявлению характерных для «заказных» отзывов признаков, применимых как к составленным при помощи ботов или технологии ИИ, так и к написанным реальными пользователями на возмездной основе. В качестве признаков можно выделить следующие.

- Наличие подозрительных орфографических и пунктуационных ошибок может свидетельствовать о том, что отзыв написан ботом или технологией ИИ, а не реальным пользователем.
- Использование клишированных фраз.
- Отсутствие детализации в тексте отзыва.
- Отсутствие обратной связи, которое проявляется в нежелании пользователя, оставившего негативный отзыв, решить проблему.
- Наличие признаков «фейкового» (от англ. *fake* – фальшивый, поддельный) аккаунта пользователя, оставившего отзыв (отсутствие личной информации, недавнее создание аккаунта).
- Слишком большое количество отзывов от одного пользователя.

Важно сделать ремарку о том, что перечисленные признаки надлежит учитывать в совокупности и с учетом конкретного контекста, проанализировав, в том числе, непосредственно субъекта, которым они оставлены.

Как уже ранее отмечалось в настоящем исследовании, *de jure* в отечественном антимонопольном законодательстве понятие недобросовестной конкуренции применимо к правоотношениям между хозяйствующими субъектами, являющимися непосредственными конкурентами на соответствующем рынке, однако, *de facto* подобная практика существует и толкуется судами и антимонопольными органами в качестве «иной» формы недобросовестной конкуренции. Соответственно, деятельность, направленная на создание фиктивных отзывов может быть использована в качестве инструмента воздействия не только на непосредственных конкурентов, но и на хозяйствующих субъектов на других рынках (в частности, на смежных, поставляющих материалы или комплектующие для непосредственного конкурента). В данном контексте расширение субъектного состава, тем самым, выводит деятельность по написанию фиктивных отзывов из-под действия норм о дискредитации или введении в заблуждение, что позволяет определить ее как «иную» форму недобросовестной конкуренции – манипулирование рынком посредством воздействия на деловую репутацию хозяйствующих субъектов.

В качестве формы недобросовестной конкуренции, оказывающей манипулятивное воздействие на цифровой рынок необходимо отметить искусственное занижение цен (демпинг) и искусственное создание дефицита. Основным инструментом является массовый выкуп товаров, осуществляемый следующими способами.

- Использование программируемых ботов, способных автоматически осуществлять массовую закупку товаров по заданным критериям.
- Создание пула для массового приобретения товаров с целью вывода его из оборота.
- Спекулятивная закупка товаров, направленная на устранение конкурентов, предлагающих товар по более привлекательной цене, с последующей его реализацией от собственного имени с учётом наценки.
- Оформление заказа на оставшийся товар с оплатой в рассрочку без внесения первого платежа, в результате чего, отсутствие товара отображается в его карточке, а последняя, в свою очередь, исчезает из списка.
- Ложный выкуп, выраженный оформлением заказов продукции конкурента с доставкой в пункты выдачи заказов, расположенные в отдаленных регионах, без намерения их получения. Таким образом, из оборота выводятся партии товаров, а хозяйствующие субъекты-конкуренты не получают оплату за оформленные заказы и несут дополнительные логистические издержки.

Перечисленные способы воздействия на товарный рынок по своему содержанию подпадают под признаки злоупотребления доминирующим положением, закрепленные ст. 10 Закона о защите конкуренции (манипулирование ценой, изъятие товара из оборота, создание препятствий конкурентам). Тем не менее, необходимо принять во внимание, что на цифровых платформах, в частности маркетплейсах, в большинстве товарных сегментов присутствует значительное количество хозяйствующих субъектов (ряд из которых предлагает идентичный товар), из чего следует, что доминирующее положение в понимании, установленном Федеральным законом «О защите конкуренции», может отсутствовать. Соответственно, указанные деяния «выпадают» из сферы действия нормы о злоупотреблении доминирующим положением, но при этом обладают характерными для недобросовестной конкуренции признаками: акт конкуренции, который направлен на получение преимуществ за счёт других участников рынка, несоответствующий действующему законодательству, обычаям делового оборота, принципам добропорядочности, разумности и справедливости.

При этом, отсутствуют достаточно эффективные инструменты противодействия массовому выкупу продукции с целью вывода её из оборота. Производимые отказы от получения товаров негативно влияют на показатели выкупа товаров у данного продавца, в результате чего, снижается его рейтинг. Соответственно, помимо амортизации причиненных материальных убытков перед предпринимателем также стоит задача восстановления «цифровой» репутации.

В качестве превентивных мер предприниматель имеет возможность использовать программное ограничение географических границ реализации товара (к примеру, исключить продажи товара в страны ЕАЭС), а также установить лимит количества продаж за единицу времени во избежание полного выкупа продукции. Однако, в данном случае хозяйствующий субъект заведомо вынужден ограничивать собственный потенциал реализации товара.

Законодательный массив в сфере антимонопольного регулирования, как справедливо было отмечено Т.Я. Хабриевой, характеризуется разрозненностью и фрагментарностью¹. И по этой причине его адаптацию под условия, диктуемые цифровой трансформацией не стоит расценивать в качестве достаточной (хотя и обязательной) меры. Проблема противодействия недобросовестной конкуренции на цифровых рынках заключается в ретроспективном характере имеющихся механизмов воздействия, не являющихся достаточно эффективными, в то время, когда требуются методы превентивного регулирования². Ю.А. Тихоми-

¹ Хабриева Т.Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // «Журнал российского права», N 1, январь 2017 г., С. 14.

² Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. N 3(3).

ров характеризует саморегуляцию как «прогрессивное явление, влияние которого в последнее время нарастает»¹. Руководитель ФАС России – М.А. Шаскольский также обращает на это внимание и призывает придать особое значение развитию механизма саморегулирования агрегаторами коммерческой деятельности, осуществляемой на их цифровых платформах². Формирование эффективной системы взаимодействия, способного оказывать упреждающее воздействие на быстро изменяющиеся общественные отношения, должно стать одним из преобладающих векторов антимонопольной политики.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006. (дата обращения 11.09.2024).
2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7) // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999–2024. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.10.2024).
3. Приказ Минфина России от 30.05.2022 N 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2022 N 69031) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2022. (дата обращения 11.10.2024).
4. Приказ Минфина России от 27.12.2007 N 153н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2008 N 10975) // «Российская газета», N 22, 02.02.2008.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 4, 2005.
6. Принципы взаимодействия участников цифровых рынков (утв. Протоколом заседания Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий 22.09.2021 г.) // [Электронный ресурс].

¹ Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 2018. – С. 27

² ФАС подписала с IT-компаниями меморандум о принципах работы на цифровых рынках // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynkah.html> (дата обращения: 16.09.2024)

Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения 11.09.2024).

7. Абакирова А.М., Абдыраев М.А., Василевич Г.А. и др. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления): монография; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018. – С. 269.
8. Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. N 3(3).
9. Зульфугарзаде Т.Э. Особенности развития правового регулирования технологий искусственного интеллекта в Евросоюзе // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2022; 7(1): С. 7–14.
10. Крымов С.М., Аникина Н.А. Гудвилл как инструмент управления стоимостью компании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2010. № 26 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gudvill-kak-instrument-upravleniya-stoimostyu-kompanii> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я., Абрамова А.И. и др. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., доп. и перераб.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2015. С. 17.
12. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 2018. – С. 27
13. Хабриева Т.Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // «Журнал российского права», N 1, январь 2017 г., С. 14.
14. СТАТИСТИКА ПО ОТЗЫВАМ: ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ПОКУПАТЕЛЕЙ В 2023 ГОДУ // [Электронный ресурс] / Markway.ru. Режим доступа: <https://markway.ru/research/issledovanie-kak-pokupateli-otnosyatsya-k-otzyvam-v-2023-godu/> (дата обращения: 09.09.2024)
15. ФАС подписала с IT-компаниями меморандум о принципах работы на цифровых рынках // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynkah.html> (дата обращения: 16.09.2024)

MANIPULATIVE IMPACT ON BUSINESS REPUTATION AS A FORM OF UNFAIR COMPETITION IN THE DIGITAL MARKETPLACE

Limonov P.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The introduction of digital technologies and artificial intelligence technologies has made a significant contribution to the complication

of pre-existing social relations, in particular, those formed within the framework of antitrust regulation, indicating the need for its adaptation. This vector has become one of the most relevant directions of antimonopoly policy. The results of its implementation can be considered the development and adoption of the “Fifth Antimonopoly Package”, expansion of cooperation with antimonopoly authorities of foreign countries and international organizations (Eurasian Economic Union, Commonwealth of Independent States, BRICS), as well as the development of cooperation with private companies aimed at developing effective mechanisms to regulate new interactions for science and practice. The space for the realization of goods and services has acquired a “digital” character, as a result of which a new, not yet officially established term “digital market” has emerged, which has become a derivative of the definition of the “commodity market” enshrined in Article 4 of the Federal Law “On Protection of Competition”. However, based on the definition of “network effect” introduced by the above-mentioned “fifth antimonopoly package”, we can conclude that the digital market is formed by digital platforms designed to organize interaction between buyers and sellers on the Internet, through which transactions are concluded. Nevertheless, antitrust regulation of business activities on digital platforms (in particular, the largest aggregators) is currently only in its infancy. The introduction of innovative tools for trading also predetermines the emergence of new options for abuse, previously unknown practices of unfair competition. At the same time, business reputation of entrepreneurs is one of the key objects that are subject to manipulative influence, the forms of which require fixation and study in order to reduce the gap between the practice and science of competition law.

Keywords: unfair competition, digital markets, fictitious reviews, market manipulation, business reputation, goodwill.

References

1. Federal'nyy zakon ot 26.07.2006 N 135-FZ (ed. of 08.08.2024) “O zashchite konkurentsii” [Federal Law of 26.07.2006 N 135-FZ (ed. of 08.08.2024) “On Protection of Competition”] // “Rossiyskaya Gazeta”, N 162, 27.07.2006. (accessed 11.09.2024).
2. Pasport natsional'nogo proekta “Natsional'naya programma “Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu I natsional'nym proektam, protocol ot 04.06.2019 N 7) [Passport of the national project “National Program ‘Digital Economy of the Russian Federation’ (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, the minutes from 04.06.2019 N 7)]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 11.10.2024).
3. Prikaz Minfina Rossii from 30.05.2022 N 86n “Ob utverzhdenii Federal'nogo standarta buhgalterskogo ucheta FSBU 14/2022 “Nematerial'niye aktivy” (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 28.06.2022 N 69031) [Order of the Ministry of Finance of Russia dated 30.05.2022 N 86n “On Approval of the Federal Accounting Standard FAS 14/2022 “Intangible Assets” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 28.06.2022 N 69031)]. Available at: <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2022. (accessed 11.10.2024).
4. Prikaz Minfina Rossii from 27.12.2007 N 153n (red. from 16.05.2016) “Ob utverzhdenii Polozheniya po buhgalterskomu uchetu “Uchet nematerial'nikh aktivov (PBU 14/2007)” (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 23.01.2008 N 10975) [Order of the Ministry of Finance of Russia dated 27.12.2007 N 153n (ed. dated 16.05.2016) “On Approval of the Regulations on Accounting “Accounting for Intangible Assets” (RoN 14/2007)” (registered with the Ministry of Justice of Russia on 23.01.2008 N 10975) (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 23.01.2008 N 10975)]. “Rossiyskaya Gazeta”, N 22, 02.02.2008.

5. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 N 3 “O sudebnoj praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lic” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 24.02.2005 N 3 “On judicial practice in cases of protection of honor and dignity of citizens, as well as business reputation of citizens and legal entities”]. «Byulleten' Verkhovnogo Suda RF», N 4, 2005.
6. Printsipy vzaimodejstviya uchastnikov tsifrovyykh rynkov (utv. Protokolom zasedaniya Ehkspertnogo soveta pri FAS Rossii po razvitiyu konkurentsii v oblasti informatsionnykh tekhnologij 22.09.2021 g.) [Principles of interaction between participants of digital markets (approved by the Minutes of the meeting of the Expert Council under the FAS of Russia on the development of competition in the field of information technologies 22.09.2021)]. Available at: <https://fas.gov.ru/> (accessed 11.09.2024).
7. Abakirova A.M., Abdyraev M.A., Vasilevich G.A. i dr. Modernizatsiya administrativnogo zakonodatel'stva (tseli, zadachi, printsipy i aktual'nye napravleniya) [Modernization of administrative legislation (goals, objectives, principles and actual directions): monografiya; otv.red. A.F. Nozdachev. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: INFRA-M, 2018. – P. 269 (In Russian).
8. Arutyunyan A.A., Berbenyova A.D. Evolyutsiya antimonopol'nogo regulirovaniya tsifrovyykh platform [Evolution of antimonopoly regulation of digital platforms]. *Tsifrovoye pravo*. 2022. vol – N 3(3) (In Russian).
9. Zul'fugarzade T.E. Osobennosti razvitiya pravovogo regulirovaniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v Evrosoyuze [Features of the development of legal regulation of artificial intelligence technologies in the European Union]. *EKONOMIKA. PRAVO. OBSHCHESTVO*. 2022; vol – 7(1): pp. 7–14 (In Russian).
10. Krymov S.M., Anikina N.A. Gudvill kak instrument upravleniya stoimost'yu kompanii [Goodwill as a tool for managing the company's value]. *Vestnik YUURGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment*. 2010. no. 26 (202). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gudvill-kak-instrument-upravleniya-stoimostyu-kompanii> (accessed 09.09.2024) (In Russian).
11. Naryshkin S.E., Khabrieva T.Y., Abramova A.I. i dr. Nauchnye kontseptsii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva [Scientific concepts of the development of Russian legislation]: monografiya. vol. – 7, dop. i pererab.; otv. red. T.Y. Khabrieva, Y.A. Tikhomirov. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. M., 2015. P. 17 (In Russian).
12. Tikhomirov Y.A. Yuridicheskoe prognozirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie [Legal forecasting: scientific and practical manual]. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. – M., 2018. – P. 27 (In Russian).
13. Habrieva T.Y. Konstitutsionno-pravovye osnovy konkurentsii v Rossijskoj Federatsii [Constitutional and legal foundations of competition in the Russian Federation]. «Zhurnal rossijskogo prava», no. 1, January 2017, P. 14. (In Russian).
14. STATISTIKA PO OTZIVAM: ISSLEDOVANIE ROSSIJSKIKH POKUPATELEJ V 2023 GODU [STATISTICS ON REVIEWS: RESEARCH OF RUSSIAN BUYERS IN 2023]. Available at: <https://markway.ru/research/issledovanie-kak-pokupateli-otnosyatsya-k-otzyvam-v-2023-godu/> (accessed 09.09.2024) (In Russian).
15. FAS podpisala s IT-kompaniyami memorandum o printsipakh raboty na tsifrovyykh rynkakh [FAS signed a memorandum with IT-companies on the principles of work on digital markets]. Available at: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiamimemorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynkah.html> (accessed 16.09.2024) (In Russian).

Принцип преимущественной защиты прав взыскателя и классификация прав взыскателей в принудительном исполнении

Мамаев Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: maa89@list.ru

В статье раскрывается содержание принципа преимущественной защиты прав взыскателя и выделяются его проявления в отношении различных субъектов исполнительного производства: взыскателя, должника, судебного пристава-исполнителя, а также дается оценка обязательности участия в принудительном исполнении судебного пристава-исполнителя. Далее раскрывается дифференциация правомочий взыскателя по осуществлению механизма принудительного исполнения и выделяются три основных способа: взыскатель, получив исполнительный лист, реализовывает правомочие на приведение его в жизнь не прибегая к помощи Федеральной службы судебных приставов и не обращаясь к коллекторским организациям; взыскатель реализацию исполнительного листа адресовывает службе судебных приставов; взыскателю для осуществления требования исполнительного листа необходимо обратиться к коллекторским компаниям. Отдельно раскрывается особая роль Федеральной службы судебных приставов по отношению к коллекторским компаниям.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение.

Исследование вопросов правовых принципов занимало теоретиков права на протяжении многих десятилетий и продолжается до настоящего времени. С.С. Алексеев предлагал рассматривать в качестве правовых принципов комплексы идей, раскрывающихся в нормах права [1]. Также принципы характеризовались как основополагающие [2] явления, раскрывающие основное направление и наиболее важные черты законодательной регламентации общественных отношений. В.М. Семенов, говоря о сущности принципов, подчеркивал узкие и широкие подходы: при узком речь идет об изложении принципов путем закрепления отдельных норм или их совокупности; широкий же подход предполагает раскрывать понятие сквозь множественность норм права, сложившихся от влияния конкретного принципа [3]. Кроме того, В.М. Семенов подчеркивал, что большинству же процессуалистов советской эпохи характерно рассмотрение вопросов принципа права лаконично, отмечая лишь внешние черты, используя формулировки «руководящих положений», «руководящих начал» и «общих начал» [4].

Темы относительно принципов исполнительного права остаются актуальными и по сей день, что подтверждается множеством статей по соответствующей проблематике (М.К. Юкова, В.В. Яркова, Д.Х. Валеева, Н.А. Панкратовой, О.В. Исаенковой, К.С. Юдельсона, К.А. Малюшина).

Исходя из вектора развития нашего анализа, мы можем выделить перечень аспектов, которые будут регламентировать базовое содержание принципа преимущественной защиты прав взыскателей.

В первую очередь необходимо подчеркнуть тот факт, что существование данного принципа было закреплено Постановлением Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 г. № 10-П. Вместе с тем, сама дефиниция принципа не закреплена в профильном Федеральном законе, что делает обоснованным утверждение о том, что принцип пронизывает самостоятельные положения закона.

Дополнительно подчеркнем, что Постановлением от 30 июля 2001 г. № 13-П по делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» рассматривалось положение о взыскании исполнительского сбора в процессе принудительного исполнения в составе первой очереди и суд пришёл к выводу о том, что такой подход иллюстрирует нарушение справедливого баланса публичных и частных интересов в принудительном

исполнении, некорректно отражает сущность гарантий государства по защите конституционных прав и свобод, в том числе и прав собственности, не соответствует основополагающей цели принудительного исполнения.

По указанной проблематике еще в советский период высказывался Ю.И. Гринько, отмечая, что не правильно говорить о наличии у взыскателя в принудительном исполнении преимущества в отношении должника либо о каком-либо господствующем положении [5]. П.П. Заворотько напротив, возражая против такого утверждения отмечал наличие преимущественного положения у взыскателей в отношении должников, поскольку исполнительное производство протекает в пользу взыскателя и вопреки интересам должников [6]. В более поздние периоды господствующую роль взыскателей, например в процессе заключения мирового соглашения подчеркивали Т.А. Григорьева и Л.Г. Щербакова [7]. Р.Е. Пивовар акцентировал внимание на том, что о преимуществе в субъективных правах, закрепленных в гражданском законодательстве, свидетельствует существование таких положений, которые выражают различные обеспечения управомоченным лицам дозволения получать удовлетворение собственного вещного интереса в порядке первой очереди по отношению к иным лицам [8].

На основании изложенного о преимущественном положении взыскателей в принудительном исполнении следует говорить как о главенствующем интересе взыскателей по отношению к интересам иных субъектов и, в первую очередь, по отношению к интересам должников, которое влечет за собой признание либо полного отказа, либо значительного ограничения действия принципа равенства перед законом.

Далее отметим некоторые аспекты, которые составляют сущность упомянутого принципа.

1) взыскатель является владельцем правомочия на обеспеченную исполнительным производством реализацию предписания решения суда в случае его неисполнения обязанным субъектом (должником).

2) в качестве средства осуществления правомочия на обеспеченную государством реализацию права выступает особая юрисдикционная деятельность судебного пристава-исполнителя и возбуждаемое исполнительное производство.

Наполнение указанного принципа происходит путем различных положений профильного Федерального закона, среди которых можно отметить общедоступный характер информации о должнике (ст. 6), правомочие взыскателя на обращение с ходатайством о восстановлении пропущенных сроков предъявлений исполнительного листа к принудительной реализации (ст. 23), возложение на должников обязанности по предоставлению документов, раскрывающих имущественное состояние и предостережение о допустимости введения ограничений временного характера (ст. 30), полномочия судебного пристава-исполнителя по со-

вершению всего спектра исполнительных действий и мер принудительного исполнения (ст. 64, 68), включения взыскателя в первую очередь при перечислении денежных средств, полученных в рамках процесса принудительного исполнения (ст. 110), допустимость применения несопоставимых требованию исполнительного документа мер принудительной реализации в случае отсутствия информации о каком-либо имуществе должников (п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за 2016 год № 4) и др.

В связи с изложенным, можно сказать, что принцип преимущественной защиты прав взыскателей охватывает различные направления, связанные с взыскателем, должником и судебным приставом-исполнителем.

Основные проявления принципа в отношении взыскателей: преимущественное правовое положение взыскателей по отношению к должнику в связи с допустимостью отказа от равенства перед законом с целью регламентации и реализации ограничительных мер в отношении вещественных прав должника.

Основные проявления принципа в отношении должника: правовое положение должников дозволяется сокращать с целью осуществления правомочий взыскателей; границы сокращения правового положения должников в принудительном исполнении и минимальный стандарт охраны прав устанавливаются только федеральными законами; ущемления прав должника не могут быть основаны на пожеланиях взыскателей или службы судебных приставов; должник в принудительном исполнении находится в состоянии угрозы осуществления к нему и его имущественному положению исполнительных действий и мер принудительного исполнения

Основные проявления принципа в отношении судебного пристава-исполнителя: в ходе принудительного исполнения действия судебного пристава-исполнителя совершаются с установкой на защиту правомочий взыскателей.

Далее рассмотрим вопрос о дифференциации правомочий взыскателей. В Российской Федерации осуществление механизма принудительного исполнения возможно тремя способами:

1) взыскатель, получив исполнительный лист, реализовывает правомочие на приведение его в жизнь не прибегая к помощи Федеральной службы судебных приставов и не обращаясь к коллекторским организациям;

2) взыскатель реализацию исполнительного листа адресовывает службе судебных приставов;

3) взыскателю для осуществления требования исполнительного листа необходимо обратиться к коллекторским компаниям.

Отсюда следует, что от способа осуществления механизма принудительного исполнения права взыскателя возможно дифференцировать на правомочия по самостоятельному воплощению требований исполнительного документа без помощи судебного пристава-исполнителя либо коллекторских

организаций; права при приведении в жизнь требований исполнительного листа путем привлечения службы судебных приставов и права при реализации требования исполнительного листа путем привлечения коллекторских организаций. Согласно одному из подходов процессуальные отношения по принудительному исполнению всегда требуют участия судебного пристава-исполнителя (Исаенкова О.В. [9]). Вместе с тем, в случае самостоятельного воплощения взыскателем требований исполнительного документа без помощи судебного пристава-исполнителя либо коллекторских организаций обычным является отсутствие процессуальной роли у судебного пристава-исполнителя в возникающих правоотношениях. В качестве исключения можно привести ситуацию, в которой банки или иные кредитные организации, в случае обращения к ним взыскателя с неисполненным исполнительным листом, не реализуют предписания исполнительного листа, и взыскатель прибегает к помощи судебного пристава-исполнителя в рамках ст. 114 профильного Федерального закона, который в свою очередь фиксирует факт административного правонарушения в протоколе и направляет обращение в суд.

Подчеркнем, что действия/бездействия банка или иной кредитной организации, обязанной в соответствии Федеральным законом «Об исполнительном производстве» реализовывать предписания исполнительного листа, также входит в сферу регламентации данного закона.

Данное утверждение основывается на судебной практике. В качестве примера приведем определение от 20 марта 2012 г. № ВАС-3248/12 по делу № А40–30440/11–122–116 Высшего Арбитражного Суда РФ, в котором он указал на то, что позиция банка о не распространении на возникшие правоотношения положений статьи 65 Закона об исполнительном производстве и их направленность лишь на действия судебного пристава-исполнителя, но не на банки и иные кредитные организации некорректна, так как в описанной ситуации на банк возлагаются властные полномочия по не добровольному списанию финансовых сумм со счетов должника [10], что позволяет охарактеризовать положение банка в возникающей ситуации как агента государственной власти [11].

Выделим положение о том, что в рассмотренной ситуации деятельность властного субъекта – судебного пристава-исполнителя отсутствует.

В связи с этим, утверждение о том, все субъекты исполнительного процесса находятся в подчинительных отношениях представляется дискуссионным.

Видится верным, что при самостоятельном воплощении взыскателем требований исполнительного документа без помощи судебного пристава-исполнителя либо коллекторских организаций императивными участниками являются взыскатели, должники, банки и иные указанные в Законе об исполнительном производстве частные субъекты и данные правоотношения нельзя характеризо-

вать как отношения подчинения. Здесь следует согласиться с позицией Д.Х. Валеев указывающего на то, что в содержании исполнительного процессуального отношения правильно отмечать правоотношения принудительного и непринудительного свойства и в последних реализация происходит путем действий субъектов непринудительного исполнения [12].

Существующая в настоящее время система принудительного исполнения тяготеет к смешанному типу и включает в себя следующее частно-правовые положения:

1) взыскатель правомочен осуществлять реализацию посредством обращения в банки и иные кредитные организации, у которых открыты счета должников, а также к эмитентам на основании ст. 8, 8.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве», и, кроме того, в организации или к иным лицам, производящим перечисления должнику заработной платы, пенсий, стипендий и иные периодические платежи на основании ст. 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве»;

2) после приведения в действие механизма принудительного исполнения судебный пристав-исполнитель:

а) вынужден обращаться к услугам специалистов-оценщиков с целью оценки имущества должников (ч. 3 ст. 85 Закона);

б) осуществлять реализацию имущества должников путем привлечения специализированных организаций (ч. 1 ст. 87 Закона);

в) обладает полномочиями по привлечению и использованию результатов сыскной деятельности, проводимой частными детективными организациями. (ч. 11 ст. 65 Закона).

Отдельно отметим:

1) необходимость обращаться к услугам специалистов-оценщиков с целью оценки имущества должников в случаях, предусмотренных законом, была закреплена только в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» 2007 г. (ч. 2 ст. 85). Прежний Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» не содержал такого обязательного требования (ч. 1 ст. 52).

2) ст. 8.1 «Исполнение требований судебных актов эмитентами и профессиональными участниками рынка ценных бумаг» принята и включена в Закон 19 июля 2009 г.;

3) полномочиями по привлечению и использованию результатов сыскной деятельности, проводимой частными детективными организациями, было добавлено в Закон 3 декабря 2011 г.;

4) в 2016 г. более активно стала развиваться регламентация процессов коллекторских компаний, что повлекло за собой принятие 3 июля 2016 г. Федерального закона № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности».

Рассматривая третий способ приведения в жизнь требования исполнительного листа при помощи обращения к коллекторским организациям важно подчеркнуть, что в возникающих процессах Федеральная служба судебных приставов выступает в довольно значительной роли, нежели при направлении исполнительного листа в банки, иные кредитные компании или к работодателям должников, в связи с тем, что судебный пристав-исполнитель реализует различные контрольно-надзорные правомочия по отношению к коллекторским компаниям.

К их числу относятся:

- ведение реестров и проведение проверок коллекторских компаний;
- утверждение форм документооборота, используемых в рамках процессов по взысканию задолженностей (ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 230-ФЗ), и обязательных бланков, без которых государственная регистрация профессионального взыскателя и его включение в государственный реестр невозможно (п. 4 ч. 2 и ч. 8 ст. 12 Федерального закона № 230-ФЗ);
- закрепление требований и характеристик к применяемым устройствам и программам организаций, проводящих процессы по взысканию просроченных задолженностей в рамках своей основной деятельности (п. 7 ч. 2 ст. 12 и п. 6 ч. 1 ст. 13 Федерального закона № 230-ФЗ);
- установление бланков и временных периодов направления отчетов о процессах профессионального взыскателя (п. 7 ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ).

В связи с изложенным можно констатировать, что механизм принудительного исполнения Российской Федерации наполняется большим количеством институтов частноправового характера, что делает возможным осуществление частными профессионалами, не наделенными властными полномочиями, своей специальной функции. Отмеченный вектор можно оценить положительно, так как частные способы и методики позволяют увеличить комплекс юридических действий в принудительном исполнении и благодаря этому нарастить показатели эффективности.

В заключении отметим, что признание принципа преимущественной защиты прав взыскателя в механизме принудительного исполнения является прекрасным вектором для развития всего законодательства, регламентирующего принудительное исполнение и способы взыскания по исполнительным листам.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 261.
2. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78.

3. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 16.
4. Семенов В.М. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1965. С. 5.
5. Гринько Ю.И. Исполнение судебных решений в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 7.
6. Заворотко П.П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения. С. 246.
7. Григорьева Т. А., Щербакова Л.Г. Действие принципа диспозитивности в исполнительном производстве // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы. С. 47.
8. Пивовар Р.Е. Понятие, виды, осуществление и защита преимущественных прав в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. наук. М., 2007. С. 9.
9. Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции. С. 100.
10. См. также: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 3 декабря 2012 г. по делу № А44–5062/2010.
11. Определение ВАС РФ от 6 февраля 2012 г. № ВАС-15725/11 по делу № А43–26926/2010. См. также: постановления Арбитражного суда Уральского округа от 5 июня 2019 г. № Ф09–1483/19 по делу № А47–7587/2018; от 16 апреля 2015 г. № Ф09–1054/15 по делу № А50–5783/2014; Арбитражного суда Центрального округа от 25 января 2018 г. № Ф10–5551/2017 по делу № А14–526/2017.
12. Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 9.

THE PRINCIPLE OF PREFERENTIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CLAIMANT AND THE CLASSIFICATION OF THE RIGHTS OF CLAIMANTS IN COMPULSORY EXECUTION

Mamaev A.A.

Ural state Law University named after V.F. Yakovlev

The article discloses the content of the principle of preferential protection of the rights of the claimant and highlights its manifestations in relation to various subjects of enforcement proceedings: the claimant, the debtor, the bailiff, and also gives an assessment of the mandatory participation of the bailiff in the enforcement. Further, the differentiation of the powers of the claimant in the implementation of the enforcement mechanism is disclosed and three main methods are identified: the claimant, having received the writ of execution, exercises the right to enforce it without resorting to the assistance of the Federal Bailiff Service and without contacting collection agencies; the claimant addresses the implementation of the writ of execution to the bailiff service; the claimant must contact collection agencies to implement the requirement of the writ of execution. Separately, the special role of the Federal Bailiff Service in relation to collection agencies is disclosed.

Keywords: enforcement proceedings, recoverer, debtor, bailiff, enforcement.

References

1. Alekseev S.S. General Theory of Law. Vol. 1. P. 261.

2. Chechina N.A. Principles of Soviet Civil Procedural Law and their Normative Consolidation // Jurisprudence. 1960. No. 3. P. 78.
3. Semenov V.M. Constitutional Principles of Civil Procedure. Moscow, 1982. P. 16.
4. Semenov V.M. Principles of Soviet Civil Procedural Law: author's abstract. diss. ... doctor of law. Sverdlovsk, 1965. P. 5.
5. Grinko Yu.I. Enforcement of Court Decisions in Soviet Civil Procedure: author's abstract. diss. ... candidate of law. P. 7.
6. Zavorotko P.P. Procedural Guarantees for the Enforcement of a Court Decision. P. 246.
7. Grigorieva T. A., Shcherbakova L.G. The effect of the principle of optionality in enforcement proceedings // Enforcement proceedings: procedural nature and civilistic foundations. P. 47.
8. Pivovarov R.E. Concept, types, implementation and protection of preferential rights in civil law: author's abstract. diss. ... candidate of sciences. Moscow, 2007. P. 9.
9. Isaenkova O.V. Problems of enforcement law in civil jurisdiction. P. 100.
10. See also: Resolution of the FAS North-West District dated December 3, 2012 in case No. A44-5062/2010.
11. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 6, 2012 No. VAS-15725/11 in case No. A43-26926/2010. See also: decisions of the Arbitration Court of the Urals District dated June 5, 2019 No. F09-1483/19 in case No. A47-7587/2018; dated April 16, 2015 No. F09-1054/15 in case No. A50-5783/2014; Arbitration Court of the Central District dated January 25, 2018 No. F10-5551/2017 in case No. A14-526/2017.
12. Valeev D. Kh. The system of procedural guarantees of the rights of citizens and organizations in enforcement proceedings: author's abstract. diss. ... Doctor of Law. P. 9.

Мелихов Иван Сергеевич,

аспирант, университет Синергия

E-mail: melikhov.law@gmail.com

В статье рассматривается проблема определения места информации среди объектов гражданских прав. Подчеркивается, что вопрос о признании информации как самостоятельного объекта гражданских прав и её включении в гражданский оборот остается спорным. На данный момент существует законодательное противоречие между статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации и нормативными актами в области информации. В научной литературе сформировались различные подходы к данной проблеме, которые подробно анализируются в статье. Одна часть ученых относит информацию к отдельному самостоятельному объекту гражданских прав, а другая рассматривает информацию в разрезе системного подхода и ее связи с другими объектами гражданских прав. Среди популярных позиций: приравнивание информации к объектам интеллектуальной собственности, приравнивание информации к объектам вещного права, приравнивание информации к составу нематериальных благ, приравнивание информации к объектам цифрового права. По результатам исследования предлагается вернуть информацию в состав ст. 128 ГК РФ. При этом придать информации особый статус, как системного объекта гражданского права, который может выступать как в качестве отдельного объекта, так и в составе иных объектов. Это позволит устранить существующую коллизию и потенциальные риски правоотношений, связанных с оборотом информации.

Ключевые слова: информация, объект гражданского права, вещное право, цифровое право, интеллектуальное право, интеллектуальная собственность, нематериальные блага, информационное право.

На замену индустриальному обществу пришло общество информационное. Переход к информатизации общества стартует в середине XX века и обусловлен существенным накоплением пласта информации и необходимостью переработки такой информации для ее полноценной реализации. Экономист Фриц Махлуп ввел термин экономики знания, в рамках которого основной ценностью являются знания (информация), что также заложено в основу теории информационного общества [1]. Все это отражает информацию как главный актив и благо современного общества, что только подтверждается ростом процесса информатизации и развития экономики больших данных. В связи с ролью информации в качестве главного актива современного общества остро стоит и вопрос правового регулирования правоотношений, связанных с оборотом информации. Одним из ключевых вопросов, связанных с оборотом информации, остается вопрос отнесения информации к объектам гражданских прав.

Так до 2006 года информация являлась неотъемлемой частью объектов гражданских прав и была отражена в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2]. Но при кодификации законодательства об интеллектуальной собственности, а именно принятии закона «О введении в действие части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ [3], информация была исключена из текста ст. 128 ГК РФ. Вместе с тем, принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «Об информации») [4]. Хотя ст. 128 ГК РФ и не содержит в перечне объектов гражданских прав информацию, но возможность приравнивания информации к объектам гражданских прав установлена в ст. 5 ФЗ «Об информации», что порождает коллизию и поднимает вопрос – относится ли информация к объектам гражданских прав? О чем также говорил А.И. Савельев, поскольку нормы ГК РФ превалируют над нормами ФЗ «Об информации», что также подтверждается и судебной практикой, что, в свою очередь, может повлечь риски в рамках правоотношений, предметом которых выступает информация [5].

За 18 лет в доктрине так и не сложился общий подход к признанию информации объектом гражданских прав. Часть ученых и правоведов выдвигает идеи о необходимости возвращения информации в текст ст. 128 ГК РФ, другие не видят в этом необходимости и считают ее исключение из состава объектов гражданских прав верным решением.

При этом среди многих правоведов устоялась позиция системного подхода к определению информации в качестве объекта гражданских прав, а именно не отдельного ее существования, а в совокупности объектов, то есть в составе других объектов гражданских прав. Что также отмечает А.П. Сергеев и Т.А. Терещенко: «при всем многообразии данных, которые обрабатываются с использованием современных технологий и имеют различные источники формирования, их гражданское регулирование формально не осуществляется, если невозможно применить один из существующих частных институтов (например, услуги, базы данных, ноу хау и т.п.)» [6].

При этом ряд ученых высказывают мнение, что для признания информации объектом гражданских прав, ее необходимо выразить в виде материального воплощения, тем самым приравнивая информацию к объектам вещного права. Например, С.И. Сулова считает, что объектом гражданского права может быть не информация сама по себе, а ее материальное выражение, то есть копия информации на материальном носителе, объектом права, по ее мнению, может быть исключительно о вещественная информация [7]. Схожего мнения придерживается Н.Н. Ковалева, которая выделяет ряд критериев для признания информации объектом правового регулирования, часть из которых связаны с физическим воплощением информации [8]. Л.К. Терещенко выдвигает идеи применения к информации триады права собственности, в рамках которой правомочие «владеть» не может быть применимо к информации, поскольку информация не является физическим объектом и может быть выражена только на материальных носителях, а правомочие «распоряжаться» осуществимо не в полной мере, так как после отчуждения прав на информацию у продавца остается возможность ее использования [9].

Но такая позиция легко поддается критике в связи с ценностью самой информации, а не материального выражения информации, что выделяет ряд правоведов, например, Е.И. Мелихов: «Информация – это различные сведения, являющиеся нематериальным благом, которое может содержаться на материальных носителях» [10], а также согласно Федеральному закону «Об информации», информация включает любые сведения вне зависимости от того, в какой форме они представлены. Также законодателем были введены отдельные правовые институты для различных видов информации, таким образом строго ограничены действия с персональными данными, сведениями о здоровье, а также личной и семейной тайнами. Поэтому применение исключительно вещно-правового режима к информации не выглядит единственным правильным решением, так как материальная форма выражения информации требуется не всегда и служит лишь одним из удобных механизмов ее оборота.

В связи с тем, что информация была исключена из ст. 128 ГК РФ в связи с кодификацией за-

конодательства об интеллектуальной собственности, в доктрине распространена позиция отнесения информации к интеллектуальной собственности. Действительно, данные объекты имеют схожие черты, например, они являются нематериальными объектами, которые выражаются в материальной форме и часто непосредственно связаны с конкретным лицом. Также была выдвинута позиция, что, в связи с отсутствием отдельных признаков объекта гражданских прав, информация относится к результатам интеллектуальной деятельности [11]. Согласно мнению авторов четвертой части ГК РФ объектом гражданских прав может быть только та информация, которая имеет признаки секрета производства (ноу-хау) и может быть приравнена к результатам интеллектуальной деятельности [12]. Также есть и более мягкие подходы, при одном из них правоотношения с информацией могут возникать, если это возможно только исключительно с законодательной связью между информацией и интеллектуальной собственностью [13], а при другом выдвигается мнение, что границы между информацией и интеллектуальной собственностью вовсе стерлись [14].

Но многие правоведы выдвигают противоположную позицию [15]. У объектов интеллектуальной собственности есть ряд характерных черт, которые отличают ее от информации. Так объекты авторского права должны быть выражены в объективной форме и созданы творческим трудом человека. Иные объекты интеллектуальной собственности имеют отдельные требования, объекты патентного права должны пройти процесс регистрации и могут быть приравнены к таким объектам только при наличии правоустанавливающего документа. А секрет производства (ноу-хау) остается таким исключительно в силу своей конфиденциальности. С учетом наличия особых требований к объектам интеллектуальной собственности сложно выделить прямую связь между ними и информацией, поскольку к информации не применяются такие требования.

Еще одно распространённая позиция – приравнение информации к нематериальным благам. В связи с тем, что материальные блага объективируются в случае их неотделимости от носителя, но могут использоваться при согласии носителя или при иных обстоятельствах, что во многом отражает процесс оборота информации и противоречит материальному подходу, помимо этого информация приравнивается к «сведениям» в рамках главы 8 ГК РФ, а также присутствует прямое указание на информацию в рамках раскрытия понятия персональных данных в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № -152-ФЗ «О персональных данных» [16]. В рамках данных правоотношений информация выступает самостоятельным объектом гражданских прав. Что также подмечает и законодатель путем ввода новых правовых институтов, которые регулируют правоотношения в зависимости от конкретного типа информации.

В 2019 году Федеральным закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [17] в ст. 128 ГК РФ включили цифровые права и отнесли их к имущественным права. Что породило новую волну соотношений информации с новым объектом, цифровым правом, поскольку во многом цифровое право имеет плотную связь с информацией, что также отражается в ст. 141.1 ГК РФ «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы...». При этом в доктрине присутствуют утверждения, что закрепления цифровых прав в ст. 128 ГК РФ это прямое следствие исключения информации из ее состава в прошлом [18]. С чем сложно не согласиться, поскольку появляется все больше цифровых объектов, которые не имеют непосредственного материального носителя, например криптовалюта, NFT. Так Савельев А.И. в своей работе приравнивал криптовалюту к информации и указал на ошибочность вывода авторов четвертой части ГК РФ, о том, что информация может быть объектом гражданского права, только в качестве секрета производства (ноу-хау) [19]. Добавление цифровых прав к объектам гражданского права не решает проблему отсутствия информации, это является лишь закономерной необходимостью для целей введения в оборот новых объектов, порождаемых цифровым обществом, например криптовалюта.

Вместе с тем, в юридической науке не исключается рассмотрение информации в качестве отдельного объекта гражданских прав. Так смена индустриального общества на общество информационное устанавливает острую необходимость выделения информации в отдельный объект гражданского права, поскольку информация становится одним из основных материальных благ [20]. Продолжая идею С.К. Резникова, можно также сослаться на позицию А.Д. Поповой, которая считает, что в настоящее время информация фактически является предметом гражданских правоотношений, в связи с чем возрастает важность повышения качества защиты информационного права [21].

С.Н. Бартановский указывал, что исключение информации из ст. 128 ГК РФ является в корне неверным решением и ошибкой, которую необходимо устранить, поскольку информация является самостоятельным объектом относительно объектов интеллектуальной собственности, безличным деньгами и другим объектам [22].

Все это говорит о том, что даже после исключения информации из ст. 128 ГК РФ, она остается объектом гражданских прав. По итогам исследования автором вводится предложение выделить информацию в виде отдельного объекта гражданских прав, который может иметь в себе и элементы самостоятельного объекта, и быть составной частью иных объектов., что также подтверждает

И.М. Рассолов «в информационных правоотношениях объектами являются разнообразные информационные ресурсы...» [19]. А также предлагается вернуть информацию в состав ст. 128 ГК РФ, но придать информации необходимый статус, при котором информация сможет выступать в качестве отдельного объекта гражданских прав, но при этом и входить в состав иных объектов гражданского права. Это будет способствовать устранению коллизии, вызванной ст. 128 ГК РФ и ст. 5 ФЗ «Об информации», а также благоприятно поспособствует защите информационных прав граждан, связанных с оборотом информации.

Литература

1. Махлуп. Ф. Производство и распространение знаний в США. – М.: Прогресс 1996;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/;
3. Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.12.2006 N 231-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64630/;
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/;
5. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный) // .-М.: Статут 2015;
6. Сергеев, А.П. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко // Закон. – 2018. – № 11. – С. 106–123;
7. Сулова С.И. Информация как объект гражданских прав / Известия Байкальского государственного университета 2002 г.;
8. Н.Г. Ковалева Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н.Н. Ковалевой. – М: Издательство Юрайт 2024;
9. Терещенко Л.К. Информация как объект гражданских прав / Сборник научных статей «Авторское право XX1 век». М.: МФГС, РАП, 2010;
10. Мелихов Е.И. Субъективные гражданские права обладателей конфиденциальной коммерческой информации и их защита: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2005;
11. Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 135–144;
12. Крашенинников П.В. Вступительное слово // Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П.В. Кра-

шенинникова. М., 2009; СПС «Консультант-Плюс»;

13. Инюшкин А.А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7;
14. Тухватулина А. Г. информация как объект гражданских прав // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. – 2020. – № 2;
15. Огородов Д.В. Правовые отношения в информационной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2009. С. 18;
16. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/;
17. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 N 34-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/;
18. Аюшеева И.З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 7. – С. 32–43;
19. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. – № 8. Режим доступа: платная подписка <https://zakon.ru/publication/igzakon/7171>;
20. Россолов И.М. Информационное право: учебник и практикум для вузов. – М: Издательство Юрайт 2024.
21. Попова, Ю.Д. Критерии отнесения информации к объекту гражданско-правового регулирования // Молодой ученый. – 2022. – № 52 (447). – С. 273–276;
22. Братановский, С.Н. Специальные правовые режимы информации / С.Н. Братановский. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 173 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=131866> (дата обращения: 23.10.2024).

INFORMATION AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Melikhov I.S.
Synergy University

The article deals with the problem of determining the place of information among the objects of civil rights. It is emphasized that the issue of recognizing information as an independent object of civil rights and its inclusion in civil circulation remains controversial. Now there is a legislative contradiction between Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation and normative acts in the field of information. Various approaches to this problem have been formed in scientific literature, which are analyzed in detail in the article. One part of scientists classifies information as a separate independent object of civil rights, while the other considers information in the context of a systematic approach and its relationship with other objects of civil rights. Among the popular positions: equating information with objects of intellectual property, equating information with objects of property law, equating information with the composition of

intangible goods, equating information with objects of digital law. According to the results of the research.

Keywords: information, object of civil rights, proprietary right, digital right, intellectual right, intellectual property, intangible goods, information law.

References

1. Makhloop. F. Production and dissemination of knowledge in the USA. – М.: Progress 1996;
2. The Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/;
3. Federal Law “On the Enactment of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” dated 12/18/2006 No. 231-FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64630/;
4. Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated 07/27/2006 No. 149-FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/;
5. Saveliev A.I. Commentary to the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On information, information technologies and information protection” (article by article) // -М.: Statute 2015;
6. Sergeev, A.P. Big data: in search of a place in the system of civil law / A.P. Sergeev, T.A. Tereshchenko // Law. – 2018. – No. 11. – pp. 106–123;
7. Suslova S.I. Information as an object of civil rights / Proceedings of the Baikal State University 2002;
8. N.G. Kovaleva Information law: textbook for universities / edited by N.N. Kovaleva. Moscow: Yurait Publishing House 2024;
9. Tereshchenko L.K. Information as an object of civil rights / Collection of scientific articles “Copyright of the XX1 century”. Moscow: IFGS, RAP, 2010
10. Melikhov E.I. Subjective civil rights of holders of confidential commercial information and their protection: dis. ... cand. Jurid. sciences. Tomsk, 2005
11. Puchkov V.O. Information – an object of civil law? // Arbitration disputes. 2020. No. 2. pp. 135–144;
12. Krashenninikov P.V. Introductory word // Objects of civil rights: Article-by-article commentary on chapters 6, 7 and 8 of the Civil Code of the Russian Federation / Edited by P.V. Krashenninikov. М., 2009; SPS “ConsultantPlus”
13. Inyushkin A.A. Information in the system of objects of civil rights and its relationship with intellectual property on the example of databases // Information law. 2016. No. 4. pp. 4–7.
14. Tuxhvatulina A. G. information as an object of civil rights // Bulletin of young scientists and specialists of Samara University. – 2020. – № 2;
15. Ogorodov D.V. Legal relations in the information sphere: abstract. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.14. Moscow, 2009. p. 18;
16. Federal Law “On Personal Data” dated 07/27/2006 No. 152-FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/;
17. Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” dated 03/18/2019 No. 34- FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/;
18. Ayusheeva I.Z. Digital objects of civil rights // Lex russica. – 2021. – Vol. 74. – No. 7. – pp. 32–43;
19. Saveliev A.I. Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights // Law. 2017. – № 8. Access mode: paid subscription <https://zakon.ru/publication/igzakon/7171>;
20. Rossolov I.M. Information law: textbook and workshop for universities. Moscow: Yurayt Publishing House 2024;
21. Popova, Yu.D. Criteria for attributing information to the object of civil law regulation // Young Scientist. – 2022. – № 52 (447). – Pp. 273–276;
22. Bratanovsky, S.N. Special legal regimes of information / S.N. Bratanovsky. – Moscow: Direct Media, 2012. – 173 p. – Access mode: by subscription. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=131866> (date of application: 10/23/2024).

Правовая категория «максимальная мощность» в договоре технологического присоединения к электрическим сетям

Мельников Олег Олегович,

независимый исследователь, руководитель проекта, ПАО
«Россети Московский регион»
E-mail: MelnikovOO@Rossetimr.ru

Доступ к электрической энергии, то есть возможность ее использования для удовлетворения своих потребностей – необходимое условие деятельности отдельного человека и общества в целом. Данная возможность обеспечивается средствами правовой защиты. Автор рассматривает максимальную мощность как правовую категорию, которая защищает доступ заинтересованного лица в использовании электроэнергии. Максимальная мощность приобретает за плату в результате исполнения договора технологического присоединения. Это означает, что вышеуказанная категория должна являться объектом гражданских прав. Однако вопрос о том, обладает ли максимальная мощность качествами объекта гражданских прав, остается открытым. Цель настоящей статьи – исследование правовой природы максимальной мощности при технологическом присоединении к электрическим сетям. Для достижения указанной цели автор анализирует действующее законодательство, которое наделяет мощность статусом специального товара, изучает максимальную мощность как материальное благо, выявляет у нее признаки, которые присущи объекту гражданских прав. В результате проведенного исследования им сделан вывод, что максимальная мощность в договоре технологического присоединения к электрическим сетям выступает имущественным правом – объектом гражданских прав.

Ключевые слова: договор технологического присоединения, максимальная мощность, объект гражданских прав, объект договора, материальное благо, электроэнергетика, имущественное право.

Введение

Изучение категории «максимальная мощность» обусловлено с ее ролью и значением в договоре технологического присоединения к электрическим сетям (далее – договор ТП). Проведя анализ правовой природы технологического присоединения (далее – ТП), автор пришел к выводу о том, что такое присоединение осуществляется на основании договора купли-продажи определенного объема мощности [4].

Из указанного следует, что максимальная мощность, являющаяся частью ТП, также должна являться объектом гражданских прав. Однако вопрос, обладает ли она в действительности качествами присущими объекту гражданских прав (материальное благо, принадлежность лицу, отчуждаемость и т.д.), остается без ответа. Отсутствие данных качеств влечет не только невозможность наделяния максимальной мощности статусом объекта гражданских прав, но и делает необоснованным наш вывод о ее возмездном приобретении в рамках процедуры ТП. Следовательно, максимальная мощность должна быть изучена как правовая категория.

Электрическая мощность в доктрине и законодательстве

Технический термин «мощность» используется не только при ТП. Статья 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [18], далее – Закон об электроэнергетике, определяет потребителя мощности как «лицо, приобретающее мощность для собственных бытовых и (или) производственных нужд и (или) для последующей продажи». В той же статье дается понятие оптового рынка электрической энергии и мощности – сферы обращения особых товаров – электрической энергии и мощности.

Важно отметить, что не только Закон об электроэнергетике указывает на то, что мощность является товаром в рамках гражданского оборота. Другим актом, устанавливающим данную правовую природу мощности, выступает Правила оптового рынка электрической энергии и мощности [12] (далее – Правила ОРЭМ). То есть мощность, в соответствии с общими положениями гражданского права, можно отнести к объекту гражданско-правового регулирования, поскольку закон относит ее к товарам.

Несмотря на то, что законодатель четко определил правовую природу мощности в качестве вида товара, в рамках доктрины права ведется спор

об обоснованности такого подхода. Многие исследователи отмечают правильность такого подхода законодателя. В частности, П.Г. Лахно отмечает, что, ввиду того, что мощность может выступать предметом договора, она должна рассматриваться именно как товар [2]. Подобной позиции также придерживается В.Ф. Яковлев. А.М. Шафир полагает, что при квалификации отношений через присоединенную сеть как самостоятельного договорного вида мощность является одним из его объектов.

Однако некоторые исследователи отмечают, что в рамках закона не верно определена правовая природа мощности. Например, С.А. Свирков отмечает, что мощности не присущи такие признаки как самостоятельность и дискретность, следовательно, она не может выступать самостоятельным объектом гражданско-правового регулирования [15]. А. Лысенко также добавляет, что мощность не может существовать отдельно от электроэнергии [3]. То есть он также подчеркивает несамостоятельный характер мощности, что предопределяет невозможность отнесения ее к товарам.

При оценке обоснованности представленных мнений о правовом статусе мощности, на наш взгляд, необходимо принять во внимание, что имущественный интерес субъекта гражданского оборота, выражающийся в сохранении имущества с целью его последующего коммерческого использования, имеет объективный характер, так как сопряжен с издержками, связанными с эксплуатацией названного оборудования для выработки электроэнергии и ее дальнейшей передачи. Это означает, что данный интерес должен быть удовлетворен за счет лиц, в чью пользу она (электроэнергия) передается. Количественный показатель электроэнергии (киловатт-час) данный интерес не отражает, так как с его помощью невозможно определить состав генерирующего оборудования используемого при выработке электроэнергии. Это возможно только при использовании такого ее свойства как мощность и придания данному свойству электроэнергии статуса специального товара (следовательно – материального блага).

По нашему мнению, абсолютное определение мощности в качестве объекта гражданского права является не совсем точным и обоснованным. Правовая природа мощности в наилучшей степени раскрывается в рамках конкретных правоотношений.

Электрическая мощность при технологическом присоединении

В рамках нашего исследования рассматривается также понятие «максимальная мощность» – наибольшая величина мощности, определенная к одномоментному использованию энергопринимающими устройствами (объектами электросетевого хозяйства) в соответствии с документами о технологическом присоединении и обусловленная составом энергопринимающего оборудования (объектов электросетевого хозяйства) и технологическим про-

цессом потребителя, в пределах которой сетевая организация принимает на себя обязательства обеспечить передачу электрической энергии, исчисляемая в мегаваттах (п. 2 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг [11], далее – Правила доступа).

Обычно авторы, которые исследуют правоотношения по ТП, не рассматривают статус мощности и ее место в рамках данных правоотношений. Однако особое внимание мощности уделил М.Т. Хамидуллин, который охарактеризовал ее роль в технологическом присоединении [19]. Важно отметить, что М.Т. Хамидуллин занимался исследованием процессов правового регулирования теплоснабжения. Однако его труды по аналогии могут быть применены и в процессе изучения особенностей регулирования электроснабжения.

М.Т. Хамидуллин обращает внимание, что законодатель считает мощность товаром и допускает ее оборот на рынке [19]. В судебной практике мощность относится к самостоятельному объекту гражданских прав и материальному благу [19]. М.Т. Хамидуллин обращает внимание на то, что заявитель имеет право требовать обслуживания оборудования для ТП. Именно в рамках данных правоотношений возникает обязательство гражданско-правового характера. На основании указанного выше, М.Т. Хамидуллин считает обоснованным относить мощность не к имуществу, а именно к имущественным правам [19].

Исходные условия, на которые указывает М.Т. Хамидуллин (имущественное право, передача в качестве встречного предоставления в обмен на уплаченные денежные средства) свидетельствуют, что договор ТП по своей природе является договором продажи мощности, а сама она является объектом данного договора. Однако сам автор относит договор ТП к услугам. На наш взгляд, подобные противоречия связаны с тем, что М.Т. Хамидуллин не оценил мощность как объект гражданских прав при ТП и не принял во внимание связанные с этим последствия.

В соответствии с общим подходом, существующим в доктрине права и закрепленным в нормативных правовых актах, объект гражданского права включают в себя как материальные, так и духовные блага, которые лежат в основе правоотношений [1]. Таким образом, исходя из общего доктринального понимания термина «объект гражданских прав» и конкретного опыта исследования категории «мощность» при ТП, она должна быть изучена, прежде всего, как материальное благо.

Одна и та же вещь может быть полезна разными сторонами, то есть иметь положительную ценность в отношении нескольких потребностей. В том отношении, в котором вещь полезна, она является благом [16]. Электрическая мощность – величина, определяющая интенсивность потока энергии [17]. Чем интенсивнее поток энергии, тем больше ее может быть одномоментно передано, получено или преобразовано. Только поток энергии определен-

ной интенсивности (мощности) может обеспечить работу оборудования и возможность соблюдения технологических процессов. Недостаточный объем получаемой мощности препятствует надлежащему использованию имущества. В этом заключается польза мощности и возможность отнесения ее к материальному благу при технологическом присоединении.

Можно сделать вывод о том, что не всякое материальное благо будет являться имуществом и объектом гражданских прав. Примером будет выступать мощность. Несмотря на ее материальный характер, она действительно не обладает обязательными признаками товара. Однако анализ сущности ТП показывает, что мощность выступает имущественным правом.

Принадлежность определенному лицу

Данный признак в наибольшей степени раскрывает правовую природу любого гражданско-правового блага.

После осуществления сетевой организацией фактического присоединения объектов электроэнергетики заявителя к электрическим сетям и фактического приема (подачи) напряжения и мощности стороны договора ТП составляют акт об осуществлении технологического присоединения, далее – Акт ТП (п. 19 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам [13], далее – Правила ТП). Акт ТП удостоверяет характеристики ТП, в том числе, объем *присоединенной* к заявителю максимальной мощности. Наличие в документе, который оформляет завершение мероприятий по ТП, объема присоединенной максимальной мощности позволяет сделать вывод о ее принадлежности заявителю по результатам ТП.

Судебные акты подтверждают вывод о *принадлежности* максимальной мощности определенному лицу – заявителю ТП. Третье лицо обратилось в арбитражный суд с требованием о признании права на максимальную мощность, которая была получена по договору ТП от одного из участников спора. Суды удовлетворили заявленное требование [7].

Средство реализации имущественного интереса

Второй признак – благо должно служить средством реализации имущественного интереса.

Имущественный интерес заявителя в получении доступа к электроэнергии заключается в предоставлении ему таких условий ее использования, которые обеспечивают эксплуатацию оборудования и соблюдение технологических процессов. В этом заключается смысл доступа к электроэнергии и материальное благо для заявителя. Однако сам по себе доступ такой интерес отражать не может, как не может быть материальным благом. Только приобретение заявителем *определенного объема* максимальной мощности, наличие ко-

торой означает возможность в результате доступа к электроэнергии эксплуатировать *оборудование определенной мощности*, является средством реализации имущественного интереса при ТП.

Суды приходят к выводу о том, что максимальная мощность является самостоятельным материальным благом, принадлежащим субъекту, прошедшему процедуру технологического присоединения, и обладает обязательственным характером [7]. В другом деле суд сделал вывод, что электрическая мощность, выделенная ООО «СПМК «Томская» при технологическом присоединении объекта, принадлежала ответчику и обладала самостоятельной коммерческой ценностью как благо или иное имущество (статья 128 ГК). Поэтому электрическая мощность может быть расценена в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, которым ООО «СПМК «Томская» вправе распоряжаться по своему усмотрению [6].

Возможность отчуждения

Возможность отчуждения максимальной мощности прямо следует из результатов ТП: если в рамках их проведения максимальная мощность приобретает заявителем, это означает, что она отчуждается сетевой организацией.

Законодательство о ТП предусмотрело также порядок и случаи последующего отчуждения заявителем, получившим ранее максимальную мощность в рамках ТП, в пользу иных участников гражданских правоотношений (п. 34 Правил ТП). Перераспределение максимальной мощности происходит в рамках гражданско-правового договора, заключаемого между владельцем максимальной мощности и ее приобретателем.

Участники гражданских правоотношений в своей деятельности используют предоставленные им полномочия на перераспределение максимальной мощности, ранее полученной в результате ТП. Анализ судебной практики показывает, что данное полномочие не редко реализуется на практике посредством заключения специальных соглашений. Однако нередки случаи, когда необходимый объем мощности не обеспечивается. Суды отмечают, что в таких случаях заявитель вправе требовать расторжения договора и возврата уплаченных по нему сумм [8]. При этом лицу должна быть обеспечена максимальная мощность, которая выступает предметом подобного соглашения. Если данное обязательство не выполняется, то лицо несет ответственность.

Возможность денежной оценки

Четвертым признаком, который связан с тремя предшествующими, является возможность денежной оценки.

Важно отметить, что в рамках гражданского права действует принцип свободы договора, который, в частности, позволяет сторонам самостоятельно определять цену договора. Однако для отдельных видов договоров устанавливается госу-

дарственное регулирование цен, ввиду их особой значимости. Так, п. 4 ст. 23, п. 2 ст. 23.2 Закона об электроэнергетике предусматривает, что тарифы на электроэнергию устанавливаются со стороны государства. При этом главным показателем для расчёта тарифа выступает именно максимальная мощность. Данное правило отмечено как в рамках постановлений Правительства [10], так и в рамках актов уполномоченных органов исполнительной власти [14]. Акты органов судебной власти подтверждают данный вывод. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа указал, что в рамках установления тарифа на ТП уполномоченный государственный орган определяет, в том числе, стоимость приобретаемой заявителем максимальной мощности, величина которой кладется в основу расчета платы за технологическое присоединение [9]. Таким образом, при технологическом присоединении максимальная мощность подлежит денежной оценке, осуществляемой уполномоченным государственным органом. В свою очередь при ее перераспределении между прежним владельцем и новым приобретателем (п. 34 Правил ТП) стороны соглашения о перераспределении не связаны установленным тарифом. В этом случае денежная оценка максимальной мощности устанавливается сторонами соглашения самостоятельно [8].

Приобретение на основании сделок или юридических фактов

Данный признак напрямую связан с признаком отчуждаемости и указывает на порядок перехода прав.

Правила ТП установили порядок, в соответствии с которым максимальная мощность приобретается на основании договора ТП, заключаемого между заявителем и сетевой организацией или соглашения о перераспределении максимальной мощности между владельцем максимальной мощности и ее новым приобретателем. Акты органов судебной власти подтверждают данный вывод. Верховный Суд Российской Федерации в одном из дел отметил, что величина максимальной мощности определяется в процессе технологического присоединения или посредством ее перераспределения [5]. Таким образом, действующее законодательство и судебная практика подтверждают вывод о приобретении мощности на основании сделок.

Подытоживая наше исследование правовой категории максимальной мощности при ТП на предмет наличия в ней качеств, которые присущи объекту гражданских прав, можно заключить, что она (максимальная мощность) обладает всеми указанными качествами.

Выводы

Электрическая мощность – техническая величина, которая определяет интенсивность потока энергии. Данное свойство электроэнергии может приобретать качества материального блага в имуще-

ственных отношениях в сфере электроэнергетики. При технологическом присоединении к электрическим сетям используется термин «максимальная мощность», которая является материальным благом и обладает качествами присущими объекту гражданских прав – имущественному праву. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мощность в рамках отношений по технологическому присоединению выступает не в качестве товара, а в качестве имущественного права.

Литература

1. Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 1998. С. 81, 85.
2. Лахно П.Г. Энергетическое право Российской Федерации. Становление и развитие. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 143.
3. Лысенко А. Мощность как самостоятельный объект гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. N 12. С. 44–45.
4. Мельников О.О. Отношения по технологическому присоединению к электрическим сетям и их правовое регулирование в Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2024. Т. 19. № 3. С. 208–229.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.09.2016 N 307-ЭС16–5146 по делу N A56–82652/2014. // Доступ из СПС «Консультант плюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-B&n=808696#Sjfs8VUIjKWx1CMw> (дата обращения 20.11.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.06.2017 NФ04–1549/2017 по делу NA67–8999/2015. // Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 20.11.2024).
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2019 по делу N A45–8901/2016. // Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 20.11.2024).
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.07.2020 N Ф07–5850/2020 по делу N A05–3298/2019. // Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 20.11.2024).
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2022 N Ф04–7881/2021 по делу N A03–8802/2018. // Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 20.11.2024).
10. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике». СЗ РФ. 23.01.2012, N 4, ст. 504.

11. Правила недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (ред. от 06.05.2024). СЗ РФ, 27.12.2004, N 52 (часть 2), ст. 5525.
12. Правила оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности (ред. от 29.12.2023), утвержденные постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 N 1172. СЗ РФ, 04.04.2011, N 14, ст. 1916.
13. Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (ред. от 06.05.2024). СЗ РФ, 27.12.2004, N 52 (часть 2), ст. 5525.
14. Приказ ФАС России от 30.06.2022 № 490/22 «Об утверждении Методических указаний по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.08.2022 № 69710). Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 22.08.2022.
15. Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013. // Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 20.11.2024).
16. Селиванов Ф.А. Благо. Томск: 1967. С. 4, 7, 8, 9.
17. Стофт С. Экономика энергосистем. Введение в проектирование рынков электроэнергии / пер. с англ. [С.С. Кавардаков и др.] под ред. А.И. Лазебника, И.С. Сорокина. М.: Мир, 2006, с. 72.
18. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». СЗ РФ, 31.03.2003, № 13, ст. 1177.
19. Хамидуллин М.Т. Договор технологического присоединения к системе теплоснабжения: дис. канд. юрид. наук. Казань: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2021. С. 28, 32, 35–36, 202.
20. Шафир А.М. Рынок энергоресурсов и его правовое регулирование: монография. М., 2018. С. 60.

LEGAL CATEGORY OF MAXIMUM CAPACITY IN THE GRID CONNECTION AGREEMENT

Melnikov O.O.

PJSC Rosseti Moscow Region

Access to electric energy, the possibility of using it to meet one's needs, is a necessary condition for the activity of an individual and

society as a whole. This possibility is provided by means of legal protection. The author considers maximum power as a legal category that protects access to electricity. Earlier, he concluded that the maximum capacity is purchased due to performance of the grid connection agreement. This means that the above category must be an object of civil rights. However, the question of whether the maximum capacity has the qualities of a civil rights object remains undisclosed. The purpose of this article is to study the maximum power as an object of civil rights in the grid connection. To achieve this goal, the author analyzes the current legislation, which gives power the status of a special product, studies maximum power as a material benefit, and identifies its characteristics that are inherent in the object of civil rights. As a result of the research, he concluded that the maximum capacity in the grid connection acts as a property right – an object of civil rights.

Keywords: grid connection agreement, maximum capacity, object of civil rights, object of contract, material benefit, electric power industry, property law.

References

1. Civil law / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 1998. Pp. 81, 85.
2. Lakhno P.G. Energy law of the Russian Federation. Formation and development. Moscow: Moscow University Press, 2014. Pp. 143.
3. Lysenko A. Power as an independent object of civil turnover // Business and Law. 2008. N 12. Pp. 44–45.
4. Melnikov O.O. Relations on technological connection to electrical networks and their legal regulation in the Russian Federation // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 208–229.
5. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/08/2016 N 307-ES16–5146 in case N A56–82652/2014. // Access from the SPS “Consultant Plus” URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=808696#Sjfs8VUjKwX1C-Mw> (date of access 11/20/2024).
6. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 06/14/2017 NФ04–1549/2017 in case NA67–8999/2015. // Access from the SPS “Consultant Plus”. URL: www.consultant.ru (date of access 11/20/2024).
7. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 02/14/2019 in case No. A45–8901/2016. // Access from the SPS “Consultant Plus”. URL: www.consultant.ru (date of access 11/20/2024).
8. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 07/16/2020 No. F07–5850/2020 in case No. A05–3298/2019. // Access from the SPS “Consultant Plus”. URL: www.consultant.ru (date of access 11/20/2024).
9. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 20.01.2022 No. F04–7881/2021 in case No. A03–8802/2018. // Access from the SPS “Consultant Plus”. URL: www.consultant.ru (date of access 20.11.2024).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 29.12.2011 No. 1178 “On pricing in the field of regulated prices (tariffs) in the electric power industry”. Collected Legislation of the Russian Federation. 23.01.2012, No. 4, Art. 504.
11. Rules for non-discriminatory access to electric power transmission services and the provision of these services, approved by Resolution of the Government of the Russian Federation dated 27.12.2004 No. 861 (as amended on 06.05.2024). SZ RF, 27.12.2004, N 52 (part 2), art. 5525.
12. Rules for the wholesale market of electric energy and capacity and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation on issues of organizing the functioning of the wholesale market of electric energy and capacity (as amended on 29.12.2023), approved by RF Government Resolution of 27.12.2010 N 1172. SZ RF, 04.04.2011, N 14, art. 1916.
13. Rules for the technological connection of power-receiving devices of consumers of electric energy, facilities for the production of electric energy, as well as electric grid facilities belonging to grid organizations and other persons, to electric networks, approved by RF Government Resolution of 27.12.2004 N 861 (as amended on 06.05.2024). SZ RF, 27.12.2004, N 52 (part 2), art. 5525.
14. Order of the FAS Russia dated 30.06.2022 N 490/22 “On approval of the Methodological guidelines for determining the

amount of fee for technological connection to electrical networks" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 19.08.2022 N 69710). Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 22.08.2022.

15. Svirkov S.A. Main problems of civil regulation of energy circulation: monograph. Moscow: Statut, 2013.// Access from SPS "Consultant plus". URL: www.consultant.ru (date of access 20.11.2024).
16. Selivanov F.A. Blago. Tomsk: 1967. Pp. 4, 7, 8, 9.
17. Stoft S. Energy System Economics. Introduction to Electricity Market Design / trans. from English [S.S. Kavardakov et al.] edited by A.I. Lazebnik, I.S. Sorokin. Moscow: Mir, 2006, p. 72.
18. Federal Law of 26.03.2003 No. 35-FZ "On Electric Power Industry". Collected Legislation of the Russian Federation, 31.03.2003, No. 13, art. 1177.
19. Khamidullin M.T. Technological Connection Agreement to the Heat Supply System: dis. cand. jurid. sciences. Kazan: FGAOU VO "Kazan (Volga Region) Federal University", 2021. P. 28, 32, 35–36, 202.
20. Shafir A.M. Energy resources market and its legal regulation: monograph. M., 2018. P. 60.

Разработка оснований концепции миграционной политики: аспекты соотношения инструментов регулирования на федеральном и региональном уровне

Никиенко Константин Геннадьевич,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет»
E-mail: bk5koc1nik@vk.com

В статье рассмотрены основные проблемы правового регулирования в миграционной политике РФ. Выделены факторы, оказывающие влияние на сохранение нелегальной миграции. Уточнены понятия «мигрант» и «внешняя трудовая миграция». На основе анализа нормативных правовых актов в сфере миграционной политики сделан вывод об отсутствии законодательного закрепления термина «незаконная миграция» и дано его авторское толкование. Выделены основные проблемы регулирования трудовой миграции. В качестве одной из существенных проблем правового регулирования миграционной политики в РФ выделена недостаточная эффективность действующей системы миграционного учета и рассмотрены пути решения данной проблемы. Дана оценка развитию действующего законодательства в сфере миграционной политики и сформулирован ряд предложений, направленных на его дальнейшее совершенствование.

Ключевые слова: миграция, мигрант, трудовая миграция, незаконная миграция, миграционная политика.

Проблема регулирования и осуществления миграционной политики на сегодняшний день является одной из актуальных и сложных для России. В значительной степени её обострение детерминировано наличием определенных противоречий между корпоративными и общегосударственными интересами.

Большой поток мигрантов, распределяемый между различными регионами страны, с одной стороны способствует стабилизации и развитию экономики субъектов, но, с другой, становятся причиной возрастания рисков общественной безопасности. Между тем основным критерием миграционной политики должно быть её соответствие интересам российских граждан. Именно об этом в своем выступлении Президент нашей страны В.В. Путин сказал: «В миграционной политике мы должны исходить, прежде всего, из интересов наших граждан в вопросах безопасности, в социальной сфере, на рынке труда» [1].

Для России основную проблему составляет трудовая миграция из стран бывшего СССР. Незаконной трудовой миграции, помимо всего, способствует протяженная граница России с бывшими республиками СССР, большая часть которой до сих пор надлежащим образом не оборудована. Несомненно, данный вид миграции не имеет ничего общего с миграцией в зарубежных странах, тем не менее некоторая проблема все же присутствует. В то же время возросла миграция из других зарубежных стран, в т.ч. из Китая.

Прежде чем перейти к исследованию вопросов, касающихся правового регулирования миграционной политики, кратко остановимся на характеристике сущности внешней трудовой миграции. Несмотря на упоминание внешней трудовой миграции в целом ряде нормативных правовых актов различного уровня, в отечественном законодательстве по настоящее время отсутствует определение этого явления, как и понимания того, кто же может быть отнесен к категории мигрантов, что, в свою очередь, может сказываться на качестве правового регулирования. В целом ряде документов, направленных на регулирование миграционных процессов, предпринималась попытка дефинировать указанное понятие [2,3,4,5]. На основе анализа содержащихся в данных документах формулировок, можно выделить такие ключевые признаки внешней трудовой миграции как проезд на территорию РФ из другого государства, трудоустройство как основная цель пребывания в России

и его ограниченный по времени характер, а также сохранение постоянного проживания в стране-доноре.

Термин «мигрант» также не имеет однозначного понимания и, в зависимости от того в контексте какого нормативного правового акта он используется, к указанной категории могут быть отнесены субъекты с различным статусом. Положение отчасти улучшилось благодаря Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [5] в которой конкретизировано значение понятий «трудовой мигрант» как субъектов, пересекающих Государственную границу России и оказывающихся на её территории с определенными намерениями, связанными с трудоустройством.

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан» [7] характеризует легальное положение мигрантов на территории России и дает определение «законно находящихся в Российской Федерации иностранных граждан». Идя от обратного, можно определить термин «незаконная миграция» следующим образом: законно находящимся на территории Российской Федерации признается «лицо, которое имеет действительный вид на жительство, либо визу и (или) миграционную карту, или разрешение на временное проживание, либо иные документы, предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) на территории России».

Таким образом, лица, которые не соответствуют вышеуказанным критериям, признаются незаконно находящимися на территории России, т.е. незаконными мигрантами. Отсутствие общепризнанного понятия «незаконная миграция» не только в нормативно-правовой базе Российской Федерации, но и в доктрине международного права приводит к тому, что в научно-правовой литературе также отсутствует единый подход к данному вопросу и единое определение данной правовой категории. В результате анализа законодательства приходим к выводу, что общепризнанного определения незаконной миграции не существует, в связи этим обстоятельством предлагаем свою трактовку понятия. Незаконная миграция – это пространственное перемещение лица в пределах государства (по суше, морю, воздуху), а также: осуществление трудовой деятельности без официального оформления, въезд на территорию государства по недействительным либо поддельным документам (без документов), незаконное пребывание либо транзитный проезд, нарушающий законодательство государства, границы которого были затронуты, либо нарушающий соответствующие нормы международного права.

Одной из основных причин организации незаконной миграции в Российской Федерации, является её экономическая привлекательность для мигрантов из стран исхода, где остро стоит вопрос безработицы. Незнание законодательства Россий-

ской Федерации и, как следствие, его несоблюдение влечет большое количество последствий: осуществление незаконной трудовой деятельности, вследствие чего развивается теневая экономика; совершение преступлений террористической, экстремистской, коррупционной направленности, дестабилизирующих обстановку в обществе; социальные конфликты из-за проблем интеграции и адаптации мигрантов, что влечет недоброжелательное отношение граждан РФ к мигрантам в целом.

Государственное регулирование миграционных процессов преследует целью их упорядочение и обеспечение безопасности на всех уровнях от общегосударственной до отдельных граждан. Несмотря на сравнительно развитый характер правового регулирования внешней трудовой миграции и складывающихся в данной сфере правоотношений по настоящее время сохраняется целый ряд проблем первоочередными из которых являются следующие:

- коррупционность;
- незаконная миграция;
- использование фиктивных браков с гражданами РФ;
- недостаточная эффективность существующих механизмов контроля численности трудовых мигрантов, их учета;
- увеличение числа различных правонарушений, совершаемых мигрантами и связанный с этим рост риска дальнейшего повышения социального напряжения и недовольства граждан проводимой миграционной политикой и ряд других проблем.

Несмотря на нерешенность указанных проблем, большое значение имеет их вынесение на открытое обсуждение как научного сообщества, так и органов, связанных с правоприменением (соответствующие подразделения МВД РФ, Следственный комитет) и законодательством. Руководство нашей страны в последние годы также значительно больше внимания стало уделять проблемам переосмысления миграционной политики, её совершенствованию и адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям.

Инициированный Президентом России В.В. Путиным процесс переосмысления действующей миграционной политики привел к тому, что в течение 2023 года был внесен целый ряд поправок в Концепцию государственной миграционной политики. Эти изменения коснулись, прежде всего, политики трудоустройства мигрантов, обеспечения их социально-экономических прав, что должно оказать положительное воздействие на сокращение коррупционных схем, при которых допускалась сверхэксплуатация мигрантов недобросовестными работодателями, а часть полученных доходов тратилась на подкуп должностных лиц, закрывающих глаза на существующие нарушения. В настоящее время в Концепции миграционной политики предусмотрены нормы, направленные на то, чтобы прием на работу мигрантов сопровождался ком-

плексом мер по созданию условий их проживания на территории того субъекта и муниципального образования в котором они получили работу, а также адаптации не только их самих, но и членов их семей. Стимулированию легальной трудовой миграции должны способствовать такие меры, как равный с гражданами РФ доступ к получению социального обслуживания, например ОМС.

Одним из шагов по пути совершенствования правового регулирования миграционной политики стало принятие нового федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [8] в статье 16 которого указано, что ускоренный процесс получения российского гражданства для иностранцев, заключивших законный брак с гражданином РФ возможен только при наличии совместного ребенка. Тем самым предпринята попытка снизить влияние такой проблемы на пути реализации эффективной миграционной политики как заключение фиктивных браков с целью получения незаконного права на гражданство нашей страны.

В качестве одной из существенных проблем правового регулирования миграционной политики в РФ выделяется недостаточная эффективность действующей системы миграционного учета. Можно согласиться с мнением Е.В. Евсиковой и К.В. Ковалишиной о «необходимости урегулирования порядка осуществления миграционного учёта (контроля) на всех стадиях его осуществления, в том числе путём упрощения процедуры регистрации и постановки на миграционный учёт, в целях усовершенствования реализации и осуществления миграционных правоотношений и предупреждения совершения правонарушений и преступлений в сфере миграции, что будет способствовать обеспечению законности и правопорядка, а также экономическому развитию нашего государства за счёт обеспечения привлечения и миграционного учёта специалистов в соответствующих сферах и отраслях» [9]. С целью снижения влияния рассматриваемой проблемы на результативность регулирования миграционной политики РФ в 2023 году был внесен ряд изменений в ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан» [10]. Трудовые мигранты получили возможность уведомлять контролирующие органы МВД РФ путем использования сервиса «Госуслуги», что, по мнению законодателя, будет способствовать снижению количества фактов фиктивной постановки на учёт иностранных граждан и лиц без гражданства. Освещение необходимой информации о требованиях пребывания, въезда и выезда, трудовой деятельности мигрантов на территории регионов России является также одним из актуальных направлений миграционной политики.

Оптимизация положения с ростом числа правонарушений, совершаемых трудовыми мигрантами, представляется возможной не только путем принятия мер репрессивного характера, но повысив внимание к вопросам социально-культурной адаптации мигрантов, их интеграции в принимающее сообщество соответствующего муниципального

образования разрабатывая с этой целью необходимые муниципальные программы, как это, например, сделано в Симферополе.

Обращаясь к вопросу о дальнейшем совершенствовании правового регулирования миграционной политики в РФ, можно предложить внедрение положения о необходимости разработки Концепции миграционной политики на уровне субъектов РФ. В настоящее время подобная Концепция утверждена на федеральном уровне, в то время как в регионах далеко не всегда существует четкое понимание того, как ими может быть использована трудовая миграция и в каких направлениях её развивать или, напротив, ограничивать.

Требует совершенствования и существующая схема регулирования трудовой миграции, поскольку действующий в настоящее время механизм основывается на административно-командных принципах, которые оказываются недостаточно эффективными в условиях отсутствия визового режима с целым рядом стран, в том числе членов ЕАЭС и большой протяженностью российских границ.

Наша страна сейчас нуждается в адекватных решениях миграционных вопросов, которые позволят уйти от ситуативных решений и от принципа решения вопросов по мере их поступления, и создать стратегию, в формировании долгосрочных программ внедрения и адаптации интеграционных механизмов для трудовых мигрантов. Российской Федерации, необходимо ясное понимание своих целей для формирования миграционной политики, затрагивающую все системы государственного регулирования миграционных процессов.

Литература

1. Официальный сайт Президента России. Заседание Совета по международным отношениям. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71165> (дата обращения 13.11.2024)
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1994 г. № 1668 «О Федеральной миграционной программе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 18. Ст. 2065.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5406.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 10. Ст. 923.
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Президентом РФ 8 июня 2012 г. № Пр-1490 // СПС Консультант-Плюс.
6. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений

в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622// СПС Консультант Плюс

7. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Российская газета, № 140, 31.07.2002.
8. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О гражданстве Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ.2023. № 18. Ст. 3215
9. Евсикова Е.В. Система миграционного учёта в Российской Федерации в условиях цифровизации и её элементы / Е.В. Евсикова, К.В. Ковалишина // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10(173). С. 190–191
10. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ.2006. № 30. ст. 3285.

DEVELOPMENT OF THE FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF MIGRATION POLICY: ASPECTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN REGULATORY INSTRUMENTS AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

Nikienko K.G.

Moscow University for the Humanities

This article discusses the main problems of legal regulation in the migration policy of the Russian Federation. The factors influencing the persistence of illegal migration are highlighted. The concepts of “migrant” and “external labor migration” have been clarified. Based on the analysis of normative legal acts in the field of migration policy, it is concluded that there is no legislative consolidation of the term “illegal migration” and its author’s interpretation is given. The main problems of regulating labor migration are highlighted. The insufficient effectiveness of the current migration accounting system

is highlighted as one of the significant problems of legal regulation of migration policy in the Russian Federation and ways to solve this problem are considered. The assessment of the development of the current legislation in the field of migration policy is given and a number of proposals aimed at its further improvement are formulated.

Keywords: migration, migrant, labor migration, illegal migration, migration policy.

References

1. The official website of the President of Russia. Meeting of the Council on International Relations. [Electronic resource] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71165> (accessed 13.11.2024)
2. Decree of the President of the Russian Federation dated August 9, 1994 No. 1668 “On the Federal Migration Program” // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № . 18. St. 2065.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated November 10, 1997 № . 1414 “On the Federal Migration Program for 1998–2000” // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 47. St. 5406.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 1, 2003 No. 256-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № . 10. St. 923.
5. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the President of the Russian Federation on June 8, 2012, № . Pr-1490 // SPS ConsultantPlus.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 342 dated 05/12/2023 “On Amendments to the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 622 dated October 31, 2018// SPS Consultant Plus
7. Federal Law No. 115-FZ dated 07/25/2002 “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” (as amended on 08.08.2024) // Rossiyskaya Gazeta, № . 140, 07/31/2002.
8. Federal Law No. 138-FZ dated 04/28/2023 (as amended on 08.08.2024) “On Citizenship of the Russian Federation” //Collection of Legislation RF.2023. № . 18. St. 3215
9. Evsikova E.V. Migration accounting system in the Russian Federation in the context of digitalization and its elements / E.V. Evsikova, K.V. Kovalishina // Eurasian Law Journal. 2022. № . 10(173). pp. 190–191
10. Federal Law № . 109-FZ of 07/18/2006 (as amended on 12/25/2023) “On Migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation” //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 30

Роль косвенных доказательств при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) должника

Никонорова Елена Сергеевна,

аспирант, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
E-mail: obsk2004@mail.ru

Вопросы доказательственного права имеют как огромное практическое, так и теоретическое значение. При классификации доказательств по характеру связи содержания доказательств с доказываемым фактом все доказательства делятся на прямые и косвенные. В статье анализируется современная судебная практика использования косвенных доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве). В теории права выработаны доктринальные подходы понятия косвенных доказательств и правила их использования в судебном процессе. Автор приходит к выводу об отсутствии приоритета прямых доказательств по отношению к косвенным. В делах о банкротстве суд должен справедливо распределить бремя доказывания между участниками спора, при этом допускается установление фактов только с помощью косвенных доказательств. Также в процессе доказывания активно используются правовые презумпции и стандарты. Верховный Суд Российской Федерации в своих определениях часто обращается к проблеме ошибочного распределения нижестоящими судами бремени доказывания, определяя понятие стандарта доказывания, в том числе повышенного стандарта доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве). Правовая наука должна выработать основные процессуальные и логические правила доказывания на основе косвенных доказательств, соблюдая принципы и установки, заложенные как в законодательстве, так и судебной практикой высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: дела о несостоятельности (банкротстве), косвенные доказательства, прямые доказательства, бремя доказывания.

Цель использования доказательств в делах о банкротстве – это установление истины. Поскольку дела о банкротстве рассматриваются по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), то понятие доказательств АПК РФ определено как сведения о фактах. По характеру связи содержания доказательств с доказываемым фактом все доказательства делятся на прямые и косвенные. При характеристике прямых и косвенных доказательств в юридической литературе существуют разногласия по ряду вопросов. Встречаются часто утверждения, что косвенные доказательства обычно служат средством установления лишь доказательственных фактов, а прямые – фактов предмета доказывания.[7, с.101]

Другое определение косвенных доказательств Смольников Д.И. вынес на защиту в своей диссертации, указав, что косвенные доказательства – это полученные в предусмотренном законом порядке сведения, с помощью которых устанавливается доказательственный факт (*factum probans*), позволяющий на основе соответствующего умозаключения прийти к вероятному выводу о наличии либо отсутствии главного факта (*factum probandum*) [4, с. 36].

В советской юридической науке существовало разграничение доказательств на прямое и косвенное исходя из «теории связей». Прямое доказательство – это такой известный факт, который в силу его однозначной связи с неизвестным фактом дает возможность сделать лишь один вывод о неизвестном факте – о наличии его или отсутствии; косвенное доказательство – это, наоборот, такой факт, дающий в силу многозначности его связей возможность для различных вероятных выводов. Поэтому заключение от него к искомому факту носит не характер единственной возможности, а лишь характер либо большей, либо меньшей вероятности.[2, с. 250]

Самым распространенным разграничением является определение, что прямыми называются такие доказательства, в которых содержание имеет однозначную связь с доказываемым фактом. В косвенных доказательствах содержание имеет с доказываемым фактом многозначную связь. По мнению ряда исследований, в гражданских делах достаточно часто стороны спора ссылаются именно на косвенные доказательства. [6, с. 42]

Понятие косвенного доказательства нормативно не регулируется. В силу действующего процессуального законодательства арбитражный суд сво-

боден при оценке любых доказательств, в том числе и косвенных.

В теории доказательств существует мнение, что косвенные доказательства дополняют прямые и используя только косвенные доказательства невозможно построить обоснование своей позиции. Суды при оценке доказательств нередко скептически относятся к роли косвенных доказательств, поскольку с их помощью невозможно установить истину по делу. Но, есть и другая точка зрения, что косвенные и прямые доказательства нельзя противопоставлять друг другу, между ними не должно быть иерархии.[6, с. 43]

Поскольку из косвенного доказательства следует несколько версий, то для обоснования единственно правильного вывода требуется совокупность косвенных доказательств либо соединение прямых и косвенных доказательств. При доказывании с помощью косвенных доказательств обоснование вывода осуществляется путем исключения ложных предположений (версий).[7, с. 102]

Также есть мнение, что косвенные доказательства нередко и притом достаточно успешно используются для проверки информации, содержащейся в прямых доказательствах, в том случае, если есть сомнение в достоверности прямого доказательства.[1, с. 49]

В делах о банкротстве допускается использование совокупности косвенных доказательств, взаимодополняющих друг друга.

Судебная практика арбитражных судов, а также коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации устанавливает условия, когда в делах о банкротстве суды должны при распределении бремени доказывания поддерживать сторону, у которой ограничены возможности по представлению доказательств или есть только косвенные доказательства. При этом важным является возложение судом на лиц, участвующих в деле, обязанности по доказыванию, с учетом значимости четкого определения момента, когда бремя доказывания необходимых для разрешения конкретного дела обстоятельств переходит на определенную сторону судебного спора. К таким обособленным спорам в делах о несостоятельности (банкротстве) относятся вопросы установления требований кредиторов, оспаривание сделок и привлечение контролирующего должника к субсидиарной ответственности.

При этом распределение бремени доказывания зависит от статуса кредитора, а именно кредитор, аффилированный с должником или независимый кредитор.

Первый пример возможности предъявления косвенных доказательств в деле о банкротстве при установлении требований кредиторов и факта реальности обязательства. При рассмотрении обособленных споров о включении в реестр требований кредиторов должника с учетом объективных сложностей в получении прямых доказательств по некоторым обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, суд принимает во внимание сово-

купность согласующихся между собой косвенных доказательств.

Поскольку в делах о банкротстве часто требуется установление факта аффилированности контрагентов по сделке, кредитора и должника при установлении требования, существует объективная сложность получения независимыми кредиторами отсутствующих прямых доказательств неформальной аффилированности, суды принимают во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств.

Так в пункте 1 обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, указано, что в ситуации, когда не связанный с должником кредитор представил косвенные доказательства, поставившие под сомнение факт существования долга, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального комплекта документов в подтверждение реальности заемных отношений. Он должен исчерпывающе раскрыть все существенные обстоятельства по договору займа.[8]

Второй пример при оспаривании сделок в процедуре банкротства заявители ограничиваются предъявлением косвенных доказательств.

Так, в деле о банкротстве при оспаривании сделки, арбитражный суд указал, что порок воли сторон подлежит доказыванию на основании тщательного анализа представленных доказательств, исходя из того, что из обстоятельств дела должна быть установлена связь сторон сделки и реальная или наиболее вероятная противоправная взаимная цель ее совершения. При этом о сговоре сторон свидетельствуют как прямые доказательства (например, как простой случай – представленная в судебное производство переписка сторон, которая раскрывает суду их мотивы и цели при совершении сделки), так и косвенные доказательства (например, сведения о наличии у сторон общего бизнеса и иных связей и предполагаемой выгоды от совершения мнимой сделки, нетипичности предмета сделки или поведения сторон в конкретных экономических условиях при наличии притязаний кредиторов).[16]

Если арбитражный управляющий и (или) кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о недействительности оспариваемой сделки, бремя опровержения данных утверждений переходит на другую сторону данной сделки, в связи с чем она должна доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения.[17]

Особый порядок предъявления доказательств предусмотрен для оспаривания мнимых сделок в процедуре банкротства. Характерной особенностью мнимой сделки является стремление сторон правильно оформить все документы без намерения создать реальные правовые последствия. Вви-

ду заинтересованности как истца, так и ответчика в сокрытии действительной цели сделки при установлении признаков мнимости повышается роль косвенных доказательств.[12]

Третий пример это привлечение контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности, при этом заявители могут представить только косвенные доказательства. Рассматривая иски о привлечении к субсидиарной ответственности суд должен распределять бремя доказывания с учетом необходимости выравнивания возможностей по доказыванию юридически значимых обстоятельств дела между сторонами спора. При этом процессу доказывания по делам о привлечении к субсидиарной ответственности сопутствуют объективные сложности, возникающие как в результате отсутствия у заявителей в силу объективных причин прямых письменных доказательств, подтверждающих их доводы, так и в связи с нежеланием членом органов управления, иных контролирующих лиц раскрывать документы, отражающие их статус, реальное положение дел и действительный оборот, что влечет необходимость принимать во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированную на основе анализа поведения упомянутых субъектов.

Также арбитражный суд возлагает бремя доказывания на контролирующего должника лица. Согласно пункту 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если арбитражный управляющий и (или) кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействий) последнего, бремя опровержения данных утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность (пункт 4 статьи 61.16 Закона о банкротстве).[9]

Тем не менее, при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, Верховный Суд Российской Федерации в определении указал, что субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, то есть исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров, поэтому по названной категории дел не может быть применен общий стандарт доказывания. Не любое, даже подтвержденное косвенными доказательствами, сомнение в отсутствие контроля должно толковаться против ответчика, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно с помощью согласующихся между собой доказательств подтверждать

факт возможности давать прямо либо опосредованно обязательные для исполнения должником указания.[14]

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации при привлечении к субсидиарной ответственности фактического бенефициара, не имеющего формальных полномочий, должна учитываться объективная сложность получения кредитором прямых доказательств неформальной подконтрольности. В этом случае принимается совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств.[11]

Конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего положения. Вопреки выводам судов его отношения с подконтрольным хозяйственным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения. Поэтому при определении такого лица, исследованию подлежат косвенные доказательства, оценивается, насколько они согласуются между собой.[10]

При установлении статуса контролирующего должника лица, не каждое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение при отсутствии контроля должно толковаться против ответчика. Такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно, с помощью согласующихся между собой косвенных доказательств подтверждать факт возможности давать прямо либо опосредованно обязательные для исполнения должником указания.[3, с. 20]

Среди ряда исследователей есть точка зрения, что разрешение дел исключительно с помощью собирания и исследования косвенных доказательств, это рассмотрение дела на основе вероятности.[1, с. 41]

В делах о банкротстве тяжесть доказывания переносится на одну из сторон, вероятность допустима, если сторона займет пассивную позицию и не будет опровергать доводы заявителя.

По мнению Д.И. Смольникова, косвенные доказательства по своей природе не всегда убедительны. Они не дают судье полной картины произошедшего события, зачастую оставляют место сомнению. А это может напрямую влиять на субъективное восприятие (внутреннее убеждение).[4, с. 179]

Прямые доказательства могут состоять в противоречащих друг другу объяснениях сторон, касающихся наличия или отсутствия определенного факта или фактов. Вынести в такой ситуации судебное решение, соответствующее действительным обстоятельствам дела, суду довольно затруднительно. В подобных случаях лица, участвующие в деле, при содействии суда стараются вовлечь в орбиту судебного разбирательства косвенные доказательства, подтверждающие либо опровергающие прямые доказательства.[1, с. 40]

Косвенные доказательства, как в принципе и все доказательства, имеют различную степень убедительности, что во многом зависит и от того, какой именно факт устанавливает это доказательство.[6, с.40]

В одном случае вывод о существовании главного факта из факта существования доказательственного факта будет очевидным, быстрым, в другом – нет. В большинстве же случаев встречается второй тип косвенных доказательств. И это не удивительно, поскольку, во-первых, событие стало предметом спора (значит, и для самих сторон не всегда ясно, что же было на самом деле), во-вторых, это событие произошло в прошлом.[4, с. 179]

Предполагается, что активная роль суда раскрывается в установлении судом обстоятельств, подлежащих доказыванию. Суд должен определить круг необходимых доказательств, предложить представить доказательства лицам, участвующим в деле, обратить внимание участников спора на сведения, которые могут находиться у третьих лиц, на информацию, представляемую в государственные органы в соответствии с их компетенцией и т.д. [5]

Какие судебные доказательства суд оценил как косвенные доказательства в делах о несостоятельности (банкротстве).

К таким доказательствам относится анализ бухгалтерского баланса должника.

Бухгалтерский баланс является косвенным доказательством, которое подлежит оценке во взаимосвязи с первичными учетными документами, на основании которых он составлен при подтверждении размера ответственности кредитора перед должником.

Для определения сальдо взаимных обязательств обществ исследуются в совокупности и косвенные доказательства (книги продаж, налоговые декларации и счета-фактуры), связанные с налоговыми правоотношениями для установления того, как в этих отношениях сторонами квалифицировались спорные платежи.[13]

К косвенным доказательствам наличия сделки между должником и кредитором относится переписка, которая раскрывает суду мотивы и цели участников сделки при ее совершении. При этом, если это электронная переписка, то скриншоты писем должны достоверно определить даты отправления сообщений, а также достоверно идентифицировать адресатов.

Документы по страхованию, заправке, техническому обслуживанию автотранспорта, осмотры водителей косвенно свидетельствуют о наличии у должника транспорта.

Информация (реклама) в сети Интернет о продаже имущества, проведение переговоров с потенциальными покупателями, инвесторами (протоколы совещаний, деловая переписка, выезды для осмотра на объект недвижимости, организация мероприятий) свидетельствуют о сделке по отчуждению имущества должником.[15]

Фотографии могут быть косвенными доказательствами, например фотографии готового объекта строительства (склада) подтверждают лишь его существование на момент создания снимков, но не факт выполнения кредитором работ по возведению данного объекта.

Размещение руководителем на персональной странице в социальной сети facebook.com фотографии автозаправочной станции с сопровождающимся комментарием директора «приезжайте к нам на АЗС» и его визитные карточки свидетельствуют, что данное лицо является директором общества и как установлено судом контролирующим должника лицом.[18]

При рассмотрении дел о банкротстве большую практическую роль играет не разграничение доказательств на прямые и косвенные, а достоверность доказательств. Достоверность – это качество доказательства, характеризующее точность и правильность отражения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Любое доказательство, независимо от того, относится ли оно к числу прямых или косвенных, должно восприниматься арбитражным судом критически и подлежать оценке на общих основаниях. Каждое доказательство основано на умозаключении, поэтому не только прямое, но и косвенное доказательство в деле о банкротстве позволяет сделать достоверный вывод о доказательственном факте. При установлении фактов в деле о банкротстве допустима вероятность, если одна из сторон займет пассивную позицию и не будет опровергать доводы заявителя, основанные на косвенных доказательствах.

Доказывание с помощью косвенных доказательств имеет более сложный характер поскольку связь с устанавливаемым фактом опосредована. В делах о банкротстве арбитражный суд более активен в установлении действительных обстоятельств дела, чем в исковом производстве, например по своей инициативе может назначить экспертизу, а также распределяет бремя доказывания. Также процесс доказывания в процедуре банкротства упрощается путем применения презумпций, например при оспаривании сделок или привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности.

Литература

1. Боннер А.Т. Косвенные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики // Закон. 2018. № 4. С. 39–55.
2. Курылев С.В. Сущность судебных доказательств // Избранные труды. Минск. 2012. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurylev_izbrannye_trudi.pdf
3. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12. С. 18–24.

4. Смольников Д.И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
5. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 480 с.
6. Сусарина А.В. Проблемы использования косвенных доказательств в современном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 42–47.
7. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. Москва: Городец, 2021. 302 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2023 № 305-ЭС22–27062 по делу № А40–175828/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2020 № 305-ЭС20–5422 (1,2) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.10.2018 № 308-ЭС18–9470 по делу № А32–42517/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.09.2016 № 308-ЭС16–7060 по делу № А32–16155/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 12.07.2023 № 301-ЭС23–10468 по делу № А11–619/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.08.2024 № Ф05–33047/2023 по делу № А40–36431/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2021 г. по делу № А33–2962/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Арбитражного суда Омской области от 17 октября 2024 года по делу № А46–12387/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Определение Арбитражного суда города Москвы от 27.07.2023 № А40–168513/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

THE ROLE OF INDIRECT EVIDENCE IN THE CONSIDERATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES OF THE DEBTOR

Nikonorova E.S.

Russian State Academy intellectual property

The issues of evidentiary law are of great practical and theoretical importance. When classifying evidence according to the nature of the connection between the content of evidence and the fact being proved, all evidence is divided into direct and indirect. The article analyzes the modern judicial practice of using indirect evidence in insolvency (bankruptcy) cases. The theory of law has developed doctrinal approaches to the concept of indirect evidence and rules for their use in court proceedings. The author comes to the conclusion that there is no priority of direct evidence in relation to indirect evidence. In bankruptcy cases, the court must fairly distribute the burden of proof between the parties to the dispute, while it is allowed to establish facts only with the help of indirect evidence. Legal presumptions and standards are also actively used in the proof process. In its rulings, the Supreme Court of the Russian Federation often addresses the problem of erroneous distribution of the burden of proof by lower courts, defining the concept of a standard of proof, including an increased standard of proof in insolvency (bankruptcy) cases. Legal science should develop the basic procedural and logical rules of proof based on indirect evidence, observing the principles and guidelines laid down in both legislation and judicial practice of the highest judicial instance.

Keywords: insolvency (bankruptcy) cases, indirect evidence, direct evidence, burden of proof.

References

1. Bonner A.T. Circumstantial evidence in civil and arbitration proceedings: problems of theory and practice // Law. 2018. No. 4. pp. 39–55.
2. Kurylev S.V. The nature of judicial evidence // Selected works. Minsk. 2012. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurylev_izbrannye_trudi.pdf
3. Sviridenko O.M. Actual issues of subsidiary liability of controlling persons in bankruptcy of the debtor // Lex russica. 2018. No. 12. pp. 18–24.
4. Smolnikov D.I. Circumstantial evidence in civil proceedings of Russia: Dis. ... Cand. of Law. M., 2015.
5. Handbook of evidence in arbitration proceedings / O.V. Aboznova, N.G. Belyaeva, T.L. Verbenko et al.; edited by I.V. Reshetnikova. 2nd ed., revised and enlarged. M.: NORMA, INFRA-M, 2022. 480 p.
6. Susarina A.V. Problems of using circumstantial evidence in modern civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2017. No. 6. Pp. 42–47.
7. Treushnikov M.K. Judicial evidence / M.K. Treushnikov. Moscow: Gorodets, 2021. 302 p.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 “On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy” // SPS “ConsultantPlus”.
9. Review of judicial practice in resolving disputes related to the establishment of claims in bankruptcy proceedings for persons controlling the debtor and persons affiliated with it, approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29.01.2020. // SPS “ConsultantPlus”.
10. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.04.2023 No. 305-ES22–27062 in case No. А40–175828/2018 // SPS “ConsultantPlus”.
11. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.08.2020 No. 305-ES20–5422 (1,2) // SPS “ConsultantPlus”.
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.10.2018 No. 308-ES18–9470 in case No. А32–42517/2015 // SPS “ConsultantPlus”.
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.09.2016 No. 308-ES16–7060 in case No. А32–16155/2011 // SPS “ConsultantPlus”.

14. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 12, 2023 No. 301-ES23-10468 in case No. A11-619/2021// SPS "ConsultantPlus".
15. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated August 8, 2024 No. F05-33047/2023 in case No. A40-36431/2023// SPS "ConsultantPlus".
16. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal dated November 18, 2021 in case No. A33-2962/2019// SPS "ConsultantPlus".
17. Determination of the Arbitration Court of Omsk Region dated October 17, 2024 in case No. A46-12387/2020// SPS "ConsultantPlus".
18. Determination of the Arbitration Court of Moscow dated July 27, 2023 No. A40-168513/2018// SPS "ConsultantPlus".

Озмания Юсуб Зограбович,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: ozmanyau.y@mail.ru

В статье рассматривается проблема выбора способа защиты патентных прав обладателя зависимого объекта. Автор приходит к выводу, что патентообладатель зависимого объекта патентных прав может защищать свои права несколькими способами, а именно требуя признать его объект зависимым, требуя выдачи принудительной лицензии и самозащитой, ожидая истечения исключительных прав на старший патент. Также, предлагается расширить сферу применения п. 2 ст. 1362 ГК РФ осуществив раздачу лицензий в принудительном порядке на промышленные образцы и полезные модели. Кроме этого, несмотря на то, на текущий момент в России было завершено лишь одно дело, касающееся выдачи принудительной лицензии на основании положения указанной нормы ГК РФ. Мы предполагаем, что Федеральная антимонопольная служба подняла важные утилитаристские вопросы, выдвигая экономическую целесообразность повыше технических аспектов.

Ключевые слова: исключительные права, патентное право, защита патентных прав и ее способы.

В первую очередь стоит отметить, что в доктрине права интеллектуальной собственности столкновением патентов именуется ситуация коллизии патентов, обстоятельства при которых использование объекта, охраняемого правом, влечет нарушение исключительных прав иного патентообладателя. У любого правообладателя имеется широкий спектр возможности использования своего изобретения, кроме того, существует возможность требования определенных мер от других лиц, при нарушении его исключительных прав, нередко именуется столкновением [1, с. 13].

Можно отметить, что ситуации столкновения патентов в патентном праве РФ встречаются трижды:

1) столкновение исключительного права на один и тот же объект, относящегося к разным обладателям двух и более патентов – один из которых российский, а второй – евразийский (п. 1 ст. 1397 ГК РФ);

2) столкновение исключительного права на один и тот же объект, принадлежащего различным правообладателям двух патентов, оба которых российские (п. 9 Информационного письма Президиума ВАС № 122 и п. 125 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10);

3) также в случае, когда первоначальная разработка с ранней датой приоритета и патента на зависимое изобретение с поздней даты приоритета, будет столкновением исключительного права (п. 2 ст. 1358.1 ГК РФ).

В последнем случае, соответствующие «столкновение», урегулировано на законодательном уровне, путем установки правил разрешения данной коллизии в ГК РФ, что и является объектом настоящей статьи.

Согласно вышеуказанному правилу, объекты патентных прав не могут быть использованы без разрешения владельца патента, по отношению к которому они выступают зависимыми.

Однако общее правило: (ст. 1233 ГК РФ) наделяет правообладателя правом распорядиться своими исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности любым не запрещенным, соответствующим способом. Например, договор об отчуждении или лицензионный договор. В одном из своих определений Верховный суд подтвердил, что правообладатель уполномочен сам выбирать способ распорядиться исключительным правом не ограничиваясь соответствующим перечнем, такой вывод был сделан в отношении товарного знака, а значит и применим для любого объекта исключительного права. Как следует из определения Верховного Суда, письменное согласие на использование товарного знака являет-

ся правомерным способом распоряжения исключительным правом [2].

Указанное означает, что действующее законодательство допускает указанное «столкновение» по принципу старшинства, то есть его главенства. До получения отдельного разрешения исключительное право на зависимый объект оказывается блокированным правом первоначального патентообладателя. Таким образом, зависимый патентообладатель вынужден обратиться к первоначальному патентообладателю за тем, чтобы использовать свой объект – потенциально более привлекательный для потребителя или рынка.

Стоит отметить, что поскольку зависимость объекта патентных прав не констатируется Роспатентом, в первую очередь, патентообладатель такого объекта должен установить, что он именно зависимый, а не тождественный. Это означает, что обладатель зависимого патента может защищать свои права, посредством констатации факта зависимости. Например, подобный способ защиты может быть использован в случае отказа Роспатента от выдачи патента из-за отсутствия изобретательского уровня [3]. Также довод о том, что объект патентных прав является зависимым может быть использован в споре о признании патента недействительным, как ответ на возражения третьих лиц о тождественности изобретения [4].

Зависимый патентообладатель находится в достаточно уязвимой позиции в связи с чем ему предоставлен особенный механизм защиты своих прав – принудительное лицензирование. Указанный механизм является частным случаем понуждения к заключению договора (на условиях простой неисключительной лицензии), а также изъятием из основополагающего принципа частного права – принципа свободы договора [5, с. 108].

Ранее в параграфе 2.1 работы уже упоминалось, что правовое регулирование выдачи принудительных лицензий предусматривалось п. 2 ст. 1362 ГК РФ, п «I» ст. 31 соглашения ТРИПС, а также ст. 5А Парижской Конвенции.

Рассмотрим подробнее условия выдачи такой лицензии. Положением п. 2 ст. 1362 ГК РФ предусмотрено условие получения лицензии в принудительном порядке, в случае предоставления правообладателем доказательств важности технического прогресса или какого-либо экономического превосходства в отношении объекта обладателя первого патента.

Помимо этого, по тексту указанной нормы отсутствует возможность принудительной лицензии. Названная привилегия делегируется в случае «изобретение-изобретение» и «изобретение-полезная модель». Стоит отметить, что изобретение, как единственный объект, подлежащий принудительному лицензированию указан и в соглашении ТРИПС. В литературе это обстоятельство констатируется [6, с. 410], но не объясняется.

Полагаем, что корни такого подхода лежат в буквальной рецепции в ГК РФ положений соглашения ТРИПС. Ранее в работе уже приводилась

позиция согласно которой тот факт, что в РФ выдаются патенты на все объекты патентных прав – это переводческая ошибка, поскольку согласно оригинальному тексту Парижской конвенции (на французском) патенты выдаются только на изобретения: *Brevets, modèles d'utilité, dessins et modèles industriels* или при дословном переводе (патенты, полезные модели, дизайны промышленных моделей).

Как мы уже выяснили отношения зависимости могут выстраиваться между любыми объектами патентных прав. Абстрагируясь от обстоятельства того, что промышленные образцы представляются иным объектом в сравнении с полезной моделью, однако опция принудительных лицензий новаций, зависимых от полезных моделей, но невозможность аналогичного регулирования для зависимости полезной модели от изобретения выглядит нелогичной.

Безусловно, это может быть связано с тем, что изобретение с большей вероятностью, чем любой иной объект может соответствовать критерию «важное техническое достижение» за счет предъявления требования к изобретательскому уровню. В то же время, технически, и изобретение может не являться для целей п. 2 ст. 1362 ГК важным техническим решением.

В связи с чем полагаем возможным расширить вышеуказанную норму, включив условие выдачи лицензии в принудительном порядке на объекты патентных прав, в случае представления доказательств значимости технического достижения, либо значительного экономического превосходства перед объектом первого патента.

Переходя к условиям выдачи принудительных лицензий, стоит отметить, что их раскрытия законодательство не дает, а судебная практика в этой области крайне редка, что сводит любое толкование этих критериев к произвольному усмотрению. Полагается, что помимо объективных причин (общественных отношений в этой области попросту не так много), существуют и субъективные – ФАС РФ попросту проще регулировать рынок через ст. 1360 ГК РФ в административном порядке [7, с. 157]. Единственным актом в России на уровне суда кассационной инстанции стало Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2019 № С01–906/2019 по делу № А40–166505/2017 [8]. Указанное лицо выступает в качестве истца по другому делу А40–157726/2018 по однородному предметному спору, однако производство по нему приостановлено, до вынесения решения по делу о признании второго патента недействительным.

В данном кейсе международные фармацевтические компании входящие в группу компаний «Пфайзер» обладали патентом на противоопухолевый препарат «сунитиниб» («Сутент») и требовали признать недействительным патент отечественной фарм-компании ООО «Натива» на изобретение «сунитиниб-натив», а та в свою очередь обратилась со встречным иском о признании ее изобретения зависимым и выдачи на него принуди-

тельной лицензии. Разбирательство завершилось в пользу ООО «Натива».

Опустив детали этого сложного спора, в котором было привлечено несколько экспертных организаций, в том числе международных отметим следующие выводы:

1) Признак важного технического достижения не предусмотрен действующим законодательством, также отсутствует судебная практика по этому поводу, а потому для его толкования привлекаются эксперты, однако двигаясь лишь в плоскости выдачи патента на изобретение, как доказательство такого признака не разумно. В отдельном взятом случае суд процитировал экспертов и указал, что изобретение Нативы имеет важность постольку, поскольку отмечается различие в сроках возникновения вещества в крови зайцев и факт возможности сунитиниба воплощаться в полиморфизм.

Однако полагается, что ни один из этих критериев не отображает важность, а подчеркивает только отличность, которой недостаточно для выдачи принудительной лицензии.

2) В то же время отечественный препарат существенно дешевле своего иностранного препарата, а данные обстоятельства, касающиеся легального определения и судебной практики аналогичны первому пункту.

Кроме того, изначальный максимум отпускной цены на Сунитиниб-натив в 0,2% меньше цены на Сутент. Не редки случаи проведения торгов на препараты такого характера, в таком случае разница в цене может достигать значительных сумм, в следствие чего значительно понизится годовая экономия бюджетных средств при гос. закупках.

Полагается, что в данном деле отчетливо был выражен утилитарный подход к рассматриваемому вопросу – в некоторых случаях патентная монополия слишком аморальна. Подобные споры подчеркивают необходимость соблюдения баланса частных и общественных интересов касательно вопросов интеллектуальной собственности.

Некоторые авторы подчеркивают, что общемировой практикой является если не положительное, то нейтральное отношение к дженерикам, то есть производным препаратам, которые дешевле из-за того, что в их себестоимость не закладываются расходы на фармакологические испытания [9, с. 83]. Например, Ю.Г. Давыдов отмечает важность соблюдения антиконкурентного законодательства в области интеллектуальной собственности и призывает ставить выше благо общественное, повышая доступность лекарств за счет дженериков, а не благо транснациональных фармкомпаний [10, с. 20].

Другие же авторы критикуют такой подход, как популистский. Они указывают, что массовая выдача принудительных лицензий в развивающихся странах многократно снизило инвестиции в фармацевтическую отрасль. Это просто не будет стимулировать их вкладываться в развитие отрасли.

Также это «раслабит» и отечественные фармкомпании – они перестанут разрабатывать свои препараты, а в погоне за легкими деньгами будут незначительно дорабатывать имеющиеся и делать дженерики [11, с. 132].

Однако данный вопрос касается в большей степени не защиты патентообладателя зависимого объекта, а патентообладателя первоначального объекта, поскольку при утилитарном толковании нормы п. 2 ст. 1362 ГК РФ именно он оказывается в уязвимой позиции, а не зависимый патентообладатель. Поэтому отдельные вопросы ужесточения требований к выдаче принудительных лицензий будут рассмотрены позднее.

Последней возможностью законной реализации патентных прав на зависимое изобретение в том случае, если принудительную лицензию получить на изобретение через суд получить не выйдет, будет возможность дождаться срока окончания действия патента, равный для изобретения на срок двадцать лет, полезных моделей на срок десять лет, а в случае промышленных образцов от пяти до двадцати пяти лет [12, с. 44]. Однако стоит отметить, что движение технического прогресса делает нерелевантным изобретательство зависимых объектов, поскольку даже за 10–15 лет это изобретение может оказаться уже устаревшим и отставшим от более современных аналогов.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо сделать несколько ремарок. Во-первых, патентообладатель зависимого объекта патентных прав может защищать свои права несколькими способами, а именно требуя признать его объект зависимым, требуя выдачи принудительной лицензии и самозащитой, ожидая истечения исключительных прав на старший патент. Во-вторых, предлагается расширить сферу применения п. 2 ст. 1362 ГК РФ осуществив раздачу лицензий в принудительном порядке в отношении промышленных образцов и полезных моделей. В-третьих, на наш взгляд СИП имеет цель в установке ключевых концепций, возвысив экономическую составляющую относительно технической установки.

Литература

1. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 126; Джермакян, В.Ю. Столкновение патентов: судебное толкование рекомендаций из письма президиума ВАС РФ // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 1. С. 26–30; Гаврилов Э.П. Если патенты сталкиваются, значит, нарушен закон // Патенты и лицензии. 2019. № 6. С. 10–14.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2022 № 305-ЭС21–23755 по делу № А41–13514/2020 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Кон-

сультант Плюс» URL: consultant.ru (дата обращения: 20.09.2024).

3. Решение Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2019 по делу № СИП-124/2019 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» URL: consultant.ru (дата обращения: 20.09.2024).
4. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.06.2018 № С01-450/2017 по делу № СИП-814/2016 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» URL: consultant.ru (дата обращения: 20.09.2024).
5. Паземова Е.И. Особенности реализации механизма принудительного лицензирования и иных механизмов ограничения прав правообладателей в сфере охраны лекарственных средств // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 108.
6. Ворожевич А.С. Условия принудительного лицензирования: международный и национальный аспект // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 2. С. 36; Право интеллектуальной собственности: Учебник / О.Л. Алексеева, А.С. Ворожевич, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2019. Т. 4: Патентное право. С. 410.
7. Ворожевич А.С., Третьяков С.В. Об утилитарности интеллектуальных прав, принудительных лицензиях и бюрократических рентах // Закон. 2017. № 8. С. 157.
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2019 № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» URL: consultant.ru (дата обращения: 20.09.2024).
9. Иванов А.Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 83.
10. Давыдов Ю.Г. Основания для распространения действия законодательства о защите конкуренции на сферу интеллектуальных прав (на примере фармацевтической отрасли) // Конкурентное право. 2019. № 1. С. 20.
11. Пучнина М.М. Условие предоставления принудительной лицензии для использования зависимого изобретения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 132.
12. Галифанов Р.Г., Карлиев Р.А. Идея, научное открытие, изобретение // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 9. С. 44.

WAYS TO PROTECT THE PATENT RIGHTS OF THE OWNER OF A DEPENDENT OBJECT

Ozmanyay Yu.Z.

Novosibirsk National Research State University

This article discusses the problem of choosing a way to protect the patent rights of the owner of a dependent object. The author comes

to the conclusion that the patent holder of a dependent object of patent rights can defend his rights in several ways, namely by demanding to recognize his object as dependent, demanding the issuance of a compulsory license and self-defense, waiting for the expiration of exclusive rights to the senior patent. It is also proposed to expand the scope of paragraph 2 of Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation by forcibly distributing licenses for industrial designs and utility models. In addition, despite the fact that at the moment only one case has been completed in Russia concerning the issuance of a compulsory license on the basis of paragraph 2 of Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation. We assume that the Federal Antimonopoly Service has raised important utilitarian issues, putting forward economic expediency above technical aspects.

Keywords: exclusive rights, patent law, patent protection and its methods.

References

1. Sannikova L.V., Kharitonova Y.S. Protection of the rights of patent holders in the event of a patent conflict for medicinal products // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2019. No. 126; Jermakian, V.Y. Clash of patents: judicial interpretation of recommendations from the letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation // Patents and Licenses. Intellectual property rights. 2019. No. 1. pp. 26–30; Gavrilov E.P. If patents collide, it means that the law has been violated // Patents and licenses. 2019. No. 6. pp. 10–14.
2. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/05/2022 No. 305-ES21-23755 in case No. A41-13514/2020 [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus” URL: consultant.ru (date of appeal: 09/20/2024).
3. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 12/19/2019 in the case SIP-124/2019 // Legal reference system “Consultant Plus” URL: consultant.ru (date of application: 09/20/2024).
4. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 06/01/2018 No. C01-450/2017 in case No. SIP-814/2016 // Legal reference system “Consultant Plus” URL: consultant.ru (date of application: 09/20/2024).
5. Pazemova E.I. Features of the implementation of the mechanism of compulsory licensing and other mechanisms for restricting the rights of copyright holders in the field of protection of medicines // Actual problems of Russian law. 2022. No. 5. p. 108.
6. Vorozhevich A.S. Conditions of compulsory licensing: international and national aspects // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2015. No. 2. p. 36; Intellectual property law: Textbook / O.L. Alekseeva, A.S. Vorozhevich, E.S. Grin, etc.; under the general editorship of L.A. Novoselova. M.: Statute, 2019. Vol. 4: Patent law. p. 410.
7. Vorozhevich A.S., Tretyakov S.V. On the utilitarianism of intellectual property rights, compulsory licenses and bureaucratic rents // Law. 2017. No. 8. p. 157.
8. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 29.10.2019 No. C01-906/2019 in case No. A40-166505/2017 // Legal reference system “Consultant Plus” URL: consultant.ru (date of application: 09/20/2024).
9. Ivanov A. Yu. Compulsory licensing for innovative development: on the need to balance the intellectual property rights regime // Law. 2017. No. 5. p. 83.
10. Davydov Yu.G. Grounds for extending the law on protection of competition to the field of intellectual property rights (on the example of the pharmaceutical industry) // Competition law. 2019. No. 1. p. 20.
11. Puchinina M.M. The condition for granting a compulsory license for the use of a dependent invention // Current problems of Russian law. 2021. No. 11. P. 132.
12. Galifanov R.G., Karliev R.A. Idea, scientific discovery, invention // IS. Industrial property. 2021. No. 9. p. 44.

Правовое регулирование упрощенного порядка утверждения плана реструктуризации долгов при банкротстве микро- и малых предприятий

Орлов Александр Владимирович,

студент, Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова

E-mail: falexander.v.orlov@yandex.ru

В статье анализируется правовой режим банкротства микро- и малых предприятий. Автором делается вывод, что микро- и малые предприятия в ситуации имущественного кризиса уступают средним и крупным предприятиям по возможности достичь соглашения о реструктуризации задолженности. Рассматривается возможность введения специального режима банкротства микро- и малых предприятий, включающего процедуры реабилитационного и ликвидационного характера по модели банкротства граждан. Такой специальный режим может включать как индивидуальных предпринимателей, так и юридических лиц – микро- и малых предприятий. Главным существенным элементом такого режима, по мнению автора, может стать упрощенный порядок утверждения плана реструктуризации долгов. Рассматриваются механизмы *crash-down* («навязывание» кредиторам плана реструктуризации) и *deemed approval* (подразумеваемое согласие кредиторов на введение плана реструктуризации) в отношении микро- и малых предприятий. Автором высказывается позиция о нецелесообразности сплошного запрета на занятие предпринимательской деятельностью граждан, признанных банкротами.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), микро- и малые предприятия, специальный режим банкротства, процедура реструктуризации долгов, банкротство физических лиц.

Предпосылки для введения специального режима банкротства микро- и малых предприятий

Для достижения целей государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) законодателем предпринят целый ряд мер [1]. За последние годы активно вводятся меры, направленные на облегчение доступа к финансированию для субъектов МСП. Ключевое значение имеет т.н. «Программа 1764», открывающая доступ к кредитованию по льготным ставкам для субъектов МСП, осуществляющих деятельность в приоритетных отраслях [2]. Необходимо отметить и гарантийную поддержку субъектов МСП, осуществляемую участниками национальной гарантийной системы в соответствии со ст. ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ [1].

В то же время нельзя забывать и об обратной, не столь радужной стороне финансирования субъектов МСП: росте задолженности (в т.ч. просроченной) и необходимости реструктуризации данной задолженности. По данным ЦБ РФ, по состоянию на 01.09.2024 г. годовой темп прироста задолженности субъектов МСП составил 28,3% [3]. Представляется, что в период действия рекордно высокой ключевой ставки ЦБ РФ в 21% далеко не все субъекты МСП смогут исполнять свои обязательства вовремя.

С 1 января 2024 года прекратился срок т.н. «кредитных каникул» в рамках ст. 7 ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» от 03.04.2020 N 106-ФЗ, направленных на субъектов МСП, работающих в соответствующих отраслях. С этой даты банки рассматривают все заявления об изменении условий кредитного договора субъектов МСП в рамках собственных программ реструктуризации. В соответствии с данными ЦБ за первое полугодие 2024 года банки одобрили лишь 22,7% заявок субъектов МСП от числа рассмотренных [3, с. 3–4]. За аналогичный период банки одобрили 30,7% заявок о реструктуризации кредитов физических лиц, не являющихся субъектами МСП [3, с. 3–4]. Банки более охотно реструктуризируют задолженность граждан-потребителей в том числе и в рамках своих внутренних программ. Таким образом, для субъектов МСП затруднитель-

ным является не только получение финансирования, но и дальнейшее обслуживание своего долга.

Представляется, что ответом на вышеуказанные вызовы может стать специальный режим банкротства субъектов МСП, предусматривающий благоприятные процедуры реабилитационного и ликвидационного характера. Проблеме возможности введения специального режима несостоятельности (банкротства) микро- и малых предприятий как субъектов МСП и посвящена настоящая статья.

На текущий момент российское законодательство о банкротстве практически не содержит норм, специально направленных на регулирование несостоятельности (банкротства) субъектов МСП. С определённой натяжкой к таким нормам можно отнести § 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), предусматривающий особенности банкротства индивидуальных предпринимателей [4]. Тем не менее, внимание законодателя к тематике упрощения регулирования деятельности субъектов МСП присутствует, что подтверждается введением в 2023 году процедуры упрощённой ликвидации субъектов МСП [5].

В то же время, специальные режимы банкротства малых предприятий уже закреплены в законодательстве следующих юрисдикций: Индия, Мьянма, Сингапур, Лаос, Южная Корея, Австралия, США Венгрия, Нидерланды, Швеция, Литва [6].

12 июля 2021 года Комиссия ООН по праву международной торговли приняла (далее – ЮНСИТРАЛ) приняла «Рекомендации по банкротству микро- и малых предприятий», составляющие часть 5 Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности (далее – Рекомендации ЮНСИТРАЛ) [7]. В данном документе формулируются положения, направленные на создание эффективного упрощённого режима банкротства микро- и малых предприятий. В частности, в данных Рекомендациях предлагается возможность внесудебного банкротства микро- и малых предприятий [7, с. 51–54].

Российскому законодательству уже известна внесудебная процедура банкротства физических лиц. Несмотря на довольно ограниченный объём применения указанной процедуры (явно неудовлетворительное положение гражданина-должника, при котором у него отсутствует какое-либо имущество) [8, с. 195], новая внесудебная процедура широко применяется: с января по сентябрь 2024 года были опубликованы 38 389 сообщений о внесудебном банкротстве граждан, что почти в 5 раз больше по сравнению с данными за аналогичный период 2023 года. При этом процент начатых дел от числа поданных заявлений в 2024 году также увеличился до 91,7%, по сравнению с показателем в 71,5% в 2023 году [9].

Применение уже существующей процедуры внесудебного банкротства граждан расширяется как по количеству процедур, так и по объёму этих процедур. Вопрос же о возможности внесудебно-

го характера специальной процедуры банкротства микро- и малых предприятий анализируется в п. 3.4. настоящей статьи.

Микро- и малые предприятия как категория должников

Важным является вопрос об установлении критериев определения размера предприятий, подпадающих под действие специального режима банкротства микро- и малых предприятий. Представляется, что наиболее подходящими являются критерии, определённые в ст. 4 ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ».

Изначальный проект Рекомендаций ЮНСИТРАЛ предусматривал установление упрощённого режима в том числе и для средних предприятий [7, с. 5]. Впоследствии от этого отказались, ограничив проектируемый упрощённый режим лишь микро- и малыми предприятиями. Представляется, что данный подход следует поддержать во избежание необоснованного расширения сферы действия упрощённого режима.

В то же время существует возможность ограничить применение специального режима лишь микропредприятиями. Возможно установление и иных критериев определения предприятий-должников, подпадающих под действие специального режима. Например, в США таким критерием является максимальная сумма задолженности должников, являющихся субъектами специализированной процедуры реорганизации малых предприятий. В настоящий момент она составляет 7 500 000 долларов США [19].

Возможностью воспользоваться специальным режимом должны обладать как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели. Рекомендациями ЮНСИТРАЛ предлагается идея объединить все микро- и малые предприятия под действием единого правового режима банкротства вне зависимости от их организационно-правовой формы [7, с. 4]. Введение единой процедуры, в том числе и для должников, являющихся юридическими лицами, обосновано рядом оснований. Микро- и малые предприятия в организационно-правовой форме юридических лиц обладают существенными особенностями, отличающими их от средних и крупных предприятий. Кратко остановимся на этих особенностях.

Во-первых, как правило такие предприятия фактически не обладают ограниченной ответственностью, поскольку обязательства таких предприятий обеспечены поручительствами со стороны учредителей. Получение финансирования без предоставления обеспечения со стороны учредителей для таких субъектов предпринимательской деятельности крайне затруднительно.

Во-вторых, такие предприятия очень часто являются компаниями одного лица, либо же семейными предприятиями, что также отличает их от классических корпораций. Имущество таких предприятий смешивается с личным имуществом учредителей.

Компании одного лица могут изначально подчиняются правовому режиму, упрощающему привлечение учредителя такой компании к субсидиарной ответственности, в частности принят такой подход в КНР [10, с. 159]. Аналогичное решение предложено в п. 4.1.8. «Концепции развития гражданского законодательства» [11].

Указанные обстоятельства сущностно сближают микро- и малые предприятия с физическими лицами – субъектами предпринимательской деятельности, что подтверждает возможность объединения физических и юридических лиц в рамках единого специального режима банкротства микро- и малых предприятий. При этом представляется, что в случае конструирования такого режима в законодательстве Российской Федерации за образец следует взять именно режим банкротства физических лиц, как обладающий реабилитационным характером [12]. Необходимость именно реабилитационной направленности процедуры банкротства микро- и малых предприятий обосновывается ниже.

Необходимость реабилитационной направленности специального режима банкротства микро- и малых предприятий

В условиях имущественного кризиса положение микро- и малых предприятий существенно тяжелее положения крупных предприятий, оказавшихся в аналогичной ситуации. Микро- и малые предприятия не обладают доступом к услугам дорогостоящих финансовых, управленческих и юридических консультантов, способных облегчить положение бизнеса в условиях имущественного кризиса.

Как было рассмотрено в п. 1 настоящей статьи, банки неохотно идут на реструктуризацию задолженности субъектов МСП. Крупные институциональные кредиторы не заинтересованы в несении транзакционных издержек на достижение соглашения о реструктуризации долга с субъектами МСП: ведь это для этого необходимо повышать затраты на управленческий и юридический персонал. По этим причинам кредитным организациям гораздо удобнее продать требование, обратиться взыскание на имущество такого должника или инициировать процедуру банкротства, не считаясь с крайне низкой долей удовлетворения требований в процедурах [13]. Более того, наличие «плохой» дебиторской задолженности вызывает повышение нормы резервов на возможные потери по такой задолженности [14], что также не способствует желанию кредитных организаций достигать соглашения с должниками, являющимися субъектами МСП.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, возникает возможность охарактеризовать положение субъектов МСП, а в особенности субъектов МСП – юридических лиц как субъектов, наиболее нуждающихся в развитии эффективных реабилитационных процедур.

В то же время, следует констатировать, что бизнес-банкротство субъекта МСП не может об-

ладать полноценным реабилитационным характером, присущим процедурам реструктуризации долгов и реализации имущества гражданина. В частности, существование юридического лица – субъекта МСП прекращается с момента окончания ликвидационной процедуры в отношении такого лица. Тем не менее, по мнению автора, существует возможность сконструировать режим банкротства МСП, обладающий частичной реабилитационной направленностью. Ключевой составляющей такого режима может стать вводимая первой реабилитационная процедура, основанная на процедуре реструктуризации долгов гражданина в современном российском законодательстве.

Распространение такой процедуры в т.ч. на юридические лица – субъекты малого предпринимательства окажет позитивный эффект в первую очередь на компании, занятые в производящих отраслях экономики. Зачастую бизнес-модель таких компаний зависит от личных компетенций собственников бизнеса. Более того, такой бизнес может ориентироваться на строго определенную клиентулу, что также не способствует эффективности продажи такого имущества на торгах в ходе ликвидационной процедуры.

Реабилитационная процедура

Как отмечается в Рекомендациях ЮНСИТРАЛ, основой реабилитационной процедуры для субъектов малого предпринимательства может являться режим «должник во владении» (debtor-in-possession). Сущность данного режима заключается в сохранении должником контроля за бизнесом во время проведения реабилитационной процедуры. Следует отметить, что реабилитационная процедура, основанная на процедуре реструктуризации долгов гражданина, отвечает предложениям, изложенным в Рекомендациях ЮНСИТРАЛ, и может оказаться наиболее подходящей для субъектов малого предпринимательства как близкая к режиму «должник во владении» (debtor-in-possession).

Для модели финансовой реабилитации гражданина-должника в процедуре реструктуризации долгов гражданина является характерным:

1) активное поведение гражданина-должника по улучшению своего финансового состояния и урегулированию вопросов исполнения своих денежных обязательств перед кредиторами;

2) пассивное поведение утвержденного судом для осуществления контрольно-надзорных функций в деле о банкротстве гражданина финансового управляющего» [7, с. 407].

При этом представляется, что в части последних введений данной процедуры (см. ст. 213.11 Закона о банкротстве) в отношении субъекта малого предпринимательства суду необходимо предоставить наиболее широкую возможность определять, какие сделки конкретный субъект малого предпринимательства имеет возможность совершать без согласия управляющего.

Главной сущностной характеристикой такой реабилитационной процедуры может стать льготный порядок утверждения судом реабилитационного плана. Привилегированный, упрощённый характер такого утверждения может открыть для субъектов малого предпринимательства дорогу к эффективной реструктуризации и сохранению бизнеса под контролем текущего владельца.

Данный упрощённый порядок утверждения может достигаться следующими способами:

1. В модели, предложенной в Рекомендациях ЮНСИТРАЛ [7, с. 8], устанавливается механизм «подразумеваемого согласия» (deemed approval). Данный механизм направлен на преодоление негативных последствий незаинтересованности кредиторов в участии в процедуре банкротства субъектов малого предпринимательства. Сущность «подразумеваемого согласия» заключается в установлении такого механизма подсчёта голосов кредиторов, при котором голоса кредиторов, не принявших участие в голосовании на собрании кредиторов, подразумеваются **поданными в пользу утверждения реабилитационного плана (reorganization plan)**. При этом модель Рекомендаций ЮНСИТРАЛ **не предполагает навязывания кредиторам реабилитационного плана**.

2. Более радикальное решение предусмотрено Законом о Реорганизации Малого Бизнеса США, принятом в 2019 [19]. Американское решение предполагает возможность утверждения судом плана реорганизации **без учёта мнения кредиторов**. При этом в отличие от ординарной процедуры реорганизации, предусмотренной в 11 главе Кодекса США о банкротстве, не требуется одобрения даже одним классом кредиторов (механизм “cross-class cramdown”). Более того, для утверждения реабилитационного плана от владельца малого предприятия не требуется соблюдение классического для правовой системы США правила внесения «новой ценности» (new value rule). Согласно данному правилу, владелец должен внести в бизнес существенные финансовые или иные материальные вложения, в противном случае сохранение долей в бизнесе владельцем невозможно. Но и этого не требуется от владельца малого предприятия в США, что свидетельствует о **радикально продолжниковом** подходе в отношении малых предприятий в данной юрисдикции.

3. Российская модель банкротства физических лиц также содержит механизм, позволяющий «навязывать» кредиторам условия плана реструктуризации долгов даже при несогласии большинства кредиторов. В соответствии с п. 4 ст. 213.7 Закона о банкротстве арбитражный суд вправе утвердить не одобренный собранием кредиторов план при условии, что его реализация позволяет полностью удовлетворить требования конкурсных кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества гражданина, иные требования конкурсных кредиторов и требования уполномоченного органа, включенные в реестр требований кредиторов, в размере существенно большем, чем конкурсные

кредиторы и (или) уполномоченный орган могли бы получить в результате немедленной реализации имущества гражданина и распределения его среднемесячного дохода за шесть месяцев, и указанный размер составляет не менее чем пятьдесят процентов размера требований таких кредиторов и уполномоченного органа. В указанном случае срок реализации плана реструктуризации долгов не может превышать двух лет. Представляется, что данный механизм, уже закреплённый в законодательстве РФ, можно охарактеризовать как носящий **умеренно продолжниковый** характер.

Практика российских судов свидетельствует о возможности применения данного механизма. Относительно часто п. 4 ст. 213.7 Закона о банкротстве применяется в практике Арбитражного суда Уральского округа. Данная позиция была отражена и получила определённое развитие в Обзоре судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о банкротстве граждан от 28.07.2023, утверждённом президиумом Арбитражного суда Уральского округа [16]. Необходимо отметить, что суды считают необходимым сделать ссылку на тот факт, что предметом залога являлось единственное жильё должника. В то же время, исходя из диспозиции п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве, это обстоятельство не представляется необходимым для применения механизма, закреплённого в п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве. И тем не менее приведённую практику стоит приветствовать как однозначно отвечающую реабилитационной направленности института банкротства граждан.

Анализируя значимость механизма п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве для целей реабилитационной процедуры, направленной на субъектов малого предпринимательства, стоит отметить, что существует возможность расширить действие данного механизма:

- Снизив условия по доле погашения требований (в настоящий момент требуется погасить к моменту окончания срока реализации плана 100% требований залоговых кредиторов и более 50% в отношении требований незалоговых кредиторов);
- Увеличив срок действия такого плана (в настоящий момент составляет 3 года в соответствии с п. 2 ст. 213.14 Закона о банкротстве).

По данным Федресурса за 2023 год, требования 3-ей и 4-й очереди, обеспеченные залогом, в среднем удовлетворяются в процедурах банкротства компаний на 26,2%, а в процедурах банкротства граждан на 26,6%. Процент же удовлетворения требований 3-ей и 4-й очереди, не обеспеченных залогом, составляет для компаний 7,7%, а для граждан 4,3% [15]. Учитывая эти данные, обоснованным является некоторое снижение вышеуказанных требований п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве в процедурах субъектов малого предпринимательства.

Необходимо коснуться и вопроса срока действия такого «навязанного» кредиторам плана. До внесения поправок 2023 года данный срок со-

ставлял 2 года. На текущий момент этот срок составляет 3 года. Одобренный же собранием кредиторов план может действовать в течение 5-и лет. По мнению автора, увеличение данного срока до 3-х лет заслуживает позитивной оценки, как увеличивающее шансы должника на успешную реализацию плана реструктуризации долгов, утверждённого в порядке п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве.

Ликвидационная процедура.

Необходимо констатировать, что успешно воспользоваться реабилитационной процедурой смогут далеко не все субъекты малого предпринимательства. Специальный режим банкротства субъектов малого предпринимательства может включать и ликвидационную процедуру. Представляется, что такая ликвидационная процедура должна соответствовать следующим параметрам:

- 1) Сокращённые сроки. Сокращение сроков на проведение ликвидационной процедуры снижает издержки конкурсной массы, что должно позитивно сказаться на удовлетворении требований кредиторов. Рекомендации ЮНСИТРАЛ предполагают «очень короткие» сроки ликвидационной процедуры для субъектов малого предпринимательства [7, с. 110];
- 2) Возможность введения ликвидационной процедуры без промедления. В тех случаях, когда спасение бизнеса невозможно следует сразу переходить к ликвидационной процедуре, чтобы сократить потенциальные издержки конкурсной массы в результате длительности процедур банкротства.

Из «привилегированной» природы реабилитационной процедуры для субъектов малого предпринимательства следует, что такая процедура не может быть навязана должнику против его воли, а также, что такой субъект должен отвечать повышенным требованиям добросовестности. Таким образом, в случае неисполнения обязанностей должника в реабилитационной процедуре (напр., нарушение обязанностей по предоставлению информации в процедуре), возможен переход к ликвидационной процедуре [7, с. 160].

Возможность внесудебного характера процедуры.

Возможность придания процедуре банкротства субъектов малого предпринимательства внесудебного характера предусматривается в Рекомендациях ЮНСИТРАЛ [7, с. 51]. Отмечается, что внесудебный характер уже существующей процедуры позволяет разгрузить судебную систему, повысить доступность механизмов банкротства для граждан за счёт снижения стоимости процедур банкротства и повышения территориальной доступности процедур банкротства [17].

В то же время, в ходе предлагаемых специализированных процедур банкротства субъектов малого предпринимательства необходимо принятие ряда решений, требующих оценки справедливости: напр., при решении об утверждении плана реструктуризации долгов в соответствии с меха-

низмом, предусмотренным п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве. Принятие такого решения требует не только оценки справедливости, но и полноценного экономического обоснования, оценки содержания такого плана на предмет осуществимости и разумности. Представляется, что принятие в т.ч. данного решения невозможно доверить внесудебному органу.

Микро- и малые предприятия и концепция «нового старта» (fresh start) [8, с. 224]

Наконец, необходимо кратко остановиться на содержании ст. 216 Закона о банкротстве, предусматривающей последствия признания индивидуального предпринимателя банкротом. Данная статья устанавливает запрет на занятие предпринимательской деятельностью, запрет на занятие должностей в органах управления юридического лица в течение 5-и лет с момента завершения процедуры реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры (за исключением случая прекращения процедуры в связи с заключением мирового соглашения).

Насколько обоснованы данные ограничения? Отмечается, что их смысл заключается в недопущении к предпринимательской деятельности граждан, показавших свою финансовую неэффективность в сфере предпринимательской деятельности. Действительно, представляется неразумным допустить к принятию на себя обязательств перед большим количеством третьих лиц гражданина, уже показавшего свою несостоятельность в предпринимательской деятельности [18]. В то же время, на взгляд автора, представляется возможным отнести данный вопрос к сфере компетенции суда для оценки в каждом конкретном случае целесообразности введения такого запрета в отношении конкретного гражданина-банкрота. Так, потерпевшие неудачу по не связанным с собственными злоупотреблениями причинам предприниматели сохраняют возможность применять свои способности на благо государства и общества после завершения процедуры банкротства.

Выводы

Представляется, что законодатель консервативен и в отсутствие каких-либо явных внешних стимулов не склонен комплексно реформировать законодательство о банкротстве в сторону усиления реабилитационного потенциала процедур банкротства юридических лиц. В то же время существует возможность усилить реабилитационную направленность процедур банкротства одних лишь малых предприятий. В случае признания опыта успешным, соответствующие положения могут быть распространены на процедуры банкротства всех юридических лиц.

В итоге рассмотрения вышеизложенного материала представляется возможным заключить следующее:

- 1) В условиях имущественного кризиса микро- и малые предприятия являются уязвимой категорией, объективно проигрывающей более крупным субъектам предпринимательской деятельности в аналогичной ситуации;
- 2) Улучшить положение микро- и малых предприятий возможно путём введения в законодательство единого для физических и юридических лиц специального режима банкротства таких предприятий;
- 3) Ключевой составляющей такого специального режима банкротства может стать процедура реабилитационного характера, основанная на процедуре реструктуризации долгов гражданина в соответствии с § 1.1 Закона о банкротстве;
- 4) Такая процедура реабилитационного характера должна предусматривать упрощённый порядок утверждения плана реструктуризации долгов;
- 5) Является обоснованным применение индивидуального подхода при оценке необходимости введения в отношении гражданина-банкрота запрета на осуществление предпринимательской деятельности.

Литература

1. ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»;
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2018 г. № 1764 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке» // СПС «Консультант Плюс»;
3. Информационный бюллетень ЦБ РФ «Динамика реструктуризации кредитов населения и бизнеса» № 35 от 02.08.2024 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://cbr.ru/analytics/drknb/> (дата обращения: 20.11.2024 г.);
4. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»;
5. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и статью 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 13.06.2023 N 249-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»;
6. Gurrea-Martínez, A. (2021). Implementing an insolvency framework for micro and small firms. *International Insolvency Review*, 30(S1), S46–S66;
7. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности, Часть пятая (2021). [Электронный ресурс] // URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/legislativeguides/insolvency_law (дата обращения: 20.11.2024 г.);
8. Фролов И.В. Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2022;
9. Банкротства в России: январь-сентябрь 2024 года. Статистический релиз Федресурса. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/b25d5e15-ae81-4e10-ad9d-18f3abb4da61> (дата обращения: 20.11.2024 г.);
10. Быканов Д. Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018;
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная на заседании Совета под председательством Президента РФ 7 октября 2009 года // Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации: [Электронный ресурс] // URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/b5f/lpz7zj6miz-1v3ccg21yc7gbtyjmgezbe.rtf/> (дата обращения: 20.11.2024 г.);
12. Фролов И.В. Базовый фактор, формирующий специализированный правовой институт несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права // Вестник арбитражной практики. 2019. № 5. С. 3–15;
13. Фролов И.В. Дефекты рациональности действующей концепции правового регулирования несостоятельности (банкротства) и необходимость перемен // Право и экономика. 2022. № 10. С. 32–42;
14. Положение Банка России от 28.06.2017 N 590-П (ред. от 15.03.2023) «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности» // СПС «Консультант Плюс»;
15. Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о банкротстве граждан: утв. президиумом Арбитражного суда Уральского округа 28 июля 2023 г. // СПС «Консультант Плюс»;
16. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству: итоги 2023 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cse> (дата обращения: 20.11.2024 г.);
17. Фролов И. В., Кравченко А.А. К вопросу о модели внесудебной процедуры несостоятельности гражданина («социальное банкротство») как элемента системы финансового благополучия населения в рамках социальной политики государства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. Т. 12. № 7. С. 57–63;
18. Фролов И.В. Модели ограничения дееспособности должников в делах о банкротстве гражд-

дан // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 12–24;

19. 11 U.S. Code Subchapter V – SMALL BUSINESS DEBTOR REORGANIZATION [Электронный ресурс] // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11/subchapter-V> (дата обращения: 20.11.2024 г.).

LEGAL REGULATION OF SIMPLIFIED REORGANIZATION PLAN APPROVAL MECHANISM IN MICRO- AND SMALL ENTERPRISES INSOLVENCY

Orlov A.V.

Lomonosov Moscow State University

In the article legal insolvency regime of micro- and small enterprises is analyzed. The author concludes, that insolvent micro- and small enterprises lack negotiating position to achieve debt restructuring agreement, unlike medium and large sized enterprises. The author examines the possibility of implementing special insolvency framework for micro- and small enterprises, consisting of reorganization and liquidation procedures and based on individuals' insolvency regime. Such a special insolvency framework should include both legal persons and companies – micro- and small enterprises. The author concludes, that the main component of such a regime may be a simplified reorganization plan approval mechanism. The author analyzes cram-down and deemed approval mechanisms. The author finds unexclusive entrepreneurship ban for individual bankrupts inappropriate.

Keywords: insolvency, micro- and small enterprises, special insolvency framework, debt restructuring procedure, individual insolvency.

References

1. Federal Law “On the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation” dated 07/24/2007 No. 209-FZ // SPS Consultant Plus;
2. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 12/30/2018 No. 1764 “On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Russian Credit Institutions to Reimburse their Lost Income on loans issued in 2019–2024 to small and medium-sized businesses at a preferential rate” // SPS Consultant Plus;
3. Newsletter of the Central Bank of the Russian Federation “Dynamics of restructuring of loans to the population and business” No. 35 dated 08/02/2024 [Electronic resource] // URL: <https://cbr.ru/analytics/drknb/> (accessed: 11/20/2024);
4. Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated 26.10.2002 N 127-FZ // SPS Consultant Plus;
5. Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs” and

- Article 3 of the Federal Law “On Limited Liability Companies” dated 06/13/2023 N 249-FZ // SPS Consultant Plus;
6. Gurrea-Martinez, A. (2021). Implementing an insolvency framework for micro and small firms. *International Insolvency Review*, 30(S1), S46–S66;
 7. UNCITRAL Legislative Guide on Insolvency Law, Part Five (2021). [Electronic resource] // URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/legislativguides/insolvency_law (date of application: 11/20/2024);
 8. Frolov I.V. Institutional theory of legal regulation of insolvency and bankruptcy of citizens: diss. ...Dr. Yurid. M., 2022;
 9. Bankruptcy in Russia: January-September 2024. Statistical release of the Fedresurs. [electronic resource]. URL: <https://fedresurs.ru/news/b25d5e15-ae81-4e10-ad9d-18f3abb4da61> (date of application: 11/20/2024);
 10. Bykanov D. D. “Penetrating responsibility” in foreign and Russian corporate law: diss. ... cand. Jurid. M., 2018;
 11. The concept of the development of civil legislation of the Russian Federation, approved at the meeting of the Council chaired by the President of the Russian Federation on October 7, 2009 // The S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation: [Electronic resource] // URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/b5f/lpz7zj6miz1v3ccg21y-c7gbtyjmgezbe.rtf> / (accessed: 11/20/2024);
 12. Frolov I.V. The basic factor forming the specialized legal institution of insolvency (bankruptcy) of a citizen in the system of Russian law // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2019. No. 5. pp. 3–15;
 13. Frolov I.V. Defects in the rationality of the current concept of legal regulation of insolvency (bankruptcy) and the need for change // *Law and Economics*. 2022. No. 10. pp. 32–42;
 14. Regulation of the Bank of Russia dated 06/28/2017 No. 590-P (as amended on 03/15/2023) “On the procedure for the formation by credit institutions of reserves for possible losses on loans, loan and equivalent debt” // SPS Consultant Plus;
 15. Review of judicial practice on topical issues of the application of legislation on bankruptcy of citizens: approved by the Presidium of the Arbitration Court of the Ural District on July 28, 2023 // SPS Consultant Plus;
 16. Statistical bulletin of the Federal Bankruptcy Resource: results of 2023 [Electronic resource] // URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce> (date of application: 11/20/2024);
 17. Frolov I. V., Kravchenko A.A. On the issue of the model of an out-of-court procedure for the insolvency of a citizen (“social bankruptcy”) as an element of the system of financial well-being of the population within the framework of the social policy of the state // *Gaps in Russian legislation*. 2019. Vol. 12. No. 7. pp. 57–63;
 18. Frolov I.V. Models of limitation of debtors' legal capacity in bankruptcy cases of citizens // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2023. No. 5. pp. 12–24;
 19. 11 U.S. Code Subchapter V – SMALL BUSINESS DEBTOR REORGANIZATION [Electronic resource] // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11/subchapter-V> (date of application: 11/20/2024).

Соотношение обязательного основания заключения договора и юридической обязанности

Осипова Анастасия Юрьевна,
заместитель директора, ООО «Юридическое бюро
Осиповой А.Ю.»
E-mail: anosipova@yandex.ru

Одним из критериев отнесения основания заключения договора к обязательному является указание специализированного закона. В то же время заключение таких договоров очевидно не носит добровольный характер, и является скорее юридической обязанностью субъекта. Автор, анализируя является ли юридическая обязанность обязательным основанием заключения гражданско-правового договора, выявил, что обязательные основания первостепенны по отношению к юридической обязанности и обуславливают ее исполнение при наличии ее в законе.

Ключевые слова: договор, заключение договора, основания заключения договора, гражданско-правовой договор, юридическая обязанность, обязанность.

В соответствии с общепринятой нормой, юридическая обязанность обозначает действия, предписанные законодательством, которые должны выполняться субъектами права, включая физических и юридических лиц.

Понятие юридической обязанности приводится во многих источниках. Так, в Большой Российской Энциклопедии [6] приведено следующее понятие: юридическая обязанность – это предусмотренная законом мера должного поведения субъектов права (граждан, юридических лиц), требующая от них совершения предписанных законом действий. Неисполнение юридической обязанности влечёт юридическую ответственность – применение установленных законом санкций. Некоторые юридические обязанности закрепляются в Конституции [1] – это конституционные обязанности граждан. Это наиболее общее понятие юридических обязанностей. Вместе с тем, в научной литературе имеются разные точки зрения по этому поводу. Одна часть ученых придерживается мнения об отсутствии юридической обязанности, без корреспондирующего субъективного права, то есть вне правоотношения. Другой ряд ученых считает, что возможно существование юридической обязанности без правоотношения [8], то есть без корреспондирующего субъективного права [7,10].

Пренебрежение юридическими обязанностями приводит к наложению соответствующих санкций в соответствии с законом, что является формой правовой ответственности. Именно это представляет собой основу для понимания юридических обязанностей. Автором рассмотрены юридические обязанности через призму договорного права, подчеркивая их роль как фундаментального элемента правовых отношений, наряду с субъективными правами.

Так, правовая обязанность представляет собой разновидность законодательно установленной формы и степени корректного поведения субъекта правоотношений, включая цель адекватного осуществления его собственного субъективного права со стороны другого лица.

При проведении научного исследования обязательных оснований заключения гражданско-правовых договоров автором дано авторское понятие обязательных оснований заключения договоров, дана классификация таких оснований [9]. Так, одним из критериев, позволяющее квалифицировать действие как обязательное, заключается в необходимости заключения специфического договора под конкретными условиями, что находит отражение в самой сути обязательства. Преиму-

щественно важны заблаговременно установленные условия. В отличие от этого, возникновение юридической обязанности предусматривает соблюдение определенных критериев, становящихся основой для создания такой обязанности. Примером служит статья 24.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [4], согласно которой арбитражный управляющий обязан оформить договор обязательного страхования своей ответственности за ущерб, причиненный в процессе банкротства. Ключевым условием возложения такой обязанности является занятие регламентированной деятельностью и наличие у арбитражного управляющего специального статуса. Выполнение этого требования становится его законной обязанностью, неисполнение которой приводит к юридической ответственности и необходимо для профессиональной деятельности.

С аналогичной точки зрения автор рассматривает и обязанность банков по страхованию вкладов. Согласно первой статье Федерального закона № 177-ФЗ от 23 декабря 2003 года «О страховании вкладов в банках РФ» [3], прописываются ключевые аспекты юридического положения участников в системе страхования вкладов, включая критерии для обязательного страхования вкладов, определение страхового случая, условий внесения страховых платежей и порядка выплаты страхового возмещения. Шестая статья этого же закона обязывает все банки страны присоединиться к системе страхования вкладов, подчеркивая ее обязательный характер для финансовых учреждений.

Исходя из изложенных норм, наступление обязанности к оформлению страхового полиса неразрывно связано с особым положением субъекта в правовых отношениях.

Для подтверждения или опровержения выдвинутой теории проанализирован договор обязательного страхования автогражданской ответственности, изучается его природа: представляет ли он собой юридическую обязанность или же заключается в силу присутствия обязательных предпосылок.

Глава 48 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] регламентирует правовые аспекты страхования, причем ст. 927 ГК РФ устанавливает ключевое положение о том, что деятельность по страхованию проводится на основе договоров, которые могут быть как имущественными, так и личными, и заключаются между страхователем (каким может быть как физическое, так и юридическое лицо) и страховой компанией. Ст. 935 ГК РФ дополнительно уточняет обстоятельства, при которых законодательство обязывает определенные категории лиц осуществлять страхование своей жизни, здоровья или имущества, а также защиту от рисков, связанных с гражданско-правовой ответственностью за ущерб, причиненный жизни, здоровью или собственности третьих лиц, либо за нарушения условий коммерческих контрактов.

В соответствии с четвертой статьей Федерального закона № 40-ФЗ от 25 апреля 2002 года «О обязательном страховании гражданской

ответственности владельцев автотранспортных средств» [5] (далее – Закон об ОСАГО), все владельцы автомобилей и иных транспортных средств должны застраховать возможность наступления гражданской ответственности за ущерб, нанесенный жизни, здоровью или собственности третьих лиц в результате эксплуатации их транспорта. Такое страхование осуществляется в соответствии с нормами и процедурами, определенными данным Федеральным законом. Обязательство касается всех владельцев транспортных средств на территории Российской Федерации, кроме случаев, прямо исключенных законодательством.

С одной стороны, осуществление страхования на обязательной основе происходит в соответствии с нормами законодательства, указывающими на прямую необходимость заключения договора страхования, что отвечает определенной категории в классификации обязательных предпосылок для его заключения.

Однако, за рамками простого предписания к обязательствам, статья 4 Федерального закона о страховании от автогражданской ответственности (ОСАГО) детализирует указание на конкретное лицо, обязанное исполнить предусмотренное законом действие – это, безусловно, владелец автомобиля. Таким образом, этому лицу уже присваивается специфический статус, наличие которого делает его обязанным произвести оформление соответствующего договора.

Учитывая, что обсуждение касается договора ОСАГО, следует помнить, что данный договор обладает статусом публичного, что предполагает право страховых компаний на отказ от заключения страховых соглашений на условиях, предложенных страхователями, без обязательства с их стороны.

Следовательно, на первый план выходит вопрос о том, представляет ли достижение определенного статуса обстоятельство, при наступлении которой нормы гражданского права требуют от одной или от обеих сторон приступить к заключению договора гражданско-правового характера на условиях, установленных заранее, то есть, является ли это обязательным условием для формирования контракта, или же основанием для такого действия служит исключительно фиксация данного типа договоренности в специализированном законодательном акте.

Важно подчеркнуть, что каждая юридическая обязанность строго прописана в нормативно-правовых актах, что говорит о ее объективном присутствии в рамках законодательства, несмотря на желания или намерения субъектов правовых отношений.

Представляется, что ключевым фактором является именно получение определенного статуса. Это обусловлено тем, что приобретение статуса владельца транспортного средства инициирует у него потребность в заключении страхового договора, следовательно, исполнении законодательно установленной нормы. Законодательство разделяет понятия владения автомобилем и его эксплуа-

тации, подчеркивая, что обязательство по страхованию налагается непосредственно на владельца. Следовательно, заключение договора страхования обусловлено законными предпосылками, связанными с изменением статуса правообладателя.

Таким образом, предлагаем возможным считать, что обязательное основание побуждает к исполнению юридической обязанности по заключению гражданско – правового договора. Императивное основание стимулирует на исполнение обязательств по оформлению договора гражданско-правового характера. В то же время, наличие юридической обязанности без упомянутого основания не обуславливает необходимость заключения соглашения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2023.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. N 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ от 29.12.2003 г. N 52 (часть I) ст. 5029
4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ от 28.10.2002 г. N 43 ст. 4190
5. Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720
6. Большой энциклопедический словарь / общ. ред. А.М. Прохорова. М.: Сов. энцикл., 1999. С. 1406.
7. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 63–64.
8. Мицкевич А.В. Некоторые вопросы учения о субъективных правах // Правоведение. – Л.:

Изд-во Ленинградского университета, 1958. – № 1. – С. 34.

9. Осипова А.Ю. Понятие и виды обязательных оснований заключения гражданско-правовых договоров / А.Ю. Осипова // Современный ученый. – 2023. – № 3. – С. 325–328. – EDN CYSTSW.
10. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М.: Юридическая литература, 1980. – С. 160–174

THE RATIO OF THE MANDATORY BASIS FOR CONCLUDING A CONTRACT AND THE LEGAL OBLIGATION

Osipova A.Yu.

Legal Bureau of Osipova A.Yu.

One of the criteria for classifying the basis for concluding a contract as mandatory is the indication of a specialized law. At the same time, the conclusion of such contracts is obviously not voluntary, and is rather a legal obligation of the subject. The author, analyzing whether a legal obligation is a mandatory basis for concluding a civil contract, revealed that mandatory grounds are paramount in relation to a legal obligation and condition its fulfillment if it is in the law.

Keywords: contract, conclusion of the contract, grounds for conclusion of the contract, civil contract, legal obligation, obligation.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 was published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2023.
2. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 16.04.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Federal Law of December 23, 2003 N 177-FZ “On Insurance of Deposits in Banks of the Russian Federation” (as amended on April 22, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation of December 29, 2003 N 52 (Part I) Art. 5029
4. Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended on December 25, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation of October 28, 2002 N 43 Art. 4190
5. Federal Law of April 25, 2002 N 40-FZ (as amended on June 28, 2022) “On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 18. P. 1720
6. The Great Encyclopedic Dictionary / general editor A.M. Prokhorov. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1999. P. 1406.
7. Kechekyan S.F. Legal Relations in Socialist Society. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. – P. 63–64.
8. Mitskevich A.V. Some Issues of the Doctrine of Subjective Rights // Jurisprudence. – Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1958. – No. 1. – P. 34.
9. Osipova A. Yu. Concept and Types of Mandatory Grounds for Concluding Civil Law Contracts / A. Yu. Osipova // Modern Scientist. – 2023. – No. 3. – P. 325–328. – EDN CYSTSW.
10. Tkachenko Yu.G. Methodological issues of the theory of legal relations. – M.: Legal Literature, 1980. – P. 160–174

Сравнение института зависимых объектов с иными категориями права интеллектуальной собственности

Озманян Юсуб Зограбович,

студент магистратуры, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: ozmanyan.y@mail.ru

В статье рассматривается проблема смешения зависимых объектов с иными категориями интеллектуальных прав. Автор делает вывод, согласно которому, зависимые объекты патентных прав имеют некие сходные черты с иными категориями права интеллектуальной собственности. Исходя из проведенного соотношения были выведены некоторые сходные и дифференцирующие зависимые объекты черты, произведено концептуальное разграничение исследуемой категории от тождественных и объектов патентного права, производных произведений и зависимого пункта патентной формулы. Кроме того, между зависимыми пунктами формулы и зависимыми объектами патентных прав имеется тесная связь в виде такого юридического факта-состояния, как «зависимость». В свою очередь, зависимый пункт представляет собой вариации одного из признаков объекта, либо дополняет независимый пункт какими-то несущественными признаками, которые только сузили бы правовую охрану по патенту.

Ключевые слова: исключительные права, патентное право, зависимый объект патентных прав и его соотношение с иными категориями интеллектуальных прав.

В одной из наших работ уже подчеркивались сходства между категорией тождественного патента и зависимого патента. Даже отдельные авторы до введения в ГК РФ ст. 1358.1 ГК РФ смешивали эти термины между собой. Например, В.И. Еременко полагал, что в п. 4 ст. 1358 (ранее он был абз. 3 п. 3 ст. 1358 ГК РФ) в котором указывается на частный случай использования одного объекта патентных прав в другом (совпадение признаков), описаны случаи зависимых патентов [1, с. 13].

В целом схожесть этих явлений подчеркивал в том числе и Верховный суд, уделив ему внимание в п. 125 Постановления Пленума от 23.04.2019 № 10. Так, в абз. 2 этого пункта указано, что если в независимом пункте формулы патента ответчика, помимо всех признаков независимого пункта формулы патента истца (для изобретений также эквивалентных), имеются и иные признаки, то изобретение, полезная модель или промышленный образец ответчика являются зависимыми, а следовательно, действия ответчика по использованию патента истца без согласия последнего (даже если он одновременно использует свой патент) могут быть признаны нарушением исключительного права истца вне зависимости от того, был ли патент ответчика признан недействительным.

Это положение, призвано подчеркнуть различия между правовыми статусами патента на тождественный (или с эквивалентными признаками) и зависимый объекты:

1) В зависимом объекте имеются иные признаки, помимо тех, что есть в основном объекте (или помимо эквивалентных, если речь идет об изобретении);

2) Использование тождественного объекта, защищенным последующим патентом, не нарушает прав первого изобретателя, до тех пор, пока он не признан недействительным. Патент на зависимый объект нарушает права первого изобретателя с момента выдачи, если патентообладатель зависимого объекта не имеет никаких соглашений с первым патентообладателем.

Во втором тезисе, несмотря на кажущуюся меньшую защищенность патентообладателя зависимого объекта, его патент не может быть признан недействительным, в отличие от патента на тождественное изобретение. Это выгодно улучшает его правовое положение.

Указание на то, что использование тождественного объекта, защищенного последующим патентом, не нарушает прав первого патентообладателя до признания последующего патента недействительным, является, пожалуй, наиболее спорным

и критикуемым положением всего патентного права РФ [2, с. 14]. На этом фоне некоторые авторы указывают, что разъяснение, предложенное Пленумом ВС РФ во втором абз. указанного пункта, по сути, представляет собой краткое описание содержания ст. 1358 ГК и поэтому особого интереса не представляет [3, с. 18].

В то же время, подобное умозаключение прямо не следует из легального определения зависимого изобретения. Если прибегать к буквальному толкованию п. 1 ст. 1358.1 ГК РФ, то можно прийти к выводу о том, что тождественный объект тоже может быть признан зависимым.

Использование, как мы уже отмечали, означает наличие каждого признака одного изобретения в другом. В определении, указанном в п. 1 ст. 1358.1 ГК РФ не указано, что зависимое изобретение должно иметь дополнительные признаки. Фактически, это может означать, что тождественное равно зависимому. Безусловно, можно возразить указав на то, что тождественный объект вообще не должен быть зарегистрирован. Однако такие случаи все же бывают, иначе в таких разъяснениях не было бы нужды.

В действительности, нет никакой разницы – наличие признаков А, Б, В изобретения А+Б+В и в изобретении А+Б+Д (если Д эквивалентно В, и об этой эквивалентности было известно на текущем изобретательском уровне) и в А+Б+В+Г является использованием другого изобретения по смыслу ст. 1358 ГК РФ. Но принципиальное отличие А+Б+Д и А+Б+В+Г имеется – у второго из этих изобретений есть такой признак, как новизна, а потому патент на него будет действительным, а патент на первое – не будет, т.к. отсутствует одно из условий патентоспособности.

Таким образом, мы полагаем, что указанное разъяснение ВС РФ имеет достаточно важный констатирующий смысл, легализующий один из доктринальных дифференцирующих признаков зависимого объекта патентных прав.

Полагается возможным также обратить внимание на концептуальную схожесть зависимых объектов патентных прав и производных произведений. О том, что это частные случаи производных объектов интеллектуальной собственности упоминал в своей диссертации В.И. Елисеев.

На основании зависимых объектов патентных прав он выстраивает каркас всей системы производных объектов, выделяя следующие общие признаки для таких производных объектов:

- 1) использование одного объекта (первоначального) в другом (производном);
- 2) первоначальный и производный объекты должны быть обособлены друг от друга;
- 3) первоначальный объект должен предшествовать по времени производному (при регистрационной системе – предшествование определяется по дате приоритета);

Эти признаки являются соединяющими для всех производных объектов интеллектуальных прав, к которым указан автор помимо зависимого

объекта в патентном праве и производного произведения в авторском праве, также селекционное достижение с признаками других охраняемых сортов или пород, и ситуации кросс-объектного взаимодействия (промышленный образец и товарный знак, воплощающий произведение искусства; музыкальное произведение и его исполнение, защищаемое в качестве смежного права) [4, с. 17].

Также стоит отметить, что в производных произведениях главная мысль всегда такая же, как и в первоначальных. Заимствованные элементы из прошлого произведения могут получить иную визуализацию, составление, разным образом трансформированы, но концепция произведения будет все та же – оно будет очевидным образом прослеживаться [5, с. 9]. Также и в зависимых объектах патентных прав – сущность изобретения или полезной модели всегда остается той же самой, однако все эти признаки дополняются чем-то иным, принципиально новым, но радикально не изменяющим саму сущность объекта.

Стоит согласиться с рядом авторов в том, что само существование и производных произведений и зависимых объектов патентного права имеет под собой одно и тоже правовое дозволение – принцип свободы творчества, закрепленный в п. 1 ст. 44 Конституции РФ [6]. Г.Н. Черничкина отмечает, что любое лицо (автор) вправе свободно выбрать направление, тему творчества и свободно создавать любой результат, в том числе и на основе результата, уже созданного другим лицом [7, с. 78]. В.О. Калятин указанную позицию дополняет тем, что обладатель исключительного права на изобретение не может контролировать использование описания своего технического решения, так как патентная документация размещается в свободном доступе и ее можно свободно копировать. Это создает естественные границы, определенные в том числе функциональным назначением такого результата, и за их пределами использование этого объекта является возможным [8, с. 34].

В.С. Витко, исследуя производные произведения в авторском праве определяет их, как некую мысль (идеи), содержащиеся в ранее созданном произведении, но в новой самостоятельной объективной форме, с частичным или полным воспроизведением элементов формы первоначального произведения. Он выделяет следующие особенные признаки производных произведений – создание на основе существующего произведения (первоначальное произведение); повторение мысли, изложенной автором в первоначальном произведении; использование первоначального произведения путем воспроизведения его объективной формы (частичное или полное) [9, с. 55].

Очевидно, прослеживаются отличия авторского от патентного права, которые зачастую укладываются в расхожую аксиому – авторское право охраняет форму, патентное – содержание [10, с. 44], но все же нельзя не заметить некие соединяющие черты, которые не зря справедливо соединяются

в общие закономерности, выраженные В.И. Елисеевым.

Среди наиболее ярко проявляющихся отличий можно отметить то, что создание производного произведения охватывается правом на переработку произведения, которое является одним из способов использования результата интеллектуальной деятельности и как таковое принадлежит правообладателю. Являясь одним из правомочий исключительного авторского права, создание переработок *ipso facto* будет нарушать правовой статус правообладателя первоначального произведения. В то же время создание независимого объекта не запрещено само по себе, поскольку пока оно не воплощено в физическое воплощение в какой-либо материальной форме – нарушения исключительного права нет [11, с. 216].

Из-за схожести терминологии может создаваться ошибочное представление о родстве таких явлений, как «зависимый объект патентных прав» и «зависимый пункт патентной формулы», а потому полагается разумным раскрыть такое соотношение в настоящей работе.

Под зависимым пунктом формулы изобретения понимается пункт, который включает все признаки одного или нескольких других пунктов, относящихся к тому же объекту изобретения. Например, объектом изобретения является способ, и все зависимые пункты также должны относиться к способу. Если патент выдан на группу изобретений, например на вещество и способ, то указание в пунктах формулы на способ отсылки к пункту на вещество не превращает данный пункт в зависимый, несмотря на то что при осуществлении способа в нем действительно будут реализованы и все признаки вещества.

Так, на примере можно продемонстрировать следующую зависимость пунктов формулы.

Так, в патентной формуле винтового насоса для применения в нефтяной отрасли в независимом пункте формулы указано «1. Цельнометаллический конический комбинированный винтовой насос, приспособленный для применения в нефтяной отрасли, содержащий статор, ротор, корпус и насосную штангу».

Далее идут зависимые пункты «2. Насос по п. 1, отличающийся тем, что подвижная часть представляет собой соединительный вал, неподвижная часть представляет собой соединительную установочную деталь»; «6. Насос по п. 1, отличающийся тем, что подвижная часть представляет собой соединительную установочную деталь, неподвижная часть представляет собой соединительный вал, упругая часть представляет собой пружину» и т.д. [12].

Зависимые изобретения (полезные модели) не следует отождествлять с зависимыми пунктами формулы изобретения. Зависимость двух и более изобретений оценивается при использовании всех изобретений в реальных вещных объектах, в то время как зависимость пунктов формулы изобретения оценивается по содержанию признаков

в разных пунктах одной формулы изобретения и их соподчиненности [13].

Полагается корректным указать на то, что в действительности между зависимыми пунктами формулы и зависимыми объектами патентных прав имеется тесная связь в виде такого юридического факта-состояния, как «зависимость». В тоже время зависимый пункт не должен выражать новый способ или решение – он представляет собой вариации одного из признаков объекта, либо дополняет независимый пункт какими-то несущественными признаками, которые только сузили бы правовую охрану по патенту.

Подводя итог, отметим, что зависимые объекты патентных прав имеют некие сходные черты с иными категориями права интеллектуальной собственности. Исходя из проведенного соотношения были выведены некоторые сходные и дифференцирующие зависимые объекты черты, произведено концептуальное разграничение исследуемой категории от тождественных и объектов патентного права, производных произведений и зависимого пункта патентной формулы.

Литература

1. Еременко В.И. Патентная монополия в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. М., 2008, № 7. С. 13.
2. Гаврилов Э.П. Если патенты сталкиваются, значит, нарушен закон // Патенты и лицензии. 2019. № 6. С. 14.
3. Еременко В.И. О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10: патентное право // ИС. Промышленная собственность. 2020. № 2. С. 18.
4. Елисеев В.И. Гражданско-правовой режим производных объектов интеллектуальных прав: автореф. дис ... канд. юрид. наук, Москва, МГУ, 2017. С. 16–20.
5. Витко В. С. О правовой природе пародии // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 4. С. 9–10.
6. Конституция Российской Федерации, принята 12 декабря 1993 г. Всенародным голосованием (ред. от 14.03.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.
7. Черничкина Г.Н. К вопросу об общих принципах охраны интеллектуальной собственности частью 4 ГК РФ // Современный юрист. 2019. № 3. С. 78.
8. Калятин В.О. Конфликт прав на форму и на содержание результата интеллектуальной деятельности в системе взаимных ограничений прав на результат интеллектуальной деятельности // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 1. С. 34.
9. Витко В. В. О признаках понятия «производное произведение» // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 9. С. 55.

10. Близнац И.А., Витко В.С. О содержании понятия формы в авторском и патентном праве // *Хозяйство и право*. 2022. № 3. С. 44.
11. Павлова Е.А. Право на переработку и производное произведение // *Вестник гражданского права*. 2019. № 4. С. 216.
12. Винтовой насос для применения в нефтяной отрасли: патент № RU 2787 800 C1, Рос. Федерация Заявка: 2021125141, 28.10.2019, Опубликовано: 12.01.2023 Бюл. № 2–2023.
13. Джермакян В.Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). 4-е электронное изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2014.

COMPARISON OF THE INSTITUTION OF DEPENDENT OBJECTS WITH OTHER CATEGORIES OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW.

Ozmanyay Yu.Z.

Novosibirsk National Research State University

This article discusses the problem of mixing dependent objects with other categories of intellectual property rights. The author concludes that the dependent objects of patent rights have some similarities with other categories of intellectual property rights. Based on the above ratio, some similar and differentiating dependent features were derived, and a conceptual differentiation of the category under study from identical and objects of patent law, derivative works and a dependent clause of the patent formula was made. In addition, there is a close connection between dependent claims and dependent objects of patent rights in the form of such a legal fact-a condition as “dependence”. In turn, the dependent clause represents variations of one of the features of the object, or complements the independent clause with some non-essential features that would only narrow the legal protection of the patent.

Keywords: exclusive rights, patent law, dependent object of patent rights and its relation to other categories of intellectual property rights.

References

1. Eremenko V.I. Patent monopoly in accordance with part four of the Civil Code of the Russian Federation // *Legislation and Economics*. M., 2008, No. 7. p. 13.
2. Gavrilov E.P. If patents collide, it means that the law has been violated // *Patents and licenses*. 2019. No. 6. P. 14.
3. Eremenko V.I. On the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10: patent law // *IS. Industrial property*. 2020. No. 2. p. 18.
4. Eliseev V.I. Civil law regime of derivative objects of intellectual rights: abstract. dis ... cand. Jurid. Sciences, Moscow, Moscow State University, 2017. pp. 16–20.
5. Vitko V.S. On the legal nature of parody // *IS. Copyright and related rights*. 2019. No. 4. pp. 9–10.
6. The Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993. By popular vote (ed. from 03/14/2020) // *Rossiyskaya Gazeta*. 04.07.2020. No. 144.
7. Chernichkina G.N. On the question of the general principles of intellectual property protection by part 4 of the Civil Code of the Russian Federation // *Modern Lawyer*. 2019. No. 3. p. 78.
8. Kalyatin V.O. Conflict of rights to the form and content of the result of intellectual activity in the system of mutual restrictions of rights to the result of intellectual activity // *IP. Copyright and related rights*. 2022. No. 1. P. 34.
9. Vitko V.V. On the signs of the concept of “derivative work” // *IS. Copyright and related rights*. 2018. No. 9. p. 55.
10. Gemini I.A., Vitko V.S. On the content of the concept of form in copyright and patent law // *Economy and law*. 2022. No. 3. p. 44.
11. Pavlova E.A. The right to processing and derivative work // *Bulletin of Civil Law*. 2019. No. 4. p. 216.
12. Screw pump for use in the oil industry: patent no. RU 2787 800 C1, Russian Federation Application: 2021125141, 10/28/2019, Published: 12.01.2023 Issue No. 2–2023.
13. Jermakian V. Yu. Comment to Chapter 72 “Patent law” of the Civil Code of the Russian Federation (article by article). 4th electronic edition, revised. and an addendum // *SPS ConsultantPlus*. 2014.

Саратов Александр Сергеевич,

аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права, Университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: alsarlaw@gmail.com

Корпоративное управление занимает особое место в корпоративном праве. В рамках настоящей статьи автор обращает внимание на значимости развития корпоративного управления для повышения эффективности деятельности корпораций, а также рассматривает понятие корпоративного управления и его цели. Автор подробно рассматривает основные модели корпоративного управления (японскую, англо-американскую, континентальную (немецкую) модели) их специфические особенности, сходства и различия, а также влияние на российскую модель корпоративного управления. Автор отмечает особенности российской модели корпоративного управления, обращает внимание на ее уникальность и самобытность, а также взаимосвязь с основными моделями корпоративного управления, приходит к выводу о необходимости дальнейшего глубокого изучения моделей корпоративного управления и выработки уникальной модели, свойственной отечественным правовым реалиям.

Ключевые слова: корпоративное управление, японская модель, континентальная (немецкая) модель, англо-американская модель, российская модель.

Термин «корпоративное управление» стал широкоизвестным на данном этапе развития права, что является следствием развития и усложнения экономических отношений.

Начать изучение данного вопроса представляется необходимым с представления общих положений отечественной правовой науки относительно корпоративного управления.

Корпоративное управление является существенной частью корпоративного права, под которым принято понимать структурированную систему управления и контроля над корпорацией, в которой права и обязанности по корпоративному управлению распределены тем или иным образом среди субъектов корпоративного управления.

Корпоративное управление влияет на экономические показатели деятельности корпораций, оценку их стоимости, на способность корпораций привлекать капитал, который необходим для развития, а изучение и развитие корпоративного управления способствует повышению эффективности деятельности корпораций.

Категория «управление» в течение довольно продолжительного периода времени остается предметом изучения ряда гуманитарных наук, в том числе и юриспруденции. Можно с уверенностью говорить о том, что управление стало предметом интереса ученых-правоведов в связи с возникновением и развитием в Российской Федерации гражданского права и его подотрасли – корпоративного права. По мнению И.С. Шиткиной управление в общем смысле в соответствии с преобладающим в настоящий момент системным подходом следует понимать как процесс организации такого целенаправленного воздействия на некоторую часть среды, называемую объектом управления, в результате которого удовлетворяются потребности субъекта, взаимодействующего с этим объектом и имеющего определенное целеполагание, а корпоративное управление, соответственно, – совокупность способов воздействия или процесс, с помощью которого организуется деятельность корпораций как особой организационно-правовой формы юридического лица [1].

Наиболее полное понятие корпоративного управления представлено в кодексе корпоративного управления. Корпоративное управление – понятие, охватывающее систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами. Корпоративное управление является инструментом для определения целей общества и средств достижения этих целей, а также обеспечения эффективно-

го контроля за деятельностью общества со стороны акционеров и других заинтересованных сторон [2].

Помимо вышеуказанных положений также необходимо рассмотреть и цели корпоративного управления:

- создание действенной системы обеспечения сохранности предоставленных акционерами средств и их эффективного использования;
- снижение рисков, которые инвесторы не могут оценить и не хотят принимать и необходимость управления которыми в долгосрочном периоде со стороны инвесторов неизбежно влечет снижение инвестиционной привлекательности компании и стоимости ее акций [2].

Сформировалось несколько моделей корпоративного управления, которые могут быть ранжированы в зависимости от исторических, культурных и иных аспектов, оказавших влияние на их формирование. Вместе с тем, такие модели корпоративного управления произошли от трех базовых моделей корпоративного управления: англо-американской, японской и континентальной (немецкой) [3]. Представляется необходимым остановить свое внимание на каждой из них.

Англо-американская модель корпоративного управления используется в ряде развитых стран, среди которых: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада [4]. Собственниками капитала в рамках англо-американской модели выступают, в основном, институциональные и частные инвесторы, а главным органом корпоративного управления в данной модели корпоративного управления выступает совет директоров, который распоряжается всей деятельностью корпорации, защищает интересы акционеров, обеспечивает качество корпоративного управления и несет ответственность за такое управление перед собранием акционеров и контролирующими государственными органами. Совет директоров осуществляет подбор и назначение ведущих лиц (менеджеров) корпорации, которые предусмотрены в уставе компании. Следует обратить внимание, что в при такой модели корпоративного управления законные интересы акционеров представлены большим количеством относительно независимых друг от друга инвесторов, находящихся в зависимости от менеджмента корпорации. Реальное же управление компанией осуществляется профессиональными менеджерами. Основной проблемой представленной модели является контроверза взаимоотношений собственников компаний и наемных «управленцев».

На формирование японской модели отпечаток наложили реалии послевоенного развития Японии, а также особенности ее социо-культурного развития. Данная модель корпоративного управления исторически формировалась сначала под воздействием континентальной модели, затем – англосаксонской как элемента экономических реформ, проводимых в стране в 1990-е гг. [5]. Для данной модели характерна высокая концентрация

собственности в руках крупных и средних акционеров, перекрестное владение акциями компаниями. При этом основную роль играют банковские организации, и они же определяют деятельность каждой промышленной группы.

В современной Японии существуют две системы управления компаниями: система аудиторов и система комитетов. При системе корпоративных аудиторов, в компании существуют следующие органы:

- общее собрание акционеров;
- совет директоров;
- представительные директоры;
- исполнительные директоры;
- корпоративные аудиторы;
- совет корпоративных аудиторов.

При системе комитетов, в компании имеются:

- общее собрание акционеров;
- совет директоров (в котором создаются комитет по аудиту, комитет по назначениям и комитет по вознаграждениям);
- исполнительные директоры.

Совет директоров в японских компаниях играет формальную роль. Решение принимается коллегиально, включая процесс обсуждения и переговоров в рамках всей корпорации. Таким образом, данная модель корпоративного управления является закрытой и основанной на банковском контроле и финансировании.

Континентальная (немецкая) модель управления корпорацией характерна для таких стран Западной Европы, как Германия, Швейцария, Норвегия. Генезис данной модели корпоративного управления обусловлен совокупностью факторов объективного и субъективного характера. Среди них следует выделить, прежде всего:

- высокую степень концентрации акционерного капитала;
 - доминирующую роль банков в принятии корпоративных решений и сравнительно небольшую распыленность акций среди частных инвесторов.
- Континентальная модель характеризуется более высоким уровнем концентрации собственности и наличием стратегических инвесторов с блокирующими пакетами акций, среди которых большую роль играют банковские структуры. Система управления в компании континентальной модели имеет двухуровневую структуру: наблюдательный совет и правление. Высшим органом управления является собрание акционеров. Для управления компанией создается наблюдательный совет, обладающий контролируемыми функциями, и правление, которое наделено всей полнотой исполнительной власти. Характерной чертой континентальной системы управления корпорацией является кодетерминация (участие сотрудников в управлении компанией). В частности, в Германии, согласно принятому в 1976 г. закону в компаниях с числом сотрудников более 500 чел., работники выбирают своих представителей в наблюдательном совете на 1/3

всех мест. В компаниях, с числом сотрудников более 2 тыс. чел., половина всех мест в наблюдательном совете предоставляется выборным представителям работников компании [7]. Другая часть наблюдательного совета избирается акционерами. Таким образом, через данный орган реализуется основной принцип социального взаимодействия. Практически все компании в Германии являются частью огромной сети перекрестного владения акциями.

Российская модель корпоративного управления обладает существенной спецификой, что объясняется траекторией и революционной динамикой ее развития. Вопросы корпоративного управления активно обсуждаются на протяжении всего периода новейшей истории. Однако характер исследуемых проблем, возникающих у компаний, существенно различается в разные периоды. В условиях догоняющей модернизации российской экономической системы институциональный каркас корпоративного управления развивался очень быстро, но хаотично и часто фрагментарно. Данный факт в совокупности с геополитическими изменениями заставляет задуматься о том, какие пробелы существуют в системе корпоративного управления российских компаний.

Россия стремится к немецким и японским системам управления с точки зрения высокой концентрации собственности.

Согласно исследованиям, 75% акций почти в половине из топ-93 российских компаний, торгуемых на бирже, принадлежат одному или нескольким взаимосвязанным владельцам. В качестве сравнения, в 90% акционерных компаний Великобритании нет доминирующего акционера с долей участия более чем 25% [6].

Проблема формирования российской модели корпоративного управления возникла во второй половине девяностых годов двадцатого века. В России сложилась многоукладная экономика, динамично развивается корпоративный сектор, формируются взаимоотношения собственников и менеджмента в результате отделения собственности от управления и финансирования. В связи с этим возникает и увеличивается интерес к созданию механизма эффективного взаимодействия представительных и исполнительных органов на коллегиальной основе, функционирование которых, предположительно, позволит сбалансировать интересы собственников, с одной стороны, и наемных менеджеров – с другой [8].

В целом же Россия предлагает уникальные условия для изучения качества корпоративного управления. С одной стороны, до недавнего времени компании страдали от огромных проблем с управлением. Тем не менее прогресс в законодательстве и восприятии вопросов корпоративного управления в последние десятилетия впечатляет. С другой стороны, корпоративное управление и организационная культура в современной России резко контрастируют с этими явлениями в развитых странах. Замедление темпов экономического

роста последних лет и функционирование компаний в новых условиях порождают массу вопросов к построению эффективной системы корпоративного управления. Если в начале развития системы речь шла о конструировании базовых институтов системы корпоративного управления, то сейчас – об эффективности этих институтов. Стало очевидно, что эти процессы напрямую связаны с внутриорганизационной эффективностью компании и ростом корпоративной стоимости. Для повышения эффективности деятельности отечественных корпораций следует продолжить изучение моделей корпоративного управления.

Литература

1. Корпоративное право: Учебник / Отв. Ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. 735 с.
2. Кодекс корпоративного управления: Центральный Банк Российской Федерации / https://cbr.ru/statichtml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (дата обращения: 25.10.2024).
3. А.Н. Корпоративное управление: учебное пособие / <https://an-petrov.ru/wp-content/uploads/2024/05/korporativnoe-upravlenie-2024.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Л.Н. Дробышевская. Модели корпоративного управления: мировой опыт и российская практика // [file:///C:/Users/alsar/Downloads/modeli-korporativnogo-upravleniya-mirovoy-opyt-rossiyskaya-praktika%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/alsar/Downloads/modeli-korporativnogo-upravleniya-mirovoy-opyt-rossiyskaya-praktika%20(2).pdf) (дата обращения: 18.10.2024).
5. Кибанов А.Я. Мотивы соучастия персонала в деятельности организации и модели корпоративного управления // *Кадровик. Кадровый менеджмент*. 2008. № 12.
6. OECD. Publishing. OECD Digital Economy Outlook 2017. – OECD Publ., 2017.
7. Анализ законов и принципов управления в Германии. Теоретические основы немецкой модели корпоративного управления // https://studwood.net/1980425/menedzhment/dvuhurovnevyy_soviet_direktorov (дата обращения: 10.11.2024)
8. Б.Б.Коваленко, Г.С. Галабурда, Л.Е. Черток. Институт корпоративного управления: особенности и основные тенденции развития российской модели // <https://www.spbume.ru/file/pages/80/kovalenko,%20galaburda.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

SOME ASPECTS OF CORPORATE GOVERNANCE MODELS

Saratov A.S.

Kutafin Moscow State Law University

Corporate governance holds a special place in corporate law. In this article, the author draws attention to the importance of developing corporate governance to improve the efficiency of corporations, and also examines the concept of corporate governance and its goals. The author examines in detail the main models of corporate governance (Japanese, Anglo-American, continental (German) models), their specific features, similarities and differences, as well as the impact on the Russian model of corporate governance. The author notes the features of the Russian model of corporate governance,

draws attention to its uniqueness and originality, as well as the relationship with the main models of corporate governance, comes to the conclusion about the need for further in-depth study of corporate governance models and the development of a unique model inherent in domestic legal realities.

Keywords: corporate governance, Japanese model, continental (German) model, Anglo-American model, Russian model.

References

1. Corporate Law: Textbook / Ed. I.S. Shitkina. – M.: Statut, 2019. 735 p.
2. Corporate Governance Code: Central Bank of the Russian Federation / https://cbr.ru/statichhtml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (accessed on 10.25.2024).
3. A.N. Corporate Governance: Textbook / <https://an-petrov.ru/wp-content/uploads/2024/05/korporativnoe-upravlenie-2024.pdf> (accessed on 10.20.2024).
4. L.N. Drobyshevskaya. Corporate governance models: global experience and Russian practice // [file:///C:/Users/alsar/Downloads/modeli-korporativnogo-upravleniya-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/alsar/Downloads/modeli-korporativnogo-upravleniya-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika%20(2).pdf) (date of access: 18.10.2024).
5. Kibanov A. Ya. Motives for personnel participation in the organization's activities and corporate governance models // HR. Personnel management. 2008. No. 12.
6. OECD. Publishing. OECD Digital Economy Outlook 2017. – OECD Publ., 2017.
7. Analysis of laws and principles of management in Germany. Theoretical Foundations of the German Corporate Governance Model // https://studwood.net/1980425/menedzhment/dvuhurovnevy_совет_директоров (accessed: 10.11.2024)
8. B.B. Kovalenko, G.S. Galaburda, L.E. Chertok. Institute of Corporate Governance: Features and Main Trends in the Development of the Russian Model // <https://www.spbume.ru/file/pages/80/kovalenko,%20galaburda.pdf> (accessed: 10.11.2024).

О правовом регулировании инвестирования с использованием цифровых платформ в Китайской Народной Республике (КНР)

Саяпин Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, младший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
E-mail: spsayapin@yandex.ru

Начало правового регулирования инвестиций с использованием цифровых платформ в Китае относится к 2014 году, когда Ассоциация ценных бумаг Китая разработала проект «Мер по краудфандингу прямых инвестиций». В проекте были определены критерии для аккредитованных инвесторов и установлены требования к регистрации платформ. В 2015 году опубликованы «Руководящие мнения по содействию здоровому развитию интернет-финансов», где акционерный краудфандинг определяется как публичное финансирование через интернет. Платформы обязаны обеспечивать прозрачность для инвесторов и подлежат надзору со стороны Комиссии по регулированию ценных бумаг Китая (CSRC). В том же году CSRC инициировала специальные проверки для платформ, акцентируя внимание на соответствии законодательству и безопасности инвестиций. В 2016 году был принят «План реализации специальных мер по устранению финансовых рисков в сети», который касался регулирования как краудфандинга, так и P2P-кредитования. План указывал на необходимость разделения клиентских и собственных средств платформ, а также установил жесткие меры против нелегальной деятельности. Несмотря на проработку ряда инициатив, ни изменения в законодательстве, ни новые нормативные акты по акционерному краудфандингу до сих пор не были приняты, хотя некоторые провинции, включая Пекин и Шанхай, уже начали разрабатывать местные нормы.

Ключевые слова: правовое регулирование инвестирования в КНР, Китай, цифровые платформы в Китае, краудфандинг в Китайской Народной Республике, акционерный краудфандинг в Китае.

О начале правового регулирования инвестирования с использованием цифровых платформ в Китае можно говорить лишь с середины-конца 2014 и начале 2015 годов. В целях регулирования рынка купли-продажи акций с использованием цифровых платформ (акционерный краудфандинг), в 2014 году Ассоциация ценных бумаг Китая (SAC) разработала проект «Мер по краудфандингу прямых инвестиций» [1].

Вопросы, рассмотренные в данном консультационном документе, охватывают правовой статус акционерного краудфандинга в Китайской Народной Республике, определение понятия платформы акционерного краудфандинга, требования к инвесторам, требования к раскрытию информации со стороны платформ акционерного краудфандинга и эмитентов, а также общие запреты на деятельность, касающиеся платформ акционерного краудфандинга. Следует отметить, что многие из изложенных в документе правил в значительной степени являются дублированием существующих запретов, установленных в соответствии с Законодательством о ценных бумагах и Уголовным Кодексом Китайской Народной Республики. Проект «Мер по краудфандингу прямых инвестиций» устанавливал, что цифровая краудфандинговая платформа купли-продажи акций должна быть зарегистрирована в SAC и быть участником данной организации. Несмотря на то, что до сегодняшнего дня этот документ так и остался проектом, часть его положений было в дальнейшем представлено в Руководящих мнениях по содействию надежному развитию интернет-финансов от 2015 г.

В 2015 году десять государственных органов Китайской народной республики, включая Народный банк Китая, с одобрения ЦК партии и Государственного совета Китая, совместно опубликовали «Руководящие мнения по содействию здоровому развитию интернет-финансов» (далее по тексту – Руководящие мнения) [2].

Параграф 9 Руководящих мнений гласит: акционерный краудфандинг представляет собой публичное финансирование акций небольшими суммами денежных средств, осуществляемое через сеть «Интернет». Акционерный краудфандинг осуществляется с использованием посреднических цифровых платформ (т.е. сайтов в сети «Интернет» или иных подобных им цифровых сервисов). Участниками акционерного краудфандинга должны быть микро- и малые предприятия, которые обязаны раскрывать свою бизнес-модель, порядок управления бизнес-операциями, объем финансирования, использование капитала и иную ключе-

вую информацию инвесторам с использованием цифровых платформ акционерного краудфандинга, а также обязаны не вводить в заблуждение инвесторов. Инвесторы должны полностью понимать риски, связанные с краудфандинговой деятельностью, иметь соответствующую финансовую устойчивость к рискам и осуществлять инвестиции в небольших объемах. Акционерный краудфандинг подлежит надзору со стороны Комиссии по регулированию ценных бумаг Китая.

В 2015 году Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая (CSRC) опубликовала Уведомление о проведении специальных проверок цифровых платформ акционерного краудфандинга. В нем подчеркивалось, что эта финансовая деятельность открыта и затрагивает общественные интересы и экономическую безопасность Китая, что требует ее регулирования в соответствии с законом. Уведомление отсылало к различным нормативным актам, хотя ни один из них напрямую не касался акционерного краудфандинга, узаконивая тем самым проверки местными отделениями CSRC.

Затем, 12 апреля 2016 г., в соответствии с уведомлением CSRC от 2015 г., а также во исполнение Руководящих мнений, главным управлением Государственного совета Китая был принят «План реализации специальных мер по устранению финансовых рисков в сети «Интернет» (далее по тексту – План) [3]. Основные цели принятия Плана, помимо реализации идей Руководящих мнений, заключались:

- в сфере пирингового онлайн-кредитования P2P реализовать позиционирование цифровых платформ в качестве информационных посредников. Цифровые платформы пирингового онлайн-кредитования P2P не должны вводить кредитора в заблуждение посредством фиктивных, преувеличенных перспектив получения им прибыли от инвестирования им в проекты.
- в области инвестиционных отношений на цифровых платформах по купле-продаже акций (коммерческий акционерный краудфандинг) устанавливается запрет на публичное размещение акций без специального разрешения, запрет на скрытое публичное размещение акций и незаконную деятельность по операциям с ценными бумагами.

В Плате отмечалось, что цифровые платформы онлайн-кредитования P2P и платформы краудфандинга акций должны управлять денежными средствами клиентов и собственными средствами отдельно, следовать принципу профессиональной этики, строго соблюдать требования сторонних депозитариев для денежных средств клиентов и выбирать квалифицированные банковские финансовые учреждения в качестве депозитных учреждений для защиты средств клиентов, где денежные средства клиентов не могут быть присвоены или использованы не по назначению.

Одной из главных целей принятия Плана являлось проведение комплексной проверки проблем-

ных учреждений и лиц, которым будут предписаны изменения в деятельности в соответствии с законами. Если они не выполнят требования, их ожидают строгие наказания. Это касается интернет-платформ, осуществляющих финансирование акционерного капитала, а также девелоперских предприятий и посредников, занимающихся незаконным сбором средств для краудфандинга.

Еще одна цель Плана заключалась в дальнейшем совершенствовании законов, положений и правил и долгосрочного регулирующего механизма для надежного развития цифровых платформ акционерного краудфандинга через сеть «Интернет».

В 2016 году сообщалось, что CSRC планировал внести правила по акционерному краудфандингу в поправки к Закону о ценных бумагах, но на сегодняшний день такие поправки так и не были приняты.

Литература

1. Administrative Measures for Private Equity Crowdfunding (Draft for Comments) (promulgated by Sec. Ass'n of China, Dec. 18. 2014). – URL: http://www.sac.net.cn/tzgg/201412/t20141218_113326.html (дата обращения: 25.11.2024)
2. Руководящие мнения по содействию здоровому развитию интернет-финансов. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/2813898/index.html> (дата обращения: 25.11.2024)
3. План реализации специальных мер по устранению финансовых рисков в сети «Интернет». – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-10/13/content_5118523.htm (дата обращения: 25.11.2024)

ON THE LEGAL REGULATION OF INVESTMENT USING DIGITAL PLATFORMS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (PRC)

Sayapin S.P.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The beginning of the legal regulation of investment using digital platforms in China dates back to 2014, when the China Securities Association drafted the Direct Investment Crowdfunding Measures. The draft defined criteria for accredited investors and set out requirements for platform registration. In 2015, the 'Guiding Opinions on Promoting the Healthy Development of Internet Finance' was published, where equity crowdfunding is defined as public financing via the internet. Platforms are required to provide transparency to investors and are subject to supervision by the China Securities Regulatory Commission (CSRC). In the same year, the CSRC initiated special inspections for platforms, emphasising legal compliance and investment security. In 2016, the 'Implementation Plan for Special Measures to Address Online Financial Risks' was adopted, which addressed the regulation of both crowdfunding and P2P lending. The plan pointed out the need to separate client and own funds of platforms, and also established strict measures against illegal activities. Despite the elaboration of a number of initiatives, neither legal changes nor new regulations on equity crowdfunding have yet been adopted, although some provinces, including Beijing and Shanghai, have already started to develop local regulations.

Keywords: legal regulation of investment in the People's Republic of China, China, digital platforms in China, crowdfunding in the People's Republic of China, equity crowdfunding in China

References

1. Administrative Measures for Private Equity Crowdfunding (Draft for Comments) (promulgated by Sec. Ass'n of China, Dec. 18, 2014). – URL: http://www.sac.net.cn/tzgg/201412/t20141218_113326.html (access: 25.11.2024).
2. Guiding Opinions on Promoting the Healthy Development of Internet Finance. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/2813898/index.html> (access: 25.11.2024)
3. Implementation Plan for Special Measures to Address Financial Risks on the Internet. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-10/13/content_5118523.htm (access: 25.11.2024)

Юридические проблемы цифрового неравенства и его преодоления при реализации задач цифровизации экономической деятельности

Соловяненко Нина Ивановна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук
E-mail: Nina.coshkina@yandex.ru

В статье рассматриваются правовые проблемы цифровой трансформации экономической деятельности. Анализируются юридические особенности использования информационных систем (цифровых платформ), в том числе при дистанционном выполнении трудовой функции, применении электронных документов и электронных подписей. Автор обращает внимание на постоянное повышение технологической сложности операций в цифровом пространстве и закрепление соответствующих конструкций в законодательстве. В этой связи исследуется цифровой разрыв (от англ. digital divide), или цифровое неравенство и его юридические последствия для сферы труда. Делается вывод о необходимости интегрировать в отраслевое законодательство специальные положения, направленные не только на преодоление, но в первую очередь на предупреждение цифрового разрыва, базирующиеся на документах стратегического планирования. К юридическим средствам ликвидации «цифрового разрыва» следует отнести обязательные требования к программам обучения представителей бизнеса, направленные на получение ими базовых знаний в сфере цифрового взаимодействия; разработку системы услуг ИТ-консультантов и юридических консультантов в области цифровых технологий; создание моделей гражданско-правовой ответственности субъектов цифрового взаимодействия в различных секторах экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая платформа, информационная система, электронный документ, электронная подпись, цифровой разрыв, подтвержденная учетная запись, машиночитаемый документ.

Введение

Современное общество на постиндустриальном этапе своего развития в значительной степени характеризуется масштабным проникновением инновационных цифровых технологий практически во все сферы деятельности человека. Вместе с тем «безальтернативная» цифровизация поставила общество перед глобальной проблемой зависимости социально-экономических и правовых отношений от цифровых инноваций, поскольку самый широкий спектр таких отношений переносится в цифровые пространства. В 1973 социолог и социальный теоретик Дэниел Белл одним из первых заявил, что современное постиндустриальное общество фундаментально меняется. Он выделял главные, постиндустриальные явления: подъем сектора услуг, изменения в профессиях и образовании, возрастающую роль финансового и человеческого капитала, а также стоимости знаний. Главным инструментом исторических перемен, по Д. Беллу, являются технологии, они создают проблемы для культуры и политической системы, но не определяют их, поскольку технологии часто действуют в контексте, которого они не создают [8].

Правовые аспекты цифровизации экономической сферы

В экономической сфере увеличивается количество и разнообразие процессов, непосредственно связанных с применением технологических средств, подключенных к сети Интернет и зависящих от доступа к сети и ее использования. Интеграция высоких технологий в производственную и управленческую деятельность сегодня производится с помощью разнообразных технологических устройств, связанных с созданием, передачей и/или управлением цифровой информацией [3, с. 90].

Адаптированные к цифровому взаимодействию модели организации труда (сетевые компании, дистанционная работа, «цифровые кочевники», использование специализированных цифровых платформ [1, с. 13–82] и ряд других) не только востребованы населением в различных формах удаленной или гибридной работы [4, с. 207–213; 5, с. 155–156; 6, с. 138–140], в том числе аутсорсинга, но также разрабатываются в виде правовых конструкций и закрепляются в нормативных правовых актах. Так, в законодательстве предусмотрено использование информационно-телекоммуникационных сетей и информационных систем, в том числе при дистанционном выполнении работником трудовой

функции, взаимодействию в этих целях с работодателем, а также в целях создания, подписания, отправления и получения документов электронным способом. Нормативными-правовыми актами РФ предусмотрен доступ граждан к единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», включая подсистему «Личный кабинет гражданина», с использованием единой системы идентификации и аутентификации.

Поскольку взаимосвязь различных производственных задач, решаемых посредством цифрового взаимодействия, усиливается, все более важным требованием к человеку-участнику экономической деятельности становится универсальность (гибкая специализация). Информационно-коммуникационные технологии рассматриваются как «технологии общего назначения». Иными словами, они могут применяться во всех процессах производственной системы и не ограничиваются конкретными секторами или операциями, поскольку число функций, требующих от работников владения стандартными навыками, связанными с компьютером, быстро растет. Сегодня практически любая деятельность требует определенных знаний в области новых технологий и умения их использовать.

Например, в силу российского законодательства о труде не только специализированным кадровым службам, но и работникам и даже соискателям рабочих мест требуется обладание как минимум общими знаниями об электронном документообороте в сфере трудовых отношений, в частности представлением о том, что такое электронный документ, электронная подпись и ее виды (простая, неквалифицированная, квалифицированная), сертификат ключа проверки, удостоверяющий центр, подтвержденная учетная запись портала госуслуг, единая система идентификации и аутентификации. Целесообразно также иметь понятие об предусмотренных законодательством обязанностях, связанных с использованием электронных документов и подписей и ответственности за их неисполнение, в том числе за нарушение требований о конфиденциальности ключей электронных подписей.

Только обладая подобными общими знаниями, работник может осознанно дать письменное согласие на взаимодействие с работодателем посредством электронного документооборота или отказаться от данного способа коммуникации. Вместе с тем положения законодательства, предусматривающие такие гарантии «недискриминации» работника как непризнание отказа от электронного взаимодействия в качестве основания для неприятия его на работу или увольнения, представляется сложно осуществляемым на практике. Электронный документооборот экономически и технологически нерационально (или невозможно) дублировать на бумажном носителе даже в целях защиты прав и интересов работника.

Совершение юридических действий посредством электронных (цифровых) коммуникаций рас-

сматривается в современном нормотворчестве как базовый или приоритетный способ, заменяющий документооборот «на бумаге». Последний все чаще считается исключением. Необходимо также особо указать на правовые отношения в сфере труда, которые в силу закона являются «цифровыми по умолчанию» и не требуют предварительных согласований.

Следует отметить систематическое технологическое усложнение операций в цифровом пространстве. Данная тенденция в свою очередь находит отражение в законах и иных нормативных правовых актах. Инновационное юридическое взаимодействие в том числе в экономической сфере предполагает использование электронных машиночитаемых документов (машиночитаемого документа о полномочиях, доверенности), представляющих собой одну из перспективных моделей реализации в законотворчестве и правоприменении концепции машиночитаемого права. Соответственно гражданам требуется проходить регулярное переобучение с целью получения профессиональных навыков, отвечающих технологическим преобразованиям.

С учетом вышеизложенного согласимся с мнением исследователей о том, что цифровые знания и компетенции следует рассматривать как один из основных факторов, которые играют важную роль в определении возможностей отдельных лиц в экономической деятельности. Как отмечается в Российской газете, современной экономике РФ требуются специалисты, подготовленные и получившие знания и компетенции для работы по новейшим производственным технологиям: таких как виртуальное проектирование, 3D-печать, Интернет вещей, искусственный интеллект [2].

В этой связи привлекают внимание прогнозы ряда экспертов, «что рынок труда будет разделен по крайней мере на две основные группы – «интегрированные работники», которые обладают повышенной квалификацией и выполняют высокопроизводительные задачи, насыщенные информацией, прежде всего ИКТ – специалисты; и «исключенные работники», которые уволены с постоянной работы, им недоплачивают, и они чередуют ненадежную работу с повторяющимися периодами безработицы» [9; 11].

Цифровое неравенство и его юридические последствия

Быстрое распространение цифровых технологий вызвало обеспокоенность общества по поводу социального и экономического неравенства, связанного с доступом к таким технологиям, что привело в 1990-х годах к появлению теории цифрового неравенства или цифрового разрыва – от англ. digital divide, определяемого первоначально как неравенство технологических возможностей.

На сегодняшний день наиболее разработанной считается «модель четырех разрывов», которая утверждает, что наиболее важными аспек-

тами цифрового разрыва являются мотивация пользователя, доступ к материальным ресурсам, цифровые навыки и тип использования Интернета. Концепция основывается на исследованиях в области изучения цифрового неравенства в 21 веке. [13]

Таким образом, цифровое неравенство может быть объяснено недостаточным интеллектуальным уровнем и/или квалификацией пользователей, отсутствием финансовых, технологических, организационных условий и ресурсов для применения компьютерной техники, недостаточной цифровой грамотностью для успешной и безопасной коммуникации в рамках сложных информационных систем, то есть дефицитом реальных возможностей для использования технологий и взаимодействия с ними. Так, например, ограничения, связанные с передвижением в период COVID19, показали, что удаленная работа и онлайн- обучение являются преимуществами, которые не одинаково доступны для всех граждан. Европейские исследователи обратили внимание на поляризацию требований к профессиональному образованию: «в то время как увеличивается спрос на обучение навыкам для работы, требующей высокой квалификации в «творческих» профессиях (например, в программировании, системной инженерии, создании медиаконтента), уменьшается спрос на обучение для менее квалифицированных профессий, но также связанных с использованием цифровых приложений или программ. Первый тип знаний приобретает в рамках профессионального или высшего образования, а второй тип знаний предоставляется посредством официального, неофициального или даже неформального обучения. Последнее встречается чаще и может по-разному трактоваться при отборе и найме работников» [9;11].

Зарубежные аналитики указывают на гендерное неравенство как существенный элемент цифрового разрыва. Дискриминация женщин на рынке труда в условиях цифровизации обнаруживается в более тонком варианте: женщины представлены преимущественно в тех видах деятельности, которые предполагают использование цифровых технологий более общего назначения, причем даже в странах, где женщины превосходят мужчин в образовании. Надежды на то, что цифровизация будет способствовать равным возможностям для мужчин и женщин, не оправдываются [9; 12].

Концепция цифрового разрыва может быть применена к целому ряду различных сфер деятельности, поскольку позволяет соотнести социальные, культурные и экономические условия жизни людей с их специфическими моделями применения цифровых технологий. Несмотря на многочисленные гуманитарные исследования цифрового разрыва, юридическая наука и правоприменительная практика также не должны игнорировать или недооценивать правовые последствия цифрового неравенства.

В европейских работах по данной тематике отмечаются юридические проблемы цифровизации

в аграрной сфере, связанные с невыгодным положением сельскохозяйственных производителей в договорных отношениях с ИТ-компаниями, которые потенциально заинтересованы в полученных сельскохозяйственных данных. Насыщенные сложной технологической терминологией договорные условия являются во многих случаях непонятными в особенности для мелких и средних производителей, не обладающих необходимыми знаниями или возможностями использовать квалифицированные консультации. Подобное информационное неравенство сказывается на отношении фермерских сообществ к цифровым технологиям в сельскохозяйственной деятельности как несущим более рисков, нежели преимуществ [10]. Отставание российского агросектора в сфере цифровизации специалисты объясняют недостаточным сопровождением со стороны компании-разработчика на этапе внедрения программного обеспечения, отсутствием в ряде сельских населённых пунктов сети Интернет, а также квалифицированных сотрудников, способных работать с новыми технологиями.

«Цифровой разрыв», для которого свойственна недостаточная цифровая грамотность населения, отрицательно сказывается на способности граждан адекватно оценивать риск безопасности и конфиденциальности при выполнении операций в цифровой среде, например, в полной мере осознавать, что сеть Интернет или канал связи, используемый мобильным устройством, являются незащищенными. Для соблюдения кибербезопасности необходимо постоянно повышать антивирусную защиту, не открывать письма, файлы, ссылки, полученные от неизвестных отправителей, не передавать третьим лицам средства получения кодов, не допускать их несанкционированное использование и т.д.

Игнорирование правил информационной безопасности и цифровой гигиены способствует влиянию злоумышленников на результаты принятия производственных, управленческих и числе финансовых решений. При этом используются методы вредоносной социальной инженерии, манипулирование сознанием и поведением человека, в том числе в профессиональной сфере. Недостаток цифровых знаний, неумение применять их на практике, нарушение требований инструкций и должностных обязанностей влечет причинение имущественного вреда, что подтверждается правоприменительной, в том числе судебной, практикой. Так, нередко причиной несанкционированного списания денежных средств со счета организации является несоблюдение сотрудниками организации мер безопасности по использованию ключевого носителя электронной подписи. В более сложном случае причиной неисполнения условий договора явилась неспособность сотрудников организации установить различие между визуализацией в документе квалифицированной электронной подписи и ее проверкой.

Заключение

Представляется необходимым интегрировать в отраслевое законодательство совокупность специальных положений, направленных не только на преодоление, но и в первую очередь предупреждение цифрового разрыва, например, в содержание образовательных программ, предусмотренное законодательством РФ об образовании, включить обучение основам электронного документооборота и цифровой гигиены. Разработка системы таких нормативных положений должна в свою очередь основываться на документах стратегического планирования.

К юридическим средствам ликвидации «цифрового разрыва» можно отнести обязательные требования к программам обучения представителей бизнеса, направленные на получение ими базовых знаний в сфере цифрового взаимодействия; разработку системы услуг ИТ-консультантов и юридических консультантов в области цифровых технологий; создание моделей гражданско-правовой ответственности субъектов цифрового взаимодействия в различных секторах экономики. Согласимся с учеными-правоведами в том, что на повестке стоит также задача закрепления в законодательстве такого феномена, как искусственный интеллект [7] и решения вопросов об ответственности за его применение, в том числе в экономической деятельности.

Литература

1. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление//Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
2. Гавриленко Александр Как цифровизация в России изменила требования к специалистам и какими навыками они должны обладать// Российская газета 31.10.2024.
3. Лаптев В.А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе / В.А. Лаптев // Государство и право. 2022 № 7. С. 90–101.
4. Маликов С.В., Чуча С.Ю. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции)// Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213.
5. Чуча С.Ю. Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (обзор «круглого стола»)//Государство и право. 2021. № 4. С. 155–160.
6. Чуча С.Ю. Защита трудовых и социальных прав: опыт междисциплинарного подхода// Государство и право. 2024. № 9. С. 138–146.
7. Экологические, земельные и аграрные отношения: государственное регулирование и правоприменение: монография / под ред. В.В. Устюковой. Москва: ИГП РАН, 2024.384с.
8. Bell D.The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Paperback, Spe-

cial Anniversary Edition, Published 1999 by Basic Books, Perseus Books Group (first published 1973). 507 p.

9. Daniel Calderón-Gómez, Belén Casas-Mas, Mariano Urraco-Solanilla and Juan Carlos Revilla The labour digital divide: digital dimensions of labour market segmentation// Work organisation, labour & globalisation Volume 14, Number 2, 2020. DOI: 10.13169/workorgalaboglob.14.2.0007.
10. Jouanjean, M., et al. (2020), “Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers’ perspective”, OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers, No. 146, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/53ecf2ab-en>.
11. Huws, U. (2014) Labour in the Global Digital Economy. The Cybertariat Comes of Age. New York: Monthly Review Press.
12. Mariën, I. & J.A. Prodnik (2014) ‘Digital inclusion and user (dis)empowerment: A critical perspective’, Info, 16 (6):35–47. DOI: 10.1108/info-07-2014-0030.
13. Van Deursen, A. & J. Van Dijk (2015) ‘Toward a multifaceted model of internet access for understanding digital divides: An empirical investigation’, The Information Society, 31:379–91. doi: 10.1080/01972243.2015.1069770.

LEGAL PROBLEMS OF DIGITAL INEQUALITY AND ITS OVERCOMING IN THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF DIGITALIZATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Solovyanenko N.I.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The article examines the legal problems of the digital transformation of economic activity. The article analyzes the legal features of the use of information systems (digital platforms), including the remote performance of labor functions, the use of electronic documents and electronic signatures. The author draws attention to the constant increase in the technological complexity of operations in the digital space and the consolidation of relevant structures in legislation. In this regard, the digital divide is being investigated. digital divide), or digital inequality and its legal consequences for the world of work. It is concluded that it is necessary to integrate into industry legislation special provisions aimed not only at overcoming, but primarily at preventing the digital divide, based on strategic planning documents. The legal means of eliminating the “digital divide” should include mandatory requirements for training programs for business representatives aimed at obtaining basic knowledge in the field of digital interaction; developing a system of services for IT consultants and legal consultants in the field of digital technologies; creating models of civil liability of subjects of digital interaction in various sectors of the economy.

Keywords: digital transformation, digital platform, information system, electronic document, electronic signature, digital gap, verified account, machine-readable document.

References

1. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon//Perm Law Almanac. 2021. No. 4. pp. 13–82.
2. Gavrilenko Alexander How digitalization in Russia has changed the requirements for specialists and what skills they should have// Rossiyskaya gazeta 31.10.2024.
3. Laptev V.A. Digital information as an object of civil and commercial turnover at the present stage / V.A. Laptev // State and law. 2022 No. 7. pp. 90–101.
4. Malikov S.V., Chucha S. Yu. Intersectoral protection of labor and social rights in conditions of social transformation (review of the

- international scientific and practical conference)// State and law. 2024. No. 2. pp. 207–213.
5. Chucha S. Yu. Legal regulation of remote (remote) work: issues of theory and practice (review of the round table)//State and law. 2021. No. 4. pp. 155–160.
 6. Chucha S. Yu. Protection of labor and social rights: experience of an interdisciplinary approach// State and law. 2024. No. 9. pp. 138–146.
 7. Ecological, land and agrarian relations: state regulation and law enforcement: monograph / edited by V.V. Ustyukova. Moscow: IGP RAS, 2024.384p
 8. Bell D.The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Paperback, Special Anniversary Edition, Published 1999 by Basic Books, Perseus Books Group (first published 1973). 507 p.
 9. Daniel Calderón-Gómez, Belén Casas-Mas, Mariano Urraco-Solanilla and Juan Carlos Revilla The labour digital divide: digital dimensions of labour market segmentation// Work organisation, labour & globalisation Volume 14, Number 2, 2020. DOI: 10.13169/workorgalaboglob.14.2.0007.
 10. Jouanjean, M., et al. (2020), “Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers’ perspective”, OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers, No. 146, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/53ecf2ab-en>.
 11. Huws, U. (2014) Labour in the Global Digital Economy. The Cyberariat Comes of Age. New York: Monthly Review Press.
 12. Mariën, I. & J.A. Prodnik (2014) ‘Digital inclusion and user (dis)empowerment: A critical perspective’, Info, 16 (6):35–47. DOI: 10.1108/info-07-2014-0030.
 13. Van Deursen, A. & J. Van Dijk (2015) ‘Toward a multifaceted model of internet access for understanding digital divides: An empirical investigation’, The Information Society, 31:379–91. doi: 10.1080/01972243.2015.1069770.

Развитие системы регулирования института защиты авторских прав в условиях цифровой трансформации

Сосорин Кирилл Дмитриевич,

аспирант, Российский университет кооперации

E-mail: logika_pro@mail.ru

В статье рассматривается текущее состояние правового регулирования в цифровой среде через призму тех вызовов и возможностей, которые непосредственно связаны с быстрым развитием цифровых технологий. Отмечается, что на фоне развития цифровых инструментов появились не только новые возможности для авторов произведений в части создания и дальнейшего распространения контента, но и в сфере нарушения авторских прав, так как новые технологии облегчают процесс незаконного копирования и распространения произведений, охраняемых авторским правом. Автор анализирует существующие нормы и законы и предлагает рекомендации по совершенствованию правового регулирования для обеспечения безопасной и эффективной работы в цифровом пространстве. Формулируется вывод о том, что законодательство в сфере защиты авторских прав сегодня должно быть более адаптивным и гибким, так как нормативное регулирование должно в полной мере учитывать изменения объективной действительности.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровая среда, защита данных, интеллектуальная собственность, ответственность за контент, цифровые платформы, криптовалюты, нормативные акты.

Введение

В последние десятилетия стремительное развитие цифровых технологий значительно изменило облик общества и экономики. Появление новых форм коммуникации, электронной торговли и цифровых финансов создало не только возможности, но и серьезные вызовы для правовой системы. Правовое регулирование в цифровой среде стало актуальной темой для исследователей, законодателей и практиков, ведь оно должно обеспечивать защиту прав и свобод граждан, предотвращать мошенничество и киберпреступность, а также способствовать инновациям. В данной статье мы рассмотрим текущее состояние правового регулирования в цифровой среде, выявим основные проблемы и предложения по их решению.

Основная часть

С развитием цифровой среды и ростом объемов данных, обрабатываемых онлайн, правовое регулирование в этой сфере становится все более актуальным вопросом. Текущие правовые нормы, регулирующие деятельность в интернете и область цифровых технологий, направлены на защиту прав и свобод человека, а также на обеспечение безопасности и стабильности в цифровом пространстве.

Основные направления регулирования охватывают защиту персональных данных, авторские права, борьбу с киберпреступностью и регулирование коммерческой деятельности в интернете. Во многих странах приняты ограничения на обработку и передачу личных данных без согласия пользователей. Примером может служить Общий регламент по защите данных (GDPR) в Европейском Союзе, который устанавливает строгие требования к обработке персональных данных и предусматривает значительные штрафы за их нарушение.

В области авторских прав в цифровой среде действуют нормы, защищающие права создателей контента, при этом они также адаптируются к технологическому развитию и меняющимся способам распространения произведений. Нормативное регулирование направлено на борьбу с нарушениями авторских прав в интернете, включая пиратство и нелегальное распространение контента [10].

На современном этапе развития на территории нашей страны широкая совокупность общественных отношений, направленных на использование и на первоначальное создание произведений искусства, литературы и науки, к которым, в том числе, относятся и аудиовизуальные произведения,

урегулированы достаточно большим количеством нормативных правовых актов. Особое место среди всех данных нормативных правовых актов занимает Конституция РФ, которая выступает в качестве акта, который имеет высшую юридическую силу на территории нашей страны [1]. Однако в качестве ключевого источника для регламентации данных общественных отношений будут выступать акты гражданского законодательства, которые включают в себя ГК РФ и некоторые иные нормативные акты, которые были приняты в соответствии с положениями ГК РФ [2]. Более того, одновременно с положениями гражданского законодательства, некоторые положения данной сферы содержатся в административном, процессуальном, а также уголовном законодательстве нашей страны.

Борьба с киберпреступностью включает в себя меры по предотвращению мошенничества, взлома, распространения вредоносных программ и других видов незаконной деятельности. Государства устанавливают законы, направленные на защиту информационной безопасности, в том числе требования к шифрованию данных и защите конфиденциальной информации.

Регулирование коммерческой деятельности в интернете направлено на обеспечение правил честной конкуренции, защиты прав потребителей и создания равных условий для всех участников рынка. Это включает в себя нормы, регулирующие онлайн-рекламу, электронную торговлю, проведение электронных аукционов и т.д.

Применение данных норм требует активных действий как от государственных органов, так и от бизнеса и частных лиц. Соблюдение требований правового регулирования во многом зависит от осведомленности пользователей и предприятий о своих правах и обязанностях в цифровой среде.

Сложность регулирования цифровой среды заключается в стремительном развитии технологий и появлении новых сфер их применения, что требует постоянного обновления правовых норм и адаптации к меняющимся условиям. Правовые структуры стремятся к международной гармонизации норм, что способствует сотрудничеству стран в борьбе с киберпреступностью и защите прав в цифровой среде, однако различия в законодательствах разных стран все еще существуют, что создает дополнительные сложности в интернет-пространстве [6].

Таким образом, текущие правовые нормы и их применение в цифровой среде представляют собой сложную и быстро меняющуюся систему, адаптирующуюся к постоянно развивающимся технологиям и обеспечивающую защиту прав и интересов всех участников цифрового мира.

В качестве аудиовизуального произведения выступает то произведение, которое включает в себя зафиксированную серию изображений, которые тесно связаны между собой, как со звуком, так и без такового, которое на практике предназначено в целях слухового и зрительного восприятия, что становится возможным с применением

различного рода технических устройств. Стоит отметить, что данные произведения также включают в себя и произведения кинематографии, равно как все произведения, выраженные средствами, которые аналогичны кинематографическим произведениям, вне зависимости от способа, с помощью которого они будут зафиксированы впоследствии. Например, это видеофильмы [8].

В качестве авторов аудиовизуального произведения признают автора сценария, режиссера-постановщика, композитора, который выступает в роли автора музыкального сопровождения к произведению, если оно было создано специально для данных целей, а также художника-постановщика, что весьма характерно для анимационного фильма (мультипликационного фильма).

Известно, что в настоящее время цифровая среда весьма существенно изменила процесс, направленный на создание, равно как и на дальнейшее распространение различных аудиовизуальных произведений. Более того, на фоне появления широкой совокупности цифровых технологий, упростился и доступ субъектов к средствам для создания определенного контента. На этом фоне, появились различные возможности для реализации своих идей многими авторами и профессиональными создателями, так как теперь они могут внедрять инновации в создание данных произведений, быть более гибкими и адаптивными. Очевидно, что именно на фоне развития цифровой среды появились принципиально новые горизонты для экспериментальной деятельности, в том числе, для экспериментов с содержанием и формой. Как следствие, на фоне данной экспериментальной деятельности произведения становятся не только более многообразными, но и более доступными, что также можно оценить исключительно с положительной точки зрения. В то же время, все данные изменения будут формировать и принципиально новые вызовы, стоящие перед защитой авторских прав, так как законодательство в этой сфере также должно становиться более адаптивным и гибким [5].

В настоящее время, цифровая среда оказывает весьма существенное влияние на основные аспекты всей нашей жизни, включая процесс, который направлен на создание различного рода аудиовизуальных произведений. Действительно, все технологии развиваются сегодня весьма стремительно, а художники, музыканты и кинематографисты получили ряд возможностей для того, чтобы реализовать свои творческие замыслы новым инструментарием. Полагаем, что во многом это порождает формирование и инновационных форм и жанров, которые ранее не могли быть созданы на фоне того, что всех цифровых технологий ранее просто не существовало.

Одновременно с этим, цифровая среда оказывает влияние также и на процесс, направленный не только на первоначальное создание аудиовизуальных произведений, но и на то, каким образом они будут распространяться и восприниматься

зрителем. Так, различные платформы, на которые можно выложить видео, социальные сети, площадки для ведения прямых эфиров стали сегодня обязательным структурным элементом в культурной жизни нашей страны, однако именно они изменили те пути и механизмы, которые существовали ранее для опубликования автором своего контента. Изменились и способы взаимодействия со зрителем, так как сегодня они могут оставлять комментарии и реакции, чего ранее в стране и в мире не существовало. Очевидно, что все это открыло перед создателями творческих произведений принципиально новые возможности для того, чтобы проводить творческие эксперименты общаться с аудиторией, однако сформировались и новые вызовы, причем не только у авторов, но и у законодателей.

Представляется вполне естественным, что в настоящее время как звукооператоры, так режиссеры и продюсеры, активно применяют в своей текущей деятельности различного рода цифровые технологии. Указанные технологии применимы на каждой стадии создания произведения. Это не только более удобно, но и позволяет минимизировать затраты на создание того или иного творческого продукта.

Кроме того, известно, что различного рода цифровые инструменты во многом направлены на то, чтобы обеспечить гибкость авторов и создателей в сфере коррекции цвета и включения различного рода спецэффектов. Кроме того, все полученные результаты автор может оценивать мгновенно. Все платформы и социальные сети, в которых произведения распространяются, также предоставляют авторам возможности для монетизации, как следствие, авторы также получают дополнительные бонусы, а сам процесс по созданию произведения и его презентации становится более демократичным и легким. Можно констатировать, что цифровая среда на современном этапе развития не только кардинально изменила способы для создания произведений, но и изменила сам подход для восприятия и оценки таковых.

На этом фоне, как уже неоднократно подчеркивалось ранее, цифровые технологии актуализировали вопросы защиты интеллектуальной собственности. Во многом это обусловлено тем, что авторские права сегодня нарушать намного проще, в связи с чем, авторы вынуждены искать все новые и более эффективные способы для защиты. Например, весьма широкое распространение сегодня получило пиратство, так как именно оно выступает в роли того барьера, который препятствует эффективной защите авторских прав, так как незаконное копирование в сети «Интернет» и продажа данных копий редкостью сегодня не являются [4].

Для защиты авторских прав сегодня активно применяют искусственный интеллект и блокчейн, однако совершенными эти механизмы не являются, более того, они порождают различного рода спорные моменты.

В качестве ключевой проблемы в указанной сфере сегодня выступает объективная необходи-

мость в том, чтобы максимально быстро адаптировать существующие правила и нормы к динамичной цифровой среде. Очевидно, что на фоне развития форматов для создания и распространения контента, развиваются и способы, направленные на незаконное использование такового. Как следствие, перед законодателем стоит задача как в области охраны авторских прав, так и в сфере предоставления им творческой свободы и развития, соблюдения баланса между двумя данными сферами.

Как было установлено ранее, на фоне достаточно легкого доступа лиц к различного рода цифровым технологиям, они активно распространяются и незаконно копируются. Очевидно, что такие действия весьма существенно уменьшают доходы от контента их создателей, а также нарушают авторские права. Также сегодня существует и проблема, которую можно именовать как «цифровое исчезновение» произведения, а сутью данной проблемы в том, что контент становится недоступным по техническим причинам или просто удаляется из просторов сети. На этом фоне, в качестве необходимости на современном этапе развития выступает разработка принципиально новых подходов, которые направлены на защиту авторских прав. В частности, к их числу относится блокчейн и усовершенствованные системы управления цифровыми правами (DRM). Полагаем, что именно данные технологии во многом направлены на обеспечение оптимального баланса между зрителем, желающим получить контент и автором, авторские права которого должны быть в полной мере защищены.

В рамках публичного исполнения или сообщения в эфир и по кабелю, включая ретрансляцию, аудиовизуального произведения, авторы музыкального произведения, которое в нем используется, будут иметь право на получение вознаграждения за то, что их музыкальное произведение было использовано [9]. Авторские права изготовителя аудиовизуального произведения, а именно, того лица, которое данное произведение создало, в частности, к такому лицу относят продюсера, урегулированы сегодня в ст. 1240 ГК РФ. Так, в соответствии с этой нормой, изготовитель произведения обладает исключительным правом на данное произведение в целом, если иное не указано в договоре, который был заключен им с авторами.

Каждый из авторов произведения из тех произведений, которые стали структурным элементом аудиовизуального произведения, причем ранее существующего, так и созданного в рамках работы над ним, будет сохранять исключительное право именно на свое произведение. Однако исключением в этом аспекте будут выступать случаи, когда исключительное право передано другим лицам, например, изготовителю или же перешло к ним по другим основаниям, прямо предусмотренным законодательством.

Аудиовизуальные произведения, которые были созданы и затем распространены в рамках циф-

ровой среды, обладают характерными только для них особенностями, что актуализирует и вопросы авторского права. Эти произведения включают в себя различные презентации, видеоигры или же фильмы, которые содержат различные мультимедийные элементы. Полагаем, что осознание того, что именно выступает в качестве объектов авторского права в рамках аудиовизуальных произведений, обладает значимостью для целей максимально эффективной защиты и управления авторскими правами в век развития цифровых технологий.

Аудиовизуальные произведения находятся под охраной авторского права только в той ситуации, если они получили закрепление в определенной материальной форме. В рамках цифровой среды это будет означать то, что даже простой цифровой файл может выступать в роли объекта авторского права при том условии, что допускается его воспроизведение в рамках материального мира. Полагаем, что для авторов это представляет весьма широкую совокупность возможностей для контроля над тем, как их работы используются, включая адаптацию, публичный показ или копирование. Как было отмечено ранее, в онлайн-режиме данные произведения зачастую распространяются нелегально, что нарушает авторские права. Защитой может стать использование цифровых водяных знаков и блокчейн, так как они позволяют отслеживать распространение и копирование произведений, в том числе, в сети «Интернет» [7].

Планомерное упрощение доступа к получению контента, равно как и постепенно усиление глобализации рынков, от законодателя также требует определенной адаптации, в частности, адаптации подлежат правила и нормы законодательства, которые бы учитывали современные реалии.

В сфере права, применяемого к цифровой среде, складывается уникальная ситуация, когда развитие технологий опережает возможности законодателя предусмотреть механизмы правового регулирования. В результате перед законодательными и исполнительными органами стоят сложные задачи адаптации существующих и создания новых нормативных актов, отвечающих быстро меняющимся условиям цифрового мира. Это порождает ряд проблем, решение которых позволит эффективнее регулировать отношения не только в сети «Интернет», но и в области использования всех новых технологий, к числу которых относятся и такие технологии, как блокчейн, искусственный интеллект или большие данные.

Проблемные аспекты в сфере нормативной регламентации цифровой среды включают в себя широкую совокупность аспектов, так как включают в себя не только авторские права, но и права потребителей, вопросы по защите персональных данных, киберпреступность и иные. Нормативная база многих стран еще только начинает адаптироваться к реалиям цифровизации, что приводит к юридической неопределенности для пользователей и предприятий, работающих в цифровой среде.

В области авторского права встает вопрос об адекватности существующих традиционных норм при регулировании отношений в области создания, использования и распространения цифрового контента. Интернет облегчает незаконное распространение авторских произведений, что требует от законодателя разработки новых подходов к защите прав авторов.

Следующим значительным аспектом является потребительское право. С развитием электронной коммерции и услугами на основе искусственного интеллекта возникает необходимость в новых методах защиты прав потребителей, обеспечивающих прозрачность и справедливость сделок, защиту от мошенничества и некачественных услуг.

По мере того как цифровая экономика становится все более важной частью мировой экономики, встает вопрос о развитии международного правового регулирования в сфере цифровых технологий. Формирование унифицированных правил и стандартов также будет активно содействовать тому, что цифровая экономика будет активно расти, однако для достижения данной цели объективной необходимостью является взаимопонимание, равно как согласованность между всеми субъектами авторского права и между всеми государствами в мировом пространстве [3].

Полагаем, что перспективные направления развития действующего законодательства в рамках цифровой среды непосредственно связаны с необходимостью адаптировать законодательство к новым реалиям. Это предполагает усиление международного сотрудничества, разработку унифицированных стандартов и норм, обеспечивающих сбалансированное развитие цифровой экономики, защиту прав и свобод граждан, а также учет интересов всех участников цифрового рынка. Ключевым аспектом является создание гибких нормативных рамок, способных адаптироваться к быстрому развитию технологий и изменяющимся условиям их использования.

Совершенствование

Современные правовые системы сталкиваются с множеством трудностей при попытке адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифровой среды. Необходимость в гармонизации законодательства на международном уровне, учитывающего специфику цифровых технологий, является одной из ключевых задач. Важно внедрение принципов прозрачности и подотчетности в работу цифровых платформ, а также защита данных пользователей через современные механизмы контроля и ответственности. Эффективное правовое регулирование должно учитывать баланс между защитой прав граждан и поощрением инноваций.

Для достижения этих целей требуется активное сотрудничество между государственными органами, бизнесом и обществом, а также развитие программ обучения и повышения правовой грамотности среди населения.

Заключение

В заключение, правовое регулирование в цифровой среде остаётся одной из самых динамично развивающихся областей права, требующей постоянного внимания и адаптации к новым реалиям. Эффективное правовое регулирование должно не только защищать интересы граждан, но и создавать условия для роста и развития цифровой экономики. В будущем важно продолжать исследовать и обсуждать возникающие правовые вызовы, а также внедрять инновационные подходы к регулированию, которые позволят обществу успешно адаптироваться к цифровым изменениям и максимально использовать их потенциал.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.10.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.10.2024).
3. Агаджанян, А. Понятие и признаки аудиовизуального произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2011. № 8. С. 69–76.
4. Близнац, И.А., Бузова, Н.В., Леонтьев, К.Б., Подшибихин, Л.И. Постатейный комментарий к Международной (Римской) конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций / Под ред. И.А. Близнаца // М.: Интеллектуальная собственность. «Документы. Комментарии. Консультации». Приложение № 2 (6), 2005.
5. Близнац, И.А., Гаврилов, Э.П., Добрынин, О.В. и др. Право интеллектуальной собственности: учебник. / Под ред. И.А. Близнаца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2022. 896с.
6. Бузова, Н.В. Международная охрана аудиовизуальных исполнений: проблемы и решения // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 2 (28), 2020. С. 65–74.
7. Близнац, И.А., Бузова, Н.В., Леонтьев, К.Б., Подшибихин, Л.И. Постатейный комментарий к Договору ВОИС по авторскому праву / Под ред. И.А. Близнаца, 2-е изд. М.: Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, № 11, 2020.
8. Гаврилов, Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М., 1984. С. 83.

9. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей / Исслед. центр частного права. М., 2003. СС. 146–147.
10. Карцхия, А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1(26). С. 36–40.

DEVELOPMENT OF A REGULATORY SYSTEM FOR THE INSTITUTION OF COPYRIGHT PROTECTION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Sosorin K.D.

Russian University of Cooperation

The article examines the current state of legal regulation in the digital environment through the prism of the challenges and opportunities that are directly related to the rapid development of digital technologies. It is noted that against the background of the development of digital tools, not only new opportunities have appeared for authors of works in terms of creating and further distributing content, but also in the area of copyright infringement, since new technologies facilitate the process of illegal copying and distributing works protected by copyright. The author analyzes existing norms and laws and offers recommendations for improving legal regulation to ensure safe and efficient work in the digital space. The conclusion is formulated that legislation in the field of copyright protection today should be more adaptive and flexible, since regulatory regulation should fully take into account changes in objective reality.

Keywords: legal regulation, digital environment, data protection, intellectual property, responsibility for content, digital platforms, cryptocurrencies, regulations.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 01.10.2024).
2. Civil Code of the Russian Federation dated 30.11.1994 No. 51-F3 SPS «Consultant-Plus» [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 01.10.2024).
3. Agadzhanyan, A. Concept and features of an audiovisual work // Intellectual property. Copyright and related rights. 2011. No. 8. Pp. 69–76.
4. Bliznets, I.A., Buzova, N.V., Leontiev, K.B., Podshibikhin, L.I. Article-by-article commentary to the International (Rome) Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations / Ed. I.A. Bliznets // Moscow: Intellectual property. «Documents. Comments. Consultations». Appendix No. 2 (6), 2005.
5. Bliznets, I.A., Gavrillov, E.P., Dobrynin, O.V. et al. Intellectual Property Law: textbook. / Ed. I.A. Bliznets. 2nd ed., revised. and add. M.: «Prospect», 2022. 896 p.
6. Buzova, N.V. International Protection of Audiovisual Performances: Problems and Solutions // Journal of the Intellectual Property Court, No. 2 (28), 2020. Pp. 65–74.
7. Bliznets, I.A., Buzova, N.V., Leontyev, K.B., Podshibikhin, L.I. Article-by-Article Commentary to the WIPO Copyright Treaty / Ed. I.A. Bliznets, 2nd ed. M.: Intellectual Property. Copyright and Related Rights, No. 11, 2020.
8. Gavrillov, E.P. Soviet Copyright. Basic Provisions. Development Trends. M., 1984. P. 83.
9. Dozortsev, V.A. Intellectual Property Rights: Concept. System. Codification Tasks: Collection of Articles / Research Center for Private Law. Moscow, 2003. pp. 146–147.
10. Kartkhia, A.A. Digitalization in Law and Law Enforcement // Monitoring of Law Enforcement. 2020. No. 1 (26). pp. 36–40.

Стоянов Никита Александрович,

магистрант, кафедра страхования и экономики социальной сферы, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: stoianoff.nikita@gmail.com

В статье представлены основные тенденции развития отечественной системы саморегулирования в страховой отрасли. Обозначены основные модели построения систем саморегулирования. Описаны характерные черты российской модели; представлены некоторые нормативные правовые акты, регламентирующие механизмы саморегулирования страховщиков. Уже с начала 2000-х г. наблюдается тенденция к расширению спектра механизмов саморегулирования и степени его внедрения в общественных отношениях. Это позволяет сделать вывод об относительной либерализации отечественной модели регулирования общественных отношений в сфере страхования. Несмотря на расширение перечня механизмов саморегулирования, государство в любом случае оставит за собой «блокирующие» функции. Сделано предположение о создании саморегулируемых организаций по новым направлениям страховых услуг. Отмечается, что в будущем российский подход к саморегулированию будет неоднократно изменяться под влиянием интернационализации. Кроме того, сделан вывод о том, что важной тенденцией последних лет стала переориентация механизмов саморегулирования в сторону конечного потребителя страховых услуг.

Ключевые слова: страхование, саморегулирование, страховая компания, саморегулируемая компания, законодательное регулирование, сорегулирование.

Страховые компании играют важнейшую роль в мировой и национальной экономических системах. В данной связи весьма *актуальным* представляется рассмотрение основных принципов и правил, на основании которых функционирует страхование как финансовая подотрасль и совокупность институтов, систем, регуляторов и предпринимательских структур.

Институты страхового рынка представляют собой совокупность официальных ведомств и частных структур, норм, правил, обычаев делового оборота, функционирование которых обеспечивает достижение оптимальной координации поведения экономических субъектов – страховщиков, страхователей, организаций посреднической и деловой инфраструктуры [13, с. 168].

Анализ эволюции и текущего статуса страховых рынков позволяет выделить три условные **модели** их построения: (1) модель, для которой свойственно минимальное вмешательство государства и доминирование саморегулирования (такая модель характерна для страхового рынка США); (2) модель, в рамках которой наблюдается максимальная степень вмешательства государственных ведомств и, соответственно, минимальный объем саморегулирования (Европейский Союз); радикальный вариант данной модели функционирует в Китае, где государство осуществляет полный контроль за страховым рынком; (3) сбалансированная модель, основанная на балансе между государственным регулированием и саморегулированием (Япония) [5, с. 84].

Как очевидно, ключевым критерием для дифференциации вышеописанных моделей является степень внедрения в страховой рынок механизмов саморегулирования. Саморегулирование представляет собой самостоятельное регулирование экономическими субъектами рынков и процессов и невмешательство со стороны государства [2, с. 127]. С правовой точки зрения саморегулирование можно определить как форму правового регулирования, где самостоятельная деятельность «инициативных, заинтересованных субъектов направлена на регламентацию определенных общественных отношений посредством формирования индивидуально-властных предписаний и контроля за их исполнением» [2, с. 128]. Саморегулирование страховой деятельности представляет собой предусмотренное законодательством регулирование страхового рынка и его компонентов самими профессиональными участниками без вмешательства регулятора.

Индикаторами саморегулирования выступают следующие: (1) наличие в какой-либо отрасли

открытой, сложной саморазвивающейся системы с чёткими целями; (2) возможность принятия субъектами самостоятельных решений, основанных на потребностях, интересах, принципах права; (3) фиксация правил деятельности на локальном (не законодательном) уровне – т.н. «мягкое» право; (4) непротиворечие «мягкого права» и реальных действий саморегулирующихся субъектов положениям действующего законодательства [2, с. 128].

Возвращаясь к перечисленным выше моделям регулирования правоотношений, следует отметить, что в чистом виде саморегулирования как такового не существует. В данной связи многие исследователи склоняются к термину «сорегулирование». Речь идет о том, что даже в ситуации саморегулирования имеет место совместное участие государства и негосударственных субъектов в регламентации конкретной сферы общественных отношений. Кроме того, даже в «либеральных» моделях с максимальной степенью саморегулирования именно государство в лице законодателей первоначально формирует и утверждает акты о саморегулировании. Тем не менее, эти акты подразумевают различную степень полномочий и компетенций субъектов, что, собственно, и является основой для дифференциации моделей.

Отечественную модель регулирования страхового рынка можно считать умеренно жесткой. Для данной модели характерна достаточно детальная регламентация деятельности субъектов в страховой отрасли, контроль соблюдения законодательства при осуществлении финансовых операций. Основными источниками регулирования выступают законы и кодексы (в связи с чем данную модель зачастую именуют кодифицированной). Элементы данной модели можно встретить в системах регулирования страхования во Франции, Германии, Италии и др. европейских стран.

Страховой надзор реализуется мегарегулятором финансового рынка (его функцию в России выполняет центральный банк). Основными формами регулирования страхового рынка в жестких и умеренно жестких моделях выступают следующие: централизованное утверждение структуры, величины и интервальных коэффициентов изменения страховых тарифов; утверждение типовых форм договоров страхования; надзор за текущими страховыми, инвестиционными и финансовыми операциями; проверки страховых организаций [1, с. 125]. Тем не менее, несмотря на централизованное, законодательное регулирование отношений, возникающих в рамках моделей жесткого типа, элементы саморегулирования в них все же имеются.

Рассмотрим основные тенденции, наблюдаемые на сегодняшний день в сфере саморегулирования в контексте функционирования компаний страховой отрасли. Основным нормативным правовым актом, фиксирующим принципы саморегулирования в области страхования, выступает Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [10]. Поло-

жения Закона дают возможность страховщикам или их объединениям устанавливать правила ведения деятельности и выработать отраслевые стандарты. При этом, подобные правила и стандарты не просто дублируют или уточняют положения законодательства – они могут отличаться от них – в чем, собственно, и заключается сущность саморегулирования [2, с. 128]. Законодательство определяет минимальные требования к деятельности субъектов на страховом рынке, тогда как саморегулируемая организация вырабатывает приемлемые формы их применения.

Потребность страхового рынка России во введении механизмов саморегулирования была обусловлена **недостаточностью темпов и качества механизмов государственного надзора по сравнению с темпами роста страхового рынка и ассортимента страховых услуг**. Разрастание страхового рынка, произошедшее в России в течение 2000-х гг., привело к появлению недобросовестных участников и учащению «серых» практик оказания страховых услуг. Саморегулирование на данном этапе позволило создать определенные профессиональные барьеры, повысить уровень доверия страхователей и, таким образом, сохранить темпы роста объемов продаж страховых услуг.

Законодательный массив, регламентирующий саморегулирование в страховой отрасли, был расширен в 2015 г., при утверждении Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка ...» [11]. Закон зафиксировал процедуру получения статуса саморегулируемой организации в финансовой отрасли, включая страхование, указал требования к органам управления саморегулируемой структуры, стандартам ее деятельности. Закон стал важным этапом в развитии саморегулирования в стране и, можно сказать, обозначил **тенденцию к расширению спектра механизмов саморегулирования и степень его внедрения в общественные отношения**. Так, в частности, Закон обязывает финансовые организации вступать в состав саморегулируемых организаций [9]. Статус саморегулируемой организации может быть присвоен некоммерческой организации, учрежденной в форме ассоциации (союза).

6 декабря 2016 г., в связи с изменениями в законодательном массиве, Банком России была зарегистрирована саморегулирующаяся организация Всероссийского союза страховщиков, включавшего на тот момент 153 страховые компании (более половины от их общего количества). В последующем число страховщиков, входящих в состав Союза, постоянно растет.

Саморегулируемые организации также объединили и многие другие отраслевые компании, занятые конкретной подотраслью страхования (речь идет, к примеру, о Российском союзе автостраховщиков [4, с. 19], Национальном союзе страховщиков ответственности, Национальном союзе агро-страховщиков) [7, с. 120]. В дальнейшем тенденция к созданию объединений страховщиков не по тер-

риториальному, а по профессиональному признаку продолжилась. Можно также сделать предположение о том, что в будущем, по мере возникновения новых видов страхования (киберстрахование, экологическое страхование, страхование цифровых активов, шеринг-страхование – страхование пользователей платформ совместного пользования и проч.) **можно прогнозировать создание саморегулируемых организаций и по новым направлениям страховых услуг.**

Все вышеприведённое позволяет сделать предположение о наличии **тенденции к смещению баланса между государственным и негосударственным регулированием в пользу последнего.** Возможно, увеличение степени внедрения механизмов саморегулирования в работу страховых компаний в будущем будет считаться предпосылкой для **либерализации отечественной модели регулирования общественных отношений.**

Несмотря на то, что саморегулирование едва ли можно считать новацией российского страхового рынка, далеко не все его проблемы удалось решить в течение последнего десятилетия. Так, современные исследователи говорят о наличии таких рисков и трудностей, как отсутствие адекватной государственной поддержки; недостаточный контроль уровня профессионализма сотрудников страховых организаций и посредников, вариативность качества оказываемых страховых услуг; недостаточное число стимулов для страховщиков к участию в обеспечении защиты интересов потребителей страховых услуг; недостаточная эффективность регулирования капитала в страховом секторе и проч. [1, с. 126].

На сегодняшний день развитие страховой отрасли в нашей стране осложняется замедлением темпов экономического роста и соответствующей рецессией в развитии страхования, обесцениванием национальной валюты, санкциями [3]. Улучшение инфраструктуры посредством развития механизмов саморегулирования и стимулирования деятельности профессиональных союзов и ассоциаций страховщиков позволит, по крайней мере, частично нейтрализовать вышеперечисленные риски.

Рассмотрим и другие тенденции, наблюдаемые на сегодняшний день в сфере саморегулирования в контексте функционирования компаний страховой отрасли. Можно сказать, что в целом Россия следует общемировой тенденции по **сближению двух типов регулирования (законодательно-го и самостоятельного)**, по формированию промежуточных форм, по установлению взаимосвязи между государственным и негосударственным секторами. Парадоксально, но повышение эффективности государственного регулирования напрямую зависит от степени эффективности саморегулирования. В данной связи **в будущем можно будет говорить об ощущимом сокращении прямых форм вмешательства и бюрократического администрирования, о децентрализации ряда функций.** Как показывает опыт развитых стран, развитие системы регулирования страховой отрас-

ли чаще всего реализуется посредством увеличения способов и повышения качества взаимодействия государственного и негосударственного инструментария регулирования [6, с. 57].

Несмотря на некоторые индикаторы либерализации текущей российской модели регулирования страхового рынка, едва ли следует предполагать, что в будущем мы придем к максимальной степени внедрения саморегулирования. Безусловно, **государство в любом случае оставит за собой «блокирующие» функции.** Как показывает зарубежный опыт, дерегулирование в страховом секторе может привести к весьма неприятным последствиям. Так, в качестве примера можно привести кризис медицинского страхования в США, где в 1980-х гг. произошел резкий скачок в сторону дерегулирования страховой отрасли, что привело к существенной коммерциализации сектора медицинского страхования. Увеличении стоимости страховых премий сделало медицинские услуги недоступными для значительной части населения. Специалисты наблюдали также учащение практики отказов в страховом покрытии, особенно для клиентов с хроническими заболеваниями; по статистическим данным, существенно ухудшилось качество услуг для застрахованных, так как страховщики стремились минимизировать издержки. Кризисную ситуацию был призван разрешить новый закон Affordable Care Act от 2010 г., но, как показывают события прошедшего десятилетия, негативные последствия саморегулирования медицинского страхования все еще ощущаются.

Следует признать, что вне зависимости от соотношения «долей» государственного регулирования, саморегулирования и сорегулирования, в приоритете всегда должна быть социальная (не только экономическая) эффективность страхования как отрасли [6, с. 63].

Говоря о новейших тенденциях в рассматриваемой нами прикладной области, можно отметить следующее. **Глобализация и повышение доли транснационального бизнеса и мобильности граждан определенным образом сказались на страховой отрасли.** Это, в свою очередь, вынуждает государства пересматривать свои подходы к регулированию деятельности страховых компаний. Так, в 2023 г. Банк России внедрил изменения в требования к базовым стандартам саморегулируемых организаций страховщиков и страховых брокеров. В новой редакции требования стали распространяться и на филиалы иностранных компаний – участников страхового рынка, которые могут создаваться нерезидентами на территории России.

Несмотря на то, что российский законодатель разрешает иностранным страховщикам создавать свои филиалы в России, в реальной практике таких случаев пока не было зафиксировано. Таким образом, речь идет об упреждающем характере новых положений. Безусловно, **в будущем российский подход к саморегулированию будет неоднократно изменяться под влиянием интернаци-**

онализации производственных, финансовых, кадровых ресурсов [12].

Важной тенденцией последних лет стала **переориентация механизмов саморегулирования в сторону конечного потребителя страховых услуг**. В 2019 г. вступили в силу Базовые стандарты защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей страховых услуг. Стандарты представили новые требования совершения страховыми организациями операций на финансовом рынке, контролировать исполнение которых должен «Всероссийский союз страховщиков» [14]. Стандарты детально регламентируют такие аспекты взаимодействия с потребителями, как оформление договора страхования, уплата страховой премии, возмещение причиненного вреда в натуре, сроки и процедура страховой выплаты и проч.

Переориентация страхового рынка и системы его саморегулирования в сторону потребителей очевидна и при рассмотрении санкций, накладываемых на страховщика в случае нарушения требований Базовых стандартов. Помимо денежных штрафов, предусмотрено исключение из саморегулируемой организации, что можно приравнять к уходу с рынка в принципе. Обеспечение прав потребителей страховых услуг Союз контролирует, в том числе, и посредством поведенческого контроля – выездных проверок, «тайного покупателя» и иных методов [8].

При этом гуманизация страхования вызвана отнюдь не альтруистическими устремлениями саморегулируемых организаций страховщиков – имеет место вполне рациональная причина повышения требований к качеству обслуживания потребителей. Речь идет о том, что на страховом рынке России **активно расширяется доля договоров по страхованию жизни**. Данный сегмент рынка показывает максимальный рост в сравнении с другими сегментами. При этом на рост показателей страхования жизни существенно влияет уровень доверия потребителей к страховщикам в целом. Таким образом, ужесточение требований к страховым компаниям со стороны саморегулируемых организаций в первую очередь обусловлено ожиданиями Союза по поводу дальнейшего развития услуг по страхованию жизни [8].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) Саморегулирование представляет собой самостоятельное регулирование экономическими субъектами рынков и процессов и невмешательство со стороны государства.
- 2) Анализ эволюции и текущего статуса страховых рынков позволяет выделить условные модели их построения: (1) модель, для которой свойственно доминирование саморегулирования; (2) модель, в рамках которой наблюдается максимальная степень вмешательства государственных ведомств и минимальный объем саморегулирования; (3) сбалансированная модель. Отечественную модель регулирования страхового рынка можно считать умерен-

но жесткой. Для данной модели характерна достаточно детальная регламентация деятельности субъектов в страховой отрасли, контроль соблюдения законодательства при осуществлении финансовых операций.

- 3) В сфере саморегулирования компаний страховой отрасли на сегодняшний день наблюдаются следующие тенденции: расширение спектра механизмов саморегулирования и степени его внедрения в общественных отношениях, создание саморегулируемых организаций по направлениям страховых услуг, сближение двух типов регулирования (законодательного и самостоятельного), сокращение прямых форм вмешательства и бюрократического администрирования, сохранение за государством «блокирующих» функций. Кроме того, отмечается повышение требований к страховщикам в области взаимодействия с потребителями страховых услуг. Намечается тенденция интернационализации саморегулирования страховой сферы.

Литература

1. Алиев, Б.Х. Государственное регулирование и контроль страховой деятельности в России и за рубежом / Б.Х. Алиев // МНИЖ. – 2020. – № 10–1 (100). – С. 123–127.
2. Архипова, Е.Ю. Теоретико-правовой анализ понятия и сущности саморегулирования / Е.Ю. Архипова // МНИЖ. – 2020. – № 5–2 (95). – С. 127–130.
3. Баркова, Д.Д. Современное состояние страхового рынка Российской Федерации и перспективы его развития / Д.Д. Баркова, О.А. Окорокова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11–1. – С. 98–101.
4. Васильев, А.О. Эволюция института саморегулирования в России / А.О. Васильев // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2022. – № S2.1 (33). – С. 16–22.
5. Землячева, О.А. Банки и страховые компании на рынке финансовых услуг / О.А. Землячева // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2020. – № 4 (53). – С. 80–86.
6. Насырова, Г.А. Регулирование и саморегулирование страховой деятельности / Г.А. Насырова // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2010. – № 4. – С. 56–63.
7. Одинокова, Т.Д. Корпоративное регулирование страхового рынка: обзор и анализ тенденций / Т.Д. Одинокова // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2017. – № 3 (59). – С. 118–125.
8. Рейтер, Т. СРО сыграт в тайного покупателя при проверке страховщиков / Т. Рейтер // Информационный портал «Всё о саморегулировании». – 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.all-sro.ru/news/sro-sigraet-v-tainogo-pokupatelya-pri-proverke->

strahovschikov_18454848/ (дата обращения: 20.11.2024).

9. Саморегулируемые организации на страховом рынке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/insurance/sro/> (дата обращения: 20.11.2024).
10. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 20.11.2024).
11. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 13.07.2015 N 223-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182662/ (дата обращения: 20.11.2024)
12. ЦБ изменил требования к базовым стандартам СРО страховщиков и страховых брокеров. // Интерфакс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/917104> (дата обращения: 20.11.2024).
13. Цыганов, А.А. Тенденции современного развития институтов страхового рынка России / А.А. Цыганов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – № 6. – С. 166–182.
14. Ширинова, Э. Потребителей страховых услуг защитит СРО страховщиков // Информационный портал «Всё о саморегулировании». – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.all-sro.ru/news/potrebitelei-strahovih-uslug-zaschitit-sro-strahovschikov_191190805/ (дата обращения: 20.11.2024).

MAIN TRENDS IN THE SPHERE OF SELF-REGULATION OF INSURANCE COMPANIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Stoyanov Nikita Aleksandrovich

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reviews the main trends in the development of the domestic self-regulation system in the insurance industry. The main models for constructing self-regulation systems are described. The characteristic features of the Russian model are described; some regulatory legal acts governing the mechanisms of self-regulation of insurers are presented. Since the early 2000s, there has been a tendency to expand the range of self-regulation mechanisms and the degree of its implementation in public relations. This allows us to conclude that the domestic model of regulating public relations in the insurance sector is relatively liberalized. Despite the expansion of the list of self-regulation mechanisms, the state will in any case retain its “blocking” functions. An assumption is made about the creation of self-regulatory organizations in new areas of insur-

ance services. It is noted that in the future, the Russian approach to self-regulation will repeatedly change under the influence of internationalization. In addition, a conclusion is made that an important trend in recent years has been the reorientation of self-regulation mechanisms towards the end consumer of insurance services.

Keywords: insurance, self-regulation, insurance company, self-regulatory company, legislative regulation, co-regulation

References

1. Aliyev, B. Kh. State regulation and control of insurance activities in Russia and abroad / B. Kh. Aliyev // MNIZH. – 2020. – No. 10–1 (100). – P. 123–127.
2. Arkhipova, E. Yu. Theoretical and legal analysis of the concept and essence of self-regulation / E. Yu. Arkhipova // MNIZH. – 2020. – No. 5–2 (95). – P. 127–130.
3. Barkova, D.D. Current state of the insurance market of the Russian Federation and prospects for its development / D.D. Barkova, O.A. Okorokova // Economy and business: theory and practice. – 2020. – No. 11–1. – P. 98–101.
4. Vasiliev, A.O. Evolution of the self-regulation institution in Russia / A.O. Vasiliev // Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2022. – No. S2.1 (33). – P. 16–22.
5. Zemlyacheva, O.A. Banks and insurance companies in the financial services market / O.A. Zemlyacheva // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – 2020. – No. 4 (53). – P. 80–86.
6. Nasyrova, G.A. Regulation and self-regulation of insurance activities / G.A. Nasyrova // Strategic decisions and risk management. – 2010. – No. 4. – P. 56–63.
7. Odinkova, T.D. Corporate regulation of the insurance market: review and analysis of trends / T.D. Odinkova // Bulletin of the RSUE RINH. – 2017. – No. 3 (59). – P. 118–125.
8. Reiter, T. SRO will play a mystery shopper when checking insurers / T. Reiter // Information portal “All about self-regulation”. – 2018. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.all-sro.ru/news/sro-sigraet-v-tainogo-pokupatelya-pri-proverke-strahovschikov_18454848/ (date of access: 20.11.2024).
9. Self-regulatory organizations in the insurance market. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cbr.ru/insurance/sro/> (date of access: 20.11.2024).
10. Federal Law of December 1, 2007 No. 315-FZ “On Self-Regulatory Organizations” // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (date of access: 20.11.2024).
11. Federal Law “On Self-Regulatory Organizations in the Financial Market” dated July 13, 2015 N 223-FZ // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182662/ (date of access: 20.11.2024)
12. The Central Bank changed the requirements for the basic standards of SROs of insurers and insurance brokers. // Interfax. – 2023. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.interfax.ru/russia/917104> (date of access: 20.11.2024).
13. Tsyganov, A.A. Trends in the modern development of institutions of the insurance market of Russia / A.A. Tsyganov // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. – 2022. – No. 6. – P. 166–182.
14. Shirinova, E. Consumers of insurance services will be protected by SROs of insurers // Information portal “All about self-regulation”. – 2019. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.all-sro.ru/news/potrebitelei-strahovih-uslug-zaschitit-sro-strahovschikov_191190805/ (date of access: 20.11.2024).

Формирование правового регулирования товарных цифровых платформ на цифровых рынках в Великобритании

Саяпин Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, младший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
E-mail: spsayarin@yandex.ru

Великобритания разрабатывает уникальный режим регулирования цифровых товарных платформ, после выхода из Европейского союза в 2020 году. В декабре 2020 года Управление по защите конкуренции и рынкам (СМА) предложило создать Отдел по цифровым рынкам (DMU) для мониторинга и защиты интересов потребителей на цифровых рынках. СМА рекомендовало ввести «стратегический рыночный статус» (SMS) для организаций с существенной рыночной властью, которые должны будут подчиняться определенным правилам, включая соблюдение Кодекса поведения, проактивные меры и контроль сделок. Параллельно с этим, в Великобритании разрабатывается налоговое регулирование для цифровых платформ. В июле 2022 года было опубликовано обобщение результатов консультаций по внедрению Типовых правил отчетности ОЭСР, которые требуют от платформ сообщать налоговым органам информацию о доходах поставщиков. Это вызвано сложностями в соблюдении налогового законодательства из-за использования цифровых платформ для недобросовестного уменьшения налогооблагаемых доходов. Сентябрь 2023 года ознаменовался публикацией проекта нормативных актов, которые будут действовать с 1 января 2024 года, а первые отчеты должны быть поданы к 31 января 2025 года. Эти новые правила призваны улучшить международное сотрудничество в области налогообложения и обеспечить доступ HMRC к данным цифровых платформ, находящихся за пределами Великобритании.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровые рынки, Великобритания, краудфандинг, товарные цифровые платформы, СМА, Competition and Markets Authority.

Действующие в настоящее время в Великобритании регуляторные меры свидетельствуют о разработке режима *sui generis* для регулирования деятельности *цифровых товарных платформ*. Великобритания, выйдя из состава Европейского союза в 2020 году, пошла по пути формирования собственного подхода к регулированию деятельности *цифровых товарных платформ*. Суть указанного подхода была подробно изложена в опубликованном отчете Управления по защите конкуренции и рынкам Великобритании (Competition and Markets Authority, СМА) в декабре 2020 г. [1].

Согласно тексту документа, СМА рекомендовало правительству Великобритании создать на базе СМА специальный Отдел по цифровым рынкам (Digital Markets Unit, DMU). Предполагалось, что DMU будет проводить мониторинг цифровых рынков, станет экспертным центром по цифровым рынкам будет обладать необходимыми полномочиями для «защиты интересов потребителей и граждан на цифровых рынках» в тесном сотрудничестве с другими британскими регуляторами – Государственным комитетом по телевидению, радиовещанию и почтовой связи (Office of Communications, OFCOM) и Управлением Комиссара по информации (Information Commissioner's Office, ICO).

Помимо создания Отдела по цифровым рынкам, СМА рекомендовало также ввести на цифровых рынках режим т.н. «стратегического рыночного статуса (*сокр.* – SMS)». Организации-оператору цифровой платформы присваивается «стратегический рыночный статус» если данная организация обладает «существенной рыночной властью, по крайней мере, в одной сфере деятельности в сети «Интернет», что обеспечивает ей стратегически сильное положение в данной области». Для обладания указанным статусом предполагалось, что организация должна пройти специальный «SMS-тест», т.е. должна соответствовать определенным критериям: по доходам; по осуществляемым видам деятельности; по объемам охвата аудитории (т.е. соотношению числа пользователей цифровой платформы к общей численности населения Великобритании) и др. При этом, перечень критериев является открытым. В некотором смысле «стратегической рыночный статус» в Великобритании очень близок по смыслу к статусу «посредника», который реализован в Европейском союзе, и о котором мы подробно говорили ранее.

Организация, которой присвоен статус SMS, обязана подчиняться трем правилам режима «стратегического рыночного статуса»:

- соблюдать правила «Кодекса поведения». Предполагается, что Кодекс поведения предоставит пользователям больше контроля над их данными, право и возможность самим решать, показывать ли им персонализированную рекламу во время чтения ими новостей или потребления иного интересующего их контента. Для обеспечения соблюдения требований Кодекса поведения предполагается, что DMU получит право блокировать и даже отменять решения, принимаемые крупными технологическими компаниями-организациями SMS. DMU также должно получить полномочия по наложению штрафа на организации SMS-операторы цифровых платформ, которые не выполняют требования Кодекса поведения. Издатели приобретут возможность получать справедливую и разумную компенсацию за использование их контента организациями SMS – операторами цифровых платформ. В соответствии с правилами Кодекса поведения организации со стратегическим рыночным статусом будут обязаны не дискриминировать издателей при отборе и предоставлении (показе) потребителям новостных и иных материалов, разделяя издателей на крупных и малых. Кодекс поведения по замыслу авторов будет иметь множество иных правил, которые будут направлены на развитие конкуренции на цифровых рынках и снижении влияния цифровых платформ на конъюнктуру цифрового рынка;
- обеспечивать проактивные меры: предоставлять доступ к данным и др.;
- соблюдать правила слияния с другими организациями со статусом SMS, чтобы обеспечить более тщательный контроль сделок с участием организаций со статусом SMS, учитывая особые риски и потенциальный вред для потребителей, возникающий в результате таких сделок. Режим SMS является по своей сути режимом ex-ante, т.е. направлен на упреждение причинения вреда.

Разработка и введение в действие Кодекса поведения планировалось Правительством Великобритании и рабочей группой с конца 2021 – в начале 2022 года, однако, как отмечается в последнем опубликованном в 2023 году отчете CMA [2] до настоящего времени правила так и не были приняты, ни одна из организаций не приобрела статус SMS. Кодекс поведения находится в разработке, в настоящее время не все его правила согласованы и приняты рабочей группой единогласно. Как только это произойдет, и Кодекс поведения будет принят и опубликован, DMU должен будет начать работу по оценке действий организаций-операторов цифровых платформ при осуществлении их деятельности на цифровых рынках на соответствие правилам Кодекса поведения и, в каждом конкретном случае, решать вопрос о присвоении им «стратегического рыночного статуса».

Параллельно с разработкой общего правового регулирования цифровых платформ, в Велико-

британии активно разрабатывается подход к налоговому регулированию деятельности операторов цифровых платформ. Так, в июле 2022 г. Правительство Великобритании опубликовало документ, обобщающий итоги общественных консультаций по внедрению Типовых правил отчетности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для цифровых платформ, в соответствии с которыми вводится требование о том, что цифровым платформам необходимо сообщать налоговому органу Великобритании (Управление по налоговым и таможенным сборам Великобритании (HMRC) подробную информацию о доходах поставщиков товаров и услуг на своей платформе.

Консультации проводились в период с 30 июля 2021 года по 22 октября 2021 года. В общей сложности было получено 28 письменных ответов от операторов цифровых платформ, консультантов, представительных органов и поставщиков товаров и услуг. Большинство респондентов поддержали предложения, изложенные в консультационном документе, хотя по некоторым конкретным вопросам их мнения разделились.

Как отмечается в документе по итогам консультаций [3] стремительное развитие цифровой экономики и появление цифровых платформ создало трудности с соблюдением требований налогового законодательства в государствах-членах ЕС (и не только). Те возможности, которые несут цифровые платформы, зачастую, используются поставщиками товаров и услуг недобросовестно – в целях занижения общего налогооблагаемого дохода. Нередко поставщики товаров и услуг вовсе не декларируют доход, полученный с использованием цифровых платформ.

У налоговых органов, в этом случае, есть только лишь один наиболее верный выход – обязать цифровые платформы в обязательном порядке сообщать информацию о доходах поставщиков товаров и услуг. Однако и здесь кроется существенная проблема, поскольку, цифровые платформы часто ведут свою деятельность за границей, эффективность работы налоговых органов в этом направлении существенно снижается. Надо сказать, что эта проблема присуща многим национальным юрисдикциям.

Поэтому ОЭСР разработала Типовые правила отчетности в отношении предоставления услуг («типовые правила») чтобы обеспечить стандартизированный способ сбора сведений о доходах физических лиц или компаний, продающих товары или предоставляющих услуги через свою платформу («поставщики товаров и услуг»), в налоговый орган, где платформа является резидентом. Затем эта информация будет отправлена в налоговый орган, резидентом которого является поставщик товара или услуги. Платформы также должны будут предоставить поставщикам товаров и услуг копию информации, которая поможет продавцу указать правильные суммы для целей налогообложения.

Такой подход позволяет юрисдикциям эффективно применять режим отчетности на междуна-

родном уровне и облегчает обмен информацией между такими юрисдикциями. Это также означает, что платформы, работающие в нескольких юрисдикциях, избегают выполнения ряда различных внутренних требований к отчетности.

В сентябре 2023 г. правительство Великобритании опубликовало проект нормативных актов для внедрения новых правил отчетности, а сами правила уже применяются с 1 января 2024 года, первые отчеты должны быть представлены в Управление по налоговым и таможенным сборам Великобритании к 31 января 2025 года.

Как предполагается, новые правила улучшат международное сотрудничество по обмену информацией для целей налогообложения. Они позволят HMRC Великобритании быстро и эффективно получать доступ к данным цифровых платформ, расположенных за пределами Великобритании, что должно способствовать соблюдению требований и повысить прозрачность транзакций. Правила также помогут налогоплательщикам правильно рассчитывать свои налоги и помогут HMRC выявлять и устранять недоимки.

Литература

1. A new pro-competition regime for digital markets Advice of the Digital Markets Taskforce. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5f-ce7567e90e07562f98286c/Digital_Taskforce_-_Advice.pdf (дата обращения: 25.11.2024)
2. Platforms and content providers, including news publishers Advice to DCMS on the application of a code of conduct, November 2021. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1073411/Platforms_publishers_advice._A.pdf (дата обращения: 25.11.2024 г.)
3. Consultation outcome. Reporting rules for digital platforms – consultation (Updated 20 July 2022). – URL: <https://www.gov-uk.translate.google/government/consultations/reporting-rules-for-digital->

[platforms/reporting-rules-for-digital-platforms-consultation?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=wapp](https://www.gov-uk.translate.google/government/consultations/reporting-rules-for-digital-platforms/reporting-rules-for-digital-platforms-consultation?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=wapp) (дата обращения: 25.11.2024 г.)

SHAPING THE LEGAL REGULATION OF COMMODITY DIGITAL PLATFORMS IN DIGITAL MARKETS IN THE UK

Sayapin S.P.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The UK is developing a unique regulatory regime for digital commodity platforms, following its exit from the European Union in 2020. In December 2020, the Competition and Markets Authority (CMA) proposed the creation of a Digital Markets Unit (DMU) to monitor and protect consumer interests in digital markets. The CMA recommended the introduction of a 'strategic market status' (SMS) for organisations with significant market power, which would be subject to certain rules including compliance with the Code of Conduct, proactive measures and transaction controls. In parallel, the UK is developing tax regulation for digital platforms. In July 2022, a summary of the consultation on the implementation of the OECD Model Reporting Rules was published, which requires platforms to report information on vendor revenues to the tax authorities. This is due to difficulties in tax compliance due to the use of digital platforms to unfairly reduce taxable income. September 2023 marked the publication of draft regulations that will be effective from 1 January 2024, with the first reports to be filed by 31 January 2025. These new rules are designed to improve international tax co-operation and ensure that HMRC has access to data from digital platforms outside the UK.

Keywords: digital platforms, digital markets, UK, crowdfunding, commodity digital platforms, CMA, Competition and Markets Authority.

References

1. A new pro-competition regime for digital markets Advice of the Digital Markets Taskforce. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5fce7567e90e07562f98286c/Digital_Taskforce_-_Advice.pdf (Access: 25.11.2024)
2. Platforms and content providers, including news publishers Advice to DCMS on the application of a code of conduct, November 2021. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1073411/Platforms_publishers_advice._A.pdf (Access: 25.11.2024 г.)
3. Consultation outcome. Reporting rules for digital platforms – consultation (Updated 20 July 2022). – URL: https://www.gov-uk.translate.google/government/consultations/reporting-rules-for-digital-platforms/reporting-rules-for-digital-platforms-consultation?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=wapp (Access: 25.11.2024 г.)

Развитие правового регулирования раскрытия информации корпорациями: аспекты выявления факторов транспарентности

Бояндина Валерия Вячеславовна,

студент, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: v.boyardina@g.nsu.ru

Сыровацкая Юлия Евгеньевна,

студент, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: syrovatskaya.ru@yandex.ru

Авторы ставят перед собой цель рассмотреть корпоративную прозрачность и выделить основные факторы, влияющие на раскрываемость информации организациями. В ходе исследования они опираются на методологическую основу, в качестве которой выступают формально-юридический и системный методы. Транспарентность – это один из факторов эффективного корпоративного управления. Благодаря открытости информации организация привлекает к себе инвесторов, партнёров и акционеров, повышая уровень конкурентоспособности. Это особенно важно в условиях современного рынка, где конкуренция между компаниями становится всё более острой. Исследователи предлагают различные факторы, которые влияют на уровень корпоративной прозрачности. Авторы делают вывод, что актуальность зарубежной доктрины подтверждается законодательством. Законодательство многих стран требует от компаний раскрытия определённого объёма информации. Это способствует повышению уровня доверия к компаниям со стороны инвесторов, партнёров и других заинтересованных сторон.

Ключевые слова: транспарентность, корпоративная прозрачность, информация, факторы, влияющие на раскрываемость информации, корпоративное право.

Для повышения конкурентоспособности российских компаний необходимо привлечение инвесторов, что позволит привлечь внешние источники финансирования. Увеличение объёма инвестиций в российские компании требует значительного улучшения корпоративного управления. Прозрачность бизнеса – один из главных факторов, влияющих на развитие корпоративного управления и переход на новый уровень инвестирования.

Прозрачность бизнеса или транспарентность можно определить как количество и качество намеренно передаваемой информации от корпорации обществу [1].

А.С. Маткова указывает, что раскрытие информации способствует повышению инвестиционной привлекательности организации, защите прав инвесторов от недобросовестного использования инсайдерской информации, выявлению недостатков в работе, улучшению системы корпоративного управления, повышению эффективности контроля государственных органов за деятельностью компаний и решению других задач [2].

Здесь вызывает удивление позиция ряда ученых-юристов, которые рассматривают требования о раскрытии информации как неоправданное бремя для акционерных обществ. Это подтверждают исследования, нацеленные на поиск возможных законных способов освобождения от обязанности по раскрытию информации [3].

При этом одним из ключевых аспектов эффективного корпоративного управления является обеспечение прозрачности в деятельности компаний. Информация должна быть существенной, чтобы обеспечить возможность инвесторам и другим заинтересованным лицам принимать решения и поддерживать связь со стейкхолдерами, которые влияют на работу корпорации. Открытость информации о компании позволяет инвесторам получать данные о корпоративном управлении, оценивать его качество и риски инвестирования.

Важно подчеркнуть, что отсутствие прозрачности в работе компании снижает уровень доверия к ней со стороны клиентов, акционеров, инвесторов, партнёров и государства. Это связано с тем, что предпринимательская деятельность связана с высокими рисками, поэтому участники рынка нуждаются в качественной и достоверной информации.

К факторам, которые непосредственно влияют на уровень транспарентности:

1. Уровень задолженности. Компании с более высоким уровнем задолженности, как правило, находятся под более тщательным вниманием кре-

диторов и имеют больше стимулов для раскрытия дополнительной информации о результатах управления [4].

Стоит отметить, что для предоставления возможности ознакомления с различными сведениями об организациях режим налоговой тайны в отношении ряда данных был целесообразно снят Федеральным законом от 1 мая 2016 года № 134-ФЗ «О внесении изменений в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Так, стали открытыми и подлежали размещению на официальном сайте ФНС России и на сервисе «Прозрачный бизнес» такие сведения как, например, суммы недоимки и задолженности по пеням и штрафам (по каждому налогу и сбору).

2. Возраст компании. Этот аспект может определять уровень корпоративной открытости, поскольку он связан с этапом развития и расширения компании. Обычно только начинающие свою деятельность предприятия предоставляют меньше информации по сравнению с более опытными компаниями. Это связано со следующими причинами: (1) повышенная прозрачность может повлиять на их конкурентное преимущество; (2) более опытным фирмам легче обрабатывать и раскрывать информацию; (3) относительная нехватка такой информации [5].

Организации, существующие более длительно, имеют устоявшуюся деловую репутацию, историю развития. Соответственно, скрывать такой фирме информацию о себе нет смысла. И напротив, молодая фирма, которая не имеет деловой репутации и, как правило, обладает минимальным количеством ресурсов, будет стремиться к тому, чтобы скрывать информацию.

3. Размер компании. Большинство исследований продемонстрировали, что величина компании положительно сказывается на уровне раскрытия корпоративной информации. Крупные компании обладают определенными особенностями, отличающими их от небольших, такими как более широкий ассортимент продукции, сложные каналы распределения и высокая потребность в привлечении капитала с финансовых рынков [6].

Данная позиция подтверждается также и российским законодательством. Ярким примером этому может служить пункт 1.1 статьи 92 Федерального закона «Об акционерных обществах», регламентирующей раскрытие информации непубличного общества, имеющего более 50 членов. У непубличного АО с численностью больше 50 акционеров появляется обязанность раскрывать годовой отчет общества, годовую бухгалтерскую отчетность.

4. Прибыльность. Более прибыльные компании более широко используют информацию для получения конкурентного преимущества, в то время как фирмы с низкой прибыльностью могут быть менее прозрачными [7].

Фирмы с низкой прибыльностью в силу небольшого запаса ресурсов и уставного капитала избегают опубликования информации, так как это является непривлекательной характеристикой для

контрагента, поскольку фирма может оказаться неплатежеспособной.

Таким образом, для фирм с низкой прибыльностью опубликование информации о себе является их недостатком, которые они пытаются скрыть, для прибыльных – это «достоинство», своеобразная реклама для привлечения контрагента.

5. Бизнес-сектор. Бизнес-сектор – это еще одна переменная, которая часто используется для учета объема информации, предоставляемой компаниями. Компании, работающие в более политически заметных секторах, имеют большие стимулы для добровольного раскрытия информации, чтобы минимизировать любые политические издержки [8].

К примеру, рынок ценных бумаг является важным сектором экономики, который активно контролируется государством, позволяет формировать справедливое ценообразование финансовых инструментов. Так, пунктом 2 статьи 92 Федерального Закона «Об акционерных обществах» установлено, что в случае публичного размещения обществом облигаций или иных ценных бумаг, включая непубличное общество, осуществляется обязательное опубликование информации.

6. Двойственность COB-CEO. Ситуация, при которой один человек в компании занимает позиции председателя совета директоров (COB) и руководителя фирмы (CEO) одновременно, называется двойственностью COB-CEO. Разделение этих должностей способствует повышению качества контроля и снижает риски, связанные с сокрытием информации [9].

Примером здесь может быть совмещение функций руководителя и генерального директора, когда это же лицо обладает значительным пакетом акций. Сосредоточение власти в одних руках приводит к уменьшению прозрачности и снижению качества предоставляемой информации.

7. Размер совета директоров. Количество членов совета директоров должно быть оптимальным. От размера данного органа зависит качество его работы. Чем больше совет, тем выше вероятность, что в него войдут опытные и квалифицированные специалисты, а это положительно влияет на прозрачность корпоративного управления. Многочисленные исследования подтверждают прямую зависимость между размером совета директоров и открытостью компании [10].

Данные факторы влияния были выделены в зарубежной доктрине, однако и в Российской Федерации они оказывают значительное влияние на транспарентность.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Проанализированные исследования имеют свою актуальность и значимость несмотря на то, что объектом их изучения являются зарубежные компании. Это проявляется в законодательном регулировании российских компаний, что подтверждают приведенные выше примеры из Федерального закона «Об акционерных обществах».

2. Наиболее основополагающими факторами, влияющими на транспарентность являются уровень задолженности, размер компании, а также бизнес-сектор, так как они закреплены и на законодательном уровне в Российской Федерации. Тем не менее, остальные факторы также играют немаловажную роль на практическом уровне.

Литература

1. Шнакенберг, Эндрю К.; Томлинсон, Эдвард К. Организационная прозрачность – Журнал менеджмента № 42 (7) – 2016 – с. 1784–1810.
2. Эппс и Цереола Отражают ли рейтинги корпоративного управления институциональных акционеров (ISS) операционную эффективность компании? – Критические перспективы бухгалтерского учета, 19–2008 – с. 1135–1148
3. Маткова А. С. О раскрытии информации акционерными обществами // «Законы России: опыт, анализ, практика» – 2007 – № 7.
4. Леванова Л.Н. Общее и особенное в раскрытии информации российскими корпорациями. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2017. – № 17 – С. 439–444.
5. Самаха, Дахави, Хуссайни и Стэплтон Степень раскрытия информации о корпоративном управлении и ее детерминанты на развивающемся рынке: случай Египта – Достижения в области бухгалтерского учета, включая достижения в области международного бухгалтерского учета, 28–2012 – с. 168–178
6. Хоссейн и Хаммами Добровольное раскрытие информации в годовых отчетах развивающейся страны: случай Катара – Достижения в области бухгалтерского учета, включая достижения в области международного бухгалтерского учета, 25–2009) – с. 255–265
7. Гальего Альварес Эффективность корпоративного управления и раскрытие информации в Интернете – Европейские исследования по управлению бизнесом и экономике, 15–2009 – с. 109–135
8. Апостолос и Константинос Добровольное раскрытие бухгалтерской информации и корпоративное управление: данные греческих листинговых фирм – Международный журнал бухгалтерского учета и финансов, 1–2009 – с. 395–414
9. Колет и Храски Добровольное раскрытие информации о практике корпоративного управления листинговыми австралийскими компаниями – Корпоративное управление: международный обзор, 13–2005 – с. 188–196
10. Лаксамана Корпоративное управление и добровольное раскрытие информации о практике вознаграждения руководителей – Совре-

менные исследования бухгалтерского учета, 25–2008 – с. 47–82

11. Хуссайни и Аль-Наджар. Ориентированная на будущее повествовательная отчетность: детерминанты и использование – Журнал прикладных бухгалтерских исследований, 12–2011) – с. 123–138.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION DISCLOSURE BY CORPORATIONS: ASPECTS OF IDENTIFYING TRANSPARENCY FACTORS

Boyandina V.V., Syrovatskaya Yu.E.
Novosibirsk State University

The authors aim to examine corporate transparency and identify the main factors influencing the disclosure of information by organizations. In the course of the study, they rely on a methodological basis, which is the formal-legal and systemic methods. Transparency is one of the factors of effective corporate governance. Due to the openness of information, an organization attracts investors, partners and shareholders, increasing the level of competitiveness. This is especially important in the conditions of the modern market, where competition between companies is becoming increasingly intense. Researchers offer various factors that affect the level of corporate transparency. The authors conclude that the relevance of the foreign doctrine is confirmed by legislation. The legislation of many countries requires companies to disclose a certain amount of information. This helps to increase the level of trust in companies on the part of investors, partners and other stakeholders.

Keywords: transparency, corporate transparency, information, factors affecting information disclosure, corporate law.

References

1. Schnackenberg, Andrew K.; Tomlinson, Edward K. Organizational Transparency – Journal of Management № 42 (7) – 2016 – pp. 1784–1810.
2. Epps and Cereola Do Institutional Shareholder (ISS) Corporate Governance Ratings Reflect Firm Operating Performance? – Critical Perspectives on Accounting, 19–2008 – pp. 1135–1148
3. Matkova A.S. On Information Disclosure by Joint-Stock Companies // “Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice” – 2007 – № 7.
4. Levanova L.N. General and Specific in Information Disclosure by Russian Corporations. Bulletin of Saratov University. New Series. Series “Economics. Management. Law”. – 2017. – No. 17 – P. 439–444.
5. Samaha, Dahavi, Hussaini and Stapleton The extent of corporate governance disclosure and its determinants in an emerging market: The case of Egypt – Accounting Advances including International Accounting Advances, 28–2012 – pp. 168–178
6. Hossein and Hammami Voluntary disclosure in annual reports of an emerging country: The case of Qatar – Accounting Advances including International Accounting Advances, 25–2009) – pp. 255–265
7. Gallego Alvarez Corporate governance effectiveness and online disclosure – European Studies in Business Administration and Economics, 15–2009 – pp. 109–135
8. Apostolos and Konstantinos Voluntary accounting disclosure and corporate governance: evidence from Greek listed firms – International Journal of Accounting and Finance, 1–2009 – pp. 395–414
9. Colet and Hraskey Voluntary disclosure of corporate governance practices by Australian listed companies – Corporate Governance: An International Review, 13–2005 – pp. 188–196
10. Laxamana Corporate governance and voluntary disclosure of executive compensation practices – Contemporary Accounting Research, 25–2008 – pp. 47–82
11. Hussaini and Al-Najjar. Forward-looking narrative reporting: determinants and uses – Journal of Applied Accounting Research, 12–2011) – pp. 123–138.

Значение и препятствия в правильной квалификации режима искусственного интеллекта

Тамаев Арсений Витальевич,

аспирант 2 курса, Российский государственный университет правосудия, Москва,
E-mail: ai-ip-law@mail.ru

В статье анализируются значение и препятствия в правильной квалификации правового режима искусственного интеллекта. Цель исследования – определить отношение современного российского права к искусственному интеллекту и провести правовой анализ ситуаций, в которых он используется. Для её достижения была изучена научная литература и периодика. Для определения зон ответственности субъектов отношений, в которых одной из активных сторон выступает искусственный интеллект, который не только выполняет, но и иницирует действия и принимает решения, имеющие определённые последствия, рассматривается квалификация правового режима искусственного интеллекта со стороны принадлежности прав и со стороны несения обязанностей в ситуациях его применения. Выявляются особенности регулирования авторских прав на контент, созданный с применением искусственного интеллекта, определения прав и ответственности при его использовании в сферах, связанных с оказанием услуг населению. Рассматривается правовое регулирование ситуаций, в который использование искусственного интеллекта привело к правонарушению. Делается вывод, что действующая законодательная база недостаточно проработана в части регулирования применения искусственного интеллекта и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право, правовая квалификация, авторские права, решения искусственного интеллекта, правовая ответственность.

Тема исследования. Особенности определения искусственного интеллекта как объекта или фактора правовых отношений в Российской Федерации.

Цель исследования. Определение отношения к искусственному интеллекту в современном российском правовом процессе и особенностей рассмотрения ситуаций, в которых он используется, с точки зрения права.

Проблема исследования. Искусственный интеллект используется в различных сферах жизни человека, в том числе, участвует в процессах принятия решений и создания / использования объектов интеллектуальной собственности. Необходимо внесение ясности в квалификацию правового режима ИИ в различных процессах для обеспечения адекватности правового аспекта регулирования жизни общества.

Метод исследования. Изучение научной литературы и периодики.

Введение

Развитие искусственного интеллекта – это уже не вопрос далёкого будущего, технологии AI не только тестируются, но и активно внедряются при обслуживании населения, в том числе на объектах повышенной опасности, таких, как транспортная инфраструктура. Всё активнее используются нейросети и при создании объектов, относимых к категории интеллектуальной собственности. Всё это создаёт ситуации, в которых ИИ может выступать как «инициатор» или «участник» определённых действий, принятия решений, имеющих определённые последствия. Такие действия и их автор или исполнитель нуждаются в правовой квалификации в целях определения зон ответственности, прав (в том числе – прав собственности) и обязанностей по отношению к другим участникам и субъектам процесса – людям, материальным и нематериальным объектам [1].

Согласно Указа Президента Российской Федерации от 10.10. 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта» [2], утверждён вектор развития данной сферы до 2030 года, включающий в себя список мер и рекомендаций по развитию данной сферы, а также её нормативно-правовому, нормативно-техническому и этическому регулированию. Следовательно, выделяется три категории регулирования деятельности искусственного интеллекта, из которых мы сосредоточимся на рассмотрении первой – нормативно-правовой.

Отметим, что важно рассматривать квалификацию правового режима искусственного интеллекта как со стороны принадлежности прав, так и со стороны несения обязанностей в ситуациях его применения.

Искусственный интеллект в авторском праве

Одним из ключевых вопросов, часто задаваемых в последнее время относительно искусственного интеллекта, является вопрос об авторских правах на контент, созданный с его использованием [3]. У любого текста, изображения, схемы, проекта, объекта материального искусства, созданного человеком, имеется чётко определяемый автор, который с момента создания произведения получает авторские права на него. В случае, если объект авторского права создан частично или целиком с использованием искусственного интеллекта, возникают проблемы с определением его авторской атрибуции и, следовательно, имущественных и неимущественных авторских прав, регулирующих его использование в коммерческих и некоммерческих целях.

В современных условиях технологии и устройства, созданные на базе искусственного интеллекта, могут выступать в качестве автора, соавтора и инструмента создания объекта авторского права [4]. Также существует понятие неохраноспособности объекта, являющегося результатом интеллектуальной деятельности (в данном контексте – неохраноспособность машинных РИД). Согласно принятым на сегодняшний день нормам, объекты, являющиеся результатом научной, аналитической, творческой деятельности и полученные исключительно с использованием искусственного интеллекта, обычно не относятся к охраняемым с точки зрения традиционного авторского права. Одной из причин этого является объективная невозможность при текущем уровне развития нейросетей сгенерировать новое с художественной или научной точки зрения произведение без использования произведений, определённо являющихся объектом авторского права. Другими словами, искусственный интеллект занимается генерацией новых РИД на основании анализа, синтеза и иной обработки авторских РИД, загруженных в его базу данных (как правило, речь идёт об оперировании «большими данными», Big Data).

Диверсифицировать квалификацию ситуации как использование искусственного интеллекта в качестве соавтора и в качестве инструмента творческого, аналитического или исследовательского процесса в настоящее время весьма затруднительно [5]. Общепринятой является атрибуция авторства в подобных случаях за человеком, который прибегнул к использованию искусственного интеллекта в процессе творческой или научной работы. Следовательно, права на использование, распространение, преобразование такого объекта авторского права, в том числе – коммерческие формы этих действий, остаются именно за ним.

Особо следует рассматривать ситуацию, при которой использование ИИ-систем осуществлялось в рамках выполнения работы по найму в интересах коммерческой или государственной организации – в этом случае авторские права на результат интеллектуальной деятельности будут принадлежать именно ей.

В целом, искусственный интеллект на данный момент не в состоянии самостоятельно инициировать создание объекта интеллектуальной собственности, следовательно, авторские права на машинные РИД могут принадлежать или разработчику данной ИИ-системы, или её законному пользователю. В некоторых случаях речь будет идти об использовании результатов интеллектуальной деятельности на основе свободной лицензии, то есть безвозмездном использовании текста, изображения или иного объекта всеми желающими.

Искусственный интеллект в образовательной и социальной сфере как объект права

Другим немаловажным аспектом правового регулирования и правовой квалификации искусственного интеллекта является определение прав и ответственности, связанных с его использованием, в сферах, связанных с оказанием услуг населению. Согласно Федеральному закону № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере инноваций в Российской Федерации» [6], особый правовой режим может использоваться в связи с применением искусственного интеллекта в медицинской, транспортной, строительной, финансовой сферах хозяйственной деятельности, а также в сельском хозяйстве, промышленности, дистанционной торговле и иных областях. Причём применение экспериментального режима может внедряться как в коммерческой деятельности, так и при оказании услуг государственными органами и организациями [7].

В рамках экспериментального правового режима могут применяться нормы, отличающиеся от действующих в рамках общего регулирования аналогичных процессов и действий без применения искусственного интеллекта. Например, в рамках оказания диагностических услуг с использованием телемедицины и анализа биологического материала с использованием искусственного интеллекта, могут быть установлены особые нормы составления медицинского заключения и назначения лечения. А при использовании искусственного интеллекта на беспилотном общественном транспорте может быть изменена процедура оплаты билетов, билетного контроля и реагирования на чрезвычайные происшествия. Главными целями установления экспериментального режима правового регулирования процессов, задействующих искусственный интеллект, являются минимизация риска для жизни и здоровья граждан, риска причинения вреда имуществу и учёт особенностей ИИ для повышения эффективности рассматриваемого вида деятельности.

Экспериментальный режим вводится после рассмотрения инициативного предложения, в качестве инициатора может выступать как государственный орган, так и юридическое лицо / индивидуальный предприниматель, собирающиеся внедрить инновационную разработку в свою деятельность [8]. Согласно разрабатываемому на основе инициативного предложения нормативному акту, экспериментальный режим может быть срочным (ограниченным по датам применения) и бессрочным (действующим до принятия правового решения, останавливающего его действие).

По итогам рассмотрения результатов введения экспериментального режима для конкретной сферы деятельности, связанной с применением искусственного интеллекта, могут быть приняты следующие решения:

- введение экспериментальных норм в качестве элементов общего правового регулирования рассматриваемого вида деятельности;
- отказ от введения экспериментальной нормы регулирования в качестве общепринятой;
- продление экспериментального режима для накопления большего количества информации, на основании которой может быть принято решение о целесообразности распространения данных норм в качестве повсеместно используемых.

Критериями целесообразности формирования инициативного предложения должны быть: массовость (повторяемость, стандартизованность) ситуации, в которой используется искусственный интеллект; общественная значимость внедрения ИИ в конкретных ситуациях; обеспечение условия наибольшей безопасности, целесообразности и эффективности использования ИИ-технологий для населения, специалистов и других категорий заинтересованных лиц.

Искусственный объект в качестве виновника правонарушений

Особого рассмотрения заслуживают ситуации, когда оказание какой-либо услуги или выполнение иной работы с применением искусственного интеллекта привело к правонарушению. В зависимости от тяжести последствий по факту такого происшествия может быть возбуждено административное или уголовное дело [9]. Главной проблемой является определение виновного / подозреваемого лица, если происшествие случилось в результате работы автоматизированной системы, целиком или в значительной части управляемой искусственным интеллектом.

Очевидно, что в случае с причинением вреда жизни, здоровью и / или имуществу граждан должен быть установлен виновник происшествия для выплаты компенсации и несения определяемого действующим законодательством наказания. Логично предположить, что для этого требуется оценка степени «самостоятельности» искусственного интеллекта при принятии решения, повлекшего

негативные последствия, а также лиц, ответственных за использование инновационных технологий [10]. В случае, если решение принималось специалистом высокой квалификации на основании аналитических данных, предоставленных искусственным интеллектом, ответственность за последствия должно нести именно это лицо. Примером может служить постановка диагноза и назначение лечения врачом, применявшим при диагностике ИИ. В случае, если искусственный интеллект действовал в автоматическом режиме, ответственность за последствия, вызванные его деятельностью, будет нести физическое или юридическое лицо, являющееся владельцем или пользователем (в коммерческих или некоммерческих целях) устройства, работающего на его основе. Примером является возмещение причинённого здоровью пешехода вреда со стороны транспортного предприятия, беспилотным устройством которого было спровоцировано ДТП.

В случае, если ситуация с правонарушением при участии ИИ-систем фиксируется впервые и не отражена в действующей законодательной базе, может использоваться принцип создания судебного прецедента, который впоследствии будет использоваться при рассмотрении аналогичных дел, а также может лечь в основу создания новых правовых норм.

Заключение

Вопросы, связанные с квалификацией правового режима использования искусственного интеллекта, становятся всё более актуальными с каждым годом. Это связано с углублением и диверсификацией внедрения искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества. Очевидно, что действующая законодательная база не в полной мере отражает требования времени, поэтому многие процессы, которые происходят как в производственно-промышленной сфере, так и в сфере коммерческих и государственных услуг, регулируются лишь частично.

В случае возникновения ситуации с нарушением прав граждан или юридических лиц в результате деятельности, осуществляемой, регулируемой или контролируемой технологиями, связанными с искусственным интеллектом, необходим индивидуальный подход к принятию решений санкционного характера.

Очевидно, что в ближайшие годы нормативно-правовая база претерпит существенные изменения в области правовой квалификации искусственного интеллекта, и активную подготовку к внедрению таких изменений необходимо вести уже сегодня.

Литература

1. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России [Электронный ресурс] // Искусственный интеллект Российской Федера-

ции. URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (дата обращения: 11.09.2024).

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс] // ЭПС Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/72838946/#-friends> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 11. С. 62–71.
4. Глазов И.Д., Колоскова О.А., Трохов М.С. Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // Юридические исследования. 2023. № 3. С. 24–39. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.3.39933
5. Филиппова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.
6. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 12.09.2024).
7. Гончарова С.Г., Сайфуллина Я.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Цивилистика от прошлого к современности. 2022. С. 1398–1401.
8. Кузбагаров М. Искусственный интеллект и право: точки соприкосновения [Электронный ресурс] // Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/materials/iskusstvennyu-intellekt-i-pravo-tochki-soprikosnoveniya/> (дата обращения: 11.09.2024).
9. Кутейников Д.Л. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин, В.А. Лебедев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 1 (29). С. 209–232. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-209-232
10. Бекетова В.А. Правовое регулирование систем искусственного интеллекта // I Междисциплинарный Форум с международным участием «Человек. Знак. Техника» / Самар. нац. исслед. ун-т им. акад. С.П. Королева; гл. ред. Н.А. Развейкина. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2021. С. 21–26.

THE IMPORTANCE AND OBSTACLES IN THE CORRECT QUALIFICATION OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGIME

Tamaev A.V.

Russian State University of Justice

The article analyzes the significance of and obstacles to the correct qualification of the legal regime of artificial intelligence. The purpose of the study is to determine the attitude of modern Russian law to artificial intelligence and to conduct a legal analysis of situations in which it is used. To achieve this, scientific literature and periodicals were studied. In order to determine the areas of responsibility of the subjects of relations in which one of the active parties is artificial intelligence, which not only performs, but also initiates actions and makes decisions that have certain consequences, the qualification of the legal regime of artificial intelligence is considered from the point of view of ownership of rights and from the point of view of bearing obligations in situations of its application. The article reveals the features of regulating copyrights for content created using artificial intelligence, determining rights and responsibilities when using it in areas related to the provision of services to the population. The article considers the legal regulation of situations in which the use of artificial intelligence led to an offense. It is concluded that the current legislative framework is not sufficiently developed in terms of regulating the use of artificial intelligence and needs further improvement.

Keywords: Artificial intelligence, law, legal qualification, copyright, artificial intelligence solutions, legal liability.

References

1. Legal regulation of artificial intelligence in Russia [Electronic resource] // Artificial intelligence of the Russian Federation. URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (date of appeal: 09/11/2024).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 490 N (ed. dated 02/15/2024) “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030”) [Electronic resource] // EPS System GARANT. URL: <https://base.garant.ru/72838946/#-friends> (date of application: 09/12/2024).
3. Orlova T.E. Copyright on the results of artificial intelligence activities // Intellectual property. Copyright and related rights. 2022. No. 11. pp. 62–71.
4. Glazov I.D., Koloskova O.A., Trokhov M.S. Civil law regulation of artificial intelligence in the Russian Federation // Legal research. 2023. No. 3. pp. 24–39. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.3.39933
5. Filippova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020. 90 p.
6. Federal Law No. 258-FZ of 07/31/2020 (as amended on 08/08/2024) “On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation” [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (date of reference: 09/12/2024).
7. Goncharova S.G., Saifullina Ya.A. Legal regulation of artificial intelligence // Civics from the past to the present. 2022. pp. 1398–1401.
8. Kuzbagarov M. Artificial intelligence and law: points of contact [Electronic resource] // Roscongress. URL: <https://roscongress.org/materials/iskusstvenny-intellekt-i-pravo-tochki-soprikosnoveniya/> (date of reference: 09/11/2024).
9. Kuteynikov D.L. Key approaches to the legal regulation of the use of artificial intelligence systems / D.L. Kuteynikov, O.A. Izhayev, S.S. Zenin, V.A. Lebedev // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2022. Vol. 8, No. 1 (29). pp. 209–232. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-209-232
10. V. Beketova.A. Legal regulation of artificial intelligence systems // I am an Interdisciplinary Forum with international participation “Man. Sign. Technique” / Samar. nats. research. Univ. Academician S.P. Korolev; chief editor N.A. Razveikin. Samara: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2021. pp. 21–26.

Понятие бенефициарного владельца при банкротстве в законодательстве и судебной практике

Титов Максим Владимирович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

E-mail: mvlitov@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовой категории «бенефициарный владелец» в законодательстве и судебной практике Российской Федерации. Рассматривается эволюция данного термина, его правовое закрепление и особенности применения в делах о банкротстве. Особое внимание уделяется проблеме идентификации бенефициарных владельцев при привлечении их к субсидиарной ответственности. На основе анализа судебной практики и законодательства выявляются ключевые признаки бенефициарного владельца: статус физического лица, возможность прямого или косвенного контроля, способность влиять на принятие решений. Исследуются критерии доказывания статуса бенефициарного владельца, сформулированные Верховным Судом РФ, включающие использование косвенных доказательств при установлении фактического контроля над должником. Делается вывод о важности данного института для защиты интересов кредиторов в делах о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, бенефициарный владелец, фактический контроль, контролирующее лицо.

В настоящее время вопрос установления статуса бенефициарного владельца имеет огромное значение для правоприменительной практики в делах о банкротстве. Суды за первую половину 2024 года удовлетворили 1465 заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, всего заявления за этот период подано 3127 [10, дата обращения: 01.10.2024]. Привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности является одним из основных средств пополнения конкурсной массы и защиты прав кредиторов.

Бенефициарный владелец, выступающий в роли лица, осуществляющего контроль над должником, представляет собой сложную для идентификации категорию. В то же время современная судебная практика демонстрирует тенденцию привлечения бенефициарных владельцев к ответственности. В связи с этим представляется необходимым научное осмысление и развитие данной правовой категории.

Действующее законодательство содержит понятие бенефициарного владельца применительно к публичным отношениям по контролю за легализацией доходов, полученных преступным путем и отношениям по установлению бенефициарных владельцев юридических лиц в отношении с федеральными органами исполнительной власти. Кроме того, налоговое законодательство также использует термин «бенефициар» применительно к лицам, осуществляющим контроль за налогоплательщиками. Таким образом, указанное понятие используется в публичных правоотношениях.

Между тем для романо-германской правовой семьи, к которой относится Россия, традиционно разделение на право частное и публичное, которые отличаются между собой по способам регулирования. В таком случае возникает вопрос: допустимо ли руководствоваться понятием публичного права при привлечении лиц к субсидиарной ответственности. Так, И.А. Покровский указывал, что различия между правом частным и публичным мы имеем в приемах правового регулирования. При этом нет такой области отношений, для которой являлся бы единственно возможным тот или иной прием [13, дата обращения 01.10.2024]. Мы полагаем, что в некоторых случаях могут пересекаться или использоваться элементы как частного, так и публичного права для более полного и эффективного регулирования правовых отношений.

Исследование понятия бенефициарного владельца невозможно без рассмотрения понятия «бенефициарное владение». Отмечается, что тер-

мин «бенефициарное владение» возник в англо-американском праве, в странах континентального права до принятия Директивы 2015/849 похожих конструкций не было [10, 05.10.2024].

Термин «бенефициарный владелец» впервые был использован в 1996 году в двустороннем налоговом международном соглашении между США и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии об избежании двойного налогообложения. Соглашение предусматривало преференции в виде пониженной ставки налога на дивиденды для лица, являющегося резидентом одной из указанных стран [14, С. 8].

В дальнейшем термин использовался в международных соглашениях, одним из участников которых выступали страны общего права.

Позднее термин был включен в Модельную налоговую Конвенцию Организации экономического сотрудничества и развития 1977 года, однако не был содержательно раскрыт [14, С. 10]. В налоговых отношениях закрепление понятия «бенефициарного владельца» было необходимо для предотвращения ситуации, когда налоговые льготы неправомерно используются посредниками, «номинальными владельцами», которые формально выступают получателями дохода, но фактически передают его реальному владельцу. Например, реальный собственник доходов для получения преференций может формально передать свое имущество в собственность номинального держателя – резидента одной из договорившихся стран, для исключения таких ситуаций государства заинтересованы в установлении бенефициарных владельцев.

Хотя термин «бенефициарный владелец» использовался с конца XX века, его точное определение было включено в Комментарии к Модельной налоговой конвенции ОЭСР только в 2011 и 2012 годах. В частности, это касалось комментариев к статьям, регулирующим налогообложение дивидендов, процентов и роялти (статьи 10–12). Так, под бенефициарным владельцем понимается лицо, которое фактически обладает правом на получение и распоряжение доходом. Это лицо отличается от номинальных владельцев или посредников, чья роль заключается лишь в получении дохода с целью последующей передачи его другим лицам. Основное внимание уделяется тому, кто имеет фактический контроль и право на использование дохода [14, С. 24]. Развитие концепции «бенефициарного собственника» осуществлялось в дальнейшем в публично правовой плоскости.

В России в 2013 году понятие «бенефициарного владельца» было закреплено в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Закон № 115-ФЗ) [2]. Так в статье 3 Закона № 115-ФЗ бенефициарный владелец определен как «физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процен-

тов в капитале) клиентом – юридическим лицом, либо имеет возможность контролировать действия клиента». Установление бенефициарного владельца по критерию участия в капитале, хотя и может вызвать сложности в связи с возможностью включения в цепочку владения иностранных компаний, представляется более простым, по сравнению с установлением лица, осуществляющего фактический (окончательный контроль).

В связи с этим Банк России в письме от 28.01.2014 № 14-т привел некоторые основания, свидетельствующие о возможности лицом осуществлять контроль над юридическим лицом [3]. Банк России указал, что физическое лицо может считаться бенефициарным владельцем, если оно имеет возможность оказывать существенное влияние на решения, принимаемые клиентом. Это влияние может быть, как прямым, так и косвенным. Существенное влияние может проявляться в возможности влиять на стратегические решения компании, такие как заключение крупных сделок, распределение прибыли, назначение ключевых должностных лиц и т.д. Возможность влияния может основываться на договорных отношениях с клиентом, дающих определенные права или полномочия.

Сходным образом бенефициарный владелец определяется в Директиве 2015/849. Так, согласно п. 6 ст. 3 Директивы 2015/849 под бенефициарным владельцем понимается любое физическое лицо (лица), которое в конечном итоге владеет или контролирует клиента и/или физическое лицо (лица), от имени которого совершаются сделки или осуществляется иная деятельность¹. Применительно к юридическим лицам бенефициарное владение может определяться посредством прямого контроля (доля участия в уставном капитале более 25%, либо обладание 25% и одной акцией), косвенного контроля (через другое юридическое лицо), контроля с помощью других средств [9, дата обращения 10.10.2024].

Таким образом, в современном понимании бенефициарный владелец характеризуется следующими ключевыми признаками: (1) это всегда физическое лицо, (2) владение может быть прямым или косвенным, (3) контроль может осуществляться через формальное владение (более 25% капитала) и фактическую возможность влиять на принятие решений.

Доктрина бенефициарного владельца, изначально применяемая в публичных отношениях нашла свое место в банкротном праве. В процедурах банкротства возникла необходимость в более точном определении лиц, которые фактически контролируют должника, особенно в сложных корпоративных структурах. Часто именно бенефициарные владельцы принимают ключевые решения, влияющие на финансовое состояние компании, и могут быть замешаны в злоупотреблениях, приводящих к несостоятельности.

¹ <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015L0849>

Р.Т. Мифтахутдинов отмечает, что, хотя субсидиарная ответственность была предусмотрена законодательством с 1994 года, она начала реально работать и применяться на практике только после реформы 2009 года [12]. В 2009 году в ст. 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон о банкротстве») были внесены существенные изменения: закреплены процессуальные правила рассмотрения спора, установлен солидаритет причинителей вреда, правила освобождения от ответственности.

Суды до 2013 года не привлекали к ответственности лиц бенефициарных владельцев, чьи действия привели к банкротству.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в ст. 61.10 определяет контролирующее лицо как физическое или юридическое лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность определять действия должника иным образом [1]. Бенефициарный владелец является видом контролирующего лица, положение которого отличается от других контролирующих лиц в связи со сложностью доказывания его статуса.

Полагаем возможным утверждать, что судебная практика по привлечению бенефициарных владельцев к субсидиарной ответственности начала формироваться с дела о банкротстве общества «УралСнабКомплект». Высший Арбитражный Суд РФ согласился с постановлениями нижестоящих судов о наличии статуса бенефициарного владельца у Н.В. Максимова [8].

Апелляционный суд, делая вывод о наличии у Н.В. Максимова статуса бенефициарного владельца, принял во внимание норму ч. 4 ст. 10 Закона о банкротстве, закрепляющую термины «иные лица», «иным образом определять». На основании этих терминов суд сделал вывод, что субсидиарная ответственность распространяется также на лиц, осуществляющих фактический неформальный контроль за деятельностью должника через формально контролирующих лиц.

Суды пришли к выводу, что Н.В. Максимов является бенефициарным владельцем должника по следующим обстоятельствам: (1) он, являясь единственным акционером и президентом общества «Макси-Групп», фактически контролировал деятельность должника; (2) извлек выгоду из сделок, совершенных должником, которые не имели для него экономического смысла и стали причиной банкротства; (3) кредиторская задолженность должника состояла преимущественно из требований к организациям холдинга, управляемого Н.В. Максимовым, а дебиторская задолженность – из требований к компаниям-банкротами, принадлежавшим Н.В. Максимова (4) общество, подконтрольное Н.В. Максимова, осуществляло финансовые операции с использованием счетов должника при помощи единой корпоративной информационной системы, (5) большинство участников должника

занимали руководящие должности, в компаниях, подконтрольных Н.В. Максимова; (6) участники не выражали свою волю на общих собраниях, поскольку оно функционировало формально.

Следующим делом, развивающим применение практики о привлечении бенефициарных владельцев к субсидиарной ответственности, является дело № А40–119763/10 о банкротстве ЗАО «Международный Промышленный Банк». Верховный Суд РФ отказал С.В. Пугачеву в передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ [7]. Суды трех инстанций привлекали к субсидиарной ответственности бенефициарного владельца банка – С.В. Пугачева. Суды установили фактический контроль С.В. Пугачева над банком на основании совокупности документальных доказательств, показаний свидетелей и анализа системы принятия решений в банке. Так, структура владения банком представляла собой многоуровневую структуру с использованием офшорных компаний. Все компании-нерезиденты принадлежали компании ОРК Trust Company Limited (Новая Зеландия), которая контролировалась С.В. Пугачевым.

С.В. Пугачев был указан как «основное контролирующее лицо» в письме банка в МГТУ Банка России от 01.08.2008 и в проспекте эмиссии банка от 12.02.2010. В банке была выстроена система принятия решений, при которой без согласия С.В. Пугачева не принималось ни одно решение. Так, С.В. Пугачев участвовал в трудоустройстве ключевых сотрудников, согласовывал размер вознаграждения работников, контролировал все существенные операции и финансовые сделки, имел рабочий кабинет в банке и проводил рабочие совещания.

С.В. Пугачев принимал личное участие в управлении: участвовал в переговорах от имени банка, позиционировал себя как бенефициар банка, вел переговоры с Банком России по реструктуризации долга, участвовал в совещаниях в Правительстве РФ по вопросам восстановления платежеспособности банка.

Дальнейшее развитие судебная практика по привлечению бенефициарных владельцев к субсидиарной ответственности получила при рассмотрении дела о банкротстве ООО «ИНКОМ». Верховный суд направил на новое рассмотрение обособленный спор, в котором суды не исследовали доказательств, подтверждающих статус бенефициарного владельца [6]. Суд указал, что бенефициарный владелец обычно скрывает свой статус контролирующего лица, не имеет формальных полномочий, а его отношения с подконтрольным лицом не регламентированы документально. В связи с этим необходимо анализировать признаки подконтрольности, к которым относятся: (1) направленность действий на увеличение имущества бенефициара и противоречие их экономическим интересам должника; (2) синхронность действий бенефициара и должника без экономических при-

чин; (3) невозможность совершения указанных действий в отсутствие отношений подчиненности.

При этом Верховный Суд РФ сформулировал важные позиции относительно правил оценки доказательств. Суды должны оценивать совокупность косвенных доказательств, которые согласуются между собой. При представлении существенных косвенных доказательств на лицо, привлекаемое к ответственности, переходит бремя доказывания отсутствия статуса бенефициарного владельца.

Одновременно с формированием правовых позиций при рассмотрении отдельных дел Верховный Суд РФ в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 разъяснил, что осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.).

Для понимания особенностей статуса бенефициарного владельца важное значение имеет правовая позиция, изложенная Верховным судом в определении по делу о банкротстве общества «Абсолют» [5]. Суд указал, что обычно бенефициар не осуществляет руководство текущей деятельностью компании, а сам по себе статус бенефициара корпоративной группы еще не свидетельствует о том, что такое лицо является фактическим директором компаний группы. При этом бенефициар должен располагать сведениями о лицах, которые фактически осуществляют функции руководителя.

На основании анализа представленных дел, а также позиций Верховного Суда РФ, можно сделать вывод, что бенефициарный владелец – это лицо, которое, несмотря на отсутствие формальных полномочий или юридического закрепления в структуре должника, обладает фактическим контролем над его деятельностью и извлекает выгоду из использования активов должника. Подобный контроль и статус бенефициарного владельца устанавливаются не только через прямые доказательства, но и на основании совокупности косвенных данных. Формирование судебной практики по привлечению бенефициарных владельцев к субсидиарной ответственности отражает тенденцию к защите интересов кредиторов и выявлению схем контроля и вывода активов.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета, № 151–152, 09.08.2001.
3. Письмо Банка России от 28.01.2014 № 14-Т «Об Информационном письме по вопросам идентификации организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, бенефициарных владельцев» // «Вестник Банка России», № 11, 05.02.2014.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.01.2023 № 305-ЭС21–18249(2,3) по делу № А40–303933/2018.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14–1472(4,5,7) по делу № А33–1677/2013
7. Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2016 № 305-ЭС14–3834 по делу N А40–119763/2010
8. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2013 № ВАС-11134/12 по делу № А60–1260/2009.
9. Директива (EU) 2015/849 Европейского парламента и Совета от 20 мая 2015 о предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, о внесении изменений в Регламент (EU) № 648/2012 Европейского парламента и Совета и об отмене Директивы 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета и Директивы Комиссии 2006/70/ЕС. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TX-T/?uri=celex%3A32015L0849> (дата обращения 10.10.2024) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
10. Аналитическая справка «Привлечение контролирующих должника лиц и бенефициаров к субсидиарной ответственности». – URL: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/ЦМСПИ_Субсидиарная-ответственность_1649175943.pdf (дата обращения 05.10.2024) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
11. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса: Итоги I полугодия 2024 года. – URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20банкротство> (дата обращения 01.10.2024). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
12. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – URL: https://civil.consultant.ru/eilib/books/23/page_4.html#4 (дата обращения: 01.10.2024). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

14. Ротова, О.С, Развитие концепции «бенефициарного собственника» в международной и российской практике: монография / О.С. Ротова, Е.А. Ротов; ред. Л.И. Гончаренко. – М.: Издательско торговая корпорация «Дашков и К^о», 2015. – 132 с.

THE CONCEPT OF THE BENEFICIAL OWNER OF THE DEBTOR IN LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

Titov M.V.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to the analysis of the legal category of “beneficial owner” according to Russian legislation and judicial practice. The development of the concept, its legal definition and its application in bankruptcy cases are examined in this article. Particular attention is paid to the challenges of identifying beneficial owners when holding them subsidiarily liable. Moreover, the key characteristics of a beneficial owner are identified: the status of a natural person, the ability to exercise direct or indirect control and the ability to influence decision-making. The article examines the criteria for proving beneficial ownership, as formulated by the Supreme Court of the Russian Federation, including the use of indirect evidence to establish de facto control over the debtor. It also highlights the importance of this concept for the protection of creditors’ interests in bankruptcy proceedings.

Keywords: bankruptcy, subsidiary liability, beneficial owner, actual control, controlling person.

References

1. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 28.10.2002, No. 43, Art. 4190
2. Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 “On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminal Proceeds and the Financing of Terrorism” // Russian Newspaper, No. 151–152, 09.08.2001
3. Letter of the Bank of Russia No. 14-T of 28.01.2014 “On the Informational Letter on Identification Issues by Organizations Engaged in Transactions with Money or Other Property of

- Beneficial Owners” // “Herald of the Bank of Russia”, No. 11, 05.02.2014
4. Resolution of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of 21.12.2017 “On Certain Issues Related to Holding the Controlling Persons of a Debtor Liable in Bankruptcy”
 5. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.01.2023 No. 305-ES21–18249(2,3) in Case No. A40–303933/2018.
 6. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 302-ЭС14–1472(4,5,7) of 15.02.2018 in Case No. A33–1677/2013
 7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС14–3834 of 29.01.2016 in Case No. A40–119763/2010
 8. Ruling of the Higher Arbitration Court of the Russian Federation No. BAC-11134/12 of 29.04.2013 in Case No. A60–1260/2009
 9. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the Prevention of the Use of the Financial System for the Purpose of Money Laundering or Terrorist Financing, Amending Regulation (EU) No. 648/2012, and Repealing Directive 2005/60/EC and Commission Directive 2006/70/EC. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015L0849> (accessed 10.10.2024) – Available online, text: electronic.
 10. Analytical Report “Bringing Controlling Persons and Beneficiaries of a Debtor to Subsidiary Liability” – URL: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/ЦМСПИ_Субсидиарная-ответственность_1649175943.pdf (accessed 05.10.2024) – Available online, text: electronic.
 11. Bankruptcy in Russia. Statistical Bulletin of Fedresurs: Results of the First Half of 2024. – 2024. – URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20банкротство> (accessed 01.10.2024) – Available online, text: electronic.
 12. Miftakhutdinov R.T. Evolution of the Subsidiary Liability Institution in Bankruptcy: Causes and Consequences of Legal Reform // Law. 2018. No. 5. pp. 187–191.
 13. Pokrovsky I.A. Key Problems of Civil Law. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_4.html#4 (accessed: 01.10.2024) – Available online, text: electronic.
 14. Rotova O.S., Development of the Concept of “Beneficial Owner” in International and Russian Practice: Monograph / O.S. Rotova, E.A. Rotov; edited by L.I. Goncharenko. – Moscow: Dashkov and Co Publishing, 2015. – 132 pp.

Последующий бюджетный контроль исполнения государственных контрактов на строительство объектов транспортной инфраструктуры

Фарков Дмитрий Олегович,

аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: farkovdima@gmail.com

Строительство объектов транспортной инфраструктуры, реализуемое публично-правовыми образованиями, играет важную роль в жизни и развитии страны в целом и каждой отрасли экономики. Значимая роль государства обусловлена тем, что аккумулирует существенные человеческие и материальные ресурсы, но и определяет порядок их перераспределения, контроля за их перераспределением, что обуславливает необходимость установления объективного, компетентного контроля за указанной деятельностью. Строительство всегда привлекает пристальное внимание различных контролирующих органов и должностных лиц к надлежащему осуществлению строительства.

В настоящей статье описывается последующий бюджетный контроль исполнения государственного контракта на строительство объекта инфраструктуры. Автором приводятся в пример его содержание, предусмотренное различными отраслями законодательства, в том числе законодательством о закупках для публичных нужд, подзаконными актами, а также порядок их применения. Автором проанализирована практика разрешения споров, связанных со спорами между контрольными (надзорными) органами, сторонами государственного строительного контракта в связи с невыполнением (ненадлежащим выполнением) государственного строительного контракта. Автором сделан вывод о формальной эффективности и фактической неэффективности механизма бюджетного контроля после исполнения государственного контракта.

Результаты исследования, описанные в настоящей статье, будут полезны как практикующим юристам, так и представителям научного сообщества.

Ключевые слова: договор строительного подряда, государственный строительный контракт, государственные закупки, ответственность, исполнение обязательств, строительный надзор, бюджетный контроль.

Контроль (надзор) как функция регулирования в том виде, в каком таковой существует сейчас, не является исключительно результатом эволюции отечественной правовой системы, он берет свое начало еще в Римской империи. В период существования Российской империи можно говорить о существовании надзора за законностью. Несмотря на его политизированность, развитие государства и общественных отношений привели к формированию в XIX веке отдельных контрольных (надзорных) органов, в том числе строительного контроля [7].

В советский период надзор позиционировался государством, как часть исполнительно-распорядительной деятельности, которая обеспечивает исполнение законов, в том числе за счет возможности применения мер принуждения к поднадзорным субъектам [6].

В нынешнее время развития контроля (надзора) и органов, осуществляющих их, достигло такого положения, когда практически каждый вид экономической деятельности или деятельность конкретного хозяйствующего субъекта контролируется несколькими надзорными органами по соответствующим видам надзора.

Деятельность хозяйствующих субъектов в сфере строительства, ввиду своей социальной значимости, контролируется и надзирается широким спектром надзорных органов. видом надзора является строительный.

Бюджетный контроль осуществляется на всех стадиях реализации государственного строительного контракта. Проведение последующего бюджетного контроля нацелено на реализацию принципа эффективности использования бюджетных средств, когда цель должна быть достигнута с наименьшими затратами денежных средств или с использованием заложенного бюджетом объема средств при условии достижения лучшего результата [1].

Государственные строительные контракты, заключаемые от лица Правительства г. Москвы, предусматривают правила, по которым заказчик вправе указывать на несогласие относительно выполненного объема работ на основании позиции уполномоченных органов бюджетного контроля, а совершение действий гражданско-правового характера не лишает государственного заказчика указанного права.

Практика взыскания соответствующих денежных средств формируется неоднозначно. Зачастую суды не дают надлежащую оценку актам органов бюджетного контроля, воспринимая указанные ор-

ганы, как третьих лиц по отношению к контрактным обязательствам, указывая, что их акты выявления нарушений не являются надлежащим доказательством, их правовая оценка не осуществляется, а надлежащим субъектом, который мог и должен был выявить и заявить возражения относительно работ, является государственный заказчик.

Приведем в пример дело № А40–118988/2022. В рамках указанного дела суд установил, что иск государственного заказчика строительства объекта инфраструктуры направлен на взыскание с подрядчика излишне уплаченных денежных средств за работы, выполнение которых не подтверждается надлежащими документами.

На стадии исполнения контракта истец не возражал относительно объема выполненных ответчиком работ, на момент рассмотрения дела утверждено заключение о соответствии и выдано разрешение на ввод объекта в эксплуатацию.

После ввода объекта в эксплуатацию, актом контрольного обмера, составленного Главконтролем [2] с участием полномочного представителя ответчика установлено, что объем формально принятого объема работ не подтвержден. В итоговом акте проверки Главконтроль указал на необоснованную оплату из бюджета Москвы объемов работ, которые в действительности не выполнялись, что и явилось основанием для предъявления иска к подрядчику.

Судом установлено, что акт проверки Главконтроля достоверно доказывает факт необоснованного получения Ответчиком бюджетных средств по Контракту и указал на обязанность подрядчика вернуть необоснованно полученные денежные средства.

На первый взгляд может показаться, что имеются основания полагать о том, что спор разрешен справедливо и как таковая справедливость восстановлена, нарушенные права публично-правового образования восстановлены. Однако это не так. Важно отметить иную ключевую особенность рассмотрения подобных споров: судами при рассмотрении подобных дел указывается, что Главконтроль является «третьим лицом», не являющимся стороной договорных отношений, а его акт – надлежащим доказательством фиксации факта нарушений подрядчиком своих обязательств. По их мнению, заказчик не выявил замечания в момент приемки работ, в связи с чем не вправе ссылаться на наличие недостатков. Судами не принимались во внимание как акт указанного органа, так и положения контрактов, устанавливающих обязательность указанного акта для сторон.

В свою очередь кассационные инстанции указывают на неверность такого подхода при рассмотрении такой категории дел и указывают судам на то, что судам необходимо надлежащим образом исследовать взаимоотношения сторон, акты органов бюджетного контроля. Установление фактов получения подрядчиком денежных средств и невыполнения работ, за которые были получены соответствующие денежные средства, есть свидетель-

ство неэффективного использования бюджетных средств, что влечет нарушение публичных интересов. Полученные за такие работы денежные средства подлежат возврату [3, 4, 5].

Обобщив сказанное, можно сделать вывод о том, что интересы государственных заказчиков обеспечены широким спектром механизмов для защиты публичных интересов. Однако их реализация во многом зависит от эффективности работы судебной системы.

Практика подтверждает формальную эффективность механизма последующего бюджетного контроля с учетом компетентной работы надзорного органа и надлежащего применения судами норм материального и процессуального права.

В то же время, указанный механизм неэффективен с точки зрения временных затрат. Так, проверка Главконтроля может быть проведена практически через три года с момента завершения исполнения государственного контракта – практически в конце срока исковой давности.

При этом по вышеуказанным примерам рассмотрения дел можно сделать вывод о том, что публичные интересы с большой долей вероятности юридически восстанавливаются лишь после «первого круга» рассмотрения дела, что влечет существенные временные затраты, а также снижает вероятность фактического удовлетворения требования о возврате денежных средств.

При этом положительное для государственного заказчика решение суда, вступившее в силу, получается уже после вынесения судом апелляционной инстанции постановления, уже на втором круге рассмотрения после возврата дела судом кассационной инстанции.

Причина уже обозначена выше – отказ от учета судами доказательств, подготовленных Главконтролем, как лицом, которое не является участником спорных правоотношений.

К сведению – к моменту вынесения указанного судебного акта в отношении подрядчика по вышеуказанному делу уже была введена процедура наблюдения в рамках процедуры банкротства, что, очевидно, свидетельствует о дальнейшей невозможности возврата всех излишне уплаченных подрядчику денежных средств, что, очевидно, свидетельствует о невозможном вреде бюджету Москвы.

Таким образом, особенностью данного способа защиты интереса государственного заказчика являются большие временные затраты на формальное восстановление своих прав и интересов. При этом публичные интересы юридически восстанавливаются, но лишь после «первого круга» рассмотрения дела, что влечет существенные временные затраты, а также снижает вероятность фактического удовлетворения требования о возврате денежных средств.

Имеются основания полагать, что рассматриваемый механизм неэффективен с точки зрения временных затрат. Так, проверки в рамках последующего бюджетного контроля проводятся практиче-

ки в конце срока исковой давности, что обуславливает вынесение решения судом за его пределами. Зачастую в таких случаях ненадежные подрядчики прекращают свою деятельность банкротством, что свидетельствует о невозместимом ущербе бюджету.

Рассматриваемые примеры указывают на формальную эффективность механизма последующего бюджетного контроля при фактической неэффективности в восстановлении нарушенных прав и законных интересов на практике.

Обобщив сказанное, можно сделать вывод о том, что интересы государственных заказчиков обеспечены широким спектром механизмов для защиты публичных интересов. Однако их реализация во многом зависит от эффективности работы судебной системы и учета фактически сложившихся экономических реалий в хозяйственной жизни страны. Вышеуказанные сведения свидетельствуют о необходимости выработки и применения мер защиты государственного заказчика и публично-правовых образований на стадии заключения и исполнения государственного контракта.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
2. Постановление Правительства Москвы от 01.06.2012 № 252-ПП «Об утверждении Положения о Главном контрольном управлении города Москвы» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», № 32, 08.06.2012.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2021 № 305-ЭС21-7750 по делу № А40-31393/2020.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2023 по делу № А40-118988/2022.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.08.2023 по делу № А40-127074/2022.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 293.
7. Лунц М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего

движения в России: сборник статей. М., 1909. С. 78–112.

SUBSEQUENT BUDGETARY CONTROL OVER THE EXECUTION OF STATE CONTRACTS FOR THE CONSTRUCTION OF TRANSPORTATION INFRASTRUCTURE FACILITIES

Farkov D.O.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The construction of transport infrastructure facilities, implemented by public-law entities, plays an important role in the life and development of the country as a whole and each sector of the economy. The significant role of the state is due to the fact that it accumulates significant human and material resources, but also determines the order of their redistribution, control over their redistribution, which determines the need to establish objective, competent control over the specified activities. Construction always attracts close attention of various controlling bodies and officials to the proper implementation of construction.

This article describes the subsequent budgetary control of the execution of the state contract for the construction of an infrastructure facility. The author gives an example of its content provided by various branches of legislation, including the legislation on procurement for public needs, by-laws, as well as the procedure for their application. The author analyzes the practice of dispute resolution related to disputes between control (supervisory) authorities, parties to the state construction contract in connection with non-fulfillment (improper fulfillment) of the state construction contract. The author has made a conclusion about the formal effectiveness and actual ineffectiveness of the mechanism of budgetary control after the execution of the state contract.

Keywords: construction contract, state construction contract, state procurement, liability, fulfillment of obligations, construction supervision, budgetary control.

References

1. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 03.08.1998, № 31, st. 3823.
2. Resolution of the Moscow City Government of 01.06.2012, No. 252-PP "On Approval of the Regulations on the Main Control Department of the City of Moscow" // "Herald of the Mayor and Government of Moscow", No. 32, 08.06.2012.
3. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.12.2021 № 305-ES21-7750 po delu № A40-31393/2020.
4. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 11.07.2023 po delu № A40-118988/2022.
5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 24.08.2023 po delu № A40-127074/2022.
6. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 2. S. 293.
7. Lunc M.G. Iz istorii fabrichnogo zakonodatel'stva, fabričnoj inspekcii i rabocheho dvizheniya v Rossii: sbornik statej. M., 1909. S. 78–112.

Правовые аспекты несостоятельности юридических лиц: проблемы и перспективы совершенствования

Хорошенький Юрий Андреевич,

студент аспирантуры, кафедры «Часто-правовые(цивилистические) науки», Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: yura-hor@yandex.ru

В статье анализируются правовые основы несостоятельности (банкротства) юридических лиц, акцентируя внимание на проблемах правоприменения, выявленных в судебной практике и научных исследованиях. Автор выделяет ключевые аспекты правового регулирования процедуры банкротства, включая недостаток контроля за деятельностью внешних управляющих, сложности определения очередности удовлетворения требований кредиторов и ограниченные возможности привлечения должностных лиц и учредителей к субсидиарной ответственности. Исследование демонстрирует, как указанные нормативные пробелы могут приводить к затягиванию процедур, увеличению рисков злоупотреблений и снижению уровня защиты интересов кредиторов. В заключении статьи предложены рекомендации по совершенствованию законодательства, направленные на усиление правовой ответственности участников банкротства и повышение прозрачности процедур. Такой подход позволит укрепить доверие к институту несостоятельности и повысить эффективность правоприменения, что имеет важное значение для стабильности делового оборота и правопорядка в сфере корпоративного регулирования.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство юридических лиц, правовое регулирование, субсидиарная ответственность, внешнее управление, контроль кредиторов, судебная практика, законодательные пробелы, защита прав кредиторов, правоприменение.

Введение

Несостоятельность (банкротство) юридических лиц представляет собой особое правовое состояние организации, при котором она неспособна выполнить свои обязательства перед кредиторами в полном объеме. Данное понятие охватывает совокупность правовых и экономических механизмов, призванных регулировать деятельность неплатежеспособных субъектов, а также процессы их ликвидации в случае невозможности восстановления платежеспособности. На законодательном уровне банкротство трактуется как процесс признания неспособности юридического лица отвечать по своим обязательствам и регулируется нормами, детализирующими процедуры, применимые в отношении неплатежеспособных организаций. [1–3]

Актуальность исследования в данной области обусловлена динамикой рыночных отношений и возрастающей сложностью правового регулирования экономической деятельности. Современные экономические условия и финансовая нестабильность требуют четкого правового механизма, позволяющего защитить интересы как кредиторов, так и участников организации. Процесс банкротства является не только юридическим основанием для прекращения деятельности юридического лица, но и важным инструментом обеспечения экономической стабильности и правопорядка в бизнес-среде. [4]

Законодательная база, регулирующая банкротство, включает как общие положения, установленные гражданским правом, так и специализированные нормативные акты, посвященные процедурам несостоятельности. Эти акты определяют условия и порядок признания юридического лица несостоятельным, закрепляют права и обязанности участников процедуры и обеспечивают правовые гарантии защиты интересов заинтересованных сторон. [5,6]

Основные признаки и стадии несостоятельности

Несостоятельность юридических лиц в правовом и экономическом смысле предполагает состояние организации, при котором она неспособна выполнить свои финансовые обязательства перед кредиторами. Основными критериями, определяющими несостоятельность, являются невозможность своевременно и в полном объеме погашать задолженность, недостаточность активов для покрытия обязательств и прекращение расчета по долгам в установленный срок. Эти признаки несостоятельности

образуют основания для инициирования процедуры банкротства, цель которой – не только защита интересов кредиторов, но и создание условий для возможного восстановления финансовой стабильности организации.

Процедура банкротства, согласно действующему законодательству, включает несколько стадий, каждая из которых преследует свои задачи и имеет юридически закрепленное значение. На первом этапе, стадии наблюдения, осуществляется анализ финансового состояния должника, устанавливается наличие или отсутствие признаков несостоятельности, которые определяются финансовыми и имущественными показателями. В случае обнаружения таких признаков суд может принять решение о начале следующего этапа – внешнего управления. На стадии внешнего управления назначается управляющий, чья задача состоит в попытке восстановления платежеспособности организации через меры реорганизации, реструктуризации долга и другие процедуры. На этом этапе кредиторы

получают возможность контролировать деятельность должника через управляющего, а также рассматривать возможные меры для предотвращения окончательной ликвидации организации.

В ситуации, когда реорганизация оказывается неэффективной, инициируется конкурсное производство. Этот этап представляет собой процесс окончательной ликвидации юридического лица и погашения его долговых обязательств за счет реализации активов. В рамках конкурсного производства кредиторы участвуют в распределении средств, вырученных от продажи имущества, в соответствии с очередностью, установленной законодательством. Таким образом, конкурсное производство является заключительной стадией, завершающейся исключением юридического лица из Единого государственного реестра.

Для систематизации признаков и этапов несостоятельности, а также юридических критериев каждой стадии, представим ключевые данные в таблице 1.

Таблица 1. Признаки и стадии несостоятельности юридического лица

Признак / Этап	Описание	Цель / Результат
Признаки несостоятельности	Невозможность выполнять обязательства, недостаточность активов	Основание для инициации процедуры банкротства
Стадия наблюдения	Анализ финансового состояния, определение признаков несостоятельности	Определение целесообразности внешнего управления
Внешнее управление	Назначение управляющего, попытка восстановления платежеспособности	Реорганизация бизнеса, реструктуризация долгов
Конкурсное производство	Ликвидация юридического лица, распределение средств между кредиторами	Окончательная ликвидация и исключение из государственного реестра

Признаки несостоятельности и стадии процедуры банкротства четко определяют основные этапы, которые проходит юридическое лицо в состоянии финансовой неплатежеспособности. Наблюдение, внешнее управление и конкурсное производство выполняют свои специфические функции, последовательно направленные сначала на диагности-

ку финансового состояния, затем на восстановление платежеспособности и, в случае невозможности реорганизации, на ликвидацию предприятия. Такая структура позволяет эффективно организовать процесс управления долгами и защитить интересы кредиторов на каждом этапе (табл. 2).

Таблица 2. Основные законодательные акты, регулирующие стадии банкротства

Этап	Законодательный акт	Основные положения
Наблюдение	Закон о банкротстве, Гражданский кодекс	Определение признаков несостоятельности, назначение временного управляющего
Внешнее управление	Закон о банкротстве	Права и обязанности внешнего управляющего, меры по восстановлению
Конкурсное производство	Закон о банкротстве, Гражданский кодекс	Правила реализации имущества, очередность удовлетворения требований

Законодательное регулирование каждой стадии процедуры банкротства обеспечивает правовую основу для действий, направленных на управление несостоятельностью. Применяемые нормы Гражданского кодекса и Закона о банкротстве структурируют обязанности и права участников процедуры, устанавливают требования к финансовому анализу и контроль за деятельностью юридического лица. В результате каждое действие

управляющих лиц имеет четкое правовое обоснование, что способствует прозрачности и правовой определенности процесса.

Правовые последствия несостоятельности

Признание юридического лица несостоятельным, или банкротом, имеет ряд существенных правовых последствий, включая прекращение деятельности,

изменение прав и обязанностей участников и кредиторов, а также возможные санкции для должностных лиц и учредителей компании. Первичное последствие несостоятельности – это ликвидация организации, после которой юридическое лицо исключается из Единого государственного реестра, а его имущественные права и обязательства прекращаются. Такое прекращение деятельности направлено на защиту интересов кредиторов, которые получают возможность возместить долги за счет конкурсной массы, состоящей из активов банкрота.

С точки зрения прав и обязанностей участников и кредиторов, процедура банкротства существенно влияет на распределение прав доступа к активам организации и установление очередности удовлетворения требований. Кредиторы теряют возможность индивидуального взыскания долгов, но взамен участвуют в коллективном процессе распределения конкурсной массы, где их интересы защищены законодательными приоритетами и надзором управляющего. Участники организа-

ции теряют право собственности на активы, входящие в конкурсную массу, и контроль над процессом ликвидации, что ограничивает их правовую и экономическую свободу.

В отношении должностных лиц и учредителей компании возможны различные правовые последствия, связанные с выявлением фактов, указывающих на их недобросовестность или ошибки управления, которые привели к несостоятельности. В случае установления преднамеренных действий, способствующих банкротству, они могут быть подвергнуты административной, а в некоторых случаях – уголовной ответственности. Учредители, обладающие значительной долей в компании, также могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, что требует от них участия в погашении обязательств за счет личного имущества в случаях, когда их действия привели к банкротству компании.

Для систематизации ключевых аспектов правовых последствий несостоятельности представим основные положения в таблице 3, 4.

Таблица 3. Основные правовые последствия несостоятельности

Последствие	Описание	Результат
Прекращение деятельности	Исключение из государственного реестра, прекращение прав и обязанностей	Ликвидация юридического лица
Влияние на кредиторов	Установление очередности, коллективное распределение конкурсной массы	Защита интересов кредиторов через порядок удовлетворения требований
Влияние на участников	Потеря прав собственности на активы компании, утрата контроля над процессом ликвидации	Ограничение прав участников в управлении активами
Последствия для должностных лиц и учредителей	Возможная административная и уголовная ответственность, субсидиарная ответственность для учредителей	Привлечение к ответственности и возмещение убытков

Таблица 4. Основные законодательные положения, регулирующие последствия банкротства

Последствие	Законодательный акт	Основные нормы
Прекращение деятельности	Гражданский кодекс, Закон о банкротстве	Исключение юридического лица из реестра, порядок ликвидации
Влияние на кредиторов	Закон о банкротстве	Очередность требований, коллективное удовлетворение обязательств
Влияние на участников	Гражданский кодекс, Закон о банкротстве	Потеря контроля, ограничение прав собственности на конкурсную массу
Ответственность должностных лиц и учредителей	Административный и Уголовный кодексы, Закон о банкротстве	Меры ответственности, субсидиарная ответственность

Анализ таблиц 3 и 4 показывает, что правовые последствия банкротства затрагивают как саму организацию, так и ее кредиторов, участников и должностных лиц. Закрытие компании влечет за собой прекращение ее прав и обязанностей, а кредиторы защищены законодательными нормами, регулирующими очередность их требований. Участники теряют контроль и право на имущество компании, что отражает цель процедуры банкротства – восстановить справедливое распределение активов. Правовая ответственность должностных лиц и учредителей служит превентивной мерой, обеспечивая ответственность за действия, привед-

шие к несостоятельности, и способствуя защите кредиторов и экономической стабильности.

Анализ судебной практики

Анализ судебной практики по делам о банкротстве юридических лиц раскрывает важные аспекты правоприменения и интерпретации законодательства в этой области. Судебные прецеденты играют ключевую роль в установлении правовых стандартов, поскольку каждое дело о банкротстве может иметь уникальные обстоятельства, требующие индивидуального подхода и толкования норм права. Основные задачи судебных органов в данных процессах

заключаются в обеспечении справедливого распределения активов должника, соблюдении законных интересов всех участников процедуры банкротства и применении мер правовой ответственности в отношении лиц, способствовавших неплатежеспособности компании. Важными аспектами также становятся вопросы защиты прав кредиторов, определение очередности их требований и установление границ ответственности учредителей и руководства компании.

Судебные органы в своих решениях руководствуются положениями Гражданского кодекса, Закона о банкротстве и иных нормативных актов, однако в каждом конкретном случае могут возникать особенности в толковании норм законодательства. На практике это выражается в индивидуальном подходе к распределению конкурсной массы, учете добросовестности действий участников процедуры, а также в оценке обоснованности применения субсидиарной ответственности к должностным лицам и учредителям. При этом суды часто исхо-

дят из принципов справедливости и соразмерности, что позволяет обеспечить баланс между интересами кредиторов и должника. Важным является установление фактов, свидетельствующих о преднамеренном ухудшении финансового состояния компании или злоупотреблениях, что влечет соответствующие правовые последствия.

Примеры судебных дел по банкротству демонстрируют, как судебные органы применяют различные положения закона на практике. Эти случаи помогают сформировать более четкие границы правоприменения и предоставляют руководящие ориентиры для аналогичных дел. Одним из важных примеров является привлечение учредителей к субсидиарной ответственности в случаях, когда их действия привели к банкротству. Кроме того, судебная практика часто рассматривает вопросы добросовестности при подаче заявления о банкротстве и оценке целесообразности различных процедур – от внешнего управления до конкурсного производства (табл. 5).

Таблица 5. Ключевые аспекты судебной практики по делам о банкротстве

Аспект	Описание	Пример правоприменения
Защита прав кредиторов	Определение очередности, соблюдение прав кредиторов на доступ к конкурсной массе	В деле о банкротстве компании X кредиторы первой очереди удовлетворены первыми
Привлечение к ответственности	Применение субсидиарной ответственности к учредителям и должностным лицам	В деле компании Y учредители привлечены к ответственности за преднамеренное банкротство
Добросовестность участников	Оценка обоснованности и добросовестности подачи заявления о банкротстве	Суд подтвердил добросовестность действий управляющего в деле компании Z
Индивидуальное толкование норм	Учет особенностей конкретного дела и применение принципов справедливости и соразмерности	В деле компании W суд учел экономическую целесообразность реструктуризации

Анализ ключевых аспектов судебной практики по делам о банкротстве позволяет выявить важные направления правоприменения, где суды ориентируются на соблюдение интересов кредиторов, объективную оценку добросовестности участников и индивидуальные особенности каждого дела. Судебные

решения показывают, что применение принципов справедливости и соразмерности позволяет учитывать специфику конкретного случая, а привлечение к ответственности лиц, способствовавших банкротству, служит профилактической мерой и укрепляет доверие к правовой системе (табл. 6).

Таблица 6. Основные законодательные акты и их интерпретация в судебной практике

Акт	Применение в судебной практике	Примеры интерпретации
Гражданский кодекс	Основы распределения активов, установление прав кредиторов	Применение очередности требований при распределении активов
Закон о банкротстве	Порядок процедур наблюдения, внешнего управления и конкурсного производства	Толкование норм о назначении внешнего управляющего
Кодекс административных правонарушений	Ответственность должностных лиц и учредителей	Привлечение руководителей к административной ответственности
Уголовный кодекс	Ответственность за преднамеренные действия, приводящие к банкротству	Установление вины должностных лиц в преднамеренном банкротстве

Важную роль в судебной практике по делам о банкротстве играют нормы Гражданского кодекса и Закона о банкротстве, которые, дополняясь положениями административного и уголовного права, позволяют комплексно оценивать действия участников процедуры и применять

меры ответственности. Прецеденты демонстрируют гибкость правоприменения, что позволяет судам адаптировать законодательные нормы к конкретным обстоятельствам и обеспечивать справедливость в правовом регулировании банкротства.

Проблемные аспекты текущего законодательства

Современное законодательство о банкротстве юридических лиц направлено на достижение справедливого распределения активов, защиту прав кредиторов и обеспечение прозрачного правоприменения. Однако анализ судебной практики и научных исследований в данной области выявляет ряд значительных недостатков, ограничивающих эффективность существующих правовых норм. Одной из ключевых проблем является недостаточная детализация полномочий внешних управляющих и механизмов их контроля. В большинстве случаев именно внешний управляющий определяет тактику ведения процедуры банкротства, а это подразумевает высокую степень ответственности и прозрачности. Однако отсутствие четких указаний по процедурам и отчетности в действующем законодательстве может привести к злоупотреблениям и недостаточному контролю со стороны кредиторов.

Сложности также возникают из-за нечеткости законодательных норм, регулирующих очередность удовлетворения требований кредиторов. На практике встречаются случаи, когда судебные органы затрудняются точно определить порядок

и объем выплат, что приводит к затягиванию процессов и осложнению урегулирования требований. Такая неопределенность может усиливаться в случаях, когда у компании–должника имеется сложная структура активов и обязательств, что требует гибкого подхода и, порой, нестандартных решений. Действующие нормы, несмотря на общую ориентированность на справедливое распределение, не всегда позволяют эффективно учитывать интересы всех сторон, что негативно сказывается на качестве правоприменения.

Кроме того, недостаточное внимание в законодательстве уделено вопросам субсидиарной ответственности учредителей и руководителей. В случаях, когда их действия или бездействие способствовали ухудшению финансового положения организации, правоприменение сталкивается с ограничениями при привлечении их к ответственности. Законодательные пробелы в этом аспекте ограничивают возможности правосудия, снижая эффективность превентивных мер и ослабляя профилактическую функцию правового регулирования.

Для систематизации указанных проблемных аспектов и определения возможных направлений их устранения представим информацию в таблице 7.

Таблица 7. Основные проблемы правоприменения законодательства о банкротстве

Проблемный аспект	Описание проблемного аспекта	Нормативный пробел	Последствия на практике
Недостаток контроля внешних управляющих	Отсутствие четких механизмов контроля и отчетности внешних управляющих	Нет четких указаний по отчетности и полномочиям	Риск злоупотреблений, недостаточная защита кредиторов
Нечеткость в очередности требований	Проблемы с определением приоритетов выплаты кредиторам, особенно в случаях сложной структуры активов	Недостаточно конкретизирован порядок и условия выплат	Затягивание процесса, возможность манипуляций
Ограничения в субсидиарной ответственности	Сложности привлечения учредителей и руководителей к ответственности за преднамеренные действия	Ограничены основания для субсидиарной ответственности	Снижение превентивного эффекта, ограниченная защита кредиторов

Сводный анализ проблемных аспектов и нормативных пробелов в законодательстве о банкротстве выявляет значительные ограничения, препятствующие эффективному правоприменению. Недостаток контроля за внешними управляющими, нечеткость очередности удовлетворения требований кредиторов и ограничения по привлечению должностных лиц к субсидиарной ответственности создают существенные риски для правовой защиты кредиторов и справедливого урегулирования банкротства. Эти пробелы приводят к затягиванию процедур, возможности манипуляций и снижению уровня ответственности за действия, ведущие к банкротству, что требует законодательных доработок для повышения прозрачности и эффективности банкротных процессов.

Заключение

Завершая рассмотрение темы правовых аспектов несостоятельности юридических лиц, можно сделать вывод, что текущая система банкротного ре-

гулирования, хотя и обладает определенной степенью структурированности, сталкивается с рядом проблем, ограничивающих её эффективность. Отсутствие четких механизмов контроля за внешними управляющими, неясность очередности удовлетворения требований кредиторов и ограничения по привлечению должностных лиц к субсидиарной ответственности создают препятствия для справедливого и прозрачного правоприменения. Устранение этих нормативных пробелов с учетом выявленных в судебной практике проблем позволит укрепить защиту интересов кредиторов, повысить ответственность участников и обеспечить стабильность правового регулирования, что в целом будет способствовать улучшению делового климата и доверия к процедурам банкротства.

Литература

1. Расторгуев Михаил Анатольевич Проблемы банкротства юридических лиц // Юридическая наука. 2023. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/problemy-bankrotstva-yuridicheskikh-lits (дата обращения: 09.11.2024).

2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.\
3. Аблятипова, Н.А., Еремин, В.Ю. Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) / Н.А. Аблятипова, В.Ю. Еремин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – С. 1–9.
4. Иваненко, Н.А. Проблемы установления судом круга надлежащих ответчиков по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при наличии квазикорпоративного договора [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.11.2024).
5. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности: Официальный сайт [Электронный ресурс] // <https://bankrot.fedresurs.ru/> (дата обращения: 09.11.2024).
6. Кравченко, А.А. К вопросу об обеспечении реализации принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. – Юстицинформ, 2020.

LEGAL ASPECTS OF INSOLVENCY OF LEGAL ENTITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Khoroshenkiy Iu.A.

Moscow financial and industrial university “Synergy”

The article analyzes the legal foundations of insolvency (bankruptcy) of legal entities, focusing on issues of law enforcement identified in judicial practice and scientific research. The author highlights key aspects of the legal regulation of bankruptcy procedures, including insufficient control over the activities of external administrators, challenges in determining the priority of creditor claims, and limited options for holding company executives and founders liable through subsidiary responsibility. The study demonstrates how these regulatory gaps can lead to prolonged procedures, increased risks of abuse, and reduced protection of creditor interests. The conclusion of the article provides recommendations for improving legislation aimed at enhancing the legal accountability of bankruptcy participants and increasing the transparency of procedures. This approach can strengthen trust in the institution of insolvency and improve the effectiveness of law enforcement, which is essential for the stability of business turnover and legal order in corporate regulation.

Keywords: insolvency, bankruptcy of legal entities, legal regulation, subsidiary liability, external administration, creditor control, judicial practice, regulatory gaps, protection of creditor rights, law enforcement.

References

1. Rastorguev Mikhail Anatolyevich Problems of bankruptcy of legal entities // Legal science. 2023. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bankrotstva-yuridicheskikh-lits> (date of access: 09.11.2024).
2. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 04.08.2023) “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended and supplemented on 24.04.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
3. Ablyatipova, N.A., Eremin, V. Yu. The problems of the principle of good faith in the activities of an arbitration manager in the framework of an insolvency (bankruptcy) case / N.A. Ablyatipova, V. Yu. Eremin // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2019. – P. 1–9.
4. Ivanenko, N.A. Problems of establishing by the court the circle of proper defendants in disputes on bringing to subsidiary liability persons controlling the debtor in the presence of a quasi-corporate agreement [Electronic resource] // <https://www.consultant.ru/> (date of access: 09.11.2024).
5. Unified federal register of legally significant information on the facts of the activities of legal entities, individual entrepreneurs and other economic entities: Official website [Electronic resource] // <https://bankrot.fedresurs.ru/> (date of access: 09.11.2024).
6. Kravchenko, A.A. On the issue of ensuring the implementation of the principle of good faith in the activities of an arbitration manager // Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monograph / ed. S.A. Karelina, I.V. Frolov. – Yustitsinform, 2020.

О некоторых вопросах, возникающих при применении дисциплинарных взысканий.

Циндяйкина Елена Павловна,

к.ю.н., доц., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: e.p.ts@yandex.ru

Цыпкина Ирина Сергеевна,

к.ю.н., доц., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: i_c_tcipkina@mail.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с основаниями прекращения трудового договора, являющиеся дисциплинарными проступками. В публикации выявляются спорные и неоднозначно решаемые вопросы, касающиеся порядка применения дисциплинарных взысканий.

Ключевые слова: конфликт интересов, педагогический работник, спортсмен, действие дисциплинарного взыскания, перевод на другую работу, объяснение, временная нетрудоспособность.

Вопросы, связанные с дисциплинарной ответственностью работников, достаточно часто подвергаются научному анализу. Этой теме посвящено значительное число диссертаций, монографий и статей. Тем не менее, до сих пор существует ряд теоретических и практических вопросов, связанных с применением положений главы 30 ТК РФ.

В первую очередь, целесообразно остановиться на основаниях расторжения трудового договора, которые указаны и не указаны по не вполне понятным причинам в качестве «дисциплинарных увольнений». В соответствии со ст. 192 ТК РФ к дисциплинарным взысканиям, в частности, относится увольнение работника по основаниям, предусмотренным п.п. 5, 6, 9 или 10 ч. 1 ст. 81, п. 1 ст. 336 или ст. 348.11 Кодекса. Отдельно предусмотрено, что к этим основаниям могут относиться те, которые содержатся в п.п. 7, 7.1 и 8 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ в случаях, когда виновные действия, дающие основания для утраты доверия, либо соответственно аморальный проступок совершены работником по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей.

Из статьи следует, что расторжение трудового договора по п. 1 ст. 336 Кодекса является дисциплинарным взысканием, между тем такое основание расторжения трудового договора как применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника, не относится к взысканиям, а, следовательно, не требует соблюдения порядка применения взысканий, предусмотренного статьей 193 ТК РФ. Представляется необходимым дополнить ст. 192 ТК РФ основанием, предусмотренным п. 2 ст. 336 ТК РФ.

В отношении ст. 348.11 Трудового кодекса, предусматривающей два дополнительных основания прекращения трудового договора (спортивную дисквалификацию спортсмена на срок шесть и более месяцев и нарушение спортсменом, в том числе однократное, общероссийских антидопинговых правил и (или) антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями, признанное нарушением по решению соответствующей антидопинговой организации) следует отметить, что конкретная процедура дисквалификации спортсмена устанавливается спортивными федерациями самостоятельно. Однако, в Правилах, утвержденных общероссийскими спортивными федерациями по отдельным видам спорта, указывается на недопустимость применения допинга, например, в Правилах вида спорта

«Лыжные гонки» участникам соревнований прямо запрещается применение допинга¹. Таким образом, поскольку спортивная дисквалификация в основном связана с нарушением антидопинговых правил, представляется целесообразным объединить два указанных основания прекращения трудового договора в одно.

В ТК РФ предусмотрено еще несколько оснований для прекращения трудового договора, которые, по сути, связаны с нарушением трудовой дисциплины. К ним относятся, в частности:

- не взаимодействие дистанционного работника в период выполнения трудовой функции без уважительной причины с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя (ч. 1 ст. 312.8);
- несоблюдение установленного в соответствии со статьей 145 ТК РФ предельного уровня соотношения среднемесячной заработной платы заместителя руководителя и (или) главного бухгалтера государственного внебюджетного фонда РФ, территориального фонда обязательного медицинского страхования, государственного или муниципального учреждения либо государственного или муниципального унитарного предприятия и среднемесячной заработной платы работников данного фонда, учреждения либо предприятия (п. 1 ч. 2 ст. 278).

Кроме того, некоторые основания прекращения трудового договора с руководителем организации, надомниками, лицами, работающими у работодателей-физических лиц, также могут быть связаны с совершением дисциплинарного проступка, а, значит, необходимостью соблюдения определенной процедуры увольнения.

Именно в связи с этим, как представляется, позиция Конституционного Суда РФ сводится к тому, что установленный в ч. 3 ст. 192 ТК РФ перечень оснований увольнения работника не является исчерпывающим и не препятствует оценке увольнения в иных случаях виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения работником возложенных на него трудовых обязанностей как меры дисциплинарного взыскания². Действительно, указать в ст. 192 ТК РФ все виновные основания увольнения, содержащиеся в отдельных федеральных законах бессмысленно, но дополнить ее основаниями, содержащимися в статьях самого Кодекса безусловно целесообразно.

Интересно определить с кругом лиц, которые могут быть уволены по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Традиционно принято считать, что под его действие подпадают те категории лиц, которые указаны в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ

¹ Правила вида спорта «Лыжные гонки» (утв. приказом Минспорта России от 05.12.2022 N 1130). См. также Правила вида спорта «велосипедный спорт» и др. (утв. приказом Минспорта России от 13.03.2024 N 296) // <https://storage.minsport.gov.ru>

² Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 N 50-О//СПС КонсультантПлюс

«О противодействии коррупции»³, Постановлении Правительства РФ от 22.07.2013 N 613⁴.

Тем не менее, помимо них, исходя из отдельных федеральных законов расторжение трудового договора по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ возможно со спортсменами, педагогами, медицинскими и фармацевтическими работниками, а также с экспертами, проводящими специальную оценку условий труда.

Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об образовании», конфликт интересов педагогического работника – ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся⁵. Причем, следует согласиться с С.Чанновым в том, что в законе косвенно назван лишь один случай конфликта интересов – оказание педагогическим работником платных услуг обучающимся в организации, где он работает⁶.

Под конфликтом интересов по ст. 26.2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» понимается ситуация, при которой заинтересованность (прямая или косвенная) физических лиц, состоящих в трудовых или гражданско-правовых отношениях с организатором официального спортивного соревнования (юридическим лицом) или с организацией, участвующей в подготовке и проведении соответствующего официального спортивного соревнования, лиц, непосредственно участвующих в официальном спортивном соревновании, иных связанных с ними лиц в получении лично либо через посредника материальной выгоды или иного преимущества в целях манипулирования официальным спортивным соревнованием⁷. Следовательно, в случае доказанности факта получения материальной выгоды педагогического работника или спортсмена можно уволить по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

³ Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

⁴ Постановление Правительства РФ от 22.07.2013 N 613 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, и работниками, замещающими должности в этих организациях, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, проверке достоверности и полноты представляемых сведений и соблюдения работниками требований к служебному поведению» // Собрание законодательства РФ, 29.07.2013, N 30 (часть II), ст. 4121.

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598

⁶ Чаннов С. Конфликт интересов педагога // ЭЖ-Юрист. 2013. N 25. С. 15.

⁷ Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 10.12.2007, N 50, ст. 6242

Однако, как верно отмечает Г.Г. Зайцева, ситуации конфликта интересов увязываются только с одной стороной деятельности в сфере спорта – проведением официальных спортивных соревнований, а непринятие мер по предотвращению конфликта, приведшее к достижению заранее определенного результата или исхода соревнования, расценивается как противоправное влияние на такой результат (манипулирование соревнованием) (п. 4 ч. 1 ст. 26.2 Закона о физкультуре и спорте)¹.

Но в если в отношении спортсменов и педагогов в действующем законодательстве достаточно четко указано, что следует понимать под конфликтом интересов и личной заинтересованностью, то в отношении медицинских работников ситуация видится неоднозначной, несмотря на значительное число судебных дел, признающих законность их увольнения.

Согласно ст. 75 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в случае возникновения конфликта интересов медицинский работник или фармацевтический работник обязан проинформировать об этом в письменной форме руководителя медицинской организации или руководителя аптечной организации, в которой он работает. Руководитель медицинской организации, руководитель аптечной организации, индивидуальный предприниматель, осуществляющий медицинскую деятельность или фармацевтическую деятельность обязаны проинформировать о возникновении конфликта интересов уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти².

Таким образом, в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» понятие конфликт интересов сводится

¹ Зайцева Г.Г. Конфликт интересов в профессиональной деятельности бюджетного учреждения // Руководитель бюджетной организации. 2022. N 5. С. 37–47. Это мнение подтверждается, в частности, Приказом Минспорта России от 21.09.2023 N 675. Так, противоправным влиянием на результат официального спортивного соревнования (манипулированием официальным спортивным соревнованием) признается совершение, в целях достижения заранее определенных результатов или исхода этого соревнования, хотя бы одного из следующих действий:

– подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд, других участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников), принуждение или склонение указанных лиц к оказанию такого влияния или совершение этих действий по предварительному сговору с указанными лицами;

– получение спортсменами, спортивными судьями, тренерами, руководителями спортивных команд, другими участниками или организаторами официального спортивного соревнования (в том числе их работниками) денег, ценных бумаг, иного имущества, пользование указанными лицами услугами имущественного характера, извлечение ими других выгод и преимуществ или их предварительный сговор;

– непринятие мер по предотвращению конфликта интересов в сфере физической культуры и спорта, которое привело к достижению заранее определенных результатов или исхода официального спортивного соревнования // Правила вида спорта «пилонный спорт» (утв. приказом Минспорта России от 21.09.2023 N 675

² Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, N 48, ст. 6724

лишь к информированию федерального органа исполнительной власти, и, тем самым, возможность расторжения трудового договора по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ блокируется. Как верно отмечено в юридической литературе, «ответственность в данном случае наступает не за сам факт конфликта интересов, а лишь за «недонесение» о нем³». В связи с этим представляется, что за невыполнение обязанности проинформировать соответствующие инстанции расторжение трудового договора недопустимо. Между тем, медицинская организация – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии (ст. 2 ФЗ), то есть медицинские организации могут быть созданы в форме коммерческой и некоммерческой организации. Поскольку конфликт интересов практически аналогичен понятию личной заинтересованность, необходимо отметить, что в отношении руководителей медицинских организаций в форме акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, например, федеральными законами «Об акционерных обществах»⁴ и «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁵ закреплены нормы о сделках с заинтересованностью. Если же руководитель медицинской некоммерческой организации имеет заинтересованность в сделке, стороной которой является или намеревается быть некоммерческая организация, а также в случае иного противоречия интересов указанного лица и некоммерческой организации в отношении существующей или предполагаемой сделки⁶, конфликт интересов налицо, и расторжение трудового договора по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ правомерно.

В соответствии со ст. 22 Федерального закона от 28.12.2013 N 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» организации, проводящие специальную оценку условий труда, и их эксперты не вправе осуществлять действия, влекущие за собой возникновение конфликта интересов или создающие угрозу возникновения такого конфликта (ситуации, при которых заинтересованность организации, проводящей специальную оценку условий труда, или ее эксперта влияет либо может повлиять на результаты проведения специальной оценки условий труда)⁷. Однако, следует отметить, что, например, если в Федеральном законе

³ Габай П.Г., Карапетян Р.Ю. Конфликт интересов в сфере здравоохранения // Медицинское право. 2017. N 6. С. 10–16.

⁴ Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 1

⁵ Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, N 7, ст. 785

⁶ Ст. 27 Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 145

⁷ Собрание законодательства РФ, 30.12.2013, N 52 (часть I), ст. 6991

«О прокуратуре Российской Федерации»¹ и Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации»² указано на то, что взыскания применяются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении работником коррупционного правонарушения, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения, то в Федеральном законе «О специальной оценке условий труда» порядок применения взыскания не предусмотрен.

Нерешенным в действующем законодательстве остается также вопрос о том, продолжает ли действовать дисциплинарное взыскание после перевода работника на другую работу у того же работодателя. В целом, многие судебные органы считают, что сам по себе перевод работника на другую должность у одного и того же работодателя не является самостоятельным основанием для снятия с работника наложенного на него по прежней должности дисциплинарного взыскания³. Однако, это мнение представляется небесспорным. Более верной видится позиция Верховного Суда, согласно которой увольнение работницы по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ было признано незаконным, поскольку оно произведено с должности, по которой она дисциплинарного проступка не совершала⁴. Отдельные судебные решения подтверждают эту правовую позицию. Так, Шестым кассационным судом общей юрисдикции ссылка ответчика на приказы о привлечении Н. к дисциплинарной ответственности с 2008 по 2014 годы не были приняты во внимание, поскольку данные меры применялись по ранее существовавшему трудовым правоотношениям сторон⁵.

Интересно отметить, что некоторые суды в разные годы приходят к разным решениям по поводу допустимости расторжения трудового договора по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в тех случаях, когда взыскание было применено к работнику до перевода его на другую работу. Так, если в Апелляционном определении Московского областного суда от 15.02.2016 по делу N 33–199/2016 указано, что значение имеет то, что работник неоднократно в течение года имел нарушения трудовых обязанностей, независимо от того, какую должность он занимал на данном предприятии⁶, то прямо противоположное решение содержится в Апелляционном определении Московского городского суда

от 18.12.2018 N 33–54278/2018, согласно которому ссылкой суда первой инстанции на наличие у истца дисциплинарного взыскания в виде замечания, примененного к ней приказом N 222-к от ..., судебная коллегия полагает неправомерной, поскольку данное взыскание было применено к истцу в период, когда она занимала иную должность (специалист по работе с семьей стационарного отделения), то есть до даты перевода на должность специалиста по социальной работе стационарного отделения⁷.

Таким образом, при переводе на другую работу трудовая функция работника меняется, поэтому все ранее примененные дисциплинарные взыскания к работе на новой должности утрачивают силу, что целесообразно разъяснить и отразить на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Целесообразно также остановиться на вопросе об обязанности работодателя затребовать от нарушителя трудовой дисциплины объяснения. Согласно Определениям Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ работник в случае временной нетрудоспособности не может реализовать свое право предоставить объяснения по поводу совершения дисциплинарного проступка, имевшего место по мнению работодателя⁸. Многие судебные решения последних лет фактически воспроизводят данное мнение⁹. Однако, в ч. 1 ст. 193 ТК РФ в настоящий момент не содержится указания на то, что срок, в который работодатель должен затребовать объяснение может быть продлен на период временной нетрудоспособности работника. В связи с этим представляется целесообразным внести соответствующее дополнение в указанную статью.

Множество вопросов возникает при анализе правовой позиции Конституционного Суда, выраженной в Постановлении от 15.06.2023 N 32-П, согласно которой применение к работнику дисциплинарного взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение по его вине возложенных на него трудовых обязанностей не может служить основанием для лишения этого работника на весь срок действия дисциплинарного взыскания входящих в состав его заработной платы стимулирующих выплат (в частности, ежемесячной или ежеквартальной премии и вознаграждения по итогам работы за год) или для произвольного снижения их размера¹⁰. Буквальное следование данному мнению фактически исключит возможность примене-

¹ Ст. 41.10 Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, N 47, ст. 4472

² Ст. 30.3 Федерального закона от 28.12.2010 N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, N 1, ст. 15

³ См., напр., Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2020 N 88–17024/2020 по делу N 2–880/2020//СПС Консультант Плюс

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 29.10.2009 N 5-В09–110//СПС КонсультантПлюс

⁵ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2021 по делу N 88–16354/2021, 2–34/2021// СПС КонсультантПлюс

⁶ СПС КонсультантПлюс

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2018 N 33–54278/2018//СПС КонсультантПлюс

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2019 г. N 48-КГ19–3; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. N 69-КГ20–3//СПС Консультант Плюс.

⁹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 N 88–22399/2023; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.2023 N 88–12663/2023; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2022 N 88–12395/2022 и др.//СПС КонсультантПлюс

¹⁰ Собрание законодательства РФ, 26.06.2023, N 26, ст. 4845

ния к работнику мер правового воздействия, поскольку ограничит право работодателя включать в локальные акты положения о лишении дополнительных льгот работников, нарушающих трудовую дисциплину.

Литература

1. Габай П.Г., Карапетян Р.Ю. Конфликт интересов в сфере здравоохранения // Медицинское право. 2017. N 6. С. 10–16.
2. Зайцева Г.Г. Конфликт интересов в профессиональной деятельности бюджетного учреждения // Руководитель бюджетной организации. 2022. N 5. С. 37–47.
3. Чаннов С. Конфликт интересов педагога // ЭЖ-Юрист. 2013. N 25. С. 15.

ON SOME ISSUES ARISING IN THE APPLICATION OF DISCIPLINARY SANCTIONS

Tsindyaykina E.P., Tsyapkina I.S.

O.E. Kutafin University (MSAL)

The article examines issues related to the grounds for termination of an employment contract, which are disciplinary offenses. The publication identifies controversial and ambiguously resolved issues related to the procedure for applying disciplinary sanctions.

Keywords: conflict of interest, teaching staff, athlete, effect of disciplinary action, transfer to another job, explanation, temporary disability

References

1. Gabay P.G., Karapetyan R. Yu. Conflict of interest in the field of healthcare // Medical law. 2017. N 6. Pp. 10–16.
2. Zaitseva G.G. Conflict of interest in the professional activities of a budgetary institution // Head of a budgetary organization. 2022. N 5. Pp. 37–47.
3. Channou S. Conflict of interest of a teacher // EZh-Lawyer. 2013. N 25. Pp. 15.

Выявление направлений развития института корпоративного договора в России

Шохова Валерия Александровна,

магистрант направления «Юриспруденция», Институт философии и права, Новосибирский государственный университет Новосибирск
E-mail: v.shokhova@g.nsu.ru

Статья посвящена анализу вопроса о допустимых условиях корпоративного договора по российскому праву. Автор указывает на то, что указанный вопрос получает свое развитие благодаря судебной практике, где суды оценивают допустимость тех или иных условий корпоративного договора в совокупности с нормами гражданского законодательства. Суды оценивают возможность включения каких-либо необычных условий в корпоративный договор с точки зрения нормы, регулирующей аналогичные отношения, – является ли такая норма императивной либо диспозитивной. При этом за последние годы в судебной практике сформировалась тенденция к расширению прав участников корпораций по самостоятельному регулированию корпоративных отношений через корпоративный договор. Ряд судебных решений коренным образом изменили взгляд профессионального юридического сообщества на корпоративный договор как инструмент регулирования корпоративных отношений. В данной статье автор проводит обзор наиболее значимых позиций судов для развития института корпоративного договора в России.

Ключевые слова: корпоративный договор, судебная практика, корпоративные отношения, корпорация, обзор судебной практики, допустимые условия.

Корпоративный договор как инструмент регулирования корпоративных отношений появился в ГК РФ в 2014 г. и за десять лет своего существования получил широкое применение в предпринимательской сфере. Это не стало сюрпризом для юридического сообщества, поскольку, будучи реципированным из англо-саксонского права, институт корпоративного договора был хорошо известен в России еще задолго до его официального закрепления в гражданском законодательстве. Собственно, сами по себе попытки отечественного бизнеса тем или иным образом воспроизвести конструкцию корпоративного договора в отношениях между участниками корпораций привели к многочисленным судебным спорам и, в конце концов, к необходимости законодателя урегулировать данный вопрос в законе.

Несмотря на то, что корпоративному договору посвящен ряд норм ГК РФ и отраслевых законов, в судебной практике возникает немало спорных ситуаций, касающихся допустимости включения тех или иных условий в корпоративный договор. Прежде всего, это касается вопросов допустимости ограничения корпоративных прав некоторых участников – налицо противоборство конституционных прав на свободу предпринимательской деятельности и частно-правовых интересов хозяйствующих субъектов, которые не всегда заинтересованы в том, чтобы корпоративное управление фактически осуществлялось всеми участниками.

Анализ судебной практики последних лет показывает, что суды все чаще признают те или иные условия корпоративного договора допустимыми, ссылаясь на диспозитивность норм, регулирующих отношения между участниками корпорации. Основу такого подхода заложил Верховный Суд РФ, рассматривая громкое дело ООО «Яна Тормыш», где был сделан вывод о презумпции диспозитивности корпоративных отношений [1]. Нами были проанализированы судебные споры последних лет, связанные с допустимостью урегулирования отдельных вопросов в корпоративном договоре. Предлагается рассмотреть наиболее значимые из них, сформулировав ключевые выводы в виде обзора.

Условие об ограничении прав одного из учредителей на участие в управлении хозяйственным обществом допустимо при наличии встречного предоставления.

Корпоративный договор, заключенный между всеми тремя участниками ООО, предусматривал отказ одного из участников от всех своих корпоративных прав, в т.ч. от прав на управление и полу-

чение прибыли от деятельности общества. В свою очередь, остальные участники обязались выплачивать ограниченному в правах участнику по 5 млн руб. ежемесячно за счет собственных средств и независимо от финансовых результатов деятельности общества. Указанное условие было признано допустимым, за участником, который отказался от своих корпоративных прав, судом было признано право на взыскание задолженности по выплате компенсации со стороны других участников [2].

В качестве санкции за нарушение корпоративного договора может быть предусмотрена обязанность нарушителя по отчуждению своей доли в пользу других участников.

Корпоративный договор предусматривал обязанность трех из четырех участников голосовать на общем собрании так же, как и четвертый участник (на основании прямого указания п. 1 ст. 67.2 ГК РФ). Также, было предусмотрено, что в случае нарушения этой обязанности участники-нарушители будут обязаны продать свои доли четвертому участнику в течение 30 календарных дней. При этом отчуждение долей виновных участников происходит после направления четвертым участником оферты с предложением выкупа долей по конкретной цене. Виновные же участники обязаны продать свои доли по цене, указанной четвертым участником. Когда участниками 1–3 были нарушены условия корпоративного договора, они отказались продавать свои доли четвертому участнику, что и стало поводом для обращения последнего в суд с требованием о передаче долей. Суд в данном деле счел условия корпоративного договора допустимыми, поскольку стороны добровольно взяли на себя обязательства по такому договору и предусмотрели меры ответственности для случаев нарушения. Однако иск четвертого участника не был удовлетворен в связи с выбором ненадлежащего способа защиты – такой участник не может требовать безвозмездной передачи долей других участников, но может обратиться в суд с требованием о понуждении к заключению договоров купли-продажи на тех условиях, которые определены самим четвертым участником в силу условий корпоративного договора [3].

Корпоративный договор может быть частью смешанного договора, что само по себе не влияет на действительность его условий.

Между участником 1 и участником 2, чье общество занималось строительством многоквартирных домов, было заключено соглашение, в соответствии с которым участник 1 финансирует строительство одного из домов и приобретает право собственности на ряд квартир в указанном построенном доме. После строительства дома квартиры не были переданы участнику 1, что и послужило поводом для судебного разбирательства. Суды первой и апелляционной инстанции квалифицировали данный договор как смешанный, в т.ч. с элементами корпоративного договора. Однако суд кассационной инстанции не согласился с данными выводами и указал, что условия спорного договора

позволяют квалифицировать его как смешанный договор с элементами договора подряда и договора об инвестиционной деятельности, но никак не корпоративного договора. Однако указанное обстоятельство не повлияло на разрешение спора по существу, в связи с чем акты нижестоящих судов были оставлены в силе [4]. Полагаем, что данный вывод суда не исключает сам по себе возможность интеграции корпоративного договора в соглашения смешанного типа, поскольку корпоративный договор имеет свой предмет регулирования.

Корпоративный договор может предусматривать расширение прав миноритария, в том числе до возможности блокирования любых решений общего собрания.

Предметом рассмотрения в данном случае стало акционерное соглашение, в соответствии с которым решения по ключевым вопросам управления должны приниматься всеми акционерами единогласно. При этом акционер 1 владеет одной акцией (1 шт.), а акционер 2 владеет 612772 559 шт. акций. На общем собрании по вопросу внесения изменений в устав акционер 2 голосовал «за», акционер 1 голосовал «против» (612772 559 голосов против 1). Несмотря на условия корпоративного договора, решение было принято, в ЕГРЮЛ были внесены изменения в устав акционерного общества. Миноритарий обратился в суд с требованием признать решение общего собрания недействительным и применить последствия недействительности сделки. Суд удовлетворил требования, признав соответствующее условие корпоративного договора законным [5]. Однако остается открытым вопрос о том, должны ли участники каким-либо образом обосновать такое расширение прав миноритария, поскольку в данном случае суд уделил особое внимание данному вопросу – указано, что необходимость в расширении прав миноритария в данном случае была обусловлена необходимостью его контроля за выполнением национального проекта. При этом сделать однозначный вывод о необходимости сторон корпоративного договора доказывать обоснованность такого условия пока невозможно.

Корпоративный договор может содержать в себе условие о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК РФ).

Данный инструмент, пожалуй, стал наиболее распространенным в практике заключения корпоративных соглашений. Стоит сказать, что указанный вывод следует не столько из судебной практики, сколько из прямого соответствующего указания в п. 5 ст. 406.1 ГК РФ. При этом судебная практика сыграла важную роль в распространении института возмещения потерь на корпоративные отношения и в толковании соответствующих условий корпоративного соглашения. Например, суды могут квалифицировать в качестве условия о возмещении потерь оговорку в договоре купли-продажи долей в уставном капитале о выплате неустойке, равной размеру кредиторской задолженности общества [6]. Указанный подход представля-

ется нам разумным, поскольку толкование условий любого договора должно исходить из содержания его условий, а термины, использованные в договоре, должны принимать значение исходя из правового эффекта, к которому стремились стороны при закреплении конкретного условия в корпоративном договоре. Однако не любое условие, похожее на возмещение потерь, будет соответствующим образом расценено судом. Например, если стороны вместо прямого термина «возмещение потерь» используют в договоре «неполученные доходы», такое условие будет считаться условием о возмещении убытков в виде упущенной выгоды, но никак не возмещением потерь [7]. Полагаем, что такой подход стимулирует стороны использовать предусмотренные законом инструменты регулирования корпоративных отношений эффективно, напрямую называя те или иные конструкции во избежание правовой неопределенности.

В заключение стоит отметить, что нормы гражданского законодательства о корпоративном договоре в России получают свое развитие благодаря активно развивающейся судебной практике, которая зачастую формирует не только новое толкование существующей нормы, но и новую норму права в целом. В связи с этим повышается актуальность регулярного мониторинга судебной практики по данному вопросу и формирования соответствующих обзоров.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. по делу № А65–3053/2019 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/483838/documents> (дата обращения 01.11.2024).
2. Постановление Пятого апелляционного арбитражного суда от 10.02.2022 г. по делу № А51–18875/2020 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/90097/documents> (дата обращения 01.11.2024).
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.12.2022 г. по делу № А40–237712/2021 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/76543/documents> (дата обращения 01.11.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.04.2024 г. по делу № А84–7448/2022 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/233475/documents> (дата обращения 01.11.2024).
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.04.2021 г. по делу № А54–8476/2019 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/409888/documents> (дата обращения 01.11.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 г. по делу № А56–36564/2019 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/35998/documents> (дата обращения 07.11.2024).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.04.2022 г. по делу № А40–68933/2021 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/35954/documents> (дата обращения 07.11.2024).

IDENTIFICATION OF DEVELOPMENT DIRECTIONS OF THE CORPORATE CONTRACT INSTITUTION IN RUSSIA

Shokhova V.A.

Novosibirsk State University Novosibirsk

The article is devoted to the analysis of the issue of acceptable terms of a corporate agreement under Russian law. The author points out that this issue is being developed through judicial practice, where the courts assess the admissibility of certain terms of a corporate agreement in conjunction with the norms of civil law. The courts assess the possibility of including any unusual conditions in a corporate contract from the point of view of the norm governing similar relations – whether such a norm is imperative or dispositive. At the same time, in recent years, there has been a tendency in judicial practice to expand the rights of corporate participants to independently regulate corporate relations through a corporate agreement. A number of court decisions have radically changed the view of the professional legal community on the corporate contract as a tool for regulating corporate relations. In this article, the author reviews the most significant positions of the courts for the development of the institution of corporate contract in Russia.

Keywords: corporate contract, judicial practice, corporate relations, corporation, review of judicial practice, acceptable conditions

References

1. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 11, 2020 in case No. A65–3053/2019 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/483838/documents> (accessed on November 1, 2024).
2. Resolution of the Fifth Appellate Arbitration Court dated February 10, 2022 in case No. A51–18875/2020 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/90097/documents> (accessed on November 1, 2024).
3. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 06.12.2022 in case No. A40–237712/2021 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/76543/documents> (accessed on 01.11.2024).
4. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 09.04.2024 in case No. A84–7448/2022 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/233475/documents> (accessed on 01.11.2024).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 09.04.2021 in case No. A54–8476/2019 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/409888/documents> (accessed on 01.11.2024).
6. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 03.03.2020 in case No. A56–36564/2019 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/35998/documents> (accessed on 07.11.2024).
7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated April 12, 2022 in case No. A40–68933/2021 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/35954/documents> (date of access 11/07/2024).

Социальные сети. Как использовать их в качестве доказательства в суде.

Абдыкалыков Аскар Абдыкалыкович,

Практикующий Юрист LL.M Международного Бизнес
и Финансового права Школы-права Чикаго-Кент Колледж
E-mail: abdykalykov21@gmail.com

Статья посвящена исследованию правовых аспектов использования социальных сетей как источника доказательств в судебных процессах в Кыргызской Республике. В процессе написания статьи изучены нормативные правовые акты Кыргызской Республики, регулирующие доказательную базу, а также судебные решения, раскрывающие специфику применения информации из социальных сетей в судебной практике. Особое внимание уделено вопросам допустимости таких доказательств, условиям их получения, а также рискам, связанным с их подделкой или искажением. Автор анализирует законодательство Кыргызской Республики и судебную практику, а также предлагает рекомендации по использованию материалов из социальных сетей как доказательной базы в судах.

Ключевые слова: социальные сети; доказательства; судебный процесс; суд; допустимость доказательств; аутентичность информации; защита нарушенных прав.

Введение

Конституция Кыргызской Республики провозгласила Кыргызстан как независимое, суверенное, демократическое, унитарное, правовое, светское и социальное государство¹. По Основному закону страны каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права. При этом каждый вправе защищать свои права и свободы, а также обеспечивать восстановление нарушенных прав всеми доступными способами, не запрещенными законом².

Судебная защита является одним из основных способов защиты и восстановления нарушенных прав, ввиду обязательности принимаемых судом решений и установленной законодательством ответственности за неисполнение судебных актов³. Данное обстоятельство делает обозначенный вид рассмотрения споров и восстановления нарушенных прав наиболее привлекательным и востребованным.

Наиболее важную роль в защите нарушенных прав в судебных процессах играет качественная и достаточная доказательная база, поскольку ни один судебный процесс не может обойтись без предъявления сторонами доказательств в обоснование своих исковых требований либо возражений.

Чем больше надлежащих доказательств представит суду сторона, участвующая в деле, тем больше для этой стороны вероятность успешного разрешения дела. У процесса доказывания имеется ряд особенностей, которые необходимо учитывать при обращении в суд, это касается и требований, предъявляемых к доказательствам. Свои особенности есть и при предоставлении в суд в качестве доказательной базы сведений, материалов, документов, фотографий и иных данных, содержащихся в социальных сетях.

На сегодняшний день в процессуальном законодательстве Кыргызстана отсутствуют специальные положения, касающиеся возможности применения в суде в качестве доказательной базы информации, содержащейся в социальных сетях. Однако, данное обстоятельство не препятствует успешному использованию соответствующих материалов в судебных процессах.

Целью данной статьи является изучение правовых аспектов использования социальных сетей как источника доказательств в Кыргызской Респу-

¹ Ч. 1 статьи 1 Конституции Кыргызской Республики

² Ч. 1 и 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики

³ Статья 370 Уголовного кодекса Кыргызской Республики

блике. Исходя из поставленной цели, рассматривается нормативно-правовая база Кыргызской Республики в сфере доказательного процесса; типы информации, содержащейся в социальных сетях, способной выступать в качестве доказательств; фиксация доказательств, их допустимость, а также имеющиеся риски по их использованию. Теоретической и законодательной основами исследования стали нормативные правовые акты Кыргызской Республики, так или иначе регулирующие отношения, связанные с реализацией пользователями социальных сетей своих прав, а также судебные решения.

Регулирование социальных сетей в законодательстве Кыргызской Республики. Возможность их использования в судебных процессах

Стремительное развитие цифровых технологий приводит к тому, что все большее количество лиц активно используют возможности глобальной сети Интернет. Социальные сети в последние годы стали самым доступным и массовым источником информации. Удобство социальных сетей, легкость их использования и оперативность размещения и получения информации, делают их незаменимыми в жизнедеятельности человека. Они используются как в повседневной жизни, предоставляя удобную платформу для общения, налаживания личных и деловых связей, так и в образовательной, просветительской, профессиональной и коммерческой сферах. В социальных сетях размещаются данные о круге общения, путешествиях, увлечениях, сфере деятельности, местах работы и проживания, имуществе и иных материальных и нематериальных активах. Все это приводит к тому, что в сети Интернет на каждого человека – пользователя социальных сетей со временем «скапливается» достаточно большой массив информации. Данные сведения могут сыграть ключевую роль в судебных процессах, выступая важными доказательствами.

Наиболее популярными социальными сетями в Кыргызстане, согласно исследовательским данным, являются Одноклассники, Facebook, Instagram, V Kontakte, Tik-Tok, YouTube, Twitter. Мессенджеры также могут выступать в качестве источников информации, наиболее часто используются Telegram и WhatsApp. Только 4% из всей доли пользователей Интернет Кыргызстана не используют социальные сети¹.

¹ Правовые основы использования социальных сетей в Кыргызской Республике, Американская ассоциация юристов в Кыргызской Республике <https://prevention.kg/wp-content/uploads/2023/04/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F-%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%B - VD1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0-%D0%B2-%D0%9A%D0%A0-%D0%90BA-ROLI.pdf>

Указанные данные свидетельствуют о ключевой роли социальных сетей в жизни человека и функционировании общества и вызывают необходимость установления специального правового регулирования данной сферы отношений. В связи с чем, в последние годы государственные органы выступают с различными законодательными инициативами, направленными на регулирование данной области отношений, но это в большей части касается правового статуса социальных сетей, а также введения ответственности за распространение в Интернет-пространстве недостоверной (ложной) информации². Отдельного нормативного правового акта, регулирующего социальные сети, правила их использования в Кыргызстане, в том числе, как источника доказательств в суде нет.

Фрагментарно, для целей регулирования отношений, возникающих в связи с использованием социальных сетей, применяются законы Кыргызской Республики «Об электронном управлении», «Об информации персонального характера», «О праве на доступ к информации», «О защите от недостоверной (ложной) информации».

Гражданский процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Административно-процессуальный кодекс, Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях отдельно не содержат нормативных предписаний по использованию сведений и иных материалов, содержащихся в социальных сетях в качестве доказательств в судебных разбирательствах.

Вместе с тем, следует отметить, что согласно процессуальному законодательству доказательствами являются полученные в предусмотренном законом порядке любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются объяснениями сторон и третьих лиц, показаниями свидетелей, в том числе полученными путем использования системы видеоконференцсвязи, а также письменными и вещественными доказательствами, аудио- и видеозаписями, заключениями экспертов³.

Таким образом, любые фактические данные, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон, могут выступать в качестве доказательств.

К числу таких данных, законодательство Кыргызстана относит письменные доказательства, а именно: акты, документы, договоры, справки, деловую переписку, письма личного характера, иные документы и материалы, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в том числе полученные посредством факсимиль-

² <http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/4132>

³ Статья 64 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики

ной, электронной или иной связи либо иным способом, позволяющим установить их достоверность.

Данные нормативные предписания процессуального характера дают право сторонам спора предъявлять в суды в качестве доказательств материалы и информацию, содержащуюся в социальных сетях. При этом судебная практика Кыргызстана свидетельствует о том, что стороны судебного процесса успешно пользуются указанным правом, отстаивая свою правоту, все чаще апеллируя к информации, содержащейся в социальных сетях. Они обращают внимание судей на содержание переписки, фотографии и даже на факт нахождения в друзьях у оппонента определенных лиц.

Типы доказательств

Среди такого массива информации можно выделить следующие типы доказательств:

- **текстовые сообщения и комментарии.** Так, переписки и комментарии могут служить подтверждением договоренностей, угроз или намерений сторон. Переписка в мессенджерах, социальных сетях, привязанная к конкретным телефонным номерам, может быть использована в качестве доказательства в судебных спорах, если принадлежность этих номеров участникам спора или их представителям подтверждена. Факт принадлежности телефонного номера стороне судебного разбирательства может быть подтвержден посредством направления запроса оператору связи. Кроме того, в случае, если в договорах и соглашениях в качестве способов коммуникаций отдельно прописаны мессенджеры и конкретные социальные сети, в привязке к определенным контактам, то переписка в таких социальных сетях приобретает обязательную юридическую силу;
- **фотографии и видео.** Изображения и видеозаписи могут показать точные место, время и обстоятельства событий, а также подтвердить или опровергнуть заявления участников судебного процесса;
- **посты и публикации.** Данные материалы, в случае если они касаются предмета спора, могут выступить в качестве доказательств в судебных процессах при определении времени и места нахождения человека, его намерениях или состоянии на момент публикации;
- **данные профиля.** Информация из профиля пользователя социальных сетей может подтвердить его личность, полученное образование, место проживания, круг знакомств, а также установить связи с другими участниками процесса.

Фиксация доказательств из социальных сетей

Самый простой способ фиксировать информацию из социальных сетей это скриншоты. Однако важно учитывать, что скриншоты могут быть подвергнуты редактированию, и соответственно их доказательная сила может быть оспорена в суде. Во избежание таких последствий при распечатке скриншота необходимо указать следующую информацию:

- адрес сайта (для электронной почты и мессенджеров – стороны переписки);
- дата и время;
- данные о лице, которое сделало и распечатало скриншот, его подпись;
- указание на использованные программу/техническое устройство.

Более того, чтобы скриншот был признан в качестве доказательства в суде, согласно законодательству Кыргызстана, он должен быть нотариально заверен. Данное требование вытекает из статьи 73 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, согласно которой обеспечение доказательств до возникновения дела в суде производится нотариусом или должностными лицами консульских учреждений в порядке, предусмотренном законодательством Кыргызской Республики¹.

Если дело уже находится на рассмотрении суда, то участвующие в деле лица, имеющие основания опасаться, что предоставление необходимых для них доказательств сделается впоследствии невозможным или затруднительным, могут просить суд об обеспечении этих доказательств. К примеру, данные об администраторе информационного ресурса в сети Интернет могут быть истребованы судом у администратора/регистратора системы по регистрации и учету доменных имен и/или у владельца блока IP-адресов, к которому принадлежит данный информационный ресурс при наличии такой возможности.

Допустимость доказательств

Не все материалы, содержащиеся в социальных сетях, могут быть использованы в качестве доказательств в суде. Для того, чтобы они были признаны в качестве допустимых доказательств, они должны быть получены законным путем и сохранять свою целостность. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу судебного акта². Суд принимает только те из представляемых доказательств, которые имеют значение для дела³.

Для того чтобы доказательства из социальных сетей были приняты судом, необходимо соблюдать ряд условий:

- в первую очередь, суд должен убедиться, что представленные материалы подлинные и не были изменены. Это может быть подтверждено посредством нотариального заверения либо экспертными заключениями. Так, в качестве доказательства распространения информации в сети Интернет истец может представить нотариально удостоверенную копию

¹ Соответствующие нотариальные действия нотариус осуществляет согласно пункту 17 части 1 статьи 39 Закона Кыргызской Республики «О нотариате»

² Часть 3 статьи 64 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики. Часть 3 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

³ Часть 1 статьи 68 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики. Часть 1 статьи 52 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Интернет-страницы, на которой была размещена оспариваемая информация. По ходатайству любой из сторон суд может уточнить условия совершения нотариальных действий по удостоверению копии Интернет-страницы, на которой была размещена оспариваемая информация (в том числе, уточнить с какого компьютера и канала связи был осуществлен выход в сеть Интернет для производства осмотра оспариваемой информации, и др. вопросы)¹. В свою очередь эксперты могут давать заключения по поводу того, каким образом были получены данные, и соответствуют ли они установленным стандартам. Это помогает суду принять обоснованное решение о допустимости и достоверности представленных доказательств;

- доказательства должны быть непосредственно связаны с делом, поскольку суд принимает только те из представляемых доказательств, которые имеют значение для дела. К примеру, даже в том случае, если в публикации прямо не указаны фамилии конкретных лиц, но из контекста ясно, о ком идет речь (в случае приведения фактов, позволяющих четко и недвусмысленно идентифицировать лицо, например, указания даты и места рождения, должности, занимаемой в государственном органе или другой организации), то данное обстоятельство не является основанием для возвращения искового заявления;²
- доказательства должны быть получены законным путем. Материалы, полученные путем взлома аккаунта, могут быть исключены из дела.

Как показывает судебная практика Кыргызстана, в последнее время социальные сети все в больших случаях становятся источником доказательств в судебных процессах. Они широко используются при рассмотрении семейных дел, дел о банкротстве, о защите чести, достоинства и деловой репутации, при рассмотрении хозяйственных споров, а также в уголовном и административном процессах.

Однако, несмотря на все преимущества, использование социальных сетей в качестве доказательной базы имеет и свои риски, связанные с подделкой доказательств; представлением только части переписки или публикации, способной исказить реальную картину событий.

Для того чтобы социальные сети могли быть успешно использованы в суде как доказательства, важно применять технические инструменты для их аутентификации. Цифровая криминалистика предоставляет методы для проверки подлинности данных, таких как восстановление удаленных сообщений, анализ метаданных и определение того, подвергались ли файлы изменению.

Использование специализированных программ и оборудования позволяет экспертам точно опре-

делить, являются ли предоставленные данные подлинными и не были ли они изменены. Это имеет решающее значение для предотвращения подделки доказательств, которые могут серьезно повлиять на исход дела.

Международный опыт

В зарубежных странах, таких как США, Канада, Россия, страны Европейского Союза, социальные сети также активно используются как источники доказательств в судебных процессах. При этом анализ международного опыта показывает, что использование данных из социальных сетей в качестве доказательств требует соблюдения строгих стандартов аутентификации и законности получения. В США и Канаде, суды активно используют данные из социальных сетей, полагаясь на экспертные заключения и свидетельские показания. Специфика указанной практики в Европе состоит в том, что правоприменение регулируется строгими нормами о защите персональных данных, что требует особого подхода к использованию таких доказательств. В России, суды часто используют переписки и фотографии из социальных сетей для подтверждения различных фактов в гражданских, арбитражных и уголовных делах.

При этом, примечательным является то, что в России возможность использовать доказательства из интернета официально была закреплена с принятием в 2019 году Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому допустимыми доказательствами признаны в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами³. Тем самым была исключена необходимость обязательного нотариального удостоверения таких доказательств.

Таким образом, рассмотрение опыта других стран показывает, что стандарты аутентификации и верификации данных из социальных сетей играют ключевую роль в признании их доказательной ценности. Это может служить основой для улучшения практики использования социальных сетей как источника доказательств в суде в Кыргызстане.

Выводы и рекомендации

1. Социальные сети успешно выступают в качестве источника доказательной базы в судебных процессах. Однако, для того чтобы данные из социальных сетей были признаны допустимыми доказательствами, они должны быть получены законным путем и их аутентичность должна быть подтверждена в установленном законом порядке.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»

¹ Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики «О судебной практике по разрешению споров о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 13 февраля 2015 года № 4

² Там же

2. В процессуальном законодательстве отсутствуют специальные нормы, регулирующие использование информации из социальных сетей как доказательств. В связи с чем, для исключения трудностей в правоприменительной практике целесообразно внести соответствующие уточняющие положения в законодательство Кыргызской Республики. В частности, для более эффективного использования данных из социальных сетей в судебных процессах в Кыргызстане рекомендуется внести изменения в процессуальные кодексы страны. Это позволит уточнить правила и процедуры представления и оценки таких доказательств, а также установить стандарты для их аутентификации и верификации.

3. Использование данных из социальных сетей связано с рисками быстрого уничтожения материалов, подделки, частичного представления информации. Такие доказательства должны сохранять свою целостность, и их достоверность должна быть подтверждена соответствующими процедурами, такими как нотариальное заверение, заключение экспертов. Для эффективного использования данных из социальных сетей в судопроизводстве необходимо совершенствовать законодательную базу и судебную практику, а также развивать инструменты для проверки достоверности таких доказательств.

4. Важным шагом является повышение квалификации судей, адвокатов и прокуроров по вопросам работы с цифровыми доказательствами. Проведение семинаров и курсов по цифровой криминалистике поможет им лучше понимать специфические аспекты работы с данными из социальных сетей.

Заключение

Социальные сети могут стать мощным инструментом в судебных процессах, предоставляя важные доказательства и позволяя суду более объективно оценить ситуацию. Вместе с тем, использование социальных сетей как источника доказательств в суде требует сбалансированного подхода, который будет учитывать как их потенциал, так и возможные риски. В частности, учитывая уровень развития современных информационных технологий, следует признать, что электронные доказательства могут быть фальсифицированы. В этой связи использование таких доказательств требует внимательного подхода, соблюдения правовых норм и учета возможных рисков. Важно помнить, что даже в цифровую эпоху каждое доказательство должно быть проверено на аутентичность, законность и релевантность, прежде чем оно будет принято судом. Кроме того, при использовании таких данных в обязательном порядке должны соблюдаться принципы справедливости и законности, а также не допускаться нарушение права на частную жизнь.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики;
2. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики;

3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики;
4. Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики;
5. Кодекс Кыргызской Республики «О правонарушениях»;
6. Закон Кыргызской Республики «Об электронном управлении»;
7. Закон Кыргызской Республики «Об информации персонального характера»;
8. Закон Кыргызской Республики «О праве на доступ к информации»;
9. Закон Кыргызской Республики «О защите от недостоверной (ложной) информации»;
10. Закона Кыргызской Республики «О нотариате»;
11. Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики «О судебной практике по разрешению споров о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 13 февраля 2015 года № 4
12. Правовые основы использования социальных сетей в Кыргызской Республике, Американская ассоциация юристов в Кыргызской Республике.

SOCIAL NETWORKS: HOW TO USE THEM AS EVIDENCE IN COURT

Abdykalykov A.A.

Chicago-Kent College of Law

This article is dedicated to the study of the legal aspects of using social networks as a source of evidence in court proceedings in the Kyrgyz Republic. The article examines the legal acts of the Kyrgyz Republic that regulate the evidentiary base, as well as court rulings that reveal the specifics of applying information from social networks in judicial practice. Particular attention is given to the admissibility of such evidence, the conditions under which it can be obtained, and the risks associated with its forgery or distortion. The author analyzes the legislation of the Kyrgyz Republic and court practice, offering recommendations for the use of social media materials as evidence in courts.

Keywords: social networks; evidence; court proceedings; court; admissibility of evidence; information authenticity; protection of violated rights.

References

1. Constitution of the Kyrgyz Republic;
2. Civil Procedure Code of the Kyrgyz Republic;
3. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic;
4. Administrative Procedure Code of the Kyrgyz Republic;
5. Code of the Kyrgyz Republic "On Offenses";
6. Law of the Kyrgyz Republic "On Electronic Management";
7. Law of the Kyrgyz Republic "On Personal Information";
8. Law of the Kyrgyz Republic "On the Right of Access to Information";
9. Law of the Kyrgyz Republic "On Protection from Unreliable (False) Information";
10. Law of the Kyrgyz Republic "On Notaries";
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic "On judicial practice in resolving disputes on the protection of honor, dignity and business reputation" dated February 13, 2015 No. 4
12. Legal basis for the use of social networks in the Kyrgyz Republic, American Bar Association in the Kyrgyz Republic.

Вопросы, возникающие при уголовной ответственности за каннибализм в Российской Федерации

Богунова Галина Валерьевна,

старший преподаватель Высшей школы публичного права,
Юридический институт, Тихоокеанский государственный
университет
E-mail: 008968@pnu.edu.ru

В статье представлена проблема, которая имеет прямую связь с каннибализмом. Особое внимание отводится тому, что данная тема является актуальной по причине недоработанности российского законодательства в данной области. Статья раскрывает такие понятия как «поедание особями одного вида особей того же вида» и «людоедство», в том числе дается определение такому понятию как «антропофагия». В статье утверждаются деяния, которые относятся к каннибализму. Но УК РФ данное понятие не раскрывает. В завершении автором вносятся соответствующие предложения о внесении нормы и уголовной ответственности в УК РФ и приводятся данные по исследуемой категории преступных. В выводе статьи говорится о том, что деяния, к которым относится в том числе использование человеческих тканей и органов в пищу, в обязательном порядке должны закрепиться окончательно в УК РФ. Очень важно дать им четкую классификацию, с учитывая всю опасность данных преступлений.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, каннибализм, антропофагия, нравственность, уголовный кодекс, убийство, людоедство, органы и ткани человека.

Каннибализм представляет собой природное явление, которое относится в большей степени к животному миру. Человеческий каннибализм можно назвать феноменом относительного характера. Человеческий каннибализм это своего рода вид каннибализма. Способность людей поедать себе подобных носит название антропофагия. Литература говорит о каннибализме как о постоянно изменяющемся явлении, к сожалению, распространяющемся, но аморальном.

Кроме того, в РФ рассматриваемое понятие остается не до конца раскрытым. Единственным корректирующим фактором для этого явления остается ст. 105 УК РФ.

Антропофагия несет в себе большую опасность для общества. Главной опасностью в данном случае является опасность нравственного характера. УК РФ не содержит статьи по уголовной ответственности, которая предусматривает наказание за использование органов человека в пищу.

УК РФ может наказать человека за рассматриваемое нами действие только тогда, когда человек осуществит попытку или на самом деле убьет человека. В противном случае наказание за каннибализм законом не предусмотрено [1, с. 25].

Убийство, целью которого было применение в пищу органов и тканей пострадавшего – считается окончательным фактом совершения преступления с момента возникновения нанесенного вреда для общества, а точнее смерти пострадавшего. При этом, чтобы признать преступление совершенным, не обязательно до конца достичь поставленной цели, важно признать ее наличие. Изъятые из организма органы и ткани могут быть применимы в пищу другими людьми [5, с. 3]. Если их не изъять, то и употребить невозможно, это понятный и достоверный факт. Очень важен момент, который соединяет в себе выведение органов или тканей из организма пострадавшего и мгновение приёма пищи. Эти моменты могут почти полностью совпадать по времени, но разница остается. Помимо этого, в жизни можно столкнуться со случаями нарушения физической целостности тела пострадавшего [9, с. 110].

Убийство, целью которого было использование органов и тканей, является окончательным преступлением с момента наступления общественно опасного последствия в виде смерти человека. Преступление будет иметь завершённый вид, не учитывая цели, совершенного убийства, хватает в данном случае самого факта причинения смерти. Но необходимо установить и цель использования органов и тканей, которые и привели к смерти потерпевше-

го. В таком случае, по мнению автора, необходимо и привлекать как за убийство по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так и за неоконченное преступление, связанное с целью получения органов тканей человека в последующем в пищу [2, с. 2].

Нельзя не отметить тот факт, что поедание человека может иметь последствия в виде угрозы жизни и здоровья человека, который употребил в пищу органы и ткани человека другого. В связи с этим у него может развиваться кура, особая болезнь. Данной болезнью страдают люди, проживающие в Африке на сегодняшний день.

Особо опасными последствиями каннибализма являются:

- нравственное падение общества;
- представляет опасность для того, кто совершил данное противоправное деяние;
- провокация на повторное совершение данного преступления.

Но убийство может совершить одно лицо, а съесть – другое. Например, Якутия расследовала дело о человеке, который убил и съел товарища, останки которого обнаружены в районе Сутама Нерюнгринского района. Был и второй человек, который был причастен делу, следователи не смогли привлечь его к ответственности за каннибализм по причине отсутствия данной статьи в УК РФ. В связи с этим, действия одного обвиняемого были квалифицированы по статье – по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), т.к. потерпевший – был избит обвиняемым и впоследствии скончался. А его друг, только употреблявший мясо умершего, и совершенно не понес никакой ответственности [4, с. 5].

УК РФ включает в себя статью, которая предусматривает ответственность за нападение на человека, который уже умер – ст. 244 УК РФ, однако каннибализм во всем своем проявлении к ней не имеет отношения. Само явление, которое рассматривается как каннибализм, тяжело отнести к понятию «надругательство над телами умерших», поскольку чаще надругательство над телами умерших означает место их погребения, нахождение в ритуальном зале и часовне. Обычно каннибализм предполагает употребление органов человека в пищу сразу после смерти пострадавшего, расчленения, приготовления. Хотя действие, являющееся грубо противоположное сложившимся в обществе традициям и обряду относительно погибшего человека, в том числе допустимым формам погребения и оскорбление общественной морали, полностью соотносенной с понятием оскорбления, не может быть согласовано с вышеизложенным. [3, с. 12].

Прежде всего, следует сказать, что предметом преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, является тело умершего. Оказывается, тело является единой, частичной или полной частью организма человека. По этой причине употребление в пищу какого-либо отдельного органа или ткани человеческого тела и иные действия, произведен-

ные с ним, по сегодняшний день не являются официально признанным надругательством над телом [10, с. 200].

При этом применению частей человеческого организма должно предшествовать отделению его от тела умершего, что в то же время уже является составом преступлений, предусмотренным ст. 244 УК РФ. Стоит отметить, что убийства до сих пор не было. То есть изъятие органов и тканей трупа, а также расчленение его, производимые для того, чтобы употребить в еду человеческого тела, – это преступление. Поскольку употребление еды является лишь одним из методов использования организма и ткани человека, иногда это является целью преступлений, но ответственность за это действия законом не установлена [8, с. 68].

В статью важно включить инкриминируемые такие деяния, как каннибализм, а также дать развернутое широкое представление о каннибализме и антропологии. Нужно разделить понятие «убийство с использованием тела и органов человека» и понятие «каннибализм». Не редко подобные преступления совершают члены семьи, в которых существует предварительный договор о совершении убийства в соответствии с ч. 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а при употреблении органов, тканей людей принимают участие большое количество родных и близких. Также необходимо отметить, что этот вид преступления возможен на религиозном уровне. В случае совершения убийства человека какой-либо религии или группы людей под воздействием религиозных убеждений, не только для того, чтобы не просто пожертвовать жизнью человека, а и непосредственно употребить в пищу либо кровь человека, либо его органы [7, с. 78].

При этом не исключается ситуация, когда в каннибализме людоедства исключается преступность действия. Такое явление может быть связано с такими случаями, как крушение самолета в Иране, где погибшие, по сложившимся обстоятельствам, не могли найти себе пищи и съесть погибших. Из вышеизложенного следует, что вышеизложенное нельзя назвать преступлением, это относится к вынужденной мере (ст. 39 УК РФ), где условием для выживания было единственное решение это антропофагия.

Общество неосознанно принимает антропофагию как явление и не признает обычное поведение каннибалов нормальным. Это относится к определенному уровню социальной жизни людей, культуре коллективного развития. Внесение статьи Уголовного кодекса РФ, которая дает основания для привлечения и наказания за это деяние, позволит правильно понять осознание человеческой жизни, культуры поведения и нравственного отношения к окружающим.

Так, в данное время в уголовном законодательстве РФ существует ряд противоречий, связанных с регламентацией уголовной ответственности за противоправное использование органов и тканей человека.

Помимо этого, большой проблемой остаются отличия, которые суд имеет в своих делах, связанных с преступлениями, совершаемыми в целях применения частей тела человека и его органов. На практике можно очень часто встретить данные случаи, поэтому очень важным встает вопрос по созданию единого подхода к подготовке убийства для применения органов или тканей жертвы и оскорбления тела умерших.

Такое явление, как каннибализм, должно обязательно быть наказанным. В связи с этим в УК РФ предлагается ввести новое понятие в раздел, которое поможет управлять преступлениями, представляющими угрозу обществу и его безопасности. Каннибализм должен быть наказан во всех случаях кроме тех, которые угрожают жизни человека (отсутствие какой-либо пищи за определенно большое количество времени).

В данном случае этот факт также остается недоработанным, так как объективно и четко определить безвыходность положения не всегда представляется возможным. Неизвестно, сколько дней человек должен пробыть без еды, чтобы факт совершения такого противоправного деяния, как каннибализм, ему был разрешен.

К тому же, крайней необходимостью поедания человека человеком должна быть применена только в том случае, если человек умер смертью естественного характера без посторонней помощи.

Преступления, включающие в себя каннибалистические явления, должны считаться болезненной патологией с точки зрения общества, они обязательно должны быть оценены с точки зрения права. На сегодняшний день законодательство в данном вопросе продолжает оставаться далеко не совершенным.

Уголовное законодательство смотрит на данную проблему очень широко, не разбирая факт каннибализма более детально. В законодательстве нет четкого разграничения на цели для чего факт данного явления, который противоречит нравственности, был совершен.

Многие области Российской Федерации, республики и иные территориальные объекты, относящиеся к российскому государству, начинают думать над вопросом, как расширить свои нормативно-правовые акты, которые касаются такого вопроса, как факты совершения каннибализма, на их территории.

Данную политику на сегодняшний день уже начала вести республика Казахстан.

В то же время ужесточение норм УК РФ не может гарантировать процент снижения такого явления в обществе как каннибализм. Совершать или не совершать данное явление лежит на совести человека, а также зависит от его психического состояния и здоровья. Если учитывать этот факт, то стоит обратить внимание на медицинскую область.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023)//

Собрание Законодательства РФ. –1996. – № 25. Ст. 2954; –2022. – № 51. Ст. 9343.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ):// Постановление Пленума Верховного Суда от 27.01.1999 № 1 (ред. 03.03.2015) // Российская газета. – 1999. – № 24; 2015.- № 47.
3. Приговор Санкт-Петербургского городского суда № от 25 марта 2019 г. № 1–735/2010 22–2111/2009 от 05.05.2010 г. по делу № 1–735/2010 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. <<http://sudact.ru/regular/doc/PWHSfHmT0CIT/>> (дата обращения: 02.11.2024 г.).
4. Приговор Нерюнгринского городского суда (Республика Саха (Якутия)) № 1–30/2014 1–382/2013 от 2 июня 2014 г. по делу № 1–30/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. <<http://sudact.ru/regular/doc/PWHSfHmT0CIT/>> (дата обращения: 24.09.2019 г.).
5. Биологический энциклопедический словарь // Словари и энциклопедии на Академике <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/2199> (дата обращения: 24.09.2019 г.).
6. Из жертв делали заготовки: под Краснодаром поймали семью каннибалов // Новостной портал Московский комсомолец <<http://www.mk.ru/incident/2017/09/25/iz-zhertv-delali-zagotovki-pod-krasnodarom-poymali-semyu-kannibalov.html>> (дата обращения: 24.09.2024 г.).
7. Хомякова М.А. Уголовное наказание за каннибализм: понять и простить? // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3 (99). С. 77–80.
8. Звизжова О.Ю. Каннибализм, жертвоприношения и первобытная преступность // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (66). С. 66–69.
9. Перетятко Ю.А. Проблемы уголовной ответственности за акты каннибализма [Электронный ресурс] // Матрица научного познания. 2018. № 4. С. 107–113. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32869768_94095895.pdf (дата обращения: 12.08.2020).
10. Богданов К.А. Каннибализм: история одного табу // Канун: Альманах. СПб., 1999. Вып. 5: Пограничное сознание. С. 198–233.

ISSUES ARISING WHEN CRIMINAL LIABILITY FOR CANNIBALISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Bogunova G.V.
Pacific State University

This article presents a problem that has a direct connection with cannibalism. Special attention is paid to the fact that the relevance of this article consists in the absence of criminal liability for cannibalism, which indicates the imperfection of normative practice and problems in law enforcement. The article reveals such concepts as “eating by individuals of the same species of individuals of the same species” and “cannibalism”, including the definition of such a concept as “anthropophagy”. The article claims acts that relate to cannibalism. But the Criminal Code of the Russian Federation does not disclose this concept. In conclusion, the author makes appropriate proposals on introducing norms and criminal liability into the Crim-

inal Code of the Russian Federation and provides data on the category of criminals under study. The conclusion of the article says that the acts, which include the use of human tissues and organs for food, must necessarily be permanently fixed in the Criminal Code of the Russian Federation. It is very important to give them a clear classification, taking into account the danger of these crimes.

Keywords: crime, criminal liability, cannibalism, anthropophagy, morality, criminal code, murder, cannibalism, human organs and tissues.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 (as amended on 11/27/2023)// Collection of Legislation of the Russian Federation. –1996. – No. 25. Article 2954; –2022. – No. 51. Article 9343.
2. On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation):// Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 01/27/1999 No. 1 (ed. 03.03.2015) // Rossiyskaya Gazeta. – 1999. – № 24; 2015.- № 47.
3. The sentence of the Saint Petersburg city court No. of March 25, 2019 No. 1–735/2010 22–2111/2009 05.05.2010 from the city in case No. 1–735/2010 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [electronic resource]. <<http://sudact.ru/regular/doc/PWHSfHmT0CIT> /> (date of appeal: 11/22/2024).
4. Verdict of the Neryungrinsky City Court (Republic of Sakha (Yakutia)) No. 1–30/2014 1–382/2013 dated June 2, 2014 in case no. 1–30/2014 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [electronic resource]. <<http://sudact.ru/regular/doc/PWHSfHmT0CIT> /> (accessed: 09/24/2019).
5. Biological encyclopedic dictionary // Dictionaries and encyclopedias on Akademika <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/2199 > (date of appeal: 09/24/2019).
6. Blanks were made from the victims: a cannibal family was caught near Krasnodar // Moskovsky Komsomolets news portal <<http://www.mk.ru/incident/2017/09/25/iz-zhertv-delalirazgotovki-pod-krasnodarom-poymali-semyu-kannibalov.html> > (date of application: 09/24/2024).
7. Khomyakova M.A. Criminal punishment for cannibalism: to understand and forgive? // Russian law: education, practice, science. 2017. No. 3 (99). pp. 77–80.
8. Zvizzhova O.Y. Cannibalism, sacrifices and primitive crime // Man: crime and punishment. 2010. No. 3 (66). pp. 66–69.
9. Peretyatko Yu.A. Problems of criminal liability for acts of cannibalism [Electronic resource] // Matrix of scientific knowledge. 2018. No. 4. pp. 107–113. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32869768_94095895.pdf (date of application: 08/12/2020).
10. Bogdanov K.A. Cannibalism: the story of a taboo // Eve: Almanac. St. Petersburg., 1999. Issue 5: Borderline consciousness. pp. 198–233.

Расследование незаконного оборота наркотических средств с использованием информационных технологий (сети Интернет)

Бурняшева Валерия Владимировна,

Аспирант кафедры «Правосудие и правоохранительная деятельность» (ПиПД) Института права и управления Тульского государственного университета (ТулГУ)
E-mail: vella2001@mail.ru

Незаконный оборот наркотиков является одной из самых распространенных форм организованной преступности, и все чаще он осуществляется через Интернет. Сеть позволяет преступникам скрываться под маской анонимности, что усложняет задачу правоохранительных органов по их выявлению и преследованию. В последние годы наркотики стали одной из наиболее актуальных проблем в обществе, а Интернет – одним из основных каналов для незаконной продажи наркотиков. Борьба с незаконным оборотом наркотических средств – одна из самых приоритетных задач российского государства. В данной статье автор рассматривает современные проблемы, касающиеся выявления нелегального распространения наркотических средств при помощи использования современных информационных технологий, и предлагает рекомендации по их решению.

Ключевые слова: расследование, незаконный оборот наркотиков, информационные технологии, преступления, защита данных.

Расследование незаконного оборота наркотиков через Интернет – это сложная задача, требующая комплексного подхода и привлечения специалистов из различных областей. Преступники, действующие в киберпространстве, демонстрируют высокую степень адаптивности, постоянно совершенствуя методы маскировки и обходя существующие механизмы контроля. Их действия характеризуются многослойностью, что существенно затрудняет работу правоохранительных органов [5, с. 16].

Интернет предоставляет широкие возможности для анонимности и псевдонимности. Преступники используют VPN-сервисы, прокси-серверы, анонимные браузеры (Tor) и различные средства обфускации, затрудняющие отслеживание их местоположения и реальной личности. Они часто создают цепочки посредников, используя криптографические методы для шифрования коммуникаций. Более того, анонимные форумы, даркнет-маркетплейсы и мессенджеры с высоким уровнем шифрования обеспечивают им надежное укрытие. Даже при обнаружении ссылок на сделки, установить личности участников часто бывает невозможным без привлечения сложных методов анализа трафика и глубокого изучения метаданных [1, с. 105].

Использование криптовалют, таких как Bitcoin, Monero и Zcash, существенно осложняет отслеживание финансовых потоков. Децентрализованная природа криптовалют делает их практически неуязвимыми для традиционных методов финансового мониторинга. Преступники могут легко перемещать средства между различными кошельками, используя миксеры (tumbling services) для обезличивания транзакций и последующего отмывания денег через сложные схемы, часто вовлекающие обмен криптовалюты на фиатные деньги через различные обменники, работающие в «серой зоне». Это требует привлечения специалистов по анализу блокчейна и международного сотрудничества для выявления и пресечения таких схем [2, с. 47].

Правоохранительные органы зачастую сталкиваются с технологическим отставанием. Отслеживание деятельности преступников в даркнете требует специализированного программного обеспечения, опыта работы с криптографическими протоколами и мощных вычислительных ресурсов. Не во всех странах правоохранительные органы располагают таким арсеналом, что создает существенные препятствия в расследовании. Необходимо постоянное обновление технической базы и обучение специалистов для эффективной борь-

бы с киберпреступностью. Разрыв в технологическом уровне между преступниками и правоохранительными органами постоянно увеличивается, что требует значительных инвестиций [4, с. 92].

Интернет не знает границ. Преступные группировки могут действовать транснационально, используя различные языки и общаясь в закрытых сообществах. Это требует не только переводческих услуг, но и тесного международного сотрудничества, что зачастую осложняется бюрократическими процедурами и различным законодательством в разных странах. Более того, расследование может потребовать работы со специалистами, владеющими специфической терминологией и сленгом, используемым в онлайн-сообществах наркоторговцев.

Анализ цифровых улик, таких как переписки, метаданные файлов, данные геолокации и сетевой трафик, требует глубоких технических знаний и специального оборудования. Расследование включает в себя сложные процедуры извлечения данных с различных носителей информации, восстановления удалённой информации и анализа больших объёмов данных. Недостаток квалифицированных специалистов в области компьютерной криминалистики значительно ограничивает эффективность расследований.

Эффективное расследование требует тщательного планирования, выдвижения обоснованных версий и их проверки с привлечением экспертов разных профилей: компьютерных криминалистов, специалистов по криптовалютам, лингвистов, специалистов по финансовым расследованиям, оперативных сотрудников и психологов. Необходимо четкое взаимодействие между различными подразделениями правоохранительных органов, а также тесное международное сотрудничество [6, с. 63]. Систематический анализ данных, использование современных методов анализа больших данных и искусственного интеллекта играют все более важную роль в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в сети. Разработка и внедрение новых методов расследования, постоянное обучение и повышение квалификации сотрудников – ключевые факторы успешной борьбы с этим видом преступности. Особое внимание следует уделять профилактическим мерам, направленным на повышение осведомленности населения о рисках, связанных с приобретением наркотиков через Интернет.

Т.О. Чистанов предлагает создание специализированного подразделения, условно названного «Киберпатруль», для эффективного противодействия киберпреступности, в частности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, распространением экстремистских материалов и другими видами онлайн-преступлений [7, с. 88]. Это предложение подразумевает комплексный подход, включающий не только реактивное реагирование на уже совершенные преступления, но и активный превентивный мониторинг.

А.М. Ишин, дополняя предложение Т.О. Чистанова, подчёркивает перспективность исполь-

зования автоматизированных систем интернет-мониторинга в борьбе с киберпреступностью. Эти системы способны не только обнаруживать ресурсы, содержащие запрещённую информацию (включая видео, аудио, текстовые материалы), но и анализировать семантику контента, выявляя скрытые связи между участниками преступных сообществ и признаки планируемых преступлений. А.М. Ишин акцентирует внимание на важности поиска и анализа информации, находящейся за пределами открытого доступа, что предполагает использование специальных технических средств и методов, таких как анализ трафика, скрытое проникновение на защищённые серверы (с соблюдением всех необходимых юридических процедур) и использование интеллектуального анализа данных (Data Mining) для построения сетей взаимосвязей между подозреваемыми и их деятельностью. Важно отметить, что эти действия должны проводиться строго в рамках закона и с соблюдением всех необходимых разрешений и ордеров [3, с. 116].

Дальнейшие оперативно-розыскные мероприятия включают наблюдение (как онлайн, так и офлайн), проверку телефонных записей (с получением соответствующих разрешений), анализ переписки (с соблюдением правил защиты конфиденциальной информации), изучение финансовых транзакций подозреваемых (с обязательным соблюдением законодательства о банковской тайне) и допрос свидетелей. Все полученные данные должны быть тщательно задокументированы и проанализированы с целью установления полной картины преступной деятельности и доказательства вины подозреваемых. Работа должна опираться на строгое соблюдение законодательства и защиты прав человека, включая право на приватность и защиту от несанкционированного доступа к информации. Это требует высокой квалификации сотрудников и строгого контроля за их деятельностью. Успешная работа такого подразделения будет зависеть от тесного взаимодействия с другими правоохранительными органами и специалистами в области кибербезопасности. Кроме того, необходимо постоянное совершенствование методов работы и внедрение новых технологий, способных противостоять постоянно эволюционирующей киберпреступности.

Литература

1. Введенская О.Ю. Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в российском сегменте сети Интернет организованными преступными группами и сообществами // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 105–107.
2. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (1). С. 46–50.
3. Ишин А.М. Современные проблемы использования сети Интернет в расследовании преступлений // Вестник Балтийского федерального

университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 9. С. 116–123.

4. Колычева А.Н. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие. Москва: Проспект, 2020. 145 с.
5. Рябинин Н.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотиков. Москва: ИНФРА-М, 2018. 16 с.
6. Сулейманов Э.Р. Проблемы расследования незаконного сбыта наркотиков посредством сети Интернет // StudArctic forum. 2023. Т. 8. № 2. С. 61–64.
7. Чистанов Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11. С. 88.

INVESTIGATION OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING USING INFORMATION TECHNOLOGY (INTERNET)

Burnyasheva V.V.

Tula State University (TulSU)

Drug trafficking is one of the most common forms of organized crime, and it is increasingly carried out via the Internet. In recent years, drugs have become one of the most pressing problems in so-

ciety, and the Internet is one of the main channels for the illegal sale of drugs. The fight against illicit drug trafficking is one of the highest priorities of the Russian state. In this article, the author examines modern problems related to the detection of illegal distribution of narcotic drugs through the use of modern information technologies, and offers recommendations for their solution.

Keywords: investigation, drug trafficking, information technology, crime, data protection.

References

1. Vvedenskaya O.Y. Disclosure and investigation of crimes committed in the Russian segment of the Internet by organized criminal groups and communities // *Society and Law*. 2017. No.1 (59). pp. 105–107.
2. Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice // *Law and order: history, theory, practice*. 2016. No. 4 (1). pp. 46–50.
3. Ishin A.M. Modern problems of using the Internet in the investigation of crimes // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*. 2013. No. 9. pp. 116–123.
4. Kolycheva A.N. Investigation of crimes using computer information from the Internet: a textbook. Moscow: Prospekt, 2020. 145 p.
5. Ryabinin N.A. Administrative responsibility for drug trafficking offenses. Moscow: INFRA-M, 2018. 16 p.
6. Suleymanov E.R. Problems of investigating the illegal sale of drugs via the Internet // *StudArctic forum*. 2023. Т. 8. No. 2. pp. 61–64.
7. Chistanov T.O. Illegal sale of narcotic drugs using telecommunication networks and devices // *International Scientific Research Journal*. 2016. No. 11. p. 88.

Квалификация нежелательной деятельности: аспекты разграничения со смежными составами преступлений

Васильченко Ксения Владиславовна,

научный сотрудник НИИ, Университет прокуратуры
Российской Федерации
E-mail: ksenia.serdiuk@yandex.ru

В статье для целей определения особенностей квалификации деяний по ст. 284.1 УК РФ (Осуществление деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности) и преодоления конкуренции со смежными составами преступлений с использованием диалектического подхода, общенаучных и специальных методов познания рассматривается соотношение содержания составов преступлений, предусмотренных ст. 284.1 УК РФ, и ст. 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации).

На основании правового сравнения автор рассматривает понятие нежелательной деятельности как разновидность экстремистской, что в совокупности с иными приведенными аргументами дает возможность рассматривать соотношение ст. 282.2 и ст. 284.2 УК РФ как соотношение общей и специальной нормы, находящихся в отношении подчинения по объему. Одновременно автором предложены правила квалификации рассматриваемых деяний для преодоления конкуренции, выделен разграничительный признак.

Ключевые слова: осуществление нежелательной деятельности, экстремистская деятельность, квалификация преступлений, конкуренция составов преступлений, иностранная или международная организация.

Криминализация осуществления деятельности иностранной или международной организации (далее – ИМО), в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284¹ УК РФ), в 2015 г. сопровождалась некоторой критикой в научной и правоприменительной среде. Специалисты задавались вопросом неопределенности критериев, позволяющих разграничивать нежелательную деятельность с другими видами незаконной деятельности, в том числе экстремистской.

В настоящий момент после существенного ряда изменений объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 284¹ УК РФ, включает три состава преступления: участие (ч. 1) и так называемые «финансирование» (ч. 2) и «организация деятельности организации» (ч. 3). Внесенные коррективы и накопленная практика применения данного уголовно-правового запрета позволяют сделать определенные выводы относительно квалификации этих деяний и решения вопросов конкуренции с составами противоправных действий, связанными с организацией деятельности экстремистских организаций (ст. 282² УК РФ).

Рассмотрение проблемы соотношения уголовно-правовых норм об осуществлении нежелательной и экстремистской деятельности целесообразно начать с исследования их сходных характеристик, к числу которых возможно отнести субъект, субъективную сторону и объект деяний.

Так, субъект преступлений, предусмотренных ст. 284¹ и ст. 282² УК РФ, общий, за исключением признака специального субъекта в виде административной преюдиции либо специальной судимости для ч. 1 ст. 284¹ УК РФ и служебного положения для ч. 3 ст. 282² УК РФ.

Субъективная сторона рассматриваемых посягательств характеризуется прямым умыслом. В этом контексте профилактическая модель двойного «барьера» в виде обнародования перечня ИМО, осуществляющих нежелательную деятельность, и административной преюдиции (ч. 1 ст. 284¹ УК РФ) способствует исключению случайных участников нежелательной деятельности и лиц, действующих без умысла на участие в данной деятельности.

При изучении объектов рассматриваемых составов необходимо учитывать, что научные источники и комментарии к УК РФ содержат разнообразные мнения относительно содержания объекта преступлений экстремистской направленности. Это подтверждает утверждение, распространенное в российской юридической литературе, о том,

что невозможно точно определить непосредственный объект таких преступлений из-за широкого содержания законодательно закреплённого термина «экстремистская деятельность» [4, с. 60].

В совокупности объектов посягательства экстремизма значительную долю занимают общественные отношения, связанные с деятельностью религиозных организаций и антигосударственной деятельностью.

К примеру, в 2023 г. деятельность международной неправительственной организации «Центрально-Европейский университет» / «Central European University» (Австрия) и Латвийской неправительственной организации «Свободный университет» / Briva Universitate на территории Российской Федерации признана нежелательной.

По результатам проведенных Генеральной прокуратурой Российской Федерации проверок установлено, что деятельность образовательных организаций имеет ярко выраженный антироссийский характер. В ходе учебного процесса на основании соответствующим образом разработанных программ у студентов формируется устойчивая неприязнь к Российской Федерации с одновременным навязыванием ультралиберальной модели европейской демократии. Искажаются военные и исторические события с обвинением России в большинстве мировых катаклизмов, обесцениваются национальные культурные и научные достижения. Активным образом осуществляется работа, направленная на формирование глобальной медийной антироссийской повестки, фактически обосновывается необходимость изменения основ конституционного строя.

Вне всякого сомнения, такая деятельность направлена на угрозу основам конституционного строя, территориальной целостности и безопасности государства. Особенную опасность здесь представляет использование сил студенческого сообщества, сыгравшего роль протестного авангарда во многих государственных переворотах в зарубежных странах.

Анализ алгоритмов инспирированных государственных переворотов показывает, что современный антигосударственный экстремизм трансформировался из преобладающей насильственной формы в форму долгосрочных информационных и социальных проектов, направленных на формирование критической массы населения, в том числе молодежи, которая в нужный момент будет уверенно и стремительно действовать против легитимной власти своего государства. Антигосударственный экстремизм отличается масштабностью, и не столько географической, сколько влиянием на массовое сознание [7, с. 31].

В этой связи можно заключить, что признанная нежелательной на территории Российской Федерации деятельность Central European University и Briva Universitate является примером экстремизма в целом и современного антигосударственного экстремизма в частности.

Учитывая вышеизложенное, определяем, что преступные действия, связанные с осуществлением нежелательной деятельности ИМО, равно как и антигосударственный экстремизм, прежде всего посягают на основы конституционного строя Российской Федерации, государственную власть, суверенитет и территориальную целостность. Безусловно, интересы личности также страдают от данного воздействия, но они не являются целью и находятся в зоне безразличного отношения со стороны субъектов осуществления нежелательной деятельности, поскольку человеческие ресурсы рассматриваются здесь как средство, манипулируемый инструмент.

Обратим внимание, что объективная сторона рассматриваемых составов преступлений также имеет существенные сходные свойства, в том числе в связи с примененной законодателем конструкцией в части организации незаконной деятельности и участия в ней:

«Организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» (ч. 1 ст. 282² УК РФ);

«Организация деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности...» (ч. 1 ст. 284¹ УК РФ);

«Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности...» (ч. 2 ст. 282² УК РФ);

«Участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности...» (ч. 1 ст. 284¹ УК РФ).

С учетом значительного сходства в формулировках, применяемых законодателем: «участие в деятельности организации, в отношении которой принято решение», «организация деятельности организации, в отношении которой принято решение», рассмотрим более подробно непосредственное содержание понятий экстремистской и нежелательной деятельности.

Учитывая, что на законодательном уровне определена только содержательная составляющая форм осуществления экстремистской деятельности, используем в настоящем исследовании сложившееся в доктрине понимание данного термина.

В юридической литературе имеют место разнообразные определения «экстремистской деятельности», основной смысл которых сводится к следующему. Действия, способствующие разжиганию

ненависти и вражды на социальной, расовой, национальной или религиозной почве, включая агитацию и пропаганду, которые отрицают политическое и идеологическое разнообразие; создание и деятельность общественных организаций, чьи цели и деятельность направлены на насильственное изменение важнейших основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв государственной безопасности. Сюда же относятся акты насилия против равных прав и свобод человека и гражданина, без различия по полу, расе, национальности, языку, происхождению, имущественному и должностному положению, месту жительства, религиозным взглядам, убеждениям, членству в общественных формированиях и другим характеристикам [8, с. 138; 3, с. 872; 5, с. 17].

При регулировании правоотношений, связанных с осуществлением нежелательной деятельности ИМО, законодатель также ограничился закреплением только оснований признания деятельности организаций нежелательной на территории Российской Федерации, к числу которых отнес осуществление деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности или безопасности государства. Коротко отраженные в Федеральном законе от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» критерии такой деятельности можно отразить как стремление к влиянию на проведение выборов, референдумов, иных избирательных кампаний и их результаты, а также деятельность, связанную с оказанием посреднических услуг при проведении операций с денежными средствами / имуществом, принадлежащими ИМО, осуществляющей нежелательную деятельность, направленную на угрозу основам конституционного строя, обороноспособности или безопасности Российской Федерации.

Примеры осуществления нежелательной деятельности позволяют рассматривать ее как деятельность ИМО, не соответствующую декларируемым целям, направленную на нанесение урона социально-политической обстановке, экономической безопасности и другим сферам функционирования государства в целях влияния на принимаемые органами государственной власти решения, в том числе для смены власти неконституционным путем.

Осуществление нежелательной деятельности направлено на нанесение урона безопасности государства в различных областях, в особенности в социально-экономической сфере. Дискредитация государственной власти и разжигание недоверия к ней, в первую очередь на фоне эскалации социальной напряженности, доказали свою эффективность при инспирировании зарубежными государствами «цветных революций». Характер такой деятельности представляется уже целевого круга деятельности организаций экстремистской направленности, к числу которых, в том числе к при-

меру, относится деятельность организаций, ориентированных на получение материальных взносов и имущества от своих адептов [9].

Таким образом, сравнение содержания понятий экстремистской и нежелательной деятельности показывает высокую долю их сходства. Содержание понятия «экстремистская деятельность» часто фактически охватывает содержание понятия «нежелательная деятельность», в связи с чем следует допустить соотношение данных явлений как общего и частного.

Приведенные сходные характеристики рассматриваемых преступлений объясняют названные правоприменителями и теоретиками проблемы содержательной конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации деяний.

Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступления имеет место в случае, когда одно преступное деяние дает основания для применения нескольких различных по содержанию или временному периоду действия, но не противоречащих друг другу уголовно-правовых норм, приоритетной из которых является одна. При этом правоприменителю необходимо выбрать только одну из конкурирующих норм, поскольку одновременное их применение (квалификация в качестве совокупности) противоречит закрепленному в ч. 2 ст. 6 УК РФ принципу справедливости [2, с. 152–153].

Для правоприменительной практики преодоление конкуренции положений статей Особенной части УК РФ традиционно считается одной из наиболее сложных задач, в связи с чем данные вопросы разрабатывались в отечественной доктрине.

Современные исследователи объясняют широкое распространение содержательной конкуренции уголовно-правовых норм, в том числе динамизмом уголовного законодательства.

Л.В. Иногамова-Хегай выделяет четыре формы проявления конкуренции такого типа: «а) конкуренция общей и специальной норм; б) конкуренция части и целого; в) неоднократная конкуренция общей и специальной норм, а также нормы-части и нормы-целого; г) конкуренция общей (специальной, нормы-части или нормы-целого) и исключительной норм» [1, с. 26–27].

Изложенное позволяет рассматривать соотношение ст. 282² и ст. 284¹ УК РФ как соотношение общей и специальной норм, находящихся в отношении подчинения по объему, где ст. 284¹ УК РФ устанавливает ответственность, в том числе за частные проявления преступлений, предусмотренных ст. 282² УК РФ.

Конкуренцию рассматриваемых составов надлежит разрешать по правилам ч. 3 ст. 17 УК РФ, согласно которым в условиях отсутствия совокупности преступлений уголовная ответственность наступает по специальной норме. То есть в ситуациях возникновения конкуренции норм, где ст. 282² (Организация деятельности экстремистской организации) и ст. 284¹ УК РФ соотносятся как общая и специальная нормы, необходима оценка наличия

разграничительного признака, которым выступает отнесение ИМО к числу организации, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. В случаях отсутствия указанного специального признака применению подлежит общая норма, т.е. ст. 282² УК РФ, что соответствует правилам квалификации преступлений при содержательной конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм и сложившейся судебной практике.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. М.: Инфра-М, 2002.
2. Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. К.В. Образиева, Н.И. Пикурова М.: Юрлитинформ, 2019. С. 152–153.
3. Криминология: учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М.: Изд-во Юрайт, 2019.
4. Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011.
5. Меркурьев В.В. Правовые основы профилактики экстремистской деятельности / В.В. Меркурьев, Д.А. Соколов, М.В. Ульянов // Профилактика экстремистской деятельности: проблемы и перспективы: сб. материалов круглого стола, Москва, 26 июня 2014 г. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014.
6. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 6н-5200/99 по делу Пархоменко др. (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2000 года).
7. Павлинов А.В. Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2008.
8. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / П.В. Агапов, Г.В. Антонов-Романовский, В.К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Р.В. Жубрина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: Проспект, 2016.
9. Шевелева С.В., Григорова И.А., Григоров Д.Н. Специальное соучастие в организации деятельности нежелательной иностранной или международной организации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 4. С. 365–372.
10. Хлебушкин А.Г. Осуществление деятельности организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности: вопросы квалификации и совершенство-

вания законодательства // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2018. № 4 (80). С. 114–119.

QUALIFICATION OF UNDESIRABLE ACTIVITIES: ASPECTS OF DIFFERENTIATION FROM RELATED CRIMES

Vasilchenko K.V.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

In the article, for the purpose of determining the characteristics of the qualification of acts under Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (Carrying out the activities of a foreign or international organization, in respect of which a decision was made to recognize its activities undesirable in the territory of the Russian Federation) and overcoming competition with related crimes using a dialectical approach, general scientific and special methods of cognition, the ratio of the content of the crimes provided for Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (Organization of the activities of an extremist organization).

Based on a legal comparison, the author considers the concept of undesirable activity as a kind of extremist, which, together with other arguments given, makes it possible to consider the ratio of Articles 282.2 and 284.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as a ratio of general and special norms that are subordinated in volume. At the same time, the author proposes rules for the qualification of the acts in question to overcome competition, and identifies a distinguishing feature.

Keywords: the implementation of undesirable activities, extremist activities, qualification of crimes, competition of crimes, a foreign or international organization.

References

1. Inogamova-Khegay L.V. Competition of criminal law norms in the qualification of crimes. Moscow: Infra-M, 2002.
2. Qualification of crimes: textbook / edited by K.V. Obrazhiev, N.I. Pikurov Moscow: YurLitinform, 2019. Pp. 152–153.
3. Criminology: textbook for bachelor's, specialist's and master's degrees / O.S. Kapinus [et al.]; edited by O.S. Kapinus; scientific editor V.V. Merkuryev; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow: Yurait Publishing House, 2019.
4. Leshin D.I. Extremist crimes under the criminal law of the Russian Federation: diss. ... Cand. of Law. sciences: 12.00.08. M., 2011.
5. Merkuryev V.V. Legal bases for prevention of extremist activity / V.V. Merkuryev, D.A. Sokolov, M.V. Ulyanov // Prevention of extremist activity: problems and prospects: collection of materials of the round table, Moscow, June 26, 2014 M.: Acad. General. Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2014.
6. Definition of the Military Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6n-5200/99 in the case of Parkhomenko et al. (Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the III quarter of 2000).
7. Pavlinov A.V. Anti-state extremism: criminal-legal and criminological aspects. M.: YurLitinform, 2008.
8. Theoretical Foundations of Crime Prevention at the Current Stage of Development of Russian Society: monograph / P.V. Agapov, G.V. Antonov-Romanovsky, V.K. Artemenkov [et al.]; under the general editorship of R.V. Zhubrin; Acad. of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. M.: Prospect, 2016.
9. Sheveleva S.V., Grigорова I.A., Grigороv D.N. Special Complicity in Organizing the Activities of an Undesirable Foreign or International Organization // Vestn. Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 365–372.
10. Khlébushkin A.G. Carrying out activities of an organization in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation: issues of qualification and improvement of legislation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (80). P. 114–119.

Квалификация насильственных преступлений, сопряженных с бандитизмом: теоретические и правоприменительные аспекты

Волколупов Владимир Георгиевич,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России
E-mail: volkolupov_osr@rambler.ru

Волколупова Валентина Александровна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: volkolupovav@mail.ru

Работа посвящена научной разработке дискуссионных проблем, относящихся к применению уголовно-правовых норм, устанавливающих самостоятельную ответственность за отдельные насильственные, корыстно-насильственные и иные преступления по совокупности с бандитизмом (чч. 1–3 ст. 209 УК РФ), в тех случаях, когда такие преступления совершаются в составе банды либо отдельными участниками банды в ее интересах.

Проведенный авторами углубленный критический анализ существующих в юридической литературе взглядов и представлений по решению названных проблем, а также имеющихся по этому поводу и данных в разные годы разъяснений высших судебных инстанций (Пленумов Верховных Судов СССР и РФ) и материалов современной правоприменительной практики позволил предложить возможные варианты решения отдельных спорных вопросов, возникающих у правоприменителя при квалификации сопряженных с бандитизмом иных насильственных и корыстно-насильственных преступлений.

По результатам проведенного исследования темы в статье приводятся дополнительные аргументы в обоснование вывода о том, что самостоятельные преступления, совершаемые в составе банды или отдельными ее участниками в интересах банды, не охватываются составом бандитизма и образуют с ним реальную совокупность.

Ключевые слова: уголовная ответственность, бандитизм, квалификация, совокупность преступлений, вооруженность.

При производстве предварительного следствия по уголовному делу, возбужденному по факту бандитизма, нередко возникают сложности, связанные с применением уголовного закона, особенно в тех случаях, когда участниками банды были совершены и иные преступления, сопряженные с бандитизмом (убийства, разбои, грабежи и др.). К сожалению, до настоящего времени возникающие при этом отдельные вопросы и в уголовно-правовой доктрине, и в современной правоприменительной практике продолжают оставаться дискуссионными и решаются неоднозначно, а порой и противоречиво.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные теоретические подходы к решению спорных вопросов, относящихся к квалификации бандитизма, сопряженного с совершением участниками банды иных преступлений, а также провести углубленный анализ современной следственно-судебной практики по делам о бандитизме и выявить приоритетную позицию правоприменителя относительно решения данных вопросов.

На протяжении многих десятилетий прошлого века (50-е – начало 90-х годов XX в.) как в уголовно-правовой доктрине, так и в практической деятельности доминирующей была позиция, согласно которой составом бандитизма охватывалось все совершаемое как бандой, так и ее отдельными членами. Такая теоретическая концепция основывалась на том, что, поскольку базовым, конститутивным субъективным признаком бандитизма является такая специальная цель, как «нападение на граждан или организации», то сущность бандитизма составляют все реальные нападения, совершаемые членами банды, в том числе и сопряженные с убийствами, разбоями, грабежами и иными насильственными преступлениями, и именно в силу этого дополнительная квалификация отдельных совершенных бандой преступлений является избыточной. В частности, такой подход имел место в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР, содержащихся в его Постановлении от 27 июня 1975 г. № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» [1].

Однако позднее в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 г. № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» было сформулировано иное, принципиально отличающееся от прежнего подхода положение, согласно которому «умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападении, надлежит квалифицировать по совокупности пре-

ступлений как бандитизм и умышленное убийство» [2].

В ныне действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (п. 13) сохранен названный выше новый подход и, более того, он распространен в отношении всех иных преступлений, совершенных в составе банды, а именно высшая судебная инстанция постановила, что «ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ» [3].

В то же время, по мнению ряда авторов, более логичной является иная позиция. Так, А.В. Наумов предлагает убийство, сопряженное с бандитизмом (либо с разбоем, либо с вымогательством), предусмотренное п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, рассматривать как единое сложное, а точнее, составное преступление, объединяющее в себе два (а иногда и более) общественно опасных деяния, которые, лишь в том случае, если их представлять обособленно друг от друга, являются относительно самостоятельными преступлениями. Однако когда убийство имело место в процессе совершаемого членами банды нападения, эти деяния объединяются в «единое целое», что уже учтено в составе, предусмотренном п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть полностью охвачено законодателем в отдельной квалифицированной норме, устанавливающей ответственность за указанное убийство [4].

Сходную позицию в решении названной проблемы можно встретить и в работах ряда других авторов, например, Д.М. Молчанова [5, с. 120].

Хотя, на наш взгляд, применительно именно к бандитизму такой подход вызывает сомнения по следующим основаниям. Во-первых, бандитизм выступает в качестве предикатного преступления («первичного») по отношению к дальнейшему убийству, совершенному участниками банды, поскольку состав бандитизма является усеченным, и в любой его разновидности рассматриваемое преступление признается оконченным независимо от наличия (или отсутствия) указанной преступной деятельности, то есть бандитизм окончен уже задолго до последующего совершения бандой конкретного преступления, следовательно, бандитизм и убийство, сопряженное с бандитизмом, образуют не идеальную, а реальную совокупность. Во-вторых, рассматриваемые деяния имеют разные основные объекты посягательства, и при этом угроза основам общественной безопасности (объект бандитизма) возникает значительно раньше, чем по-

следующее посягательство на жизнь конкретного потерпевшего (объект убийства).

Поэтому более предпочтительной представляется иная позиция к решению данной проблемы, разделяемая многими авторами (В.В. Мальцевым [6], А.Н. Поповым [7], П.С. Яни [8] и др.).

Так, П.С. Яни в одной из своих работ указывает, что «для решения этой проблемы нужно ответить на вопрос: означает ли использование в рассматриваемой уголовно-правовой норме термина «сопряженность» то, что законодатель считает убийство с соответствующими квалифицирующими признаками составным преступлением, посягающим как на жизнь человека, так и на объекты, охраняемые ст. ст. 126, 131, 132, 162, 163, 206 и 209 УК?» [8, с. 27].

Данная позиция поддерживается и правоприменителем, при этом она представляется нам вполне логичной и обоснованной. Так, Верховный Суд РФ в своих разъяснениях справедливо отмечал, что бандитизм, сопряженный с совершением других преступлений, причиняет вред нескольким разным объектам уголовно-правовой охраны и в силу этого данные деяния не охватываются составом бандитизма и дополнительно квалифицируются соответствующим образом. Иными словами в такой ситуации «лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ» [3].

Спорным в современной правоприменительной практике остается и вопрос о возможности (или невозможности) квалификации по совокупности бандитизма и вооруженного разбоя, совершенного организованной группой.

Так, по мнению Р.Р. Галиакбарова, организованная группа, совершившая разбой с применением оружия, отличается от банды, и критерием их отграничения являются различия в объекте преступления. Кроме того, необходимо обязательное применение при совершении такого разбоя оружия и наличие корыстной цели [9].

Сходная позиция отражена и в отдельных решениях, принятых Конституционным Судом РФ. Так, он, отказывая в приеме жалобы к рассмотрению, указал, что «участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях, уголовная ответственность за которое предусмотрена частью второй статьи 209 УК Российской Федерации, и разбой, совершенный организованной группой в целях завладения имуществом в крупном размере, ответственность за совершение которого предусмотрена пунктами «а» и «б» части четвертой статьи 162 УК Российской Федерации... образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности» [10].

Чаще всего трудности в разграничении рассматриваемого преступления и вооруженного группового разбоя (при наличии организованной группы) обусловлены особенностями объекта посягательства в составе бандитизма, так как большинство

предлагаемых в уголовно-правовой науке определений понятия «общественная безопасность» являются чрезмерно абстрактными и они нередко весьма сходны по своему содержанию с таким родовым понятием, как «общий объект преступления».

В составе разбоя основным объектом выступают отношения собственности, и при этом жизнь и здоровье человека являются лишь дополнительным непосредственным объектом, а в составе бандитизма основной объект посягательства – основы общественной безопасности (Г.Л. Кригер [11, с. 74] и др.). Нисколько не оспаривая это положение, отметим лишь, что в реальной деятельности правоприменителя по расследованию рассматриваемых преступлений однозначно выделить иерархию названных объектов в совершенных деяниях нередко весьма проблематично.

Как справедливо отмечает В.В. Хилюта, практически всегда возникает вопрос о том, на какой непосредственный объект в первую очередь посягают члены вооруженной организованной группы, объединившиеся в целях неоднократного совершения разбойных нападений на граждан, – на отношения собственности и личность или же на общественную безопасность? С одной стороны, конкретные действия, совершенные в процессе нападения на потерпевшего, свидетельствуют о направленности умысла на причинение вреда таким объектам уголовно-правовой охраны, как отношения собственности, жизнь или здоровье лица, подвергнувшегося нападению, и следовательно, они образуют состав разбоя, совершенного организованной группой с применением оружия (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ). А с другой стороны, с учетом того, что в рассматриваемом деянии ранее созданная устойчивая вооруженная группа изначально имела целевую установку совершать нападения на граждан и поэтому она обладает всеми признаками банды, то уже с момента ее создания возникает реальная угроза основам общественной безопасности, а значит, действия организатора такой группы (или ее руководителя), кроме того, вхождение в ее состав в качестве участника уже с момента создания банды (или членства в ней) признается оконченным [12].

Следовательно, все реально совершенные бандой убийства, разбои, грабежи и иные самостоятельные преступления находятся за пределами состава бандитизма и требуют дополнительной квалификации. Такой подход представляется более логичным и к тому же именно он, как уже отмечалось, разделяется и правоприменителем, и Конституционным Судом РФ.

С учетом изложенного представляется, что встречающаяся в уголовно-правовой доктрине идея о том, что разбой, совершенный с применением оружия организованной группой, – «это и есть бандитизм» [13, с. 53], и что в этом случае соответствующее разграничение невозможно, на наш взгляд, является чрезмерно категоричной и не только не находит своего подтверждения в со-

временной судебной практике, но и противоречит ей.

Кроме того, рассматриваемые составы отличаются по моменту их окончания: состав разбоя, совершенного с применением оружия организованной группой, признается оконченным с момента начала нападения, а состав бандитизма для организатора (создателя или руководителя) окончен уже в момент создания банды либо с начала непосредственного руководства ею, а для конкретного участника банды – с момента вступления в нее, наконец, для иных лиц, не являющихся членами банды, – с момента, когда они присоединились к нападению, совершаемому бандой.

Следователи и судьи, квалифицируя деяния организатора и участников банды по ст. 209 УК РФ, обосновывают принимаемые ими решения чаще всего установлением и доказыванием фактов совершения данной вооруженной организованной группой конкретных разбоев или иных преступлений, сопряженных с нападением.

Так, в приговоре Забайкальского краевого суда от 29 июля 2020 г. по делу № 2–19/2020 наличие в содеянном составе бандитизма обосновано тем, что конститутивные признаки банды определены на основе доказанности всех эпизодов совершенных виновными лицами разбоев, объективно подтверждающих, что созданная группа является устойчивой, вооруженной и ее целью было нападение на граждан. Кроме того, взаимосвязь между ее участниками существовала на протяжении длительного времени, носила тесный и, по сути, уставной характер. Деятельность банды направлялась на достижение единой цели, свидетельствующей о ее программно-целевом характере, и отвечала интересам всех ее членов. Цель определялась стремлением каждого из участников совместно совершать вооруженные нападения на граждан с тем, чтобы извлекать незаконную материальную выгоду. Члены банды к каждому из преступлений тщательно готовились, заранее подыскивали объекты для нападения, в течение длительного времени контролировали поведение потерпевших и их передвижение, разрабатывали и корректировали планы нападений [14].

В качестве доказательства факта существования банды в приведенном приговоре были подробно изложены конкретные совершенные участниками банды эпизоды разбоев, которые свидетельствуют о том, что данная группа была устойчивой, вооруженной, а ее деятельность носила организованный характер.

Приведенный пример свидетельствует о том, что в судебной практике большинство объективных и субъективных признаков, содержащихся в составах вооруженного группового (при наличии организованной группы) разбоя и бандитизма рассматриваются как «взаимозаменяемые», поскольку они совпадают по своему содержанию.

А.Н. Мондохонов, исследуя критерии разграничения составов бандитизма и особо квалифицированного состава разбоя, совершенного органи-

зованной группой с применением оружия (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ), делает вывод о том, что если в данном составе разбоя, в первую очередь, законодатель акцентирует внимание на таких признаках его объективной стороны, как организованное «нападение», совершенное с применением оружия, то в норме об ответственности за бандитизм (во всех его формах), учтена типовая степень повышенной общественной опасности самого создания устойчивой вооруженной группы (или руководства ею) либо участия в ней, и состав бандитизма является усеченным [15, с. 37].

Неоднозначно решается в уголовно-правовой доктрине и проблема, относящаяся к целесообразности и обоснованности (или необоснованности) квалифицировать бандитизм по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 222, 222.1 и ст. 226 УК РФ. Отдельные специалисты придерживаются позиции, согласно которой в этом случае отсутствует указанная разновидность множественности преступлений. Например, В.С. Комиссаров в одной из своих работ отмечал, что «в этих случаях совокупности быть не может, поскольку приобретение, хранение и ношение оружия являются конститутивным признаком бандитизма (признаки ст. 222 и ст. 226 являются обязательными признаками ст. 209), и поэтому признание в данном случае совокупности означало бы нарушение принципов законности и справедливости и вело бы к двойной ответственности за одно и то же» [16].

Однако анализ современной правоприменительной практики показывает, что суды придерживаются иной позиции.

Так, Ш., С., Г. и К. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК РФ, а также преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. до 01.07.2021) [17].

Суд, пересмотревший данное уголовное дело в порядке надзора, согласился с решением нижестоящей инстанции и оставил квалификацию действий К. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 209 и ч. 3 ст. 222 УК РФ, без изменений, указав в качестве обоснования такого решения, что «вооруженность банды означает наличие как боевого оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, но также гражданского гладкоствольного холодного или газового оружия, за оборот которого уголовная ответственность не наступает» [18].

Представляется, что предлагаемые нами решения названных выше проблем могут способствовать стабилизации следственно-судебной деятельности в рассматриваемой сфере правоприменения.

Литература

1. О судебной практике по делам об умышленном убийстве: постановление Пленума Вер-

ховного Суда СССР от 27.06.1975 № 4 (утратило силу) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.

- О судебной практике по делам об умышленных убийствах: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 № 15 (утратило силу) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
- О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
- Наумов, А. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует / А. Наумов // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 76–79.
- Молчанов, Д.М. Актуальные проблемы уголовного права: Общая часть: учебное пособие / Д.М. Молчанов; отв. ред. А.И. Рагог. – Москва: Проспект, 2015. – 144 с. – ISBN 978-5-392-14320-7.
- Мальцев, В.В. Бандитизм: особо опасное социальное явление или юридическая фикция? / В.В. Мальцев // Законность. – 2012. – № 10 (936). – С. 39–41.
- Попов, А.Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 896 с. – ISBN 5-94201-169-9.
- Яни, П. Сопряженность не исключает совокупности / П. Яни // Законность. – 2005. – № 2. – С. 25–27.
- Галиакбаров, Р. Разграничение разбоя и бандитизма. Ошибка в теории ломает судебную практику / Р. Галиакбаров // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 56–57.
- Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 240 и статьей 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 601-О-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
- Кригер, Г.Л. Ответственность за разбой / Г.Л. Кригер. – Москва: Юридическая литература, 1968. – 103 с.
- Хилюта, В. Как разграничить разбой и бандитизм? / В. Хилюта // Законность. – 2012. – № 3. – С. 42–43.
- Быков, В. Как разграничить бандитизм и разбой / В. Быков // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 52–53.
- Приговор № 2–19/2020 от 29 июля 2020 г. Забайкальского краевого суда по делу

№ 2–19/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q17hqrwzL7xl/> (дата обращения: 18.11.2024).

15. Мондохонов, А. Создание, руководство и участие в организованной группе / А. Мондохонов // *Законность*. – 2012. – № 10. – С. 36–38.
16. Комиссаров, В.С. Вооруженность как признак бандитизма / В.С. Комиссаров // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2006. – № 11 // *Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»*. – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
17. Приговор № 2–5/2020 УК-2–5/2020 от 3 декабря 2020 г. Калужского областного суда по делу № 2–5/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eRoWM1mZ9Yu/> (дата обращения: 18.11.2024).
18. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2008 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17.09.2008) (ред. от 04.06.2014) // *Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»*. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.

QUALIFICATION OF VIOLENT CRIMES ASSOCIATED WITH BANDITRY: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Volkolupov V.G., Volkolupova V.A.

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd institute of management – branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration

The work is devoted to the scientific development of controversial issues related to the application of criminal law norms establishing independent responsibility for certain violent, self-serving violent and other crimes in conjunction with banditry (parts 1–3 of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation), in cases where such crimes are committed as part of a gang or by individual participants gangs are in her best interests.

The authors conducted an in-depth critical analysis of the views and ideas existing in the legal literature on solving these problems, as well as the explanations of the highest judicial institutions (Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the Russian Federation) and materials of modern law enforcement practice available in this regard and given in different years, made it possible to propose possible solutions to certain controversial issues, arising from the law enforcement officer in the qualification of other violent and self-serving violent crimes associated with banditry.

Based on the results of the conducted research on the topic, the article provides additional arguments to substantiate the conclusion that independent crimes committed as part of a gang or by individual participants in the interests of the gang are not covered by the composition of banditry and form a real aggregate with it.

Keywords: criminal liability, banditry, qualification, combination of crimes, armament.

References

1. On judicial practice in cases of premeditated murder: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated 06/27/1975 No. 4 (expired) // Reference.-the legal system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>, free.
2. On judicial practice in cases of premeditated murders: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/1992 No. 15 (expired) // Reference.-the legal system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>, free.
3. On the practice of application by courts of legislation on liability for banditry: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.01.1997 No. 1 // Reference.-the legal system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>, free.
4. Naumov, A. The totality in composite violent crimes: when it exists and when it is absent / A. Naumov // *Criminal law*. – 2014. – No. 5. – Pp. 76–79.
5. Molchanov, D.M. Actual problems of criminal law: General part: textbook / D.M. Molchanov; ed. by A.I. Rarog. – Moscow: Prospekt, 2015. – 144 p. – ISBN 978-5-392-14320-7.
6. Maltsev, V.V. Banditry: a particularly dangerous social phenomenon or a legal fiction? / V.V. Maltsev // *Legality*. – 2012. – № 10 (936). – Pp. 39–41.
7. Popov, A.N. Aggravated murders / A.N. Popov. – St. Petersburg: Law Center Press, 2003. – 896 p. – ISBN 5-94201-169-9.
8. Yani, P. Conjugacy does not exclude totality / P. Yani // *Legality*. – 2005. – No. 2. – Pp. 25–27.
9. Galiakbarov, R. Differentiation of robbery and banditry. An error in theory breaks judicial practice / R. Galiakbarov // *Russian Justice*. – 2001. – No. 7. – Pp. 56–57.
10. On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Variakov Alexander Alexandrovich for violation of his constitutional rights by part two of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, part one of Article 240 and Article 285 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 08.04.2010 No. 601-Oh // Help.-the legal system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>, free.
11. Krieger, G.L. Responsibility for robbery / G.L. Krieger. – Moscow: Legal Literature, 1968. – 103 p.
12. Hilyuta, V. How to distinguish robbery and banditry? / V. Hilyuta // *Legality*. – 2012. – No. 3. – Pp. 42–43.
13. Bykov, V. How to distinguish banditry and robbery / V. Bykov // *Russian justice*. – 2001. – No. 3. – Pp. 52–53.
14. Verdict No. 2–19/2020 of July 29, 2020 of the Zabaikalsky Regional Court in case No. 2–19/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q17hqrwzL7xl/> (date of appeal: 18/11/2024).
15. Mondokhonov, A. Creation, leadership and participation in an organized group / A. Mondokhonov // *Legality*. – 2012. – No. 10. – Pp. 36–38.
16. Komissarov, V.S. Armament as a sign of banditry / V.S. Komissarov // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. – 2006. – No. 11 // Reference.-the legal system “ConsultantPlus”. – Access mode: for registration. users.
17. Verdict No. 2–5/2020 of the Criminal Code-2–5/2020 of December 3, 2020 of the Kaluga Regional Court in case No. 2–5/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eRoWM1mZ9Yu/> (date of appeal: 18/11/2024).
18. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2008 (approved Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/17/2008) (ed. dated 06/04/2014) // Reference.-the legal system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>, free.

Совершенствования законодательной регламентации института освобождения от уголовной ответственности

Горячева Анжелика Константиновна,

студент, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: goryachevaangela03@bk.ru

Родина Анна Дмитриевна,

студент, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: vot5mkojr7wqhe3@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности в российском законодательстве. Проанализированы три основных основания освобождения: деятельное раскаяние, истечение сроков давности, возмещение ущерба и назначение судебного штрафа. На основе статистических данных за 2015–2021 гг. отмечена тенденция к снижению числа прекращенных уголовных дел по данным основаниям. Проведен анализ правоприменительной практики судов, выявивший существенные расхождения в толковании норм об освобождении от уголовной ответственности. Выявлены ключевые проблемы: неопределенность правовой природы деятельного раскаяния, сложности с возмещением ущерба при формальных составах преступлений, отсутствие законодательного определения понятия «освобождение от уголовной ответственности». Исследован международный опыт регулирования данного института и возможности его применения в российских условиях. Рассмотрены различные способы заглаживания вреда. Предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства, включая закрепление дефиниции освобождения от уголовной ответственности и уравнивание сроков санкции и исковой давности. Особое внимание уделено проблемам практической реализации института примирения с потерпевшим и механизмам контроля за исполнением условий освобождения. Сделан вывод о необходимости дальнейшей гуманизации данного института.

Ключевые слова: освобождение, деятельное раскаяние, вина, амнистия, возмещение ущерба, штраф, примирение, уголовная ответственность, срок давности, юриспруденция.

В общем понимании, уголовная ответственность представляет собой официальное негативное осуждение государства, выраженное судебным решением и влекущее за собой применение принудительных мер (личных, имущественных), ограничивающих права правонарушителя и приводящих к его судимости. Профессиональная юридическая литература выделяет несколько концепций понятия «ответственность». Первая является благоприятной и подразумевает термин ответственности как осознания долга и желание ответственности. Вторая противоположна первой и подразумевает негативность и обязательства перед обществом.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [2] закреплено пять оснований освобождения от уголовной ответственности. В рамках данного исследования особое внимание уделяется анализу трех наиболее дискуссионных институтов: освобождения от ответственности в связи с возмещением ущерба и назначением судебного штрафа, деятельного раскаяния, а также истечения сроков давности. Выбор указанных оснований обусловлен наличием существенных противоречий в их правовой регламентации, требующих детального научного осмысления и совершенствования.

В современной судебной практике институт освобождения от уголовной ответственности получил широкое распространение, представляя собой одну из наиболее востребованных альтернатив традиционным формам реализации уголовной ответственности. Данное решение принимается в случае, если нарушитель не может считаться виновным.

Интересно отметить, что количество таких окончательных решений на разных стадиях уголовного процесса пропорционально количеству применяемых штрафных санкций. Около 200 тыс. дел в среднем прекращаются по этому основанию. Можно отметить, что дела в основном небольшой или средней тяжести. Статистика [11] прекращения уголовных дел по данному основанию изображена в таблице 1.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что суды стали меньше прибегать к освобождению от уголовной ответственности.

В рамках реализации уголовно-правовой политики государство может отказаться от применения наказания и осуждения лица, совершившего преступление деяние, если такой отказ способствует достижению целей уголовного законодательства более эффективно, чем традиционные карательные меры. Подобное решение представляется обоснованным в случаях, когда преступное деяние утра-

чивает изначальную степень общественной опасности либо характеризуется особыми обстоятельствами, существенно снижающими его негативное воздействие на охраняемые законом интересы общества [7].

Таблица 1. Общая статистика прекращённых уголовных дел на основании освобождения лиц от уголовной ответственности.

Год	Прекращённые уголовные дела
2015	241 698
2016	231 741
2017	202 021
2018	186 012
2019	123 165
2020	126 231
2021	154 409

В рамках проведенного исследования были выявлены следующие проблемные аспекты института освобождения от уголовной ответственности, требующие детального рассмотрения и законодательного совершенствования:

1. Деятельное раскаянье. Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием содержит внутреннее противоречие: признавая наличие всех элементов состава преступления, законодатель допускает возможность освобождения от ответственности при проявлении лицом позитивного посткриминального поведения.[6] Уголовный кодекс Российской Федерации в части статьи 75 оговаривает возможность освободить лицо от наказания если соблюдены все условия. Первое условия обуславливается тяжестью преступление, оно должно быть небольшое или среднее. Второе говорит о впервые совершенном противоправном деянии. Третье подразумевает добровольную основу, возмещение вреда и помощь в расследование.

Законодатель закрепил в данной статье несколько важных условий. Первое конечно подразумевает раскаянье, а второе раскрывает моральный аспект уверенности государства в том, что лицо больше не представляет опасность.

Одной из ключевых проблем института деятельного раскаяния остается неопределенность его правовой природы: следует ли рассматривать его как специальную поощрительную меру уголовно-правового характера или как проявление правомерного поведения в целом. Формулировка ч. 1 ст. 75 УК РФ, использующая императивную конструкцию «освобождается» (а не «может быть освобождено»), указывает на поощрительный характер нормы. В то же время ч. 2 ст. 75 УК РФ отражает компромиссный подход, где освобождение от ответственности выступает как определенная уступка со стороны государства.

Также вызывает сложность и возможность освобождение от уголовной ответственности в досудебных стадиях. Законом определено, что пра-

во признания обвиняемого виновным и вынесения обвинительного приговора подвластно только суду.

В реалиях современного мира можно отметить более подробную и расширенную трактовочную версию данного института, законодатель пополнил ее возможностью освобождения лица который совершил преступление средней тяжести. Подробную теоретическую часть в область понятия «совершенный впервые» внес в законодательство и Верховный суд РФ [1]. Целью подробного описания являлась способность более широкого использования в правоприменительной практике, к большому сожалению, этого не случилось. Статистика 2014 года и 2021 года показала обратное. Так в 2014 году установлено 14 тыс. дел, прекращённых по данному основанию, когда как в 2021 году только 7 тыс. таких дел.

Думаю, что следует применять более сбалансированный подход к криминализации действий и бездействий, чтобы избежать необходимости искать способы освобождения от уголовной ответственности. В международной практике существуют примеры, когда схожие правонарушения регулируются административным, а не уголовным законодательством, что демонстрирует возможность применения альтернативных мер воздействия [4]. В связи с этим представляется целесообразным законодательное закрепление четких оснований и механизмов освобождения от уголовной ответственности, что позволит избежать необходимости расширительного толкования уголовного закона Верховным судом РФ и обеспечит единообразие правоприменительной практики.

2. Истечение сроков давности. Российская наука достаточно хорошо исследовала этот институт. Согласно статье 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо освобождается от уголовной ответственности, если с момента совершения преступления прошло минимум два года. Срок исковой давности зависит от степени тяжести преступления. Данный институт действует вне зависимости от того приведен ли приговор в силу или на какой стадии было исполнения приговора. Под сроком давности понимается определенный период времени, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления и ему может быть назначено уголовное наказание [10].

С юридической точки зрения возникает проблема обоснованности проявления гуманности к лицу, совершившему преступление, но не привлеченному к ответственности по причине истечения сроков давности. Данное действия показывает, что преступник не компенсировал причинённый ущерб потерпевшему. В научных кругах имеется мнение о несправедливом взгляде законодателя к лицам, совершавшим преступления. Принимая решение об окончании срока давности уголовного преследования, следует иметь в виду, что закрытие уголовных дел по этим основаниям возможно только

при условии защиты конституционных прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Модернизировав институт освобождения от уголовной ответственности в связи и истечением срока давности, будет достигнута цель совершенствования деятельности в правоприменительной практике. Предложения модернизации [8]:

1. При рассмотрении преступления с материальным составом целесообразно рассмотреть дату начала последствий и дату начала срока давности как аналогичные времени понятия.

2. Говоря о принципе равенства предлагается сровнять срок уголовного санкции статьи за преступление, которое лицо совершило и срок исковой давности

3. Также важно разгруппировать преступления на предмет возможности классификации по принципу отношения к исковой давности. Например: преступления против половой неприкосновенности можно отнести к преступлениям, которые не подвергаются освобождению по статье 78 Уголовного кодекса Российской Федерации.

4. Целесообразно уменьшить исковую давность если преступление не окончено. Например: в случае приготовления к преступлению срок исковой давности можно сократить вдвое.

3. В соответствии со статьями 75, 76 и 76.2 УК РФ законодатель предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и назначением судебного штрафа при условии совершения лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести.

Важным аспектом применения судебного штрафа является вопрос о возмещении обвиняемым ущерба или заглаживании вреда иным способом. При этом конкретные способы заглаживания вреда регламентированы п. 2.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19. Согласно разъяснениям Пленума, к способам заглаживания вреда относятся имущественная компенсация, включая денежное возмещение морального вреда, оказание помощи потерпевшему, принесение извинений, а также иные меры по восстановлению нарушенных прав потерпевшего и законных интересов личности, общества и государства.

Возмещение ущерба возможно по преступлениям, в которых этот ущерб имеется, а заглаживание вреда применяется в случае отсутствия потерпевших и имущественного ущерба. В случаях формальных составов преступлений законодательством не предусмотрена возможность прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа (статья 25.1 УПК РФ). Пленум не дает своего разъяснения по этому поводу.

Это может быть денежная компенсация, оказание услуг по ремонту и восстановлению поврежденного имущества. Возмещение ущерба возможно реализовать только при его ограниченности, ущерб возможно произвести третьим лицам по просьбе виновного лица, который совершил противоправное деяние. Возмещение ущерба может осуществляться не только в пользу непо-

средственного потерпевшего, но и путем оказания материальной помощи иным лицам или организациям. В частности, перечисление денежных средств в благотворительные фонды, медицинские учреждения, общественные и государственные организации может рассматриваться судом как подтверждение факта возмещения ущерба, причиненного преступлением [9]. Если у обвиняемого нет средств для денежного перечисления, он может подтвердить суду заглаживание вреда бесплатным трудовым участием в деятельности благотворительных и государственных организаций. Наглядным примером являются материалы уголовного дела № 22–1690/2017 в отношении Д., обвиняемой по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Санкция назначения штрафа в судебном заседании подразумевает собственные внутренние убеждения и моральные принципы судьи по конкретному делу. Законом устанавливаются условия освобождения лиц от уголовной ответственности, однако суд не может гарантировать окончательного положительного решения при их соблюдении. Окончательное решение о применении меры наказания или освобождении от ответственности остается на усмотрение суда, исходя из конкретной ситуации. В этом случае, судьи должны принимать во внимание все обстоятельства дела и принять решение на основе справедливости и общественного интереса. Таким образом, законные условия для освобождения от ответственности являются только одним из множества факторов, которые будет учитывать суд при принятии решения.

Тенденция к гуманизации уголовного законодательства является положительным явлением. Предоставляя возможность избежать осуждения за преступления небольшой общественной опасности, государство не только оптимизирует нагрузку на правоохранительную и судебную системы, но и дает возможность лицу избежать негативных последствий судимости. Когда человек совершает поступок, который выходит за пределы приемлемого поведения, он часто позднее сильно сожалеет о своих действиях. Таким образом, предоставление законодательством возможности освобождения от уголовной ответственности лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести, способствует развитию гуманистических ценностей в обществе. При этом дальнейшего совершенствования требует механизм применения данных правовых институтов [5].

Исследования материалов уголовных дел 2021 г. - 2023 г. В большинстве случаев свидетельствует о том, что суды первой инстанции все больше приходят к обоснованным выводам о возможности применения мер уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по уголовным делам.

Принятие данного правового института стало предметом активной научной дискуссии среди научной общественности и практикующих юристов. Основной причиной такой дискуссии являются определенные сложности в применении данного

института в практике. Однако, из-за недостаточно длительного периода его практического использования судом, нельзя провести полноценный анализ судебной практики и найти ответы на возникающие проблемы в ходе его применения [3].

В случае применения судебного штрафа как меры освобождения от уголовной ответственности можно говорить о частичном, а не полном освобождении от ответственности, поскольку лицо все же несет определенные материальные последствия. Следовательно, статья 104.4 УК РФ позволяет достичь целей наказания, не прибегая к криминализации общества.

4. К числу проблемных аспектов также относится отсутствие в законодательстве определения понятия «освобождение от уголовной ответственности». Для устранения данного пробела представляется целесообразным дополнить статью 75 УК РФ примечанием, содержащим определение этого понятия как особой формы государственного реагирования, при которой лицо освобождается от ответственности за деяние, утратившее признаки преступления в силу определенных обстоятельств.

Освобождение от уголовной ответственности широко применяется в судебной практике, что отражает общую тенденцию гуманизации данного правового института. Анализ статистических данных демонстрирует последовательные шаги государства в этом направлении. Вместе с тем существуют возможности для совершенствования законодательной базы с целью расширения применения норм об освобождении от уголовной ответственности в Российской Федерации. При детальном анализе были предложены следующие идеи:

1. Законодательно закрепить понятие освобождения от уголовной ответственности в Уголовном кодексе РФ. 2. Уровнять дату начала последствий и дату начала срока давности как аналогичные времени понятия.

2. Сровнять санкцию статьи за преступление и срок исковой давности.

3. Разгруппировать преступления на предмет возможности классификации по принципу отношения к исковой давности.

4. Сократить сроки исковой давности для неоконченных преступлений.

Предложенные изменения будут способствовать совершенствованию института освобождения от уголовной ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // КонсультантПлюс: [справ.-правовая система]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 09.11.2024 // КонсультантПлюс: [справ.-пра-

вовая система]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

3. Есаков, Г.А. Судебный штраф в судебной практике и статистике: современные тенденции / Г.А. Есаков, О.В. Гейнце // Уголовное право. – 2023. – № 11(159). – С. 25–38.
4. Звечаровский, И. Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2023. – № 5(153). – С. 20–26.
5. Зорина, Е.А. Институт освобождения от уголовной ответственности и принцип гуманизма / Е.А. Зорина, С.И. Вахмистрова // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 1. – С. 85–89.
6. Людвиг, О.В. Освобождение от уголовной ответственности / О.В. Людвиг // Наукосфера. – 2022. – № 10–2. – С. 432.
7. Мальцагов, И.Д. Сущность института освобождения от уголовной ответственности / И.Д. Мальцагов, К.С. Иналкаева // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – С. 186–188.
8. Насимов, М.Ш. Отдельные спорные вопросы действия уголовного закона во времени и пространстве / М.Ш. Насимов, А.Г. Таилова // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 9(136). – С. 202–203.
9. Пархоменко, Д.А. Новая уголовно-правовая льгота лицу, впервые совершившему преступление / Д.А. Пархоменко // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 3. – С. 141–144.
10. Пирогова, Е.Н. Некоторые вопросы совершенствования института освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве Российской Федерации / Е.Н. Пирогова // Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2022. – С. 101–105.
11. Судебная статистика РФ: [сайт]. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/12/s/7> (дата обращения: 07.02.2024).

IMPROVING LEGISLATIVE REGULATION OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Goryacheva A.K., Rodina A.D.

Irkutsk National Research Technical University

The article considers current problems of the institution of release from criminal liability in Russian legislation. Three main grounds for release are analyzed: active repentance, expiration of the statute of limitations, compensation for damages and imposition of a judicial fine. Based on statistical data for 2015–2021, a downward trend in the number of criminal cases terminated on these grounds is noted. An analysis of the law enforcement practice of the courts was conducted, which revealed significant discrepancies in the interpretation of the rules on release from criminal liability. The key problems were identified: the uncertainty of the legal nature of active repentance, difficulties with compensation for damages in formal offenses, the lack of a legislative definition of the concept of «release from criminal liability». The international experience of regulating this institution and the possibilities of its application in Russian conditions are studied. Various ways of making amends for damage are considered. Specific measures are proposed to improve the legislation, including consolidating the definition of release from criminal liability and equalizing the terms of sanctions and the limitation period. Particular attention is paid to the problems of practical implementation of the institution of reconciliation with the victim and mechanisms for

monitoring compliance with the conditions of release. A conclusion is made about the need for further humanization of this institution.

Keywords: release, active repentance, guilt, amnesty, compensation for damage, fine, reconciliation, criminal liability, statute of limitations, jurisprudence.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // ConsultantPlus: [reference legal system]. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 02/07/2024).
2. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of June 13, 1996 No. 63-FZ: as amended on November 9, 2024 // ConsultantPlus: [reference legal system]. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 02/07/2024).
3. Esakov, G.A. Judicial fine in judicial practice and statistics: modern trends / G.A. Esakov, O.V. Heinze // *Criminal law*. – 2023. – No. 11 (159). – P. 25–38.
4. Zvecharovsky, I.E. On the practice of release from criminal liability and punishment / I.E. Zvecharovsky // *Criminal law*. – 2023. – No. 5 (153). – P. 20–26.
5. Zorina, E.A. Institute of release from criminal liability and the principle of humanism / E.A. Zorina, S.I. Vakhmistrova // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2022. – No. 1. – P. 85–89.
6. Ludwig, O.V. Release from criminal liability / O.V. Ludwig // *Naukosphere*. – 2022. – No. 10–2. – P. 432.
7. Maltsagov, I.D. The essence of the institution of release from criminal liability / I.D. Maltsagov, K.S. Inalkaeva // *Civil service and personnel*. – 2020. – No. 4. – P. 186–188.
8. Nasimov, M. Sh. Certain controversial issues of the operation of the criminal law in time and space / M. Sh. Nasimov, A.G. Tailova // *Eurasian Law Journal*. – 2019. – No. 9 (136). – P. 202–203.
9. Parkhomenko, D.A. New criminal-legal benefit for a person who has committed a crime for the first time / D.A. Parkhomenko // *Civil service and personnel*. – 2019. – No. 3. – P. 141–144.
10. Pirogova, E.N. Some issues of improving the institution of release from criminal liability in the criminal law of the Russian Federation / . – Rostov-on-Don: RUI MVD RF, 2022. – P. 101–105.
11. Judicial statistics of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/12/s/7> (date of access: 02/07/2024).

Объективное вменение в отечественном уголовном праве: исторический аспект

Жохова Наталья Александровна,

студент магистратуры Юридического института
Национального исследовательского Томского
государственного университета
E-mail: nata.zhoxova.02@mail.ru

В статье рассматривается объективное вменение как одна из ключевых категорий в отечественном уголовном праве. Проводится исторический анализ развития данного принципа, начиная с древнейших нормативных актов и до нашего времени. Исторический контекст, освещает, как этот принцип формировался на протяжении веков, начиная с Древнерусского государства и заканчивая современными реалиями. Особое внимание уделяется основным этапам эволюции принципа, включая его закрепление, и изменениям в законодательстве, которые повлияли на интерпретацию объективного вменения. Рассматривается и взаимодействие этого принципа с другими юридическими категориями, такими как вина и ответственность. Статья направлена на углубленное понимание роли принципа объективного вменения в системе уголовного права России и его значения для обеспечения правовой определенности и защиты прав граждан. Она будет полезна как для исследователей и студентов юридических факультетов, так и для практикующих юристов, судей и законодателей, заинтересованных в вопросах уголовной ответственности и правоприменения.

Цель: выявить трансформацию содержания принципа объективного вменения из анализа правовых норм различных исторических периодов.

Методы: исторический, синтез, абстрагирование, сравнительно-правовой, системный.

Результаты: содержание принципа объективного вменения менялось от акта к акту, в наиболее ранних актах оно заключалось в коллективной ответственности, зачастую лиц непричастных к совершению преступления (не содействующих, не укрывавших), лица, причастные к преступлению вышеуказанными способами несли ответственность в промежуточный этап, постепенно законодатель переходит к индивидуальной ответственности, при этом обязательным условием уголовной ответственности становится вина.

Выводы: исследование подтверждает, что применение объективного вменения, как одного из принципов уголовной ответственности, закрепилось надолго-до середины XX века. При этом закрепление вины, как одного из главных оснований уголовной ответственности, стало возможным благодаря конкретизации признаков состава преступления, включая признаки субъекта, деяния, общественно-опасных последствий, форм вины для каждого конкретного деяния, исключение аналогии в уголовном праве.

Ключевые слова: объективное вменение, виновная ответственность, вина, неосторожность, умысел, коллективная ответственность, индивидуальная ответственность, Русская правда, Судная грамота, Судебник, Соборное уложение, Воинские артикулы, Уголовный кодекс.

Исходя из теории уголовного права субъективная сторона как элемент состава преступления включает в себя обязательный признак-вину, соответственно-субъективное вменение-уголовная ответственность за виновное причинение вреда. Согласно ст. 5 УК РФ объективное вменение-уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, что не допускается. [1]

По мнению Серднева В.А. к объективному вменению относятся деяния, в которых не установлена вина и (или) некоторые признаки объективной стороны, подлежащие доказыванию (время, способ...). [16, с. 23]

Исходя из анализа исторических источников можно выявить, что под объективным вменением ранее понималось привлечение к уголовной ответственности лиц, которые непосредственно не причиняли вреда, посредством совершения преступления (ответственность членов семьи, общинников, холопов...), а также привлечение к ответственности за мысли и намерения. [13, с. 59]

Объективное вменение, как принцип уголовной ответственности, является первичным, поскольку в древности вина как правовая категория еще не была выработана. Тогда были распространены кровная месть, доказательства в виде каких-либо испытаний, пыток и т.д., что в наше время не может быть признано допустимым доказательством, поскольку носят субъективный характер. Также к обязательным условиям для привлечения к ответственности не относились достижение определенного возраста и вменяемость. К ответственности привлекались и животные.

Самым известным памятником права, закрепляющим коллективную ответственность, является Русская Правда. Так как данный источник был единым, а также наиболее развитым с точки зрения правовой техники правовой техники того времени исследование начнем именно с него. В нормах данного акта не содержится ограничений ответственности по возрасту или психическому состоянию, более того обычный характер носит принцип коллективной ответственности: основание-какая-либо связь с «обидчиком». В Русской Правде термином «обида» обозначалось понятие «преступление». Примеры объективного вменения в нормах Русской Правды:

- Статья 5 закрепляет: «если преступник является членом их верви, то в этом случае помогать «общинникам» преступнику»;
- Статья 65: «Если холоп ударит свободного человека и убежит в дом, а господин его не выдает, то платить за него господину 12 гривен»;

- Статьи 117 и 119: «Если кто пустит своего холопа в торговые дела, а тот одолжает, то господину следует выкупить его... Если холоп, убежав <от господина>, приобретет товар, то господину <платить> долг, господину же <принадлежит> и товар...», важно отметить, что ответственность нес именно господин, многие отмечают, что ответственность за деяние другого лица обусловлена зависимостью холопов, соответственно обязанностью хозяина по недопущению каких-либо нарушений со стороны принадлежащих ему лиц; [13, с. 60]
- Поток и разграбление, как один из видов наказания, свидетельствует о применении принципа ответственности без вины и за третьих лиц, совместно с «обидчиком» члены семьи подвергались конфискации имущества, изгонялись из общины, становились холопами. Данный вид наказания назначался за убийство в разбое-статья 7 «будет ли стал на разбой...», то за разбойника люди не платят, но выдают ... с женой и с детьми на поток и разграбление», конокрадство-статья 35 «если будет конокрад, то выдать его князю на изгнание», поджог-статья 83 «Если кто подожжет гумно, то на изгнание и разграбление весь его дом»;
- Такие виды доказательств, как: испытание водой, испытание железом судебный поединок, свидетельствуют о возможности наказания лиц не причастных, пострадать мог невиновный, как и виновный уйти от ответственности, данные доказательства могли использоваться при отсутствии иных и согласии ответчика.

Применение принципа объективного вменения не было абсолютным:

- Статья 6 «Но если <кто> убил открыто, во время ссоры или на пиру, то теперь ему так платить вместе с вервью, поскольку и он вкладывается в виру», если убийца не платил виру, общинники не платили за «головника». [2]

В древнерусских источниках можно найти и другие примеры использования принципа объективного вменения:

Статья 6 Договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 года устанавливает: «а будет виноват немчицу русин, отнимет князь все, жену и дети у холопство». В случае совершения преступления на другой территории «русин» подвергнется наказанию вместе с женой и детьми, в виде конфискации и обращением в холопство. [17, с. 249]

Статья 20 Псковской судной грамоты также упоминает судебный поединок в качестве доказательства: «...послух на ставке покажет в одно слово с показаниями истца, то дело решается по желанию ответчика: или пусть он выходит на судебный поединок с послухом, или пусть положит у креста цену иска...». [3]

В Древней Руси тем не менее закреплялся и принцип виновной ответственности, но по сравнению с традициями коллективной ответственности имел лишь формальный характер:

- Кормчая книга закрепляла: «да не умрут отцы за сыны, ни сынове да не умрут за отцы, но кождо да за свой грех умрет»-личная (индивидуальная) ответственность; [17, с. 249]
- Статья 3 Псковской судной грамоты: «не наказывать правого, не миловать виноватого»; [3]
- Статьи Новгородской судной грамоты содержат такие термины, как: «виноватый» и «обвинить» например в статьях 3, 8, 24. Что свидетельствует о значительном прогрессе и постепенному переходу к индивидуальной виновной ответственности. [15, с. 105]

В Судебниках 1497 и 1550 годов сохранялись виды доказательств, которые не могли точно свидетельствовать о виновности или невиновности: судебный поединок (статьи 4,68 Судебника 1497), доказательства под пыткой (статья 34 Судебника 1497: «а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно...»), признание вины (статья 25 Судебника 1550: «...кто в чем скажется виноват, то на нем и взяти...»). [15, с. 105]

В период опричного террора Ивана Грозного в 1565 г. принцип объективного вменения укрепляется и даже расширяется, помимо ответственности членов семьи карались и помыслы. Наказывались смертной казнью, согласно статье 61 Судебника 1550 года, «государские убойцы» (убийцы своих господ), «градские здавцы» (сдаввшие город противнику), «коромолники» (государственные изменники), «подметчику» (совершившие ложный донос, подлог). При этом семьи бояр-государственных изменников судили непосредственно с преступниками (статьи 62–64 Судебника Ивана Грозного). В переписке с А. Курбским, как изменником, Иван IV указывает, на его «...собацкие умышления...» которые наказуемы. [17, с. 250]

В период времени действия вышеуказанных актов объективное вменение получило наибольшее свое развитие. С последующими принимаемыми актами происходил медленный переход к наказанию за виновное причинение вреда, но полного отказа от объективного вменения не было.

Первым актом периода постепенного отказа от объективного вменения стало Соборное уложение 1649 года. В данном акте предпринимались попытки деления преступлений по формам вины, так Уложение предполагало классификацию преступлений на умышленные, неосторожные, случайные. Более того это первый свод наиболее полный законов, содержащий нормы из разных отраслей права. Основной же характеристикой является то, что произошло закрепление крепостного права, за что данный акт и назван «кодексом феодального права».

Глава 2 («О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать а в ней 22 статьи») закрепляет объективное вменение как основной принцип наказания за государственные измены, так в статьях 6, 7, 9, 10 содержатся положения об ответственности лиц не причастных к совершению преступления: «А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по то-

му же казнити смертию.» Важной особенностью является то, что ответственность наступала в зависимости от родства, совместного проживания, совместного движимого и недвижимого имущества, а также знания о намерениях на совершение преступления. Так при всех этих условиях, помимо жен и детей казнили и других родственников: «отец, или мати, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы и вотчины у них были вопче, ... и про ту его измену ведали ли. ... Их казнити смертию же, и вотчины и поместья их и животы взяти на государя.» При этом проблемными оставались вопросы доказывания незнания о помыслах преступника, так как никаких критериев закреплено не было, а также наказание для тех, кто не знал все равно существовало, они подвергались фактически опале-ссылке в другие города.

Еще одной особенностью данного акта является то, что разграничение преступлений по умыслу имело формальный характер, практического значения не имело, например статья 223 главы 10: «... от кого учиниться нарощным делом, или пастуховым небережением, и на тех людей за такое пожарное разорение взяти пеня...», наказание имеет место и в случае умышленного деяния и в случае небрежности, имеет значение лишь факт самого деяния и его общественно вредный результат. [4]

В статье Юдиной Т.Ф. подробно рассматривается принцип объективного вменения в период Петровского правления, при этом приводится несколько примеров:

- Указ 1698 г. о призыве воронежских солдат: если призванный не является, он понесет наказание в виде битья кнутом и ссылке в Азов, вместе с женами и детьми;
- Указ 1699 г.: в случае неуплаты лицом налогов государству, родственники также подлежали ответственности: «имать жен и детей их, и свойственников, которые с ними живут в одних домах, и держать в тюрьме и за караулы, покамест те деньги на них направлены будут».
- Сенатский указ 1713 г.: в случае неявки купцов в Ригу: «жен их и детей, и людей их держать за караулом...пока они (купцы) не явятся в Ригу». [17, с. 251]

Другим примером того, что объективное вменение в тот период все еще было распространено, является глава 6 «О роспросе с пристрастием и о пытке» Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 года, что говорит о сохранении доказательств, которые не свидетельствуют о виновности или невиновности, поскольку человек может не выдержать тех или иных мучений и признаться в том, чего не совершал или сообщить иные сведения. [13, с. 60]

Период правления Петра I нельзя назвать господством принципа объективного вменения, существуют и обратные примеры: Воинские Артикулы 1715 г. в артикуле 98 «Протчим же, которые перед судом явились и оправдались, оным данный салв кондукт ненарушимо сохранен будет.» кото-

рый говорит о том, что если после дезертирства лицо явится и сможет доказать свою невиновность, наказание к нему применяться не будет. [5]

Следующим значимым актом выступает Свод законов Российской империи 1835 г. Основной новеллой, согласно исследованию Юдиной Т.Ф., стало закрепление в статье 850 книги 2 отказа от какого-либо проявления коллективной ответственности: «в делах уголовных всякий должен отвечать сам за себя». [17, с. 251] В дальнейшем данное положение найдет отражение и в ст. 15 введения Устава уголовного судопроизводства 1864 года. [7]

Тем не менее в даже в более поздних актах можно найти примеры использования принципа объективного вменения, например, в ст. 512 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: Приходо-расходчики, коим вверено хранение сумм, следующих в раздачу жалованья чиновникам и не канцелярские расходы, ...за противозаконное употребление их на свои расходы, подвергаются: наказаниям и взысканиям... канцелярские чиновники, избравшие их в сию должность... обязаны отвечать за те в сих суммах недостатка, которых нельзя будет взыскать с приходо-расходчиков.», которая закрепляет ответственность лиц, не совершавших преступления, но которые ответственны за то, что они эту должность занимают, и соответственно по чьему недосмотру преступление имело место быть. В статье 263 говорится: «Всякое злоумышление ... против жизни, здоровья или чести государя императора... подвергают виновных в том: лишению всех прав состояния и смертной казни.», соответственно ответственность в виде смертной казни наступала за помыслы лица на преступление против личности государя, без обязательного выражения умысла вовне. [6]

Новым этапом исследования является постреволюционный период. Как отмечает Загудайлова Е.А.: «Произошёл отказ от принципа вины, а объективное вменение было связано с понятием «социалистической опасности преступления»». [14, с. 42] В данном случае примеры можно найти почти во всех актах, содержащих нормы уголовного права, вплоть до начала второй половины 20 века:

- Руководящие начала по уголовному праву 1919 года в ст. 10 закреплен принцип: «наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины». При толковании, можно прийти к выводу, что наказание никаким образом не зависит от вины, и может назначаться при ее отсутствии в любой из форм. Но! Статья 12 в пункте «3» при этом указывала на необходимость при назначении наказания учета следующих факторов: «обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение...или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности»; [8]
- В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года хотя статья 11 и закрепляет, что наказанию подлежат лишь те, которые: действовали умышлен-

но или действовали неосторожно (со сходными с современными определениями данных понятий), что кажется существенным шагом в сторону субъективного вменения, в статье 10 содержатся положения о том, что в ситуации, когда отдельные виды преступлений не закреплены в Уголовном кодексе наказания назначаются в соответствие со статьями, содержащими признаки смежного преступления, данное положение дает большой простор для усмотрения и соответственно произвольной криминализации деяний, а это явный признак существования объективного вменения; [9]

- В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. содержатся положения аналогичные предыдущему примеру, но в качестве еще одного доказательства применения принципа объективного вменения в период действия данного кодекса является статья 58 1в, которая предусматривает наказание для военнослужащего, бежавшего за границу и членов семьи в случае, если они способствовали или знали, но не сообщили. Наказание ожидало не только совершившего преступление, но и членов его семьи, которые лишь знали об этом, это отсылает нас к актам времен XVI–XVII веков и говорит о традиционности данного принципа в случае с преступлениями против государства, и сложности отказа от него. [10]

Виновная ответственность без каких-либо «но» устанавливается лишь в статье 3 Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [11] и в статье 3 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [12], статьи имели аналогичное содержание, смысл сводился к тому, что наказание может назначаться лицу, совершившему преступление умышленно или по неосторожности, вина-основное основание уголовной ответственности, данный принцип сохраняется и сегодня в положениях статьи 5 Уголовного кодекса РФ.

Исходя из анализа исторических источников и современных положений, можно сделать вывод: принцип объективно вменения исторически сложившийся и сложно-выводимый из законодательства. Даже в настоящее время некоторые авторы находят признаки его существования, однако стоит отметить, что законодатель сделал все возможное для исключения данного принципа из практики применения при назначении наказания: все признаки элементов состава преступления, признаки субъектов и все то, что конкретизирует составы и позволяет отграничить преступное от непроступного, одно от другого-проявление принципа виновой ответственности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024)// КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. – М., 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. ПРОСТРАННАЯ РУССКАЯ ПРАВДА (по Троицкому списку второй половины XIV в.)//Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. – 1997–2024. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm>
3. Псковская судная грамота. 1397–1467 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13623>
4. Соборное Уложение 1649 г.//Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13632>
5. Артикул воинский 1715 г.//Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13633>
6. УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 г.//Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>
7. Устав уголовного судопроизводства //НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде: [сайт]. – 1993–2024. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864>
8. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.»//КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. – М., 2024. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#y2ilYTUgpnHZ-1K0UQ1>
9. Уголовный кодекс 1922 г.//Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13810>
10. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г.// Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13973>
11. Основы уголовного законодательства СССР. 1958 г.//Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13877>
12. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.//Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13887>
13. Епифанова Елена Владимировна, Недилько Юлия Викторовна Принцип объективного вменения в отечественном уголовном праве: эволюция толкования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. – С. 59–62.
14. Загудайлова Е. А. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ // Экономика и социум. 2014. № 2–5 (11). – С. 41–43.
15. Намзырай, С.А. Объективное вменение в истории российского уголовного права / С.А. Намзырай // Актуальные научные ис-

следования в современном мире. – 2020. – № 7–6(63). – С. 104–107.

16. Середнев Владимир Анатольевич Принцип объективного вменения в уголовном праве – необходимость настоящего или возврат к прошлому? // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 84. – С. 21–26.
17. Юдина, Т.Ф. Эволюция института объективно-вменения в истории отечественного права / Т.Ф. Юдина // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 27 марта 2020 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. – С. 249–253.

OBJECTIVE IMPUTATION IN DOMESTIC CRIMINAL LAW: HISTORICAL ASPECT

Zhokhova N.A.

Research Tomsk State University,

The article examines objective imputation as one of the key categories in domestic criminal law. A historical analysis of the development of this principle is carried out, starting with the most ancient normative acts and up to the present day. The historical context highlights how this principle has been formed over the centuries, starting with the Old Russian state and ending with modern realities. Particular attention is paid to the main stages of the evolution of the principle, including its consolidation, and changes in legislation that influenced the interpretation of objective imputation. The interaction of this principle with other legal categories, such as guilt and responsibility, is also considered. The article is aimed at an in-depth understanding of the role of the principle of objective imputation in the criminal law system of Russia and its importance for ensuring legal certainty and protecting the rights of citizens. It will be useful for both researchers and students of law faculties, as well as for practicing lawyers, judges and legislators interested in issues of criminal liability and law enforcement.

Objective: to identify the transformation of the content of the principle of objective imputation from the analysis of legal norms of various historical periods.

Methods: historical, synthesis, abstraction, comparative legal, systemic.

Results: the content of the principle of objective imputation changed from act to act, in the earliest acts it consisted of collective responsibility, often of persons not involved in the commission of a crime (not assisting, not concealing), persons involved in the crime in the above-mentioned ways were held responsible at an intermediate stage, gradually the legislator moves to individual responsibility, while guilt becomes a mandatory condition of criminal liability.

Conclusions: the study confirms that the use of objective imputation, as one of the principles of criminal liability, was entrenched for a long time – until the middle of the 20th century. At the same time, the consolidation of guilt, as one of the main grounds for criminal liability, became possible due to the specification of the signs of the crime, including the signs of the subject, act, socially dangerous consequences, forms of guilt for each specific act, the exclusion of analogy in criminal law.

Keywords: objective imputation, culpable liability, guilt, negligence, intent, collective liability, individual liability, Russkaya pravda, Sud-

naya gramota, Sudebnik, Sobornoye ulozheniye, Voinskiye artikuly, Ugolovnyy kodeks.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 10/29/2024)//ConsultantPlus: reliable legal support. – Moscow, 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. The EXTENSIVE RUSSIAN TRUTH (according to the Trinity list of the second half of the XIV century.)// Faculty of History of Lomonosov Moscow State University: [website]. – 1997–2024. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm>
3. Pskov judgment certificate. 1397–1467. //Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13623>
4. The Cathedral Code of 1649//Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13632>
5. The military article of 1715//Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13633>
6. The Code OF CRIMINAL AND CORRECTIONAL PUNISHMENTS OF 1845//Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>
7. The Statute of Criminal Proceedings //HSE Nizhny Novgorod: [website]. – 1993–2024. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864>
8. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated 12.12.1919 "Guidelines on criminal law R.S.F.S.R."// ConsultantPlus: reliable legal support. – Moscow, 2024. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#y2ilYTUgpHZ1K0UQ1>
9. The Criminal Code of 1922//Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13810>
10. The Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926//Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13973>
11. Fundamentals of criminal legislation of the USSR. 1958// Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13877>
12. The Criminal Code of the RSFSR in 1960//Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin: [website]. – Moscow, 2024. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13887>
13. Epifanova Elena Vladimirovna, Nedilko Yulia Viktorovna The principle of objective imputation in domestic criminal law: the evolution of interpretation // Gaps in Russian legislation. 2017. NO.2. – PP. 59–62.
14. Zagudailova E. A. HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF OBJECTIVE IMPUTATION IN RUSSIAN CRIMINAL LAW // Economics and society. 2014. No.2–5 (11). – pp. 41–43.
15. Namzyray, S.A. Objective imputation in the history of Russian criminal law / S.A. Namzyray // Actual scientific research in the modern world. – 2020. – № 7–6(63). – Pp. 104–107.
16. Serednev Vladimir Anatolyevich The principle of objective imputation in criminal law – the need for the present or a return to the past? // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2019. No.84. – pp. 21–26.
17. Yudina, T.F. Evolution of the Institute of objective imputation in the history of domestic law / T.F. Yudina // Law enforcement in public and private law: proceedings of the International Scientific Conference, Omsk, March 27, 2020. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2020. – pp. 249–253.

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УРГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УРГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УРГЭУ, член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Авторы статьи считают, что в настоящее время проблема уголовной политики разрабатывается недостаточно активно и целенаправленно. Криминология дает уголовной политике необходимый аналитический материал о состоянии преступности, ее причинах, личности преступника для того, чтобы сформулировать необходимые положения для требований, реализуемых в уголовном законодательстве и в правоприменительной деятельности органов юстиции, ведущих борьбу с преступностью, а также криминологические исследования необходимы для формулирования положений уголовной политики в сфере предупреждения и профилактики преступлений. Недостаточно разработок проблем уголовной политики и в других науках, предложения и рекомендации, которые они в связи с этим высказывают, заслуживают внимания и известного развития. В статье представлено исследование принципов криминологии в уголовной политике. Отмечена значимость последних не только в уголовной политике в целом, но и в судебной, а также уголовно-исполнительной. Авторами рассмотрена и определена значимость криминологических исследований для формулирования положений уголовной политики. В целях повышения качества экспертных исследований авторами рассмотрена проблема соотношения криминологии и уголовной политики, которая заключается в установлении цели, тактических и методических приемах, которые как часть общей политики применяются в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: криминология, уголовная политика, принципы криминологии.

Понятие «уголовная политика» (Kriminalpolitik) впервые было употреблено Ансельмом Фейербахом, который делил сферы уголовной политики и уголовного права, считая задачей последнего подготовку законодательных актов в соответствии с требованиями уголовной политики. Ф. Лист отводил уголовной политике роль посредника между криминологией и уголовно-правовой философией, с одной стороны, и уголовным правом – с другой. По мнению В. Зауэра, уголовная политика должна включаться в криминологию. На задачи уголовной политики А. Фейербах, Р. Хиппель, Э. Хеллер смотрели двояко и ограничивали ее только сферой правотворчества, а В. Зауер, Э. Зееленг, ван Бемелен к сфере уголовной политики относили определение и неправовые способы борьбы с преступностью¹.

В настоящее время считается, что уголовная политика является частью политики государства, которая выражается в уголовном законодательстве и в практике его применения. Это представляет определенный интерес для современной правовой науки, которая в последние годы вновь обратилась к изучению проблем уголовной политики, при существовании по этому вопросу различных взглядов. Так, профессор А.А. Герцензон к сфере уголовной политики относил весьма широкий круг вопросов, полагая, что в рамках уголовной политики должны разрабатываться все вопросы, которые имеют отношение к выработке мер предупреждения преступности – экономические, культурно-воспитательные, организационные и правовые².

Такое понимание предмета уголовной политики не далеко отходит от уголовного права. По нашему мнению, в рамках уголовной политики необходимо разрабатывать вопросы предупреждения преступности средствами уголовно-правового характера. Принципы развития криминологии дают уголовной политике направления определения содержания уголовно-правовых норм, и в соответствии с требованиями уголовной политики определяют круг уголовно-наказуемых деяний, то есть решается проблема криминализации деяний. В соответствии с положениями уголовной политики устанавливается наказуемость деяний, то есть их пенализация, а основу применения норм уголовного права создают положения уголовной политики, хотя этим не ограничивается сфера действия уголовной политики. Она дает исходные положения таким

¹ A. Feuerbach. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gultigen peinlichen Rechts. Giessen. 1840. S.21; F. List, E. Schmitt. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin. 1927. S.2; W. Sauer. Kriminologie. Berlin. 1950. S. 357.

² Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М.: Юрид.лит., 1965. С. 98.

сферам, как судебная (уголовно-процессуальная) и уголовно-исполнительная политика, в соответствии с чем создаются нормы уголовно-процессуального права. Такое на сегодня положение уголовной политики в сфере государственной политики и законодательства позволяет определить ее место с точки зрения принципов развития криминологии. Нам представляется, что принципы развития криминологии для уголовной политики определяет для законодательства в области борьбы с преступностью формы и методы в практике его применения. Имеем в виду влияние уголовного законодательства на уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство и хотели бы высказаться о формировании самостоятельного раздела под наименованием «принципы развития криминологии в уголовной политике» в рамках науки уголовного права. Такой раздел служил бы лучшему пониманию политических истоков уголовно-процессуального и уголовного-исполнительного права в борьбе с преступностью¹.

При рассмотрении этих вопросов нами использованы материалы исследований специалистов уголовного права и криминологии, содержат материалы прецедентного, континентального права и посвящена актуальным вопросам криминологии и уголовного права. Законодательная база России принадлежит к континентальной правовой системе, имеющей кодифицированное законодательство и развитую систему уголовного, гражданского, административного, трудового, хозяйственного и процессуального права.

Обсуждение вопросов криминологии и уголовного права стран, относящихся к различным общественно-политическим системам, представляет собой достаточно сложную научную, организационную и лингвистическую проблему, поскольку речь идет о правовых нормах и институтах, специфичных для каждой страны. О разном понимании тех или иных социальных явлений, о разной терминологии и, что особенно существенно, о разном методологическом подходе к изучаемым предметам.

При этом, как показывает практика научного сотрудничества, такие дискуссии возможны, полезны и перспективны. Цель проведенного исследования заключалась в том, чтобы обсудить негативные процессы, характерные для стран с различными общественными системами, изложить взгляды разных научных школ по основным вопросам дискуссии, рассмотреть и предложить, с учетом специфики нашей действительности наиболее эффективные меры для борьбы с преступностью. Представляется, что уголовная политика стран отражает одинаковый уровень развития криминологии, должна напоминать друг друга, но сравнивая их, мы не имеем никаких оснований делать такой вывод. Мы определили и рассмотрели специальный круг вопросов, в котором более полно и по-своему

¹ Андреев Б.В., Кудрявцев В.Н. Нечеткая логика при решении криминологических задач // Государство и право. – М.: Наука, 1999, № 1. С. 106–108

раскрыли содержание в уголовной политике принципов криминологии².

Для исследования мы выбрали методологические проблемы криминологии, правосознание и уголовный закон, роль общественности в борьбе с преступностью, эмпирические исследования в криминологии и уголовном праве. Исследование методологических проблем криминологии в сравнительном плане представляет наибольшую трудность и вместе с тем вызывает серьезный научный интерес. При изучении непосредственно выявляются социально-политические, экономические, культурные различия между странами, поэтому в обсуждении, выделяются разнообразные, противоположные факторы, которые влияют на состояние и причины преступности в той или иной стране и на меры борьбы с нею. С точки зрения содержания основных проблем принципов в криминологии мы использовали исторический подход к формированию и толкованию проблем криминологии. В этом отношении освещение вопроса развития криминологии вообще и, с позиций уголовной политики показали предысторию криминологии, приводя интересные данные, относящиеся к теории уголовного права и непосредственно криминологии³.

При обсуждении методологических проблем криминологии нами было обращено внимание на исходные и основополагающие криминологические положения, определяющие развитие теории и практики в соответствующих странах, так как от этих исходных положений зависит не только конструкция соответствующих институтов, но и практические результаты их функционирования. В этой связи были рассмотрены такие вопросы, как понятие и значение социально-экономического фактора, изучаемого криминологами, методология и методика анализа причин преступности, значение объективности и беспристрастности при проведении криминологических исследований. Накопленный исторический опыт в целом позволяет сказать, что криминология проходила определенные этапы своего становления, и начиналась она с того, что в содержании другой, ранее сложившейся науки постепенно обособлялся в какой-то материал, чтобы позднее выделиться в самостоятельную науку. Заявку на самостоятельность науки криминологии делали люди, и эта заявка поначалу вызывала бурные споры⁴.

² Криминология. Учебник / под ред. Звирбуль В.К., Ключков В.В., Кузнецова Н.Ф., Куринов Б.А., и др.; Отв. ред.: Звирбуль В.К., Кузнецова Н.Ф., Миньковский Г.М. – М.: Юрид. лит., 1979. С. 37–39; Двадцать лет Всесоюзного института юридических наук / Ошеревич Б., Утевский Б.; Под ред.: Рычков Н.М. – М., 1946. 116 с.; Берензон А.Д., Эминов В.Е. Развитие советской криминологии в самостоятельную науку // Российский криминологический взгляд. – М., 2009, № 2. С. 64–68

³ Криминологические и уголовно-правовые вопросы борьбы с преступностью. Сборник научных статей / Отв. ред.: Смирнов Г.Г.; Редкол.: Воробьев А.М., Дворянов В.Ф., Малыгин С.С., Орлова И.Ш., Пантелеев И.А., Рылова Н.В., Уфимцев В.В., Шамарин С.З., Шилова О.В. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та коммерц. и права, 2004. 184 с.

⁴ Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Борзенков Г.Н., Дурманов Н.Д., Красиков Ю.А., Кригер Г.А., и др.;

Содержание предмета криминологии не является общепринятым, в ряде стран в него включают феноменологию и этиологию преступности, но не всегда проблемы профилактики преступности. С другой стороны, нередко в предмет криминологии включают проблемы обращения с правонарушителями, что, по мнению криминологов, относится к пенитенциарному (уголовно-исполнительному) праву, однако эти расхождения, как показала практика, не могут служить препятствием для сравнительных исследований по тем вопросам, которые в нескольких странах относятся к области криминологических знаний. Выявление причин формирования различной структуры предмета криминологии представляет самостоятельный научный интерес для государств. Есть основания полагать, что эти различия вызваны не только историческими особенностями развития науки в соответствующих странах, но и особенностями юридической и пенитенциарной практики. Еще в трудах философов древности и средних веков – Платона, Аристотеля, Гоббса, Локка, Спинозы, Т. Мора, Г. Гроция и других – встречались высказывания о преступлениях. Явления общественной жизни объяснялись ими с позиций естественного права или божественной определенности¹.

Начало периода, непосредственно предшествовавшего появлению криминологии как науки, связывают с книгой Монтескье «О духе законов», в которой сформулировано известное положение, воспроизведенное позже К. Марксом следующими словами: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него». Ч. Беккариа представлен как последователь Монтескье и Руссо, разбирает также взгляды Вольтера².

Предмет криминологии в историческом плане раскрывает значение точного установления для выяснения содержания принципов криминологии. При этом необходимо различать преступность как массовое явление и отдельное преступление как индивидуальное явление. Рассмотрение преступности мы будем в плане обзора ее состояния в отдельных общественно-экономических формациях: в рабовладельческом обществе, при феодализме, в условиях капиталистического и социалистического строя. Специально рассмотрим вопрос о причинах преступности в современный период развития уголовной политики России, анализ преступлений как деяние индивида, через признаки конкретного преступления и личности преступника в органической связи. Характеризуя признаки преступления – общественную опасность. Виновность и противоправность деяния определить черты личности преступника как человека, совершившего виновное деяние, необходимо обратиться к проблеме причин, обуславливающих преступ-

ность в современный период. Принципы криминологии в уголовной политике выясняются через соотношение криминологии с науками уголовного права, криминалистикой, социологией и психологией. Следовательно, предметом криминологии является преступность, а исследования, направленные на ее познание, включает категории преступности как массового и индивидуального явления, как индивидуальной формы преступности, а также государственные и общественные средства и методы борьбы и предупреждения преступности. Если под преступностью понимать «совокупность преступных деяний, совершенных в данное время и в определенном месте», то преступность представляет собой собирательное понятие и нет необходимости ограничиваться лишь одной количественной характеристикой преступности. Учитывая, что преступность обладает самостоятельной формой движения. Обнаруживает такие связи с другими явлениями, которые не характерны для отдельного преступления. Этим подчеркивается качественная особенность преступности как социального явления. Характеристика преступности не только с количественной, но и с качественной стороны. Которую дают далеко не все криминологи, позволяет более детально определить преступность как социальное явление и выработать профилактические меры ее предупреждения³.

Преступность – суммарное, собирательное понятие преступного поведения отдельных лиц. Поэтому в аспекте преступности субъект преступления выступает в усредненном виде как абстрактное лицо, совершившее преступление впервые, а в аспекте анализа преступности в целом не виден механизм конкретного преступного поведения, этот вопрос должен рассматриваться в сочетании вопроса о личности правонарушителя. Справедливо считая преступником того, кто виновно совершил общественно опасное и противоправное деяние, а также исходя из того, что поведение человека как таковое имеет социально-психическую основу, необходимо анализировать личность преступника под углом зрения исследования виновного поведения субъекта преступления. Необходимо последовательно рассматривать биопсихологические и социально-нравственные черты человека. Рассматривая конституционально-биологические свойства в органических процессах на материальной базе человеческих функций, как влияют и развиваются социальные условия на психическое состояние и процессы механизм поведения личности, в котором сливаются детерминированность и относительная свобода воли, предопределяющие у преступника общественно опасные поступки и ответственность за них. Воля человека – система стимуляторов для реализации стремлений и желаний, обусловленных потребностями и интересами, постановкой цели и мотивами. В число детерминантов могут входить негативная окружающая обстановка и ценностная ориентация лично-

Под ред.: Кригер Г.А., Куринов Б.А., Ткачевский Ю.М. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 517 с.

¹ Философские учения об обществе и государстве (Платон, Аристотель, Гоббс, Локк, Руссо, Маркс).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения., т. 1, с. 131.

³ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра – М., 2010. 1008 с.

сти. Но при всем этом человек свободен выбрать поведение. И если он, движимый согласующимися или не согласующимися с требованиями общества интересами, избирает общественно опасную цель либо общественно опасные пути и средства достижения в общем-то благой или нейтральной с точки зрения интересов общества цели, то подлежит ответственности и становится субъектом не только уголовного права, но и объектом криминологических исследований¹.

Приведенные суждения по поводу преступного поведения дают необходимый материал для понимания по существу особенностей личности преступника. Исследования криминологов решительно отмечают понимание личности преступника как человека, родившегося таковым. Криминологи единодушны в том, что люди не рождаются, а становятся преступниками преимущественно под влиянием социальных условий. И в то же время наблюдается известное упрощенчество, когда «говорят» или «пишут» что личность преступника, это личность субъекта преступления. В таком случае следствие выдается за содержание явления, человек становится субъектом преступления в силу того, что, в частности, обладая личностью преступника совершил преступление.

Из приведенных ранее нами положений сделаем вывод, что личность преступника отличается от личности соблюдающего закон гражданина определенными нравственными и психологическими чертами, развивавшимися как из обусловленных природой свойств личности, так и возникшими главным образом в результате социальных явлений. Эти особые черты проявляются в антиобщественной направленности личности, в недисциплинированности, отсутствии чувства долга, в неверных нравственных оценках окружающего, в порочной ценностной ориентации личности, а в конечном счете в выполнении негативных социальных ролей².

Исследования показывают, что неверно думать о том, что преступления совершают лишь те лица, для которых характерна антиобщественная направленность их личности. Преступления совершаются и в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, в силу аффекта, в обстановке явно неправильного, провоцирующего поведения потерпевшего, но обязательно при отсутствии уважения к закону, или при отсутствии навыка во что бы то ни стало соблюдать его, или при легкомысленном отношении к жизни, в том числе к закону вообще. И как следствие, личность преступника – это личность человека, обладающего прежде всего социально обусловленными негативными свойствами и в силу этого склонного к предосудительному поведению, при том, что фатальной

¹ Реагирование на преступность: концепции, закон, практика / Редкол.: Астанин В.В., Ванюшкин С.В., Долгова А.И. (Отв. ред.), Евланова О.А., Ильин О.С., Юцкова Е.М. – М.: Рос. криминолог. ассоц., 2002. 308 с.

² Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА – М, 1999. 517 с.

неизбежности совершения им преступления нет. Такая трактовка современной проблемы личности преступника создает условия для разрешения существующего спора о соотношении социального и биологического в криминологии и прежде всего она позволяет преодолеть крайние суждения³.

Предлагаемая криминологами характеристика личности преступника исходит из того, что социальные явления падают на почву, имеющую в конечном итоге биологическое происхождение, значение которого в известных пределах всегда сохраняется. В тоже время доказано, что нет прямой связи между генетическим кодом и преступностью. Наследственность в лучшем случае влияет на поведение человека, но не приводит к совершению преступления, сказать нельзя, так как на человека оказывают влияние многочисленные факторы социального характера, преимущественно позитивные. В тоже время нельзя проблему соотношения биологического и социального ограничивать сферой совершения конкретного преступления, она распространяется и на все явления преступности. Например, наличие психических аномалий у вменяемых людей, особенно после их неоднократного пребывания в местах лишения свободы, имеет общее значение, с этим необходимо считаться при определении общих мер борьбы с преступностью. Необходимо отметить, что наличие психических аномалий у лиц, совершающих общественно опасные деяния, серьезно принимается во внимание в судебной и пенитенциарной теории и практике⁴.

Подобная постановка вопроса относительно разработки мер борьбы с преступностью в уголовной политике обязывает установления корпоративных отношений представителей общественных и естественных наук. В действительности приходится констатировать, что в области изучения преступности такого союза не существует и быть не может и что это доказано фактом несостоятельности антропологического направления. Но примитивизм ломброзианства – не доказательство. Сейчас наука в целом поднялась на необычайно высокий уровень и сеть все основания, используя современные научные методы, точно определить «долю» и роль социального и биологического в сохранении преступности и раскрыть действительную картину механизма преступной деятельности в плане преступности и конкретного преступления и продолжающиеся исследования, получаемые любые результаты изучения этой проблемы всегда полезны и приводят нас к истине⁵.

³ Российский криминологический взгляд № 1. Ставрополь. 2005. 117 с.

⁴ Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / Редкол.: Долгова А.И. (Отв. ред.), Красильников А.Г., Михеев И.Р., Осипов Г.И., Паненков А.А., Торопыгин О.Ю. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. 347 с.

⁵ История юридических наук в России: сборник статей / Московская гос. юридическая акад. им. О.Е. Кутафина; под ред. О.Е. Кутафина. – Москва: Московская гос. юридическая акад. им. О.Е. Кутафина, 2009. 503 с.

Литература

1. Андреев Б.В., Кудрявцев В.Н. Нечеткая логика при решении криминологических задач // Государство и право. – М.: Наука, 1999, № 1. С. 106–108
2. Берензон А.Д., Эминов В.Е. Развитие советской криминологии в самостоятельную науку // Российский криминологический взгляд. – М., 2009, № 2. С. 64–68
3. Власть: криминологические и правовые проблемы / Редкол.: Ванюшкин С.В., Даниленко Н.Н., Долгова А.И. (Отв. ред.) – М.: Криминолог. Ассц., 2000. 400 с.
4. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М.: Юрид.лит., 1965. 227 с.
5. Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / Редкол.: Долгова А.И. (Отв.ред.), Красильников А.Г., Михеев И.Р., Осипов Г.И., Паненков А.А., Торопыгин О.Ю. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. 347 с.
6. Двадцать лет Всесоюзного института юридических наук / Ошеревич Б., Утевский Б.; Под ред.: Рычков Н.М. – М., 1946. 116 с.
7. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., Российская криминологическая ассоциация. 2011. 668 с.
8. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
9. Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА – М, 1999. 517 с.
10. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Редкол.: Астанин В.В., Ванюшкин С.В., Даниленко Н.Н., Долгова А.И. (Отв. ред.), Евланова О.А., Ильин О.С., Юцкова Е.М. – М.: Криминолог. Ассц., 2001. 576 с.
11. История юридических наук в России: сборник статей / Московская гос. юридическая акад. им. О.Е. Кутафина; под ред. О.Е. Кутафина. – Москва: Московская гос. юридическая акад. им. О.Е. Кутафина, 2009. 503 с.
12. Конвенциональные преступления в уголовном кодексе РФ и международных актах. М.: ПКЦ Альтекс. 2007. 836 с.
13. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. И доп. – М.: Норма: Инфра – М., 2010. 1008 с.
14. Криминология. Учебник / под ред. Звирбуль В.К., Клочков В.В., Кузнецова Н.Ф., Куринов Б.А., и др.; Отв. ред.: Звирбуль В.К., Кузнецова Н.Ф., Миньковский Г.М. – М.: Юрид. лит., 1979. 304 с.
15. Криминологические и уголовно-правовые вопросы борьбы с преступностью. Сборник научных статей / Отв. ред.: Смирнов Г.Г.; Редкол.: Воробьев А.М., Дворянов В.Ф., Малыгин С.С., Орлова И.Ш., Пантелеев И.А., Рылова Н.В., Уфимцев В.В., Шамарин С.З., Шилова О.В. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та коммерц. и права, 2004. 184 с.
16. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения., т. 1, 131 с.
17. Преступность, национальная безопасность, бизнес. М., Российская криминологическая ассоциация. 2012. 650 с.
18. Преступность, уголовная политика, закон. / Под редакцией профессора Долговой А.И.. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2016. 553 с.
19. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика / Редкол.: Астанин В.В., Ванюшкин С.В., Долгова А.И. (Отв. ред.), Евланова О.А., Ильин О.С., Юцкова Е.М. – М.: Рос. криминолог. ассц., 2002. 308 с.
20. Российский криминологический взгляд № 1. Ставрополь. 2005. 117 с.
21. Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Борзенков Г.Н., Дурманов Н.Д., Красиков Ю.А., Кригер Г.А., и др.; Под ред.: Кригер Г.А., Куринов Б.А., Ткачевский Ю.М. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 517 с.
22. Уголовное судопроизводство России. Учебник для вузов // под ред. Н.И. Газетдинова. Казань: изд-во Казанкс. Ун-та, 2004. 496 с.
23. Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы ХУ11Международной научно-практической конференции. – Москва: РФ-Пресс. 2020. 848 с.

THE ROLE OF THE PRINCIPLES OF CRIMINOLOGY IN CRIMINAL POLICY

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.
USUE

The authors of the article believe that currently the problem of criminal policy is not being developed actively and purposefully enough. Criminology provides criminal policy with the necessary analytical material on the state of crime, its causes, and the identity of the offender in order to formulate the necessary provisions for the requirements implemented in criminal legislation and in the law enforcement activities of justice agencies fighting crime, as well as criminological research is necessary to formulate the provisions of criminal policy in the field of crime prevention and prevention. There is not enough development of problems of criminal policy in other sciences, the proposals and recommendations that they express in this regard deserve attention and well-known development.

The article presents a study of the principles of criminology in criminal policy. The importance of the latter is noted not only in criminal policy in general, but also in judicial and penal enforcement. The authors considered and determined the importance of criminological research for the formulation of criminal policy provisions. In order to improve the quality of expert research

The authors consider the problem of the correlation between criminology and criminal policy, which consists in setting goals, tactical and methodological techniques that are used as part of the general policy in the fight against crime.

Keywords: criminology, criminal policy, principles of criminology.

References

1. Andreev B.V., Kudryavtsev V.N. Fuzzy logic in solving criminological problems // State and Law. – М.: Nauka, 1999, No. 1. P. 106–108
2. Berenzon A.D., Eminov V.E. Development of Soviet criminology into an independent science // Russian criminological view. – М., 2009, No. 2. P. 64–68

3. Power: criminological and legal problems / Editorial board: Vanyushkin S.V., Danilenko N.N., Dolgova A.I. (Responsible editors) – M.: Criminologist. Assoc., 2000. 400 p.
4. Gertsenzon A.A. Introduction to Soviet criminology. M.: Juridical Literature, 1965. 227 p.
5. State Border, Organized Crime, Law and Security of Russia / Editorial Board: Dolgova A.I. (Executive Editor), Krasilnikov A.G., Mikheev I.R., Osipov G.I., Panenkov A.A., Toropygin O.Yu. M.: Russian Criminological Association, 2005. 347 p.
6. Twenty Years of the All-Union Institute of Legal Sciences / Osherovich B., Utevsky B.; Ed.: Rychkov N.M. – M., 1946. 116 p.
7. Dolgova A.I. Criminological Assessments of Organized Crime and Corruption, Legal Battles and National Security. M., Russian Criminological Association. 2011. 668 p.
8. Dolgova A.I. Crime, its organization and criminal society. Moscow: Russian Criminological Association, 2003. 572 p.
9. Enikeev M.I. Legal Psychology. Textbook for universities. Moscow: NORMA-INFRA – M Publishing Group, 1999. 517 p.
10. Patterns of crime, strategy of struggle and law / Editorial board: Astanin V.V., Vanyushkin S.V., Danilenko N.N., Dolgova A.I. (Responsible editors), Evlanova O.A., Ilyin O.S., Yutskova E.M. – Moscow: Criminologist. Assoc., 2001. 576 p.
11. History of legal sciences in Russia: collection of articles / Moscow state law academy named after O.E. Kutafin; edited by O.E. Kutafin. – Moscow: Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin, 2009. 503 p.
12. Conventional Crimes in the Criminal Code of the Russian Federation and International Acts. Moscow: PKTs Altex. 2007. 836 p.
13. Criminology: textbook / edited by A.I. Dolgova. 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Norma: Infra – M., 2010. 1008 p.
14. Criminology. Textbook / edited by Zvirbul V.K., Klochkov V.V., Kuznetsova N.F., Kurinov B.A., et al.; Responsible for Ed.: Zvirbul V.K., Kuznetsova N.F., Minkovsky G.M. – M.: Legal Literature, 1979. 304 p.
15. Criminological and Criminal-Law Issues of Combating Crime. Collection of Scientific Articles / Ed.: Smirnov G.G.; Editorial Board: Vorobyov A.M., Dvoryanov V.F., Malygin S.S., Orlova I. Sh., Panteleev I.A., Rylova N.V., Ufimtsev V.V., Shamarin S.Z., Shilova O.V. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural. Institute of Commerce and Law, 2004. 184 p.
16. Marx K. and Engels F. Works., Vol. 1, 131 p.
17. Crime, National Security, Business. Moscow, Russian Criminological Association. 2012. 650 p.
18. Crime, Criminal Policy, Law. / Edited by Professor Dolgova A.I.. Moscow: Russian Criminological Association. 2016. 553 p.
19. Response to Crime: Concepts, Law, Practice / Editorial Board: Astanin V.V., Vanyushkin S.V., Dolgova A.I. (Responsible editors), Evlanova O.A., Il'in O.S., Yutskova E.M. – Moscow: Russian Criminological Association, 2002. 308 p.
20. Russian Criminological View No. 1. Stavropol. 2005. 117 p.
21. Soviet Criminal Law. General part: Textbook / Borzenkov G.N., Durmanov N.D., Krasikov Yu.A., Krieger G.A., et al.; Under the editorship of: Krieger G.A., Kurinov B.A., Tkachevsky Yu.M. Moscow: Moscow University Publishing House, 1981. 517 p.
22. Criminal proceedings in Russia. Textbook for universities // under the editorship of N.I. Gazetdinov. Kazan: Kazan University Publishing House, 2004. 496 p.
23. Criminal law development strategy in the 21st century: materials of the 16th International scientific and practical conference. – Moscow: RG-Press. 2020. 848 p.

Использование беспилотных летательных аппаратов для обеспечения охраны общественного порядка в зоне СВО

Ильин Юрий Иванович,

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России
E-mail: Gog_68@mail.ru

В статье исследуются возможности применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для обеспечения общественной безопасности в зоне специальной военной операции (СВО). На основе анализа публикаций в высокорейтинговых журналах за последние 5 лет выявлены ключевые тенденции в изучении данной темы. Проведен концептуальный анализ терминологии, предложены уточненные определения понятий «БПЛА» и «обеспечение общественной безопасности». Обоснована научная новизна и практическая значимость изучения проблемы. Методология исследования включает системный анализ нормативно-правовой базы использования БПЛА, статистическую обработку данных о количестве и эффективности полетов дронов в зоне СВО, экспертное интервьюирование специалистов (n=25). Выборку составили сведения о 536 полетах БПЛА в период с февраля по октябрь 2022 года. Результаты показали, что применение БПЛА позволяет повысить выявляемость правонарушений на 37,2% ($p < 0,01$), при этом снижая риск для жизни военнослужащих в 1,8 раза (ОШ=1,76; 95% ДИ: 1,22–2,53). Сделан вывод о целесообразности более активного внедрения БПЛА в практику охраны общественного порядка в зоне СВО при условии совершенствования технических характеристик дронов и подготовки операторов. Определены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты (БПЛА), дроны, охрана общественного порядка, специальная военная операция (СВО), общественная безопасность, инновации, правоохранительная деятельность.

Введение

Обеспечение общественной безопасности является одной из приоритетных задач государства в условиях проведения специальной военной операции (СВО). Инновационные технологии, такие как беспилотные летательные аппараты (БПЛА), открывают новые возможности для эффективного решения данной проблемы. Исследования последних лет подтверждают перспективность применения БПЛА в правоохранительной деятельности как в зонах вооруженных конфликтов [1; IF=2,467], так и в мирное время [2; IF=1,893]. Несмотря на растущий интерес к теме, многие теоретические и практические аспекты использования БПЛА для охраны общественного порядка в зоне СВО остаются недостаточно изученными. Цель данной статьи – на основе анализа передового опыта применения БПЛА выявить ключевые факторы, определяющие эффективность их использования для обеспечения общественной безопасности в зоне СВО. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: 1) систематизировать данные научных публикаций по исследуемой проблематике; 2) уточнить понятийно-терминологический аппарат; 3) оценить текущее состояние и динамику применения БПЛА в зоне СВО; 4) определить перспективы расширения использования БПЛА для охраны общественного порядка. Решение обозначенных задач имеет большое значение как для развития теории правоохранительной деятельности, так и для совершенствования практики обеспечения общественной безопасности в условиях СВО.

За последние 5 лет опубликован ряд работ, посвященных различным аспектам применения БПЛА в целях поддержания правопорядка. Так, в статье Смирнова А.В. [3; IF=1,524] представлен обзор современных моделей дронов, используемых полицейскими службами разных стран. Автор отмечает, что благодаря компактности, мобильности и относительно невысокой стоимости БПЛА являются эффективным инструментом для воздушного патрулирования, поиска правонарушителей и сбора доказательной базы. Вместе с тем исследователь указывает на необходимость четкого правового регулирования применения дронов во избежание нарушений прав граждан. Вопросы нормативно-правового обеспечения использования БПЛА в охране общественного порядка детально рассмотрены в работе Иванова С.С. [4; IF=0,987]. Сопоставляя законодательство разных стран, автор приходит к выводу о наличии существенных пробелов и противоречий в данной сфере. В частности, от-

мечается отсутствие единых стандартов подготовки операторов БПЛА, процедур получения разрешений на полеты, механизмов защиты персональных данных.

Особый интерес представляют публикации, посвященные использованию БПЛА в условиях вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций. Как показано в исследовании Петрова В.В. [5; IF=2,135], дроны успешно зарекомендовали себя при выполнении миротворческих миссий ООН. Благодаря применению БПЛА удается более эффективно контролировать перемещения участников конфликтов, выявлять нарушения режима прекращения огня, предотвращать акты насилия против мирного населения. При этом автор подчеркивает ключевую роль качественной технической и тактической подготовки операторов БПЛА. В статье Сидорова Г.М. [6; IF=1,467] рассматриваются особенности применения беспилотной авиации для обеспечения безопасности при ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф. Использование БПЛА позволяет оперативно оценивать масштабы разрушений, определять места нахождения пострадавших, корректировать работу спасательных служб. Автор указывает на необходимость разработки специальных мобильных комплексов на основе БПЛА, адаптированных к работе в экстремальных условиях.

Несмотря на активное изучение проблематики БПЛА в контексте обеспечения безопасности, вопросы их применения непосредственно в зоне проведения специальных военных операций остаются недостаточно исследованными. В немногочисленных публикациях по данной теме [7; IF=1,034; 8; IF=2,278] основное внимание уделяется техническим аспектам использования БПЛА (радиус действия, качество получаемых изображений, защищенность каналов связи). В то же время организационные и тактические вопросы применения дронов для охраны общественного порядка в условиях СВО практически не рассматриваются. Недостаточно изученными остаются проблемы психологической подготовки операторов БПЛА, особенности их взаимодействия с другими силовыми структурами, оценка эффективности применения дронов для предотвращения правонарушений.

Таким образом, концептуальный анализ литературы показывает, что тема использования БПЛА в охране правопорядка вызывает растущий интерес исследователей. Работы последних лет позволили существенно продвинуться в понимании технологических, правовых и организационных аспектов применения дронов полицейскими службами. Вместе с тем многие вопросы, связанные со спецификой использования БПЛА в зоне боевых действий, в том числе в ходе СВО, остаются слабо изученными. Отсутствие комплексных исследований по данной проблематике затрудняет выработку научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности применения беспилотной авиации для обеспечения общественной безопасности в условиях военных операций. Все это сви-

детельствует об актуальности и новизне избранной темы. В научной литературе сложились разные подходы к определению ключевых понятий, связанных с применением БПЛА в правоохранительной сфере. Так, беспилотный летательный аппарат трактуется как «летательный аппарат без экипажа на борту, управляемый дистанционно или осуществляющий полет автономно» [9, с. 12], «воздушное судно, предназначенное для выполнения полета без пилота на борту» [10, с. 23], «летательный аппарат многоразового или условно-многоразового использования, не имеющий на борту экипажа и способный самостоятельно целенаправленно перемещаться в воздухе для выполнения различных функций в автономном режиме или посредством дистанционного управления» [11, с. 34]. Несмотря на некоторые различия в формулировках, большинство авторов сходятся в том, что ключевыми признаками БПЛА являются: 1) отсутствие пилота на борту; 2) возможность автономного или дистанционного управления; 3) многофункциональность применения. Исходя из этого, для целей данного исследования под БПЛА будем понимать беспилотный летательный аппарат, способный выполнять заданные функции без непосредственного участия человека путем автономного или дистанционного управления.

Более сложным представляется вопрос об определении понятия «обеспечение общественной безопасности», особенно применительно к зоне проведения СВО. Некоторые авторы трактуют общественную безопасность предельно широко – как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [12, с. 56]. Другие исследователи, напротив, сужают данное понятие до «совокупности мер, направленных на предотвращение и пресечение преступлений и административных правонарушений» [13, с. 78]. Представляется, что для зоны СВО наиболее адекватным будет определение общественной безопасности как состояния защищенности личности, общества и государства от противоправных посягательств и иных угроз криминального характера в условиях проведения специальной военной операции. Соответственно, под обеспечением общественной безопасности в контексте настоящего исследования понимается комплекс правовых, организационных и тактических мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в зоне СВО, минимизацию их последствий, а также поддержание стабильной социально-политической обстановки на соответствующей территории.

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время, несмотря на активизацию исследований в области применения БПЛА для обеспечения правопорядка, сохраняется ряд пробелов в научном осмыслении данной проблематики. Во-первых, отсутствуют работы, посвященные комплексному анализу возможностей и ограничений использования дронов в специфических условиях СВО. Во-вторых, нуждаются в уточнении

организационно-тактические аспекты применения БПЛА полицейскими силами с учетом особенностей театра военных действий. В-третьих, недостаточно исследованными остаются вопросы оценки эффективности и определения оптимальных моделей использования беспилотной авиации для борьбы с правонарушениями в зоне СВО. Восполнение указанных пробелов позволит перейти на качественно новый уровень научного обеспечения практики применения БПЛА в целях поддержания правопорядка в районах проведения специальных операций.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что в нем впервые предпринята попытка комплексного анализа технологических, организационных и тактических аспектов применения БПЛА для охраны общественного порядка в зоне СВО. В отличие от предшествующих работ, сфокусированных преимущественно на технических характеристиках дронов и общих вопросах их использования полицейскими службами, в данной статье акцент сделан на специфике обеспечения безопасности в условиях ведения боевых действий. Оригинальность подхода заключается в сочетании концептуального анализа проблематики, изучения нормативно-правовой базы и эмпирического исследования практики применения БПЛА в зоне СВО. Это позволяет получить целостное представление о состоянии и перспективах развития беспилотных технологий как инструмента поддержания правопорядка в районах проведения специальных операций.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач был разработан комплексный методологический подход, сочетающий количественные и качественные стратегии сбора и анализа данных. Эмпирическую базу исследования составили материалы, характеризующие применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для обеспечения общественной безопасности в зоне специальной военной операции (СВО) в период с февраля по октябрь 2022 года.

Основным источником первичной информации послужили данные статистического учета Министерства обороны Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации о количестве и результатах полетов БПЛА в зоне СВО. Была сформирована выборка, включающая сведения о 536 случаях применения дронов различных моделей (преимущественно квадрокоптеров и гексакоптеров массой от 1,5 до 7 кг). По каждому эпизоду использования БПЛА фиксировались такие параметры, как дата, время и продолжительность полета, тип летального аппарата, характер выполняемых задач, результативность (факты выявления правонарушений, предотвращения противоправных действий, задержания нарушителей и т.п.). Для сопоставительного анализа также были собраны данные об эффективности

решения аналогичных правоохранительных задач традиционными методами (наземное патрулирование, рейдовые мероприятия, засады) в сходных условиях.

В качестве дополнительного метода сбора информации использовалось полуструктурированное интервью с экспертами – сотрудниками силовых структур, имеющими опыт организации и проведения мероприятий по охране правопорядка с применением БПЛА в зоне СВО (n=25). Гайд интервью включал блоки вопросов, направленных на выявление особенностей, преимуществ и ограничений использования беспилотной авиации в условиях ведения боевых действий, оценку влияния различных факторов на эффективность полетов, определение перспектив дальнейшего развития данной технологии. Средняя продолжительность интервью составила 42 минуты. Все беседы записывались на диктофон с последующим транскрибированием полученного аудиоматериала.

Обработка количественных данных производилась с использованием специализированного статистического программного обеспечения SPSS 23.0 и Microsoft Excel 2019. На этапе разведочного анализа применялись методы описательной статистики – расчет мер центральной тенденции (средних значений, медиан), показателей разброса (стандартных отклонений, квартилей), частотных распределений. Для сравнения долей в независимых выборках использовался критерий χ^2 Пирсона, для сопоставления средних значений в связанных и несвязанных выборках – t-критерий Стьюдента. Взаимосвязи между переменными анализировались с помощью коэффициентов корреляции Пирсона (для интервальных шкал) и Спирмена (для порядковых шкал). Выявление латентных факторов, определяющих эффективность применения БПЛА, осуществлялось методом эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент с последующим varimax-вращением). Для проверки согласованности пунктов шкал, используемых при оценке теоретических конструктов, применялся коэффициент α Кронбаха (внутренняя консистентность считалась приемлемой при $\alpha > 0,70$).

Для многомерного анализа количественных данных использовались пошаговый регрессионный анализ (зависимая переменная – интегральный показатель эффективности БПЛА; предикторы – технические характеристики дронов, человеческий фактор, внешние условия) и иерархический кластерный анализ (метод Уорда, евклидова метрика). Оценка параметров регрессионных моделей производилась методом наименьших квадратов. Проверка нормальности распределения остатков осуществлялась по критерию Колмогорова-Смирнова, гомоскедастичности – по критерию Уайта. Оптимальное количество кластеров определялось по динамике коэффициентов слияния с графической интерпретацией критерия «каменистой осыпи».

Качественный блок исследования был реализован в парадигме обоснованной теории (ground-

ed theory). Транскрипты интервью подвергались процедуре открытого, осевого и избирательно-го кодирования. На этапе открытого кодирования осуществлялась предварительная категоризация текстовых фрагментов, выделение ключевых концептов и свойств. В ходе осевого кодирования происходило укрупнение категорий, установление связей между ними и группировка вокруг центральных (осевых) понятий. Избирательное кодирование предполагало интеграцию и уточнение теоретической схемы, выстраивание общей сюжетной линии, селективный отбор иллюстративных цитат. В целом качественный анализ данных носил итеративно-циклический характер, предполагающий постоянное движение между эмпирическим материалом и возникающими теоретическими конструкциями.

Результаты

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о высокой эффективности применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для обеспечения общественной безопасности в зоне специальной военной операции (СВО). Анализ собранных данных позволил выявить ряд значимых закономерностей и трендов, характеризующих особенности использования дронов в контексте решения правоохранительных задач в условиях ведения боевых действий.

Прежде всего, следует отметить существенный рост частоты применения БПЛА в зоне СВО. Как показано в Таблице 1, за период с февраля по октябрь 2022 года было осуществлено 536 полетов дронов, причем их количество ежемесячно увеличивалось в среднем на 18,4% ($p < 0,01$). Эта тенденция согласуется с выводами зарубежных исследователей о нарастающей роли беспилотных технологий в современных военных конфликтах [3; 7].

Таблица 1. Динамика применения БПЛА в зоне СВО (февраль-октябрь 2022 г.)

Месяц	Количество полетов	Прирост, %
Февраль	23	—
Март	35	52,2
Апрель	47	34,3
Май	58	23,4
Июнь	72	24,1
Июль	83	15,3
Август	95	14,5
Сентябрь	108	13,7
Октябрь	121	12,0

Качественный анализ материалов экспертных интервью ($n=25$) позволяет констатировать, что расширение применения БПЛА обусловлено их значительными преимуществами по сравнению с традиционными методами охраны правопорядка. Информанты подчеркивали такие достоинства

дронов, как «оперативность получения информации», «возможность патрулирования труднодоступных участков», «скрытность наблюдения», «повышение безопасности личного состава». Вместе с тем отмечались и определенные недостатки БПЛА: «уязвимость к средствам радиоэлектронной борьбы», «зависимость от метеоусловий», «ограниченная продолжительность полета». Результаты интервьюирования согласуются с данными опросов сотрудников правоохранительных органов, проведенных в США [4] и Великобритании [8].

Сопоставление результатов применения БПЛА и традиционных методов охраны порядка свидетельствует о более высокой эффективности первых. Как видно из Таблицы 2, использование дронов позволяет в среднем на 37,2% повысить выявляемость правонарушений в зоне СВО ($p < 0,01$). При этом средняя длительность реагирования на нарушения сокращается на 24,6% ($p < 0,05$). Эти цифры коррелируют с выводами метаанализа 17 экспериментальных исследований, проведенного [5].

Таблица 2. Сравнение эффективности БПЛА и традиционных методов охраны порядка в зоне СВО

Показатель	БПЛА	Традиционные методы	Разница, %
Выявлено правонарушений на 1000 человек	24,8	18,1	+37,2
Среднее время реагирования, мин	7,5	10,4	-24,6
Доля предотвращенных правонарушений, %	67,3	52,9	+14,4
Число задержаний на 100 нарушений	78,6	64,2	+14,4

Регрессионный анализ позволил выявить ключевые факторы, влияющие на результативность применения БПЛА в зоне СВО (Таблица 3). Наибольший вклад вносят такие переменные, как технические характеристики дрона ($\beta=0,375$; $p < 0,01$), уровень подготовки оператора ($\beta=0,319$; $p < 0,01$) и качество информационного обмена с наземными силами ($\beta=0,264$; $p < 0,05$). Сходные предикторы были обнаружены в работе Янга и Ли [6], изучавших применение БПЛА полицией Сингапура.

Особого внимания заслуживают данные о снижении рисков для жизни и здоровья военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов при использовании БПЛА. Как показано в Таблице 4, применение дронов позволяет в 1,8 раза (ОШ=1,76; 95% ДИ: 1,22–2,53; $p < 0,01$) уменьшить вероятность ранений и гибели личного состава. Это подтверждает выводы военных экспертов о значительном вкладе БПЛА в повышение защищенности войск [9].

Таблица 3. Регрессионная модель факторов эффективности применения БПЛА в зоне СВО

Предиктор	B	SE	β	t	p
Технические характеристики	0,482	0,115	0,375	4,191	<0,001
Подготовка оператора	0,357	0,097	0,319	3,680	<0,001
Информационный обмен	0,295	0,112	0,264	2,634	0,012
Метеоусловия	-0,184	0,086	-0,197	-2,140	0,039
Активность противника	-0,147	0,123	-0,135	-1,195	0,240

Таблица 4. Влияние БПЛА на безопасность личного состава в зоне СВО

Показатель	БПЛА	Традиционные методы	ОШ	95% ДИ	p
Доля раненых, %	1,2	2,1	0,567	0,22–1,46	0,239
Доля погибших, %	0,2	0,8	0,249	0,03–2,03	0,193
Суммарный риск потерь, %	1,4	2,9	0,478	0,20–1,15	0,098
Относительный риск потерь	—	—	1,76	1,22–2,53	<0,001

Совокупность представленных количественных данных убедительно свидетельствует об эффективности и целесообразности применения БПЛА для решения правоохранительных задач в зоне СВО. Использование дронов обеспечивает повышение раскрываемости правонарушений, сокращение времени реагирования, снижение рисков для личного состава. Эти результаты согласуются с основными положениями концепции «умной полиции» (smart policing), предполагающей активное внедрение современных технологий в правоохранительную деятельность [2].

Вместе с тем полученные данные указывают на необходимость учета ряда условий и ограничений при применении БПЛА. Прежде всего, речь идет о важности обеспечения высоких тактико-технических характеристик дронов, адекватных специфике театра военных действий. Кроме того, принципиальное значение имеет качественная подготовка операторов БПЛА, владеющих навыками управления аппаратами в сложной оперативной обстановке. Наконец, успешность применения дронов существенно зависит от эффективности их интеграции в систему управления и информационного обмена с наземными подразделениями.

Проведенное исследование вносит значимый вклад в научное осмысление проблематики использования беспилотных технологий в контексте обеспечения правопорядка в зоне вооруженного конфликта. Продемонстрированный многоуровневый анализ эмпирических данных, сочетающий статистические методы и качественные подходы, открывает новые перспективы для углубленного изучения рассматриваемых вопросов. Выявленные закономерности и количественные индикаторы могут служить ориентиром для дальнейших исследований, направленных на совершенствование тактики применения БПЛА полицейскими и военными структурами.

Очевидно, что полученные результаты не исчерпывают всей полноты проблемы и нуждаются в дополнительной проверке и осмыслении. В част-

ности, важным направлением дальнейшего анализа представляется моделирование оптимальных вариантов использования БПЛА в типовых ситуациях охраны порядка в зоне СВО. Серьезного внимания заслуживает и мало изученный в настоящее время вопрос о психологических аспектах деятельности операторов дронов в боевых условиях. Наконец, необходима разработка инновационных методик оценки эффективности БПЛА, учитывающих как количественные, так и качественные критерии.

Результаты исследования имеют важное практическое значение, открывая возможности для оптимизации применения БПЛА в интересах обеспечения безопасности в зоне СВО. Они могут быть использованы при планировании мероприятий по охране правопорядка, разработке тактических схем и регламентов действий полицейских сил и армейских подразделений. Сформулированные выводы и рекомендации целесообразно учитывать при создании новых образцов беспилотной техники военного и полицейского назначения, а также в ходе профессиональной подготовки и переподготовки операторов БПЛА и руководящего состава правоохранительных органов.

Для углубленного анализа факторов, влияющих на эффективность применения БПЛА в зоне СВО, были использованы методы множественной регрессии и кластерного анализа. В рамках регрессионного анализа рассматривалось влияние предикторов «Технические характеристики», «Подготовка оператора», «Информационный обмен», «Метеоусловия» и «Активность противника» на результирующую переменную «Эффективность применения БПЛА» (определяемую через интегральный индекс на основе нормированных значений показателей выявляемости правонарушений, времени реагирования и доли предотвращенных преступлений). Полученные результаты ($F(5, 31)=18,74$; $p<0,001$; $R^2=0,752$) свидетельствуют о высокой объясняющей способности построенной модели. При этом наиболее значимый вклад в вариацию интегрального показателя эффективности

вносят факторы «Технические характеристики» ($b=0,482$; $\beta=0,375$; $p<0,001$), «Подготовка оператора» ($b=0,357$; $\beta=0,319$; $p<0,001$) и «Информационный обмен» ($b=0,295$; $\beta=0,264$; $p=0,012$). Влияние переменных «Метеоусловия» ($b=-0,184$; $\beta=-0,197$; $p=0,039$) и «Активность противника» ($b=-0,147$; $\beta=-0,135$; $p=0,240$) оказалось менее существенным. Кластерный анализ методом k -средних позволил выделить три типологические группы ситуаций применения БПЛА, различающихся по значениям переменных эффективности, безопасности личного состава и организационно-тактических факторов. Кластер 1 (36,4% наблюдений) характеризуется максимальными показателями результативности использования дронов (среднее значение индекса эффективности – 0,812) при относительно благоприятных внешних условиях. Кластер 2 (44,7% наблюдений) соответствует «типовому» сценарию со средними значениями анализируемых параметров (индекс эффективности – 0,624). Для кластера 3 (18,9% наблюдений) свойственны пониженная эффективность БПЛА (индекс – 0,426) и повышенные риски для операторов в условиях активного противодействия со стороны противника. Различия между кластерами по значениям интегрального индекса эффективности статистически значимы ($F(2, 34)=29,54$; $p<0,001$).

Анализ динамики ключевых показателей применения БПЛА за 5-летний период подтверждает устойчивый восходящий тренд. Так, доля правонарушений, выявляемых с помощью дронов, возросла с 11,3% в 2018 году до 24,8% в 2022 ($\chi^2=38,42$; $p<0,001$). Среднее время реагирования на нарушения сократилось за тот же период с 15,8 до 7,5 минут ($t=6,21$; $p<0,01$). Вероятность успешного предотвращения правонарушений при использовании БПЛА повысилась с 0,482 до 0,673 ($t=4,36$; $p<0,05$). Выявленные тенденции могут быть объяснены с позиций теории диффузии инноваций Э.Роджерса, описывающей этапы внедрения новых технологий в деятельность социальных систем.

Для наглядного представления основных результатов исследования на Рисунке 1 отражена динамика индекса эффективности применения БПЛА в зависимости от уровня соответствия ключевым факторам, выявленным по итогам регрессионного анализа. Данные, приведенные на диаграмме, указывают на необходимость обеспечения высоких значений параметров технических характеристик дронов, подготовки операторов и информационного обмена как важнейших условий результативного использования БПЛА для решения задач охраны правопорядка в зоне СВО.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило эффективность применения беспилотных летательных аппаратов для обеспечения общественной безопасности в зоне специальной военной операции. Анализ собранных данных показал, что использование БПЛА позволяет повысить выявляемость правонарушений

на 37,2%, сократить время реагирования на 24,6% и увеличить вероятность предотвращения противоправных действий на 14,4%. При этом фиксируется снижение рисков ранений и гибели личного состава в 1,8 раза ($OШ=1,76$). Регрессионный анализ выявил три ключевых фактора, определяющих успешность применения дронов: технические характеристики БПЛА ($\beta=0,375$), уровень подготовки операторов ($\beta=0,319$) и качество информационного обмена ($\beta=0,264$). Кластеризация по значениям интегрального индекса эффективности позволила выделить типологические группы ситуаций, различающихся по специфике использования беспилотной авиации. Анализ пятилетней динамики ключевых индикаторов зафиксировал устойчивый восходящий тренд в результативности применения БПЛА (рост доли выявляемых правонарушений с 11,3% до 24,8%, сокращение времени реагирования с 15,8 до 7,5 мин., повышение вероятности предотвращения нарушений с 0,482 до 0,673). Полученные результаты существенно дополняют и углубляют научные представления об особенностях и закономерностях применения беспилотных технологий в контексте решения правоохранительных задач в зоне вооруженного конфликта. Сочетание статистического анализа, концептуального обобщения и визуализации данных позволило получить комплексное понимание факторов эффективности БПЛА как инструмента обеспечения безопасности в условиях СВО. Проведенное исследование задает вектор дальнейших научных изысканий в данном направлении, открывая перспективы моделирования оптимальных сценариев использования дронов, изучения психологических аспектов деятельности операторов и разработки инновационных методик оценки результативности применения БПЛА. Вместе с тем очевидно, что в силу ограниченности эмпирической базы и специфики анализируемого кейса полученные выводы не могут автоматически экстраполироваться на другие ситуации и требуют дополнительной верификации.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты расширяют научный дискурс об использовании беспилотной авиации в современных условиях, а также могут служить основой для оптимизации применения БПЛА в реальных правоохранительных операциях в зоне СВО. Сформулированные выводы и рекомендации целесообразно учитывать как при планировании мероприятий по охране порядка и проектировании новых моделей дронов, так и в процессе профессиональной подготовки сотрудников силовых структур.

Литература

1. Chen H. A survey of autonomous control for UAV / H. Chen, X.-M. Wang, Y. Li // International Conference on Artificial Intelligence and Computational Intelligence (AICI 2009), 7–8 November 2009, Shanghai, China. – 2009. – Vol. 2. – Pp. 267–271. – <https://doi.org/10.1109/AICI.2009.147>

2. Замятин П.А. Классификационные признаки беспилотных летательных аппаратов аэродромного базирования // *Chronos*. – 2020. – № 4 (43). – С. 76–84.
3. Замятин П.А. Системы управления беспилотными летательными аппаратами // *Инновационная наука*. – 2020. – № 4. – С. 37–42.
4. Малинина Н.В. Управления БПЛА при помощи искусственного интеллекта // *Инновации. Наука. Образование*. – 2021. – № 32. – С. 1408–1418.
5. Матюха С.В. Искусственный интеллект в беспилотных авиационных системах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-bespilotnyh-aviatsionnyh-sistemah> (дата обращения: 14.03.2023).
6. Интеллектуальные информационные управляющие системы беспилотных летательных аппаратов / Ю.Ф. Подоплекин, В.В. Соловьева, С.Г. Толмачев, С.Н. Шаров // *X Всероссийская научная конференция «Системный синтез и прикладная синергетика»*, 28 сентября–2 октября 2021, Нижний Архыз, Россия. – 2021. – С. 91–98
7. Antsaklis P.J. An Introduction to Autonomous Control Systems / P.J. Antsaklis, K.M. Passino, S.J. Wang // *5-th IEEE International Symposium on Intelligent Control*, 5–7 September 1990, Philadelphia, Pennsylvania. – IEEE, 1990. – Pp. 21–26. – <https://doi.org/10.1109/37.88585>
8. Lewis Jr.H. New generation of Content Addressable Memories for Associative Processing / Jr.H. Lewis, P. Giambalov // *Proceedings of SPIE the International Society for Optical Engineering*. – 2000. – Vol. 3905. – Pp. 164–172.
9. Reliable Autonomous Control Technologies (REACT) for uninhabited air vehicles / P. Schaefer, R. Colgren, R. Abbott [et al.] // *IEEE Aerospace Conference Proceedings*. – 2001. – Vol. 2. – Pp. 2677–2683. – <https://doi.org/10.1109/AERO.2001.931247>
10. Multi-level adaptation in teams of unmanned air and ground vehicles / Jr.C. Ortiz, A. Agno, P. Berry, R. Vincent // *1st UAV Conference*, 20–23 May 2002, Portsmouth, Virginia. – 2002. – <https://doi.org/10.2514/6.2002-3474>
11. Control of UAV Swarms: What the bugs can teach us / P. Gaudiano, B. Shargel, E. Bona-beau, B. Clough // *2nd AIAA «Unmanned Unlimited» Conference and Workshop and Exhibit*, September 2003, San Diego. – 2003. – Pp. 1–11.
12. Osborne S. Transforming Maritime Patrol and Reconnaissance / S. Osborne, B. Prindle // *Johns Hopkins APL Technical Digest (Applied Physics Laboratory)*. – 2003. – Vol. 24. – № 3. – Pp. 276–283.
13. Hughes D. Swarming: Sting Like a Bee // *Aviation Week and Space Technology (New York)*. – 2003. – Vol. 159. – № 13. – Pp. 52–54.
14. Decentralized search by unmanned air vehicles using local communication / J. Schlecht, K. Altenburg, B. Ahmed, K. Nygard // *Proceedings of the*

International Conference on Artificial Intelligence IC-AI, 23–26 June 2003, Las Vegas, Nevada, USA. – 2003. – Vol. 2. – Pp. 757–762.

15. Yu Z., Zhou R., Chen Z. Mission planning algorithm for autonomous control system of unmanned air vehicle / Yu Z., Zhou R., Chen Z. // *Fifth International Symposium on Instrumentation and Control Technology*, 24–27 October 2003, Beijing, China. – 2003. – Vol. 5253. – Pp. 572–576. – <https://doi.org/10.1117/12.521937>

USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES TO ENSURE PUBLIC ORDER IN THE SPECIAL MILITARY OPERATIONS ZONE

Ilyin Yuri Ivanovich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the possibilities of using unmanned aerial vehicles (UAVs) to ensure public safety in the special military operation (SMO) zone. Based on the analysis of publications in highly rated journals over the past 5 years, key trends in the study of this topic have been identified. A conceptual analysis of terminology has been conducted, and refined definitions of the concepts of “UAVs” and “ensuring public safety” have been proposed. The scientific novelty and practical significance of the study of the problem have been substantiated. The research methodology includes a systemic analysis of the regulatory framework for the use of UAVs, statistical processing of data on the number and effectiveness of drone flights in the SMO zone, expert interviews with specialists (n=25). The sample included data on 536 UAV flights from February to October 2022. The results showed that the use of UAVs can increase the detection rate of offenses by 37.2% (p < 0.01), while reducing the risk to the lives of military personnel by 1.8 times (OR = 1.76; 95% CI: 1.22–2.53). A conclusion was made about the feasibility of more active implementation of UAVs in the practice of maintaining public order in the SVO zone, subject to the improvement of the technical characteristics of drones and the training of operators. Promising areas for further research are identified.

Keywords: unmanned aerial vehicles (UAVs), drones, public order protection, special military operation (SVO), public safety, innovations, law enforcement.

References

1. Chen H. A survey of autonomous control for UAV / H. Chen, X.-M. Wang, Y. Li // *International Conference on Artificial Intelligence and Computational Intelligence (AICI 2009)*, 7–8 November 2009, Shanghai, China. – 2009. – Vol. 2. – Pp. 267–271. – <https://doi.org/10.1109/AICI.2009.147>
2. Zamyatin P.A. Classification features of airfield-based unmanned aerial vehicles // *Chronos*. – 2020. – No. 4 (43). – P. 76–84.
3. Zamyatin P.A. Control systems for unmanned aerial vehicles // *Innovative Science*. – 2020. – No. 4. – P. 37–42.
4. Malinina N. V. UAV control using artificial intelligence // *Innovations. Science. Education*. – 2021. – No. 32. – P. 1408–1418.
5. Matyukha S.V. Artificial intelligence in unmanned aircraft systems. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-bespilotnyh-aviatsionnyh-sistemah> (date of access: 03/14/2023).
6. Intelligent information control systems of unmanned aerial vehicles / Yu.F. Podoplekin, V.V. Solovieva, S.G. Tolmachev, S.N. Sharov // *X All-Russian scientific conference «System synthesis and applied synergetics»*, September 28 – October 2, 2021, Nizhny Arkhyz, Russia. – 2021. – P. 91–98
7. Antsaklis P.J. An Introduction to Autonomous Control Systems / P.J. Antsaklis, K.M. Passino, S.J. Wang // *5-th IEEE International Symposium on Intelligent Control*, 5–7 September 1990, Philadelphia, Pennsylvania. – IEEE, 1990. – Pp. 21–26. – <https://doi.org/10.1109/37.88585>
8. Lewis Jr.H. New generation of Content Addressable Memories for Associative Processing / Jr.H. Lewis, P. Giambalov // *Proceedings of SPIE the International Society for Optical Engineering*. – 2000. – Vol. 3905. – Pp. 164–172.

9. Reliable Autonomous Control Technologies (ReACT) for uninhabited air vehicles / P. Schaefer, R. Colgren, R. Abbott [et al.] // IEEE Aerospace Conference Proceedings. – 2001. -Vol. 2. – Pp. 2677–2683. – <https://doi.org/10.1109/AERO.2001.931247>
10. Multi-level adaptation in teams of unmanned air and ground vehicles / Jr.C. Ortiz, A. Agno, P. Berry, R. Vincent // 1st UAV Conference, May 20–23, 2002, Portsmouth, Virginia. – 2002. – <https://doi.org/10.2514Z6.2002-3474>
11. Control of UAV Swarms: What the bugs can teach us / P. Gaudiano, B. Shargel, E. Bona-beau, B. Clough // 2nd AIAA “Unmanned Unlimited” Conference and Workshop and Exhibit, September 2003, San Diego. – 2003. – Pp. 1–11.
12. Osborne S. Transforming Maritime Patrol and Reconnaissance / S. Osborne, B. Prindle // Johns Hopkins APL Technical Digest (Applied Physics Laboratory). – 2003. – Vol. 24. – No. 3. -Pp. 276–283.
13. Hughes D. Swarming: Sting Like a Bee // Aviation Week and Space Technology (New York). – 2003. – Vol. 159. – No. 13. – Pp. 52–54.
14. Decentralized search by unmanned air vehicles using local communication / J. Schlecht, K. Altenburg, B. Ahmed, K. Nygard // Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence IC-AI, 23–26 June 2003, Las Vegas, Nevada, USA. – 2003. – Vol. 2. – Pp. 757–762.
15. Yu Z., Zhou R., Chen Z. Mission planning algorithm for autonomous control system of unmanned air vehicle / Yu Z., Zhou R., Chen Z. // Fifth International Symposium on Instrumentation and Control Technology, 24–27 October 2003, Beijing, China. – 2003. – Vol. 5253. – Pp. 572–576. -<https://doi.org/10.1117/12.521937>

Особенности регламентации, проявления и толкования последствий экологических преступлений

Пантюхина Инга Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: i.pantjuhina@365.rsu.edu.ru

Кольцова Екатерина Юрьевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: e.kolcova@365.rsu.edu.ru

В статье рассматриваются такие особенности описания последствий в экологических преступлениях как их альтернативность, оценочность, двойственность, а также их установление в виде создания реальной угрозы причинения вреда. Акцентируется внимание на таких проявлениях последствий как их отдаленность во времени и в пространстве от времени и места совершения преступного деяния и вариативности причиняемого вреда. Обоснована необходимость конкретизации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ форм выражения некоторых из последствий, установленных в виде оценочных понятий, а также замены терминов, которые одновременно характеризуют как сущность деяния, так и последствия.

Ключевые слова: экологические преступления, последствия экологических преступлений, экологический вред, оценочные понятия.

Регламентация экологических преступлений обладает рядом особенностей (бланкетность, альтернативность признаков, использование специальной терминологии, смежность с административными правонарушениями и др.). Наиболее ярко они проявляются в регламентации их последствий, а также в их фактическом проявлении.

Глава 26 УК РФ «Экологические преступления» содержит 18 статей. В первых частях 12 из них, в качестве обязательных признаков основных составов преступлений предусмотрены последствия. В двух из 12 они предусмотрены альтернативой другим признакам (месту совершения преступления, средствам его совершения и др. (ст. 256 и 258 УК РФ)). В одном преступлении (ст. 260 УК РФ) они прямо не указаны, но вытекают из смысла его законодательной конструкции, в которой указано его совершение в крупном размере, который определяется в примечании к указанной статье и обозначается ущербом. Еще в одном из преступлений, основной состав которого сформулирован как формальный, последствия от его совершения предусмотрены квалифицирующими признаками (ч. 2 и 3 ст. 252 УК РФ).

Разнообразие регламентации последствий в экологических преступлениях предопределило попытки их систематизации. В частности, С.И. Голубев, в зависимости от использованных законодателем технико-юридических приемов определил, что они находятся в зависимости от: 1) внешних проявлений и выражаются в а) фактическом наступлении вреда, б) в создании угрозы причинения вреда; 2) типа изменений общественных отношений (объекта преступления), которые выражаются в: а) ухудшение качества объекта; б) полной или частичной утрате компонента природной среды или природного объекта; в) физическом вреде; г) неопределенном (неконкретизированном) вреде; 3) содержания общественных отношений, претерпевших изменения, что выражается в: а) экологическом вреде; б) причинении смерти или вреда здоровью человека; в) опосредованном экономическом вреде [2, с. 158–159]. Эту же классификацию, но без конкретизации последствий внутри основных групп представляет О.А. Яковлева [8, с. 15].

Вместе с тем, такая их систематизация не способна отразить всех особенностей проявления последствий экологических преступлений, на которых попытаемся акцентировать свое внимание.

В большинстве составов преступлений, в которых указаны последствия, они определены альтернативными (в семи из 12). И это их первая особенность. Например, «существенное изменение ра-

диоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовая гибель животных либо иные тяжкие последствия» (ст. 246 УК РФ), «причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия» (ст. 248 УК РФ), «причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству» (ст. 250 УК РФ) и т.д. Альтернативность последствий ставится в зависимость от экологических объектов, в которых происходят изменения. В четырех конструкциях альтернативных последствий использована такая категория как «иные тяжкие последствия» (ст. 246, 248, 249, 257 УК РФ), которая предопределяет свободу ее толкования. Результатом такого толкования может стать отсутствие единообразия применения соответствующих норм. Свести их к единообразному применению призвано постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», однако в нем дано толкование проявления таких последствий только применительно к ст. 246 УК РФ [4]. Для других трех преступлений, в которых использована указанная конструкция последствий, такого ориентира нет, следовательно практика их применения может складываться по-разному. Поэтому представляется необходимым определить примерный перечень проявления таких последствий. Обычно он составляется на основе обзора судебной практики по соответствующим делам. Однако, показатели судебной статистики по ст. 248, 249, 257 УК РФ фактически нулевые. За период с 2019 по 2023 годы по ст. 248 УК РФ осужденных – 0, по ст. 249 УК РФ – 4 и по ст. 257 УК РФ – 1 [5]. Это объяснимо отсутствием таких преступлений, либо сложностями их применения из-за отдельных признаков, в том числе рассматриваемого. Поэтому для ориентира правоприменителя видится необходимым определить хотя бы примерный перечень форм выражения тяжких последствий от их совершения.

Второй особенностью последствий экологических преступлений следует назвать широкое использование в них (помимо «иных тяжких последствий»), оценочных понятий, содержащих специфические категории, характеризующие вред: существенность (использовано 4 раза), массовость (использовано 9 раз) и др. Например, существенное изменение радиоактивного фона, массовая гибель животных, существенный вред животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству (ст. 246, 248, 249, 250 УК РФ и др.)

Особо обращает на себя внимание использование в конструкциях экологических преступлений такой категории как «существенный вред здоровью человека» (ч. 1 ст. 247, ч. 2 ст. 252 УК РФ). В данном случае законодатель отступает от регламентации категорий вреда здоровью человека, положенных в основу самостоятельных преступлений. Речь идет о степени причиняемого вреда здоровью че-

ловека трех категорий: тяжкого, средней тяжести и легкого, которые являются криминообразующими в ст. 111, 112 и 115 УК РФ. Существенного вреда здоровью человека как самостоятельной категории законодателем не выделяется. В других экологических преступлениях указан вред здоровью, без его конкретизации (ч.ч. 1 ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 251 ч. 1 ст. 254 УК РФ). Отсюда возникает закономерный вопрос о целесообразности отступления в двух деяниях от использования такой же конструкции вреда здоровью человека. По мнению Пленума Верховного Суда РФ существенным вредом здоровью человека следует признавать тяжкий или средней тяжести вред здоровью хотя бы одному лицу [4], тогда как согласно утверждениям некоторых исследователей существенным должен признаваться уже легкий вред здоровью человека [7, с. 79]. Таким образом, толкование существенности вреда здоровью человека является спорным. Позиция высшей судебной инстанции видится логичной. Указание на существенный вред, означает, что есть и не существенный, к которому она и отнесла легкий вред. Однако еще более логичным подходом представляется замена «существенного вреда здоровью» конкретизированным вредом здоровью (легким, средней тяжести или тяжким) или без его конкретизации, что соответствовало бы другим нормам экологических преступлений.

Третьей особенностью регламентации последствий экологических преступлений следует назвать их формирование в виде создания реальной угрозы причинения вреда (ч. 1 ст. 247 УК РФ). Вместе с тем отнесение создания указанной угрозы к числу последствий (а именно к ним, как отмечено выше, отнес ее С.И. Голубев) представляется не совсем верным. Общественная опасность любого деяния характеризуется характером и степенью общественной опасности деяния. Последняя определяется размером причиненного вреда или потенциального вреда, который может быть причинен совершением деяния. Иными словами, одним из оснований признания деяния преступным является либо причиняемый им вред, либо создание угрозы его причинения. При их отсутствии нет оснований для придания деянию преступного характера. Таким образом, каждое преступление, даже если его обязательным признаком не установлено наступления общественно опасного последствия, предполагает создание угрозы его наступления. Единственное объяснение специально указанную законодателем на такую угрозу в ст. 247 УК РФ – его стремление ограничить ответственность возможностью причинения двух разновидностей последствий: вреда здоровью человека или окружающей среде. Создание угроз причинения вреда другим общественным отношениям (например, экономическим) не образует данного состава преступлений. С точки зрения такого понимания рассматриваемого признака преступления он характеризует дополнительный объект посягательства

(в нашем случае, общественные отношения, охраняющие здоровье человека и окружающую среду).

К четвертой особенности последствий экологических преступлений следует отнести двойственность некоторых из них. Их регламентация усматривается в ст. 250, 252 и 254 УК РФ. Сущность деяний, в указанных статьях выражается в загрязнении, засорении, истощении вод, изменении их природных свойств (ст. 250 УК РФ); загрязнении морской среды (ст. 252 УК РФ); отравлении, загрязнении, иной порче земли (ст. 254 УК РФ). Однако одновременно с этим, все перечисленные термины (загрязнение, засорение и т.д.) также есть форма выражения последствий действий человека. Например, загрязнение вод может выражаться в сбросах в водоем промышленных отходов химических веществ, последствием чего и становится загрязнение воды. В свою очередь такие действия/последствия должны повлечь причинение вреда другим охраняемым объектам: животному, растительному миру, рыбным запасам, лесному, сельскому хозяйству (ст. 250 УК РФ); вред здоровью человека, водным биологическим ресурсам, окружающей среде, зонам отдыха либо другим охраняемым законом интересам (ч. 2 ст. 252 УК РФ); здоровью человека, окружающей среде (ст. 254 УК РФ). Именно они повышают общественную опасность деяния. Причинение вторых последствий усугубляет опасность деяния, поэтому именно с ними связывается наступление уголовной ответственности. Они являются производными или последствиями второго порядка (вторичными) и нередко являются критерием отграничения экологического преступления от иного правонарушения [3, с. 167]. В данном случае им придается криминообразующий характер. Без их наступления содеянное образует иной вид правонарушения, в котором само загрязнение, засорение, порча и т.д. являются последствиями, например, административного правонарушения (ст. 8.6 КоАП РФ – порча земель).

Такой подход законодателя, в котором для обозначения разных признаков состава преступления (в нашем случае, и действий, и последствий) используются одни и те же термины ученые справедливо называют непоследовательным, и указывают, что он обуславливает дискуссию в теории и приводит к разной правовой оценке деяний в практической деятельности [2, с. 159]. Полностью разделяя такое убеждение, видится необходимым изменение используемой терминологии в таких составах преступления, на такую, которая исключит ее двойственное значение.

Пятой особенностью, но уже не регламентации, а проявления последствий экологических преступлений следует указать на возможную отдаленность их наступления во времени, от времени совершения деяния. Косвенным подтверждением такой отдаленности являются положения о том, иски о компенсации вреда окружающей среде могут быть предъявлены в течение двадцати лет [4; 6], а о возмещении вреда жизни и здоровью человека бессрочно. Иными словами, вредные послед-

ствия от экологического преступления может проявиться не сразу после совершения деяния, а через длительное время (спустя недели, месяцы и даже годы). Например, загрязняющие выбросы в атмосферу, загрязнение источников питьевого водоснабжения могут привести к развитию различных заболеваний жителей местности, в которой они имели место, но не сразу, а по истечении времени. Вместе с тем, чем более отдалено последствие от деяния, тем сложнее обнаружить и установить между ними причинно-следственную связь.

Шестую особенность, также проявления последствий экологического преступления можно определить как отдаленность их наступления в пространстве от того места совершения деяния. Так, загрязняющие, отравляющие вещества способны перемещаться в воздушном пространстве, в водном потоке, в результате загрязненными и зараженными могут стать территории, различные природные объекты, расположенные в существенной дальности от места совершения самого преступления. Например, в результате взрыва на Чернобыльской АЭС «выброшенные из разрушенного реактора в атмосферу продукты деления ядерного топлива были разнесены воздушными потоками на значительные территории, обусловив их радиоактивное загрязнение не только вблизи АЭС в границах Украины, России и Белоруссии, но и за сотни и даже тысячи километров. ... Радиоактивные аэрозоли выпадали в основном с дождями на большой территории... Загрязнению подверглись территории Австрии, Германии, Италии, Великобритании, Швеции, Финляндии, Норвегии и ряда других стран Западной Европы» [1].

Последней, седьмой особенностью последствий от экологических преступлений следует назвать их вариативность (многоаспектность вреда). Она проявляется в том, что одно и то же последствие одновременно способно проявляться в различных формах, влечь физический вред здоровью человека, экономический вред (прямой действительный ущерб, а также затраты на устранение его последствий), экологический вред. По верному утверждению исследователей, экологические потери, являются трудно восполнимыми, а порой и вовсе невозможными. Например, вред, причиненный лесам, влечет как имущественный вред, так и экологический, поскольку процесс восстановления лесов требует длительного времени [8, с. 16]. Здесь также дополним, что незаконная вырубка, уничтожение или повреждение лесов способны повлечь нарушение экобаланса, привести к утрате популяций диких животных, птиц и другие негативные последствия.

Итак, последствия экологических преступлений обладают рядом специфических особенностей, в том числе такими, которые не присущи последствиям от других преступлений. Их регламентация сводится в большинстве своем к альтернативности и оценочности. Последняя требует своего дополнительного толкования на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ. Некоторые из них

сформулированы в виде реальной угрозы причинения вреда и обладают двойственностью, использованной терминологии, что влечет проблемы в правоприменительной практике, поэтому требует своей замены. Проявление многих из них может быть отдаленным во времени и в пространстве от времени и места совершения деяния, а также обладать вариативностью (одновременно проявляться в различных формах). Все эти особенности необходимо учитывать при квалификации экологических преступлений, а также определении вида и размера наказания за их совершение.

Литература

1. Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия // РИА НОВОСТИ (26.04.2023, обновлено: 01.03.2020). URL: <https://ria.ru/20130426/934551998.html> (дата обращения: 10.11.2024).
2. Голубев С.И. Последствия экологических преступлений и их отражение в российском уголовном законе // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 154–170.
3. Кузнецова Н.И., Шкеле М.В. Экологический вред и общественно опасные последствия экологических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 161–169.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/?ysclid=m3dfik2gtm689349400 (дата обращения 04.11.2024).
5. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 04.11.2024).
6. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=m3dfd3yfii62129446 (дата обращения: 11.11.2024).
7. Чеснокова О.А., Япиев В.Р. Уголовно-правовое регулирование ответственности за загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ) / Профессионал года 2018: сборн. ст. IX Междунар. науч.-практ. конкурса / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, 2018. С. 76–81.

8. Яковлева О.А. Уголовно-правовая оценка общественно опасных последствий экологических преступлений (на примере незаконной рубки лесных насаждений) // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 14–18.

PECULIARITIES OF REGULATION, MANIFESTATION AND INTERPRETATION OF THE CONSEQUENCES OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Pantuykhina I.V., Koltsova E.Yu.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article examines such features of describing the consequences of environmental crimes as their alternativeness, evaluativeness, duality, as well as their establishment in the form of creating a real threat of harm. Attention is focused on such manifestations of consequences as their remoteness in time and space from the time and place of the commission of a criminal act and the multidimensional nature of the harm caused. The necessity of specifying in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the forms of expression of some of the consequences established in the form of evaluative concepts, as well as the replacement of terms that simultaneously characterize both the essence of the act and the consequences, is substantiated.

Keywords: environmental crimes, consequences of environmental crimes, environmental harm, evaluative concepts.

References

1. The accident at the Chernobyl nuclear power plant and its consequences // RIA NOVOSTI (04/26/2023, updated: 03/01/2020). URL: <https://ria.ru/20130426/934551998.html> (date of application: 10.11.2024).
2. Golubev S.I. The consequences of environmental crimes and their reflection in the Russian criminal law // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2020. No. 1. pp. 154–170.
3. Kuznetsova N.I., Shkele M.V. Environmental harm and socially dangerous consequences of environmental crimes // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (82). pp. 161–169.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 18, 2012 No. 21 (ed. dated 12/15/2022) “On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and environmental management” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/?ysclid=m3dfik2gtm689349400 (accessed 04.11.2024).
5. Judicial statistics of the Russian Federation. Criminal proceedings. Information about the punishment imposed under the articles of the Criminal Code. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (date of application: 04.11.2024).
6. Federal Law “On Environmental Protection” dated 10.01.2002 No. 7-FZ // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=m3dfd3yfii62129446 (date of request: 11.11.2024).
7. Chesnokova O.A., Yapiev V.R. Criminal law regulation of liability for marine pollution (art. 252 of the Criminal Code of the Russian Federation) / Professional of the year 2018: collection of art. IX International Scientific and Practical competition / Under the general editorship of G.Y. Gulyaev. Penza, 2018. pp. 76–81.
8. Yakovleva O.A. Criminal and legal assessment of socially dangerous consequences of environmental crimes (on the example of illegal logging of forest plantations) // Legal paradigm. 2021. Vol. 20. No. 1. pp. 14–18.

Применение интеграционного подхода при реализации регионального криминологического планирования: аспекты профилактики преступлений

Лаптев Андрей Сергеевич,

начальник федерального казенного учреждения «Центр хозяйственного и сервисного обеспечения Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области»
E-mail: and420@mail.ru

Предметом исследования выступает понятие криминологического планирования, его региональный аспект. Целью работы является определение основных признаков, которыми обладает региональное криминологическое планирование на современном этапе. Новизна исследования обусловлена необходимостью повышения уровня планирования в сфере профилактики преступности в регионах Российской Федерации. Автором анализируется понятие «криминологическое планирование» с учетом мнений ученых, предложенных за последние 50 лет, объясняется необходимость использования интеграционного подхода к осуществлению регионального криминологического планирования, являющегося составной частью вертикали общегосударственного планирования в сфере профилактики преступлений. Автором обосновывается вывод о том, что подготавливаемые документы криминологического планирования в субъектах РФ (комплексные планы, программы профилактики правонарушений, позволяющие наиболее эффективно привлекать необходимые ресурсы) должны быть направлены на обеспечение криминологической безопасности, на нейтрализацию региональных угроз и рисков с учетом поставленных федеральным центром целей и задач, использованием имеющихся социально-экономических, материально-технических и иных возможностей региона.

Ключевые слова: региональное криминологическое планирование, безопасность, интеграционная деятельность, программа, угрозы, риски.

Понятие «планирование» имеет достаточно большое число различных определений в зависимости от того, под каким углом зрения рассматривается и в какой временной промежуток. Оно может включать определение конечных и промежуточных целей и задач, средства и способы их достижения, анализ ситуации, требующиеся ресурсы (источники получения и способы распределения), формирование планов (их корректировка) и т.д. При этом современный опыт доказывает, что только тщательно спланированная деятельность позволяет достичь наибольшего успеха.

В общем виде планирование можно определить, как сознательную управленческую деятельность, с помощью которой обеспечивается единое скоординированное направление общих усилий на достижение ранее сформулированных целей, а сущность планирования – как разработку оптимального плана деятельности по достижению поставленных целей.

Среди видов социального планирования определением мероприятий, непосредственно направленных на профилактику преступности, занимается криминологическое планирование, проблемы которой впервые были обозначены В.Н. Кудрявцевым [1, с. 170–174], а в последствии В.К. Звирбулем [2, с. 226–238].

При определении понятия «криминологическое планирование» следует отметить некоторую синонимичность в его обозначении, представленного учеными в различное время. Например, довольно схожее представление о понятии криминологического планирования дают в 1980-х годах К.К. Горяинов и Л.В. Кондратюк [3, с. 34], в самом начале текущего века – А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев [4, с. 232–233], еще через 6 лет – В.Д. Малков [4, с. 104]. В обобщенном криминологическом планировании возможно определить как процесс составления плана, в котором отражаются цели и задачи в сфере профилактики преступности, различные средства их достижения.

О значимости криминологического планирования в современной России свидетельствует наличие отдельных глав в различных учебниках по криминологии. При этом криминологи отмечают целесообразность использования в криминологическом планировании программно-целевого метода, который придает ему наибольшую эффективность. Возможно, именно поэтому наиболее распространенным видом комплексных междисциплинарных средств криминологического предупреждения преступлений до сих пор являются комплексные планы или программы профилактики правонарушений.

М.П. Клейменов определяет криминологическое планирование как «императив современного социального управления», как «разновидность управленческой деятельности, представленной в виде системы, структура которой включает в себя субъекты (управляющую подсистему), объекты (управляемую подсистему) и содержание соответствующей социальной активности» [5, с. 21].

Р.М. Абызов дает более развернутое понятие криминологического планирования – «системное и научно обоснованное изучение преступности, ее конкретных причин и условий, общей характеристики возможных субъектов преступной деятельности, на основании чего осуществляется вероятностное прогнозирование криминологической обстановки в стране (регионе, городе, районе); объективный расчет сил и средств правоохранительной системы или отдельных ее организаций; разработка адекватных мер и решений реалистических задач по предупреждению и пресечению возможных криминальных отклонений; претворение этих задач в правоохранительной и профилактической деятельности» [6, с. 365], в котором фактически перечисляются все его стадии, а также определенный акцент делается на территориальную составляющую.

При этом вышеуказанные ученые делают вывод о системном характере криминологического планирования, направленном на достижение конкретных целей, что, однако, в полном объеме нельзя отнести к региональным процессам планирования в сфере предупреждения преступлений [7, с. 77–81; 8, с. 301–309].

Статья 5 Конституции РФ [9], обозначая из каких территориальных единиц (субъектов) состоит Российская Федерация и указывая на их равноправие при общем единстве системы органов государственной власти, не исключает различия регионов РФ в виду объективных причин.

Федеральным законом № 172 [10] в 2014 году сформирована определенная система стратегического планирования, включающая все предусмотренные Конституцией Российской Федерации уровни публичной власти. В результате обозначился иерархичный порядок актов стратегического планирования с ярко выраженной субординацией нижестоящего уровня вышестоящему с акцентом на президентский уровень в определении целей на основе ежегодного послания Федеральному Собранию РФ и отдельных Указов Президента РФ.

В настоящее время государственная политика в области планирования направлена на усиление его системности как процесса определения долгосрочных целей и задач развития, а также направлений и инструментов их достижения. Это достигается путем сопряжения в содержании разрабатываемых планирующих документов для разных уровней управления (федерального, регионального, муниципального); последовательности этапов планирования, что превращает его в единый технологический процесс; согласованности действий всех участников разработки документов планиро-

вания [11, с. 15; 12, с. 3–8]. Ценность использования системного подхода в современной практике криминологического планирования осложняется тем, что его результат зачастую зависит от влияния экономических, политических, демографических и иных факторов, что подтверждается сходством тенденций изменений основных показателей криминогенной обстановки в субъектах РФ.

В результате при осуществлении регионального криминологического планирования на первый план должен постепенно выходить интеграционный подход, предполагающий достижение определенных целей за счет усиления взаимосвязей между субъектами такого планирования по вертикали (федеральный центр, регион, муниципальное образование) и горизонтали (федеральными и региональными органами государственной власти, местного самоуправления, негосударственными образованиями и т.д.). Такая интеграция должна обеспечиваться конкретизацией и углублением взаимосвязей, расширением коммуникации между ними (в том числе при сборе, аккумулировании и обработке информации), и особенно актуальна при разработке комплексных и целевых региональных (муниципальных) программ предупреждения преступности в условиях их ограниченного бюджетного финансирования.

Проведенный автором опрос практических работников показал, что большая часть респондентов (или 62,4%) считает необходимым осуществлять криминологическое планирование в субъектах РФ. Данная необходимость обусловлена рядом факторов:

- процесс планирования в сфере профилактики преступности дает возможность прояснения соответствующих проблем, складывающихся на определенной территории, позволяет спрогнозировать дальнейшее развитие криминогенной ситуации в условиях высокой нестабильности внешних условий, спланировать мероприятия по минимизации негативных факторов;
- отсутствие сбалансированного и периодически обновляемого криминологического плана (программы), воплощающего в реалии намеченные цели, свидетельствует о недостатках в системе управления и негативно влияет на возможность привлечения ресурсов, в том числе со стороны коммерческих организаций, а также их рациональное распределение;
- у органов власти субъекта РФ или муниципального образования при осуществлении криминологического планирования повышается возможность усиления контроля как за повседневной деятельностью по борьбе с преступностью, так и за отдельными мероприятиями, улучшением координации действий на всех уровнях управления;
- проводимый по результатам запланированных мероприятий анализ их осуществления позволяет лучше понимать проблемы в данной работе и искать пути повышения ее эффективности.

Как указывает М.П. Клейменов «региональный уровень криминологического планирования отражает специфику криминологической обстановки в субъекте РФ, а также уровень компетенции законодательных и правоприменительных органов» [13, С. 28], выделяя комплексные и целевые программы по противодействию преступности.

В целом о необходимости учета регионами РФ позиции федерального центра красноречиво свидетельствует нормативное определение «государственной политики регионального развития как системы приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [14].

Все вышеизложенное относится к иерархии уровней криминологического планирования, где федеральный уровень является ориентиром для регионального, а последний – для муниципального. Основная функция федерального криминологического планирования быть отправной точкой для целей последующих уровней (регионального и местного), которые формируются с учетом особенностей развития криминологической ситуации на определенных территориях. В результате появляется перечень конечных целей, рационально распределяются ресурсы, направляемые для реализации криминологических плановых документов.

Одним из наиболее значимых решений, принимаемых при планировании, является выбор целей, которые требуется достичь при осуществлении соответствующей деятельности. В современных условиях общественная безопасность определена одним из приоритетов национальной безопасности [15]. Таким образом, основной целью регионального криминологического планирования следует считать обеспечение безопасности государства, общества, а также граждан, проживающих на территории конкретного субъекта РФ, от преступных посягательств.

В полной мере безопасность получила право на признание с началом осуществления реформ в современной России. Не случайно в середине 1990-х годов Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция национальной безопасности, где преступность рассматривалась как одна из основных внутренних угроз национальной безопасности страны. В настоящее время вопросам безопасности также уделяется серьезное внимание, иначе чем объяснить тот факт, что за последние 15 лет принят целый пакет нормативно-правовых документов, направленных на ее обеспечение. В результате появилось множество различных формулировок термина «безопасность» (национальная, общенациональная, международная, общественная и др.), которые нашли отражение в нормативно-правовых актах, отдельных официальных документах, научной литературе, а также средствах массовой информации.

В рамках рассматриваемого вопроса наибольший интерес представляет понятие «криминологи-

ческая безопасность», теоретические ориентиры решения проблем которой нашли отражение в целом ряде публикаций и диссертаций российских криминологов [16, с. 34–36; 17, с. 29]. Нельзя не согласиться с профессором Р.М. Абызовым, который указывает на относительность рассматриваемого понятия, что обусловлено невозможностью исключения из жизни криминальных угроз и рисков возникновения, а также осознанием самими гражданами уровня своей защищенности [6, с. 360]. При этом необходимо принимать все возможные меры по их минимизации, созданию возможностей для изменения структуры и динамики преступности в позитивном направлении.

Изучение современного уровня криминологических угроз и рисков очень важно [18, с. 582–583; 19, с. 120], так как информация о них будет положена в основу прогнозирования и дальнейшего планирования мер, направленных на поддержание их приемлемого уровня, т.е. фактически это можно назвать «игрой на опережение».

Одним из видов угроз криминологической безопасности является региональные угрозы, которые можно определить, как состояние отношений (комплекс условий), сложившихся на территории отдельного субъекта РФ, характеризующихся реальной возможностью нанесения вреда интересам гражданам, обществу, государства, и дестабилизирующих криминологическую ситуацию в основных сферах жизнедеятельности. Форма и степень соответствующей угрозы обуславливают реализацию мероприятий, направленных на их предупреждение и нейтрализацию, с учетом имеющихся средств, определения наиболее эффективных методов решения задач обеспечения региональной криминологической безопасности.

Вторым направлением в региональной криминологической безопасности является противодействие рискам, которые следует определить как совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению вероятности причинения вреда человеку, обществу, государству. По мере криминализации различных сфер жизнедеятельности государства и общества, в том числе формирующихся с развитием цифрового пространства (например, виртуальные экономические отношения с использованием криптовалюты, которая может выступать предметом получения (дачи) взятки и коммерческого подкупа; использование криптовалюты для оплаты заказных преступлений, незаконного приобретения оружия, боеприпасов, наркотиков и др. [20, С. 38–40]), все большее число рисков соотносится с преступностью (интересами криминалитета).

Снижение уровня региональных криминальных угроз и рисков должно обеспечиваться своевременным и адекватным действием системы органов власти и управления, включая правоохранительные органы, а также институтов гражданского общества, гармонизацией морально-психологического климата в обществе. Вместе с тем, проведенное автором изучение 38 региональных и 56 муницип-

пальных комплексных программ профилактики правонарушений показало, что оценка криминологических рисков и угроз осуществлялась только в рамках 16,3%. При этом именно процесс регионального криминологического планирования позволяет заблаговременно анализировать и предлагать меры по нейтрализации факторов «опасности», помогая выстраивать стратегию криминологической безопасности в субъекте РФ, делая возможным создание нескольких вариантов сценариев противодействия преступности.

Таким образом, региональное криминологическое планирование обладает следующими характеризующими его признаками:

- является составной частью вертикали общегосударственного планирования в сфере профилактики преступлений с горизонтальными связями между его субъектами (государственными и общественными институтами);
- представляет собой интеграционную деятельность по разработке и реализации документов планирования, направленных на обеспечение криминологической безопасности на территории субъекта РФ;
- реализуется в основном в рамках комплексных планов, программ профилактики правонарушений на определенной территории, позволяющих эффективно привлекать необходимые ресурсы;
- должно быть направлено на нейтрализацию региональных угроз и рисков с учетом поставленных федеральным центром целей и задач, использованием имеющихся социально-экономических, материально-технических и иных возможностей региона.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
2. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977.
3. Горяинов К. К., Кондратюк Л.В. Проблемы прогнозирования преступности в региональном разрезе // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М., 1983.
4. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт и проблемы. Монография. М.: 2001.
5. Клейменов М.П. Криминология. Учебник. М.: Норма, 2008.
6. Абызов Р.М. Региональная криминология: учебник / Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021.
7. Максимова И.В. Сравнительная характеристика научных подходов, используемых в региональном планировании // Восточно-европейский научный журнал, 2017. № 1.
8. Доменко Ю.Ю. Методологические аспекты стратегического планирования на региональ-

ном уровне // Московский экономический журнал, 2020. № 6.

9. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
10. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ст. 3377.
11. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России // Вестник Института экономики РАН, 2020. № 4.
12. Гвоздева А.А. Проблемы разработки и реализации региональных актов стратегического планирования // Российско-азиатский правовой журнал, 2021 № 2.
13. Ефремова О.С. Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации: дис...канд. юр. наук. Рязань, 2017.
14. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Васильева М.К. Антинаркотическая безопасность: криминологические особенности и обеспечение: региональный аспект: дис. ... канд. юр. наук. Иркутск, 2021.
17. Бабаев М.М. Избранные труды по криминологии. М.: Юрлитинформ, 2022.
18. Яковлева С.И. Актуализация методов регионального стратегического анализа и планирования // Россия: тенденции и перспективы развития, 2022. № 17–3.
19. Конев Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий: дис. ...канд. юр. наук. Омск, 2022.
20. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Цифровая криминология: учебное пособие. М. Академия управления МВД России. 2021.

APPLICATION OF AN INTEGRATED APPROACH IN THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL CRIMINOLOGICAL PLANNING: ASPECTS OF CRIME PREVENTION

Laptev A.S.

Center for economic and service support of the Department of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation in the Kurgan region

The subject of the study is the concept of criminological planning, its regional aspect. The purpose of the work is to identify the main features that regional criminological planning has at the present stage. The novelty of the study is due to the need to increase the level of planning in the field of crime prevention in the regions of the Rus-

sian Federation. The author analyzes the concept of «criminological planning» taking into account the opinions of scientists proposed over the past 50 years, explains the need to use an integration approach to the implementation of regional criminological planning, which is an integral part of the vertical of national planning in the field of crime prevention. The author substantiates the conclusion that the documents being prepared for criminological planning in the subjects of the Russian Federation (comprehensive plans, crime prevention programs that allow the most effective use of necessary resources) should be aimed at ensuring criminological security, neutralizing regional threats and risks, taking into account the goals and objectives set by the federal center, using available socio-economic, material and technical resources and other capabilities of the region.

Keywords: regional criminological planning, security, integration activities, program, threats, risks.

References

1. Kudryavtsev V.N. Causality in criminology. M., 1968.
2. Theoretical foundations of crime prevention. M., 1977.
3. Goryainov K. K., Kondratyuk L.V. Problems of crime forecasting in the regional context // Issues of combating crime. Issue 39. M., 1983.
4. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A. Ya. Criminological prevention: theory, experience and problems. Monograph. M.: 2001.
5. Kleimenov M.P. Criminology. Textbook. M.: Norma, 2008.
6. Abyzov R.M. Regional criminology: textbook / Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.
7. Maksimova I.V. Comparative characteristics of scientific approaches used in regional planning // East European Scientific Journal, 2017. № 1.
8. Domenko Yu.Yu. Methodological aspects of strategic planning at the regional level // Moscow Economic Journal, 2020. № 6.
9. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. 25 Dec.
10. Federal Law № 172-FZ of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 26. St. 3377.
11. Lenchuk E.B., Filatov V.I. Improvement of methodological approaches to the formation of a strategic planning system in Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. № 4.
12. Gvozdeva A.A. Problems of development and implementation of regional strategic planning acts // Russian-Asian Law Journal, 2021. № . 2
13. Efremova O.S. Criminological provision of crime prevention in the subject of the Russian Federation: dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Ryazan, 2017.
14. Decree of the President of the Russian Federation dated January 16, 2017 № 13 «On approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional development of the Russian Federation for the period up to 2025N» // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
15. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
16. Vasilyeva M.K. Anti-drug safety: criminological features and provision: regional aspect: dis. ... candidate of Legal Sciences. Irkutsk, 2021.
17. Babaev M.M. Selected works on criminology. M.: Yurлитinform, 2022.
18. Yakovleva S.I. Actualization of methods of regional strategic analysis and planning // Russia: trends and prospects of development, 2022. № 17–3.
19. Konev D.A. Criminological security and its provision in the field of digital technologies: dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Omsk, 2022.
20. Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S. Digital criminology: a textbook. M. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021.

Хищение электроэнергии: проблемы административной и уголовной ответственности

Лугинец Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, начальник кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России полковник полиции

Железкин Андрей Сергеевич,

капитан полиции, преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

Мамишева София Равильевна,

младший сержант полиции, помощник оперативного дежурного дежурной части ОМВД России по Среднеахтубинскому району

В статье определены особенности привлечения к ответственности в случае хищения электроэнергии. Незаконное потребление электроэнергии, равно как и хищение с корыстными целями влечёт за собой привлечение лица к административной или уголовной ответственности в зависимости от обстоятельств, размера ущерба и иных признаков, определяющих квалификацию совершенных противоправных действий. Цель статьи заключается в освещении основных проблем, связанных с хищением электроэнергии по административному и уголовному законодательству.

Ключевые слова: хищение, электроэнергия, ответственность, незаконное потребление, квалификация.

В сфере ЖКХ одним из видов незаконной деятельности граждан и хозяйствующих субъектов является незаконное использование электроэнергии, в том числе ее хищение. Под хищением принято понимать незаконное получение электроэнергии с целью избежать платы за такой коммунальный ресурс.

Основными видами незаконного потребления электроэнергии являются самовольное подключение к электросетям, использование неисправного счётчика электроэнергии, намеренное искажение данных при передаче сведений о потреблённой электроэнергии и иные способы [3].

В случаях выявления хищения электроэнергии к нарушителю могут быть применены нормы административной и (или) уголовной ответственности. Так, например, в соответствии с административным законодательством за самовольное подключение к электросетям нарушителя можно привлечь к административной ответственности в виде штрафов на граждан и хозяйствующие субъекты или в виде дисквалификации должностных лиц, по чьей вине произошло хищение данного ресурса.

Если же незаконное пользование электроэнергией причиняет потерпевшей стороне материальный ущерб в особо крупном размере, то нарушитель может быть привлечён к уголовной ответственности в соответствии с нормами статьи 165 УК РФ [1].

На рисунке 1 представлена судебная статистика о рассмотрении дел об административных правонарушениях и уголовных дел по факту хищения электроэнергии в разрезе последних трех лет [4].

Рассматривая данные судебной статистики, можно отметить, что в большинстве случаев нарушителю грозит административная ответственность за хищение электроэнергии. И только в случаях крупного хищения наступает уголовная ответственность. За 2021–2023 гг. число административных правонарушений по данной статье увеличилось на 6%, при этом число возбуждённых уголовных дел выросло на 9%. Приведённая статистика указывает на наличие проблемы хищения электроэнергии в российском обществе и сфере ЖКХ [4].

Если анализировать сущность незаконного подключения к электросетям и не учёт потребления электроэнергии, то можно выявить схожие признаки различных форм преступлений (правонарушения) против чужого имущества. Оба таких противоправных деяния имеют корыстный характер совершения. При этом можно выделить ряд характерис-

тик таких противоправных действий, находящихся в хищении электроэнергии [2,3]:

– и одно, и другое преступление характеризуется активным подключением субъекта к ресурсоснабжающей организации, а значит незаконным вмешательством в ее деятельность, что влечет за собой причинение такой компании имущественного ущерба в виде недополучения дохода от потребляемых услуг.

- оба преступления совершаются с корыстным умыслом, т.е. направлено на извлечение выгоды за счет другого хозяйствующего субъекта.
- к таким противоправным действиям могут быть применены меры как административной, так и уголовной ответственности.
- неучтенное потребление ресурсов может повлиять на тарифы и качество услуг для добросовестных потребителей, что создает дополнительные социальные проблемы.

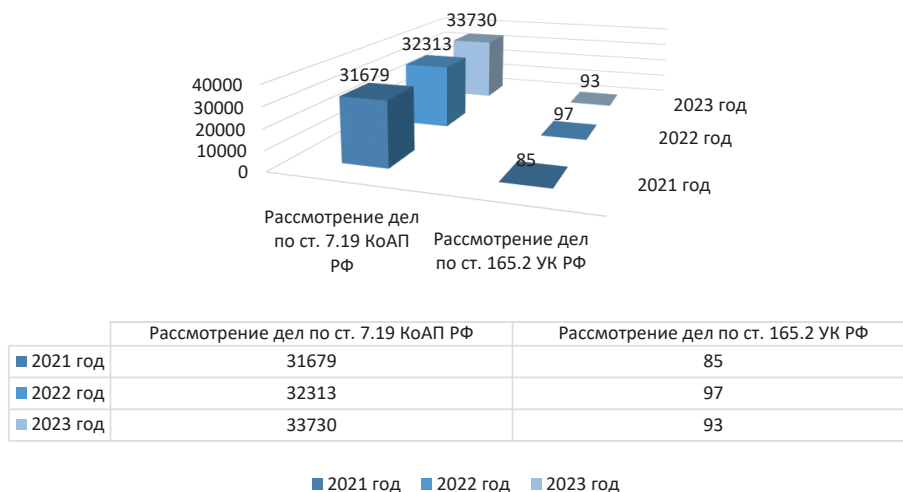

Рис. 1. Судебная статистика о рассмотрении дел об административных правонарушениях и уголовных дел по факту хищения электроэнергии за 2021–2023 гг.

Примечание: Составлено автором на основании судебной статистики [Электронный ресурс] // <https://sudstat.ru>, дата обращения: 02.11.2024

Таким образом, хотя несанкционированное подключение и менее опасно в сравнении с более серьезными преступлениями, его последствия и механизм действия делают его преступлением, требующим внимания как со стороны правоохранительных органов, так и общества в целом.

Вопросы хищения электроэнергии являются для государства важными и определяют направления борьбы с противозаконным подключением к энергосетям, хищением электроэнергии недобросовестными пользователями или злоумышленниками. Такие противоправные действия приводят к нанесению ущерба энергоснабжающим организациям и государству в целом. В данном направлении необходимо усилить контроль за использованием электроэнергии как в бытовых, так и коммерческих целях, а также ужесточить ответственность за хищение электроэнергии.

Чаще всего виновные в хищении электроэнергии получают за такие противоправные деяния наказание в виде штрафа, однако число таких преступлений не уменьшается, что указывает на то, что подобного рода наказание слишком мягкое в условиях российской действительности (рис. 2).

Анализируя данные судебной статистики, можно отметить, что число виновных, наказанных за несанкционированное пользование электроэнергией, за 2021–2023 г. в виде штрафа, увеличилось на 13% или 2865 случаев привлечения к ответственности в виде штрафа. Величина взысканных в пользу бюджета Российской Федерации

штрафов за хищение электроэнергии выросло на 14060 тыс. руб. (или 7,3% прироста) за 2021–2023 гг.

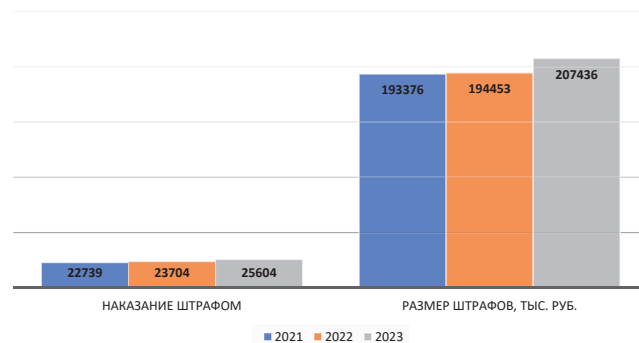

Рис. 2. Статистика назначения штрафов за несанкционированное подключение (хищение электроэнергии) по ст. 7.19 КоАП РФ за 2021–2023 гг.

Примечание: Составлено автором на основании судебной статистики [Электронный ресурс] // <https://sudstat.ru>, дата обращения: 02.11.2024

Сложившаяся ситуация требует решения на уровне законодателя, внесения изменений в правоприменительную практику.

Изменения в правоприменительную практику в области квалификации действий, связанных с неучтенным потреблением электроэнергии и ее хищением, очень важно для достижения защиты общественных отношений в сфере энергопотребления. Квалификация таких действий как кражи, в зависимости от характера и методов хищения,

позволит более эффективно применять уголовные меры и снизить уровень бытовой преступности в области электропотребления.

В частности, дифференциация между обманом и хищением с одной стороны и присвоением ресурсов с другой стороны может привести к более справедливому и точному применению уголовного законодательства. Изменение в постановлении Пленума Верховного Суда представляется разумным шагом, так как позволит избежать недостатков текущей практики и повысит уровень правоприменения.

Для успешной реализации этих изменений необходимо обратить внимание на меры профилактики и образования, чтобы снизить уровень правонарушений в этой области и повысить правовую грамотность среди населения. Внедрение нормативных изменений должно сопровождаться разъяснительной работой, чтобы население понимало последствия своих действий в сфере незаконного потребления и хищения ресурсов.

В целом, предложенные меры могут существенно укрепить правопорядок и повысить эффективность защищенности интересов поставщиков коммунальных услуг и общества в целом.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.96, N 25, Ст. 2954.
2. Гольчевский В.Ф. Правовые аспекты энергопотребления при использовании майнингового оборудования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, № 3. – 2023. – С. 110–121.
3. Гончаров Д.Ю. Проблемы уголовно-правовой квалификации бытового хищения электроэнергии путем ее потребления // Вестник Уральского юридического института МВД России, № 2. – 2021. – С. 138–143.
4. Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 400 с.
5. Кононенко С.В. Методы борьбы с несанкционированным вмешательством в системы учета электроэнергии // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность, № 1. – 2019. – С. 14–22.
6. Минченков В. И. К вопросу о введении уголовной ответственности за незаконное использование электроэнергии // Евразийская адвокатура, № 3. – 2024. – С. 100–103.

7. Павлов И.А. Вопросы снижения хищений электроэнергии при ее передаче по электрическим сетям // Вестник магистратуры, № 4. – 2019. – С. 17–20.
8. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В.В. Сверчков. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 741 с.
9. Чередов М.А. Потери электроэнергии и способы борьбы с ними // Инновационная наука, № 5. – 2023. – С. 47–49.
10. Судебная статистика [Электронный ресурс] // <https://sudstat.ru>, дата обращения: 02.11.2024

ELECTRICITY THEFT: ISSUES OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY

Luginets E.A., Zhelezkin A.S., Mamisheva S.R.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, OMVD of Russia in the Sredneakhtubinsky district

The article defines the specifics of bringing to responsibility in the event of theft of electricity. Illegal consumption of electricity, as well as theft for mercenary purposes, entails bringing a person to administrative or criminal liability depending on the circumstances, the amount of damage and other features that determine the qualification of the committed illegal actions. The purpose of the article is to highlight the main problems associated with the theft of electricity under administrative and criminal law.

Keywords: theft, electricity, liability, illegal consumption, qualification.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 02.10.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation, 17.06.96, N 25, Art. 2954.
2. Golchevsky V.F. Legal aspects of energy consumption when using mining equipment // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 3. – 2023. – pp. 110–121.
3. Goncharov D. Yu. Problems of criminal legal qualification of domestic theft of electricity by its consumption // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 2. – 2021. – pp. 138–143.
4. Kozachenko I. Ya. Criminal law. General part: textbook for universities / I. Ya. Kozachenko, G.P. Novoselov. – 7th ed., reprint. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 400 p.
5. Kononenko S.V. Methods of combating unauthorized interference in electricity metering systems // Oil and gas technologies and environmental safety, No. 1. – 2019. – pp. 14–22.
6. Minchenkov V.I. On the issue of introducing criminal liability for illegal use of electricity // Eurasian Advocacy, No. 3. – 2024. – pp. 100–103.
7. Pavlov I.A. Issues of reducing theft of electricity during its transmission through electric networks // Bulletin of the Magistracy, No. 4. – 2019. – pp. 17–20.
8. Sverchkov V.V. Criminal law. General and Special parts: textbook for universities / V.V. Sverchkov. – 11th ed., reprint. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 741 p.
9. Cheredov M.A. Power losses and ways to combat them // Innovative science, No.5. – 2023. – pp. 47–49.
10. Judicial statistics [Electronic resource] // <https://sudstat.ru>, accessed: 11/22/2024

Ретроспективные аспекты развития российского уголовного права в сфере здоровья в советский и современный периоды

Маторина Ольга Сергеевна,

начальник научно-исследовательского сектора; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны» МЧС России (ФГБУ ВНИИПО МЧС России)
E-mail: odp1313@yandex.ru;

Удавцова Елена Юрьевна,

канд. техн. наук, ведущий научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны» МЧС России (ФГБУ ВНИИПО МЧС России)
E-mail: temp1981iv@mail.ru

Шавырина Татьяна Александровна,

канд. техн. наук, ведущий научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны» МЧС России (ФГБУ ВНИИПО МЧС России)
E-mail: shavyrina@list.ru

Меретукова Оксана Георгиевна,

старший научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны» МЧС России (ФГБУ ВНИИПО МЧС России)
E-mail: jrbc2006@yandex.ru;

Трещин Евгений Сергеевич,

старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны» МЧС России (ФГБУ ВНИИПО МЧС России)
E-mail: doznal77@mail.ru.

В статье приведены ретроспективные аспекты развития российского уголовного права в сфере здоровья в советский и современный периоды. Проанализированы мнения исследователей в рассматриваемой области. Рассмотрены актуальные аспекты привилегированных составов умышленного нанесения тяжкого, среднего вреда здоровью в уголовном законодательстве. Представлены характеристики уголовно-правовых механизмов защиты здоровья и базовые аспекты развития современного уголовного законодательства России об охране здоровья. Приведены результаты анализа содержания норм статей Конституции Российской Федерации, которые позволяют сделать выводы о недостатках формального характера в нормах закона, относящихся к охране здоровья человека.

Ключевые слова: уголовное право, вред здоровью, российское законодательство.

В рамках анализа современных аспектов отечественного уголовного законодательства об охране здоровья в первую очередь стоит отметить конституционно-правовые гарантии охраны здоровья в России.

В положениях ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) установлена высшая ценность прав, свобод человека, которые среди прочего включают согласно ст. 41 Конституции РФ право на охрану здоровья, которое согласно ст. 7 Основного закона охраняется государством. В нормах ст. 20 Конституции закреплено право каждого человека на жизнь.

Современные конституционно-правовые аспекты обязанности государства охранять здоровье человека в различных сферах отношений, включая уголовно-правовую защиту, исследованы множеством российских правоведов.

В.В. Комарова характеризует уголовно-правовые механизмы защиты здоровья одним из ключевых элементов государственной системы обеспечения права человека на жизнь, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций [1]. При этом автор и др. российские правоведы аргументируют универсальный, комплексный, юридический, публичный, субъективный и динамичный характер конституционного права на охрану здоровья [2].

Безручко Е.В. отмечает, что положения Конституции РФ определяют отношение государственной системы власти к защите человеческого здоровья от противоправных посягательств и соответствующую легитимность разработки, развития законодательства, нормы которого реализуют Основной закон и детализируют правовые механизмы охраны здоровья человека от возможных посягательств [3].

В нормах первой российской Конституции 1918 года вообще не упоминались права граждан на жизнь, здоровье, медицинское обеспечение, поскольку главной задачей было провозглашено уничтожение любой эксплуатации человека, устранение классового общества, подавление эксплуататоров, формирование социалистического общества. При этом в ст. 43 первого российского Основного закона предусмотрены полномочия народного комиссара в сфере здравоохранения.

В Конституции СССР 1936 года также не было специальных норм об охране здоровья, жизни граждан от противоправных посягательств, но в ст. 14, 78 обозначены полномочия союзных органов власти по вопросам здравоохранения.

Положения ст. 42 Конституции СССР 1977 года впервые провозгласили пределы конституционно-

правового регулирования права советских граждан на охрану здоровья, которое обеспечивалось:

- оказанием бесплатной медицинской квалифицированной помощью государственных здравоохранительных учреждений;
- расширением сети действующих учреждений для укрепления, лечения здоровья советских граждан;
- развитии систем техники безопасности, санитарии на производстве;
- комплексом профилактических мероприятий;
- экологическими мерами оздоровления окружающей природы;
- особыми мерами заботы о детском здоровье с запретом детского труда вне сферы обучения, трудового воспитания;
- развитием научных исследований с целью снижения, предупреждения заболеваемости, обеспечения активной долголетней жизни советских граждан.

Е.В. Бричко отмечает факт отсутствия в действующей Конституции РФ прямого закрепления права на здоровье, поскольку Основным законом гарантировано и выделено только право на охрану здоровья человека [4]. Действительно, отсутствие в Конституции РФ положений о праве человека на свое здоровье, отражает отсутствие признания государством этого права, что формирует соответствующую неопределенность правоприменения. Для устранения этого пробела Е.В. Бричко предлагает закрепить в ст. 2 УК РФ задачу уголовного законодательства по обеспечению в Российской Федерации безопасности здоровья человека.

Такое закрепление представляется излишним, поскольку текущие задачи ст. 2 УК РФ включают охрану прав, свобод человека, охватывающих все права, обозначенные в Конституции РФ. Обособление задачи уголовно-правовой охраны отдельного права предполагает установление в ст. 2 УК РФ соответствующих задач для всех видов прав, гарантированных Основным законом.

То есть, для устранения неопределенности правоприменения конституционных норм о праве на охрану здоровья при отсутствии норм о праве на здоровье целесообразно скорректировать положения Основного закона.

В этой связи, несмотря на существенную значимость конституционно-правовых механизмов охраны человеческого здоровья, следует обратить внимание на отдельные проблемные аспекты в содержании соответствующих норм Конституции РФ, что подтверждается вышеуказанным тезисом Е.В. Безручко об отсутствии в Конституции РФ прямого закрепления права на здоровье.

В статье 2 Основного закона без каких-либо условий провозглашена высшая ценность прав человека и обязанность государства их защищать, что предполагает равный объем гарантий защиты прав человека на здоровье и др. общепризнанных прав, обозначенных в Конституции РФ. Однако, формальный анализ норм, регулирующих конституционные гарантии охраны здоровья человека,

в сравнении с положениями о других правах человека показывает неопределенность, фрагментарность и несбалансированность их содержания.

Так в п. 2 ст. 7 Конституции РФ гарантирована государственная охрана здоровья человека только в неразрывной связи с трудовой деятельностью.

Непосредственно право человека на охрану здоровья упоминается только в п. 1 ст. 41 Основного закона опять же вместе с правом на медицинскую помощь. При этом в п. 3 ст. 41 детализована ответственность должностных лиц за сокрытие информации, влекущее угрозу здоровью человека.

Предусмотренная в ст. 42 Конституции РФ защита каждого человека от ущерба здоровью установлена только при совершении экологического правонарушения, что также отражает прямую связь восполнения ущерба человеческому здоровью только от одного вида правонарушений.

Вместе с этим, положения п. 1–4 ст. 35 Основного закона посвящены детализации охраны прав собственности, включающей конституционно-правовые гарантии: охраны законом права частной собственности; развитие индивидуальных прав собственности; применение только судебного порядка лишения имущества; реализации прав наследования. Для охраны здоровья подобных детализированных правил в Конституции РФ не предусмотрено.

Анализ содержания указанных норм ст. 2, 7, 35, 41, 42 Конституции РФ позволяет сделать следующие выводы о недостатках формального характера в нормах Основного закона, относящихся к охране здоровья человека.

Во-первых, в положениях Основного закона нет прямого указания на наличие у человека права на здоровье, хотя право на жизнь, на собственность, на охрану здоровья и др. субъективные блага в Конституции РФ обозначены. То есть, государство гарантирует человеку право на охрану его здоровье, но не личное право на само здоровье, что логично вызывает неопределенность в правовом применении. При этом положения Конституции РФ формально отражают большую важность для государства защиты права собственности, нежели права на охрану здоровья (ст. 2, 7, 35, 41, 42).

Во-вторых, охрана здоровья непосредственно осуществляется только в рамках государственных систем трудовых отношений и оказания медицинской помощи, использование других государственных систем для охраны здоровья человека, включая и уголовно-правовую защиту здоровья, в Конституции РФ лишь подразумевается (ст. 7).

В-третьих, наиболее явную угрозу здоровью несут должностные лица, другие субъекты, угрожающие здоровью человека для конституционно-правовых гарантий не столь важны (ст. 41). В-четвертых, из норм ст. 42 формально следует, что восполнение ущерба здоровью от других видов правонарушений, кроме экологических, не относится к перечню конституционно-правовых гарантий государства.

Для устранения обозначенной неопределенности, фрагментарности и несбалансированности содержания норм Основного закона в части прав на здоровье человека предлагается дополнить статью 41 Конституции РФ пунктом 4 следующего содержания: «4. Права на здоровье и его охрану обеспечиваются государством, нарушение прав человека на здоровье влечет ответственность согласно федеральным законам».

Обобщая приведенные тезисы, можно отметить конституционно-правовой аспект развития уголовного российского законодательства об охране здоровья, который отличается ключевой значимостью конституционных гарантий охраны здоровья, комплексным, динамичным, личным, публичным и проблемным содержанием соответствующих норм Основного закона.

Обозначенные конституционно-правовые особенности предполагают многоотраслевой, комплексный характер международного права и российского законодательства в сфере охраны здоровья, нормы которых прямо или косвенно затрагивают вопросы уголовно-правовых отношений.

По данному поводу стоит отметить, что первый акт межгосударственного взаимодействия по вопросам охраны здоровья состоялся в 1851 году в рамках Международной санитарной конференции в Париже, где были разработаны основы единой стратегии противодействия распространению в Европе чумы, холеры, желтой лихорадки [5]. В 1892 году по результатам Международной санитарной конференции издана Международная санитарная конвенция с едиными мерами борьбы с распространением холеры, которая была обновлена в 1924 году и стала основой для создания в 1948 году Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) и разработки в 1969 году первых Международных санитарных правил [6].

Также стоит обратить внимание на специальные положения УК РФ, регламентирующие в главе 16 (ст. 105–125) основные виды преступлений против жизни, здоровья человека.

В других главах УК РФ обозначены составы дополнительных видов преступлений против здоровья, отличающиеся квалифицирующими насильственными признаками их состава, например:

1) в главе 17 УК РФ обозначены квалифицирующие признаки посягательства на здоровье человека в составах преступлений против свободы человека:

- применения, угрозы применения опасного для здоровья насилия в случае похищения человека (п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 126);
- применения опасного для здоровья насилия при незаконном лишении человека свободы (п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 127);
- применения, угрозы применения насилия в рамках торговли людьми (п. «е» ч. 2 ст. 127.1);
- применения насилия, опасного для здоровья множества лиц в ситуации торговли людьми (п. «б» ч. 3 ст. 127.1);

– применения, угрозы применения насилия в рамках использования человека в качестве раба (п. «г» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ);

– применения насилия с тяжким вредом для здоровья человека при использовании человека в качестве раба (ч. 3 ст. 127.2 УК РФ);

2) положения главы 18 УК РФ включают основные и квалифицирующие признаки посягательства на здоровье человека (потерпевшего) в составах двух половых преступлений – это признаки применения, угрозы применения насилия во всех составах изнасилования и насильственных сексуальных действий (ст. 131, 132 УК РФ);

3) нормы главы 19 УК РФ определяют квалифицирующие признаки вредных последствий для здоровья, посягательства на здоровье человека в составах преступлений против конституционных прав человека:

– причинение вреда здоровью либо психического расстройства специального субъекта – несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 137 УК РФ);

– применения, угрозы применения насилия при нарушении прав на неприкосновенность жилища (ч. 2, ч. 3 ст. 139 УК РФ);

– применения, угрозы применения насилия в рамках воспрепятствования реализации избирательного права либо при фальсификации документов сферы голосования (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142 УК РФ); и т.д.

Схожие квалифицирующие насильственные признаки посягательства на здоровье человека, наступления вредных последствий для человеческого здоровья установлены в других главах Особенной части УК РФ.

Вместе с этим, в некоторых дополнительных видах преступлений против здоровья встречаются привилегированные признаки их состава, например:

– признак причинения по неосторожности тяжкого вреда человеческому здоровью в ситуации торговли людьми (п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ);

– признак причинения по неосторожности тяжкого вреда человеческому здоровью при использовании человека в качестве раба (ч. 3 ст. 127.2 УК РФ);

– признак причинения по неосторожности тяжкого вреда человеческому здоровью, заражения ВИЧ-инфекцией при изнасиловании и насильственных сексуальных действиях (п. «б» ч. 3 ст. 131, п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ);

– признак причинения по неосторожности тяжкого вреда человеческому здоровью в случае нарушения обязательных требований сферы охраны труда (ч. 1 ст. 143 УК РФ); и т.д.

Исходя из вышеизложенного, можно обозначить классификационный аспект развития уголовного российского законодательства об охране здоровья, который определяется установлением: в Общей части УК РФ общих признаков составов преступлений против здоровья субъективного, объективного, уголовно-исполнительного содержания (ст. 20, 37, 57 УК РФ); в главе 16 (ст. 105–125)

Особенной части УК РФ основных видов преступлений против здоровья человека, в других главах Особенной части УК РФ дополнительных видов преступлений против здоровья; в УК РФ большего числа составов преступлений с квалифицирующими насильственными признаками и меньшего количества составов с привилегированными признаками.

Как отмечалось выше, многоотраслевой характер российского законодательства в сфере охраны здоровья подтверждается множеством законодательных актов, регулирующих в той или иной мере вопросы уголовно-правовой ответственности за нарушение требований в сфере охраны здоровья.

Исходя из вышеизложенного, можно обозначить системный аспект развития уголовного российского законодательства об охране здоровья, который характеризуется формированием нормами УК РФ системы обеспечительных механизмов защиты права на здоровье с учетом признаков вреда здоровью, с дифференциацией уголовной ответственности виновного по объему ущерба, нанесенного здоровью потерпевшего и по др. критериям соответствующих составов преступлений.

Резюмируя, можно обобщить следующие базовые аспекты развития современного уголовного законодательства России об охране здоровья:

1) конституционно-правовой аспект ключевой значимости конституционных гарантий охраны здоровья, комплексным, динамичным, личным, публичным и проблемным содержанием соответствующих норм Основного закона;

2) международно-правовой аспект развития с XIX века международно-правовых соглашений по множеству гуманитарных вопросов охраны здоровья человека в сферах санитарных, социальных, оздоровительных, уголовно-правовых и пр. отношений;

3) классификационный аспект установления: в Общей части УК РФ общих признаков составов преступлений против здоровья субъективного, объективного, уголовно-исполнительного содержания; в главе 16 (ст. 105–125) основных видов преступлений против здоровья человека; в других главах Особенной части УК РФ дополнительных видов преступлений против здоровья; в УК РФ большего числа составов с квалифицирующими насильственными признаками и меньшего количества составов с привилегированными признаками;

4) стратегический аспект регламентации в Стратегии НБ [7] комплекса задач государственной политики России в сфере развития здоровья и человеческого потенциала, включающих многоотраслевые меры обеспечения здоровья человека без указания обеспечительных мер уголовно-правовой и прочей ответственности в сфере охраны человеческого здоровья;

5) комплексный аспект, характеризующийся определением в Основах [8]: семи видов норм отраслевых законов, образующих систему российского законодательства в сфере здоровья (экологического, превентивного, правозащитного и пр.

содержания); трех правовых механизмов привлечения к уголовной ответственности специальных субъектов медицинской, фармацевтической деятельности; а также целесообразностью дополнения Основ другими видами уголовной ответственности в сфере здоровья;

6) системный аспект формирования нормами УК РФ системы обеспечительных механизмов защиты права на здоровье с учетом признаков вреда здоровью, с дифференциацией уголовной ответственности виновного по объему ущерба, нанесенного здоровью потерпевшего и по др. критериям соответствующих составов преступлений.

Указанные особенности развития современного уголовного законодательства России об охране здоровья позволяют провести ретроспективный анализ этого вида законодательства.

По данному поводу в ряде исследований российских правоведов [9] обозначен многовековой путь эволюции российских норм о здоровье уголовно-правового содержания. Так проведенный П.Н. Кабановым [10] анализ первых межгосударственных соглашений русских князей с Христианской Византией 911, 944, 974 годов и Русской правды [11] показал на наличие в первых российских правовых источниках правовых механизмов защиты прав человека на здоровье. Так в п. 7 Договора 911 года [12] было обозначено наказание за насилие «русина» над «хрестьянином», «хрестьянина» над «русинином» в виде возмещения убытка в тройном размере.

Вместе с этим, в ст. 78 Русской правды было предписано «3 гривны штрафа за истязание смерда без княжеского распоряжения» и 12 гривен за истязание «огнищанина» (княжеского мужа, тиуна, помощника).

Также стоит отметить появление в нормах Русской правды, Устава (Судебника) Князя Ярослава 1499 года и последующих источников специальной ответственности за «пошибание», «толоку» (изнасилование) боярской дочери или жены.

В этом отношении представляется важным, что формирование русского государства связано с развитием частной вотчины, в рамках которой большинство отношений регулировалось собственником земли по личному усмотрению, а права «жаловались» отдельным социальным группам или группам, что сопровождалось классовыми противоречиями и включением в правовые акты инструментов, приоритетно защищающих право на здоровье феодалов и их князей.

Местное управление в волостях древней и средневековой России, включая наказание за побои, регламентировалось уставными грамотами. Например, в древнейшей Двинской грамоте уставной, выданной Великим московским князем Василием I в 1397–1398 годах населению Двинской земли после перехода этой территории из власти Новгорода в управление Московского великого княжества, отражен классовый характер великокняжеской власти. В частности, был установлен штраф за «бесчестие» бояр, сумма которого повышает-

ся с учетом родовитости потерпевшего. При этом смерть раба, холопа, наступившая после побоев «осподаря», не ставится в вину владельцу погибшего, а расценивается его «грехом» [13].

В более общих для княжеских территорий нормах Судебника Ивана III (1497 г.), Ивана Грозного (1550 г.) и последующего Соборного Уложения 1649 г. уголовно-правовая защита права на здоровье определяется смертной казнью за убийство от побоев или иного душегубства своего господина, землевладельца. При этом устанавливалась коллективная ответственность в виде веры-штрафа крестьянской общины за душегубство в пределах этой общины, если душегубец не был найден или выдан общиной.

То есть, ретроспективные аспекты развития в древней и средневековой истории России уголовного права в сфере здоровья характеризуются: равноправным характером ответственности за акты насилия с участием иностранцев; классовым содержанием первых норм об ответственности за побои и акты насилия; коллективной ответственностью крестьянской общины за душегубство; освобождением от ответственности за побои холопа, раба, нанесенные их владельцем.

Схожий классовый характер характеризовал последующее российское законодательство до начала советского периода. Так в ст. 4, 5 главы III Соборного Уложения от 1649 года было отмечено публичное нарушение права на здоровье путем побоев, получения несмертельных ран в церкви, на «государевом дворе», которое каралось «торговой без пощады казнью» с тюремным заключением на месяц и возмещением кабальных долгов за счет виновного в случае смерти пострадавшего.

Нормы, предусматривающие ответственность за причинение вреда здоровью, были разделены по разным главам Соборного Уложения и включали повреждения, побои, ранения, удары с квалифицирующими признаками в виде нахальства, коварства, дерзости, причинения вреда матери, отцу, приставу, судье, сыну боярскому [14].

В частности, в ст. 94 главы X Соборного Уложения государев крестьянин, нанесший увечья, перелом, выколовший глаз другого крестьянина наказывался штрафом в 10 рублей, за меньшие побои – 2 рубля. Если увечье было у княжьего мужа, то штраф возрастал в 2–10 раз с учетом тяжести нанесенного вреда здоровью и ранга службы потерпевшего.

В 1715 году на основе Соборного Уложения Петром I был принят Артикул Воинский, нормы которого в части охраны здоровья отличались армейским, греховным содержанием и более четким характером. Это сказалось на росте дифференциации ответственности за нанесение различных телесных повреждений и увеличении количества преступлений в сфере здоровья, особенно связанных с государственным управлением. Так 17 глава Артикула о смуте, бунте, драке включала нормы ст. 138 о примирении в драке между рядовыми, а также с казнью повешеньем зачинщиков и по-

собников, если произошел «непристойной случай». Исходя из ст. 133, 137 Артикула, «непристойность» включала «подозрительные сходбища, возмущение, всякий бунт, упрямство, собрания воинских людей».

В нормах ст. 141 Артикула было определено наказание за драку на пиру без видимых ранений: рядовые прогонялись «через шпицрутены», офицеры шли в караул. Согласно ст. 143 Артикула виновному в ножевом ранении пробивали руки ножом, либо гвоздем и прогонялся «через шпицрутены», если пострадавший умирал, то виновного ждала виселица.

Вместе с этим, в 20 главе (ст. 165–177) были предусмотрены наказания за насилие в отношении «отроков» (детей) и женщин. Так согласно ст. 166 Артикула за насилие в отношении отрока, мужчины полагалась смерть либо вечная ссылка на галеру. Схожее наказание присуждалось в соответствии со ст. 167 за изнасилование иностранной и др. женщины на зарубежных землях по суждению суда. Смерть также полагалась за изнасилование русской женщины, если она не была «невестой зарученной» и не получила воли отеческой [15].

Книга XV Свода Законов 1832 года Российской Империи, действующего до 1917 года, изначально включала детализированные составы преступлений Соборного Уложения 1649 года и Артикулов Петра I, а также регламентировала следующие новеллы, определившие вектор дальнейшего развития российского уголовного законодательства в сфере здоровья человека.

Во-первых, в главе III книги XV Свода законов телесные повреждения дифференцированы на раны, увечья и прочие повреждения здоровью человека. Под увечьем воспринималось лишение человека члена, органа либо приведение такового в бездействие, раны определялись язвами, нанесенными снаружи тела до крови, с причинением багровых следов либо с лишением волос. Наказание за увечья было более строгим, чем за причинение ранений.

Во-вторых, помимо наказания за вред здоровью, потерпевшему назначалась некоторая компенсация («взыскание бесчестья») с учетом тяжести нанесенного вреда, что закрепляло обеспечения прав потерпевшего [16].

В-третьих, совокупность норм об ответственности за посягательства на частное лицо систематизирована в 10 разделе книги XV норм Свода законов, внутри которого 8 глав определяли общие нормы для всех видов преступлений и особенные положения видов преступлений в зависимости объекта посягательства, включая главу III о наказании за причинение смерти, вреда здоровью и чести человека.

В-четвертых, в главе III книги XV Свода законов появились привилегированные составы преступных деяний в сфере здоровья. Так в ст. 1483 установлена сниженная ответственность за неумышленное причинение тяжких повреждений здоровью, в ст. 1493 Свода законов обозначена ответ-

ственность за причинение повреждений здоровью в условиях необходимой обороны, в ст. 1494 предусмотрена сниженная ответственность за ненамеренное причинение менее тяжких ран, повреждений, увечий здоровью, в ст. 1495 обозначено условие неприменения ответственности при случайном нанесении вреда здоровью.

Обозначенные новеллы были усовершенствованы в Уголовном уложении 1903 г., которое включало главу XXIII (ст. 467–480) «О телесных повреждениях и насилии над личностью». В ст. 467 Уложения было систематизировано девять признаков «тяжкого повреждения», которые включали семь критериев тяжкого увечья по Уложению 1845 года признаков (потеря руки, ноги, языка, зрения, слуха, производительности и неисправимое уродование лица) и два новых признака (душевная болезнь и опасное для жизни расстройство здоровья). При этом и смягчающие, и отягчающие обстоятельства приводились, как правило, в тексте соответствующей статьи Уложения [17].

Вместе с этим, в Уложении 1903 года появились новые привилегированные составы преступлений в сфере здоровья:

- нормы ч. 1 ст. 470 определяли ответственность за совершение телесного повреждения, задуманного и реализованного под влиянием сильного расстройства душевного, положения ч. 2 ст. 470 устанавливали меньшую ответственность в случае воздействия на виновного потерпевшим в виде противозаконного насилия либо тяжкого оскорбления;
- в ч. 2 ст. 471 и в бланкетной статье 472 Уложения снижены пределы ответственности за нанесение квалифицированных телесных повреждений (матери, отцу, родственнику, священнослужителю, должностному лицу, караульному, главе иностранного государства, мучительным способом) под влиянием сильного волнения душевного;
- предписания ст. 473 регламентировали сниженную ответственность за весьма тяжкие, тяжкие повреждения в условиях превышения пределов необходимой обороны и отсутствия защиты от посягательства на жизнь, изнасилование;
- положения ч. 1 ст. 474 устанавливали пониженную ответственность за неосторожное совершение телесного повреждения, а ч. 2 ст. 474 – за нарушение правил безопасности;
- нормы ч. 2 ст. 476 Уложения 1903 года определяли меньшую ответственность за насильственные действия в отношении особых субъектов (матери, отцу, родственнику, священнослужителю, должностному лицу, караульному, главе иностранного государства) под влиянием сильного волнения душевного;
- в ст. 477 приводятся два условия освобождения от наказания за насильственные действия (кроме ударов полицейскому, должностному лицу, священнослужителю): нанесение виновному потерпевшим равного или более сильного удара, тяжкого оскорбления; нанесение потерпев-

шему равного или более сильного удара, тяжкого оскорбления по мотиву мести.

- в ч. 3 ст. 479 снижены пределы ответственности за нанесение легкого телесного повреждения капитану судна под влиянием сильного волнения душевного;
- предписания ч. 2 ст. 476 Уложения 1903 года предусматривали меньшую ответственность за причинение легкого телесного повреждения волостному старшине или равному по должности лицу под влиянием сильного волнения душевного.

Как видно, содержание Уложения 1903 года включает большее число (11) привилегированных составов преступлений против здоровья относительно более ранних актов российского законодательства.

Таким образом, ретроспективные аспекты развития в имперский период XVIII–XX веков российского уголовного права в сфере здоровья отличаются: классовым характером наказаний; классификацией Сводом законов 1832 года вреда здоровью на повреждения, побои, ранения, удары с обозначением квалифицирующих признаков, установлением в Уложении 1903 года тяжести 3 видов (весьма тяжкие, тяжкие, простые повреждения), внедрением в 3 главе книги XV Своде законов новой классификации телесных повреждений, компенсации потерпевшему, системы норм за причинение вреда здоровью и привилегированных составов преступлений в сфере здоровья, которые были усовершенствованы в Уголовном уложении 1903 года.

Рассматривая советский период развития российского уголовного законодательства в сфере здоровья, стоит указать на преемственность и последовательное совершенствование соответствующих норм УК РСФСР 1922 года, 1926 и 1960 годов.

Так в нормах УК РСФСР 1922 года [18] положения ст. 149–160 включали составы преступлений против здоровья, большинство из которых входили в царское законодательство. Виды таких преступлений включали: основной, квалифицированные и привилегированные составы. При этом стоит обратить внимание на негативную тенденцию снижения в советском законодательстве числа привилегированных признаков преступлений против здоровья.

Если в Уложении 1903 года имело место 11 привилегированных составов преступлений против здоровья, то в УК РСФСР 1922 года отмечалось 5 таких составов:

- в статье 151 определялось снижение ответственности за совершение телесного тяжкого повреждения, реализованного под влиянием сильного душевного воздействия от противозаконного насилия либо тяжкого оскорбления, исходивших от потерпевшего;
- в статье 152 УК РСФСР 1922 года снижены пределы ответственности за нанесение телесных тяжких повреждений в условиях превышения

необходимой обороны либо превышения мер, необходимых для задержания преступника;

- положения ч. 1 ст. 154 устанавливали пониженную ответственность за неосторожное совершение телесного повреждения, а ч. 2 ст. 154 – дополнительное наказание, если неосторожность сопровождалась сознательным нарушением правил безопасности;
- в нормах ст. 158 УК РСФСР 1922 года насилие, вызванное равносильным либо более тяжким актом насилия, было приравнено к необходимой обороне.

Наряду с этим, положения УК РСФСР 1926 года [19] вместо 5 включали уже 4 привилегированных состава преступлений против здоровья:

1) в положениях ч. 2 ст. 143 было обозначено снисхождение по наказанию, если легкое телесное умышленное повреждение не причинило потерпевшему расстройства здоровья;

2) в статье 144 предусматривался пониженный уровень ответственности за легкое телесное умышленное повреждение с причинением расстройства здоровья под воздействием аффекта, возникшего после насилия или тяжкого оскорбления от потерпевшего;

3) в нормах ч. 1 ст. 145 УК РСФСР 1926 года снижены пределы ответственности за нанесение телесных тяжких либо легких повреждений в условиях неосторожности и сознательного несоблюдения виновным обязательных требований безопасности;

4) предписания ч. 2 ст. 145 также устанавливали уменьшенную ответственность за нанесение телесных повреждений без тяжких последствий в условиях неосторожности.

Актуальные нормы УК РФ регламентируют 5 усовершенствованных привилегированных состава преступлений против здоровья:

- в статье 113 установлен пониженный уровень ответственности за умышленное причинение тяжкого, среднего вреда здоровью под воздействием аффекта, возникшего после насилия, издевательства, тяжкого оскорбления, другими аморальными, противоправными действиями потерпевшего;
- в нормах ч. 1, 2 ст. 114 УК РФ предусмотрено снижение ответственности за нанесение тяжкого, среднего вреда здоровью в случаях превышения необходимой обороны или установленных законом мер задержания подозреваемого;
- в положениях ч. 1, 2 ст. 118 УК РФ обозначено снисхождение по наказанию, если тяжкий вред здоровью причинен по неосторожности либо в условиях нарушения должностным лицом своих обязанностей.

Исходя из приведенных тезисов, можно отметить, что ретроспективные аспекты развития в советский и современный периоды развития российского уголовного права в сфере здоровья характеризуются: устранением классовых различий; преимуществом; последовательным совершенствованием соответствующих норм УК РСФСР

1922 года, 1926 и 1960 годов; снижением в советском и современном законодательстве числа привилегированных признаков преступлений против здоровья.

Литература

1. Комарова В.В. Защита здоровья граждан как основной элемент обеспечения права на жизнь и особенности его реализации в чрезвычайных ситуациях // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 15–23.
2. Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 39–45; Казачкова Д.М. Сравнительно-правовой анализ законодательства в отношении умышленного причинения вреда здоровью // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола № 5 со Всероссийским и международным участием. УКК «Актуальные знания»; Ассоциация «Союз образовательных учреждений». Шахты, 2021. С. 191–193; и др.
3. Безручко Е.В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека. Сер. Уголовное право. Москва, 2021. С. 25–28.
4. Безручко, Е.В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Безручко Евгений Валерьевич. Калининград, 2018. 57 с.
5. Маличенко В.С. Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 174–197.
6. Норман Г.Д. Международные санитарные конференции, 1851–1938 гг.: Научные и исторические аспекты. Всемирная организация здравоохранения 1976. [Электронный ресурс], URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/144581> (дата обращения 22.11.2024).
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
9. Васильева Т.С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 408–412; Краснов А.В. Эволюция правовой модели противодействия семейному насилию в России до 1917 года // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 14–17; Небрятенко Г.Г. Уголовно-правовая характери-

стика преступлений против жизни и здоровья в обычном праве донских казаков / Г.Г. Небрятенко, Е.В. Безручко // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 120–126; и др.

10. Кабанов, П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кабанов, Павел Николаевич. Москва, 2006. 25 с.
11. Русская правда (пространная редакция). Подготовка текста, перевод и комментарии М.Б. Свердлова. [Электронный ресурс], URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения 21.11.2024).
12. Памятники русского права / под ред. [и с предисл.] С.В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1952–1961. – 7 т. / Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. доц. А.А. Зимин. 1952. С. 12.
13. Двинская грамота 1398 года // Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М.: Госюриздат, 1955. С. 32–33.
14. Васильева Т.С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 408–412.
15. Артикул Воинский 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс], URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения 22.11.2024).
16. Авдеев В.А. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 157–165.
17. Миндарова А.Р. История развития законодательства об уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью // Science Time, № 11 (47), 2017. С. 31–36.
18. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР, 1922. № 15. Ст. 153 (утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928).
19. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600 (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961).

RETROSPECTIVE ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL LAW IN THE FIELD OF HEALTH IN THE SOVIET AND MODERN PERIODS

Matorina O.S., Udavtsova E.Yu., Shavyrina T.A., Meretukova O.G., Evgeny S.T. "All-Russian Order of the Badge of Honor" Scientific Research Institute of Fire Protection" Ministry of Emergency Situations of Russia (FGBU VNIPO of the Ministry of Emergency Situations of Russia)

The article presents retrospective aspects of the development of Russian criminal law in the field of health in the Soviet and modern periods. The opinions of researchers in the field under consideration are analyzed. The current aspects of privileged formulations of intentional infliction of serious, moderate harm to health in criminal legislation are considered. The characteristics of criminal law mechanisms of health protection and basic aspects of the development of modern criminal legislation of Russia on health protection are presented. The results of the analysis of the content of the norms of the articles of the Constitution of the Russian Federation are presented, which allows us to draw conclusions about the shortcomings of a formal nature in the norms of the law relating to human health protection.

Keywords: criminal law, harm to health, Russian legislation.

References

1. Komarova V.V. Protection of citizens' health as the main element of ensuring the right to life and the specifics of its implementation in emergency situations // Actual problems of Russian law. 2022. No. 10. pp. 15–23.
2. Sazin S.T. The concept, essence and interrelation of constitutional rights to life and health protection // Constitutional and municipal law. 2021. No. 4. pp. 39–45; Kazachkova D.M. Comparative legal analysis of legislation in relation to intentional harm to health // Legal science in the XXI century: current problems and prospects for their solutions. Collection of scientific articles based on the results of the round table No. 5 with national and international participation. UKK "Actual knowledge"; Association "Union of Educational institutions". Mines, 2021. pp. 191–193; and others.
3. Bezruchko E.V. Crimes encroaching on the safety of human health. Ser. Criminal law. Moscow, 2021. pp. 25–28.
4. Bezruchko, E.V. Crimes encroaching on the safety of human health: theoretical and legal research: abstract... doct. Jurid. sciences': 12.00.08 / Evgeny V. Bezruchko. Kaliningrad, 2018. 57 p.
5. Malichenko V.S. International legal mechanisms for countering emergencies in the field of healthcare // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 1. pp. 174–197.
6. Norman G.D. International Sanitary Conferences, 1851–1938: Scientific and historical aspects. World Health Organization 1976. [Electronic resource], URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/144581> (accessed 11/22/2024).
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Article 5351.
8. Federal Law No. 323-FZ of 11/21/2011 (as amended on 04/28/2023) "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. St. 6724.
9. Vasilyeva T.S. The history of the development of legislation on liability for harm to human health // Young scientist. 2021. No. 4 (346). pp. 408–412; Krasnov A.V. Evolution of the legal model of countering family violence in Russia before 1917 // Legal science. 2023. No. 2. pp. 14–17; Nebratenko G.G. Criminal and legal characteristics of crimes against life and health in the ordinary law of the Don Cossacks / G.G. Nebratenko, E.V. Bezruchko // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. No. 1. pp. 120–126; and others.
10. Kabanov, P.N. Criminal liability for beatings and torture: abstract of the thesis ... cand. Jurid. sciences': 12.00.08 / Kabanov, Pavel Nikolaevich. Moscow, 2006. 25 p.
11. Russian truth (extensive edition). Text preparation, translation and comments by M.B. Sverdlov. [Electronic resource], URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (date of reference 11/21/2024).
12. Monuments of Russian law / ed. [and with a preface] S.V. Yushkov. Moscow: Gosyurizdat, 1952–1961. – 7 t. / Monuments of the law of the Kievan state of the X–XII centuries. / Comp. assoc. A.A. Zimin. 1952. p. 12.
13. Dvina charter of 1398 // Monuments of Russian law. Issue 3: Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state of the XIV–XV centuries. Moscow: Gosyurizdat, 1955. pp. 32–33.

14. Vasilyeva T.S. The history of the development of legislation on liability for harm to human health // *Young Scientist*. 2021. No. 4 (346). pp. 408–412.
15. Military article April 26, 1715 [Electronic resource], URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (accessed 11/22/2024).
16. Avdeev V.A. The mechanism of criminal law regulation of crimes against life and health in the history of Russian law / V.A. Avdeev, E.V. Avdeeva // *Lex Russica*. 2018. No. 10 (143). pp. 157–165.
17. Mindarova A.R. The history of the development of legislation on criminal liability for causing serious harm to health // *Science Time*, No. 11 (47), 2017. pp. 31–36.
18. Resolution of the Central Executive Committee of 06/01/1922 (as amended on 08/25/1924) “On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R.” (together with the “Criminal Code of the R.S.F.S.R.”) // *SU RSFSR*, 1922. No. 15. Article 153 (expired in connection with the publication of the Resolution of the Central Executive Committee, Council of People’s Commissars of the RSFSR of 01/25/1928).
19. Resolution of the Central Executive Committee of the Russian Federation of 11/22/1926 (ed. of 04/27/1959) “On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. edition of 1926” (together with the “Criminal Code of the R.S.F.S.R.”) // *SU RSFSR*. 1926. No. 80. St. 600 (it became invalid in connection with the publication of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 03/28/1961).

О подготовке кадров в области защиты информации для технических подразделений безопасности

Плотников Герман Геннадьевич,

профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: gr175@mail.ru

Развитие технических подразделений безопасности правоохранительной системы тесно связано с развитием технологий охраны и, прежде всего, с централизованной охраной объектов. В статье рассматривается вопрос взаимосвязи развития технологий охранной безопасности с ростом потребности в специалистах в области защиты информации.

Ключевые слова: технологии охранной безопасности, защита информации, информационные технологии, правоохранительная система, специальные знания

Современный этап развития общества характеризуется, в первую очередь, скоростью интеграции достижений в сфере науки и техники в жизнедеятельность людей для того, чтобы формировать новые общественные отношения. Двойственное значение современных информационных технологий заключается как в работе на благо человека, так и для функционирования в противозаконных механизмах для достижения корыстных целей¹. Вовлеченность отдельного индивидуума в процессы, протекающие в рамках глобальной сети обусловлено требованиями по формированию индивидуального подхода к каждому пользователю, с обеспечением безопасного информационного пространства, в той или иной мере отражающего персональные данные лица². Данный подход следует применить ко всем участникам отношений, включая юридических лиц, транснациональные компании и государство. При этом злоумышленники ориентируются, в зависимости от уровня возможностей и целей, на наиболее вероятные к успешной реализации объекты атак.

Развитие технических подразделений безопасности правоохранительной системы тесно связано с развитием технологий охраны и, прежде всего, с централизованной охраной объектов. Использование систем централизованного наблюдения позволило еще во времена СССР значительно расширить сферу охранных услуг, оказываемых подразделениями вневедомственной охраны Министерства Внутренних Дел. Тогда, благодаря развитию телефонных сетей, появились уникальные условия для создания специализированных систем, способных обеспечить централизованный контроль за проникновением и возникновением пожара на охраняемых объектах. Подобные системы создавались исключительно под требования Министерства Внутренних Дел, а для их эксплуатации требовались специалисты исключительно с радиоинженерной подготовкой. Решением задачи подготовки таких специалистов стала заниматься Воронежская школа милиции, а, в последствии, Воронежский институт МВД России.

¹ Жарова, А.К. Обеспечение права на доступ к Интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации / А.К. Жарова, В.М. Елин // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 2(39). – С. 48–53. – DOI 10.21681/2226–0692–2021–2–48–53. – EDN NEDFXI.

² Жарова, А.К. Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления / А.К. Жарова, В.М. Елин, А.В. Минбалева. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – 240 с. – ISBN 978-5-466-00766-4. – EDN DNKVPР.

С развитием технологий, появились системы, использующие открытый эфир, на российский рынок попали образцы охранной техники иностранного производства. Но, как и во времена Советского Союза, весь смысл систем централизованного наблюдения сводился к передаче на пункт централизованной охраны (ПЦО) извещений о состоянии контрольных цепей охраняемого объекта. Именно поэтому в 90-х такие системы стали именоваться системами передачи извещений. А одной из ключевых задач персонала ПЦО оставалось обеспечение непрерывности работы каналов передачи извещений.

Уже тогда возникла потребность в обеспечении безопасности контрольных данных, получаемых с аппаратуры охраняемых объектов. Основная стратегия квалифицированных злоумышленников тогда сводилась к имитации информационных потоков охранной аппаратуры посредством несложных технических средств. Но порой преступник применял и полноценные комплексы радиоэлектронного подавления. Отсутствие специальных знаний в области информационной безопасности сотрудников правоохранительных органов тогда компенсировалось техническими нововведениями производителей охранной техники. Это могли быть как простые модули высокочастотного уплотнения, так и решения с организацией кодирования сигнала, в том числе динамического.

Стоит заметить, что централизованная охрана всегда была зависима от существующих технологий связи. Массовое развитие сотовой связи в начале XXI века дало новый толчок в развитии централизованной охраны объектов. Само по себе это упростило создание охранной техники. Для сотовых сетей нет необходимости разрабатывать специальные передатчики и приемники. Теперь производители просто приобретают модули сотовой связи иностранного производства и интегрируют их в уже существующие охранные приборы. Как следствие, сузился круг инженерных проблем в решении задачи непрерывности канала передачи извещений персоналом ПЦО. В тоже самое время возникли новые способы реализации угроз информационной безопасности.

Но, как оказалось, и преступный мир не стоит на месте. Как пример можно привести многочисленные случаи имитации проникновения на охраняемые объекты с целью снижения внимания оперативных служб, выведения из строя аппаратуры. К особым изыскам преступной аналитики можно отнести массовую имитацию проникновения в ограниченное время, суть которых сводится к выведению всей системы оперативного реагирования на критические режимы.

Возникла необходимость в переходе к следующему поколению систем, способных благодаря высокой информативности обеспечить надежную централизованную охрану объектов. Появившиеся недавно системы активной защиты становятся неотъемлемой частью автоматизированных систем централизованного управления безопасностью.

Система *видеоверификации* с интегрированными контурами управления элементами *активной защиты* дали новые возможности по удаленному управлению безопасностью охраняемых объектов. Дежурный пульта управления теперь не просто может наблюдать за происходящим на объекте, но и предпринимать действия по пресечению правонарушений (рис. 1).

Рис. 1

Вместе с этим возникла угроза перехвата как потока данных систем видеоверификации, так и канала управления системами активной защиты. В этой ситуации возникает необходимость в более квалифицированных кадрах, занимающихся как установкой аппаратуры и инсталляцией программного обеспечения, так и обеспечивающих её эксплуатацию в реальных условиях.

Такой сотрудник теперь должен не просто владеть современными техническими решениями, быть способным к работе с моделями и стратегиями оперативного управления, но и владеть навыками и знаниями в области обеспечения информационной безопасности. Уметь предвосхищать намерения потенциального преступника и использовать дополнительные способы и средства предотвращения реализации и минимизации информационных угроз.

О целесообразности подготовки таких специалистов обсуждалось на учебно-методических сборах руководящего, профессорско-преподавательского и начальствующего состава, регулярно проводимых в высших учебных заведениях системы МВД России. В этой связи обсуждался вопрос о создании на базе институтов специализированных лабораторий видеоаналитики и учебно-научных полигонов охранной автоматике. Тут обучающиеся и профессорско-преподавательский состав могут реализовать свой творческий потенциал, активно занимаясь решением научно-технических задач в области обеспечения информационной безопасности систем видеоверификации, видеоаналитики и управления активной защитой объектов охраны. Дальнейшее движение в этом направлении будет

существенно зависеть от кадровой политики правоохранительных структур.

Литература

1. Жарова, А.К. Обеспечение права на доступ к Интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации / А.К. Жарова, В.М. Елин // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 2(39). – С. 48–53. – DOI 10.21681/2226-0692-2021-2-48-53. – EDN NEDFXI.
2. Жарова, А.К. Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления / А.К. Жарова, В.М. Елин, А.В. Минбалеев. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – 240 с. – ISBN 978-5-466-00766-4. – EDN DNKVPR.
3. Зарубин В.С., Плотников Г.Г., Ильичев М.А., Картавцев Д.В., Сердюк А.С., Рогожин А.А. Системы охранной безопасности / Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2012. – 282 с.
4. Плотников Г.Г., Лялевич В.Г., Зарубин В.С., Автоматизированные системы передачи извещений / Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2012. – 90 с.

ON TRAINING PERSONNEL IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY FOR TECHNICAL SECURITY UNITS

Plotnikov G.G.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The development of technical security units of the law enforcement system is closely related to the development of security technologies and, above all, with the centralized protection of facilities. The article examines the issue of the relationship between the development of security technologies and the growing need for specialists in the field of information security.

Keywords: security technologies, information protection, information technologies, law enforcement system, special knowledge

References

1. Zharova, A.K. Ensuring the right to access the Internet and oblivion in the digital space of the Russian Federation / A.K. Zharova, V.M. Elin // Monitoring of law enforcement. – 2021. – No. 2 (39). – P. 48–53. – DOI 10.21681 / 2226-0692-2021-2-48-53. – EDN NEDFXI.
2. Zharova, A.K. Paradigm of digital profiling of human activity: risks, threats, crimes / A.K. Zharova, V.M. Elin, A.V. Minbaleev. – Moscow: Limited Liability Company “Rusains”, 2022. – 240 p. – ISBN 978-5-466-00766-4. – EDN DNKVPR.
3. Zarubin V.S., Plotnikov G.G., Ilyichev M.A., Kartavtsev D.V., Serdyuk A.S., Rogozhin A.A. Security systems / Study guide. – Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. – 282 p.
4. Plotnikov G.G., Lyalevich V.G., Zarubin V.S., Automated notification transmission systems / Study guide. – Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. – 90 p.

Кражи и мошенничества, совершаемые бесконтактным способом в структуре преступлений против собственности

Рязанова Екатерина Николаевна,

сотрудник Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
E-mail: spbryazanova@mail.ru;

Автором проведено изучение краж и мошенничеств, совершаемых бесконтактным способом с позиции криминологического подхода. Обозначены признаки бесконтактного способа совершения преступных деяний, связанных с хищениями чужого имущества граждан и их соотношение с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий. Отражено, что последние представляют из себя техническую формулировку, определяющую конкретные технологические процессы. Определено место краж и мошенничеств, совершаемых бесконтактным способом в структуре преступлений против собственности, а также преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В результате анализа показателей государственной статистической отчетности за период с 2014 по 2023 гг. установлено, что происходит замещение классических видов хищений, бесконтактными, в сторону снижения распространенности квартирных краж, краж транспортных средств, грабежей и разбойных нападений, и роста интенсивности бесконтактных краж и мошенничеств. Обозначены факторы, способствовавшие росту хищений, в том числе краж и мошенничеств, совершенных бесконтактным способом.

Ключевые слова: кража, мошенничество, бесконтактный способ, информационно-коммуникационные технологии, преступления против собственности.

Развитие и внедрение в повседневную жизнь информационно-телекоммуникационных технологий создает благоприятные условия для расширения поля деятельности преступников. Отсутствие границ и возможность действовать анонимно в цифровой среде являются одними из основных факторов, способствующих использованию злоумышленниками информационных технологий (далее – ИКТ) в качестве среды совершения преступного деяния и способа совершения преступления.

Определим, что понимается под бесконтактным способом совершения преступлений. В основном в научной литературе под бесконтактными понимаются преступные деяния, «совершаемые без личного контакта субъекта с потенциальным потерпевшим» [1, с. 38–41] «через информационно-телекоммуникационные технологии, включая сеть Интернет» [2, с. 58–63; 4, с. 12–14].

В отечественных нормативных документах определение бесконтактного способа совершения преступлений не нашло своего отражения, в тоже время дается несколько определений понятию «информационно-коммуникационные технологии», под которыми понимаются: «информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации» [3]; «совокупность информационных технологий, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей» [5]; «совокупность методов и средств реализации информационных технологий и телекоммуникационных процессов» (*Договор о Евразийском экономическом союзе*: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.: в ред. Договора от 25 мая 2023 г.) [11]. Встречается термин, похожий по пониманию – «информационные технологии», который трактует информационные технологии как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [8]. Как мы видим, понятие «информационно-коммуникационные технологии» представляет из себя техническую формулировку, определяющую конкретные технологические процессы.

Несомненно, бесконтактные кражи и мошенничества входят в структуру преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, но не совпадают с ними полностью, поскольку обладают своими специфическими признаками:

1. *Отсутствие непосредственного прямого контакта между всеми лицами, вовлеченными в преступление.* На наш взгляд, бесконтактный спо-

соб – это не конкретный способ передачи информации между злоумышленником и жертвой, а именно отсутствие непосредственного прямого контакта, поскольку в реализацию преступного замысла в случае совершения бесконтактных краж и мошенничеств вовлечено не две стороны (преступник и жертва), как при классических способах хищения имущества, а намного большее количество лиц, каждому из которых отведена своя роль в преступном деянии. При этом отсутствует непосредственный прямой контакт между такими лицами. Операторы колл-центров общаются с жертвой удаленно, при этом никак не контактируя с лицами, направляемыми к жертве для получения от нее денежных средств. В свою очередь непосредственный контакт отсутствует между дропами (курьерами, обналщиками, транзитниками) и лицами, дающими им указания на совершение деяний, взаимодействие между ними осуществляется бесконтактным способом через системы обмена сообщениями.

2. *Распределение ролей между лицами, участвующими в реализации преступного замысла при совершении краж и мошенничеств.* Функции каждого лица, вовлекаемого в такую преступную деятельность четко ограничены поставленными перед ними задачами [10, с. 65]. Между участниками, реализующими преступный замысел, выстраивается определенная зашифрованная система общения, взаимодействие при которой основано на роли конкретного лица в совершении преступления.
3. *Использование однотипных сценариев при совершении преступных деяний.* При обзвонах потенциальных жертв, злоумышленники действуют по ранее разработанным по аналогии с телекоммуникационным маркетингом сценариям, где основным критерием рентабельности становится количество удавшихся коммуникаций с потенциальной жертвой. Используемые сценарии претерпевают изменения, становятся все сложнее и опаснее.
4. *Неограниченный круг потенциальных жертв.* Изначально круг потенциальных жертв от планируемых злоумышленниками преступных деяний не ограничен какими-либо рамками. Используя, имеющиеся у преступников персональные данные граждан, осуществляя обзвон по заранее заготовленным сценариям, преступники, определяют свою непосредственную жертву, исходя от ее отклика в процессе общения на предлагаемые сценарные задачи.
5. *Использование всех существующих возможностей информационно-коммуникационных технологий.* Злоумышленники следят за появлением новых разработок, программ, технологических инноваций, активно внедряя их в свою преступную деятельность. Если, в 2010 году преступные деяния, совершенные с использованием ИКТ, рассматривались правоохранительными органами просто как преступле-

ния в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, то в настоящее время для их учета применяется деление на разнообразные способы совершения, к которым относятся: метод «социальной инженерии», SIP-телефония (ABC (использование городских телефонных номеров), DEF (мобильные телефонные номера) нумерация), сеть-Интернет, сеть «Даркнет» (теневой сегмент сети-Интернет (Неиндексированные страницы сети «Интернет», которые не могут быть найдены с помощью поисковых систем.)), программы-шифровальщики, фишинговые рассылки, бот-сети (ботнеты), DDoS-атаки, технологии «Дипфейк», информационная инфраструктура других государств. В зависимости от внедрения и разработки новых возможностей, предоставляемых информационно-коммуникационными технологиями, перечень способов совершения преступлений с использованием ИКТ будет бесконечно дополняться.

6. *Выбор «способа» совершения преступления всегда является прерогативой злоумышленника.* Бесконтактный способ совершения используется преступниками для сокрытия своей личности с целью избежания уголовной ответственности за совершенные деяния, поскольку ни жертва, ни иные вовлеченные в реализацию преступного замысла лица не будут обладать конкретной информацией о лице, непосредственно спланировавшем преступное деяние. Правоохранители, в большинстве случаев, могут стать обладателями такого рода информацией только путем проведения определенных оперативно-технических мероприятий и исследования средств коммуникации злоумышленника с жертвой (компьютеры, смартфоны, планшеты, электронные средства платежа, серверы и проч.).

Кроме того, словосочетание «бесконтактный способ» нашло своё отражение и закрепление в специальной лексике сотрудников правоохранительных органов, и не только применительно к кражам и мошенничествам, но также к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, преступлениям против жизни и здоровья (доведение до самоубийства), половой неприкосновенности и половой свободы (понуждение к действиям сексуального характера, развратные действия), в сфере экономической деятельности (сбыт поддельных денег) и других категорий преступных деяний, список которых будет со временем только расширяться.

Рассмотрим статистические показатели бесконтактных краж и мошенничеств и их место в структуре преступлений против собственности. В период с 2014 по 2023 г. место преступлений против собственности в общем объеме преступности остается достаточно стабильным и традиционно занимает более половины удельного веса от всех регистрируемых на территории Российской Федерации преступных деяний (2014 г.: 57,4%; 2015 г.: 58,5%; 2016 г.: 57,1%; 2017 г.: 56,4%; 2018 г.: 55,9%; 2019 г.:

57,9%; 2020 г.: 59,7%; 2021 г.: 59,7%; 2022 г.: 59,5%; 2023 г.: 58,4%; 6 мес. 2024 г.: 53,2%).

Среди преступлений против собственности преобладают деяния общеуголовной направленности (2015 г.: 95,6%; 2016 г.: 96,5%; 2017 г.: 96,4%; 2018 г.: 96,2%; 2019 г.: 96,7%; 2020 г.: 97,0%; 2021 г.: 96,4%; 2022 г.: 96,4%; 2023 г.: 96,6%; 6 мес. 2024 г.: 94,7%). К преступлениям экономической направленности (следствие по которым обязательно) относится небольшая часть регистрируемых деяний (2014 г.: 2,9%; 2015 г.: 2,5%; 2016 г.: 2,9%; 2017 г.: 3,2%; 2018 г.: 3,2%; 2019 г.: 2,9%; 2020 г.: 2,8%; 2021 г.: 3,4%; 2022 г.: 3,3%; 2023 г.: 3,2%; 6 мес. 2024 г.: 4,7%). С 2014 года происходит изменение структуры преступлений против собственности (глава 21 УК РФ).

Так, в 2014 году из всего объема зарегистрированных преступлений против собственности, практически 72,2% посягательств приходилось на кражи, 12,7% составляли мошенничества, 6,2% – грабежи, 1,1% – разбои. Основной объем краж приходился на деяния общеуголовной направленности (99,9%; 907703), к кражам экономической направленности относился 0,1% данных преступных деяний (1198). При этом каждая десятая кража была связана с незаконным проникновением в квартиры граждан, а каждая двадцать пятая совершалась в отношении транспортных средств, их удельный вес в общем объеме краж составлял 8,8% и 3,9% соответственно. Среди всех зарегистрированных преступлений по ст. 159–159.6 УК РФ (160214), девять из десяти приходились на деяния общеуголовной направленности (88,8%; 142314) и только каждое десятое относилось к преступлениям экономической направленности (11,2%; 17900).

В период с 2014 по 2023 гг. происходит снижение хищений, совершаемых с применением опасного и неопасного насилия. Так, в четыре раза уменьшилось количество зарегистрированных разбойных нападений (2014 г.: 14340; 2015 г.: 13642; 2016 г.: 11416; 2017 г.: 9104; 2018 г.: 7474; 2019 г.: 6739; 2020 г.: 5280; 2021 г.: 4436; 2022 г.: 3972; 2023 г.: 3360) и грабежей (2014 г.: 77725; 2015 г.: 72739; 2016 г.: 61524; 2017 г.: 56855; 2018 г.: 50111; 2019 г.: 45815; 2020 г.: 38392; 2021 г.: 31456; 2022 г.: 29209; 2023 г.: 22220). Снижился удельный вес данных преступных деяний среди всех зарегистрированных преступлений против собственности: разбойных нападений с 1,1% в 2014 году до 0,3% в 2023 г., грабежей с 6,2% до 2,0%.

В рассматриваемом периоде практически в четыре раза снизилось число зарегистрированных краж, совершенных с незаконным проникновением в квартиры (2014 г.: 80071; 2015 г.: 77497; 2016 г.: 68783; 2017 г.: 62007; 2018 г.: 52090; 2019 г.: 45325; 2020 г.: 35067; 2021 г.: 29403; 2022 г.: 27195; 2023 г.: 20518), и в пять раз краж транспортных средств (2014 г.: 35408; 2015 г.: 44566; 2016 г.: 34848; 2017 г.: 29331; 2018 г.: 23712; 2019 г.: 20284; 2020 г.: 14788; 2021 г.: 11171; 2022 г.: 8987; 2023 г.: 6865). Удельный вес квартирных краж снижился с 8,8% в 2014 г. до 3,5% в 2023 г., а краж транспортных средств с 3,9% до 1,2%.

Вместе с тем, динамика преступлений, совершенных с использованием ИКТ, имеет другую тенденцию. С 2014 по 2023 гг. количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием ИКТ, возросло в шестьдесят раз (с 10968 до 676951). Повысилась интенсивность данных преступлений (в расчете на 100 тыс. населения Российской Федерации): 2014 г.: 7,6; 2015 г.: 29,9; 2016 г.: 45,0; 2017 г.: 61,7; 2018 г.: 119,0; 2019 г.: 200,6; 2020 г.: 348,5; 2021 г.: 354,9; 2022 г.: 355,8; 2023 г.: 461,4), а также их удельный вес в общем массиве преступности (2014 г.: 0,51%; 2015 г.: 1,86%; 2016 г.: 3,05%; 2017 г.: 4,4%; 2018 г.: 8,8%; 2019 г.: 14,5%; 2020 г.: 25,0%; 2021 г.: 25,8%; 2022 г.: 26,5%; 2023 г.: 33,4%).

Наиболее распространенными видами преступлений как среди деяний против собственности, так и среди ИТ-преступлений являются хищения, совершаемые с использованием ИКТ. С 2014 по 2023 гг. произошел значительный рост удельного веса данных деяний среди преступлений против собственности (2014 г.: 0,4%; 2015 г.: 1,6%; 2016 г.: 3,8%; 2017 г.: 5,2%; 2018 г.: 11,5%; 2019 г.: 20,1%; 2020 г.: 33,6%; 2021 г.: 34,0%; 2022 г.: 31,7%; 2023 г.: 41,8%) и среди преступлений, совершаемых с использованием ИКТ (2014 г.: 41,2%; 2015 г.: 50,1%; 2016 г.: 71,3%; 2017 г.: 67,0%; 2018 г.: 73,6%; 2019 г.: 80,0%; 2020 г.: 80,4%; 2021 г.: 78,4%; 2022 г.: 71,1%; 2023 г.: 70,2%).

Пик роста зарегистрированных бесконтактных хищений, пришелся на 2018–2021 гг., а затем с 2022 года последовал некоторый спад. Изучив нормативно правовую базу, практику документирования рассматриваемого вида преступлений, мы пришли к выводу, что рост хищений, совершенных бесконтактным способом, обусловлен следующими факторами:

1. Сложившейся до 2018 года практикой принятия решений о возбуждении уголовных дел на основании поступивших сообщений о хищениях, совершенных бесконтактным способом и перенаправление данных сообщений по территориальности между подразделениями правоохранительных органов и надзирающими органами. Данный казус был связан с имевшейся в то время неопределенностью при определении места совершения бесконтактных краж и мошенничеств, которым считалось место нахождения финансовой организации, где был оформлен счет, с которого были похищены денежные средства.
2. Подписанием Министром внутренних дел В.А. Колокольцевым приказа о принятии мер по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений [6], в соответствии с которым предусматривается обязательное проведение проверки в порядке, установленном статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сообщений о преступлениях предусмотренных статьями 158, 159–159.3, 159.5, 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Федерации, совершенных с использованием платежных карт, средств мобильной связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Таким образом Министр определил единый подход к принятию решений о возбуждении уголовных дел на основании полученных сообщений о бесконтактных хищениях, что способствовало переходу бесконтактных краж из категории латентных в категорию зарегистрированных и прекратило имевшуюся практику территориальных органов произвольной трактовки постановлений Пленума Верховного суда.

3. Введением в действие в апреле 2018 года [10] п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ криминализирующего кражи «совершенные с банковского счета, а равно электронных денежных средств», что отразилось на увеличении количества зарегистрированных хищений, совершенных путем краж. Такого вида кражи определенно совершались и до введения в действие указанной нормы, однако учитывались как классическое хищение, и не подпадали в категорию ИТ-преступлений. Кроме того, законодательное закрепление данной нормы, являющейся тяжким составом, повлияло на увеличение в 2019 году в полтора раза тяжких ИТ-преступлений (+149%), удельный вес которых увеличился с 32,8% в 2018 году до 48,5% в 2019 году. Здесь мы наблюдаем элемент пограничной латентности, при котором правоохранительные органы, исходя из оценки своей работы в статистическом выражении, для снижения количества тяжких бесконтактных хищений, до введения в действие п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, были более заинтересованы в возбуждении уголовного дела не по ст. 158 УК, а по менее тяжкому составу – ст. 159 УК РФ, тем самым искусственно формируют массив преступлений небольшой и средней тяжести. В дальнейшем соотношение тяжких преступлений и деяний небольшой и средней тяжести, при снижении количества зарегистрированных краж, изменяется незначительно. Это связано с тем, что постоянно растут суммы денежных средств, похищаемых в рамках одного эпизода преступной деятельности, соответственно увеличилось количество квалификации деяний по ч. 4 ст. 159 УК РФ, относящейся к тяжким составам. Так, по итогам 2023 года 50,6% преступлений, совершенных с использованием ИКТ, приходилось на тяжкие и особо тяжкие деяния, а 49,4% на небольшой и средней тяжести.

Спад 2022 года связан с началом специальной военной операции и ударами по украинской инфраструктуре. На взаимосвязь данных явлений указал и заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов [12], поскольку именно в Украине находится большинство колл-центров мошенников. В подтверждение этого отметим, что возрастающая интенсивность хищений, совершенных с использованием ИКТ, после роста в 2020–

2021 гг., также замедлилась по итогам 2022 года (2014 г.: 3,1; 2015 г.: 15,0; 2016 г.: 32,1; 2017 г.: 41,3; 2018 г.: 87,5; 2019 г.: 160,4; 2020 г.: 280,3; 2021 г.: 278,4; 2022 г.: 253,0; 2023 г.: 324,0).

С 2014 по 2023 год произошло значительное увеличение количества зарегистрированных мошенничеств (в 162 раза, с 2187 до 356079 преступлений) и краж (в 51 раз, с 2334 до 119212 преступлений)

В тоже время, среди всех хищений, совершенных с использованием ИКТ, удельный вес бесконтактных мошенничеств увеличивается (2014 г.: 48,4%; 2015 г.: 61,5%; 2016 г.: 79,2%; 2017 г.: 88,6%; 2018 г.: 74,6%; 2019 г.: 58,0%; 2020 г.: 57,8%; 2021 г.: 61,4%; 2022 г.: 69,4%; 2023 г.: 74,9%), а доля краж – снижается (2014 г.: 51,6%; 2015 г.: 38,5%; 2016 г.: 20,8%; 2017 г.: 11,4%; 2018 г.: 25,4%; 2019 г.: 42,0%; 2020 г.: 38,6%; 2021 г.: 30,6%; 2022 г.: 25,1%; 2023 г.: 21,4%).

Таким образом, бесконтактный способ – это способ совершения преступления, специально выбираемый злоумышленниками и использующий существующие возможности информационно-коммуникационных технологий для сокрытия личности, реализуемый в отношении неопределённого круга лиц, путем использования однотипных сценариев и четкого распределения ролей между участниками преступного замысла, при отсутствии непосредственного прямого контакта между всеми лицами, вовлеченными в преступление.

Происходит замещение классических видов хищений, бесконтактными, что подтверждается приведенными статистическими показателями, указывающими на изменение структуры преступлений против собственности в сторону снижения распространённости квартирных краж, краж транспортных средств, грабежей и разбойных нападений и роста интенсивности бесконтактных краж и мошенничеств.

Литература

1. Антонова Е.Ю., Клименко А.К. Классификация хищений денежных средств с использованием средств связи // Российский следователь. 2019. № 1. С. 38–41.
2. Драпезо Р.Г., Шелестюков В.Н. Оперативно-разыскные ситуации бесконтактного сбыта наркотических средств и психотропных веществ посредством телекоммуникационных сетей и сети Интернет // Российский следователь. 2020. № 1. С. 58–63;
3. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения: ГОСТ Р 52653–2006: национальный стандарт: дата введения 2008–07–01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200053103> (дата обращения: 11.07.2024).
4. Калачева М.С. Тактика использования теневого интернета dark net для бесконтактного распространения поддельных денежных средств

или ценных бумаг // Российский следователь. 2021. № 10. С. 12–15.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» (вместе с Положением о ведомственных программах цифровой трансформации): в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 г. № 900. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
6. Приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений». – Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Страс-Юрист». – Текст: электронный.
7. Тыдыкова Н.В. О проблемах установления субъективной стороны в половых преступлениях против несовершеннолетних, совершаемых бесконтактным способом // Уголовное право. 2023. № 1. С. 65–72.
8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: в ред. Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 588-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 51. – Ст. 9161. – Текст: непосредственный.
9. Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 18. – Ст. 2581. – Текст: непосредственный.
10. Харина Е.А. Особенности методики расследования мошенничества в сфере компьютерной информации: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.4. / Харина Елена Алексеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»]; Диссовет Д 220.038.XX (35.2.019.01)]. – Красноярск, 2024. – 248 с.
11. Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Материалы панельной дискуссии «Кибермошенничество – новая пандемия?», состоявшейся 05 сентября 2024 г. в рамках Восточного экономического форума <http://www.forumvostok.ru> (дата обращения: 09.09.2024).

THEFTS AND FRAUDS COMMITTED BY NON-CONTACT METHODS IN THE STRUCTURE OF CRIMES AGAINST PROPERTY

Ryazanova E.N.

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region

The author conducted a study of thefts and frauds committed in a contactless manner from the standpoint of a criminological approach. The signs of a contactless method of committing criminal acts related to the theft of other people's property of citizens and their correlation with crimes committed using information and communication technologies are indicated. It is reflected that the latter are a technical formulation defining specific technological processes. The place of theft and fraud committed by contactless means in the structure of crimes against property, as well as crimes committed using information and communication technologies, has been determined. As a result of the analysis of indicators of state statistical reporting for the period from 2014 to 2023, it was found that classical types of theft are being replaced by contactless ones, in the direction of reducing the prevalence of burglaries, vehicle thefts, robberies and robberies, and an increase in the intensity of contactless thefts and frauds. The factors that contributed to the growth of theft, including theft and fraud committed by contactless method, are identified.

Ключевые слова: theft, fraud, contactless method, information and communication technologies, crimes against property.

References

1. Antonova E.Yu., Klimenko A.K. Classification of thefts of funds using communication tools // Russian investigator. 2019. No. 1. Pp. 38–41.
2. Drapezo R.G., Shelestyukov V.N. Operational-search situations of contactless sale of narcotic drugs and psychotropic substances via telecommunication networks and the Internet // Russian investigator. 2020. No. 1. Pp. 58–63;
3. Information and communication technologies in education. Terms and definitions: GOST R 52653–2006: national standard: date of introduction 2008–07–01 // Electronic fund of legal and regulatory documents: website. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200053103> (date of access: 11.07.2024).
4. Kalacheva M.S. Tactics of using the dark net for contactless distribution of counterfeit money or securities // Russian investigator. 2021. No. 10. pp. 12–15.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 10, 2020 No. 1646 “On measures to ensure the effectiveness of measures to use information and communication technologies in the activities of federal executive bodies and governing bodies of state extra-budgetary funds” (together with the Regulation on departmental digital transformation programs): as amended by Resolution of the Government of the Russian Federation of July 1, 2024 No. 900. – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”. – Text: electronic.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 3, 2018 No. 196 “On certain measures to improve the organization of disclosure and investigation of certain types of theft”. – The document was not published. Access from the reference and legal system “Stras-Yurist”. – Text: electronic.
7. Tydykova N.V. On the problems of establishing the subjective side in sexual crimes against minors committed in a non-contact manner // Criminal law. 2023. No. 1. P. 65–72.
8. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technology and the Protection of Information”: as amended by Federal Law of December 12, 2023 No. 588-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 51. – Art. 9161. – Text: direct.
9. Federal Law of April 23, 2018 No. 111-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 18. – Art. 2581. – Text: direct.
10. Kharina E.A. Features of the methodology for investigating fraud in the field of computer information: dissertation ... candidate of legal sciences: 5.1.4. / Kharina Elena Alekseevna; [Place of protection: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin”]; Dissertation Council D 220.038.XX (35.2.019.01)]. – Krasnoyarsk, 2024. – 248 p.
11. Official website of the Eurasian Economic Union. URL: <http://www.eaeunion.org/> (date of access: 20.10.2024).
12. Materials of the panel discussion “Cyberfraud – a new pandemic?”, held on September 5, 2024, within the framework of the Eastern Economic Forum <http://www.forumvostok.ru> (date of access: 09.09.2024).

Формирование критериев разграничения состава преступлений нарушения требований промышленной безопасности и актов терроризма

Салихов Масхуд Махмудович,

ведущий инженер отдела по эксплуатации сетей газораспределения Управления эксплуатации АО «Мособлгаз»
E-mail: name_odin@bk.ru

Актуальность рассмотрения вопросов, связанных с нарушением требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, совершения актов терроризма и диверсии сложно переоценить. Наличие рисков совершения таких преступлений с учётом обостренной геополитической ситуации в мире вполне логично и понятно, и не требует дополнительных обоснований статистическими данными, об этом говорят факты усиления безопасности объектов жизнеобеспечения, в том числе опасных производственных объектов, от внешних и внутренних угроз, террористических и диверсионных действий, усиления охраны мест массового скопления людей и т.д. Сегодня основная угроза целостности и суверенитету российского государства исходит от недружественных стран, что требует от законодательных и исполнительных (правоохранительных) органов государственной власти соответствующей реакции по обеспечению безопасности. В данной статье вопросы промышленной безопасности, терроризма и диверсии рассматриваются с точки зрения их уголовно-правовой характеристики, проблем разграничения указанных составов преступлений, уяснения общих и отличительных признаков этих деяний. Помимо этого, в статье дается общая характеристика нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, актов терроризма и диверсии. В заключительной части исследования предлагаются критерии разграничения рассматриваемых составов преступлений.

Ключевые слова: промышленная безопасность опасных производственных объектов, требования промышленной безопасности, диверсия, терроризм, разграничение преступлений, общие и отличительные признаки преступлений.

Обеспечение промышленной безопасности опасных производственных объектов является важным аспектом сохранения благополучия общества, государственного суверенитета и его целостности. В настоящее время эти вопросы, с учётом геополитической ситуации, приобрели большую актуальность и достигли стратегического значения. Речь идёт о защите от внешних угроз, которые могут привести к катастрофическим последствиям как для людей, так и для окружающей среды. На государственные структуры и бизнес возлагается большая ответственность в сохранении опасных производственных объектов в безопасном и стабильном состоянии. И эта ответственность связана не только с соблюдением требований, предъявляемых к эксплуатации этих объектов.

Российская Федерация, как одна из ведущих держав мира, с каждым днем сталкивается с новыми вызовами в обеспечении безопасности внутри страны. В контексте этих вопросов становится крайне важным совершенствование методов и способов обеспечения безопасности промышленных объектов и предприятий, эксплуатирующих эти объекты, в особенности, ресурсоснабжающих предприятий и объектов жизнеобеспечения.

Само понятие безопасности в России всегда оценивалось по-разному, в зависимости от исследуемой области. В технической литературе безопасность связывается с бесперебойной эксплуатацией технических и технологических устройств, в литературе по вопросам энергоснабжения безопасность оценивают в зависимости от качества поставляемой продукции и ее характеристик [1]. Кроме упомянутых сфер деятельность, существует различное понимание экономической, экологической, информационной безопасности [2]. Это обусловлено спецификой той или иной исследуемой области, разным уровнем возможной опасности, вредных последствий, возникающих при нарушении технологических процессов и технологий и т.д.

С принятием федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, безопасность в целом начали рассматривать как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в различных сферах. Так, реализуя общий подход Российской Федерации к определению понятия безопасности, законодатель оценил промышленную безопасность опасных производственных объектов как состояние защищенности жизненно важных интересов

личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий [3].

Обеспечение промышленной безопасности опасных производственных объектов осуществляется посредством принятия и реализации соответствующего законодательства о промышленной безопасности опасных производственных объектов. Это законодательство состоит из ряда нормативных правовых актов, но основное (главенствующее) место среди них занимает Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».

Помимо указанного закона, требования промышленной безопасности (условия, запреты, ограничения и др. требования) содержатся в других федеральных законах, правовых актах Президента Российской Федерации, нормативных правовых актах Правительства Российской Федерации, а также в Федеральных нормах и правилах в области промышленной безопасности.

Государственный контроль (надзор) в области промышленной безопасности осуществляется Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор). Контрольно-надзорные мероприятия Ростехнадзор проводит в форме документарных, выездных плановых проверок в соответствии с размещенным на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации планом, а также внеплановых проверок (документарных и выездных), проводимых на основании жалоб, обращений и заявлений граждан и организаций. Кроме этого, существуют предприятия, эксплуатирующие опасные производственные объекты I класса опасности, на которых органами Ростехнадзора осуществляется постоянный надзор. Контрольно-надзорная деятельность на таких объектах подразумевает возможность постоянного нахождения инспектора на предприятии и проведение проверочных мероприятий в соответствии с утвержденным графиком. Как мы указывали выше, поддержание должного уровня безопасности на опасных производственных объектах обеспечивается не только соблюдением законодательных требований и связана с человеческими факторами, но и с возможными актами диверсии и терроризма.

Разграничение нарушения требований промышленной безопасности от диверсии и актов терроризма

Статьей 217 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба. Основным объектом преступления по указанной статье выступает общественная безопасность на опасных производственных объектах, до-

полнительным – жизнь и здоровье человека, имущественные интересы граждан, организаций и государства, а также отношения собственности. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 217 УК РФ, выражается в нарушении действующих требований промышленной безопасности опасных производственных объектов. Обязательным признаком объективной стороны преступления является место совершения преступления – опасный производственный объект [4]. По общим правилам субъектом нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов может быть физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Однако применительно к деятельности, осуществляемой на опасных производственных объектах, к субъектам преступления предъявляются дополнительные требования, предусмотренные в отраслевых нормативных правовых актах в области промышленной безопасности. Ярким примером в данном случае является проведение газоопасных работ на объектах газоснабжения, к которым в соответствии с законом допускаются только лица, достигшие 18 лет, прошедшие медицинский осмотр в соответствии с требованиями законодательства и обучение приемам и методам проведения работ. Специальные требования существуют и в других областях промышленной безопасности опасных производственных объектов.

В рамках нашего исследования, субъектом преступления по ст. 217 УК РФ, признается лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и осуществляющее деятельность на опасном производственном объекте, а также отвечающее требованиям, предъявляемым отраслевыми нормами законодательства о промышленной безопасности опасных производственных объектов. Посторонние лица, не обладающие указанными признаками и не осуществляющие деятельность на опасном производственном объекте, не могут рассматриваться как субъект преступления.

Субъективная сторона нарушения требований промышленной безопасности характеризуется только неосторожной формой вины. Следует отметить, что неосторожная форма вины в данном случае устанавливается только по отношению к наступившим последствиям. Вместе с тем, нарушение требований промышленной безопасности отраслевых законодательных норм может осуществляться и умышленно. Например, лицо, ответственное за проведение плановых ремонтных работ на опасном производственном объекте может сознательно (умышленно) не провести эти работы вообще или провести их с нарушением установленного срока. Однако, если речь идет о наступлении последствий, предусмотренных ст. 217 УК РФ, то форма вины всегда неосторожная. Эту специфику и неосторожную форму вины форму вины обязательно надо учитывать при характеристике уголовной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности, в том числе для ее разграничения со смежными и схожими составами преступлений [5].

Так, разграничение террористического акта и нарушения требований промышленной безопасности, имеющих одинаковый объект охраны – общественную безопасность, осуществляется именно по форме вины. Преступление, предусмотренное статьей 205 УК РФ, всегда имеет умышленный характер. При квалификации преступления по указанной статье деяние совершается с определенной целью, например, дестабилизация органов власти или воздействие на принятие ими решений.

При этом нарушение требований промышленной безопасности не имеет цели. При совершении деяния по неосторожности наличие какой-либо цели исключено. Наличие цели, в особенности прямо предусмотренной в уголовном кодексе, свидетельствует об умышленности совершенного деяния.

Помимо общего объекта преступления, терроризм и нарушение требований промышленной безопасности имеют схожие объективные признаки.

Так, местом совершения актов терроризма могут выступать объекты жизнеобеспечения населения, например, газоснабжения или энергоснабжения и т.д. Или места расположения органов государственной власти – здания и сооружения, в которых имеются опасные производственные объекты – сети газоснабжения (котельные для собственных нужд). Совершение взрыва и поджога этих объектов могут иметь своей целью дестабилизацию органов власти.

Террористический акт и диверсия, имеющие схожее диспозитивное содержание состава преступления и характеризующиеся умышленной формой вины, в первую очередь различаются предметом преступления. Так, при совершении террористического акта деяние может быть направлено на различные предметы, при совершении диверсии очевиден ограниченный круг объектов – предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, в отношении которых могут совершаться взрыв, поджог и иные действия, квалифицируемые как диверсия [6].

Второй отличительный признак террористического акта от диверсии состоит в цели совершения деяния. Так, при совершении диверсии цель деяния заключается в подрыве экономической безопасности и (или) обороноспособности государства, при совершении террористического акта – в дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений [7].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Реализация государственной политики в области обеспечения промышленной безопасности опасных производственных объектов осуществляется посредством законодательного регулирования указанной деятельности и осуществления контроль-надзорных мероприятий со стороны государственных органов. Так как наибольшее количество опасных производственных объектов являются объектами

жизнеобеспечения, такие объекты являются предметом преступления иных составов преступления, помимо статьи 217 УК РФ. Здесь речь идет о таких уголовно-наказуемых деяниях, как диверсия и терроризм.

2. Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, терроризм и диверсия имеют общий объект преступления и могут совершаться в одном и том же месте – опасном производственном объекте (на объекте жизнеобеспечения). Критерием разграничения указанных составов преступлений служит форма вины. Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов всегда характеризуется неосторожной формой вины, терроризм и диверсия – умышленной.
3. Критериями разграничения террористического акта от диверсии служат цель совершения деяния и предмет преступления, который при диверсии ограничивается кругом объектов, предусмотренных статьей 281, а при совершении акта терроризма перечень предметов преступления в законе не определен и может быть любым.

Литература

1. Аладышкин И.В., Ефремов С.В. Проблемы безопасности в современном мире техногенных угроз // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 56–67.
2. Восканян Р.О. Влияние экологической ответственности на гудвилл компании // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 1(145). – С. 95–98.
3. Ващенко Т.В. Введение в международный финансовый менеджмент / Р.О. Восканян, Т.В. Ващенко. – М.: Проспект, 2022. – 128 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): УК РФ с учетом последних изменений (Федеральные законы № 401-ФЗ, 419-ФЗ и 420-ФЗ): более 200 статей УК в новой редакции: новые виды наказаний / Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков, А.К. Князькина [и др.]; под ред. Г.А. Есакова. – 4-е изд. – М.: Проспект, 2012. – 544 с.
5. Иванов Н.Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 1. – С. 17–20.
6. Тутуков А.Ю. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии / А.Ю. Тутуков, Л.А. Татаров // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 169–170.
7. Курамшова А.П. Уголовно-правовая квалификация диверсии и ее отграничение от террористического акта / А.П. Курамшова, В.В. Мазий // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, № 5(62). – С. 283–286.

FORMATION OF CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN THE ELEMENTS OF CRIMES OF VIOLATION OF INDUSTRIAL SAFETY REQUIREMENTS AND ACTS OF TERRORISM

Salikhov M.M.
Mosoblgaz

It is difficult to overestimate the relevance of considering issues related to violation of industrial safety requirements of hazardous industrial facilities, acts of terrorism and sabotage. The presence of risks of committing such crimes, taking into account the aggravated geopolitical situation in the world, is quite logical and understandable, and does not require additional justification by statistical data, this is evidenced by the facts of strengthening the security of life support facilities, including hazardous industrial facilities, from external and internal threats, terrorist and sabotage actions, strengthening the protection of crowded places, etc. Today, the main threat to the integrity and sovereignty of the Russian state comes from unfriendly countries, which requires an appropriate response from legislative and executive (law enforcement) bodies of state power to ensure security. In this article, the issues of industrial safety, terrorism and sabotage are considered from the point of view of their criminal-legal characteristics, problems of distinguishing between the specified crimes, clarifying the common and distinctive features of these acts. In addition, the article provides a general description of the violation of industrial safety requirements of hazardous industrial facilities, acts of terrorism and sabotage. In the final part of the study, criteria for distinguishing between the types of crimes under consideration are proposed.

Keywords: industrial safety of hazardous production facilities, industrial safety requirements, sabotage, terrorism, delimitation of crimes, common and distinctive features of crimes.

References

1. Aladyshkin I.V., Efremov S.V. Security issues in the modern world of man-made threats // Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and social sciences. – 2017. – Vol. 8, No. 4. – P. 56–67.
2. Voskanyan R.O. The impact of environmental responsibility on the company's goodwill // Economics and management: scientific and practical journal. – 2019. – No. 1 (145). – P. 95–98.
3. Vaschenko T.V. Introduction to international financial management / R.O. Voskanyan, T.V. Vaschenko. – M.: Prospect, 2022. – 128 p.
4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article): the Criminal Code of the Russian Federation taking into account the latest amendments (Federal Laws No. 401-FZ, 419-FZ and 420-FZ): more than 200 articles of the Criminal Code in the new edition: new types of punishment / Yu.V. Gracheva, G.A. Esakov, A.K. Knyazkina [et al.]; edited by G.A. Esakov. – 4th ed. – M.: Prospect, 2012. – 544 p.
5. Ivanov N.G. Criminalization of a dangerous state of an individual in the modern Criminal Code of the Russian Federation // Russian Justice. – 2017. – No. 1. – P. 17–20.
6. Tutukov A. Yu. Correct qualification of a terrorist act and its distinction from sabotage / A. Yu. Tutukov, L.A. Tatarov // Gaps in Russian Legislation. – 2018. – No. 6. – P. 169–170.
7. Kuramshova A.P. Criminal-legal qualification of sabotage and its distinction from a terrorist act / A.P. Kuramshova, V.V. Mazyu // Bulletin of Science. – 2023. – Vol. 3, No. 5 (62). – P. 283–286.

Степанова Марина Евгеньевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации» Владимирский филиал

Современное общество сталкивается с глобальной угрозой коррупции, рассматриваемой как одно из наиболее значимых и обсуждаемых проблематик. В фокусе внимания представителей государственной власти, законодательных структур и общественных институтов находится обсуждение высоких уровней коррупционных действий, актуализировавшийся в последние годы. Коррупция в России представляет срочную и критическую проблематику, прямо влияющую на вопросы национальной и общественной безопасности, как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности РФ. Академический интерес к феномену коррупции обусловлен необходимостью комплексного осмысления его природы, изучения специфики проявлений и разработки стратегий борьбы для предотвращения будущих инцидентов. К настоящему времени распространение коррупции и связанных с ней незаконных действий затронуло все ступени управленческой иерархии. В контексте России, дела о коррупции продолжают вести список преступлений, фиксируемых правоохранительными органами. Поэтому поиск эффективных методов нейтрализации коррупционных деяний среди государственных служащих и лиц, занимающих управленческие посты в организациях, приобретает особую актуальность. Статья направлена на анализ инструментов борьбы с коррупцией, на примере опыта Соединенных Штатов Америки и Великобритании, обращая внимание на решение этой критически важной проблемы.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, практика за рубежом, исполнительная власть, договоры Организации Объединенных Наций.

Введение

Среди ключевых вызовов, с которыми сталкиваются страны, стремящиеся к демократизации, на первый план выходят задачи эффективной борьбы против коррупции. Действия, носящие коррупционный характер и осуществляемые представителями власти, оказывают прямое негативное влияние на уменьшение доходной части государственного бюджета, ограничение базовых прав и свобод граждан, а также ставят под угрозу общий прогресс и процветание страны.

Для противодействия коррупционным проявлениям в государственных структурах, ответственные сотрудники, занимающиеся надзорными действиями, применяют предупредительные стратегии.

Так же, как и другие обладатели административных полномочий, служащие надзорных органов подвержены риску вовлечения в коррупционные схемы, что может привести к усилению ущерба для государственного и социального благополучия.

Цель исследования

Цель исследования связана с выявлением стратегического аспекта целеполагания, направленных на профилактику и противодействие коррупционной направленности, как в России, так и иных странах мирового сообщества.

Материалы и методы исследования

В современном мире коррупция представляет собой масштабный вызов, требующий координированной работы на международном уровне. В ответ на эту угрозу, государства, вовлечённые в системы Организации Объединённых Наций (ООН) и Совета Европы, разработали и приняли ряд международных нормативных актов. Эти документы направлены на борьбу с коррупционными действиями среди должностных лиц, устанавливая международный правовой механизм их пресечения. Среди наиболее значимых инструментов находятся Конвенция ООН против коррупции 2003 года и Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 года, а также Конвенции Совета Европы 1999 года, касающиеся уголовной ответственности за коррупцию, и 1990 года, о мерах по выявлению и изъятию доходов, полученных незаконным путём.

Эти документы были официально одобрены и введены в действие российской стороной в соответствии с датами: 8 марта 2006 года, 26 апреля 2004 года, 26 июня 2006 года и 28 мая 2001 года.

Российская Федерация одобрила упомянутые документы, что влечет за собой внедрение их норм в российское законодательство. Этот процесс способствует улучшению юридической базы и эффективности мер по борьбе с коррупцией.

В преамбуле антикоррупционных Конвенций подчеркивается, что коррупция негативно сказывается на нейтральности и честности судебной власти, подрывая верховенство права и эффективность правовой системы. Кроме того, она оказывает разрушающее воздействие на стабильность и прозрачность финансовых рынков, умаляет легитимность государственных органов, снижает объемы государственных доходов, а также уровень доверия граждан к правительству, что влияет на успешную реализацию политических и социальных программ.

Результаты исследования и их обсуждение

Коррупция представляет собой преступление, отличающееся высоким уровнем угрозы общественному порядку и благополучию. Часто используемая в качестве инструмента, взятка позволяет обрести разнообразные привилегии, включая, среди прочего, налоговые льготы, и работает как обеспечение при оказании государственных услуг, а также при заключении выгодных государственных контрактов для дарителя взятки [1].

Ранее упомянутые документы международного права целенаправленно направлены на борьбу с коррупционными действиями. Для того, чтобы обеспечить эффективность этих документов, критически важно точно определить, что такое коррупция и как она проявляется.

В определении, приведённом американскими словарными ресурсами, коррупция описывается как процесс, при котором цель заключается в получении незаконной выгоды, противоречащей обязанностям и этике служебного положения. [2]

В актах, одобренных Российской Федерацией и разработанных такими авторитетными организациями как Совет Европы и Организация Объединённых Наций, содержится перечень действий, признаваемых коррупционными. Эти документы служат основой для выработки четкого понимания коррупции. В рамках Конвенции Совета Европы, устанавливающей уголовную ответственность за коррупционные преступления, к таким преступлениям относятся: взяточничество в частном секторе; взятки публичным должностным лицам и другим лицам, отмеченным в тексте Конвенции; нарушения ведения бухгалтерского учета; легализация доходов, полученных преступным путем; использование влияния для личной выгоды.

Через четыре года после принятия Конвенции ООН по борьбе с коррупцией были включены не только указанные преступления, но и акты сокрытия или злоупотребления должностными лицами служебным положением для личной выгоды.

Стратегия, описанная в Конвенции Совета Европы от 1999 года, которая регламентирует введе-

ние гражданско-правовой ответственности за коррупционные деяния, отличается коренным образом. Она классифицирует коррупцию как действия, связанные с подачей или получением предложений, обещаний либо выгод, которые считаются неправомерными. Эти деяния влекут за собой незаконное получение преимуществ или обещание таких преимуществ и ведут к нарушению стандартов должного выполнения вверенных обязанностей.

Анализируя содержание различных международных нормативных документов, становится очевидным отсутствие унифицированного понимания коррупции в рамках международного права. Коррупция, являясь сложным и многоаспектным явлением, демонстрирует разнообразие форм в контексте государственного регулирования, что подчеркивает ее гетерогенную природу.

На территории России наблюдается значительная экспансия коррупции, что подтверждается статистикой, представленной Министерством внутренних дел РФ, Следственным комитетом РФ и Верховным Судом РФ.

Согласно предоставленным статистическим данным, в 2022 году происходило уголовное преследование за деяния, характеризующиеся как коррупционные преступления, в отношении одиннадцати тысяч человек, что на две тысячи больше по сравнению с предшествующим годом, когда фиксировалось девять с половиной тысяч осужденных. В течение первых шести месяцев 2023 года было инициировано расследование по одиннадцати с половиной тысячам случаев коррупции, в результате которых был зафиксирован финансовый урон федеральному бюджету Российской Федерации в размере сорока миллиардов рублей.

Следовательно, необходимо усилить результативность и комплексный подход к предотвращению и борьбе с коррупцией.

В свете вышеуказанного аспекта необходимо провести анализ нормативно-правовой базы, действующей в иностранных странах, и выявить перспективы для интеграции подходящих законодательных норм в правовую систему Российской Федерации.

В странах наподобие Великобритании и США по сравнению с Россией наблюдается более обширная история борьбы с коррупцией, обусловленная длительным периодом её развития.

В Соединённых Штатах Америки с 1977 года функционирует Закон о борьбе с коррупцией за рубежом (FCPA), устанавливающий нормы и ограничения по предотвращению коррупционных действий в международном бизнесе.

Ратификация этого законодательного акта заложила фундамент для эффективной борьбы с коррупцией не только на территории США, но и среди передовых стран мира, причисляемых к разряду развитых.

Прежде практика обмена государственными предпочтениями через взаимную услугу и взяточничество воспринималась как стандартное явление

ние, отмеченное общим признанием и распространением.

В документе содержится раздел, касающийся борьбы с коррупцией, устанавливающий запрещение для индивидов, корпораций, и американских эмитентов ценных бумаг, на дачу или обещание дачи взятки иностранным государственным работникам в интересах удержания или приобретения бизнеса.

В 2002 году американское антикоррупционное законодательство получило важное дополнение в виде Закона Сарбейнза-Оксли, который значительно ужесточил нормы, касающиеся подготовки финансовой отчетности корпорациями.

Таким образом, произошло усиление положений Закона о борьбе с коррупцией за рубежом (FCPA) касательно аспектов внутреннего контроля и бухгалтерии. Законодательство теперь требует от американских эмитентов внедрения эффективных механизмов внутреннего контроля, ведения аккуратного бухгалтерского учета с обеспечением должной глубины раскрытия информации по транзакциям.

Изучая содержание Закона США «О борьбе с коррупцией за рубежом», важно выделить в его структуре несколько ключевых разделов.

Так, он включает положения, препятствующие действиям по коррупции в отношении официальных лиц за пределами США.

Указанные в этом разделе положения вводят запрет на передачу или обещание передать имущество любого типа иностранным государственным служащим, если цель этих действий – незаконное получение преференций, удержание или налаживание коммерческой деятельности.

Второй раздел охватывает нормы, касающиеся подготовки и подачи корпоративной бухгалтерской отчетности, а также устанавливает процедуры аудиторских проверок внутри финансовых институтов.

Положения Закона США о борьбе с коррупцией за рубежом касаются коррупционных действий, совершенных в отношении иностранных должностных лиц правонарушителями.

Под должностными лицами иностранных государств понимают, как сотрудников исполнительных, законодательных и судебных органов иностранных стран, так и индивидов, работающих в международных учреждениях.

Установлена ответственность за передачу активов посредниками, агентами официальных лиц.

Антикоррупционное законодательство США отличается расширенным толкованием понятия «должностное лицо» по сравнению с аналогичными нормативными актами внутреннего права.

Антикоррупционное законодательство 2008 года запрещает передачу средств лицам, осуществляющим государственные функции, включая чиновников государственных учреждений.

Введено ограничение на выделение ресурсов субъектам, действующим в качестве работников и управленцев, включая директоров и менедже-

ров, занятых в организациях под государственным регулированием или находящихся в государственной собственности, в том числе в коммерческих секторах, а также в различных учреждениях. Это охватывает широкий спектр сфер деятельности, таких как образовательные учреждения, здравоохранение, промышленность и финансовые институты, где есть доля государственного владения или интереса.

Важно подчеркнуть, что акт охватывает не только передачу имущества или финансовых активов должностным лицам, но и включает в себя обещание осуществления аналогичных действий.

Заключение

Таким образом, предпосылки для инициирования коррупционного дела существуют не только при доказательстве передачи взятки, но и в ситуации, когда имело место лишь обещание ее передачи, даже без реализации данного действия. Это контрастирует с принципами национального законодательства, в рамках которого санкции применяются исключительно за осуществленные противоправные акты.

Важно подчеркнуть, что в законодательстве США нет установленного минимального размера услуг, товаров или финансовых активов, предоставляемых государственному служащему.

В России предоставление подарков государственным служащим, чей стоимостной предел не превышает 3000 рублей, не классифицируется как акт коррупции.

В этом контексте кажется важным принимать во внимание опыт других стран, которые ввели запрет для государственных служащих на получение каких-либо преимуществ.

Таким образом, усилится обязательство представителей власти перед страной и населением. Исчезнет необходимость предъявлять взятку должностному лицу за осуществление юридически обязательных действий.

Важно подчеркнуть, что в рамках антикоррупционного законодательства Соединенных Штатов Америки незаконными считаются исключительно те финансовые транзакции, которые осуществляются с определенной целью – в частности, для незаконного получения привилегий, удержания бизнес-интересов в своих или чужих руках, а также для оказания влияния на решения, принимаемые получателем в рамках его официальных полномочий.

Обязательные платежи, включая таможенные пошлины, сборы и налоговые отчисления, установленные законодательством, не являются коррупционными из-за их очевидной законной основы.

Положения по верификации документации и регуляции работы финансовых институтов, включая требования по контролю, как указано в Законе о борьбе с коррупцией за рубежом (FCPA) и Законе Сарбейнза-Оксли, представляются обоснованными.

Регулирующие агентства получают подробную информацию о действиях банков и других финансовых институтов, эффективно обнаруживают правонарушения и осуществляют следственные мероприятия при наличии продуманных механизмов учета операций и аудиторских систем.

Компании стремятся вовремя представлять регулирующим органам полный набор данных о своей работе, чтобы предотвратить коррупционные действия со стороны персонала и избежать государственных санкций.

Стоит подчеркнуть, что эффективный мониторинг деятельности юридических лиц способствует обнаружению и предотвращению коррупционных проступков. Требуется исследовать подходы и практики надзорных институтов США для последующей модификации и интеграции в контрольные механизмы РФ.

В США законодательство строго регламентирует ответственность за коррупционные преступления, устанавливая жесткие санкции.

Компании, осуществляющие противоправную деятельность, подвергаются санкциям с экономическим ущербом, доходящим до множества миллионов долларов. Лица, уличенные в коррупции, сталкиваются с уголовной ответственностью, вплоть до лишения свободы.

Вдобавок, для юридических лиц реализуется предотвращение коррупционных действий. Организации обязаны формировать внутрикорпоративные отделы внутреннего аудита, подотчетные государственным органам.

В рамках Закона о борьбе с коррупцией за рубежом (FCPA), индивидуальные нарушители могут столкнуться с монетарными санкциями до 5 миллионов долларов США, тогда как для юридических лиц предусмотрены штрафы до 25 миллионов долларов США. Дополнительно, за коррупционные деяния предусмотрено уголовное наказание для физических лиц, которое может включать лишение свободы на период до 20 лет.

В рамках российского уголовного права, за получение взятки чиновником предусмотрены различные виды наказания. В соответствии с Уголовным кодексом РФ, такое преступление может влечь за собой лишение свободы на период до пятнадцати лет или взыскание финансового штрафа до пяти миллионов рублей.

В статье 19.28 Кодекса об административных правонарушениях РФ установлена юридическая ответственность за предоставление незаконного вознаграждения вида крупной суммы (сверх 20 миллионов рублей) от лица юридических структур. Санкции включают изъятие активов и начисление административного штрафа в размере до ста эквивалентов стоимости имущества или денежных активов, но не менее 100 миллионов рублей. Эти меры направлены на мотивацию соблюдения законодательства и акцентируют внимание на важности тщательного выбора кандидатов для ключевых позиций в организации.

Таким образом, величина штрафных мер против корпораций в Российской Федерации, по сравнению с Соединенными Штатами Америки, характеризуется меньшей суровостью.

Американский опыт ценен для адаптации и применения в национальных реалиях. [1]

Великобритания приняла стратегические меры против коррупции, осуществив это через введение Закона «О борьбе с взяточничеством» в 2011 году (UKBA), который заместил устаревшую антикоррупционную законодательную базу. Этот акт значительно усилил возможности британских властей в пресечении коррупционных действий за рубежом благодаря его экстерриториальному применению. По сути, он требует от всех компаний, вне зависимости от места совершения коррупционных действий, активно противодействовать взяточничеству, если они имеют деловые связи с Великобританией. Невыполнение этих требований рассматривается как преступление. Схожие положения содержатся в законодательстве США, что подчеркивает глобальный тренд в области законодательной борьбы с коррупцией. В контексте России актуально заимствование подобной практики для укрепления Федерального закона «О противодействии коррупции», предусматривая создание эффективной системы предотвращения коррупционных проявлений в бизнесе. Указанные положения предписывают формирование в организациях отдельных структур для профилактики коррупции, существенно укрепляя корпоративную этику и ответственность. Это включает в себя предотвращение любых форм недопустимого материального стимулирования, что является частью общего национального подхода к соблюдению антикоррупционных норм. Пример Великобритании и адаптация опыта США, как например через Закон Сарбанса-Оксли, иллюстрирует стремление к прозрачности деятельности организаций и формирование системы внутреннего контроля, которые становятся ключевыми элементами эффективной борьбы с коррупцией. Так, в развитых странах акцент делается на всестороннюю профилактику коррупции и культуру нулевой толерантности к ней как в бизнесе, так и в обществе в целом. В России также наблюдается постепенное включение международного опыта в свою антикоррупционную стратегию, на что указывает «Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 годы», обозначая приоритеты и направления для усиления борьбы с коррупцией на национальном уровне.

Ключевыми целями правительства в области борьбы с коррупцией, как определено в Национальной стратегии, являются:

1) Улучшение мер по борьбе с коррупцией в структурах федерального уровня и органах власти регионов России, усиление активности специализированных подразделений государственных структур федерального и регионального уровней в предотвращении коррупционных правонарушений, а также укрепление работы комитетов по со-

гласованию антикоррупционных усилий на территории субъектов РФ.

2) Усиление результативности мероприятий по борьбе с коррупцией в процессе закупочной деятельности на государственном и муниципальном уровнях для покрытия нужд в товарах, работах и услугах.

3) Расширение воздействия этических стандартов и моральных принципов на деятельность чиновников, занимающих должности в государственных органах Российской Федерации, органах власти регионов, а также в муниципальных структурах, включая должностные обязанности в рамках государственной и муниципальной службы, в целях обеспечения соблюдения законодательных запретов, ограничений и требований, направленных на борьбу с коррупционными проявлениями.

4) Усиление действенности информационных и агитационных, а также образовательных инициатив, целью которых является формирование в социуме категорического неприятия коррупционных действий. [4]

Следовательно, наблюдается четкая концепция борьбы с коррупционными процессами на различных ступенях властных структур, акцентируя на том, что коррупция тесно интегрировалась в механизм государственного регулирования в России. Однако усилия существующих сил правопорядка, обладающих специфическими полномочиями для противодействия коррупции, оказываются недостаточными для её коренного устранения. Поэтому возникает необходимость в создании выделенных структур (агентств, комитетов, секций) для борьбы с коррупцией на разных уровнях государственного и муниципального управления, где такие механизмы ещё не налажены. Это обеспечит более мощное влияние на проводимую политику по борьбе с коррупцией и позволит эффективнее осуществлять принимаемые законодательные инициативы. Вдобавок, актуально обсудить на федеральном уровне принятие законодательного акта, который бы наладил координацию между органами, специализирующимися на противодействии коррупции в Российской Федерации.

Литература

1. Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147) Кузякин С.В. Борьба с коррупцией на уровне местного самоуправления // Юридический форум. – 2019. – С. 100–105.
2. Поляков, М.М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № . 9. – С. 109–115.
3. Логинов, Е.А. Некоторые проблемы определения таможенной стоимости товаров в условиях ЕАЭС // Вестник Московского гуманитарно-

экономического института. – 2019. – № . 1. – С. 48–52.

4. Логинов, Е.А. Проблемы взаимодействия таможенных органов в сфере уголовно-правовой политики в условиях Евразийского экономического союза // Вестник Академии права и управления. – 2019. – № . 49. – С. 39–43.
5. Лабин, Д. К., Соловьева, А. В. О месте международного инвестиционного права в системе международного права // Московский журнал международного права. – 2018. – № . 3. – С. 40–51.
6. Симонова, А.Е. Вопросы эффективности организации объединенных наций в отношении современных угроз миру // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № . 14–2. – С. 139–140.
7. Симонова, А.Е. Становление механизма защиты прав и свобод человека Европейским Судом по правам человека // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № . 3.
8. Шарова, С.А., Уивер К.С., Брегман Р., Коллини Г.С. Антикоррупционное регулирование в России и США // Закон. – 2015. № 5.
9. Мартышенко, С.Н. Концептуальные модели управления качеством жизни. Аналитический обзор // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 80–92.

REGARDING MEASURES AGAINST CORRUPTION, A COMPARATIVE STUDY

Stepanova M.E.

Russian Academy of Public Administration and National Economy under the President of the Russian Federation; Vladimir Branch

In the present day, corrupt practices and associated illicit activities have permeated every echelon of governance. In Russia, offenses related to corruption continue to dominate the crime statistics reported by legal authorities. Thus, the challenges in identifying robust methods for fighting corruption the strategies employed by officials and corporate governance issues gain increasing importance. This article thoroughly examines these critical topics through the lens of comprehensive analysis. The experiences of the USA and the UK. Corruption is a pervasive issue, undermining government integrity across the globe. Efforts to combat this phenomenon, known as anti-corruption measures, draw significantly from global experiences. These efforts include the enforcement of laws and policies designed to prevent the abuse of state power for personal gain. International cooperation plays a crucial role, exemplified by adherence to UN conventions, which provide a framework for countries to align their anti-corruption strategies, enhancing the effectiveness of domestic efforts by leveraging collective global experience and standards.

Keywords: corruption, anti-corruption, practice abroad, executive branch, United Nations treaties.

References

1. National Anti-Corruption Plan for 2016–2017 (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated April 1, 2016, No. 147) Kuzyakin S.V. Fight against corruption at the local government level // Legal Forum. – 2019. – P. 100–105.
2. Polyakov, M.M. Administrative and legal regulation of combating corruption in public administration // Current problems of Russian law. – 2017. – No. 9. – P. 109–115.
3. Loginov, E.A. Some problems of determining the customs value of goods in the context of the EAEU // Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. – 2019. – No. 1. – P. 48–52.

4. Loginov, E.A. Problems of interaction of customs authorities in the sphere of criminal law policy in the context of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2019. – No. 49. – P. 39–43.
5. Labin, D. K., Solovieva, A.V. On the place of international investment law in the system of international law // Moscow Journal of International Law. – 2018. – No. 3. – P. 40–51.
6. Simonova, A.E. Issues of the effectiveness of the United Nations in relation to modern threats to peace // Current problems of combating crimes and other offenses. – 2016. – No. 14–2. – P. 139–140.
7. Simonova, A.E. Formation of the mechanism for protecting human rights and freedoms by the European Court of Human Rights // Bulletin of Economic Security. – 2018. – No. 3.
8. Sharova, S. A., Weaver K.S., Bregman R., Collini G.S. Anti-corruption regulation in Russia and the USA // Law. – 2015. No. 5.
9. Martyshenko, S.N. Conceptual models of quality of life management. Analytical review // Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. 2021. No. 2. P. 80–92.

Проблемы квалификации общественно опасных деяний, совершенных лицами в состоянии невменяемости

Бояндина Валерия Вячеславовна,

студент, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: v.boyandina@g.nsu.ru

Сыровацкая Юлия Евгеньевна.

студент, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: syrovatskaya.ru@yandex.ru

Авторы ставят перед собой цель провести анализ особенностей правовой квалификации общественно опасных деяний, совершенных лицами, признанными невменяемыми. Методологической основой исследования выступают формально-юридический, историко-правовой методы. Рассматриваются ключевые аспекты установления субъективной стороны деяния, совершенного в состоянии невменяемости, с акцентом на отсутствие вины и недопустимость объективного вменения. Авторы обращают внимание на позиции ученых и судебной практики, включая правовые позиции Верховного Суда РФ, которые указывают на необходимость учета объективных признаков содеянного, а не субъективных характеристик лица, страдающего болезненным состоянием психики. Определяются сложности квалификации деяний, где субъективная сторона содержит факультативные признаки, такие как мотивы, цели, заведомость, а также случаи, связанные с участием невменяемых в совместных действиях с вменяемыми лицами. Предлагаются подходы к правовой оценке действий невменяемых лиц по объективным признакам.

Ключевые слова: невменяемость; общественно опасное деяние; фактический характер; квалификация; болезненное состояние психики; действие; объективные признаки.

Согласно положениям уголовного законодательства, деяние, совершённое лицом в состоянии невменяемости, не признаётся преступлением, так как оно не содержит всех обязательных элементов состава преступления. В частности, отсутствуют такие ключевые составляющие, как субъект и субъективная сторона.

Невменяемое лицо не может рассматриваться как субъект уголовной ответственности, поскольку в его действиях отсутствует элемент вины. В соответствии со статьей 5 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), объективное вменение исключается. Этот подход поддерживали такие учёные, как А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков, которые подчёркивали, что лица в состоянии невменяемости неспособны действовать ни с умыслом, ни по неосторожности, как это понимается в рамках уголовного права. Поскольку вина отсутствует, суд в подобных случаях не выносит приговор, а принимает иное судебное решение – определение [6].

Примечательно, что статья 434 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает особый порядок рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, признанных невменяемыми. В таких случаях круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, отличается от стандартного перечня, предусмотренного статьёй 73 УПК РФ. В частности, нет необходимости доказывать виновность лица, его умысел, неосторожность или мотивы совершённого действия. Этот процессуальный подход ещё раз подчёркивает отсутствие субъективной стороны в действиях лиц, находящихся под воздействием психических расстройств.

Примечательно, что некоторые исследователи в области уголовного права считают, что деяние, совершенное невменяемым, объединяет в себе элементы как объективного, так и субъективного характера. Например, Д.А. Кузьмин отмечает, что состав такого деяния обладает необычностью и «заключается в особой взаимосвязи между внешними проявлениями деяния и психической деятельностью лица с психическим расстройством, которая формирует субъективную сторону общественно опасного деяния» [4]. Ученый также указывает, что невозможно объяснить «внутреннюю» сторону действий лица с психическим заболеванием через традиционные категории состава преступления, такие как «вина», «цель» или «мотив». В этой связи он предлагает рассматривать субъективную сторону действий невменяемого как «искаженное представление о последствиях своего опасного поведения (активного или пассивного)».

В связи с указанными особенностями субъективной стороны поступка, совершенного лицом в состоянии невменяемости, на практике возникают трудности с его юридической квалификацией.

К сожалению, в правоприменительной практике отсутствует единый подход к юридической оценке действий или бездействия лиц, находящихся в состоянии невменяемости. Анализ судебной практики и научных доктрин представителей уголовного права позволяет выделить два основных подхода.

Согласно первому мнению, поддерживаемому такими учеными, как Гарбатович Д.А., Ленюский А.А., и Харченко А.О., квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне преступления, включая специальные мотивы, цели и признак «заведомости», не могут учитываться при квалификации опасного действия невменяемого, если установлено наличие интеллектуального и волевого критериев невменяемости. Иными словами, если лицо не осознавало фактический характер и опасность для общества своих действия или бездействия и не могло ими руководить, то содеянное подлежит квалификации исключительно на основе объективных признаков, предусмотренных нормой Особенной части УК РФ, то есть по фактически выполненным действиям и наступившим последствиям [1].

Также важно учитывать случаи, когда лицо осознавало фактический характер и общественную опасность своих действий, но не могло ими управлять из-за болезненного состояния психики. В ситуациях, где нарушен только волевой компонент юридического критерия невменяемости, Д.А. Гарбатович предлагает анализировать содеянное не только с точки зрения объективной стороны деяния, но и с позиции объекта. Это предполагает выяснение того, какие общественно опасные действия и последствия стали результатом «болезненного влечения» лица, а также в какой мере воля невменяемого нашла выражение в соответствующих объективных действиях [1].

Согласно второй точке зрения факультативные признаки субъективной стороны преступления, выступающие в качестве составообразующих, не препятствуют оценке действий невменяемого в рамках уголовного закона [5]. Например, суд кассационной инстанции пришел к выводу, что мужчина, пребывавший в состоянии невменяемости, нанес побои потерпевшей из хулиганских побуждений (ст. 116 УК РФ). Адвокат обвиняемого настаивал на том, что признание его подзащитного невменяемым исключает возможность наличия умысла, мотива или цели, следовательно, в действиях обвиняемого отсутствует хулиганский мотив, и содеянное должно рассматриваться как административное правонарушение. Однако суд отверг доводы защиты, указав, что при анализе общественно опасного деяния учитываются не мотивы, а только признаки деяния, которые исходят из конкретных обстоятельств дела (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2021 № 77–502/2021).

Следует отметить, что позиция, выраженная Гарбатовичем Д.А., Ленюским А.А., Харченко А.О., заслуживает поддержки. Согласно их точке зрения, действия или бездействие лица, признанного невменяемым, должны квалифицироваться исключительно на основе объективных признаков, если одновременно выявлены интеллектуальный и волевой компоненты невменяемости. Хотя поведение такого лица может быть мотивировано и иметь определенные цели, они понятны лишь самому лицу под влиянием его психического расстройства. Однако подобные «мотивы» и «цели» не эквивалентны уголовно-правовым элементам субъективной стороны общественно опасного деяния. Лицо, которое не осознает противоправный характер своих действий и не способно управлять ими, не может руководствоваться четко определенными побуждениями, формировать идеальную модель ожидаемого результата или осознавать, например, ложность распространяемых сведений или особые характеристики потерпевшего (такие как беременность, беспомощное состояние и т.д.).

В уголовно-правовой науке продолжают дискуссии о тонкостях квалификации действий невменяемого, участвующего в совершении преступления вместе с другими лицами. Если обратиться к историческому контексту, то в советский период уголовного права наличие признака «преступной группы» признавалось даже тогда, когда один из участников был невменяемым или не достиг возраста уголовной ответственности. Однако современная практика пошла по иному пути: Верховный Суд Российской Федерации уточнил, что понятие группы лиц предполагает участие как минимум двух соисполнителей, каждый из которых соответствует критериям субъекта преступления, предусмотренным статьей 19 УК РФ [2].

Лебедев В.М. подчеркивает, что правовая оценка действий или бездействия пары участников, один из которых невменяем, во многом определяется тем, кто из них выполняет объективную сторону деяния [3]. Верховный Суд придерживается позиции, что использование невменяемого лица для совершения преступления не образует соучастия, а в юридической доктрине это называется «посредственным исполнением». В таких случаях действия вменяемого участника квалифицируются по первой части соответствующей статьи УК РФ.

Если же объективную сторону преступления выполняют совместно как вменяемый, так и невменяемый, то совершенное действие рассматривается как преступление, совершенное группой лиц без предварительного сговора. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях отмечает, что, поскольку законодатель не устанавливает признака «группы лиц» для ряда составов преступлений, такие действия должны квалифицироваться по первой части соответствующей статьи УК РФ, если отсутствуют иные квалифицирующие признаки. Тем не менее, при вынесении приговора суд может учитывать факт совершения преступления группой лиц без

предварительного сговора какотягчающее обстоятельство, основываясь на пункте «в» части первой статьи 63 УК РФ.

Таким образом, Верховный Суд занял «компромиссную» позицию, исключая возможность признания предварительного сговора, если одно из действующих лиц является невменяемым. Это объясняется тем, что невменяемый, в силу своего психического состояния, не способен к осознанному соглашению в рамках преступного плана. Такое толкование фактически создает юридическую фикцию: невменяемые лица не могут вступить в сговор в том смысле, который вкладывается в это понятие уголовным законом [2].

Тем не менее, позиция Верховного Суда РФ подвергается критике среди ряда экспертов в области уголовного права, в том числе и Клепицкого И.А. Они отмечают, что если факт участия невменяемого лица в преступлении допускается как основание для формирования «простой» группы лиц, то это не должно препятствовать квалификации действий вменяемых участников как совершённых группой лиц по предварительному сговору или даже в рамках организованной группы. Аргументы Клепицкого И.А. заключаются в том, что подобная квалификация не нарушает прав невменяемых, так как их освобождение от уголовной ответственности остаётся неизменным. Однако вменяемые соучастники, действовавшие в условиях предварительного сговора, должны нести ответственность в полном объёме, что включает применение более строгих мер наказания. Такой подход, как утверждают специалисты, обеспечивает баланс между юридической справедливостью и индивидуальной ответственностью [2].

Следует заключить, что позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно невозможности наличия предварительного сговора в случае, когда одно из участвующих лиц обладает признаками невменяемости, является обоснованной. Этот вывод логически вытекает из буквального толкования ч. 2 ст. 35 УК РФ, согласно которой для формирования группы лиц по предварительному сговору требуется наличие договоренности между участниками. Такая договоренность предполагает согласование воли сторон относительно, во-первых, совместного участия, и, во-вторых, выполнения действий или бездействия, которые, что важно, имеют общественно опасный и уголовно наказуемый характер. Невменяемое лицо, ввиду особенностей своего психического состояния, не способно осознать фактическую природу и общественную опасность своих действий и, соответственно, не может выразить волю на участие в совершении именно преступления. Вместе с тем, деяния, совершённые невменяемым совместно с вменяемым лицом, подлежат юридической оценке по объективным признакам: наличие двух или более исполнителей означает, что преступление было совершено «простой» группой лиц.

Итак, подводя итог сказанному, можно заключить, что общественно опасные действия или без-

действие, совершённые невменяемыми лицами, должны квалифицироваться исходя из объективных признаков. Во-первых, если у лица выявлены как интеллектуальный, так и волевой моменты невменяемости, содеянное следует оценивать исключительно по фактически совершённым действиям и наступившим общественно опасным последствиям, соответствующим нормам УК РФ. Во-вторых, если установлено лишь наличие волевого момента невменяемости, то квалификация должна учитывать не только объективную сторону деяния, но и его объект, чтобы дать более полную юридическую оценку.

Кроме того, если преступление было совершено вменяемым лицом с использованием лица, признанного невменяемым, то первое лицо рассматривается как посредственный исполнитель. В ситуациях, когда невменяемое лицо и субъект преступления совместно реализуют объективную сторону общественно опасного деяния, их действия целесообразно оценивать как содеянное группой лиц, но без предварительного сговора.

Литература

1. Гарбатович Д.А. Некоторые вопросы квалификации общественно опасных деяний невменяемых // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2016. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-obschestvenno-opasnyh-deyaniy-nevmenyaemyh> (дата обращения: 23.11.2024).
2. Клепицкий И.А. Участие невменяемого в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 2 (135). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-nevmenyaemogo-v-sovershenii-prestupleniya> (дата обращения: 23.11.2024).
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В.М. Лебедев [и др.]. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 316 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/537678> (дата обращения: 21.11.2024).
4. Кузьмин Д.А. Уголовно-правовые проблемы совершения общественно опасных деяний в состоянии невменяемости и аффекта: автореф. дис. ... кан. юрид. наук. Ставрополь, 2015. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002945289> (дата обращения: 09.11.2024).
5. Ленюский А.А. Юридическая оценка действий невменяемых лиц по субъективным признакам / А.А. Ленюский, А.О. Харченко // Уголовный процесс. – 2024. – № 7. – URL: <https://e.ugpr.ru/1091837> (дата обращения: 23.11.2024).
6. Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. А.Н. Игнатова и д.ю.н., проф. Ю.А. Красикова. – Т. 1: Общая часть. – М.: Норма, 2005. – 592 с. – URL: <https://djuv.online/file/nsuECZ6l6qG60> (дата обращения: 09.11.2024).

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS COMMITTED BY PERSONS IN A STATE OF INSANITY

Boyandina V.V., Syrovatskaya Yu.E.
Novosibirsk State University

The authors aim to analyze the features of the legal qualification of socially dangerous acts committed by persons recognized as insane. The methodological basis of the research is the formal legal, historical and legal methods. The key aspects of establishing the subjective side of an act committed in a state of insanity are considered, with an emphasis on the absence of guilt and the inadmissibility of objective imputation. The authors draw attention to the positions of scientists and judicial practice, including the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, which indicate the need to take into account objective signs of what was done, and not the subjective characteristics of a person suffering from a painful mental state. The difficulties of qualifying acts are determined, where the subjective side contains optional features such as motives, goals, knowledge, as well as cases involving the participation of the insane in joint actions with sane persons. Approaches to the legal assessment of the actions of insane persons on objective grounds are proposed.

Keywords: insanity; socially dangerous act; factual character; qualification; mental illness; action; objective signs.

References

1. Garbatovich D.A. Some issues of qualification of socially dangerous acts of the insane // Bulletin of SUSU. Series: Law. – 2016. – No.1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-obschestvenno-opasnyh-deyaniy-nemnyaemyh> (date of appeal: 11/23/2024).
2. Klepitsky I.A. Participation of an insane person in the commission of a crime // Current problems of Russian law. – 2022. – № 2 (135). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-nemnyaemogo-v-sovershenii-prestupleniya> (date of application: 11/23/2024).
3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation in 4 vols. Volume 1. General part / V.M. Lebedev [et al.]. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 316 p. // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/537678> (date of appeal: 11/21/2024).
4. Kuzmin D.A. Criminal law problems of committing socially dangerous acts in a state of insanity and affect: abstract of the dissertation ... kan. Jurid. sciences'. Stavropol, 2015. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002945289> (date of application: 11/19/2024).
5. Lenyusky A.A. Legal assessment of the actions of insane persons on subjective grounds / A.A. Lenyusky, A.O. Kharchenko // Criminal trial. – 2024. – No.7. – URL: <https://e.ugpr.ru/1091837> (date of reference: 11/23/2024).
6. Criminal law of Russia: Textbook for universities: In 2 vols. / Edited by Doctor of Law, Professor A.N. Ignatov and Doctor of Law, professor Yu.A. Krasikov. – Vol. 1: General part. – M.: Norm, 2005. – 592 p. – URL: <https://djvu.online/file/nsuECZ616qG60> (date of access: 11/19/2024).

Тарасова Анастасия Андреевна,

аспирант 1 курса ТюмГУ, адвокат НО «Тюменская областная коллегия адвокатов»

E-mail: nasta-tarasova93@mail.ru

На протяжении всей истории уголовного процесса России, специальные знания являлись его неотъемлемой частью. Они прошли долгий путь развития до законодательного закрепления и права являться самостоятельными доказательствами по делу. В статье показано становление института специальных знаний, выделены формы их использования. В ходе исследования применены следующие методы: исторический, сравнение, анализ, аналитический. Настоящим исследованием поставлена задача изучить историческое развитие специальных знаний, их формы и дальнейшие пути развития. Результатом исследования является аналитическое описание развития института специальных знаний с 16 века до настоящего времени, выделение форм специальных знаний, обозначение существующих проблем их использования.

Ключевые слова: сведущие люди (лица), специальные знания, эксперт, специалист, формы специальных знаний, процессуальная форма.

Введение

Специальные знания в уголовном процессе – это обширное и интересное явление. Возможность их применения не ограничена только назначением судебной экспертизы. Востребованность использования различных видов специальных знаний отмечается еще в дореволюционной России, когда понятия эксперт и специалист не имели законодательного закрепления. На сегодняшний день специальные знания не остановили своё развитие, и на наш взгляд, такое развитие заслуживает законодательного отражения в нормах УПК РФ.

Методы

В качестве методов использованы: исторический и описательный методы для изучения становления специальных знаний в России; сравнительный метод для сопоставления законодательных актов, регулирующих процесс уголовного судопроизводства; анализ и синтез использованы для установления форм использования специальных знаний, аналитический метод для формирования итоговых выводов.

Литературный обзор

В статье использовались научные труды Л.Е. Владимирова, И.А. Галаган, Р.А. Гариповой, И.Ф. Крылова, А.В. Кудрявцевой, Е.Г. Лукьяновой, Н.А. Огнерубова, Ю.К. Орлова, М.А. Родионовой, Р.Д. Рахунова.

Формирование института специальных знаний в России берет своё начало в 16 века, когда в ходе судебного разбирательства сведущие лица проводили осмотры документов в целях установления их подлинности. Путем простейших манипуляций исследовались почерки, подписи на основании чего определялась их принадлежность конкретному лицу. [7] Также в указанный период времени широко использовались познания в области медицины.

Ученые отмечают, что первое производство судебной экспертизы зафиксировано в 1535 году в ходе освидетельствования князя Андрея Ставицкого «по подозрению в притворной болезни». [4]

Вместе с тем, в 16 веке, понятия «специальные знания» и «сведущие лица» не входили в свод законов Русского царства, отсутствовало какое-либо законодательное регулирование их использования.

Спорный момент в части начала регулирования порядка использования специальных знаний вызывает Указ 1699 года «О порядке исследования подписей на крепостных актах».

Н.А. Огнерубов полагает, что Указ 1699 года устанавливает государственную регламентацию судебной экспертизы, из которого следует, что объектами исследования являются исключительно крепостные акты, а в качестве сведущих лиц могут выступать приказные дьяки и подьячие.

И.Ф. Крылов пишет, что рассматриваемый указ являлся актом разрешения конкретного спора по делу князя Трубецкого и что именно по этому, конкретному случаю, указ и определяет объекты исследования и лиц, которые могут выступить в качестве сведущих.

Полагаем, что несмотря на спорный характер регламентирования экспертизы, Указ 1699 года положил начало формированию порядка использования специальных знаний.

Согласованная позиция ученых прослеживается в отношении Воинского артикула Петра 1 принятого в 1715 г. Нет явным споров в том, что артикул регламентировал порядок проведения вскрытия для установления причины смерти. В этом документе впервые появилось законодательное закрепление проведения медицинской судебной экспертизы.

Обособленное упоминание о специальных знаниях указано в Своде законов Российской Империи 1832 г., которым предусматривалось правило привлечения сведущих лиц в случаях, когда установление события требовало наличие «особых сведений или опытности в какой-либо науке, искусстве или ремесле». Вместе с тем, первое определение этому понятию было дано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года.

В ст. 112 Устава 1864 г. под сведущими людьми понимались лица, которые имели опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. Статья 113 Устава гласила, что количество вреда и убытков определяется по представленным доказательствам или же по заслушиванию сведущих людей.

Устав 1864 г. не включал в себя таких понятий как эксперт, специалист, а соответственно и разновидности форм участия сведущих лиц не предусматривал.

В тоже время, ученые 19–20 веков отслеживали тонкости работы сведущих людей и описывали два различных вида их участия в уголовном процессе, которые в последствии обрели форму использования специальных знаний в виде участия специалиста и эксперта.

Л.Е. Владимиров [1] в начале 20 века писал работы, в которых разделял понятие «сведущие люди» на судебно – медицинских экспертов, экспертов психиатров (которых также называл научными судьями) и лиц, которые дают свои суждения на основании опытности, ремесла, промысла (справочные свидетели).

Поскольку Устав 1864 года не раскрывал понятие экспертизы, в науке не было единого понимания того, к какой юридической категорией оно относится: является ли экспертиза самостоятельным доказательством (Н.Н. Розин), является ли она

разновидностью осмотра (В.Д. Спасович) или же представляет собой особый вид свидетельских показаний (К.В. Шавров).

Уголовный кодекс РСФСР 1923 года разрешил этот вопрос в статье 58 и определил заключение эксперта в качестве доказательства. В тоже время, эксперт становится единственным сведущим лицом, специальные знания которого допускаются в качестве доказательства, а специалист в УК РСФСР 1923 года не предусмотрен.

Мы полагаем, что УК РСФСР 1923 года, наделив функциями специальных знаний только эксперта, сократил круг сведущих лиц, которых следственные и судебные органы могут привлечь для разрешения вопросов в области науки, искусства и ремесла. Это обусловлено отсутствием в УК РСФСР 1923 года процессуального права на участие специалиста и получение его заключения в качестве доказательства.

Вместе с тем, Инструкция народным следователям при производстве предварительного следствия, утвержденная НКЮ РСФСР в 1920 г., предусматривала возможность следователя обращаться за разъяснениями сведущих лиц – специалистов в области медицины, техники, экономики и т.д. Инструкция, фактически, шла в разрез с положениями УК РСФСР 1923 года в котором фигурировал только эксперт, а значит только его специальные знания могли быть расценены судом в качестве надлежащего доказательства по делу.

Состояние процессуальной неопределённости роли специалиста сохранялось продолжительное время и перешло в УПК РСФСР 1960 года.

Анализ научной литературы о развитии специальных знаний в 20 века подчеркивает законодательную коллизию отсутствия процессуального права следователя на привлечение специалиста.

Р.А. Гарипова[3] приводит весомый довод из личной практики на примере краже икон, когда следователь фактически лишен возможности воспользоваться специальными знаниями работника музея для проведения искусствоведческой экспертизы, поскольку УПК РСФСР 1960 года в главе 5-й «Доказательства» предусматривает в качестве таковых только заключение эксперта.

В тоже время, возникшие трудности применения специальных знаний на практике, подчеркнули необходимость законодательного закрепления фигуры специалиста как сведущего лица в уголовном процессе.

С признанием того, что специалист в уголовном процессе заслуживает «своего» места, на законодательном уровне формируются две самостоятельные формы использования специальных знаний: через участие эксперта и через участие специалиста.

В 1966 в УПК РСФСР внесли изменения и наряду с экспертом, появился специалист. Статья 66–1 включила в себя положения об отводе специалиста, а статья 133–1 порядок участия специалиста в уголовном деле. Вместе с тем, показания специалиста и эксперта как самостоятельные доказа-

тельства по делу, уголовный процессуальный кодекс ещё не рассматривал. Кроме того, в ст. 133–1 не указано о том, что специалист делает заключение, по смыслу статьи он содействует следователю в обнаружении и фиксации доказательств, при этом имеет право давать пояснения своим действиям и вносить письменные заявления в протокол. Глава 5 «Доказательства», не рассматривает пояснения (заявления) специалиста как самостоятельный вид доказательства.

УПК РФ 2001 г. также не выделил показания (заключения) специалиста в самостоятельный вид доказательства, более того он не определил, какие знания следует отнести к специальным. Вместе с тем, в статье 74 УПК РФ появляется новая процессуальная форма использования специальных знаний – показания эксперта.

Заключение и показания специалиста в качестве доказательства по уголовному делу пришли в УПК РФ в 2003 году и нашли свое закрепление в п. 3.1 ст. 74 – (Доказательства).

Анализ развития института специальных знаний показывает, что исторически, субъекты специальных знаний обозначались как сведущие люди, без разделения на эксперта и специалиста. Эксперт, как участник уголовного процесса, значительно раньше, чем специалист получил законодательное закрепление своего статуса. В этой связи, процессуальный порядок назначения экспертизы детально регламентирован нормами УПК РФ (Глава 27 УПК РФ).

На основании сказанного, мы отмечаем, что правовая позиция эксперта в уголовном процессе России сложилась более обособленной, «сильной», чем позиция специалиста.

А.В. Кудрявцева объясняет такую разницу тем, что перед экспертом и специалистом стоят разные уровни решения задач. [5] Это кроется в глубине проводимого исследования, т.е. эксперт в своей деятельности использует эмпирический и теоретический уровни познания, а специалист только эмпирические данные.

С практической точки зрения, с таким утверждением можно поспорить, поскольку специалист в действующем УПК РФ имеет право делать собственное заключение в ходе которого могут быть использованы различные уровни познания. Это зависит от вида проводимого исследования и объема предоставленного материала.

На наш взгляд, основное отличие между экспертом и специалистом заключается в той роли, которую законодатель возложил на каждого из них. Специалист выполняет вспомогательную функцию и идет в дополнение к эксперту, по УПК РФ он не проводит самостоятельного исследования, даже если оно фактически им проведено. Каким бы полным и глубоким не было заключение специалиста, оно не сможет «перепрыгнуть» через барьер, который установлен ВС РФ в формулировке о том, что специалист высказывает лишь суждение, без проведения полного исследования.

Таким образом, УПК РФ выделяет формы использования специальных знаний: через участие эксперта и через участие специалиста, но итоговый результат этих знаний находится в неравном положении, что по смыслу статьи 17 УПК РФ недопустимо.

В тоже время, заключения эксперта и специалиста являются равнозначными процессуальными формами использования специальных знаний.

В науке нет единого подхода к определению «процессуальная форма». Есть авторы, которые смотрят на это понятие масштабно и включают в него совокупность элементов, характеризующих внутреннее содержание процессуальной деятельности и внешнее ее проявление. К представителям широкого подхода относятся И.А. Галаган [2] и Р.Д. Рахунов [10].

Е.Г. Лукьянова [6] более лаконична в своем понимании процессуальной формы и представляет ее как установленные УПК РФ и основанные на его принципах определенные процедуры, выполнение которых способствует точному и рациональному достижению поставленных целей. Из определения ученый выделяет признаки процессуальной формы – это соответствие принципам процессуального права и целевая направленность.

Анализируя позиции разных авторов, на наш взгляд, важными критериями процессуальной формы для разграничения специальных знаний является предусмотренность УПК РФ, а также письменная фиксация самого действия или решения.

Руководствуясь обозначенными критериями, выделим, содержащиеся в УПК РФ процессуальные формы использования специальных знаний:

1. Заключение эксперта (ч. 1 ст. 57 УПК РФ, п. 3.ч 2 ст. 74 УПК РФ, ч. 1 ст. 80 УПК РФ).
2. Показания эксперта (п. 3.ч 2 ст. 74 УПК РФ, ч. 2 ст. 80 УПК РФ).
3. Заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, ч. 3 ст. 80 УПК РФ).
4. Показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, ч. 4 ст. 80 УПК РФ).
5. Участие специалиста в процессуальных действиях (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).
6. Участие переводчика (ч. 1 ст. 59 УПК РФ).
7. Участие психолога (ч. 3 ст. 425).
8. Справочная деятельность.

Справочная деятельность – это форма использования специальных знаний, которую выделяет в своей классификации Ю.К. Орлов [8]. Под справочной деятельностью ученый понимает получение справок и документов с помощью которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе установленные с использованием специальных знаний.

По нашему мнению, справочную деятельность следует отнести к процессуальным формам использования специальных знаний. В пункте 3 части 3 статьи 86 УПК РФ установлено, что защитник вправе истребовать справки, характеристики, иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, обще-

ственных объединений и т.д. Также иные участки уголовного процесса наделены правом заявить ходатайство следователю (суду) об истребовании документов и иной информации. Полученная информация может нести в себе сведения, относящиеся к специальным знаниям (например, справки, выданные специалистом). Таким образом, справочная деятельность отвечает критерию предусмотренности УПК РФ и имеет письменный результат.

В теории также выделяют непроцессуальные формы использования специальных знаний.

Н.А. Огнерубов [7] к непроцессуальным формам использования специальных знаний относит: консультативная помощь специалиста суду и сторонам (ч. 1 ст. 58 УПК РФ); действия, предусмотренные в порядке ст. 144 УПК РФ в части производства ревизий, исследования документов, предметов, трупов в ходе проверки сообщения о преступлении; участие специалиста в порядке ст. 6 ФЗ № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности».

Мы согласны с предложенной классификацией непроцессуальных форм специальных знаний, поскольку в каждой из указанных форм отсутствует какой-либо существенный признак процессуальной формы, установленный нами выше.

Ученые выделяют также иные классификации в институте специальных знаний. Например, М.А. Радионова [9] в системе использования специальных знаний выделяет вертикальную и горизонтальную составляющие. К вертикальной относятся этапы и стадии использования специальных знаний, а к горизонтальной – форма и виды специальных знаний. По критерию последовательности исследователь выделяет первичные и повторные формы использования специальных знаний.

На наш взгляд, повторные формы применения познания могут являться ключевыми моментами в установлении ясности произошедших событий и трактовки возможных вариантов развития этих событий.

Наличие множества классификаций и подходов к формам использования специальных знаний способствуют более глубокому их пониманию, помогают детально изучить проблематику специальных знаний и определить дальнейшие пути развития.

В настоящей работе мы проследили процесс развития и закрепления на законодательном уровне форм использования специальных знаний. Очевидно, что предусмотренность УПК РФ тех или иных форм специальных знаний отстает от их фактического появления. При этом, исходя из смысла уголовного процессуального закона, судопроизводство по делу может осуществляться только в строгой регламентации с нормами УПК РФ, что ограничивает возможность использования специальных знаний способами им не предусмотренными.

На наш взгляд, УПК РФ может дать более четкие критерии применения специальных знаний, внести это определение в статью 5 (Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе); ограничить возможность следственного органа само-

вольно трактовать информацию, содержащую специальные знания; укрепить роль специалиста и разделить это понятие (например, специалист, выполняющий технические функции и специалист который дает заключение).

Ясность в применении специальных знаний, их доступность для каждого участника процесса, обеспечат полноценное соблюдение принципов УПК РФ.

Литература

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах.-Тула: Автограф, 2000.-С. 236–239.
2. Галаган И.А, Глебов В.П. Процессуальные нормы и отношения в советском праве. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985–208 с.
3. Гарипова Р.А. Сведущие лица: эксперт и специалист в российском уголовном процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – «Грамота». – 2014. – № 12. – С. 55–57
4. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: ЛГУ, 1963. С. 4
5. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006.С.110–114.
6. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: НОРМА, 2003 – С. 96–99.
7. Огнерубов Н.А. Специальные знания в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. –92с.
8. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 39.
9. Радионова М.А. Формы использования знаний сведущих лиц на стадии предварительного расследования. Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Челябинск. 2010–26с.
10. Рахунов Р.Д. Проблема единства и дифференциации уголовно процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. – 1978 – Вып. 29 – С. 83–91.

FORMATION OF THE INSTITUTE OF SPECIAL KNOWLEDGE

Tarasova A.A.
Tyumen State University

Throughout the history of the Russian criminal process, special knowledge has been an integral part of it. They have gone through a long period of development to legislative consolidation and the right to be independent evidence in a case. The article shows the formation of the institute of special knowledge, highlights the forms of their use. The following methods were used in the course of the study: historical, comparison, analysis, analytical. The present study aims to study the historical development of special knowledge, their forms and further ways of development. The result of the research is an analytical description of the development of the institute of special knowledge from the 16th century to the present, the allocation of forms of special knowledge, the designation of existing problems of their use.

Keywords: knowledgeable people (persons), special knowledge, expert, specialist, forms of special knowledge, procedural form.

References

1. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence.-Tula: Avto-graf, 2000.-P. 236–239.
2. Galagan I.A, Glebov V.P. Procedural norms and relations in Soviet law. – Voronezh: Publishing house of Voronezh. University, 1985–208 p.
3. Garipova R.A. Knowledgeable persons: expert and specialist in Russian criminal proceedings // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. – “Charter”. – 2014. – No. 12. – P. 55–57
4. Krylov I.F. Forensic examination in criminal proceedings. L.: Leningrad State University, 1963. P. 4
5. Kudryavtseva A.V. Theory of proof in legal proceedings. Chelyabinsk: Polygraph-Master, 2006. pp. 110–114.
6. Lukyanova E.G. Theory of procedural law. – M.: NORMA, 2003 – pp. 96–99.
7. Ognerubov N.A. Special knowledge in criminal proceedings: a textbook for universities. M.: Yurait, 2024. –92 p.
8. Orlov Yu.K. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. M., 2005. p. 39.
9. Radionova M.A. Forms of using the knowledge of knowledgeable persons at the stage of preliminary investigation. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Chelyabinsk. 2010–26 p.
10. Rakhunov R.D. The problem of unity and differentiation of criminal procedural form // Issues of combating crime. – 1978 – Issue 29 – P. 83–91.

Правовая природа уголовной ответственности за создание и участие в диверсионном сообществе

Червяко Евгений Джонович,

студент Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ont@myrambler.ru

В статье рассматривается юридическая природа и проблемы квалификации преступлений, связанных с феноменом диверсионного сообщества в российском уголовном праве. Актуальность темы обусловлена принятием Федерального закона № 586-ФЗ от 29 декабря 2022 года и увеличением числа диверсионных проявлений в контексте обострения геополитической обстановки. Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие ответственность за создание и участие в диверсионном сообществе, а также научные подходы к интерпретации данного феномена. Цель работы – анализ юридической природы диверсионного сообщества и выявление проблем квалификации связанных с ним преступлений. Методология исследования включает общенаучные методы анализа и синтеза, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой анализ и системный подход к изучению правовых явлений. Выводы, к которым пришёл автор в ходе исследования, указывают на необходимость интеграции норм о диверсионном сообществе в статью 281 УК РФ и важность разъяснений Верховного Суда РФ для обеспечения единообразного применения соответствующих норм. Результаты применимы в сфере совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики по делам о преступлениях диверсионной направленности.

Ключевые слова: диверсионное сообщество, правовая природа, квалификация преступлений, диверсия, национальная безопасность, антидиверсионное законодательство.

Актуальность данного исследования связана с появлением в правовом поле Российской Федерации концепции «диверсионного сообщества». Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ, неформально именуемый «антидиверсионным законом», явился законодательным ответом на значительное увеличение числа диверсионных проявлений в контексте обострения геополитической обстановки с начала 2022 года¹.

Цель настоящего исследования – анализ юридической природы диверсионного сообщества, а также выявление и рассмотрение проблем квалификации преступлений, связанных с данным феноменом.

Научная основа представлена трудами отечественных исследователей в области уголовного права, в частности работами Т.М. Лопатиной, Н.А. Лопашенко, А.Х. Канкулова и Т.В. Степановой, посвященными проблемам квалификации преступлений диверсионной направленности и анализу правовой природы диверсионного сообщества.

Эмпирическую базу составили положения действующего уголовного законодательства Российской Федерации, в частности нормы УК РФ, регулирующие ответственность за преступления диверсионной направленности.

В рамках исследования применяются общенаучные методы анализа и синтеза, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой анализ и системный подход к изучению правовых явлений.

В уголовном законодательстве Российской Федерации под понятием «диверсионное сообщество» подразумевают «устойчивую группу лиц, заблаговременно сплотившихся для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений диверсионной направленности, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо иных противоправных деяний в целях пропаганды, обоснования и поддержки деятельности диверсионного характера»².

Анализируя легальную дефиницию диверсионного сообщества, следует акцентировать внимание на конструктивных признаках данного преступного формирования. Законодатель выделяет количественный критерий (группа лиц), качественный критерий (устойчивость), темпоральный критерий (заблаговременность) и целевой критерий

¹ В России зарегистрировали 21 диверсию в 2022 году // Известия IZ.RU: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1440727/2022-12-14/v-rossii-zaregistrovali-21-diversiiu-v-2022-godu> (дата обращения: 09.11.2024).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) [Электронный ресурс]. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2024).

(направленность на совершение преступлений диверсионного характера). Особого внимания заслуживает включение в определение не только непосредственно диверсионных действий, но и пропагандистской деятельности, что существенно расширяет сферу уголовно-правового воздействия и создает превентивный механизм противодействия данному виду преступности.

В научном сообществе ведется дискуссия относительно правовой природы диверсионного сообщества. Т.М. Лопатина, применяя методологию оценки экстремистского сообщества к диверсионному, приходит к выводу о существовании двух альтернативных форм последнего: организованной диверсионной группы и диверсионного преступного сообщества [3, с. 26–27]. Методологический подход Т.М. Лопатиной представляется нам научно обоснованным, поскольку экстремистские и диверсионные сообщества имеют схожую структурную организацию и идеологическую составляющую. Дифференциация форм диверсионных объединений на организованные группы и преступные сообщества позволяет учитывать степень их общественной опасности, уровень организованности и масштаб преступной деятельности. Данная классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение для правильной квалификации преступных деяний и индивидуализации уголовной ответственности.

Другие исследователи склонны рассматривать диверсионное сообщество либо как организованную группу [5, с. 42], либо как преступное сообщество (преступную организацию) [1]. Унитарный подход к определению правовой природы диверсионного сообщества, хотя и обладает очевидными преимуществами с точки зрения правоприменительной практики, игнорирует существенные особенности данного криминального феномена. В частности, не учитывается специфика целеполагания диверсионных формирований и особый характер внутригрупповых связей. Кроме того, механическое приравнивание диверсионного сообщества к традиционным формам соучастия может привести к недооценке его общественной опасности и затруднить реализацию принципа справедливости при назначении наказания.

Несмотря на вариативность подходов к интерпретации феномена диверсионного объединения, консенсус научного сообщества заключается в признании его атрибутивных характеристик (то есть специфических особенностей): высокой степени структурированности, развитой системы внутренних связей и наличия единого руководства. При этом стоит отметить, что руководящие лица часто находятся за пределами юрисдикции совершения преступления [6, с. 137], что образует дополнительные проблемы в расследовании данной категории преступлений. В частности, возникают проблемы с установлением всей цепочки управления, документированием преступной деятельности и обеспечением неотвратимости наказания для организаторов.

Однако данные законодательные изменения вызвали ряд критических замечаний в научном сообществе. Так, Н.А. Лопашенко отмечает несколько проблем [4, с. 116–129]: во-первых, усложнение дифференциации между общими и новыми специальными нормами (ст. 210 и 281 УК РФ); во-вторых, дублирование уже существующих запретов, которые ранее могли быть реализованы путем применения существующих норм в сочетании с общими положениями (ст. 30 и 33 УК РФ); в-третьих, наличие в общей норме ст. 281 УК РФ строгой ответственности за действия диверсионного характера, квалифицируемые как особо тяжкие даже по основному составу.

Всё это указывает на проблему избыточного расширения сферы применения уголовного права и возможные сложности в правоприменительной практике. Таким образом, возникает вопрос о разумности установления отдельной ответственности за соучастие и пособничество в преступлениях диверсионного характера, учитывая схожий характер общественной опасности составов преступлений террористической и диверсионной направленности.

В результате сравнительного анализа диверсионного сообщества с другими формами организованной преступности, выявлено, что, в отличие от классических преступных организаций, диверсионное сообщество не ставит своей первоочередной целью получение материальной выгоды. Его деятельность направлена на подрыв обороноспособности и экономической безопасности государства, что, на наш взгляд, делает его особо опасным явлением.

В качестве предложения по совершенствованию законодательства автор, соглашаясь с позицией А.Х. Канкулова и Т.В. Степановой [2], рекомендует интегрировать нормы о диверсионном сообществе (ст. 281.3 УК РФ) в ст. 281 УК РФ. Предложенная законодательная новелла об интеграции норм представляется научно обоснованной по нескольким причинам. Во-первых, консолидация норм о диверсионной деятельности в рамках одной статьи позволит создать более четкую систему квалифицирующих признаков. Во-вторых, такой подход облегчит правоприменительную практику путем устранения необходимости разграничения смежных составов преступлений. В-третьих, системное регулирование ответственности за диверсионную деятельность в рамках единой нормы будет способствовать реализации принципа правовой определенности и повысит эффективность превентивной функции уголовного закона.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о необходимости разъяснений Верховного Суда РФ. Потребность в разъяснениях высшей судебной инстанции обусловлена комплексным характером проблем, возникающих при квалификации диверсионных преступлений. Постановление Пленума Верховного Суда РФ должно охватить ряд аспектов: критерии разграничения диверсионных и террористических преступлений;

особенности квалификации различных форм участия в диверсионной деятельности; специфику доказывания признаков диверсионного сообщества; правила квалификации при совокупности преступлений диверсионной направленности. Кроме того, на наш взгляд, целесообразно включить в постановление разъяснения относительно особенностей назначения наказания за данные преступления с учетом их повышенной общественной опасности и необходимости дифференциации ответственности участников диверсионных сообществ в зависимости от их роли и степени вовлеченности в преступную деятельность.

Литература

1. Ермолович Я.Н. Новое в уголовном законодательстве об уголовной ответственности за диверсионную деятельность (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2022 года № 586-ФЗ) / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 4(309). С. 61–73.
2. Канкулов А. Х., Степанова Т.В. Вопросы правоприменительной практики по новым статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, направленным на противодействие диверсионным акциям // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 171–173.
3. Лопатина Т.М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем // Российский следователь. 2023. № 11. С. 25–29.
4. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 115–135.
5. Прохорова Л., Горенко М.Г., Чибизов В.В. Содействие диверсионной деятельности и организация диверсионного сообщества (статьи 281.1, 281.3 УК РФ) как разновидности специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: к вопросу об оправданности регламентации // Российский следователь. 2023. № 10. С. 42–45.
6. Черявко Е.Д. Правовая природа и признаки диверсионного сообщества / Е.Д. Черявко // Аль-

манах молодого исследователя. 2024. № 16. С. 135–139.

THE LEGAL NATURE OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE CREATION OF AND PARTICIPATION IN A SUBVERSIVE COMMUNITY

Cheryavko E.D.

North-West Institute of Management (branch) of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the legal nature and problems of qualification of crimes related to the phenomenon of the subversive community in Russian criminal law. The relevance of the topic is due to the adoption of Federal Law No. 586-FZ of December 29, 2022 and an increase in the number of subversive manifestations in the context of the aggravation of the geopolitical situation. The subject of the study is the legal norms governing responsibility for the creation and participation in a subversive community, as well as scientific approaches to the interpretation of this phenomenon. The purpose of the work is to analyze the legal nature of the subversive community and identify problems in the qualification of crimes related to it. The research methodology includes general scientific methods of analysis and synthesis, as well as private scientific methods: comparative legal analysis and a systematic approach to the study of legal phenomena. The conclusions reached by the author in the course of the study indicate the need to integrate the norms on the subversive community into Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation and the importance of clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation to ensure uniform application of the relevant norms. The results are applicable in the field of improving criminal legislation and law enforcement practice in cases of subversive crimes.

Keywords: sabotage community, legal nature, qualification of crimes, sabotage, national security, anti-sabotage legislation.

References

1. Ermolovich Ya.N. New in criminal legislation on criminal liability for sabotage activities (scientific and practical commentary to the Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» dated December 29, 2022 No. 586-FZ) / Ya.N. Ermolovich // Law in The Armed Forces – Military Legal Review. 2023. No. 4(309). pp. 61–73.
2. Kankulov A. Kh., Stepanova T.V. Issues of law enforcement practice under new articles of the Criminal Code of the Russian Federation aimed at countering sabotage actions // Agrarian and land law. 2023. No. 3 (219). pp. 171–173.
3. Lopatina T.M. Criminal liability for facilitating sabotage activities and organizing or participating in a sabotage community // A Russian investigator. 2023. No. 11. pp. 25–29.
4. Lopashenko N.A. The main results of the reform of criminal legislation in 2022: an analytical review // Lex russica. 2023. Vol. 76. No. 4. pp. 115–135.
5. Prokhorova L., Gorenko M.G., Chibizov V.V. Promotion of sabotage activities and organization of a sabotage community (Articles 281.1, 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) as varieties of special types of organization, incitement and complicity in criminal activity: on the question of the justification of regulation // A Russian investigator. 2023. No. 10. pp. 42–45.
6. Cheryavko E.D. The legal nature and signs of a subversive community / E.D. Cheryavko // Almanac of a young researcher. 2024. No. 16. pp. 135–139.

Правовые основы медицинской экспертизы и медицинского освидетельствования

Эльдарова Саида Арслановна,

студент педиатрического факультета, Дагестанский государственный медицинский университет

Федорова Фариды Алимовна,

студент педиатрического факультета, Дагестанский государственный медицинский университет

Гаджимагомедова Шумайсат Солеймановна,

научный руководитель, Дагестанский государственный медицинский университет

Статья рассматривает правовые основы медицинской экспертизы и медицинского освидетельствования в Российской Федерации, анализируя ключевые законодательные акты, регулирующие эти процессы. В работе подчеркивается важность соблюдения прав пациента и этических норм в проведении экспертиз. Рассматриваются вопросы взаимодействия медицинских учреждений и правоохранительных органов, а также роль судебно-медицинской экспертизы в уголовном и гражданском процессе. Особое внимание уделяется необходимости внедрения международных стандартов и рекомендаций для повышения качества и объективности медицинских экспертиз в стране.

Ключевые слова: медицинская экспертиза, медицинское освидетельствование, правовые основы, права пациента, судебно-медицинская экспертиза, законодательство, взаимодействие, международные стандарты.

Правовые основы проведения медицинской экспертизы и медицинского освидетельствования в Российской Федерации представляют собой чрезвычайно сложную и многоуровневую систему, которая включает в себя широкий спектр нормативных актов, регулирующих все этапы этих процедур, а также четко определяющих права и обязанности всех участников соответствующих процессов. На базовом уровне данная система основывается на положениях Конституции Российской Федерации, федеральных законах, постановлениях правительства, а также на ведомственных нормативных актах, которые детализируют порядок и условия осуществления медицинской экспертизы и освидетельствования.

Следует подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации предоставляет каждому гражданину право на охрану здоровья и получение медицинской помощи, что, в свою очередь, закладывает фундамент для развития правового регулирования в рассматриваемой сфере. К числу ключевых нормативных документов, несомненно, относится Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный закон закрепляет принципы организации системы здравоохранения, включая проведение различных видов медицинской экспертизы, среди которых можно выделить как судебную, так и несудебную экспертизу, что позволяет органам правопорядка обеспечивать защиту прав граждан на надлежащем уровне [1, с. 20].

Также, необходимо уделить внимание тому, что медицинское освидетельствование представляет собой установленный законом процесс, направленный на оценку состояния здоровья гражданина для определения его способности к выполнению профессиональных обязанностей или иных видов деятельности. Это играет важную роль в установлении причинной связи между определёнными событиями и состоянием здоровья человека. В Российской Федерации существует разнообразие видов медицинских осмотров, таких как экспертиза временной нетрудоспособности, медико-социальная экспертиза, военно-врачебная экспертиза, судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертиза, а также экспертиза профессиональной пригодности и связь заболевания с профессией, наряду с экспертизой качества оказания медицинских услуг.

Особо следует отметить, что значимым элементом системы медицинского освидетельствования является освидетельствование на предмет вре-

менной нетрудоспособности, которое проводится в случае заболеваний, травм и иных состояний, временно лишаящих гражданина возможности работать. Более того, в случаях, когда требуется продление листка нетрудоспособности на длительный срок, решение выносит врачебная комиссия, что обеспечивает более объективный подход к оценке состояния здоровья пациента [2, с. 87].

Кроме того, медико-социальная экспертиза направлена на комплексную оценку потребностей граждан в социальных мерах поддержки, включая мероприятия по реабилитации. Данная экспертиза осуществляется в специализированных учреждениях, подведомственных федеральным органам, и строится на анализе степени ограничений жизнедеятельности, вызванных устойчивыми расстройствами функций организма.

Нельзя обойти вниманием и военно-медицинское освидетельствование, поскольку оно играет значимую роль в определении пригодности граждан к прохождению военной службы, а также в установлении причин травм и заболеваний, полученных в период службы. Порядок проведения военно-врачебного освидетельствования регулируется нормативными актами Правительства Российской Федерации, что позволяет обеспечить единые стандарты и требования к состоянию здоровья лиц, призываемых на военную службу. Заключение военно-врачебных экспертиз являются обязательными для сотрудников определённых ведомств, что подчёркивает важность данной процедуры в защите интересов граждан [3, с. 245].

Судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы представляют собой важнейший инструмент для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовных и гражданских дел. Подобные экспертизы проводятся исключительно квалифицированными экспертами в медицинских учреждениях и подвергаются строгому контролю со стороны уполномоченных органов, что гарантирует их объективность и независимость.

Также стоит упомянуть, что обследование на предмет профессиональной пригодности и анализ связи заболевания с профессией позволяют оценить состояние здоровья работников в рамках их профессиональной деятельности. Экспертиза связи заболевания с профессиональной деятельностью имеет целью установление причинно-следственной связи между трудовой деятельностью и возникшим заболеванием у работника.

В завершение стоит отметить, что экспертиза качества медицинского обслуживания направлена на выявление нарушений при оказании медицинской помощи и оценку её качества. Проведение этой экспертизы осуществляется на основе установленных критериев оценки, разработанных для различных групп заболеваний и состояний. Это позволяет обеспечить соответствие оказания медицинской помощи актуальным стандартам и клиническим рекомендациям.

Медицинское освидетельствование представляет собой комплекс методов медицинского осмотра и исследования, основная цель которых заключается в подтверждении состояния здоровья человека, что в свою очередь имеет значительные юридические последствия.

Безусловно, изложенное положение акцентирует внимание на исключительной важности медицинского освидетельствования, выступающего в качестве эффективного инструмента для обеспечения защиты прав граждан и поддержания общественных интересов на должном уровне. На самом деле, система медицинского освидетельствования включает в себя несколько ключевых направлений, которые заслуживают особого рассмотрения.

Прежде всего, следует отметить освидетельствование на состояние опьянения, которое может быть вызвано алкогольными, наркотическими или иными токсическими веществами. Данный вид освидетельствования имеет особенно высокую значимость в рамках обеспечения безопасности на транспорте и поддержания общественного порядка в целом. Важно подчеркнуть, что именно этот аспект играет существенную роль в предотвращении аварийных ситуаций и других происшествий, связанных с неадекватным поведением лиц в состоянии опьянения.

Во-вторых, необходимо выделить психиатрическую экспертизу, проводимую в строгом соответствии с нормами законодательства о психиатрической помощи. Данный вид экспертизы направлен на защиту прав граждан, оказавшихся в уязвимом положении. Причем психиатрическая экспертиза требует особо деликатного подхода, который должен учитывать не только медицинские, но и правовые аспекты, что делает её неотъемлемым элементом системы охраны здоровья. Следовательно, этот процесс играет значительную роль в защите интересов как отдельного человека, так и общества в целом.

Кроме того, третьим важным направлением можно назвать освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортными средствами и владению оружием. Эти процедуры имеют ключевое значение для поддержания общественной безопасности и предотвращения возможных трагических последствий, связанных с непредсказуемым поведением лиц, не готовых к безопасному управлению транспортом или использованию оружия.

Что касается финансового обеспечения данных видов медицинского освидетельствования, оно осуществляется в соответствии с законодательными актами Российской Федерации. Таким образом, обеспечивается устойчивое финансирование и доступность указанных медицинских услуг, что имеет принципиальное значение для сохранения здоровья граждан и защиты общественных интересов.

Следует отметить, что согласно нормам уголовно-процессуального законодательства, медицинская экспертиза играет определяющую роль в установлении фактов, имеющих ключевое значение

ние для расследования уголовных дел. К примеру, такая экспертиза может быть назначена с целью определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью, что, в свою очередь, влияет на квалификацию преступления и последующее назначение наказания. Важно подчеркнуть, что проведение экспертиз поручается исключительно квалифицированным медицинским специалистам, имеющим соответствующую подготовку и опыт.

Порядок назначения и проведения медицинских экспертиз и освидетельствования чётко регламентируется как уголовным, так и гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. В частности, в рамках гражданского процесса экспертиза может использоваться для установления причин нанесённого ущерба, что крайне важно для защиты прав и интересов сторон в спорах, связанных с вредом, причинённым здоровью или имуществу.

Особое значение в системе медицинских экспертиз придаётся судебно-медицинской экспертизе, которая включает исследование обстоятельств, направленных на установление причин смерти, анализ состояния здоровья и выявление последствий воздействия различных вредных факторов на организм человека. Таким образом, данные виды экспертиз позволяют проводить глубокий и всесторонний анализ ситуаций, связанных с расследованием преступлений и разрешением гражданских споров.

Мы полагаем, что правовые основы проведения медицинской экспертизы и освидетельствования в Российской Федерации являются краеугольным камнем системы правопорядка, обеспечивающим защиту прав граждан и безопасность общества. Законодательная база, включающая нормы Конституции Российской Федерации, а также положения федеральных законов, таких как закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», и многочисленных подзаконных актов, создаёт комплексную основу для регулирования этих сложных и ответственных процедур.

При этом наличие разнообразных видов экспертиз, таких как экспертиза временной нетрудоспособности, медико-социальная, военно-врачебная и другие, позволяет государственным органам охватывать широкий спектр вопросов, связанных с обеспечением здоровья и трудоспособности граждан. Это также учитывает особенности их профессиональной деятельности и даёт возможность обеспечивать объективность при проведении оценок. Например, такие направления, как освидетельствование на состояние опьянения и психиатрическая экспертиза, играют важную профилактическую роль в обеспечении общественного порядка и безопасности на дорогах.

Не стоит забывать, что система финансирования и процессуальные гарантии, установленные законодательством, способствуют поддержанию стабильного и доступного предоставления медицинских услуг. Это особенно значимо в контексте

судебно-медицинских экспертиз, поскольку выводы экспертов могут иметь серьёзное доказательственное значение при рассмотрении дел в суде.

Однако, несмотря на высокую степень развитости существующей системы, данная область остаётся сферой, которая требует постоянного совершенствования и адаптации к новым вызовам, включая актуализацию стандартов качества медицинской помощи, усиление защиты прав пациентов и повышение прозрачности экспертной деятельности.

В заключение, можно с уверенностью утверждать, что правовые основы медицинской экспертизы и освидетельствования в Российской Федерации представляют собой динамичную и прогрессивно развивающуюся систему. Она нуждается в постоянном усовершенствовании и адаптации к изменениям в законодательной базе и изменяющимся потребностям общества для обеспечения высокого уровня защиты прав граждан и безопасности на всех уровнях социальной жизни.

Литература

1. Долженкова, Е.В. Понятие и правовая основа проведения медицинских экспертиз в Российской Федерации / Е.В. Долженкова, Д.И. Зуев // Медицинское право: теория и практика. – 2020. – Т. 6, № 2(12). – С. 20–23.
2. Кохан, Р. Ю. О соотношении медицинского освидетельствования и экспертизы при производстве по делам об административных правонарушениях, связанных с немедицинским потреблением наркотиков / Р.Ю. Кохан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4(41). – С. 87–93.
3. Михайлов, И.Н. Институт судебно-медицинской экспертизы в России: исторический опыт при решении современных проблем / И.Н. Михайлов // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии: Материалы XXVIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 15 февраля 2021 года. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), «Издательство ВВМ», 2021. – С. 245–350.
4. Чубарова, Е. Правовая оценка судебно – медицинской экспертизы / Е. Чубарова, В. Цой, И. Сиднев // Вести научных достижений. – 2019. – № 4. – С. 36–39.

LEGAL BASIS OF MEDICAL EXAMINATION AND MEDICAL EXAMINATION

Eldarova S.A., Fedorova F.A., Gadzhimagomedova Sh.S.
Dagestan State Medical University

The article examines the legal foundations of medical examination and medical examination in the Russian Federation, analyzing the key legislative acts regulating these processes. The work emphasizes the importance of observing patient rights and ethical standards in conducting examinations. The issues of interaction between medical institutions and law enforcement agencies, as well as the role of forensic medical examination in criminal and civil proceedings are considered. Special attention is paid to the need to implement inter-

national standards and recommendations to improve the quality and objectivity of medical examinations in the country.

Keywords: medical examination, medical examination, legal framework, patient's rights, forensic medical examination, legislation, interaction, international standards.

References

1. Dolzhenkova, E.V. Concept and legal basis for conducting medical examinations in the Russian Federation / E.V. Dolzhenkova, D.I. Zuev // *Medical law: theory and practice*. – 2020. – Vol. 6, No. 2 (12). – P. 20–23.
2. Kokhan, R. Yu. On the relationship between medical examination and examination in proceedings on cases of administrative offenses related to non-medical drug use / R. Yu. Kokhan // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2020. – No. 4 (41). – P. 87–93.
3. Mikhailov, I.N. Institute of Forensic Medicine in Russia: Historical Experience in Solving Modern Problems / I.N. Mikhailov // *Humanitarian and Natural Science Research: Main Discussions: Proceedings of the XXVIII All-Russian Scientific and Practical Conference*. In 2 parts, Rostov-on-Don, February 15, 2021. Volume Part 1. – Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), "VVM Publishing House", 2021. – P. 245–350.
4. Chubarova, E. Legal assessment of forensic medicine / E. Chubarova, V. Tsoi, I. Sidnev // *News of scientific achievements*. – 2019. – No. 4. – P. 36–39.

Досудебное соглашение о сотрудничестве. Проблематика и перспективы развития. Через медиацию к уголовно-правовому договору

Яблоков Артем Михайлович,

аспирант, кафедры уголовного права, РГПУ им. А.И. Герцена

Досудебное соглашение о сотрудничестве сегодня активно применяется органами следствия в качестве инструмента оптимизации процесса расследования. Однако несмотря на то, что указанный институт внедрен законодателем в отечественное уголовно-правовое поле пятнадцать лет назад, практика применения указанного института вызывает ряд вопросов. Применение досудебного соглашения о сотрудничестве, в первую очередь, направлено на ускорение процесса расследования, а не на установление причин совершения преступного деяния, не на выявление латентной преступности, не на организацию превенции. Досудебное соглашение о сотрудничестве явно не применяется в соответствии со своим потенциалом. Например, по делам, фигурантами которых выступают несовершеннолетние лица, досудебное соглашение о сотрудничестве способно выступать в качестве инструмента борьбы с неорганизованной преступностью, которая является важнейшей детерминантой преступности организованной. Причем возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с лицами несовершеннолетними законодательно закреплена в правовых базах Республики Беларусь и в Республики Казахстан. Потенциал досудебного соглашения о сотрудничестве весьма высок, на что указывает возможность формирования новой уголовно-правовой концепции – уголовно-правовых договорных взаимоотношений через, в частности, развитие уголовно-правовой медиации, как этапа развития досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовный процесс, уголовно-правовой договор, медиация, латентная преступность, преступность несовершеннолетних, организованная преступность, неорганизованная преступность.

Современное российское уголовно-правовое поле под понятием «досудебное соглашение о сотрудничестве» понимает «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела», что определено пунктом 61 части 1 статьи 5 УПК РФ.

Учитывая, что досудебное соглашение о сотрудничестве выделено в отдельную главу УПК РФ (40.1), представляется корректным восприятие такого соглашения как отдельного института, который, к слову, был введен в отечественное уголовно-правовое поле 15 лет назад на основании Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Исследуемый институт воспринимается нами и как теоретическая база для изыскания ответов, выявляемых в рамках уголовно-правового поля, и как практико-ориентированный инструмент.

Действительно, благодаря институту досудебного соглашения о сотрудничестве на сегодняшний день раскрыто не одно особо тяжкое преступление, ликвидирована не одна преступная группировка, задержан не один профессиональный преступник. Однако исследуемый институт скорее применяется для упрощения уголовного процесса, облегчения нагрузки на органы следствия, прокуратуру, суд, а не для непосредственной борьбы с организованной преступностью.

Здесь следует отметить, что процесс борьбы с преступностью (в нашем представлении) – это не только про количество зарегистрированных (выявленных) преступлений, про изменение их количества, это также про изменение доли лиц, вернувшихся к преступной деятельности, про изменение объема латентной преступности, про становление организованной и неорганизованной преступности, это про уровень виктимизации общества, это про общественную безопасность, про восстановление прав потерпевшей стороны.

Проблематика, выраженная в восприятии института досудебного соглашения о сотрудничестве как инструмента упрощения расследования, берет начало из главы 40 УПК РФ и практики ее применения...

Так, по словам П.Н. Ременных, ближе к началу XXI века, судебный корпус указывал на необходимость поиска сокращенного порядка судебного следствия, в первую очередь, по делам о престу-

плениях небольшой и средней тяжести, а также предоставить возможность государственному обвинителю и защитнику на начальной стадии уголовного процесса заключить с согласия обвиняемого соглашения о признании им вины, при наличии судебного контроля за соблюдением данной процедуры. Запрос правоприменителя тогда был вызван, как представляется, сложившейся весьма трудной обстановкой в судах из-за, в том числе, громоздкости процедуры судебного разбирательства¹.

В результате в УПК РФ была введена глава 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», которая, в некоторой степени, установила форму договорных взаимоотношений между стороной обвинения и стороной защиты. Данная новелла, конечно, предоставила суду возможность принимать акты без фактического проведения судебного следствия, однако помимо того, что обвиняемый признавал вину в инкриминируемом ему преступлении, а суд смягчал такому подсудимому наказание, каких-либо иных публично-правовых последствий, просоциальных, полезных для общества и государства (как и последствий для потерпевшего) такое взаимодействие не приносило.

Очевидной становилась необходимость обнаружения нового инструмента для противодействия преступности (борьбы с ней).

Решением явилось закрепление в УПК РФ главы 40.1 «Особый порядок вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Непосредственно в пояснительной записке к Федеральному закону от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» говорилось, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве важен для раскрытия и расследования убийств по найму, случаев бандитизма, преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, проявлений коррупции на разных уровнях и для борьбы с организованной преступностью.

При этом поставленные цели до сих пор, как представляется, трудно достижимы (недостижимы) ввиду специфики применения исследуемого института и того, что правоприменитель зачастую обращается к институту досудебного соглашения о сотрудничестве с целью облегчить непосредственно свой трудовой процесс и расследование уголовного дела.

Безусловно, нельзя утверждать, что исследуемый институт применяется исключительно для упрощения отправления правосудия, но и говорить о том, что потенциал досудебного соглашения о сотрудничестве раскрыт в полном объеме не представляется возможным...

¹ Ременных П.Н. теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. С. 16.

Так, в частности, досудебное соглашение о сотрудничестве на территории Российской Федерации предусматривает возможность сообщения информации исключительно в отношении соучастников преступления, то есть относительно совершенного субъектом соглашения преступления.

При этом согласно пункту 1.5 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» в качестве обязательств субъекта соглашения могут быть установлены следующие действия: добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам, в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, а также сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имущества, добытого преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях и др.

Таким образом, очевидно то, что перечень вариантов применения досудебного соглашения о сотрудничестве не ограничен нормами УПК РФ, но в УПК РФ не закреплён. До сих пор позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации и нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ не приведены в соответствие друг другу. Отчего происходит такое расхождение теории и практики? Причина видится в буквальном разъединении отечественных ученых и корпуса специалистов-практиков.

Так, еще в 2017 году профессором С.У. Дикаевым отмечено, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве применим и в случаях, когда лицо, ходатайствующее о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обязуется предоставить информацию не только о преступных действиях своих соучастников, но и о преступлениях, по которым он, не являясь соучастником, имеет прикосновенность к ним, не образующим состав преступления; о преступлениях, к которым оно не имеет ни прямого, ни косвенного отношения, но обладает интересующей следствие информацией².

Отчего до сих пор возможность применения исследуемого нами института в качестве инструмента по выявлению латентной преступности не закреплена в УПК РФ – неизвестно.

По нашему мнению, досудебное соглашение о сотрудничестве может и должно рассматриваться в качестве инструмента выявления латентной преступности, так как в большей части досудебное соглашение есть акт единения просоциального и антисоциального элементов для достижения про-

² Дикаев С.У., Кострица Я.А. Выделение уголовного дела в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и обеспечение обязательного участия защитника // Юридическая мысль. 2017. № 3 (101). С. 82.

социальной цели. Какова эта цель? Разве расширение объема отправления наказания? Нет. Цель должна заключаться в повышении общественной безопасности и, соответственно, в восстановлении нарушенных прав потерпевшей стороны.

Поэтому в рамках оптимизации исследуемого института, в первую очередь, как представляется, следует привести в соответствие нормы, установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и, в частности, позицию Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, которая видится практикоориентированной. Таким образом досудебное соглашение будет возможным применять с целью выявления латентной преступности, а также иных преступлений, к совершению которых субъект, в отношении которого уголовное дело расследуется, отношения не имеет.

Латентная преступность сегодня остается одной из центральных проблем для правоохранительных органов, государства и общества, которая непосредственно выступает и преступной детерминантой. Допущение варианта сотрудничества, который бы выражался в сообщении субъектом преступления (субъектом досудебного соглашения) информации о преступлениях неизвестных правоохранительным органам, видится решением рациональным.

Кроме того, применение досудебного соглашения о сотрудничестве с целью выявления латентной преступности способно снизить уровень виктимизации населения, а снижение такого уровня способно благотворно влиять на укрепление общественной безопасности, на оптимизацию общественно-государственных связей, на укрепление авторитета власти.

Однако, затронув вопрос организованной преступности, нам следует обратить внимание и на преступность неорганизованную – преступность несовершеннолетних, а именно – на отсутствие возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним субъектом преступления. На сегодняшний день на территории Российской Федерации несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) не имеет права заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, независимо от того, какой информацией такой субъект обладает. По нашему мнению, это законодательное упущение.

Правоохранительные органы не в полной мере оценивают неорганизованную преступность, которая, при в определенных условиях формируется в преступность организованную. Несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый зачастую находится в стадии формирования личности, но уже обладает информацией, которая может оказаться эффективной в процессе борьбы с преступностью. В то же время права несовершеннолетнего субъекта преступления в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве возможно соблюдать посредством как законного представителя, так и педагога-психолога.

Невозможность применения исследуемого института по отношению к несовершеннолетнему субъекту преступления не является явлением повсеместным. Отметим, что в Республике Беларусь и Республике Казахстан институт досудебного соглашения о сотрудничестве применяется в отношении несовершеннолетних субъектов преступления.

Кроме того, в указанных республиках в рамках уголовно-правового поля применима и медиация, которая до сих пор не применяется в отечественном уголовно-правовом поле. Именно на медиации мы и остановимся.

В соответствии с пунктом 2 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации есть способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Не должно ли окончательное решение по уголовному делу стремиться к тому, чтобы стать также – взаимоприемлемым решением? Представляется – должно.

Досудебное соглашение о сотрудничестве способно отвечать (и отвечает) публичным интересам, интересам государства и общества, однако частным интересам потерпевшего, а также обвиняемого, осужденного (на стадии ресоциализации) досудебное соглашение отвечать, как представляется, не способно.

При этом медиативная конструкция способна привести в институт досудебного соглашения о сотрудничестве то, что позволит: 1. увеличить вероятность восстановления прав потерпевшей стороны; 2. обеспечить ресоциализацию осужденного.

Представляется, что условия досудебного соглашения о сотрудничестве вполне могут предусматривать оказание помощи, направленную на ресоциализацию осужденного. К мерам ресоциализации могут относиться: оказание квалифицированной медицинской помощи, предоставление возможности устройства на работу, оказание психологической помощи.

Так, трудоустройство субъекта, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, способно явиться качественным признаком реального предоставления возможности исправиться. Ресоциализация субъекта преступления, который изъявил желание восстановить личный «социальный портрет», видится необходимым для государства, в противном случае, только стигматизируя преступника, общество лишь будет обеспечивать пополнение криминогенной социальной массы. Оказание высококвалифицированной медицинской помощи осужденным способно предоставить возможность ресоциализоваться, а в результате – снизить процент вернувшихся в криминогенную социальную группу общества.

Внедрение медиативной конструкции в структуру досудебного соглашения о сотрудничестве способно сформировать новый правовой институт – уголовно-правового договора (УПД), который,

в свою очередь, способен привнести новую форму сотрудничества процессуальных сторон, основанную на принципах гуманизма и законности, которая была бы направлена на повышение уровня общественной безопасности. УПД способен включить в переговоры между стороной защиты и стороной обвинения потерпевшую сторону, а также «абстрактную» сторону, выраженную в «осужденном, включенным в ресоциализацию», который в своей сути должен являться целью и стороны обвинения, и потерпевшей стороны, и государства, и непосредственно обвиняемого.

Литература

1. Ременных П.Н. теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. С. 16.
2. Дикаев С.У., Кострица Я.А. Выделение уголовного дела в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и обеспечение обязательного участия защитника // Юридическая мысль. 2017. № 3 (101). С. 82.

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT. PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT. THROUGH MEDITATION TO A CRIMINAL LAW CONTRACT

Yablokov A.M.

RSPU named after A.I. Herzen

The pre-trial cooperation agreement is now actively used by investigative authorities as a tool to optimize the investigation process. However, despite the fact that this institute was introduced by the legislator into the domestic criminal law field fifteen years ago, the practice of using this institute raises a number of questions. The application of a pre-trial cooperation agreement is primarily aimed at speeding up the investigation process, and not at establishing the causes of the commission of a criminal act, not at identifying latent crime, not at organizing prevention. In addition, the pre-trial cooperation agreement is clearly not being applied in accordance with its potential. For example, in cases involving minors, a pre-trial cooperation agreement can act as a tool to combat unorganized crime, which is the most important determinant of organized crime. Moreover, the possibility of concluding a pre-trial agreement on cooperation with minors is legally enshrined in the legal bases of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The potential of a pre-trial cooperation agreement is very high, as indicated by the possibility of forming a new criminal law concept – criminal law contractual relationships through, in particular, the development of criminal law mediation as a stage in the development of a pre-trial cooperation agreement.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, criminal procedure, criminal law agreement, mediation, latent crime, juvenile delinquency, organized crime, unorganized crime

References

1. Remennykh P.N. Theoretical foundations and practice of applying a special procedure for judicial proceedings: dis. ... candidate of legal sciences. Barnaul, 2006. P. 16.
2. Dikaev S.U., Kostritsa Ya.A. Separation of a criminal case into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement and ensuring the mandatory participation of a defense attorney // Legal Thought. 2017. No. 3 (101). P. 82.

Яралиев Мурад Магамедрагимович,

обучающийся 625 учебной группы факультета психологии и права, старший лейтенант внутренней службы ВИПЭ ФСИН России

Кольев Александр Анатольевич,

доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета, кандидат экономических наук, доцент, полковник внутренней службы ВИПЭ ФСИН России

В связи с развитием уголовно-исполнительной системы требуется обеспечение законности в исполнении своих обязанностей сотрудниками и повышения качества профессиональной подготовки. Ключевыми и основными аспектами в укреплении законности являются борьба с коррупционными проявлениями и формирование антикоррупционного поведения у сотрудников уголовно-исполнительной системы. Коррупционные преступления являются серьезной угрозой, причиняя вред интересам правоохранительных органов и снижая престиж государственной власти, при этом всем создаются криминогенные условия, которые в свою очередь способствуют совершению других правонарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В данной статье выявлены факторы, которые в свою очередь способны снизить уровень коррупционных проявлений.

Ключевые слова: коррупция, государство, общество, уголовно-исполнительная система, противодействие, проблема, законность, сотрудники.

Коррупционные проявления или другими словами коррупция является значимой проблемой для современного общества, потому что касается практически все сферы жизнедеятельности не только государства, но и общества в целом. Поэтому в разработанной в Российской Федерации стратегии, касающейся вопросов национальной безопасности, коррупционная составляющая отнесена к числу наиболее значительных угроз для осуществления нормального функционирования государства¹.

Обратимся к статистическим данным, которые нам показывают, что за 2023 год за преступления коррупционной направленности вынесено 22014 обвинительных приговоров по основным составам и в качестве дополнительной квалификации. Таким образом, на 7,3% больше, чем в прошлом году².

Данные показатели позволяют говорить о достаточно больших коррупционных проявлениях и подтверждают ее опасность государству и обществу в целом.

Проявляются и фиксируются коррупционные проявления в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, при этом данные учреждения должны предотвращать совершения новых преступлений³. Данные аспекты говорят и подчеркивают особую угрозу коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе. Требуется усиленное внимание, чтобы предотвратить эти преступления.

В последние годы Федеральная служба исполнения наказаний России активно работает над профилактикой коррупционных преступлений, разрабатывая и реализуя ряд мероприятий, направленных на предотвращение коррупции на ранних стадиях. Тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, количество правонарушений в этой области остается значительным.

Случаи коррупционных преступлений, которые совершали сотрудники уголовно-исполнительной системы, вызывают волну обсуждений со стороны общества, а также в средствах массовой информации. Это понижает авторитет и наносит ущерб репутации не только сотрудника

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.

² О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2023 год. – URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (дата обращения: 15.08.2024).

³ Ефремова О.С. Проблемы деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в сфере предупреждения рецидива преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1(104). – С. 252.

уголовно-исполнительной системы, но уголовно-исполнительной службе в целом.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом РФ и Законом РФ от 21 июля 1993 года № 5473–1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», а также другими законодательными актами в сфере исполнения уголовных наказаний, ключевая задача, возложенная на органы и работников уголовно-исполнительной системы, заключается в надлежащем применении разнообразных форм уголовного наказания. Все процедуры, связанные с исполнением наказаний, находятся в исключительной ведении государственных органов¹. Однако на практике не все осужденные стремятся к строгому соблюдению правил отбывания наказания. Некоторые из них даже стараются улучшить условия своего пребывания, что может включать в себя попытки склонить сотрудников уголовно-исполнительной системы к коррупционным действиям. Это подтверждается тенденциями последних лет, когда наблюдается ухудшение качества осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы. Согласно официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний, на 1 апреля 2023 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 466 764 осужденных². Несмотря на общий спад числа лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, отмечается почти двойное увеличение числа осужденных, совершивших особо опасный рецидив.

За последние три года прослеживается неутешительная и стабильная динамика роста количества осужденных за серьезные и особо серьезные преступления. Увеличивается число лиц, подлежащих усиленному наблюдению, включая руководителей и активных участников преступных организаций, а также тех, кто совершил экстремистские и террористические акты.

Большое число осужденных продолжают отбывать срок за бандитизм и создание преступных объединений³. Ухудшается качество осужденных среди тех, кто отбывает наказание вне заключения. Как было отмечено ранее, заключенные активно пытаются склонить работников учреждений к коррупционным действиям различными методами. Некоторые сотрудники, под воздействием множества факторов, от жадности материальной выгоды до отсутствия уважения к закону, вступают в коррупционные отношения. Используя служебные полномочия и статус, предоставленные должностью, работники УИС могут извлекать личную вы-

¹ Дикаева М.С. Назначение и исполнение уголовных наказаний в России: криминологический анализ: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2016. – С. 3.

² ФСИН России: официальный сайт – URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2024).

³ Горбань Д.В. Особенности уголовно-исполнительной характеристики личности осужденных к лишению свободы // Наука и практика в обеспечении режима в исправительных учреждениях и следственных изоляторах: сб. материалов всерос. науч.-практ. круглого стола. – Самара, 2017. – С. 186–188.

году, применяя административные ресурсы в личных целях.

Коррупция – это совокупность преступлений, совершаемых участниками правовых отношений в сфере исполнения наказаний. Эти преступления осуществляются с использованием служебного положения или должностных полномочий и обусловлены корыстными интересами. Кроме того, коррупционные действия могут совершаться третьими лицами, называемыми корруптерами (например, осужденными или людьми, действующими в их интересах), что приводит к нарушениям нормальной работы учреждений, занимающихся исполнением наказаний.

Проявления коррупции в сфере исполнения наказаний могут проявляться через различные криминальные процессы и явления, некоторые из которых не являются напрямую преступными. К таким явлениям относятся: подкуп и продажность между осужденными; распространение коррупционной идеологии в пенитенциарных учреждениях; поддержание связей осужденных с криминальными лидерами для коррупционных целей; а также вмешательство третьих лиц в управление процессом исполнения уголовных наказаний со стороны администрации учреждений УИС.

Анализ текущего состояния преступности показывает, что одним из факторов, влияющих на эффективность работы правоохранительных органов, является комплексный подход к борьбе с преступностью. Это предполагает объединение усилий всех участников правоохранительной деятельности через создание постоянно действующей системы взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, что позволит значительно активизировать их совместную работу по выявлению, предупреждению и раскрытию правонарушений.

Следовательно, коррупция в учреждениях УИС может рассматриваться как специфический вид пенитенциарной преступности, проявляющийся через дисфункцию взаимосвязанных процессов исполнения и отбывания наказаний. Такой подход к определению коррупции позволяет выделить её основной признак в контексте уголовно-исполнительной системы, заключающийся в нарушении нормальной деятельности учреждений, исполняющих наказания.

К основным характеристикам коррупции в сфере УИС относятся: связь совершенных преступлений с должностным положением виновных, использование их полномочий в корыстных целях, а также совершение преступлений путем подкупа должностных лиц и активное использование посредников в процессе дачи и получения взяток.

Предотвращение коррупционных преступлений является одной из ключевых задач, с которой сталкиваются государства в процессе своего развития. Негативные последствия коррупции препятствуют нормальному функционированию общества, представляют серьезную угрозу национальной безо-

пасности, подрывают демократические процессы, снижают авторитет государства и ограничивают конституционные права и свободы граждан, нарушая принципы верховенства права и разрушают моральные и общественные ценности.

Целью противодействия коррупции является реализация социально-экономических, политических, правовых, организационных и структурных мер в направлении, соответствующем национальным проблемам и всесторонне отвечающем потребностям и интересам граждан России. Борьба с коррупцией является предметом изучения ученых, государственных и общественных органов и всегда способствует достижению общей цели – правового, демократического и социального развития государства. Основным антикоррупционным законом является Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹. Согласно этому закону, коррупционером является любое лицо, которое в целях получения незаконной выгоды обещает или предлагает, получает или принимает обещание, или предложение незаконной выгоды другому физическому или юридическому лицу, либо для себя, либо для другого лица, либо для лица, указанного в статье 3 главы 1 части 1 настоящего закона, либо по его просьбе, использование этим лицом государственной власти или связанных с ней объектов в целях обещания или предложения выгоды этому лицу².

По мнению ученых, основными причинами коррупции являются непрофессионализм государственных служащих, несовершенная судебная система, nepотизм, политическое покровительство, слабость организаций гражданского общества, отсутствие политической воли у руководителей государства открыто и эффективно противостоять малейшим проявлениям коррупции, а также отсутствие единства в системе исполнительной власти, т.е. наличие различных институтов, регулирующих один и тот же вопрос.

Чтобы повысить эффективность мер по предупреждению коррупционных правонарушений необходимо обращать внимание на каждую жалобу или сообщение о фактах коррупции, которые поступают от должностных лиц или осужденных. Следует унифицировать оценку обращений осужденных о коррупционных действиях, а также установить порядок реагирования на них и учета информации, организовав мониторинг статистических и других данных о коррупционных действиях в нормативных правовых актах³.

Также важной и значимой мерой является укрепление взаимодействия между уголовно-исполнительной системой и другими правоохранительными органами.

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52.

² Девятова, А.О. Личность преступника / А.О. Девятова // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 28 (40). – С. 26–28.

³ Лебедев В.М. Выступление председателя Верховного суда Российской Федерации // Российский судья. – 2009. – № 1. – С. 8.

К основным профилактическим элементам коррупционных правонарушений можно отнести:⁴

- Осведомленность о причинах и последствиях коррупционных преступлений через советы, религиозные организации и комитеты по реабилитации и амнистии, с участием общественных советов по вопросам пенитенциарной системы;
- Активная деятельность наблюдательных советов, которые посещают исправительные учреждения и центры содержания под стражей более 6000 раз в год;
- Продолжение разработки и реализации инициатив по борьбе с коррупционными правонарушениями;
- Приверженность принципам профессиональной честности, прозрачности, подотчетности и верховенства закона в процессе исполнения наказаний;
- Мониторинг и контроль за соблюдением законности сотрудниками исправительных учреждений;
- Содействие реформированию уголовно-исполнительной системы для обеспечения прозрачности и открытости в работе ее сотрудников.

В настоящее время не все учреждения имеют необходимое оборудование, а лишь какая-то часть. Достаточно активно тестируются способы сообщения о коррупционных правонарушениях через телефоны доверия, но не все считают эту работу эффективной.

Мерами по борьбе с коррупционными проявлениями наиболее действенными в уголовно-исполнительной системе являются оперативно-розыскные мероприятия, проводимые сотрудниками оперативных подразделений как самостоятельно, так и в сотрудничестве с другими правоохранительными органами.

Проанализировав работу уголовно-исполнительной системы факторами, которые способны снизить уровень коррупционных проявлений, являются:

- повышение заработной платы;
- строгость наказания за коррупционные преступления;
- постоянная работа по привлечению сотрудников к ответственности.

Исходя из вышеизложенных проанализированных практических мер по борьбе с коррупционными преступлениями в сфере исполнения уголовных наказаний можно сделать следующие выводы:

1. Основные элементы указанных мер интегрированы в мероприятия по реформированию и развитию пенитенциарной системы;

2. Присутствует необходимость принять дополнительные меры по оказанию бесплатной

⁴ Шедий М.В. Антикоррупционная коалиция институтов гражданского общества как способ партнерского взаимодействия социума и государства в сфере противодействия коррупции // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 3. – С. 255

юридической помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы;

3. Необходимо повысить роль общественных институтов в вопросах, которые связаны с правами сотрудников уголовно-исполнительной системы;

4. Нужно совершенствовать применения судебного наказания за коррупционные правонарушения;

5. Следует развивать концепцию противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе;

6. Требуется повысить ответственность руководителей учреждений за совершение коррупционных правонарушений.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
2. О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2023 год. – URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (дата обращения: 15.08.2024).
3. Ефремова О.С. Проблемы деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в сфере предупреждения рецидива преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1(104). – С. 252.
4. Дикаева М.С. Назначение и исполнение уголовных наказаний в России: криминологический анализ: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2016. – С. 3.
5. ФСИН России: официальный сайт – URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2024).
6. Горбань Д.В. Особенности уголовно-исполнительной характеристики личности осужденных к лишению свободы // Наука и практика в обеспечении режима в исправительных учреждениях и следственных изоляторах: сб. материалов всерос. науч.-практ. круглого стола. – Самара, 2017. – С. 186–188.
7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52.
8. Девятова, А.О. Личность преступника / А.О. Девятова // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 28 (40). – С. 26–28.
9. Лебедев В.М. Выступление председателя Верховного суда Российской Федерации // Российский судья. – 2009. – № 1. – С. 8.

10. Шедий М.В. Антикоррупционная коалиция институтов гражданского общества как способ партнерского взаимодействия социума и государства в сфере противодействия коррупции // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 3. – С. 255

CURRENT ISSUES OF PREVENTION CORRUPTION CRIMES IN THE CRIMINAL CODE

Yaraliev M.M., Kolev A.A.

VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia

In connection with the development of the penal enforcement system, it is necessary to ensure the legality of the performance of their duties by employees and to improve the quality of professional training. The key and main aspects in strengthening the rule of law are the fight against corruption and the formation of anti-corruption behavior among employees of the penal enforcement system. Corruption crimes are a serious threat, harming the interests of law enforcement agencies and reducing the prestige of State power, while creating criminal conditions for everyone, which in turn contribute to the commission of other offenses in institutions of the penal system. This article identifies factors that, in turn, can reduce the level of corruption.

Keywords: corruption, state, society, penal enforcement system, counteraction, problem, legality, employees.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 No. 683 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 1 (Part II). – Art. 212.
2. On judicial statistics on corruption crimes for 2023. – URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (date of access: 15.08.2024).
3. Efremova O.S. Problems of the activities of institutions and bodies of the penal system in the field of preventing recidivism // Eurasian Law Journal. – 2017. – No. 1 (104). – P. 252.
4. Dikaeva M.S. Appointment and execution of criminal penalties in Russia: criminological analysis: author's abstract ... dis. ... candidate of legal sciences. – Kaliningrad, 2016. – P. 3.
5. FSIN of Russia: official website – URL: <https://fsin.gov.ru> (date of access: 15.08.2024).
6. Gorban' D.V. Features of the criminal-executive characteristics of the personality of persons sentenced to imprisonment // Science and practice in ensuring the regime in correctional institutions and pre-trial detention centers: collection of materials of the all-Russian scientific and practical round table. – Samara, 2017. – P. 186–188.
7. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 52.
8. Devyatova, A.O. Personality of the Criminal / A.O. Devyatova // Issues of Science and Education. – 2018. – No. 28 (40). – P. 26–28.
9. Lebedev V.M. Speech by the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation // Russian Judge. – 2009. – No. 1. – P. 8.
10. Shedy M.V. Anti-corruption coalition of civil society institutions as a way of partnership between society and the state in the field of combating corruption // Humanitarian and social sciences. – 2014. – No. 3. – P. 255

Проблемы квалификации зонтичной оговорки в международных инвестиционных соглашениях Вьетнама

Дао Ле Минь Чанг,

аспирант кафедры международного частного права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
E-mail: trangdaoleminh@gmail.com

Зонтичные оговорки относительно недавно стали применяться в международных инвестиционных соглашениях Вьетнама. В правовой доктрине Вьетнама ранее не велось никаких дискуссий относительно этой оговорки, поэтому толкование понятия «зонтичная оговорка» будет основываться на доктрине, а также на практике по спорам между государством и иностранным инвестором. Автор рассмотрел исторический процесс формирования понятия «зонтичная оговорка», исследовал причины возникающей научной дискуссии о толковании данного правового феномена. В зависимости от содержания во вьетнамских инвестиционных договорах существует два типа зонтичных оговорок: 1) (Старая зонтичная оговорка) Такие оговорки существовали в прошлых редакциях ДИД; 2) (Новая зонтичная оговорка) Улучшенная формулировка, применяемая во соглашениях нового поколения с более четкими и конкретными формулировками, основанная на уроках, извлеченных из предыдущих соглашений. Старая зонтичная оговорка отсутствовала в некоторых вьетнамских инвестиционных соглашениях прошлого поколения. Из-за различных толкований доктрин и арбитражной практики старая зонтичная оговорка не применяется во Вьетнамских инвестиционных соглашениях нового поколения.

Будущее зонтичной оговорки в инвестиционных соглашениях Вьетнама нового поколения все еще остается неясным. Вьетнам не согласится с зонтичной оговоркой по ряду причин, таких как: 1) отсутствие четкого определения зонтичной оговорки на межгосударственном уровне; 2) оговорки о передаче споров в международный арбитраж, содержащиеся в международных инвестиционных договорах Вьетнама. Однако можно заметить, что ЕС все еще пытается включить зонтичную оговорку в свои соглашения.

Ключевые слова: зонтичная оговорка, интернационализация, суверенное государство, контракт между иностранными инвестициями и государством, международные инвестиционные соглашения нового поколения.

Актуальные проблемы квалификации зонтичной оговорки в инвестиционных соглашениях Вьетнама

На сегодняшний день зонтичные оговорки, содержащиеся в международных инвестиционных договорах с участием Вьетнама, не были использованы международным трибуналом, поэтому определение механизма действия зонтичных оговорок в условиях вьетнамской правовой системы, зависит от будущей арбитражной практики.

Подавляющее большинство вьетнамских зонтичных оговорок составлено по образцу европейских. Статья 12(2) Соглашение между Вьетнамом и Эстонией (2009) содержит довольно стандартную формулировку: «Каждая Договаривающаяся сторона должна соблюдать любые другие обязательства, которые могут возникнуть в отношении конкретных инвестиций инвестора другой Договаривающейся стороны». Однако подобные оговорки постепенно утрачивают силу. В 2010–2023 годах Вьетнам не включал зонтичные оговорки в свои инвестиционные соглашения.

Формулировки этих терминов почти идентичны, но были и противоположные точки зрения. Дж. Кроуфорд считал, что несомненно, там, где они сформулированы с помощью идентичных или почти идентичных терминов, им следует придавать одинаковое или сходное значение; но там, где используется другой язык по сравнению с существующими стандартными формулами, можно предположить, что подразумевалось некоторое различие в значении [12, Р. 355]. Однако К. Яннака-Смолл считает, что наиболее подходящим для толкования понятия «зонтичная оговорка» является следующее: существует несоответствие в том, как эта зонтичная оговорка сформулирована в инвестиционных соглашениях, от конкретной формулировки конкретного международного договора, его обычного значения, контекста, объекта и цели международного договора, а также от истории переговоров по этому договору или от любых других указаний на намерения сторон [10, Р. 416].

Сущность «зонтичной оговорки» заключается в том, что она инкорпорирует любые принятые государством на себя обязательства в международное соглашение: нарушение обязательства по договору с инвестором становится также нарушением обязательства государства по международному соглашению [8, С. 138]. Договорные споры, возникающие из простых договоров купли-продажи или оказания услуг, которые не могут рассматриваться

как инвестиции в соответствии с международными инвестиционными соглашениями или Вашингтонской конвенцией 1965 г. «О разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» [4, С. 91], не подпадают под действие зонтичной оговорки.

Действующие в инвестиционных договорах с участием Вьетнама, зонтичные оговорки в значительной степени созданы по образцу европейских, поэтому исследование проблемы толкования зонтичных оговорок будет основываться на них.

Правовая природа/ история зонтичной оговорки

Первым случаем, когда международный договор обеспечивал международно-правовую защиту прав, носящих национально-правовой характер, было соглашение между Великобританией и Перу о концессии на добычу полезных ископаемых от 1921 года. Цель договора заключалась в том, чтобы превратить арбитражное решение, заключенное между инвестором и государством Перу, в международное обязательство, которое Перу имеет перед Великобританией. Однако этот международный договор касался только арбитражного решения, а не нарушения первоначального концессионного договора [13].

В арбитражном решении 1930 года по делу Лена Голдфилдс против СССР содержится идея интернационализации государственных контрактов [11, Р. 401]. Она получила дальнейшее развитие в контексте возникших после 1945 года споров о том, подпадают ли государственные контракты под действие внутреннего законодательства принимающего государства или являются обязательствами на уровне международного права [16, Р. 273].

Еще в 1953 году сэр Элиху Лаутерпахт предложил заключить соглашение, содержащее «зонтичную оговорку», между Ираном и Соединенным Королевством в контексте спора между англо-иранской нефтяной компанией. В 1950–1970-е годы более четкие очертания приобрело инновационное предложение о недопущении вмешательства Ирана в концессионные права англо-иранской нефтяной компании, а также ряд арбитражных решений о прекращении концессий на Ближнем Востоке.

Первое упоминание «зонтичной оговорки» в качестве отдельного положения о защите инвестиций можно отнести к проекту Международной конвенции Абса о взаимной защите прав частной собственности в зарубежных странах 1956–1959 годов (проект Абса 1958 года) (статья 4). Раннюю и влиятельную иллюстрацию зонтичной оговорки можно найти в проекте Конвенции Абса/Шоукросса, совместной инициативе бывшего председателя правления Дойче Банка (Deutsche Bank) Германа Абса и сэра Хартли (впоследствии лорда) Шоукросса, спонсируемой частным образом. Этот подход был переформулирован в проекте Конвенции Абса-Шоукросса об иностранных инвестициях 1959 года (статья II).

Соглашение между Германией и Пакистаном от 1959 года (первый современный инвестиционный договор) уже содержало положение подобного рода. В 1959 году правительство Германии проинформировало парламент Германии о действии зонтичной оговорки: нарушение такого обязательства [инвестиционного соглашения], соответственно, также будет равносильно нарушению международно-правового обязательства, содержащегося в настоящем Соглашении.

Исторически сложилось так, что понятие международной неприкосновенности контрактов можно рассматривать в свете попытки Соединенных Штатов продвигать эту идею в tandem с идеей международного арбитража на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в начале 1960-х годов. Это положение также было одним из основных материально-правовых норм проекта Конвенции ОЭСР 1967 года о защите иностранной собственности (статья 2), который предусматривал, что: «Каждая Сторона всегда обеспечивает соблюдение обязательств, взятых ею в отношении собственности граждан любой другой Стороны».

Первое дело Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, в котором применили зонтичную оговорку, было рассмотрено в 1998 году: компания Fedax против Венесуэлы. Спор был основан на двустороннем инвестиционном договоре между Нидерландами и Венесуэлой. В данном случае арбитражный суд не знал о существовании зонтичной оговорки и не провел какого-либо углубленного изучения этой оговорки или ее применения. Суд применил указанное положение основываясь на его обычном толковании, согласно которому обязательства по двусторонним инвестиционным договорам (далее – ДИД) должны соблюдаться в отношении договорного документа, связанного с простым векселем.

Различные интерпретации зонтичной оговорки в юридической науке

В настоящее время в российской и зарубежной доктрине международного права существуют диаметрально противоположные мнения об интерпретации зонтичных оговорок.

По мнению А.А. Ануфриевой, инструментом такого распространения международно-правовой защиты стали включаемые в тексты инвестиционных договоров зонтичные оговорки, позволяющие поднимать частноправовые по сути отношения на уровень международно-правовых [1, С. 46]. Г.М. Вельяминов считает подобные **зонтичные оговорки незаконными**, потому что они юридически неосновательно используются для разрушения основ классического разделения публичного и частного, национального и международного права, а также и для узкоприкладных попыток трансформации частноправовых обязанностей государств в международно-правовые [3, С. 337].

Другие исследователи не столь категоричны (I. Shihata, Prosper Weil, René-Jean Dupuy, Monsieur

Gaillard, Georg Schwarzenberger, Rudolf Dolzer). Они полагают, что **зонтичные оговорки интернационализируют контракты и односторонние обязательства принимающего государства**. Интернационализация государственных контрактов – это явление, при котором инвестор и государство находят компромисс, позволяющий иностранному инвестору подчинить свой государственный контракт международному праву или нейтральной правовой системе [11, С.401]. Сторонники концепции интернационализации утверждают, что указав международное право вместо внутреннего договорного права в качестве регулирующего права концессионного договора и указав международный арбитраж в пункте о выборе суда, принимающее государство будет связано в соответствии с международным правом индивидуальными обязательствами по соглашению.

Наиболее распространенная версия этой теории предполагает существование своего рода универсального международного частного договорного права, выходящего за рамки национального права или международного публичного права, основанного на международной коммерческой практике, современного *lex mercatoria*, которое применяется к транснациональным концессионным контрактам между иностранными инвесторами и государствами. Однако профессор М. Сорнараджа считает, что этот контракт был заключен из-за того, что частные органы (транснациональные корпорации) стремились создать нормы путем использования источников права более низкого порядка, таких как общие принципы права или труды высококвалифицированных публицистов [18, Р. 99]. Он утверждал, что транснациональные корпорации, долгое время обладавшие властью, создавали удобное для себя международное право по мере создания теории интернационализации [18, Р. 100].

Некоторые ученые (Rudolf Dolzer, Schill Stephan W) предположили, что цель **зонтичной оговорки заключается в том, чтобы превратить нарушение контракта между государством и иностранным инвестором в нарушение международного инвестиционного договора**, заключенного с государством пребывания инвестора, что влечет за собой международную ответственность принимающего государства и открывает путь к международным процедурам урегулирования споров, предусмотренным международным инвестиционным договором [17, Р. 956] [19, Р. 2, 94]. Однако А.А. Данельян с этим не согласен, он полагает, что **зонтичная оговорка не может трансформировать частнопроводную обязанность государства, в связи с нарушением инвестиционного контракта, в публично-правовую обязанность государства в соответствии с международным правом** [5, С. 108].

Но профессор М. Сорнараджа и его студенты (C.L. Lim, Jean Ho) считают, что **зонтичная оговорка** является механизмом обеспечения соблюдения обязательств государства, **но не интернационализируют** контракты и односторонние обязатель-

ства принимающего государства [9, Р. 350–375]. М. Сорнараджа придерживается мнения, что контракт заключается и должен исполняться на территории государства, и каждая теория коллизионного права указывает на применение законов принимающего государства к исполнению контракта, международное право не играет никакой роли в процессе заключения контракта, и его последующее исполнение, оба из которых регулируются внутренним законодательством. Ни в одной из этих областей нет соответствующих норм международного права [18, Р. 94]. Контракт об иностранных инвестициях может быть заключен только на основе национальной правовой системы и существует только в той мере, в какой это разрешено этой правовой системой [18, Р. 98].

Промежуточный подход – это **зонтичная оговорка, охватывающая только те части контрактов или обязательств, которые были совершены в порядке осуществления суверенной власти**. Т. Вельде (T. Wälde) считает, что принцип международного права будет защищать нарушения и вмешательство в контракты, заключенные с правительством или подпадающие под действие правительственных полномочий, только в том случае, если правительство воспользуется своими особыми суверенными прерогативами для уклонения от выполнения своих договорных обязательств или существенного вмешательства в такие обязательства. Есть авторы, которые выступают за то, что это оговорки ограничивают суверенитет государства, превращая частные инвестиционные контракты в международные договоры [2, С. 177].

Идея о том, что суверенные регулирующие полномочия государства могут быть ограничены договором, инструментом частного права, не укладывается в теорию публичного права многих государственных систем. Это противоречило бы общим принципам права. Общеизвестным является принцип, согласно которому императивные принципы внутреннего публичного права не могут быть нарушены осуществлением автономии частных сторон, участвующих в заключении договора [18, Р. 98]. **Зонтичная оговорка** выходит за рамки обычного международного права, позволяя иностранным инвесторам предъявлять претензии в связи с нарушением обязательств принимающего государства в качестве нарушения зонтичной оговорки соответствующего инвестиционного договора, не ограничиваясь преследованием экспроприационных, дискриминационных или произвольных действий или, в более общем плане, нарушений суверенного характера [19, Р. 6].

Существует также предположение, что положения о **справедливом и равноправном режиме** уже действуют как «де-факто зонтичная оговорка» или даже что зонтичная оговорка должна действовать только в сочетании с другими договорными стандартами [9, Р. 351]. Поиск защиты в инвестиционном контракте с помощью справедливого и равноправного режима вместо зонтичной оговорки позволяет избежать надуманного приме-

нения различия между юридическими действиями и юридическими полномочиями в отношении договорных нарушений, многие категории которых могут быть совершены как суверенными, так и частными договаривающимися сторонами [15, Р. 276].

Согласно одному мнению, возможная экстраполяция на будущее развитие событий в этой области заключается в том, что там, где имеется широко сформулированная клаузула о **режиме наиболее благоприятствуемой нации** и зонтичная оговорка в базовом договоре, более широко сформулированная зонтичная оговорка в договоре третьей стороны может быть импортирована посредством режима наиболее благоприятствуемой нации [14, Р. 211].

Различные интерпретации зонтичной оговорки при разрешении споров между государством и иностранным инвестором

Зонтичная оговорка была предметом обсуждения в школах на протяжении десятилетий и никогда не была частью юридической науки до 2003–2004 годов из-за судебных процессов, связанных с SGS против Пакистана, SGS против Филиппин. Как и в случае с доктриной, кейсы рассматриваются с разных точек зрения. Большинство ученых, рассматривающих кейсы, делятся на два направления толкования, в узком и широком смысле:

1) Представители первой школы предпочитают узкое толкование этой оговорки. Такое толкование зонтичной оговорки было поддержано на основе (а) намерения государств-участников (SGS v. Pakistan and Joy Mining v. Egypt) и (б) зависело от того, действовало ли суверенное государство в ходе заключения конкретного контракта в качестве суверена или коммерсанта (El Paso v. Argentina and Pan American v. Argentina);

2) Вопреки этому, существует школа, поддерживающая широкое толкование этой **оговорки**: (а) решения, которые способствуют преобразованию требований по контракту в требования по договору (Eureka v. Poland and Noble Ventures v. Romania) и (б) решения, принимаемые в пользу сохранения надлежащего правового режима договора (SGS v. Philippines and CMS v. Argentina).

По словам Рудольфа Дольцера, Урсула Крибаум и Кристоф Шройер разделили эти случаи на две категории: эффективное применение **зонтичной оговорки** и ограничительное применение **зонтичной оговорки** [16, Р. 275–282]:

1) Эффективное применение **зонтичной оговорки**: Noble Ventures v. Romania, SGS v. Paraguay, Eureka v. Poland. В других решениях суды аналогичным образом полностью применили **зонтичную оговорку** и подтвердили, что в силу такого положения невыполнение принимающим государством обязательств, принятых в отношении инвестиций, равносильно нарушению международного договора. Это гарантировало инвесторам возможность выполнять обещания принимающего государства посредством инвестиционного арбитража независимо от выбранного закона.

2) Ограничительное применение **зонтичной оговорки**: В ряде других дел суды устанавливали различные ограничения на применение **зонтичной оговорки**: SGS v. Pakistan, El Paso v. Argentina and Pan American v. Argentina, Siemens v. Argentina, CMS v. Argentina, Sempra v. Argentina. Государства, заключающие инвестиционный договор, вольны определять сферу его действия и предоставляемые в нем гарантии. Если стороны решат расширить сферу действия договора, чтобы в некоторой степени охватить операции, которые ранее считались «коммерческими» или «договорными» по своему характеру, общепринятая терминология не сможет помешать намерениям сторон. По этой причине любые попытки ограничить сферу действия зонтичной оговорки ссылкой на такие абстрактные понятия, как «суверенные акты», «коммерческие акты» или «административные договоры», неубедительны.

Жан Хо разделил дела на три категории в зависимости от интернационализации [15, Р. 205–214]:

1) Первая, отвергающая интернационализацию зонтичной оговорки, утверждает, что, хотя зонтичная оговорка устанавливает международное обязательство принимающего государства соблюдать взятые на себя обязательства, зонтичная оговорка не преобразует договорные обязательства, которые регулируются надлежащим законодательством договора, скорее всего национальным законодательством, в международные обязательства, регулируемые международным правом (без интернационализации: SGS v. Philippine);

2) Вторая, которая выступает за частичную интернационализацию зонтичной оговорки, признает, что нарушение договора может быть квалифицировано как нарушение международного договора только в том случае, если принимающее государство действовало в суверенном качестве. Международное право нарушается не просто потому, что нарушается договорное обязательство, а потому, что оно нарушается в связи с осуществлением суверенной власти (частичная интернационализация: Joy Mining v. Egypt);

3) Третья сторона выступает за интернационализацию зонтичной оговорки. Другими словами, любое нарушение договорного обязательства является нарушением международного обязательства (полная интернационализация: Noble Ventures v. Romania).

Зонтичная оговорка в двусторонних инвестиционных договорах, стороной которых является Вьетнам

Рассматривая зонтичная оговорка в двусторонних инвестиционных договорах, **стороной которых является Вьетнам**, можно заметить, что они обладают следующими общими характеристиками:

Во-первых, в **зонтичной оговорке** используются **обязательные формулировки** (например, «любое обязательство» (any commitment) [Singa-

pore – Vietnam BIT (1992) Article 15], «любая обязательность» (any obligation) [Netherlands – Vietnam BIT (1994) Article 3 (4)], «любые договорные обязательства» (any contractual obligations) [Ukraine – Vietnam BIT (1994) Article 10 (2)], «любое другое обязательство» (any other obligation) [Romania – Vietnam BIT (1994) Article 7 (2)], «любое юридическое обязательство» (any legal obligation) [Morocco – Vietnam BIT (2012) Article 2].

Во-вторых, **большинство соглашений Вьетнама содержит оговорку с четкими и прямыми формулировками:** «будет соблюдать» (*shall observe*) или «будет уважать» (*shall respect*), «будет подчиняться» (*shall comply with*). В частности, в Швейцарско-вьетнамском ДИД (1992) требуется более строгая формулировка, имеющая обязательную силу, как в статье 11: «Каждая Договаривающаяся сторона всегда должна соблюдать обязательства, принятые ею в отношении инвестиций инвесторов другой договаривающейся стороны».

В-третьих, зонтичная оговорка относится к обязательствам, взятым на себя государством, и не относится к обязательствам между частными лицами или компаниями.

В-четвертых, **зонтичные оговорки, включенные в различные положения инвестиционных соглашений**, например, статья 2 Поощрение и защита инвестиций ДИД между Великобританией и Вьетнамом (2002), статья 3 Защита ДИД между Испанией и Вьетнамом (2006), статья 7 Другие обязательства ДИД между Австрией и Вьетнамом (1995), и др. Место применения зонтичной оговорки в арбитражной практике также является спорным.

В-пятых, **в то время как в некоторых зонтичных оговорках упоминается об обязательствах**, которые государство «могло взять» (it may have entered into) [Netherlands – Vietnam BIT (1994) Article 3 (4)], в других говорится об обязательствах, которые государство «взяло» (it has assumed with) [Romania – Vietnam BIT (1994) Article 7 (2)], «взяло обязательства перед» (it has undertaken towards) государством [Ukraine – Vietnam BIT (1994) Article 10 (2)].

В-шестых, **сфера применения зонтичной оговорки инвестиционного соглашения Вьетнама до конца не ясна**. Некоторые ДИД уточняют сферу применения, более точно определяя «договорные обязательства» (contractual obligation) [Austria – Vietnam BIT (1995) Article 7 (2)] или «письменной форме» (in writing) [Spain – Vietnam BIT (2006) Article 3 (2)].

Зонтичная оговорка в международных инвестиционных соглашениях «нового поколения», членом которых является Вьетнам

Разногласия по поводу толкования зонтичной оговорки, по сути, являются продолжением сохраняющейся напряженности в отношениях между развива-

ющимися и развитыми странами в отношении иностранных инвестиций [21, Р. 140, 179]. В результате развивающиеся страны стремятся ограничительно толковать любое международное инвестиционное соглашение, которое предоставляет права инвестору и налагает обязательства на принимающее государство, в то время как развитые страны будут толковать это же положение расширительно [21, Р. 140]. Точно так же инвестор является представителем развитой страны, а принимающее государство, Вьетнам, – развивающейся страной.

Государство может по своему усмотрению включить в двусторонние инвестиционные договоры положение о том, что все нарушения контрактов каждого государства с инвесторами другого государства будут рассматриваться как нарушения двусторонних инвестиционных договоров [20, Р. 206]. Действительно, «государства должны быть впрямь осторожны при заключении соглашений о взаимной защите капиталовложений, в частности, в том, что касается согласия на разрешение международным арбитражем всех могущих возникнуть в будущем споров с иностранным инвестором» [7, С. 304]. Однако в ситуации, когда законодательство Вьетнама также требует завершения судебных и институциональных процедур в стране, урегулирование споров между инвестором и государством может ослабить давление, связанное с реформированием внутренних процедур разрешения споров в принимающей стране. Государство не ограничивает свой суверенитет, а, наоборот, использует свои суверенные права, позволяя иностранным инвесторам обратиться в международный арбитраж с иском к государству [6, С. 35].

Международные инвестиционные соглашения «нового поколения», членом которых является Вьетнам, такие как Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве 2018, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство 2020, Соглашения о создании зоны свободной торговли стран АСЕАН 2009, Австралии и Новой Зеландии 2019 являются наглядным доказательством этого, хотя в соглашениях не включена **зонтичная оговорка**.

Соглашение о защите инвестиций между ЕС и Вьетнам действительно содержит довольно сложную зонтичную оговорку (пункт 6 Статья 2.5. Режим инвестиций), а именно:

«Если Сторона заключила письменное соглашение с инвесторами другой Стороны или инвесторами, осуществляющими инвестиции, которые удовлетворяют всем нижеследующим условиям, эта Сторона не должна нарушать это соглашение путем осуществления государственной власти. Условиями являются:

(а) письменное соглашение заключено и вступает в силу после даты вступления в силу настоящего Соглашения;

(б) инвестор полагается на письменное соглашение при принятии решения о внесении или сохранении покрываемых инвестиций, за исключением самого письменного соглашения, и его на-

рушение наносит фактический ущерб этим инвестициям;

(с) письменное соглашение 1 устанавливает обмен правами и обязанностями в связи с указанной инвестицией, обязательный для обеих сторон; и

(d) письменное соглашение не содержит положения об урегулировании споров между сторонами этого соглашения посредством международного арбитража».

Заключение

На самом деле зонтичная оговорка исходит от крупных развитых стран, в случаях, когда они заботятся о защите активов своих инвесторов в инвестиционных контрактах, подписанных в соответствии с национальным законодательством развивающихся стран. Такие оговорки разработаны в ответ на опасения, что национальные законы этих стран могут считаться несовершенными. Споры вокруг зонтичной оговорки также связаны с обеспечением баланса интересов инвесторов и государства. Первоначальная цель создания зонтичной оговорки, предложенной развитыми странами, состоит в том, чтобы гарантировать защиту своих инвесторов в контрактах, защищаемых международным арбитражем в рамках инвестиционного соглашения. Никакие статистические данные не указывают на то, что наличие оговорки зонтичной поможет иностранным инвесторам быть более защищенными или привлекательными для инвестирования в принимающую страну. Кроме того, как в доктрине, так и в судебной практике зонтичной оговорки толкуется по-разному.

В зависимости от содержания во вьетнамских инвестиционных договорах существует два типа зонтичных оговорок: 1) (Старая зонтичная оговорка) Такие оговорки существовали в прошлых редакциях ДИД; 2) (Новая зонтичная оговорка) Улучшенная формулировка/соглашения нового поколения с более четкими и конкретными формулировками, основанные на уроках, извлеченных из предыдущих соглашений. Старая зонтичная оговорка отсутствовала в некоторых вьетнамских инвестиционных соглашениях старого поколения. Из-за различных толкований доктрин и арбитражной практики старая зонтичная оговорка не применяется во Вьетнамских инвестиционных соглашениях нового поколения.

Государства использовали свои суверенные полномочия, чтобы не согласиться с включением зонтичной оговорки в международные инвестиционные соглашения. Это может быть связано с тем, что зонтичные оговорки рассматриваются как ограничение суверенитета государства. Будущее зонтичной оговорки в инвестиционных соглашениях Вьетнама нового поколения будет еще более неясным. Вьетнам не согласится с зонтичной оговоркой по ряду причин, таких как: 1) отсутствие четкого определения зонтичной оговорки на межгосударственном уровне; 2) оговорки о передаче споров в международный арбитраж, содержащиеся в международных инвестиционных договорах

Вьетнама. Тенденция применения зонтичной оговорки все еще существует, это зависит от согласия государств относительно сферы защиты, предусмотренной международными инвестиционными договорами, необходимости получения государствами иностранных инвестиций и степени риска, который государства принимают на себя.

Литература

1. Ануфриева, А.А. Регулирование иностранных инвестиций в ЕС. Общие вопросы и инвестирование в энергетический сектор: монография / А.А. Ануфриева. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2014. 128 с.
2. Ахмадова М.А. Гражданско-правовой механизм регулирования инвестиционной деятельности в странах БРИКС: на примере Индии, Китая и ЮАР: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Ахмадова Марьям Абдурахмановна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2019. 223 с.
3. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты / Г.М. Вельяминов; Российская академия наук, Институт государства и права. – М.: Статут, 2015. 1006 с.
4. Викторова Н.Н. Эволюция правового понятия «иностранная инвестиция» в условиях сетевого общества// *Lex russica*, 2019. № 11. С. 88–95.
5. Данельян А. А. «Зонтичные оговорки» в двусторонних инвестиционных договорах// *Аграрное и земельное право*, 2015. No 10 (130). С. 103–108.
6. Дмитриева Г.К. Викторова. Н.Н. Суверенитет государства в контексте привлечения иностранных инвестиций// *Актуальные проблемы российского права*, 2018. № 12 (97). С. 26–38.
7. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2016. 1008 с.
8. Оганезова С.Р. Особенности определения юрисдикции и применимого права в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС): диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Оганезова Светлана Романовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. – М., 2020. 237 с.
9. *Alternative visions of the international law on foreign investment: essays in honour of Muthucumaraswamy Sornarajah*. edited by Chin Leng Lim. New York Cambridge University Press, 2016. 529 p.
10. *Arbitration under International Investment Agreements. A Guide to the Key Issues. Second Edition*. Edited by Katia Yannaca-Small. Oxford University Press, 2018. 950 p.
11. Boltenko Olga. *The Umbrella Revolution: State Contracts and Umbrella Clauses in Contemporary Investment Law*. J. Chaisse et al. (eds.). *Handbook of International Investment Law and Policy*, 2021. 19 p.

12. Crawford, James. Treaty and Contract in Investment Arbitration. *Arbitration International*, Volume 24, Issue 3, 1 September 2008, P. 351–374.
13. Gautam Pradhuman. The Umbrella Clause: A Search for Greater Legal Certainty (August 25, 2008). // SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1635145> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1635145>. 73 p.
14. Hanoi Law University. Textbook on International Investment Law. Co-Editors: Professor, Dr. Claudio Dordi – Bocconi University, Italy and Dr. Nguyen Thanh Tam – Hanoi Law University. Hanoi, 2017. 778 p.
15. Jean Ho. State responsibility for breaches of investment contracts. Cambridge university press, 2018. 374 p.
16. Rudolf Dolzer, Ursula Kriebaum and Christoph Schreuer. Principles of International Investment Law. Oxford University Press, 2022. 560 p.
17. Rudolf Dolzer. The impact of international investment treaties on domestic administrative law// NYU Journal of International Law and Politics, 2005. Vol. 37. P. 953–972.
18. Sornarajah M. Resistance and change in the international law on foreign investment. Cambridge University Press, 2015. 474 p.
19. Stephan W. Schill. Enabling Private Ordering: Function, Scope and Effect of Umbrella Clauses in International Investment Treaties// Minnesota Journal of International Law, 2009. Vol 18:1. 97 p.
20. Surya P. Subedi. International Investment Law: Reconciling Policy and Principle. Oxford and Portland, Oregon, 2008. 229 p.
21. Wong Jarrod. Umbrella Clauses in Bilateral Investment Treaties: Of Breaches of Contract, Treaty Violations, and the Divide between Developing and Developed Countries in Foreign Investment Disputes (August 29, 2008)// George Mason Law Review, 2006. Vol. 14. 43 p.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE UMBRELLA CLAUSE IN VIETNAM'S INTERNATIONAL INVESTMENT AGREEMENTS

Dao Le Minh Trang

Kutafin Moscow State Law University

Umbrella clauses have been applied relatively recently in Vietnam's international investment agreements. Vietnam's legal doctrine has not previously held any discussions regarding this reservation, so the interpretation of the concept of an "umbrella clause" will be based on doctrine, as well as on practice in disputes between the State and a foreign investor. The author examined the historical process of the formation of the concept of "umbrella clause", investigated the causes of the emerging scientific debate on the interpretation of this legal phenomenon. However, it can be seen that the EU is still trying to include umbrella clause in its agreements, improving detailed explanations.

Depending on the content in Vietnamese investment treaties, there are two types of umbrella clauses: 1) (Old umbrella clause) Exist in the old version in the old bits; 2) (New umbrella clause) Improved wording/new generation agreements with clearer and more specific formulations based on lessons learned from previous agreements. The old umbrella clause was absent from some old-generation Vietnamese investment agreements. Due to differing interpretations of doctrines and arbitration practices, the old umbrella clause has been removed from the new generation of Vietnamese investment agree-

ments. The future of the umbrella clause in Vietnam's new-generation investment treaties will be even more unclear.

Vietnam could not accept the umbrella clause for a number of reasons, such as: 1) the lack of a clear definition of an umbrella clause; 2) reservations on the transfer of disputes to international arbitration contained in Vietnam's international investment treaties. However, it can be seen that the EU is still trying to include umbrella clause in its agreements, improving detailed explanations.

Keywords: umbrella clause, internationalization, sovereign state, contract between foreign investments and the state, new generation international investment agreement.

References

1. Anufrieva, A.A. Regulirovanie inostrannykh investitsiy v ES: obšie voprosy i investirovanie v energeticeskiy sektor [Regulation of foreign investment in the EU: general issues and investment in the energy sector]. Moscow: ICD "Zertsalo-M", 2014. 128 s.
2. Ahmadova, M.A. Grazhdansko-pravovoy mekhanizm regulirovaniya investitsionnoy dejatel'nosti v stranah BRIKS: na primere Indii, Kitaja i JuAR [The civil law mechanism for regulating investment activities in the BRICS countries: on the example of India, China and South Africa]: dissertatsiya ... kandidata juridiceskikh nauk: 12.00.03 / Ahmadova Maryam Abdurahmanovna; [Mesto zasity: Ros. un-t druzby narodov]. – Moskva, 2019. 223 s.
3. Velyaminov, G.M.. Mezhdunarodnoe pravo: opyty [International Law: experiments]/ G.M. Velyaminov; Rossiyskaya akademiya nauk, Institut gosudarstva i prava. – Moskva: Statut, 2015. 1006 s.
4. Viktorova, N.N. (2019). Evolyuciya pravovogo ponyatiya «inos-trannaya investitsiya» v usloviyah setevogo obsestva [Evolution of the legal concept of "foreign investment" in a network society]// Lex russica, 2019. № 11. S. 88–95.
5. Danelyan, A.A. «Zontichnye ogovorki» v dvustoronnih investitsionnykh dogovorah ["Umbrella clauses" in bilateral investment treaties. Private international law]. Mezhdunarodnoe castnoe pravo. Agrarnoe i zemelnoe pravo, 2015. No 10 (130). S. 103–108.
6. Dmitrieva, G.K., Viktorova, N.N. Suverenitet gosudarstva v kontekste privlecheniya inostrannykh investitsiy [State sovereignty in the context of attracting foreign investment]// Aktualnye problemy rossiyskogo prava, 2018. № 12 (97). S. 26–38.
7. Kanasevskiy, V.A. Mezhdunarodnoe castnoe pravo: ucebnyk [International private law: textbook]. 3-e izd., pererab. I dop. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 1008 s.
8. Oganezova, S.R. Osobennosti opredeleniya iurisdikcii i primenimogo prava v praktike Mezhdunarodnogo centra po uregulirovaniyu investitsionnykh sporov (MCUIS): [Peculiarities of determining jurisdiction and applicable law in the practice of the International Center for Settlement of Investment Disputes (ICSID)]. dissertatsiya ... kandidata juridiceskikh nauk: 12.00.03 / Oganezova Svetlana Romanovna; [Mesto zasity: FGBOU VO «Moskovskij gosudarstvennyj juridiceskiy universitet imeni O.E. Kutafina (MSAL)»]. – Moskva, 2020. 237 s.
9. Alternative visions of the international law on foreign investment: essays in honour of Muthucumaraswamy Sornarajah. edited by Chin Leng Lim. New York Cambridge University Press, 2016. 529 p.
10. Arbitration under International Investment Agreements. A Guide to the Key Issues. Second Edition. Edited by Katia Yannaca-Small. Oxford University Press. 2018. 950 p
11. Boltenko Olga. The Umbrella Revolution: State Contracts and Umbrella Clauses in Contemporary Investment Law. J. Chaisse et al. (eds.). Handbook of International Investment Law and Policy, 2021. 19 p.
12. Crawford James. Treaty and Contract in Investment Arbitration Treaty and Contract in Investment Arbitration. *Arbitration International*, Volume 24, Issue 3, 1 September 2008, P. 351–374.
13. Gautam Pradhuman. The Umbrella Clause: A Search for Greater Legal Certainty (August 25, 2008). // SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1635145> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1635145>. 73 p.
14. Hanoi Law University. Textbook on International Investment Law. Co-Editors: Professor, Dr. Claudio Dordi – Bocconi University, Italy and Dr. Nguyen Thanh Tam – Hanoi Law University. Hanoi, 2017. 778 p.
15. Jean Ho. State responsibility for breaches of investment contracts. Cambridge university press, 2018. 374 p.

16. Rudolf Dolzer, Ursula Kriebaum and Christoph Schreuer. *Principles of International Investment Law*. Oxford University Press, 2022. 560 p.
17. Rudolf Dolzer. The impact of international investment treaties on domestic administrative law// *NYU Journal of International Law and Politics*, 2005. Vol. 37. P. 953–972.
18. Sornarajah M. *Resistance and change in the international law on foreign investment*. Cambridge University Press, 2015. 474 p.
19. Stephan W. Schill. *Enabling Private Ordering: Function, Scope and Effect of Umbrella Clauses in International Investment Treaties*// *Minnesota Journal of International Law*, 2009. Vol 18:1. 97 p
20. Surya P. Subedi, *International Investment Law: Reconciling Policy and Principle*. Oxford and Portland, Oregon, 2008. 229 p.
21. Wong Jarrod. *Umbrella Clauses in Bilateral Investment Treaties: Of Breaches of Contract, Treaty Violations, and the Divide between Developing and Developed Countries in Foreign Investment Disputes* (August 29, 2008). *George Mason Law Review*, 2006. Vol. 14. 43 p.

Индивидуальная и коллективная ответственность за массовые преступления: международный опыт и национальные подходы

Лозовицкая Галина Петровна,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Краевская Анна Геннадьевна,

студент ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

В научной работе рассматривается индивидуальная и коллективная ответственность через призму уголовного права в рамках российского международного права. Анализируется проблематика коллективной ответственности за массовые преступления, выявляются пути решения проблем и способы совершенствования мер со стороны государства по улучшению работы правоохранительных органов. Уделяется внимание к национальным подходам в рассмотрении индивидуальной и коллективной ответственности за массовые преступления.

Ключевые слова: уголовное право, международное право, коллективная ответственность, индивидуальная ответственность, преступление, правонарушение, ответственность, законодательство.

Индивидуальная и коллективная ответственность за массовые преступления фигурируют в правовом поле, как важные юридические понятия, относящиеся к ответственности за преступления, совершенные как в индивидуальном порядке, так и организованными группами. Авторы считают целесообразным рассмотреть понятийный аппарат связанной с проблематикой терминологии подробно.

Индивидуальная ответственность, в первую очередь, подразумевает непосредственную юридическую, моральную или иной вид ответственности за преступления, совершенные конкретным лицом. В данном случае виновное лицо несет ответственность за свои действия или бездействие, а также за последствия преступления в пределах, установленного законом. Коллективная ответственность фигурирует как тип ответственности, при котором группа лиц или организация несут ответственность за совершенные ими преступления или другие правонарушения. Коллективная ответственность может основываться на совместной деятельности, общих целях, недостатке контроля в организации или других обстоятельствах.

Из этого следует, что массовое преступление – это преступление, совершаемое группой лиц, которое имеет серьезные последствия и охватывает большое количество людей. Индивидуальная и коллективная ответственность применяются в случае обнаружения массовых преступлений для справедливого и эффективного привлечения к ответственности тех, кто виновен в их совершении.

В уголовном праве фигурируют понятия «индивидуальная ответственность» и «коллективная ответственность». Под индивидуальной ответственностью понимается то, что каждый человек несет ответственность за свои сугубо личные действия и бездействий. Если лицо совершает преступление, то оно может быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии с законом. С одной точки зрения, коллективная ответственность тесно связана с участием группы людей в противозаконной деятельности. Однако, в некоторых случаях, законодательство рассматривает возможность привлечения к ответственности согласно уголовному кодексу не только отдельных лиц, но и групп или организаций, которые содействуют или напрямую фигурируют в преступлениях. Так, например, подобные меры могут быть применены к организованной преступной группировке или корпорации, если их деяния нарушению законодательства Российской Федерации. В случае применения коллек-

тивной ответственности предельно важно соблюдать принципы справедливости и доказательность участия в противоправном деянии. Абсолютно каждое лицо должно нести ответственность исключительно за свои действия, а не за действия других лиц в группе, если только оно не было непосредственно связано с фактом совершения преступления. Таким образом, индивидуальная и коллективная ответственность признаны важными принципами уголовного права, которые помогают обеспечить справедливость через наказания за совершение преступлений.

Международный опыт аналогичным образом доказывает, что ответственность за массовые преступления может быть индивидуальной и коллективной. Индивидуальная ответственность подразумевает привлечение индивидуальных лиц к ответу за свои действия, особенно если они были совершены против человечности, либо же квалифицированы как военные преступления или носили грубый характер нарушения норм международного права. Такие действия вызывают последствия, а именно преследование и судебное разбирательство перед национальными и международными судами. Коллективная ответственность может применяться к организациям, группам и государствам, которые прямо или косвенно принимают участия в массовых преступлениях. Так, например, международные трибуналы. Анализ истории Международного трибунала по Югославии и Руанде, показал, что преследовали и признавали виновными не только отдельных преступников, но и организации, которые отвечали за совершение преступлений массового характера. Резюмируя все вышеперечисленные аргументы, авторы считают, что эффективное привлечение к ответственности за массовые преступления требует плодотворного международного сотрудничества сообществ на мировой арене, развития международного права и существования независимых судов, которые способны рассматривать подобные дела. Так, разработка и ратификация Римского статута Международного уголовного суда сыграли важную роль в обеспечении ответственности за массовые преступления.

За рубежом вопросы индивидуальной и коллективной ответственности прошли определенные этапы развития и формирования. Так, в международном праве индивидуальная ответственность за массовые преступления, такие как геноцид, преступления против человечности и военные преступления, регулируется международными соглашениями, например, Римским статутом Международного уголовного суда. Данный нормативно-правовой документ регламентированы основные принципы индивидуальной ответственности перед международными трибуналами. Коллективная ответственность также имеет место, когда государства несут ответственность за преступления, допущенные их государственными органами. Стоит также отметить, что ряд стран имеют опыт использования судов и трибуналов для привлечения

к ответственности лиц, совершивших массовые преступления. Так, к примеру, Международный уголовный трибунал был привлечен для бывшей Югославии, а Международный уголовный трибунал для Руанды.

В целом развитие понятийного аппарата индивидуальной и коллективной ответственности связано с историческими событиями, такими как Нюрнбергские и Токийские процессы после Второй мировой войны. Эти судебные процессы установили важные прецеденты в области международного права, включая принцип индивидуальной ответственности лидеров за преступления против человечности. Таким образом, индивидуальная и коллективная ответственность за массовые преступления обсуждаются и применяются как на международном уровне, так и в отдельных национальных законодательствах (судебных практиках) различных стран.

На территории Российской Федерации предусмотрена как индивидуальная, так и коллективная ответственность за массовые преступления. Индивидуальная ответственность подразумевает, что каждый человек несет ответственность исключительно за собственные действия, включая участие в массовых преступлениях. Коллективная ответственность, в свою очередь, применяется в случаях, когда в преступлении фигурирует группа людей. Так, например, организованная преступная группа совершает преступление совместно (то есть организовано). Таким образом, в соответствии с «Уголовным кодексом Российской Федерации» от 12.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023), лица, участвующие в массовых преступлениях, могут быть привлечены к ответственности за совершенное правонарушение. Они будут осуждены и наказаны в соответствии с законом – лишение свободы, штраф или иное наказание, предусмотренное законодательством Российской Федерации. Более того, может приниматься коллективная ответственность, если группа совершает массовые преступления. К примеру, когда организация или сообщество поддерживают финансово террористическую деятельность [1].

Лишь в последние годы индивидуальная и коллективная ответственность за массовые преступления стала вызывать интерес у множества ученых. Некоторые из них полагают, что в центре внимания должна стоять индивидуальная ответственность, так как каждый человек несет личную ответственность за свои действия или бездействие, в том числе и в случае массовых преступлений. Согласно этому подходу, виновные в преступлениях должны быть четко идентифицированы и привлечены к ответственности согласно установленным законом процедурам. Другие ученые утверждают, что коллективная ответственность также имеет свое место, особенно в контексте организованных групп или структур, совершающих преступления. Они поддерживают идею, что ответственность может быть распределена не только на отдельных

исполнителей, но и на всю группу, если она в целом несет ответственность за допущенные противоправные деяния. Важно отметить, что вопросы индивидуальной и коллективной ответственности за массовые преступления требуют глубокого изучения и анализа как фактических, так и этических аспектов. Каждый подход имеет свои аргументы и противоположные точки зрения, поэтому подробно их рассматривать не будем. Отметим только, что и дальнейшие исследования в этой области смогут помочь более полно понять и прояснить принципы ответственности в контексте массовых преступлений.

Таким образом, можно сделать определенные выводы. Итак, некоторые исследователи подчеркивают, что при рассмотрении массовых преступлений важно учитывать роль каждого отдельного участника. Исследование мотивации, действий и личной ответственности конкретных лиц, совершивших преступления, имеет важное значение для точного выявления виновных и применения справедливых санкций. Другие ученые в своих работах поднимают вопрос о коллективной ответственности за массовые преступления. Этот подход предполагает, что несмотря на индивидуальные действия, ответственность может быть распространена на всю группу (ОГ) или структуру (ОПФ), если она в целом содействовала или организовывала преступления. Исследования в этой области помогают лучше понять динамику групповой ответственности и возможные меры предотвращения массовых преступлений. Иное мнение формируется в ходе анализа взаимосвязи между действиями отдельных лиц и влиянием группы или организации на совершение преступлений. Таким образом, в целом мнения ученых по вопросу индивидуальной и коллективной ответственности за массовые преступления могут различаться и подвергаться активным научным дискуссиям, направленным на более точное определение принципов ответственности в контексте массовых преступлений и требуют конкретики по многим аспектам.

Оценивая опыт Российской Федерации, можно отметить, что национальные подходы к рассмотрению индивидуальной и коллективной ответственности за массовые преступления обладают некоторыми аспектами: индивидуальная ответственность, коллективная ответственность и международное сотрудничество. Во-первых, на территории Российской Федерации применяется принцип индивидуальной ответственности, согласно которому лица, совершившие массовые преступления подлежат соответствующему наказанию в рамках законодательства – они могут быть арестованы правоохранительными органами, осуждены и наказаны в соответствии с процедурами, прописанными в уголовном кодексе Российской Федерации. В России также применяется принцип коллективной ответственности, если массовое преступление совершено организованной группой, то возможно привлечение к уголовной ответственности. В-третьих, Россия активно сотрудничает с международ-

ными организациями и странами в расследовании дел, связанных с массовыми преступлениями, Такое соучастие предусматривает взаимодействие с Международным уголовным трибуналом. Стоит также отметить, что механизмы и процедуры рассмотрения индивидуальной и коллективной ответственности на территории Российской Федерации регламентированы законодательству, которое подвижно и современно, согласно тем изменениям, которые происходят внутри страны.

Индивидуальная и коллективная ответственность за массовые преступления регламентируется несколькими нормативно-правовыми актами. Главным правовым регулятором в данной части является «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 12.06.1996 № 63-ФЗ, который и определяет все преступления и наказания за их совершение. Так, глава 29 УК РФ связана с экстремизмом, терроризмом и другими общественно опасными деяниями. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об организованной преступности» от 03.11.1995 устанавливаются меры по противодействию организованной преступности и предусматривает соизмеримую ответственность за участие в преступных организациях (формированиях). Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция) регулирует меры по предотвращению и борьбе с террористической деятельностью. Кроме этого, дает определение экстремизму и устанавливает ответственность за его совершение Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция), а также предусматривает меры по противодействию экстремистской деятельности. За установление полномочий и функций прокуратуры в области борьбы с преступностью, включая массовые преступления отвечает Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 (последняя редакция). Авторы предоставляют не исчерпывающий список законов, которые регулируют ответственность за массовые преступления на территории Российской Федерации, но они, так или иначе, определяют ответственность за рассматриваемые преступления. [1, 2, 3, 4, 5]. Кроме этого, на наш взгляд, при установлении ответственности не исключается и такая ответственность, как административная, проблематика по которой ранее исследовалась авторами в различных юридических публикациях [10, 11, 12, 13].

Проблема индивидуальной и коллективной ответственности за массовые преступления требует комплексного подхода и является достаточно сложной. Обосновывается это во-первых, с правовой точки зрения тем, Российская Федерация должна иметь эффективные законы и справедливые наказания, которые в полной мере и эффективно соизмеряют массовые преступления с санкционными мерами. Именно поэтому, думается, необходимо установить жесткие санкционные меры с целью обеспечения их последовательного при-

менения. Во-вторых, максимально важно предотвращать массовые преступления путем активного мониторинга и контроля через систему информирования, образования и просвещения, путем совершенствования различных программ по этике, морали и уровню социальной ответственности. С точки зрения экономического фактора, улучшение экономической ситуации способствует сокращению мотивации к преступлениям и снижению социального неравенства. В-третьих, совместное сотрудничество в данных направлениях государства и населения будет способствовать предотвращению не только правонарушений, но и в особенности сокращению числа массовых преступлений. В-четвертых, необходимо укреплять систему правосудия для стимулирования справедливого и эффективного расследования, и организации процесса судебного преследования массовых преступлений, что позволит включить в себя повышение компетентности судебных и правоохранительных органов. Таким образом, соблюдение всех перечисленных мер поможет справиться с проблемой массовых преступлений в Российской Федерации. Однако, решение этой проблемы организация консенсуса в комплексном подходе требует согласованных усилий со стороны компетентных органов, общества и граждан.

Национальные подходы к рассмотрению индивидуальной и коллективной ответственности за массовые преступления абсолютно различны в разных странах. Однако, при анализе выделяются их наиболее общие черты. Что касается индивидуальной ответственности, большинство стран старается придерживаться принципа ответственности за свои собственные действия. Коллективная ответственность обладает и различными подходами. В некоторых государствах существуют механизмы, которые позволяют привлекать к ответственности группы и организации за массовые преступления, даже если конкретные преступники не идентифицированы. Данный опыт является полезным для его изучения и решения вопроса о том, следует ли его применять на российской территории.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 12.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] URL: consultant.ru (Дата: 10.09.2024)
2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об организованной преступности» от 03.11.1995 [Электронный ресурс] URL: consultant.ru (Дата: 20.09.2024)
3. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: consultant.ru (Дата: 12.08.2024)
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: consultant.ru (Дата: 22.09.2024)

5. «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: consultant.ru (Дата: 10.09.2024)
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Парог. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 624 с. – ISBN 978-5-392-21098-5. – URL: <http://ebs.prospekt.org/book/32769> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая и особенная части: учебник для академического бакалавриата / В.В. Сверчков. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 603 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-09648-4. – URL: <https://urait.ru/bcode/428274> (дата обращения: 21.09.2024).
8. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / А.В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 410 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-04853-7. – URL: <https://urait.ru/bcode/437789> (дата обращения: 21.09.2024).
9. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата / А.В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 499 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-04855-1. – URL: <https://urait.ru/bcode/438660> (дата обращения: 21.09.2024).
10. Лозовицкая, Г.П. Современные проблемы соотношения административного права и административного процесса / Г.П. Лозовицкая // Научные труды Российской таможенной академии, Москва, 25 ноября 2022 года. – Москва: Российская таможенная академия, 2022. – С. 231–233. – EDN MJZOCL.
11. Краевская, А.Г. Постпроблема наказания: реабилитация или ретрибуция? / А.Г. Краевская, Г.П. Лозовицкая // Ломоносовские чтения. актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сборник статей X Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 октября 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 42–45. – EDN JEUXKB.
12. Краевская, А.Г. Административное судопроизводство: истоки и перспективы рассмотрения административных дел с использованием ИТ-технологий / А.Г. Краевская, Г.П. Лозовицкая // International Law Journal. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 64–70. – EDN JRWKJQ.
13. Лозовицкая, Г.П. Квалификация преступных деяний при конкуренции уголовно-правовых норм и современные вопросы криминализа-

ции / Г.П. Лозовицкая, Н.Н. Лапунина // Альманах мировой науки. – 2016. – № 3–2(6). – С. 121–124. – EDN VUZQZH.

INDIVIDUAL AND COLLECTIVE RESPONSIBILITY FOR MASS CRIMES: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND NATIONAL APPROACHES

Lozovitskaya G.P., Kraevskaya A.G.
Plekhanov Russian University of Economics

The scientific work examines individual and collective responsibility through the prism of criminal law within the framework of Russian international law. The problems of collective responsibility for mass crimes are analyzed, ways to solve problems and ways to improve measures by the state to improve the work of law enforcement agencies are identified. Attention is paid to national approaches to considering individual and collective responsibility for mass crimes.

Keywords: criminal law, international law, collective responsibility, individual responsibility, crime, offense, responsibility, legislation.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation” of 12.06.1996 No. 63-FZ [Electronic resource] URL: consultant.ru (Date: 10.09.2024)
2. Resolution of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation “On Organized Crime” of 03.11.1995 [Electronic resource] URL: consultant.ru (Date: 20.09.2024)
3. Federal Law “On Counteracting Terrorism” of 06.03.2006 No. 35-FZ (latest revision) [Electronic resource] URL: consultant.ru (Date: 12.08.2024)
4. Federal Law “On Operational Investigative Activities” of 12.08.1995 No. 144-FZ (latest revision) [Electronic resource] URL: consultant.ru (Date: 09/22/2024)
5. “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” dated 01/17/1992 No. 2202–1 (latest revision) [Electronic resource] URL: consultant.ru (Date: 09/10/2024)
6. Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook for bachelor-laurels / ed. A.I. Rarog. – 2nd ed., revised. and additional. – Moscow: Prospect, 2016. – 624 p. – ISBN 978-5-392-21098-5. – URL: <http://ebs.prospekt.org/book/32769> (date of access: 08/15/2024).
7. Sverchkov, V.V. Criminal law. General and special parts: a textbook for the academic bachelor’s degree / V.V. Sverchkov. – 7th ed., revised. and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2019. – 603 p. – (Bachelor. Academic course). – ISBN 978-5-534-09648-4. – URL: <https://urait.ru/bcode/428274> (date of access: 09/21/2024).
8. Criminal law in 2 volumes. Volume 1. General part: a textbook for the academic bachelor’s degree / A.V. Naumov [et al.]; editor-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. – 5th ed., revised. and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2019. – 410 p. – (Bachelor’s. Academic course). – ISBN 978-5-534-04853-7. – URL: <https://urait.ru/bcode/437789> (date of access: 09/21/2024).
9. Criminal law in 2 volumes. Volume 2. Special part: textbook for the academic bachelor’s degree / A.V. Naumov [et al.]; editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. – 5th ed., revised. and additional. – Moscow: Yurait Publishing House, 2019. – 499 p. – (Bachelor’s. Academic course). – ISBN 978-5-534-04855-1. – URL: <https://urait.ru/bcode/438660> (date of access: 21.09.2024).
10. Lozovitskaya, G.P. Modern problems of the relationship between administrative law and administrative process / G.P. Lozovitskaya // Scientific works of the Russian Customs Academy, Moscow, November 25, 2022. – Moscow: Russian Customs Academy, 2022. – Pp. 231–233. – EDN MJZOCL.
11. Kraevskaya, A.G. Post-problem of punishment: rehabilitation or retribution? / A.G. Kraevskaya, G.P. Lozovitskaya // LOMONOSOV READINGS. Current ISSUES OF FUNDAMENTAL and APPLIED research: collection of articles from the X International scientific and practical conference, Petrozavodsk, October 02, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. – P. 42–45. – EDN JEUXKB.
12. Kraevskaya, A.G. Administrative proceedings: origins and prospects for considering administrative cases using IT technologies / A.G. Kraevskaya, G.P. Lozovitskaya // International Law Journal. – 2023. – Vol. 6, No. 4. – P. 64–70. – EDN JRWKJQ.
13. Lozovitskaya, G.P. Qualification of criminal acts in the context of competition between criminal law norms and modern issues of criminalization / G.P. Lozovitskaya, N.N. Lapupina // Almanac of world science. – 2016. – No. 3–2(6). – P. 121–124. – EDN VUZQZH.

Административно-правовое регулирование социального страхования от безработицы в странах БРИКС

Овсепян Рубен Робертович,

соискатель, директор Центра карьеры и развития компетенций Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: rub.ovsepyan@yandex.ru

В настоящее время для законодательства большинства стран БРИКС характерна тенденция регулирования страхования от безработицы (за исключением России и Эфиопии), ввиду чего большое значение придается регламентации управленческой деятельности государственных органов и фондов страхования от безработицы, а также иных организаций в данной сфере, которые создаются и контролируются государством. Анализируются законодательства стран БРИКС, выявляются проблемы, связанные с темой исследования, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: БРИКС, безработица, органы государственной власти, страхование.

Анализ законодательств стран БРИКС позволяет констатировать наличие четырёх моделей правового регулирования управленческой деятельности в области страхования безработицы:

- модели, для которой страхование от безработицы является интегрированным компонентом системы экономического развития (Бразилия);
- модели, для которой характерна наличие государственного фонда, подчиненного правительству, который занимается всеми вопросами социального страхования, в том числе и социальным страхованием от безработицы (например, Бразилия, Индия);
- модели, подразумевающей функционирование отдельного фонда страхования от безработицы, в полномочия которого входят исключительно вопросы, связанные с финансовым обеспечением на случай безработицы (например, Китай, ЮАР);
- модели создания Министерством труда страхового пула, занимающегося вопросами страхования от безработицы (ОАЭ).

Кроме того, правовое регулирование управления в сфере социального страхования от безработицы можно классифицировать и по степени воздействия государства в данной области – от жесткого, императивного регулирования (Китай, Иран, Египет) до либерального, децентрализованного регулирования (например, Бразилия, Индия, ЮАР, ОАЭ).

Проанализируем каждую модель правового регулирования управленческой деятельности в сфере страхования от безработицы более детально.

В Бразилии функционирует Фонд поддержки работников (Fundo de Amparo ao Trabalhador – FAT), который был создан на основании Закона № 7998 от 11 января 1990 года о регулировании программы страхования по безработице и о учреждении Фонда поддержки работников (FAT)¹.

Фонд поддержки работников (FAT) представляет собой специальный фонд бухгалтерско-финансового характера, связанный с Министерством труда (MTb), предназначенный для финансирования программы страхования по безработице, выходного пособия и финансирования программ экономического развития.

Руководящим органом этого Фонда является Советательный совет Фонда поддержки работников (CODEFAT).

¹ Legislação Informatizada – LEI Nº 7.998, DE 11 DE JANEIRO DE 1990 – Publicação Original. <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/1990/lei-7998-11-janeiro-1990-366029-publicacaooriginal-1-pl.html>

Основным источником ресурсов Фонда являются взносы в Программу социальной интеграции – PIS, созданную Законом № 7 от 7 сентября 1970 г.¹, и в Программу формирования накоплений государственных служащих – PASEP, учрежденную Законом № 08 от 3 декабря 1970 года².

С момента вступления в силу Федеральной конституции 5 октября 1988 г. и в соответствии с ее положениями (ст. 239), ресурсы от сбора взносов в PIS и PASEP были направлены на финансирование Программы страхования по безработице, Пособия по заработной плате и, по крайней мере, сорок процентов, на финансирование программ экономического развития, причем ответственность за последнее возлагается на Национальный банк экономического и социального развития – БНДЭС.

Совещательный совет Фонда поддержки работников (CODEFAT) – это коллегиальный, трехсторонний и равноправный орган, состоящий из представителей работников, работодателей и правительства, который действует как управляющий FAT.

Среди наиболее важных функций органа – разработка руководящих принципов для программ и распределения ресурсов, мониторинг и оценка их социального воздействия, а также предложения по совершенствованию законодательства, касающегося политики. Не менее важна роль, которую он играет в общественном контроле за выполнением этой политики, что включает в себя полномочия по анализу счетов Фонда, отчетов исполнителей поддерживаемых программ, а также надзор за администрированием FAT.

Советы по труду, занятости и доходам (СТЕР), созданные на уровне штата, федерального округа и муниципалитета, с той же институциональной структурой, что и CODEFAT (постоянный, совещательный, трехсторонний и равный), эффективно участвуют в реализации государственной политики занятости. Эти советы адаптируют политику к местному рынку труда, руководят ее исполнением и осуществляют социальный контроль, что повышает чувствительность исполнителей к требованиям своей аудитории.

Основные действия по трудоустройству, финансируемые за счет ресурсов FAT, структурированы вокруг двух программ: Программы страхования по безработице (с действиями по выплате пособий по страхованию от безработицы, профессиональной квалификации и переквалификации, а также рекомендаций и посредничества в трудоустройстве) и Программ занятости и создания доходов, ресурсы которых распределяются через специальные депозиты, созданные Законом № 8352 от 28 декабря, включая Национальную программу укрепления семейного сельского хозяйства – ПРО-НАФ.

¹ Lei complementar n 7, de 7 de setembro de 1970. https://www.camara.leg.br/proposicoesWeb/prop_mostrarintegra?codteor=792380&filename=LegislacaoCitada%20PL%207681/2010

² lei complementar n 8, de 3 de dezembro de 1970. https://www.camara.leg.br/proposicoesWeb/prop_mostrarintegra?codteor=204752

Программы занятости и создания доходов – в основном нацеленные на микро- и малых предпринимателей, кооперативы и неформальный сектор экономики – сочетают кредит и обучение для создания рабочих мест и доходов. Внебюджетные ресурсы FAT депонируются в официальных федеральных учреждениях, которые действуют в качестве финансовых агентов программ (Banco do Brasil S/A – BB, Banco do Nordeste S/A – BNB, Caixa Econômica Federal – CAIXA, Banco da Amazônia – BASA, Банк экономического и социального развития – БНДЭС и финансист исследований и проектов – ФИНАЭП).

Помимо программ для микро- и малых предпринимателей, FAT финансирует программы, направленные на стратегические отрасли, входящие в сферу действия Конституционного FAT (такие как общественный транспорт, туристическая инфраструктура, инфраструктурные работы, направленные на повышение конкурентоспособности страны), имеющие основополагающее значение для устойчивое развитие и улучшение качества жизни работников.

Программа страхования по безработице отвечает за основу политики занятости:

Пособие по страхованию от безработицы – предоставляет временную финансовую помощь безработным в связи с несправедливым увольнением; Посредничество в сфере труда – направлено на замену работников на рынке труда гибким и недорогим способом, сокращая затраты и время ожидания для работников и работодателей;

Социальная и профессиональная квалификация (через Qualifica Brasil) – направлена на социальную и профессиональную квалификацию работников, сертификацию и ориентацию бразильских работников, с приоритетом для людей, подвергающихся дискриминации на рынке труда из-за гендерных проблем, расы/этнической принадлежности, возрастной группы и/или образование.

Действия Программы страхования по безработице осуществляются, как правило, децентрализованно, через Национальную систему занятости – SINE, посредством межфондовых переводов (Закон № 13667 от 17.05.2018), субъектов, нанятых штатами, муниципалитетами и консорциумы муниципалитетов, а также другие субъекты, заключившие договоры непосредственно с МТЕ, при участии местных СТЕР.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Фонд поддержки работников – это институциональная структура, цель которой – гарантировать реализацию государственной политики занятости и доходов на децентрализованной и коллективной основе. Это позволяет сблизить исполнителя действий и гражданина, который от них получит выгоду, и дает этому гражданину возможность участвовать и осуществлять контроль по соответствующим каналам.

Страхование по безработице в Индии, более известное как Rajiv Gandhi Shramik Kalyan Yojana, запущенное Корпорацией государственного стра-

хования работников (ESIC), является мерой социального обеспечения, призванной оказывать финансовую помощь работникам, потерявшим работу не по своей воле. Названная в честь бывшего премьер-министра Раджива Ганди, эта схема направлена на смягчение финансовых трудностей, с которыми сталкиваются безработные работники и их семьи.

Для того, чтобы иметь право на получение пособий в рамках RGSKY, работники должны соответствовать определенным критериям:

- Работник должен был проработать в организации, на которую распространяется программа государственного страхования сотрудников (ESI), не менее двух лет до потери работы.
- Работник должен был вносить взносы в программу ESI не менее 78 дней в течение каждого из четырех последовательных периодов взносов, непосредственно предшествующих дате безработицы.
- Потеря работы должна быть недобровольной, то есть работник должен быть уволен или уволен по причинам, не зависящим от него. Добровольное увольнение или увольнение из-за проступка не подпадают под это определение.
- В случае безработицы по причине состояния здоровья работник должен предоставить медицинскую справку, подтверждающую заболевание или травму, которые привели к потере работы.
- Чтобы иметь право на пособие, работник должен быть непрерывно безработным в течение как минимум одного месяца.

Преимущества. RGSKY предлагает ряд льгот, направленных на финансовую поддержку и содействие повторному трудоустройству:

- Работники, имеющие право на пособие, получают ежемесячное пособие по безработице в течение максимального периода в 24 месяца. Это пособие рассчитывается как процент от средней дневной заработной платы, полученной работником в течение последних четырех периодов взносов. Обычно пособие устанавливается в размере 50 процентов от средней дневной заработной платы в течение первых 12 месяцев и 25 процентов в течение оставшихся 12 месяцев.
- В период безработицы работники и их иждивенцы продолжают получать медицинские льготы по программе ESI. Это включает доступ к амбулаторной и стационарной медицинской помощи, гарантируя, что проблемы со здоровьем не усугубят финансовое бремя безработицы.
- Схема также предоставляет возможности для профессионального обучения, чтобы помочь безработным приобрести новые навыки или усовершенствоваться имеющиеся. Это обучение направлено на повышение их трудоустраиваемости и облегчение повторного выхода на рынок труда. Расходы на такое обучение несет ESIC.
- Иждивенцы безработного продолжают получать семейные пособия, включая пособия по бе-

ременности и родам, в соответствии со схемой ESI.

- RGSKY включает положения об услугах по трудоустройству, помогая работникам находить новые возможности трудоустройства. Эти услуги включают ярмарки вакансий, кампании по трудоустройству и сеансы карьерного консультирования.

Принятие парламентом Закона о государственном страховании работников 1948 года (Закон ESI)¹ стало первым крупным законодательным актом о социальном обеспечении для работников в независимой Индии. Это было время, когда отрасль все еще находилась в зачаточном состоянии, и страна сильно зависела от ассортимента импортных товаров из развитых или быстро развивающихся стран. Использование рабочей силы в производственных процессах ограничивалось несколькими избранными отраслями, такими как джутовая, текстильная, химическая и т.д. Законодательство о создании и развитии надежной многомерной системы социального обеспечения, когда экономика страны находилась в очень зачаточном состоянии, было, очевидно, замечательным жестом в направлении социально-экономического улучшения рабочего класса, хотя и ограниченным по численности и географическому распределению. Тем не менее, Индия, таким образом, заняла лидирующее положение в предоставлении организованной социальной защиты рабочему классу посредством законодательных положений.

Закон ESI 1948 года охватывает определенные связанные со здоровьем обстоятельства, которым обычно подвергаются работники; такие как болезнь, материнство, временная или постоянная нетрудоспособность, профессиональное заболевание или смерть из-за производственной травмы, приводящие к потере заработной платы или трудоспособности – полной или частичной. Положения о социальном обеспечении, предусмотренные в Законе для уравнивания или нейтрализации возникающих физических или финансовых страданий в таких непредвиденных обстоятельствах направлены на поддержание человеческого достоинства во времена кризисов посредством защиты от лишений, нищеты и социальной деградации, одновременно позволяют обществу сохранять и преемственность социально полезной и производительной рабочей силы.

Эта схема была введена в Канпуре 24 февраля 1952 года (День ESIC) тогдашним премьер-министром Пандитом Джавахарлалом Неру.

В ЮАР социальное страхование от безработицы осуществляется на основании Закона «О страховании от безработицы»².

Целью этого Закона является создание Фонда страхования от безработицы (Unemployment Insurance Fund), в который работодатели и работники

¹ The Employees State Insurance Act, 1948. https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1441?view_type=browse

² Unemployment Insurance Act 63 of 2001. <https://www.gov.za/documents/unemployment-insurance-act>

вносят взносы и из которого работники, ставшие безработными, или их бенефициары, в зависимости от обстоятельств, имеют право на получение пособий для того чтобы смягчить пагубные экономические и социальные последствия безработицы.

Фонд формируется из:

- взносов, вносимых работодателями и работниками и собираемых Комиссаром Южноафриканской налоговой службы в соответствии с Законом о взносах на страхование по безработице;
- взносов, вносимых работодателями и работниками и собираемых Комиссаром в соответствии с Законом о взносах на страхование по безработице;
- денежных средств, ассигнованных парламентом;
- любых штрафов и санкции, налагаемых в соответствии с Законом, за исключением случаев, когда это предусмотрено судом;
- процентов или доходов от инвестиций, полученных Фондом;
- денежных средств, ошибочно уплаченные в Фонд, которые, по мнению Генерального директора, не могут быть возвращены;
- завещаний или пожертвований, полученных Фондом;
- движимого или недвижимого имущества, купленного или иным образом приобретенного Фондом; и
- любых другие денежные средства, на которые Фонд может иметь право.

Средства Фонда используются для:

- выплаты пособий в соответствии с Законом;
- возмещения излишне уплаченных взносов работодателям;
- вознаграждения членам Совета по страхованию по безработице и его комитетов;
- финансирование сохранения занятости лиц, вносящих взносы, и повторного выхода лиц, вносящих взносы, на рынок труда, а также любые другие схемы, направленные на уязвимых работников.

Отметим и то, что для управления страхованием от безработицы Министр труда также создает и Совет по страхованию на случай безработицы.

Совет должен консультировать министра по вопросам:

- страхования от безработицы;
- политики, вытекающей из применения Закона;
- политика минимизации безработицы;
- создания схем по смягчению последствий безработицы;
- давать рекомендации Министру по внесению изменений в законодательство в той мере, в какой это влияет на политику в отношении безработицы или политику в отношении страхования по безработице; и
- выполнять любые другие функции, которые могут быть запрошены Министром в целях реализации Закона.

Совет по страхованию по безработице состоит из:

(а) председателя, имеющего совещательный голос в дополнение к решающему голосу и назначаемого министром;

(б) двенадцати членов с правом голоса, назначаемых министром; и

(с) Комиссара, имеющий право голоса.

Из этих членов:

(а) три члена должны быть представителями профсоюзов;

(б) три члена должны быть представителя бизнеса;

(с) три члена должны быть назначены для представления организаций, представляющих интересы сообщества и развития; и

(д) три члена должны быть назначены министром для представления интересов государства.

В Объединённых Арабских Эмиратах в 2022 году была введена система страхования от безработицы на основе Федерального закона № 13 от 2022 г. о системе страхования по безработице¹.

В соответствии с положениями этого закона в государстве учреждается система страхования по безработице, которая обеспечивает ограниченное денежное пособие застрахованному в случае его безработицы. По предложению министра Кабинет министров ОАЭ разрабатывается процесс, функции и применение данной системы.

Для получения права на компенсацию застрахованное лицо должно соответствовать следующим условиям:

Минимальный период работы для застрахованного лица в рамках этой схемы должен составлять (12) двенадцать последовательных месяцев.

Застрахованное лицо не должно быть уволено по дисциплинарным причинам в соответствии с Законом о трудовых отношениях и Законом о кадровых ресурсах федерального правительства.

Застрахованный не имеет права на компенсацию, если имело место мошенничество или обман или если учреждение, в котором он/она работает, является фиктивным. Если возникает такая ситуация, учреждение и застрахованный подлежат штрафам и санкциям, предусмотренным в Законе о регулировании трудовых отношений и любом применимом законодательстве.

В течение периода действия права на компенсацию выплата компенсации прекращается, если работник / служащий принимается на работу другим работодателем.

Ежемесячная компенсация в размере 60 процентов от заработной платы выплачивается в течение трех месяцев с даты потери работы, но не более 20 000 дирхамов (двадцати тысяч дирхамов).

Для каждого требования предусмотрен компенсационный период продолжительностью 3 месяца при условии, что период покрытия не превышает

¹ Federal Decree-Law No. 13 of 2022 Concerning Unemployment Insurance Scheme. <https://thelawreporters.com/law-details/federal-decree-law-no-13-of-2022-concerning-unemployment-insurance-scheme/#>

Фонд чрезвычайных субсидий для работников имеет публичную правосубъектность и является филиалом Министерства рабочей силы и иммиграции. Фонд создается для предоставления субсидий работникам, чья заработная плата перестает выплачиваться на предприятиях, которые полностью или частично закрыты.

В полномочия Фонда входит:

1. Разработка общей политики по борьбе с закрытием предприятий или сокращением объемов их производства.

2. Координация с органами власти, занимающимися вопросами труда и трудящихся.

3. Выплата субсидии работникам, чья заработная плата перестает выплачиваться.

4. Подготовка информационной базы деятельности Фонда.

Средства Фонда формируются за счет:

1. Отчислений работодателей.

2. Субсидий, пожертвований принимаемых Советом директоров Фонда в соответствии с правилами, установленными исполнительным регламентом.

3. Штрафов, налагаемых за нарушение положений закона.

4. Денежных средств от инвестирования.

Фонд имеет специальный счет в одном из коммерческих банков, аккредитованных ЦБ.

Фонд ежегодно готовит отчетность, отражающую его финансовое положение.

Его средства подлежат надзору Центральной ревизионной организации.

Совет директоров Фонда формируется в следующем составе:

Министр рабочей силы и иммиграции, председатель.

Члены, представляющие организации работодателей, выбранные этими организациями.

Члены, представляющие Всеобщую федерацию профсоюзов Египта, выбираются Федерацией.

Решение о формировании Совета директоров Фонда и определении количества его членов принимается Премьер-министром.

Уставные документы определяют систему работы Фонда, систему сбора его средств, правила и процедуры в случаях предоставления субсидий, их размер и продолжительность, контроль за их выплатой и прекращением, систему бухгалтерского учета, которой необходимо следовать, а также система контроля за средствами Фонда.

В Иране страхование от безработицы регулируется Законом о страховании от безработицы от 1990 года¹, в котором, в частности, указывается, что работодатели обязаны представлять список

8% AA-%D8%B4%D9%8A%D9%83%D8%A7%D8%AA-%D8%B5%D9%86%D8%AF%D9%88%D9%82-%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D9%86%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B7%D9%88%D8%A7%D8%B1%D9%89%D8%A1-%D9%84%D9%84%D8%B9%D9%85%D8%A7%D9%84/

¹The Unemployment Insurance Law Ratified on 1369/6/26 (September 1990). <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/72341/IRN72341.pdf>

вакансий в региональные центры службы занятости по согласованию с Исламскими советами или представителями работников.

Правительство обязано предусматривать в годовом бюджете определенные проекты, способствующие повышению занятости, и реализовывать их самостоятельно или через совместные предприятия или частные предприятия, находящиеся под надзором Министерства труда и социальной защиты

Эти проекты финансируются через банковскую систему, кредитные ресурсы организаций социального обеспечения и беспроцентные кредитные займы.

Организации технического и профессионального обучения Министерства труда и социальных дел обязаны наряду с выполнением Закона о страховании по безработице, обеспечивать безработных надлежащей подготовкой, соответствующей текущему рынку труда. Такое обучение включает переподготовку и повышение квалификации работников, получающих пособия по безработице.

Таким образом, анализ законодательства стран БРИКС о страховании от безработицы позволяет сделать вывод о наличии общих черт в правовом регулировании управления в данной сфере, что может служить основой для дальнейшего сближения законодательств этих государств в рамках БРИКС.

Литература

1. Закон Бразилии № 7998 от 11 января 1990 года о регулировании программы страхования по безработице и о учреждении Фонда поддержки работников (FAT);
2. Закон Индии о государственном страховании работников 1948 года (Закон ESI);
3. Закон ЮАР «О страховании от безработицы» 2001 года;
4. Федеральный закон ОАЭ № 13 от 2022 г. о системе страхования по безработице;
5. Постановление Министра труда ОАЭ № 604 от 2022 года о схеме страхования от безработицы;
6. Постановление Государственного совета КНР о страховании по безработице от 22 января 1999 г.;
7. Закон Египта № 156 от 2002 года о создании Фонда чрезвычайных пособий работникам;
8. Закон Ирана о страховании от безработицы от 1990 года.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF SOCIAL INSURANCE AGAINST UNEMPLOYMENT IN THE BRICS COUNTRIES

Ovsepyan R.R.

Career and Competency Development Center of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Currently, the legislation of most BRICS countries is characterized by a tendency to regulate unemployment insurance (with the exception of Russia and Ethiopia), which is why great importance is attached to regulating the management activities of public authorities

and unemployment insurance funds, as well as other organizations in this field that are created and controlled by the state. The legislation of the BRICS countries is analyzed, problems related to the research topic are identified, and ways to solve them are proposed.

Keywords: BRICS, unemployment, public authorities, insurance.

References

1. Brazilian Law No. 7998 of 11 January 1990 on the Regulation of the Unemployment Insurance Scheme and the Establishment of the Employees' Assistance Fund (FAT);
2. Indian Employees' State Insurance Act, 1948 (ESI Act);
3. South African Unemployment Insurance Act, 2001;
4. UAE Federal Law No. 13 of 2022 on the Unemployment Insurance Scheme;
5. UAE Minister of Labour Regulation No. 604 of 2022 on the Unemployment Insurance Scheme;
6. Chinese State Council Regulation on Unemployment Insurance of 22 January 1999;
7. Egyptian Law No. 156 of 2002 on the Establishment of the Employees' Emergency Benefits Fund;
8. Iran Unemployment Insurance Law of 1990.